ТРУДЫ VII (XXIII) ВСЕРОССИЙСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО СЪЕЗДА

Том I

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ РАН
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ СО РАН
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН
СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ТРУДЫ VII (XXIII) ВСЕРОССИЙСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО СЪЕЗДА

В трех томах

Том I

Красноярск, 6–10 октября 2025 г.

Красноярск
СФУ
2025

УДК 902(066)
ББК 63.4
Т782

Ответственные редакторы:
академик РАН А. П. Деревянко,
академик РАН Н. А. Макаров,
профессор РАН А. В. Поляков,
доктор исторических наук П. В. Мандрыка

Редакционная коллегия:
Е. В. Акимова, О. М. Аношко, А. Е. Арефьев, Л. А. Беляев, К. В. Бирюлева, А. П. Бородовский, А. П. Бужилова, Ст. А. Васильев, М. В. Вдовенкова, А. С. Вдовин, Д. А. Виноградов, А. М. Воронцов, А. А. Выборнов, И. О. Гавритухин, П. Г. Гайдуков, О. Н. Глазунова, И. С. Гнездилова, О. С. Громоздова, А. В. Дедик, М. В. Добровольская, Е. Н. Дубовцева, И. И. Елкина, А. В. Епимахов, А. Р. Канторович, М. Т. Кашуба, О. С. Комарова, Д. С. Коробов, Л. В. Крапивина, А. А. Кудрявцев, В. Д. Кузнецов, В. С. Курмановский, Л. А. Максимович, А. А. Малышев, С. П. Нестеров, А. В. Сазанов, П. О. Сенотрусова, О. С. Советова, Л. В. Татаурова, А. А. Тишкин, Е. С. Ткач, Ю. Б. Цетлин, М. П. Черная, М. В. Шуньков, А. В. Энговатова

Т782 **Труды VII (XXIII) Всероссийского археологического съезда** : в 3 т. Т. I. Красноярск, 6–10 октября 2025 г. / отв. ред.: А. П. Деревянко, Н. А. Макаров, А. В. Поляков, П. В. Мандрыка. – Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2025. – 560 с.

ISBN 978-5-7638-5127-4 (т. I)
ISBN 978-5-7638-5126-7

Представлены материалы VII (XXIII) Всероссийского археологического съезда, состоявшегося в Красноярске в октябре 2025 г. В первом томе приведены тексты докладов пленарного заседания и секций, тематика которых включает проблемы становления и развития культурных традиций в каменном и бронзовом веках.

Издание предназначено для археологов, историков и специалистов смежных и естественно-научных дисциплин.

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен и иных сведений, а также за соблюдение законов об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов.

Электронный вариант издания
см.: http://catalog.sfu-kras.ru

УДК 902(066)
ББК 63.4

ISBN 978-5-7638-5127-4 (т. I)
ISBN 978-5-7638-5126-7

© Сибирский федеральный университет, 2025

Организаторы VII (XXIII) Всероссийского археологического съезда
(Красноярск, 6–10 октября 2025 г.)

СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ РАН
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ СО РАН
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН

Оргкомитет VII (XXIII) Всероссийского археологического съезда

Председатели:
М. М. Котюков – губернатор Красноярского края;
академик РАН *А. П. Деревянко* – научный руководитель ИАЭТ СО РАН;
академик РАН *Н. А. Макаров* – вице-президент РАН, директор ИА РАН;
профессор РАН *А. В. Поляков* – директор ИИМК РАН;
канд. филос. наук *М. В. Румянцев* – ректор СФУ

Заместители председателей:
чл.-корр. РАН *А. И. Кривошапкин* – директор ИАЭТ СО РАН;
чл.-корр. РАН *П. Г. Гайдуков* – заместитель директора ИА РАН;
канд. ист. наук *О. И. Богуславский* – заместитель директора
по научной работе ИИМК РАН;
канд. филос. наук *Р. А. Барышев* – проректор по научной работе СФУ

Члены оргкомитета:
академик РАН *Х. А. Амирханов*, академик РАН *А. П. Бужилова*,
академик РАН *Е. А. Ваганов*, академик РАН *Н. Н. Крадин*,
академик РАН *В. И. Молодин*, академик РАН *М. Б. Пиотровский*,
чл.-корр. РАН *Л. А. Беляев*, чл.-корр. РАН *М. В. Добровольская*,
чл.-корр. РАН *Н. В. Полосьмак*, чл.-корр. РАН *В. В. Седов*,
чл.-корр. РАН *Е. Н. Черных*, чл.-корр. РАН *М. В. Шуньков*,
д-р ист. наук *В. В. Бобров*, д-р ист. наук *С. А. Васильев*, д-р ист. наук *Н. И. Дроздов*,
д-р ист. наук *А. Р. Канторович*, профессор РАН *Д. С. Коробов*,
д-р ист. наук *В. В. Майко*, д-р ист. наук *П. В. Мандрыка*, д-р ист. наук *А. Г. Ситдиков*,
д-р ист. наук *А. А. Тишкин*, д-р ист. наук *Н. М. Чаиркина*,
канд. искусствоведения *М. В. Вдовиченко*, канд. ист. наук *М. С. Нестерова*,
канд. ист. наук *Е. С. Ткач*, канд. ист. наук *А. В. Энговатова*

Секретариат оргкомитета: канд. ист. наук *А. В. Дедик* (СФУ),
канд. ист. наук *Е. В. Суханов* (ИА РАН), *Е. Н. Бочарова* (ИАЭТ СО РАН),
В. Б. Трубникова (ИИМК РАН)

Организаторы

Институт археологии РАН

Институт археологии и этнографии СО РАН

Институт истории материальной культуры РАН

Сибирский федеральный университет

Соорганизаторы

СЛУЖБА ПО ГОСУДАРСТВЕННОЙ ОХРАНЕ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ

КРАСНОЯРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. В. П. АСТАФЬЕВА

При поддержке

Министерство образования и науки Российской Федерации

Партнеры

Культурно-исторический центр «УСПЕНСКИЙ»

Дивногорский художественный музей

ЕНИСЕЙСКИЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК

Енисейский историко-архитектурный музей-заповедник им. А. И. Кытманова

Музей археологии им. Е. С. Аннинского, обособленное подразделение Музейно-выставочного центра г. Железногорска

Красноярское отделение Русского географического общества

ИСТОРИЧЕСКИЙ КВАРТАЛ

ПСК ПроектСтройСервис
КРАСНОЯРСК

ГЕОРГ
СТРОИТЕЛЬНАЯ КОМПАНИЯ

Спонсоры

УПРАВЛЯЮЩАЯ КОМПАНИЯ «НОК ГРУПП»

НОВОАНГАРСКИЙ ОБОГАТИТЕЛЬНЫЙ КОМБИНАТ

СТРУКТУРА СБОРНИКА НАУЧНЫХ ТРУДОВ
VII (XXIII) ВСЕРОССИЙСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО СЪЕЗДА

Том I
Пленарные доклады
Становление и развитие культурных традиций в палеолите и мезолите
Культурные процессы в неолите и энеолите
Проблемы археологии бронзового века

Том II
Культурно-исторические процессы в раннем железном веке
Проблемы изучения переходного периода от древности к Средневековью
Античная археология Причерноморья и Северного Кавказа
Культурно-исторические процессы в Средневековье
Археологическое изучение средневековых городов и поселений
Археология Золотой Орды и средневекового Причерноморья
Кочевые культуры Южной Сибири и Центральной Азии

Том III
Археология позднего Средневековья – Нового времени
Проблемы изучения первобытного искусства
Междисциплинарные исследования в археологии
Антропологические и палеогеномные исследования в археологии
Компьютерные технологии и недеструктивные методы в археологических исследованиях
История и историография отечественной археологии
Сохранение и популяризация археологического наследия в России
Археология и музейное дело

СОДЕРЖАНИЕ

Приветственное слово М. М. Котюкова, губернатора Красноярского края….. 21

Приветственное слово П. Е. Гутенкова, руководителя службы по государственной охране объектов культурного наследия Красноярского края…..……... 23

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ…… 25

Деревянко А. П.
Денисовцы и новый сценарий филогенетической истории рода *Homo*……... 26

Крадин Н. Н.
Становление государственности на российском Дальнем Востоке по данным археологии…….. 34

Майко В. В.
Современные проблемы археологического изучения византийских городов восточного Крыма……..... 41

Макаров Н. А., Гайдуков П. Г., Седов Вл. В., Вдовиченко М. В.
Археология средневековой Руси: новое видение и осмысление……..… 44

Мандрыка П. В., Виноградов Д. А., Сенотрусова П. О.
Культурно-исторические области раннего железного века в южной части Средней Сибири: новые данные и перспективы изучения……..…… 51

Медникова М. Б.
Современные концепции антропогенеза……. 58

Молодин В. И., Пилипенко А. С.
Археология и палеогенетика: возможности и ограничения междисциплинарного изучения истории населения Сибири..…… 65

Поляков А. В., Лазаретов И. П., Килуновская М. Е., Садыков Т. Р.
Новейшие результаты работ ИИМК РАН в Сибири……..…… 74

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ В ПАЛЕОЛИТЕ И МЕЗОЛИТЕ……... 83

Акимова Е. В., Новосельцева В. М., Стасюк И. В., Горельченкова О. А., Мурашко А. В.
Многослойная позднепалеолитическая стоянка Афонтова гора V (Радищева): первые итоги полевого этапа изучения……... 84

Андреев К. М.
Некоторые итоги изучения мезолита лесостепного Поволжья…… 87

Анойкин А. А., Сосин П. М., Идрисов И. А., Курбанов Р. Н.
Средний палеолит Восточного Кавказа: новые данные…… 90

Ахметгалеева Н. Б.
Различия между стоянками быковской археологической
культуры верхнего палеолита…….. 93

Беляева Е. В., Щелинский В. Е.
Культурные традиции в раннеашельских индустриях Кавказского региона…….. 96

Бердникова Н. Е., Золотарев Д. П., Спасибко А. Б.
«Пирамидально-конические» кварцитовые нуклеусы в верхнем палеолите
Байкало-Енисейской Сибири……...… 99

Васильев С. А.
Палеолит Восточного Казахстана и Сибирь: по следам неопубликованной работы
С. Н. Астахова……..……. 101

Власенко Д. Е.
К вопросу о возникновении отщеповых индустрий
в верхнем палеолите Забайкалья…….. 103

Волокитин А. В., Волокитина Н. А.
Мезолит бассейна Печоры…….…...… 105

Вороненко О. В.
Белорусское Поднепровье в финале плейстоцена – начале голоцена:
проблемы культурогенеза……. 108

Гаврилов К. Н., Савельев Д. О.
Находки каменных изделий раннепалеолитического облика вокруг озера Чокрак
на Керченском полуострове Крыма……. 110

Гаврилов К. Н., Хлопачев Г. А.
Сунгирский погребальный комплекс:
проблема культурно-исторической атрибуции……..…… 113

Голованова Л. В., Дороничев В. Б.
Проблемы выделения культур в верхнем палеолите Кавказа……...…… 115

Грищенко В. А.
Этапы и особенности заселения островного мира
Северо-Восточной Азии на рубеже плейстоцена – голоцена (13–8 тыс. л. н.)…...… 118

Демаков Д. А., Лычагина Е. Л., Томилина Е. М.
Петрографический анализ каменного инвентаря с мезолитических памятников
Верхнего и Среднего Прикамья……... 120

Деревнина А. С., Когай С. А.
Финальный верхний палеолит Кузнецкой котловины
по материалам поселения Тайлеп-2……. 123

Деревнина А. С., Козликин М. Б.
Древнейшие леваллуазские острия в среднем палеолите Алтая……. 126

Дороничев В. Б., Голованова Л. В., Дороничева Е. В.
Культурная вариабельность популяций неандертальцев среднего палеолита на Кавказе…… 129

Дороничева Е. В.
Неандертальцы на Северном Кавказе в свете новейших исследований…….. 132

Еськова Д. К., Лев С. Ю.
Процесс обучения расщеплению камня в рамках костенковско-авдеевской технологической традиции (по материалам стоянки Зарайск В)…… 134

Желтова М. Н.
Краски равнинных палеолитических стоянок…… 136

Жилин М. Г., Симоненко А. А.
Стоянка Замиль-Коба 3 – новый памятник мезолита Горного Крыма…… 139

Зенин В. Н.
Индустрия стоянки Волчья грива: культурный феномен в палеолите Западно-Сибирской равнины……...…… 141

Золотарев Д. П., Бердникова Н. Е.
Юбецоидные техники среднего и позднего этапов верхнего палеолита Байкало-Енисейской Сибири: хронология, характеристики, вариации……... 144

Зольников И. Д., Анойкин А. А., Филатов Е. А., Выборнов А. В.
Закономерности пространственной локализации памятников палеолита на территории Западной Сибири……..…… 147

Иванов Я. Д., Смолкина В. С., Куприянова М. Д.
Интерпретация морфологических особенностей среднепалеолитических индустрий Северо-Восточного Приазовья (на основании трасологического анализа коллекций Рожок I и Носово I)……..…… 149

Кандыба А. В.
Поздний палеолит Вьетнама……...…..…… 152

Козликин М. Б.
Среднепалеолитическая последовательность Денисовой пещеры……... 154

Колесник А. В.
Культурная таксономия среднего палеолита Донбасса, Северо-Восточного Приазовья и Нижнего Дона…… 156

Константинов А. В.
Планиграфический анализ очажного комплекса культурного слоя 17 поселения Усть-Менза 2 в Забайкалье……... 159

Константинов М. В.
Древние многослойные поселения Забайкалья…….. 161

Корнева Т. В.
Планиграфическое распределение находок и реконструкция производственной деятельности на позднепалеолитической стоянке Ирба 2…… 164

Кузнецов А. М.
К вопросу о возрасте палеолита «ангарских гор» (по материалам комплекса Горы Глиняной)……... 167

Кулаков С. А.
Индустрия стоянки Богатыри/Синяя Балка: пример технической адаптации…… 169

Куприянова М. Д.
Обработка и использование кости в среднем палеолите Восточной Европы……. 172

Курбанов Р. Н., Идрисов И. А., Сосин П. М., Павленок К. К., Рыбалко А. Г., Худжагельдиев Т. У., Кулакова Е. П., Кулаков С. А., Очередной А. К., Зейналов А. А., Таймагамбетов Ж. К., Анойкин А. А.
Новые данные о возрасте стоянок ашельского времени на Кавказе и в Центральной Азии…….. 175

Лада А. Р., Пугачева Е. В., Очередной А. К., Степанова К. Н.
Новые возможности применения геометрической морфометрии в анализе каменных артефактов…… 177

Лев С. Ю.
Некоторые итоги работ на Зарайской стоянке……... 179

Левченко М. Т.
Концепция «восточного микока» в трудах В. Н. Гладилина…… 182

Липнина Е. А., Лохов Д. Н.
Артефакты-манупорты со следами эоловой корразии в составе ансамблей каменного инвентаря многослойного местонахождения Мальта-Мост 3……... 185

Лисицын С. Н.
Костёнки в интервале между ранним и средним этапом верхнего палеолита – хиатус или лакуна источниковедения……. 187

Лукинцева В. А., Косорукова Н. В., Гринина Т. С.
Изделия из рога с мезолитического торфяникового памятника Погостище 15 (бассейн озера Воже)……. 190

Макаров С. С., Резвый А. С.
О возможности выявления новых памятников позднего этапа верхнего палеолита на пойменных участках Нижней Оби…….. 193

Михиенко В. А., Белоусова Н. Е., Вишневский А. В.
Производство бифасов в верхнем палеолите Горного Алтая (материалы Ануйской долины)…… 196

Мороз П. В.
Палеолитическая стоянка Сахюрта-1 как пример использования вулканического кремня и яшмы до распространения микротехники в Забайкалье…….. 198

Новосельцева В. М., Горельченкова О. А., Стасюк И. В.
Раннесартанские комплексы стоянки Афонтова Гора V…..…… 201

Ожерельев Д. В.
Ранний верхний палеолит предгорной зоны Северного Тянь-Шаня (Казахстан)….. 203

Очередной А. К.
К вопросу о распространении индустрий микока/KMG на евразийском пространстве…….…….. 206

Павленок Г. Д., Бочарова Е. Н., Таймагамбетов Ж. К., Анойкин А. А.
Развитый верхний палеолит в Восточном Казахстане (по материалам стоянки Ушбулак)…… 209

Павленок Г. Д., Кожевникова Д. В., Зоткина Л. В.
Инструментарий для изготовления персональных украшений в селенгинской культуре Западного Забайкалья: метрический анализ……... 211

Павленок К. К., Павленок Г. Д., Когай С. А., Курбанов Р. Н.
Культурная мозаика среднего палеолита Восточного Узбекистана…… 213

Питулько В. В.
Судьба наследия: массовые концентрации костных остатков мамонтов как археологический объект……. 216

Постнов А. В., Вергунов Е. Г.
Планиграфический анализ культурных слоев на стоянке Усть-Каракол-1 в Горном Алтае…….. 219

Разгильдеева И. И.
Исследования планиграфии комплексов палеолитических стоянок Афонтовой горы г. Красноярска: подходы и перспективы……... 221

Рыбалко А. Г.
Каменные индустрии раннего этапа среднего палеолита Юго-Восточного Дагестана…….. 224

Рыбин Е. П., Хаценович А. М.
Культурные процессы на рубеже начального и раннего верхнего палеолита севера Центральной Азии: хронология и динамика…….. 227

Селезнёв Ю. В., Куренкова Е. И., Баранов Д. В., Вашков А. А., Курбанов Р. Н., Вашанов А. Н., Иванов Я. Д., Очередной А. К.
Местонахождение раннего палеолита Огово I на юго-западе Беларуси (результаты предварительных исследований: стратиграфия, хронология и каменный инвентарь)…… 230

Селецкий М. В., Постнов А. В.
Палеолитические каменные ударно-абразивные орудия пещерных памятников Горного Алтая…… 233

Синицын А. А., Синицына Г. В., Бессуднов А. А.
Адаптивные и адаптирующие факторы освоения территории и ресурсов в палеолите Восточной Европы……... 234

Синицына Г. В.
Финальный палеолит Валдайской возвышенности в контексте палеолита лесной зоны Восточной Европы……... 237

Слободин С. Б.
Исследования стоянки Хета – реализация планов колымской экспедиции А. П. Окладникова 1946 года……..…… 239

Смолкина В. С., Иванов Я. Д.
Составные орудия среднего и верхнего палеолита и возможности их идентификации трасологическим методом……... 243

Сокол Э. В., Некипелова А. В., Козликин М. Б., Шуньков М. В., Дублянский Ю. В.
Палеолитический человек и огонь: идентификация рассеянных продуктов кострового сжигания древесины в осадочной летописи……... 245

Степанова К. Н., Данильченко А. Ю., Князев К. Е.
Возобновление исследований на памятнике среднего и верхнего палеолита Бирючья Балка 2 (Северский Донец)……... 248

Степанова К. Н., Желтова М. Н.
Критерии выделения кресальных кремней в палеолитических индустриях……... 251

Ташак В. И.
Индустрия слоя 7г Барун-Алана-1 как вариант развития начального верхнего палеолита Западного Забайкалья…… 254

Тетенькин А. В.
Поздний верхний палеолит Байкало-Патомского нагорья: стоянка Коврижка IV…. 256

Федорченко А. Ю., Белоусова Н. Е.
Символизм и эстетика верхнепалеолитических украшений стоянки Ушки I……. 259

Филатов Е. А.
Палеолитические комплексы раннего этапа верхнего палеолита мастерской Титовская Сопка (Восточное Забайкалье) ……...…….. 262

Харевич В. М., Харевич А. В., Бочарова Е. Н., Анойкин А. А.
Ранний верхний палеолит бассейна Енисея (по материалам стоянки Сабаниха 3)…….. 265

Чаукина В. А.
Культуроопределяющие черты костяных индустрий памятников восточного граветта Русской равнины…… 267

Чуб А. А.
Костяные изделия палеолита с долотовидным износом……... 270

Чубур А. А.
Верхний культурный слой стоянки Быки 1 на реке Сейм……. 272

Шмидт А. В., Кардаш О. В.
Шлифованные изделия с поселения эпохи раннего голоцена Балинское 73…….. 275

Шуньков М. В.
Древнейшая археология Алтая: по материалам Денисовой пещеры……... 278

КУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В НЕОЛИТЕ И ЭНЕОЛИТЕ…….. 281

Андреева О. В.
Сходства и различия в традиции изготовления посуды волосовской культуры
с территории верхнего и лесного Среднего Поволжья…….. 282

Бердников И. М., Соколова Н. Б.
Феномен многослойных местонахождений долины реки Белой и их значимость
для неолитоведения Байкало-Енисейской Сибири…… 285

Бычков Д. А.
Вариативность орудийных форм из памятников эпохи неолита
и бронзы Нижнего Притомья……... 288

Васильева Т. А.
Культурные процессы неолита – переходного этапа к энеолиту в лесной зоне
Восточной Европы (по материалам археологических памятников
на территории Карелии) ……... 290

Веретенников А. В.
Каменная индустрия поздненеолитического населения Барабинской лесотепи
и Среднего Прииртышья……... 293

Выборнов А. А., Кулькова М. А.
Радиоуглеродная хронология и проблемы неолитизации от Дона до Зауралья……. 296

Галимова М. Ш., Голубева Е. Н., Казаков Е. П.
Функциональные особенности кремневых вкладышей из погребений
V Меллятамакского могильника в Икско-Бельском междуречье……...…. 299

Герасимов Д. В.
Неолитические памятники южного побережья Финского залива
в геоархеологической перспективе…….. 302

Гилязов Ф. Ф., Выборнов А. А., Дога Н. С., Юдин А. И.
Итоги исследования стоянки неолита – энеолита Алгай в 2022–2024 годах…….…. 304

Городецкая С. П., Долбунова Е. В., Амон К., Мазуркевич А. Н.
Орудийные наборы каменного инвентаря неолитических слоев
памятника Ракушечный Яр (6 тыс. до н. э.)……... 307

Гусенцова Т. М.
Рыболовство в неолите и энеолите Приневья и Южного Приладожья……..……. 309

Данилов Г. К.
Проблемы датирования древних сложений из камня, рога и кости
в арктической зоне Евразии……. 312

Дегерменджи С. М.
Опыт реконструкции планиграфии дюнной стоянки-мастерской Старица XVIII….. 315

Дога Н. С., Выборнов А. А., Гилязов Ф. Ф.
Итоги исследования стоянки неолита Таскудук в Северном Прикаспии
в 2022–2024 годах..……... 317

Дорофеева Н. А., Белова И. В., Сергушева Е. А.
Поздний неолит Приморья в свете исследований последних лет…… 320

Еньшин Д. Н., Скочина С. Н.
Ритуальные комплексы ранненеолитического населения Нижнего Приишимья
(Западная Сибирь)……. 323

Еремеева Е. А.
Неолит южной части Корейского полуострова: перспективы современных
исследований……. 325

Зеленская А. Ю.
Неолитический компонент многослойной стоянки Хета: предварительные
результаты исследования…….. 328

Квасница Ю. К., Идимешев А. А.
Новые данные о неолите Нижнего Притомья по результатам исследования
могильника Старое Мусульманское Кладбище……...…….. 331

*Кирюшин К. Ю., Шнайдер С. В., Кутнякова Л. А., Солодовников К. Н.,
Фролов Я. В., Шмидт А. В.*
Абсолютная хронология антропологических находок периода мезолита – неолита
с территории Барнаульского Приобья……. 334

Кичигин Д. Е.
Могильник неолита и раннего бронзового века Мыс Уюга (побережье Байкала)…. 336

Коваленко С. В., Крючко Е. И.
Нижнеамурские культурные традиции периода неолита
на территории Западного Приамурья…….. 339

Колпаков Е. М.
Неолит в археологии……. 342

Королев А. И., Васильева И. Н., Шалапинин А. А., Трофимов А. Г.
Итоги изучения керамики волосовского облика Гундоровского поселения
в лесостепном Поволжье и вопросы культурно-хронологического определения….. 345

Кравцова А. С.
Орнитоморфные костяные нашивки-подвески эпохи неолита из могильника Корчуган в Барабинской лесостепи (предварительный трасологический анализ)…. 347

Лазин Б. В.
Материалы руднинской культуры среднего неолита на многослойном поселении Михайловка-2 в Южном Приморье……. 350

Лазина А. А.
Керамика с органической примесью (по материалам руднинской культуры среднего неолита Приморья)…… 352

Манько Н. В.
Краматорский горно-кремнеобрабатывающий центр нео-энеолитического времени в Северо-Западном Донбассе…… 354

Марковский Г. И., Шнайдер С. В., Гурулёв Д. А., Алишер кызы С., Абдыканова А., Чаргынов Т., Глушко Н. В.
Изучение первичного расщепления в неолите Центральной Азии при помощи методов трёхмерного моделирования и математической статистики... 357

Марочкин А. Г.
О форме и структуре неолитических социумов Кузнецкой котловины…….. 359

Мархаева Д. А.
Керамика посольского типа юго-западного побережья озера Байкал (по материалам Б. Э. Петри из фондов ИОКМ)…… 362

Молодин В. И., Бобров В. В.
Современное состояние проблемы периодизации и культурных связей населения эпохи неолита Барабинской лесостепи Западного Прииртышья……. 364

Панюхин М. В., Чикичева А. А., Непогодина М. Н., Мартюшова Д. Б.
Неолитические стоянки на реке Ия, Среднее Приангарье (по результатам разведок 2023–2024 годов)…… 367

Петрова Н. Ю., Бабенко А. Н., Текин Х., Дараби Х., Гурьева П. В., Терещенко Е. Ю., Мияке Ю., Оксе А. Т., Алибаиги С., Йлдыз И., Суворина А. С., Светлаков Д. А.
Комплексное исследование органической примеси в неолитической керамике (по материалам Плодородного Полумесяца)……..…… 370

Попов А. Н.
Реконструкция родственных и брачных отношений населения Приморья в эпоху среднего неолита (по археологическим и палеогенетическим исследованиям могильника Бойсмана-2)…… 373

Попов А. Н., Войтко Д. А.
Коллекция наконечников метательного оружия эпохи среднего неолита на многослойном памятнике Михайловка-2……... 375

Рослякова Н. В., Бачура О. П., Шаймуратова Д. Н., Аськеев И. В., Королев А. И.
Домашние и дикие животные в жизнеобеспечении жителей поселения эпохи энеолита Лебяжинка VI в лесостепном Поволжье……. 378

Руденко М. К.
Отщеповая линия изготовления каменных орудий в неолите Приморья: этапы, особенности и переходные признаки…….. 380

Селин Д. В., Мыльникова Л. Н., Коваленко С. В.
Гончарство осиноозерской культуры эпохи неолита в Приамурье: проблемы изучения……... 383

Сергушева Е. А.
Земледелие в позднем неолите юга Дальнего Востока России: итоги археоботанических исследований……. 386

Скоробогатов А. М., Малютина А. А.
Костяная индустрия неолита – энеолита Среднего Подонья (по материалам Черкасских стоянок)…….. 388

Соловьева Е. А.
Мегалитические сооружения Древней Японии…….. 391

Сомов А. В.
Посуда «синкретичного» типа в рамках средневолжской неолитической культуры… 393

Ставицкий В. В., Морозов В. В., Лыганов А. В., Юдина А. М., Смирнов А. Л.
Новобиксентеевский энеолитический могильник в Нижнем Прикамье: проблема культурно-хронологической атрибуции…… 396

Терехина В. В., Скакун Н. Н.
К проблеме типологической и функциональной классификации кремневых изделий культуры Триполье-Кукутень……... 399

Толпеко И. В.
Использование железняка как адаптационная стратегия населения Среднего Прииртышья в эпоху неолита – раннего металла……. 402

Холкина М. А., Герасимов Д. В., Муравьев Р. И., Такташева С. Д.
От точки к ландшафту: пространственная динамика освоения Нарвско-Лужского междуречья в неолите – раннем железном веке (опыт сплошной разведки на Галикской палеокосе)……... 404

Цветкова Н. А.
Начальный и ранний неолит Верхневолжского региона: вопросы, проблемы, перспективы изучения…….. 407

Цыденова Н. В.
О сходствах в неолите Байкальского региона, Монголии и Северного Китая……... 410

Черленок Е. А., Осташинский С. М.
Строительные горизонты энеолитического слоя навеса Мешоко…… 412

Чеха А. Н.
Вопросы хронологии и периодизации памятников неолита – палеометалла в Северном Приангарье (по материалам стоянок в устье реки Кутарей)…… 414

Шнайдер С. В., Хей Чун Хо, Яковлев А. В., Каспаров А. К., Молодцева А. С., Ким Д., Гермес Т., Чон Ч., Марковский Г. И., Алишер кызы С., Абдыканова А., Чаргынов Т., Уориннер К.
Неолитизация в горной части Центральной Азии……. 417

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ БРОНЗОВОГО ВЕКА……. 421

Александренкова М. Г., Ивашов М. В.
Никольский грунтовый могильник эпохи бронзы на Верхнем Дону: предварительные итоги изучения…… 422

Басова Н. В., Постнов А. В.
Одиночные погребения эпохи бронзы на объекте археологического наследия «Абалаково. Стоянка Галкина-2» в Красноярском крае…….…….. 424

Бобров В. В.
Актуальные проблемы современного андроноведения……..…... 427

Богайчук Е. А., Идимешев А. А., Есин Ю. Н.
Фигуративные изображения на керамике Самусьской культуры с поселения Потаповы Лужки III (Томское Приобье)……... 430

Бурков С. Б.
К вопросу о появлении обряда вытянутого на спине положения погребенного в финале эпохи ранней бронзы на территории Восточного Предкавказья……..….. 433

Варенов А. В., Нестеркина А. Л.
Бронзовые колеса со спицами и статуя «Гаруды» из жертвенных ям Саньсиндуя… 435

Варенов А. В., Функ М. А.
«Священный алтарь» как «модель мира» в ритуальных бронзах Саньсиндуя…..…. 438

Волкова Е. В.
Новый взгляд на относительную хронологию фатьяновских могильников……... 441

Григорьев С. А.
Абсолютная хронология начала позднего бронзового века Волго-Уральского региона……... 444

Грушин С. П.
Особенности надмогильных конструкций курганов афанасьевской культуры долины Чарыша (Северный Алтай)……. 446

Дубова Н. А., Фрибус А. В., Сычева О. В., Елшин И. Д., Вересоцкая Г. Э.
Новые исследования на памятнике бронзового века Гонур-депе (Туркменистан)… 449

Дураков И. А.
Основные этапы развития металлообрабатывающего производства у населения Обь-Иртышской лесостепи в эпоху бронзы……... 452

Дьяконов В. М.
Распространение металлургии меди и бронзы на Крайнем Северо-Востоке Азии (I тыс. до н. э. – I тыс. н. э.)……...…… 455

Кашуба М. Т., Кулькова М. А.
Новое в изучении эпохи бронзы Крыма по данным междисциплинарных исследований……. 458

Кириченко Д. А.
О моделях колес куро-араксской культурно-исторической общности из Историко-краеведческого музея г. Барда (Азербайджанская Республика)……... 460

Климова А. Д.
Керамика Алакульского могильника позднего бронзового века…….. 463

Климушина А. И.
Клады металлических изделий переходного этапа от средней к поздней бронзе Северного Кавказа и Азово-причерноморских степей: состав комплексов и интерпретация……. 465

Кобелева Л. С.
Андроновская (федоровская) культура в Обь-Иртышской лесостепи: проблемы и перспективы исследования……. 468

Ковалев А. А.
«Выделенная рукоять» или невыделенный черешок? Пластинчатые однолезвийные ножи «клиновидного» сечения первой половины 2 тыс. до н. э. в Северной Евразии, Монголии и Китае……. 471

Кокшаров С. Ф.
О датировке поселения Горный Самотнёл-1 (культура вары-хадыта)…… 475

Корочкова О. Н.
Горно-лесное Зауралье в эпоху бронзы: время, феномены, ритмы…….. 477

Кузнецов П. Ф.
Доместикация лошади в бронзовом веке Восточной Европы…….. 479

Лазаретов И. П.
Стратификация окуневской культуры: этапы или хронологические горизонты?..… 482

Луньков В. Ю., Лунькова Ю. В.
Погребения с двумя ножами срубной культурно-исторической общности: характеристика комплексов…….. 485

Лурье В. М., Фрибус А. В., Лазаретов И. П., Поляков А. В.
Ритуальное (?) сооружение афанасьевской культуры на могильнике Усть-Камышта-1…… 488

Малютина Т. С.
К вопросу о погребальной архитектуре Синташтинского могильника. Южный Урал…….. 490

Марченко Ж. В., Грушин С. П., Гришин А. Е., Евменов Н. Д., Кулешов Д. А., Вальков И. А.
Новые памятники эпохи бронзы в долине Алея: археолого-геофизический поиск... 493

Молодин В. И., Мыльникова Л. Н., Нестерова М. С., Пархомчук Е. В.
Поселение кротовской культуры Венгерово-2 (эпоха бронзы): радиоуглеродная хронология и археологические наблюдения…… 496

Молодин В. И., Ненахова Ю. Н., Кобелева Л. С.
Мобильная скульптура одиновской культуры…..…… 498

Моргунова Н. Л., Файзуллин А. А.
Новые данные о погребальном обряде приуральской группы ямной культуры……. 500

Мочалов О. Д.
Роль изучения керамики в вопросах культурогенеза позднего бронзового века северной части Волго-Уралья…….. 503

Новиков А. Г., Горюнова О. И., Кишкурно М. С., Вебер А. В.
Демография и общественные отношения населения бронзового века Приольхонья: могильник Туаханэ IX…….. 506

Петров Ф. Н.
Ножи с металлическими рукоятями у населения Южного Зауралья эпохи бронзы... 508

Савко И. А.
Нестандартные формы сосудов андроновской (федоровской) культуры степного и лесостепного Алтая…… 512

Сотникова С. В.
О миграции андроновского населения на юг: проблемы хронологии……. 515

Степанова Н. Ф., Мерц И. В., Солодовников К. Н.
Афанасьевская культурно-историческая общность по данным современных исследований и проблема выделения локальных культурных образований……... 518

Сычева О. В.
Керамические комплексы Гонур-депе в зеркале хронологии (по материалам могильника на Раскопе 12)…… 521

Тимощенко А. А., Выборнов А. В., Давыдов Р. В.
Хронологические аспекты формирования могильника периода поздней бронзы Станция Камышта-7 (левобережная долина реки Абакан)…… 523

Тихомирова М. М.
О региональных особенностях курильниц катакомбных культур эпохи средней бронзы…..... 526

Ткачев А. А., Ушаков П. С.
Типология и характеристика вещевого инвентаря пахомовской культуры
по материалам поселения Ново-Шадрино VII…… 529

Трифонов В. А.
Проблема происхождения новосвободненского варианта майкопской культуры
и ее решение……... 532

Федорук А. С., Папин Д. В., Степанова Н. Ф.
Взаимодействие саргаринско-алексеевского населения в эпоху поздней бронзы
по результатам изучения керамических комплексов Кулундинской степи…… 535

Фрибус А. В., Дубова Н. А., Сычева О. В.
Новые данные по хронологии комплексов протогородского центра эпохи бронзы
Гонур-депе в Туркменистане……... 538

Чикичева А. А., Панюхин М. В., Дударёк С. П.
Топографический анализ могильника в устье реки Шаманки
(Среднее Приангарье)…… 540

Ши Ханьда
Андроновцы на Восточном Памире: к вопросу хронологии и происхождения
могильника Сябаньди AII в Синьцзяне (Китай)……....…… 543

Щербаков Н. Б., Шутелева И. А.
Моделирование динамики локализации и организации поселенческих объектов
позднего бронзового века на территории Южного Приуралья…..…….. 546

Юдин А. И., Баринов Д. Г., Тупалов И. В.
Новые майкопские материалы поселения Гостагай-Зозулина-I на Кубани…… 549

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ…… 553

Дорогие друзья!

Всероссийские археологические съезды – значимое событие, которое объединяет исследователей из разных регионов и служит важной цели – сохранению и изучению исторического наследия.

Рад, что в 2025 году местом проведения съезда стал Красноярск. Археологические изыскания в Сибири идут уже три столетия. За это время найдены свидетельства всех эпох, начиная от палеолита. Несколько поколений учёных и энтузиастов внесли свой вклад в расширение знаний об истории нашей земли. Эта работа продолжается и каждый год приносит новые плоды. Накопленный материал широко представлен в музеях, которые становятся центрами изучения культуры народов края и способствуют развитию туризма.

Благодарю всех участников и организаторов съезда. Уверен, его результаты будут интересны старшему и молодому поколениям археологов.

Губернатор
Красноярского края Михаил Михайлович Котюков

Дорогие участники VII (XXIII) Всероссийского археологического съезда!

От имени службы по государственной охране объектов культурного наследия Красноярского края рад приветствовать вас на Красноярской земле!

В нашем крае уделяется особое внимание вопросам, связанным с сохранением археологического наследия. В службе учитываются сведения о 3 355 объектах и выявленных объектах археологического наследия. В условиях активного хозяйственного освоения территорий наша задача остаётся прежней – обеспечивать сохранность объектов археологического наследия для будущих поколений, уделяя особое внимание их изучению.

Научное исследование археологии Енисейской Сибири началось более 300 лет назад и продолжается до сегодняшнего дня, приносит уникальные научные и художественные открытия. Окуневская, андроновская, карасукская, тагарская и другие археологические культуры, существовавшие на этих землях более 2 500 лет назад, – кладезь ценнейшей информации, раскрывающейся в петроглифах, археологических артефактах погребальных комплексов, менгирах.

Исследования палеолита Иваном Тимофеевичем Савенковым на Афонтовой горе открыли миру важные свидетельства существования древнего человека. А Шалаболинская писаница – одна из крупнейших в мире – стала знаковым символом археологической значимости Красно-

ярского края. Арктические территории Красноярского края привлекают все больше внимания археологов благодаря перспективам изучения древней истории местных племен, населявших бассейны Подкаменной и Нижней Тунгусок, Хатанги, а также полуостров Таймыр.

Современные археологические исследования ведутся местными специалистами совместно с учеными из других городов России, подчеркивая мировое значение этой работы.

Археологическое наследие играет роль в формировании культурного кода и развитии территорий, являясь стратегическим ресурсом продвижения. Использование археологического наследия в образовательных, культурных и туристских целях, а также для расширения знаний об истории своего региона станет важным фактором в повышении имиджа Красноярского края как территории развития передовой науки, поэтому особое значение имеет раскрытие потенциала территории через ее археологическое наследие.

С уважением,
руководитель службы по государственной охране
объектов культурного наследия
Красноярского края Павел Евгеньевич Гутенков

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

А. П. Деревянко
Институт археологии и этнографии СО РАН,
Новосибирск, Россия

ДЕНИСОВЦЫ И НОВЫЙ СЦЕНАРИЙ ФИЛОГЕНЕТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ РОДА *HOMO*

Аннотация. Археологические и генетические исследования, проведенные в первой четверти XXI в., позволили сделать несколько важных выводов, положенных в основу этой статьи. В конце среднего – первой половине верхнего плейстоцена на территории Африки и Евразии расселялись три таксона: ранние люди современного типа в Африке, неандертальцы в Европе и денисовцы в Центральной и Северной (Южная Сибирь) Азии. Генетическими исследованиями было установлено, что эти таксоны скрещивались между собой, и в результате у них рождалось фертильное потомство. Следовательно, у них была открытая генетическая система; ассимиляция друг с другом у них была не межвидовой, а внутривидовой, и относились они к одному виду – *H. sapiens sapiens*. Если на заключительном этапе более чем двухмиллионолетней эволюции рода *Homo* в хронологическом интервале 300–50 тыс. л. н. гоминины в Африке и Евразии сохранили открытую генетическую систему, то и на протяжении всей филогенетической истории гомининов их генетическая система также должна была оставаться открытой и сохранялась способность к ассимиляции друг с другом. В Восточной и Юго-Восточной Азии в результате эволюции *H. erectus*, в процессе дивергенции, адаптации к меняющимся региональным природно-климатическим условиям обитания в плейстоцене, полового отбора, генного дрейфа на конвергентной основе произошло формирование нового подтипа – *H. sapiens orientalensis*. В результате миграции ранних людей современного типа 60–40 тыс. л. н. в Евразию на их стволовой генетической и морфологической основе в процессе ассимиляции их с неандертальцами в Европе, денисовцами в Центральной Азии и *H. sapiens orientalensis* в Восточной и Юго-Восточной Азии и произошло формирование современного человечества.

Ключевые слова: ассимиляция, открытая генетическая система, люди современного типа, неандертальцы, денисовцы, *H. sapiens sapiens, H. sapiens orientalensis*

Исследование выполнено по проекту НИР ИАЭТ СО РАН «Каменный век Азии: общие тенденции и региональная специфика» (FWZG-2024-0001).

Открытие в 2010 г. нового таксона, денисовца, в результате секвенирования ДНК из фаланги мизинца девочки 9–12 лет (Денисова 3), обнаруженной в слое 11.2 Денисовой пещеры [Krause et al., 2010; Reich et al., 2010], стало неожиданностью для антропологов, археологов, генетиков, занимающихся исследованием проблемы происхождения и эволюции рода *Homo*. Неожиданным оно оказалось и для меня.

К этому времени в результате почти 30 лет раскопок в Денисовой пещере удалось сделать много важных открытий. Самый нижний культуросодержащий слой пещеры был датирован временем ок. 300 тыс. л. н., а самый верхний (9-й) оказался древнее 30 тыс. л. н. [Природная среда…, 2003; Jacobs et al., 2019]. Во всей культурно-стратиграфической последовательности прослеживается развитие среднепалеолитической индустрии: ранний этап (300–160 тыс. л. н.), средний (160 – 120 (100) тыс. л. н.), финальный (120 (100) – 60 тыс. л. н.), переходный от среднего к верхнему палеолиту (60–55 тыс. л. н.), начальный верхний палеолит (55–45 тыс. л. н.), ранний верхний палеолит (45–40 тыс. л. н.) [Деревянко, 2022]. Фаланга Денисова 3 обнаружена в слое 11.2 восточной галереи, который содержит индустрию верхнего палеолита и имеет OSL-дату 63 ± 6 – 55 ± 6 тыс. л. н. [Jacobs et al., 2019, fig. 3]. Преемственность в развитии среднепалеолитической индустрии хорошо прослеживается в увеличении доли пластинчатого расщепления и использовании пластин в качестве заготовок для изготовления орудийного набора, уменьшении численности среднепалеолитических орудий и возрастании – верхнепалеолитических.

О высоком уровне духовной и материальной культуры денисовцев в эпоху верхнего палеолита свидетельствуют самые разнообразные находки из 11-го слоя центрального зала, восточной и южной гале-

© Деревянко А. П., 2025

рей. В первичном расщеплении преобладает пластинчатая стратегия, верхнепалеолитические орудия изготавливаются из пластинчатых заготовок. В этом слое обнаружены изделия из кости. Считаю необходимым особо выделить девять целых и фрагментированных игл. В статье И. Гиллигана с соавторами иглы из Денисовой пещеры датируются неверно, к тому же в категорию игл включены и костяные изделия крупных размеров [Gilligan et al., 2024]. В слое 11.1 центрального зала древностью 40–43 тыс. лет найдена целая игла с ушком длиной 72 мм. Это самое древнее в мире изделие данного типа. Толщина этого уникального предмета в верхней части немногим более 1 мм. Ушко имеет диаметр менее 1 мм. Чтобы просверлить отверстие такого диаметра требовалось ювелирное мастерство. Возникают следующие вопросы: для выполнения каких работ могла использоваться такая тонкая и хрупкая игла, какую нить можно было продеть в такое маленькое отверстие. Любое сухожилие и даже волос лошади невозможно использовать в игле с таким маленьким диаметром ушка. Сибирские народы при изготовлении одежды из хорошо выделанных шкурок пушных зверей использовали иглы значительно больших размеров. Невольно напрашивается предположение об изготовлении денисовцами ткани и нити из растительных волокон. Неолитические рыболовы Амура 5–6 тыс. л. н. изготавливали сети из конопли. Однако необходимо иметь в виду, что иглы найдены в Денисовой пещере в слое древностью 40–43 тыс. лет.

В 11-м слое обнаружены десятки экземпляров разных нательных украшений, изготовленных из камня, кости, зубов животных, раковин. Среди них – фрагмент диадемы из бивня мамонта, два фрагмента браслета из камня (хлоритолита), при изготовлении которых применялись пиление, шлифование, полировка, сверление. И самая поразительная находка – зооморфная скульптура, возраст которой более 40 тыс. лет. Игла, фрагменты ожерелья и браслета – самые древние в мире. Если суммировать все предметы неутилитарного назначения из слоя 11 Денисовой пещеры, относящиеся к хронологическому интервалу 55–40 тыс. л. н., то в Африке и Евразии на сегодняшний день мы не встретим ни одной стоянки такой древности, которая могла бы сравниться с Денисовой пещерой по разнообразию и численности обнаруженных в ней украшений.

До открытия денисовского таксона у исследователей Денисовой пещеры, в т. ч. и у меня, не было сомнений, что индустрия слоя 11 принадлежала человеку современного типа – *H. sapiens*. В 2001 г. была опубликована статья, где обосновывалась гипотеза о том, что среднепалеолитическая индустрия, выявленная в Денисовой пещере, сформировалась на основе позднеашельской индустрии Леванта. Маршрут гомининов из Леванта на Алтай должен был проходить через транзитные территории Ирана и Центральной Азии. Об этом свидетельствуют обнаруженные в Монголии индустрии, близкие к денисовской. К западу от Алтая, в Узбекистане, на стоянке Оби-Рахмат выделена оби-рахматская культура; ее индустрия и индустрия Денисовой пещеры имеют сходство по многим технико-типологическим показателям [Деревянко, 2001].

В результате генетических исследований крошечной косточки длиной в полтора рисовых зернышка и весом 40 мг удалось установить, что вновь выделенный денисовский таксон, носитель верхнепалеолитической индустрии, не относится к людям современного типа, а является сестринским с неандертальцами, от которых он отделился ок. 400 тыс. л. н. Образец Денисова 3 оказался удивительно информативным благодаря высокому содержанию эндогенной (исходной) ДНК. Содержание эндогенной ДНК в ранее исследованных европейских образцах составляло ок. 1 % и изредка доходило до 5 %. Практически каждое основание ядерного генома Денисова 3 исследователям удалось прочитать 1,9 раза, притом что нужно было картировать более 3 млрд пар оснований. Геном денисовцев отличается от генома людей современного типа на 11,7 %, а, например, у неандертальца из пещеры Виндия (Хорватия) такое отклонение составляет 12,2 %. Также было установлено, что по генетическому разнообразию денисовцы уступали людям современного

типа, но превосходили неандертальцев. Это позволило предположить, что денисовцы широко расселились в Восточной и Юго-Восточной Азии. Более того, удалось установить, что 4–6 % генетического наследия денисовцев сохранились у современных популяций Океании и Австралии, а 1–2 % геномного наследия неандертальцев имеются у всех ныне живущих людей, за исключением африканцев.

Перед исследователями встали вопросы о том, на какой предковой основе и на какой территории сформировался денисовский таксон, а также о его возможном миграционном маршруте в Сибирь. На эту тему появилось немало публикаций: М. Мартинон-Торрес с соавторами [Martinón-Torres, Dennell, Bermúdez de Castro, 2011], К. Стрингера и И. Бернса [Stringer, Barnes, 2015], М. Х. Волпоффа [Wolpoff, 2014] и мн. др.

Учитывая сходство индустрии гоминин из Денисовой пещеры с позднеашельской Леванта, для меня было очевидным, что представители этого таксона мигрировали на Алтай с Ближнего Востока [Деревянко, 2001]. Действительно, каменная индустрия из нижних культуросодержащих слоев Денисовой пещеры имела наиболее близкие аналогии с позднеашельской и среднепалеолитической индустрией Леванта, где сформировался денисовский таксон. В связи с этим встал вопрос, откуда гоминины с ашельской индустрией мигрировали на Ближний Восток. Ашельская индустрия сформировалась в Африке 1,7–1,6 млн л. н., и оттуда 800–700 тыс. л. н. начала распространяться в Евразии. Следовательно, более ранние этапы формирования денисовцев необходимо было искать на Африканском континенте.

Я неоднократно писал о происхождении *H. s. denisovan* и человека современного типа в своих статьях и книгах [Деревянко, 2010, 2018, 2019, 2022; Деревянко, Шуньков, Козликин, 2020; и др.], поэтому кратко остановлюсь на этой проблеме.

Дж. Райтмайр высказал гипотезу о происходившем в Африке ок. 800 тыс. л. н. или несколько ранее процессе видообразования нового таксона *H. heidelbergensis* [Rightmire, 1996, 1998b]. Многие антропологи поддержали его гипотезу, но называли новый таксон по-разному: *H. heidelbergensis*, *H. rhodesiensis*, *H. sapiens* [Rightmire, 1998a, 2008, 2009a, b; 2013; Tattersall, Schwarz, 2000; Braüer, 2001a, b; Hublin, 2001; Stringer, 2002; Foley, Lahr, 2003; и др.]. Дискуссии о роли и месте этого таксона в эволюции рода *Homo* не прекращаются до настоящего времени [Athreya, Hopkins, 2021; Roksandic et al., 2022].

Homo rhodesiensis и *H. heidelbergensis* принадлежали к одному биологическому виду, сформировавшемуся на предковой основе *H. erectus*, но у них были разные филогенетические истории: *H. rhodesiensis* остались в Африке, и на их предковой основе 200–150 тыс. л. н. сформировались ранние люди современного типа; *H. heidelbergensis* с ашельской индустрией ориентировочно 800 тыс. л. н. переселились в Евразию, где на их предковой основе сформировались *H. s. denisovan* и *H. s. neanderthalensis*.

Разделение *H. erectus* на две линии развития (*H. rhodesiensis / heidelbergensis*) стало важнейшим событием в эволюции рода *Homo*, оно положило начало формированию людей современного типа в Африке и неандертальцев с денисовцами в Евразии. Генетические исследования показывают, что такое разделение произошло 812–793 тыс. л. н. [Reich et al., 2010; Meyer et al., 2012][1].

[1] У исследователей нет единого мнения о времени расхождения людей современного типа с неандертальцами и денисовцами, а также расхождения неандертальцев с денисовцами. Это объясняется различиями в определении времени разделения человекообразных обезьян и австралопитековых, а также в оценке частоты мутаций в год и другими причинами. Разделение предкового таксона на два новых означало расселение каждого из них на другой территории, где в течение длительного времени в процессе возможной ассимиляции с коренным населением этой территории, естественного отбора, адаптации к новым природно-климатическим условиям, другим ландшафтам, растительному и животному миру и происходило морфологическое и генетическое формирование нового таксона. В связи с этим выводы исследователей о возможном разделении людей современного типа с неандертальцами и денисовцами в интервале 600–500 тыс. л. н. нельзя считать корректными, потому что археологические материалы подтверждают переселение гоминин с ашельской индустрией из Африки в Евразию только ок. 800 тыс. л. н.

Подтверждением миграции гейдельбергцев с ашельской индустрией в Евразию является индустрия стоянки Гешер Бенот Яаков (МИС 20–18), которая в течение многих лет исследовалась в Израиле [Goren-Inbar et al., 2018]. Ашельская индустрия на стоянке Гешер Бенот Яаков является убедительным свидетельством миграции гомининов с этой индустрией из Африки в Евразию.

Генетическое и морфологическое формирование людей современного типа в Африке происходило на протяжении длительного времени – ок. 600 тыс. л. Продолжительным был и период генетического и морфологического формирования неандертальцев и денисовцев в Евразии. Причем все гоминины (выделенные антропологами виды) в Африке и Евразии в связи с тем, что у них была открытая генетическая система, могли также сохранять небольшую долю общего предкового генетического наследия и морфологические признаки предкового таксона [Деревянко, 2024].

Около 700 тыс. л. н. часть гейдельбергцев с ашельской индустрией с Ближнего Востока (Леванта) стала расселяться в Европе, где в результате ассимиляции с поздними эректусами – *H. antecessor*, естественного отбора, дивергенции, адаптации к меняющимся природно-климатическим условиям начался процесс формирования неандертальского таксона.

Второе разделение поздних гейдельбергцев произошло ок. 400 тыс. л. н., когда одна их часть, использовавшая технологию леваллуазского первичного расщепления, мигрировала в Европу, где приняла участие в дальнейшем становлении неандертальского таксона – носителя мустьерской индустрии, который генетически и морфологически сформировался 200–150 тыс. л. н. [Деревянко, 2024]. Другая часть 400–350 тыс. л. н. стала расселяться на востоке Азии [Деревянко, 2022].

На начальном этапе эти две отделившиеся от общего предкового таксона *H. heidelbergensis* части – будущие денисовцы и неандертальцы – генетически и морфологически представляли собой единое целое. И только при расселении первых в Центральной Азии, а вторых в Европе, в процессе их ассимиляции с коренным населением, естественного отбора, адаптации к меняющимся природно-климатическим условиям, ландшафтам, растительному и животному миру произошло морфологическое и генетическое формирование денисовцев и неандертальцев.

Около 300 тыс. л. н. денисовцы заселили Денисову пещеру, но процесс дальнейшего формирования денисовского таксона продолжался. Они сохранили часть общего с неандертальцами предкового генетического наследия. Об этом свидетельствуют некоторые различия, выявленные в геноме денисовских окаменелостей, обнаруженных в разных культуросодержащих отложениях от слоя 22.1 до слоя 11 включительно. Например, геном окаменелости Денисова 5 показал сходство с неандертальцами. Важно отметить, что у гоминин из местонахождения Сима-де-лос-Уэсос (Испания) древностью ок. 400 тыс. лет митохондриальная ДНК была денисовской, а ядерная – неандертальской [Meyer et al., 2014, 2016].

Таким образом, в процессе формирования денисовцев можно выделить три этапа. Первый – миграция гейдельбергцев из Африки в Евразию ок. 800 тыс. л. н., которая положила начало генетическому разделению единого предкового таксона *H. erectus* на людей современного типа, которые в дальнейшем сформировались в Африке, и неандертальцев с денисовцами, становление которых происходило в Евразии. Второй этап – переселение одной части поздних гейдельбергцев с Ближнего Востока (Леванта) ок. 400 тыс. л. н. в Европу, а другой – в Азию, что привело к генетическому и морфологическому формированию неандертальцев и денисовцев. Третий этап – генетическое и морфологическое формирование денисовского таксона в процессе заселения Центральной Азии и ассимиляции с эректусами – коренными жителями этой территории [Деревянко, 2019, 2022].

Открытие нового таксона (денисовцев) и палеогенетические исследования останков неандертальцев и людей современно-

го типа позволили сделать два очень важных вывода.

1. У современных людей (не африканцев) выявлено 1–2 % генетического наследия неандертальцев, а у некоторых современных популяций Юго-Восточной Азии – до 5–6 % генетического наследия денисовцев. Возможность ассимиляции этих трех таксонов между собой и рождение в результате скрещивания фертильного потомства свидетельствуют о том, что у них была открытая генетическая система, и, следовательно, люди современного типа, неандертальцы и денисовцы были не разными видами, а подвидами одного вида *H. s. sapiens* [Деревянко, 2019, 2022]. Денисовское и неандертальское генетическое наследие, выделенное у современных людей, населяющих земной шар, позволяет утверждать, что эти два таксона также приняли участие в формировании человека современного типа. Ранние люди современного типа из Африки ок. 60–40 тыс. л. н., расселяясь в Европе, скрещивались с неандертальцами, а в Азии – с денисовцами. Таким образом, в процессе ассимиляции этих трех таксонов при стволовой генетической и морфологической роли ранних людей современного типа из Африки и произошло формирование *H. s. sapiens*. Ассимиляция ранних людей современного типа с коренным населением Евразии способствовала их адаптации к местным опасным патогенам и новым экологическим условиям обитания.

2. Если на заключительном этапе эволюции рода *Homo* в конце среднего – первой половине верхнего плейстоцена у расселявшихся в Африке и Евразии трех таксонов (людей современного типа в Африке, неандертальцев в Европе и денисовцев в Азии) была открытая генетическая система, которая позволяла им скрещиваться друг с другом, в результате чего рождалось фертильное потомство, то можно сделать вывод о том, что и на протяжении всей 2,5-миллионолетней филогенетической истории рода *Homo* у выделенных антропологами видов в раннем и среднем плейстоцене генетическая система также оставалась открытой [Деревянко, 2019, 2022]. Это означает, что от *H. erectus* до *H. s. sapiens* у человека шел непрерывный процесс наращивания производных морфологических признаков, а также усложнения и расширения когнитивных возможностей. Таким образом, все выделенные антропологами в Африке и Евразии виды являются подвидами, потому что эти гоминины могли скрещиваться между собой и у них рождалось фертильное потомство. Это была не межвидовая, а внутривидовая ассимиляция [Деревянко, 2019, 2022; Деревянко, Шуньков, Козликин, 2020] (рис. 1).

В конце прошлого века в науке утвердились две основные гипотезы о происхождении человека современного типа (*H. s. sapiens*). Первая – гипотеза Африканской Евы: человек современного типа сформировался в Африке и 60–40 тыс. л. н. или раньше начал расселяться в Евразии, замещая коренное население при возможной частичной ассимиляции [Stringer, Andrews, 1988]. Вторая гипотеза – мультирегиональной эволюции, согласно которой на территориях, где обитали *H. erectus*, могла происходить дальнейшая эволюция человека, генный обмен между популяциями, естественный отбор. Эти процессы создавали условия для сформирования *H. sapiens* на разных территориях независимо друг от друга [Wolpoff, Wu, Thorne, 1984].

Кроме этих наиболее обсуждаемых гипотез о происхождении человека современного типа, существуют еще две. Одна из них выдвинута китайскими антропологами и археологами и основывается на находках в Китае антропологических окаменелостей с хорошо выраженными морфологическими признаками ранних людей современного типа, хронологически относящихся к первой половине верхнего плейстоцена. Это позволяет исследователям предполагать возможность формирования на территории Китая ранних людей современного типа в процессе эволюции *H. erectus* и генного обмена [Wu Xinzhi, 2004; Gao Xing et al., 2010]. Согласно другой гипотезе, основной причиной формирования человека современного типа являлись миграцион-

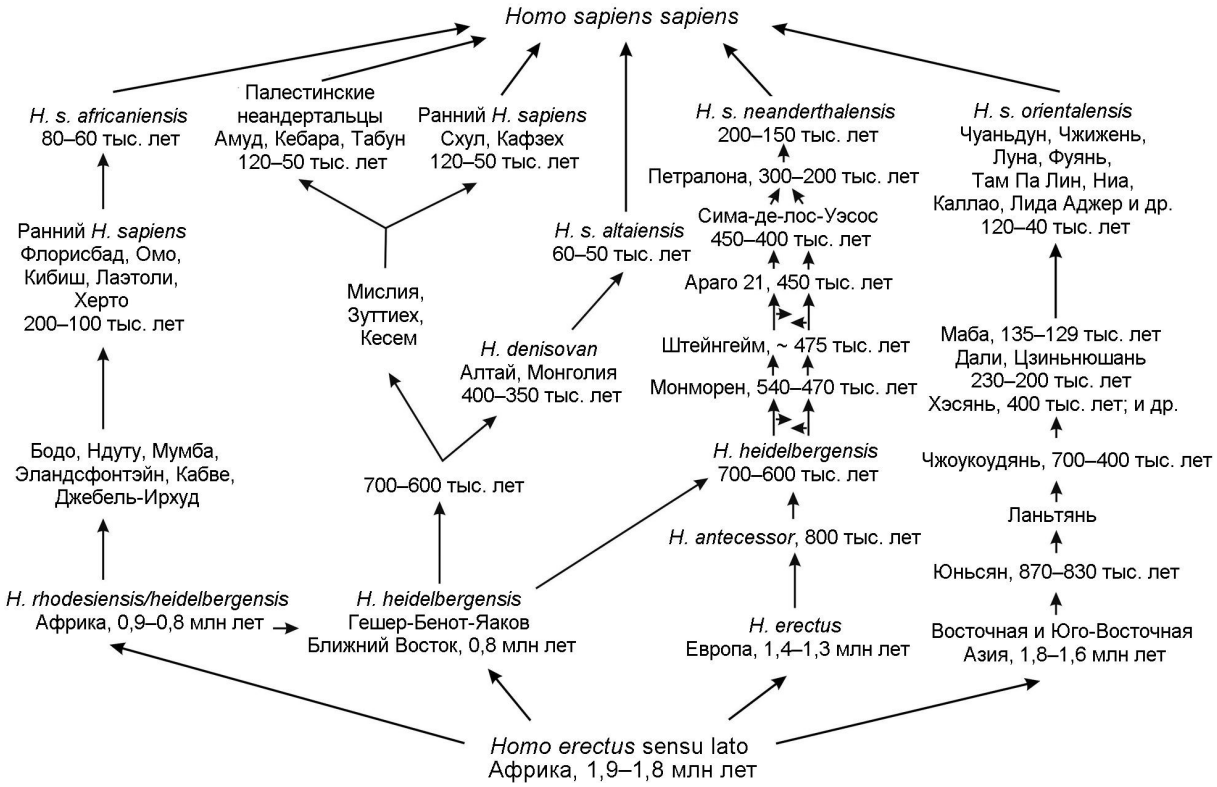

Рис. 1. Филогенетическая история рода *Homo* (по: [Деревянко, 2019, 2022]).

ные и ассимиляционные процессы [Smith, 1992a, b; 2002; Smith et al., 2017].

Во всех предложенных гипотезах имеются зерна истины. Но результаты секвенирования ДНК гомининов конца среднего – первой половины верхнего плейстоцена, расселявшихся в Африке и Евразии, и выделение нового денисовского таксона позволяют сделать некоторые уточнения в решении проблемы происхождения людей современного типа – *H. s. sapiens*.

Точку зрения китайских исследователей о возможности формирования на территории Китая людей современного типа я считаю достаточно обоснованной. Действительно, в Восточной и Юго-Восточной Азии обнаружено достаточно антропологических останков, относящихся к раннему, среднему и первой половине верхнего плейстоцена, чтобы проследить эволюцию гомининов по сапиентной линии развития от *H. erectus* до ранних людей современного типа. На востоке Азии найдены окаменелости, относящиеся к первой половине верхнего плейстоцена, с хорошо выраженными производными морфологическими признаками людей современного типа, но их еще нельзя причислить к *H. sapiens*. Они представляли первый этап на пути формирования *H. s. sapiens*. Таким образом, в первой половине верхнего плейстоцена сформировались четыре подвида с открытой генетической системой: ранние люди современного типа – *H. s. africaniensis* в Африке; *H. s. neanderthalensis* в Европе; *H. s. altaiensis* (денисовцы) и *H. s. orientalensis* в Азии. Окончательное становление ныне живущих на земном шаре людей (*H. s. sapiens*) произошло в хронологическом интервале 60–40 тыс. л. н. В это время *H. s. africaniensis* начали расселяться в Европе, где они ассимилировались с *H. s. neanderthalensis*, и в Азии, где происходила их ассимиляция с *H. s. altaiensis* и *H. s. orientalensis*. В результате ассимиляции четырех подвидов при стволовой генетической и морфологической роли *H. s. africaniensis* и произошло формирование *H. s. sapiens* (рис. 1).

В заключение можно сделать вывод, что открытие нового таксона *H. s. denisovan* в результате секвенирования ДНК из крошечного образца Денисова 3 и возможность особей этого таксона и *H. s. neanderthalensis* ассимилироваться с ранними людьми современного типа, сформировавшимися в Африке в конце среднего

плейстоцена, вследствие того, что у всех этих таксонов была открытая генетическая система, позволили несколько уточнить сценарии эволюции рода *Homo* по сапиентному пути развития и формирования человека современного типа.

Список источников

Деревянко А. П. Переход от среднего к верхнему палеолиту на Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. 2001. № 3. С. 70–103.

Деревянко А. П. Переход от среднего к верхнему палеолиту в Северной Азии: новые факты и гипотезы // Первоначальное освоение человеком континентальной и островной части Северо-Восточной Азии. Южно-Сахалинск: [б. и.], 2010. С. 8–39.

Деревянко А. П. Верхний палеолит в Африке и Евразии и формирование человека современного типа. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. 560 с.

Деревянко А. П. Три глобальные миграции человека в Евразии. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. Т. III: Ашельская и бифасиальная индустрия в Африке и Азии: Левант, Аравия, Иран, Индия, Вьетнам и островные части Юго-Восточной Азии. 572 с.

Деревянко А. П. Три глобальные миграции человека в Евразии. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. Т. IV: Ашельская и бифасиальная индустрия в Китае, Корее, Монголии, Казахстане, Туркменистане, Узбекистане и на Кавказе. 948 с.

Деревянко А. П. Три глобальные миграции человека в Евразии. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2022. Т. VI. Ч. 1: Денисовский человек: происхождение, материальная и духовная культура. 900 с.

Деревянко А. П. Происхождение неандертальцев. Алтайские неандертальцы: миф или реальность // Археология, этнография и антропология Евразии. 2024. Т. 52, № 1. С. 3–34.

Деревянко А. П., Шуньков М. В., Козликин М. Б. Кто такие денисовцы? // Археология, этнография и антропология Евразии. 2020. Т. 48, № 3. С. 3–32.

Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая. Условия обитания в окрестностях Денисовой пещеры / А. П. Деревянко, М. В. Шуньков, А. К. Агаджанян, Г. Ф. Барышников, В. А. Ульянов, Н. А. Кулик, А. В. Постнов, А. А. Анойкин. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. 447 с.

Athreya Sh., Hopkins A. Conceptual issues in hominin taxonomy: Homo heidelbergensis and ethnobiological reframing of species // Am. J. of Phys. Anthropol. 2021. Vol. 175, suppl. 72. P. 4–26.

Bräuer G. The “Out-of-Africa” model and the question of regional continuity // Humanity from African Naissance to Coming Millennia. Johannesburg: Witwatersrand Univ. Press, 2001a. P. 183–189.

Bräuer G. The KNM-ER 3884 hominid and the emergence of modern anatomy in Africa // Humanity from African Naissance to Coming Millennia. Johannesburg: Witwatersrand Univ. Press, 2001b. P. 190–199.

Foley R., Lahr M. M. On stony ground: lithic technology, human evolution, and the emergence of culture // Evol. Anthropol. 2003. Vol. 12, N 3. P. 109–122.

Gao Xing, Zhang Xiaoling, Yang Dongya, Shen Chen, Wu Xinzhi. Revisiting the origin of modern humans in China and its implications for global human evolution // Sci. China, Earth Sci. 2010. Vol. 53. P. 1927–1940.

Gilligan I., d’Errico F., Doyon L., Wang W., Kuzmin Y. V. Paleolithic eyed needles and the evolution of dress // Sci. Advances. 2024. Vol. 10. P. 1–12.

Goren-Inbar N., Alperson-Afil N., Sharon G., Herzlinger G. The Acheulian site of Gesher Benot Ya’aqov. Dordrecht: Springer, 2018. Vol. 4: The Lithic Assemblages. 461 p. (Vertebr. Paleobiol. and Paleoanthropol. Ser.).

Hublin J.-J. Northwestern African Middle Pleistocene hominids and their bearing on the emergence of Homo sapiens // Human Roots. Africa and Asia in the Middle Pleistocene. Bristol: West. Acad. and Spec. Press, 2001. P. 99–121.

Jacobs Z., Li B., Shunkov M. V., Kozlikin M. B., Bolikhovskaya N. S., Agadjanian A. K., Uliyanov V. A., Vasiliev S. K., O’Gorman K., Derevianko A. P., Roberts R. G. Timing of archaic hominin occupation of Denisova Cave in southern Siberia // Nature. 2019. Vol. 565. P. 594–599.

Krause J., Fu Q., Good J. M., Viola B., Shunkov M. V., Derevianko A. P., Pääbo S. The complete mitochondrial DNA genome of an unknown hominin from Southern Siberia // Nature. 2010. Vol. 464. P. 894–897.

Martinón-Torres M., Dennell R., Bermúdez de Castro J. M. The Denisova hominin need not be an out of Africa story // J. Human Evol. 2011. Vol. 60. P. 251–255.

Meyer M., Arsuaga J.-L., Filippo C., de, Nagel S., Aximu-Petri A., Nickel B., Martínez I., Gracia A., Bermúdez de Castro J. M., Carbonell E., Viola B., Kelso J., Prüfer K., Pääbo S. Nuclear DNA sequences from the Middle Pleistocene Sima de los Huesos hominins // Nature. 2016. Vol. 531. P. 504–507.

Meyer M., Fu Q., Aximu-Petri A., Glocke I., Nickel B., Arsuaga J.-L., Martínez I., Gracia A., Bermudez de Castro J. M., Carbonell E., Pääbo S. A mitochondrial genome sequence of a hominin from Sima de los Huesos // Nature. 2014. Vol. 505. P. 403–406.

Meyer M., Kircher M., Gansauge M.-T., Li H., Racimo F., Mallick S., Schraiber J. G., Jay F., Prüfer K., Filippo C., de, Sudmant P. H., Alkan C., Fu Q., Do R., Rohland N., Tandon A., Siebauer M., Green R. E., Bryc K., Briggs A. W., Stenzel U., Dabney J., Shendure J., Kitzman J., Hammer M. F., Shunkov M. V., Derevianko A. P.,

Patterson N., Andrés A. M., Eichler E. E., Slatkin M., Reich D., Kelso J., Pääbo S. A high-coverage genome sequence from an archaic Denisovan individual // Science. 2012. Vol. 338, N 6104. P. 222–226.

Reich D., Green R.E., Kircher M., Krause J., Patterson N., Durand E. Y., Viola B., Briggs A. W., Stenzel U., Johnson Ph. L. F., Maricic T., Good J. M., Marques-Bonet T., Alkan C., Fu Q., Mallick S., Li H., Meyer M., Eichler E. E., Stoneking M., Richards M., Talamo S., Shunkov M. V., Derevianko A. P., Hublin J.-J., Kelso J., Slatkin M., Pääbo S. Genetic history of an archaic hominin group from Denisova Cave in Siberia // Nature. 2010. Vol. 468. P. 1053–1060.

Rightmire G. Ph. The Human Cranium from Bodo, Ethiopia: Evidence for Speciation in the Middle Pleistocene? // J. of Hum. Evol. 1996. Vol. 31. P. 21–39.

Rightmire G. Ph. Evidence from facial morphology for similarity of Asian and African representatives of Homo erectus // Amer. J. of Phys. Anthropol. 1998a. Vol. 106. P. 61–85.

Rightmire G. Ph. Human evolution in the Middle Pleistocene: The Role of Homo heidelbergensis // Evol. Anthropol. 1998b. Vol. 6, iss. 6. P. 218–227.

Rightmire G. Ph. Homo in the Middle Pleistocene: Hypodigms, variation, and species recognition // Evol. Anthropol. 2008. Vol. 17, iss. 1. P. 8–21.

Rightmire G. Ph. Middle and Later Pleistocene hominins in Africa and Southwest Asia // PNAS. 2009a. Vol. 106, N 38. P. 16046–16050.

Rightmire G. Ph. Out of Africa: Modern human origins special features: Middle and later Pleistocene hominins in Africa and Southwest Asia // PNAS. – 2009b. Vol. 106, N 38. P. 16046–16050.

Rightmire G. Ph. Homo erectus and Middle Pleistocene hominins: Brain size, skull form, and species recognition // J. of Hum. Evol. 2013. Vol. 65, iss. 3. P. 223–252.

Roksandic M., Radović P., Wu X.-J., Bae Ch. J. Resolving the “muddle in the middle”: The case for Homo bodoensis sp. nov. // Evol. Anthropol. 2022. Vol. 31. P. 20–29.

Smith F. H. Models and realities in modern human origins: The African fossil evidence // Phil. Trans. of the Roy. Soc. Ser. B. 1992a. Vol. 337. P. 243–250.

Smith F. H. The role of continuity in modern human origins // Continuity or Replacement: Controversies in Homo sapiens Evolution. Rotterdam: A. A. Balkema, 1992b. P. 145–156.

Smith F. H. Migrations, radiations and continuity: patterns in the evolution of Middle and Late Pleistocene humans // The Primate Fossil Record / ed. W. Hartwig. Cambridge: Univ. Press, 2002. P. 437–456.

Smith F. H., Ahern J. C., Janković I., Karavanić I. The assimilation model of modern human origins in light of current genetic and genomic knowledge // Quatern. Intern. 2017. Vol. 450. P. 126–136.

Stringer C. B. Modern human origins: Progress and prospects // Phil. Trans. of the Roy. Soc. of London. B. 2002. Vol. 357. P. 563–579.

Stringer C. B., Andrews P. Genetic and fossil evidence for the origin of modern humans // Science. 1988. Vol. 239, iss. 4845. P. 1263–1268.

Stringer C. B., Barnes I. Deciphering the Denisovans // PNAS. 2015. Vol. 112, iss. 51. P. 15542–15543.

Tattersall I., Schwartz J. H. Extinct Humans. Boulder: Westview Press, 2000. – 256 p.

Wolpoff M. H. Who were the Denisovans? // Cultural developments in the Eurasian Paleolithic and the origin of anatomically modern humans. Novosibirsk: Publ. Dep. of the Inst. of Archaeol. and Ethnogr. SB RAS, 2014. P. 180–188.

Wolpoff M. H., Wu X.-Z., Thorne A. G. Modern Homo sapiens origins: A general theory of Hominid evolution involving the fossil evidence from East Asia // The Origins of Modern Humans: A World Survey of the Fossil. N.Y.: Alan R. Liss, 1984. P. 411–483.

Wu Xinzhi. On the origin of modern humans in China // Quatern. Intern. 2004. Vol. 117. P. 131–140.

Н. Н. Крадин
Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия

СТАНОВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ НА РОССИЙСКОМ ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИИ

Аннотация. В докладе обсуждается, как современные теории происхождения государственности могут быть применимы к средневековому Дальнему Востоку России. Самые ранние комплексные общества, вероятно, появляются здесь в раннем железном веке. Бохайское королевство было типичным ранним государством. С созданием империи чжурчжэней сформировалась двойная административная система для раздельного управления чжурчжэнями и китайцами. С расширением империи за счет включения новых областей Китая дуальная система была отменена, развивался процесс аккультурации, чжурчжэни постепенно превращались в типичную китайскую династию. Показано, как данные процессы проявляются в археологическом материале, в том числе к периферийным районам Западного и Восточного Приамурья.

Ключевые слова: политогенез, государство, Бохай, чжурчжэни, Цзинь

Современные представления о генезисе государства вкратце могут быть сведены к следующим пунктам[2]. Во-первых, было установлено, что на возникновение государственности могли оказывать влияние самые разнообразные факторы – благоприятная экология, наличие производящего хозяйства, рост населения и увеличение внутренних конфликтов, технологические инновации, диффузии, войны и завоевания, внешнее влияние, торговля на дальние расстояния, идеология и др. В то же время ни один из вышеперечисленных факторов не является универсальным. В настоящее время большинство исследователей признают, что политогенез был сложным многовариантным процессом, зависимым от большого числа разнообразных переменных.

Во-вторых, современные историки, археологи и антропологи (этнологи) склонны считать, что генезис государства обусловлен двумя взаимосвязанными процессами – необходимостью общественной консолидации по мере усложнения общества (интегративная или функциональная теория) и необходимостью урегулирования в обществе конфликтных ситуаций (конфликтный подход, классовая теория).

В-третьих, большинство исследователей, вне зависимости от используемой терминологии, склонны полагать, что в большинстве случаев можно выделить три больших ступени на пути к современной государственности – той фазе государства, которая сформировалась в рамках индустриального общества:

1) стадия предгосударственного общества, в котором массы отстранены от принятия ключевых решений («дофеодальное общество», «предклассовое общество», «вождество», «аналоги государства» и др.);

2) раннее государство с зародышевым аппаратом власти, но еще не знающее развитой частной собственности («раннеклассовое общество», «архаическое», «варварское», «раннефеодальное», «сословное» государство и др.);

3) сложившееся доиндустриальное государство, с бюрократией и частной собственностью («традиционное», «зрелое», «аграрное», «развитое» государство, «сословно-классовое общество» и др.).

Существует мнение, что порог государственности должен наступать ориентировочно после того, как численность населения общества становится больше 100 тыс. чел. [Turchin, Hoyer, Korotayev et al, 2021]. При этом есть как минимум одно исключение – степные империи, которые могли объединять значительные массы людей без формирования институтов

© Крадин Н. Н., 2025

[2] Существует огромное количество публикаций на данную тему. С основными достижениями можно познакомиться в следующих работах: [Earle, 1997; Feinman, Marcus, 1998; Альтернативные пути..., 2000; Trigger, 2003; Yoffee, 2005; Раннее государство…, 2006; Flannery, Marcus, 2012; Березкин, 2013; Turchin, 2016; Скотт, 2020; Крадин, 2021 и др.].

бюрократии. Власть правителей степных империй держалась на умении организовывать набеги и перераспределять добычу и подарки [Крадин, 2020].

В-четвертых, современная наука не склонна интерпретировать становление и развитие государства как однолинейный процесс. Существует несколько наиболее популярных теорий, раскрывающих различные пути возникновения государства. Наиболее часто раньше исследователи противопоставляли развитие западных и восточных обществ. Однако в последнее время ряд авторов полагают, что сложность общества далеко не всегда связана с формированием государственности. Они придерживаются многолинейной теории социальной эволюции и выделяют несколько альтернативных государству форм политического устройства, которые находятся между двумя полюсами – так называемой иерархической линией эволюции (сетевой стратегией) и гетерархией (или корпоративной стратегией). Данные стратегии демонстрируют полярные варианты социальных типов, где на одном полюсе находятся классические вождества и государства разной степени сложности, а на другом – комплексные общества без ярко выраженной иерархической структуры. Вместе с тем между ними находится огромное количество вариаций с разными экономическими системами, политическими институтами и формами идеологии.

В-пятых, принято разделять ранние, или архаические, государства на первичные (pristine) и вторичные (secondary). К первым относятся те, которые возникли в ходе спонтанной эволюции без влияния извне. Таких государств было всего шесть: Месопотамия, Египет, Индия, Китай, Мезоамерика, Инки. Их возникновение растянулось на длительный исторический период между 3500–1500 гг. до н. э. Иногда к ним еще причисляют Тропическую Африку. Все вторичные государства возникали под влиянием уже сложившихся центров, и это необходимо учитывать в процессе их исследования.

Наконец, выделяются несколько условных скачков (или этапов) в увеличении политий и государств в мировой истории. Все они напрямую связаны с глобальными мир-системными процессами [Крадин, 2024, с. 145–148]. Первый (3000 г. до н. э.) связан с первичным политогенезом в Месопотамии, Египте и Хараппе. Второй (2000 г. до н. э.) – это синхронный рост Египта (Среднее царство), Вавилона, Крита и комплексных обществ в Китае. Третий этап (1000 г. до н. э.), после кризиса бронзового века, связан с началом железного века и синхронным подъемом западной и восточноазиатской мир-систем. Четвертый скачок (300 г. до н. э.) – это наступление в Афро-Евразии эпохи так называемой «классической древности», которое привело к формированию первой по-настоящему глобальной евразийской сети коммуникаций – Шелковому пути между Римом и Ханьским Китаем. Последующие были связаны с ритмами средневековых цивилизаций Старого Света и постепенным складыванием единой мир-системы.

В несколько схематизированном виде общая схема эволюции доиндустриальных обществ может быть представлена в следующем виде (табл. 1).

По всей видимости, ощутимый прогресс в изучении формирования государственности в будущем может быть связан в первую очередь не с историей и антропологией (этнологией), а с археологией, где возможно появление новых источников по рассматриваемой проблематике. Археологические источники непрерывно пополняются, постоянно совершенствуются методы получения информации из археологических материалов и появляются новые данные о тех или иных сторонах жизнедеятельности прошлых обществ. Внедрение в современную археологию естественно-научных методов дает нам принципиально новую информацию. Генетика, стабильные изотопы, изучение изменений климата открывают нам совершенно иные данные, которые не могли быть получены традиционными способами исследования. Именно здесь совершается наибольшее число открытий, которые, возможно, окажут влияние на смену исторической парадигмы [Кристиансен, 2023]. Все это придает археологическим

Таблица 1

Схема эволюции доиндустриальных обществ

Стратегия: *гетерархия*	**Стадия эволюции**: *доиндустриальная*	**Стратегия**: *иерархия*
город-государство	доиндустриальные цивилизации	аграрное государство
полис	архаические цивилизации	раннее государство
племенная конфедерация	комплексные общества	сложное вождество
племя	среднемасштабные общества	вождество
эгалитарные общества	локальные группы	трансэгалитарные общества

исследованиям новые импульсы и позволяет надеяться не только на пополнение фактологической базы в будущем, но и на новые принципиально важные обобщения.

При этом нужно иметь в виду, что, рассматривая процессы становления государственности по данным археологии, мы можем выделить только какие-то большие этапы или фазы процессов формировании и трансформации комплексных обществ, государств и империй. Как правило, это периоды до появления государства, а затем стадия, когда это государство уже сформировалось. Следы времени собственно происхождения государственности редко могут быть зафиксированы археологами, поскольку строители государств и империй, а также их наследники часто направляют свою деятельность на материальное воплощение власти в монументальных объектах и активно перестраивают или создают новые материальные объекты на месте старых мест жизнедеятельности.

С этой точки зрения важно напомнить признаки, которые выделяются археологами для обществ уровня государственности. Впервые они были сформулированы в знаменитой работе Г. Чайлда о городской революции [Childe, 1950], которая стала одной из самых цитируемых статей в археологии и положила начало бесконечной дискуссии о критериях государства. В разных работах отмечалось, что немало ранних государств Африки не знали письменности, однако известны безгосударственные общества, имевшие письменность. Социальная стратификация, фиксируемая в погребальном обряде, монументальные сооружения характерны как для государств, так и для вождеств. Едва ли можно точно определить по уровню развития ремесла, торговли или числу уровней иерархии, является данное общество вождеством или государством. В целом список Чайлда неоднократно уточнялся и пересматривался. При этом нужно признать, что такие признаки, как город, монументальная архитектура, высокоразвитое ремесло, элитные захоронения, встречаются чаще, чем другие критерии [Крадин, 2021].

В настоящей работе проблематика генезиса государственности рассматривается применительно к Дальнему Востоку России. В географическом значении – это крайние, восточные регионы страны. В Дальневосточный федеральный округ еще входит Якутия, а в последнее десятилетие дополнительно включены Бурятия и Забайкалье. В настоящей работе будет рассмотрен только юг Дальнего Востока России, без степной зоны Забайкалья и смежных аридных ареалов Монголии и Китая. Доклад в сжатой форме суммирует результаты разработки данной темы автором [Крадин, 2019, и др.].

Говорить о формировании т. н. комплексных (иерархических) обществ на территории Дальнего Востока России, скорее всего, следует применительно к эпохе раннего железного века. В этот период во второй половине I тыс. н. э. – начале I тыс. н. э. в лесной зоне формируются первые вождества у носителей кроуновской культуры в Приморье. Изучение памятников культуры в бассейне р. Суйфун (Раздольная) показывает наличие иерархии поселений. В Приморье и Приамурье была распространена польцевская археологическая культура. Её нередко отождествляют с летописным народом *илоу*. Согласно письменным источникам, у них было неравенство, власть вождей, передаваемая по наследству.

В бассейне р. Иман у носителей польцевской культуры также была зафиксирована иерархия поселений [Крадин, 2010].

В первых веках нашей эры польцевская культурная общность сменяется культурой *мохэ*. По китайским источникам у мохэ была развитая социальная стратификация, власть вождей. Известны названия семи крупных «объединений» мохэ (кит. *булэй*), каждое из которых могло выставить несколько тысяч воинов. Из них наиболее значимыми и сыгравшими важную роль в истории были два формирования – *сумо* и *хэйшуй.* Известны владения мохэ меньшего размера (кит. «*бу*», традиционно переводимое как «племя»). Скорее всего, *бу* могли соответствовать вождествам, а *булэй* – сложным вождествам. Данные предположения подтверждаются сведениями археологии. Памятники мохэской культуры в Центральном Приморье четко группируются в несколько иерархических кустов, которые вполне могли быть вождествами [Крадин, 2010; Пискарева, 2019].

В VII в. *сумо мохэ* подверглись сильному давлению со стороны династии Тан. Это привело к консолидации и созданию у них в середине VII в. крупного объединения с централизованной властью, которое в тюркских эпитафиях было названо *боклийским каганатом*. В 698 г. было провозглашено королевство Бохай (до 713 г. оно называлось Чжэнь) и первый его правитель (*ван*) Да Цзожун. В Приморье известно большое количество археологических памятников государства Бохай – городища, поселения, культовые объекты и могильники. Самый известный археологический памятник – крупный город, которым являлось Краскинское городище. В течение многих лет здесь ведутся интенсивные раскопки. Были выявлены городские стены из камня, привратные укрепления, буддийский храмовый комплекс, печи для обжига черепицы, выложенный из камня колодец и др. На городище также раскопаны жилища с канами – лежанками, отапливаемыми горячим воздухом. Город являлся крупным ремесленным центром – металлургии, производства черепицы, гончарства, строительного дела и др. На памятнике найдено много предметов престижного потребления, также свидетельств развитой внутренней и внешней торговли (глазурованная керамика, фарфор, украшения). Считается, что это был центр бохайского округа Янь, через который по морю осуществлялась торговля с Японией [Гельман, Асташенкова, 2018; Города…, 2018].

Бохай был завоеван киданями в 926 г. Постепенно на опустевших после киданьского завоевания бохайских землях расселились чжурчжэни, ведущие свое происхождение от *хэйшуй мохэ*. Чжурчжэни зависели от империи Ляо и платили дань пушниной, драгоценностями, лекарственными растениями и т. д. Особо, согласно летописям [Е Лунли, 1979, с. 176], ценились охотничьи соколы (*хайдунцины*), за которыми чжурчжэни по требованию киданей совершали экспедиии на северовосток в земли *уго* (кит. «пять владений»). В конце XI в. начинается консолидация чжурчжэней под предводительством рода Ваньянь. Постепенно все чжурчжэни попали под их влияние.

Археологические сведения об этом периоде фрагментарны. В Приморье выделены средневековые поселения и городища с т. н. вафельной керамикой, которые исследователи выделяют в отдельную смолинскую (или николаевскую) культуру [Гельман, 2006; Жущиховская, Шавкунов, 2006]. К сожалению, степень изученности этой культуры невелика, чтобы можно было делать какие-то выводы о структуре общества.

В 1115 г. Агуда провозгласил создание Золотой (кит. Цзинь) империи чжурчжэней и принял титул императора. Золотая империя чжурчжэней была самым могущественным государством в Восточной Азии до появления империи монголов. Чжурчжэни смогли построить высокоразвитую империю, использовав сунские, ляоские и некоторые собственные политические практики. Уже через несколько лет после провозглашения империи они создали собственную письменность. В государстве получили развитие различные науки и медицина, литература и поэзия, изобразительное и декоративно-

прикладное искусство, скульптура и архитектура. Чжурчжэни строили крупные города, в которых возводили храмы и пышные дворцы. Они заимствовали и развили систему пяти столиц [Воробьев, 1975; 1983; Шавкунов, 1990; и др.].

В 1210 г. Чингис-хан начал войну с чжурчжэнями. Война с перерывами продлилась четверть века. В 1234 г. династия Цзинь пала. В ходе войны в 1215 г. командующий цзиньскими войсками в Ляодуне Пусянь Ваньну провозгласил о создании независимого государства Дун Ся (Восточное Ся). Чтобы спастись от монголов, он принял решение переселиться в отдаленные восточные губернии чжурчжэньской империи. Это послужило толчком масштабной колонизации Приморья и началом строительства большого количества новых хорошо укрепленных городов. Новое политическое объединение занимало территорию трех губерний гибнущей Золотой империи: Хэлань, Сюйпинь и Хулигай – восточная Маньчжурия, крайний север Корейского полуострова, большая часть Приморского края России [Ивлиев, 1996]. Однако попытка укрыться от монголов в тайге оказалась тщетной. В 1233 г. монголы дошли до Приморья и взяли города Кайюань и Сюйпинь.

На основе изучения эпиграфических находок среди приморских археологов сформировалось мнение, что многие из горных чжурчжэньских городищ – Ананьевское, Екатериновское, Лазовское, Шайгинское и другие памятники – были построены именно в период Восточного Ся [Ивлиев, 1990; 2000; Артемьева, Ивлиев, 2000; Артемьева, 2020; и др.]. Объективности ради, нужно заметить, что некоторые датировки указывают на возможность существования ряда памятников в цзиньское время [Кузьмин, 1993]. Эти даты не противоречат нумизматическим материалам [Артемьева 2021, с. 81]. К сожалению, до сих пор количество дат по средневековым памятниками Дальнего Востока России ничтожно мало. Нужны серии дат, выполненных современными методами.

Археологические данные показывают нам чжурчжэньское общество уже на стадии развитой государственности. Археологические исследования чжурчжэньских городищ в Приморье позволяют выявить несколько уровней политической иерархии. Около современного Уссурийска на противоположном берегу р. Раздольная (Суйфун) находится Краснояровская крепость – город Кайюань, одна из столиц государства Восточное Ся [Артемьева, Ивлиев, 2000]. Это был большой город площадью 180 га с мощными внутренними фортификационными сооружениями, дворцами, храмами, административными зданиями. Посредством раскопок большими площадями исследовано большое количество жилищных усадьб, иных хозяйственных объектов, открыто несколько улиц. По всей видимости, город делился на несколько различных зон в зависимости от статуса и специализации их жителей – кварталы ремесленников и торговцев, других категорий населения, место расположения гарнизона. В юго-восточной части городища находился «внутренней город» площадью 35 га. Его территория разделена на несколько участков – «запретный город» с дворцовыми зданиями, кварталы чиновников и представителей господствующей элиты, храмовые комплексы, государственные склады и др. [Артемьева, 2011].

Следующий уровень иерархии – это центры локальной власти, такие как Николаевское или Чугуевское городища. На Николаевском городище изучены остатки дворцового комплекса. Ниже их по статусу находятся крупные укрепленные горные городища. Самый изученный из подобных памятников – Шайгинское городище [Шавкунов, 1990; Артемьева, 2021]. Это настоящий город, в котором были сконцентрированы носители институтов власти, имелся мощный металлургический квартал, представители других видов ремесел, городские склады и т. д. В нижней части распадка, поблизости от водного источника, находились металлургические печи. Выше от них – квартал ремесленников с небольшими жилищами, мастерскими. Напротив, на противоположном склоне распадка, расположены три «внутренних города»,

окруженных земляными валами, примыкавшими друг к другу. Здесь расположены остатки зданий с колоннами и большие пустые пространства. В этом районе найдено большинство находок, связанных с институтами власти (пайцза, печать *чжичжуна* – крупного чжурчжэньского чиновника [Ивлиев, 2006], эталонные гири). В северо-восточной части городища имеется еще один «запретный город» с большими жилищами, подобием площади и входом с черепичной аркой. Примером небольшого военного поселения (*моукэ*) является Ананьевское городище в Надеждинском районе Приморья [Хорев, 2012].

В целом чжурчжэньские равнинные и горные городища Приморья имели развитую фортификацию, которая была грамотно вписана в индивидуальные особенности ландшафта. Они имели сложную планиграфию – т. н. запретные города редуты, квартальное деление, улицы. На некоторых городах имелись большие пустые участки (как у киданей). На ряде памятников встречены фундаменты под юрты (Константиновское городище). Население городов занималось ремеслом, а также земледелием и животноводством. Уровень развития ремесла был высок для того времени. Мы можем предположить, что ремесленники могли быть организационно объединены под контролем государства.

Особого рассмотрения заслуживает вопрос о процессах политогенеза в средневековых культурах Приамурья. В Западном Приамурье обнаружено несколько десятков средневековых городищ [Сапунов, Зайцев, 1993]. Некоторые из них имеют внушительные размеры и подобны долинным городищам Приморья. Данные территории благоприятны для развития земледелия. Нет сомнения, что эти памятники относятся к чжурчжэньской эпохе, однако их культурная принадлежность и, в частности, соотношение с покровской археологической культурой (её также называют культурой амурских чжурчжэней) Восточного Приамурья требуют дополнительного изучения. Здесь же на р. Архаре А. П. Забияко [2019] была найдена самая ранняя надпись на чжурчжэньском языке, датируемая 1127 г. Надпись позволяет предполагать, что на этой территории располагалось чжурчжэньское *моукэ* Таргандо.

В Восточном Приамурье нет крупных городищ. Самое большое – Джаринское – по своим размерам и фортификации несопоставимо с приморскими городищами. Ни одно из городищ в Восточном Приморье не может считаться городом. Здесь также нет монументальных сооружений, представительных захоронений элиты, следов бюрократии и письменности (только на Джаринском городище найден фрагмент тушечницы) [Медведев, 1986]. Погребальная обрядность покровской культуры скорее свидетельствует, что это безгосударственное общество, что-то вроде гетерархического («племенного») общества, максимум простого вождества. Природно-экологические условия Восточного Приамурья больше соответствовали развитию охоты, рыболовства (в том числе на проходную кету), в меньшей степени – производящим формам хозяйства.

Список источников

Альтернативные пути к цивилизации / под ред. Н. Н. Крадина, А. В. Коротаева, Д. М. Бондаренко, В. А. Лынши. М.: Логос, 2000. 367 с.

Артемьева Н. Г. Итоги исследований Краснояровского городища Приморской археологической экспедицией // Актуальные проблемы археологии Сибири и Дальнего Востока. Уссурийск, 2011. С. 270–277.

Артемьева Н. Г. История изучения памятников чжурчжэньской культуры на Дальнем Востоке России: итоги и перспективы // Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2020. Т. 25. С. 54–70.

Артемьева Н. Г. Шайгинское городище (фортификация, внутренняя топография, жилая архитектура). Том I. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2021. 600 с.

Артемьева Н. Г., Ивлиев А. Л. Новые эпиграфические находки из Уссурийска // РА. 2000. № 2. С. 165–172.

Березкин Ю. Е. Между общиной и государством: Среднемасштабные общества Нуклеарной Америки и Передней Азии в исторической динамике. СПб.: Наука, 2013. 255 с.

Воробьев М. В. Чжурчжэни и государство Цзинь (X в. – 1234 г.). Исторический очерк. М.: Наука, 1975. 448 с.

Воробьев М. В. Культура чжурчжэней и государства Цзинь (X в. – 1234 г.). М.: Наука, 1983. 368 с.

Гельман Е. И. Керамика чжурчжэней Приморья // Россия и АТР. 2006. № 1. С. 93–104.

Гельман Е. И. Асташенкова Е. В. Культура и повседневность бохайских городов. Города средневековых империй Дальнего Востока. М.: Издательство Восточная литература, 2018. С. 124–148.

Города Бохайского государства. Города средневековых империй Дальнего Востока / Е. И. Гельман, Е. В. Асташенкова, С. Д. Прокопец, А. Л. Ивлиев. М.: Изд-во Восточная литература, 2018. С. 68–123.

Е Лунли. История государства киданей (Цидань го чжи). Перев., введ. и комм. В. С. Таскина. М.: Наука, 1979. 608 с.

Жущиховская И. С., Шавкунов В. Э. Новая культурная традиция в средневековом гончарстве Приморья // Вестник ДВО РАН. 2006. № 2. С. 97–108.

Забияко А. П. Ранний чжурчжэньский текст наскальных изображений на реке Архаре в Приамурье (история, результаты исследования и новые данные) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2019. № 3 (47). С. 94–103.

Ивлиев А. Л. Новые материалы о средневековых бронзовых дисках из Приморья // Проблемы средневековой археологии Дальнего Востока: Происхождение, периодизация, датировка культур. Владивосток, 1990. С. 5–18.

Ивлиев А. Л. Письменные источники об истории Приморья середины I – начала II тысячелетия н. э. // Приморье в древности и средневековье. Уссурийск: УГПИ, 1996. С. 39–34.

Ивлиев А. Л. Шайгинская пайцза в свете данных японской летописи // История и археология Дальнего Востока. К 70-летию Э. В. Шавкунова. Владивосток, 2000. С. 181–184.

Ивлиев А. Л. О печати чжичжуна и статусе Шайгинского городища // Вестник ДВО РАН. 2006. № 2. С. 109–113.

Крадин Н. Н. Вождества в первобытной археологии Приморья // Приоткрывая завесу тысячелетий: к 80-летию Ж. В. Андреевой. Владивосток: ООО «Рея», 2010. С. 210–223.

Крадин Н. Н. Особенности и механизмы дальневосточного политогенеза // Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2019. Т. 25. С. 7–44.

Крадин Н. Н. Кочевники и всемирная история. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2020. 416 с.

Крадин Н. Н. Происхождение неравенства, цивилизации и государства. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2021. 336 с.

Крадин Н. Н. Мир-системный анализ и динамика древних и средневековых обществ // Stratum Plus. 2024. № 6. С. 141–153.

Кристиансен К. Навстречу обновленной предыстории: переосмысление генов, культуры и миграционных экспансий // Мультидисциплинарные исследования в археологии. 2023. Т. 6. № 1. С. 3–27.

Кузьмин Я. В. Сопоставление хронологий средневековых памятников юга дальнего Востока России // РА. 1993. № 2. С. 189–192.

Медведев В. Е. Приамурье в конце I – начале II тысячелетия (чжурчжэньская эпоха). Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1986. 206 с.

Пискарева Я. Е. Мохэская культура юга Дальнего Востока: социально-экономические аспекты // Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2019. Т. 25. С. 136–150.

Раннее государство, его альтернативы и аналоги: сб. статей / под ред. Л. Е. Гринина, Д. М. Бондаренко, Н. Н. Крадина, А. В. Коротаева. Волгоград: Учитель, 2006. 559 с.

Сапунов Б. С., Зайцев Н. Н. Средневековые городища Амурской области // Проблемы этнокультурной истории Дальнего Востока и сопредельных территорий. Благовещенск, 1993. С. 112–120.

Скотт Дж. Против зерна: Глубинная история древнейших государств. М.: ИД «Дело» РАНХиГС, 2020. 328 с.

Хорев В. А. Ананьевское городище. Владивосток: Дальнаука, 2012. 339 с.

Шавкунов Э. В. Культура чжурчжэней-удигэ XII–XIII вв. и проблема происхождения тунгусских народов Дальнего Востока. М.: Наука, 1990. 282 с.

Childe V. G. The Urban revolution // Town Planning Review. Vol. 21. 1950. P. 3–17.

Earle T. How Chiefs Come to Power: The Political Economy in Prehistory. Stanford (Cal.): Stanford Univ. Press. 1997. 268 p.

Feinman G., Marcus J. 1998 (eds.). Archaic states. Santa Fe: School of American Research. 44 p.

Flannery K., Marcus J. The Creation of Inequality: How Our Prehistoric Ancestors Set the Stage for Monarchy, Slavery, and Empire. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2012.

Trigger B. Understanding Early Civilizations: A Comparatice Study. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.

Turchin P. Ultrasociety: How 10,000 Years of War Made Humans the Greatest Cooperators on Earth. Chaplin, Beresta Book, 2016. 266 p.

Turchin P., Hoyer D., Korotayev A., Nefedov S., Feinman G., et al. Rise of the war machines: Charting the evolution of military technologies from the Neolithic to the Industrial Revolution // PLoS ONE. Vol 16. 2021. No 10. e0258161. P. 1–23.

Yoffee N. Myth of the Archaic State: Evolution of the Earliest Cities, States, and Civilizations. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. XIII. 277 p.

В. В. Майко
Институт археологии Крыма РАН,
Симферополь, Россия

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ВИЗАНТИЙСКИХ ГОРОДОВ ВОСТОЧНОГО КРЫМА

Аннотация. Археологическое изучение византийских городов – важнейшее направление современной византинистики, что справедливо и для Таврики. Сугдея и Боспор, расположенные в восточной части полуострова, целенаправленно изучаются более 60 лет. За этот период накоплен значительный археологический материал, позволяющий ставить и решать все важнейшие вопросы археологии Византии, ключевые и для реконструкции исторических процессов.

Ключевые слова: юго-восточный Крым, Византийский период, Сугдея, Боспор, проблемы изучения

Византийская археология Таврики – это археология, в значительной степени, городская. Сказанное относится и к восточной части полуострова, где крупнейшими городами на протяжении посл. четв. VII – пер. пол. XIII в. оставались Сугдея и Боспор. Целенаправленно и стационарно оба эти выдающиеся объекта археологии изучаются более 60 лет. За это время накоплен уникальный по объёму и значимости археологический материал, обобщение которого позволяет решать все основные вопросы византийской археологии. С учётом состояния источниковой базы и современных методов ее обработки попытаемся кратко представить, какие же проблемы стоят перед современными византинистами-археологами, осмысляющими Таврику в целом и ее восточную часть в частности. В чем эти проблемы схожи, а в чем отличаются от тех, которые стоят перед специалистами, исследующими византийские города юго-западного Крыма и Херсонеса.

В литературе уже отмечалось [Майко, 2022б], что основные проблемы византийской археологии Крыма логично рассматривать по основным ее хронологическим периодам.

Материалы для анализа археологической проблематики Таврики ранневизантийского периода обнаружены только в ходе раскопок Боспора и некоторых сельских поселений его хоры. Относительно последних, выделение материалов вт. пол. VI – пер. пол. VII в. – одна из актуальных задач. В самом же Боспоре важно не только четко выделять стратиграфические горизонты указанного хронологического периода, но и, по возможности, особое внимание уделять закрытым комплексам, скрупулезно анализируя все их составляющие.

Период, наступивший после проникновения в восточную часть полуострова в тр. четв. VII в. тюркоязычных праболгар, имеет ряд специфических особенностей, отличающих эту часть Таврики от юго-западного региона Крыма. Взаимоотношение сельских праболгарских поселений салтово-маяцкой культуры и городских центров, выделение крупных приморских или ремесленных центров и объектов аграрной направленности, тяготеющих к ним, важно для правильного понимания исторической географии византийской Таврики в целом. Для осмысления исторических процессов важны и критерии отнесения самой салтово-маяцкой культуры Крыма к категории провинциально-византийской культуры, независимо от этноса носителей и политической подчиненности того или иного региона ее распространения [Майко,

© Майко В. В., 2025

2022a, с. 133–154]. Перспективно и типологическое членение всех составляющих керамического комплекса, особенно столовой посуды, выделение хронологический маркеров. Особого внимания заслуживают и археологические критерии, свидетельствующие о процессе христианизации салтовцев восточного Крыма.

На сегодняшний день нет сомнений в том, что провинциально-византийская салтово-маяцкая культура Таврики во всех составляющих совершенно едина для всех типов поселений, в том числе и городов Сугдеи и Боспора. Принципиально важно при этом рассмотрение вопросов исторической топографии этих городов для периода VII – пер. пол. X в., особенно когда они, вероятно, находились под контролем или политическим влиянием Хазарии.

Для собственно средневизантийского периода восточно-крымских городов вт. пол. X – пер. пол. XIII в. проблематика принципиально не отличается от той, которая возникает при изучении византийских городов юго-западной части полуострова [Майко, 2014]. Важнейшим, конечно же, является вопрос о времени её окончательного подчинения империи как в экономическом, так и в политическом плане. Принципиально важно проследить изменение состава, размеров, расположения, особенностей хозяйственной деятельности городских кварталов данного периода. Проблемами остаются время возникновения не только самих кварталов и построек внутри них, но и самой этой системы. Единым ли был этот процесс в рамках середины X в. для всех частей полуострова, или Херсонес, наиболее связанный с Константинополем, шел «опережающими темпами»? Каков был механизм городской перепланировки в Херсонесе по сравнению с другими городами Таврики? Остальные города подражали Херсонесу или вырабатывали свои приемы застройки?

Важнейшим условием успешного продвижения вперед во всех поставленных вопросах является признание факта революционных изменений, происходивших практически во всех аспектах материальной культуры. Это тот существенный момент, который отличает подоснову происходивших изменений в юго-западной части Таврики, развивавшейся значительно более эволюционно. Вторым важным и необходимым критерием для сравнительного анализа являются различные географические условия формирования и расширения византийских городов. Гористая местность юго-восточного Крыма, равнинная Боспора и Херсонеса и плато гор юго-западной Таврики формировали своим приемы застройки. Именно под эти существующие условия приспосабливалась возникшая в первой половине X в. система квартальной планировки городов Византийской империи.

Учитывая все сказанное, важнейшей проблемой является состав, количество и взаиморасположение основных городских объектов, которые также формировали инфраструктуру восточно-крымских византийских городов. Здесь важное значение имел тот факт, что со второй половины X в. все приморские города Таврики начинают играть ключевую роль в качестве важнейших транзитных пунктов при зарождении и быстром развитии международной торговли, центром которой являлся Константинополь. Исходя из этого, наиболее существенную роль в инфраструктуре Сугдеи и Боспора начинает играть городской порт, вокруг которого в значительной степени шло формирование приморских городских кварталов.

Вторым важнейшим внешнеполитическим фактором, который оказывал влияние на формирование восточно-крымских византийских городов, являлось присутствие в степной части печенегов, а затем половцев. Значительное сокращение сельскохозяйственных угодий, отсутствие сельских поселений, жить в которых становилось опасным, способствовало небывалой концентрации в городах населения, вынужденного перейти к занятиям ремеслами, посреднической торговле, рыбному промыслу. Археологические свидетельства активных урбанистических процессов, протекавших в городах, уже становились предметом специального изучения [Майко, 2019, с. 169–172].

Эти важнейшие факторы и определили в конечном плане облик византийского города восточной части Таврики во вт. пол. X – пер. пол. XIII вв. Степень изученности Боспора и Сугдеи на сегодняшний день не позволяет говорить о месторасположении, да и самом факте существования городской цитадели. Отсутствие в портовой части городских кварталов с обязательным одноапсидным христианским храмом и наличие крупных городских некрополей, вынесенных за пределы крепостных стен, отличают Сугдею и Боспор от Херсонеса и провинциально-византийских городов юго-западного Крыма. Сформировавшись в основных чертах уже к концу X в., городская инфраструктура Сугдеи, исходя из эволюционного развития юго-восточной части полуострова, вплоть до начала XIII в. не претерпевала существенных изменений.

В качестве примера приведем застройку портовой части Сугдеи, изученную наиболее полно [Майко, 2014]. Застройка здесь располагалась на нескольких естественных террасах крепостной горы, спускавшейся к морю. При этом террасы были специально снивелированы и приспособлены для застройки. Ширина их не превышала 10 м, и отделены они были одна от другой продольными переулками. Кварталы в пределах одной террасы также были разделены поперечными узкими проходами. Застройка представляла собой отдельные усадьбы, включавшие, чаще всего, два строения, одно из которых было двухэтажным и имело полуподвальное помещение. Существовали в пределах террасы и ремесленные постройки, а также купные общественные сооружения с полуподвалом. Христианские храмы окаймляли застройку по периметру, образуя своеобразную сакральную площадь. Единственный крупный трёхапсидный храм, располагался на самой высокой террасе по центру портовой части. Никаких примыкающих к нему жилых или хозяйственных сооружений не отмечено.

Типологизация, состав, сравнительный анализ всех категорий археологического материала, в том числе керамического комплекса, поиск надёжных хронологических реперов, особенно для периода вт. пол. XII – пер. пол. XIII в., скрупулёзный анализ и учёт закрытых комплексов, особенности провинциально-византийской материальной культуры Сугдеи и Боспора первых двух четвертей XIII в., – вот те некоторые проблемы, которые остаются и должны оставаться в центре внимания специалистов, занимающихся археологическим изучением византийских городов восточной Таврики.

Список источников

Майко В. В. Восточный Крым во второй половине X–XII вв. Киев: Видавець Олег Філюк, 2014. 467 с.

Майко В. В. Урбанистические тенденции в развитии византийских городов Восточного Крыма во второй половине X в. // Восточная Европа в древности и средневековье. XXXI Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2019. С. 169–172.

Майко В. В. Три примера провинциально-византийских археологических культур Восточной Таврики // Византийские очерки. Труды российских учёных к XXIV Международному конгрессу византинистов. СПБ.: Алетейя, 2022а. С. 133–154.

Майко В. В. Основные проблемы византийской археологии Крыма на современном этапе // Византийский «круг земель» Orbis terrarum Byzantinus…: тез. докл. XXIII Всерос. науч. сессии византинистов РФ. Симферополь, 2022б. С. 101–104.

Н. А. Макаров, П. Г. Гайдуков, Вл. В. Седов, М. В. Вдовиченко
Институт археологии РАН,
Москва, Россия

АРХЕОЛОГИЯ СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ: НОВОЕ ВИДЕНИЕ И ОСМЫСЛЕНИЕ

Аннотация. Статья посвящена основным достижениям, полученным Институтом археологии РАН в 2020–2024 гг. при проведении исследований в Суздальском Ополье, Великом Новгороде и Москве.

Ключевые слова: Средневековье, Северо-Восточная Русь, сельские поселения, могильники, города, архитектурная археология

Средневековая Русь кажется нам неплохо изученной в археологическом отношении, и это представление во многом соответствует реальному положению дел. Общий характер материальных древностей Руси IX–XV вв. достаточно прояснен, важнейшие городские центры в большей или меньшей степени затронуты раскопками, все стороны экономики и культуры – от земледелия до распространения христианства – получили освещение по археологическим материалам. Объем накопленных материалов огромен, глобальное обобщение их становится все более сложной и менее реалистичной задачей. Все труднее рассчитывать на открытие ярких памятников, сопоставимых по своему значению с Рязанскими бармами, шлемом Ярослава Всеволодовича или первыми новгородскими берестяными грамотами.

Вместе с тем очевидно, что историческая картина средневековой Руси, как и другие разделы отечественной и мировой истории, требует обновления, соответствующего современному уровню научных знаний и общественным запросам. Это обновление должно основываться на более широком охвате археологических материалов и новых подходах к их систематизации, анализу и осмыслению. Оно приобретает особую актуальность в связи с тем, что средневековая Русь остается важнейшей частью нашего исторического сознания, находится в поле особого общественного интереса, с пристальным вниманием к достоверности исторических реконструкций и точности деталей. Как продвигается сегодня археологическое изучение средневековой Руси? Как происходит обновление общей археологической картины? Что добавили исследования последних лет к ее видению и пониманию? Как совместить практические задачи сохранения ее памятников и фундаментальные научные проекты? С какими проблемами сталкивается археология при сохранении и репрезентации ее наследия? Мы рассмотрим современное состояние исследований в этой области и практической работы, связанной с сохранением наследия средневековой Руси, обращаясь к новым проектам, в которые в последние годы был вовлечен Институт археологии РАН.

В 2024 г. из печати вышел второй том новой многотомной «Истории России», посвященный истории государств и народов на территории России в VI – сер. XIII в. [История России, т. 2, 2024]. Центральное место в нем занимает история восточного славянства, становления и развития Руси, изложение современных научных представлений о формировании ее территории, специфике политического устройства, внешнеполитических связях, церковной организации, культуре и повседневной жизни. Археологические данные полноценно присутствуют в этом фундаментальном издании, составляя основу для характеристики этнокультурной ситуации вт. пол. I тыс. н. э. и славянского расселения на Восточно-Европейской равнине, для реконструкции сети раннегородских центров и торговых коммуникаций IX–X вв. Они позволили представить широкую и достоверную картину расселения, экономики, культуры и по-

© Макаров Н. А., Гайдуков П. Г., Седов Вл. В., Вдовиченко М. В., 2025

вседневности XI–XIII вв., насыщенную конкретными фактами и материальными свидетельствами. Полноте современного научного видения средневековой Руси в этом томе «Истории России» в немалой степени способствовало участие археологов в его подготовке. Вместе с тем общая концепция истории России, с изложением событий в их хронологической последовательности и приоритетом проблематики социально-экономической и политической истории, не дает возможности интегрировать новые знания о средневековой Руси на археологической платформе. За рамками «средневекового тома» неизбежно осталась не только значительная часть новых материалов по археологии Руси, но и общая линия ее культурной истории, важные наблюдения об отдельных аспектах ее материального базиса и культуры, существенные для характеристики общественных отношений и идентичности.

Древности средневековой Руси затронуты полевыми работами последних лет значительно шире, чем памятники многих других эпох и культур. Объяснение простое – Средневековье оставило на территории Европейской России больше материальных следов, чем все другие эпохи, за исключением Нового времени, и эти следы часто находятся там, где ведется современное строительство. Основная масса раскопок древнерусских памятников сегодня – спасательные раскопки в исторических городах, места этих раскопок определяет современное строительство. Институт археологии РАН в течение последних 5 лет вел раскопки в 35 городах, наиболее широкие – в Новгороде. Экспертиза земельных участков постепенно пополняет археологические карты новыми древнерусскими селищами, на некоторых из них, преимущественно в зоне строительства автомагистралей, в последние годы проведены широкие спасательные раскопки. Средневековые некрополи затрагиваются современным строительством значительно реже. Очевидно, что основной приток новых материалов по археологии средневековой Руси обеспечивается сегодня спасательными раскопками. Последующая судьба этих материалов различна, в одних случаях они остаются невостребованными как источники в исследовательской работе, в других – используются в той или иной степени в больших и малых исследовательских проектах.

Полевые работы Института археологии РАН, ведущиеся с чисто научными целями, составляют скромную часть общего объема разведок и раскопок на памятниках русского Средневековья. Тем не менее, будучи ориентированы на решение тщательно выверенных научных задач, они в большинстве случаев оказываются исключительно продуктивными, часто при скромных объемах земляных работ. Расширение источниковой базы для изучения средневековой Руси в этой ситуации предполагает сочетание обработки и систематизации больших массивов материалов, полученных в результате спасательных раскопок, с точечными раскопками отдельных объектов в режиме исследовательских проектов. Накопление новых данных – не только более полный пространственный охват территорий и памятников, не только численное увеличение коллекций, но и более точное и детальное документирование ключевых памятников, исследование археологических контекстов в более высоком разрешении.

Одна из ключевых тем истории Руси – средневековое расселение на Восточно-Европейской равнине, обустройство земли, пространственная организация территорий, вошедших в состав государства Рюриковичей, формирование и развитие новой сети поселений и новых культурных ландшафтов как часть «создания Руси». Основным полигоном для изучения этих процессов в последние десятилетия стало Суздальское Ополье, историческое ядро Северо-Восточной Руси. Это единственная область средневековой Руси, где в новейшее время были проведены систематические обследования территорий с целью максимально полного выявления древнерусских поселений на значительных территориях (более 700 кв. км), результатом которых стало выявление более 400 селищ. Это плотная сеть поселений, выделяющихся своими размерами, устой-

чивостью, преемственностью в развитии с конца I тыс. и до Нового времени, интенсивностью и разнообразием хозяйственных занятий, высоким благосостоянием. Установлено, что на этой территории значительно раньше, чем в других областях лесной полосы Европейской России, сложилась сотовая система расселения, с поселениями на оврагах, не связанными с крупными водотоками, открывавшая возможность устройства сельскохозяйственных угодий на водоразделах. Ополье в течение нескольких столетий оставалось местом сосредоточения основной части населения Большой Суздальской земли. Период его максимального роста – XII – первая половина XIII в. Политическое возвышение Северо-Восточной Руси во многом связано с формированием этого демографического ядра [Археология Суздальской земли, 2023, т. 1–2].

Важнейший результат новых исследований в Суздальской земле – выявление археологических следов древнерусской элиты в сельских ландшафтах и связанное с ним новое понимание особенностей формирования властных отношений в Северо-Восточной Руси в X–XIII вв. Находки статусных вещей на селищах и открытие погребальных комплексов конца X–XI в. с престижными предметами вооружения, в том числе несущими княжескую символику, в могильниках, относящихся к большим поселениям, позволяют окончательно отказаться от традиционных представлений об укрепленных поселениях как о единственных точках местопребывания элиты и узлах властных структур, до сих пор распространенных в историографии [Археология Суздальской земли, 2023, т. 2]. Ярким и неожиданным свидетельством присутствия военно-административной элиты «на земле» стали всаднические погребения могильника Гнездилово, исследованные новейшими раскопками [Макаров, Красникова, 2022].

Новое видение сельского мира средневековой Руси дали полевые работы на селищах Чаадаево 5 и Катышево 1 под Муромом на трассе скоростной автомагистрали Москва – Казань, где раскопками впервые удалось вскрыть всю территорию крупных сельских поселений XII – нач. XIV в. и выявить подробную картину их пространственной организации с усадебной застройкой, частокольными оградами, разделявшими отдельные дворовладения, и общей оградой вокруг поселения с въездными воротами.

Работы Института археологии РАН в Великом Новгороде в 2020–2024 гг. в значительной степени были подчинены сопровождению больших проектов по реконструкции существующих зданий и новому строительству в историческом центре города. Исследовались 69 различных объектов общей площадью более 40 тыс. кв. м (до материка культурный слой изучен на площади около 21 тыс. кв. м). Это самые значительные по своим объемам спасательные раскопки в древнерусских городах. Проведенные работы значительно уточнили и пополнили наши знания об исторической топографии средневекового Новгорода, его уличных трассах, планировке городских усадеб, особенностях домостроительства, а также существенно пополнили коллекции предметов материальной культуры средневековых новгородцев.

Масштабные исследования в виде серии крупных раскопов осуществлены на Софийской стороне города к северу от Кремля, на месте реконструкции Софийской набережной р. Волхов и прилегающей территории. На береговой линии в 2020 г. впервые открыты остатки деревянных укреплений XVI–XVII вв. (части бревенчатой прямоугольной башни и стены), защищавших Неревский конец со стороны реки и известных ранее лишь по описям Новгорода [Археологические исследования на Софийской набережной…, 2022].

При реконструкции ул. Ильиной на Торговой стороне на протяжении 130 м вскрыты верхние настилы средневековой улицы с тем же названием, впервые упомянутой в летописи под 1311 г. Раскопки уточнили местоположение западной части ее трассы, неверно отмеченное ранее на реконструкциях уличной планировки средневекового Новгорода. В заложенном неподалеку от Знаменского собора стра-

тиграфическом шурфе выявлено 22 настила мостовой, древнейшие из которых относятся к концу XI в. [Археологические работы…, 2023].

В 2020 г. в квартале 38 Великого Новгорода, примыкающем с востока к Ярославову дворищу, в связи с планируемым созданием здесь «Историко-археологического музейного квартала», начаты планомерные работы по изучению средневековых усадеб, церквей и улиц, расположенных в этой части Славенского конца древнего Новгорода. Установлено, что мощность культурного слоя здесь достигает 8 м. Особую значимость эти исследования получили после обнаружения Немецкого двора, располагавшегося здесь с конца XII до начала XVII в. В последующие годы раскопками был вскрыт юго-восточный участок подворья ганзейских купцов с остатками ворот на Большую Пробойную улицу Славенского конца, а также участок самой улицы, примыкающей к двору с юга. Собрана небывалая по численности коллекция индивидуальных находок (около 3 500 экз.), из них около трети – западноевропейского происхождения. Среди импортных находок пять предметов с руническими надписями, паломнические жетоны, гребни, орудия для письма, западноевропейские свинцовые текстильные пломбы, ременная гарнитура и декоративные элементы одежды, детали кожаной обуви, сотни фрагментов керамической и деревянной столовой посуды [Археологические исследования в квартале 38…, 2024].

В том же квартале к югу от Большой Пробойной улицы раскопками выявлен участок городского кладбища при церкви Иоанна Предтечи. Здесь на площади 30 кв. м изучены около 200 погребений XIV–XVI вв. в деревянных гробах, колодах и каменных саркофагах. Это первый некрополь периода существования независимого Новгорода, открытый раскопками.

Значительное событие в археологии Новгорода – находка в августе 2024 г. крупнейшего денежно-вещевого клада конца X в., обнаруженного в ходе исследований в зоне строительства жилого дома на ул. Воздвиженская, 6 (Софийская сторона). Клад был спрятан в яме, вырытой в глинистом материке, его вес около 2,5 кг. Он насчитывает более 1 900 предметов: более 80 различных украшений (крест, лунницы, подвески различных форм, перстень, височное кольцо, сферические пуговицы, серебряные, глиняные и хрустальная бусины) и около 1 825 серебряных монет.

В составе Воздвиженского клада сасанидская драхма шахиншаха Хосрова II (591–628 гг.), германский денарий императора Оттона I (936–973 гг.) и девять византийских милиарисиев: восемь императора Константина VII Порфирогенета (945–959 гг.) и один – Иоанна Цимисхия (969–976 гг.).

Основная же масса денежной составляющей комплекса представлена куфическими дирхамами, отчеканенными на монетных дворах Ближнего Востока и Центральной Азии. Первичную атрибуцию пока получили только целые экземпляры, которых в кладе насчитывается около 500. Это дирхамы Арабского халифата, выпущенные правителями из династий Умайадов и Аббасидов на территории современных Ирака, Ирана и Турции. Присутствуют эмиссии Хамданидов (амиры ал-Джазиры и Сирии), дайламитских (южный Прикаспий) династов Бувайхидов и Зийаридов, а также Саффаридов, чьей родиной являлась историческая область Сиджистан.

Подавляющее большинство монет клада принадлежит амирам из среднеазиатской династии Саманидов. Здесь представлены эмиссии всех законных правителей от Исма‘ила б. Ахмада (279–295 гг. х. /892–907 гг.) до Мансура б. Нуха (350–366 гг. х. / 961–976 гг.) включительно. При Мансуре б. Нухе отчеканена и младшая из точно датируемых монет клада – 364 г. х. (974/975 г.).

Судя по имеющимся данным, сокрытие Воздвиженского клада предварительно следует относить ко второй половине 970-х гг. Более точно о времени его сокрытия можно будет говорить только после определения всех восточных монет. Всестороннее изучение денежно-вещевого комплекса еще предстоит, но его исключительная

научная значимость для ранней истории Новгорода и Древней Руси очевидны.

Археологическое изучение средневековых каменных храмов – один из продуктивных способов пополнения музейных коллекций древнерусского искусства и верный путь расширения знаний о высокой художественной культуре Древней Руси. Новгород является единственным городом на территории России, где архитектурно-археологические работы ведутся систематически и широко на протяжении более 60 лет, но в последние десятилетия они дают исключительно богатые и разнообразные результаты.

На территории бывшего Благовещенского монастыря на Мячине обнаружены фундаменты каменных монастырских ворот, над которыми в древности возвышалась церковь Богоявления 1180–1182 гг., а также найден и исследован домонгольский притвор соборного храма 1179 г. с плинфяными саркофагами внутри. В бывшем Пантелеймоновом монастыре, продолжая работы 1980-х гг. П. А. Раппопорта, были полностью раскрыты основания монастырского собора, выстроенного в 1207 г. В продолжение археологических исследований силами Новгородского музея-заповедника план собора св. Пантелеймона был выложен на первоначальном месте с частичным использованием древних строительных материалов, обозначив тем самым место домонгольского монастыря на южной окраине Новгорода. В юго-восточном новгородском пригороде был локализован сохранившийся под землей (почти на 2 м) храм Андрея Юродивого на Ситке 1371 г. Церковь исчезла с лица земли в период Второй Мировой войны, и ее место потерялось в современном ландшафте. Археология каменных храмов дает обоснованные свидетельства высокого мастерства древних зодчих и мастеров строительных специальностей, а также корректирует средневековую карту архитектурных сооружений Новгорода и окрестностей, добавляя на нее новые храмы, и меняет наши представления о культурном ландшафте средневекового мегаполиса [Седов, Вдовиченко, 2021].

Архитектурные раскопки сопровождались открытием окружавших монастырские храмы средневековых некрополей, на территории которых, а также внутри храмов, помимо погребений в деревянных гробах и колодах, были открыты погребения новгородской элиты в каменных саркофагах двух видов: сборных саркофагах из шести плит, относящихся к домонгольскому времени, и ладьевидных саркофагах, уверенно датируемых XIV–XV вв. В качестве результатов последних раскопок выяснилось, что в Новгороде в домонгольское время существовали также саркофаги, сложенные из плинфы, их происхождение связано с византийской традицией устройства подобных погребений. Открытые в последнее время новые некрополи Новгорода скорректировали наши знания о погребальной культуре древних новгородцев, а также предоставили образцы для дальнейших палеогенетических исследований.

На территории церкви Благовещения на Городище, расположенной близ Новгорода, построенной князем Мстиславом Владимировичем в 1103 г., были исследованы раскопками два каменных храма: более поздний храм 1342–1343 гг., вставший на месте первого, и первоначальный памятник домонгольского времени [Архитектурная археология, № 1, 2019]. Среди его фундаментов обнаружены стратифицированные слои Городища X–XI вв. В развалинах храма 1103 г., образовавшихся в момент его разрушения в XIV в., были обнаружены фрагменты первоначальных фресок. Это позволило собрать громадную коллекцию росписей начала XII в. и сложить некоторые композиции; тут же обнаружились надписи, причем как кириллические, так и глаголические. В результате в научный оборот введен большой комплекс знаний об архитектуре древнего храма, о стиле и составе его древней живописи. Он дополнен обширными эпиграфическими наблюдениями и исследованиями. В данном случае архитектурно-археологические работы велись в рамках музеефикации территории Городища и приспособления церквей к музейному показу, что было реализовано,

и сейчас результаты археологических работ можно видеть в качестве новой экспозиции на Городище.

Архитектурными археологами Института археологии РАН исследована с применением геофизических методов дистанционного зондирования территория Юрьева монастыря в Новгороде [Архитектурная археология, № 4, 2022]. Монастырский Георгиевский собор – одно из древнейших каменных зданий города, заложенное тем же князем Мстиславом Владимировичем в 1119 г. Помимо первоначальных участков его пола, синтрона и престолов, в засыпке под поздний пол храма обнаружено несколько сотен тысяч фрагментов первоначальной фресковой росписи собора, сбитой с его стен во время ремонта в 1826 г. Этот драгоценный материал составил наиболее полную коллекцию новгородской домонгольской монументальной живописи и позволил судить о некоторых сюжетах и о стиле росписи одного из пяти древнейших храмов Новгорода. Суждения стали возможными потому, что сохранились большие фрагменты, которые составлялись реставраторами в еще более крупные объекты росписи. Так, по масштабу изображений стало очевидным, что фигуры в композициях не были высокими, и стены были поделены на не менее 6–7 регистров росписи. На фресках были найдены многочисленные надписи домонгольского времени, причем как летописного, так и меморативного характера.

К археологическим исследованиям привлечены специалисты естественнонаучного профиля, и в результате было реализовано комплексное материаловедческое изучение пигментного состава росписей Георгиевского собора, а также несущих эти росписи растворов [Росписи Георгиевского собора, 2024]. При помощи точных методов и оборудования были распознаны три основных типа штукатурки-основания, соответствующих этапам росписи храма: первоначальный 1130-х гг., рубежа XVII–XVIII вв. и XIX в. Были определены 7 первоначальных пигментов фресковой росписи и 4–5 дополнительных пигмента позднейших ее поновлений. При помощи изотопного анализа серы, содержащейся в синей краске, получавшейся из толченого лазурита, было определено бесспорное происхождение минерала, употреблявшегося в избытке в росписях Георгиевского собора, из месторождения Сарэ-Санг в Афганистане. В итоге в настоящее время сформировалось фундированное представление о красках и растворах, а шире – о некоторых аспектах технологии фрескового производства Георгиевского собора, одного из ранних памятников Древней Руси.

В последнее время Институт археологии РАН продолжает исследование древних памятников архитектуры Новгорода: работы ведутся на церкви Бориса и Глеба в Детинце, первоначально выстроенной в 1167 г. и возобновленной в 1441 г., а также на территории собора Мало-Кириллова монастыря 1196 г.; удалось также открыть местоположение и частично исследовать кладки церкви Иоанна Предтечи у Немецкого двора 1359 г.

Москва – один из немногих исторических городов, в центре которого в последние годы помимо спасательных раскопок велись масштабные полевые исследования, не связанные со строительством и реконструкцией. Раскопки, проводившиеся в течение трех сезонов в Большом Кремлевском сквере, к юго-востоку от Архангельского собора, впервые дали представление о стратиграфии культурных отложений и характере средневековой застройки в центральной части Московского Кремля, у края высокой коренной террасы Москвы-реки. Средневековые культурные напластования в Большом Кремлевском сквере оказались сильно нарушены при строительстве зданий Старых (1591 г.) и Новых (1675–1703 гг.) Приказов – каменных построек, в которых размещались центральные органы управления Русского государства. Фундаменты и цокольная часть этих построек, разобранных в 1769–1772 гг., были вскрыты раскопками и планируются к музеефикации [Вдовиченко, 2022]. На участках, избежавших разрушения, выявлены стратифицированные культурные отложения вт. пол. XII – нач. XVI в. со следами го-

родских усадеб и остатками деревянных сооружений – срубами погребов-подполий, над которыми находились не дошедшие до нас наземные жилые постройки. Присутствие среди находок вт. пол. XIV – пер. пол. XV в. статусных предметов, связанных с обиходом знати (шпора, стиль для письма, гирька с изображением льва, многочисленные фрагменты восточной керамики), и свидетельства письменных источников о расположении вблизи Архангельского собора двора князя Владимира Андреевича Храброго позволяют полагать, что раскопками вскрыта часть усадьбы двоюродного брата и одного из ближайших сподвижников Дмитрия Ивановича Донского.

Еще более яркие средневековые материалы были собраны при раскопках в восточной части Кремля, на Подоле. Здесь в небольшом раскопе были вскрыты влажные культурные отложения XIV–XV вв. с остатками 19 деревянных сооружений, образующих 7 строительных ярусов. Для построек трех строительных ярусов в лаборатории естественно-научных методов Института археологии РАН получены редкие для Москвы дендрохронологические даты: 1332, 1341, 1342, 1343, 1346, 1352 гг. Усадьбы вт. пол. XIV в. на этом участке, выделяющиеся находками предметов вооружения и престижных вещей, можно рассматривать как часть кремлевских дворовладений Тимофея Васильевича Вельяминова, окольничего великого князя Дмитрия Ивановича, или его ближайших родственников [Усадьбы…, 2023].

Артефакты и остатки построек из стратифицированных отложений представляют исключительный интерес для характеристики культуры Москвы XIV – нач. XV в. Эта культура основывается на древнерусских традициях домонгольского времени. Преемственность отчетливо проявляется в домостроительстве, керамических формах, общем наборе и типах наиболее употребительных бытовых вещей и предметов, связанных с письменностью. Более того, Москва XIV в. оказывается местом неожиданного возобновления некоторых важных элементов культуры и репрезентации княжеского управления домонгольского времени. Речь идет о пломбах с буквенными знаками и надписью «печать князя великого», использовавшихся, вероятно, для опечатывания меховых ценностей или иных товаров. Московские пломбы с буквенными знаками XIV в. воспроизводят оформление пломб «дрогичинского типа» XI–XII вв. Но не менее ярки и культурные новации, появление в обиходе новых типов бытовых вещей, украшений и христианских предметов. Начало их бытования в XIV в. надежно определено стратиграфическим положением находок. Своеобразный колорит Москве придает присутствие в материальной культуре предметов западного и восточного происхождения, отражающих дальние связи и особый стиль жизни элиты. Восточные вещи более заметны и многочисленны. С учетом новых находок можно полагать, что Москва XIV в. была одной из точек переосмысления домонгольского наследия, рождения новаций, культурных контактов, обновления стилей.

Перед археологией стоит задача сделать наследие средневековой Руси видимым и узнаваемым в современном пространстве в виде музейных экспозиций, ландшафтных археологических парков, отдельных объектов, музеефицированных или сохраненных в современной среде. Реализация этой задачи осложнена как стремительным и глубоким преобразованием исторических ландшафтов, так и характером самих археологических памятников Руси, малозаметных в рельефе, с редкими остатками каменных построек. По инициативе Института археологии РАН в последнее десятилетие выполнена музеефикация открытых раскопками памятников древнерусской архитектуры (Новгородское (Рюриково) Городище, Московский Кремль), ведется проектирование археологических парков на местах средневековых некрополей (Суздаль), вошла в обиход практика «открытых» раскопов, демонстрирующих средневековые объекты в процессе полевых работ. Совместно с Новгородским государственным университетом и НИЦ «Курчатовский ин-

ститут» запущен пилотный проект консервации и подготовки к музейному показу остатков деревянных построек из новгородских раскопок, составляющих важнейшую часть археологического наследия древнерусских городов, физическое сохранение которой до последнего времени считалось невозможным.

Список источников

Археологические исследования в квартале 38 Великого Новгорода в 2022 г. (Иоанновский раскоп) / П. Г. Гайдуков, И. В. Волков, П. А. Миляев, О. М. Олейников, Ю. С. Машкова, О. А. Тарабардина, Л. П. Гайдукова // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород, 2024. Вып. 37. С. 136–156.

Археологические исследования на Софийской набережной в 2020 г. / П. Г. Гайдуков, О. М. Олейников, М. А. Степанов, А. М. Бадалов, П. В. Усольцев, Н. А. Сарафанова // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород, 2022. Вып. 35. С. 57–69.

Археологические работы при реконструкции ул. Ильиной в 2021 г. в Великом Новгороде / О. М. Олейников, П. Г. Гайдуков, П. В. Усольцев, А. В. Иванова, О. Л. Чайковский, К. К. Заболотная, А. М. Бадалов // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород, 2023. Вып. 36. С. 43–50.

Археология Суздальской земли. Т. 1. Расселение и культурный ландшафт / отв. ред. Н. А. Макаров. М. – Вологда: Древности Севера, 2023. 287 с.

Археология Суздальской земли. Т. 2. Культура, общество, идентичность / отв. ред. Н. А. Макаров. М. – Вологда: Древности Севера, 2023. 427 с.

Архитектурная археология = Architectural archeology, № 1 / гл. ред. Вл. В. Седов. М.: ИА РАН, 2019.

Архитектурная археология = Architectural archeology, № 4 / гл. ред. Вл. В. Седов. М.: ИА РАН, 2022.

Вдовиченко М. В. Источники о сложении архитектурного облика набережных Приказов XVII в. // КСИА. 2022. Вып. 267. С. 419–436.

История России. Т. 2. Государства и народы на территории России в VI – середине XIII в. / отв. ред. А. А. Горский. М.: Наука, 2024. 1055 с.

Макаров Н. А., Красникова А. М. Суздальская знать: погребение с оружием и всадническим снаряжением в могильнике Гнездилово // РА. 2022. № 4. С. 110–120.

Росписи Георгиевского собора Юрьева монастыря: археология и искусство / отв. ред. М. В. Вдовиченко, Вл. В. Седов. М.: ИА РАН. 2024. 656 с.

Седов Вл. В., Вдовиченко М. В. Работы Новгородского архитектурно-археологического отряда в Новгороде и его окрестностях в 1996–2017 гг. // Новгородские археологические чтения–4: мат-лы науч. конф. «Археология Новгорода. 85 лет исследований и открытий». М., 2021. С. 112–123.

Усадьбы московской знати XIV–XV вв. на Подоле Московского Кремля / К. И. Панченко, Н. А. Макаров, А. А. Карпухин, В. Ю. Коваль // РА. 2023. № 2. С. 64–80.

П. В. Мандрыка, Д. А. Виноградов, П. О. Сенотрусова
Сибирский федеральный университет,
Красноярск, Россия

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ОБЛАСТИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА В ЮЖНОЙ ЧАСТИ СРЕДНЕЙ СИБИРИ: НОВЫЕ ДАННЫЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ

Аннотация. Приводятся новые материалы, дополняющие данные по археологическим культурам и культурно-историческим областям раннего железного века лесостепных и южнотаежных районов Средней Сибири. Определяются перспективы их изучения в части расширения археологических изысканий на известных комплексах и поиска новых объектов в зонах интенсивного риска разрушения.

Ключевые слова: Средняя Сибирь, ранний железный век, археология, культура, хронология, районирование

С учетом природно-ландшафтного районирования и культурных областей в Средней Сибири выделяется три крупные зоны: Красноярская и Канско-

© Мандрыка П. В., Виноградов Д. А., Сенотрусова П. О., 2025

Рыбинская лесостепь; таежная зона Ангаро-Енисейского бассейна; тундра Таймыра. В южной части Средней Сибири располагаются Красноярская и Канско-Рыбинская островные лесостепи, вместе с примыкающими с севера южнотаежными подзонами Среднего Енисея и Нижней Ангары. Географическая изолированность района от степного коридора Евразии вместе с палеоэкологическими условиями создавали благоприятные условия для переселения сюда древних коллективов со своими традиционными формами ведения хозяйства. В ходе культурных взаимодействий в лесостепной зоне и южнотаежной подзоне сложился своеобразный облик материальной культуры, отличный от культур сопредельных территорий. Обособленность начала проявляться еще в эпоху неолита, но наиболее ярко проявилось в эпоху палеометалла.

С учетом общей евразийской периодизации железный век начинается в I тыс. до н. э. К этому времени в южной части Средней Сибири сложились синкретичные культуры, основанные на традициях валиковой керамики, пришедших с запада. Они принесли с собой технологические приемы вафельной, рогожной и текстильной обработки поверхности сосудов. В районе исследования эти комплексы связаны с шепилевской культурой переходного периода от бронзового века к железному.

До недавнего времени ареал шепилевской культуры включал южную тайгу Среднего Енисея и Красноярский лесостепной район [Мандрыка, 2008]. Новые открытия подтверждают присутствие шепилевских поселков на северной границе Канско-Рыбинской котловины. В глубине террасы от реки Усолка, на комплексе Глинный в пункте № 6 изучены два углубленных жилища. Они располагались в одном ряду и были круглой формы, диаметром 3,1 и 4,3 м. В центре каждого жилища располагался наземный округлый очаг, заполненный прокаленной почвой с мелкими обломками костей животных. У одной постройки с южной стороны прослежен коридорообразный вход. Находки из жилища и внежилищного пространства составляют единый комплекс. Отмечены сосуды с техническим декором из отпечатков тонкого витого шнура и гладких ромбов («вафли»), которые украшены гладкими и рассеченными налепными валиками, зубчатыми наколами, прочерченными линиями. Подвесные «горшочки-дымокуры» снабжались прямоугольными налепными ушками. Культурный слой насыщен значительным количеством расколотых огнем речных галек. Из камней оформлялись молотки, отбойники, терочники. Уникальны бусы в виде керамических шариков и грушевидных подвесок. Размещение поселений на берегах вдали от водотоков, состав орудийного набора и остеологический материал (кости лося, косули, бобра) указывают на преобладающую роль в хозяйстве охоты и рыболовства.

Появление и распространение железных изделий в орудийном наборе племен южной части Средней Сибири начинается с VI в. до н. э. под влиянием верхнеобских археологических культур большереченского круга. Здесь это происходит раньше, чем на территории Хакасско-Минусинских котловин, что фиксируется в комплексах нижнепорожинской культуры [Мандрыка, 2012; Мандрыка, 2020]. Прослеживается сходство между материалами Усть-Шилкинского могильника на Енисее с ранними грунтовыми погребениями староалейской культуры. Их объединяет размещение погребений в линию с ориентацией могил по её направлению, положение костяка на спине с вытянутыми вдоль туловища руками, присутствие вторичных погребений или погребений с одним черепом. Элитарные погребения схожи по парному размещению мужского и женского костяка, богатому сопроводительному инвентарю, включающему оружие из железа и бронзы, золотые и железные украшения, составной наборный пояс из различных бронзовых бляшек, украшение цепочными привесками головного убора или прически. В инвентаре рядовых погребений обеих культур схожи бронзовые крестовидные и бабочковидные бляшки-застежки, колоколовидные подвески, иглы-заколки с петельчатым гнутым ушком.

Дополняет предметный комплекс нижнепорожинской культуры набор оружия и деталей составного пояса, найденных на правом берегу р. Кемь. В одном погребальном наборе лежали железный проушной чекан, бронзовые петельчатые ножи, разноразмерные одноушковые кельты с муфтой у втулки, дисковидное зеркало с бортиком по периметру, трехлопастные наконечники стрел, подвески, а также поясные бляшки с рельефным изображением голов грифонов и пряжка с изображением головы архара.

На селище Шилка-13 изучены три жилища III–II вв. до н. э., располагавшихся вдоль кромки береговой енисейской террасы [Материалы…, 2024]. В квадратно-прямоугольных котлованах размерами от 3,2×3,2 до 4,0×4,4 м, на ровном дне устраивался наземный очаг. Сохранившиеся сгоревшие деревянные жерди перекрытий позволяют предположить каркасную пирамидальную и столбовую кровлю, покрывавшуюся корой и кусками дерна. На плечиках котлованов отмечены скребки из каменных плиток и керамических черепков, развалы сосудов и фрагменты керамики. В жилищах лежали по одному бронзовому ножу, один из которых – со стилизованным изображением головы грифона на конце ажурной рукояти. На полу, возле очага и в очаге фиксировались приочажный камень, мелкие жженые кости, фрагменты керамической посуды, каменные и керамические орудия, бронзовые всплески. На древней поверхности за пределами жилищ расчищена хозяйственная яма, заполненная отходами бронзолитейной мастерской. Среди фрагментов керамической посуды, кусочков обожженной глины лежали обломок тигля или разливной ложки, бронзовые всплески, ударно-терочные орудия из речного галечника и обломки костей животных. Показательна керамика нижнепорожинских поселений, сочетающая две орнаментальные традиции: нижнепорожинскую и цэпаньскую. Среди фаунистических остатков на селище Шилка-13 отмечены кости рыб, косули, благородного оленя, лося (?), бобра, соболя, лисы, а также крупного и мелкого рогатого скота, что указывает на комплексный характер хозяйства населения поселка.

Ареал нижнепорожинской культуры занимает островок лесостепи Казачинского района. Фактически, он разделяет ареалы кулайской и цэпаньской культурно-исторических областей. Последние, судя по сегодняшним данным, не контактировали друг с другом.

Раннетагарское время (VIII–VI вв. до н. э.) в Красноярской и Канско-Рыбинской лесостепи остается слабоизученным. Вероятно, район продолжает заселяться потомками населения культур позднего бронзового века, но прослеживается существенное влияние облика тагарских вещей. Схожая ситуация прослеживается и для комплексов VI–IV вв. до н. э.

Многие исследователи отмечали своеобразие культуры лесостепных районов Средней Сибири, подчеркивая ее отличие от Минусинских древностей [Merhart, 1926; Максименков, 1960]. Высказано мнение о выделении «ангаро-енисейской» культурно-исторической общности [Савинов, 2012].

Источниковую базу этого периода составляют материалы нескольких кладов, грунтовые погребения в окрестностях Красноярска и Канска, пещеры Бирюсинского и Карауленского карстового пласта, а также многочисленные разнотипные бронзовые изделия, хранящиеся в музеях региона.

Единичные известные погребения этого периода (у оз. Долгого под Канском, могильник Нефтепровод-1) устраивались в грунтовых ямах. В них находился уложенный на спину костяк. В состав инвентаря входили: бронзовый нож в районе пояса и баночный сосуд; бронзовый двушковый кельт и обойма возле головы; латные пластины из рога [Тимощенко, Выборнов, Рыбин, 2018]. Внешняя поверхность сосудов сохранила загаженные отпечатки от выколотки «вафельной» колотушкой. Аналогичная керамика известна в нескольких поселениях в Красноярской лесостепи.

Клады содержали оружие, орудия труда и украшения. Все предметы являлись продукцией литейщика, иногда даже бра-

кованной. Для региона характерны бронзовые кинжалы без «перекрестия» с валиками или фигурками зверей на рукояти, бубенчики с прорезями или петлей, клиновидные кельты красноярско-ангарского типа с линейно-выпуклым орнаментом, топоры с расширяющейся втулкой, ножи с трапециевидной рукояткой или рукояткой, оканчивающейся кольцом, шилья с четырехгранным острием, круглой шейкой и кольцевым навершием или шарообразным бубенчиком с прорезями. Ряд ножей и кельтов несут признаки орудий более ранних лесостепных «карасукских» образцов. Широко используются вещи минусинских форм, но, вероятно, изготовленные местными мастерами. Представительна коллекция бронзовых котлов, которые практически все со следами ремонта и отдельными, выломанными ручками. Встречаются бронзовые трубчатые игольники с иглами, разноразмерные зеркала. Трехпетельные стержневые псалии с окончаниями в виде изображения лошадиного копыта вместе с шарнирными удилами с овально-треугольными окончаниями указывают на распространение всадничества. Серия серпов с отверстием на окончании рукоятки – о массовой заготовке трав или сборе сельскохозяйственных культур. Разнообразны бронзовые украшения: пуговицы, заколки, бубенчиковидные подвески, трехлопастные пронизки, пряжки и бляшки с изображением свернувшихся хищников и травоядных животных и многое др. Важно отметить, что практически все материалы по этой культуре получены не в результате археологических раскопок, а происходят из случайных сборов.

Параллельно нижнепорожинским комплексам и культуре лесостепных районов по всей южнотаежной подзоне Ангары (до Лены) существовала цэпаньская культурно-историческая область [Мандрыка, 2021]. Показательным индикатором, объединяющим памятники цэпаньского облика по всему ареалу, выступает керамика – это сосуды горшковидной формы с выраженной шейкой, утолщенной широким налепом или своеобразным «воротничком», с зональным орнаментом в верхней части емкостей. Часто на керамике встречаются схематические антропоморфные изображения в виде контуров линейной фигуры, с головой ромбической формы. Вариативность из разных территориальных групп проявляется в стиле и приемах орнаментации посуды, деталях формы и их формообразовании, в назначении посуды. Для цэпаньских погребений характерны следующие признаки: перезахоронение костяка в погребальном обряде, грунтовые погребения, часто встречается парциальность, схожий набор инвентаря.

Самым распространенным видом оружия в цэпаньских комплексах являлись лук и стрелы с утяжелителями-посредниками и длинными наконечниками из рога, бронзы или камня, а для поздних памятников – из железа. Своеобразны серповидные кинжалы из бронзы. Обращает внимание присутствие значительного числа изделий из рога, как ручек для орудий труда и оружия, так и украшений. Из украшений часты бронзовые нашивные бляшки с изображениями хищной птицы, образ которой был перенят из культур скифского мира сопредельных территорий и получил новое смысловое наполнение в мировоззрении лесного населения [Мандрыка, Юрьева, 2023]. На цэпаньских памятниках встречаются бронзовые кельты удлиненной формы с глазками и фестонами, а также бронзовые литейные формы для их изготовления.

Оригинальны предметы в виде керамических трубчатых изделий Г-образной формы, украшенных приемами и орнаментами, схожими с узорами на посуде. На Енисее они часто имеют зооморфный облик [Фокин, 2009; Бородовский, Труфанов, 2019], на Ангаре похожие трубки имею прямые окончания. Указанные изделия использовались, скорее всего, как сопла для внутритигельной плавки. В металлургии цэпаньцев не установлено получение меди из руд, но известны находки плавильных чаш (керамических тиглей) во всех районах. Общим для всего ареала памятников цэпаньской культурно-исторической области являются использование речных галек в качестве каменных

орудий: молотков для обработки твердых материалов (металлов), наковален, терочников, дисковидных скребков с двумя выемками-перехватами, грузил.

На Енисее фиксируется распространение скотоводства среди носителей цэпаньских традиций. В ангарской долине продолжали сохраняться устои пеших охотников, рыболовов и собирателей предшествовавшего времени. На Верхней Лене большее значение имели традиционные коренные традиции усть-мильской культуры и новые культурные влияния со стороны северобайкальского населения. Их значение еще предстоит выяснять, но уже сейчас очевидно влияние усть-мильской культуры с ее оригинальной тонковаликовой керамикой. Только в Среднем Приангарье прием тонковаликовой орнаментации накладывается на цэпаньский орнамент и форму сосудов [Леонтьев, Герман, 2015, с. 97, рис. 5].

Ко II в. до н. э. по южнотаежным районам южной части Средней Сибири, по всей Ангаре, от места слияния с Енисеем до Братска, расселяются пришлые племена шилкинской культуры [Мандрыка, 2006]. На юге ареал ее не включал Красноярский и Канско-Рыбинский район. По р. Усолке отмечено их проникновение до современного с. Дзержинское. Смена культур связана со сложными культурно-историческими событиями хуннского времени.

Новые шилкинские материалы получены раскопками на комплексах Скородумский Бык на Ангаре и Чермянка на Енисее. Поселки содержали жилища, которые строились в ряд над неглубокими котлованами прямоугольной формы, перекрывались наклонно поставленными жердями, создавая усеченно-пирамидальную кровлю, перекрытую корой и землей (кусками дерна). В жилищах площадью от 17 до 32 кв. м по центру устраивался очаг. В маломощных культурных слоях найдены железные выпуклообушковые ножи с петлей на окончании рукояти, шилья, украшения, куски лома, костяные наконечники стрел с расщепленным и черешковым насадом, «наперсток» лучника и проколки. Особенно многочисленны каменные грузила, абразивы, лощила, молотки и молоты, керамические скребки и льячки.

Керамика шилкинской культуры лепилась с применением форм-моделей. В быту использовали миниатюрные кубки и гладкостенные банки, сосуды-дымокуры с трубчатым ушком, украшенные рядами накольчатых или отступающих оттисков, горшки с орнаментом из двух-трех налепных рассеченных валиков, а также толстостенные сосуды с сегментовидными ручками, банки и горшки с орнаментом в виде тонких налепных валиков и кубковидные сосуды с орнаментом.

В Красноярской лесостепи конец I тыс. до н. э. ознаменовался появлением пришлого минусинского населения с сопутствующими им курганными могильниками. Работы последних лет на кургане Шинного кладбища [Виноградов, 2022] и Куваршинском кургане уточнили характер этой пришлой культуры. В её основе лежат позднетагарские традиции, которые получили развитие в тесинской культуре. Как и для южных тесинских аналогов, для красноярских курганов свойственно наличие коллективного погребения в склепе (в т. ч. с последующим сожжением) и искусственных операций с телами умерших (трепанации, очищение от мягких тканей, расчленение). Погребенные сопровождаются уменьшенными бронзовыми изделиями ножей, кинжалов, чеканов, зеркал, оленными и полусферическими бляшками, шильями, клыками кабарги и подвесками из когтей хищников, в единичных случаях отмечены обломки железных предметов. В керамической посуде также присутствует явная тесинская составляющая, выраженная в наличии форм, несвойственных тагарской традиции, а также в оформлении тулова сосудов налепными элементами – валиками и сосцевидными выступами.

Как и на юге, курганные насыпи сопровождаются грунтовыми погребениями, в которых тесинские черты прослежены наиболее ярко: отмечены коллективные, многоярусные, парциальные (частичные) погребения, могильные ямы в виде шестиугольника и с подбоем, присутствие

железных изделий в сопроводительном инвентаре.

При очевидной схожести с южными памятниками, в красноярских курганах пока не встречены изделия хуннского облика и гипсовые маски. Металлические изделия представлены бронзами, а железо встречено в единичных случаях. Наряду с этим, в керамике и бронзовых предметах выделяются тувинский и алтайский компоненты, несвойственные тагарской культуре, но распространенные в тесинских комплексах. В нескольких случаях в керамической коллекции присутствуют черепки с архаичным орнаментом (вафельные, шнуровые оттиски и пр.), что свидетельствует о контактах с автохтонным населением региона.

Поселения, которые можно достоверно датировать тесинским периодом, пока неизвестны. Облик местной лесостепной культуры остается малоизвестным, но работами последних лет намечается её близость с поздними памятниками нижнепорожинской культуры, которая бытовала к северу от границы Красноярской лесостепи.

На территории Канско-Рыбинской лесостепи курганные могильники тесинского времени неизвестны, хотя здесь широко распространены изделия хуннского облика. Среди случайных находок и грабительских материалов известны ажурные пластины, пряжки, ложечковидные застежки, подвески, выполненные в хуннской традиции. Хуннское влияние прослеживается и в поселенческих комплексах (Зеленый луг, Нефтепровод-2), где встречены наконечники стрел из рога, аналогичные изделиям из Иволгинского городища [Савинов, 2009]. Керамика здесь украшалась различными вариантами налепных валиков, дополненных наколами и оттисками штампов.

Таким образом, на рубеже эр прослеживаются существенные различия в динамике формирования и развития культур лесостепных районов Средней Сибири, что обусловлено разными направлениями миграций и культурных связей населения этих районов.

Эпоха Великого переселения народов ознаменовалась не только крупными миграционными сдвигами, но и серьезными изменениями в системе хозяйства населения Сибири вообще и Енисейской Сибири в частности. В это время на территории Красноярской лесостепи получает распространение боровской тип памятников, в которые входят могильники Боровое и СТИ [Мандрыка, Макаров, 1994]. В южнотаёжной зоне в первые века нашей эры формируется археологическая культура с язаевским типом керамики. К ней относятся полностью изученный могильник Пинчуга-6 [Сенотрусова, Дедик, Мандрыка, 2022] и часть погребений памятника Усть-Зелинда-2, металлургические площадки на стоянке Итомиура и на комплексе Глинный, жилище на комплексе Глинный, а также многочисленные вещи из районных музейных коллекций и случайных сборов.

Отмеченные объекты находятся на границе лесных массивов вокруг степных участков. Они характеризуются погребальным обрядом трупосожжения на стороне с последующим размещением праха в неглубоких ямах или на древней поверхности, керамикой, украшенной пальцевыми защипами и тонкими налепными валиками, а также оружием из железа (кинжал, ножи, наконечники стрел), орудиями труда из железа и камня (тесла, зубило, молотки, наковальни, скребки) и яркими узнаваемыми украшениями из металла (нашивки, накладки, серьги, подвески, ажурные пряжки), стекла и зубов животных. В искусстве представлены антропоморфные изображения в полный рост с ромбическими личинами на керамической посуде, орнитоморфные и зооморфные изображения западносибирского культового литья, орнаменты на накладных пластинах из рога. Широкое распространение в этот период получают предметы импорта. В лесостепи и южной тайге появляются бронзовые и роговые изделия, характерные для таштыкской культуры [Сенотрусова, 2021]. Керамика таштыкского облика фиксируется в долине Енисея вплоть до г. Енисейска, что предполагает довольно мирное сосуще-

ствование носителей двух разных керамических традиций.

Основной объем импортных вещей соотносится с кругом позднекулайских древностей. Среди них изображения, выполненные в холмогорском стиле культового западносибирского литья, бронзовые диски с циркульным орнаментом, птицеголовые поясные накладки. Вероятно, юго-восточное происхождение имеют крупные бронзовые ажурные пряжки с неподвижным щитком, восходящие к хуннским образцам. Большинство найденных в таежной зоне стеклянных бус связаны с восточно-средиземноморским центром производства. Единичные изделия могут быть соотнесены с провинциальными ремесленными центрами восточных окраин Римской империи. Каменные бусы аналогичны находкам Южной Сибири.

Особую роль в хозяйстве населения региона финала раннего железного века играла черная металлургия. Именно в это время железные изделия окончательно вытесняют бронзовые аналоги. Известны специализированные площадки по плавке и обработке железа, кузнечные инструменты и кузнечный лом отмечены в погребениях. Многие формы железных орудий, впервые появившись в это время, продолжили свое развитие в южной тайге вплоть до развитого Средневековья и даже этнографического времени. Развитая черная металлургия способствовала широкой экспансии Средней Сибири, в том числе и в западном направлении. Именно с этого времени валиковая керамика начинает периодически проникать в таёжную зону Западной Сибири.

Таким образом, на протяжении всего раннего железного века в южной части Средней Сибири сохраняется специфика археологических культур, расположенных в разных природно-географических зонах. Часто между ними прослеживается «эпохальное» сходство, но всегда присутствуют существенные различия, обусловленные необходимостью адаптации к конкретным экологическим условиям, направлениями культурных связей, динамикой политических процессов, происходивших в степном поясе евразийских степей, и другими факторами.

Обобщение накопленных за последние годы материалов позволяет наметить ряд перспектив в изучении раннего железного века Средней Сибири. В первую очередь, необходим ввод в научный оборот значительного количества материалов, хранящихся в фондах региональных музеев и недоступных исследователям, а также значительного массива данных, полученных в результате спасательных археологических исследований. К сожалению, темпы ввода новых материалов в научный оборот существенно отстают от полевых исследований. Во-вторых, необходимо проведение целенаправленных полевых исследований в слабоизученных районах, таких как междуречье Оби и Енисея, долины малых притоков, Канско-Рыбинская котловина, территория Енисейского кряжа. Пока эти районы во многом отношении остаются «белым пятном», хотя именно они будут ключевыми для изучения культурных связей населения региона. Кроме этого, перспективным видится продолжения изучения археологических микрорайонов (Усть-Шилка, Скородумский бык, Чермянка и др.), материалы которых позволят выстроить и синхронизировать локальные культурно-хронологические схемы развития культур населения юга Средней Сибири в раннем железном веке.

Список источников

Бородовский А. П., Труфанов А. Я. Керамические протомы лошадей эпохи палеометалла из южнотаежной зоны Сибири // Археология, этнография и антропология Евразии. 2019. Т. 47, № 4. С. 77–84.

Виноградов Д. А. Погребение тесинского времени в Красноярске (предварительное сообщение) // Евразия в энеолите – раннем средневековье (инновации, контакты, трансляции идей и технологий). СПб.: ИИМК РАН, 2022. С. 286–289.

Леонтьев С. Н., Герман П. В. Керамический комплекс первого культурного горизонта стоянки Взвоз. Пунтк 2 (Северное Приангарье) // Древности Приенисейской Сибири. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2015. Вып. VII. С. 87–106.

Максименков Г. А. Верхне-Метляевский клад. Иркутск, 1960. 43 с.

Мандрыка П. В. Шилкинская культура в южной тайге Средней Сибири // II Северный Археологический конгресс. Ханты-Мансийск, Екатеринбург: Чароид, 2006. С. 117–118.

Мандрыка П. В. К вопросу о выделении новой культуры бронзового века в тайге Приенисейской Сибири // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции: материалы Западно-Сибирской археолого-географической конференции. Томск: Аграф-Пресс, 2008. С. 140–145.

Мандрыка П. В. О появлении железа в южной тайге среднего Енисея // Российский археологический ежегодник. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2012. № 2. С. 400–411.

Мандрыка П. В. Нижнепорожинская культура раннего железного века в южной тайге Среднего Енисея // Труды VI (XXII) Всероссийкого археологического съезда в Самаре. Самара: СГСПУ, 2020. Т 2. С. 81–82.

Мандрыка П. В. Культурно-историческая область раннего железного века в таежной зоне Средней Сибири (постановка проблемы) // Археология Северной и Центральной Азии: новые открытия и результаты междисциплинарных исследований. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2021. С. 43–47.

Мандрыка П. В., Макаров Н. П. Погребения с трупосожжениями в окрестностях Красноярска (к вопросу о выделении памятников нового культурного типа) // Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I–II тысячелетии н. э. Кемерово, 1994. С. 68–84.

Мандрыка П. В., Юрьева В. В. Образ хищной птицы в металлопластике культур раннего железного века в лесостепных и южно-таежных районов Средней Сибири // Народы и религии Евразии. Барнаул, 2023. Т. 28, № 3. С. 62–81.

Материалы раннего железного века селища Шилка-13 тайги Среднего Енисея / П. В. Мандрыка, К. В. Бирюлева, Л. А. Максимович, О. С. Комарова // Журнал СФУ. Гуманитарные науки. 2024. № 17 (9). С. 1666–1676.

Савинов Д. Г. Минусинская провинция хунну. СПб.: ИИМК РАН, 2009. 224 с.

Савинов Д. Г. Памятники тагарской культуры Могильной степи (по результатам археологических исследований 1986–1989 гг.). СПб.: ЭлекСис, 2012. 180 с.

Сенотрусова П. О. Таштыкские вещи в комплексах финала раннего железного века в нижнем течении Ангары // Археологические памятники Южной Сибири и Центральной Азии: от появления первых скотоводов до эпохи сложения государственных образований. СПб.: ИИМК РАН, 2021. С. 118–120.

Сенотрусова П. О., Дедик А. В., Мандрыка П. В. Погребальный обряд населения нижнего течения Ангары в финале эпохи железа (по материалам могильника Пинчуга-6) // КСИА. 2022. Вып. 266. С. 297–307.

Тимощенко А. А., Выборнов А. В., Рыбин Е. П. Анжевский комплекс археологических памятников – новый разновременный могильник на территории Канско-Рыбинской котловины. Предварительные данные // Теория и практика археологических исследований. 2018. Вып. № 2 (22). С. 99–116.

Фокин С. М. Предварительные результаты археологического изучения Стрелковского археологического микрокомплекса // Красноярский край: прошлое, настоящее, будущее: Красноярск: КГПУ им. В. П. Астафьева, 2009. Т. 1. С. 164–167.

Merhart G. Die Bronzezeit am Enissei. Ein Beitrag zur Urgeschichte Sibiriens. Wien: Verlag von Anton Schroll, 1926. 189 p.

М. Б. Медникова
Институт археологии РАН,
Москва, Россия

СОВРЕМЕННЫЕ КОНЦЕПЦИИ АНТРОПОГЕНЕЗА

Аннотация. Статья посвящена обсуждению актуальных вопросов становления человечества. Новые ископаемые находки, прогресс методов анализа древней ДНК привели к открытию ранее неизвестных ветвей рода *Homo*, к доказательствам фактов миграции ранних людей из Африки и гибридизации давно дивергировавших групп в среднем плейстоцене. Несмотря на продолжающиеся дискуссии, это привело к определенному сближению позиций сторонников концепций моно- и полицентризма.

Ключевые слова: палеолит, эволюционная антропология, ископаемые *Homo*, миграции, метисация

Исследование выполнено в рамках госзадания № НИОКТР 122011200264-9.

Антропогенез (в современной терминологии – эволюционная антропология) – одна из главных составляющих биологической антропологии, фокусирует внима-

© Медникова М. Б., 2025

ние на вопросах происхождения человека как биологического вида.

Важные аспекты исследований в этой области традиционно представлены обсуждением вопросов происхождения *Homo sapiens*, эволюции поведения и адаптивных процессов в популяциях ископаемых людей. С середины XIX в. работы в этом направлении опирались исключительно на морфологическое исследование ископаемых останков человека. Собственно говоря, палеоантропология в зарубежной литературе – это термин, обозначающий обращение антропологов к материалам каменного века. И до конца прошлого столетия антропологический источник – единственный при создании теоретических построений, обсуждавших становление человечества.

С XIX в. список ископаемых представителей рода *Homo* долгое время практически не менялся: питекантропы, неандертальцы, кроманьонцы (архантропы, палеоантропы, неоантропы); первоначально этот ряд соответствовал стадиальной концепции происхождения современного человека, впоследствии отвергнутой.

При этом названные ископаемые формы существовали в научной литературе и в общественном сознании исключительно как «морфологические виды». Именно анатомические особенности ископаемых гоминид к середине XX в. служат обоснованию двух противоборствующих концепций – теорий полицентризма и моноцентризма.

Главный приверженец концепции полицентризма, исследователь синантропа, Ф. Вайденрайх считал, что после того, как наш предок на стадии питекантропа мигрировал из Африки, становление современного человечества завершилось в разных регионах независимо [Weidenreich, 1939]. По Вайденрайху, разделение человечества на расы произошло не в пределах современного ствола, его следовало отнести к периоду древних или древнейших людей (по распространенной тогда терминологии – архантропов или палеоантропов). Соответственно, по его мнению, австралоиды сложились в Юго-Восточной Азии, у их основания стоял питекантроп. Промежуточная форма – солосский человек; монголоиды возникли в Восточной Азии и их предок – синантроп из Чжоукоудяня; европеоиды возникли в Европе и Передней Азии на основе переднеазиатских и европейских неандертальцев; негроиды появились в Африке и их предок – родезийский человек.

Концепция полицентризма сразу подверглась критическому обсуждению, в том числе в советской антропологии, где главным оппонентом Ф. Вайденрайха выступил Я. Я. Рогинский [1949]. Он предложил теорию широкого моноцентризма, поскольку обосновывал отсутствие преемственности разных групп современного человечества с ископаемыми формами, доказывая, что отдельные анатомические признаки сходства мнимы. В рамках его концепции современное человечество произошло от какого-то одного ствола неандертальцев. Рогинский полагал, что этот центр происхождения был единым, географически достаточно обширным и соотносился с территорией Передней Азии. Здесь важно подчеркнуть, что в качестве предковой формы исследователь рассматривал представителей популяции Схул-Кафзех (совр. Израиль), которых называл «прогрессивными неандертальцами». Но сейчас их принято относить к протокроманьонцам или анатомически современным людям.

Нельзя не отметить, что не все советские ученые разделяли взгляды моноцентристов. Выдающийся антрополог В. П. Алексеев склонялся к концепции формирования современного человечества в двух основных центрах – т. е. к дицентризму в пределах евроафриканского и азиатского стволов [Алексеев, 1984]. В принципе, несмотря на некоторые нюансы, сходных взглядов придерживался А. А. Зубов [2004].

Концепция моноцентризма (современное название «из Африки» или концепция замещения) претерпела значительные изменения, но до сих пор имеет наибольшее число сторонников. Она отстаивает представления о недавнем африканском происхождении анатомически современных

людей и их ранней миграции, способствовавшей вытеснению более архаических групп [Stringer, 2003]. В рамках этой модели аргументируется единое происхождение *Homo sapiens*, исключая параллельное развитие современных особенностей в других регионах. Теория находит свое подтверждение благодаря обнаружению самых ранних анатомически современных форм в Африке, в том числе свыше 300 тыс. л. н. (Джебель Ирхуд, Марокко).

«Ископаемые находки указывают на африканское происхождение *Homo sapiens* из группы, называемой либо *H. heidelbergensis*, либо *H. rhodesiensis*. Однако точное место и время появления нашего вида остаются неясными, поскольку палеонтологическая летопись скудна, а хронологический возраст многих ключевых объектов остается неопределенным. В частности, неясно, возникла ли «современная» морфология быстро около 200 тыс. л. н. среди более ранних представителей *H. sapiens* или развивалась постепенно в течение последних 400 тыс. лет. … В сочетании с новой датой 300–350 тыс. л. н. (наши. – *Прим. автора)* доказательства делают Джебель-Ирхуд старейшим и самым представительным местонахождением гомининов среднего каменного века в Африке, документирующим ранние стадии клады *H. sapiens*, в которой были установлены ключевые черты современной морфологии. Кроме того, это показывает, что эволюционные процессы, лежащие в основе появления нашего вида, не ограничивались Африкой к югу от Сахары» [Hublin et al., 2017, p. 4].

До 2010 г. концепция «Out of Africa» основывалась на отрицании смешения мигрировавших анатомически современных людей с более архаическими гоминидами Евразии (имелись в виду неандертальцы). И это, прежде всего, подтверждалось первыми результатами изучения неандертальской ДНК [Serre et al., 2004]. Констатировалась «параллельность» развития неандертальского человечества, которое эволюционировало в Европе от *Homo heidelbergensis*, не было предковой формой для анатомически современных людей и при более поздней встрече не могло иметь с ними генетических контактов.

В то же время теория полицентризма трансформировалась в концепцию мультрегиональной эволюции. В этой модели предполагался поток генов между палеопопуляциями (т. е. их смешение), но считалось, что общий предок *H. erectus* эволюционировал в архаичного *H. sapiens*, а затем в анатомически современного человека в разных локациях [Wolpoff et al, 2000]. Эту концепцию всегда были склонны поддерживать китайские специалисты, прослеживавшие родословную вплоть до синатропов (*Homo erectus*) из Чжоукоудянь, если не ранее [Martin et al., 2024].

Принципиально новый этап в понимании вопросов становления человечества и его многообразия в эпоху среднего плейстоцена наступил всего 15 лет назад благодаря совершенствованию методов анализа древней ДНК. И, в частности, сегодня даже сторонники теории «Out of Africa» не могут отрицать факты неоднократной метисации *H. sapiens* и архаичных людей в Европе и Азии [Mafessoni, 2019].

Эволюционная антропология переживает стремительное развитие, на наших глазах трансформирующее устоявшиеся представления о становлении человека. Активные раскопки на Кавказе и в азиатской части евразийского континента, новые находки ископаемых гоминид, революционный прогресс лабораторных методов исследования древней ДНК и геологических методов датирования привели к открытию ранее неизвестных ветвей рода *Homo*, к доказательствам фактов миграции ранних людей из Африки и гибридизации далеко дивергировавших групп в среднем плейстоцене. Изменилась и роль неандертальцев, ареал распространения которых расширился на две тысячи километров к востоку, а их участие в генофонде современного населения за пределами Африки уже стало общепризнанным.

Впервые стало возможным исследовать дифференциацию ископаемых людей, опираясь не на морфологию костных останков, а на анализ древней ДНК. Так, палеогенетическое исследование мтДНК

небольшого фрагмента фаланги из слоя 11.2 Денисовой пещеры открыло ранее неизвестную ветвь реликтового человечества [Krause et al., 2010]. Согласно уже первому исследованию, общий предок по материнской линии сапиенсов, неандертальцев и денисовцев жил около миллиона лет назад (779 300 – 1 313 500 л. н.). Эта популяция гоминин, получившая название денисовцев, дивергировала от общего ствола раньше неандертальцев, после чего ее история развивалась независимо и на широком ареале в Азии [Reich et al., 2010].

Другую тему для обсуждения составляет гибридизация денисовцев и сапиенсов, генетические следы которой обнаружены в современных популяциях Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании [Reich et al., 2010, 2011].

Достоверные находки, принадлежность которых денисовским людям точно установлена генетически, до сих пор представлены крайне фрагментарно: 6 образцов [Шуньков, Козликин, 2024]. Среди них 4 зуба (D2, D4, D8, D25), дистальная фаланга мизинца (D3), обломки черепа D13 из Денисовой пещеры (датировки от 320 до 50 тыс. л. н.), челюсть из Сяхэ в Тибете (160 тыс. л. н.). Принадлежность последней из-за невозможности выделить ДНК была определена благодаря морфологическому и протеомному исследованиям [Chen et al., 2019].

При плохой сохранности древней ДНК в антропологических материалах из Китая и юго-восточной Азии удается определить распространение денисовцев на этой территории, в основном, морфологическими методами. Прежде всего, это находка зуба под названием Там Нгу Хао 2 из пещеры Кобра в Лаосе древностью 164–131 тыс. л. н. [Demeter et al., 2022].

Палеонтологические находки в Китае, относимые к позднему четвертичному периоду, служили примером таксономического «укрупнения» и «объединения» ископаемых форм. Выделенный в 1920-е гг. *Sinanthropus pekinensis* позже был причислен к *Pithecanthropus erectus* и далее к *Homo erectus* [Black, 1927]. И до недавней попытки выделения нового вида *Homo longi* [Ni et al., 2021] подавляющее большинство ископаемых гоминид в Китае представляли известные виды: *H. erectus*, анатомически современного *H. sapiens*, либо выделяемую китайскими авторами «архаическую переходную форму к современному человеку». Предпринята попытка объединить некоторые азиатские ископаемые находки в рамках денисовского таксона, впрочем, под названием *Homo juluensis* [Bae et al., 2024, p. 2, fig. 1]. К этому виду авторы причисляют, собственно, денисовцев из раскопок на Алтае, упомянутые выше находки из Тибета и Лаоса, а также черепа из Сюйцзяо и Сюйчаня, нижнюю челюсть Пенху. Итак, генетические и антропологические исследования говорят о том, что в среднем плейстоцене денисовцы – уже коренное население обширной территории от Центральной до Юго-Восточной Азии.

Но здесь нельзя не упомянуть точку зрения А. П. Деревянко [2024б, с. 14] относительно их более «западного» происхождения на основе гейдельбергского человека: «появление нового таксона денисовец имеет одно объяснение – его родина Левант, расселение на Алтай могло происходить только через Иран и Центральную Азию».

Усовершенствование методики позволило анализировать ДНК ископаемых людей и животных не только в изолированных зубах и фрагментированных костях, но и непосредственно в седиментах археологических памятников [Slon et al., 2017]. В частности, именно этим методом было дополнительно установлено присутствие денисовцев в Тибетском нагорье вплоть до 45 тыс. л. н. [Zhang et al., 2020].

В 2022 г. профессору Сванте Паабо, руководителю палеогенетических исследований в Институте Макса Планка (Лейпциг) была присуждена Нобелевская премия по разделу физиологии и медицины за расшифровку генома неандертальца, за генетическое открытие нового ископаемого человечества – денисовцев, за открытие генетического вклада ископаемых людей в особенности иммунной системы *H. sapiens*.

Нельзя не отметить, что в значительной степени эти исследования были основаны на антропологических материалах, полученных благодаря кропотливой работе российских археологов, прежде всего из Института археологии и этнографии СО РАН в среднегорном Алтае.

Впервые присутствие неандертальцев в Южной Сибири было доказано генетическими методами по материалам раскопок в пещере Окладникова [Krause et al., 2007]. Позже было показано морфологическое сходство этой группы с неандертальцами Передней Азии (Табун) [Медникова, 2011].

Но далее было установлено присутствие неандертальцев в Денисовой пещере. Проксимальная фаланга стопы [Mednikova, 2011], получившая затем название Денисова 5 (или Altai 1) была найдена в восточной галерее, слой 11.4 в 2010 г. Благодаря сохранности древней ДНК именно эта находка послужила первой расшифровке полного генома для неандертальского населения, параллельно был определен женский пол данного индивида [Prüfer et al., 2014].

Концевая фаланга кисти [Mednikova, 2013b; 2020] Денисова 9 (или Altai 2) происходит из более древнего слоя восточной галереи слой 12.3, исследованного в 2011 г. Генетическое исследование показало принадлежность этой кости неандертальскому мужчине из предковой по отношению к предыдущему индивиду популяции [Sawyer, 2016].

Последующие генетические исследования выделяют неандертальцев из Денисовой пещеры как достаточно раннюю и особую группу неандертальского человечества. Был сделан вывод, что в её происхождение не позднее 100 тыс. л. н. внесла генетический вклад популяция, которая рано отделилась от других современных людей в Африке. Напротив, такого «сапиентного» генетического вклада не было обнаружено у денисовцев или двух европейских неандертальцев. Таким образом, помимо более поздних событий метисации, предки неандертальцев из Денисовой пещеры и ранние современные люди встретились и скрещивались, по-видимому, в Передней Азии, на много тысяч лет раньше, чем предполагалось ранее [Kuhlwilm et al., 2016]. Итак, в Денисовой пещере на протяжении десятков тысяч лет сменяли друг друга денисовцы и неандертальцы.

Не имеют аналогов результаты исследования, определившего принадлежность мелкого костного фрагмента (находка D11) женской особи – гибриду первого поколения, родившейся у неандертальской женщины от отца-денисовца [Slon et al., 2018]. Это событие, по оценке авторов статьи, произошло около 90 тыс. л. н., и неандертальская мать отличалась по своему происхождению от предыдущих неандертальских обитателей той же пещеры, будучи ближе к европейским группам. В этом отношении она сближается с еще одной популяцией неандертальцев на Алтае – из пещеры Чагырская [Mafessoni et al., 2020]. Данные генетики говорят о неоднократных миграциях неандертальцев в Южную Сибирь. Также было выявлено высокое морфологическое разнообразие, отличающее неандертальские находки из пещер Окладникова, Чагырская и Денисова, что может свидетельствовать о разном происхождении и хронологии [Mednikova, 2013a; 2015; 2020]. Вместе с тем А. П. Деревянко [2024a, с. 22] критически рассматривает раннюю хронологию неандертальского присутствия в Денисовой пещере и приводит аргументы в поддержку синхронизации этих находок с материалами из Чагырской пещеры давностью 60 тыс. л. н.

Как и на начальных этапах развития палеоантропологии, новые ископаемые находки иногда служат выделению отдельных видов ископаемых людей. Исследователи акцентируют внимание на морфологических различиях, прежде всего, от современного человека, и, с этой точки зрения, выделение новых видов *H. naledi, H. floresiensis, H. luzonensis* вполне обоснованно.

Однако сегодня некоторые палеоантропологи чаще склонны объединять, а не разделять людей позднего четвертичного периода в отдельные таксоны. Сторонники подобного интегративного под-

хода подчеркивают сходство между анатомическими особенностями ископаемых гоминид, учитывая внутригрупповую изменчивость на фоне средних значений. В его основе лежит понимание, что многие из ранее предложенных отдельных видов на самом деле демонстрируют присутствие перекрывающихся морфологических признаков и не имеют уникальных черт, которые четко разделяли бы их на отдельные таксоны [Mayr, 1950; Bae et al., 2023, 2024].

Вместе с тем область, связанная с присвоением новых названий «старым» таксонам, очень консервативна. Например, резкую критику вызвала попытка переименования родезийского человека *(Homo rhodesiensis Woodward)* в вид *H. bodoensis* в рамках «деколонизации антропологии» [Roksandic et al., 2022]. Отвергшие термин *H. bodoensis* «как младший синоним, не имеющий никакой ценности с самого начала» критикующие авторы ссылаются на Международный кодекс зоологической номенклатуры, включающий положения о том, как и когда такие изменения названий допускаются и номенклатурные процедуры [Delson, Stringer, 2022]. Впрочем, дискуссия об изменении названий в пределах рода Homo далеко не закончена. И другие исследователи подчеркивают, что они не рассматривают биологическую номенклатуру как неизменную систему, которую нельзя изменить и улучшить [Figueiredo et al., 2023. P. 2].

Итак, сегодня на смену давно противоборствующим теориям происхождения человека приходит компромиссный вариант. Поскольку уже доказано, что за пределами Африки геномы населения содержат в среднем 2,5 ± 0,6 % неандертальских генов, а геномы меланезийцев и некоторых других групп вдобавок к неандертальским имеют еще 4,8 ± 0,5 % денисовских генов, наиболее адекватной становится предложенная С. Паабо концепция «капельного замещения» (leaky replacement) анатомически современным человечеством «анатомически архаического». Эта теория признает участие в происхождении *H. sapiens* ископаемых гоминидов Евразии. И некоторые генетические особенности, унаследованные после метисации с неандертальцами и денисовцами, продолжают влиять на состояние здоровья и адаптивные возможности ныне живущих людей. Но одновременно археологические раскопки последних трех десятилетий выявляют огромное многообразие ископаемых форм и группы рода *Homo*, по всей видимости, не участвовавших в происхождении современного человечества. Это представители ранних людей, мигрировавшие из Африки на Кавказ почти 2 млн л. н., и целая плеяда среднеплейстоценовых таксонов, в настоящих момент открытых в Южной Африке (*Homo naledi*), в континентальной и островной Азии (*H. floresiensis, luzonensis*). Эволюция человека происходила в очень небольших по численности и часто изолированных группах, и это способствовало рискам их исчезновения. Так, не имеют потомков среди современных людей представители ранних волн сапиентных миграций в Евразию (Ранис, Бича-Киро, Оазе в Европе, Усть-Ишим в Азии). Но другие мигранты были более успешны, оставив потомкам свое генетическое наследие (напр., Костенки 14). Доказанные эпизоды метисации анатомически современных людей с неандертальцами и денисовцами, денисовцев и неандертальцев вызывают необходимость дискуссии о соотнесении этих таксономических групп в рамках существующих концепций биологического вида.

Список источников

Алексеев В. П. Становление человечества. М.: Политиздат, 1984. 462 с.

Деревянко А. П. Происхождение неандертальцев. Алтайские неандертальцы – миф или реальность? // Археология, этнография и антропология Евразии. 2024а. 52 (1). С. 3–34.

Деревянко А. П. Происхождение *H. s. denisovan* и его расселение на территории Ирана // Археология, этнография и антропология Евразии. 2024б. 52 (3). С. 3–16.

Зубов А. А. Палеоантропологическая родословная человека. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2004. 551 с.

Медникова М. Б. Посткраниальная морфология и таксономия представителей рода Homo из пещеры Окладникова на Алтае. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2011. 128 с.

Рогинский Я. Я. Теории моноцентризма и полицентризма в проблеме происхождения современного человека и его рас. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1949. 129 с.

Шуньков М. В., Козликин М. Б. Палеолитические обитатели Денисовой пещеры // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2024. № 3(66). С. 116–126.

Bae C. J., Liu W., Wu X. J., Zhang Y. M., Ni X. J. 'Dragon Man' prompts rethinking of the Middle Pleistocene hominin systematics in Asia // Innovation. 4. 2023. P. 100527.

Bae C. J. et al. Moving away from "the Muddle in the Middle" toward solving the Chibanian puzzle // Evolutionary Anthropology. 33. 2024. P. 1–7.

Bae Ch. J., Wu X. Making sense of eastern Asian Late Quaternary hominin variability // Nature Communications. № 15 (9479). 2024. P. 1–3.

Black D. On a lower molar hominid tooth from the Chou Kou Tien deposit // Palaeontologia Sinica and Geological Survey of China. Series D. VII (1). 1927. P. 1–26.

Chen F., Welker F., Shen Ch.-Ch. et al. A late Middle Pleistocene Denisovan mandible from the Tibetan Plateau // Nature. 2019. 569 (7756). P. 409–412.

Delson E., Stringer C. The naming of Homo bodoensis by Roksandic and colleagues does not resolve issues surrounding Middle Pleistocene human evolution // Evolutionary Anthropology. 31(5). 2022. P.233–236.

Demeter F., Zanolli C., Westaway K.E. et al. A Middle Pleistocene Denisovan molar from the Annamite Chain of northern Laos // Nature Communications. 2022. 13. P. 2557.

Figueiredo E., Bae Ch. J., Radović R. et al. Editorial. Governance of biological nomenclature: mechanisms to address the needs of end-users are available and not onerous to implement // Zoological Journal of the Linnean Society. 2023. XX. P. 1–2.

Hublin J.-J., Ben-Ncer A., Bailey Sh. E. et al. New fossils from Jebel Irhoud, Morocco and the pan-African origin of Homo sapiens // Nature. 2018. 546 (7657). P. 289–292.

Krause J., Orlando L., Serre D. et al. Neanderthals in central Asia and Siberia // Nature. 2007. 449(7164). P. 902–904.

Krause J., Fu Q., Good J.M. et al. The complete mitochondrial DNA genome of an unknown hominin from southern Siberia // Nature. 2010. 464. P. 894–897.

Kuhlwilm M., Gronau I., Hubisz M.J. et al. Ancient gene flow from early modern humans into Eastern Neanderthals // Nature. 2016. 530. P. 429–33.

Mafessoni F. Encounters with archaic hominins // Nature. Ecology and Evolution. 2019. 3 (1). P. 14–15.

Mafessoni F., Grote S., de Filippo C. et al. A high-coverage Neandertal genome from Chagyrskaya Cave // Proc. Nat. l Acad. Sci. U S A. 2020. 30; 117(26). P. 15132–15136.

Martin J. M. et al. A lineage perspective on hominin taxonomy and evolution // Evolutionary Anthropology. 2024. 33. e22018.

Martin J. M., Leece A. B., Baker S. E. et al. A lineage perspective on hominin taxonomy and evolution // Evolutionary Anthropology.2024. 33. e22018.

Mayr E. Taxonomic categories in fossil hominids // Cold Spring Harbor Symposia on Quantitative Biology. Cold Spring: Harbor Laboratory Press, 1950. P. 109–118.

Mednikova M. A proximal pedal phalanx of a hominid from Denisova Cave, the Altai // Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia. 2011. 1 (45). P. 129–138.

Mednikova M. B. An archaic human ulna from Chagyrskaya cave, Altai: morphology and taxonomy // Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia. 2013a. 1. P. 66–77.

Mednikova M. B. Distal phalanx of the hand of Homo from Denisova cave stratum 12: a tentative description // Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia. 2013b. 2. P. 146–155.

Mednikova M. Altai Neanderthals and their morphological diversity // Proceedings of the European Society of Human Evolution 4. London 2015. P. 159.

Ni X. et al. Massive cranium from Harbin in northeastern China establishes a new Middle Pleistocene human lineage // Innovation. 2021. 2. P. 100130.

Mednikova M.B. Distal Manual Phalanges of Upper Pleistocene Homo from Altai Caves // Вестник Московского университета, серия XXIII, (Moscow University Anthropology Bulletin. Series 23. Anthropology). № 2. 2020. С. 5–25.

Serre D., Langaney A., Chech M. et al. No evidence of Neandertal mtDNA contribution to early modern humans /// PLoS Biol. 2004. 2(3). E57.

Slon V., Mafessoni F., Vernot B.et al. The genome of the offspring of a Neanderthal mother and a Denisovan father // Nature. 2018. 561(7721). P. 113–116.

Stringer C. Human evolution: Out of Ethiopia // Nature. 2003. 423 (6941). P. 692–695.

Prüfer K., Racimo F., Patterson N. et al. The complete genome sequence of a Neanderthal from the Altai mountains // Nature. 2014. 505. P. 43–49.

Reich D., Green R. E., Kircher M. et al. Genetic history of an archaic hominin group from Denisova Cave in Siberia // Nature. 2010. 468. P. 1053–1060.

Reich D., Patterson N., Kircher M. et al. Denisova Admixture and the First Modern Human Dispersals into Southeast Asia and Oceania // The American Journal of Human Genetics. 2011. V.89. P. 516–528.

Roksandic M., Radović P., Wu X.-J., Bae C.J. Homo bodoensis and why it matters // Evolutionary Anthropology. 2022. P. 1–5.

Sawyer S. Insights into Neandertals and Denisovans from Denisova cave**.** Dissertation. Universitat Leipzig, 2016. 139 p.

Slon V., Hopfe C., Weiß C. L. et al. Neandertal and Denisovan DNA from Pleistocene sediments // Science. 2017. 356 (6338). P. 605–608.

Weidenreich F. The classification of fossil hominids and their relations to each other, with special reference to Sinanthropus pekinensis // Acta geologica Sinica and Geological Survey of China. 1939. 19 (1). P. 64–75.

Wolpoff M. H., Hawks J., Caspari R. Multiregional, not multiple origins // American Journal of Physical Anthropology. 2000. 112 (1). P. 129–136.

Zhang D., Xia H., Chen F., Li B. et al. Denisovan DNA in Late Pleistocene sediments from Baishiya Karst Cave on the Tibetan Plateau // Science. 2020. 370 (6516). P. 584–587.

В. И. Молодин[1], А. С. Пилипенко[2]
[1] Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия
[2] Институт цитологии и генетики СО РАН, Новосибирск, Россия

АРХЕОЛОГИЯ И ПАЛЕОГЕНЕТИКА: ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ НАСЕЛЕНИЯ СИБИРИ

Аннотация. В статье рассмотрено современное состояние и перспективы развития междисциплинарных исследований на стыке археологии и палеогенетики, направленных на комплексную достоверную реконструкцию истории населения Сибири. Изложены основные подходы к организации междисциплинарных исследований, формированию команды специалистов и развитию соответствующей инфраструктуры. Приводится обоснование высокой информативности анализа репрезентативных диахронных моделей. На основе опыта Новосибирского научного центра СО РАН обоснована целесообразность дальнейшего развития и поддержки сформировавшихся ранее региональных междисциплинарных археолого-палеогенетических центров компетенции, как наиболее перспективной формы развития исследований в области объективной реконструкции истории населения различных регионов России. Это позволит эффективно использовать современный спектр методов в области анализа древней ДНК для получения отечественными лабораториями приоритетных результатов мирового уровня.

Ключевые слова: междисциплинарные исследования, мультидисциплинарные центры компетенции, археология, палеогенетика, физическая антропология, диахронный анализ, репрезентативные выборки, этногенетические реконструкции, Сибирь

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 23-18-00834. Палеогенетическая инфраструктура ИЦиГ СО РАН поддержана за счет средств бюджетного проекта ИЦиГ СО РАН № FWNR-2025-0023.

Этнокультурные процессы, протекавшие на обширных пространствах Сибири на протяжении многих тысячелетий, оказали влияние на формирование структуры населения значительной части нашей планеты. Уникальное разнообразие природно-климатических условий, обширность территории, разделенной многочисленными естественными географическими барьерами, обусловили сложность и своеобразие процессов формирования состава населения и особенностей его культуры. Объективная реконструкция истории населения региона является необходимым условием построения современной программы гармоничного существования, ин-

© Молодин В. И., Пилипенко А. С., 2025

теграции и развития многонационального населения регионов Сибири в составе Российской Федерации.

Начальные этапы исследования коренного населения Сибири осуществлялись научными миссиями, сформированными в научных центрах Москвы и Санкт-Петербурга. Их силами были успешно проведены первые крупные археологические и этнографические экспедиции по изучению населения Сибири. Параллельно происходило интенсивное формирование первых региональных научных центров в крупных городах Сибири, что привело к развитию локальных научных школ. Постепенно осуществлялось перемещение базовых компетенций в данной области в региональные научные центры. В регионах активно развивались школы специалистов с профессиональной ориентацией на всестороннее исследование локальных (в масштабах Сибири) историко-культурных процессов. Происходило и изменение распределения научных источников по истории древнего и современного населения региона: формировались региональные археологические, палеоантропологические коллекции, региональные исторические архивы.

Новым импульсом развития сибирских региональных научных центров стала организация Сибирского отделения Российской академии наук. Важной чертой развития базового для СО РАН Новосибирского научного центра (ННЦ) являлась его междисциплинарность: шло целенаправленное создание условий и возможностей для развития исследований на стыке научных направлений, что, по сути, являлось одной из целей создания Новосибирского Академгородка. При этом была создана передовая научная инфраструктура. В результате сформирован мощнейший междисциплинарный центр, в короткие сроки занявший лидирующие позиции по целому ряду научных направлений.

Организация и развитие сети институтов СО РАН окончательно закрепили за сибирскими научными центрами, включая ННЦ, статус лидеров в области комплексной реконструкции истории населения Сибири. Новый импульс получают археологические исследования: проводятся систематические масштабные археологические разведки обширных регионов Сибири и полевые исследования выявленных памятников. Эти работы позволили построить обоснованную классификацию этнокультурных групп, составлявших население многих районов Сибири с момента появления здесь человека до последних 10 тысячелетий в голоцене включительно. Большое значение имеет формирование обширных антропологических коллекций в ИАЭТ СО РАН (г. Новосибирск), ТГУ (г. Томск), АлтГУ (г. Барнаул), ИПОС СО РАН (г. Тюмень), а также на базе ряда других научных учреждений. Эти коллекции являются наиболее репрезентативными в отношении разновременных групп древнего населения Сибири. Их анализ методами физической антропологии позволил сформулировать представления о процессах формирования состава населения региона [см. напр.: Алексеев, 1989; Дремов, 1997; Чикишева, 2012].

В сложное для отечественной науки время – в 1990-х гг. – в СО РАН была реализована программа финансовой поддержки междисциплинарных исследований. Благодаря этой программе удалось организовать исследования на стыке археологии, антропологии и палеогенетики, которые положили начало первому в стране систематическому и целенаправленному изучению генетической истории населения с применением методов палеогенетики. Таким образом, на базе ведущих в своей области институтов СО РАН – ИАЭТ СО РАН и ИЦиГ СО РАН – был сформирован первый из отечественных центров компетенции в области археолого-палеогенетических исследований [Палеогенетический анализ…, 1998; Молекулярно-генетический…, 1998].

Успешность организации междисциплинарных археолого-генетических исследований в ННЦ была связана, в первую очередь, с возможностью формирования междисциплинарной команды специалистов, глубоко погруженных в источниковую базу, владеющих передовыми

методами каждого из направлений исследования и способных к полноценному взаимодействию на всех стадиях работы. Организации-участники исследований занимали лидирующие позиции в соответствующих направлениях исследования населения Сибири. ИАЭТ СО РАН (включая сеть региональных лабораторий и филиалов) – признанный лидер в области археологических исследований различных регионов Сибири. Организация внесла решающий вклад в изучение этнокультурных процессов, протекавших в Сибири на протяжении широкого хронологического диапазона. Сформированные в результате археологические и палеоантропологические коллекции (как непосредственно в ИАЭТ СО РАН и его филиалах, так и в других опорных научных учреждениях археологического профиля, с которыми сотрудничает ИАЭТ) на сегодняшний день являются наиболее репрезентативными в мире источниками для реконструкции различных аспектов истории населения Сибири (эти результаты, например, обобщены в работах [История Сибири…, 2022, 2019]).

ИЦиГ СО РАН до начала совместных исследований с ИАЭТ СО РАН в области палеогенетики входил в число лидеров в изучении структуры генофонда современных коренных популяций различных районов Сибири, генетических механизмов их адаптации к условиям внешней среды, этноспецифических особенностей предрасположенности населения Сибири к заболеваниям.

Из числа сотрудников двух научных организаций был сформирован сначала временный междисциплинарный рабочий коллектив для выполнения исследований в рамках программы интеграционных грантов СО РАН. Впоследствии члены этой команды – археологи, антропологи и генетики – вошли в коллектив специализированного палеогенетического научного подразделения – Межинститутской лаборатории молекулярной палеогенетики и палеогеномики ИЦиГ СО РАН.

К настоящему моменту в ННЦ сформирован один из немногих в России центров подготовки специалистов в области палеогенетики полного цикла – от обучения студентов до защиты квалификационных диссертационных работ. Сотрудниками междисциплинарного коллектива проведена разработка образовательных лекционных курсов в области палеогенетики, адаптированных для широкого круга студентов. Эти курсы читаются в рамках программ магистратуры кафедры цитологии и генетики ФЕН НГУ. В ближайшей перспективе будет запущена аналогичная образовательная программа, адаптированная для студентов кафедры археологии и этнографии ГИ НГУ. Отдельные студенты выполняют на базе межинститутской лаборатории дипломные квалификационные работы, что позволяет им освоить полный спектр современных палеогенетических методов. Сотрудники лаборатории успешно выполняют и защищают диссертационные исследования в области палеогенетики [см. напр.: Пилипенко, 2010; Трапезов, 2014].

Важным аспектом успешного развития исследований стало создание специализированной палеогенетической инфраструктуры на базе ИЦиГ СО РАН, отвечающей всем требованиям в данной области. К настоящему моменту работы проводятся в отдельном двухэтажном научном корпусе, полностью оборудованном для проведения полного цикла работ по получению и анализу структуры образцов древней ДНК. Разработана логистика исследовательских процессов, позволяющая выполнять большой объем лабораторной работы с разнообразными типами палеобиологических материалов без риска их перекрестной контаминации. Имеющаяся лабораторная инфраструктура позволяет поставить палеогенетический анализ на поток, в т. ч. выполнять работы по получению и анализу структуры образцов древней ДНК по заказу научных партнеров, для чего в 2024 г. в ИЦиГ СО РАН был сформирован ЦКП в области палеогенетики и палеогеномики. Важно, что лаборатория располагает доступом к современному оборудованию для анализа структуры древней ДНК, включая приборы для высокопроизводительного секвенирования, компетенции

по использованию которых были получены сотрудниками ИЦиГ СО РАН в рамках программы развития Центра генетических технологий мирового уровня в области геномики, осуществленной ИЦиГ СО РАН совместно с Курчатовским научным центром. Компетенции сотрудников палеогенетической лаборатории позволяют осуществлять полный цикл высокопроизводительного анализа древней ДНК. Важным фактором для решения этих задач является наличие в ИЦиГ СО РАН специалистов-биоинформатиков с опытом анализа результатов высокопроизводительного геномного секвенирования, а также всех необходимых мощностей для хранения и обработки больших объемов геномных данных.

Начальный этап междисциплинарных археолого-палеогенетических исследований в ННЦ СО РАН был связан с анализом уникальных археологических материалов из курганов раннего железного века с мерзлотой, полученных в результате работы международной программы «Пазырык» [Население..., 2003]. В рамках выполнения междисциплинарных проектов СО РАН в последующие годы было начато систематическое изучение генетического состава разновременных групп древнего населения из разных районов Сибири. Отметим, что на первых этапах своих работ мы активно сотрудничали с передовыми зарубежными палеогенетическими центрами, прежде всего Германии, где получали методическую помощь, за что приносим коллегам (проф. С. Паабо, Й. Бургеру, Й. Краузе) свою искреннюю признательность.

Одним из первых систематическому исследованию было подвергнуто население эпохи бронзы Обь-Иртышского междуречья [Мультидисциплинарные…, 2013; Molodin et al., 2012]. Данный цикл работ стал во многом пионерским, так как в его рамках впервые в отечественной практике исследований на стыке археологии, палеогенетики и антропологии был выполнен анализ репрезентативной (>100 индивидов) выборки из разновременных популяций эпохи бронзы Барабинской лесостепи [Там же].

Таким образом, начиная с ранних этапов в основу развития палеогенетических исследований в ННЦ СО РАН был положен диахронный анализ – исследование репрезентативных выборок образцов ДНК из разновременных этнокультурных групп, непрерывно сменявших друг друга на территории исследуемого региона на протяжении определенного хронологического периода. Это позволяет реконструировать динамику генетического состава населения региона, опираясь на анализ вариабельности филогенетически и филогеографически информативных молекулярно-генетических маркеров. Появляется возможность сопоставлять результаты палеогенетики с данными физической антропологии, которая анализирует популяционно-генетический состав древнего населения, используя систему морфологических маркеров. Таким образом, динамика биологических параметров населения реконструируется с использованием двух независимых систем признаков, что позволяет взаимно верифицировать и дополнить результаты каждого из направлений.

Корреляция данных о динамике популяционно-генетической структуры населения с данными археологии и этнографии (для поздних групп) об основных факторах становления материальной и духовной культуры населения региона в рассматриваемый период времени позволяет строить комплексные диахронные модели этнокультурных процессов в регионе, учитывающие их биологические, культурные и социокультурные составляющие.

Конечной целью реализации описанного подхода является создание полных диахронных моделей, в составе которых представлены репрезентативные материалы о всех древних этнокультурных группах, составлявших население региона на всем протяжении его заселенности. Более того, полная диахронная модель позволяет полноценно включить в состав исследования данные о современном населении региона, которые представляют собой финальный (для текущего момента времени) результат становления генетической структуры населения. Всестороннее

междисциплинарное исследование полной диахронной модели дает возможность получить наиболее исчерпывающие реконструкции этнокультурной истории населения рассматриваемой территории.

Таким образом, построение и анализ максимально полных диахронных моделей для ряда регионов Сибири был поставлен в качестве долгосрочной цели археолого-палеогенетических исследований в ННЦ.

Наряду с безусловными преимуществами анализа репрезентативных диахронных моделей по сравнению с исследованием разрозненных серий образцов древней ДНК, этот подход сталкивается с рядом затруднений. Одним из них является длительный цикл проведения подобного исследования. Любое палеогенетическое исследование обычно занимает значительное время от постановки задачи до публикации первых результатов. По сравнению с исследованием отдельных серий, начальный этап построения диахронной модели требует еще большего времени (и объема исследовательских работ) для формирования первичной структуры модели, которая позволила бы провести предварительный диахронный анализ данных и получить первые достоверные выводы о динамике структуры генофонда населения исследуемого региона. Поэтому на начальных этапах построения диахронных моделей большое значение имеют адекватный выбор региона, пригодного для диахронного исследования по уровню исследованности древнего населения методами археологии и антропологии, определение территориального и хронологического масштаба модели, а также выбор стратегии генотипирования материалов, включенных в состав модели.

Территория Сибири неоднородно исследована методами археологии. Длительные систематические полевые работы выполнены для южных районов, включая, прежде всего, лесостепную зону Западной Сибири, Алтае-Саянскую горную систему и прилегающие к ним территории. Для этих регионов построены обоснованные классификации этнокультурных групп, населявших их в различные эпохи, а также накоплены обширные палеоантропологические коллекции, позволяющие сформировать репрезентативные выборки образцов для палеогенетического исследования. Многие другие регионы, особенно труднодоступные для исследования северные районы, изучены археологами более фрагментарно. Даже при наличии представлений о протекавших здесь процессах развития материальной культуры, многие из выделенных этнокультурных образований не представлены существенными антропологическими коллекциями либо они накоплены лишь для отдельных хронологических периодов. Следует подчеркнуть, что даже для регионов юга Сибири, относительно полно исследованных археологами, репрезентативность палеоантропологических коллекций существенно варьирует для разных эпох. Например, для Горного Алтая накоплены обширные антропологические коллекции от популяций некоторых периодов эпохи бронзы, всех этапов РЖВ и раннего Средневековья, но почти отсутствуют антропологические материалы эпохи неолита, а также отдельных этапов эпохи бронзы.

Для построения опорной диахронной модели наиболее перспективными являются регионы, для которых большинство разновременных этнокультурных групп охарактеризованы археологически и представлены репрезентативными палеоантропологическими коллекциями. На территории Сибири одним из немногих регионов, соответствующих этим критериям, является междуречье Оби и Иртыша, а конкретнее – Барабинская лесостепь. Неслучайно мы начали построение опорной диахронной модели именно с Барабы: для этого региона сформулированы обоснованные и подробные представления об этнокультурных группах, сменявших друг друга с эпохи неолита до нового времени [см. основные работы: Молодин, 1985, 2001; Молодин, Соболев, Соловьев, 1990; Молодин, Гришин, 2019; и др.]. Это позволяет построить полную диахронную модель – охватить междисциплинарными исследованиями все этнокультурные группы, существовавшие в регионе за по-

следние 9–10 тысячелетий, включая современное коренное население (барабинских татар). С этой целью первоначально сформированные диахронные выборки для популяций эпохи бронзы [Мультидисциплинарные…, 2013; Molodin et al., 2012] были существенно расширены численно [Молодин, Пилипенко, Поздняков, 2023] и дополнены выборками эпохи неолита и РЖВ. Стартовавшее в последние годы масштабное диахронное исследование разновременных средневековых популяций [Реконструкция…, 2023] служит заключительным этапом формирования полной диахронной модели для Барабы. Несомненно, она станет надежным фундаментом для реконструкции этногенеза и этнической истории тюркского, угорского и самодийского населения, предки которых с глубокой древности осваивали данный регион Западной Сибири.

Стратегия географического расширения диахронного исследования заключалась в формировании серии дополнительных (как правило, неполных) диахронных моделей для регионов, окружающих опорный для нас район Барабинской лесостепи: репрезентативные выборки формируются для всех хронологических периодов, которые представлены в соответствующих палеоантропологических коллекциях. Для этой цели, помимо палеоантропологической коллекции ИАЭТ СО РАН, мы активно задействовали материалы из других научных учреждений (прежде всего, АлтГУ и ТГУ), за что выражаем свою признательность коллегам. На карте (рис. 1) показано географическое положение и этнокультурный состав сформированных нами диахронных моделей.

Исследование серии диахронных моделей отвечает задачам тонкой реконструкции локальных особенностей этнокультурных процессов, которые были весьма разнообразны в пределах разных частей юга Сибири. С другой стороны, наличие выборок из синхронных популяций различных регионов Сибири (а также из других регионов) позволяет нам использовать сравнительный анализ относительно одновременно существовавших популяций, т. е. добавить синхронный анализ, в дополнение к основному диахронному. Например, таким образом мы имеем возможность устанавливать особенности локально-территориальных процессов миграции на юг Сибири носителей андроновской (федоровской) культуры и выявить разнообразие стратегий их взаимоотношений с аборигенными группами различных районов [Первые результаты…, 2022; Trapezov et al., 2022]. Или анализировать генетическое разнообразие кочевников раннего железного века в пределах всей территории юга Сибири [Pilipenko et al., 2018; Unterlander et al., 2017]. Таким образом, корреляция данных по ряду диахронных моделей с опорой на исчерпывающую диахронную модель позволяет взаимно дополнять получаемые диахронные реконструкции сложнейших этногенетических процессов.

Суммарная численность представителей разновременных популяций Сибири (и других регионов Евразии), включенных в рамки исследуемых нашим коллективом диахронных моделей, превысила 6 000 индивидов. Насколько нам известно, это наиболее репрезентативная диахронная выборка для палеогенетических исследований населения Сибири. Учитывая текущий интенсивный темп пополнения моделей за счет отбора серий из ранее сформированных коллекций и результатов новых полевых исследований археологов, этот статус будет сохранен в обозримой перспективе.

Важную роль играет стратегия генотипирования выборок образцов из диахронной модели. Нами был выбран подход, в рамках которого образцы проходят несколько этапов генотипирования. После отбора образцов при участии специалистов палеогенетиков, археологов и антропологов, с обязательным учетом археологического и антропологического контекста отбираемых материалов (оформление подробных сопроводительных данных), все они проходят процедуры деконтаминации, первичной подготовки и получения образцов суммарной древней ДНК. Это позволяет оценить степень сохранности ДНК в костных останках, уровень их возможной контаминации и дру-

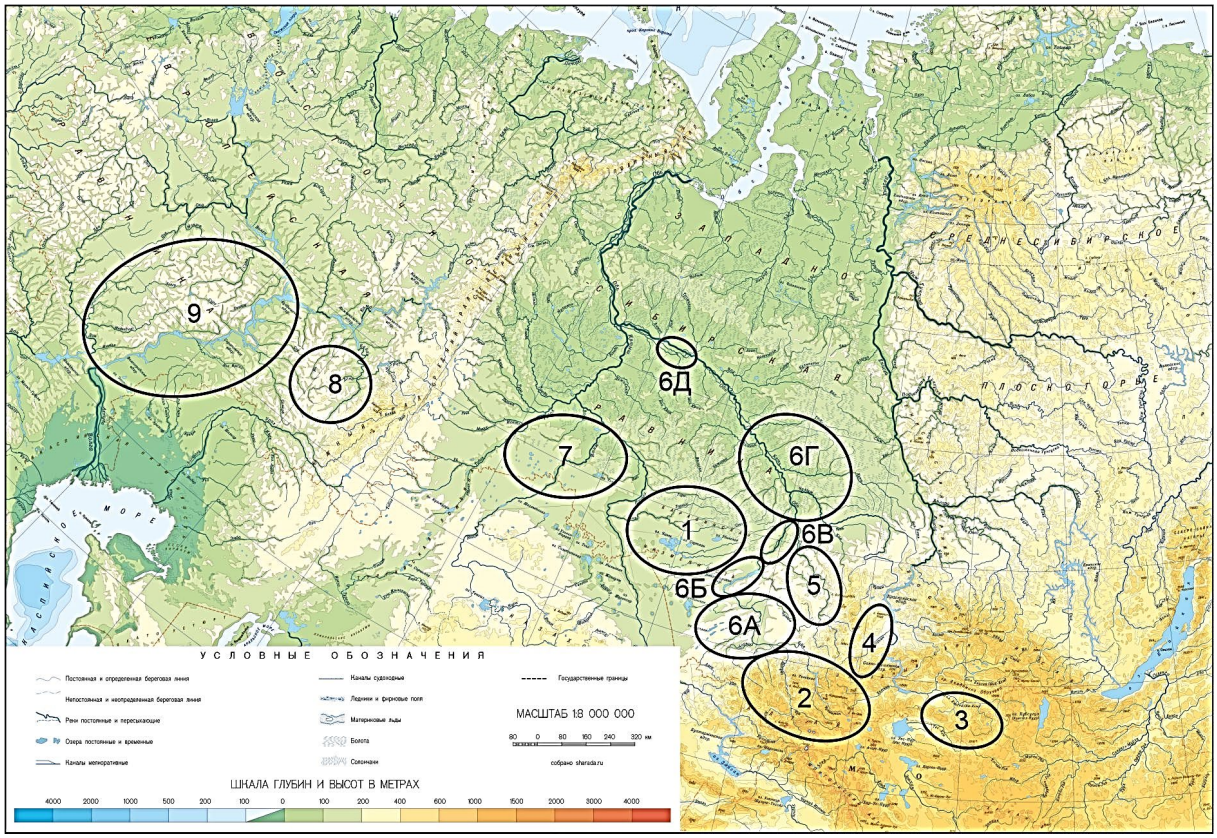

Рис. 1. Географическая локализация исследуемых диахронных моделей: *1* – Барабинская лесостепь (неолитические популяции, усть-тартасская, одиновская, кротовская, черноозерская, андроновская (федоровская), ирменская, пахомовская, саргатская, сросткинская культуры, популяции развитого и позднего Средневековья и Нового времени); *2* – Горный Алтай (афанасьевкая, каракольская, пазырыкская, каракобинская, булан-кобинская культуры, древнетюркское население); *3* – Тува (население РЖВ и Средневековья); *4* – Минусинские котловины (афанасьевская, окуневская, андроновская (федоровская), карасукская, лугавская, тагарская, таштыкская культуры, енисейские кыргызы, древнетюркское население); *5* – Кузнецкая котловина (андроновская (федоровская), корчажкинская, ирменская, тагарская, сросткинская культуры); *6* – Приобье, включая: *6А* – Барнаульское Приобье (андроновская (федоровская), ирменская, население финальной бронзы, большереченская, староалейская, каменская, сросткинская культуры), *6Б* – Новосибирское Приобье (население ранней и развитой бронзы, верхнеобская, сросткинская, басандайская культуры, русское население), *6В* – север Новосибирского Приобья (верхнеобская, сросткинская, басандайская культуры), *6Г* – Томское Приобье (древнетюркское население, прасамодийское население, селькупы (Средневековье и Новое время), чулымцы), *6Д* – Сургутское Приобье (ханты Средневековья и Нового Времени); *7* – Тоболо-Иртышское междуречье (неолит, саргатская культура); *8* – Приуралье (популяции РЖВ); *9* – Нижнее Поволжье (ямная, катакомбная, срубная культуры, савроматы, ранние, средние и поздние сарматы, население золотоордынского времени)

гие параметры. Важное направление работы – уточнение датировки образцов на основании контекста и/или методами прямого датирования. ЦКП «Ускорительная масс-спектрометрия НГУ–ННЦ» является единственной активно действующей в Российской Федерации лабораторией, имеющей международную лицензию, осуществляющей датирование археологических материалов современными методами, что позволяет проводить систематическую датировку изучаемых материалов.

Таким образом, все источники, включаемые в состав сформированного нами банка палеобиологических образцов, проходят процедуру первичной характеризации с точки зрения их контекста и пригодности для различных типов палеогенетического анализа. Все эти сведения об образцах заносятся в состав единой компьютерной базы данных. В нее же интегрируются все данные о результатах последующих этапов генотипирования образцов.

Стратегия генотипирования заключается в постепенном накоплении молекулярно-

генетических данных об исследуемых индивидах: от первичных характеристик сохранности ДНК и результатов генотипирования отдельных филогенетически и филогеографически информативных маркеров (мтДНК, маркеры половой принадлежности, *Y*-хромосома и др.) до получения полногеномных данных (от полногеномных панелей ОНП до полных последовательностей геномов различной глубины прочтения и покрытия).

Современные методы анализа структуры древней ДНК, включая высокопроизводительное секвенирование, в значительной степени стандартизированы и могут успешно использоваться на базе корректно организованных палеогенетических лабораторий. Процесс генотипирования выборок осуществляется нашим коллективом непрерывно, а его интенсивность и глубина зависят от текущих целей исследования диахронных моделей и/или их компонентов. Важно подчеркнуть, что в условиях достигнутой нами обеспеченности инфраструктурой, квалифицированными кадрами и образцами для исследования основным сдерживающим фактором в проведении палеогенетических работ становится доступность соответствующих ресурсов – реактивов и расходных материалов, используемых для получения и анализа структуры образцов древней ДНК.

Таким образом, в результате многолетних целенаправленных усилий сформирована уникальная по своей репрезентативности диахронная выборка (модель), охватывающая обширные регионы юга Сибири и ряд других территорий, на основе междисциплинарного анализа которой нами осуществляется объективная реконструкция генетической истории населения Сибири за последние ~ 10 тысячелетий.

В настоящее время существует объективная необходимость стимулирования дальнейшего развития ранее сложившихся отечественных научных центров, способных самостоятельно (без зависимости от зарубежных партнеров) выполнять полный цикл работ в области реконструкции истории населения с применением современного спектра палеогенетических методов. Наиболее эффективным способом развития направления является разработка и реализация программы поддержки междисциплинарных исследований с применением методов палеогенетики на базе имеющейся сети междисциплинарных центров компетенции в данной области (Москва, Новосибирск, Санкт-Петербург, Казань и др.). На примере опыта ННЦ СО РАН очевидно: благодаря сформированному ранее уникальному заделу поддержка таких исследований на уровне сохранения и развития приборного парка и, самое главное, финансирования дорогостоящих расходных материалов позволит в кратчайшие сроки получить палеогенетические результаты мирового уровня и обеспечить приоритет отечественных научных центров в области объективной реконструкции региональных особенностей истории формирования многонационального населения Сибири и в целом Российской Федерации.

Список источников

Алексеев В. П. Историческая антропология и этногенез. М.: Наука, 1989. 448 с.

Дремов В. А. Население Верхнего Приобья в эпоху бронзы (антропологический очерк). Томск: ТГУ, 1997. 262 с.

История Сибири: в 4 т. Т. 1: Каменный и бронзовый век / отв. редактор М. В. Шуньков. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2022. 660 с.

История Сибири: в 4 т. Т. 2: Железный век и Средневековье / отв. редактор В. И. Молодин. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2019. 643 с.

Молекулярно-генетический анализ митохондриальной ДНК представителей пазырыкской культуры Горного Алтая (IV–II вв. до н. э.) / М. И. Воевода, В. В. Ситникова, Т. А. Чикишева, А. Г. Ромащенко, Н. В. Полосьмак, А. П. Деревянко, В. И. Молодин, В. К. Шумный // Доклады Академии наук. М., 1998. Т. 358, № 4. С. 564–566.

Молодин В. И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск: Наука, 1985. 200 с.

Молодин В. И. Памятник Сопка-2 на реке Оми. Т. 1: Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи неолита и раннего металла. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2001. 127 с.

Молодин В. И., Гришин А. Е. Памятник Сопка-2 на реке Оми. Т. 5: Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов позднекротовской (черноозерской), андроновской (федоровской), ирменской и пахомовской культур. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2019. 223 с.

Молодин В. И., Пилипенко А. С., Поздняков Д. В. Современное состояние этногенетических реконструкций популяций эпохи бронзы юго-западной Сибири (некоторые итоги и перспективы) // РА. 2023. № 1. С. 41–52.

Молодин В. И., Соболев В. И., Соловьёв А. И. Бараба в эпоху позднего средневековья. Новосибирск: Наука, 1990. 262 с.

Мультидисциплинарные исследования населения Барабинской лесостепи V – I тыс. до н. э.: археологический, палеогенетический и антропологический аспекты / В. И. Молодин, А. С. Пилипенко, Т. А. Чикишева, А. Г. Ромащенко, А. А. Журавлев, Д. В. Поздняков, Р. О. Трапезов. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2013. 220 с.

Население Горного Алтая в эпоху раннего железного века как этнокультурный феномен: происхождение, генезис, исторические судьбы (по данным археологии, антропологии, генетики). / В. И. Молодин, М. И. Воевода, Т. А. Чикишева, А. Г. Ромащенко, Н. В. Полосьмак, Е. О. Шульгина, М. В. Нефедова, И. В. Куликов, Л. Д. Дамба, М. А. Губина, В. Ф. Кобзев // Интеграционные проекты СО РАН. Вып. 1. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2003. 286 с.

Палеогенетический анализ генофонда населения Сибири / В. И. Молодин, А. Г. Ромащенко, М. И. Воевода, В. В. Ситникова, Т. А. Чикишева // Интеграционные программы фундаментальных исследований. Новосибирск, 1998. С. 306–318.

Первые результаты палеогенетического исследования носителей андроновской (федоровской) культуры из могильников Чекановский лог-2, -10 / Р. О. Трапезов, А. С. Пилипенко, С. В. Черданцев, М. А. Томилин, И. В. Пилипенко, А. А. Журавлев, М. С. Пристяжнюк, М. А. Демин, И. А. Савко, Д. В. Папин // Народы и религии Евразии. 2022. 27 (2). С. 87–104.

Пилипенко А. С. Реконструкция процессов формирования населения Барабы эпохи бронзы методами анализа вариабельности мтДНК: автореф. дис. ... канд. биол. наук. Новосибирск, 2010. 16 с.

Реконструкция генетической истории населения Западной Сибири: палеогенетический анализ средневековых антропологических материалов / А. С. Пилипенко, Р. О. Трапезов, М. А. Томилин, С. В. Черданцев, И. В. Пилипенко, Д. В. Поздняков, В. И. Молодин, М. С. Нестерова, А. А. Журавлев, М. П. Рыкун // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2023. Т. XXIX. С. 806–812.

Трапезов Р. О. Генетическая структура популяций человека юга Сибири в эпоху неолита и ранней бронзы (VI – начало III тыс. до н. э.): автореф. дис. ... канд. биол. наук. Новосибирск, 2014. 16 с.

Чикишева Т. А. Динамика антропологической дифференциации населения юга Западной Сибири в эпохи неолита – раннего железа. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2012. 468 с.

Molodin V. I., Pilipenko A. S., Romaschenko A. G., Zhuravlev A. A., Trapezov R. O., Chikisheva T. A., Pozdnyakov D. V. Human migrations in the southern region of the West Siberian Plain during the Bronze Age: Archaeological, palaeogenetic and anthropological data // Population Dynamics in Prehistory and Early History: New Approaches Using Stable Isotopes and Genetics. B.: De Gruyter, 2012. P. 95–113.

Pilipenko A. S., Trapezov R. O., Cherdantsev S. V., Babenko V. N., Nesterova M. S., Pozdnyakov D. V., Molodin V. I., Polosmak N. V. Maternal genetic features of the Iron Age Tagar population from Southern Siberia (1st millennium BC). PLoS ONE. 2018. Vol. 13(9): e0204062.

Trapezov R. O., Cherdantsev S. V., Tomilin M. A., Pristyazhnyuk M. S., Pilipenko I. V., Pozdnyakov D. V., Kobeleva L. S., Molodin V. I., Pilipenko A. S. Features of the planographic distribution of mitochondrial DNA variants in the Andronovo time complexes of the Tartas-1 burial ground // Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia. 2022. V. 50. № 4. C. 146–153.

Unterländer M., Palstra F., Lazaridis I., Pilipenko A., Hofmanová Z., Groß M., Sell C., Blöcher J., Kirsanow K., Rohland N., Rieger B., Kaiser E., Schier W., Pozdniakov D., Khokhlov A., Georges M., Wilde S., Powell A., Heyer E., Currat M., Reich D., Samashev Z., Parzinger H., Molodin V. I., Burger J. Ancestry and demography and descendants of Iron Age nomads of the Eurasian Steppe // Nat. Commun. 2017. Vol. 8. Art. N 14615.

А. В. Поляков, И. П. Лазаретов, М. Е. Килуновская, Т. Р. Садыков
Институт истории материальной культуры РАН,
Санкт-Петербург, Россия

НОВЕЙШИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ РАБОТ ИИМК РАН В СИБИРИ

Аннотация. В докладе представлены наиболее яркие результаты раскопок 2022–2024 гг. трёх крупных экспедиций ИИМК РАН (Саянская, Тувинская и Азиатская номадическая), работающих в Сибири в долинах Верхнего и Среднего Енисея.

Ключевые слова: Верхний Енисей, Средний Енисей, Красноярский край, Республика Хакасия, Республика Тыва, археология, раскопки

Исследование проведено в рамках выполнения ФНИ ГАН «Особенности смены археологических культур у скотоводов Евразии и земледельцев Кавказа и Центральной Азии в неолите – раннем Средневековье» (FMZF-2025-0008).

Уже более 100 лет Институт истории материальной культуры РАН ведёт археологические исследования на территории Сибири. Ключевыми регионами являются долины Верхнего и Среднего Енисея, где работают крупнейшие экспедиции Института. Объёмы проводимых ими исследований постоянно растут вследствие интенсивного хозяйственного освоения данных регионов.

Саянская экспедиция ИИМК РАН (под руководством канд. ист. наук И. П. Лазаретова) многие годы трудится на территории Республики Хакасия и юга Красноярского края. Её отряды проводят как масштабные спасательные археологические работы, так и точечные научные раскопки объектов наименее изученных периодов древней истории. Только за 2022–2024 гг. экспедицией исследовано свыше 300 курганов различных хронологических периодов, от эпохи энеолита до раннего средневековья. Не менее масштабные работы проводились на поселенческих памятниках. На них вскрыто свыше 55 000 кв. м площади, выявлено свыше 1 400 объектов хозяйственно-бытового и ритуального назначения, получено и обработано более 110 000 артефактов скифского, гунно-сарматского и средневекового времени.

Отметим важнейшие результаты полевых работ, которые в ближайшее время будут оформлены в виде научных исследований и опубликованы.

На могильнике Усть-Камышта-1 в Аскизском районе Республики Хакасия выявлено и изучено первое в Южной Сибири ритуальное сооружение афанасьевской культуры, аналогии которому прослеживаются в материалах Горного Алтая. Оно представляло собой углубленный котлован, обставленный по периметру вертикальными плитами, с традиционным круглым очагом в центре, также оформленным по периметру плитами. В очаге и заполнении постройки обнаружены кости животных, а также фрагменты афанасьевского сосуда с арочным орнаментом.

На этом же могильном поле исследованы курганы сразу нескольких хронологических периодов окуневской культуры [Погребения разливского…, 2023]. Один из них был оформлен в виде квадрата с диагональными кладками, соединявшими углы ограды с центральным надмогильным сооружением. По периметру данного ритуально-погребального комплекса удалось проследить остатки кромлеха диаметром 40 м из вкопанных вертикальных плит, развернутых плоскостью к центральному захоронению.

Важнейшим открытием на могильнике Усть-Камышта-1 стала находка впускных захоронений финального для окуневской культуры разливского этапа. Они сопровождаются изображениями в стиле «тощих» быков, выгравированных на стенках каменных ящиков. Главной отличительной особенностью данного типа захоронений является посмертная трепанация

© Поляков А. В., Лазаретов И. П., Килуновская М. Е., Садыков Т. Р., 2025

черепов, погребенных в них людей [Поляков, 2021]. Ранее подобные комплексы встречались только в северных районах Хакасии. Теперь можно утверждать, что памятники разливского этапа были распространены повсеместно, включая южную часть Минусинских котловин.

Вблизи от окуневских курганов выявлена серия ритуальных ям с костями и черепами быков, а также хорошо сохранившееся поминальное сооружение, идентичное по конструкции ритуальным площадкам чемурчекской культуры. Рядом с ним обнаружен фрагмент каменного изваяния, выполненного в технике и стилистике, также характерной для синхронных статуарных памятников Монголии и Синьцзяна.

На том же могильнике вскрыта система оград с непотревоженными погребениями андроновской (фёдоровской) культуры. Это, безусловно, самый яркий и насыщенный артефактами комплекс среди андроновских памятников Минусинских котловин. В нем представлена серия великолепных, богато орнаментированных сосудов, множество бронзовых украшений (бляшки разных форм и размеров, бусы), несколько комплектов серег с раструбом из жёлтого металла. По количеству и разнообразию артефактов данный комплекс явно превосходит материалы всех андроновских могильников Южной Сибири, исследованных на протяжении предшествующего столетия.

В могильниках Усть-Камышта-1 и Кирба-Столбовое-3 (Бейский район Республики Хакасия) также изучена большая серия курганов периода поздней бронзы, в том числе комплексов баиновского этапа. Здесь хорошо прослеживается эволюция курганных конструкций, погребального обряда и инвентаря на протяжении весьма длительного времени, предшествующего моменту формирования на территории Среднего Енисея тагарской культуры, что позволяет значительно более детально подойти к решению актуальных вопросов сложения памятников скифского времени на Среднем Енисее [Новые данные…, 2022; Финал эпохи…, 2023].

Помимо памятников Усть-Камышта-1 и Кирба-Столбовое-3 серия курганов тагарской культуры исследована в могильниках Смирновка-IV, Усть-Камышта-1, Хызыл-Салда-10. В них представлен весь спектр комплексов скифской эпохи, от одиночных погребений подгорновского этапа до коллективных склепов с массовыми захоронениями этапа сарагашенского. Их изучение позволит выстроить единую хронологическую шкалу и уточнить периодизацию уже, собственно, тагарской культуры.

Большой интерес представляют комплексы тесинской культуры, исследованные в составе нескольких памятников: Смирновка-IV, Усть-Камышта-1, Хызыл-Салда-9. В них представлены совершенно разные по своей конструкции погребальные сооружения: склеп с коллективными захоронениями, два обособленных грунтовых могильника, несколько групп впускных захоронений в насыпях курганов предшествующих культур. Они изучены полностью, содержали богатейший и весьма разнообразный материал: гипсовые маски, большую серию разнотипной посуды, множество костяных, железных и бронзовых предметов. Часть из них являются высоко художественными изделиями, выполненными в скифо-сибирском зверином стиле [Лурье, Трубникова, 2023].

Однако самая яркая и неожиданная находка была совершена Саянской экспедицией совершенно случайно [Поляков, Лазаретов, Амзараков, 2024]. В ходе раскопок поселения Хызыл-Салда-9 (Алтайский район Республики Хакасия, 2,3 км к востоку от центра села Аршаново) при прокопке дна котлована средневекового заглубленного жилища было обнаружено непотревоженное одиночное погребение окуневской культуры (могила 11), что само по себе является уникальной ситуацией. При исследовании сплошным раскопом площади свыше 10 тыс. кв. м не удалось обнаружить других захоронений, конструкций или артефактов эпохи ранней бронзы.

Могила представляла собой заглублённый каменный ящик из четырех плит,

установленный в донной части обширной грунтовой ямы. Внутри ящика совершено погребение ребёнка в возрасте до полугода. Он был захоронен на спине, с ногами согнутыми и поднятыми коленями вверх. Вероятно, погребение ребёнка было осуществлено в деревянной кроватке-колыбели, имевшей ножки высотой 20–25 см.

Захоронение сопровождалось необычайно богатым инвентарем. Возле груди располагался плоскодонный баночный сосуд с рядом «жемчужин» под венчиком, ногтевидными вдавлениями на дне и тулове. Под черепом ребёнка найдено височное кольцо в 2,5 оборота из желтого металла и зубы соболя в количестве 133 шт. Ещё 58 зубов соболя обнаружены в области стоп ребенка. Они украшали его шапочку и обувь. В области таза лежали подвески из клыков марала и мраморный шар со сквозным отверстием, вероятно украшавшие пояс. На груди ребенка располагались восемь предметов: семь зооантропоморфных роговых подвесок и медный миниатюрный кинжал. Все они залегали параллельно друг другу и были обращены отверстиями для подвешивания в сторону головы младенца. Предметы, вероятно, крепились к деревянной дуге, подобной обнаруженной у колыбели в могильнике Уйбат V.

Неожиданной находкой является медный кинжал с дугообразным перекрестьем, цельнолитой рукоятью и грибовидным выступом на кольцевом навершии. Его рукоять имела двутавровое сечение с семью поперечными рельефными перемычками. Нам известны десятки ножей и кинжалов окуневской культуры, однако, все они имели черешковый насад и крепились в деревянных или костяных рукоятях. Обнаружение столь типологически отработанного цельнолитого изделия – главная загадка данного захоронения.

Помимо кинжала, в состав ожерелья входили семь роговых художественных предметов. Вероятнее всего, это некий набор амулетов или оберегов. Его основу составляют миниатюрные копии окуневских стел, изображавших мифологических персонажей с многочисленными особыми атрибутами (рога, заячьи уши и т. п.). Также в него входят изображения змеи и головы птицы. Всё это можно интерпретировать, как некий пантеон окуневского времени.

Конструкция погребального сооружения, весь комплекс сопроводительного инвентаря позволяют уверенно соотносить захоронение на поселении Хызыл-Салда-9 с тасхазинским хронологическим горизонтом окуневской культуры. По результатам радиоуглеродного анализа в двух разных AMS-лабораториях с наибольшей вероятностью оно датируется XXIV в. до н. э. [Поляков, 2017].

Важно отметить, что это вторая подобная находка. Первая была сделана на могильнике Итколь II более десяти лет назад [Поляков, Есин, 2015]. Обращает на себя внимание очень большое число параллелей, которые позволяют объединять два указанных случая. Это их хронологическая синхронность, схожая конструкция могилы и помещение в нее колыбели, одинаковый возраст и пол погребенного, богатый сопроводительный инвентарь, а главное, заметные переклички в наборе уникальных предметов. Все это позволяет рассматривать их как уникальную группу захоронений, вероятно, имеющих особое сакральное значение. Можно предположить, что и другие окуневские детские погребения содержали подобные резные зооантропоморфные подвески-погремушки, только выполненные из дерева.

В последние годы Тувинская экспедиция ИИМК продолжает исследования на территории Верхнего Енисея (руководитель – канд. ист. наук М. Е. Килуновская). Ведутся как спасательные работы, так и научные программы. Одна из важнейших проблем археологии Тувы – это недостаточная изученность эпохи бронзы. В разных районах регулярно фиксируются «следы» культур этого времени. Таким образом, Тува была включена в общие процессы миграций и взаимопроникновения населения этого времени. Так, в 2022 г. в зоне водохранилища Саяно-Шушенской ГЭС на могильнике Ала-Тей 6 было исследовано захоронение женщины, у которой возле головы лежали бронзовые

серьги андроновского типа (в Туве известно одно разрушенное погребение андроновской культуры в урочище Аймырлыг, где на кистях рук были найдены два андроновских браслета) [Килуновская, Леус, 2024а].

Другой очень яркий пример – это открытие уникального объекта: геоглифа в виде фигуры быка. Он был обнаружен в ходе спасательных работ по трассе реконструируемой дороги в Монголию в долине р. Хондергей (Дзун-Хемчикский район Республики Тыва). Исследованный комплекс находится на территории курганного могильника Хондергей-22. Его западная часть – это интереснейший и, по-видимому, крупнейший в Туве погребальный комплекс уюкско-саглынской культуры (IV–II вв. до н. э.) [Раскопки в долине…, 2021, с. 139–160]. Восточная часть могильника, вероятно, представлена разрушенными курганами монгун-тайгинского типа с сооружениями на уровне древней дневной поверхности типа цист. Под их камнями и была обнаружена выкладка в виде быка.

Она выполнена из вертикально вкопанных на ребро плиток и небольших валунов. Выложены часть спины, брюха, две задние ноги с копытами и длинный хвост животного. Спина показана двойной линией вкопанных камней, остальные части – одной линией. Передняя часть, к сожалению, не сохранилась. Она была уничтожена кюветом старой автомобильной дороги. Размер сохранившейся части изображения 5×4 м. Среди камней выкладки было найдено два небольших фрагмента керамики с трубчатым орнаментом, которая датируется эпохой ранней бронзы [Килуновская, 2023].

Выкладка являлась частью ритуального комплекса, о чём свидетельствует цепочка из шести небольших ям, округлых очертаний, плотно забутованных камнями со следами сожжений – углями и прокалами. Около ям также были найдены фрагменты керамики с трубчатым орнаментом. Возможно, это была столбовая конструкция, возведённая вокруг фигуры быка. С запада и юго-запада его ограждает линия из положенных горизонтально небольших плит. Возможно, это остатки геометрической прямоугольной выкладки, подобные которой мы фиксируем в разных частях Тувы и которые можно интерпретировать как ритуальные комплексы, отражающие древнейшие религиозные культы [Килуновская, 2023, с. 144–153].

Геоглиф в виде фигуры животного (быка в данном случае) является уникальным для археологии Тувы, да и в целом Центральной Азии и Южной Сибири. Несмотря на частичную сохранность, этот памятник является очень важным для науки и культуры. Изображение находит полные аналогии в наскальном искусстве эпохи бронзы III – начала II тыс. до н. э. Для сопоставления можно привлечь фигуры быков из Калбак-Таша, на Мугур-Сарголе, а также на Теньгинской плите, найденной у с. Озерное на Алтае. Таким образом, находка выкладки в форме быка позволяет датировать целый пласт наскальных рисунков.

Петроглифы и достаточно представительная серия геометрических выкладок, имеющих как поминально-ритуальное значение, так и чисто ритуальное свидетельствует о существовании в этом регионе Центральной Азии в эпоху бронзы достаточно развитой культуры, погребальные и поселенческие памятники которой ещё предстоит открыть.

Наметились новые направления в изучении памятников позднескифского времени (III–II вв. до н. э.) – исследовано несколько комплексов в склепах и срубах с большим количеством инвентаря, среди которого нужно отметить уникальные керамические орнаментированные сосуды в виде фляг (с уплощенными стенками), находящие соответствие только в Бактрии и Синьцзяне, а также бронзовые котлы, имеющие аналогии в памятниках Северо-Западного Китая. Это свидетельствует о том, что Тува в этот период не только выступала в роли посредника между различными кочевническими и земледельческими культурами Центральной Азии и Южной Сибири, но и сама принимала участие в сложении новых кочевнических культур.

На это же указывают результаты исследований двух погребальных комплексов эпохи хунну на левом берегу Енисея – Ала-Тей 1 и Терезин. В грунтовый могилах (121 – на Ала-Тее и 46 – на Терезине) представлен внушительный комплекс предметов: китайские зеркала и их копии, китайские монеты, украшения пояса в виде больших бронзовых ажурных пряжек с изображениями, блях и пряжек из каменного угля или сибирского гагата с инкрустациями полудрагоценными камнями и тончайшими гравировками, серьгами с подвесками из веточек коралла, привезёнными из зоны Персидского залива, керамики хуннского облика и перегородчатыми сосудами-светильникам. Все эти предметы встречаются только в могилах хунну, т. е. могут служить маркерами присутствия их культуры на берегах Верхнего Енисея. Для этих памятников по вещевому комплексу получена дата II – начало I в. до н. э., что подтверждается данными AMS-датирования [Килуновская, Леус, 2024б].

С 2017 г. в Туве ведётся изучение уникального памятника Туннуг 1. Раскопки проводит Азиатская номадическая экспедиция ИИМК РАН (руководитель – канд. ист. наук Т. Р. Садыков). Проект начинался как раскопки «царского» кургана аржанского типа, эпохи перехода от бронзового века к железному, но памятник оказался многослойным, включающим в себя многочисленные погребения вплоть до средневековья [Садыков, Каспари, Блохин, 2019; Chan et al., 2022]. Однако особенно активно эта площадка использовалась в начале нашей эры [Sadykov et al., 2021]. Раскопки объектов этого периода уже практически завершены, проведена серия междисциплинарных исследований (антропология, радиоуглеродное датирование, палеопаразитология) и подготовлено монографическое издание, которое выйдет в 2025 г.

Как и другие расположенные в Долине царей элитарные памятники, Туннуг представляет из себя не просто курган, а планиграфически сложный «погребально-поминальный комплекс» [Чугунов, 2011]. Вокруг центрального кургана обнаружены, магнитометрически картированы и уже частично исследованы многочисленные «ритуальные» объекты [Caspari et al., 2019].

Насыпь центрального кургана также оказалась планиграфически и стратиграфически многокомпонентной [Sadykov et al., 2020]. Вся его площадь сверху покрыта сплошным слоем камня, под которым отчётливо выявляются: окружающая стена, сложенная из плит, относительно пустое пространство между стеной и центральным глиняно-деревянным сооружением, которое по аналогии с реконструкцией строения кургана Аржан 1 можно определить как «галерею» [Савинов, 1992].

Центральное глиняно-деревянное сооружение кургана конструктивно наиболее сложная часть памятника. В его основе сохранилась конструкция из лиственничных брёвен (длиной до 10 м), расположенных в радиальном и окружном направлениях, в целом составляющая огромную «паутину» радиусом около 80 м. Этот размер и планиграфический принцип в целом напоминают строение кургана Аржан 1, который был расположен в той же долине [Грязнов, 1980]. Бревна прекрасно сохранились, отобрано уже более пятидесяти образцов (спилов), что, вероятно, позволит со временем получить абсолютную дендрохронологическую дату памятника. Первое wiggle-matching определение уже опубликовано [Caspari et al., 2020]. Полученный интервал 833–800 до н. э. идентичен принятому сейчас интервалу 831–801 до н. э. для Аржана 1, т. е. разница во времени постройки между этими памятниками не более 30 лет (одно поколение) [Евразия..., 2005, с. 68].

Поверх бревен сформированы многочисленные возвышения и переходы между ними из материковой глины. Наиболее вероятно, все эти конструкции были дополнительно обшиты деревом. Была сформирована возвышающаяся над окружающей поймой круглая и абсолютно плоская платформа диаметром около 80 м, на которой в ячейках паутины оставлены пустоты («камеры»). Основные ритуальные действия – массовые конские и чело-

веческие жертвоприношения прошли на поверхности этой платформы. Покрытие всего этого пространства (около десяти тысяч квадратных метров) камнем (а это многие тысячи тонн) – отдельный этап постройки памятника. Возможно, этот этап уже воспринимался участниками как закрытие и символическое его запечатывание.

Сейчас раскопано чуть более половины насыпи центрального кургана. Несколько важных находок сделано непосредственно под слоем камня, на поверхности изначального сооружения. Зафиксирован ряд небольших стел особого типа с иконографией, отличающейся от иконографии оленных камней, распространённых в эту эпоху [Sadykov et al., 2024a]. Но есть и целая группа собственно оленных камней, сконцентрированная в самом центре памятника (еще не опубликованы).

Уникальная ситуация сложилась со следами массовых конских и человеческих жертвоприношений, совершенных на поверхности в центральной части кургана [Sadykov et al., 2024b]. Поскольку ритуал прошел на изначальной глинянодеревянной платформе, а затем последовало сплошное покрытие всего пространства камнем, эти следы запечатались в надежном стратиграфическом контексте и относительно хорошо сохранились. Что особенно важно, оставшиеся под слоем камня кости коней, людей и связанные с ними находки (в первую очередь, элементы конской узды) имеют строгие планиграфические закономерности. Весь этот комплекс (материал продолжает обрабатываться, но это не меньше сотни коней) в плане отчетливо разделяется на отдельные кластеры, и материал из разных кластеров отличается. Это отражает ту же ситуацию, что и отличия в материале из разных камер кургана Аржан 1. Курган построен совместными усилиями нескольких сообществ и содержит несколько закрытых комплексов разного происхождения, «синхронных до одного дня» [Грязнов, 1980, с. 54]. Дальнейшее изучение этого важнейшего материала будет вестись не только с точки зрения археологии, но и палеозоологии, генетики, изотопных и других естественно-научных методов.

В полевом сезоне 2024 г. раскопана центральная часть кургана, давшая неожиданные результаты. В геометрическом центре сооружения выявлено два примыкающих друг к другу сруба, один из которых (северный, большего размера) практически полностью разрушен ещё в древности (возможно, даже до покрытия конструкции кургана камнем), а южный содержал непотревоженное погребение в колоде с представительным набором погребального инвентаря: бронзовые зеркало и нож, железный кинжал с золотыми элементами оформления, а также множество золотых украшений. К югу и юго-востоку от срубов зафиксировано три дополнительных погребения в деревянных колодах, одно из которых также содержало золотые украшения. В двух случаях в погребениях сохранились крупные фрагменты ткани, их реставрация и реконструкция выделены в отдельный проект.

Интерпретация и публикация исследованных погребений – дело ближайшего будущего, однако уже сейчас можно отметить важные с научной точки зрения пункты. Первое – определенный и очень ограниченный репертуар предметов, украшенных в зверином стиле, зафиксированных в точно датированных закрытых комплексах. После Аржана 1 для раннего этапа таких точек отсчета не появлялось, и эволюционные пути его появления и развития могут быть уточнены. Второе – отсутствие звериного стиля на золотых украшениях погребенных, что опять-таки корректирует гипотезы о его возникновении. Весь звериный стиль в материалах кургана Туннуг воплощен в бронзе и кости и только как украшение конской узды и оружия. Традиция «золотых людей», зооморфных золотых бляшек в составе костюма в это время еще не зародилась. Не было, видимо, золотых украшений и в кургане Аржан 1, где М. П. Грязнов предполагал их наличие только на основе косвенных данных. Третье – наличие на золотых украшениях декора в геометрическом стиле, что никак не связано предыдущей культурной традицией и по-

ка находит только очень далекие аналогии. Материалы памятника поставили множество новых вопросов, но наконец-то в давней дискуссии о сложении раннескифской культуры появились не только новые отвлеченные концепции, но и новые твердые факты.

Продолжение и окончание раскопок памятника Туннуг 1 сулит новые и важные открытия. Пример Аржана 1, где уникальные находки были рассредоточены по отдельным камерам практически по всей площади кургана, говорит о необходимости раскопок памятника целиком. Наши исследования пока подтверждают этот тезис – информация из центральных погребений важна и интересна, но не меньше научного потенциала содержат и остальные части памятника. И конечно же, немало нового мы узнаем в ходе лабораторных проектов с уже полученным материалом, обработка которого идет в содружестве с целым рядом смежных специалистов.

Таким образом, можно подвести итог: полевая и научно-исследовательская деятельность ИИМК РАН в Сибири сейчас находится на особом подъеме. Ведутся не только спасательные, но и многочисленные научные проекты, которые позволяют даже на таком небольшом хронологическом отрезке (2022–2024 гг.) получать важные результаты, заметно трансформирующие и уточняющие наши знания о древней истории всего центральноазиатского региона.

Список источников

Грязнов М. П. Аржан. Царский курган раннескифского времени. Л.: Наука, 1980. 63 с.

Евразия в скифскую эпоху: радиоуглеродная и археологическая хронология / А. Ю. Алексеев, Н. А. Боковенко, С. С. Васильев, В. А. Дергачёв, Г. И. Зайцева, Н. Н. Ковалюх, Г. Кук, Й. ван дер Плихт, Г. Посснерт, А. А. Семенцов, Е. М. Скотт, К. В. Чугунов. СПб.: Теза, 2005. 290 с.

Килуновская М. Е. Ритуальные памятники эпохи бронзы в Туве // Тропою тысячелетий. Памяти М. А. Дэвлет. М.: ИА РАН, 2023. С.144–153.

Килуновская М. Е., Леус П. М. Инокультурные инфильтрации в эпохи бронзы и раннего железного века в Туве // Следы явлений и процессов в археологических памятниках. Симферополь: Печат. Двор, 2024а. С. 69–78.

Килуновская М. Е., Леус П. М. Тува дахь хуннугийн дурсгалын он цаг (Chronology of the Xiongnu period in Tuva) // Хүннүгийн Археологи: Дурсгалын он цагийн асуудал. Олон улсын эрдэм шинжилгээний хурал 2024.10.19 2024.10.20 (Xiongnu Archaeology: chronology issue. International Conference). Улан-баатар, 2024б. С. 216–224.

Лурье В. М., Трубникова В. Б. Хуннские бронзы в тесинских комплексах по материалам раскопок Саянской археологической экспедиции 2020–2022 гг. // «Поющие стрелы Маодуня»: хунну от неизвестности до империи. СПб.: ИИМК РАН, 2023. С. 183–187.

Новые данные о финале эпохи палеометалла в Минусинских котловинах / А. В. Поляков, И. П. Лазаретов, В. М. Лурье, П. Б. Амзараков // Изучение древней истории Северной и Центральной Азии: от истоков к современности. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2022. С. 136–138.

Погребения разливского хронологического горизонта окуневской культуры могильника Усть-Камышта-1 (курган 10N) / И. П. Лазаретов, Н. И. Лазаретова, В. М. Лурье, А. А. Малютина, Е. А. Миклашевич // Записки ИИМК РАН. 2023. № 29. С. 93–106.

Поляков А. В. Радиоуглеродные даты окуневской культуры // Записки ИИМК РАН. 2017. № 16. С. 52–74.

Поляков А. В. К вопросу о выделении разливского этапа окуневской культуры // Археология Северной и Центральной Азии: новые открытия и результаты междисциплинарных исследований. Барнаул: Изд-во АГУ, 2021. С. 170–175.

Поляков А. В., Есин Ю. Н. Миниатюрные изображения из погребения окуневской культуры на озере Иткуль в Хакасии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2015. Т. 43, № 2. С. 43–57.

Поляков А. В., Лазаретов И. П., Амзараков П. Б. Новое погребение окуневской культуры с набором сакральных предметов (Хызыл-Салда-8, могила 11 // Н. К. Рерих и археологические исследования в Сибири и Центральной Азии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2024. С. 24–25.

Раскопки в долине реки Хондергей в зоне проектируемого капитального ремонта автодороги Р-257 «Енисей» Красноярск-Кызыл-граница с Монголией (Дзун-Хемчикский район Республики Тыва) в 2021 г. / М. Е. Килуновская, Вл. А. Семенов, Т. А. Ключников, Л. Л. Галухин, В. Л. Денисенко, Е. Л. Кириллов, Н. А. Лазаревская, К. М. Монгуш // Бюллетень ИИМК РАН. [№] 11 (охранная археология). СПб, 2021. С. 139–160.

Савинов Д. Г. Реконструкция погребального комплекса кургана Аржан, его компоненты и аналогии. // Северная Евразия от древности до средневековья (тезисы конференции к 90-летию со дня рождения М. П. Грязнова). СПб., 1992. С. 108–112.

Садыков Т. Р., Каспари Дж., Блохин Е. К. Раннескифский курган Туннуг 1: результаты первых работ на южной периферии памятника. // Теория и практика археологических исследований. № 25. 2019. С. 29–38.

Финал эпохи палеометалла в Хакасско-Минусинской котловине / И. П. Лазаретов, А. В. Поляков, В. М. Лурье, П. Б. Амзараков // Археология, этнография и антропология Евразии. 2023. Т. 51, № 1. С. 108–118.

Чугунов К. В. Аржан-2: реконструкция этапов функционирования погребально-поминального комплекса и некоторые вопросы его хронологии. // Российский археологический ежегодник. 1. 2011. С. 262–335.

Caspari G., Sadykov T., Blochin J., Buess M., Nieberle M., Balz T. 2019. Integrating Remote Sensing and Geophysics for Exploring Early Nomadic Funerary Architecture in the “Siberian Valley of the Kings”. // Sensors. № 19. 2019. P. 3074.

Caspari G., Sadykov T., Blochin J., Bolliger M., Szidat S. New evidence for a Bronze Age date of chariot depictions in the Eurasian steppe. // Rock Art Research. № 37 (1). 2020. P. 53–58.

Chan A., Sadykov T., Blochin J., Hajdas I., Caspari G. The polymorphism and tradition of funerary practices of medieval Turks in light of new findings from Tuva Republic. // Plos One. 17 (9). 2022. P. e0274537.

Sadykov T., Caspari G., Blochin J. Kurgan Tunnug 1 – New Data on the Earliest Horizon of Scythian Material Culture. // Journal of Field Archaeology. 45 (8). 2020 P. 556–570.

Sadykov T., Caspari G., Blochin J., Losch S., Kapinus Y., Milella M. 2021. The Kokel of Southern Siberia: New data on a post-Xiongnu material culture. // Plos One. 16 (7). 2021. P. e0254545.

Sadykov T., Blochin J., Asochakova E., Fedorova D., Caspari G. A new type of Early Iron Age stela from Tuva (Inner Asia). // Archaeological Research in Asia. 38. 2024a P. 100524.

Sadykov T., Blochin J., Taylor W., Fomicheva D., Kasparov A., Khavrin S., Malyutina A., Szidat S., Caspari G. 2024b. A spectral cavalcade: Early Iron Age horse sacrifice at a royal tomb in southern Siberia. // Antiquity. 98 (402). 2024b. P. 1538–1557.

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ В ПАЛЕОЛИТЕ И МЕЗОЛИТЕ

Е. В. Акимова[1], В. М. Новосельцева[2], И. В. Стасюк[3], О. А. Горельченкова[4], А. В. Мурашко[5]
[1,2] Институт археологии и этнографии СО РАН,
Новосибирск, Россия
[3] Красноярский государственный педагогический университет имени В. П. Астафьева,
Красноярск, Россия
[4] Красноярский кадетский корпус имени А. И. Лебедя,
Красноярск, Россия
[5] ООО «Ростовское Археологическое научно-исследовательское общество»,
Ростов-на-Дону, Россия

МНОГОСЛОЙНАЯ ПОЗДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА АФОНТОВА ГОРА V (РАДИЩЕВА): ПЕРВЫЕ ИТОГИ ПОЛЕВОГО ЭТАПА ИЗУЧЕНИЯ

Аннотация. Первые раскопки стоянки Афонтова гора V (Радищева) – южной части ВОАН «Красноярск. Стоянка Афонтова гора V» позволили получить массовые археологические и палеонтологические материалы, датированные в пределах периода MIS2. Культурные слои 1–3 отнесены к кокоревской археологической культуре. В культурном слое 2 выявлены два очага с каменными обкладками.

Ключевые слова: Енисей, Афонтова гора, поздний палеолит, кокоревская культура

Исследование выполнено при поддержке проекта НИР ИАЭТ СО РАН «Закономерности распространения и источниковедческие аспекты сохранения объектов археологического наследия в условиях техногенных изменений ландшафтов Евразии» FWZG-2025-0012.

В результате проведения охранно-спасательных работ в южной части территории ВОАН «Красноярск. Стоянка Афонтова гора V» в 2024 г. был выявлен и исследован новый пункт – многослойная позднепалеолитическая стоянка Афонтова гора V (Радищева).

Памятник приурочен к покровным отложениям IV («лагерной») террасы р. Енисей. Выделяется пять смежных участков распространения культурных слоев.

Южный участок. Культурный слой 1 залегает в светло-коричневой супеси, непосредственно на контакте плейстоцена – голоцена. Планиграфически выделяются крупный сектор, интерпретированный в качестве мастерской с концентрацией предметов первичного расщепления: нуклеусов для крупных и средних пластин, клиновидных микронуклеусов, заготовок, обломков, пластин, отщепов и фрагмент предполагаемого жилого комплекса (?) с характерным набором орудий, включающим специфические скребла-остроконечники, резцы, скребловидные орудия (рис. 1, *1–6*).

Западный участок. Располагается вдоль пологого склона южной экспозиции. Культурный слой 1 зафиксирован только в южной (нижней) части. Здесь найдены двуплощадочный бифронтальный микронуклеус, нуклеусы на массивных гальках с коротким фронтом, орудия на крупных первичных отщепах с вентральной обработкой, массивное скребло на обломке кремнистой породы, а также обломок вкладышевого орудия из рога.

Культурный слой 2, расположенный в северной (верхней) части, приурочен к светлой супеси, переходящей в карбонатизированную супесь. Верхней условной точкой является очаг с каменной обкладкой, после окончания функционирования превращенный в ямку-кладовочку [Новосельцева, Акимова, 2024]. В слое найдены единичные клиновидные микронуклеусы, уплощенные двуплощадочные монофронтальные нуклеусы, крупный торцовый нуклеус на первичном сколе, концевые скребки, ножевидные орудия и резцы (в том числе – унифас) на пластинчатых заготовках, галечное орудие на удлиненной плоской гальке [Раскопки стоянки…, 2024]. По разнообразию и многочисленности каменного сырья (енисейский галечник) западный участок можно считать восточной оконечностью отдельного пункта.

© Акимова Е. В., Новосельцева В. М., Стасюк И. В., Горельченкова О. А., Мурашко А. В., 2025

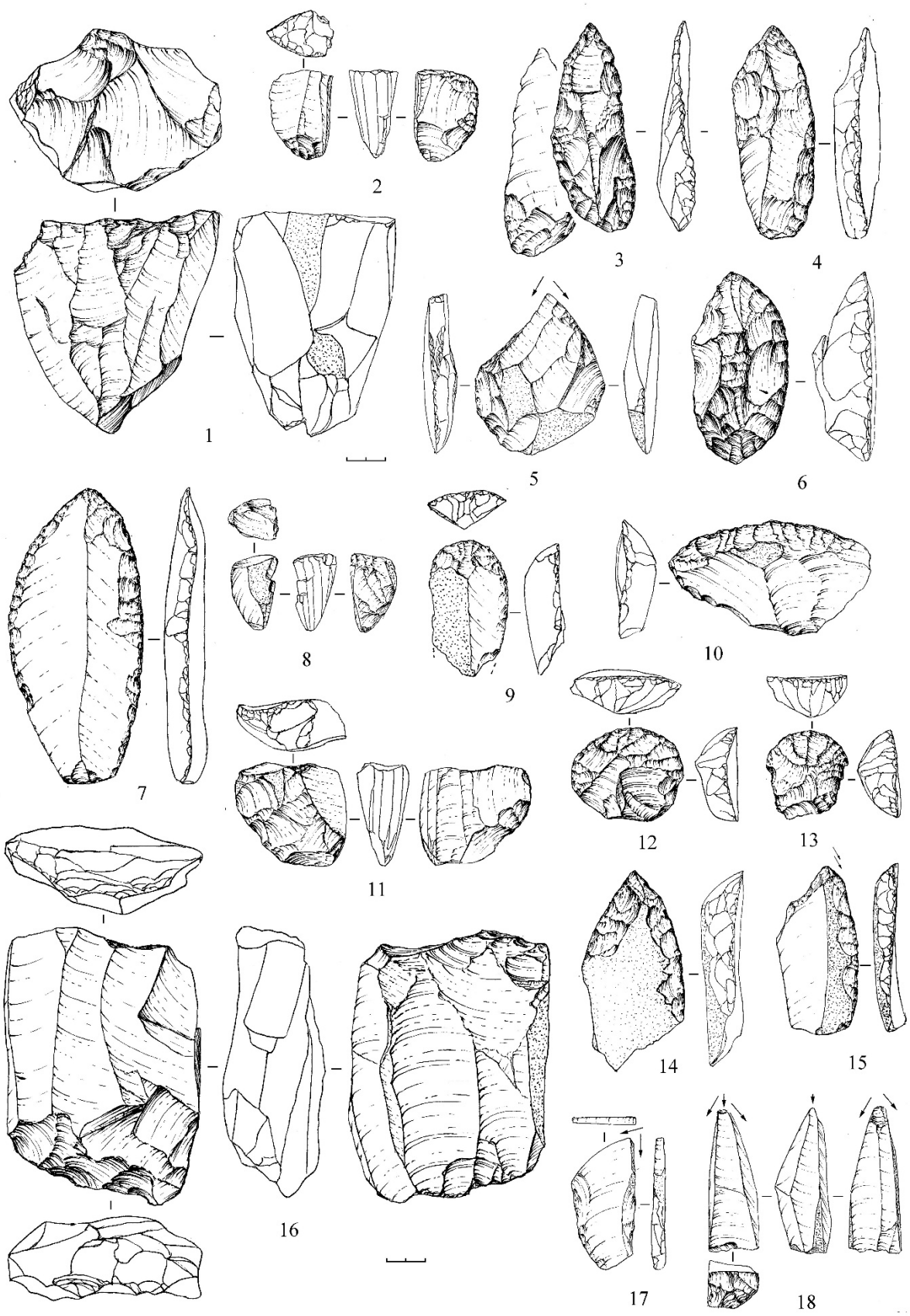

Рис. 1. Каменный инвентарь стоянки Афонтова гора V (Радищева): *1–6* – культурный слой 1, южный участок; *7–18* – культурный слой 2, центральный участок

Центральный участок. Основным является культурный слой 2, простирающийся на площади около 300 кв. м на мысовом участке террасы с падением склона в северо-восточном, восточном и юго-восточном направлениях. В верхней части

склона расположен очаг с каменной обкладкой [Новосельцева, Акимова, 2024]. В результате сползания предметов по склону, вероятно, произошло перекрытие возможных специализированных микроучастков отщепами, обломками, фрагментами костей, что затрудняет их функциональную интерпретацию.

Оценивая общий состав каменного инвентаря центрального участка, можно указать на явное преобладание нуклеусов для крупных и средних пластин, клиновидных микронуклеусов, заготовок, обломков и сколов с нуклеусов [Раскопки стоянки..., 2024].

Орудийный набор включает такие группы, как скребки-унифасы на отщепах, концевые скребки и остроконечники на пластинах, боковые и угловые резцы на отщепах и пластинах, скребла на крупных долечных сколах, массивные скребловидные орудия, в том числе с вогнутым краем, рубящие орудия на крупных широких гальках (рис. 1, *7–18*).

Культурный слой 3 выявлен на участке площадью около 50 кв. м в 20–40 см ниже культурного слоя 2. Преобладают отщепы и фрагменты неопределимых трубчатых костей. Среди информативных артефактов – крупный торцовый двуплощадочный нуклеус на массивной гальке и долотовидное орудие на сработанном нуклеусе.

Северный участок. Культурный слой 4 залегает в криотурбированных солифлюированных суглинках на глубине 4,5–5 м.

Каменные артефакты слоя представлены преимущественно галечными сколами и фрагментами крупных пластин, в том числе с эпизодической ретушью. Среди галечных нуклеусов преобладают одноплощадочные монофронтальные, плоскостные с переходом фронта на торец. Один нуклеус можно классифицировать как «псевдолеваллуа». Орудийный состав представлен скреблами на крупных сколах и концевым скребком высокой формы на пластине.

Восточный участок. Крайняя, мысовая часть поселения. На уровне культурных слоев 1 и 2 встречены единичные артефакты.

Общее количество предметов из камня, полученных в результате раскопок 2024 г., составляет около 23 тыс. экз., фаунистических остатков разной степени сохранности и информативности – более 10,5 тыс. экз.

Выводы

1. Западный (верхний) и центральный участки являются остатками двух поселений (культурные слои 2 и 3), хронологически близких друг другу, и располагающиеся в верхней части пологих склонов, переходящих выше в относительно ровную террасовидную площадку. В обоих случаях очаги сооружены по кромке площадки, а археологический и фаунистический материал залегает по склону, образуя многоуровневые скопления с максимальной концентрацией на участках (ступенях) выполаживания и в промоинах, образованных, вероятно, дождевой и талой водой.

2. Каменный инвентарь культурных слоев 2 и 3 западного (верхнего) и центрального участков характеризуется пластинчатостью, что выражается в соответствующих формах крупных нуклеусов на гальках и основной заготовки большинства орудий (остроконечники, резцы, скребки, ножевидные орудия). Таким образом, Афонтова гора V (Радищева), в рамках центрального и западного (верхнего) участков, является классическим памятником кокоревской археологической культуры [Абрамова, 1979]. Дополнительным аргументом являются каменные очажные обкладки, присутствующие на обоих участках.

3. Стратиграфическое положение культурного слоя 1 позволяет датировать его рубежом плейстоцена – голоцена. При этом на сегодняшний день он является одним из наиболее поздних проявлений кокоревской археологической культуры.

4. Культурный слой 4 выявлен в отдельных шурфах и в раскопах общей площадью около 500 кв. м в отложениях, предварительно датируемых раннесартанским временем. Ранее в северной части ВОАН «Красноярск. Стоянка Афонтова гора V» археологический материал был найден на уровне каргинской погребенной почвы, подстилающей раннесартанский горизонт [Артемьев, 1998].

Список источников

Абрамова З. А. Палеолит Енисея. Кокоревская культура. Новосибирск: Наука, 1979. 200 с.

Артемьев Е. В. К вопросу о первоначальном заселении Красноярского археологического района // Исторические этюды социально-экономического и культурного развития Красноярского края. Красноярск, 1998. С. 24–39.

Новосельцева В. М., Акимова Е. В. Очажные конструкции позднепалеолитической стоянки Афонтова гора V (Радищева) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2024. Т. XXX. С. 1016–1019.

Раскопки стоянки Афонтова гора V (Радищева) в Красноярске в 2024 году / В. М. Новосельцева, Е. В. Акимова, И. В. Стасюк, А. В. Мурашко, А. А. Морозов // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2024. Т. XXX. С. 1020–1028.

К. М. Андреев
Самарский государственный социально-педагогический университет,
Самара, Россия

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ МЕЗОЛИТА ЛЕСОСТЕПНОГО ПОВОЛЖЬЯ

Аннотация. Подводятся итоги изучения среднего каменного века в лесостепном Поволжье. Представляются новейшие данные об опорных кремневых комплексах региона. Обозначаются природно-климатические условия бытования мезолитического населения. Приводятся результаты определения абсолютного возраста полученных материалов.

Ключевые слова: лесостепное Поволжье, мезолит, кремневые комплексы, палинологический анализ, радиоуглеродное датирование

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 23-78-10088) «Векторы и динамика культурно-исторических процессов в каменном веке Среднего Поволжья».

История целенаправленного изучения среднего каменного века в лесостепном Поволжье начинается в конце 70-х гг. XX в. и связана с раскопками Старотокской стоянки. Однако в расширении источниковой базы отсутствовала системность, новые памятники исследовались и вводились в научный оборот нерегулярно на протяжении последней четверти XX – начала XXI в. (Красный Яр I, Чекалино II, Ховрино, стоянка на горе Маяк). Редко применялись методы естественных наук, были получены лишь единичные, весьма противоречивые, радиоуглеродные датировки по стоянке на горе Маяк [Комплекс памятников…, 2004] и палинологические данные по Старотокской [Левковская, 1995]. Следующий этап изучения мезолитических древностей лесостепного Поволжья начинается в середине 10-х гг. XXI в., он связан как с открытием и полевым исследованием новых памятников (Кочкари I, Черновка I, Лужки II), так и началом регулярного применения междисциплинарного подхода к анализу материалов.

Старотокская стоянка получила надежную хронологическую привязку, ее бытование относится к 9 250 – 9 100 лет ВР. Согласно палинологическим данным в это время в районе памятника были условия, характерные для полупустыни или южной части степной зоны, среди трав преобладала полынь, содержание пыльцы древесных пород незначительно (5 %) [Левковская, 1995]. Культурная атрибуция комплекса за прошедшие годы не претерпела изменений, и по показателю пластинчатости индустрии, технике расщепления, ограниченному типологическому набору артефактов и категориям орудий (концевые скребки на пластинах, угловые и срединные резцы, единичные перфораторы и др.) [Моргунова, 1983] ближайшие ана-

© Андреев К. М., 2025

логии ему прослеживаются в материалах романовско-ильмурзинской культуры Южного Приуралья [Матюшин, 1976], а также камской [Косменко, 1972], на нижнеадищевском этапе развития [Мельничук, 2021].

Повторное исследование стоянки Чекалино II [Королёв, Ластовский, Мамонов, 1995] позволило надежно определить хронологические рамки формирования данного комплекса – 8 700 – 8 600 лет ВР. Проведенный спорово-пыльцевой анализ свидетельствует, что к этому времени условия становятся более благоприятными, характерными для лесостепи. Широкое распространение имели березовые или смешанные березово-липовые колки, вероятно, леса приурочены преимущественно к долине реки, а открытые пространства были заняты полынно-злаковыми группировками с участием разнотравья [Комплексное исследование стоянки…, 2024]. Типологически коллекция данного памятника близка материалам Старотокской стоянки по технологии расщепления кремня, основным категориям орудий, индексу пластинчатости индустрии, хотя появляются отдельные новации (рубящие орудия, выполненные в технике двусторонней оббивки и наконечник стрелы с нерегулярной ретушью пера и насада). Обозначенный комплекс продолжает маркировать связь региона с Южным Приуральем.

Близкие описанным в предыдущем абзаце природно-климатические условия зафиксированы в ходе работ последних лет на стоянке Кочкари I. Возраст данного памятника определяется около 8 600 – 8 400 лет ВР, хотя получены как более ранние, так и поздние датировки, что свидетельствует о неоднократности его посещения и необходимости верификации части значений [Стоянка Кочкари I…, 2023]. Материалы памятника демонстрируют дальнейшие изменения в кремневой индустрии мезолитических комплексов лесостепного Поволжья: снижается индекс пластинчатости индустрии (до 30–35 %), увеличивается количество орудий, выполненных на отщепах и продольных сколах (до 30 %), более многочисленными и разнообразными становятся деревообрабатывающие орудия, в том числе изготовленные в технике шлифования, продолжают единично встречаться наконечники стрел с нерегулярной обработкой пера и насада. Аналогичная коллекция изделий из кремня ранее была выявлена на стоянке Красный Яр I [Ластовский, 1999]. Сохраняется общая близость материалов данных памятников с комплексами романовско-ильмурзинской культуры, однако появление части из отмеченных новаций, видимо, связано с влиянием обитателей лесных районов Среднего Поволжья (русско-луговская культура) [Никитин, 2018]. Именно в коллекциях последней широко представлены шлифованные рубящие орудия, а продвижение ее носителей в южном направлении надежно маркируется комплексом стоянки Ховрино [Вискалин, 2008].

Новейшие исследования стоянки Черновка I позволили несколько скорректировать наше представление о культурных связях лесостепного Поволжья. Материалы памятника надежно датированы и время их отложения также относится к периоду 8 700 – 8 600 лет ВР [Итоги изучения стоянки…, 2025]. Коллекция изделий из кремня по многим показателям типологически близка полученной на Чекалино II, при этом обнаружено весьма специфическое изделие – асимметричная трапеция, ближайшие аналогии которой можно проследить в янгельской культуре Южного Зауралья [Матюшин, 1976].

Таким образом, улучшение природно-климатических условий, зафиксированное около 8 700 – 8 400 лет ВР, способствует расширению контактов лесостепного Поволжья с сопредельными территориями и проникновению в него разнокультурных групп.

Наконец, исследования стоянки Лужки II, на которой выделяется небольшой, но весьма выразительный комплекс изделий из кремня, датированный около 8 000 – 7 850 лет ВР, согласно геохимическим индикаторам маркирует постепенное потепление климата, которое связано с приближением термического максимума голоцена во второй половине VII тыс. до н. э. [Итоги исследований сто-

янки…, 2025]. Коллекция артефактов из камня по основным показателям обнаруживает близость с материалами стоянок Кочкари I и Красный Яр I, что выражается в индексе пластинчатости индустрии и метрических показателях изделий, типах скребков, перфораторов, единичных рубящих орудиях и наконечниках с нерегулярной ретушью пера и насада. Присутствие среди артефактов асимметричной трапеции позволяет констатировать сохранение связей с Южным Зауральем в это время.

Прямое радиоуглеродное датирование костей животных позволило более обосновано вести речь о хозяйстве мезолитических коллективов лесостепного Поволжья. Так как слои среднего каменного века зачастую перекрыты напластованиями, содержащими артефакты более поздних эпох, а стратиграфия нарушена многочисленными ходами землероев, данная проблема весьма актуальна и не могла быть решена до недавнего времени. Можно утверждать, что в эпоху мезолита преобладала стратегия, направленная на добычу крупных копытных лося или лошади, реже объектами охоты становились бобр, медведь, тур или бизон.

Таким образом, за последние десять лет произошло как количественное увеличение источниковой базы по среднему каменному веку лесостепного Поволжья, так и качественное, связанное в первую очередь с широким применением методов естественных наук к анализу коллекций.

Список источников

Вискалин А. В. Ховринская мезолитическая стоянка // Человек, адаптация, культура. М.; Тула: Гриф и К, 2008. С. 228–239.

Итоги изучения стоянки Черновка I в Самарском Поволжье / К. М. Андреев, О. В. Андреева, М. А. Бурыгин, А. И. Королёв, И. М. Сосновцева, Е. В. Пархомчук, О. П. Бачура // Поволжская археология. 2025. (в печати).

Итоги исследований стоянки каменного века Лужки II в лесостепном Поволжье / А. В. Сомов, К. М. Андреев, О. В. Андреева, А. С. Алешинская, М. А. Кулькова, Е. В. Пархомчук, Н. В. Рослякова, И. М. Сосновцева // РА. 2025. (в печати).

Комплексное исследование стоянки Чекалино II в лесостепном Поволжье (мезолит, финал бронзового века) / К. М. Андреев, М. А. Бурыгин, А. С. Алешинская, Н. В. Рослякова // РА. 2024. № 3. С. 21–37.

Комплекс памятников каменного века на горе Маяк в Самарском Заволжье (предварительные результаты исследования) / Л. В. Кузнецова, А. А. Ластовский, Д. А. Сташенков, А. А. Хохлов // РА. 2004. № 1. С. 126–139.

Королёв А. И., Ластовский А. А., Мамонов А. Е. Мезолитический комплекс стоянки Чекалино II // Историко-археологические изыскания. Самара: СГПУ, 1997. Вып. 2. С. 3–13.

Косменко М. Г. Основные этапы развития мезолитической культуры в Среднем Поволжье // СА. 1972. № 3. С. 3–17.

Ластовский А. А. Каменный инвентарь Красноярской мезолитической стоянки // Охрана и изучение памятников истории и культуры в Самарской области. Самара: СГПУ, 1999. Вып. 1. С. 4–24.

Левковская Г. М. Заключение по результатам споро-пыльцевого анализа образцов из разрезов стоянок ивановского микрорайона на р. Ток // Моргунова Н. Л. Неолит и энеолит юга лесостепи Волго-Уральского междуречья. Приложение 1. Оренбург: ОГПУ. 1995. С. 173–176.

Матюшин Г. Н. Мезолит Южного Урала. М.: Наука, 1976. 368 с.

Мельничук А. Ф. Мезолит Верхнего и Среднего Прикамья // Археология Волго-Уралья. Том 1. Каменный век. Казань: Изд-во АН РТ, 2021. С. 203–214.

Моргунова Н. Л. Старо-Токская мезолитическая стоянка // Древние памятники на территории Восточной Европы. Воронеж: ВГПИ, 1983. С. 28–40.

Никитин В. В. Мезолит Марийского Полесья. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ им. В. М. Васильева, 2018. 261 с.

Стоянка Кочкари I – новый памятник позднего мезолита лесостепного Поволжья (итоги исследования) / К. М. Андреев, О. В. Андреева, А. С. Алешинская, М. А. Кулькова, М. А. Бурыгин // РА. 2023. № 1. С. 7–24.

А. А. Анойкин[1], П. М. Сосин[2], И. А. Идрисов[3], Р. Н. Курбанов[4]
[1,3] Институт археологии и этнографии СО РАН,
Новосибирск, Россия
[2] Институт водных проблем, гидроэнергетики и экологии НАНТ,
Душанбе, Таджикистан
[3] Институт геологии ДФИЦ РАН,
Махачкала, Россия
[4] Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
Москва, Россия
[4] Институт географии РАН,
Москва, Россия

СРЕДНИЙ ПАЛЕОЛИТ ВОСТОЧНОГО КАВКАЗА: НОВЫЕ ДАННЫЕ

Аннотация. На стоянке Тинит-1 (Дагестан) каменные индустрии зафиксированы в слоях 2–8. В разрезе стоянки представлено несколько палеопочв. Их хронология, опирающаяся на серию ОСЛ-дат, и технико-типологический облик технокомплексов позволяют предполагать очень раннее появление пластинчатых индустрий на Восточном Кавказе (200–180 тыс. л. н.) и их возможную преемственность раннему левантийскому мустье.

Ключевые слова: Дагестан, средний палеолит, палеопочвы, ОСЛ-датирование

Исследования выполнены за счет проекта Российского научного фонда № 24-18-00941, https://rscf.ru/project/24-18-00941.

Стоянка открытого типа Тинит-1 находится в среднем течении р. Рубас, в Табасаранском р-не Дагестана (рис. 1, *а*). Археологический материал связан с пачкой лессовидных пород, вскрытых на глубину до 5,5 м. В них выделено 9 основных литологических слоев и установлено, что толща сложена субгоризонтально залегающими, переслаивающимися монотонными темно-коричневыми и серо-коричневыми суглинками [Новые данные об индустриях..., 2013].

Артефакты залегают в слоях 2–8 на 11 археологических уровнях (далле – а. ур.) и по своим технико-типологическим характеристикам образуют две группы. В а. ур. 1–4 в первичном расщеплении отсутствуют признаки использования левалуазской техники, хорошо представленной в нижних уровнях; доминирует полуобъемное пластинчатое расщепление, как правило, однонаправленное. В орудийных наборах верхних а. ур. нет среднепалеолитических острийных форм, упрощается обработка скребел, увеличивается количество и разнообразие верхнепалеолитических типов, среди которых появляются скребки с плечиками и высокой формой, а также многогранные резцы [Проблемы палеолита Дагестана, 2012]. Согласно серии УМС-дат, полученных по углю, верхний комплекс материалов Тинита-1 (а. ур. 1–4) имеет календарный возраст в интервале 50–40 тыс. лет. Для нижней части отложений есть несколько открытых дат >43 тыс. л. н. и одна, находящаяся на пределе метода – 47,8±1,5 тыс. л. н. [Новые данные об индустриях..., 2013]. Это позволяет считать, что возраст данных отложений древнее 50 тыс. лет.

В 2023–2024 гг. на памятнике были выполнены новые полные стратиграфические описания разрезов основных раскопов и отобраны серии образцов на ОСЛ-датирование [Новые данные о хроностратиграфии..., 2024] (рис. 1, *б*, *в*).

Выполненные исследования позволяют считать изученные отложения типичными лессово-почвенными сериями (ЛПС), формировавшимися за несколько климатических циклов, а в разрезах выделено несколько хорошо читающихся палеопочв (слои 2 (II); 4 (IV); 6, 7 и 8 (VI, VII)).

Существует несколько вариантов интерпретации последовательности ЛПС, выделенных на Тините (рис. 1, *в*).

© Анойкин А. А., Сосин П. М., Идрисов И. А., Курбанов Р. Н., 2025

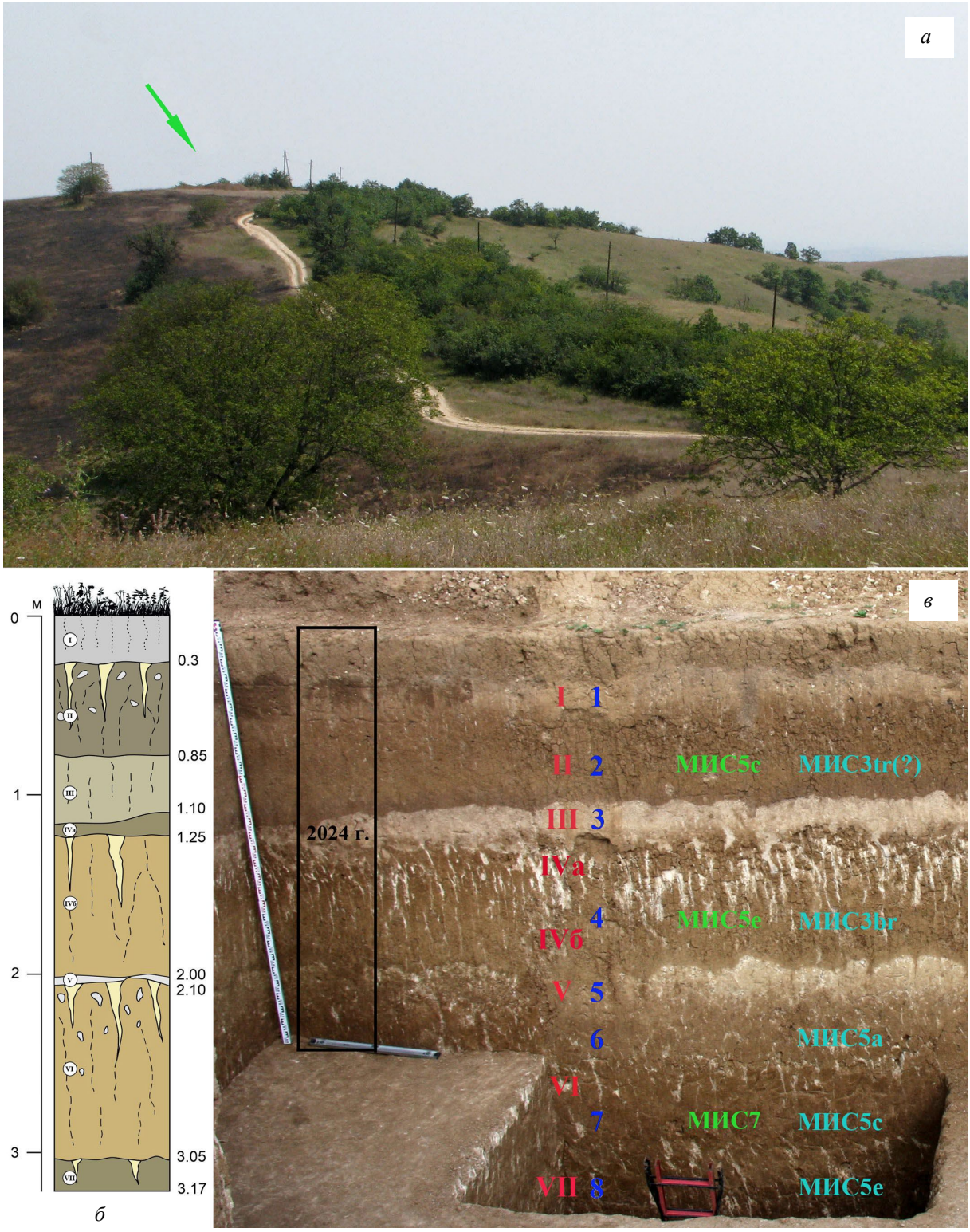

Рис. 1. Тинит-1. Вид на памятник с юго-востока (*а*), стратиграфическая колонка раскопа 1 (2024 г.) (*б*) и фрагмент западной стенки раскопа 1 (2009 г.) с указанием слоев (красным цветом – слои по описанию стратиграфии 2023–2024 гг., синим – 2007–2013 гг.), места зачистки 2024 г. и вариантов возможной хронологии ЛПС (зеленым и голубым цветом) (*в*); 2 – слои по описанию стратиграфии 2007–2013 гг.; II – слои по описанию стратиграфии 2023–2024 гг.; МИС5а – возможный возраст отложений

Наиболее консервативный предполагает, что слои 2 (II) и 4 (IV) в раскопе 1 Тинита-1 являются сдвоенной почвой брянского интерстадиала (МИС 3), а залегающие ниже палеопочвы (сл. 6–8 (VI–VII)) относятся к мезинскому времени, соответствуя МИС5а–с, е. Подтверждением такой интерпретации может служить то, что тройственная структура является типичной для плакорных ЛПС Предкавказья

этого времени [Новые данные по геохронологии., 2022]. Также на юге Русской равнины известны разрезы, где брянский педокомплекс залегает на двух уровнях, например, Александровский карьер (Курская область) [Sycheva, Khokhlova, Pushkina, 2021].

Другой вариант хронологической корреляции позволяет относить сл. 2 (II) и 4 (IV) к разным стадиям МИС 5, а залегающие ниже отложения слоев 6–8 (VI–VII) к МИС 7, так как в разрезе раскопа 1 палеопочвы четко формируют два педокомплекса, разделенных слоем карбонатных лессов. Корреляция этих педокомплексов, первый из которых имеет три палеопочвы, а второй – две мощные красноцветные почвы, с двумя выраженными межледниковьями МИС 5 (три пика потепления) и МИС 7 (два пика) также имеет серьезные основания. Это предварительные результаты ОСЛ-датирования образцов из раскопа 2, согласно которым формирование слоев 2–4 проходило в интервале 90–130 тыс. л. н., а слой 6 показывает возраст ~200 тыс. лет.

Если новые возрастные определения подтвердят, что археологический материал на Тините-1 залегает в палеопочвах МИС5 и 7, культурная атрибуция стоянки потребует кардинального пересмотра.

Исходя из предполагаемой древней хронологии нижних слоев и технико-типологического облика присутствующей в них индустрии, можно считать, что на памятнике фиксируются ассамбляжи, близкие по облику и времени бытования к комплексам раннего левантийского мустье, типа Табун D (Hayonim F, Misliya Cave (Upper Terrace) и др.), датирующихся интервалом 220–180 тыс. л. н. [Bar-Yosef, Meignen, 2001; Zaidner, Weinstein-Evron, 2020]. С учетом того, что близкие левантийским пластинчатым комплексам материалы были зафиксированы в ПК 2 (МИС7) на территории Таджикистана (Хонако-III) [Ранов, Шефер, 2000], наличие сходных индустрий на Восточном Кавказе, гораздо ближе расположенном к Леванту, не представляется чем-то невероятным.

Список источников

Новые данные об индустриях рубежа среднего-верхнего палеолита на территории Дагестана / А. А. Анойкин, В. С. Славинский, Н. А. Рудая, А. Г. Рыбалко // Археология, этнография и антропология Евразии. 2013. № 2. С. 26–39.

Новые данные о хроностратиграфии стоянки Тинит-1 в контексте проблемы «лессового палеолита» Кавказа / А. А. Анойкин, П. М. Сосин, И. А. Идрисов, А. А. Зейналов, Р. Н. Курбанов // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2024. Т. XXX. С. 15–23.

Новые данные по геохронологии верхнечетвертичных лессово-почвенных серий Терско-Кумской низменности / Н. В. Сычев, Е. А. Константинов, А. Л. Захаров, M. Frechen, S. Tsukamoto // Литология и полезные ископаемые. 2022. № 4. С. 386–398.

Проблемы палеолита Дагестана. / А. П. Деревянко, Х. А. Амирханов, В. Н. Зенин, А. А. Анойкин, А. Г. Рыбалко. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2012. 292 с.

Ранов В. А., Шефер Й. Лессовый палеолит // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. № 2. С. 20–32.

Bar-Yosef O., Meignen L. The chronology of the Levantine Middle Palaeolithic in retrospect // Bulletin et Mémoires de la Société d'Anthropologie de Paris, 2001. Vol. 13. № 3–4. P. 269–289.

Sycheva S. A., Khokhlova O. S., Pushkina P. R. Structure of the Late Pleistocene Climate Rhythm Inferred from the Detailed Soil-Sedimentation Archive of the Extraglacial Region of the East European Plain (Aleksandrov Quarry) // Stratigraphy and Geological Correlation. 2021. Vol. 29. № 3. C. 368−387.

Zaidner Y., Weinstein-Evron M. The emergence of the Levallois technology in the Levant: A view from the Early Middle Paleolithic site of Misliya Cave, Israel // J. of Human Evolution. 2020. Vol. 144. P. 102785. doi: 10.1016/j.jhevol.2020.102785.

Н. Б. Ахметгалеева
Курчатовский краеведческий музей,
Курчатов, Россия

РАЗЛИЧИЯ МЕЖДУ СТОЯНКАМИ БЫКОВСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА

Аннотация. Данная работа посвящена выявлению отличий между стоянками быковской археологической культуры верхнего палеолита Русской равнины и анализу причин их возможного генезиса. Проанализированы структурные и функциональные особенности стоянок Быки в Посеймье, а также каменный и костяной инвентарь. Новые данные о приуроченности стоянок к природным объектам позволили выдвинуть гипотезу, что ряд отмечаемых различий связан с существованием в древности двух групп стоянок быковской археологической культуры.

Ключевые слова: верхний палеолит Русской равнины, быковская археологическая культура

К быковской археологической культуре (далее – БАК) верхнего палеолита относится часть стоянок Быки, расположенных в непосредственной близости друг от друга на ограниченном пространстве высокой песчаной дюны левобережья реки Сейм [Григорьева, Филиппов, 1978; Чубур, 2001; Ахметгалеева, 2015, 2019а, 2021; Археологические исследования…, 2023; Akhmetgaleeva, Burova, 2021]. Наиболее известна БАК присутствием в каменном инвентаре микролитов «треугольники типа Быки», функционально являющихся наконечниками стрел [Ахметгалеева, 2019б, Ахметгалеева, Демиденко, 2017]. Несмотря на единство типологической и функционально-технологической базы индустрий стоянок Быки, выделяются отличия, которые необходимо охарактеризовать.

Выделено три хронологических этапа существования стоянок БАК, соответствующих разным литологическим пачкам и разделенные криогенными деформациями [Длительность существования…, 2024; Хронология верхнепалеолитических стоянок…, 2024]. К 1-му этапу (около 22 кал. тыс. л. н.) относятся материалы нижних культурных слоёв стоянок Быки-1 и Быки-2. К 2-му этапу (около 21 кал. тыс. л. н.) отнесены материалы всех жилых объектов стоянок Быки. Конец 2-го этапа представлен культурным слоем Ib стоянки Быки-7; 3-й хронологический этап связан с культурными слоями Ia и Ic стоянки Быки-7, сформировавшимися приблизительно между 21 и 16 кал. тыс. л. н.

Стоянки БАК относятся к разному функционально-хозяйственному типу, имеют разную структуру и обитаемы были в разные сезоны. Выделены зимние, с ограниченной площадью распространения культурных остатков, и летние стойбища, с широким разбросом по площади различных функциональных зон, отсутствием углубленных искусственных объектов и преобладанием первичной разделки туш животных. Сезон функционирования и структура стоянок 1-го хронологического этапа пока недостаточно ясны, но наиболее близки они к поселениям демисезонных периодов. Стоянки 2-го этапа представлены зимними жилищами. Их сменяют летние стойбища 3-го хронологического этапа. Особенности летних и зимних поселений Быки во многом зависят от хозяйственной направленности и кратности их функционирования. Так, зимние жилые объекты с очагами в центре и ямами разного назначения по периметру отличаются между собой в структурном и хозяйственном плане: на стоянке Быки-1 больше процент орудий по обработке твёрдых материалов, а в первом жилище стоянки Быки-7 превалируют работы по разделке туш животных и обработке шкур. Структурные отличия связаны с углубленностью жилища стоянки Быки-1 и присутствием в крупном вытянутом жилом объекте стоянки Быки-7 двух очагов по центральной оси. Открытие второго жилища на стоянке Быки-7 впервые представило возможность детального изучения микростратиграфии не потревоженного во

© Ахметгалеева Н. Б., 2025

время строительных работ жилого объекта. Это способствовало появлению гипотезы о наложении двух объектов друг на друга в первом жилище на стоянке Быки-7. Также наблюдения показали, что разница в степени углубленности жилищ БАК может быть связана с особенностями их впуска в рыхлый песок. Неодновременность существования ям в обоих крупных жилищах стоянки Быки-1 и Быки-7 со впуском их с разного уровня и прорезанием в ряде случаев друг друга, как и наличие линз в глубоком очаге жилища стоянки Быки-1, подтверждает постепенное освоение площади жилых объектов или даже цикличность обитания [Чубур, 2001; Длительность существования…, 2024].

Палеогеографические и геофизические исследования подтвердили приуроченность стоянок БАК к крупным природным объектам, появление которых меняло очертания палеорельефа в разные хронологические периоды [Multi-scale palaeolandscape reconstruction…, 2024]. К термокарстовому озеру приурочены культурные слои первой группы стоянок. Это Быки-1, Быки-2 и, возможно, Пены. К крупной западине оказались приуроченными культурные слои БАК стоянки Быки-7. Наряду с влиянием на процентное соотношение разных групп орудий функциональности участков и стойбищ, были зафиксированы различия в инвентаре групп стоянок разной локализации. Так, несравненно большая доля орудий на широких отщепах и пластинах зафиксирована в материалах стоянок 1-й группы, что связано с преобладанием там крупных резцов и значительно меньшим процентом треугольников. Аналогична ситуация и с типами микролитов. На стоянках 1-й группы треугольники имеют косо тронкированное основание, тогда как во всех культурных слоях на стоянке Быки-7 присутствуют как изделия с косо тронкированным, так и с прямо тронкированным основанием.

Зооархеологические данные [Ахметгалеева, Бурова, Прилепская, 2024] свидетельствуют об изменениях, связанных уменьшением от древних к более молодым культурным слоям роли костей крупных животных при создании конструктивных элементов и в сырьевой базе костяной индустрии. В конце второго и на третьем хронологическом этапе преобладают готовые изделия, выполненные на основе техники раскалывания и ретуширования, встречающиеся и в ранних материалах, но крайне редко [Ахметгалеева, Бурова, 2021]. Это может быть связано с преобладанием первичной разделки туш животных. Только на стоянке Быки-1 выявлена яркая серия костяных проколок с плечиками [Akhmetgaleeva, 2014]. Здесь можно предположить связь с индивидуальностью мастера.

Обсуждение. Основные различия в структуре поселений связаны не с культурной традицией, а с функционально-хозяйственным типом поселения, который во многом зависит от сезона обитания. Основы БАК не меняются со временем. Характер отличий показывает, что если бы эти памятники были разбросаны по разным регионам, мы не во всех случаях могли бы их объединить. К примеру, в материалах верхних культурных слоёв стоянки Быки-7 нет такого разнообразия костяного инвентаря, как в жилых объектах. Ограничен одним видом животного состав фауны стоянки Быки-7/Ic с минимальным количеством микролитов. Единственный треугольник на Пенской стоянке определён изначально как остриё, а не как микролит «типа Быки» [Григорьева, Филиппов, 1978]. Потребовалось время, чтобы отнести Пенскую стоянку к БАК [Чубур, 2001; Ахметгалеева, 2015]. Вероятно, удалённость от стоянок Быки может являться причиной споров о культурной принадлежности стоянки Самотоевка Воронежской области [Бессуднов, 2011; Бессуднов, Бессуднов, 2012; Федюнин, 2010, Ахметгалеева, 2015, и др.], которая, по мнению автора, является одной из стоянок БАК. А это важно, так как существенно расширяет ареал распространения данной культуры. В любом случае выявление отличий способствует более полному пониманию и самой БАК и процессов, связанных с происходящими в ней изменениями.

Список источников

Археологические исследования верхнепалеолитической стоянки Быки 2 / Н. Б. Ахметгалеева, Н. Д. Бурова, В. Г. Бездудный, С. С. Бричева // Археологические исследования в Центральном Черноземье 2022. Липецк, Воронеж: Полиграф. изд-во «Новый взгляд», 2023. С. 118–121.

Ахметгалеева Н. Б. Каменный век Посеймья: верхнепалеолитическая стоянка Быки-7. Курск: Мечта, 2015. С. 120–180.

Ахметгалеева Н. Б. Стоянки позднего палеолита Быки в центре Русской равнины: культурная составляющая // Camera Praehistorica 1(2), 2019а. С. 18–35.

Ахметгалеева Н. Б. Трасологическое исследование охотничьего вооружения стоянок верхнего палеолита Быки // КСИА. 2019б. Вып. 255. С. 91–101.

Ахметгалеева Н. Б. Стоянки охотников на копытных животных Быки в Посеймье: функциональные особенности // Дивногорский сборник: труды музея-заповедника «Дивногорье» 8. Воронеж: Пресс-Бургер, 2021. С. 122–131.

Ахметгалеева Н. Б., Демиденко Ю. Э. Комплексный анализ морфологии, типологии, технологии, следов износа по определению функционального назначения и индустриальной роли треугольников позднего верхнего палеолита стоянок Быки (Посеймье) // Человек и камень: технология, форма, функция. СПб.: Петербургское востоковедение, 2017. С. 198–208.

Ахметгалеева Н. Б., Бурова Н. Д. Археологические раскопки стоянки Быки 7 // Археологические исследования в Центральном Черноземье 2020. Липецк, Воронеж: Новый взгляд, 2021. С. 72–73.

Ахметгалеева Н. Б., Бурова Н. Д., Прилепская Н. Е. Сезонность стоянок верхнего палеолита Быки по данным археологии и зооархеологии (Посеймье, Курская область) // Мир первобытного человека: современные исследования и проблемы сохранения памятников первобытной эпохи. Севастополь: ГИА МЗ «Херсонес Таврический», ИП Пинчук А. В., 2024. С. 5–11.

Длительность существования быковской археологической культуры в свете новых данных комплексного датирования / Н. Б. Ахметгалеева, А. В. Панин, Н. Д. Бурова, Л. В. Шашерина, С. С. Бричева, Н. Е. Прилепская // Первобытная археология. Журнал междисциплинарных исследований. 2024. № 2. С. 14–40.

Бессуднов А. А. Памятники поздней поры верхнего палеолита бассейна Верхнего и Среднего Дона: автореф. дис. … канд. ист. наук. СПб., 2011. 31 с.

Бессуднов А. А., Бессуднов А. Н. Позднепалеолитическая стоянка Самотоевка в бассейне Черной Калитвы // Проблеми дослідження пам'яток археології Східної України: матеріали III Луганської міжнародної історико–археологічної конференції, присвяченої пам'яті С. Н. Братченка. Луганськ: Элтон–2, 2012. С. 37–45.

Григорьева Г. В., Филиппов А. К. Пенская позднепалеолитическая стоянка (Курская область). СА. 1978. № 4. С. 162–175.

Федюнин И. В. Самотоевка // Палеолит и мезолит Южного Подонья. Воронеж: ВГПУ, 2010. С. 92–105.

Хронология верхнепалеолитических стоянок Быки (центр Восточно-Европейской равнины) по данным ^{14}C и ОСЛ датирования / А. В. Панин, Н. Б. Ахметгалеева, Л. В. Шашерина, Н. Д. Бурова, Е. В. Воскресенская, Э. П. Зазовская, Р. Н. Курбанов, Е. И. Куренкова, С. С. Бричева // Stratum Plus. 2024. 1. С. 203–230.

Чубур А. А. Быки. Новый палеолитический микро регион и его место в верхнем палеолите Русской равнины. Брянск: ИЦ «Брянск-сегодня», 2001. 132 с.

Akhmetgaleeva N. B. Atypical use of bone objects of known forms some East European Upper Paleolithic sites. in: J. Marreiros, N. Bicho and J. Gibaja Bao (Eds) International Conference on Use-Wear Analysis. Use-Wear 2012. Cambridge Scholars Publishing, 2014. P. 569–579.

Akhmetgaleeva, N. B., Burova, N. D. The originality of the Byki sites among known LGM industries on the Russian Plain // Quaternary International. 2021. P. 581–582, 296–314.

Multi-scale palaeolandscape reconstruction at the Upper Paleolithic Byki sites, central East European Plain / S. S. Bricheva, N. B. Akhmetgaleeva, A. V. Panin, L. V. Shasherina, M. S. Tarasova, V. G. Bezdudniy, V. M. Matasov, A. L. Zakharov, A. S. Dobriansky, E. I. Kurenkova. // L'Anthropologie. Vol. 128 (2). May-Iune 2024, 103241.

Е. В. Беляева, В. Е. Щелинский
Институт истории материальной культуры РАН,
Санкт-Петербург, Россия

КУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ В РАННЕАШЕЛЬСКИХ ИНДУСТРИЯХ КАВКАЗСКОГО РЕГИОНА

Аннотация. Обоснована ведущая роль культурных традиций в вариабельности каменных индустрий уже в раннем палеолите. Рассмотрены две локальные культурные традиции в раннем ашеле Кавказского региона.

Ключевые слова: культурные традиции, ранний ашель, Кавказ

Исследование выполнено в рамках ФНИ ГАН FMZF-2025-0007.

Существуют разные подходы к интерпретации вариабельности индустрий раннего палеолита (олдован, ашель). Некоторые исследователи считают эту вариабельность хаотичной и плавной, отражающей случайные сочетания таких факторов, как качество сырья, навыки мастеров, переоформление орудий и т. п. Этот подход отрицает значимую роль наследуемых культурных норм в раннем палеолите [напр., Isaac, 1977; Moncel et al., 2018], что вызывает ряд возражений. Во-первых, современная биология трактует любое неврожденное поведение как результат социального обучения или поведенческую традицию, что означает наличие культуры и у животных [Резникова, 2009]. Поскольку технологические навыки ранних людей формировались посредством опыта и передавались не генетически, они априори должны оцениваться как культурные традиции. Во-вторых, тщательный анализ раннепалеолитических индустрий показывает, что, хотя их сходства и различия отчасти отражают свойства сырья и другие неконтролируемые факторы, всегда прослеживается и осознанное предпочтение определенных приемов обработки и форм орудий, что говорит о традициях [Беляева, 2023]. Даже среди олдованских индустрий, которые кажутся однообразными из-за ограниченного технико-типологического репертуара, выявлены разные технологические традиции [напр., Toth, Schick, 2018].

Ашельские индустрии отличаются от олдована усложнением технологий и намного более разнообразным ассортиментом орудий, включая макроорудия. Расширение и усовершенствование технологического арсенала предоставляло создателям этих индустрий больше возможностей для выбора способов адаптации к сырью с последующим закреплением выработанных приемов обработки и орудийных форм. Выделяются группы ашельских индустрий со своеобразными и воспроизводимыми наборами технико-морфологических характеристик, что объяснимо лишь локальными традициями [Barsky et al., 2018; Щелинский, 2021; Беляева, 2023]. Хотя эти традиции формировались под влиянием качеств конкретного сырья, очертания и пропорции основных категорий ашельских орудий, а также приемы отделки их рабочих элементов мало зависели от этого фактора и определялись канонами, которым следовал мастер. Так начинается моделирование изделий, т. е. зарождается протодизайн. Возникают специфические модели орудий, являющиеся типами-маркерами локальных культурных традиций [Беляева, 2023].

Индустрии ашельского технокомплекса претерпели длительное развитие (~2,0–0,2 млн л. н.), и на его первом этапе проявления культурных традиций в технологиях и дизайне орудий не столь ярки, как в позднем ашеле. Однако формирование устойчивых технологий и моделей орудий прослеживается уже с начала ашеля. Это показывает анализ индустрий двух групп раннеашельских памятников Кав-

© Беляева Е. В., Щелинский В. Е., 2025

казского региона, выявленных на Закавказском нагорье (Лорийская котловина, Армения) и на северном побережье Таманского полуострова.

В Лорийской котловине наиболее представительные коллекции (~3 тыс. экз.) получены на памятнике Карахач. Изделия залегают в пачке слоев, которые, судя по датировкам перекрывающей тефры и палеомагнитным данным, имеют возраст 1,85–1,77 млн л. н. [Trifonov et al., 2016]. Продукты расщепления редки, ибо в качестве заготовок орудий местные мастера предпочитали использовать плитчатые обломки вулканических пород (риолит, риодацит). Во всех слоях представлены аналогичные составы как макроорудий (чопперы, пики, рубила, макроножи, макроскребла, макродолота и макроострия), так и мелкого инвентаря (скребла, скребки, острия, долота, струги, зубчато-выемчатые и комбинированные орудия). Значительной доле орудий, сделанных из плиток, с помощью усечений краев приданы геометризованные очертания. Доминируют чопперы, макроскребла и пики, подразделяемые по форме на ряд типов. Пики обладают как заостренными, так и долотовидными концами. Рубила часто имеют обушки. Выявлены специфические типы: вееровидные чопперы, рубила в форме «домика», макроножи-топорики, брусковидные долота и струги. Сходство всех коллекций из Карахача по заготовкам и наборам орудий говорит о единой раннеашельской индустрии, которая отражает локальную культурную традицию, сложившуюся на основе адаптации к местному сырью [Беляева, 2022].

Подобная индустрия найдена в слоях 4–9 памятника Мурадово, которые соотносятся по возрасту с раннеашельскими слоями Карахача [Trifonov et al., 2016]. Продолжение данной традиции, несмотря на использование иного сырья и утрату отдельных типов орудий, прослежено в более поздних комплексах из вышележащей пачки отложений Карахача, слоя 3 Мурадово и верхних палеопочв в Куртане I. В кровле палеопочв Куртана I выявлен переход Матуяма – Брюнес (0,77 млн л. н.), что говорит о доживании носителей этой традиции до начала среднего плейстоцена. Еще около десятка пунктов с характерными для карахачской традиции орудиями обнаружены в других районах Лорийской котловины и на сопредельных территориях. В пункте Ягдан эти изделия залегают под лавами с возрастом около 2 млн л. н. Это показывает длительное бытование данной традиции и широкое расселение её носителей [Беляева, 2022].

На Таманском полуострове древнейшая раннеашельская индустрия обнаружена на памятнике Кермек. По совокупности структурно-геологических, биостратиграфических и палеомагнитных данных он датируется в интервале 2,1–2,0 млн л. н. [Тектоника…, 2019; Щелинский, 2021]. Индустрия базируется на местном окварцованном доломите, причем люди не использовали доступные им гальки, предпочитая угловатые либо плитчатые отдельности. Применялись два способа первичного расщепления: 1) простое раскалывание отдельностей сырья и отбор подходящих обломков; 2) расщепление нуклеусов, которыми служили массивные плитки. Ударной площадкой служила одна из поверхностей плиток, которая, как правило, не подправлялась. Скалывание велось с ее краев и нуклеусы приобретали грубопризматическую форму. Среди разнообразных сколов имеется немало довольно тонких и удлиненных отщепов правильной формы. Важной характеристикой индустрии являются крупные отщепы >10 см, которые изготовлялись целенаправленно и служили заготовками режущих и рубящих орудий. Технология получения таких заготовок была сложнее, чем для обычных сколов, так как включала поиски крупногабаритного и качественного сырья и особые приёмы расщепления нуклеусов. Орудия кермекской индустрии (121 экз.) включают чопперы, массивные скребла, пики, кливеры и нож, а также мелкий инвентарь (скребла, конвергентные и клювовидные орудия). Выделяются два типа пиков, отличающихся по форме и способам обработки. Важным компонентом комплекса являются также кливеры, которые делали из специальных крупных отщепов. Отмеченные черты

кермекской индустрии характеризуют и комплексы других раннеашельских стоянок Таманского полуострова (Богатыри, Родники-1-4, Пересыпь), имеющих более поздний возраст (~ 1,4–1,0 млн л. н.). Они обладают большим сходством и продолжают ту же традицию, причем совершенствование обработки и увеличение набора орудий, включая появление рубил, говорят о ее развитии [Щелинский, 2021].

Таманская и карахачская традиции имеют отдельные сходные черты (пики с долотовидным лезвием, геометризованные очертания ряда орудий). Однако в этом можно видеть как независимые изобретения, так и – в последнем случае – влияние плитчатых заготовок, которым в обеих традициях стремились придавать правильные очертания. В то же время в таманских комплексах отсутствуют другие характерные формы карахачской традиции (вееровидные чопперы, рубила-«домики», макроножи-топорики), зато имеются кливеры и в большей степени развито производство и использование сколов-заготовок. Таким образом, можно говорить о наличии в Кавказском регионе двух разных раннеашельских традиций, каждая из которых, несмотря на частичное сходство сырьевой базы, демонстрирует свою культурную специфику и свой путь эволюции.

Список источников

Беляева Е. В. Ашельские памятники Закавказского нагорья. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2022. 276 с.

Беляева Е. В. Формирование культурных традиций в раннем палеолите и их проявление в раннеашельских индустриях Кавказа // Исторический Бюллетень. 2023. Т. 6. № 4. С. 138–149.

Резникова Ж. И. Социальное обучение у животных // Природа. 2009. № 5. С. 3–12.

Тектоника плейстоценовых отложений северо-восточной части Таманского полуострова, Южное Приазовье / А. С. Тесаков, О. В. Гайдаленок, С. А. Соколов, П. Д. Фролов, В. Г. Трифонов, А. Н. Симакова, А. В. Латышев, В. В. Титов, В. Е. Щелинский // Геотектоника. 2019. Т. 53. № 5. С. 12–35.

Щелинский В. Е. Ранний ашель Западного Предкавказья. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2021. 132 с.

Barsky D., Carbonell E., Sala Ramos R. Diversity and multiplicity in the Asian Acheulian // L'Anthropologie. 2018. Vol. 121. P. 59–73.

Isaac G.L. Olorgesailie: Archaeological Studies of a Middle Pleistocene Lake Basin in Kenya. Chicago: The University of ChicagoPress, 1977. 312 p.

Stratigraphic and tectonic settings of Early Paleolithic of North-West Armenia / V. G. Trifonov, V. P. Lyubin, E. V. Belyaeva, V. A. Lebedev, Ya. I. Trikhunkov, A. S. Tesakov, A. N. Simakova, R. V. Veselovsky, A. V. Latyshev, S. L. Presnyakov, T. P. Ivanova, D. V. Ozhereliev, D. M. Bachmanov, S. M. Lyapunov // Quaternary International. 2016. Vol. 420. P. 178–198.

The assemblages with bifacial tools in Eurasia (first part). What is going on in the West? Data on western and southern Europe and the Levant / M.-H. Moncel, M. Arzarello, E. Boeda, S. Bonilauri, B. Chevrie, C. Gaillard, H. Foriestiera, L. Yinghua, F. Semah, V. l. Zeitoun // Comptes Rendus Paleovol. 2018. Vol. 17. P. 45–60.

Toth N., Schick K. An overview of the cognitive implications of the Oldowan Industrial complex// Azania Archaeological Research in Africa. 2018. № 53 (1). P. 3–39.

Н. Е. Бердникова, Д. П. Золотарев, А. Б. Спасибко
Иркутский государственный университет,
Иркутск, Россия

«ПИРАМИДАЛЬНО-КОНИЧЕСКИЕ» КВАРЦИТОВЫЕ НУКЛЕУСЫ В ВЕРХНЕМ ПАЛЕОЛИТЕ БАЙКАЛО-ЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ

Аннотация. Рассмотрены особенности «пирамидально-конических» (грибовидных) нуклеусов из комплексов верхнего палеолита (МИС 3) Байкало-Енисейской Сибири для выявления их места в системах расщепления индустрий верхнего палеолита региона. Нуклеусы изготавливались из кусков валунов/галек кварцита в системе биполярного расщепления и имеют немногочисленные аналоги в палеолитических комплексах Восточной Азии.

Ключевые слова: Байкало-Енисейская Сибирь, верхний палеолит, биполярное расщепление, грибовидные нуклеусы

Исследование выполнено в рамках государственного задания Минобрнауки России, проект FZZE-2023-0007.

Введение. Для Байкало-Енисейской Сибири (БЕС) (территория Иркутского амфитеатра и юга Байкальского рифта) учтено более 30 местонахождений, комплексы которых включены в отложения каргинского времени (kr, МИС 3). Они обеспечены более 160 ^{14}C-датами. Наиболее известными являются Макарово 4 [Аксенов, 2009], Игетей [Стратиграфия …, 1990], Аремботовского, Герасимова [Когай, 2018], Туяна [Reply to the comment …, 2023]. Для НВП и РВП выделены пластинчатые индустрии (Макарово 4 и аремботовская группа) и отщеповые мамонской группы [Когай, 2018; Рыбин, 2020]. Для первой группы определены технологии плоскостного параллельного монофронтального, однонаправленного и бипродольного снятия пластин в сочетании с редкими радиальными и леваллуазскими формами. Для второй – технологии плоскостного расщепления с минимальной подготовкой преформ и снятием отщепов параллельным или радиальным способом с формированием подпирамидальных или пирамидальных форм нуклеусов. Эти группы отличаются и по составу основного использованного сырья: Макарово 4 – кремнистые гальки из манзурского аллювия, аремботовская группа – юрские аргиллиты; мамонская группа – валуны, гальки юрских конгломератов (кварциты, эффузивы, песчаники).

Подпирамидальные и пирамидальные формы нуклеусов для отщепов мамонской группы упомянуты без характеристик и рисунков. Мы рассматриваем эти нуклеусы, которые в рамках геометрической классификации определяем как «пирамидально-конические» (ПКН), для выявления их особенностей и места в системах расщепления индустрий верхнего палеолита БЕС.

Материалы и данные. Впервые ПКН из кварцита как особые формы нуклеусов представлены в публикациях нижнего комплекса Мальты (долина р. Белой) [Липнина, 2018; The area surrounding…, 2019]. Он связан с солифлюциированными почвами kr-времени. В компактном скоплении кварцитовых предметов найдено 2 ПКН, изготовленных из кусков валунов/галек. По фауне получены ^{14}C-даты, которые показали возраст 47–45 ka. Нуклеусы низкой конусовидной формы с куполовидной подовальной или подокруглой галечной площадкой, со снятием разноформатных отщепов по всему периметру, с формированием фронтов, сходящихся в дистальной части. Высота нуклеусов 4,2–7,35 см.

Подобные нуклеусы из кварцита, окварцованного песчаника зафиксированы в отложениях местонахождений Усть-Одинский разрез, Щапова 2, Мальта-Мост 3. Усть-Одинский разрез – опорный разрез верхнего плейстоцена юга Байкало-Енисейской Сибири [Environmental and climate…, 2016], расположен на правом берегу р. Китой (левый приток р. Ангары) в 20 км выше его устья и привязан

© Бердникова Н. Е., Золотарев Д. П., Спасибко А. Б., 2025

к 21–25-метровой поверхности. Кварцитовые артефакты, в том числе и ПКН, найдены в kr-почвах с возрастом по ^{14}C-датам 42–36 ka. На Щапова 2, расположенном в г. Иркутске на правом берегу р. Ушаковки на склоне с относительными отметками 25–29 м, в палеолитических комплексах (к. г. 2–4) найдено 5 форм ПКН. Археологический материал переотложен, но возраст этих комплексов может быть определен в пределах второй половины МИС 3. На местонахождения Мальта-Мост 3 (правобережье р. Белой ниже с. Мальта, 35–38-метровая поверхность) в к. г. 5 найден 1 ПКН [Мальта-Мост 3 …, 2023]. Возраст комплекса определен по ^{14}C-датам в интервалах 30,2–29,1 и 24,9–24,3 ka.

Почти все ПКН имеют низкую конусовидную форму с куполовидной подовальной, подокруглой, многоугольной галечной площадкой, иногда с выбоинами, со снятием разноформатных отщепов по всему периметру, с формированием фронтов, сходящихся в дистальной части. Один нуклеус из к. г. 3 Щапова 2 имеет высокую форму, имеется нуклеус (к. г. 4 Щапова 2) с горизонтальной, плоской площадкой, образованной плоскостью рассечения. Рабочие кромки замкнутые, извилистые. Высота экстремальной точки площадки над рабочей кромкой варьирует от 2,0 до 6,7 см. Углы между площадкой и фронтами отрицательные, около 80º. Дисталы симметричные, в двух случаях асимметричные, уплощены снятием размерами 1,2–4,8 см. Высота нуклеусов варьирует от 3,0 см до 7,3 см; размеры площадок: длина от 5,9 до 10,4 см, ширина от 3,4 до 9,9 см.

Обсуждение. ПКН являются особой формой в системе биполярного расщепления с наличием разнообразных отдельностей от расколотых валунов/галек, прямыми профилями сколов без выраженного ударного бугорка [Волков, 2009; Van der Drift, 2001; Dela Peña P., 2015]. Для ПКН в качестве заготовки использовался кусок валуна/гальки с выпуклой стороной. Дистальная часть ПКН предварительно была уплощена для устойчивости нуклеуса на наковальне. Формы ПКН напоминают грибы-дождевики, поэтому предлагается назвать их грибовидными (mushroom core). Существование грибовидных нуклеусов в верхнем палеолите БЕС пока зафиксировано в интервале 47 (45) – 29 (24,3) ka.

Грибовидные нуклеусы часто идентифицируются как другие нуклеарные формы или орудия. На местонахождениях Южный Падун-1 и Монастырская Гора-1 имеются сильно коррадированные грибовидные нуклеусы, которые определены как подпризматические и радиальные формы [Глушенко, 2017]. Грибовидные нуклеусы имеются в верхнем палеолите Южной Кореи [Bae, Bae, 2012], которые иногда определяют как отбойники.

Заключение. Стратегия биполярного расщепления является самой древней, самой длительной и, возможно, самой распространенной формой обработки камня. О комплексах ранних отделов палеолита Восточной и Юго-Восточной Азии высказано мнение, что биполярная редукция является общепринятой стратегией [Yanagida, Kajiwa, 2018]. Грибовидные нуклеусы являются ярким маркером такой стратегии, хотя время их появления пока расплывчато.

Список источников

Аксенов М. П. Палеолит и мезолит Верхней Лены. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2009. 370 с.

Волков П. В. Методика технологического исследования и типологии галечных артефактов. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, ИАЭТ СО РАН, 2009. 76 с.

Глушенко М. А. Палеолитические комплексы Братского геоархеологического района: дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2017. 285 с.

Когай С. А. Ранний верхний палеолит Иркутского геоархеологического района: вторая половина каргинского интерстадиала – начало сартанского стадиала: дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2018. 235 с.

Липнина Е. А. Новые данные по стратиграфии и морфологии ансамбля каменных артефактов «доклассического» уровня из отложения ископаемой культуры Мальтинского геоархеологического местонахождения // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2018. Т. XXIV. С. 119–123.

Мальта-Мост 3 – новое многослойное местонахождение верхнего палеолита в долине р. Белой в Южном Приангарье (по результатам спасательных работ 2020–2021 гг.) / Е. А. Липнина, Н. Е. Бердникова,

Д. Н. Лохов, Д. Г. Маликов, И. М. Бердников // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2023. Т. XXIX. С. 168–174.

Рыбин Е. П. Региональная вариабельность каменных индустрий начала верхнего палеолита в Южной Сибири и восточной части Центральной Азии: дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2020. 849 с.

Стратиграфия, палеогеография и археология юга Средней Сибири. Иркутск: ИГУ, 1990. 165 с.

Bae C. J., Bae K. The nature of the Early to Late Paleolithic transition in Korea: Current perspectives // Quaternary International. 2012. Vol. 281. P. 26–35.

Dela Peña P. A qualitative guide to recognize bipolar knapping for flint and quartz // Lithic Technology. 2015. Vol. 40. No. 4. P. 316–331.

Environmental and climate reconstructions of the Fore-Baikal area during MIS 5-1: multiproxy record from terrestrial sediments of the Ust-Oda section (Siberia, Russia) / A. A. Shchetnikov, E. V. Bezrukova, F. E. Maksimov, V. Yu. Kuznetsov, I. A. Filinov // J. Asian Earth Sci. 2016. Vol. 129. P. 220–230.

Reply to the comment on «Upper Paleolithic site Tuyana – A multi-proxy record of sedimentation and environmental history during the late Pleistocene and the Holocene in the Tunka rift valley, Baikal region [Quat. Int. 534 (2019) 138–157. / I. M. Berdnikov, N. E. Berdnikova, E. A. Lipnina, D. P. Zolotarev, I. S. Shegutov, A. A. Shchetnikov, E. V. Bezrukova, G. G. Matasova, A. Y. Kazansky, V. V. Ivanova, G. A. Danukalova, I. A. Filinov, F. I. Khenzykhenova, E. M. Osipova, E. O. Rogovskoi, G. A. Vorobieva // Quaternary International. 2023. Vol. 658. P. 84–96.

The area surrounding the world-famous geoarchaeological site Mal'ta (Baikal Siberia): New data on the chronology, archaeology, and fauna / F. Khenzykhenova, E. Lipnina, G. Danukalova, A. Shchetnikov, E. Osipova, E. Semenei, E. Tumurov, D. Lokhov // Quaternary International. 2019. Vol. 509. P. 17–29.

Van der Drift J. W. Bipolair techniques in the Old-Paleolithic // APAN/extern 9. 2001. P. 45–74.

Yanagida T., Kajiwara H. Bipolar Reduction of “The Early Paleolithic Period” is the Japanese Archipelago: New Insights into the Basic Technology // Paleolithic Kyushu. 2018. Vol. 22. P. 58–76.

С. А. Васильев
Институт истории материальной культуры РАН,
Санкт-Петербург, Россия

ПАЛЕОЛИТ ВОСТОЧНОГО КАЗАХСТАНА И СИБИРЬ: ПО СЛЕДАМ НЕОПУБЛИКОВАННОЙ РАБОТЫ С. Н. АСТАХОВА

Аннотация. Доклад посвящен сопоставлению характера верхнего палеолита востока Казахстана и Южной Сибири. Отмечается сходство облика культуры в сравниваемых регионах в раннюю и позднюю пору верхнепалеолитической эпохи (распространение ориньякских индустрий и комплексов, сходных с кокоревской культурой).

Ключевые слова: Сибирь, Казахстан, Алтай, Енисей, верхний палеолит, кокоревская культура

Исследование проведено в рамках выполнения ФНИ ГАН «Север Евразии в каменном веке: проблемы расселения человека, культурной адаптации и технологического развития» (FMZF-2025-0007).

Отправной точкой для написания доклада послужило обнаружение среди бумаг известного специалиста по археологии Сибири С. Н. Астахова (1933–2020) рукописи неопубликованной работы, созданной вместе с геоморфологом Е. А. Мининой, и посвященной находкам палеолитических изделий на р. Убе в Рудном Алтае. Речь идет об леваллуазском остроконечнике и отщепе, залегавших вместе с костями сайги и бычьих. С. Н. Астахов высказался в пользу мустьерского возраста находок, указав на их сходство с предметами из Усть-Канской пещеры, сборами близ аула Канай и Больше-Нарымского. Впоследствии эти сведения были упомянуты в статье по четвертичным отложениям региона [Минина, Борисов, 1968].

Интерес С. Н. Астахова к находкам в Казахстане был не случаен. В эти годы, работая над материалами Афонтовой Горы, исследователь углубленно занимался вопросом о путях заселения человеком долины Енисея. При этом наиболее вероятным

© Васильев С. А., 2025

казалось юго-западное направление, связывающее енисейскую долину с горами Алтая и далее со Средней Азией [Астахов, 1966].

Начиная с Г. П. Сосновского, все археологи подчеркивали сходство облика встреченных на востоке республики каменных орудий с изделиями палеолита юга Сибири. В течение длительного времени палеолит Казахстана был по большей части представлен поверхностными сборами или памятниками с нечеткой стратиграфией. Положение начинает меняться за последнее десятилетие, когда в результате целенаправленных работ был открыт и изучен ряд стратифицированных многослойных стоянок, получены серии датировок для известных комплексов, проведена ревизия имеющихся материалов. На этой основе впервые появляется возможность проследить основные этапы развития верхнего палеолита региона с привязкой к хронологической шкале.

Начальная пора верхнего палеолита отмечена появлением пластинчатой индустрии нижних слоев стоянки Ушбулак [Первичное расщепление…, 2018], сходной с ранним верхним палеолитом Кара-Бома на Алтае [Палеолитические комплексы…, 1998]. По материалам стоянок Майбулак, Узынагаш 1 и Рахат в дальнейшем прослеживается распространение ориньякской индустрии с датировками в диапазоне 31–35 тыс. л. [Ожерельев, Мамиров, 2023]. Наряду с относящимся к тому же хронологическому интервалу комплексом слоев 8–11 стоянки Усть-Каракол 1 на Алтае [Природная среда и человек…, 2003], памятники Казахстана входят в обширный евразийский ареал ориньяка.

Сложнее обстоит дело с комплексами средней поры верхнего палеолита. Судя по многослойной колонке стоянки Рахат в интервале 23–24 тыс. лет здесь получает развитие индустрия со своеобразными треугольными микролитами, находящая аналогии в памятниках Ближнего и Среднего Востока. Далека от памятников Сибири также индустрия средних слоев стоянки Ушбулак [Изучение материалов…, 2023].

Материалы, относящиеся к заключительному этапу развития верхнепалеолитической культуры, пока немногочисленны. Что касается стоянки Шульбинка на Иртыше, то ревизия коллекции позволила говорить об относительной однородности комплекса, относящегося к финалу верхнего палеолита [Новая интерпретация…, 2020]. Основные параметры технико-типологического облика инвентаря памятника близки индустрии кокоревской культуры Енисея [Абрамова, 1979].

Подводя итоги, можно констатировать, что наибольшее сходство в облике культуры в Сибири и Восточном Казахстане наблюдается в раннюю и позднюю пору верхнепалеолитической эпохи. В первом случае речь идет о единстве ориньякских памятников юго-востока Казахстана и Алтая. На финальном отрезке плейстоцена прослеживается распространение в западном направлении комплексов, сходных с кокоревской культурой позднего палеолита Енисея.

Я благодарен казахстанским коллегам, организаторам конференции «На стыке Европы и Азии» (Алматы, 2022 г.) Ж. К. Таймагамбетову, Т. Б. Мамирову, О. А. Артюховой и Д. В. Ожерельеву, а также Р. Йовита и А. А. Анойкину.

Список источников

Абрамова З. А. Палеолит Енисея. Кокоревская культура. Новосибирск: Наука, 1979. 200 с.

Астахов С. Н. О путях первоначального заселения человеком долины Енисея // Доклады и сообщения археологов СССР на VII Международном Конгрессе доисториков и протоисториков. М.: Наука, 1966. С. 56–67.

Изучение материалов развитого и финального верхнего палеолита на стоянке Ушбулак в 2023 году / Г. Д. Павленок, Е. Н. Бочарова, И. Д. Зольников, В. М. Харевич, С. С. Макаров, А. А. Гришин, А. Д. Папин, Р. С. Дуванбеков, Ж. К. Таймагамбетов, А. А. Анойкин // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. Т. XXIX. 2023. С. 259–265.

Минина Е. А., Борисов Б. А. Особенности геологии лессовых отложений Рудного Алтая (на примере обнажения у с. Красный Яр) // Вестник Ленингр. ун-та. № 18. Вып. 3. 1968. С. 118–126.

Новая интерпретация археологических материалов палеолитической стоянки Шульбинка (Восточный Казахстан) / А. А. Анойкин, Г. Д. Павленок, В. М. Харевич, Н. А. Кулик, Ж. К. Таймагамбетов // Археология, этнография и антропология Евразии. 2020. Т. 48. № 4. С. 27–44.

Ожерельев Д. В., Мамиров Т. Б. Комплекс многослойных стоянок верхнего палеолита в предгорьях Северного Тянь-Шаня: общие данные и перспективы исследований // Археология, этнография и антропология Евразии. 2023. Т. 51. № 3. С. 67–74.

Палеолитические комплексы стратифицированной части стоянки Кара–Бом / А. П. Деревянко, В. Т. Петрин, Е. П. Рыбин, Л. М. Чевалков. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. 280 с.

Первичное расщепление в индустрии начальных этапов верхнего палеолита на стоянке Ушбулак (Восточный Казахстан) / В. М. Харевич, А. А. Анойкин, А. В. Шалагина, Г. Д. Павленок, Ж. К. Таймагамбетов // Известия Иркут. гос. ун-та. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2018. Т. 23. С. 3–23.

Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая. Условия обитания в окрестностях Денисовой пещеры / А. П. Деревянко, М. В. Шуньков, А. К. Агаджанян, Г. Ф. Барышников, Е. М. Малаева, В. А. Ульянов, Н. А. Кулик, А. В. Постнов, А. А. Анойкин. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2003. 448 с.

Д. Е. Власенко
Забайкальский государственный университет,
Чита, Россия
Забайкальский научный центр ИИАЭ ДВО РАН,
Чита, Россия

К ВОПРОСУ О ВОЗНИКНОВЕНИИ ОТЩЕПОВЫХ ИНДУСТРИЙ В ВЕРХНЕМ ПАЛЕОЛИТЕ ЗАБАЙКАЛЬЯ

Аннотация. Рассматриваются основные версии генезиса отщепового варианта индустрии (куналейской культуры) в РВП Забайкалья: переход из забайкальского среднего палеолита; проникновение носителей отщеповых индустрий с территории Монголии; трансформация пластинчатой техники в отщеповую. Обозначаются базовые объекты индустрии в раннем верхнем палеолите Забайкалья.

Ключевые слова: Забайкалье, ранний верхний палеолит, генезис, отщеповая индустрия, куналейская культура

Многолетние исследования на территории Забайкалья позволили выделить основные варианты индустрии верхнего палеолита – пластинчатый и отщеповый (толбагинская и куналейская культуры) [Константинов, 1994]. Изначально оба варианта были отнесены к раннему верхнему палеолиту (далее – РВП) региона (35–25 тыс. л. н.) и предполагалось, что они могли сосуществовать одновременно [Константинов, 1994]. Однако, по мере увеличения данных, в т. ч. и количества ^{14}C-датировок, базовые памятники толбагинской культуры были отнесены к начальному верхнему палеолиту (далее – НВП) (45–35 тыс. л. н.) [Radiocarbon dates…, 2016; Рыбин, 2020; Climate amelioration…, 2023]. По генезису и развитию пластинчатой культуры Забайкалья опубликован ряд крупных обобщающих работ [Константинов, 1994; Лбова, 2000; Ташак, 2016; Рыбин, 2020; и др.], чего нельзя сказать об отщеповых индустриях РВП.

Одним из важнейших аспектов анализа палеолитических комплексов является вопрос о происхождении. Так, за годы исследований было выдвинуто несколько версий возникновения отщеповых индустрий в РВП Забайкалья. Первым это попытался сделать М. В. Константинов на основе материалов Приисковой (слой 2) [Константинов, 1994, с. 129]. Индустрия Приисковой (2) характеризуется преимущественно ортогональной техникой расщепления, направленной на получение крупных и средних отщепов, основным типом орудия выступают разнотипные скребла – эти черты являются характерными для отщеповых памятников РВП Забайкалья (куналейской культуры). Учитывая довольно архаичный облик индустрии и геологическую позицию, слой изначально был отнесен к концу среднего палеолита (55–45 тыс. л. н.) [Константинов, 1994; Карасев, Колосов, Крушевский, 1996; Константинов, Колосов, 2010, с. 28–29]. Поэтому корни культуры видели

© Власенко Д. Е., 2025

в обозначенной стоянке [Константинов, 1994, с. 129]. Однако в дальнейшем были получены OSL- и ^{14}C-датировки, позволившие датировать памятник в диапазоне 32–30 тыс. кал. л. н., что не позволяет ассоциировать её с индустриями среднего палеолита [The alluvial history…, 2011; Radiocarbon dates…, 2016; Climate amelioration…, 2023].

Вторая версия происхождения указывает на проникновение носителей отщеповых индустрий в Забайкалье с территории Монголии, где отщеповые комплексы изучены на памятниках Толбор-4 (4), Толбор-15 (5) [Развитие технологических…, 2013] и др. Однако, учитывая современные датировки как монгольских [Хаценович, 2018; Рыбин, 2020], так и забайкальских памятников рассматриваемого периода, следует скорее говорить об их синхронности и вероятной близости как в плане технологии, так и в типологии, что отмечено в ряде работ [Константинов, 1994; Кандыба, 2009; Хаценович, 2018; Рыбин, 2020; Финальная стадия…, 2022; и др.].

Третья версия возникновения куналейской культуры может быть связана с развитием пластинчатой индустрии и ее постепенной трансформацией в отщеповую. Данный переход наиболее четко и полно фиксируется в материалах монгольской стоянки Толбор-4, где нижние «пластинчатые» слои сменяются «отщеповыми» [Рыбин, Гладышев, Цыбанков, 2007; Развитие технологических…, 2013; Хаценович, 2018; Рыбин, 2020; Финальная стадия…, 2022], аналогичный процесс отмечается и в Китае [Развитие технологических…, 2013]. Отказ от пластин, по мнению исследователей, связан с переходом на производство микропластин, при этом все нужные типы орудий стали выполняться на отщепах [Рыбин, Гладышев, Цыбанков, 2007]. Согласно современным данным датирования опорных памятников НВП и РВП Забайкалья, отщеповая традиция, несмотря на свою архаичность, действительно оказывается более поздним явлением, нежели пластинчатая, так же как в Монголии и Китае. Так, пластинчатые индустрии памятников Толбага (слой 4) и Подзвонкая являются древнее отщеповых комплексов [Ташак, 2016; Radiocarbon dates…, 2016; Рыбин, 2020; Climate amelioration…, 2023]. Тогда как ряд основных памятников, относящихся к куналейской культуре и датирующихся РВП, ныне имеет следующие датировки: Куналей (3) (32–30 тыс. кал. л. н.), Каменка-Б (32–28 тыс. кал. л. н.), Усть-Менза-14 (4) (37–31 тыс. кал. л. н.) [Константинов, 1994; Лбова, 2000; Radiocarbon dates…, 2016; Разгильдеева, 2017; Рыбин, 2020]. Судя по датировкам, в РВП Забайкалья эта версия генезиса отщеповой индустрии имеет место, однако памятников данного периода с большой эмпирической базой, на которых можно было бы проследить постепенный переход от пластин к отщепам, сохраняя при этом местные особенности, пока не выявлено [Рыбин, 2020]. Помимо этого, на обозначенных выше памятниках, кроме Каменки-Б [Лбова, 2000], практически полностью отсутствует микротехника. Кроме того, пластинчатые индустрии РВП Забайкалья: мастерская Титовская Сопка (слои 3, 4), Мельничное-2 (2, 4), Мастеров Ключ (4) и Усть-Менза-6 (Груздевая) (4) [Филатов, 2024], продолжающие традицию комплексов НВП, являются синхронными отщеповым индустриям, что усложняет процесс культурогенеза в финале МИС-3.

Таким образом, генезис отщеповых индустрий в РВП Забайкалья, вероятно, проходил практически одновременно с соседними географическими областями, основываясь на более ранних местных индустриях со своими особенностями. Версия с переходом от пластинчатой к отщеповой индустрии видится наиболее близкой к действительности, однако, за неимением обширных наблюдений этого перехода в РВП Забайкалья, пока оставляет вопрос о происхождении индустрии открытым.

Список источников

Кандыба А. В. Палеолит Южного Хангая (по материалам памятников Орхон-1, Орхон-7): автореф. дис. … канд. ист. наук. Новосибирск, 2009. 26 с.

Карасёв В. В., Колосов В. К., Крушевский В. В. Палеолитическое местонахождение Приисковое // Новые палеолитические памятники Забайкалья. (К Всемирному археологическому интерконгрессу, 1996). Чита: ЧГПИ, 1996. С. 70–103.

Константинов М. В. Каменный век восточного региона Байкальской Азии. Улан-Удэ; Чита: Изд-во БНЦ – ЧГПИ, 1994. 265 с.

Константинов М. В., Колосов В. К. Мустьерские памятники Забайкальского края // Мустье Забайкалья, загадочные догу и другие древности МП Тихоокеанских стран. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та. 2010. С. 27–37.

Лбова Л. В. Палеолит северной зоны Западного Забайкалья. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. 240 с.

Развитие технологических традиций изготовления орудий в каменных индустриях раннего этапа верхнего палеолита Северной Монголии (по материалам стоянок Толбор-4 и -15) / А. П. Деревянко, Е. П. Рыбин, С. А. Гладышев, Б. Гунчинсурэн, А. А. Цыбанков, Д. Олсен // Археология, этнография и антропология Евразии. 2013. № 4 (56). С. 21–37.

Разгильдеева И. И. Комплекс стоянки-мастерской Усть-Менза-14 (Лагерная): средняя пора верхнего палеолита Забайкалья // Археологические вести. 2017. № 23. С. 84–104.

Рыбин Е. П. Региональная вариабельность каменных индустрий начала верхнего палеолита в Южной Сибири и восточной части Центральной Азии: дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2020. 849 с.

Рыбин Е. П., Гладышев С. А., Цыбанков А. А. Возникновение и развитие «отщеповых» индустрий ранней поры верхнего палеолита Северной Монголии // Северная Евразия в антропогене: человек, палеотехнологии, геоэкология, этнология и антропология. Иркутск: Оттиск, 2007. С. 137–153.

Ташак В. И. Восточный комплекс палеолитического поселения Подзвонкая в Западном Забайкалье. Иркутск: Изд-во Ин-та географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, 2016. 185 с.

Филатов Е. А. Палеолитические комплексы РВП мастерской Титовская Сопка (Восточное Забайкалье) // Актуальная археология 7. СПб.: ИИМК РАН, 2024. С. 117–119.

Финальная стадия раннего верхнего палеолита Северной Монголии: каменная технология и региональные аналогии: Толбор-4, слои 4a и 4b / Е. П. Рыбин, Б. Гунчинсурэн, А. М. Хаценович, Д. В. Марченко, Ц. Болорбат // Теория и практика археологических исследований. 2022. Т. 34, № 2. С. 186–206.

Хаценович А. М. Ранние этапы верхнего палеолита Северной Монголии: дис. … канд. ист. наук. Новосибирск, 2018. 287 с.

Climate amelioration, abrupt vegetation recovery, and the dispersal of Homo sapiens in Baikal Siberia / K. Shichi, T. Goebel, M. Izuho, K. Kashiwaya. Science advances. 2023. Vol. 9 (38). P. 1–15.

Radiocarbon dates, microblades and Late Pleistocene human migrations in the Transbaikal, Russia and the Paleo-Sakhalin-Hokkaido-Kuril Peninsula / I. Buvit, M. Izuho, K. Terry, M. V. Konstantinov, A. V. Konstantinov // Quaternary International. 2016. Vol. 425. P. 100–119.

The alluvial history and sedimentary record of the priiskovoe site and its place in the paleolithic prehistory of siberia / I. Buvit, K. Terry, V. K. Kolosov, M. V. Konstantinov // Geoarchaeology. 2011. Vol. 26, No. 5. P. 616–648.

А. В. Волокитин, Н. А. Волокитина
Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН,
Сыктывкар, Россия

МЕЗОЛИТ БАССЕЙНА ПЕЧОРЫ

Аннотация. Среди мезолитических памятников бассейна Печоры исследованных раскопками единицы. Два в долине самой реки, по одному на р. Мылва, Адзва, Пижма. Более благоприятная ситуация наблюдается в исследованиях на р. Ижма: шесть мезолитических памятников в Ижма-Томском геоархеологическом микрорайоне и два в Усть-Ухтинском. Тем не менее в мезолите Припечорья, как и на Вычегде, уверенно выявляются две традиции.

Ключевые слова: мезолит, каменная индустрия, Печора, Ижма

Первые мезолитические памятники в бассейне р. Печоры открыты в 1930-х гг., когда в Большеземельской тундре на реках, впадающих в р. Усу, Г. А. Черновым были собраны коллекции каменных изделий на песчаных выдувах-яреях [Верещагина, 2010].

В 1960-е гг. многочисленные мезолитические местонахождения открыты на Печоре и ее притоках В. И. Канивцом.

© Волокитин А. В., Волокитина Н. А., 2025

Исследования проводились в связи с проектом переброски вод северных рек в Каспий. Раскопкам подвергнуты лишь две стоянки: Адак 2 и Топыд-Нюр 5. Первая интересна тем, что располагалась на останце скалы высотой 30 м. Такое её расположение В. И. Канивец рассматривал как убежище на фоне межплеменной борьбы в ходе освоения новых территорий [Канивец, 1973, с. 21]. Позднее И. В. Верещагина предположила, что стоянка являлась наблюдательным пунктом во время охоты на северного оленя [Верещагина, 2010].

Особенно были важны исследования стоянки Топыд-Нюр 5. Здесь были изучены остатки оригинального жилища с каменной вымосткой. Материалы стоянки, отличавшиеся большей шириной пластин и большим присутствием орудий из отщепов, подтолкнули В. И. Канивца к выделению позднего, предшествующий неолиту, этапа мезолита [Канивец, 1973].

Такие же работы были проведены под руководством В. Е. Лузгина в долине р. Ижмы. Из числа четырех выявленных мезолитических памятников раскопки произведены на стоянке Туруннюр 1. Материалы этой стоянки, как считал исследователь, характеризуют местную индустрию позднего мезолита, сложившуюся у продвинувшихся на север из разных регионов и смешавшихся в процессе адаптации к природным условиям коллективов [Лузгин, 1972].

Несколько позже В. Е. Лузгиным на многослойном нестратифицированном памятнике Пижма 2 (раскопки 1969–1970 гг.) выделен мезолитический инвентарь, в составе которого черешковый наконечник стрелы на пластинке [Лузгин, 1973, с. 38]. Такого же типа наконечник и пластинки с притупленным краем имеются в сборах на местонахождения Адзьва 1 на р. Усе [Канивец, 1973]. Очевидна принадлежность памятников, как Адзьва 1, так и Пижма 2, к ранней стадии парчевской культуры мезолита региона. К сожалению, коллекции этих стоянок незначительны, но в них присутствуют выразительные черешковые наконечники стрел на пластинах, аналогичные таковым на вычегодских стоянках Парч 1 и Парч 2, датированных рубежом пребореального и бореального периодов [Волокитин, 2006]. Сюда же можно отнести и местонахождения Большеземельской тундры, в частности, Сандибейю 1 с черешковыми наконечниками стрел на пластинах [Верещагина, 2010, с. 114].

В конце 1980-х на Ижме раскопаны стоянки Лек-Леса 1 [Волокитин, 2005] и Усть-Ухта 1. Первая из них находится в среднем течении реки в 2 км от стоянки Туруннюр 1 и имеет С14 даты 9 010 ± 70 (ЛЕ-3 607) и 8 730 ± 30 ($IGAN_{AMS}$-5 993), вторая – в верхнем течении реки. Обе эти стоянки по технико-типологическим показателям индустрии относятся к приуральской традиции мезолита региона. Для них характерен пик узких пластинок при распределении пластин по ширине, длинные сечения пластинок, ограниченный орудийный набор при отсутствии наконечников стрел [Волокитин, 2021]. Близка им исследованная ранее стоянка Туруннюр 1. Таким образом, в бассейне Печоры отмечены мезолитические памятники двух разных традиций. Это очень важно для реконструкции освоения приполярных областей европейского Севера в послеледниковье.

С 2010 г. систематические исследования мезолитических памятников ведутся в окрестностях пос. Том на р. Ижме. Особое значение имеет открытие мезолитических горизонтов многослойного памятника Вылыс Том 2, который приурочен к отложениям аллювиальной 10-метровой террасы. Третий и четвертый мезолитические горизонты памятника залегают в гумусированных слойках, на глубине более 2 м от современной дневной поверхности. Во время существования (около 8,7 тыс. С14 лет назад) данных горизонтов они находились невысоко над рекой, на низкой пойме и регулярно затапливались. Весьма вероятно, что стоянки данных горизонтов оставлены одной и той же группой древнего населения [Волокитин, Волокитина, 2022б]. Об этом говорит присутствие охры, совпадение расположения кострищ и даже их размеров в обоих культурных горизонтах. Сходство инвен-

тарей этих горизонтов прослеживается в сырье, наличии шлифовки предметов, а также технике раскалывания: большое количество очень крупных пластин, присутствие небольших так называемых нуклеусов-резцов. В орудийных наборах представлены обушковые ножи, сходные острия, усеченные пластины и пластинки, есть мелкие пластинки с притупленным краем.

Примечательно, что в непосредственной близости обнаружены и раскопаны боровые мезолитические стоянки Вылыс Том 3 и Очью катище с таким же инвентарем, свидетельство перемещения на более высокие отметки долины реки древних коллективов в сезоны высокой водности [Волокитин, Волокитина, 2021; 2024].

При сравнении индустрии мезолитических культурных горизонтов Вылыс Тома 2 с материалами вычегодских стоянок Парч 1 и Парч 2, сходство, прежде всего, выявляется в технике расщепления. Стоянки имеют тип распределения пластин по ширине, характеризующийся невысоким числом микропластин и примерно равным соотношением узких и средних пластин. Серийно представлены пластинки и пластины с усеченным концом, разнообразны острия-перфораторы, обушковые формы. Однако на Вылыс Томе 2 пока не обнаружены черешковые наконечники стрел на пластинах.

Несомненно, следует отметить параллели в кремневой индустрии стоянки Топыд-Нюр 5 и ее полного аналога Топыд-Нюр 7, с одной стороны, мезолитических горизонтов памятника Вылыс Том 2, с другой. Это одинаковый тип распределения пластин по ширине, приемы расчленения скребков, резцы-нуклеусы. Шлифованные рубящие орудия четвертого, мезолитического, горизонта памятника Вылыс Том 2 также обнаруживают параллели со шлифованными рубящими орудиями, найденными на мезолитических стоянках в урочище Топыд-Нюр [Канивец, 1973]. У нас достаточно аргументов для отнесения мезолитических горизонтов Вылыс Тома 2 и стоянок Вылыс Том 3, Очью катище, а также печорских стоянок Топыд Нюр 5 и 7 к поздней стадии парчевской культуры/традиции мезолита региона. Вероятнее всего, то же самое можно сказать о недавно исследованных стоянках Мартюшевская 8 в верхнем течении Печоры [Волокитин, Волокитина, 2022а] и Ухтинской стоянки в верхнем течении Ижмы [Волокитин, Волокитина, 2020].

Список источников

Верещагина И. В. Мезолит и неолит крайнего Европейского Северо-Востока. СПб: Петербургское Востоковедение, 2010. (Серии: Труды ИИМК РАН. Т. XXXII и Archaeologia Petropolitana). 232 с.

Волокитин А. В. Особенности индустрий мезолитических памятников Топыд-Нюр 5 и 7а на средней Печоре // Материальная и духовная культура населения Европейского Северо-Востока. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 1987. С. 6–15.

Волокитин А. В. Мезолитический памятник Лек-Леса на р. Ижма // Каменный век лесной зоны Восточной Европы и Зауралья. М.: ACADEMIA, 2005. С. 198–205.

Волокитин А. В. Мезолитические стоянки Парч 1 и Парч 2 на Вычегде. Сыктывкар: Изд-во Коми НЦ УрО РАН, 2006. 126 с.

Волокитин А. В. Мезолит Северного Приуралья // Археология Волго-Уралья в 7 т. Т. 1. Каменный век. Казань: Изд-во АН РТ, 2021. С. 215–238.

Волокитин А. В., Волокитина Н. А. Новая мезолитическая индустрия в бассейне р. Ижма: стоянка Ухтинская // Известия Коми НЦ УрО РАН. 2020. № 5(45). С. 53–57.

Волокитин А. В., Волокитина Н. А. Стоянка Очью катище на р. Ижма // Известия Коми НЦ УрО РАН. 2021. № 4(50). С. 5–12.

Волокитин А. В., Волокитина Н. А. Новые данные по мезолиту р. Печора // Уфимский археологический вестник. 2022а. Т. 22, № 1. С. 6–14.

Волокитин А. В., Волокитина Н. А. Вылыс Том 2 – многослойный археологический памятник в долине р. Ижмы // Известия ИГУ. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2022б. Т. 42. С. 92–105.

Волокитин А. В., Волокитина Н. А. Стоянка Вылыс Том 3 на реке Ижма // Известия Коми НЦ УрО РАН. 2024. № 1(67). С. 5–11.

Канивец В. И. Мезолитические стоянки на Средней Печоре и Усе // Поселения каменного и медно-бронзового века на Печоре и Усе (Материалы по археологии Европейского Северо-Востока. Вып. IV). Сыктывкар, 1973. С. 3–23.

Лузгин В. Е. Неолитические стоянки Центрального Тимана // Поселения каменного и медно-бронзового века на Печоре и Усе (Материалы по археологии Европейского Северо-Востока. Вып. IV). Сыктывкар, 1973. С. 24–46.

О. В. Вороненко
Институт истории НАН Беларуси,
Минск, Беларусь

БЕЛОРУССКОЕ ПОДНЕПРОВЬЕ В ФИНАЛЕ ПЛЕЙСТОЦЕНА – НАЧАЛЕ ГОЛОЦЕНА: ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРОГЕНЕЗА

Аннотация. В статье представлено современное состояние источников по финалу плейстоцена – началу голоцена Белорусского Поднепровья, а также рассматриваются некоторые современные проблемы культурогенеза.

Ключевые слова: Белорусское Поднепровье, плейстоцен, голоцен, финальный палеолит, ранний мезолит

Белорусское Поднепровье расположено в Восточной части Республики Беларусь, на территории Могилёвской и частично Гомельской и Витебской областей. Северная часть рассматриваемого региона является зоной водораздела бассейнов Чёрного и Балтийского морей (рис. 1).

Основным источником для изучения памятников финала плейстоцена – начала голоцена в Белорусском Поднепровье является кремнёвый инвентарь, так как органические материалы (кость и дерево) на террасных и эоловых стоянках практически не сохраняются.

Кремнёвые материалы финального палеолита и раннего мезолита известны не более чем на 60 стоянках и местонахождениях. Все они расположены на участках и уступах первой и второй надпойменных террас и пойменных эоловых образованиях Днепра, Березины и Сожа, а также их притоков – р. Друти, Свислочи, Брожки и Олы. Высота расположения поселений на террасах колеблется в пределах 6–25 м над меженным уровнем воды в реке. Высота расположения памятников, находящихся на эоловых образованиях (холмы, дюны, бугры и гряды), колеблется в пределах от уровня поймы до 5,5 м.

Большинство имеющихся коллекций кремнёвого инвентаря по финальному палеолиту и раннему мезолиту являются смешанными, вне зависимости каким способом были получены, поверхностными сборами или раскопками, что на сегодняшний момент усложняет задачу по выработке критериев при определении хронологии и культурной атрибуции памятников.

Начиная с 1960-х гг. на территории Белорусского Поднепровья для финального палеолита были выделены лингбийская, свидерская, гренская и днепро-деснинская культуры, для мезолита – кундская, бутовская, песочноровская, кудлаевская, ниславицкая и сожская культуры.

На современном этапе изучения одной из главных задач является решение проблемы заселения Белорусского Поднепровья в финальном палеолите. До сих пор у исследователей нет единого мнения о культурном составе финальнопалеолитического населения и его исторических судеб. В области дискуссий остаётся проблема преемственности связей между комплексами финального палеолита и мезолита, а также их культурной атрибуции. В последних обобщающих работах по финальному палеолиту и мезолиту Беларуси [Калечыц, Коласаў, Абухоўскі, 2010; Калечыц, Коласаў, 2021] более половины памятников рассматриваемых периодов культурно не атрибутированы.

© Вороненко О. В., 2025

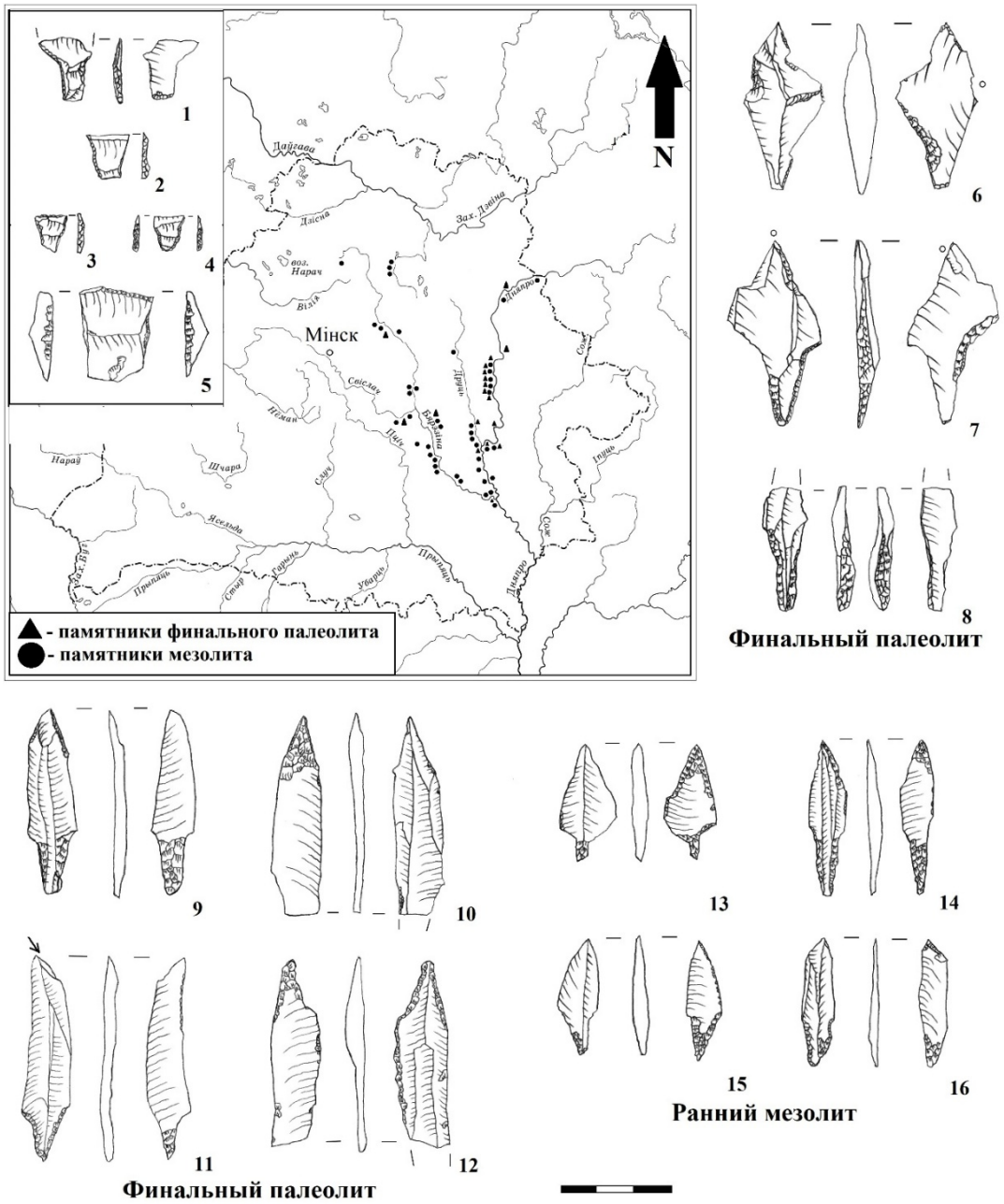

Рис. 1. Карта-схема местонахождения памятников рубежа плейстоцена – начало голоцена в Белорусском Поднепровье. Кремнёвый инвентарь со стоянок Коромка 2, 4–5 (материалы исследований автора 2023–2024 гг.)

Активное применение методики критики источника (А. Н. Сорокин, А. В. Колосов) привело к пересмотру устоявшихся ещё с 1990-х гг. взглядов исследователей на культурную ситуацию в регионе в финальном палеолите и мезолите. Были поставлены под сомнение существование днепро-деснинской (по В. П. Ксензову) и сожской (по В. Ф. Копытину) археологических культур, пересмотрена хронология и периодизация гренской культуры. Для территории Белорусского Поднепровья были предложены новые культурно-исторические схемы развития, причём основой для таких нововведений выступала источниковедческая база, накопленная предшественниками ещё до 2000-х гг.

В настоящее время в Белорусском Поднепровье не известны даты финально-палеолитического возраста. Пребореальные даты по C^{14} известны только для двух мезолитических памятников – стоянки кундской культуры Небышино 1 [Езепенко, 2021] и бутовской культуры Дедня [Калечыц, Коласаў, 2021, с. 26; Колосов, 2017]. При сопоставлении датировок со стоянок Небышино 1 и Дедни можно констатировать, что к пребореаль-

ному периоду относится 5 дат со стоянки Небышино 1 и 4 даты со стоянки Дедня. Радиоуглеродные данные указывают на то, что стоянки Небышино 1 и Дедня являются синхронными. В современной историографии памятники со схожим кремнёвым инвентарём в Прибалтике, Подвинье, Западном Полесье и в междуречье Березины и Днепра называют кундскими, в Волго-Окском междуречье и Посожье – бутовскими. В сложившейся ситуации уместно согласиться с С. Н. Лисициным, который памятники бутовской и кундской культуры рассматривает в рамках технокомплекса бутово-кундского облика [Лисицын, 2014, с. 100].

По последним данным на территории Беларуси материалы кундской культуры известны по находкам из 59 пунктов [Калечыц, Коласаў, 2021, с. 23], из которых в Поднепровье насчитывалось 8 памятников. Полученные в последнее время автором материалы с новых памятников кундской культуры (Небышино 1, Коромка 2, 4, 5, 6, 7, Брицаловичи 2, Нижняя Олба 1А, Зборов 2, Дубы 1 и Боровая 1), а также выявленные материалы в смешанных коллекциях памятников Петровичи 1, Михалёво 2-е, Городок 4 и др., позволили существенно расширить имеющуюся источниковедческую базу и обосновать присутствие кундской культуры в Поднепровье в раннем мезолите.

Таким образом, имеющиеся на сегодняшний момент материалы по финальному палеолиту и раннему мезолиту Белорусского Поднепровья стоит рассматривать в контексте развития гамбургской, лингбийской, аренсбургской, свидерской, гренской и бутово-кундской культур.

Список источников

Езепенко И. Н. Мультидисциплинарные исследования на стоянке Небышино 1 в верховьях Березины в 2018–2019 годах // Camera praehistorica. 2021. № 1. С. 120–140.

Калечыц А. Г., Коласаў А. У., Абухоўскі В. С. Палеалітычныя помнікі Беларусі: культурна-храналагічная ідэнтыфікацыя крыніц. Мінск: Беларус. навука, 2010. 323 с.

Калечыц А. Г., Коласаў А. У. Мезалітычныя помнікі Беларусі. Мінск: Беларус. навука, 2021. 369 с.

Колосов А. В. О радиоуглеродной хронологии памятников каменного века Могилевского Посожья // Романовские чтения – 12. Могилев: Могилев. гос. ун-т, 2017. С. 136–138.

Лисицын С. Н. Технокомплексы рубежа плейстоцена и голоцена в лесной зоне Восточной Европы // Каменный век: от Атлантики до Пацифики. СПб., 2014. С. 85–109.

К. Н. Гаврилов[1], Д. О. Савельев[2]
[1] Институт археологии РАН,
Москва, Россия
[2] Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
Симферополь, Россия

НАХОДКИ КАМЕННЫХ ИЗДЕЛИЙ РАННЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОГО ОБЛИКА ВОКРУГ ОЗЕРА ЧОКРАК НА КЕРЧЕНСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ КРЫМА

Аннотация. В статье даётся краткая информация о результатах рекогносцировочных работ в районе озера Чокрак. Сделанные находки отнесены к раннему палеолиту. Высказано предположение о существовании в данном районе ашельского местонахождения.

Ключевые слова: ранний палеолит, Крым, озеро Чокрак, каменные орудия

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00088, https://rscf.ru/project/23-18-00088.

В 2016–2018 гг. в ходе проведения разведок в районе оз. Чокрак сотрудниками отряда Восточно-Крымской археологической экспедиции ИА РАН были обнару-

© Гаврилов К. Н., Савельев Д. О., 2025

жены каменные изделия, которые по типологическим характеристикам могут быть отнесены к раннепалеолитической эпохе [Гаврилов, 2019]. Большая часть из них была найдена на бечевнике у юго-западного и юго-восточного берега озера, два предмета – на склоне юго-западного берега. Общее количество предметов из сборов тех лет невелико, всего девять экземпляров, однако среди них встречены весьма выразительные. К ним относятся пики: два удлинённых и один плоский [Гаврилов, 2019, с. 56–58]. Сырьём послужили доломитовые породы камня. В непосредственной близости от удлинённых пиков были обнаружены два крупных отщепа из той же доломитовой породы.

После 2018 г. рекогносцировки, имевшие целью поиски памятников палеолитической эпохи, на этом участке оз. Чокрак не проводились вплоть до недавнего времени. Между тем необходимость таких работ диктовалась неясностью геологического контекста обнаруженных артефактов. Их хорошая сохранность, отсутствие на ряде предметов следов длительного пребывания на открытой поверхности давали основания для надежды обнаружить слой или слои в составе отложений, выполнявших южный берег оз. Чокрак, которые могли бы включать артефакты, аналогичные найденным в 2016–2018 гг.

Чокракское озеро находится на севере Керченского п-ова в 12 км к СЗ от г. Керчь. От Азовского моря оно отделено песчаной пересыпью шириной от 12 до 26 м. «Чокрак» в переводе с тюркского означает «источник, родник», так как на его берегах и на дне имеется множество родников. Размеры озера в поперечнике – от 3 до 4 км, его пологие берега сложены неогеновыми отложениями [Аркадьев, 2014]. Озерная котловина находится на стыке двух крупных антиклинальных складок, Караларской на западе и Чокракской на востоке, между которыми проходит разрывное нарушение [Клюкин, Корженевский, 2004]. С этим разломом связаны проявления грязевого вулканизма и сероводородные воды. По мнению С. В. Альбова и соавторов, образование кольцевой впадины Чокракского озера связано с деятельностью подводного грязевого вулкана [Альбов, Горяинов, Машир, 1968].

С юго-востока в озеро впадает небольшая речка, протекающая по балке Бабчикская. В настоящее время ее устьевая часть запружена, в результате чего на этом месте образовалось озерцо с пресной водой. Вокруг водотока и искусственного озера произрастают кустарники и различная влаголюбивая растительность. С юго-восточной же стороны в озеро глубоко вдается узкий мыс. Южный и юго-западный участки пологих берегов озера прорезаны оврагами с пологими склонами. Берега озера задернованы и покрыты травянистой, реже – кустарниковой растительностью, летом полностью высыхающей.

В сентябре 2024 г. нам удалось организовать кратковременный выезд в район Чокрака. Побудительной причиной стало обнаружение Д. О. Савельевым на поверхности противопожарной распашки, в 0,1 км от гидротехнического сооружения, бифасиального орудия на крупном отщепе, который может быть отнесён к категории рубил (рис. 1, *1*). Изделие было найдено в ходе визуального обследования территории, относящейся к Чумной балке, расположенной в южной части Чокракского озера. Целью исследования ставился поиск дополнительных свидетельств существования первобытного человека в раннепалеолитическое время на территории Чокракского озера. Орудие было зафиксировано в россыпи доломитовой породы, вскрытой, по-видимому, противопожарной распашкой. В результате, был собран подъёмный материал, приуроченный к двум террасовым уровням: 10 и 20 м над уровнем зеркала озера (рис. 1, *2–6*). На более низкой площадке

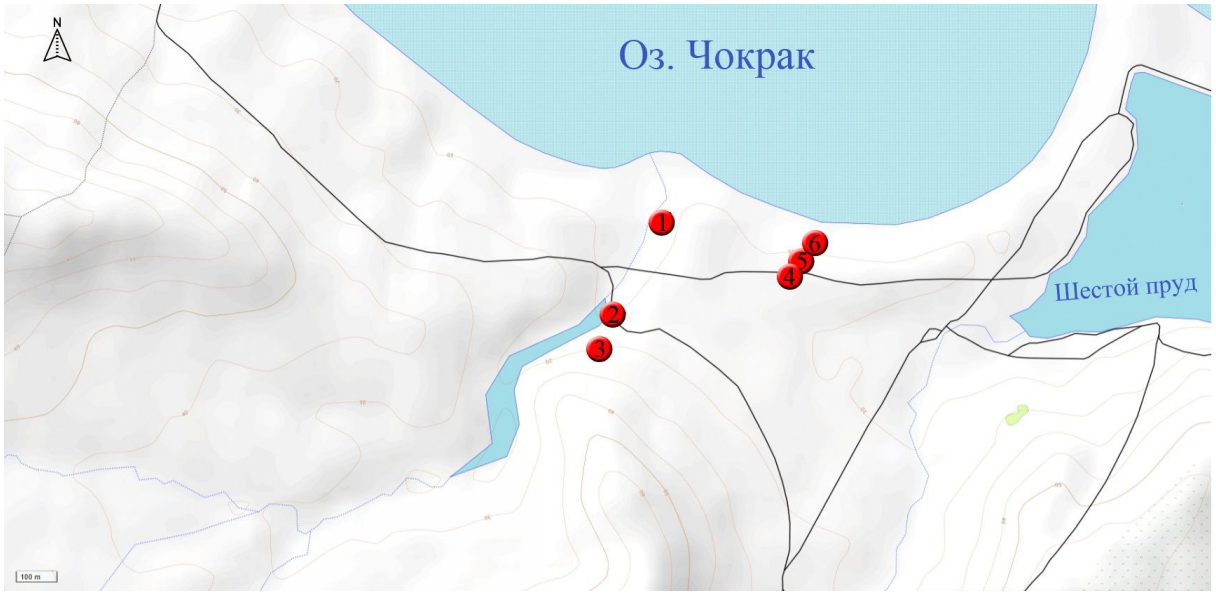

Рис. 1. Карта с указанием мест обнаружения артефактов: *1* – рубило; *2, 3* – пик с массивной пяткой; *4* – двулезвийный чоппер; *5* – скребло на обломке доломитовой породы камня; *6* – орудие с шипом на фрагменте плитки

были обнаружены: двулезвийный чоппер, скребло на обломке доломитовой породы камня, орудие с шипом на фрагменте плитки (рис. 1, *4–6*). На склоне 20 м террасы, также в пределах противопожарной полосы, были обнаружены два пика с массивной пяткой (рис. 1, *2–3*). Сырьём для этих изделий послужил доломитовый известняк.

В настоящее время, до проведения более детальных исследований, довольно сложно судить о возрасте отмеченных террасовых уровней. К тому же пока речь идёт о подъёмном материале. Тем не менее весь корпус находок, обнаруженных как на бечевнике, так и на склонах южного берега озера Чокрак, позволяет, опираясь на типологические характеристики артефактов, сделать вывод о возможном существовании на этом месте, по крайней мере, местонахождения раннего палеолита, которое может быть отнесено к ашельской эпохе.

Список источников

Альбов С. В., Горяинов Е. П., Машир А. А. К вопросу о происхождении Чокракского озера в Крыму // Геологический журнал. 1968. Т. 28. № 1. С. 93–94.

Аркадьев В. В. Геологические экскурсии по Крыму. Симферополь, 2014. 208 с.

Гаврилов К. Н. Находки раннепалеолитического облика в окрестностях озера Чокрак: предварительные результаты рекогносцировочных работ 2016–2018 гг. // Актуальные вопросы охраны и использования культурного наследия Крыма. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2019. С. 53–60.

Клюкин А. А., Корженевский В. В. Крымское Приазовье: Краеведческий очерк-путеводитель. Симферополь, 2004. 144 с.

К. Н. Гаврилов[1], Г. А. Хлопачев[2]
[1] Институт археологии РАН,
Москва, Россия
[2] Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург, Россия

СУНГИРСКИЙ ПОГРЕБАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС: ПРОБЛЕМА КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ АТРИБУЦИИ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности пространственной организации сунгирского погребального комплекса, вопросы культурной атрибуции Сунгиря, разновременности погребений и их возможного радиоуглеродного возраста, а также аналогии среди погребальных комплексов позднего этапа раннего верхнего палеолита Европы.

Ключевые слова: Сунгирь, верхний палеолит, погребения, стрелецкая культура

Исследование выполнено при поддержке РНФ, проект № 24-28-01289 «Погребальный комплекс Сунгирской верхнепалеолитической стоянки: проблема определения археологического и культурно-исторического контекста».

Сунгирская стоянка – памятник заключительной стадии раннего верхнего палеолита Восточной и Центральной Европы. Радиоуглеродная хронология Сунгиря ограничена рамками от 30 до 26 тыс. л. н. (некал.) [Sungir revisited: new data…, 2022; Гаврилов, Кузьмин, Чечушкова, 2024]. В это время в Восточной Европе существовали памятники ориньяка, раннего граветта, городцовской и стрелецкой археологических культур, в Западной и Центральной Европе – стоянки финального ориньяка, финального селета и раннего граветта.

Сунгирь относится к стрелецкой археологической культуре. В литературе существует точка зрения о том, что Сунгирская стоянка – ориньякский памятник. Впервые она была сформулирована Г. П. Григорьевым [Grigoriev, 1990]. Её поддержали Р. Уайт [White, 1993], А. Е. Матюхин [Матюхин, 2006] и М. В. Аникович [Аникович, Анисюткин, Вишняцкий, 2007]. По нашему мнению, стрелецкая культурная атрибуция Сунгиря остаётся верной, несмотря на очевидное своеобразие каменного инвентаря: серийность пластинчатых заготовок и орудий на пластинах, так называемых долотовидных, присутствие клиновидных нуклеусов на отщепах для снятия микропластин. В каменном инвентаре сунгирской стоянки имеются все типы наконечников – тонких бифасов, которые известны по таким классическим комплексам стрелецкой культуры, как Костёнки 1 (сл. V) и Гарчи I. В коллекции из раскопок 2015 г. зафиксирован скол утоньшения тонкого бифаса, свидетельствующий о том, что предметы этой категории изготавливались на месте [Исследования Сунгирской..., 2021]. Имеются среди орудий Сунгиря и трансверсальный резец с ретушью краёв, и вееровидный скребок с вентральной подработкой острийной части – типы, которые М. А. Аникович рассматривал в качестве специфичных для стрелецкой культуры. В свою очередь, в инвентаре Костёнок 1 (сл. V) и Гарчи I зафиксированы клиновидные нуклеусы и долотовидные изделия. Во всех памятниках присутствуют также скребки высокой формы. Разница между каменными индустриями названных стоянок может быть объяснена их функциональной спецификой. Слой V Костёнок 1 и Гарчи I относятся к остаткам производственных участков, на которых преимущественно изготавливались тонкие бифасы, тогда как Сунгирь имеет характеристики базового лагеря со сложной пространственной организацией. В целом, стрелецкая культура может рассматриваться в качестве восточно-европейского аналога так называемого финального селета Центральной Европы [Gavrilov, 2017].

Названная культурно-хронологическая оценка Сунгирской стоянки согласуется с современными представлениями о том,

© Гаврилов К. Н., Хлопачев Г. А., 2025

что 29–28 тыс. л. н. (некал.) является временем, когда на территории Европы широко распространяются погребения, при совершении которых использовались минеральная краска (охра), персональные украшения, а также, в некоторых случаях, орудия и предметы вооружения [Henry-Gambier, 2013; Pettitt, 2011].

Сунгирский погребальный комплекс – один из самых сложных с точки зрения пространственной организации среди подобных комплексов раннего верхнего палеолита Европы. Эта сложность проявляется двояко. Во-первых, сунгирский комплекс включает в себя одиночное (Сунгирь-1), коллективное (Сунгирь-2, Сунгирь-3 и Сунгирь-4) и два парциальных (Сунгирь-5 и Сунгирь-6?) погребения. Погребения были совершены в двух могильных ямах, каждая из которых содержала два уровня: могила 1 – Сунгирь-1 (нижний уровень), Сунгирь-5 (верхний уровень) и могила 2 – Сунгирь-2, Сунгирь-3, Сунгирь-4 (нижний уровень) и Сунгирь-6? (верхний уровень) соответственно. Реконструкция пространственной структуры Сунгирской стоянки на площади раскопа II, где и были найдены погребения, позволила определить их уровни спуска, а также скорелировать с этими уровнями радиоуглеродные даты, полученные по костям животных [Гаврилов, Кузьмин, Чечушкова, 2024]. Обработка полевой документации О. Н. Бадера, проведённая Д. И. Чечушковой, позволила установить, что культурный слой Сунгирской стоянки стратиграфически может быть разделён на три уровня, с каждым из которых связаны определённые археологические объекты, в том числе – ямы, крупные скопления костей животных и минеральной краски [Гаврилов, Кузьмин, Чечушкова, 2024]. Было установлено, что нижний уровень погребений могил 1 и 2 связан со средним уровнем культурного слоя, тогда как верхний уровень погребений относится к низам верхнего уровня культурного слоя. Соответственно, радиоуглеродный возраст нижних погребений (Сунгирь-1, Сунгирь-2, Сунгирь-3) может оцениваться в пределах 29–28 тыс. л. н. (некал.), а верхних (Сунгирь-5, Сунгирь-6?) – около 26 тыс. л. н. (некал.) [Гаврилов, Кузьмин, Чечушкова, 2024]. Несмотря на разновременность образования верхних и нижних погребений сунгирского комплекса, их пространственная связность не вызывает сомнений. Во-первых, верхние погребения располагались строго над нижними. Во-вторых, окрашенное заполнение культурного слоя, связанное с верхним уровнем погребений, имело ту же ориентацию, что и нижние уровни могильных ям 1 и 2. Максимальная же концентрация археологического материала, зафиксированного в раскопе III, в плане располагалась вокруг могил. Небольшое исключение составляет участок у могилы 2, где планиграфически наблюдается частичное пересечение границ одного из скоплений и могильной ямы [Гаврилов, Кузьмин, Чечушкова, 2024]. В целом археологический материал зафиксирован стратиграфически как ниже, так и выше могил, однако крупные скопления практически не располагались над погребениями. Это может свидетельствовать о том, что существовали какие-то видимые опознавательные знаки, которые обозначали для древних обитателей Сунгиря места погребений.

Наиболее близкий по сложности погребального комплекса аналог сунгирскому был зафиксирован в пещере Барма Гранде. В данном случае речь идёт не о сходстве в конкретном расположении погребений, а о степени сложности пространственной организации [Гаврилов, Хлопачев, 2025]. Необходимо также упомянуть комплекс детских погребений из стоянки Кремс-Вахтберг. При раскопках этого памятника было найдено две могилы с младенцами. В одной из них было похоронено два ребёнка, вторая могила была одиночной. Скелеты младенцев из разных могил были ориентированы головами навстречу друг другу: парное погребение детей – на север, одиночное – на юг [Einwögerer et al., 2006, 2008]. Интересно, что погребённые из перечисленных стоянок были уложены с учётом линии север – юг: либо вдоль этой линии (большинство), с теми или иными отклонениями, как в Сунгире, либо – строго поперёк (тройное погребение в Барма Гранде).

Таким образом, сунгирский погребальный комплекс – одно из наиболее выразительных проявлений погребальных традиций

той эпохи. Одновременно следует признать, что комплекс погребений Сунгиря и названные выше европейские аналогии следует рассматривать в качестве специфических археологических памятников, не тождественных могильникам более поздних эпох.

Список источников

Аникович М. В., Анисюткин Н. К., Вишняцкий Л. Б. Узловые проблемы перехода к верхнему палеолиту в Евразии. СПб.: Нестор-история, 2007. 335 с. (Труды Костенковско-Борщевской археологической экспедиции ИИМК РАН. Вып. 5).

Исследования Сунгирской верхнепалеолитической стоянки в 2014–2015 гг. / К. Н. Гаврилов, Е. В. Воскресенская, Д. К. Еськова, С. Ю. Лев, Е. Н. Мащенко, А. В. Панин, Н. Рейнолдс // Camera Praehistorica. 2. 2021 (6). С. 8–35.

Гаврилов К. Н., Кузьмин Я. В., Чечушкова Д. И. Радиоуглеродный возраст погребений стоянки Сунгирь: археологический контекст и проблема верификации данных // РА. 2024. № 4. С. 17–33.

Гаврилов К. Н., Хлопачев Г.А. Типы персональных украшений и структура погребального комплекса Сунгирской стоянки: хронологические аналогии // КСИА. 2025. Вып. 277 (в печати).

Матюхин А. Е. Многослойные палеолитические памятники в устье Северского Донца // Ранняя пора позднего палеолита Евразии: общее и локальное (Труды Костенковско-Борщевской археологической экспедиции ИИМК РАН. Вып. 4). СПб.: Нестор-история, 2006. С. 87–104.

Gavrilov K. NSungir: the choice between Szeletian and Aurignacian // Le Sungirien. Saint-Pétersbourg, Liège: l'Université de Liège., 2017. P. 107–117 (ERAUL. Vol. 147).

Grigoriev G.P. Sungir. In: Feuilles de pierre. Les industries a pointes foliacees du Paleolithique superieur Europeen // ERAUL, Liege. 1990. № 41. P. 137–139.

Henry-Gambier D. Les populations gravettiennes. Biologie et comportements funéraires // Civilisations et cultures. Les Gravettiens. Paris: Éditions Errance, 2013. P. 307–330.

Pettitt P. The Palaeolithic origins of human burial. L&N.Y.: Routledge, 2011. 307 p.

Sungir revisited: new data on chronology and stratigraphy of the key Upper Paaleolithic site, Central Russian Plain / Y. Kuzmin, M. Boudin, M. Wojcieszak, A. Zazzo, L. Van der Sluis, D. Stulova, K. Gavrilov, E. Veselovskaya, S. Vasilyev // Radiocarbon. 2022. Vol. 64(5). P. 949–968.

The Gravettian infant burials from Krems-Wachtberg, Austria / T. Einwögerer, M. Händel, C. Neugebauer-Maresch, U. Simon, M. Teschler-Nicola / Babies Reborn: Infant. Child Burials in Pre- and Protohistory. Oxford: BAR International series 1832. 2008. P. 15–19.

White R. Technological and social dimensions of «Aurignacian-age» body ornaments across Europe // Before Lascaux: The complex record of the early Upper Paleolithic. Boca Raton: CRC Press, 1993. P. 277–299.

Upper Palaeolithic infant burials / T. Einwögerer, H. Friesinger, M. Händel, C. Neugebauer-Maresch, U. Simon, M. Teschler-Nicola // Nature. 2006. Vol. 444. P. 285.

Л. В. Голованова, В. Б. Дороничев
АНО «Лаборатория доистории»,
Санкт-Петербург, Россия

ПРОБЛЕМЫ ВЫДЕЛЕНИЯ КУЛЬТУР В ВЕРХНЕМ ПАЛЕОЛИТЕ КАВКАЗА

Аннотация. Немногочисленность памятников верхнего палеолита, материалы, полученные старой методикой раскопок, разнофациальность стоянок, определение генезиса новаций являются проблемами выделения культур. Своеобразие индустрий в сравнении с соседними регионами Евразии, преемственность на всех этапах позволяют на сегодняшний день говорить только о культурно-исторической общности в верхнем палеолите Кавказа.

Ключевые слова*:* культура, хронология, верхний палеолит, Кавказ

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, грант 22-78-10120.

За последние 25 лет существенно изменилось отношение специалистов к качеству археологических источников. Любые социокультурные обобщения должны

© Голованова Л. В., Дороничев В. Б., 2025

опираться на стратифицированные материалы, полученные современными методами археологических раскопок, наличие абсолютных датировок. Сопоставление материальной культуры памятников, расположенных на одной территории, достаточно обоснованно может производиться в рамках определенного хронологического этапа. В настоящее время для эпохи верхнего палеолита (далее – ВП) существует ряд проблем при обосновании специфики материальной культуры. Поскольку памятники немногочисленны, то привлекаются материалы из раскопок прошлых лет, полученных в результате старой методики. Это влечет за собой необъективное сравнение, поскольку в старых коллекциях, как правило, отсутствует довольно значительная часть материала (микроорудия: острия, геометрические микролиты и их фрагменты), а также украшения из мелких раковин, бусины и другой материал. Важная проблема заключается также в том, что многие материалы опубликованы недостаточно подробно, это осложняет сравнение.

Большое влияние на облик индустрий оказывает их фациальность, когда материалы стоянок разной хозяйственной специализации могут быть оценены как разные культурные комплексы по причине наличия/отсутствия определенной категории орудий.

Важным аспектом процедуры выделения новой культуры является определение генезиса новаций. Являются ли они следствием контактов с соседними регионами: результат обмена или заимствование технологий. Либо речь идет о миграции нового населения. А также необходимой и наиболее сложной является процедура определения появления новаций в результате изобретения. Изучение влияния динамики климатических циклов на адаптацию человека к новым условиям – изобретению новых методов и технологий – в настоящее время является одним из приоритетных научных направлений.

Хронологические рамки эпохи ВП Кавказа в настоящее время оцениваются от 45/40 до 12/10 тыс. л. н. Однако основные периоды представлены неодинаковым количеством материалов, изученных в отдельных регионах Кавказа на разном уровне.

Ранний верхний палеолит (далее – РВП) Кавказа сейчас известен всего лишь на семи стоянках (пять на Южном и две на Северном Кавказе). Индустрии РВП появляются на Кавказе как полностью сформировавшиеся культурные традиции. Орудия преимущественно изготовлены на пластинках. Скребки и резцы, а также долотовидные орудия немногочисленны, изготовлены на технических сколах. Костяные орудия представлены преимущественно проколками и двуконечными остриями. В Мезмайской пещере найден фрагмент иглы с ушком, который в настоящее время является древнейшей находкой в Европе. В пещерах Мезмайская и Бонди найдены украшения.

При сравнении индустрий разных регионов Кавказа отмечается неоднородность в изучении и публикации материалов. В целом можно отметить, что технология расщепления как на Южном, так и на Северном Кавказе отличается чрезвычайной микролитоидностью. Существенным затруднением в оценке сходства/различия технологии расщепления в этот период является то, что некоторые коллекции происходят из старых раскопок или получены без применения промывки.

Особенностью всех индустрий РВП Кавказа является наличие острий граветт и микрограветт. Сравнение типологического состава коллекций позволяет отметить некоторые отличия индустрий на южном и на северном склонах Кавказа. Обращает внимание наличие специфической формы: «острия Сакажиа» в материалах стоянки Дзудзуаны. В сл. 1С Мезмайской пещеры выделены игловидные и симметричные острия.

В настоящее время индустрии РВП Кавказа большинство исследователей сопоставляют с левантийским ахмариеном. Направление миграции ахмарских индустрий РВП подтверждается результатами изучения обсидиана. В пещеры Бонди и Ортвале Клде в западной Грузии обсидиан поступал из южной Грузии и более удаленных источников в восточной Ана-

толии и Армении, в Мезмайскую пещеру на Северо-Западном Кавказе – с юга Грузии [Golovanova, Doronichev, 2020].

Но уже на ранних этапах отмечаются различия РВП индустрий Кавказа и левантийского ахмариена. Среди ахмарских острий наиболее показательной формой являются острия эль-вад, а на Кавказе широко распространены острия граветт и микрограветт, игловидные и симметричные острия.

Результаты последних исследований также свидетельствуют о начале формирования региональных различий между индустриями РВП Южного и Северного Кавказа, но, ввиду неполноты публикации большинства материалов, можно лишь наметить отдельные отличия этих регионов [Golovanova, Doronichev, 2020].

В позднем верхнем палеолите (далее – ПВП) (от 30 кал. тыс. л. н. до максимума последнего оледенения) количество стоянок увеличивается, особенно на Юго-Западном Кавказе [Golovanova, Doronichev, 2020]. Оценивая индустрии ПВП в контексте одновременных памятников и исходя из сложившихся типологических традиций, их можно было бы назвать граветтоидными. Однако в кавказских материалах полностью отсутствуют такие показательные для европейского граветта формы, как острия фон-робер и флешетты (flechettes). Среди одновременных индустрий Ближнего Востока в позднем ахмариене (30–20 тыс. л. н.) почти полностью отсутствуют ППК и острия граветт, а многочисленны острия эль-вад, которых нет на Кавказе.

Индустрии ПВП Кавказа имеют определенное своеобразие в контексте Западной Евразии. Материалы северного и южного склонов Кавказа имеют как черты сходства, так и различия. Основные специфические формы, безусловно, связаны с влиянием соседних регионов.

Максимум последнего оледенения (далее – МПО) – одно из самых экстремальных ледниковых явлений позднего плейстоцена. В этот период как северные, так и южные склоны Кавказа были покрыты ледниковым щитом. Ухудшение климатических условий привело к снижению интенсивности контактов между группами населения. После МПО на Кавказе появились новые эпипалеолитические индустрии.

В индустриях эпипалеолита (далее – ЭП) прослеживаются выработанные в ВП традиции изготовления острий граветт и микрограветт, а также симметричных острий на пластинках. В этот период увеличивается количество стоянок, в индустриях появляются важные новации. Современные исследования дают возможность пересмотреть старые схемы развития финального палеолита в конце плейстоцена – начале голоцена. Геометрические микролиты начали появляться 25,5–24,5 кал. тыс. л. н. на Юго-Западном и около 22,8–20,7 кал. тыс. л. н. на Северо-Западном Кавказе. Средний этап ЭП характеризуется самым большим разнообразием форм геометрических микролитов. На Северо-Западном Кавказе они представлены, в основном, сегментами и простыми трапециями, а также редкими неравнобедренными и равнобедренными треугольниками; продолжают существовать прямоугольники. На Юго-Западном Кавказе представлены те же формы геометрических микролитов, кроме трапеций. На позднем этапе ЭП на Северо-Западном Кавказе появляются новые формы микролитов: выемчатые трапеции и гелуанские сегменты. Также в ЭП трапеции впервые появляются на Южном Кавказе. Самые ранние костяные орудия с пазами для микролитов известны из гор. 9 слоя 1–3 в Мезмайской пещеры на Северо-Западном Кавказе (16–15 кал. тыс. л. н.).

Преобладают острия граветт, микрограветт, появляются острия типа вашон. Особенно показательны острия с боковой выемкой. Наиболее распространены острия имеретинского типа. Именно эта форма определяет своеобразие ЭП Кавказа в целом.

Не только технико-типологическая близость ЭП Южного и Северного Кавказа, но также транспортировка обсидиана с юга Грузии на Северо-Западный Кавказ позволяет говорить о наличии контактов населения этих регионов.

Согласно современным археологическим данным, которые согласуются с па-

леогенетическими исследованиями, культуры ВП Кавказа наиболее близки юго-западной Азии, а население было потомками общей предковой популяции, которая в начале верхнего палеолита расселилась в регионе [Динамика климата..., 2022]. Несмотря на многие проблемы в изучении культуры ВП Кавказа, отмеченные выше, можно отметить, что уже на ранних этапах ВП в кавказских материалах отмечаются черты своеобразия. Черты преемственности прослеживаются на всех этапах ВП, включая ЭП, когда появляются существенные новации в культуре. В целом можно говорить о сложении культурно-исторической общности населения в эпоху ВП на Кавказе. Что касается выделения локальных культур, то в настоящее время намечается лишь некоторое своеобразие в отдельных регионах, которое часто выражается в появлении отдельных форм орудий, представленных единичными экземплярами, генезис которых может иметь разную природу и требует дальнейшего изучения.

Список источников

Динамика климата и модели адаптаций в среднем и верхнем палеолите Северо-Западного Кавказа / Л. В. Голованова, В. Б. Дороничев, Е. В. Дороничева, С. А. Несмеянов, О. А. Воейкова, Е. И. Ревина, Г. Н. Поплевко, Ю. Н. Спасовский, М. А. Волков, Т. Ф. Трегуб, И. Г. Широбоков, В. А. Цельмович, А. В. Русаков, М. П. Лебедева, Ю. В. Симонова, Ю. В. Костина, А. А. Мурый, Р. Н. Курбанов. М., 2022. 657 с.

Golovanova L. V., Doronichev V. B. Environment, Culture and Subsistence of Humans in the Caucasus between 40,000 and 10,000 Years Ago. Publisher: Cambridge Scholars Publishing, 2020. 569 pp.

В. А. Грищенко
Сахалинский государственный университет,
Южно-Сахалинск, Россия

ЭТАПЫ И ОСОБЕННОСТИ ЗАСЕЛЕНИЯ ОСТРОВНОГО МИРА СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ НА РУБЕЖЕ ПЛЕЙСТОЦЕНА – ГОЛОЦЕНА (13–8 ТЫС. Л. Н.)

Аннотация. Данная работа посвящена хронологии и этапному содержанию процесса заселения островных территорий Северо-Восточной Азии в период 13–8 тыс. л. н. На основе анализа археологических источников выделены этапы и содержание данного процесса с точки зрения анализа технокомплексов, имеющих культурно значимый характер на фоне процесса неолитизации культур островного мира.

Ключевые слова: остров Сахалин, Курильские острова, Хоккайдо, начальный и ранний неолит, рубеж плейстоцена – голоцена

Особое место в изучении каменного века островных территорий северо-востока Азии занимает период рубежа плейстоцена – голоцена. Данный период характеризуется глобальными климатическими изменениями, вызвавшими глубокую трансформацию ландшафтов и экосистем, выразившуюся в переходе от плейстоценовой полуостровной суши в рамках Сахалина-Хоккайдско-Курильского (далее – СХК) палеополуострова к обособлению островов Японского и Охотского морей в голоцене. Изучение плейстоценового заселения палеополуострова СХК рассмотрено в ряде обобщающих исследований [Голубев, Лавров 1988; Василевский, 2008; Vasilevski, Grishchenko, 2022], в результате в научный оборот введены позднепалеолитические стоянки Сахалина – Сокол, Огоньки 5, Олимпия 5. При этом рубеж плейстоцена – голоцена в хронологическом интервале 13–8 тыс. л. н. (кал.) оставался «белым пятном», выражавшемся в отсутствии археологических

© Грищенко В. А., 2025

комплексов, заполняющих этот временной отрезок. Таким образом, в изучении каменного века островного мира к настоящему времени сложилась ситуация, при которой процесс заселения островов в эпоху последнего ледникового максимума (LGM) подтвержден достоверными источниками. Период 13–8 тыс. лет – это время обособления островной суши в рамках глобального потепления раннего голоцена, тенденция к которому прерывается несколькими похолоданиями, из которых самыми глубокими были похолодания «молодого дриаса» во всей его динамике (13–12 тыс. л. н.), похолодание между «предбореалом» и «бореалом» (около 11,5 тыс. л. н.) и «похолодание 8,2 тыс. л. н.». В этих меняющихся условиях мы наблюдаем развитие культур каменного века с устойчивой тенденцией к неолитизации на сопредельных территориях палео СХК – на севере острова Хонсю, юге Хоккайдо и в Приамурье. Новые данные, полученные в результате раскопок на островах Сахалин и Итуруп, позволяют обоснованно закрыть временной пробел в 13–8 тыс. л. н. материалами культуры длинных могил острова Итуруп [Грищенко. Пашенцев, Василевский, 2022] и стоянок Долинск 17, Такое 4 на юге Сахалина. В инвентаре данных стоянок присутствуют отчетливые признаки неолитизации, такие как шлифованные тёсла и керамика. Имеются и региональные отличия: так, индустрия культуры длинных могил Итурупа не несет следов пластинчатого расщепления, синхронный ей инвентарь сахалинских начально неолитических комплексов содержит клиновидные нуклеусы, являющиеся признаком микропластинчатого расщепления, а также орудия на длинных, средних и малых пластинах. Таким образом, несмотря на относительную немногочисленность изученных памятников начального неолита, мы можем констатировать присутствие двух зон: бифасиально-отщеповой на южных Курилах и пластинчато-бифасиальной на южном Сахалине. Таким образом, первым этапом постледникового заселения островов предлагаем считать начально неолитический этап, характеризующийся вариабельностью стратегий расщепления (пластинчатой и бифасиально-отщеповой), при этом отмечаем отсутствие следов предшествующей и доминирующей в СХК техники пластинчатого микрорасщепления Хиросато, но вместе с тем и отмечаем присутствие микропластинчатого расщепления на основе редукции клиновидного нуклеуса. А также важным элементом материальной культуры данных комплексов являются отчетливые признаки неолитизации в виде шлифовки орудий деревообработки (тёсел) и керамики. К этим же выявленным на островах признакам неолитизации следует отнести наличие полуподземных жилищ, водных средств транспорта и ритуально-символическую деятельность.

Следующий этап – проникновение на Сахалин и Хоккайдо с севера культуры наконечников на пластинах (далее – КНП) 9 тыс. л. н. КНП содержит новый для островов технокомплекс пластинчатого параллельного расщепления на основе редукции конического нуклеуса, использования длинных, средних и малых пластин и бифасиальных орудий при отсутствии микропластинчатого расщепления и клиновидных нуклеусов. Шлифованные тёсла, керамика, полуподземные жилища, понимаемые нами как признаки неолитизации, также присутствуют в материалах этой культуры. КНП проникает из нижнего Приамурья и северного Сахалина до юга Хоккайдо и самого севера острова Хонсю, имеет следы реверсивного движения в зоне северного Хоккайдо – южного Сахалина, что отражается, например, в материалах стоянок Юбецу Ичикава (Хоккайдо) и Славная 5 (Сахалин). Выделяется три хронологических фазы данной культуры [Грищенко, 2024], во второй и третьей фазах 8–7,2 КНП сосуществует на Сахалине с культурами иной технологической и сырьевой ориентации. Материалы археологических комплексов Левый ручей 2, Октябрьское 1, сосуществующих параллельно с КНП, характеризуются отказом от технологии пластинчатого расщепления и обсидианового сырья в пользу бифасиально-отщепового технокомплекса, основанного на редукции дисковидных

нуклеусов. При этом вышеобозначенные тенденции неолитизации неизменно сохраняются и углубляются. Это этап развития раннеголоценовых культур островного мира, проходивший на фоне похолодания 8,2 тыс. л. н. и последующего потепления. Этап завершается рубежом VII–VI тыс. л. до н. э. (7900–7800 л. н. кал.) с расцветом голоценовых неолитических культур ЮСНК-Сони на Сахалине и культур раннего Дзёмона на Хоккайдо и Курильских островах.

Таким образом, в период 13–8 тыс. лет назад на островных территориях Северо-Восточной Азии на фоне глобального голоценового потепления и перехода от полуостровной в рамках Сахалино-Хоккайдско-Курильского полуострова к островной в современных очертаниях суши наблюдается развитие культур с неолитическими инновациями в инвентаре и различными технокомплексами расщепления, смена которых имеет, по-видимому, не этапный или адаптационный характер, а выступает культурно-значимым признаком.

Список истчоников

Василевский А. А. Каменный век острова Сахалин. Южно-Сахалинск: Сахалин. кн. изд-во, 2008. 411 с.

Голубев В. А., Лавров Е. Л. Сахалин в эпоху камня. Новосибирск: Наука, 1988. 240 с.

Грищенко В. А. Три фазы культуры наконечников на пластинах и процессы неолитизации острова Сахалин в условиях климатических флуктуаций конца бореала – начала атлантика // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2024. № 2 (68). С. 30–41.

Грищенко В. А., Пашенцев П. А., Василевский А. А. Начальный неолит Курильских островов: культура длинных могил // Археология, этнография и антропология Евразии. 2022. Т. 50, № 2. С. 3–12.

Vasilevski A., Grishchenko V. Stone Age People in the Insular World: Stability and Migrations on Sakhalin, Hokkaido and the Kuril Islands. // Maritime Prehistory of Northeast Asia. The Archaeology of Asia-Pacific Navigation. Vol. 6. Springer, Singapore. P. 125–154.

Д. А. Демаков[1], Е. Л. Лычагина[2], Е. М. Томилина[3]
[1,2,3] Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь, Россия
[2,3] Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия

ПЕТРОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КАМЕННОГО ИНВЕНТАРЯ С МЕЗОЛИТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ВЕРХНЕГО И СРЕДНЕГО ПРИКАМЬЯ

Аннотация. Проведен петрографический анализ 43 образцов каменного инвентаря с 7 мезолитических памятников Верхнего и Среднего Прикамья. Для всех памятников характерно преобладание изделий из кремня и яшмы. Крупные рубящие орудия изготавливались из песчаника, алевролитов и кварцитопесчаников. Различий в сырье между памятниками Верхнего и Среднего Прикамья не выявлено.

Ключевые слова: мезолит, петрографический анализ, Прикамье, кремень, яшма

Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 23-68-10023, https://rscf.ru/project/23-68-10023.

Район исследований включает верхнее и среднее течение р. Камы в границах Пермского края, а также бассейны всех её крупных притоков. Здесь в мезолите обитало население, оставившее памятники камской мезолитической культуры, датируемой в пределах второй половины IX –

© Демаков Д. А., Лычагина Е. Л., Томилина Е. М., 2025

второй половины VII тыс. до н. э. [Лычагина, 2022, с. 35].

В качестве материалов для исследования использовались артефакты с 7 мезолитических памятников, расположенных в Верхнем и Среднем Прикамье (рис. 1): стоянки Коса I (5 образцов), Коса II (5 образцов), Коса III (8 образцов), Чашкинское Озеро X (5 образцов), Чашкинское Озеро XI (3 образца); поселения Камо-Жулановка IV (10 образцов) и Ольховка (7 образцов).

Косинские стоянки (Коса I–III) расположены в долинах р. Коса и Лолог (Верхнее Прикамье). Памятники открыты в 1963 г. В. П. Денисовым, изучались в 1963, 2018–2022 гг. Со стоянок получены представительные коллекции каменного инвентаря. Памятники отражают поздний этап существования камской мезолитической культуры [Косинские мезолитические стоянки…, 2023]. Результаты петрографического анализа ранее были опубликованы [Итоги петрографического анализа…, 2024].

Стоянки Чашкинское озеро X–XI находятся на берегах Чашкинского старичного образования в левобережье р. Камы (Верхнее Прикамье). Памятники изучались в 2016–2017 гг. Они относятся к развитому этапу камской мезолитической культуры: Чашкинское озеро X является кремнеобрабатывающей мастерской, Чашкинское озеро XI – кратковременной стоянкой охотников [Митрошин, Лычагина, 2018, с. 51–53].

Поселения Камо-Жулановка IV и Ольховка расположены на правом берегу р. Камы, представленной здесь Воткинским водохранилищем (Среднее Прикамье). Археологические работы 2023–2024 гг. на поселении Камо-Жулановка IV показали, что оно относится к развитому этапу камской мезолитической культуры, представляет собой кратковременную стоянку охотников.

Петрографический анализ материалов стоянок Коса II–III, Чашкинское Озеро X–XI, части материалов поселений Камо-Жулановка IV, Ольховка проводился М. А. Кульковой в ЦКП «Геоэкология» РГГУ им. Герцена (Санкт-Петербург) в шлифах с использованием поляризационного микроскопа Leica DM4500 P. Образцы со стоянки Коса I, часть предметов с поселений Камо-Жулановка IV, Ольховка проанализированы Е. М. Томилиной на поляризационном микроскопе Olympus BX51 (Япония) в ЦКП ПГНИУ. Итоги анализа представлены в табл. 1.

Для всех памятников, вне зависимости от их расположения, типа и возраста, характерно преобладание изделий из кремня и яшмы. При изготовлении крупных рубящих орудий использовались песчаники, алевролиты, кварцитопесчаники. Показательна схожесть материалов между север-

Таблица 1

Результаты петрографического анализа каменного сырья
с мезолитических памятников Верхнего и Среднего Прикамья

Памятник / Сырье	Коса I	Коса II	Коса III	Чашкинское Озеро X	Чашкинское Озеро XI	Камо-Жулановка IV	Ольховка	Всего
Кремень	1	2	6	4	2	3	3	21
Яшма	2	3	2	–	1	2	4	14
Кремнистые сланцы	1	–	–	–	–	3	–	4
Песчаники и алевролиты	1	–	–	–	–	2	–	3
Кварцитопесчаники	–	–	–	1	–	–	–	1
Итого	5	5	8	5	3	10	7	43

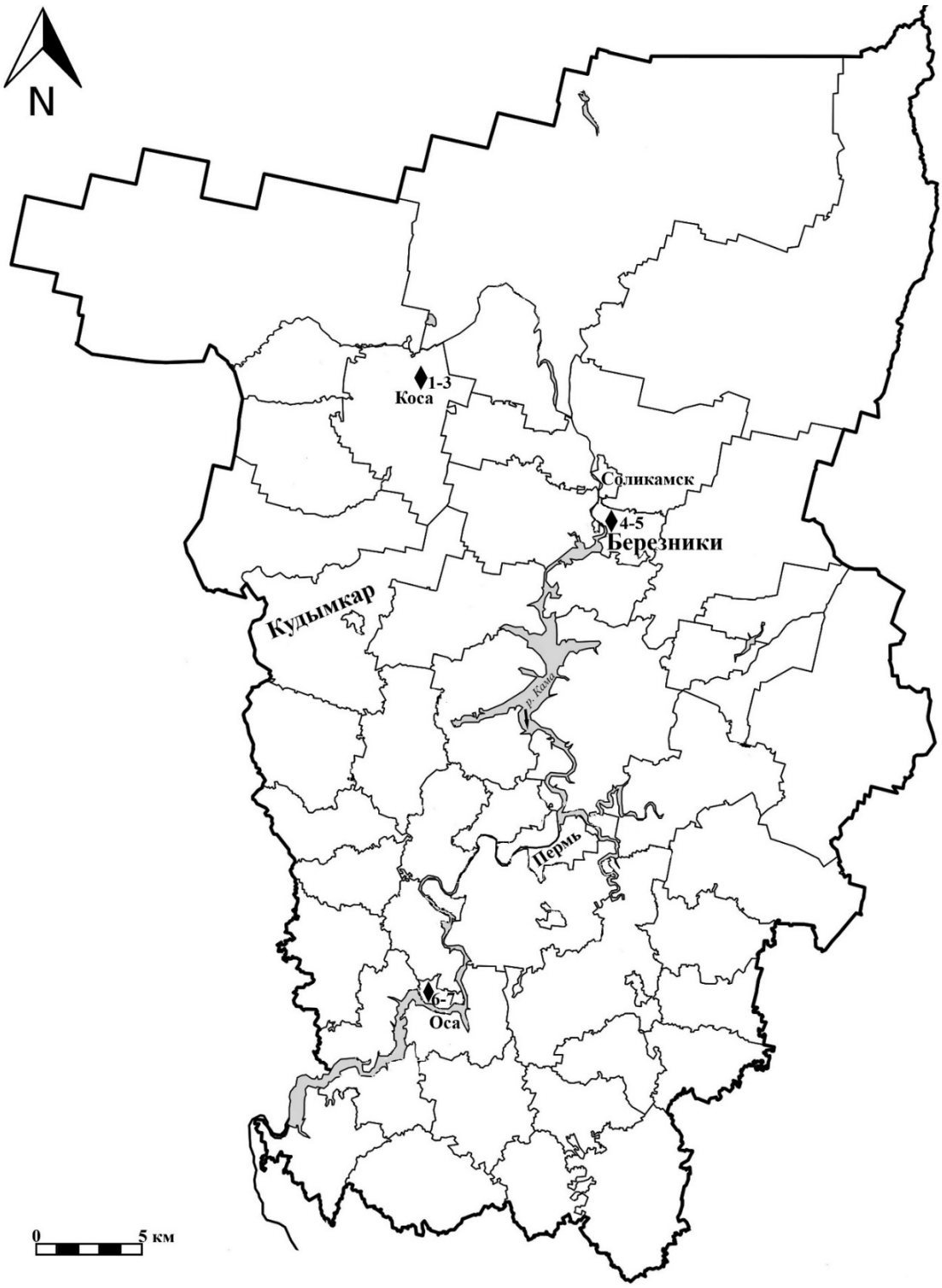

Рис. 1. Карта района исследований: *1* – Коса I, стоянка; *2* – Коса II, стоянка; *3* – Коса III, стоянка; *4* – Чашкинское Озеро X, стоянка; *5* – Чашкинское Озеро XI, стоянка; *6* – Камо-Жулановка IV, поселение; *7* – Ольховка, поселение

ными стоянками (Коса I–III) и поселениями, расположенными в южной части Среднего Прикамья (Камо-Жулановка IV, Ольховка). К особенностям сырья, которое применялось населением для изготовления орудий в мезолите, можно отнести его ограниченный набор и местное происхождение. Источниками сырья, как правило, выступали аллювиальные отложения в долинах рек (Кама, Коса и др.).

При сравнении с результатами петрографического анализа материалов неолитических памятников того же региона наблюдается схожая картина – преобладание изделий из кремня и яшмы при наличии значительной группы пред-

метов, изготовленных из кремнистого сланца. В то же время надо отметить большее разнообразие в сырье в период неолита за счет материалов, которые использовались для изготовления шлифованных и макроорудий – туфы, габбро, опоки [Лычагина, Томилина, 2024, с. 105–106].

Для энеолита района исследования также характерно использование пары – кремень-яшма при изготовлении основных видов режущих и скребущих орудий, а для производства шлифованных предметов – сланцев, долеритов и габбро [Лычагина, Копытов, Кулькова, 2023, с. 615].

Запланированное продолжение петрографического анализа материалов мезолитических памятников региона, возможно, позволит расширить полученную информацию.

Список источников

Итоги петрографического анализа каменного инвентаря Косинских стоянок эпохи мезолита (Северное Прикамье) / Е. Л. Лычагина, Д. А. Демаков, М. А. Кулькова, Е. М. Томилина, Н. С. Батуева // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2024. № 2 (65). С. 31–42.

Косинские мезолитические стоянки Верхнего Прикамья / Е. Л. Лычагина, Д. А. Демаков, Н. С. Батуева, Е. Г. Лаптева. Пермь: ПГГПУ, 2023. 161 с.

Лычагина Е. Л. Мезолит Среднего Предуралья // Очерки археологии Пермского Предуралья: учеб. пособие. Пермь: ПГГПУ, 2022. 2-е изд-е, испр. и доп. С. 33–50.

Лычагина Е. Л., Копытов С. В., Кулькова М. А. Результаты петрографического анализа каменного сырья с энеолитических памятников Верхней и Средней Камы // Прочнее меди: сб. статей к 80-летию В. А. Дергачева. Кишинэу: Stratum plus, 2023. С. 605–620.

Лычагина Е. Л., Томилина Е. М. Петрографический анализ каменного сырья с неолитических памятников Верхнего и Среднего Прикамья // Каменный век Волго-Камья и сопредельных территорий: мат-лы Всеросс. археол. науч. конф. с междунар. участием, приуроченной к 70-летнему юбилею А. А. Выборнова. Самара: ИИМК РАН, СГСПУ, 2024. С. 102–108.

Митрошин Е. Н., Лычагина Е. Л. Характеристика хозяйственных занятий населения Верхнего Прикамья в эпоху мезолита (по результатам трасологического анализа) // XXI Уральское археологическое совещание, посвящ. 85-летию со дня рождения Г. И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И. Б. Васильева. Самара: СГСПУ, 2018. С. 51–53.

А. С. Деревнина[1], С. А. Когай[2]

[1] Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, Новосибирск, Россия

[2] Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия

ФИНАЛЬНЫЙ ВЕРХНИЙ ПАЛЕОЛИТ КУЗНЕЦКОЙ КОТЛОВИНЫ ПО МАТЕРИАЛАМ ПОСЕЛЕНИЯ ТАЙЛЕП-2

Аннотация. В работе рассматриваются финальноверхнепалеолитические материалы поселения Тайлеп-2. Индустрия характеризуется преобладанием плоскостного принципа расщепления, отщеповой направленностью, доминированием в орудийном наборе скребков и долотовидных изделий, незначительным присутствием скрёбел и ножей. Технико-типологический облик комплекса коррелирует с афонтовским вариантом енисейского палеолита.

Ключевые слова: финальный верхний палеолит, Кузнецкая котловина, Тайлеп-2, афонтовская культура

Исследование выполнено при поддержке НИР № FWZG-2025-0012 «Закономерности распространения и источниковедческие аспекты сохранения объектов археологического наследия в условиях техногенных изменений ландшафтов Евразии»

Начиная с 60-х гг. XX в. в Кузнецкой котловине – Горной Шории – в результате разведочных работ и сборов экспонированного материала обнаружены десятки палеолитических памятников. Наиболее известные и изученные памятники – Иль-

© Деревнина А. С., Когай С. А., 2025

инка-2, Бедарево-2, Шорохово-1 – отнесены С. В. Маркиным к выделенной им бедаревской культуре [Маркин, 1986], характерными чертами которой исследователь называет единую сырьевую базу с преобладанием кремнистых пород, общую технику первичного расщепления, основанную на принципе параллельного снятия и направленную на получение пластинчатых заготовок, сходные приёмы вторичной обработки (преобладание дорсальной ретуши, редкое применение подтёски) и сходный как категориально, так и типологически набор орудий.

В XXI в. на территории Кузнецкой котловины – Горной Шории – продолжается активное хозяйственное освоение земель. В регионе на данный момент обнаружено более 50 местонахождений каменного века, потенциально перспективных для изучения. Но крупные площадные раскопки – редкость для археологии региона последних лет. В связи с чем поселение Тайлеп-2, чья площадь раскопочными работами изучена полностью, где зафиксированы культурные горизонты, проведена планиграфическая фиксация каждого артефакта и последующие камеральные исследования, становится одним из немногих новых целостно исследованных палеолитических памятников Кузбасса.

Поселение Тайлеп-2 находится на возвышенной равнине увалистого рельефа в интервале высот от 210 до 519 м в юго-западной оконечности Кузнецкой котловины, на месте схождения границ Салаирского кряжа, Горной Шории и Кузнецкого Алатау на полого-наклонной поверхности I надпойменной террасы р. Кондомы [Результаты спасательных…, 2020].

Четырём выделенным на памятнике литостратиграфическим подразделениям принадлежат три культурных горизонта: раннего железного века – этнографической современности; мезолита – раннего неолита и финального верхнего палеолита.

Финальноверхнепалеолитический культурный горизонт поселения Тайлеп-2 приурочен к кровельной части четвёртого литологического слоя.

Коллекцию каменных артефактов третьего культурного горизонта составляют 10 755 экз.: 105 нуклеусов и их преформ, 3 605 сколов (отщепов, пластин, пластинок), 722 орудия, 12 инструментов (отбойников, наковален) и 6 311 экз. отходов каменного производства (обломков, осколков, чешуек и колотых галек).

Каменное производство финальноверхнепалеолитического культурного горизонта поселения Тайлеп-2 характеризуется призматическим и плоскостным принципами расщепления, по большей части с одноплощадочных монофронтальных нуклеусов. Сырьевая база сформирована местным галечником из руслового аллювия, представленным в основном кремнистыми породами низкого качества, вследствие чего планировавшиеся в контексте призматического расщепления пластины и пластинки, вероятно, разрушались, заламывались и в дальнейшем практически не использовались в качестве заготовок. Отщеповые снятия послужили основой для наиболее представительных категорий орудий – скребков и долотовидных изделий, что объясняет доминирование плоскостных нуклеусов в коллекции. Древнее население стоянки Тайлеп-2 явно обладало навыками скалывания пластинчатых заготовок, но, возможно, вынуждено было довольствоваться по большей части отщеповыми, что и определило облик каменной индустрии комплекса [Деревнина, 2023].

В орудийной коллекции выделяются скребки различных модификаций (концевые, боковые, с лезвием на ½, ¾ периметра и полный периметр, альтернативные, двойные концевые и двойные боковые), одно-, двух-, трёх- и четырёхлезвийные долотовидные изделия, комбинированные орудия, скрёбла, ножи, ретушированная пластина, рубящее орудие, а также неформальные орудия: отщепы, пластины и пластинка с эпизодической ретушью. Среди приёмов вторичной обработки доминирует ретушь различных форм и степени влияния на конечный облик заготовки. Значительное преобладание среди орудий скребков и долотовидных изделий типично для финального верхнего палеолита Сибири. Вкупе с малой представительностью скрёбел и ножей это указыва-

ет на переход древних обитателей Кузнецкой котловины от использования крупных ручных орудий к более мелким и стандартизованным, зачастую вкладышевым [Деревнина, 2024а].

Анализ планиграфического распределения артефактов выявил девять скоплений археологического материала на площади памятника. На основе их исследования было выделено три типа пространственных структур: зоны активного долговременного хозяйствования, кратковременного либо ситуативного пользования и рекреационные зоны, что, вкупе с технико-типологическим обликом индустрии, дало основание предполагать функциональную направленность Тайлепа-2 как долговременной стоянки [Деревнина, 2024б].

На сопредельных территориях наиболее изучен финальный верхний палеолит Енисея, где выделено два индустриальных варианта, существовавших во время сартанского стадиала: афонтовский и кокоревский [Абрамова, 1979а, б].

З. А. Абрамова выделяет следующие характерные черты поселений, принадлежащих афонтовской культуре [Абрамова, 1979а]:

– наличие в коллекциях нуклеусов двух групп: для получения пластин и отщепов, изготовленных из более или менее крупных галек (т. н. галечных нуклеусов), и для получения микропластинок;

– преобладание заготовок отщеповых пропорций, малое представительство пластин и пластинок с ретушью;

– преобладание в орудийной коллекции разнообразных скрёбел, изготовленных на отщепах, – всего выделено 20 типов;

– практически полное отсутствие в орудийной коллекции типичных резцов и остроконечников;

– преобладание в коллекциях скребков, изготовленных на отщепах;

– наличие микроскребков;

– значительная доля (15 % орудийной коллекции) долотовидных изделий с одним или двумя лезвиями, изготовленных на отщепах;

– наличие проколок, в т. ч. из микропластинок.

Несмотря на то, что территориально наиболее близки к Тайлепу-2 памятники бедаревской культуры, по облику индустрии схожей с кокоревским вариантом енисейского палеолита [Маркин, 1986], итоговая характеристика комплекса Тайлеп-2 тяготеет к афонтовскому варианту. Ключевые сходства прослеживаются в отщеповой направленности коллекций, преобладании в орудийном наборе скребков и долотовидных изделий на отщепах, отсутствии (в случае Тайлепа-2) или единичном присутствии (в случае афонтовских комплексов) резцов и остроконечников. Стоит отметить, впрочем, и отличия индустрии Тайлепа-2 от афонтовских памятников. Это малое количество среди орудий скрёбел (2 % от орудийной коллекции в Тайлепе-2 против 42 % в группе памятников афонтовской культуры), отсутствие в Тайлепе-2 проколок, микронуклеусов и микропластин.

Таким образом, на данный момент финальноверхнепалеолитический комплекс Тайлепа-2 является самым западным проявлением индустриального варианта афонтовской культуры; восточная граница определяется стоянкой Ирба-2 в Красноярском крае [Стоянка финального палеолита…, 2018].

Список источников

Абрамова З. А. Палеолит Енисея. Афонтовская культура. Новосибирск, 1979а. 156 с.

Абрамова З. А. Палеолит Енисея. Кокоревская культура. Новосибирск, 1979б. 199 с.

Деревнина А. С. Орудийная коллекция из культурного горизонта финального верхнего палеолита поселения Тайлеп-2 (Кузнецкая котловина) // Актуальная археология 7. СПб.: Изд-во ИИМК РАН, 2024а. С. 30–33.

Деревнина А. С. Первичное расщепление финальноверхнепалеолитического культурного горизонта поселения Тайлеп-2 (Кузнецкая котловина) // Мат. LXIV Рос. археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых. (с междунар. участием). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2023. С. 15–17.

Деревнина А. С. Планиграфический анализ финальноверхнепалеолитического культурного горизонта поселения Тайлеп-2 (Кузнецкая котловина) // Мат. LXIV Рос. археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых. (с междунар. участием). Чита: Изд-во ЗабГУ, 2024б. С. 23–25.

Маркин С. В. Палеолитические памятники бассейна реки Томи. Новосибирск: Наука, 1986. 176 с.

Результаты спасательных археологических работ на поселениях Тайлеп-1 и Тайлеп-2 в Новокузнецком районе Кемеровской области – Кузбасса в 2020 году / А. А. Тимощенко, Д. А. Бычков, В. В. Ахметов, Г. Д. Павленок, С. А. Когай, О. В. Белан, А. А. Дудко, А. В. Веретенников // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2020. Т. 26. С. 937–943.

Стоянка финального палеолита Ирба 2 в предгорьях Саян (предварительные итоги исследований) / А. В. Поляков, П. Б. Амзараков, С. А. Васильев, Ю. В. Рыжов, Т. В. Корнева, Т. В. Сапелко, Г. Ф. Барышников, Н. Д. Бурова, Е. Ю. Гиря, Г. Ю. Ямских // Stratum Plus. Археология и культурная антропология. 2018. № 1. С. 383–401.

А. С. Деревнина[1], М. Б. Козликин[2]
[1,2] Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия
[1] Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, Новосибирск, Россия

ДРЕВНЕЙШИЕ ЛЕВАЛЛУАЗСКИЕ ОСТРИЯ В СРЕДНЕМ ПАЛЕОЛИТЕ АЛТАЯ

Аннотация. Характерным компонентом среднепалеолитических комплексов Алтая являются леваллуазские изделия. Наиболее ранние свидетельства устойчивого использования этой технологии в каменном производстве фиксируются в индустриях Денисовой пещеры начиная с эпохи МИС 6. В работе рассматриваются острия слоёв 13–11.3 восточной галереи как продукт типичного леваллуазского конвергентного однонаправленного метода.

Ключевые слова: Алтай, Денисова пещера, средний палеолит, леваллуазский метод, острия

Исследование выполнено при поддержке РНФ, проект № 24-18-00069.

Одной из составляющих среднепалеолитических индустрий Горного Алтая, как и комплексов Северной и Центральной Азии в целом, является леваллуазский компонент, доля которого в коллекциях разных памятников варьирует [Деревянко, Шуньков, 2002]. Наиболее выразительно леваллуазские традиции отражены в материалах алтайских стоянок карабомовского индустриального варианта: Кара-Бом, Усть-Каракол, Ануй-3 и Усть-Канская пещера [Шуньков, 2020], среднепалеолитические комплексы которых связаны с первой половиной верхнего плейстоцена.

Самая протяженная культурно-хронологическая последовательность среднего палеолита изучена в Денисовой пещере на северо-западе Алтая [Деревянко, Шуньков, Козликин, 2020]. Устойчивое использование леваллуазского метода, направленного на получение отщепов, пластин и острий, в индустриях пещеры фиксируется с эпохи МИС 6. Наиболее представительные коллекции происходят из слоёв 13–11.3 в восточной галерее, время накопления которых охватывает интервал от 156±15 до 70±8 тыс. л. н. [Там же].

В количественном отношении леваллуазские изделия не оказали существенного влияния на облик индустрий Денисовой пещеры, основанных преимущественно на параллельном и радиальном раскалывании. Вместе с тем леваллуазские нуклеусы разных типов и продукты их расщепления регулярно представлены в коллекциях. Лучше всего этот компонент иллюстрируют остроконечники, древнейший из которых найден в слое 13. Атипичное изделие характеризуется *Y*-образной огранкой дорсала с негативом предыдущего треугольного снятия, оформленной крупными сколами

© Деревнина А. С., Козликин М. Б., 2025

срединно-выпуклой остаточной ударной площадкой. Из-за смещения оси скалывания левее траектории, необходимой для снятия симметричной треугольной заготовки, скол имеет неправильные очертания.

Острия из слоя 12 представлены серией целых и фрагментированных изделий. Имеются как классические формы с конвергентной *Y*-образной однонаправленной (в большинстве случаев) огранкой (рис. 1, *1*), так и параллельно ограненные атипичные снятия со смещённой осью скалывания (рис. 1, *2*). В двух случаях на дорсале отмечены одиночные негативы встречных снятий дистальной подправки во время оформления нуклеуса (рис. 1, *3*). Ударные площадки, как правило, срединно-выпуклые, тщательно фасетированные или, реже, образованные несколькими крупными гранями, почти всегда с интенсивной обратной редукцией. Впрочем, стоит отметить и отклонения от типичной морфологии – это, в первую очередь, асимметрия площадок относительно срединной оси острия, а также наличие на одном из предметов слабовыпуклой ударной площадки.

На изделиях из слоя 11.4 преобладает конвергентная однонаправленная огранка с *Y*-образным оформлением дорсала, в ряде случаев с отдельными негативами сколов дистальной подправки (рис. 1, *4–5*). Атипичные формы обусловлены отклонением оси скалывания. Такие сколы по морфологии близки пластинам; на одном из них отсутствует характерный треугольный негатив первого снятия. Ударные площадки – срединно-выпуклые, многогранные или тщательно фасетированные, всегда с интенсивной обратной редукцией карниза.

Среди остроконечников из слоя 11.3 лишь один образец обладает соразмерными пропорциями, остальные – удлиненные, вплоть до параметров пластины; в большинстве случаев со смещенной осью скалывания. Огранка дорсальной поверхности преимущественно конвергентная одно- или бинаправленная. На атипичных формах конвергенция слабо выражена. Нередко имеются негативы с заломами, законченные снятия повторяют удлинённую морфологию острия (рис. 1, *6*). Особенностью оформления срединно-выпуклых, тщательно фасетированных остаточных ударных площадок является сочетание обратной и прямой редукции карниза.

Таким образом, леваллуазские острия из среднепалеолитических комплексов восточной галереи в целом демонстрируют однородность технологического подхода – преимущественно конвергентную *Y*-образную огранку, тщательное оформление срединно-выпуклой ударной площадки с использованием обратной редукции, а также стремление к определенной стандартизации и сохранению характерной симметрии и соразмерности. Последнее особенно актуально для материалов ранней и средней стадий среднего палеолита из слоев 13–11.4. В коллекции заключительной стадии среднего палеолита из слоя 11.3 наблюдается тенденция к удлинению пропорций остроконечников, использованию прямой редукции для подправки карниза площадки, что получит свое дальнейшее развитие в индустриях начального верхнего палеолита.

В целом рассмотренные острия в большинстве своем являются продуктами типичного леваллуазского конвергентного однонаправленного расщепления, к основным регионам распространения которого в среднем и начальном верхнем палеолите относят территории Горного Алтая, Среднего Енисея и Центральной Монголии [Рыбин, Славинский, 2015]. Дальнейшие исследования материалов Денисовой пещеры и других палеолитических стоянок Алтая позволят обнаружить региональную и хронологическую вариабельность этой специализированной технологии.

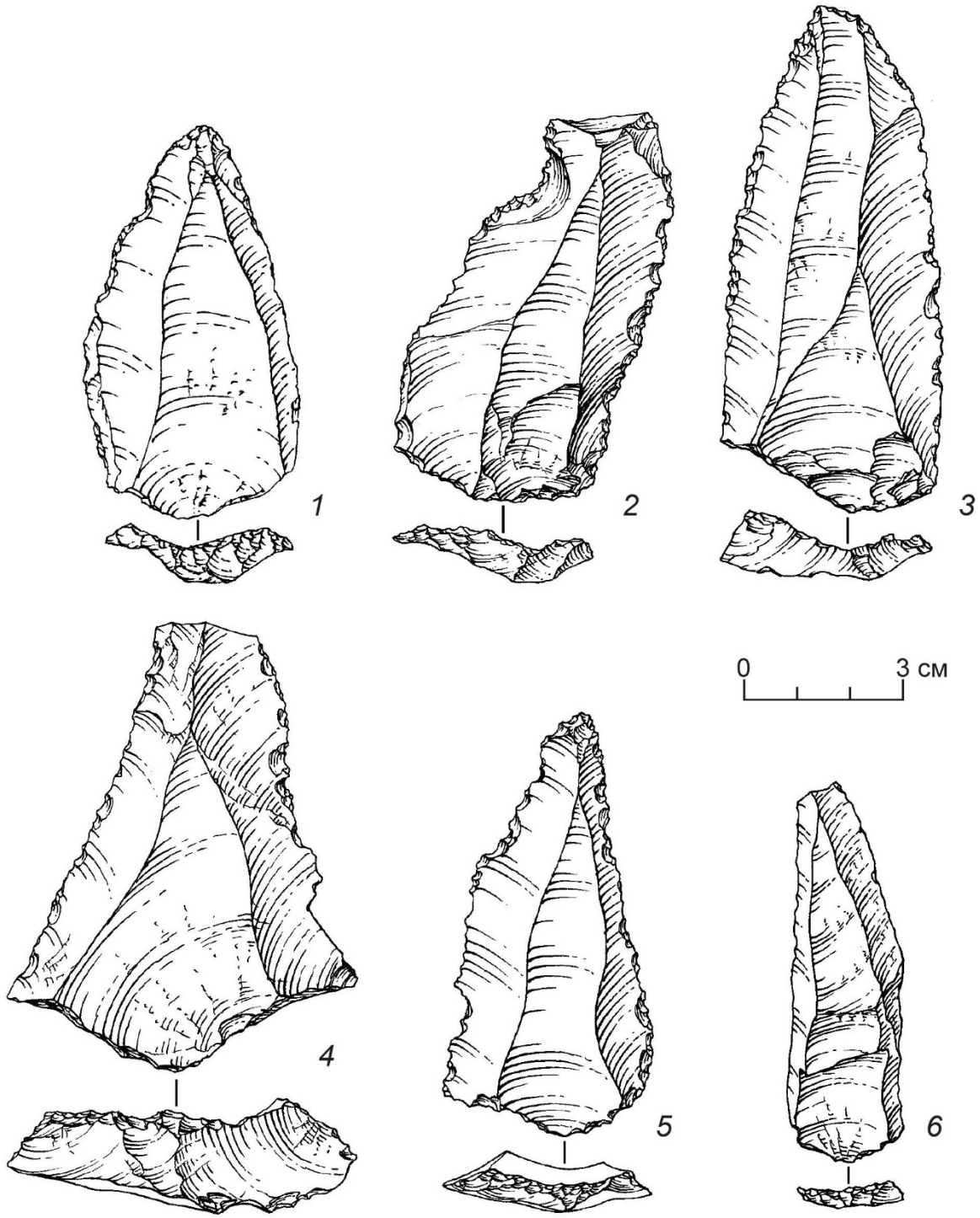

Рис. 1. Леваллуазские острия из слоев 12 (*1–3*), 11.4 (*4, 5*) и 11.3 (*6*) в восточной галерее Денисовой пещеры

Список источников

Деревянко А. П., Шуньков М. В. Индустрии с листовидными бифасами в среднем палеолите Горного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2002. № 1. С. 16–42.

Деревянко А. П., Шуньков М. В., Козликин М.Б. Кто такие денисовцы? // Археология, этнография и антропология Евразии. 2020. № 3. С. 3–32.

Рыбин Е. П., Славинский В. С. Леваллуазская конвергентная однонаправленная типичная технология в Южной Сибири и северной части Центральной Азии: вариабельность, распространение и хронология // Stratum plus. Археология и культурная антропология. № 1. 2015. С. 285–307.

Шуньков М. В. Развитие среднепалеолитических традиций на Алтае // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда. Самара: СГСПУ, 2020. Т. I. С. 112–113.

В. Б. Дороничев, Л. В. Голованова, Е. В. Дороничева
АНО «Лаборатория доистории»,
Санкт-Петербург, Россия

КУЛЬТУРНАЯ ВАРИАБЕЛЬНОСТЬ ПОПУЛЯЦИЙ НЕАНДЕРТАЛЬЦЕВ СРЕДНЕГО ПАЛЕОЛИТА НА КАВКАЗЕ

Аннотация. Индустрии, связанные с микоком Европы, мустье Леванта и загросским мустье Загроса, указывают, что в среднем палеолите (ок. 210–40 тыс. л. н.) Кавказ заселялся разнокультурными популяциями неандертальцев из разных центров. Контакты между разными по культуре регионами свидетельствуют о сложении межпопуляционной социальной организации, существовавшей у неандертальцев Кавказа вплоть до их исчезновения.

Ключевые слова: средний палеолит, неандертальцы, культурная вариабельность, Кавказ

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ 24-18-00971.

Средний палеолит по количеству памятников (по разным оценкам от около 300 до более 400) является наиболее полно представленным периодом каменного века на Кавказе. На начало 2000-х гг. хронология и вариабельность комплексов среднего палеолита Кавказа были представлены в виде схемы (табл. 1), для которой дана корреляция с кислородно-изотопными стадиями (КИС) гренландской шкалы.

На Северо-Западном Кавказе почти все стратифицированные комплексы, которые ранее относились к разным типам мустьерской индустрии, в начале 2000-х гг. большинство специалистов стали определять в рамках восточного (восточноевропейского) микока (или группы кайлмессер). Особняком стоят комплексы нижних слоев пещеры Матузка, которые были датированы ранней порой среднего палеолита и определены как «архаичный средний палеолит».

На Юго-Западном Кавказе наиболее древняя индустрия среднего палеолита представлена кударо-джручульской группировкой. Для мустье джручульского типа [Голованова, Дороничев, 2003] было отмечено сходство с мустье типа хумма-лиен в Сирии и мустье типа Табун-D в Израиле. Радиометрические даты определяют ранне-среднепалеолитический возраст мустье джручульского типа.

Более поздние комплексы среднего палеолита в этом регионе на начало 2000-х гг. относились разными специалистами к нескольким локальным группам и типам индустрии, включая мустье цуцхватского типа, мустье хостинского типа, мустье цхалцительского типа и мустье цхинвальского типа. Уровень сходства комплексов хостинской и цхалцительской групп позволяет объединить их в рамках мустье хостинского типа [Голованова, Дороничев 2003, 2005].

Все известные к началу 2000-х на Малом Кавказе в Азербайджане и Армянском нагорье в Армении комплексы среднего палеолита мы предложили отнести к загросскому мустье [Голованова, Дороничев 2003, 2005]. Были выделены ранний (ереванский, по материалам пещеры Ереван 1 в Армении) и поздний (тагларский, по материалам пещеры Таглар в Азербайджане) типы индустрии, и определена еревано-тагларская линия развития, которая связала ранний и поздний этапы развития загросского мустье этого региона.

Новый синтез данных по среднему палеолиту Кавказа был предложен в работе [Gasparyan, Glauberman, 2022]. Авторы обозначили девять основных культурно-специфичных групп памятников среднего палеолита в кавказском регионе, включая «северокавказский микок» на северо-западном Кавказе; «левантийское мустье», представленное джручула-кударской группой; и «загросское мустье», представленное еревано-тагларской группой. Важным итогом этой работы стало подтверждение определенной нами ранее

© Дороничев В. Б., Голованова Л. В., Дороничева Е. В., 2025

Таблица 1

Культурно-хронологическая схема среднего палеолита Кавказа на 2000-е гг., по [Golovanova, Doronichev, 2003; Голованова, Дороничев, 2003, 2005]

КИС	Возраст, тыс. л. н. (т. л. н.)	Северо-Западный Кавказ	Юго-Западный Кавказ	Малый Кавказ, включая Армянское нагорье
3	30–60	**мустье хостинского типа** Матузка слои, 3B, 4A **восточный микок** Матузка слои, 4B, 4C Мезмайская, сл. 2, 2A, 2B1–2B4, 3 Баракаевская, слой 3 Монашеская, слои 2–4 Ильская 1, верхние слои; 47±2 т. л. н. (U-серия) Губский 1, слои 5–7	**мустье хостинского типа** М.Воронцовская, слои 2–4 Навалишенская, слои 3–5 Ахштырская, сл. 3/1, 3/2, 5, 6 Сакажия слои, 3a–3d Мачагуа **мустье цуцхватского типа** Бронзовая, слой I Ортвала Клде, слои IV–X	**загросское мустье** Таглар, сл. 2, 3, 4a, 4b, 5, 6 Лусакерт 1, слой C1 Дашсалахли Ереван 1, слои 1–4
4	60–75	**«архаичный средний палеолит»** Матузка, слой 5	**мустье цуцхватского типа** Бронзовая слои II–V **мустье джручульского типа** Кударо 1, слои 3a–3c Кударо 3, слои 3a–3e; 65±5 т. л. н. (U-серия) Джручула, слой 1, верх. гор–ты	**загросское мустье** Ереван 1, слои 5–7
5a–5d	75–115	**«архаичный средний палеолит»** Матузка, слои 5B, 6	**мустье джручульского типа** Кударо 1, слой 4; 110±10 т. л. н. (U-серия) Кударо 3, слои 4a–4f; 96±24 т. л. н. (РТЛ); 110±10 т. л. н. (U-серия) Джручула, сл. 1, ниж. г., сл. 2	
5e	115–130	**«архаичный средний палеолит»** Матузка слой 7 **восточный микок** Ильская 1, нижний слой, 135±25 т. л. н. (U-серия)	**мустье джручульского типа** Цона, слои 5, 5a	Азых слой III смешанный комплекс, с вкл. **загросского мустье**

культурной связи популяций неандертальцев среднего палеолита на Кавказе минимум с тремя центрами: Русская равнина, Левант и Загрос.

Современные данные (табл. 2) подтверждают вывод [Голованова, Дороничев, 2005, с. 55] о существовании трех основных культурных ареалов в среднем палеолите Кавказа:

1. Ареал восточного микока на северо-западном Кавказе, который является частью микокского комплекса в Восточной и Центральной Европе.

2. «Конгломеративный» ареал на юго-западном Кавказе включает субареалы по крайней мере двух типов индустрии, мустье джручульского типа в восточной части этого региона и мустье хостинского типа в его западной части.

3. Ареал загросского мустье на Малом Кавказе, Армянском нагорье и в Загросе, который доходит до бассейна р. Терек на Северном Кавказе.

Радиометрические даты определяют время появления комплексов среднего палеолита на Кавказе во время КИС 7 (табл. 2), примерно на 100 тыс. лет раньше, чем считалось ранее (табл. 1). Сейчас могут быть выделены две фазы развития среднего палеолита на Кавказе (табл. 2): ранний средний палеолит (КИС 7 – КИС 5) и поздний средний палеолит (КИС 4 – КИС 3). Естественным рубежом между ними является экологический кри-

Таблица 2

Культурно-хронологическая схема среднего палеолита Кавказа на 2020-е, по [Gasparyan, Glauberman, 2022; Archaeological evidence..., 2023]

КИС	Возраст, тыс. л. н. (т. л. н.)	Северо-Западный Кавказ	Юго-Западный Кавказ	Восточный Кавказ, Малый Кавказ, Армянское нагорье
3	30–60	**мустье хостинского типа** Матузка, слои 3В, 4А **восточный микок** Матузка, слои 4В, 4С Мезмайская, сл. 2, 2А, 2В1, 2В2 48–40 т. л. н. (^{14}С серия дат) 38±3, 40±2, 41±1 т. л. н. (ЭПР) Баракаевская, слой 3 Монашеская, слои 2–4 Ильская 1, верхние слои 37±2, 41±1 т. л. н. (^{14}С) 47±2 т. л. н. (U-серия) Губский 1, слои 5–7 Хаджох 2, слои 4А–4С 47±3, 49±3 т. л. н. (ОСЛ) Баранаха 4, слой 2–3 низ 61±6, 62±4, 63±5 (ОСЛ)	**мустье хостинского типа** М. Воронцовская, слои 2–4 Навалишенская, слои 3–5 Ахштырская, слои 3/1, 3/2 Сакажия, слои 3а–3d 41–37, 53–57, 63–55 т. л. н. (^{14}С серия дат) **мустье цуцхватского типа** Бронзовая, слои 1–5 Ортвале Клде, слои 5–7 43±1 т. л. н. (^{14}С) 46±4, 48±4, 59±7, 74±7 т. л. н.(ТЛ)	**загросское мустье** Баграташен 1, 38±2 т. л. н. (ОСЛ) Сарадж-Чуко, слой 3 41±3, 43±3 (ОСЛ) Тинит 1, гор. 1–11 43±0,5, 51±2 т. л. н. (^{14}С) Таглар, сл. 2, 3, 4а, 4b, 5, 6 Лусакерт, 1 слой С1 ~ 46 т. л. н. (ИКСЛ) Лусакерт 2 Ангехакот–1 Дашсалахли Ереван 1, слои 1–4 Барож 12, слои 3, 5 51±6, 60±6 (ИКСЛ) Сарадж–Чуко, слой 6А 49±3, 60±3 т. л. н. (ОСЛ)
4	60–75	**Восточный микок** Мезмайская, слой 2В3, 57±4, т. л. н. (ЭПР)	**мустье джручульского типа** Кударо 1, слои 3а–3с Кударо 3, слои 3а–3е; 65±5 т. л. н. (U-серия)	**загросское мустье** Ереван 1, слои 5–7
5a–5d	75–115	**восточный микок** Мезмайская, слои 2В4, 3 59±5, 68±5, 71±7 т. л. н. (ЭПР) ~ 90 т. л. н. (генетика) Средний Хаджох слой 2, 88±7 т. л. н. (ИКСЛ) Хаджох 2, слой 7 110±16, 111±9 т. л. н. (ОСЛ) Широкий Мыс, гор. 3 ~ 111 т. л. н. (ТЛ)	**мустье джручульского типа** Кударо 1, слой 4; 110±10 т. л. н. (U-серия) Кударо 3, слои 4а–4f; 96±24 т. л. н.(РТЛ); 110±10 т. л. н. (U-серия)	**загросское мустье** Пещера Ласок, слои 12–14 Сарадж-Чуко, слой 6В 78±7, 82±6, 92±5 т. л. н.(ОСЛ) Азых, слой III верх (сл. II) 100±7 т. л. н. (ЭПР)
			мустье хостинского типа Ахштырская, слой 5/2 112±22 т. л. н. (РТЛ)	**РСП/ загросское мустье** Дарвагчай Залив 4, слой 1с, 112±15 т. л. н. (ОСЛ)
5e	115–130	**восточный микок** Ильская 1, нижний слой 135±25 т. л. н. (U-серия)	**мустье джручульского типа** Цона, слои 5, 5а	**РСП/ загросское мустье** Дарвагчай Залив 1, слой 3, 120–100 т. л. н. (палеомаг.)
6	130–190	**РСП** Матузка, слой 4D 191±29 т. л. н. (ЭПР)	**мустье джручульского типа** Джручула, слой 1 ~ 140 т. л. н. (ТЛ)	**РСП** Пещера Ласок, слои 15–17
7	190–244	**РСП** Матузка, слой 5В, 196±16 т. л. н. (ЭПР)	**мустье джручульского типа** Джручула, слой 2 ~ 260–210 т. л. н. (ТЛ)	**РСП** Пещера Ласок, ~ 200 т. л. н. (Ar/Ar сл. 18) слои 19–21

зис раннего ледникового максимума (КИС 4, ок. 70–60 тыс. л. н.), когда заселение неандертальцами Кавказа снизилось до минимума. Многочисленность и территориальная стабильность комплексов основных типов мустьерской индустрии Кавказа в период позднего среднего палеолита (КИС 3; табл. 2), а также контакты, отмеченные между разными по культуре регионами [Gasparyan, Glauberman, 2022; Archaeological evidence..., 2023], свидетельствуют о сложении у неандертальцев на Кавказе устойчивой межпопуляционной социальной организации, которая существовала до конца среднего палеолита.

Список источников

Голованова Л. В., Дороничев В. Б. Средний палеолит Кавказа // Археологический Альманах. Вып. 13. 2003. С. 18–66.

Голованова Л. В., Дороничев В. Б. Экологические ниши и модели адаптации в среднем палеолите Кавказа // Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2005. Вып. 5. С. 3–72.

Archaeological evidence for two culture diverse Neanderthal populations in the North Caucasus and contacts between them / Doronicheva E. V., Golovanova L. V., Doronichev V. B., Kurbanov R. N. // PLoS ONE. V. 18(4). 2023. e0284093.

Gasparyan B., Glauberman P. Beyond European boundaries: Neanderthals in the Armenian Highlands and the Caucasus // Updating Neanderthals. Understanding Behavioural Complexity in the Late Middle Palaeolithic. 2022. P. 275−301.

Golovanova L., Doronichev V. The Middle Paleolithic of Caucasus. Journal of World Prehistory. 2003. V. 17(1). P. 71−140.

Е. В. Дороничева
АНО «Лаборатория доистории»,
Санкт-Петербург, Россия

НЕАНДЕРТАЛЬЦЫ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В СВЕТЕ НОВЕЙШИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Аннотация. Приводятся имеющиеся на сегодняшний день новые данные об эпохе среднего палеолита на Северном Кавказе, основанные на результатах междисциплинарных исследований последних лет, в том числе на новых памятниках (Кувинская пещера, грот Сарадж-Чуко). Большой акцент в докладе будет сделан на изучении мобильности древнего человека, культурных ареалах, хозяйственной специализации стоянок и появлении новых технологий в период среднего палеолита.

Ключевые слова: неандертальцы; средний палеолит; каменные индустрии; мобильность; Северный Кавказ

Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда 24-18-00971.

На Северном Кавказе в настоящее время известно более 100 памятников среднего палеолита, однако, стратифицированных стоянок – не более 15 [Любин, 1977; Анойкин, 2018; Динамика климата..., 2023]. Большая часть последних – это пещерные стоянки, стоянки открытого типа можно пересчитать по пальцам одной руки. Для восточного микока на Северо-Западном Кавказе, изученного лучше, установлено существование разных типов стоянок в пределах одного культурного ареала.

Если проанализировать распространение известных стоянок на карте, то можно отметить очевидную диспропорцию между западной и восточной частями Кавказа. Большая часть сохранившихся известных стоянок этого периода расположена на Северо-Западном Кавказе.

Среди пещерных стоянок, открытых за последние годы в этом регионе, следует, прежде всего, упомянуть Кувинскую пещеру – многослойный памятник, где представлены, в том числе отложения и верхнего, и среднего палеолита. Пещера расположена по левому борту Гамовской балки, в месте ее слияния с р. Кувой (долина р. Уруп, бассейн р. Кубани). Новые материалы слоя 5 дают интересные данные о заселении пещеры в эпоху среднего палеолита. Коллекция включает как предметы первичного расщепления, так и орудия. Анализ коллекции позволяет заключить, что древние люди занимались на стоянке как расщеплением сырья и изготовлением орудий, так и разделыванием охотничьей добычи. Из определимых костей в среднепалеолитическом слое 5 были определены кости горного тура, что

© Дороничева Е. В., 2025

предварительно позволяет предположить существование в этот период условий, близких к высокогорным.

Данные о продвижении загросского мустье на Северном Кавказе изучены на материалах грота Сарадж-Чуко в Приэльбрусье, открытого в 2016 г. [Archaeological evidence…, 2023]. Древние обитатели этого региона могли иметь связи с населением Северо-Западного Кавказа, в т. ч. организованные в рамках поставок экзотического для последних сырья – обсидиана, высоко ценившегося в древности.

Проведенное изучение кремневых и обсидиановых наконечников копий из Мезмайской пещеры (Северо-Западный Кавказ) и грота Сарадж-Чуко (Центральный Кавказ) показало [Functional characterization…, 2022], что древние люди использовали несколько разных источников битума с разным составом для крепления орудий в деревянные древки. Знание источников разных видов сырья, неотъемлемая часть стратегии жизнеобеспечения неандертальцев на Кавказе.

Изучение каменных сырьевых стратегий на стоянках восточного микока на Северо-Западном Кавказе показало, что стоянки неандертальцев были связаны с коренными месторождениями сырья (в первую очередь кремневого). Кроме местного сырья неандертальцы всегда использовали более качественное приносное сырье, которое транспортировалось ими на десятки километров в виде орудий и сколов-заготовок.

Проведенные в 2024 г. первые исследования источников кремня в Северо-Восточном Причерноморье позволили собрать новые данные, подтверждающие гипотезу о возможной миграции неандертальцев с Черноморского побережья на Северо-Западный Кавказ (пещера Матузка) в конце среднего палеолита.

Список источников

Анойкин А. А. Индустрии среднего палеолита в Приморском Дагестане во время Marine Isotope Stage 5: региональный контекст // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 7. С. 74–85.

Динамика климата и модели адаптаций в среднем и верхнем палеолите Северо-Западного Кавказа / Л. В. Голованова, В. Б. Дороничев, Е. В. Дороничева, С. А. Несмеянов, О. А. Воейкова, Е. И. Ревина, Г. Н. Поплевко, Ю. Н. Спасовский, М. А. Волков, Т. Ф. Трегуб, И. Г. Широбоков, В. А. Цельмович, А. В. Русаков, М. П. Лебедева, Ю. В. Симонова, Ю. В. Костина, А. А. Мурый, Р. Н. Курбанов. М.: DELIBRI, 2022 658 с.

Любин В. П. Мустьерские культуры Кавказа. Ленинград, 1977. 222 с.

Archaeological evidence for two culture diverse Neanderthal populations in the North Caucasus and contacts between them. / E. V. Doronicheva, L. V. Golovanova, V. B. Doronichev, R. N. Kurbanov // PLoS ONE. Vol. 18, No. 4. 2023. e0284093.

Functional characterization of Mousterian tools from the Caucasus using comprehensive use-wear and residue analysis / E. V. Doronicheva, L. V. Golovanova, J. V. Kostina, S. A. Legkov, G. N. Poplevko, E. I. Revina, O. Y. Rusakova, V. B. Doronichev // Nature: Scientific Reports. Vol. 12. 2022–17421.

Д. К. Еськова, С. Ю. Лев
Институт археологии РАН,
Москва, Россия

ПРОЦЕСС ОБУЧЕНИЯ РАСЩЕПЛЕНИЮ КАМНЯ В РАМКАХ КОСТЕНКОВСКО-АВДЕЕВСКОЙ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ СТОЯНКИ ЗАРАЙСК В)

Аннотация. В работе представлены результаты анализа коллекции каменного инвентаря стоянки костенковско-авдеевской культуры Зарайск В в рамках «метода отклонений», позволяющего выявлять материальные свидетельства процесса обучения расщеплению камня. Было выявлено, что все обнаруженные на стоянке преформы, значительная часть нуклеусов и существенная доля ножей костенковского типа могут быть связаны с различными этапами освоения технологии расщепления, включая начальные.

Ключевые слова: восточный граветт, технология расщепления камня, костенковско-авдеевская культура, ученичество

Исследование выполнено в рамках НИОКТР № 122011200271-7.

Современные экспериментальные исследования и наблюдения этноархеологов показывают, что для достижения мастерства в расщеплении камня и поддержания навыка на высоком уровне требуются годы практики [Roux, Bril, Dietrich, 1995; Stout, 2004; Bradley, Khreisheh, 2015, и др.]. В эпоху палеолита обработка камня была одной из ключевых сфер жизнеобеспечения человека, поэтому передача соответствующих умений от старшего поколения младшему, вероятно, носила широкий, если не повсеместный, характер. Особенность камня как материала заключается в необратимости процесса его обработки: каждая операция, успешная или неудачная, оставляет следы – негативы сколов, сами сколы, трещины от неудачных ударов, следы шлифовки или абразивной обработки, т. е. процесс обучения расщеплению камня неизбежно оставлял материальные следы в местах, где он происходил. Следовательно, обнаружение археологических свидетельств ученичества в области расщепления камня представляется принципиально возможным.

Материалы Зарайской стоянки представляют собой идеальный источник для изучения процессов ученичества в рамках костенковско-авдеевской культуры верхнего палеолита. Памятник расположен вблизи выходов высококачественного карбонового кремня, что значительно повышает вероятность обнаружения следов ученической деятельности, поскольку отсутствие «сырьевого голода» создавало благоприятные условия для обучения [Klaric, 2018]. В рамках работы изучена коллекция каменного инвентаря стоянки Зарайск В – одного из пунктов Зарайской стоянки. Специфика пункта В состоит в том, что здесь представлен исключительно верхний культурный слой (по стратиграфии Зарайска А), литологически связанный с верхней погребенной почвой. Большая часть находок залегает в подошве гумусированного горизонта. Максимальный разброс находок в слое по высоте составляет 10–15 см и зачастую связан с попаданием последних в полигональную сеть небольших трещин. Важными характеристиками памятника являются непотревоженность культурного слоя и структурированность планиграфического распределения находок. С помощью метода ремонтажа удалось установить пространственные связи между разными объектами [Лев, Еськова, 2012]. Картина пространственного распространения находок свидетельствует об очень ограниченном отрезке времени, в течение которого была заселена данная площадка. Для памятника есть датировка по костному углю 16 520 ± 760 ^{14}C л. н. (ГИН 14458а) [Лев, Еськова, 2016]. Коллекция каменного инвентаря Зарайска В насчитывает 1 813 экз. без учета мелкого дебитажа.

Существует набор методов, позволяющих выявить и охарактеризовать с различной степенью детализации следы обучения

© Еськова Д. К., Лев С. Ю., 2025

расщеплению камня [Еськова, Лев, 2019]. К наиболее традиционным относятся экспериментально-атрибутивный [Finlay, 2008; Sternke, Sørensen, 2009] и палеосоциологический [Pigeot N., 1987; Fisher, 1990; Ploux, Karlin, 1994]. Использованный в данной работе «метод отклонений» является попыткой обхода ограничений экспериментально-атрибутивного и палеосоциологическокого подходов при сохранении максимальной детализации реконструкций [Klaric, 2018]. Объектом анализа выступают артефакты, огранка которых содержит наибольшее количество негативов, что отражает длительную последовательность операций, – это нуклеусы, преформы и двусторонне обработанные орудия. Анализ включает не только отдельные морфологические признаки, такие как ступенчатые заломы, раскрошенные карнизы, кольцевые трещины и т. д., но и всю цепочку операций, которую можно восстановить на основе изучения огранки предмета. Воссозданная последовательность действий, начиная от выбора сырья и заготовки, сопоставляется с технологической нормой, характерной для данной индустрии. Степень соответствия этой норме, оцениваемая в баллах, служит индикатором уровня мастерства: систематические отклонения интерпретируются как признаки недостаточного освоения навыков расщепления камня.

Обязательным условием применения «метода отклонений» является предварительный технологический анализ индустрии. В ходе такого анализа должны быть детально описаны производственные цепочки и их конечная продукция, что позволяет установить ту самую «технологическую норму», с которой в дальнейшем будет проводиться сравнение. Производственная цепочка, связанная с получением пластинчатых заготовок двухэтапная: она предполагает изготовление преформ на первой стадии расщепления и скалывание пластин с торцевых одно- или двуплощадочных нуклеусов на второй. Кроме того, для костенковско-авдеевской технологической традиции характерен специфический достаточно сложный метод подживления рабочего края пластин, результатом использования которой являются ножи костенковского типа [Лев, Кларик, Гиря, 2009].

В рамках примененного подхода метода отклонений было установлено, что большая часть совокупности нуклеусов и все преформы, обнаруженные на стоянке Зарайск В, имеют отношение к процессам обучения расщеплению камня. Степень соответствия реконструируемых на основании морфологии преформ и нуклеусов, а также анализа складней, производственных операций технологической норме вариабельна. Значения балльных оценок свидетельствуют о том, что расщепление камня на стоянке осуществлялось как индивидами с очень высоким уровнем умения и моторных навыков в расщеплении камня, так и со средним и очень низким. Целая серия ножей костенковского типа стоянки Зарайск В несет следы серийных ошибок. Многие из таких ножей связаны с «редкими» вариантами оформления площадок ножей [Лев, Кларик, Гиря, 2009]. С большой осторожностью можно предполагать, что первые попытки освоения расщепления камня обитателями стоянки Зарайск В осуществлялись в относительно осознанном возрасте: на стоянке отсутствуют предметы, которые экспериментаторы связывают с имитационной деятельностью маленьких детей. Кроме того, даже продукты расщепления, демонстрирующие следы наиболее грубых и серийных ошибок, получены в рамках костенковско-авдеевской технологической традиции. Судя по характеру заготовок преформ и нуклеусов, даже у индивидов с самым низким уровнем навыков в расщеплении был доступ не только к оставленным мастерами продуктам расщепления (истощенным нуклеусам и крупным отщепам), но и к желвакам кремня различного, но, как правило, низкого качества.

Список источников

Еськова Д. К., Лев С. Ю. От новичка к мастеру: методы оценки уровня умения в расщеплении камня // Вестник Брянского государственного университета. 2019. № 4 (42). С. 63–73.

Лев С. Ю., Кларик Л., Гиря Е. Ю. О причинах разнообразия форм ножей костёнковского типа // РА. 2009. № 4. С. 81–93.

Лев С. Ю., Еськова Д. К. Кремневые скопления как элемент структуры стоянки Зарайск В // КСИА. 2012. Вып. 227. С. 83–93.

Лев С. Ю., Еськова Д. К. Кремневый инвентарь стоянки Зарайск В // КСИА. 2016. Вып. 242. С. 7–16.

Bradley B., Khreisheh N. Knapping skill assessment // Archaeology and crafts: Experiences and experiments on traditional skills and handicrafts in archaeological open-air museums in Europe. Husum, 2015. P. 54–61.

Finlay N. Blank concerns: Issues of skill and consistency in the replication of Scottish Later Mesolithic Blades // Journal of archaeological method and theory. 2008. Vol. 15. № 1. P. 68–90.

Fischer A. A late Paleolithic "school" of flint-knapping at Trollesgave, Denmark. Results of refitting // Acta archaeologica. 1990. Vol. 60. P. 33–49.

Klaric L. Levels of flintknapping expertise and apprenticeship during the late Ipper Paleolithic: several illustrative examples from the Early and Late Aurignacian and Middle Gravettian // The Prehistoric apprentice: Investigating apprenticeship, know-how and expertise in prehistoric technologies. Brno: The Czech Academy of Sciences, 2018. P. 49–95.

Pigeot N. Magdaléniens d'Étiolles: économie de débitage et organisation sociale. XXV Suppl. à Gallia Préhistoire. Paris: CNRS, 1987.

Ploux S., Karlin C. Le travail de la pierre au Paléolithique ou comment retrouver l'acteur technique et social grâce aux vestiges archéologiques // De la Préhistoire aux missiles ballistiques: l'intelligence sociale des techniques. Paris: La Découverte, 1994. P. 46–65.

Roux V., Bril B., Dietrich G. Skills and Learning Difficulties Involved in Stone Knapping: The Case of Stone-Bead Knapping in Khambhat, India // World Archaeology. 1995. Vol. 27. № 1. P. 63–87.

Sternke F., Sørensen M. The identification of children's flint knapping products in Mesolithic Scandinavia // Mesolithic Horizons. Vol. II. Papers presented at the seventh international conference on the Mesolithic in Europe, Belfast, 2005. Oxford: Oxbow Books, 2009. P. 722–729.

Stout D. Skill and cognition in stone tool production: An ethnographic case study from Iran Jaya // Current anthropology. 2004. Vol. 43. № 5. P. 693–722.

М. Н. Желтова
Институт истории материальной культуры РАН,
Санкт-Петербург, Россия

КРАСКИ РАВНИННЫХ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ СТОЯНОК

Аннотация. В статье рассматривается история естественно-научного изучения красок на палеолитических стоянках открытого типа в нашей стране. До сих пор оно было сфокусировано на материалах верхнего палеолита. В ходе новейших полевых работ получена серия образцов красок гораздо более древнего возраста, что позволило нам, используя одни и те же методы, сравнить краски разных эпох и с разных территорий.

Ключевые слова: минеральные пигменты, охра, краски, палеолитические стоянки открытого типа

Исследование выполнено за счет гранта РНФ № 23–78–10205 «Технологические новации среднего и верхнего палеолита как критерии для уточнения периодизации и индустриальной вариабельности», https://rscf.ru/project/23-78-10205.

Свидетельства об использовании красок в самых разных формах часто встречаются на палеолитических памятниках как в бытовом, так и в сакральном контекстах. Разделение этих областей жизни для палеолита крайне затруднительно и, по большому счёту, не важно. В жизни людей не было резкой границы между ними, поскольку сакральное пронизывало бытовую сферу на всех уровнях. Для нас важно, что жизнь древних людей была яркой в самом буквальном смысле этого слова. Остатки красок в культурных слоях имеют самые разные формы – кусочки сырья, россыпи порошкообразных красителей, пятна от жидких растворов и, конечно, окрашенные предметы. И надо учитывать, что мы имеем дело только с остатками (часто видоизменёнными пост-депозиционными процессами) минеральных и твёрдых органических пигментов (уголь). Этнографические данные указывают на огромную массу растительных пигментов, доступных и лёгких в приготовлении, свидетельства о возмож-

© Желтова М. Н., 2025

ном использовании которых до нас просто не дошли.

Наиболее распространёнными находками являются остатки красок на основе окислов и гидроокислов железа, находящихся в гамме коричнево-красно-рыжих цветов, называемых в археологической литературе охрами. Черным, белым и желтым краскам посвящено крайне мало работ. Еще реже встречаются сведения о красках синих, зеленых и других цветов.

Изучение красок в контексте верхнепалеолитических поселений в нашей стране было начато Н. Д. Прасловым на материалах Костёнковских стоянок. В процессе раскопок второго комплекса стоянки Костёнки 1 (I) он долгие годы (1972–1994) собирал образцы красок – россыпи, комки, образцы слоя с окрашенными пятнами и прослойками из разных объектов [Праслов, 1992; 1997], а также отдельности минерального сырья, которое могло использоваться для приготовления красок. К сожалению, лабораторное исследование образцов красок было прервано на долгие годы, едва начавшись. Семь образцов из стоянки Костёнки 21 были отданы в лабораторию Государственного Эрмитажа на рентгеноструктурный анализ, показавший, что т. н. карандаши состоят из чистого гематита, другие образцы в своей основе имели магнетит, в качестве примесей – кварц, кальцит, каолинит. Была также проанализирована небольшая серия из Костёнок 1 (I).

Значительно позже удалось возобновить изучение обширной коллекции образцов охр из верхнего слоя Костёнок 1 [Яншина, Желтова, 2018]. С целью установления вещественного состава образцы исследовались с помощью рентгено-фазового анализа и электронного микроскопа, валовой химический состав определялся только для некоторых монолитов окрашенного культурного слоя; образец культурного слоя, у которого на поверхности фиксировался тонкий слой чистой краски толщиной от 1 до 5 мм (в данном случае это означает – не смешанной с культурным слоем) анализировался ИК-спектрофотометром с преобразователем Фурье. По данным микрозондирования, железо в этих образцах представлено в виде мелких частиц и их скоплений, рассеянных в основной массе. Часть образцов имеет грубую текстуру, отличается трещиноватостью и комковатостью, масса одного образца очень тонкая и плотная. В составе ряда образцов, помимо кварца, полевых шпатов и карбонатов, выявлены также рутил, циркон, кость, в одном образце – амфибол, пироксен, глауконит, ещё в одном образце – хромит. В двух образцах обнаружен волластонит, являющийся продуктом обжига глинисто-карбонатного сырья. Исследовались также образцы минерального сырья, собранного в окрестностях обитателями стоянки. Кроме анализов, был проведён ряд экспериментов для установления пригодности сырья для изготовления красок и гипотетической оценки трудоёмкости и эффективности этих процессов.

Выяснилось, что обитатели стоянки Костёнки 1 имели в своем распоряжении целый спектр пород разного происхождения и качества, требующих каждая своего подхода для приготовления пигмента. По-видимому, можно даже говорить о существовании определенной специализации в использовании этих пород: в качестве карандашей, для окрашивания поверхностей, а скорее всего, и для окрашивания изделий использовались породы с высоким содержанием гематита и магнетита. Пока трудно понять, как использовались малопригодные гётитосодержащие породы типа ожелезнённых песчаников, сферосидеритов и железистых стяжений, но их присутствие в коллекции определенно указывает на имеющийся дефицит пигментного сырья, а не только на его широкую вариабельность.

На основе полученных базовых представлений о вариабельности красок на палеолитических стоянках открытого типа, сырья для них, технологий их изготовления и вариантов употребления, стало возможным расширить наши исследования во времени и пространстве. Это даёт возможность понять, насколько древними являются те или иные технологические приемы, насколько они специфичны для разных территорий и отрезков времени, какие факторы влияют на качество и морфологию образца краски. Кроме того, в программу исследований были включены образцы белой и черной красок.

Для нового этапа исследований было отобрано около 200 образцов из разных хронологических групп и с разных территорий. Образцы исследовались под бинокулярным микроскопом с целью их морфологического описания, затем подвергались минералогическому и химическому изучению посредством рентгенофазового и микрозондового анализов.

Самой древней является серия образцов со стоянки Челюскинец II близ Волгограда. Возраст стоянки на основе результатов термолюминисцентного анализа четырёх образцов оценивается в нынешней номенклатуре как соответствующий различным эпохам от МИС 6b до МИС 7c. С небольшого участка культурного слоя, расчищенного в 2024 г., было получено 9 образцов красной и жёлтой красок и 2 образца предположительного минерального сырья для их изготовления. Образцы красок подразделяются на несколько принципиально разных групп: это засохшие красные промешанные пастообразные массы, налипшие на песчаник; фрагменты корок конкреций (вероятно, лимонита) со слоистой структурой, интерстиции между слоями которых заполнены красной и жёлтой порошкообразной субстанцией; комки плотной окрашенной массы. В качестве образцов сырья рассматриваются конкреция (с большой вероятностью, лимонита) и кусок ожелезнённого песчаника, которым богаты вмещающие культурный слой породы.

Основной вопрос, требующий разрешения, заключается в том, что служило сырьём для засохших масс и других форм красок, и каким образом оно было приготовлено. Говорить о культурном контексте этих образцов пока преждевременно.

Чуть более молодой образец ярко-жёлтой мелкозернистой сыпучей субстанции происходит со стоянки Носово I, расположенной на северном берегу Миусского лимана, в Неклиновском районе Ростовской области. Памятник датирован только по палинологии, данные которой относят его к финалу Микулинского межледниковья. Пока это единственный образец со стоянки, хотя в дневниковых записях Н. Д. Праслова фигурируют описания ярко-красной охры. На сегодняшний день это практически все известные образцы красок со среднепалеолитических стоянок открытого типа.

Основная масса образцов гораздо моложе, относится к верхнему палеолиту. Это образцы со стоянок Костёнки 17 (слои In и II), Костёнки 14 (слои II и III), Костёнки 4, Костёнки 1(I), Костёнки 21, Авдеево, Хотылёво II, Борщёво 5, Борщёво 2 и Золотовка I.

Характер образцов различный, это и сыпучие субстанции с разным размером частиц, и вырезанные монолиты культурного слоя, и т. н. карандаши, и комки разной степени спаянности и твёрдости.

В целом первые результаты не стали неожиданными: красные образцы показывают высокое содержание гематита, иногда магнетита; желтые, буроватые – гётита. В некоторых отмечается присутствие кварца и кальцита.

Процесс изучения красок ещё далёк от завершения, полученные результаты являются лишь основной информацией о вещественном составе образцов. По всей вероятности, различные комбинации микропримесей, видных в спектрах, могут сработать на различение источников сырья, а возможно, и на их установление.

Список источников

Праслов Н. Д. Использование красок в палеолите // Проблемы палеолита Восточной Европы. КСИА. Вып. 206. 1992. С. 95–100.

Праслов Н. Д. Краски в палеолитическом искусстве // Пещерный палеолит Урала. Уфа, 1997. С. 81–84.

Яншина О. В., Желтова М. Н. Использование красных красок на верхнепалеолитической стоянке Костенки 1 (второй комплекс, слой I) // Universum Humanitarium. 2018. № 1. С. 107–136.

М. Г. Жилин[1], А. А. Симоненко[2]
[1,2] Институт археологии РАН, Москва, Россия
[2] Государственный исторический музей, Москва, Россия

СТОЯНКА ЗАМИЛЬ-КОБА 3 – НОВЫЙ ПАМЯТНИК МЕЗОЛИТА ГОРНОГО КРЫМА

Аннотация. Стоянка Замиль-Коба 3 находится в Бахчисарайском районе Республики Крым. Открыта в 2020 г. М. Г. Жилиным. В 2020–2024 гг. вскрыто 15 кв. м. Исследовано три небольших очага. Кремнёвый инвентарь позволяет отнести стоянку Замиль-Коба 3 к памятникам типа Алимовский навес и датировать финальным мезолитом.

Ключевые слова: финальный мезолит, Горный Крым, Замиль-Коба

В Горном Крыму, начиная с конца XIX в., были открыты и раскопаны многослойные памятники каменного века. Однако однослойные мезолитические стоянки до последнего времени известны не были. В силу этого стоянка Замиль-Коба 3, содержащая единственный мезолитический слой, представляет значительный интерес.

Балка Замиль находится в Бахчисарайском районе Республики Крым. Она является частью системы балок левого борта долины р. Бельбек. Северная сторона балки представляет собой невысокие, почти отвесные обрывы известковых скал, переходящих вверху в широкое холмистое плато, частью распаханное, частью поросшее мелким кустарником. Южная сторона балки состоит из рыхлых пород: глин, мергеля и известняка, покрывающих известковые скалы. Эта сторона более отлога и почти вся поросла различными кустарниками. В древности балка была обводнена благодаря нескольким родникам.

В балке Замиль были открыты и частично исследованы 4 стоянки в гротах Куртлю-Коба и Замиль-Коба 1–3 [Крайнов, 1938; Симоненко, 2014; Жилин, Руев, Симоненко, 2020]. Грот Куртлю-Коба был вычищен до скального основания в средние века или в новое время, культурные слои разрушены. Стоянки Замиль-Коба 1 и 2 практически полностью раскопаны Д. А. Крайновым в 1935–1937 гг.

Стоянка Замиль-Коба 3 находится в изгибе балки в 200 м к востоко-юго-востоку от стоянки Замиль-Коба 2. Располагается в небольшом гроте с обрушившимся в древности козырьком, обращенном устьем на юг. В 1937 г. Д. А. Крайновым в шурфе прослежен культурный слой VI–XVI вв., ниже которого найдены два обломка рога косули или оленя [Жилин, Руев, Симоненко, 2020]. Для выяснения наличия культурных слоев каменного века в 2020 г. под руководством М. Г. Жилина в центре грота заложена траншея 1 × 9 м от тыльной стенки к площадке у устья. Стратиграфия траншеи во внутренней части грота: 1) суглинок серый рыхлый мощностью 10 см; 2) суглинок коричневый со щебнем рыхлый – 20–30 см; 3) линза светлого суглинка и плиток известняка, упавших с потолка грота – до 30 см; 4) суглинок серый плотный с угольками и щебнем, у стенки грота выклинивается – до 30 см; 5) суглинок коричневатый плотный, в верхней части плитки известняка – 10–20 см; 6) суглинок светлый, желтоватый, плотный с камнями и щебнем – 1,5 м, ниже завал из кусков известняка более 0,5 м.

В слое 1 встречено стекло и находки времен Великой Отечественной войны. В слое 2 – редкие фрагменты керамики VI–XVI вв. В слое 4 найдены мезолитические кремнёвые изделия, большая часть которых залегала в пределах углистозолистой линзы, уходящей в стенки траншеи. На площадке перед гротом перемешанный слой с находками разного времени лежит на материке.

Для уточнения сведений о памятнике в 2024 г. нами была сделана прирезка 1 × 6 м к западной стенке траншеи 2020 г. Первые 4 квадрата располагались внутри

© Жилин М. Г., Симоненко А. А., 2025

грота, два других – на привходовой площадке. Стратиграфия не отличалась от соответствующих квадратов траншеи 2020 г. Раскопки велись очень тщательно по палеолитической методике. Весь грунт промывался. В мезолитическом слое исследованы три небольших кострища, располагавшихся рядом друг с другом. Коллекция кремнёвых изделий из прирезки существенно дополняет полученную ранее.

Всего за два года найдено около 300 кремнёвых изделий. Авторами проведено их комплексное исследование, включающее типологический, технологический и трасологический анализы. Основной заготовкой для орудий служили узкие пластины правильной огранки, для получения которых использовалась отжимная техника. По фрагментам реконструируются одноплощадочные монофронтальные нуклеусы. Типологический набор орудий беден, среди изделий с вторичной обработкой преобладают трапеции, в том числе «алимовского типа», боковые края которых обработаны пологой ретушью, частично срезающей дорсальные рёбра пластины. Имеются концевые скребки, резец на сломе пластинки, пластины со скошенным концом и с нерегулярной ретушью.

Трасологический анализ выявил орудия со следами использования. Определены наконечники стрел с поперечным лезвием, в качестве которых применялись низкие трапеции. Имеются разделочные ножи, скребки для работы по свежей шкуре, скобели, резчики, строгальный нож и пилка для обработки дерева, резчик и сверло для работы по кости. Структура каменного инвентаря характерна для кратковременных охотничьих лагерей. На это же указывают и остатки небольших кострищ.

Типы каменных изделий, технология обработки кремня и набор охотничьего вооружения позволяют отнести стоянку Замиль-Коба 3 к памятникам типа Алимовский навес [Столяр, 1961; Бибиков, Станко, Коен, 1994; Жилин, Симоненок, Руев, 2024]. Эти памятники датируются финальным мезолитом и непосредственно предшествуют неолиту в Горном Крыму. Время их существования в настоящий момент определяется датами верхнего слоя стоянки Кукрек с трапециями «алимовского типа», но без керамики и трапеций «со струганой спинкой» – 7 320 ± 65 BP (6 182 – 6 048 CalBC) Bln-1 799-1 и 7 285 ± 70 BP (6 170 – 6 042 CalBC) Bln-1 799-2 [Жилин, Руев, 2023]. В процессе раскопок стоянки Замиль-Коба 3 были отобраны образцы, по которым будут получены даты для этой стоянки.

Список источников

Бибиков С. Н., Станко В. Н., Коен В. Ю. Финальный палеолит и мезолит горного Крыма. Одесса: Весть, 1994. 240 с.

Жилин М. Г., Руев В. Л., Симоненко А. А. Многослойные пещерные стоянки в балках Черкез-Кермен и Замиль в Крыму // Учёные записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». 2020. Том 6 (72). № 3. С. 149–166.

Жилин М. Г., Руев В. Л. Геометрические микролиты стоянки Кукрек (по материалам раскопок Г. А. Бонч-Осмоловского 1926–1927 гг.) // Первобытная археология. Журнал междисциплинарных исследований, 2023. № 1. С. 85–101.

Жилин М. Г., Симоненко А. А., Руев В. Л. Предметы вооружения из верхнего мезолитического слоя стоянки Алимовский навес в Крыму // Stratum Plus, 2024. № 1. С. 321–346.

Крайнов Д. А. Пещерная стоянка Замиль-Коба № 1 // Труды ГИМ. 1938. Вып. 8. С. 7–32.

Симоненко А. А. Крымская археологическая экспедиция Исторического музея. 1935–1940 гг. // Труды ГИМ. 2014. Вып. 201. С. 106–111.

Столяр А. Д. Мезолитические комплексы Алимовского навеса в Крыму // КСИА. 1961. Вып. 84. С. 33–44.

В. Н. Зенин
Институт археологии и этнографии СО РАН,
Новосибирск, Россия

ИНДУСТРИЯ СТОЯНКИ ВОЛЧЬЯ ГРИВА: КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН В ПАЛЕОЛИТЕ ЗАПАДНО-СИБИРСКОЙ РАВНИНЫ

Аннотация. Представлены результаты анализа каменного инвентаря Волчьей гривы – палеолитической стоянки на местонахождении мамонтовой фауны на юге Западно-Сибирской равнины. Коллекция (материалы раскопок 2020–2021 гг.) – более 10 500 экз. – отражает мелкопластинчатую индустрию периода максимума похолодания (*LGM*). Все каменное сырье импортное. Породы – кварц (горный хрусталь, дымчатый кварц) и кремень.

Ключевые слова: палеолит, Западно-Сибирская равнина, Волчья грива, каменная индустрия

Исследование выполнено по проекту НИР № FWZG-2025-0005.

Стоянка и местонахождение мамонтовой фауны Волчья грива расположены на востоке Барабинской низменности (с. Мамонтовое, Новосибирская область). Остатки фауны принадлежат мамонту (более 95 % остатков), лошади, бизону, волку, северному оленю, медведю, лисицам (преобладает песец) и грызунам [Зенин, Лещинский, 2023, с. 39]. Общая геохронология объекта по 14С ~ 19,8–10,6 тыс. л. н. С 1957 г. и до 2019 г. вскрыто ~530 м² и получено 81 изделие из камня. Раскопки 2020–2021 гг. (21 м²) на юго-восточном склоне гривы установили три уровня залегания культурных материалов. Каменное сырье импортное, что связано с геологическим строением территории. Преобладают кварц (горный хрусталь и дымчатый кварц) ~50 % и кремень ~49 %. Встречаются метабазальт, песчаник и тальк (до 3 см) [Геоархеологические исследования..., 2022, с. 88]. Кварцевые артефакты с гранями кристаллов и почти полное отсутствие галечной корки у кремней указывают на дальние источники сырья, вероятно в Казахстане и на Южном Урале [Leshchinskiy, Zenin, Bukharova, 2021, p. 381].

Разрез (сверху вниз) [по: The unique Late Paleolithic..., 2023, p. 94–97]:

Слой 1. Черная массивная супесь. М.: до 0,5 м.

Слой 2. Светло-коричневая массивная лессовидная супесь. В слое редкие каменные артефакты и кости плохой сохранности (верхний уровень находок). М.: 0,5–0,7 м.

Слой 3. Серо-коричневый тонкослойчатый глинистый песок. В верхней части слоя редкие артефакты и кости – это средний уровень находок. В подошве выражено зольное пятно (мощность до 0,35 м). Все основание насыщено артефактами и фауной – это нижний уровень находок. М.: 0,8–1,3 м.

Слой 4. Светло-коричневый тонкослойчатый, линзовидный глинистый песок. Артефакты в слое являются продолжением нижнего уровня находок. М.: 0,1–0,6 м (ниже по склону более 1 м).

Слой 5. Светло-коричневый тонкослойчатый песок с множеством деформаций. М.: более 1,3 м.

Разрез можно разделить на две пачки: (1) субаэральную – слои 1 и 2; (2) субаэрально-субаквальную – слои 3–5. Артефакты и фауна в основании слоя 3 и слое 4 представляют единый комплекс нижнего уровня. Находки этого уровня претерпели локальный перенос временными водотоками вниз по древнему склону. Возраст нижнего уровня по 14С ~19,8–16,9 тыс. л. н. (LGM) [Chronology ..., 2024, p. 1 630 – 1 642.].

Каменный инвентарь нижнего уровня 2020–2021 гг. составляет 10 552 экз. (табл. 1). Нуклеусы (13 экз.) максимально истощены (средние размеры 22 × 18 × 12 мм) и представляют три типа расщепления:

© Зенин В. Н., 2025

Таблица 1

Волчья грива. Категории артефактов нижнего уровня (2020–2021 гг.)

Категории артефактов	2020		2021		Итого: к-во/%
	к-во план	к-во промывка	к-во план	к-во промывка	
Нуклеусы	3	-	10	-	13/0,1
Сколы оживления/технические	14	4	26	10	54/0,5
Дебитаж:	171	123	366	190	850/8,0
отщепы	57	1	100	22	180/1,7
пластины ($w \geq 1{,}2$ cm)	20	7	54	12	93/0,9
пластинки (w – 0,7–1,1 cm)	41	46	145	49	281/2,7
микропластинки ($w < 0{,}7$ cm)	53	69	67	107	296/2,8
орудия	64	42	89	139	334/3,2
Отходы производства:	297	2 179	339	6 486	9 301/88,1
чешуйки ($s \leq 1{,}5$ cm)					
неопределимые осколки ($s > 1{,}5$ cm)					
обломки					
Всего:	549	2 348	830	6 825	10 552/100

торцовый – 6 (рис. 1, *1*), плоскостной – 6 (рис. 1, *2*) и «кареноидный» – 1 (рис. 1, *3* для получения мелких пластинок. Из кварца изготовлено 9 нуклеусов и 4 из кремня. Крупные отщепы (рис. 1, *4*) и пластины (рис. 1, *5*) редки.

Дебитаж (851 экз.) представляют отщепы и пластинчатые сколы. Отщепы (180 экз.) выполнены из кремня (106 экз.), кварца (71 экз.) и прочих пород (3 экз.). Размер отщепов – 17 × 16 × 3.5 мм. На двух отщепах из кремня присутствует галечная корка. Пластины (93 экз.) выполнены из кремня (46 экз.) и кварца (47 экз.). Размер пластин (с фрагментами) – 16×14×3 мм. Пластинки (282 экз.) выполнены из кремня (164 экз.), кварца (117 экз.) и метабазальта (1 экз.). Размер пластинок (с фрагментами) – 13 × 9 × 2 мм. У 20 экз. скрученный продольный профиль. Микропластины (296 экз.) выполнены из кремня (183 экз.) и кварца (113 экз.). Размер микропластин (с фрагментами) – 11 × 5 × 1,5 мм. У 48 экз. скрученный продольный профиль.

Отходы производства (9 301 экз.) – чешуйки, осколки и обломки. Большинство предметов (93,1 %) получено промывкой отложений.

Орудийный набор (334 экз.). Сырьем служили кремни (177 экз.), хрусталь и дымчатый кварц (157 экз.). Верхнепалеолитические типы представляют скребки – 6 (рис. 1, *9, 10*), резцы – 24 (рис. 1, *6*, *8*), долотовидные орудия – 2 (рис. 1, *14*), проколки – 8 (рис. 1, *12, 13*), пластины с ретушью – 15 (рис. 1, *5*), сверла – 4 (рис. 1, *24*). «Нейтральные» типы представляют нож – 1 (рис. 1, *15*) и выемчатые орудия – 7 (рис. 1, *7*, *11*). Группу ретушированных сколов составляют отщепы с ретушью – 10, осколки – 12 и техсколы – 8. К микроинвентарю и негеометрическим микролитам относятся острия – 46 (рис. 1, *18, 19*), пластинки с ретушью – 7, пластинки тронкированные с ретушью – 2, пластинки тронкированные – 5, пластинки с притупленным краем – 8, пластинки с притупленным краем с ретушью – 2, пластинки с притупленным краем тронкированные – 3 (рис. 1, *16, 17*), микропластинки с ретушью – 18, микропластинки тронкированные с ретушью – 4, микропластинки тронкированные – 3, микропластинки с притупленным краем – 101 (рис. 1, *23*), микропластинки с притупленным краем с ретушью – 16, микропластинки с притупленным краем тронкированные – 22 (рис. 1, *20, 22*).

Таким образом, типологический состав и высокий процент орудий предполагает долговременный характер стоянки с активным использованием огня.

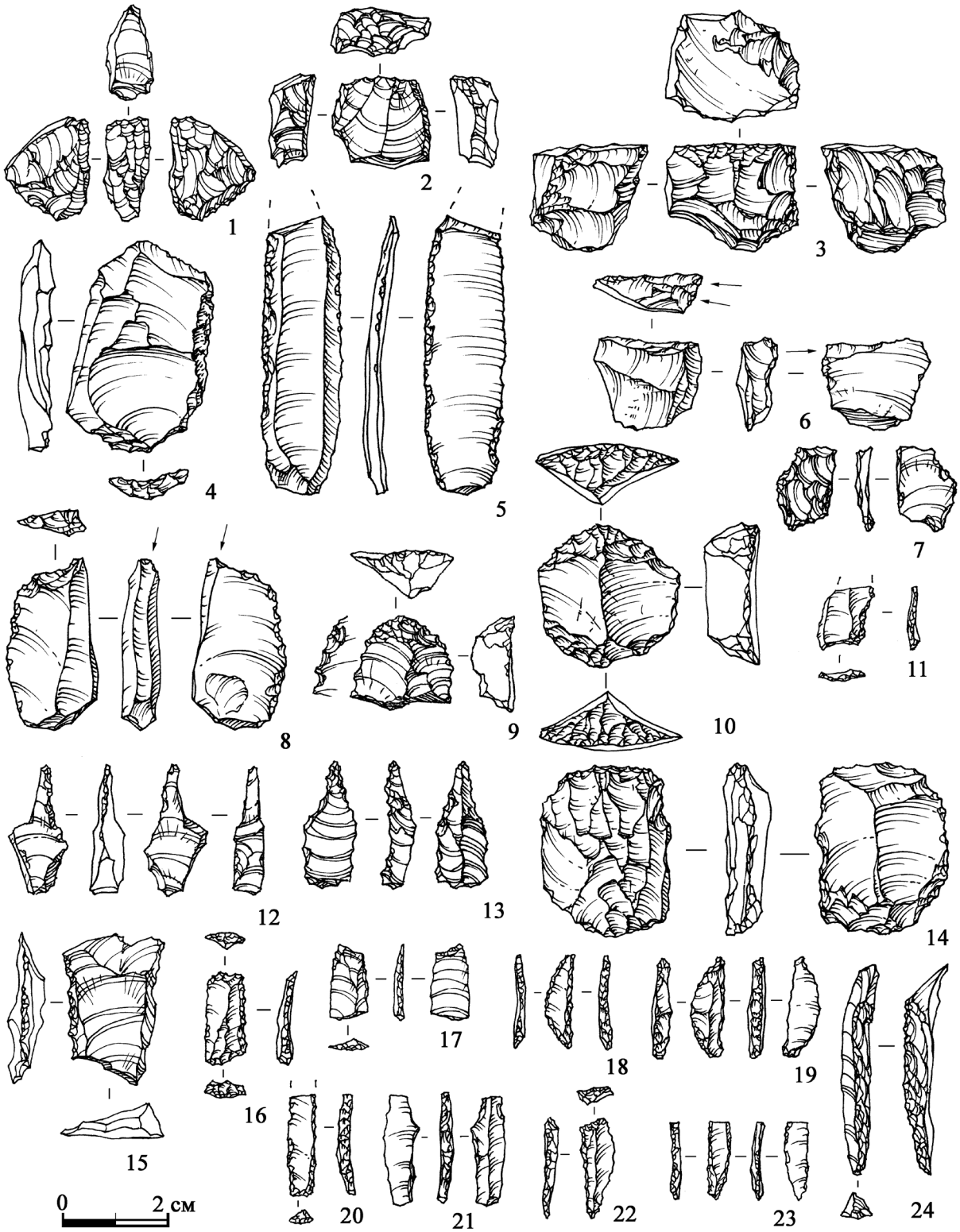

Рис. 1. Волчья грива. Каменный инвентарь: *1–3* – нуклеусы; *4* – отщеп; *5* – пластина с ретушью; *6, 8* – резцы; *7, 11* – выемчатые орудия; *9–10* – скребки; *12–13* – проколки; 14 – долотовидное орудие; *15* – нож; *16–17* – тронкированные пластинки; *18–19* – микроострия; *20–23* – микропластинки с притупленным краем; *24* – сверло

Список источников

Геоархеологические исследования каменных артефактов Волчьей гривы / А. С. Климов, О. В. Бухарова, В. Н. Зенин, С. В. Лещинский // Геоархеология и археологическая минералогия – 2022. Миасс-Челябинск: ЮУрГГПУ, 2022. С. 87–91.

Зенин В. Н., Лещинский С. В. Новейшие исследования Волчьей гривы в контексте палеолита Западной Сибири // Междунар. симпозиум «Новейшие открытия в палеолите Евразии», посвящ. юбилею акад. А. П. Деревянко. Программа. Тезисы докладов. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2023. С. 39.

Chronology of the Volchia Griva megafaunal locality and Paleolithic site (Western Siberia) and the issue of human occupation of Siberia at the Last Glacial Maximum / Y. V. Kuzmin, S. V. Leshchinskiy, V. N. Zenin, E. M. Burkanova, E. P. Zazovskaya, A. S. Samandrosova // Radiocarbon, Vol 66, Nr 6, 2024, p. 1 630 – 1 642.

Leshchinskiy S. V, Zenin V. N., Bukharova O V. The Volchia Griva mammoth site as a key area for geoarchaeological research of human movements in the Late Paleolithic of the West Siberian Plain // Quaternary International. 587–588 (2021) 368–383.

The unique Late Paleolithic artifactual bone assemblage from the Volchia Griva site, Western Siberia / S. V. Leshchinskiy, V. N. Zenin, E. M. Burkanova, Y. V. Kuzmin // Quaternary Research, 2023. Vol. 114. P. 93–113.

Д. П. Золотарев, Н. Е. Бердникова
Иркутский государственный университет,
Иркутск, Россия

ЮБЕЦОИДНЫЕ ТЕХНИКИ СРЕДНЕГО И ПОЗДНЕГО ЭТАПОВ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА БАЙКАЛО-ЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ: ХРОНОЛОГИЯ, ХАРАКТЕРИСТИКИ, ВАРИАЦИИ

Аннотация. Представлены хронология, характеристики, вариабельность юбецоидных техник и форм микрорасщепления в комплексах среднего и позднего этапов верхнего палеолита Байкало-Енисейской Сибири. Широкие аналогии свидетельствует о восточных связях или предполагаемом восточном генезисе комплексов с юбецоидным компонентом.

Ключевые слова: Байкало-Енисейская Сибирь, верхний палеолит, юбецу, ошорокко, саккоцу

Исследование выполнено при финансовой поддержке ИГУ в рамках темы № 091-24-320.

Терминально-краевое (клиновидно-торцовое) микрорасщепление (далее – ТКМР) нуклеусов является одной из главных особенностей культур МИС 2 – начала МИС 1 на территории Северо-Восточной Азии, к которой относят Восточную и Северо-Восточную Сибирь, Дальний Восток, Монголию, север Китая, Японию, Корею, и присоединяют к ней также и Северную Америку. Детальные исследования нуклеарных форм микрорасщепления в японских палеолитических индустриях в 60–70-х гг. XX в. привели к выделению методов, техник и типов изготовления нуклеусов для получения микропластин. В первую очередь это относится к группе юбецоидных форм.

В классическом представлении под методом юбецу понимается микропластинчатая технология продольного раскроя преформы (бифас, унифас), направленная на получение стандартных заготовок (пластинок, микропластин). Определяющей характеристикой метода выступает подготовка площадки по длинной оси заготовки путем удаления продольных технических снятий (реберчатого, а затем серии лыжевидных), способствовавших получению острого угла скалывания [Chin Yee, 1980].

У техники юбецу выделяют 8 вариаций: хетао, дюктай, ишигамото, пирика, сиратаки, саккоцу, ошорокко, санган (иногда к ним относят и формы ранкоси). Большинство из них, впрочем, стоит считать региональными наименованиями японского метода, а для вариантов сиратаки, саккоцу и ошорокко характеристики, отличающие их от исходного метода, определены более детально. Формы саккоцу массивные и широкие, а у нуклеусов сиратаки, наряду со стандартной подправкой площадки, имеется еще и абразивная. Вариацию ошорокко (на севере Китая она известна как «санган») следует рассмотреть отдельно. Ее характерная особенность – слегка смещенная (асимметричная) ось скалывания заготовки от-

© Золотарев Д. П., Бердников Н. Е., 2025

носительно классической техники юбецу. Поэтому технические снятия, оформляющие площадку, будут короче обычных [Morlan, 1967; Gomez Coutouly, 2011].

В Байкало-Енисейской Сибири в трансекте север – юг юбецоидные формы и продукты их расщепления представлены в различных вариациях на территории Южного Приангарья (Красный Яр 1, к. г. 6, 7; Усть-Белая, к. г. 16; Сосновый Бор, к. г. 4, 5; Верхоленская Гора 1, к. г. 2, 2а, 3), Канско-Енисейской региона (Стрижовая Гора, к. г. 4–19) и побережья Северного Байкала (Курла 1–3, к. г. 1–3). Указанные комплексы разделены на хроногруппы на основании особенностей их стратиграфического положения и калиброванных дат в соответствии с интервалами подразделений сартана.

Средний этап верхнего палеолита. Во второй половине раннего сартана (sr^1_2, 25,0–22,0 тыс. л. н.[3]) в комплексах к. г. 6, 7 Красного Яра 1 с возрастом 24,5–22,7 тыс. л. н. зафиксированы первые формы ТКМР: в технике раннего юбецу (протоюбецу) в сочетании с кареноидными (ладьевидными) формами с низким фронтом и вогнутой площадкой. Сопровождают такие нуклеусы трансверсальные резцы и бусины из яичной скорлупы страуса [Медведев, 1983]. Ладьевидные нуклеусы имеют аналоги с подобными, но более молодыми по возрасту нуклеусами Западного Забайкалья и Нижнего Витима – Усть-Менза 2, к. г. 20 [Мороз, 2014], Мамакан 6 [Тетенькин, 2022], а наличие нуклеусов юбецу с трансверсальными резцами и скорлупой страуса имеет аналоги в к.г. 4/5, 5 Студеного 2 с датами в интервале 22,7–19,3 тыс. л. н. [Разгильдеева, 2018]. К финалу раннего сартана (sr^2, 22,0–19,5 тыс. л. н.) отнесены материалы стоянки Бамовская (р. Киренга) с возрастом 23,0–21,4 тыс. л. н. [Краснощеков, 2009]. В них присутствует нуклеус ТКМР в технике ранкоси.

Поздний этап верхнего палеолита. В среднем сартане выделяется две хронологические группы индустрий: комплексы sr^3_1 (19,5–17 тыс. л. н.) и sr^3_2 (17–14,7 тыс. л. н.). Для первой основным методом ТКМР является неюбецоидная техника сайкаи на разнообразных преформах (сколы, бифасы, полубифасы). Её главная особенность – подготовка площадки поперечно ориентированными сколами с одной из латералей. Имеется вариант нуклеусов сайкаи с подправкой площадки короткими сколами с фронта. Такой прием характерен для техники кампус. Немногочисленные микронуклеусы в технике близкой к юбецу в сочетании с обоймой составного орудия из кости, которая маркирует реализацию пластинок/микропластин для вкладышей таких орудий, появляются только в Канско-Енисейском регионе (Стрижовая Гора к. г. 18, 19) [Генералов, 2001]. На сопредельной территории продукты расщепления юбецу (реберчатый и лыжевидные снятия) имеются в синхронных комплексах к. г. 2Б, 4, 5 стоянки Коврижка 4 (Нижний Витим) с возрастом 18,8–17,9 тыс. л. н. [Тетенькин, 2022]. Вторая группа объектов находится только на Северном Байкале и представлена комплексами к. г. 2, 3 Курлы 1–3, датирующимися по последним AMS-датам в интервале 17,4–15,4 тыс. л. н. [Молчанов, Молчанов, Липнина, 2019]. В курлинских комплексах вместе с трансверсальными резцами, костяным гарпуном и вкладышевым орудием отчетливо выражено ТКМР в технике юбецу: присутствуют сегментовидные микронуклеусы на бифасах с высоким фронтом, горизонтальной площадкой, образованной продольным снятием с фронта. Ремонтаж некоторых нуклеусов показал серийность такого переоформления площадок до полного истощения ядрищ, которые в таком виде напоминают формы ранкоси.

Для позднего сартана или беллинг-аллереда (sr^4_1, 14,7–12,8 тыс. л. н.) отмечается разнообразие в технологиях ТКМР. Продолжают существовать и развиваться все методы предыдущих периодов: ранкоси, сайкаи, кампус. Широко распространяются вариации юбецоидных техник (ошорокко, саккоцу), в том числе высоко- (Усть-Белая, к. г. 16; Курла 1, к. г. 2)

[3] Здесь и далее используются калиброванные значения дат.

и низкофронтальные нуклеусы-юбецу на бифасах (Сосновый Бор, к. г. 4, 5; Стрижовая Гора, к. г. 4–17), на бифасиально обработанных сегментовидных плиточных отдельностях с горизонтальными и сильной скошенными площадками (Верхоленская Гора 1, к. г. 2, 2а, 3). В комплексах присутствуют трансверсальные резцы, костяные обоймы составных орудий и гарпуны. Подобные орудийные наборы в ассоциации с формами юбецу имеются в материалах стоянок Витима и Западного Забайкалья. На Нижнем Витиме в комплексах к. г. 3В, 4, 4Б, 6, 7, 8 Большого Якоря 1, возрастом 15,1–13,6 тыс. л. н. [Тетенькин, 2022]. На Верхнем Витиме в к. г. 7, 8, 8А Усть-Каренги 1–16, датирующихся в интервале 14,2–12,4 тыс. л. н. [Ветров, 1995]. В Западном Забайкалье нуклеусы юбецу зафиксированы на стоянках, относящихся к чикойской культурной традиции. К ней относят к. г. 20 Усть-Мензы 1 и экспонированный комплекс Аршан-Хундуй. Последний датируется в интервале 15,0–13,0 тыс. л. н. [Ташак, 2000; Мороз, 2014].

Таким образом, хронологическая последовательность развития юбецоидных техник ТКМР на среднем и позднем этапах верхнего палеолита Байкало-Енисейской Сибири выглядит следующим образом. Во второй половине раннего сартана (sr^1_2) появляются единичные формы протоюбецу. Во второй половине среднего (sr^3_2) и позднем сартане (sr^4_1) наступает расцвет техники юбецу, выраженный в разнообразии нуклевидных форм. На всех этапах им сопутствуют трансверсальные резцы, позднее их дополняют обоймы составных орудий и гарпуны из кости. Широкие аналогии в синхронных стоянках Витима и Западного Забайкалья, вероятно, свидетельствуют о восточных связях или предполагаемом восточном происхождении комплексов с юбецоидным компонентом [Медведев, 1983].

Список источников

Ветров В. М. Резцы и нуклеусы усть-каренгской археологической культуры // Байкальская Сибирь в древности. Иркутск, 1995. С. 30–45.

Генералов А. Г. Поздний палеолит – ранний мезолит Канско-Енисейского района: дис. … д-ра ист. наук. Иркутск, 2001. 418 с.

Краснощеков В. В. Место стоянки Бамовская в кругу позднеплейстоценовых объектов севера Верхнеленского региона // Вузовская научная археология и этнология Северной Азии. Иркутская школа 1918–1937 гг. Иркутск: Изд-во «Амтера», 2009. С. 243–248.

Медведев Г. И. Палеолит Южного Приангарья: дис. … д-ра ист. наук. Новосибирск, 1983. 389 с.

Молчанов Г. Н., Молчанов Д. Н., Липнина Е. А. Техноморфологический анализ каменной и костяной индустрии из культуросодержащего горизонта 2 многослойного местонахождения Курла I на Северном Байкале // Известия ИГУ. Серия Геоархеология. Этнология. Антропология. 2019. Т. 28. С. 3–37.

Мороз П. В. Каменные индустрии рубежа плейстоцена и голоцена Западного Забайкалья. Чита: ЗабГУ, 2014. 182 с.

Разгильдеева И. И. Планиграфический анализ жилищно-хозяйственных комплексов верхнего палеолита Забайкалья. Чита: ЗабГУ, 2018. 208 с.

Ташак В. И. Местонахождение Аршан-Хундуй (опыт исследования и интерпретации) // Байкальская Сибирь в древности. Иркутск, 2000. Вып. 2, ч. 1. С. 161–180.

Тетенькин А. В. Средний верхний палеолит – мезолит Северного Прибайкалья: дис. … д-ра ист. наук. Иркутск, 2022. 1052 с.

Chin Yee I-Jen The Yubetsu: A microblade technique in Palaeolithic Japan: M. A. thesis. Montreal: McGill University, 1980. 148 p.

Gomez Coutouly Y. A. Lithic Industries with Pressure Microblade Components of the North Pacific Region in the Terminal Pleistocene and Early Holocene: from the Diffusion of a Technique in the Asian Far East to the Initial Peopling of the New World: Ph.D. dissertation. Paris: Paris West University Nanterre La Défense, 2011. 631 p.

Morlan R. E. The preceramic period of Hokkaido: an outline // Arctic Anthropology. 1967. Vol. 4. Is. 1. P. 164–220.

И. Д. Зольников[1], А. А. Анойкин[2], Е. А. Филатов[3], А. В. Выборнов[4]
[1,3] Институт геологии и минералогии имени В. И. Соболева СО РАН, Новосибирск, Россия
[2,4] Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия

ЗАКОНОМЕРНОСТИ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ЛОКАЛИЗАЦИИ ПАМЯТНИКОВ ПАЛЕОЛИТА НА ТЕРРИТОРИИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Аннотация. Анализ локализации памятников палеолита показывает редкие находки в долинах верхней Оби и верхнего Енисея памятников древнее финальной поры верхнего палеолита. Это объясняется трёхкратным воздействием гляциальных суперпаводков на завершающих стадиях трёх горных оледенений II4; III2; III4. Более перспективным для поисков древнего палеолита является бассейн р. Иртыш (левые притоки).

Ключевые слова: палеолит, Западная Сибирь, плейстоцен

Выявление закономерностей пространственного распределения археологических памятников непосредственно связано с решением ряда задач, к числу которых относятся: история заселения Евразии древним человеком современного типа, пространственная структура и плотность системы расселения древнего человека на этапе, следующем за пионерным освоением региона, характер миграций древнего человека в зависимости от динамики палеоклимата, стилистка внутри- и межпопуляционных контактов, а также многое другое. При этом, поскольку до неолитической революции человек находился в гомеостазе с природой, то его способы взаимоотношения с окружающей природной средой в это время носили преимущественно адаптационный характер. Необходимость понимания особенностей среды обитания палеолитического человека обусловила развитие междисциплинарных работ, ориентированных на изучение геолого-геоморфологического контекста палеолитических местонахождений. Эти исследования объединялись в рамках темы «геология палеолита» [Равский, 1972; Цейтлин, 1979; Ямских, 1993; Дроздов, Чеха, Хазартс, 2005, и мн. др.].

Палеоклиматические построения и палеогеографические реконструкции последней трети XX в. и начала XXI в. существенно влияли на тактику и стратегию поисков палеолитических памятников. Здесь можно отметить два практических подхода. Наиболее понятной и привлекательной представлялась ориентация поисковых исследований и разведок на те районы, где ранее уже были найдены следы присутствия палеолитического человека. Такой напрашивающийся с точки зрения здравого смысла метод дополнялся подходом, основанным на научных данных о природных барьерах и палеогеографических условиях в разной степени благоприятных или наоборот препятствовавших заселению древним человеком обширных территорий. При этом первый подход далеко не всегда представлялся неоспоримым, что нашло отражение в крылатой фразе: «палеолита нет там, где его не ищут». Что же касается второго подхода, то он перманентно трансформировался в соответствии с прогрессирующим развитием четвертичной геологии и палеогеографии, что порождало замену одних парадигм на другие.

Во второй половине XX в. север Западно-Сибирской равнины считался малоперспективным для поиска археологических памятников древнее голоцена, так как доминировала стратиграфо-палеогеографическая концепция, согласно которой во время последнего глобального похолодания МИС-2 (29–11,7 тыс. л. н.) эта территория занималась обширным ледниковым покровом и ледниково-подпрудным Мансийским озером [Палеогеография…, 1980]. Однако на рубеже XX–XXI вв. выяснилась несостоятельность этой гипотезы [Астахов, 2020]. В соответствии с современными стратиграфическими и палеогеографиче-

© Зольников И. Д., Анойкин А. А., Филатов Е. А., Выборнов А. В., 2025

скими построениями [Evidence for the intrusion…, 2022] наиболее достоверно установленными являются границы трех покровных оледенений с юга на север: 1) максимального среднечетвертичного – самаровского (МИС-8); среднечетвертичного тазовского (МИС-6); 3) максимального верхнечетвертичного (холодные подстадии МИС-5; МИС-4). Граница самаровского оледенения с возрастом от 301 до 243 тыс. л. н. проходит южнее устья Иртыша и субширотной Оби, пересекая её несколько южнее Нижневартовска. Граница тазовского оледенения с возрастом от 191 тыс. л. н. до 130 тыс. л. н. проводится по южному подножию Сибирских Увалов и пересекает Обь между устьем Иртыша и пос. Перегребное примерно посередине Белогорской возвышенности. Граница максимального верхнечетвертичного ермаковского оледенения с возрастом от 115 до 57 тыс. л. н. закартирована севернее устья Оби. Последнее верхнечетвертичное оледенение, соответствовавшее МИС-2, оконтуривало плато Путорана, не доходя до долины Енисея, а также представляло собой небольшие выводные ледники с Полярного Урала, не достигавшие долины Оби. Таким образом, начиная с 57 тыс. л. н. на севере Западно-Сибирской равнины не существовало барьеров, которые могли бы препятствовать расселению древнего человека со стороны смежных территорий.

Имеющиеся на сегодняшний день обобщения по палеолитическим местонахождениям Западно-Сибирской равнины [Освоение…, 2021; Этапы…, 2014; Васильев, 1996; Палеолит Енисея, 1991, и мн. др.] указывают на то, что на этой территории вдоль долин её главных магистральных рек – Оби и Енисея – достаточно широко распространены памятники именно поздней поры верхнего палеолита, а более поздние фактически не встречаются. Так, например, по субмеридиональному транссекту через Западную Сибирь с юга на север прослеживается цепочка памятников финальной поры верхнего палеолита: Волчья грива, Луговское, Комудваны, а на Верхнем и Среднем Енисее эти памятники еще более распространены, что свидетельствует о том, что в предголоценовую эпоху завершения МИС-2 фактически на всей территории Западной Сибири существовали условия, приемлемые для проживания человека. Интересен тот факт, что в низовьях этих рек найдены памятники начальной поры верхнего палеолита: на Енисее – Соп-Каргинский мамонт со следами воздействия человека (возраст ок. 41–45 тыс. л.) [Early human…, 2016] и на Оби – Кушеватская стоянка (возраст около 40 тыс. л.) [Стоянка Кушеват..., 2023]. Таким образом, отсутствие хорошего каменного сырья, а также климат Арктики и Субарктики не являлись препятствием для расселения человека на равнине в конце плейстоцена.

Вместе с тем анализ базы геоданных по наиболее представительным стратифицированным памятникам палеолита в долинах Оби и Енисея, созданной в рамках проекта РНФ № 22-17-001-40, показывает фактически очень редкие находки в долинах верхней Оби и верхнего Енисея памятников древнее финальной поры верхнего палеолита. На наш взгляд, такая закономерность объясняется тем, что магистральные долины Западной Сибири подвергались трёхкратному воздействию гигантских гляциальных паводков на завершающих стадиях трёх горных оледенений II4; III2; III4 [Зольников, 2023]. Наиболее благоприятными для поисков памятников более древних, чем финал верхнего палеолита, является бассейн р. Иртыш с притоками (особенно с левыми), за пределами воздействия суперпаводков.

Список источников

Астахов В. И. Четвертичная геология суши. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2020. 440 с.

Васильев С. А. Поздний палеолит Верхнего Енисея (По материалам многослойных стоянок района Майны). СПб.: Петербургское востоковедение, 1996. 225 с.

Дроздов Н. И., Чеха В. П., Хазартс П. Геоморфология и четвертичные отложения Куртакского геоархеологического района (Северо-Минусинская впадина). Красноярск: КГПУ им. В. П. Астафьева, 2005. 112 с.

Зольников И. Д. Новая концепция строения отложений верхнего неоплейстоцена в магистральных долинах Западной Сибири // Доклады Российской академии наук. Науки о Земле. 2023. Т. 513. № 1. С. 46–52.

Освоение Нижнего Приобья в позднем плейстоцене по археологическим данным / С. С. Макаров, И. Д. Зольников, А. А. Анойкин, А. С. Резвый, А. В. Постнов, А. В. Выборнов // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20. № 5. С. 43–54.

Палеогеография Западно-Сибирской равнины в максимум позднезырянского оледенения / С. А. Архипов, В. И. Астахов, И. А. Волков, В. С. Волкова, В. А. Панычев. Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1980. 107 с.

Палеолит Енисея / З. А. Абрамова, С. Н. Астахов, С. А. Васильев, Н. М. Ермолова, Н. Ф. Лисицын. Л.: Наука, 1991. 158 с.

Равский Э. И. Осадконакопление и климаты Внутренней Азии в антропогене. М.: Наука, 1972. 334 с.

Стоянка Кушеват и палеогеографический контекст начального заселения человеком северного Приуралья / И. Д. Зольников, А. А. Анойкин, Р. Н. Курбанов, Е. А. Филатов, Л. В. Зоткина, А. В. Выборнов, А. В. Постнов, Е. В. Пархомчук, М. О. Филатова // Археология, этнография и антропология Евразии. 2023. Т. 51. № 2. С. 27–37.

Цейтлин С. М. Геология палеолита Северной Азии. М.: Наука, 1979. 284 с.

Этапы первичного освоения человеком Арктики и Субарктики / А. А. Величко, С. А. Васильев, Ю. Н. Грибченко, Е. И. Куренкова // Первоначальное заселение Арктики человеком в условиях меняющейся природной среды. М.: Геос, 2014. С. 422–446.

Ямских А. Ф. Осадконакопление и террасообразование в речных долинах Южной Сибири. Красноярск: КГПИ, 1993. 226 с.

Early human presence in the Arctic: evidence from 45,000-year-old mammoth remains / V. V. Pitulko, A. N. Tikhonov, E. Y. Pavlova, P. A. Nikolskiy, K. E. Kuper, R. N. Polozov // Science. 2016. Vol. 351. P. 260–263.

Evidence for the intrusion of marine Atlanticwaters into the West Siberian Arctic duringthe Middle Pleistocene / D. V. Nazarov, O. A. Nikolskaia, A. S. Gladysheva, I. V. Zhigmanovskiy, M. V. Ruchkin, A. V. Merkuljev K. J. Thomsen // Boreas. 2022 (April). Vol. 51. P. 402–425.

Я. Д. Иванов, В. С. Смолкина, М. Д. Куприянова
Институт истории материальной культуры РАН,
Санкт-Петербург, Россия

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ МОРФОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ СРЕДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ ИНДУСТРИЙ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО ПРИАЗОВЬЯ (НА ОСНОВАНИИ ТРАСОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА КОЛЛЕКЦИЙ СТОЯНОК РОЖОК I И НОСОВО I)

Аннотация. В докладе обсуждаются материалы двух памятников эпохи среднего палеолита – Рожок I и Носово I. Индустрии рассмотрены с точки зрения особенностей облика орудий, особенностей технологии расщепления и вторичной обработки, а также соотношения формы и функции изделий обеих индустрий по результатам трасологического изучения с опорой на уже опубликованные исследования и собственные разработки авторов.

Ключевые слова: средний палеолит, трасологический анализ, Северо-Восточное Приазовье, Рожок I, Носово I

Исследование выполнено при поддержке проекта РНФ № 23-78-10205 «Технологические новации среднего и верхнего палеолита как критерии для уточнения периодизации и индустриальной вариабельности».

Среднепалеолитические стоянки Рожок I и Носово I находятся у одноимённых населенных пунктов на северном берегу Таганрогского залива Азовского моря. Стоянки исследованы Н. Д. Прасловым в 60-гг. XX в., им отмечались хорошая сохранность культурных слоёв и выразительный облик этих индустрий, кото-

© Иванов Я. Д., Смолкина В. С., Куприянова М. Д., 2025

рые позже многократно включались в различные обзоры, посвящённые среднему палеолиту Восточной Европы. Отдельное внимание привлек зуб человека из IV горизонта Рожка I – единственная находка антропологического характера среди всех среднепалеолитических комплексов Восточной Европы. Дополнительно интерес к этим памятникам увеличивает фактически их приграничное положение между двумя крупными географическими областями – Русской равниной и Северным Кавказом. В каждой из этих областей выделены свои специфические группы среднепалеолитических индустрий, вопрос об их соотношении во многом остаётся открытым до сих пор, и в последствии может быть решен как раз благодаря изучению стоянок юга Русской равнины.

Работы на этих памятниках возобновлены Приазовской экспедицией ИИМК РАН под руководством А. К. Очередного. В рамках нового этапа полевых исследований были подготовлены шурфы и зачистки с целью включения памятников в общую хроностратиграфическую картину Северо-Восточного Приазовья и Восточной Европы в целом [Носово I, 2022; Очередной, Воскресенская, Блохин, 2022]. В будущем планируется продолжение полевых исследований, направленных в первую очередь на спасение культурных горизонтов Рожка, находящихся под постоянным воздействием береговой абразии, а также разведки на соседних местонахождениях Рожок II–III, Носово II. Продолжается и изучение индустрий Рожка I и Носово I, к каменным и костяным изделиям применяются новые методические подходы.

После первой самостоятельной публикации однослойной стоянки Носово I [Праслов, 1972], её индустрии было посвящено несколько работ, рассматривающих особенности технологии расщепления на стоянке [Щелинский, 1999], распределение находок и ремонтаж предметов и продуктов расщепления [Колесник, 2016], трасологический анализ отдельных изделий [Праслов, Семёнов, 1969; Щелинский, 1977] и индустрии в целом [Щелинский, 2001].

Каменная индустрия Носово I представляет собой вариант индустрии микокской группы [Щелинский, 1999; Носово I, 2022], или *Keilmessergruppe*, т. е. среднепалеолитических стоянок с двусторонне обработанными асимметричными изделиями. Памятники этой группы распространены в Приазовье, а её ареал в последние десятилетия включает в себя территории от Франции до Алтая. Коллекция включает в себя три двусторонне обработанных орудия, два остроконечника, разнообразные категории скребёл и три специфических асимметричных ножа на отщепах, выделенных в отдельные «ножи носовского типа» [Щелинский, 1999, с. 123]. Широко на стоянке представлено первичное расщепление, выделяются выразительные нуклевидные изделия с элементами леваллуазской технологии, прослеживающейся также по характеристикам дебитажа. Отмечены и инструменты для расщепления в виде двух ретушёров на плоских гальках.

К интересным выводам позволило прийти трасологическое изучение индустрии, согласно результатам которого Носово I является специализированным лагерем по обработке шкур, следы от которой обнаружены на большинстве орудий, а отдельные категории изделий имели разные способы использования [Щелинский, 2001]. Многие аспекты и особенности индустрии при этом остались неизученными, например, существует ли корреляция вариантов вторичной обработки (угол ретуши, количество и параметры лезвий) с определённой функцией, выделяются ли на изделиях следы крепления в рукояти, связаны ли с этой технологией приёмы подготовки обушковых частей. Ответы на эти и другие вопросы в рамках современного комплексного трасологического изучения [Гиря, 2019] позволят определить весь набор технологий обитателей стоянки и дать объяснение морфологическим особенностям индустрии.

Другим опорным среднепалеолитическим комплексом в Приазовье является многослойная стоянка Рожок I, в страти-

графической колонке которой выделяется шесть культурных горизонтов [Праслов, 1968]. I и III горизонты вскрыты на небольшой площади, находки там представлены редкими сколами и мелкими фрагментами костей. Из остальных горизонтов (II, IV–VI) происходят серии выразительных орудийных форм из кремня и отдельные изделия из кости.

Вынося редкие отличия облика предметов и продуктов расщепления из разных горизонтов за скобки, в целом каменная индустрия Рожка I также относится к группе стоянок с двусторонне обработанными изделиями, представленными здесь одной явно многократно переоформленной целой формой II горизонта и фрагментами базальных частей из III, IV и VI горизонтов, а также многочисленными сколами формирования таких изделий. Главная особенность облика индустрии в виде крайней стадии утилизации вещей прослеживается также по односторонним орудиям и нуклевидным формам всех горизонтов. С точки зрения костяной индустрии выделяются IV горизонт, где присутствует костяной ретушёр, характерная форма для среднепалеолитических индустрий, и VI горизонт, где, помимо ещё одного ретушёра, зафиксирована целая серия орудий (стержень, нож, долотовидное орудие) и украшение с подготовленным отверстием [Костяные изделия …, 2023]. Каменные инструменты для расщепления представлены скреблом-ретушёром из II горизонта и крупным отбойником на гальке из VI горизонта.

Дальнейшие перспективы изучения индустрии могут включать в себя современный планиграфический анализ, основанный на использовании статистических методов и верификации пространственного распространения материалов в пределах отдельных уровней обитания, а также трасологические исследования. Результаты, полученные ещё С. А. Семёновым [Праслов, 1968; Праслов, Семёнов, 1969], продемонстрировали хорошую сохранность следов на орудийных формах, но касались только отдельных изделий, а не индустрии в целом. Соответственно, открытыми здесь остаются вопросы о вариантах соотношения формы и функции изделий, вероятного использования технологий крепления в рукоять (особенно, учитывая мелкий размер вещей), и специализации стоянки.

Таким образом, помимо важного местоположения Приазовской группы памятников в контексте расселения древних носителей среднепалеолитических индустрий по Евразии изучение этих комплексов несёт и большое методическое значение. Материалы из всех рассмотренных культурных горизонтов имеют хорошую сохранность следов, и на этих материалах могут быть апробированы различные новые разработки в рамках трасологического анализа и построена модель интерпретации морфологии индустрий, которая будет применена к другим комплексам этой эпохи.

Список источников

Гиря Е. Ю. Доказательная интерпретация следов в контексте формы изделия (на примере ориньякской пластины «с талией» из третьего культурного слоя Костёнок 1) // Верхнедонской археологический сборник. Липецк: ЛГПУ им. П. П. Семёнова-Тян-Шанского, 2019. С. 112–140.

Колесник А. В. Новые наблюдения над старой коллекцией: стоянка Носово I в Северном Приазовье // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. 2016. № 7–1 [160]. С. 18–24.

Носово I / А. В. Колесник, А. К. Очередной, Е. В. Воскресенская, Е. К. Блохин // Ранний и средний палеолит Приазовья: современное состояние исследований. Ростов н/Д: ЮНЦ РАН, 2022. С. 142–162.

Костяные изделия со стоянки среднего палеолита Рожок I (культурный горизонт VI) в Северо-Восточном Приазовье / А. В. Колесник, Е. Ю. Гиря, А. Ю. Данильченко, В. В. Титов, О. Г. Олих, А. К. Очередной // Stratum Plus. № 1. 2023. С. 101–125.

Очередной А. К., Воскресенская Е. В., Блохин Е. К. Рожок I // Ранний и средний палеолит Приазовья: современное состояние исследований. Ростов н/Д: ЮНЦ РАН, 2022. С. 91–114.

Праслов Н. Д. Ранний палеолит Северо-Восточного Приазовья и Нижнего Дона. Л.: Наука, 1968. 156 с.

Праслов Н. Д. Мустьерское поселение Носово I в Приазовье // Материалы и исследования по археологии СССР. Л.: Наука, 1972. № 185. С. 75–83.

Праслов Н. Д., Семёнов С. А. О функциях мустьерских кремнёвых орудий из стоянок Приазовья // КСИА. Вып. 117. 1969. С. 13–21.

Семёнов С. А. Развитие техники в каменном веке. Л.: Наука, 1968. 376 с.

Щелинский В. Е. Экспериментально-трасологическое изучение функций нижнепалеолитических орудий // Проблемы палеолита Восточной и Центральной Европы Л.: Наука, 1977. С. 182–196.

Щелинский В. Е. Каменная индустрия Носово I в Приазовье: технологический аспект // Археологический альманах. Донецк: Изд-во «Лебедь», 1999. С. 109–129.

Щелинский В. Е. О соотношении формы и функции орудий труда нижнего и среднего палеолита // Археологические вести. № 8. 2001. С. 223–237.

А. В. Кандыба
Институт археологии и этнографии СО РАН,
Новосибирск, Россия

ПОЗДНИЙ ПАЛЕОЛИТ ВЬЕТНАМА

Аннотация. Палеолит Вьетнама представлен большим количеством плейстоценовых памятников. При отсутствии надежной хронологии реконструировать прошлое человека на основе анализа типологии артефактов, биоценоза трудно из-за специфики осадконакопления. Использование геоархеологических методов дает возможность на новом уровне рассматривать вопросы, касающиеся активности плейстоценовых гоминин во Вьетнаме.

Ключевые слова: Юго-Восточная Азия, палеолит, нгуом, хоабинь, каменные индустрии

Изучение палеолита Юго-Восточной Азии предполагает исследования довольно специфичного региона с особыми условиями осадконакопления и сохранности археологического материала. Как и в позднем палеолите на юге Китая, в позднем палеолите во Вьетнаме сосуществовали как галечные индустрии, так и индустрии на отщепах. Как и в Южном Китае, во Вьетнаме отщеповые комплексы спорадичны [Палеолитическая культура нгуом…, 2024]. Данным памятникам свойственно большое количество орудий, выполненных на мелких и средних отщепах, простое параллельное расщепление без предварительной подготовки и преобладание в орудийном наборе скребков.

Одним из условий сходства данных каменных индустрий позднего палеолита между этими двумя регионами может быть связано с едиными природно-климатическими условиями в Южном Китае и Вьетнаме. В период последнего ледникового максимума температура в этом обширном регионе резко упала. Существует версия, что отщеповые индустрии в Южном Китае в период позднего палеолита отражают расселение людей с севера на юг Китая. На самом деле, подобные стоянки обнаружены также в среднем и нижнем течении реки Чанцзян (бассейн реки Янцзы), расположенной на севере района горной системы Наньлин. По всей видимости, пришлые человеческие популяции в Южном Китае и Вьетнаме продолжали использовать свои технологии для изготовления небольших орудий из отщепов, адаптируясь к новой экологической среде. Однако технология изготовления каменных орудий, возможно, привнесенная населением из северных регионов, не заменила местную технологию. Это объясняется широким распространением памятников галечно-орудийной индустрии в этом регионе в тот же период. По имеющимся археологическим данным, в Южном Китае и Вьетнаме памятники, на которых были выявлены небольшие комплексы отщеповых индустрий, немногочисленны. Предполагается целесообразным считать проявление культуры нгуом моментом инфильтрации пришлого населения на территории Южного Китая и Северного Вьетнама в позднем плейстоцене со своей самобытной культурой. Но в дальнейшем она не получила разви-

© Кандыба А. В., 2025

тия, что может говорить об ассимиляции и адаптации носителей культуры нгуом к новым природно-климатическим и географическим условиям.

Напротив, комплексы с многих памятников этого периода, особенно стоянок под открытым небом в этом обширном регионе, относятся к индустрии галечных орудий (культура хоабинь). На этой территории насчитывается около 150 стоянок открытого типа и пещерных комплексов с хоабинскими материалами. Они находятся, в основном, в карстовых районах на севере Вьетнама в провинции Тханьхоа и Хоабинь. К сожалению, большая часть этих памятников не имеет дат, установленных радиоуглеродным методом, и отнесена к хоабиньской эпохе на основе результатов типологического анализа находок. Каменный инвентарь часто описан кратко, с указанием только орудийных компонентов, специфичных для хоабиня (суматралиты, короткие топоры, скребла различных модификаций). Сложность интерпретации каменных индустрий Юго-Восточной Азии обусловлена тем, что изменения в технике расщепления и орудийном наборе были незначительными; этому способствовали относительно стабильные природно-климатические условия на протяжении длительного времени и наличие альтернативного сырья, в первую очередь, бамбука.

Изучение с использованием современных геоархеологических методов стратиграфической последовательности литологических отложений в пещерных объектах, несмотря на присутствие в них обширных физических и химических деформаций, дает возможность рассмотреть важные вопросы, связанные с активностью плейстоценовых гоминин в Северном Вьетнаме [The Pleistocene geoarchaeology…, 2019; Late Pleistocene shell…, 2022]. В ходе российско-вьетнамских работ в течение 2010–2014 гг. при участии австралийских специалистов по геохронологии были изучены многослойные пещеры Конмонг, Зием, Мангтиэнг. Получены уникальные материалы, позволяющие восстановить естественную историю памятников в хронологическом интервале от 70 до 20 тыс. л. н. Также установлено, что активное освоение древним человеком пещеры Конмонг, возможно, началось около 50 тыс. л. н. [Con Moong Cave…, 2020]. Наличие в орудийных компонентах рубящих (чопперы) и унифасиальных орудий (суматралитов и топоров, в том числе, коротких), а также господство галечного раскалывания в первичном расщеплении характеризует археологические комплексы как близкие культуре хоабинь. На основании данных абсолютного датирования достоверное проявление хоабиньской культуры на территории Северного Вьетнама можно отнести ко времени около 20 тыс. л. н. [Điem Cave: A Stratified…, 2023]. Проводимые комплексные исследования пещерных комплексов Северного Вьетнама в последнее десятилетие подтверждают уникальность культурной традиции «хоабинь» как пример относительно устойчивой и продолжительной адаптации древних человеческих популяций к условиям тропических широт в конце плейстоцена и начале голоцена. Для более полного понимания нами хоабиньской культуры крайне важно, чтобы ее объекты исследовались как функционально интегрированные места обитания, а не как автономные археологические объекты, как, возможно, предполагалось ранее.

Список источников

Палеолитическая культура нгуом Северного Вьетнама / А. В. Кандыба, К. Ш. Нгуен, А. М. Чеха, З. Д. Нгуен // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2024. Т. 23. Вып. 3. С. 62–73.

Con Moong Cave – a Stratified Late Pleistocene and Early Holocene Site in Northern Vietnam / A. V. Kandyba, K. S. Nguyen, S. A. Gladyshev, G. D. Nguyen, A. M. Chekha, A.P. Derevianko // Archaeology, Ethnography & Anthropology of Eurasia. 2020. Vol. 48. Iss. 4. P. 45–56.

Điem Cave: A Stratified Late Pleistocene and Early Holocene Site in Northern Vietnam / A.V. Kandyba, K. S. Nguyen, Gladyshev S. A., G. D. Nguyen, A. M. Chekha, A. P. Derevianko // Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia. 2023. Vol. 51. Iss. 3. P. 130–139.

Late Pleistocene shell midden microstratigraphy indicates a complex history of human-environment interactions in the uplands of northern Vietnam / McAdams C., Morley M. W., Fu X., Kandyba A. V., Derevianko A. P., Nguyen D. T., Doi N. G., Roberts R. G. // Philosophical Transactions of the Royal Society B. 2022. Vol. 377. Iss. 1849. P. 1–16.

The Pleistocene geoarchaeology and geochronology of Con Moong Cave, North Vietnam: Site formation processes and hominin activity in the humid tropics / C. McAdams, M.W. Morley, X. Fu, A. V. Kandyba, A. P. Derevianko, T. D. Nguyen, G. D. Nguyen, R. G. Roberts // Geoarchaeology. An International Journal. 2019. Vol. 35. P. 72–97.

М. Б. Козликин
Институт археологии и этнографии СО РАН,
Новосибирск, Россия

СРЕДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ ДЕНИСОВОЙ ПЕЩЕРЫ

Аннотация. На основе послойного анализа каменных артефактов показана динамика материальной культуры среднепалеолитических обитателей Денисовой пещеры в хронологическом интервале морских изотопных стадий 9–4.

Ключевые слова: Горный Алтай, Денисова пещера, средний палеолит, плейстоцен, геохронология, денисовцы, неандертальцы, каменная индустрия

Исследование выполнено при поддержке РНФ, проект № 24-78-10006.

Стабильное заселение юга Западной Сибири связано с проникновением около 300 тыс. л. н. на территорию Алтая группы древних людей, каменные орудия которых обнаружены в нижних культуросодержащих слоях Денисовой пещеры. Палеогенетические исследования антропологических находок из плейстоценовых отложений пещеры свидетельствуют о самостоятельном пути развития гомининов на территории Южной Сибири. Представители ранее неизвестной популяции ископаемых людей – денисовцы – сосуществовали на Алтае с наиболее восточной группой неандертальцев. Геномы высокого покрытия, выделенные из ископаемых останков денисовцев и неандертальцев, обнаруженных в пещере, свидетельствуют о генетической интрогрессии между этими двумя группами [The genome of the offspring..., 2018]. В то время как неандертальцы пришли на Алтай, скорее всего, из западных районов Азии, корни культуры, носителями которой были денисовцы, прослеживаются с древнейших слоев Денисовой пещеры, накапливавшихся в интервале МИС 9-7 [Timing of archaic..., 2019; Деревянко, Шуньков, Козликин, 2020].

Каменные артефакты из этих отложений насчитывают свыше 50 тыс. экз. Обилие материала позволило детально реконструировать культурные традиции денисовцев на Алтае [Шуньков, Козликин, 2023]. Первые обитатели пещеры для расщепления камня использовали, в основном, радиальную, реже – параллельную технологию. Среди сколов преобладают укороченные и короткие отщепы. Пластины и удлиненные снятия немногочисленные. Заготовками орудий служили крупные, часто массивные отщепы, обработанные, в основном, краевой или захватывающей крутой субпараллельной крупнофасеточной сильно модифицирующей ретушью. Распространенными приемами вторичной обработки являлись вентральная оббивка и усечение.

Основу орудийного набора составляли различные формы скребел, зубчатых, выемчатых и шиповидных орудий. Характерной чертой индустрии являются скреб-

© Козликин М. Б., 2025

ла, оформленные многорядной высокой ретушью типа кина. Многочисленной серией представлены вентрально-утонченные сколы – крупные, как правило, массивные отщепы с интенсивной обработкой крупными вентральными снятиями одного или двух продольных краев, дистального, дистального и продольного края или на ¾ периметра. Другую характерную группу изделий составляют базально-тронкированные сколы. Два последних типа наиболее представительны в индустриях и являются культурно-идентифицирующими изделиями-маркерами этого комплекса.

Индустрии начальной стадии среднего палеолита из нижней части плейстоценовых отложений Денисовой пещеры по своим культурно-хронологическим характеристикам не имеют аналогов в палеолите не только Алтая, но и Северной и Центральной Азии в целом.

Дальнейшее развитие среднепалеолитических индустрий Денисовой пещеры отражают археологические материалы из слоев на разных участках стоянки, накопление которых происходило в интервале 150–50 тыс. л. н. [Timing of archaic..., 2019]. В наборах ядрищ в индустриях этого времени распространены плоскостные параллельные и радиальные нуклеусы. Небольшой серией представлены леваллуазские ядрища для получения отщепов, пластин и острий. Присутствуют единичные подпризматические нуклеусы. В числе сколов-заготовок здесь, по сравнению с предшествующим комплексом, увеличивается количество удлиненных отщепов, появляются пластины правильной прямоугольной формы. В орудийном наборе, на фоне преобладания различных типов скребел, сохраняется хорошо выраженный компонент из зубчатых и выемчатых орудий, присутствуют вентрально-утонченные и базально-транкированные сколы. В небольшом количестве представлены леваллуазские острия. Появляются изделия верхнепалеолитической группы, включающие такие категории, как скребки, резцы, долотовидные орудия и усеченные сколы.

Палеоантропологические находки и ДНК, выделенная из среднепалеолитических слоев пещеры [Pleistocene sediment..., 2021], принадлежат, в основном, денисовцам. Вместе с тем зафиксировано также присутствие неандертальцев и найдена кость девочки-гибрида, чья мать была неандерталкой, а отец – денисовцем [The genome of the offspring..., 2018]. Эти данные и отсутствие резких изменений в составе каменных индустрий позволяют говорить о каких-то формах, скорее всего, совместного, а не попеременного обитания в пещере денисовцев и неандертальцев. На сегодняшний день оценить возможный вклад неандертальцев в эту индустрию достаточно сложно. Однако сопоставление среднепалеолитических комплексов Денисовой пещеры с неандертальскими индустриями сибирячихинского варианта среднего палеолита Алтая из пещер Чагырская и Окладникова позволяет заключить, что влияние последних на денисовский технокомплекс было минимальным.

Сибирячихинская индустрия, связанная со второй волной миграции неандертальцев в Сибирь с территории Восточной Европы и Северного Кавказа на рубеже МИС 4 и МИС 3, характеризуется доминированием отходов каменного производства и значительной долей орудий. Первичное расщепление было направлено на получение трапециевидных и прямоугольных отщепов, которые изготовлялись в рамках плоско-выпуклого бифасиального, радиального и ортогонального раскалывания. Скребла преобладают в орудийном наборе, наиболее многочисленные изделия этого типа – трапециевидной и листовидной форм. Эта индустрия имеет значительное сходство с европейскими микокскими комплексами [Archaeological evidence…, 2020].

Список источников

Деревянко А. П., Шуньков М. В., Козликин М. Б. Кто такие денисовцы? // Археология, этнография и антропология Евразии. 2020. Т. 48. № 3. С. 3–32.

Шуньков М. В., Козликин М. Б. Древнейшие палеолитические комплексы Денисовой пещеры на Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. 2023. Т. 51. № 1. С. 18–32.

Timing of archaic hominin occupation of Denisova Cave in southern Siberia / Z. Jacobs, B. Li, M. V. Shunkov, M. B. Kozlikin, N. S. Bolikhovskaya, A. K. Agadjanian, V. A. Uliyanov, S. K. Vasiliev, K. O'Gorman, A. P. Derevianko, R. G. Roberts // Nature. 2019. Vol. 565. P. 594–599.

Archaeological evidence for two separate dispersals of Neanderthals into southern Siberia / K. A. Kolobova, R. G. Roberts, V. P. Chabai, Z. Jacobs, M. T. Krajcarz, A. V. Shalagina, A. I. Krivoshapkin, B. Li, T. Uthmeier, S. V. Markin, M. W. Morley, K. O'Gorman, N. A. Rudaya, S. Talamo, B. Viola, A. P. Derevianko // PNAS. 2020. Vol. 117. No. 6. P. 2 879 – 2 885.

Pleistocene sediment DNA reveals hominin and faunal turnovers at Denisova Cave / E. I. Zavala, Z. Jacobs, B. Vernot, M. V. Shunkov, M. B. Kozlikin, A. P. Derevianko, E. Essel, Fillipo de C., S. Nagel, J. Richter, F. Romagné, A. Schmidt, B. Li, K. O'Gorman, V. Slon, J. Kelso, S. Pääbo, R. G. Roberts, M. Meyer // Nature. 2021. Vol. 595. P. 399–403.

The genome of the offspring of a Neandertal mother and a Denisovan father V. Slon, F. Mafessoni, B. Vernot, C. Filippo, S. Grote, B. Viola, M. Hajdinjak, S. Peyrégne, S. Nagel, S. Brown, K. Douka, T. Higham, M. B. Kozlikin, M. V. Shunkov, A. P. Derevianko, J. Kelso, M. Meyer, K. Prüfer, S. Pääbo // Nature. 2018. Vol. 561. P. 113–116.

А. В. Колесник
Донецкий государственный университет,
Донецк, Россия

КУЛЬТУРНАЯ ТАКСОНОМИЯ СРЕДНЕГО ПАЛЕОЛИТА ДОНБАССА, СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО ПРИАЗОВЬЯ И НИЖНЕГО ДОНА

Аннотация. Комплексы каменных изделий палеолитических индустрий эволюционировали во времени. Разнообразие техники первичного расщепления, технологии производства и типологии орудий индустрий МИС 5-3 принято описывать в рамках вариантов среднего палеолита. Предлагается актуальный список вариантов среднего палеолита Донбасса, Северо-Восточного Приазовья и Нижнего Дона с перечнем основных памятников.

Ключевые слова: Донбасс, средний палеолит, культурная вариабельность, типология, региональная модель палеолита

Исследование выполнено в рамках проекта № 124012400356-4 «Актуальные проблемы древней и средневековой истории и археологии Донбасса».

Культурная таксономия (культурная вариабельность) индустрий среднего палеолита относится к наиболее спорному пространству науки о древнейшем прошлом. Культурная таксономия завершает логическую конструкцию, основанную на типологии каменных и костяных изделий, со своим кругом нерешенных проблем. Понятия этой категории затрагивают деятельность людей, тесно связанную с их когнитивными способностями и стереотипами поведения, передачей культурных традиций. В этой области знаний отмечается значительная инертность понятийно-терминологического аппарата, в настоящее время по-прежнему используются культурные таксоны (в различных объемах понятий), выработанные в свое время Г. Бозинским, Ф. Бордом, В. Н. Гладилиным, А. П. Деревянко, Н. Д. Прасловым, А. А. Формозовым, М. В. Шуньковым, В. Е. Щелинским и другими исследователями. В данном обзоре предлагается перечень региональных вариантов среднего палеолита, с учетом актуальной терминологии, без их соподчинения. Разработка региональных моделей палеолита (в контексте хронологической и культурной вариабельности) позволяет конкретизировать закономерности развития материальной культуры человека неоплейстоцена.

© Колесник А. В., 2025

Восточный микок. По отношению к индустриям среднего палеолита с двусторонне обработанными асимметричными в плане орудиями, значительная часть из которых с плоско-выпуклым поперечным сечением, в результате длительной дискуссии закрепилось название «микок», или «восточный микок». Следует отметить, что вокруг номенклатуры орудий индустрий этого культурного варианта не умолкают острые дискуссии, так как именно с ними часто связаны базовые принципы типологий изделий. Памятники с каменными изделиями подобного облика распространены в Европе широкой полосой от Атлантики до Средней Волги, в основном в пределах Европейской равнины. В Восточной Европе распространение памятников носит очаговый характер [Колесник, 2003, с. 279]. Основное количество памятников относится к позднему периоду среднего палеолита, в пределах МИС 5-3.

В настоящее время в русскоязычный терминологически-понятийный аппарат импортирована концепция Keilmessergruppen, которая достаточно успешно описывает, по крайней мере, индустрии Хотылево и Сухой Мечётки с их бифасами среднеевропейских типов [Очередной, 2010]. В Донбассе, Северо-Восточном Приазовье и на Нижнем Дону в круг памятников со специфическими асимметричными бифасами других разновидностей входят Антоновка I и II, Красный Яр, Черкасское, Носово I, Рожок I, Марьева Гора и многочисленные местонахождения единичных орудий. Степень сходства по технике первичного расщепления и типологии изделий с вторичной обработкой в комплексах достаточно высокая. Специфична техника первичного расщепления камня индустрии Марьевой Горы, с выраженным леваллуа-острийным компонентом. Важно отметить, что в своей основе техника первичного расщепления, набор приемов обработки большинства скребел и остроконечников, набор изделия со вторичной обработкой, кроме бифасов, в индустриях этого круга памятников Европейской части России соответствует или близок стандартам леваллуа-мустье.

Леваллуа-мустье. К этому варианту среднего палеолита относится мастерская Звановка в Северо-Западном Донбассе. Леваллуа-мустьерский компонент сам по себе широко представлен в регионе во многих индустриях в виде нуклеусов с радиально-дисковидным расщеплением, атипичными острийными леваллуазскими нуклеусами и сколами с них, широким спектром классических скребел и остроконечников. При этом классические индустрии леваллуа-мустье молодовского типа (Молодово I, Кормань IV, Пронятин др.) в регионе не отмечены.

Леваллуа-мустье с пластинчатым компонентом. На фоне памятников среднего палеолита Донбасса и Приазовья выделяется индустрия из ранневалдайского лёсса стоянки Курдюмовка в Северо-Западном Донбассе. Леваллуа-мустьерская по своему характеру индустрия этого комплекса сочетается с выраженным пластинчатым компонентом. Это видно по плоским нуклеусам с признаками торцового расщепления, многочисленным пластинам, развитому приему перебора карниза в зонах расщепления, наличию удлиненных остроконечников. Возможно, к этому кругу памятников относятся индустрии нижних слоев стоянки Бирючья Балка 2 в низовьях Северского Донца, содержащие нуклеусы с элементами торцового рабочего фронта и серии пластин и пластинчатых сколов разных типов, включая сколы с двусторонне обработанных продольных ребер, а также редкие орудия из пластин [Матюхин, 2012; Данильченко, 2021а, 2021б]. Леваллуа-мустье с пластинчатым компонентом датируется в Донбассе и Приазовье в пределах МИС 5c-5e [Николаево-Отрадное-III – местонахождение…, 2024]. Технико-типологические параллели этого варианта среднего палеолита широко представлены в основном в северо-западной части Западной Европы [Revillon, 1994].

Мустье загросского типа. В пределах юга Русской равнины по-прежнему уникальной является так называемая Белокузьминовская группа памятников среднего палеолита [Нехорошев, 1996]. В её состав входят собственно стоянки Бело-

кузьминовка в Северо-Западном Донбассе и Шлях на Среднем Дону. За пределами Равнины памятники с похожей в технико-типологическом плане каменной индустрией встречены на Северном Кавказе, в южном Узбекистане и на Ближнем Востоке. В технике первичного расщепления широко развиты приемы скалывания пластин и пластинчатых отшепов с двуплощадочных нуклеусов и плоским рабочим фронтом. Типологическое ядро изделий с вторичной обработкой составляют truncated-facetted и bi-truncated-facetted. Индустрии Ближнего Востока с леваллуа-пластинчатой основой и многочисленными изделиями truncated-facetted концентрируются в основном в пределах Загросского нагорья, их принято объединять в мустье загросского типа [Hidjrati, Kimball, Koetje, 2003]. Вероятно, памятники этого варианта ближневосточного среднего палеолита являются генетической основой индустрии грота Оби-Рахмат в Узбекистане и одного из региональных вариантов перехода к позднему палеолиту [Кривошапкин, 2012]. Второе гипотетическое направление культурного импульса мустье загросского типа – Северный Кавказ и далее, юг Русской равнины [Колесник, 2023].

В целом между применяемыми системами описания типологии и культурной таксономии нет внутреннего единства и соподчинения, вероятно, это означает, что выделяемые разновидности среднего палеолита не имеют генетически общего предка с осязаемой точкой дивергенции отдельных вариантов. Степень вариативности индустрий среднего палеолита в регионе соизмерима со степенью вариативности индустрий позднего палеолита.

Список источников

Данильченко А. Ю. Нуклеусы с торцовым расщеплением из среднепалеолитического слоя 6 стоянки Бирючья Балка 2 в низовьях Северского Донца // Донецкие чтения 2021: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности. Том 7: Исторические науки. Донецк: ДонНУ, 2021а. С. 238–240.

Данильченко А. Ю. Пластинчатые сколы ка показатель технологии первичного расщепления камня в индустрии слоя 6 (средний палеолит) стоянки Бирючья Балка 2 в низовьях Северского Донца // Верхний палеолит Европы: Время культурных новаций. ИИМК РАН, ГАМЗ «Костенки». СПб: ИИМК РАН, 2021б. С. 62–64.

Колесник А. В. Средний палеолит Донбасса // Археологический альманах. Вып. 12. Донецк, 2003. 294 с.

Колесник А. В. Белокузьминовская группа памятников в контексте современной проблематики палеолита Восточной Европы // Записки ИИМК РАН. № 29. 2023. С. 17–25.

Кривошапкин А. И. Обирахматский вариант перехода от среднего к верхнему палеолиту: автореф. дис. … д-ра. ист. наук. Новосибирск, 2012. 38 с.

Матюхин А. Е. Бирючья Балка 2: Многослойный палеолитический памятник в бассейне Северского Донца. СПб.: Нестор-История, 2012. 244 с.

Нехорошев П. Е. Среднепалеолитическая группа памятников на юге Русской равнины // Археологический альманах. № 5. Донецк, 1996. С. 71–74.

Николаево-Отрадное-III – местонахождение среднего палеолита на берегу Миусского лимана (Северо-Восточное Приазовье) / А. В. Колесник, А. Ю. Данильченко, К. Н. Гаврилов, Ю. Н. Зоров, В. В. Титов, Е. А. Константинов, П. Г. Панин, П. Д. Фролов, Н. В. Сычев // КСИА. № 275. 2024. С. 7–24.

Очередной А. К. Двусторонне обработанные обушковые орудия (Keilmesser) в среднем палеолите верхней Десны // Stratum plus. № 1. 2010. С. 227–233.

Hidjrati N. I., Kimball L. R., Koetje T. Middle and Late Pleistocene investigations of Myshtulagty Lagat (Weasel Cave) North Ossetia, Russia // Antiquity. V. 77, № 298. 2003. P. 1–5.

Revillon S. Les industries laminaire du Paléolithique moyenn en Europe septrionale. L'Exemple des gisements de Saint-Germain-des-Vaux // Port-Racine (Manche), de Seclin (Nord) et de Riencourt-lès-Bapaume (Pas-de-Calais). CERP 5, 1994. 188 p.

А. В. Константинов
Забайкальский научный центр Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН,
Чита, Россия

ПЛАНИГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОЧАЖНОГО КОМПЛЕКСА КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ 17 ПОСЕЛЕНИЯ УСТЬ-МЕНЗА 2 В ЗАБАЙКАЛЬЕ

Аннотация. В статье проведён планиграфический анализ структур культурного слоя 17 поселения Усть-Менза 2 (Забайкальский край, Красночикойский район), которые залегают в толще аллювиальных отложений II террасы на глубине 5,5 м и датируются сартанским временем. Основное внимание уделено анализу своеобразного, хорошо сохранившегося очажного комплекса и его интерпретации.

Ключевые слова: многослойное поселение, палеолит, сартан, планиграфия, очаг.

В Забайкалье выявлен ряд многослойных поселений, связанных с речными террасами, которые дают презентативный материал. К ним относятся поселения, входящие в Студёновский, Усть-Мензинский, Косошиверинский и Сухотинский археологические комплексы. Одним из опорных памятников является поселение Усть-Менза 2 (Забайкальский край, Красночикойский район). Изучение поселения начато в 1980 г. и с перерывами продолжается до настоящего времени Чикойской археологической экспедицией Забайкальского государственного университета [Константинов, Константинов, 2024; Маслодудо, 2024].

На поселении, которое связано с II террасой высотой 10 м, выявлено 34 культурных слоя (из них 31 датируется поздним верхним палеолитом). Отложения террасы вскрыты на всю глубину вплоть до галечника, общий разрез поселения составил 9 м. В палеолитических культурных слоях, разделённых стерильными прослойками, выявлены различные структуры – скопления находок, зольные пятна, очаги, одноочажные и многоочажные жилища с внешними обкладками.

В статье анализируются структуры, выявленные в культурном слое 17 на площади в 113 кв. м. Слой связан с тонкой иловатой прослойкой мощностью 1 см, залегающей на глубине 5,5 м от поверхности в толще аллювиальных отложений. Здесь выявлено две самостоятельные структуры – очаг и зольное пятно с находками, анализ которых позволяет выявить некоторые особенности организации хозяйственной деятельности. Данные структуры изучались автором в 1987, 1988 гг., но остались опубликованными лишь кратко, без иллюстративного материала [Константинов, 2002].

Первая структура – это хорошо сохранившийся выразительный очаг овально-вытянутой формы размерами 1 × 1,55 м, длинной осью вытянутый в направлении восток – запад. В обкладке очага использовано 11 крупных речных валунчиков и скальных обломков (рис. 1, *1–11*) размерами от 18 × 25 до 22 × 55 см. Обращает на себя внимание, что камни для очага специально подобраны по высоте, имеют плоские поверхности, тщательно уложены по длинной оси вплотную друг к другу. Иногда даже минимальный зазор между камнями в 2–3 см заполнялся небольшим камушком, который заклинивал очажную конструкцию. Также конструкцию скрепляли небольшие речные гальки (рис. 1, *12–20*), расположенные внутри очага и подпирающие основные очажные камни. Заметим, что всё это сделано намеренно, поскольку очаг расположен на поверхности с наклоном 10°. Камни обкладки сильно обожжены, два камня треснули под воздействием огня. Расположенные по длинной оси камни (рис. 1, *1, 7*), занимают наиболее высокое гипсометрическое положение, что представляется неслучайным. Заполнение очага – черная, плотная углистая масса с сероватыми вкрапления-

© Константинов А. В., 2025

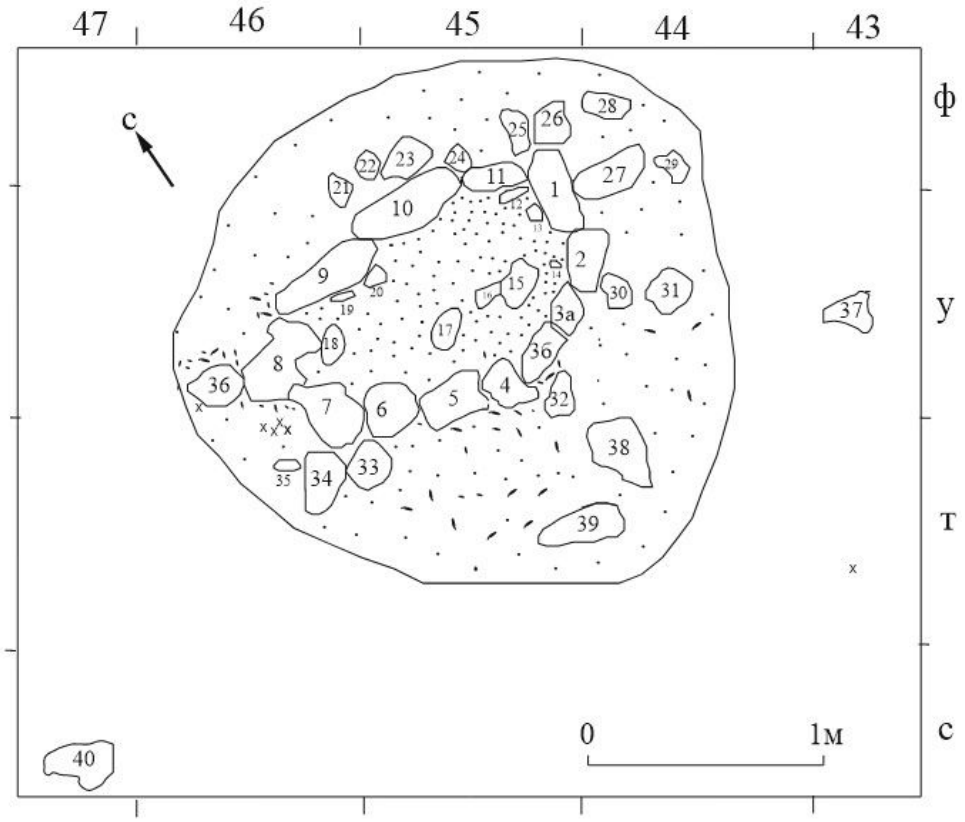

Рис. 1. План очага культурного слоя 17 (цифрами указаны номера камней)

ми (следы пережжённых костей) мощностью до 4 см и масса очень мелких обожжённых косточек. Углистая масса и хорошо сохранившиеся угольки встречаются и под очажными камнями, что свидетельствует о последовательности действий при оборудовании очага.

Вокруг очага расположено углистое пятно округлой формы размерами 2,4 × 2,5 см с максимальной мощностью у очага до 1 см. На поверхности пятна расположено 15 камней. В основном они небольших размеров и примыкают к очагу с разных сторон и только два наиболее крупных (*38*, *39*) расположены на удалении до метра. За пределами пятна расположены только два крупных камня (рис. 1, *37*, *40*) на удалении до 2 м. Находки немногочисленны – 150 мелких обломков косточек, несколько отщепов и микропластинок. Все находки – в пределах углистого пятна и, в основном, вплотную примыкают к очагу. По углю, взятому из очага, получены две даты – 15 400 ± 400 (ГИН-5 478) и 16 900 ± 500 (ГИН-6117).

В целом очаг производит впечатление монументальности и выбивается из многочисленной серии палеолитических очагов, выявленных в Забайкалье на поселениях Студёное 1, 2, Усть-Менза 1, 3, Косая Шивера 1, 2, Сухотино 4 (как правило, они имеют округлую форму диаметром до метра). Особенность очага – его большие размеры, вытянутая форма, наличие противолежащих высоких камней, тщательность подгонки камней в обкладке, мощность заполнения и крайне незначительное число артефактов, что входит в противоречие с его конструкцией.

На наш взгляд «мощность» большого очага явно превышает потребность обогрева небольшого жилищного пространства. Выявленные в Забайкалье жилища, как правило, небольшие (диаметром основания 3–4, максимум до 5 м). Экспериментальным путём доказано, что огонь в очаге внутри жилища должен быть умеренным. Скорее всего, данный очаг находился вне жилищного пространства и использовался для приготовления пищи, возможно, цельной туши животного.

Вторая структура расположена в 5 м от очага и представлена углистым пятном овальной формы размерами 1,4 × 2,25 м мощностью углистого заполнения в центре до 2 см с рассеянными по его поверх-

ности камнями и находками. На поверхности пятна 37 мелких и средних галек, скальных обломков размерами от 5 × 6 до 16 × 28 см, которые не образуют какой-либо системы. С пятном связаны 332 находки, из них половина – мелкие раздробленные косточки. Также здесь найдены микронуклеус, крупный подпризматический нуклеус, резец из бокового скола, 2 фрагмента пластинок с рабочей ретушью, 69 микропластинок и их фрагментов, 5 неправильных пластинок, отщепы. Структура может быть определена как жилая площадка.

Как видно, структуры имеют полярную сохранность, что является доказательством их разновременности. Очажная конструкция возникла уже после разрушения расположенной рядом структуры, которая ранее, вероятнее всего, представляла собой очаг, рядом с которым проходила активная хозяйственная деятельность. Очагу «повезло» – он относительно быстро был перекрыт речными отложениями, что способствовало его консервации.

Отметим и эксперимент, проведённый с очагом. Уже после его окончательной разборки, очажные камни были уложены на поверхности рядом с раскопом, точно повторяя его конструкцию. Уже через год камни сильно растрескались, а еще через два года на их месте находилась скопление мелких и средних камней. Особенно быстро разрушались глыбы гнейса. Как видно, очажная конструкция быстро разрушилась в результате атмосферного воздействия. Аналогичный процесс должен был происходить и на древней поверхности. Данный пример может служить показателем соотношения структур культурного слоя во времени, тафономии культурных остатков.

Отметим, что культурный слой 17 находится в непотревоженном состоянии. Выше его на 30 см залегает слой 16, отделённый стерильной песчаной прослойкой, а ниже в аналогичной ситуации – слой 18. В настоящее время с расширением раскопочного поля вновь появляется возможность продолжить изучение культурных слоёв, залегающих в нижней части аллювиальных отложений и датируемых раннесартанским временем, с использованием новых методов исследований.

Список источников

Константинов А. В. Древние жилища Забайкалья (палеолит, мезолит). Новосибирск: Наука, 2002. 232 с.

Константинов М. В., Константинов А. В. Террасовая археология Забайкалья // 300 лет научных исследований в Забайкалье. Чита: ЗабГУ, 2024. С. 65–69.

Маслодудо С.В. Каменные структуры палеолитических слоёв поселения Усть-Менза 2 // 300 лет научных исследований в Забайкалье. Чита: ЗабГУ, 2024. С. 69–73.

М. В. Константинов
Забайкальский государственный университет,
Чита, Россия

ДРЕВНИЕ МНОГОСЛОЙНЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ ЗАБАЙКАЛЬЯ

Аннотация. В Забайкалье в бассейне реки Чикой изучались многослойные древние поселения на I и II террасах. Опорными памятниками являются Студёное I и Студёное II, соответственно 38 и 15 культурных слоёв. Они охватывают время от 20 до 2 тыс. л. н. Важные сведения получены при раскопках Усть-Мензы I (25 КС), Усть-Мензы II (34 КС), Усть-Мензы III (7 КС), Алтана (19 КС), Косой Шиверы (14 КС) и др. Разработана периодизация, определены стратотипы террас, выявлена серия жилищ.

Ключевые слова: Забайкалье, Чикой, террасы, многослойные поселения, жилища.

В течение полувека в Забайкалье изучается Студёновский археологический комплекс. Он расположен на правобережье реки Чикой, у впадения ручья Студё-

© Константинов М. В., 2025

ного, под прикрытием склонов южной горной гряды Малханского хребта. Представлен двумя поселениями – Студёное I и Студёное II. Проведено серийное радиоуглеродное датирование (44 образца) [Константинов М., 1994, Константинов А., 2001].

Поселение Студёное I связано с I надпойменной террасой высотой 5–6 м, сформированной позднесартанскими и голоценовыми отложениями. Изучено на площади 1060 кв. м. Выявлено 38 культурных слоёв (далее – КС), что наряду с поселением Белькачи (Якутия) является наибольшим в Сибири. В нижней половине отложений выявлены десять культурных слоёв (КС 14–19/4). Они связаны с изолированными иловатыми прослоями позднесартанских интерстадиалов (12,8–10,8 тыс. л. н.) Характеризуют позднюю фазу позднего периода верхнего палеолита. Впервые в Северной Азии выявлены жилища на поверхности древнего галечника (КС 19/4). Основания жилищ округлые, выложенные по периметру речными валунчиками. Таким же образом оформлены жилищные очаги. Такого же типа жилища раскрыты в КС 17, 18/1, 18/2, 19/3. Их диаметр 4–5 м. В некоторых слоях выявлено по два жилища. Жилища реконструируются в виде конических чумов. В жилище из горизонта 18/2 обнаружена уникальная для Забайкалья основа костяного однопазного вкладышевого ножа длиной 26,8 см. Особенной находкой являются следы тлена от трёх тонких древесных стержней, похожих на шампуры для приготовления мяса (КС 17). В очаге жилища № 1 в КС 19/4 найден кремешок ярко-красного цвета, предположительно своеобразный символ огня. В КС 14–16, 19/1 выявлена серия кострищ и очагов. В жилищах и рядом с ними найдены каменные артефакты в виде ортогональных нуклеусов (для снятия отщепов), микронуклесов, микропластин, скрёбел с унифасиальной и краевой обработкой, скребков, долот, резцов, чопперов и др. В жилище № 2 из КС 17 в зоне очага проводилось интенсивное расщепление камня. Найдены остатки животных, таких как байкальский як, бизон, винторогая антилопа, благородный олень, сибирский козёл. Кровлю пойменного аллювия формирует слой песка норильской стадии, содержащий КС 13/1 и 13/2. Они отнесены к раннему мезолиту (10,8–10,3 тыс. л. н.). Данные КС представлены двумя углистыми пятнами, артефактами и обломками костей. Бореальное время отмечено частичными размывами поверхности и врезом, оформляющим уступ террасы. Предположительно «бореальная лакуна» (10,3–8,0 тыс. л. н.) поглотила культурные ингредиенты среднего мезолита. Поздний мезолит (КС 10–12) проявляет себя в нижних чёрных палеопочвенных прослойках атлантического времени (8–7 тыс. л. н.). На участке террасы, примыкающем к ручью, КС 10, 11, 12 расчленяются каждый на два слоя – 10А, 10Б, 11А, 11Б, 12А, 12Б.

В них обнаружены два углистых пятна диаметром 3,2 и 3,7 м с массовым вещественным материалом и особо важными находками, в их составе: крупное пазовое роговое орудие, двупазная костяная основа наконечника стрелы, два рыболовных крючка из рожков косули, два костяных стерженька от сложносоставных крючков, охотничья костяная заколка (укэн). Териофауна представлена остатками благородного оленя, косули, дзерена, лося; ихтиофауна – костями ельца, плотвы, налима, щуки. С той же пачкой отложений атлантического времени, состоящих из чёрных прослоек, связаны КС 2–9; они характеризуют неолит, при этом на указанном выше участке террасы КС 2 расчленяется на два слоя – 2А и 2Б, КС 7 – также на два слоя – КС 7А и КС 7Б; КС 9 на восемь слоёв – 9А–9З (7,0–3,8 тыс. л. н.). Всего зафиксировано 17 неолитических КС. Керамика появляется в КС 9. Она слабого обжига, с оттисками нитей, с донышками от остродонных сосудов. Попытки некоторых авторов представить эту керамику по возрасту как плейстоценовую лишены каких-либо археологических и геологических оснований. В вышележащих культурных слоях наблюдается совершенствование обжига и форм сосудов, а также усложнение орнаментации, что является основой разделения неолита на

ранний, средний и поздний этапы. В неолитических КС выявлены рабочие площадки с расщеплённым камнем и кострища. Распространены микронуклеусы, пластинки различных размеров, скрёбла, скребки, резцы, чопперы, тёсла, встречаются остроконечники. Наиболее ценные вещи: две костяные заколки-укэн, два обломка костяных основ от наконечников стрел (КС 9Ж, 9Е).

КС 1Б и 1А относятся к покровным отложениям, соответственно, к суббореальному и субатлантическому времени, и представляют раннюю и позднюю бронзу таёжной зоны (3,8–2,2 тыс. л. н.). В КС 1Б (подпочвенная каштановая супесь) раскрыты прямоугольные и округлые очаги, в КС 1А (дерново-почвенный слой) в связи с крестьянской распашкой хозяйственные структуры не сохранились. Выявлены единичные изделия из бронзы, кусочки руды, многочисленный каменный инвентарь, включая микронуклеусы, и керамические черепки от сосудов и плоских плиток.

По стратотипу I террасы, археологической стратиграфии и характеру материала аналогами Студёного I в бассейне Чикоя являются Усть-Менза I с 25 культурными слоями (далее – КС), Алтан – 19 КС, Косая Шивера I – 14 КС, Солонцовое I – 9 КС, Усть-Менза VIII и IX – по 4 КС.

Поселение Студёное II связано с II надпойменной террасой высотой 9–10 м. Изучено на площади 817 кв. м. Выявлено 15 культурных слоёв. Нижний слой (КС 8) базируется на поверхности позднекаргинского галечника, подтверждая возможность поселений на береговых бечевниках, вероятно, в маловодье. Расчищено три жилища с внешними каменными обкладками диаметром около 3 м и отдельно расположенный очаг. Находки немногочисленны: чопперы, отщепы, скребок высокой формы, зубы бизона и кабана, осколки обожжённых костей. Возраст – не менее 20 тыс. л. н. Основную часть отложений составляют аллювиальные перегляциальные пески, формировавшиеся в пойменном режиме. В средней части разреза раскопаны многоочажные жилища. Особенно впечатляющим по размерам и сохранности является 6-очажное жилище в КС 4/5. Очаги вытянуты в одну линию, ориентированную вдоль бровки террасы. Внутреннее пространство обрамлено каменной обкладкой овальной формы. Её размеры 18,5 х 5 м. Реконструируется как родовое длинное жилище с коньковой жердью в перекрытии. Такого же плана жилище, но с тремя очагами, выявлено в КС 5. Возраст жилищ – 17–18 тыс. л. н. В жилищах проводилась обработка камня, резьба по кости и рогу, обработка дерева и шкур, разделка мяса, растирание охры, шитьё с использованием игл и шильев. К находкам особой ценности относится «жезл начальника» из отростка рога северного оленя, покрытый богатым резным меандровым и линейным орнаментом, окрашенный красной охрой, с центральным, мастерски выполненным, сквозным отверстием. После излома жезл аккуратно прикопан на краю жилища (КС 4/5). Из пяточной кости архара выполнена скульптура головы лося. Мастер увидел образ головы зверя в естественной форме в её определённом ракурсе и пришлифовал костную поверхность в полном объёме (КС 5). Большой интерес представляют бусинки с биконическими отверстиями из талькового сланца, туфита, риолита и скорлупы яиц страуса. В КС 4/6 и КС 6 начато изучение ещё двух жилищ, сооруженных с использованием речных камней. В КС 4/1–4/4, 7/1 и 7/2 выявлены углистые пятна, артефакты и обломки костей. Фауна в аллювиальных слоях – носорог, северный и благородный олень, архар. Аллювий перекрывает палеопочвенный позднесартанский чётко структурированный отдел из трёх супесчаных прослоев. В нижней прослойке (кокоревский интерстадиал) изучено округлое жилище с каменной обкладкой диаметром до 5 м., с кострищем в ямке и камнями по соседству. Внутри жилища – артефактный набор и обломки костей. Возраст – около 12,7 тыс. л. н.

КС 2 связан с голоценовой палеопочвенной прослойкой с каменными изделиями и осколками костей, относимых к мезолиту. В КС 1А и 1Б (почва и подпоч-

венная каштановая супесь) найдены каменные изделия и керамика эпохи бронзы.

По стратотипу II террасы и её археологическому наполнению Студёное II объединяет вокруг себя такие поселения, как Усть-Менза II (34 КС), Усть-Менза III (7 КС), Усть-Менза IV (3 КС), Нижняя Еловка II (4 КС).

Список источников

Константинов А. В. Древние жилища Забайкалья (палеолит, мезолит). Новосибирск: Наука, 2001. 224 с.

Константинов М. В. Каменный век восточного региона Байкальской Азии. Чита, Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, ЧГПИ, 1994. 265 с.

Т. В. Корнева
Институт истории материальной культуры РАН,
Санкт-Петербург, Россия

ПЛАНИГРАФИЧЕСКОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ НАХОДОК И РЕКОНСТРУКЦИЯ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ПОЗДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКЕ ИРБА 2

Аннотация. В статье приводятся результаты анализа планиграфического распределения находок расщепленного камня и кости на стоянке Ирба 2 в Красноярском крае. Было выделено пять видов скоплений и два вида иных хозяйственных структур, обозначенных как «зоны деятельности». Полученные результаты позволили сделать вывод о базовом характере стоянки.

Ключевые слова: палеолит Сибири, палеолит Енисея, афонтовская культура, планиграфия

Работа выполнена в рамках в рамках темы ФНИ ГАН по теме государственного задания № FMZF-2025-0007 «Север Евразии в каменном веке: проблемы расселения человека, культурной адаптации и технологического развития».

Позднепалеолитическая стоянка Ирба 2, расположенная в восточной части Минусинской котловины, относится к афонтовской культуре. Периферийная часть стоянки была изучена в ходе раскопок 2012 и 2015 гг. [Ирба-2…, 2014; Исследования…, 2017]. Находки финальноплейстоценового времени были зафиксированы на двух участках раскопа: в западной части находилось скопление костных остатков бизона, а в 70 м к востоку от него располагалась основная часть стоянки, где на площади более 2 100 м^2 было зафиксировано около 4 000 предметов расщепленного камня и более 600 фрагментов костей (рис. 1). Эти находки были сосредоточены в различных по размерам и количеству находок скоплениях, которые были разделены стерильными или слабо насыщенными участками слоя. В процессе изучения было выделено 21 скопление, им были даны буквенные обозначения. При сравнении скоплений учитывались такие признаки, как общий состав находок и их процентное соотношение, разновидности использовавшегося сырья, степень концентрации находок, наиболее распространенные типы орудий и нуклеусов, наличие или отсутствие костных остатков, крупных галек. На стоянке зафиксирована практика использования приносных орудий – изделий, изготовленных из сырья, непредставленного среди продуктов расщепления. В некоторых скоплениях активно использовались приносные орудия, чаще всего небольшие, тогда как крупные изделия оформлялись на месте. Принимались во внимание находки, обнаруженные на периферии скоплений, и различные свидетельства взаимосвязей между соседними скоплениями.

© Корнева Т. В., 2025

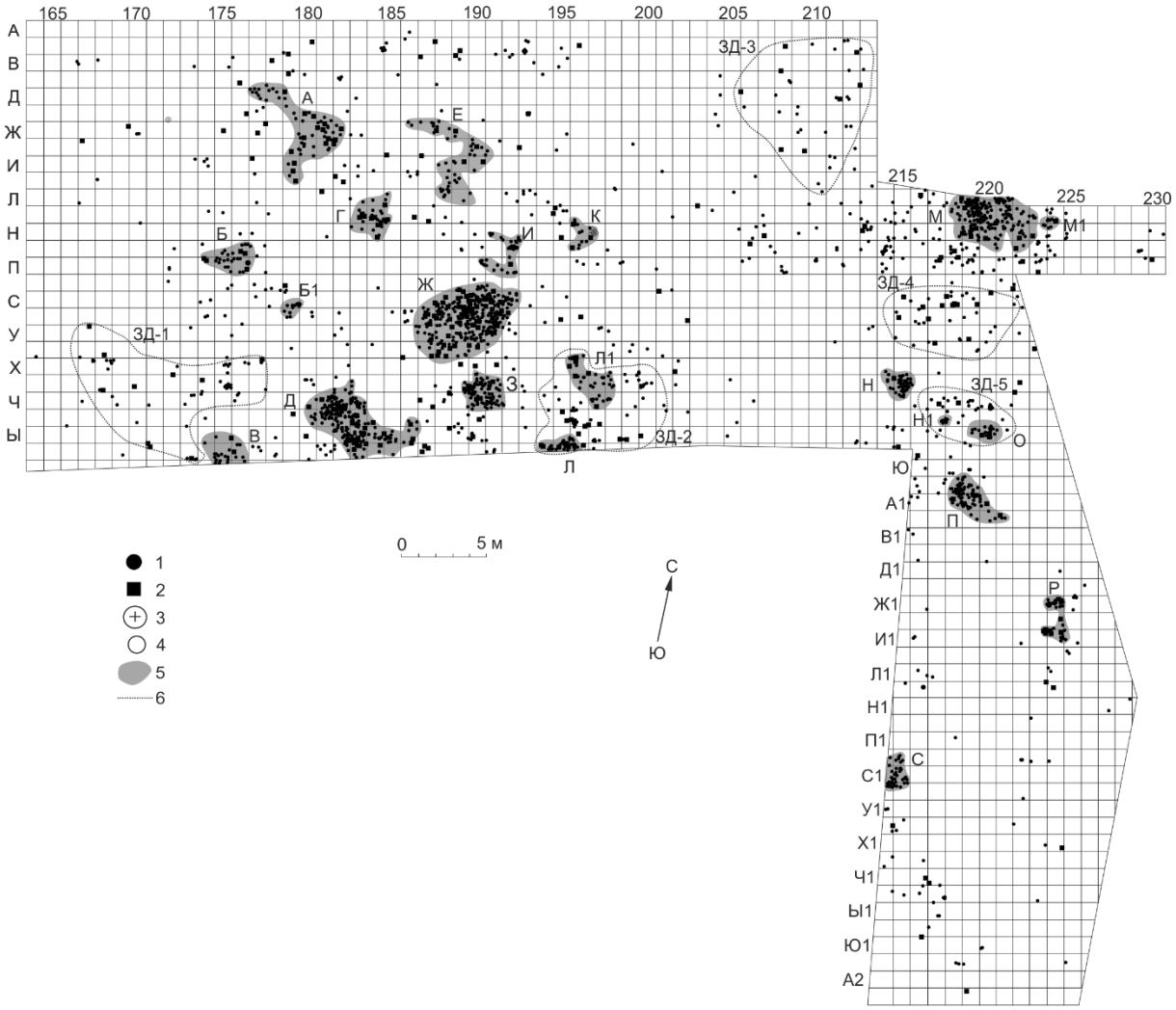

Рис. 1. Схема расположения находок камня, скоплений и зон деятельности в восточной части вскрытого раскопками участка Ирбы 2: *1* – продукты первичного расщепления камня; *2* – каменные орудия; *3* – галька-амулет; *4* – мраморные гальки; *5* – скопления камня; *6* – зоны деятельности)

В результате анализа и сравнения скоплений они были разделены на пять групп:

1. Крупные полифункциональные скопления, где происходило первичное расщепление камня, изготовление орудий и работа ими. Наряду с качественным сырьем здесь были широко представлены продукты расщепления и орудия из грубых эффузивных пород. В данных скоплениях были зафиксированы костные остатки, которые могут указывать на работу по разделке туш.

2. Места первичного расщепления камня и изготовления орудий. Данные скопления отражают процессы расщепления пород высокого качества — яшмоидов, кремня, метаморфизованных сланцев. Большинство орудий изготовлено из этих пород. При этом процент орудий в данных скоплениях невысок и составлял от 1 до 3 %. Основной специализацией этих участков была, по-видимому, обработка камня и оформление орудий. Низкий процент орудий наряду с высоким качеством сырья может указывать на то, что изготовленные здесь орудия могли уносить и использовать на других рабочих площадках.

3. Скопления, где преобладало первичное расщепление камня. Это небольшие по площади скопления, характеризующиеся низким процентом орудий и большим количеством отходов производства: первичных сколов, нуклеусов или заготовок ядрищ. Орудия, найденные в данных скоплениях, как правило, были изготовлены на месте. Среди отходов производства преобладали фрагменты эффузивных пород и метаморфизованных сланцев не самого высокого качества, принесенных, по-видимому, из местных галечников.

4. Скопления, где преобладала работа орудиями. Орудия на этих участках составляют более 20 % находок. Большинство орудий было изготовлено из более качественного сырья, чем то, которое подвергалось обработке в этих скоплениях.

5. Скопления, где происходило изготовление орудий. В эту группу были отнесены небольшие скопления без явного преобладания какого-либо вида находок, с незначительным количеством нуклеусов и крупных отходов производства.

Наряду со скоплениями камня был выделен еще один тип структур – зоны деятельности. Это зоны, которые могут реконструироваться как остатки единого хозяйственного или производственного участка. Зоны деятельности делятся на два вида:

1. Зоны деятельности, включающие в себя несколько скоплений камня и рассеянные вокруг них находки орудий и костных остатков.

2. Зоны деятельности с низкой концентрацией находок на большой площади, на которых отсутствовали выраженные скопления камня, но, предположительно, велась работа орудиями. К ним было отнесено три участка, на которых был зафиксирован высокий процент орудий (часто однотипных), а также костные остатки. Вероятно, они представляли собой остатки рабочих площадок, где происходила не только разделка туш и дробление кости, но также обработка шкур или дерева.

В целом можно отметить, что на стоянке Ирба 2 по сравнению с комплексами кокоревской группы, описанными Т. Ю. Гречкиной[4], было выявлено гораздо больше полифункциональных рабочих участков. Высокий процент орудий (8 %) и следы разнообразной хозяйственной деятельности указывают на базовый характер стоянки.

Простая структура стоянки, слабая насыщенность скоплений каменным и костяным материалом, отсутствие очагов и зольных пятен позволяют предположить, что посещение стоянки было непродолжительным и приходилось на теплое время года [Корнева, 2024]. Однако не стоит забывать, что была вскрыта только периферийная часть памятника, и, возможно, мы имеем дело с одним из участков стойбища, использовавшимся в летнее время.

Список источников

Ирба 2: новый палеолитический памятник в предгорьях Саян / А. В. Поляков, П. Б. Амзараков, О. В. Ковалева, С. А. Васильев, Г. Ю. Ямских, Г. Ф. Барышников, Е. Ю. Гиря, Н. Д. Бурова, В. С. Зубков // Труды IV (XX) всероссийского археологического съезда в Казани. Казань: Изд-во «Отечество», 2014. Т. I. С. 120–123.

Исследования 1-го отряда Саянской экспедиции ИИМК РАН стоянки Ирба-2 в 2015 г. / П. Б. Амзараков, С. А. Васильев, Т. В. Корнева, А. В. Поляков // Бюллетень ИИМК РАН (охранная археология). 2017. № 6. С. 193–206.

Корнева Т. В. Позднепалеолитическая стоянка Ирба 2 и ее место в палеолите Енисея: автореф. дис. … канд. ист. наук. СПб, 2024. 36 с.

[4] НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 2-д. Д. 335.

А. М. Кузнецов
Иркутский государственный университет,
Иркутск, Россия

К ВОПРОСУ О ВОЗРАСТЕ ПАЛЕОЛИТА «АНГАРСКИХ ГОР» (ПО МАТЕРИАЛАМ КОМПЛЕКСА ГОРЫ ГЛИНЯНОЙ)

Аннотация. Экспонированный комплекс Горы Глиняной характеризуется протопризматическим и плоскостным расщеплением, унифасиальными скреблами, зубчато-выемчатыми орудиями и минимальным присутствием леваллуазской техники. Технологические аналогии с нижними слоями Денисовой пещеры позволяют уточнить возраст комплекса. Корразия не коррелирует с хронологией, подтверждая тафономическую специфику этого явления.

Ключевые слова: Южное Приангарье, средний палеолит, корразия

Гора Глиняная – ключевой объект экспонированных комплексов «ангарских гор» – высоких террасовидных поверхностей Лено-Ангарского плато в Южном Приангарье [Медведев, Алаев, Сокальский, 1978]. С момента открытия в 1969 г. эта индустрия стала основой для выделения «олонского палеолитического пласта», датированного Г. И. Медведевым около 200 тыс. л. н. и ассоциированного с раннепалеолитической ашело-мустьерской традицией. Вывод о возрасте в отсутствие стратификации базировался на двух основаниях: архаичной техноморфологии артефактов и наличии на них следов эоловой корразии средней и сильной степени. За последние 50 лет интерпретация возраста и культурной принадлежности комплекса не изменилась. Однако появившийся в последние годы критический анализ роли корразии как датирующего фактора в концепции «коррадированных пластов» палеолита Байкальской Сибири, а также новые открытия объектов среднего палеолита в Сибири и сопредельных территориях поставили вопрос о необходимости ревизии материалов Горы Глиняной. В 2024 г. был проведен полный технико-типологический анализ каменной индустрии комплекса с целью уточнить её хронологию и периодизацию. Исследование базируется на анализе коллекции из 442 каменных артефактов, собранных в 1969–1991 гг.

Продукты первичного расщепления включают в себя нуклевидные изделия, сколы-заготовки и технические сколы. Среди нуклевидных изделий преобладают плоскостные (моно- и бифронтальные) и протопризматические формы (рис. 1). Основное сырьё – кварцитовые гальки. Стратегия расщепления ориентирована на утилизацию исходной формы гальки с минимальной подготовкой фронта и площадки. Леваллуазские элементы (черепаховидные сколы) единичны и ситуативны. Технические сколы включают сколы переоформления фронта, продольно-краевые пластины. Отсутствуют специализированные леваллуазские снятия типа débordant. Среди сколов-заготовок преобладают массивные отщепы.

Индекс массивности (30,1) формально соответствует раннему палеолиту, но он связан скорее со свойствами исходного кварцитового сырья, а не архаичностью технологий. Технологический индекс леваллуа с учетом «черепаховидных» отщепов – ILam = 9. Индекс широкого фасетирования – IF = 20,8. Индекс пластинчатости – Ilam = 6.

Орудийный набор (187 ед., 42 % коллекции), кроме ретушированных сколов, включает в себя следующие типы. Скребла в основном ординарные (прямые, продольно выпуклые, поперечные, вогнутые), с унифасиальной обработкой. Ретушь преимущественно ударная, ступенчатая и чешуйчатая. Зубчато-выемчатые орудия показывают широкий диапазон подтипов: с концевыми выемками, «шипами», узкими/широкими выемками на маргиналах. К редким формам можно отнести скребки, скреблышки, остроконечники, стамески,

© Кузнецов А. М., 2025

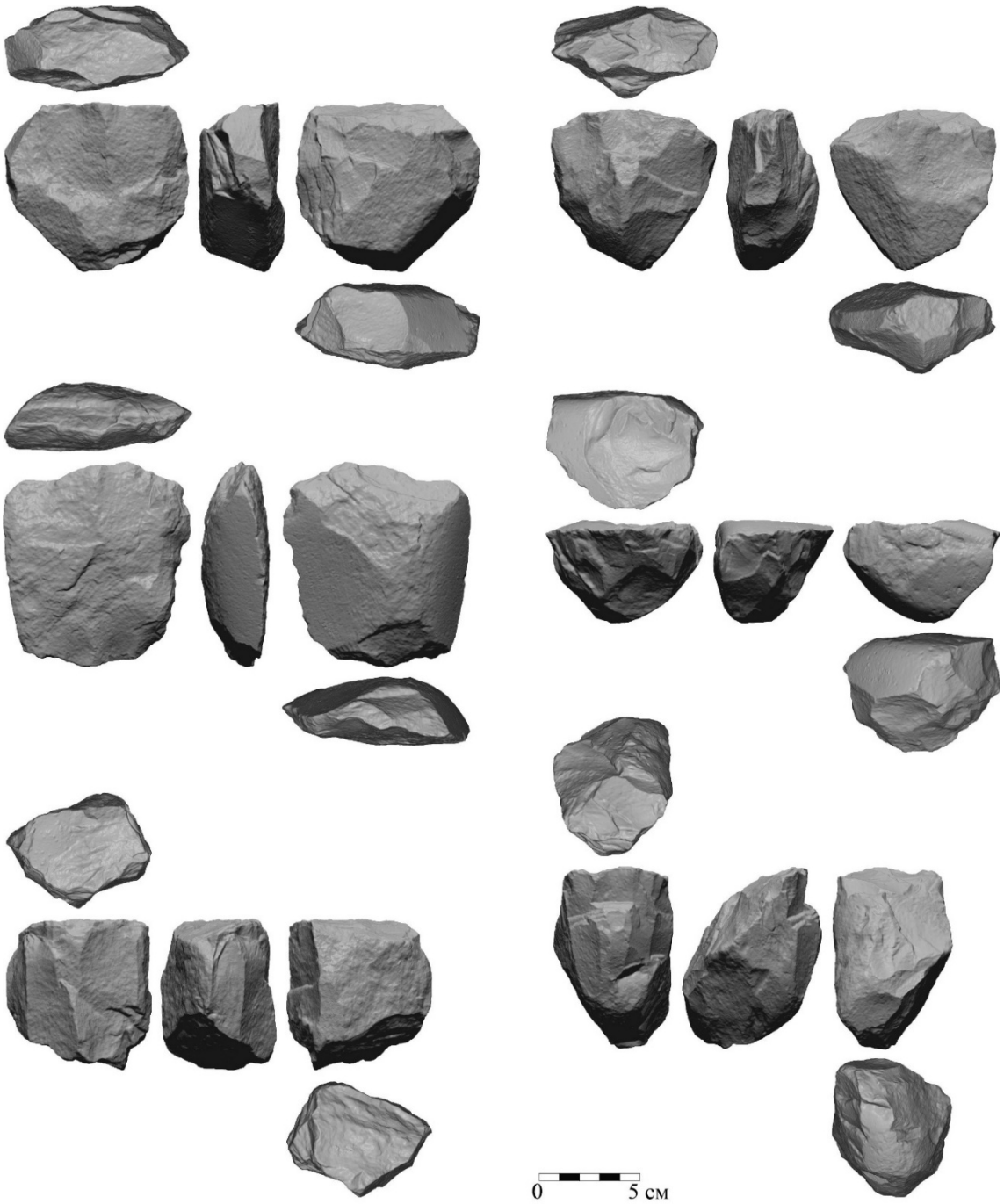

Рис. 1. Нуклеусы Горы Глиняной

миндалевидный унифас. Бифасиальные изделия, в том числе ножи с обушком, единичны. К технологическим особенностям орудийного набора можно отнести унифасиальность орудий, использование естественных контуров заготовок для их оформления, а также прием удаления одиночным снятием массивной остаточной ударной площадки вместе с ударным бугорком при оформлении орудий на отщепах.

Выявление тафономических особенностей комплекса включало ревизию степени эоловой корразии каменных отдельностей согласно методике качественной атрибуции следов эолового воздействия [Кузнецов, Молчанов, Липнина, 2024]. Выяснено, что коррадирована только треть артефактов (сильная – 7,5 %, средняя – 23,5 %, слабая – 45,2 %, отсутствует – 23,8), независимо от их типа. Такие результаты подтверждают несоответствие возраста индустрий и степени их «эолизации».

По итогам исследования, индустрию можно определить как нелеваллуазскую, непластинчатую, слабофасетированную. Слабое присутствие таких элементов,

как чопперы и чоппинги, техники дробления, долечной техники ставят под вопрос раннепалеолитическую атрибуцию комплекса. Техника расщепления (протопризматическая, плоскостная) и орудийные типы (скребла, выемчатые формы) соответствуют скорее среднепалеолитическим мустьерским традициям. В орудийном наборе присутствует также незначительная доля верхнепалеолитических типов (ножи с обушком).

Ближайшие культурные параллели можно провести с индустрией нижних горизонтов восточной галереи Денисовой пещеры на Алтае (слои 15–14) [Шуньков, Козликин, 2023], которая характеризуется похожими технологическими особенностями. Возраст Горы Глиняной, таким образом, можно определить по аналогии с алтайскими материалами. Существует две точки зрения на хронологическую последовательность материалов Денисовой пещеры. Если одна из них предполагает хронодиапазон MIS 7 (около 217–173 тыс. л. н.), то вторая – MIS 5 (около 120–80 тыс. л. н.) [Славинский, Цыбанков, 2020].

Дальнейшие перспективы исследования комплекса связаны с поиском стратифицированных материалов на «ангарских горах», сравнением с другими экспонированными комплексами Лено-Ангарского плато, а также изучением роли разных популяций *Homo* (денисовцы, неандертальцы, сапиенсы) в формировании локальных индустрий.

Список источников

Кузнецов А. М., Липнина Е. А., Молчанов Д. Н. Эоловая корразия археологических комплексов: к постановке проблемы // Stratum Plus. № 1. 2024. С. 367–384.

Медведев Г. И., Алаев С. Н., Сокальский А. А. О топографии раннепалеолитических местонахождений на высоких террасах Южного Приангарья // Древняя история народов юга Восточной Сибири. Иркутск: ИГУ, 1978. Вып. 4. С. 5–14.

Славинский В. С., Цыбанков А. А. К вопросу эволюционной преемственности индустрий от среднего к верхнему палеолиту на территории Горного Алтая (критика гипотезы автохтонного развития) // Stratum Plus. 2020. № 1. С. 45–104.

Шуньков М. В., Козликин М. Б. Древнейшие палеолитические комплексы Денисовой пещеры на Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. Т. 51 (1). 2023. С. 18–32.

С. А. Кулаков
Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия
Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия

ИНДУСТРИЯ СТОЯНКИ БОГАТЫРИ/СИНЯЯ БАЛКА: ПРИМЕР ТЕХНИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ

Аннотация. Раннепалеолитическая стоянка Богатыри/Синяя Балка на Таманском полуострове является не только одним из немногих доказательств первоначального заселения Северной Евразии древнее 1 млн л. н., но и уникальным свидетельством возможностей адаптации древнейших *Homo* к конкретным природным условиям. Этому свидетельствует как стратиграфия стоянки, так и особая каменная индустрия памятника.

Ключевые слова: ранний палеолит Предкавказья, таманская олдованская индустрия, морфологические особенности

Исследование выполнено при поддержке РНФ, проект № 24-18-00941.

В 2002 г. на известном палеонтологическом местонахождении таманского фаунистического комплекса Синяя Балка был открыт археологический памятник

© Кулаков С. А., 2025

[Открытие нижнепалеолитической стоянки…, 2004], отсюда происходит двойное название памятника – стоянка Богатыри/Синяя Балка [Щелинский, Кулаков, 2007]. Первые же раскопки стоянки доказали, что, если каменные изделия залегают совместно с костями животных таманского фаунистического комплекса, время существования которого традиционно датируется концом раннего плейстоцена (1,4–0,8 млн л. н.), то вполне закономерно отнесение памятника к эпохе раннего палеолита этого же хронологического периода [Раннепалеолитические памятники…, 2010]. Такие хронологические границы существования раннепалеолитической стоянки Богатыри/Синяя Балка подтвердили и неоднократные палеомагнитные исследования [Трубихин, Чепалыга, Кулаков, 2017]. С 2005 по 2023 г. на памятнике проводились комплексные полевые исследования с обязательным участием палеонтологов, геологов и других специалистов. В результате многолетних совместных работ у исследователей стоянки сложилось единое понимание процессов образования, археологизации и постдепозиционных изменений этого памятника – свидетеля первоначальной волны заселения Предкавказья и юга Русской равнины в раннем плейстоцене. В настоящее время раннепалеолитическая стоянка Богатыри/Синяя Балка рассматривается как узкоспециализированное место по добыче мясной пищи (*butchering sites*) древнейшими *Homo* в кальдере грязевого вулкана – на месте водопоя и грязевых ванн таманских слонов (*Archidiskodon meridionalis tamantnsis*) и кавказских эласмотериев (*Elasmotherium caucasicum*) [Кулаков, Тимонина, Титов, 2017; Кулаков, 2018а; Кулаков, 2018б; Тафономические особенности, 2018; Тектоника плейстоценовых отложений, 2019; Кулаков, 2020; Кулаков, Кулькова, 2020].

Каменная индустрия стоянки полностью гомогенна и залегает непосредственно среди и вокруг костей слонов и эласмотериев в слое 3 – песчаной толще, датируемой ранним плейстоценом. Каменные артефакты изготовлялись из местного «сильно окварцованного долломита», выходы которого располагаются непосредственно вокруг памятника. Богатырская индустрия насчитывает 593 экз. изделий и определятся как таманский специфический вариант олдованской технологической стадии производства орудий труда в раннем палеолите [Щелинский, Кулаков, 2009; Кулаков, 2023а; Кулаков, 2023б]. Большую часть коллекции (330 экз., 56 %) составляют орудийные формы, а если к ним прибавить сколы, на которых не сохранилось выразительной ретуши, но которые вполне могли использоваться для разнообразной работы, то количество орудий достигнет 93 %. Такие пропорции являются первым показателем уникальной адаптации древнейших *Homo* к конкретным условиям жизнедеятельности в этом районе, на этом конкретном месте и демонстрируют, что в данном месте люди активно изготовляли необходимые орудия, производили ими какую-то работу и оставляли уже ненужные изделия здесь на месте. Анализ специально оформленных орудий показывает, с одной стороны, полный морфологический набор изделий олдованского технокомплекса: чопперы, грубые рубящие орудия, скребла, скребки, острия, зубчато-выемчатые, клювовидные орудия, сколы и обломки с ретушью. А с другой стороны, отчётливо выясняется, что морфология большинства орудий невыразительная, незаконченная, какая-то сиюминутная, т. е. древнейшие мастера делали острия и острые лезвия для конкретной, сиюминутной работы, после чего артефакт мог выбрасываться. Это наблюдение может рассматриваться следующим показателем уникальной деятельности древнейших *Homo* в данном месте.

Больше трети (106 экз., 32 %) намеренно изготовленных орудий определяется как чопперы и грубые рубящие орудия, среди которых присутствуют очень крупные и тяжелые, весом более 2 кг, рубящие орудия [Кулаков, 2018в]. По всей видимости, эти изделия-гигантолиты предназначались для пробивания и раскалывания чего-то очень крупного и массивного. Основную массу чопперов в коллекции составляют орудия средних размеров

и весом от 0,8 до 1,5 кг, но которыми, при полученных навыках, также вполне возможно разбивать, раскалывать и отрубать что массивное. Это третье свидетельство особой деятельности в этом грязевом болоте, в котором так любили принимать ванны крупные животные таманского комплекса.

Исходя из сказанного, вполне оправданно, предложить реконструкцию деятельности древнейших *Homo* в данном месте. Слоны или эласмотерии, заходя в жидкое болото, не могли знать, что кальдера грязевого вулкана не имеет дна и начинали тонуть. Вероятно, древние люди специально отслеживали такие моменты и, при первой возможности, пользовались обездвиженностью слонов и эласмотериев, чтобы добить и успеть отрубить куски мяса от тонущей туши.

Список источников

Кулаков С. А. Раннепалеолитическая стоянка Богатыри/Синяя Балка на Таманском полуострове // Археологические вести. 2018а. № 24. С. 19–32.

Кулаков С. А. Раннепалеолитическая стоянка Богатыри/Синяя Балка – пример адаптации древнейших гоминид // Палеолитическая стоянка Азых в Азербайджане и миграционные процессы. Баку: Институт археологии и этнографии, 2018б. С. 119–135.

Кулаков С. А. Крупные рубящие орудия в индустрии раннепалеолитической стоянки Богатыри / Синяя Балка // Записки ИИМК РАН. № 17, 2018в. С. 165–170.

Кулаков С. А. К вопросу о стратиграфии и геологическом положении костеносной линзы в культуросодержащих отложениях стоянки Богатыри/Синяя Балка: взгляд археолога // Раннепалеолитические памятники и природная среда Кавказа и сопредельных территорий в раннем – среднем плейстоцене. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2020. С 65–90.

Кулаков С. А. К вопросу об атрибуции каменной индустрии раннепалеолитической стоянки Богатыри/Синяя Балка на Таманском полуострове // Археология, этнография и антропология Евразии. Т. 51. № 3, 2023а. С. 32–39.

Кулаков С. А. К вопросу о технологической периодизации палеолита (по материалам нижнего палеолита Кавказа и Русской равнины) // Записки ИИМК РАН. № 29. 2023. С. 9–16.

Кулаков С. А., Кулькова М. А. Результаты новых комплексных исследований раннепалеолитической стоянки Богатыри/Синяя Балка на Таманском полуострове // Археологическое наследие Кавказа: актуальные проблемы изучения и сохранения: XXXI Крупновские чтения. Махачкала: МавраевЪ, 2020. С. 51–53.

Кулаков С. А., Тимонина Г. И., Титов В. В. Некоторые итоги новых работ на раннепалеолитической стоянке Богатыри / Синяя Балка на Таманском полуострове // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле – Белокурихе. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2017. Т. I. С. 68–74.

Открытие нижнепалеолитической стоянки на Таманском полуострове / В. Е. Щелинский, С. А. Кулаков, Г. Бозински, Л. Киндлер // Невский археолого-историографический сборник: к 75-летию кандидата исторических наук А. А. Формозова. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004. С. 223–233.

Раннепалеолитические памятники Таманского полуострова (Южное Приазовье) / В. Е. Щелинский, А. Е. Додонов, В. С. Байгушева, С. А. Кулаков, А. С. Симакова, А. С. Тесаков, В. В. Титов // Древнейшие обитатели Кавказа и расселение предков человека в Евразии. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2010. С. 11–46.

Тафономические особенности эоплейстоценового местонахождения Богатыри/Синяя Балка (Таманский п-ов, Россия) / В. В. Титов, В. С. Байгушева, Г. И. Тимонина, А. С. Тесаков // Палеолитическая стоянка Азых в Азербайджане и миграционные процессы. Баку: Институт археологии и этнографии, 2018. С. 173–178.

Тектоника плейстоценовых отложений северо-восточной части Таманского полуострова, Южное Приазовье / А. С. Тесаков, О. В. Гайдаленок, С. А. Соколов, П. Д. Фролов, В. Г. Трифонов, А. Н. Симакова, А. В. Латышев, В. В. Титов, В. Е. Щелинский // Геотектоника. № 5. 2019. С. 12–35.

Трубихин В. М., Чепалыга А. Л., Кулаков С. А. Возраст стратотипа Таманского комплекса и стоянок олдованского типа на Тамани (по палеомагнитным данным) // Фундаментальные проблемы квартера: итоги изучения и основные направления дальнейших исследований: мат-лы X Всерос. совещания по изучению четвертичного периода. М.: ГЕОС, 2017. С. 434–436.

Щелинский В. Е., Кулаков С. А. Новые данные о раннем палеолите на Таманском полуострове (Южное Приазовье) // Записки ИИМК РАН. № 2. 2007. С. 155–165.

Щелинский В. Е., Кулаков С. А. Каменные индустрии эоплейстоценовых раннепалеолитических стоянок Богатыри (Синяя Балка) и Родники на Таманском полуострове (Южное Приазовье, Россия) // Древнейшие миграции человека в Евразии. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2009. С. 188–206.

М. Д. Куприянова
Институт истории материальной культуры РАН,
Санкт-Петербург, Россия

ОБРАБОТКА И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОСТИ В СРЕДНЕМ ПАЛЕОЛИТЕ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Аннотация. Всё больше внимания уделяется изучению активности среднепалеолитического человека, связанной с использованием кости и техниками обработки твёрдых органических материалов. В работе рассмотрены костяные изделия из восточноевропейских комплексов. Новыми методами уточнены технологии их изготовления и использования, что во многом способствует восприятию этой категории артефактов как самостоятельного источника.

Ключевые слова: средний палеолит, Восточная Европа, костяные индустрии, костяные ретушёры

Исследование выполнено при поддержке проекта РНФ № 23-78-10205 «Технологические новации среднего и верхнего палеолита как критерии для уточнения периодизации и индустриальной вариабельности».

До начала XX в. древнейшие находки костяных орудий ассоциировались только с эпохой верхнего палеолита, но открытые в ходе исследования материалов Ля Кина многочисленные костяные изделия и другие фаунистические остатки со следами воздействия человека продемонстрировали присутствие этой категории и в среднем палеолите [Henri-Martin, 1906]. С открытием и изучением новых среднепалеолитических памятников число таких изделий увеличивалось; на территории Восточной Европы первые находки обработанных и использованных в качестве орудий костей связаны с пещерными стоянками на территории Крыма: пещерой Чокурча [Эрнст, 1934], гротом Киик-Коба, где выделялись ретушеры, кости со следами разделки, следы разбивания костей для добычи костного мозга [Бонч-Осмоловский, 1940]. Затем на материалах этих же комплексов набор типов костяных орудий был расширен С. А. Семёновым: он выделил проколку по коже, «костяную чашечку» [Семёнов, 1953]. Позже одна из наиболее многочисленных групп изделий из кости – ретушёры, была открыта во время работ в гроте Староселье [Гвоздовер, Формозов, 1950]. Обнаруживались костяные орудия и на стоянках открытого типа: Ильская [Замятнин, 1934], Сухая Мечётка [Замятнин, 1961], Хотылёво I [Заверняев, 1978], Бирючья Балка 2, – а также в пещерных комплексах Кавказа: в Баракаевской [Филиппов, Любин, 1994] и Мезмайской пещерах, пещере Матузка [Голованова, 2017]. Известны костяные орудия и в Сибири, например, в Денисовой пещере [Костяные орудия среднего…, 2018], а также богатейшая коллекция артефактов из Чагырской пещеры [The Application of Geometric-Morphometric…, 2020].

Центральное место во всех костяных индустриях эпохи среднего палеолита занимают ретушёры, эта тенденция актуальна не только для Восточной Европы, но для палеолитической ойкумены в целом, например, для Западной и Центральной Европы, где их изучению посвящены отдельные конференции и сборники [The Origins …, 2018]. Остальные категории изделий из трубчатых костей (например, проколки, стержни и др.), а также предметы из других твёрдых органических материалов (рога, бивня мамонта) представлены крайне редко, возможно, в силу недостаточно развитых на этом этапе техник вторичной обработки (приёмов расщепления для получения стандартных заготовок, рубки, строгания, абразивной обработки) или специфической сохранности этих материалов.

Сохранность выступает самостоятельным аспектом изучения среднепалеолитических костяных изделий, которые связаны с большой древностью и активным постдепозиционным воздействием на культуро-

© Куприянова М. Д., 2025

содержащие отложения. Повреждения поверхностей и краёв часто могут исказить представления о костяной индустрии или уничтожить следы её существования на памятнике. Таким образом, присутствие развитой костяной индустрии в рамках обозначенной выше группы памятников, скорее всего, обусловлено хорошей сохранностью фаунистических остатков в культурных слоях. Важным фактором является и функциональный тип комплекса: костяные изделия обнаружены только на стоянках, связанных с циклом разделки туш и последующей их обработки.

Однако костяные ретушёры остаются специфической категорией орудий, так как в качестве заготовки для них может быть использован любой немодифицированный осколок подходящих размеров. Чаще всего это диафиз трубчатой кости, но иногда заготовкой могут служить части эпифиза, плоские кости, челюсти и зубы. Тем не менее при изучении таких изделий в некоторых случаях фиксируются специальные приёмы их подготовки, например, обивка, снятие надкостницы. Возможно, в перспективе, при продолжении изучения контекста таких изделий, среди фаунистических остатков будут выявлены и специфические техники расщепления, направленные на создание специальных заготовок, использованных впоследствии в качестве ретушёров, как это прослеживается для костяных индустрий верхнего палеолита.

Современные методические подходы для изучения ретушёров, включающие в себя трёхмерную геометрическую морфометрию, позволили уточнить вариабельность и технологию использования ретушёров среднего палеолита [The Application…, 2020; Новые данные…, 2022]. На это направлено и применение экспериментально-трасологического подхода, в том числе позволяющего реконструировать цепочку производства и обосновать варианты приёмов изготовления и использования орудий. При этом трасологический метод выступает в качестве самостоятельного приема для выделения костяных орудий разного назначения на основании анализа следов на их поверхностях. Например, в коллекции VI горизонта стоянки Рожок I были выявлены костяной стержень со следами абразивной обработки, нож на костяном отщепе и долотовидные изделия [Костяные изделия…, 2023]. Трасологически обоснованы и предметы неутилитарного значения: личные украшения [Там же] и предметы мобильного искусства [Степанова, Куприянова, Очередной, 2023].

Таким образом, на современном уровне представлений использование кости в среднем палеолите не ограничено раскалыванием в процессе разделки туш. При пересмотре старых коллекций и работе с новыми находками фиксируется все большее разнообразие костяных изделий орудийного и неутилитарного характера. Со временем костяные орудия становятся самостоятельным источником для сравнения среднепалеолитических индустрий, их генезиса и распространения. Дополнительно различные методы изучения костяных изделий позволяют проследить зарождение технологий обработки и использования кости, которые впоследствии находят развитие в верхнем палеолите. В качестве положительной тенденции можно отметить и улучшение методики разборки культурного слоя, консервации твёрдых органических материалов и промывки отложений, что, безусловно, способствует сохранности изделий в пригодном для анализа состоянии.

Список источников

Костяные орудия среднего и верхнего палеолита из южной галереи Денисовой пещеры / М. Боманн, А. Ю. Федорченко, М. Б. Козликин, Х. Плиссон, М. В. Шуньков // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2018. Т. XXIV. С. 32–36.

Бонч-Осмоловский Г. А. Грот Киик-Коба. Палеолит Крыма. Выпуск 1. Л.: Наука, 1940. 227 с.

Гвоздовер М. Д., Формозов А. А. Использование кости на мустьерской стоянке Староселье в Крыму // Archeologicke Rozhledy. Т. 12 (3). 1960. С. 390–403.

Голованова Л. В. Костяные изделия в среднем и верхнем палеолите Кавказа // КСИА. Вып. 246. 2017. С. 169–184.

Заверняев Ф. М. Хотылёвское палеолитическое местонахождение. Л.: Наука, 1978. 127 с.

Замятнин С. Н. Итоги последних исследований Ильского палеолитического местонахождения // Труды II Междунар. конф. АПИЧПЕ. М.: Гос.науч.-техн. горногеол.-нефт. изд-во, 1934. Вып. 5. 207–218.

Замятнин С. Н. Сталинградская палеолитическая стоянка // КСИА. Вып. 82. 1961. С. 5–36.

Костяные изделия со стоянки среднего палеолита Рожок I (культурный горизонт VI) в Северо-Восточном Приазовье / А. В. Колесник, Е. Ю. Гиря, А. Ю. Данильченко, В. В. Титов, О. Г. Олих, А. К. Очередной // Stratum Plus. № 1. 2023. С. 101–125.

Новые данные по костяной индустрии стоянки Староселье (раскопки А. А. Формозова) / А. С. Колясникова, П. В. Чистяков, А. С. Колясникова, С. П. Медведев // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2022. С. 143–151.

Семенов С. А. Костяные орудия из древнепалеолитических стоянок Кийк-Коба и Кош-Коба // КСИИМК. 1953. №. 49. С. 143–147.

Степанова К. Н., Куприянова М. Д., Очередной А. К. Кость с гравировкой со среднепалеолитической стоянки Хотылёво I // Первобытная археология. Журнал междисциплинарных исследований. 2023. № 2. С. 5–15.

Филиппов А. К., Любин В. П. Костяные ретушеры из мустьерского слоя и пространственное распространение культурных остатков // Неандертальцы Гуппского ущелья на Северном Кавказе. Майкоп: Меоты, 1994. С. 142–147.

Эрнст Н. Л. Четвертичная стоянка в пещере у дер.Чокурча в Крыму // Труды II Междунар. конф. АПИЧПЕ. М.: Гос.науч.-техн. горногеол.-нефт. изд-во, 1934. Вып. 5. С. 184.

Henri-Martin L. Maillets ou enclumes en os provenant de la couche moust´erienne de la Quina (Charente) // Bulletin de la Société préhistorique de France. 3 (4). 1906. P. 155–162.

The Application of Geometric-Morphometric Shape Analysis to the Middle Paleolithic Retouchers from Altai / K. Kolobova, W. Rendu, A. Shalagina, P. Chistyakov, M. Baumann, A. Koliasnikova, V. Kovalev, A. Krivoshapkin // Quaternary International. № 559. 2020. P. 89–96.

The Origins of Bone Technologies / Ed. by d'Errico F., Backwell L. R. Mainz: Verlag des Romisch-Germanischen Zentralmuzeums, 2018. 327 p.

Р. Н. Курбанов[1], И. А. Идрисов[2], П. М. Сосин[3], К. К. Павленок[4], А. Г. Рыбалко[5], Т. У. Худжагельдиев[6], Е. П. Кулакова[7], С. А. Кулаков[8], А. К. Очередной[9], А. А. Зейналов[10], Ж. К. Таймагамбетов[11], А. А. Анойкин[12]
[1] Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия
[1,2,4,5,8,9,12] Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия
[1] Институт географии РАН, Москва, Россия
[2] Институт геологии Дагестанского ФИЦ РАН, Махачкала, Россия
[3] Институт водных проблем, экологии и гидроэнергетики НАНТ, Душанбе, Таджикистан
[6] Институт истории, археологии и этнографии НАНТ, Душанбе, Таджикистан
[7] Институт физики Земли имени О. Ю. Шмидта РАН, Москва, Россия
[8,9] Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия
[10] Институт археологии и антропологии НАН Азербайджана, Баку, Азербайджан
[11] Национальный музей Республики Казахстан, Астана, Казахстан

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ВОЗРАСТЕ СТОЯНОК АШЕЛЬСКОГО ВРЕМЕНИ НА КАВКАЗЕ И В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Аннотация. Активное развитие методов абсолютного датирования позволило существенно продвинуться в определении возраста культурных слоев ряда уникальных нижнепалеолитических стоянок на Восточном Кавказе (Гаранжа), в Приморском Дагестане (Дарвагчай-1 и Дарвагчай-залив-4) и Центральной Азии (Оби-Мазар, Лахути-IV, Хонако-III (ПК 6-4), Кульдара, Кульдара, Сарыташ). В докладе представлено обобщение современных данных о хронологии стоянок в интервале 600–300 тыс. л. н.

Ключевые слова: ашель, геохронология, ранний палеолит, люминесцентное датирование, лёссовый палеолит

Исследование выполнено при поддержке РНФ, грант № 24-18-00941.

Реконструкция истории развития материальной культуры раннего палеолита является одной из наиболее сложных задач археологии каменного века. Это связано с небольшим количеством известных стоянок, слабой выраженностью каменных индустрий и сложностью в установлении их возраста. Последнее определяется большой сложностью применения методов абсолютного датирования, когда достигается предел наиболее широко применимых вариантов радиоуглеродного (до 50 тыс. лет) и люминесцентного по зернам кварца (до 100–200 тыс. лет) методов. В данном случае арсенал датирования ограничивается несколькими вариантами калий-аргонового, ЭПР и космогенного, для которых требуется соблюдение ряда условий. Сложная геологическая и геоморфологическая ситуация на немногих стратифицированных стоянках часто не позволяет в полной мере использовать классические методы корреляции (палеомагнитный, биостратиграфический и др.). Несмотря на эти проблемы, в последние годы наметился значительный прогресс в изучении этапов развития каменных индустрий раннего палеолита в Евразии, в первую очередь ашельского времени. Это связано как с открытием ряда новых значимых стоянок на Кавказе, в Северной и Централь-

© Курбанов Р. Н., Идрисов И. А., Сосин П. М., Павленок К. К., Рыбалко А. Г., Худжагельдиев Т. У., Кулакова Е. П., Кулаков С. А., Очередной А. К., Зейналов А. А., Таймагамбетов Ж. К., Анойкин А. А., 2025

ной Азии, так и активным развитием методов абсолютного датирования. Так, значительный прогресс произошел в люминесцентных методах датирования, для которых сейчас максимальный предел возраста превышает 0,5 млн лет, при использовании инфракрасно стимулированной люминесценции калиевых полевых шпатов. Изучение отложений с высоким содержанием карбонатов позволяет получать надежные датировки вплоть до 700–750 тыс. лет. При использовании метода датирования по наземным космогенным радионуклидам (НКР, космогенный) возможно установить момент погребения отложений и артефактов, возраст которых превышает 5 млн лет, т. е. даже наиболее древних стоянок каменного века[5] [Lebatard et al, 2008].

Однако применение этих методов при изучении стоянок раннего палеолита на территории бывшего СССР было ограничено до последнего времени. Организация новых лабораторий абсолютного датирования и реализация серии масштабных научных проектов Российского научного фонда позволили существенно продвинуться в определении возраста культурных слоев ряда уникальных стоянок и понимании развития мозаики индустрий ашельского времени. Так, на Восточном Кавказе в рамках работы российско-азербайджанской геоархеологической экспедиции была изучена стоянка Гараджа [Финальный…, 2022], для которой получено 18 новых люминесцентных дат, определивших возраст наиболее раннего этапа заселения в интервале ~445–460 тыс. л. н. [Возраст..., 2025]. В Приморском Дагестане на основе большой серии люминесцентных дат установлен возраст стоянок Дарвагчай-1 и Дарвагчай-залив-4 [Курбанов, Рыбалко, Янина, 2024].

В результате масштабных работ в Центральной Азии впервые получены новые данные об абсолютном возрасте ряда стоянок лёссового палеолита плато Ховалинг. Участниками российско-таджикской геоархеологической экспедиции на основе космогенного датирования определен возраст ряда педокомплексов с наиболее значимыми уровнями залегания каменных артефактов каратаусской культуры раннего палеолита в разрезах стоянок Оби-Мазар, Лахути-IV, Хонако-III (ПК 6-4). На основе более 400 новых люминесцентных дат определены хронологические рамки верхних двух педокомплексов стоянок Оби-Мазар, Кульдара, Хонако-III [A luminescence…, 2024].

В Западном Казахстане на основе комплексных исследований российско-казахстанской геоархеологической экспедиции определен возраст морских террас и четвертичных отложений залива Сарыташ, где А. Г. Медоевым были выделены местонахождения раннего палеолита. Новые данные позволили существенно уточнить положение этих объектов и установить их хронологию, которая по последним данным соответствует концу позднего плейстоцена [Работы по изучению..., 2024].

Новые данные о возрасте серии опорных стоянок на территории Кавказа и Центральной Азии позволил существенно уточнить хронологические рамки существования культур второй половины среднего плейстоцена на этой огромной территории. В докладе будут представлены результаты абсолютного датирования, методическое обоснование новых серий дат для серии опорных местонахождениях раннего палеолита и обобщение современных данных о хронологии стоянок Центральной Азии и Кавказа для интервала 600–300 тыс. л. н.

Список источников

Работы по изучению объектов каменного века на побережье залива Сарыташ (полуостров Мангышлак, Западный Казахстан) в 2024 году / А. А. Анойкин, Ж. К. Таймагамбетов, А. А. Зейналов, И. А. Идрисов, П. В. Чистяков, А. Н. Васильева, М. В. Капитанова, А. А. Лукашов, Р. Н. Курбанов //

[5] Cosmogenic nuclide dating of Australopithecus at Sterkfontein, South Africa / D. E. Granger, D. Stratford, L. Bruxelles, R.J. Clarke, K. Kuman // 2022. URL: https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=7201564476 (дата обращения: 01.02.2025)

Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2024. Т. XXX. С. 24–31.

Финальный ранний палеолит Азербайджана (по материалам местонахождения Гараджа) / А. А. Зейналов, С. А. Кулаков, И. А. Идрисов, А. К. Очередной, Р. Н. Курбанов, А. А. Анойкин // Археология, антропология и этнография Евразии. Новосибирск, 2022. Т. 50. № 4. С. 3–15.

Возраст и палеогеография раннепалеолитического местонахождения Гараджа (Азербайджан) / И. А. Идрисов, Т. А. Янина, В. В. Титов, А. А. Зейналов, С. А. Кулаков, М. С. Лукьянычева, Т. М. Эйбатов, А. К. Очередной, А. А. Анойкин, Р. Н. Курбанов // Геоморфология и палеогеография, 2025. № 1. С. 2–18.

Курбанов Р. Н., Рыбалко А. Г., Янина Т. А. Хронология и периодизация палеолитических комплексов Северо-Восточного Кавказа (по материалам стоянки Дарвагчай-Залив-4) // Проблемы археологии, антропологии, этнографии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2021. Т. XXVII. С. 161–166.

A luminescence dating study of the upper part of the loess-palaeosol sequence at Kuldara, Khovaling loess plateau, Tajikistan / J. P. Buylaert, A. Challier, E. P. Kulakova, N. A. Taratunina, J., K. Thomsen, A. O. Utkina, P. M. Sosin, O. A. Tokareva, A. A. Anoikin, T. U. Khujageldiev, A, C. K., N. K. Ubaydulloev, A. S. Murray, R. N. Kurbanov // Quaternary Geochronology. 2024. 82. 101545.

Lebatard A.-E. et al., Cosmogenic nuclide dating of Sahelanthropus tchadensis and Australopithecus bahrelghazali: Mio-Pliocene hominids from Chad. Proc. Natl. Acad. Sci. U.S.A. 2008. 105. P. 3226–3231.

А. Р. Лада[1], Е. В. Пугачева[2], А. К. Очередной[3], К. Н. Степанова[4]
[1,3,4] Институт истории материальной культуры РАН,
Санкт-Петербург, Россия
[2] Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия

НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ГЕОМЕТРИЧЕСКОЙ МОРФОМЕТРИИ В АНАЛИЗЕ КАМЕННЫХ АРТЕФАКТОВ

Аннотация. Традиционно геометрическая морфометрия применяется в типологическом анализе каменных изделий и работает с общей формой артефакта. Последние исследования продемонстрировали перспективность применения метода в анализе отдельных участков изделий и его адаптации к конкретным исследовательским задачам. Такой подход значительно расширяет возможности метода, делая его эффективным также в технологическом и трасологическом анализе.

Ключевые слова: статистический анализ, геометрическая морфометрия, типологический анализ, технологический анализ

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ №23-78-10205 «Технологические новации среднего и верхнего палеолита как критерии для уточнения периодизации и индустриальной вариабельности».

Статистические методы анализа каменных орудий играют важную роль в современных археологических исследованиях, предоставляя возможности для более точной интерпретации данных. В настоящий момент одним из наиболее актуальных направлений статистического анализа каменных изделий является геометрическая морфометрия. Изначально разработанный для сравнения морфологии биологических объектов [Bookstein, 1991], этот метод был адаптирован для анализа каменных артефактов около двадцати лет назад [Lycett, von Cramon-Taubadel, Foley, 2006] и по-прежнему остается актуальным.

Наиболее часто метод геометрической морфометрии в исследованиях каменных артефактов применяется для анализа двусторонне обработанных изделий и наконечников [см., напр. The Variability..., 2018; All these Fantastic..., 2020]. При сопоставлении изделий по типам или категориям предметы, как правило, анализируются целиком, а в центре внимания оказывается форма артефакта. Такой подход достаточно эффективен в выявлении и общих законо-

© Лада А. Р., Пугачева Е. В., Очередной А. К., Степанова К. Н., 2025

мерностей и вариабельности формы в пределах исследуемой группы, однако он рассматривает каменные артефакты как статичные завершенные формы и практически не учитывает процессы их изготовления и переоформления. В результате за пределами внимания остаются важные особенности морфологии рассматриваемых изделий.

С момента своего появления геометрическая морфометрия предоставляла исследователям и другой путь, основанный на изучении отдельных участков объекта [Павлинов, Микешина, 2002]. Такой подход широко распространен в биологических исследованиях, однако до недавнего времени практически не применялся в археологии. Первые примеры использования геометрической морфометрии для анализа структуры изделий или их отдельных участков стали появляться лишь в последние годы [см., напр., The Variability..., 2018; Верификация структурных..., 2024].

В отличие от анализа общей формы, исследование морфологически значимых участков изделий представляет исследователю возможности адаптации метода к конкретным задачам, существенно повышая его эффективность. Развитие специализированного программного обеспечения в последние годы значительно расширило возможности исследователей в изучении различных участков или морфологических элементов каменных артефактов. Так, наиболее распространенные программы для установки ландмарок и полуландмарок и дальнейшей статистической обработки данных 3D Slicer [3D Slicer as an Image..., 2012] и R-Studio с пакетами Morpho/Rvcg [Schlager, 2017] обеспечивают возможность установки патчей, кривых и других элементов, достаточно точно описывающих даже сложные элементы каменных изделий. Благодаря этому диапазон применения геометрической морфометрии существенно расширился, и теперь метод может использоваться не только в типологическом, но и в технологическом и даже трасологическом анализе. Рассмотрим несколько таких примеров поподробнее.

В рамках исследования структуры двусторонне обработанных изделий среднего палеолита стоянки Сухая Мечетка метод геометрической морфометрии был адаптирован для описания последовательности изготовления орудий через анализ систем скалывания – структурных элементов, отражающих соотношение между ударной площадкой и поверхностью скалывания [Верификация структурных…, 2024]. Для фиксации расположения систем скалывания на изделиях использовались патчи (группы полуточек произвольной формы, размещённые на определённом участке изделия), а для анализа влияния этих систем на формирование кромок продольных профилей артефактов кривые были установлены непосредственно на кромки.

Еще один пример применения геометрической морфометрии для анализа отдельных участков изделий связан с исследованием ударно-абразивных орудий. Так, установка патчей на зоны износа минеральных отбойников позволяет исследовать расположение рабочего участка относительно естественной формы гальки. Используя эти данные, мы также можем отслеживать изменение конфигурации рабочей зоны отбойника в процессе использования и сопоставлять его с экспериментальными изделиями. В таком случае геометрическая морфометрия может дополнять трасологические наблюдения, работая на макроуровне.

Современное развитие программного обеспечения в сочетании с новыми подходами к его применению значительно расширяет потенциал использования геометрической морфометрии в анализе каменных артефактов. Если ранее метод использовался преимущественно для анализа общей формы объектов в рамках типологических исследований, то сегодня он может быть адаптирован для решения широкого спектра исследовательских задач. В таком виде геометрическая морфометрия перестает быть узко специализированным инструментом и становится мощным методом анализа, который можно интегрировать во все виды исследований каменных орудий.

Список источников

Верификация структурных особенностей изделий среднего палеолита на примере кайльмессеров Сухой Мечётки / А. К. Очередной, Е. В. Пугачева, А. С. Тараканов, А. Р. Лада // Stratum Plus. 2024. № 1. С. 91–130.

Павлинов И. Я., Микешина Н. Г. Принципы и методы геометрической морфометрии // Журнал общей биологии. 2002. Т. 63. №. 6. С. 473–493.

3D Slicer as an Image Computing Platform for the Quantitative Imaging Network / A. Fedorov, R. Beichel, J. Kalpathy-Cramer, J. Finet, J-C. Fillion-Robin, S. Pujol, C. Bauer, D. Jennings, F. M. Fennessy, M. Sonka, J. Buatti, S. R. Aylward, J. V. Miller, S. Pieper, R. Kikinis // Magnetic Resonance Imaging. 2012. Vol. 30. P. 1323–1341.

All these Fantastic Cultures? Research History and Regionalization in the Late Palaeolithic Tanged Point Cultures of Eastern Europe / L. Ivanovaitė, K. Serwatka, C. Hoggard, F. Sauer, F. Riede // European Journal of Archaeology. 2020. Vol. 25. Iss. 2. P. 1–24.

Bookstein F. L. Morphometric tools for landmark data: geometry and biology. New York: Cambridge University Press, 1991. 435 p.

Lycett S. J., von Cramon-Taubadel N., Foley R. A. A crossbeam co-ordinate caliper for the morphometric analysis of lithic nuclei: a description, test and empirical examples of application // Journal of Archaeological Science. 2006. Vol. 33. Iss. 6. P. 847–861.

Schlager S. Morpho and Rvcg – Shape Analysis in R: RPackages for Geometric Morphometrics, Shape Analysis and Surface Manipulations. In: Zheng, G., Li, S., Székely, G. (eds.). Statistical Shape and Deformation Analysis: Methods, Implementation and Applications. New York: Elsevier, 2017. P. 217–256.

The Variability of the Keilmesser-Concept: a Case Study from Central Germany / M. Weiss, T. Lauer, R. Wimmer, C. M. Pop // Journal of Paleolithic Archaeology. 2018. Vol. 1. P. 202–246.

С. Ю. Лев
Институт археологии РАН,
Москва, Россия

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ РАБОТ НА ЗАРАЙСКОЙ СТОЯНКЕ

Аннотация. Памятник представляет собой группу стоянок в исторической части г. Зарайска (23 000 – 16 000 л. н.). Работы ведутся в разных направлениях: это и расширение раскопанных площадей, и выявление границ памятников, а также комплекс естественно-научных методов, направленных на изучение различных аспектов среды обитания древнего человека. Наибольшее внимание уделялось работам на пунктах Зарайск B, E и F.

Ключевые слова: верхний палеолит, Зарайск, костёнковско-авдеевская культура, естественно-научные методы

Исследование выполнено в рамках НИОКТР 122011200271-7.

Зарайская стоянка расположена в исторической части г. Зарайска Московской области, на мысу правого берега р. Осетр. Памятник был обнаружен в 1980 г., исследовался А. В. Трусовым (с 1981 по 1995 г.) [Трусов, 2014], а с 1995 г. ежегодные планомерные раскопки ведет Зарайская археологическая экспедиция ИА РАН под руководством д-ра ист. наук, акад. РАН, проф. Х. А. Амирханова и канд. ист. наук С. Ю. Льва [Амирханов, 2000; Исследования палеолита…, 2009]. Памятник представляет собой группу сближенных в пространственном отношении и частично наслаивающихся друг на друга памятников. Таких памятников на сегодняшний день выделяется шесть, они обозначены начальными буквами латинского алфавита (A–F) и все относятся к костенковско-авдеевской археологической культуре (восточный граветт). Большая часть памятников является многослойными, наблюдаются существенные различия в их планировочной структуре и датировках. Наиболее ранние датируются 22–23 тыс. л. н., самые поздние 15–16 тыс. л. н.

© Лев С. Ю., 2025

не калиброванных. Крупные жилищно-хозяйственные комплексы обнаруживаются, с одной стороны, в рассредоточенном, пространственно-изолированном виде, как в Костенках и Авдеево, а с другой – на ряде пунктов, включая A, E и F, перекрывают друг друга, образуя различные уровни обитания (по сути, отдельные стоянки, хотя далеко не всегда отделенные друг от друга стерильными прослойками).

Наиболее исследованным памятником является Зарайск A. Он занимает пространство, примыкающее непосредственно к Никольской башне Зарайского кремля, и приурочен к обширному мысу, называемому кремлевским. Здесь культурные остатки в виде четырех переслаивающихся уровней обитания залегают в двух литологических слоях – верхней погребенной почве общей зарайской стратиграфии и подстилающем эту почву слое супеси. Из нижних культурных слоев с классическими жилыми площадками костенковского типа происходит подавляющее большинство известных произведений искусства.

Второй пункт – Зарайск B – связан с тыльной частью другого мыса, расположенного в нескольких десятках метров к северу от кремлевского и отделенного от последнего погребенным древним оврагом. Культурные остатки на этом участке залегают в верхней погребенной почве и на контакте этой почвы с подстилающим его суглинком. Слой супеси в том виде, как на Зарайске A, здесь отсутствует, а ниже прослеживаются суглинки с остатками еще двух древних палеопочв. В последние годы здесь были возобновлены раскопки и проведен комплекс естественно-научных изысканий. В одном из раскопов на периферии памятника было отобрано и обработано три колонки образцов: на микроморфологию, для споро-пыльцевого и радиоуглеродного анализов. Результаты позволили детально воспроизвести динамику изменений природной среды и подтвердить датировки Зарайска B как самого молодого памятника костенковско-авдеевской культуры (15 000 – 16 000 л. н.) [Landscape change…, 2021]. Также выяснилось, что верхний слой, связанный с погребенной почвой на Зарайске A и B, не прерываясь, залегает на участке между этими пунктами.

Третий пункт – Зарайск C – можно увязывать с концевой частью второго мыса, где культурные остатки в виде кремневых изделий, остатков фауны и охры связаны с подстилающей верхнюю погребенную почву супесью. Непосредственно в палеопочве находки отсутствовали.

В качестве отдельного памятника – Зарайск D – можно рассматривать площадь с культурными остатками на следующем (третьем к северу от кремлевского) мысу в районе площади Пожарского.

В 2016 г. в западной части кремля и за пределами его стен было обнаружено еще два пункта, получивших названия Зарайск E и Зарайск F. Они локализуются на западной оконечности кремлевского мыса и стратиграфически наиболее близки Зарайску A, хотя имеются и определенные различия [Лев, 2018].

В пункте Зарайск E выявлены два неглубоких очага с очажными камнями, остатки трех полуземлянок и три десятка ям разного назначения. Очаги относятся к разным жилищным площадкам. Есть случаи очевидного переслаивания объектов разных культурных слоев, нарушения их природными структурами и наличие в ряде случаев локальных стерильных прослоек. Кроме того, обнаружены два культовых объекта: «клад» кремневых изделий в альвеоле черепа мамонта, вкопанного на борту полуземлянки, и уникальный бифасиальный наконечник, уложенный на дно ямы [Амирханов, Лев, 2019; Лев, Гиря, 2022].

Зарайск F демонстрирует не менее сложную картину многослойного поселения. Выявлен пока один очаг, фрагменты 4–5 полуземлянок, вероятно, относящихся к единому комплексу, полтора десятка ям, включая ямы с массовой эвакуацией отходов расщепления, и еще один клад кремневых пластин в альвеоле черепа мамонта.

Помимо анализа уровней обитания, «жилых поверхностей» [Лев, 2023; Gavrilov, Lev, Otcherednoy, 2024] особое внимание уделялось естественно-научным методам, активно дополнявшим собственно

археологические [Амирханов, 2000; Исследования палеолита.., 2009; Лев, Тумской, 2017; Природа деформаций…, 2021]. Тафономические особенности залегания культурных останков и естественные структуры различного генезиса, так или иначе воздействовавшие на культурный слой, подвергаются многостороннему анализу. Такого рода воздействия (деформации) предшествовали строительству поселений, были синхронны им в археологическом смысле или же возникали после окончания бытования стоянки. На Зарайской стоянке отмечено наличие всех трех вариантов природных структур. Изучение их соотношения с объектами культурного слоя (криостратиграфия) дало возможность выделить две генерации природных структур, связанных с мерзлотными и эрозионными природными процессами. Мерзлотные трещины второй генерации служат четким маркером, позволяющим стратиграфически различать объекты второго и третьего культурных слоев многослойной стоянки Зарайск А, а также Е и F. На территории последних в 2021 г. с применением метода георадиолокации были проведены предварительные работы по изучению строения оползневого склона и, в частности, отложений, подстилающих культурный слой. Кроме того, шурфовкой были выявлены участки древней поверхности, подверженные блоковым деформациям в связи с развитием оползневых процессов.

На сегодняшний день по материалам стоянок было получено порядка 60 радиоуглеродных и AMS-дат [Лев, 2019]. Образцы отбирались и анализировались с учетом особенностей стратиграфии и пространственного распределения. Ведется работа по анализу микроморфологии почвенных горизонтов и реконструкции климатических изменений, проистекавших в период бытования поселений.

Список источников

Амирханов Х. А. Зарайская стоянка. М.: Научный мир, 2000. 248 с.

Амирханов Х. А., Лев С. Ю. Исследования верхнего палеолита в Зарайске // Новые экспедиции и проекты: Воссоздавая прошлое. М.: ИА РАН. 2019. С. 18–21.

Исследования палеолита в Зарайске. 1999–2005. / Х. А. Амирханов, Н. Б. Ахметгалеева, А. П. Бужилова, Н. Д. Бурова, С. Ю. Лев, Е. Н. Мащенко. М.: Палеограф. 2009. 466 с.

Лев С. Ю. Новые памятники палеолита в Зарайске // Записки ИИМК РАН. № 17. СПб. 2018. С. 84–96.

Лев. С. Ю. Зарайская стоянка: радиометрические даты // Человек и мамонт в палеолите Европы. Часть II: Днепро-Донская историко-культурная область. Памяти М. В. Аниковича: СПб.: Ars longa, 2019. 388 с.: 104 ил. (Серия: Труды Костёнковско-Борщёвской археологической экспедиции ИИМК РАН. Вып. 8/II). 2019. С. 36–40.

Лев С. Ю. Культурный слой и уровни обитания на Зарайской стоянке // КСИА. 2023. Вып. 273. С. 83–92.

Лев С. Ю., Гиря Е. Ю. Бифасиальный листовидный наконечник из раскопок стоянки Зарайск Е // КСИА. 2022. Вып. 269 С. 22–37.

Лев С. Ю., Тумской В. Е. Деформации природных и культурных слоёв на Зарайской стоянке // X Всероссийское совещание по изучению четвертичного периода Фундаментальные проблемы квартера: итоги изучения и основные направления дальнейших исследований. М., 2017. С. 226–228.

Природа деформаций в отложениях Зарайской палеолитической стоянки / В. Е. Тумской, Д. Е. Едемский, И. В. Прокопович, С. Ю. Лев // Пути эволюционной географии: Материалы II Всеросс. науч. конф., посвященной памяти проф. А. А. Величко. М.: Институт географии РАН. 2021. С. 719–724.

Трусов А. В. Каменные изделия и хозяйственные объекты Зарайской стоянки. 1980, 1982–83, 1989, 1990, 1994–95 гг. раскопок. Репроцентр-М. М., 2014. 132 с.

Gavrilov K. N., Lev S. Y., Otcherednoy A. K. Open-Air Sites (Paleolithic) // Encyclopedia of Archaeology, 2nd Edition, London: Academic Press. Vol. 2 2024. P. 15–34.

Landscape change and occupation history in the Central Russian Upland from Upper Paleolithic to Medieval: paleopedological record from Zaraysk Kremlin / T. Romanis, S. Sedov, S. Lev, M. Lebedeva, K. Kondratev, A. Yudina, K. Abrosimov, A. Golyeva, D. Volkov // CATENA. 2021. Vol. 196. Art. 104873.

М. Т. Левченко
Донецкий государственный университет,
Донецк, Россия

КОНЦЕПЦИЯ «ВОСТОЧНОГО МИКОКА» В ТРУДАХ В. Н. ГЛАДИЛИНА

Аннотация. Автором проводится систематизация взглядов В. Н. Гладилина, в которых освещалась проблематика «восточного микока» как особого варианта среднего палеолита Восточной Европы. Взгляды на «восточный микок» В. Н. Гладилина являются логическим продолжением концепции Г. Бозинского.

Ключевые слова: «восточный микок», Keilmessergruppen, историография, средний палеолит, бифасы

Исследование выполнено в рамках проекта № 124012400356-4 «Актуальные проблемы древней и средневековой истории и археологии Донбасса».

Микок – вариант среднего палеолита, существовавший в Европе в конце среднего и первой половине верхнего неоплейстоцена. В западной части Северной Евразии ключевые памятники данного типа распространены от юго-запада Франции (Ля Микок) до востока Русской равнины (Сухая Мечетка). Особо высокая концентрация «микокских» памятников отмечается в Центральной Европе, на полуострове Крым и Северном Кавказе. В Восточной Европе памятники группируются в скоплениях [Колесник, 2003, с. 278]. Понятие микок является собирательным и объединяет близкие по характеру группы каменных индустрий. Характерными чертами ранних «микокских» индустрий в Западной Европе являются своеобразные рубила со слегка вогнутыми в нижней части продольными краями, для поздних «микокских» индустрий характерны скребла и асимметричные в плане ножи с двусторонней ретушью рабочего края (Keilmessergruppen), а нередко и с обушком [Четырехъязычный (русско-англо-франко-немецкий) словарь-справочник…, 2007, с. 233].

На развитие взглядов многих специалистов в области среднего палеолита в 60–70-е гг. XX в. значительное влияние оказала концепция «Keilmessergruppe», разработанная Г. Бозинским [Bosinski, 1967]. Согласно его взглядам, микок предлагалось понимать как самостоятельное культурное явление, не связанное с мустье и поздним европейским ашелем. В основе концепции лежат представления об «инвентарных типах» орудий и особой технологии их изготовления. Технология изготовления микокских орудий была представлена в виде производства плосковыпуклых бифасов с полным или частичным уплощением одной из поверхностей. Основные орудия были описаны как клиновидные ножи (Keilmesser). На основании этих орудий были выделены «инвентарные типы» – индустрии типа Бокштайн, Клаузеннише, Шамбах, Рершайн, характерные для Центральной Европы. Инвентарные типы имели хронологический контекст.

Своеобразной визитной карточкой концепции «инвентарных типов» Keilmessergruppe стал термин «восточный микок». Предпосылка формирования этого термина как географического определения восходит к 20–30-м гг. XX в. Под «восточным микоком» Г. Бозинским понимались памятники, расположенные к востоку от скопления памятников типа Ля Микок во Франции. Типологические характеристики каждого из «инвентарных типов» не распространяются на весь «восточный микок». Современная концепция микока Германии строится на той же основе, что и в 60-е гг., что подтверждает точность выбранной тогда теоретической модели. В актуальном списке Keilmessergрупп числятся памятники типов Bockstein, Klausennische, Buhlen (Pradnikhorizon), Königsaue, Lebenstedt, а также от-

© Левченко М. Т., 2025

дельные памятники вне групп [Bosinski, 2006].

Взгляды Г. Бозинского и его коллег на природу каменных индустрий среднего палеолита Центральной и Восточной Европы с асимметричными двусторонне обработанными ножами получили дальнейшее развитие. При этом в середине 70-х – 80-е гг. в отечественной и частично зарубежной литературе произошло смещение акцентов из географического определения микока, расположенного к востоку от Западной Европы, к содержательной характеристике «микока» Русской равнины, Крыма и Северного Кавказа.

В значительной степени такая смысловая трансформация термина оформилась в трудах В. Н. Гладилина. Владислав Николаевич Гладилин (1935–2015) – доктор исторических наук, выдающийся исследователь раннего и среднего палеолита Центральной и Восточной Европы.

В основе взглядов В. Н. Гладилина лежит концепция «локальных отличий» [Гладилин, 1966] и авторская типология каменных орудий. Изначально мустьерские памятники Восточной Европы разделялись им по двухступенчатой схеме на типы индустрий и их технические варианты. Выделялись также варианты микромустье с ашельской традицией, левалуа-мустье с ашельской традицией и мустье с ашельской традицией. Позднее «мустье двустороннее» с различными типами индустрий стало одной из ключевых единиц группировки.

Мустьерские памятники Восточной Европы подразделялись на варианты по совокупности трех хронологически устойчивых показателей: 1) размеров орудий; 2) степени применения техники двусторонней обработки; 3) удельного веса зубчато-выемчатых форм. Тип индустрии определялся в зависимости от особенностей технологии первичного расщепления и баланса типов орудий. В версии схемы локального членения 1976 г. варианты мустье с двусторонними формами (мустье двустороннее, микромустье двустороннее, микромустье обыкновенное, микромустье зубчато-двустороннее) фактически аккумулировали в себе всё типологическое разнообразие индустрий Восточной Европы, аналогичных микокскому кругу памятников Центральной Европы [Гладилин, 1976]. Орудия, являвшиеся типологическим ядром индустрий Восточной Европы с бифасами, описывались Гладилиным на основании оригинальной многоступенчатой классификации как разнообразные скребла-ножи. «...Комплексы с двусторонними формами в Восточной Европе вырастают скорее из центральноевропейского “микока”, чем из ашеля…» [Там же, с. 93].

В 1980-е гг. В. Н. Гладилин, благодаря уточненной концепции локального членения мустье, предложил новую классификацию вариантов среднего палеолита Восточной Европы [Гладилин, 1980]. В данной классификации, в рамках «мустье двустороннего», впервые выделялась восточно-микокская фация с типами индустрий Староселье, Рихта и Антоновка, а также бокштайнская фация с типом Ак-Кая; Киик-Кобинская фация с типами Киик-Коба и Орел определены в рамках микромустье двустороннего. Гладилиным отмечались и отдельные культурные области, например, для восточно-микокской фации – Донбасс и Полесье, а для Киик-Кобинской – Крым, Днепровское Надпорожье и Прикубанье. Фации, по Гладилину, являлись родственными по происхождению объединениями типов индустрий, распространявшиеся с миграциями охотничьих коллективов вслед за стадными животными. Происхождение данных индустрий связывалось либо с местной ашельской подосновой, либо с миграцией населения с иных регионов (север Центральной Европы).

В целом взгляды В. Н. Гладилина на индустрии Восточной Европы с асимметричными двусторонне обработанными каменными орудиями базировались на оригинальной классификации. На основании выделенных типов обосновывались локальные отличия каменных индустрий, группировка которых неоднократно уточнялась. Концепция локальных отличий демонстрирует вариативность индустрий среднего палеолита, фиксируя в них некоторую закономерность,

но при этом допускает локальные различия в них. В работах Гладилина делается попытка систематизировать индустрии среднего палеолита, вводя для некоторых типов индустрий термин «с микокской традицией», таким образом не выделяя однозначных признаков «восточно-микокских» индустрий. В рамках схем локальных отличий устанавливалось место индустрий «восточного микока» в кругу памятников иного типа. Генетическая основа, в конечном счете, усматривалась в ашеле Германии [Гладилин, 1985, с. 26–28]. Базовая идея В. Н. Гладилина, касающаяся культурной преемственности среднего палеолита Восточной Европы, в большинстве своем основана на технико-типологической близости памятников Русской равнины и Крыма к памятникам Центральной Европы, ставших эталонными при выделении различных типов обушковых ножей [Гладилин, 1989]. Отдельные споры вызвало обсуждение вероятных путей миграции носителей микокской культурной традиции в Восточную Европу. Такие «коридоры» предполагались на территории Болгарии и Румынии вдоль черноморского побережья [Гладилин, 1976, с. 150].

Владислав Николаевич Гладилин впервые в законченном виде сформулировал концепцию «восточного микока» по отношению к Восточной Европе. В этой концепции, несмотря на полемичность многих положений, в системном виде описаны отличия в типологии каменных изделий, общие локальные особенности, определены географические рамки, общая хронология и генезис данного культурного явления. Очевидно, такой же системной должна быть и критика взглядов В. Н. Гладилина.

Список источников

Гладилин В. Н. Принципы и критерии локального подразделения раннего палеолита // Первобытная археология. Поиски и находки. Киев: Наукова думка, 1980. С. 21–38.

Гладилин В. Н. Проблемы раннего палеолита: автореф. дис... д-ра ист. наук в форме науч. доклада. Новосибирск, 1989. 53 с.

Гладилин В.Н. Проблемы раннего палеолита Восточной Европы. Киев, 1976. 229 с.

Гладилин В. Н. Различные типы каменной индустрии в мустье Русской равнины и Крыма и их место в раннем палеолите СССР // VII Междунар. конгресс до- и протоисториков. М.: Наука, 1966. С. 14–17.

Гладилин В. Н. Ранний палеолит // Археология Украинской ССР. Т. I. Киев: Наукова думка, 1985. С. 12–54.

Колесник А. В. Средний палеолит Донбасса // Археологический альманах. Донецк, 2003. № 12. 294 с.

Четырехъязычный (русско-англо-франко-немецкий) словарь-справочник по археологии палеолита / С. А. Васильев, Г. Бозински, Б. А. Бредли, Л. Б. Вишняцкий, Е. Ю. Гиря, Ю. Н. Грибченко, М. Н. Желтова, А. Н. Тихонов. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2007. 264 с.

Bosinski G. Die mittelpalaolithischen Funde im westlichen Mitteleuropa // Fundamenta A/4. Koln, 1967. 206 p.

Bosinski G. The Keilmesser Groups (Micoquian) in Germany // Wylotne and Zwierzyniec. Paleolithic sites in Southern Poland. St. K. Kozlowski eds. Kraków, 2006. P. 383–400.

Е. А. Липнина[1], Д. Н. Лохов[2]
[1,2] Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия
[1] Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия

АРТЕФАКТЫ – МАНУПОРТЫ СО СЛЕДАМИ ЭОЛОВОЙ КОРРАЗИИ В СОСТАВЕ АНСАМБЛЕЙ КАМЕННОГО ИНВЕНТАРЯ МНОГОСЛОЙНОГО МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ МАЛЬТА-МОСТ 3

Аннотация. Рассматриваются вопросы собирательства палеонаселением долины р. Белой форм древних изделий и крупных природных отдельностей со следами эоловой корразии на обработанных поверхностях на примере ансамблей каменных артефактов многослойного объекта Мальта-Мост 3. Анализируется их возможное дальнейшее использование в хозяйственно-производственной деятельности со следами последующего переоформления или без присутствия последних.

Ключевые слова: коррадированные артефакты-манупорты, местонахождение Мальта-Мост 3, литособирательство

Исследование выполнено при поддержке проекта госзадания Минобрнауки РФ, проект № FZZE-2023-0007.

Постановка проблемы, связанной с изучением каменных артефактов, несущих на своих поверхностях следы эолового воздействия, возникла в связи с открытием в 1969 г. в экспонированном состоянии на высоких отметках западной окраины Лено-Ангарского плато изделий, выполненных из кварцита, и по своей морфотипологии очень близких к западноевропейским ашело-мустьерским комплексам [Медведев, 1983]. Отличительной особенностью найденных предметов стала специфическая степень сохранности обработанных поверхностей рельефа каменных артефактов, выраженная в разных внешних признаках и характеристиках. Последнее обстоятельство потребовало диагностики и оценки данного явления. В результате термины «корразия», «коррадированные артефакты» прочно вошли в практику исследований, закрепились в научной литературе и были связаны с процессами ветровой деятельности и результатом ее воздействия на горные породы и древние артефакты. Первое обобщение собранных материалов и данных по коррадированным археологическим изделиям и самому содержанию процесса применительно к ископаемым предметным ансамблям, возникшим в результате литообработки, появилось спустя 14 лет после сделанного открытия. Основные положения были сформулированы в диссертации на соискание степени доктора исторических наук Г. И. Медведева [Там же, 1983]. В этой же работе впервые было изложено еще одно интересное наблюдение о наличии в материалах верхнепалеолитической стоянки Мальта особой группы каменного инвентаря, которая была определена в качестве древних артефактов – манупортов, изготовленных не мальтинцами, но подобранными и сохраненными ими, и своего рода экзотом в составе верхнепалеолитической индустрии [Там же]. Позднее, в ходе работы с коллекциями герасимовских раскопок разных лет, это наблюдение было подтверждено [Липнина, 2002, 2023; Кунецов, Липнина, Молчанов, 2024]. Работы 2000-х гг. на местонахождении дали новые материалы и численный состав этой категории несколько увеличился.

Как свидетельствуют последние раскопочные работы и новые фактические материалы, классические мальтинцы были не единственными литособирателями коррадированных отдельностей горной породы и артефактов на территории современной долины р. Белой.

Артефакты – манупорты со следами эоловой корразии были также задокументированы в составе ансамблей каменного инвентаря, относящихся к разным уров-

© Липнина Е. А., Лохов Д. Н., 2025

ням отложения ископаемой культуры, на многослойном местонахождении Мальта-Мост 3.

Местонахождение Мальта-Мост 3 открыто в 2015 г. в ходе рекогносцировочных работ. Многослойный объект заключен в плейстоцен-голоценовые геологические образования участка территории, слабонаклонная поверхность которого имеет относительные отметки от уреза р. Белой 35–38 м. Раскопочные работы выполнялись сплошным площадным вскрытием в полевые сезоны 2020, 2021, 2024 гг. [Мальта-Мост-3 – новое…, 2023]. Общая площадь вскрытия составила 39 915 м^2. Было выделено 6 уровней отложения ископаемой культуры. Предварительно относительный возраст культуровмещающих отложений определен временным диапазоном от ~28–22 тыс. кал. л. н. до ~14,7–11,7 тыс. кал. л. н. (по данным геостратиграфических наблюдений и по аналогии с датированными комплексами Южного Приангарья) [Средний и поздний…, 2021]. Число учтенных каменных артефактов и манупортов в совокупности по всем уровням в коллекции археологических материалов – 172 141 единица.

Артефакты – манупорты со следами эоловой корразии были фиксированы для ансамблей каменных индустрий 2–5 уровней. По численности среди уровней данные изделия распределены неравномерно. В коллекции находок 2-го уровня фиксировано – 12 ед. Самая многочисленная их группа происходит из 3-го уровня – 17 ед. И единичные артефакты также встречены в 4-м уровне (2 ед.) и 5-м (1 ед.). Всего 32 образца – 29 изделий, выполненных из разных горных пород, отличающихся друг от друга разной степенью корразии обработанных поверхностей, и 3 коррадированные разноразмерные природные отдельности с единичными снятиями в древности. Большая часть изделий со следами переоформления или подправки, меньшая часть предметов осталась нетронутой.

При рассмотрении предметы этой группы можно разделить: по размеру (макроформы, мезоформы), по разнообразию горных пород (кварцит, кремень, аргиллит), по степени корразии сохранившейся древней обработанной поверхности (лаковый блеск – «люстрат»; рябь, матовая истертость, ячеистость, специфическая сглаженность ребер негативов снятий).

Нетронутыми остались подобранные древние изделия, выполненные из кремня с «лакированной» коррадированной поверхностью небольших размеров. Это фрагменты «технических» сколов, крупных трехгранных и двугранных пластин.

Переоформлению подвергались крупные корковые сколы кварцита, которые служили заготовками для новых орудий. У сколов-пластин из аргиллита и кремня в отдельных случаях заново «подновлялись» приемами ретуширования рабочие края. Крупные формы коррадированных нуклеусов из кварцита могли служить либо основой для изготовления чопперов, либо использовались по прямому назначению для получения сколов-заготовок средних размеров. В ряде случаев с незначительным «подживлением» древних площадок и организацией нового фронта скалывания. Иногда скалывание производилось непосредственно с коррадированной поверхности. Полученные сколы, как правило, становились заготовками для оформления новых орудийных форм.

Таким образом, найденные и отобранные древние артефакты, поднятые и принесенные на стоянку, могли становиться дополнительным источником для повторного использования в технологических циклах обработки камня и выступать в качестве сырьевого ресурса для более поздних по времени коллективов охотников-собирателей. Вопрос предпочтения в выборе форм или критериев их отбора древними мастерами для включения в новый жизненный цикл производственных процессов остается пока открытым.

Список источников

Кузнецов А. М., Липнина Е. А., Молчанов Д. Н. Эоловая корразия археологических комплексов: к постановке проблемы // Stratum plus. Археология и культурная антропология. 2024. № 1. С. 367–384.

Липнина Е. А. Мальтинское местонахождение верхнепалеолитических культур: современное состояние изученности и перспективы исследования: дис. … канд. ист. наук. Иркутск, 2002. 310 с.

Липнина Е. А. Эолово-коррадированный компонент в составе «классического» ансамбля каменных артефактов Мальтинского верхнепалеолитического местонахождения // Международный симпозиум «Новейшие открытия в палеолите Евразии», посвященный юбилею академика А. П. Деревянко. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2023. С. 45.

Мальта-Мост-3 – новое многослойное местонахождение верхнего палеолита в долине реки Белой в Южном Приангарье (по результатам спасательных работ 2020–2021 годов) / Е. А. Липнина, Н. Е. Бердникова, Д. Н. Лохов, Д. Г. Маликов, И. М. Бердников // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2023. Т. XXIX. С. 168–174.

Медведев Г. И. Палеолит Южного Приангарья: дис. ... д-ра ист. наук. Иркутск, 1983. 389 с.

Средний и поздний этапы верхнего палеолита Байкало-Енисейской Сибири: хронология и общая характеристика / Н. Е. Бердникова, И. М. Бердников, Г. А. Воробьева, Е. А Липнина // Известия ИГУ. Серия Геоархеология. Этнология. Антропология. 2021. Т. 38. С. 59–77.

С. Н. Лисицын
Институт истории материальной культуры РАН,
Санкт-Петербург, Россия

КОСТЁНКИ В ИНТЕРВАЛЕ МЕЖДУ РАННИМ И СРЕДНИМ ЭТАПОМ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА – ХИАТУС ИЛИ ЛАКУНА ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

Аннотация. Отсутствие следов обитания людей в интервале между концом раннего этапа верхнего палеолита и началом его среднего этапа в Костёнках на Дону ранее оценивалось в ~8 тыс. лет. Материалы памятников Борщёво 5/III, Костёнки 12/Ia, Костёнки 14/III и Костёнки 8/III позволяют сузить эпизод возможной депопуляции региона до 2–3 тыс. лет (~35–33 Cal ka).

Ключевые слова: Костёнки, верхний палеолит, хиатус, хронология

Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН «Север Евразии в каменном веке: проблемы расселения человека, культурной адаптации и технологического развития» (FMZF-2025-0007).

Первичное заселение Костёнковско-Борщёвского региона (КБР) на Дону связано с протоориньяком (Костёнки 14/IVб и Костёнки 17/II), 14C возрастом 37–36 тыс. л. н. (41.6–42.3 Cal ka) или «архаичными» комплексами стрелецкой АК (Костёнки 1/V, Костёнки 6, Костёнки 12/III, Борщёво 5/IVб), имеющих разброс 14C дат 43–34 тыс. л. н. (~46–39 Cal ka). Промежуточную или более позднюю позицию имеют ориньякские комплексы (Костёнки 1/III, Костёнки 14/ГП – горизонт пепла). Хроноинтервал ориньяка ~35–32 тыс. л. н. (40.1–39.3 Cal ka) дискуссионен в контексте его возможной литологической связи в КБР с уровнем выпадения вулканического пепла Y5 (Кампанский игнимбрит: CI). Тефра Y5 имеет изотопный возраст ~39,8 тыс. л. н. [Highprecision 14C…, 2017], маркирующий дискретность между концом раннего и началом среднего этапа верхнего палеолита. Начало хиатуса ассоциируется с резким похолоданием Хайнрих 4 (HE4) [Хоффекер, Лисицын, Холлидей, 2022].

Интервал последующего периода обитания связан с городцовской АК (Костёнки 14/II, Костёнки 15) и ранним граветтом (Костёнки 8/II) – в диапазоне 14C ~30–27 тыс. л. н. (~34–32 Cal ka). Комплексы вмещены в верхнюю гумусированную толщу ВГТ (брянский педокомплекс).

Промежуток между периодами интенсивного обитания (т. е. от конца «ориньякского» до начала «граветтийского» эпизода) достигает ~8 тыс. лет. Однако в надпепловых отложениях КБР известны комплексы, которые позволяют сузить

© Лисицын С. Н., 2025

длительность хиатуса, а именно: Борщёво 5/III, Костёнки 12/Ia, Костёнки 14/III и Костёнки 8/III.

На Борщёво 5 культурный слой III связан с пеплом Y5. В нижних позициях склона слой вмещен или перекрыт его линзами. В высотной части – вмещен в палеопочву поверх пепла, который простирался сплошным горизонтом. В отличие от ориньякского слоя ГП на Костёнках 14, залегавшего пятнами [Sinitsyn, 2003], III слой на Борщёво 5 представлял собой сплошное скопление костей в углистом заполнении с признаками оползания по склону. Комплекс интерпретируется как киллсайт (фауна ~90 % лошадь) [The hunting of horse..., 2018].

Коллекция: ~200 каменных изделий – преимущественно мелкий дебитаж. Представлены разновидности кремня: меловой черный и красно-коричневый, пестроцветный моренный и опока – аналогичные составу сырья Костёнок 14/ГП. Орудия: 4 концевых скребка на пластинчатых отщепах, включая нуклевидный à museau; 1 двугранный резец на отщепе и 1 долотовидное изделие. Вкладыши: 1 пластинка с крутой ретушью и 1 дюфур. Костяные изделия представлены обломками ребер лошади со следами строгания. Найдены два фрагмента тонких костяных стержней, один из них с закругленным навершием [Лисицын, 2021]. 14C датировки по костям лошади омоложены: 19 300 ± 800 (ЛЕ-7 367), 19 500 ± 500 (ЛЕ-6 812), 23 000 ± 500 (ЛЕ-6 811). Дата по древесному углю 32 650 ± 300 (Beta-199 401) (~35 Cal ka) близка возрасту слою ГП Костёнок 14. По совокупности данных Борщёво 5/III относится к ориньяку. Литологическая привязка к палеопочве, перекрывающей горизонт пепла, соответствует началу хиатуса. Вышележащий слой II на Борщёво 5 (кровля ВГТ ~28 тыс. л. н.) – с отдельными кремнями и остатками фауны – отделен от III слоя стерильным суглинком без признаков почвообразования.

Верхняя граница хиатуса маркируется уровнем гумусонакопления в основании ВГТ, вмещающим комплексы: Костёнки 12/Ia, Костёнки 14/III и Костёнки 8/III.

В культурном слое Ia Костёнкок 12 каменные артефакты (~50 экз.) разрозненно залегали в раскопах 1960–1970-х и 1999–2003 гг., а в виде скопления – в шурфе 2015 г. в высотной позиции склона. В нем найдено 176 артефактов из мелового патинированного кремня и кварцита. Орудия (16 экз.) изготовлены на отщепах и укороченных пластинах: 6 резцов (угловые и ретушные), 7 разнотипных скребков, 3 pièces écaillées. Костяные предметы: 1 заостренное изделие из ребра лошади, 2 предмета из бивня – фрагмент стержня и сломанная бляшка, орнаментированная по выпуклой стороне точками, образующими сложный узор из сдвоенных линий [Kostenki 12.., 2022]. Ближайшая аналогия происходит из ориньякского III культурного слоя Костёнок 1, где найдена фрагментированная бляшка со сходным декором [Верхний палеолит…, 2016, с. 286], отдаленные связи прослеживаются с орнаментикой Сунгиря [Денисова, 2015]. Серия 14C дат для Костёнок 12/Ia – в интервале 27,9–32,7 тыс. л. н. (35,8–32,7 Cal ka) [Kostenki 12..., 2022].

Комплекс Костёнки 14/III из раскопок в период 1950–1979 гг. зафиксирован в отдельных скоплениях с общим числом находок >4,7 тыс. экз. (преимущественно из черного мелового кремня), включая 67 изделий с ретушью. Инвентарь выполнен на отщепах и укороченных пластинах: два десятка предметов: разнотипные скребки, 1 многофасеточный резец, pièces écaillées, 1 скребло. Костяной инвентарь: несколько фрагментов бивневых стержней, пронизки из костей птиц [Рогачев, Синицын, 1982]. Возраст 14C – в диапазоне 35,2–33,8 Cal ka на основании 14C дат по углю [Синицын, 2015].

Культурный слой III Костёнок 8 изучен в 1950-х гг. в 3 разных скоплениях. Коллекция: 0,5 тыс. предметов, включая ~300 из кварцита, остальные из кремня (преобладает цветной моренный). Инвентарь (16 экз.) крупно-пластинчатый: концевые скребки, 1 угловой резец, пластины с крутой ретушью. Костяной инвентарь: 8 крупных обломков стержней из бивня и несколько их мелких фрагментов, олений рог с прорезанными пазами, перфо-

рированная подвеска из клыка [Рогачев, Аникович, Дмитриева, 1982]. С14 дат нет, но слой III непосредственно подстилал слой II раннего граветта и частично был смешан с ним внутри ВГТ [Рогачев, 1957], что сближает обоих по времени. Возраст раннего граветта Костёнок 8/II: 27,7–27,6 тыс. л. н. (~32 Cal ka) [Chronology of the European..., 2015] позволяет соотнести комплекс Костёнок 8/III с верхними 14С датами Костёнок 12/Ia и Костёнок 14/III. Материалы всех трех данных комплексов невыразительны и не позволяют определить их культурную атрибуцию. Но они не сильно различаются по набору инвентаря, составляя общий технико-типологический массив (укороченные пластины, отсутствие вкладышей, бивневые стержни).

Таким образом, верхняя граница хиатуса должна определяться не раньше ~33 Cal ka, а нижняя – не позднее ~35 Cal ka. Выпадение вулканического пепла не оказало катастрофического влияния на экосистему, как это предполагалось [D'Errico, Banks, 2015]. Депопуляция, если и имела место из-за наступившего холодного экстремума HE4, не превышала 2–3 тысячелетия, практически совпадая с данным событием. Схему последовательности эпизодов обитания КБР, предложенную А. А. Синицыным [2014; 2018], можно подкорректировать, сократив указанный хиатус (рис. 1).

Отсутствие следов обитания в КБР ~35–33 Cal ka остается пробелом в источниковедении, однако гораздо меньшим, чем представлялось ранее.

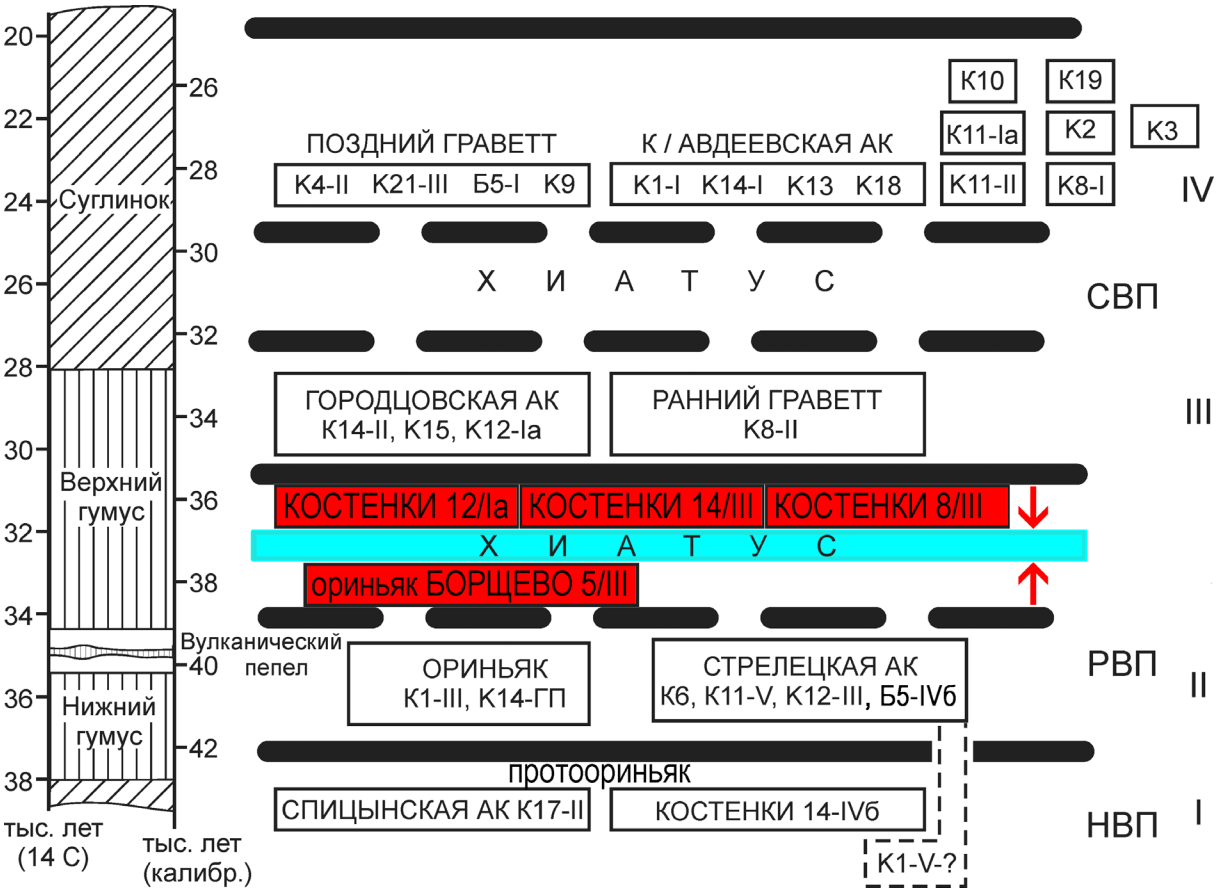

Рис. 1. Модель культурно-хронологической дифференциации палеолита Костёнок (по: [Синицын, 2018], с добавлениями): I–IV – хронологические группы; НВП – начальный верхний палеолит; РВП – ранний верхний палеолит; СВП – средний этап верхнего палеолита

Список источников

Верхний палеолит: образы, символы, знаки. Каталог предметов искусства малых форм и уникальных находок верхнего палеолита из археологического собрания МАЭ РАН / Отв. ред. Г. А. Хлопачев. СПб.: Экстрапринт, 2016. 384 с.

Денисова А. Н. Предметы с орнаментом со стоянки Сунгирь из археологических коллекций Государственного Владимиро-Суздальского музея-заповедника. Владимир: ГВСМЗ, 2015. 28 с.

Лисицын С. Н. Охотники на лошадей третьего культурного слоя стоянки Борщёво 5, связанного с уровнем выпадения кампанского вулканического пепла // Дивногорский сборник. Труды музея-заповедника «Дивногорье». Воронеж: Пресс-Бургер, 2021. Вып. 8. С. 116–121.

Рогачев А. Н. Многослойные стоянки Костёнковско-Борщёвского района на Дону и проблема развития культуры в эпоху верхнего палеолита на Русской равнине // МИА. 1957. № 59. С. 9–134.

Рогачев А. Н., Аникович М. В., Дмитриева Т. Н. Костёнки 8 (Тельманская стоянка) // Палеолит Костёнковско-Борщёвского района на Дону 1879–1979. Л: Наука, 1982. С. 92–109.

Рогачев А. Н., Синицын А. А. Костёнки 14 (Маркина Гора) // Палеолит Костёнковско-Борщёвского района на Дону 1879–1979. Л: Наука, 1982. С. 145–162.

Синицын А. А. Костёнки 14 (Маркина гора) – опорная колонка культурных и геологических отложений палеолита Восточной Европы для периода 27–42 тыс. лет // Замятнинский сборник. СПб.: МАЭ РАН, 2015. Вып. 4. С. 40–59.

Синицын А. А. Прерывистость и преемственность в палеолите Костёнок // Верхнедонской археологический сборник. Липецк: ЛГПУ, 2014. Вып. 6. С. 66–76.

Синицын А. А. Н. Д. Праслов и формирование модели культурно-хронологической дифференциации палеолита Костёнок // Записки ИИМК. 2018. № 17. С. 12–20.

Хоффекер Д., Лисицын С. Н., Холлидей В. Взгляд с Североамериканских равнин на ранний верхний палеолит Восточно-Европейской равнины // Stratum plus. 2022. № 1. С. 101–128.

Chronology of the European Russian Gravettian: new radiocarbon dating results and interpretation / N. Reynolds, S. N. Lisitsyn, M. V. Sablin, N. Barton, T. F. G. Higham // Quartär. Vol. 62. 2015. P. 121–132.

D'Errico, F.; Banks, W.E. Tephra studies and the reconstruction of Middle-to-Upper Paleolithic cultural trajectories // Quaternary Science Reviews. 2015. Vol. 118. P. 182–193.

Highprecision 14C and 40 Ar/39 Ar dating of the Campanian Ignimbrite (Y-5) reconciles the time-scales of climatic-ultural processes at 40 ka / B. Giaccio, I. Hajdas, R. Isaia, A. Deino, S. Nomade // Scientific Reports, Vol.7. 2017. 45940.

Kostenki 12: integrating site history with culture-stratigraphy on the Central plain of Eastern Europe / J. F. Hoffecker, V. T. Holliday, S. N. Lisitsyn, P. Goldberg, M. V. Anikovich, A. E. Dudin, N. I. Platonova, V. V. Popov, G. M. Levkovskaya, G. A. Pospelova, R. I. Macphail, S. L. Forman // A life dedicated to the Paleolithic. Studies in honorem Marin Cârciumaru. Târgoviște, 2022. P. 79–138.

Sinitsyn A. A. A Palaeolithic ‘Pompeii’ at Kostenki, Russia // Antiquity. Vol. 77. No. 295. 2003. P. 9–14.

The hunting of horse and the problem of the Aurignacian on the central plain of Eastern Europe / J. Hoffecker, V. Holliday, V. Stepanchuk, S. Lisitsyn // Quaternary International. Vol. 485. 2018. P. 44–67.

В. А. Лукинцева, Н. В. Косорукова, Т. С. Гринина
Череповецкий государственный университет,
Череповец, Россия

ИЗДЕЛИЯ ИЗ РОГА С МЕЗОЛИТИЧЕСКОГО ТОРФЯНИКОВОГО ПАМЯТНИКА ПОГОСТИЩЕ 15 (БАССЕЙН ОЗЕРА ВОЖЕ)

Аннотация. На мезолитическом торфяниковом памятнике Погостище 15 встречены находки изделий из рога, почти все представлены обломками. Большинство найденных экземпляров – разнообразные орудия, среди которых встречены вставки-лезвия рубящих орудий, отжимники или посредники, интерпретация других находок из рога затруднена. Все роговые изделия представляют большой научный интерес.

Ключевые слова: мезолит, торфяниковые памятники, бассейн озера Воже, Погостище 15, изделия из рога

Памятник Погостище 15 – мезолитическая торфяниковая стоянка, расположенная на окраине бывшей деревни Погостище на правом берегу р. Модлоны (бассейн озера Воже). Памятник открыт экспедицией ЧГУ под руководством Н. В. Косоруковой в 2011 г. и исследуется по настоящее время. Общая вскрытая площадь за 2011–2024 гг. составляет 654 м^2. По данным радиоуглеродных датировок стоянка датируется VIII тыс. до н. э. или второй половиной бореального времени. Находки эпохи мезолита залегают в слое сапропеля, на глубине 1–1,2 м

© Лукинцева В. А., Косорукова Н. В., Гринина Т. С., 2025

от дневной поверхности [Косорукова, 2020, с. 6].

Находки из органических материалов представлены изделиями из кости, рога, коры и дерева, в большом количестве встречены кости животных и рыб. За все годы раскопок выявлено 23 экз. изделий из рога, почти все представлены обломками. Выделить среди данных орудий типы и категории довольно сложно – изделия весьма разнообразны, а иногда и вовсе не ясно, какое назначение имел тот или иной предмет. Чётко могут быть выделены следующие категории: вставки-лезвия рубящих орудий, отжимники или посредники.

Вставки-лезвия в рубящие орудия представлены 6 экз., среди них 4 экз. – вставки-лезвия в топоры, 2 экз. – вставки в тесла.

Первый экземпляр вставки-лезвия топора изготовлен из ствола рога или толстого отростка, противоположный рабочему конец сломан, сечение подовальное, лезвие в профиле относительно прямое. [Лукинцева, 2024, с. 27, рис. 1, 10]

Второй экземпляр – это небольшое рубящее орудие из рога длиной около 7 см, изготовленное из толстого ствола рога или из места, где ствол переходит в лопату. Сломано с двух сторон, форма подтрапециевидная со скругленными углами, сечение овальное уплощенное, в профиле почти прямое. Обработано только с одной стороны – шлифовкой, с противоположной стороны – естественная поверхность рога. [Лукинцева, 2024, с. 27, рис. 1, 12].

Третий экземпляр изготовлен из лопаты рога, имеет почти подтреугольную форму или трапециевидную, с очень узким верхним основанием, сечение подовальное уплощенное, рабочий конец прямой в профиле. Обработано строганием и шлифовкой. [Лукинцева, 2024, с. 27, рис. 1, 9].

Четвёртый экземпляр изготовлен из ствола рога или толстого отростка. Противоположный рабочему конец сломан. Сечение подовальное, лезвие в профиле относительно прямое [Лукинцева, 2024, с. 27, рис. 1, 3].

Вставки-лезвия в тесла представлены 2 экз. Первый экземпляр изготовлен из ствола рога, ранее орудие было явно крупнее, возможно, сломалось и было подправлено, имеет грушевидную форму, сечение неправильно-овальное, в профиле асимметричное. У орудия два рабочих конца, образованных продольным строганием [Лукинцева, 2024, с. 27, рис. 1, 7].

Второй экземпляр изготовлен из отростка рога, конец, противоположный рабочему, сломан. Орудие вытянутое, с массивным рабочим концом, в сечении неправильное подокруглое. Лезвие в профиле асимметричное. Рабочий конец тщательно выструган, пришлифован [Лукинцева, 2024, с. 27, рис. 1, 3].

Вставки-лезвия в топоры и тесла, в целом, известны на территории лесной зоны. Как правило, они изготовлены из лопаты рога или места перехода отростка рога в лопату. Такие орудия плоские, имеют подпрямоугольную форму. У топоров лезвие прямое в профиле, у тесел – асимметричное [Жилин, 2018, с. 55–56].

Отжимники и посредники, как правило, весьма сложно разграничить. Тем не менее на памятнике Погостище 15 выделяются два типа таких орудий, различных как по способу изготовления, так и по следам использования на рабочем конце [Жилин, 2012, с. 2].

Первый тип представлен 2 экз. Оба орудия – это небольшие обломки отростков рога, которые продольным строганием заточены так, что форма рабочего конца приближается к конусовидной, верхняя часть орудия без следов обработки, сечение подовальное или подокруглое, на рабочем конце следы деформации [Лукинцева, 2024, с. 27, рис. 1, 2, 8].

Ко второму типу отнесено 3 экз. Подобные орудия также изготовлены из отростков рога, имеют небольшие размеры и пулевидную форму с расширением на рабочем конце. Противоположный рабочему конец сломан. Поверхность всех орудий тщательно обработана строганием. На рабочем конце фиксируются следы выкрошенности, следы деформации отсутствуют [Лукинцева, 2024, с. 27, рис. 1, 4–5].

Другие найденные на памятнике Погостище 15 орудия из рога не представлены сериями, они единичны. Количество таких находок составляет 12 экз.

Первый экземпляр изготовлен из лопаты рога, сломан с двух сторон. Изделие плоское, сужается к одному концу, в сечении плоское и вытянутое. Поверхность обработана строганием.

Второй экземпляр – это орудие из ствола или толстого отростка рога. Почти целое, неправильной подтрапециевидной формы, сечение на рабочем конце неправильное подовальное, на противоположном – неправильное подокруглое. Рабочий конец асимметричный в профиле. Сбоку на орудии намечен широкий, но не глубокий, паз, почти во всю длину орудия. На противоположном боку незавершенный паз, нанесенный под углом. Поверхность изделия обработана строганием и шлифовкой. Возможно, это заготовка муфты из переоформленного рубящего орудия [Лукинцева, 2024, с. 27, рис. 1, 6].

Третий экземпляр – орудие, изготовленное из места перехода лопаты рога в ствол, имеет подпрямоугольную форму с двумя обрубленными концами, сечение подовальное, слегка уплощенное. В профиле прямое. На поверхности изделия фиксируются следы от продольного строгания. С обеих сторон у орудия имеются неглубокие отверстия. Одно отверстие представляет собой выкрошенность костного вещества рога, второе более оформлено [Лукинцева, 2024, с. 27, рис. 1, 11].

Роговые муфты служили для скрепления вставок топоров, тесел и кирок с деревянной рукоятью. Их отличительной особенностью является наличие паза для клинка в торце и отверстия для рукояти в средней части муфт для топоров и кирок, или ближе к обуху у муфт для тесел [Жилин, 2020, с. 223]. Возможно, пазы на третьем экземпляре рогового орудия предназначались для такой цели, но не были завершены. Четвёртое орудие в таком случае могло быть рукоятью, для этого сделано отверстие.

Четвёртый экземпляр представлен изделием из ствола рога, почти целого, но с выкрошенностями. Форма изделия округлая, сечение неправильное подокруглое с желобком. Находилось в огне [Лукинцева, 2024, с. 27, рис. 1, 1].

Пятый экземпляр – орудие, изготовленное из лопаты рога, подтреугольной формы, противоположный рабочему конец сломан, сечение неправильное линзовидное, обработано строганием и шлифовкой.

Шестой экземпляр – фрагмент обработанной лопаты рога, на одной стороне прорезаны неглубокие широкие желобки [Лукинцева, 2024, с. 27, рис. 1, 15].

Седьмой экземпляр изготовлен из обработанной лопаты рога, имеет неправильную форму. В верхней части сечение неправильное подовальное, в нижней – неправильное линзовидное, прямое в профиле, поверхность без следов обработки, края оформлены при помощи резания или строгания.

Восьмой экземпляр – фрагмент очень маленького отростка, переходящего в лопату рога. Отросток в сечении подокруглый, часть лопаты – неправильная линзовидная, вогнутая в профиле.

Девятый экземпляр изготовлен из крупного отростка рога, сломан с двух сторон, в сечении подокруглый. Поверхность обработана строганием и срезами, шлифовкой. На конце, предположительно, противоположном рабочему, вырезано отверстие – для привешивания и дальнейшего ношения орудия.

Десятый экземпляр изготовлен из отростка рога, сломан с двух сторон, в сечении подокруглый. На одной стороне орудия оформлено крыло. Возможно, изделие представляет собой обломок гарпуна или зубчатого острия.

Одиннадцатый экземпляр изготовлен из ствола рога, рабочий конец сломан, сечение подокруглое, поверхность частично обработана строганием. Примерно посередине сохранившейся части – кольцевая канавка.

Двенадцатый экземпляр изготовлен из отростка рога, имеет грушевидную форму, подокруглое сечение. Изделие тщательно выстругано, один конец имеет конусовидную форму, второй оформлен как головка изделия при помощи резания.

Категории рогового инвентаря со стоянки Погостище 15 остаются не до конца ясными. Среди всех изделий можно выделить лишь две устойчивые категории орудий, которые находят аналогии в материалах памятников культуры Веретье и бутовской. Изделиям, представленным единично, за исключением муфты и рукояти, аналогии пока не найдены.

Список источников

Жилин М. Г. Мезолитические изделия из кости и рога из нижнего слоя стоянки Ивановское 7 в собрании МАЭ РАН // Camera praehistorica. СПб: МАЭ РАН, 2018. № 1 (1). С. 24–63.

Жилин М. Г. Роговые посредники и отжимники в мезолите Волго-Окского междуречья // КСИА. М.: ИА РАН, 2012. Вып. 227. С. 211–230.

Жилин М. Г. Технология изготовления роговых муфт в мезолите Волго-Окского междуречья // Археология Евразийских степей. Казань: ИА им. А. Х. Халикова, 2020. № 3. С. 223–236.

Косорукова Н. В., Гимранов Д. О., Лукинцева В. А., Гринина Т. С. Рыболовство в эпоху мезолита в бассейне озера Воже по материалам памятников Погостище 14 и 15 // Уральский исторический вестник. № 2 (67). Екатеринбург: УрО ИИиА РАН, 2020. С. 6–17.

Лукинцева В. А. Верхнедонской археологический сборник: материалы VI Международной археологической конференции «Археология в исследованиях молодых» (10–12 октября 2022 г.). Липецк: ЛГПУ, 2024. Вып. 13. С. 24–27.

Ошибкина С. В. Веретье I. Поселение эпохи мезолита на Севере Восточной Европы. М.: Наука, 1997. 204 с.

С. С. Макаров[1], А. С. Резвый[2]
[1,2] Музей Природы и Человека, Ханты-Мансийск, Россия
[2] Зоологический институт РАН, Санкт-Петербург, Россия

О ВОЗМОЖНОСТИ ВЫЯВЛЕНИЯ НОВЫХ ПАМЯТНИКОВ ПОЗДНЕГО ЭТАПА ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА НА ПОЙМЕННЫХ УЧАСТКАХ НИЖНЕЙ ОБИ

Аннотация. В Нижнем Приобье известно две позднепалеолитические стоянки (Луговское, Комудваны). Малое количество памятников может объясняться неосвоенностью этой территории, недостаточностью полевых исследований, особенностями тафономии. Палеографические реконструкции указывают на возможность погребения памятников второй половины MIS 2 под пойменными отложениями р. Оби.

Ключевые слова: Нижнее Приобье, палеоландшафт, радиоуглеродное датирование, вторая половина MIS 2, Луговское, Комудваны

Нижнее Приобье было освоено палеолитическими охотниками не позднее второй половины MIS 2 (22,5–11,7 тыс. кал. л. н.), о чем свидетельствуют стоянки Луговское [Геоархеология и особенности.., 2006] и Комудваны [Стоянка финального палеолита.., 2022]. Наиболее достоверный период обитания для стоянки Луговское по радиоуглеродным данным определен от 16,4 до 15,5 тыс. кал. л. н., а для стоянки Комудваны – от 15,3 до 14,1 тыс. кал. л. н. [Эпоха палеолита..., 2024]. В настоящее время это единственные стратифицированные памятники, датирующиеся второй половиной MIS 2, на рассматриваемой территории. Радиоуглеродные даты остатков мамонтовой фауны, собранных на бечевнике р. Оби и прилегающих к ней устьевых участков речных долин (всего 40 точек сбора), демонстрируют небольшое количество дат, соответствующих второй половине MIS 2 [Lugovskoe, Western Siberia.., 2004; Астахов, Арсланов, Назаров, 2004; Человек и мамонтовая фауна.., 2021], что может свидетельствовать о малом количестве особей крупных

© Макаров С. С., Резвый А. С., 2025

млекопитающих и о неблагоприятных для ее обитания условиях окружающей среды в этот период. Однако некоторые исследования не подтверждают это предположение. Во-первых, в целом для Западной Сибири в период от LGM до Беллинг (22,5–14,7 тыс. кал. л. н.) определяется максимальный размер популяции шерстистого мамонта, которая начинает сокращается после периода Беллинг-Аллеред [The Eurasian mammoth..., 2017, p. 14]. Во-вторых, для этого периода реконструируются условия «сухой, малоснежной, ветреной, но вполне обитаемой мерзлой степи» в северной части Нижнего Приобья [Астахов, Арсланов, Назаров, 2004, с. 257] и несколько фаз умеренно холодных степных, лугово-степных ландшафтов с разной степенью распространения древесной, кустарниковой растительности и заболоченных участков в южной части Нижнего Приобья [Палеогеографические обстановки.., 2010]. Более того, радиоуглеродные датировки ископаемых остатков из местонахождений Луговское и Комудваны свидетельствуют о наличии разнообразной фауны в период от 20,8 до 11,3 тыс. кал. л. н. [Эпоха палеолита..., 2024] в Нижнем Приобье. Таким образом, в Нижнем Приобье во второй половине MIS 2, а также в начале голоцена обитали типичные виды мамонтовой фауны, но их остатки представлены только в двух крупных местонахождениях и отдельными единичными находками, что контрастирует с широким распространением фаунистических находок, датируемых MIS 3 (54,2–28,6 тыс. кал. л. н.) и первой половиной МИС 2 (28,6–22,5 тыс. кал. л. н.) по всему Нижнеобскому региону.

Комплексные исследования, проведенные на территории стоянки Комудваны [Стоянка финального палеолита.., 2022] и в районе местонахождения Луговское [Комплексные палеонтолого-стратиграфические.., 2006], свидетельствуют о погребении обширных пойменных ландшафтов второй половины МИС 2 под мощным слоем отложений сложного генезиса позднеледникового и голоценового времени. Можно предположить, что малочисленность местонахождений позднеплейстоценовой фауны и палеолитических памятников второй половины MIS 2 обусловлена их расположением на уровнях ниже современного базиса эрозии, который в районе местонахождения Луговское составляет Σ+20 м.

В первой половине MIS 2 уровень мирового океана был значительно ниже современного – максимальное значение в конце LGM составляло около –134 м от современного уровня моря [Sea level.., 2014], что определяло преобладание эрозионной стадии в формировании ландшафтов. Учитывая стратиграфические исследования отложений из керна скважин, заложенных в районе местонахождения Луговское, максимальная глубина эрозионного вреза пойменной части вблизи бровки I надпойменной террасы в период LGM составляет не менее 13 м от современного уровня этой террасы (Σ23–25 м от современного уровня моря), что соответствует около +12 м от современного уровня моря [Комплексные палеонтолого-стратиграфические.., 2007], и на 8 м ниже современного базиса эрозии. Таким образом, к концу LGM в районе местонахождения Луговское существовали террасовые уровни, прорезанные эрозионными образованиями, и отчетливо выраженный пониженный участок поймы. Необходимо добавить, что в настоящее время обширная пойма Оби в районе местонахождений Луговское почти не выражена и ее высоты достигают уровня I надпойменной террасы.

Во второй половине MIS 2 началось постепенное, поэтапное поднятие уровня мирового океана, которое к началу голоцена достигло уровня –65 м от современного уровня моря [Sea level.., 2014]. На основании результатов микропалеонтологических исследований во второй половине MIS 2 реконструируется постепенное потепление, увеличение влажности и преобладание криоаридных степных и лугово-степных ландшафтов с небольшим количеством заболоченных участков, которые к концу этого периода сменились ландшафтами с преобладающей таежной растительностью и распространением заболоченных участков [Палеогеографические обстановки.., 2010]. Радиоуглерод-

ные даты по остаткам фауны, обнаруженным в отложениях заполняющих лог, свидетельствуют о формировании местонахождения в период от 17 до 12 тыс. кал. л. н. Стратиграфические наблюдения фиксируют преобладание процесса аккумуляции отложений сложного генезиса, которые постепенно заполняют эрозионный врез в краевой части I надпойменной террасы, а также процесса погребения примыкающих к местонахождению обширных пойменных участков [Эпоха палеолита.., 2024].

Степные и лугово-степные ландшафты поймы, скорее всего, являлись благоприятными пастбищами для травоядных представителей мамонтовой фауны, а следовательно, и привлекательными охотничьими угодьями для человека. Погребение пойменных участков со степными и лугово-степными ландшафтами во второй половине MIS 2 привело к погребению и фаунистических остатков, а возможно и стоянок этого периода, что определило трудность их обнаружения и отразилось на малом их количестве, известном к настоящему времени.

Пойменные участки р. Оби почти не обследуются на предмет обнаружения позднеплейстоценовых материалов. Однако реконструкция этапов изменения палеогеографической среды и данные по количеству популяции мамонтовой фауны на территории Западной Сибири во второй половине MIS 2 позволяют надеяться на выявление новых палеолитических памятников не только вдоль краевых частей террасовых участков, но и в пойменной части долины р. Оби.

Список источников

Астахов В. И., Арсланов Х. А., Назаров Д. В. Возраст мамонтовой фауны на Нижней Оби // Доклады Академии наук. 2004. Т. 396. № 2. С. 253–257.

Геоархеология и особенности материальной культуры палеолитического местонахождения Луговское / В. Н. Зенин, С. В. Лещинский, К. В. Золотарев, П. М. Грутес, М.-Х. Надо // Археология, этнография и антропология Евразии. 2006. № 1. С. 41–53.

Комплексные палеонтолого-стратиграфические исследования местонахождения Луговское (2002–2004 годы) / С. В. Лещинский, Е. Н. Мащенко, Е. А. Пономарева, Л. А. Орлова, Е. М. Бурканова, В. А. Коновалова, И. И. Тетерина, К. М. Гевля // Археология, этнография и антропология Евразии. 2006. № 1 (25). С. 54–69.

Комплексные палеонтолого-стратиграфические исследования керна скважин местонахождения мамонтовой фауны и палеолита Луговское (Западная Сибирь) / С. В. Лещинский, Е. М. Бурканова, С. Н. Бабенко, В. А. Коновалова, Е. А. Пономарева // Материалы V Всероссийского совещания по изучению четвертичного периода. М.: ГЕОС. 2007. С. 229–232.

Палеогеографические обстановки окружающей среды местонахождения мамонтовой фауны Луговское / Е. М. Бурканова, С. В. Лещинский, Е. В. Зиновьев, С. Н. Бабенко // Эволюция жизни на Земле: Материалы IV Международного симпозиума. Томск: ТМЛ-Пресс, 2010. С. 579–582.

Стоянка финального палеолита Комудваны в долине нижней Оби: геоморфология, палеонтология, археология / С. С. Макаров, И. Д. Зольников, А. С. Резвый, А. А. Анойкин, В. Н. Зенин, С. В. Лещинский, А. В. Васильев // Археология, этнография и антропология Евразии. 2022. № 1 (50). С. 29–38.

Человек и мамонтовая фауна на севере Оби в позднем неоплейстоцене / И. Д. Зольников, А. А. Анойкин, У. Рендю, Е. А. Филатов, С. С. Макаров, А. С. Резвый, А. В. Постнов, А. Г. Брусницына, А. В. Васильев, А. В. Выборнов, М. А. Аржанников, Л. В. Зоткина // Stratum plus. Археология и культурная антропология. 2021. № 1. С. 39–56.

Эпоха палеолита центральной области Западно-Сибирской равнины / С. В. Лещинский, Е. М. Бурканова, В. Н. Зенин, С. С. Макаров, А. С. Резвый // Академическая история Югры в 8 т. Том 1. Древняя Югра с начала заселения до конца I тысячелетия н. э. Ханты-Мансийск: ИД «Новости Югры», 2024. С. 110–155.

Lugovskoe, Western Siberia: A possible extra-Arctic mammoth refugium at the end of the Late Glacial / L. A. Orlova, V. N. Zenin, A. J. Stuart, T. F. G. Higham, P. M. Grootes, S. V. Leshchinsky, Y. V. Kuzmin, A. F. Pavlov, E. N. Maschenko // Radiocarbon. 2004. Vol. 46. P. 363–368.

Sea level and global ice volumes from the Last Glacial Maximum to the holocene / K. Lambeck, H. Rouby, A. Purcell, Y. Sun, M. Sambridge // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2014. Vol. 111. 15296–15303.

The Eurasian mammoth distribution during the second half of the Late Pleistocene and the Holocene: Regional aspects / A. Yu. Puzachenko, A. K. Markova, P. A. Kosintsev, T. van Kolfschoten, J. van der Plicht, T. V. Kuznetsova, A. N. Tikhonov, D. V. Ponomarev, M. Kuitems, O. P. Bachura // Quaternary International. 2017. Vol. 445. P. 71–88.

В. А. Михиенко, Н. Е. Белоусова, А. В. Вишневский
Институт археологии и этнографии СО РАН,
Новосибирск, Россия

ПРОИЗВОДСТВО БИФАСОВ В ВЕРХНЕМ ПАЛЕОЛИТЕ ГОРНОГО АЛТАЯ (МАТЕРИАЛЫ АНУЙСКОЙ ДОЛИНЫ)

Аннотация. Представлено сравнение листовидных бифасов и отходов их производства со стоянки Ануй-3 с изделиями из верхнепалеолитического контекста Денисовой пещеры. На основе анализа морфометрических характеристик и техники скола установлена общность стратегий бифасиального производства.

Ключевые слова: Горный Алтай, верхний палеолит, Денисова пещера, листовидные бифасы, отходы бифасиального производства

Исследование выполнено при поддержке РНФ, проект № 24-18-00069.

Наиболее распространенным типом бифасов на стоянках ранних этапов верхнего палеолита Северной и Центральной Азии считаются тонкие орудия листовидной формы, играющие роль метательных наконечников [Листовидный бифас начала…, 2019; Листовидные бифасы …, 2018; «Тонкие» листовидные бифасы…, 2022]. На современном этапе исследований подобные орудия на стоянках Алтая датируются либо в широком хронологическом диапазоне верхнего палеолита, либо в узком, выступая маркерами культуры начального верхнего палеолита [Rybin, 2014; «Тонкие» листовидные бифасы…, 2022].

В данном контексте неясной остается культурно-хронологическая атрибуция листовидных бифасов стоянки Ануй-3 и связанного с ними дебитажа из слоев 15, 16 и 18, так как имеющиеся даты для вышележащих отложений и индустриальный контекст находок не позволяют однозначно судить о хронологии данных изделий [Деревянко, Шуньков, 2002; Феномен мелкопластинчатых индустрий…, 2024]. Одним из способов решения проблемы, связанной с хронологической атрибуцией двусторонне обработанных изделий, является сравнение их с листовидными орудиями других памятников ануйской долины с определенным верхнепалеолитическим контекстом, например, с бифасами из Денисовой пещеры. Таким образом, работа направлена на выявление сходств/различий листовидных бифасов и связанного с ними дебитажа со стоянки Ануй-3 и из Денисовой пещеры на уровне морфометрических характеристик и технологических особенностей их производств для определения культурно-хронологического контекста изделий. Источниковую базу составляют наиболее представительная в регионе коллекция бифасов и отходов их производства из Денисовой пещеры из верхнепалеолитических слоев 6 и 7 предвходовой площадки, 9 и 11 центрального зала, слоя 11 южной галереи, а также материалы, связанные с процессами производства и использования двусторонне обработанных орудий стоянки Ануй-3 (слои 15, 16 и 18). В исследовании сырьевых групп, связанных с изготовлением двусторонне обработанных орудий, на стоянке Ануй-3 апробируется новый подход к дифференциации продуктов расщепления отдельных блоков – с помощью неразрушающего рентгено-флюоресцентного анализа поверхностного слоя предметов – портативного спектрометра (пРФА) Olympus Vanta M [Портативный РФА анализатор…, 2023]. Для анализа орудий и отходов их производства применялся технологический метод [Гиря, 1997], подкрепленный результатами экспериментального моделирования [«Тонкие» листовидные бифасы…, 2022]. Сколы вторичного утончения подверглись детальному атрибутивному описанию для определения техник скола [Проблемы идентификации отходов…, 2023].

Орудия из Денисовой пещеры (два целых аппликированных, остальные фраг-

© Михиенко В. А., Белоусова Н. Е., Вишневский А. В., 2025

ментированы) представляют собой тонкие бифасиально обработанные изделия удлиненной листовидной формы с относительно массивной округлой базальной частью и тщательно оформленным, выделенным ретушью острием на дистале. Последовательность оформления была направлена на создание максимально уплощенной и симметричной стандартизированной формы путем вторичного утончения и финального формообразования при помощи снятия небольших сколов и ретуширования.

Коллекцию бифасов дополняют выразительные сколы вторичного утончения. Снятия представлены целыми уплощенными отщепами с отсутствующими либо миниатюрными скошенными линзо- или сегментовидными остаточными ударными площадками с выраженным вентральным карнизом и с однонаправленной либо встречной дорсальной огранкой с негативами предыдущих уплощающих снятий. Морфология орудий и проксимальных частей сколов указывает на применение техники мягкого органического отбойника.

На стоянке Ануй-3 представлена серия бифасиальных орудий, выполненных в листовидной манере, два фрагмента преформ бифасов и отходы бифасиального производства, иллюстрирующие полный цикл производства: оформление преформы с частичной декортикацией, вторичное утончение, финальное формообразование и ретуширование. В процессе идентификации бифасиального дебитажа было зафиксировано 11 сырьевых групп, отдельные элементы которых залегали в разных литологических подразделениях, такие связи подтверждаются также аппликативными склейками.

Верификация результатов сортировки дебитажа по методу сырьевых единиц производилась в рамках нового подхода – на основе анализа сходимости петрохимических характеристик материала артефактов. Два листовидных бифаса и два фрагмента преформ находят соответствие с сырьевыми группами, остальные представлены единично. Особо выразительны внутри групп сколы вторичного утончения с отсутствующими ударными бугорками, линзо- либо сегментовидными скошенными ударными площадками с выраженным вентральным карнизом и негативами встречных и однонаправленных снятий на дорсальных поверхностях. Морфология негативов утончающих снятий и сколов утончения указывают на использование рогового отбойника, что подтверждается и результатами экспериментальных наблюдений [«Тонкие» листовидные бифасы…, 2022].

В результате анализа материалов двух стоянок обнаружена общность бифасиального компонента из Денисовой пещеры и материалов со стоянки Ануй-3 по основным морфометрическим характеристикам и способам оформления – посредством вторичного утончения с финальным формообразованием, ретушированием, направленным на создание симметричной формы. Аналогичен способ подготовки зоны расщепления – ребра бифасиальной преформы, сформированного сколами вторичного утончения. Перед реализацией утончающих снятий ребро подрабатывалось посредством мелких сколов прямым и обратным редуцированием для оконтуривания и выделения точки удара, что было отмечено на фрагментах, вероятно, незаконченных бифасов из Денисовой пещеры и отчетливо выражено на сколах вторичного утончения бифасов из сырьевых групп стоянки Ануй-3. Морфология проксимальных частей сколов утончения и высота межфасеточных ребер на сколах утончения и бифасах указывают на использование мягкого отбойника, скорее всего, органического происхождения, что ранее предполагалось на основе экспериментальных данных [«Тонкие» листовидные бифасы…, 2022].

Список источников

Гиря Е. Ю. Технологический анализ каменных индустрий. Методика микро- и макроанализа древних орудий труда. Ч. 2. СПб.: ИИМК РАН, 1997. 198 с.

Деревянко А. П., Шуньков М. В. Индустрии с листовидными бифасами в среднем палеолите Горного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2002. № 1(9). С. 16–42.

Листовидный бифас начала верхнего палеолита со стоянки Кара-Бом: технология, функция, контекст / Н. Е. Белоусова, Е. П. Рыбин, А. Ю. Федорченко, Н. А. Кулик // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. Т. XXV. С. 36–43.

Листовидные бифасы в комплексах начального верхнего палеолита Южной Сибири и Севера Центральной Азии / А. В. Шалагина, Л. В. Зоткина, А. А. Анойкин, Н. А. Кулик // Теория и практика археологических исследований. 2019. № 26 (2). С. 47–60.

Портативный РФА анализатор: новые возможности диагностики каменного сырья и идентификации его источников, оценки валидности применения метода сырьевых единиц / А. В. Вишневский, Н. Е. Белоусова, А. В. Лавренчук, П. А. Неволько // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2023. Т. XXIX. С. 90–96.

Проблемы идентификации отходов бифасиального производства в индустриях ранних этапов верхнего палеолита: (по материалам Алтая) / В. А. Михиенко, Н. Е. Белоусова, А. М. Родионов, Р. М. Харитонов, А. Ю. Федорченко // Археология Казахстана. 2023. № 4 (22). С. 176–196.

«Тонкие» листовидные бифасы начала верхнего палеолита Алтая: технология, формообразование и каменное сырье / Н. Е. Белоусова, А. М. Родионов, А. В. Вишневский, А. Ю. Федорченко, В. А. Михиенко, М. В. Селецкий // Stratum plus. Археология и культурная антропология. 2022. № 1. С. 329–353.

Феномен мелкопластинчатых индустрий раннего верхнего палеолита Горного Алтая / Н. Е. Белоусова, А. Ю. Федорченко, В. А. Михиенко, Д. А. Гурулев // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. № 23(5). С. 72–94.

Rybin E. P. Tools, beads, and migrations: Specific cultural traits in the Initial Upper Paleolithic of Southern Siberia and Central Asia // Quaternary International, 2014. – No 347. P. 39–52.

П. В. Мороз
Забайкальский государственный университет,
Чита, Россия
Забайкальский научный центр ДВО РАН,
Чита, Россия

ПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА САХЮРТА-1 КАК ПРИМЕР ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВУЛКАНИЧЕСКОГО КРЕМНЯ И ЯШМЫ ДО РАСПРОСТРАНЕНИЯ МИКРОТЕХНИКИ В ЗАБАЙКАЛЬЕ

Аннотация. Публикация посвящена рассмотрению вопроса применения горных пород высокого качества, таких как яшма и вулканический кремень, на территории Забайкалья до распространения микротехнических традиций. На примере стоянки Сахюрта-1 в Восточном Забайкалье описывается «сырьевой хаб», который уже активно функционировал в период финала МИС-3 и был связан с палеовулканом Дунда-Ага.

Ключевые слова: Забайкалье, верхний палеолит, МИС-3, кремень, яшма

На проблему использования разнообразных видов минерального сырья и их связь с технологией расщепления, размерностью и обликом индустрий в палеолитоведении Забайкалья обратили пристальное внимание относительно недавно. Несмотря на то, что исследователи XX в. рассматривали применяемое для расщепления сырьё не как вещество с разными свойствами, а, скорее, как форму заготовки, в 80-е гг. появляется тенденция привлекать петрографов для выявления видов горных пород [Окладников, Кириллов, 1980; Геология и культура.., 1982]. Однако эти исследования не выходили за пределы общих определений минерального сырья. Это были вспомогательные сведения, которые отвечали на вопрос о том, что это был за камень, ответ на вопрос о влиянии свойств и линейных размеров этой горной породы на облик каменной индустрии не давался, а, как правило, и не ставился.

© Мороз П. В., 2025

Дальнейшая эволюция отечественного палеолитоведения привела к расширению сотрудничества с петрографами, а акцент в исследованиях начинает смещаться не только к определению применявшихся на стоянке горных пород, но и их доли для каждого культурного слоя. Эта тенденция свойственна и забайкальским исследователям, которые в своих монографиях [Константинов, 1994; Лбова, 2000; Природная среда и человек…, 2003] дали общее представление о применяемых на опорных памятниках палеолита видах минерального сырья и, в редких случаях, сделали предположения о его возможных источниках. Тем не менее вопрос о влиянии минерального сырья на облик каменных индустрий и выбор технологии расщепления как научная проблема ещё не обсуждалась.

Только к концу нулевых начинает формироваться более взвешенный подход к оценке роли минерального сырья в каменном веке Забайкалья [Мороз, Юргенсон, 2007]. Благодаря тесному сотрудничеству с минералогами и петрографами, производству десятков шлифов, аншлифов, проведению рентгеноструктурного анализа, микрозонда и ISP-MS к настоящему времени удалось выяснить наличие существенной связи между петрографическими свойствами минерального сырья и его размерностью с итоговым обликом каменных индустрий как для индустрий РВП [Ташак, Антонова, 2009], так и поздней поры верхнего финального палеолита [Мороз, 2014а; Мороз, Юргенсон, 2016]. На основании оценки коллекций опорных памятников Забайкальского края и представленной в литературе статистики по Западному Забайкалью, автором была сформирована гипотеза о смене состава минерального сырья в каменных индустриях Забайкалья после прихода и распространения микротехники на рубеже 20–18 тыс. л. н. Это радикально перестроило сырьевой баланс с массового применения эффузивов среднего, переходного к ним и кислого состава на использование камнесамоцветного сырья с высоким содержанием кварца – халцедона, вулканического кремня и яшмы [Мороз, 2014б, с. 254]. Относительно индустрий средней поры ВП, РВП и НВП, использование яшм и халцедонов в опорных памятниках Забайкалья крайне незначительно и находится, как правило, в пределах статистической погрешности.

В настоящее время данная теория требует коррекции в связи с открытием многослойной стоянки Сахюрта 1 в Восточном Забайкалье [Мороз, 2017]. Стоянка была выявлена автором в ходе полевых работ 2013 г. и представляет собой на настоящее время единственный стратифицированный памятник палеолита в Агинском Бурятском округе Забайкальского края, в том числе с датировками по углероду [Рыжов, Мороз, Смирнов, 2021].

На 2024 г. исследовано два участка, продемонстрировавших сходную стратиграфию и количество культурных слоёв. Для детального стратиграфического исследования террасы в 2017 г. был заложен раскоп 4×5 м, глубиной до 3,52 м. Разрез описан Ю. В. Рыжовым. В раскопе представлены преимущественно эолово-делювиальные и делювиально-пролювиальные отложения конуса выноса пади Ходбори, перекрывающие аллювий первой надпойменной террасы р. Хойто-Ага. Современная лугово-черноземная почва состоит из темно-коричневых гумусированных супесей позднего голоцена, содержит культурный слой 1. Ниже в раскопе залегают пролювиальные разнозернистые пески с включением дресвы мощностью до 0,9 м, вероятно, раннего и среднего голоцена (~11,7–4,5 тыс. кал. л. н.) – культурный слой 2. Они перекрывают эолово-делювиальные мелкозернистые пылеватые желтовато-серые пески с редким включением дресвы мощностью до 1 м. Возраст эоловых осадков, вероятно, сартанский (~21,3–11,7 тыс. кал. л. н.). Под ними прослеживается вторая пачка отложений, представленная одним или двумя гумусовыми горизонтами, разделенными средне- и мелкозернистыми песками с редким включением дресвы. Мощность почвы (почв) – 60–90 см. Для кровли верхнего и нижнего гумусовых горизонтов получены две радиоугле-

родные датировки 18 250 ± 1 080 (ЛУ–9 003) и 18 900 ± 740 (ЛУ–9004) лет. Календарный возраст, рассчитанный по [Stuiver, Reimer and Reimer, 2020], составляет 21 998 ± 1 272 и 22 931 ± 836 кал. л. н. Время формирования верхней погребенной почвы ~22,3–21,3 тыс. кал. л. н., нижней – ~23,4 22,9 тыс. кал. л. н. Они формировались в условиях холодного семаридного климата после максимума последнего оледенения (ПЛМ) в криоаридных условиях в периоды кратковременных потеплений и увлажнения климата, когда снижались скорости осадконакопления. Содержат культурный слой 3. Полученные данные позволили выделить раннесартанский этап почвообразования в Восточном Забайкалье.

Почвы подстилаются пролювиальными средне- и разнозернистыми песками с дресвой и щебнем, разделенные прослоями эолово-делювиальных мелкозернистых и пылеватых песков с дресвой суммарной мощностью 20–35 см. Сохранилась только верхняя часть осадков. Отложения датируются ~30–23,4 тыс. кал. л. н. – содержат культурный слой 4. Нижняя пачка отложений сложена аллювием МИС 3. В кровле пачки отмечается чередование слоев среднезернистых с включением дресвы, гравия и мелкозернистых песков мощностью до 20 см. Время их формирования ~31,7–30 тыс. кал. л. н. Мелкозернистые пески слоистые, ожелезнены и оглеены. Под ними во всех стенках раскопа прослеживается аллювиальная погребенная почва. Она состоит из верхнего маломощного (2–4 см) темно-коричневого до черного прослоя оторфованных гумусированных супесей, подстилаемых коричневыми гумусированными супесями с редким включением дресвы. Суммарная мощность почвы 15–25 см. Радиоуглеродный возраст кровли почвы – 27 660 ± 760 (ЛУ–9005) л. н. (31 728 ± 643 кал. л. н.). Учитывая большую мощность почвы, время ее формирования оценивается ~32,5–31,7 тыс. кал. л. н. – содержит культурный слой 5.

Таким образом, палеовулкан Дунда-Ага являлся сырьевым хабом, позволявшим человеку добывать на его склонах кремень и яшму достаточных размеров и качества для производства сколов без применения микротехники, которая, по всей видимости, ещё не входила в арсенал носителей, оставивших культурные слои 5, 4 и 3. Тем не менее индустрии полностью основаны на обработке местного кремня и яшмы, что делает их, на данный момент, во многом уникальными для забайкальского палеолита финала МИС-3 – начала МИС-2.

Список источников

Геология и культура древних поселений Западного Забайкалья / Д.-Д. Б. Базаров, М. В. Константинов, А. Б. Иметхенов, Л. Д. Базарова, В. В. Савинова. Новосибирск: Наука. 1982. 164 с.

Константинов М. В. Каменный век восточного региона Байкальской Азии. Улан-Удэ, Чита: БНЦ СО РАН, ЧГПИ, 1994. 265 с.

Лбова Л. В. Палеолит северной зоны Западного Забайкалья. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2000. 240 с.

Мороз П. В., Юргенсон Г. А. Зависимость литотехнологий финального палеолита от характера минерально-сырьевой базы региона // Минералогия техногенеза. 2007. Т 8. С. 213–223.

Мороз П. В. Каменные индустрии рубежа плейстоцена и голоцена Западного Забайкалья. Чита: ЗабГУ, 2014а. 182 с.

Мороз П. В. Сырьевой фактор в верхнем и финальном палеолите Забайкалья // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2014б. № 18. С. 245–259.

Мороз П. В., Юргенсон Г. А. Сырьевые предпочтения в палеолите Забайкалья: культурная преемственность или технологическая необходимость? // Stratum Plus. Археология и культурная антропология. 2016. № 1. С. 65–76.

Мороз П. В. Стоянка Сахюрта-1 и её место в схеме палеолита Забайкалья / Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12. № 4. С. 162–171.

Окладников А. П., Кириллов И. И. Юго-Восточное Забайкалье в эпоху камня и ранней бронзы. Новосибирск: Наука, 1980. 278 с.

Природная среда и человек в неоплейстоцене (Западное Забайкалье и Юго-Восточное Прибайкалье) / Л. В. Лбова, И. Н. Резанов, Н. П. Калмыков, В. Л. Коломиец, М. И. Дергачева, И. К. Феденева, Н. В. Вашукевич, П. В. Волков, В. В. Савинова, Б. А. Базаров, Д. В. Намсараев. Улан-Удэ: Издательство БНЦ СО РАН, 2003. 208 с.

Рыжов Ю. В., Мороз П. В., Смирнов М. В. Этапы формирования первой надпойменной террасы р. Хойто-Ага (Забайкальский край) в районе археологического памятника верхнего палеолита Сахюрта-1 // Геоморфология. 2021. Т. 52. № 3. С. 125–136.

Ташак В. И., Антонова Ю. Е. Изменение состава сырья в верхнем палеолите Забайкалья как отражение эволюции производства каменных орудий (по материалам Подзвонкой) // Известия Лаборатории древних технологий. 2009. Вып. 7. С. 52–59.

Stuiver M., Reimer P. J., and Reimer R. W. 2020. CALIB 8.2 [WWW program] at http://calib.org, accessed 2020-10-14.

В. М. Новосельцева[1], О. А. Горельченкова[2], И. В. Стасюк[3]
[1] Институт археологии и этнографии СО РАН,
Новосибирск, Россия
[2] Красноярский кадетский корпус имени А. И. Лебедя,
Красноярск, Россия
[3] Красноярский государственный педагогический университет имени В. П. Астафьева,
Красноярск, Россия

РАННЕСАРТАНСКИЕ КОМПЛЕКСЫ СТОЯНКИ АФОНТОВА ГОРА V

Аннотация. Работы последних лет на стоянке Афонтова Гора V в г. Красноярске выявили культуросодержащий горизонт в отложениях раннесартанского солифлюксия. Артефактуальный состав комплекса на основании техноморфологических признаков позволяет отнести его к раннему этапу верхнего палеолита Восточной Сибири.

Ключевые слова: Енисейская Сибирь, Красноярск, Афонтова Гора, верхний палеолит

Исследование выполнено при поддержке проекта НИР ИАЭТ СО РАН «Закономерности распространения и источниковедческие аспекты сохранения объектов археологического наследия в условиях техногенных изменений ландшафтов Евразии» FWZG-2025-0012.

Комплекс стоянок Афонтова Гора, изучение которого продолжается уже 140 лет, широко известен в российской и мировой археологии [Астахов, 1999]. Самой древней является стоянка Афонтова Гора V, открытая в 1996 г. Возраст культурного горизонта (к. г.) был определен каргинским межледниковьем по условиям залегания в стратиграфическом разрезе и радиоуглеродным датам (28 000 – 32 000 л. н.) [Новое местонахождение..., 1996; Артемьев, 1999; Артемьев, Дроздов, 1998, 2007].

В 2020 г. археологический материал был впервые зафиксирован в литологическом слое, предварительно отнесенном к кровле «почвенного комплекса» – раннесартанскому солифлюксию [Мещерин, Барков, Муратов, 2020; Группа стоянок Афонтовой горы…, 2020]. Коллекция каменных артефактов 2020 г. представлена нуклеусами, концевыми скребками, оформленными на пластинах или удлинённых сколах, выемчатыми орудиями и галечными орудиями (в т. ч. стругами).

В 2023–2024 гг. отрядом ИАЭТ СО РАН были продолжены работы на южном участке территории Афонтовой Горы V, получившем название Афонтова Гора V (Радищева) [Новосельцева, Акимова, Павленок, 2023; Раскопки стоянки..., 2024]. В шурфах, в солифлюциированных отложениях, были зафиксированы резаный рог, концевой скребок высокой формы кареноидного типа (рис. 1, *3*) и отщепы. На площади развернутого по итогам разведки раскопа было выделено четыре к. г. (рис. 1, *2*). К толще раннесартанского солифлюксия (глубина 3,8–5 м) был отнесен 4 к. г. Коллекция каменных артефактов составила 124 ед. (общее количество находок, включая фаунистические остатки – 209 ед.). В составе коллекции отще-

© Новосельцева В. М., Горельченкова О. А., Стасюк И. В., 2025

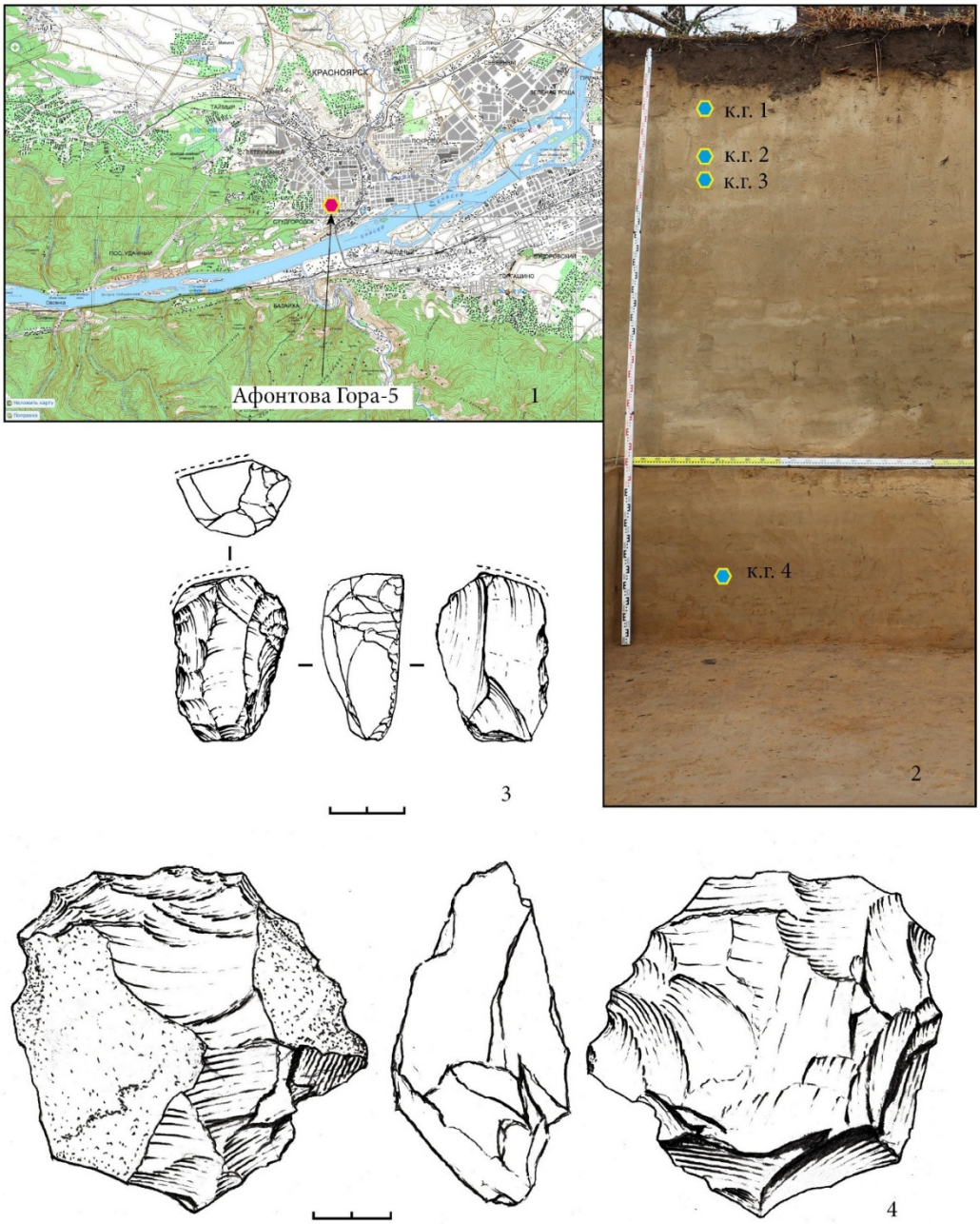

Рис. 1. Красноярск. Стоянка Афонтова Гора V: *1* – месторасположение стоянки на карте г. Красноярска; *2* – стратиграфия рыхлых отложений и уровни залегания культурных горизонтов в раскопе 2024 г.; *3* – скребок; 4 – нуклеус

пы, в том числе с ретушью (91 ед.), пластины (8 ед.), и другие продукты первичного расщепления. Наибольший интерес вызывают три галечных нуклеуса. Два нуклеуса одноплощадочные однофронтальные, плоскостные, с переходом фронта на торец. Один нуклеус можно классифицировать как «псевдолеваллуа» – двуплощадочный монофронтальный для удлиненных заготовок, демонстрирующий унаследование леваллуазских традиций в техноморфологии нуклеусов. Фронт оформлен радиальными снятиями по двум латералям с фронта и контрфронта. Площадки слабоскошенные, оформленные серией отщеповых снятий с фронта (рис. 1, *4*). Орудийный состав представлен скреблами на крупных сколах и концевым скребком высокой формы на пластине (рис. 1, *3*).

В целом артефактуальный фактический состав раннесартанских комплексов Афонтовой Горы V на основании техноморфологических признаков позволяет отнести материалы к раннему этапу верхнего палеолита Восточной Сибири и кор-

релировать с верхнепалеолитическими комплексами соседних регионов. Комплексы, обнаруженные в 2020 и 2024 гг. удалены друг от друга, расположены в разных геоморфологических позициях и не могут рассматриваться в совокупности, однако эти материалы расширяют диапазон знаний о раннем этапе верхнего палеолита на территории Красноярского археологического полигона.

Список источников

Артемьев Е. В. Первичное раскалывание и вторичная обработка в индустрии стоянки Афонтова гора V // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1999. Т. V. С. 17–21.

Артемьев Е. В., Дроздов Н. И. К вопросу о первоначальном заселении Красноярского археологического района (на материалах исследований стоянки Афонтова гора V в 1998 г.) // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1998. Т. 1. С. 310–317.

Артемьев Е. В., Дроздов Н. И. Палеолит Афонтовой горы: последние данные – новые вопросы // Археология, этнография и антропология Евразии. № (29). 2007. С. 39–45.

Астахов С. Н. Палеолит Енисея. Палеолитические стоянки на Афонтовой горе в г. Красноярске. – СПб.: Изд-во «Европейский Дом». 1999. 207 с

Новое местонахождение палеолита в г. Красноярске – Афонтова гора 5 / Н. И. Дроздов, В. Г. Буторин, Д. Н. Дроздов, В. И. Макулов, А. Ю. Тарасов, В. П. Чеха // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1996. С. 88–90.

Группа стоянок Афонтовой горы (Материалы к археологической карте) / М. Н. Мещерин, Е. В. Артемьев, А. В. Барков, А. В. Веженко, Л. Л. Галухин, Ю. А. Гревцов, В. А. Голубцов, П. В. Ишутина, А. М. Клементьев, В. И. Куницкий, Н. С. Липко, Д. Н. Лысенко, М. В. Марунин, В. Е. Матвеев, М. Ю. Опекунова, И. И. Разгильдеева, А. А. Рудаков, В. В. Славинский, Е. А. Филатов // Геология палеолита Северной Азии: Красноярск, 2020. С. 64–71.

Мещерин М. Н., Барков А. В., Муратов Е. С. Спасательные работы на объекте археологического наследия Афонтова Гора V в 2020 году // Путеводитель полевой экскурсии: Геология палеолита Северной Азии. Красноярск: «Ситалл», 2020. С. 29–42.

Новосельцева В. М., Акимова Е. В., Павленок К. К. Результаты исследований стоянки Афонтова Гора-5 в 2023 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2023. Т. XXIX. С. 1131–1135.

Раскопки стоянки Афонтова гора V (Радищева) в Красноярске в 2024 году / В. М. Новосельцева, Е. В. Акимова, И. В. Стасюк, А. В. Мурашко, А. А. Морозов // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2024. Т. XXX. С. 1020–1028.

Д. В. Ожерельев
Институт археологии РАН,
Москва, Россия

РАННИЙ ВЕРХНИЙ ПАЛЕОЛИТ ПРЕДГОРНОЙ ЗОНЫ СЕВЕРНОГО ТЯНЬ-ШАНЯ (КАЗАХСТАН)

Аннотация. Тезисы посвящены первому обобщению новых материалов раннего верхнего палеолита, происходящих из раскопок Российско-казахстанской палеолитической экспедиции (2018–2024 гг.) в предгорьях Северного Тянь-Шаня (Казахстан). На нескольких стоянках здесь выделяются яркие комплексы РВП с яркими ориньякоидными индустриями. Предлагается выделять здесь новый культурный комплекс «тянь-шаньский ориньяк».

Ключевые слова: ранний верхний палеолит, Тянь-Шань, Казахстан, каменная индустрия

Работа выполнена в рамках плановой темы № НИОКТР 122011200271-7 «Развитие материальной культуры в каменном веке на территории Русской равнины и Кавказа: общие тенденции и локальные проявления».

Территория Казахстана до недавнего времени была слабо изучена на предмет наличия памятников верхнего палеолита. Начиная с 2000-х гг. на территории

© Ожерельев Д. В., 2025

Юго-Восточного Казахстана начинаются интенсивные археологические поиски и открытия погребенных многослойных стоянок верхнего палеолита. С 2018 г. на основании Соглашения о сотрудничестве была образована Российско-казахстанская палеолитическая экспедиция Института археологии РАН (Москва) и Института археологии им. А. Х. Маргулана, которая начала активные разведочные и раскопочные работы в Юго-Восточном Казахстане в предгорьях Северного Тянь-Шаня (Заилийский Алатау). За это время были проведены работы на уже известной стоянке Майбулак, которая явилась первой в ряду известных памятников верхнего палеолита региона. Значительные раскопки были проведены на других многослойных стоянках верхнего палеолита, таких как Рахат, Узынагаш 1–3, Сарыжазык 1–4. Одной из главных задач экспедиции является разработка хронологии и культурно-хронологической периодизации верхнего палеолита для этой области. На основании полученных данных установлено, что предгорная зона Северного Тянь-Шаня активно заселялась в период около 35 000 – 19 000 некал. л. н. Наиболее ярко на памятниках представлены культурные слои раннего верхнего палеолита (далее – РВП): Майбулак (слои 3–7), Рахат (слой 12), Узынагаш 1 (слои 3–6), Узынагаш 2 (слои 1–3), Узынагаш 3 (нижние слои, в процессе исследования), Кызылауз 2 (слои 2–4), Курама (слои 3–6), возможно, Сарыжазык 4 (слой 2). В это время здесь выделяется три основных культурных комплекса в рамках хронологического интервала ≥ 35 000 до ~ 27 500 некал. л. н. (~ ≥ 41 000 – 30 000 кал. л. н.) (AMS ^{14}C даты по древесному углю). Первый комплекс зафиксирован на стоянке Майбулак в слое 7 и, вероятно, в нижних слоях стоянки им. Ч. Ч. Валиханова. Коллекции из этих слоев немногочисленные. Они сочетают в себе среднепалеолитические и верхнепалеолитические элементы. Возраст этих находок может быть несколько древнее 41 000 кал. л. н., однако надежных датировок для этих индустрий нет. Существует точка зрения, что, вероятно, в верхнем палеолите предгорных и степных зон Центральной Азии, в частности в Северном Тянь-Шане, происходило формирование ориньяка *sensu lato*. Вполне допустимо, что в особых экологических условиях степных и предгорных зон Центральной Азии при обилии разнообразного каменного сырья (осадочного, вулканогенного, метаморфизованного) происходила генерация инновационных технологических решений, влияние и распространение которых могло выходить далеко за пределы Центральной Азии. Тем не менее этот вопрос требует дальнейшего детального изучения.

Второй культурный комплекс был выявлен в слое 6 стоянки Майбулак. Он значительно отличается от каменных индустрий выше- и нижележащих слоев и выглядит как вполне сложившийся верхнепалеолитический комплекс с мелкопризматическим расщеплением. Абсолютный возраст этой индустрии ~35 000 некал. л. н. (~41 000 – 39 500 кал. л. н.) [Ожерельев, Успенская, Таймагамбетов, 2023]. В Центральной Азии на других стоянках подобный комплекс пока не был обнаружен, либо не удалось его выделить среди материалов многослойных стоянок, в частности Узбекистана и Таджикистана (стоянки Кульбулак, Шугноу, Самаркандская, Оби-Рахмат). В то же время в разных частях Европы и Западной Азии фиксируются различные индустрии, имевшие схожую технологию обработки камня, специальные виды заготовок (узкие прямые пластины и пластинки), типологический набор орудий, включающий характерные скребки, резцы и, что особенно важно, специфические острия – острия Кремс, Фон-Ив и близкие им азиатские аналоги эль-Вад, Аржене. Среди других важных признаков – отсутствие или минимальное число кареноидных нуклеусов и крупных пластин с ориньякской ретушью. В круг этих индустрий входят ранний ахмариан в Леванте, ранний барадост (ранний загросский ориньяк) и ростамиан в Иранском нагорье, Костенки 14/IVb, 14/IVw, 17/II (спицынская культура) на Восточно-Европейской равнине, ранний козарникиан в Восточных Балканах,

протооринья́к и фуманиан в Западной Европе. Именно к этому кругу культур и следует отнести индустрию слоя 6 стоянки Майбулак. Таким образом, эта индустрия представляет восточную границу распространения близких культур, непосредственно предшествовавших ориньяку. Предполагается, что развитая микропластинчатая индустрия из слоя 6 была интрузивной, привнесённой на территорию предгорий Северного Тянь-Шаня. Появление её носителей здесь было частью культурного импульса, охватившего западную и центральную часть Евразии около 41 000 – 39 000 кал. л. н.

Между вторым и третьим комплексами существует значительный хронологический пробел (между ~ 35 000 – 32 000 кал. л. н.; ~ 39 000 – 36 000 кал. л. н.). Третий культурный комплекс наиболее многочисленный и часто встречается на стоянках. Для третьего комплекса самой репрезентативной является коллекция стоянки Узынагаш 1 (слои 3–6). Среди общих её признаков следующие: 1) технологическая диверсификация на крупнопластинчатое и мелкопластинчатое расщепление, используется и центростремительная обработка нуклеусов; 2) наличие большого количества кареноидных нуклеусов-скребков и *скребков* «с рыльцем» различных форм; 3) присутствие единичных кареноидных нуклеусов-резцов (резцы высокой формы) на отщепах; 4) применение вторичной обработки пластин и отщепов чешуйчатой полукрутой и крутой ретушью; 5) большая часть пластинок и микропластин имеет непрямой (изогнутый, скрученный или изогнуто-скрученный) профиль, причем в плане эти заготовки часто имеют подтреугольную форму; 6) наличие немногочисленных пластинок и микропластин с ретушью, преобладает ретушь на брюшке, встречаются изделия с противолежащей ретушью, сама ретушь непритупливающая, мелкая, полукрутая и плоская; 7) в орудийном наборе значительно преобладают крупные скребки различных форм (концевые, двойные, веерови́дные, со скошенным лезвием, с плечиками, с выемками и т. д.); 8) присутствуют скребла (в основном, концевые), долотови́дные орудия, орудия с выемками, резцы, зубчатые и зубчато-выемчатые орудия, ножи с обушком. Органические находки (орудия, украшения) из кости или рога на стоянке не сохранились [Ожерельев, Мамиров, 2023].

Подобный каменный инвентарь обнаружен на стоянках Майбулак (слои 3–5), Узынагаш 2, Кызылауз-2 (слои 2–4), Рахат (слой 12), Курама (слои 3-6) и, возможно, слои 2–5 стоянки им. Ч. Ч. Валиханова. Возраст этих индустрий, согласно радиоуглеродным датам, определяется в пределах ~31 200 – 27 500 некал. л. н. (~ 36 000 – 30 000 кал. л. н.). Третий культурный комплекс относится к поздним этапам РВП Северного Тянь-Шаня. Существующий пробел в развитии культур РВП между ~ 35 000 – 32 000 некал. л. н. объясняется слабой пока изученностью верхнего палеолита Северного Тянь-Шаня. Вполне вероятно открытие в ближайшее время индустрий РВП и этого времени. Несмотря на существующий пробел, тем не менее допускается, что индустрия третьего комплекса РВП Северного Тянь-Шаня формировалась на местном культурном экстракте, но в тесном взаимодействии и в рамках единого вектора развития РВП комплексов других частей Европы и Азии. В рамках технологий расщепления и в орудийном наборе индустрии вышеописанных стоянок обнаруживают близкие аналогии с индустриями ориньякского круга. Таким образом, в предгорьях Северного Тянь-Шаня очерчивается новый крупный культурный центр РВП, который может быть обозначен как тянь-шаньский вариант ориньяка или тянь-шаньский ориньяк. Термин «ориньяк» указывает на культурно-стадиальный статус этой индустрии, а определение «тянь-шаньский» характеризует его географическую позицию и отмечаемую специфику. В пользу выделения этой культурной единицы говорят следующие факторы: многочисленность памятников, достаточно узкая географическая локализация, приуроченность стоянок к предгорьям на участках выходов сырья, положение РВП комплексов в стратиграфической последовательности многослой-

ных стоянок верхнего палеолита региона, единая хронология и схожая каменная индустрия. Тянь-шаньский вариант ориньяка, как и европейский ориньяк, включает несколько этапов (или стадий) развития, которые для Тянь-Шаня предварительно могут быть обозначены как комплексы. Но по мере дальнейшего накопления источников общая периодизация и культурное содержание каждого из комплексов будут существенно расширены.

Список источников

Ожерельев Д. В., Мамиров Т. Б. Комплекс многослойных стоянок верхнего палеолита в предгорьях Северного Тянь-Шаня: общие данные и перспективы исследований // Археология, этнография и антропология Евразии. 2023. Т. 51. Вып. 3. С. 67–74.

Ожерельев Д. В., Успенская О. И., Таймагамбетов Ж. К. Начальные этапы раннего верхнего палеолита в предгорьях Северного Тянь-Шаня, Казахстан (по материалам многослойной стоянки Майбулак) // Stratum plus. 2023. № 1. С. 129–152.

А. К. Очередной
Институт истории материальной культуры РАН,
Санкт-Петербург, Россия

К ВОПРОСУ О РАСПРОСТРАНЕНИИ ИНДУСТРИЙ МИКОКА/KMG НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Аннотация. Отрывочность представлений о хронологии группы среднепалеолитических индустрий под условным наименованием микок/KMG не позволяет создавать современные модели их распространения, но поиск параллелей в каменных инвентарях дает возможность предлагать варианты их объединения на основании технологических и морфологических характеристик. Одним из таких вариантов может быть объединение индустрий на основании выделения крупных удлиненных сегментовидных кайльмессеров на фоне центростремительного леваллуазского первичного расщепления.

Ключевые слова: средний палеолит, микок/KMG, модели развития, центростремительное леваллуа, кайльмессеры, листовидные ножи, Кёнигсауэ, Хотылёво I, Сухая Мечётка, Семизбугу

Исследование подготовлено при поддержке грантов РНФ № 23-18-00329, РНФ № 24-18-00941, а также в рамках FMZF-2022-0019 ИИМК РАН.

Современные представления о распространении микокских индустрий среднего палеолита пространств к востоку от Центральной Европы до сих пор недостаточны для реконструкций заселения этих территорий в начале позднего плейстоцена, в первую очередь, из-за неравномерной изученности. Кроме хорошо опубликованных материалов ее южной части, самые выразительные комплексы известны на западной и восточной окраинах Русской равнины – это группа памятников, известная как Хотылёво I и Нижневолжская группа однослойных стоянок, состоящая из Сухой Мечётки, Челюскинца II и Заикина Пепелища. На гигантском пространстве, разделяющем Хотылёво I и Нижневолжскую группу, до сих пор не обнаружены ни стратифицированные стоянки, ни четко локализованный подъемный материал. Аналогичная ситуация справедлива и для Беларуси, слабо изученного региона, отделяющего памятники Восточной Польши (в первую очередь Цволен) от Хотылёво I. Это осложняет восприятие культурно-хронологической близости таких комплексов, как Лихтенберг, Кёнигсауэ [Weiss et al., 2022; Mania, Topfer, 1973] и Хотылёво I, хронологическое положение которых на современном этапе изучения связано с разными стадиями OIS 5. Их сравнение с Сухой Мечёткой, которое демонстрирует близость и по инвентарю, и по хронологическому

© Очередной А. К., 2025

положению, и, видимо, даже по климатическим условиям, сопровождавшим формирование культурных слоев [Замятнин, 1961; Праслов, Кузнецова, 2020; Верификация…, 2024], наталкивается на ту же проблему. К востоку от Сухой Мечётки ситуация меняется. В Центральном и Восточном Казахстане (в районах Сарыарки и Прибалхашья) собран обширный подъемный материал, анализ которого позволяет выделить микокские изделия в материалах крупных памятников с разрушенными культурными слоями [Медоев, 1982; Вишняцкий, 1996; Артюхова, 2013; О возможных следах…, 2023]. Значительную роль в заполнении микокского мира играют и недавно открытые памятники Южного Урала – в первую очередь коллекции пещеры Иманай [Котов, Румянцев, Гимранов, 2020]. Далее к востоку от хорошо опубликованных алтайских коллекций [см.: Kolobova et al., 2020] изделия «микокского облика» могут быть выделены среди подъемных материалов Тувы [Васильев, Вишняцкий, Очередной, 2022]. Исследователи памятников Средней Азии до сих пор не выделяют микокские культурные слои, но уже к западу, в Иране, известны материалы пещеры Калех Бози [Biglari et al., 2007], которые могут соответствовать стандартам технологических и типологических требований микока. Отдельной крайне интересной областью распространения микока является Малая Азия, Левант и Северная Африка. Оставляя за скобками памятники Западной Европы с их региональной проблематикой соотношения микока и вариантов МТА, необходимо отметить, что все существующие модели развития и формирования микока, предложены исследователями именно для Центральной Европы [Bosinski, 2000-2001; Joris, 2006; Richter, 1997; Delpiano, Uthmeier, 2020]. Как показала практика, некоторые из этих моделей могут быть вполне актуальны и для других регионов. Однако неизбывная универсальность таких моделей является следствием их бихевиористской природы, которая неизбежно ставит влияние условий окружающей среды выше культурных влияний [Bosinski, 2006; Степанчук, 2006]. Попытки поиска компромисса предпринимались неоднократно, но до сих пор не привели к перспективным результатам.

Тем не менее фиксация сходных индустрий в широтном направлении от Западной Европы до Центральной Азии и в меридиональном – от Северной Африки и, вероятно, до Северного Предуралья является той реальностью, которая требует объяснительных моделей, дополняющих модели, уже предложенные для Центральной Европы [Bosinski, 2000–2001; Joris, 2006; Richter, 1997; Delpiano, Uthmeier, 2020]. До накопления обновленных материалов отметим, что, помимо признанных отдельных групп индустрий внутри микока в Центральной и Западной Европе (например, с кайльмессерами типа прондник), можно обнаружить и другие группы индустрий, в основе расщепления которых центростремительное леваллуа вместе с обыкновенным параллельным плоскостным скалыванием, а ведущие орудийные формы на общем фоне разнолезвийной асимметрии представлены не только обушковыми кайльмессерами и кайльмессерами типа Сухая Мечётка, но и более удлиненными «листовидными ножами» (по терминологии Ю. Рихтера и М. Кот) [Kot, Richter, 2012]. К таким индустриям с достаточно крупными кайльмессерами можно отнести Кёнигсауэ A и B, Хотылево I, отдельные изделия из Семизбугу и, как ни странно, несколько форм из Староселья. Если брать за основу современный комплексный технолого-типологический анализ, то к этой группе можно присоединить Сухую Мечётку и, например, коллекции памятника Лихтенберг.

Список источников

Артюхова А. О. Мустье Центрального Казахстана. Алматы, 2013. 216 с.

Васильев С. А., Вишняцкий Л. Б., Очередной А. К. Местонахождение Торгалык в Туве и вопрос о распространении микока на восток // Stratum plus. 2022. № 1. С. 275–284.

Верификация структурных особенностей изделий среднего палеолита на примере кайльмессеров Сухой Мечётки / А. К. Очередной, Е. В. Пугачева, А. С. Тараканов, А. Р Лада // Stratum plus. 2024. № 1. С. 91–133.

Вишняцкий Л. Б. Палеолит Средней Азии и Казахстана. СПб.: Европейский дом, 1996. 213 с

Замятнин С. Н. Сталинградская палеолитическая стоянка // КСИА. 1961. № 82. С. 5–36.

Котов В. Г., Румянцев М. М., Гимранов Д. О. Стоянка среднего палеолита в пещере Иманай-1 на Южном Урале: предварительные итоги археологических исследований // Oriental Studies. 2020. 13. P. 1271–1291.

Медоев А. Г. Геохронология палеолита Казахстана (к XI конгрессу ИНКВА). Алма-Ата: Наука. 1982. 62 с.

О возможных следах распространения микока в Центральной Евразии: асимметричные бифасы с обушком из Семизбугу. / А. К. Очередной, О. А. Артюхова, Т. Б. Мамиров, Е. А. Осипова, Д. В. Ожерельев, Л. Б. Вишняцкий // Первобытная археология. Журнал междисциплинарных исследований. 2023 (1). С. 25–31.

Праслов Н. Д., Кузнецова Л. В. Палеолитическое поселение Сухая Мечётка (по материалам раскопок С. Н. Замятнина). СПб.: Невская книжная типография, 2020. 144 с.

Степанчук В. Н. Нижний и средний палеолит Украины. Черновцы: Зелена Буковина, 2006. 463 с.

Biglari F., Shidrang S., Javeri M., Yazdi M. Qaleh Bozi: A Middle Paleolithic Industry with Bifacial Tools from Central Iran // Paleoanthroology society meeting abstracts Philadelhia: absracts. 2007. A3.

Bosinski G. El paleolítico medio en Europa Central, Zephyrus, Revista de prehistoria y arqueología, Vol. LIII–LIV (53–54). Universidad Salamanca, 2000–2001. P. 79–142.

Bosinski G. Input determines output. Why treat the Middle Palaeolithic differently to the Upper Palaeolithic? // In memoriam Valdemar Chmielewski. Swiatowit, Supplement Series P: Prehistory and Middle Ages. 2006. Vol. IX. P. 61–82;

Delpiano D., Uthmeier T. Techno-functional and 3D shape analysis applied for investigating the variability of backed tools in the Late Middle Paleolithic of Central Europe. // PLoS ONE. 2020. 15 (8), e0236548.

Jöris O. Bifacially backed knives (Keilmesser) in Central European Middle Palaeolithic. // Axe Age. Acheulian Toolmaking from Quarry to Discard. London: Equinox Publishing Ltd, 2006. 287. P. 310.

Kolobova K. A., Roberts R. G., Chabai V. P., Jacobs Z., Krajcarz M. T., Shalagina A. V., Krivoshapkin A. I., Bo Li, Uthmeier T., Markin S. V., Morley M. W., O'Gorman K., Rudaya N. A., Talamo S., Viola B., Derevianko A. P. Archaeological evidence for two separate dispersals of Neanderthals into southern Siberia // Proceedings of the National Academy of Sciences of USA. 2020. 117. P. 2879–2885.

Kot M., Richter J. Leafpoints or rather "leafknives"? A technological analysis of bifacially shaped artefacts from Mauern, Germany: L Anthropologie. 2012. 50 (3). P. 361–375.

Mania D., Toepfer V. Königsaue: Gliederung, Oekologie und Mittelpaläolithische Funde der letzten Eiszeit // Veröffentlichungen des Landesmuseums für Vorgeschichte in Halle 26, Deutscher Verlag der Wissenschaften, Berlin. 1973. 164 p.

Richter J. Sesselfelsgrotte III. Der G-Schichten-Komplex der Sesselfelsgrotte. Zum Verständnis des Micoquien. Saarbrücken: Quartär Bibliothek 7, Saarbrücker Druckerei und Verlag, 1997.

Weiss M., Hein M. Urban B., Stahlschmidt M. C., Heinrich S., Hilbert Y. H., Power R. C., Suchodoletz H. V., Terberger T., Böhner U., Klimscha F., Veil S., Breest K., Schmidt J., Colarossi D., Tucci M., Frechen M., Tanner D. C., Lauer T. 2002. Neanderthals in changing environments from MIS 5 to early MIS 4 in northern Central Europe – integrating archaeological, (chrono)stratigraphic and paleoenvironmental evidence at the site of Lichtenberg // Quat. Sci. Rev. 2022. 284. Article 107519.

Г. Д. Павленок[1], Е. Н. Бочарова[2], Ж. К. Таймагамбетов[3], А. А. Анойкин[4]
[1,2,4] Институт археологии и этнографии СО РАН,
Новосибирск, Россия
[3] Национальный музей Республики Казахстан,
Астана, Казахстан

РАЗВИТЫЙ ВЕРХНИЙ ПАЛЕОЛИТ В ВОСТОЧНОМ КАЗАХСТАНЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ СТОЯНКИ УШБУЛАК)

Аннотация. Работа посвящена анализу каменных индустрий развитого верхнего палеолита из слоев 5.1–4 стоянки Ушбулак (Восточный Казахстан). В этих комплексах (возраст ~24–21 тыс. кал. л. н.), фиксируются признаки появления отжимной техники, что сопоставимо по времени с наиболее древними комплексами этой производственной традиции, известными в настоящее время в Южной Корее и Северо-Восточном Китае.

Ключевые слова: каменная индустрия, развитый верхний палеолит, отжимная техника

Исследование выполнено при поддержке проекта РНФ №25-18-00291 «Верхний палеолит юга Западно-Сибирской равнины и ее горного обрамления: археология, палеогеография и хронология».

Детальное исследование технологий расщепления, примененных при получении сколов-заготовок в комплексах стоянки Ушбулак (Восточный Казахстан) от начального верхнего палеолита (слои 5.2–7) до развитого верхнего палеолита (слои 4–5.1) [Развитый верхний палеолит..., 2024; Особенности первичного расщепления…, 2023; Late Pleistocene..., 2023; Ten millennia without..., 2022], позволило поставить вопросы о времени и возможных путях проникновения на эту территорию носителей отжимной техники.

Для каменных индустрий развитого верхнего палеолита (слои 4–5.1, возраст ~24–21 тыс. кал. л. н.) реконструировано, что ведущей технологией в них выступает отжимное расщепление специфических двуплощадочных торцовых нуклеусов с целью получения стандартизированных мелких пластинчатых сколов – микропластин и пластинок шириной до 10 мм.

Второстепенными и менее распространенными стратегиями получения сколов-заготовок являются: утилизации узкой рабочей поверхности нуклеуса с целью получения пластин и пластинчатых отщепов; попеременное использование двух узких смежных плоскостей расщепления для реализации целевых сколов-заготовок (преимущественно пластинчатых отщепов); утилизация широкой плоскости нуклеуса с целью получения сколов различной морфологии [Особенности первичного расщепления…, 2023; Развитый верхний палеолит..., 2024].

Поиск истоков каменной индустрии слоев 4–5.1 Ушбулака в нижележащих комплексах (слои 5.2–7) показал отсутствие преемственности между этими материалами, что дополнительно подчеркивается стратиграфическим и хронологическим перерывом между ними [Late Pleistocene.., 2023].

Поиск аналогий в хронологически близких материалах с территории Казахстана (Шульбинка, Рахат), Узбекистана (додекатым-2), Монголии (Толбор-21), российского Алтая (Ануй-2, Усть-Каракол-1, Денисова пещера) (рис. 1) показал наличие в этих комплексах развитого мелкопластинчатого расщепления, однако достоверных признаков использования отжимной техники тут не зафиксировано [Природная среда..., 2003; Каменная технология..., 2018; Ожерельев, Джасыбаев, Мамиров, 2021; Kolobova Krivoshapkin, Shnaider…, 2019; Shulbinka Paleolithic Site…, 2020].

Ближайшие к территории Восточного Казахстана памятники, где присутствует ранняя отжимная техника, находятся во внутренних районах Северного Китая. Это стоянки Сиши (Xishi) и Дунши (Dongshi), возраст которых определяется по серии радиоуглеродных дат,

© Павленок Г. Д., Бочарова Е. Н., Таймагамбетов Ж. К., Анойкин А. А., 2025

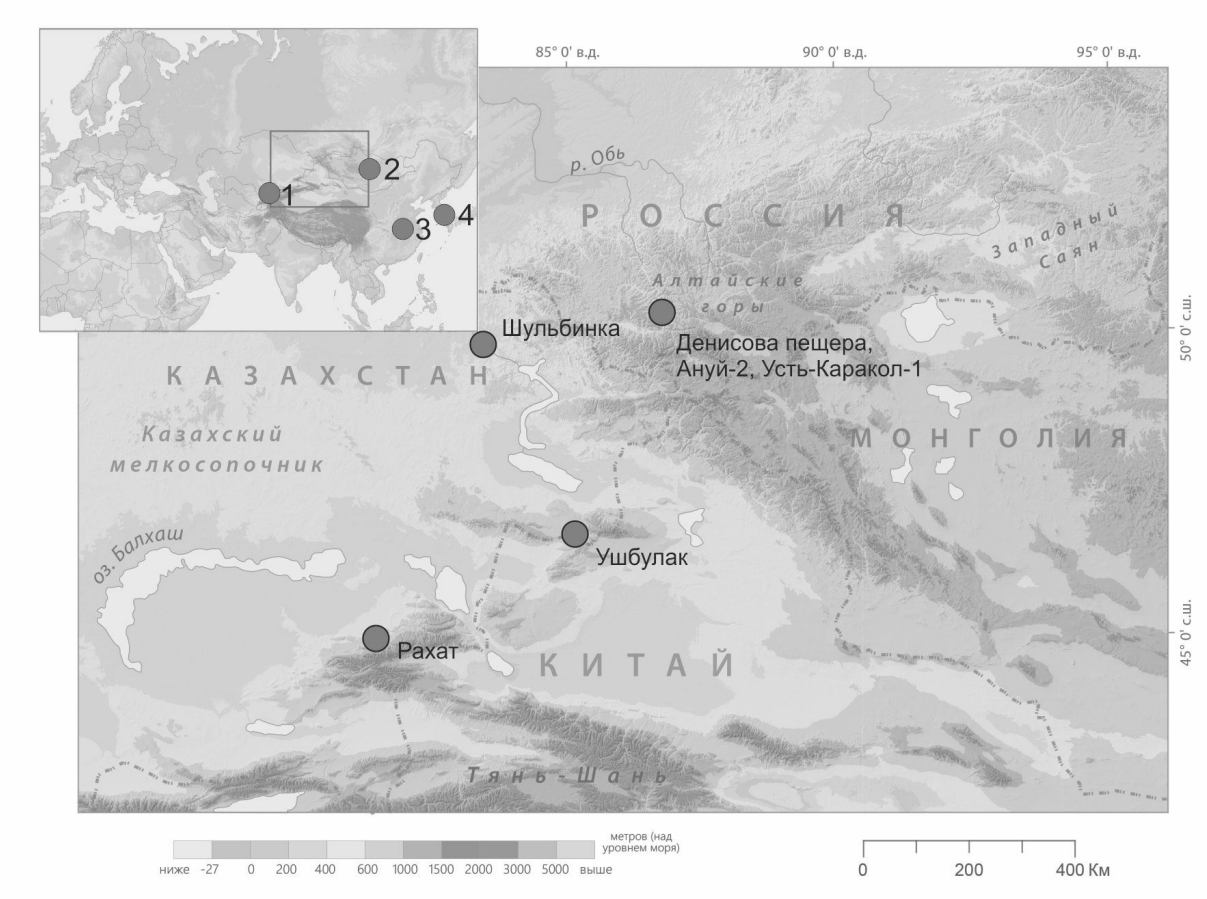

Рис. 1. Стратифицированные комплексы развитого верхнего палеолита в Центральной и Восточной Азии: *1* – Додекатым-2; *2* – Толбор-21; *3* – Сиши (Xishi) и Дунши (Dongshi); *4* – Синбук (Sinbuk) и Янгхунгри (Jangheung-ri)

как 28–26 тыс. кал. л. н. Реконструированные для этих комплексов стратегии расщепления камня указывают на использование техники отжима для получения правильных призматических микропластин, в том числе со специфических двуплощадочных микроядрищ [The emergence..., 2021]. Еще более ранние (~30 тыс. кал. л. н.) индустрии с отжимной микропластинчатой техникой в настоящее время известны на Корейском п-ове. Это стоянки Янгхунгри (Jangheung-ri) и Синбук (Sinbuk) [Lee, 2012; Seong, Bae, 2016].

Синтез имеющихся данных позволяет предложить гипотезу, согласно которой отжимная технология, возникнув на территории Корейского п-ва около 30 тыс. л. н., достаточно быстро распространилась на северо-восток Китая, уже оттуда попав в его северо-западные районы и далее в Восточный Казахстан.

Список источников

Каменная технология среднего этапа верхнего палеолита Северной Монголии (культурный горизонт 2 стоянки Толбор-21): к постановке проблемы / Е. П. Рыбин, Г. Д. Павленок, А. М. Хаценович, Д. В. Марченко, Б. Гунчинсурен // Известия ИГУ. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. Т. 24. 2018. С. 39–60.

Ожерельев Д. В., Джасыбаев Е. А., Мамиров Т. Б. Особенности культурного слоя и поселенческие объекты на стоянке верхнего палеолита Рахат (слой 2) в Юго-Восточном Казахстане // КСИА. Вып. 262. 2021. С. 7–26.

Особенности первичного расщепления в индустриях развитого верхнего палеолита стоянки Ушбулак по данным ремонтажа (на материалах слоя 5.1) / Г. Д. Павленок, Е. Н. Бочарова, Ж. К. Таймагамбетов, А. А. Анойкин // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Вып. 22: Археология и этнография. Т. 5. 2023. С. 20–34.

Развитый верхний палеолит в Восточном Казахстане (по материалам стоянки Ушбулак) / Г. Д. Павленок, Е. Н. Бочарова, Е. Ю. Гиря, Ж. К. Таймагамбетов, А. А. Анойкин // Stratum plus. №1. 2024. С. 257–275.

Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая / А. П. Деревянко, М. В. Шуньков, А. К. Агаджанян, Г. Ф. Барышников, Е. М. Малаева, В. А. Ульянов, Н. А. Кулик, А. В. Постнов, А. А. Анойкин Новосибирск, 2003: ИАЭТ СО РАН. 448 с.

Kolobova K. A., Krivoshapkin A. I., Shnaider S. V. Early geometric microlith technology in Central Asia // Archaeological and Anthropological Sciences. 2019. Vol. 11 (4). P. 1407–1419.

Late Pleistocene Environments of East Kazakhstan (Based on Ushbulak Site Materials) / A. A. Anoikin, G. D. Pavlenok, V. I. Silaev, S. V. Shnaider, V. V. Koval, A. Y. Devyatova, S. K. Vasiliev, E. N. Bocharova, V. M. Kharevich, Z. K. Taimagambetov // Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia. 2023. Vol. 3. P. 75–85.

Lee G. Characteristics of Paleolithic Industries in Southwestern Korea during MIS 3 and MIS 2 // Quaternary International. 2012. Vol. 248. P. 12–21.

Seong C. T., Bae C. J. The Eastern Asian “Middle Paleolithic” Revisited: A view from Korea // Antiquity. Vol. 90. 2016. P. 1151–1165.

Shulbinka Paleolithic Site, Eastern Kazakhstan, Revisited / A. A. Anoikin, G. D. Pavlenok, V. M. Kharevich, N.A. Kulik, Z. K. Taimagambetov // Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia. 2020. Vol. 4. P. 25–42.

Ten millennia without the Levallois technique: primary knapping methods in Initial Upper Paleolithic industries at the Ushbulak site, eastern Kazakhstan / V. Kharevich,· A. Kharevich, G. Pavlenok, E. Bocharov, Zh. Taimagambetov, A. Anoikin // Archaeological and Anthropological Sciences. Vol. 14. 2022. N 207.

The emergence of early microblade technology in the hinterland of North China: a case study based on the Xishi and Dongshi site in Henan Province / Ch. Zhao, Y. Wang, W. Gu, S. Wang, X. Wu, X. Gao, Y. Chen, Y. Li // Archaeological and Anthropological Sciences. 2021. Vol. 13. P. 97–112.

Г. Д. Павленок, Д. В. Кожевникова, Л. В. Зоткина
Институт археологии и этнографии СО РАН,
Новосибирск, Россия

ИНСТРУМЕНТАРИЙ ДЛЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛЬНЫХ УКРАШЕНИЙ В СЕЛЕНГИНСКОЙ КУЛЬТУРЕ ЗАПАДНОГО ЗАБАЙКАЛЬЯ: МЕТРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Аннотация. Анализ метрических данных бусин из скорлупы яиц страуса и каменных микросверл из коллекции слоя 1 стоянки Усть-Кяхта-3 позволил выявить прямую технологическую связь между ними и реконструировать бесспорные свидетельства использования специализированного каменного инвентаря при производстве украшений в комплексах финального палеолита Западного Забайкалья в интервале 14–12.5 кал. тыс. л. н.

Ключевые слова: метрика, статистика, 3D-моделирование, бусины из скорлупы яиц страуса, микросверла

Исследование выполнено при поддержке проекта FWZG-2025-0007 «Применение цифровых технологий при анализе археологических источников и реконструкции истории древних сообществ».

На территории Западного Забайкалья отмечается хорошая для эпохи верхнего палеолита сохранность костных остатков, скорлупы, зубов, раковин и прочих органических материалов. Помимо развитой костяной индустрии с эпохи раннего верхнего палеолита до его финальной стадии стабильным компонентом материальной культуры выступают предметы неутилитарного назначения, значительную часть из которых составляет категория украшений. Одним из наиболее распространенных материалов для их изготовления (в частности, подвесок и бусин) является скорлупа яиц страуса.

Ранее полученные данные по технологии изготовления бусин из скорлупы яиц страуса (коллекции стоянок Усть-Кяхта-3 (сл. 1) и Усть-Кяхта-17 (гор. 3, 5) [Зоткина, Павленок, Ташак, 2018] позволили продолжить исследование и обосновать корреляцию украшений с каменным инвентарем в рамках одного комплекса (Усть-Кяхта-3). Так, бусины имеют мини-

© Павленок Г. Д., Кожевникова Д. В., Зоткина Л. В., 2025

атюрные отверстия, и технология их изготовления предполагает сверление каменным орудием с протяженным ретушированным рабочим элементом. Подобные орудия присутствуют в археологической коллекции Усть-Кяхты-3 (сл. 1), и трасологические наблюдения позволили зафиксировать на них следы от возвратно-поступательных движений по типу сверления [Павленок и др., в печати].

На основе разнообразия форм 3D-моделей микросверл (перфораторов) была предложена система описания, где тело изделия делится на три части (рис. 1, *А*, *А–В*). Дистальная часть (окончание жальца) – самая узкая, сильно модифицированная ретушью по обоим краям (рис. 1, *А*). Медиальная часть – переходная, где ретушированное жальце переходит в неретушированную основу – микропластину (рис. 1, *Б*). Проксимальная часть микросверла – это неретушированная основа-микропластина (рис. 1, *В*).

По моделям были выполнены следующие замеры: ширина и толщина окончания дистальной части микросверла (рис. 1, *1*, *3*), т. е. наиболее узкой части жальца; ширина и толщина основания медиальной части микросверла (рис. 1, *2*, *4*), т. е. наиболее широкой части жальца, имеющей ретушь по обеим продольным сторонам. При анализе изделий из скорлупы замеры отверстий снимались на двух участках – в наиболее узкой внутренней части отверстия (рис. 1, *5*) и наиболее широкой, на поверхности скорлупы (рис. 1, *6*).

Корреляция размеров отверстий бусин и микросверл (перфораторов) была проведена на основании 3D-моделирования, измерений, выполненных по моделям, и статистической обработки полученных данных. Зафиксировано, что размеры (ширина и толщина) окончания дистальной части микросверл меньше размеров внутренней части отверстия в бусинах. Исходя из этого, был сделан вывод, что все жальца меньше отверстий, т. е. они могли в них проходить и использоваться

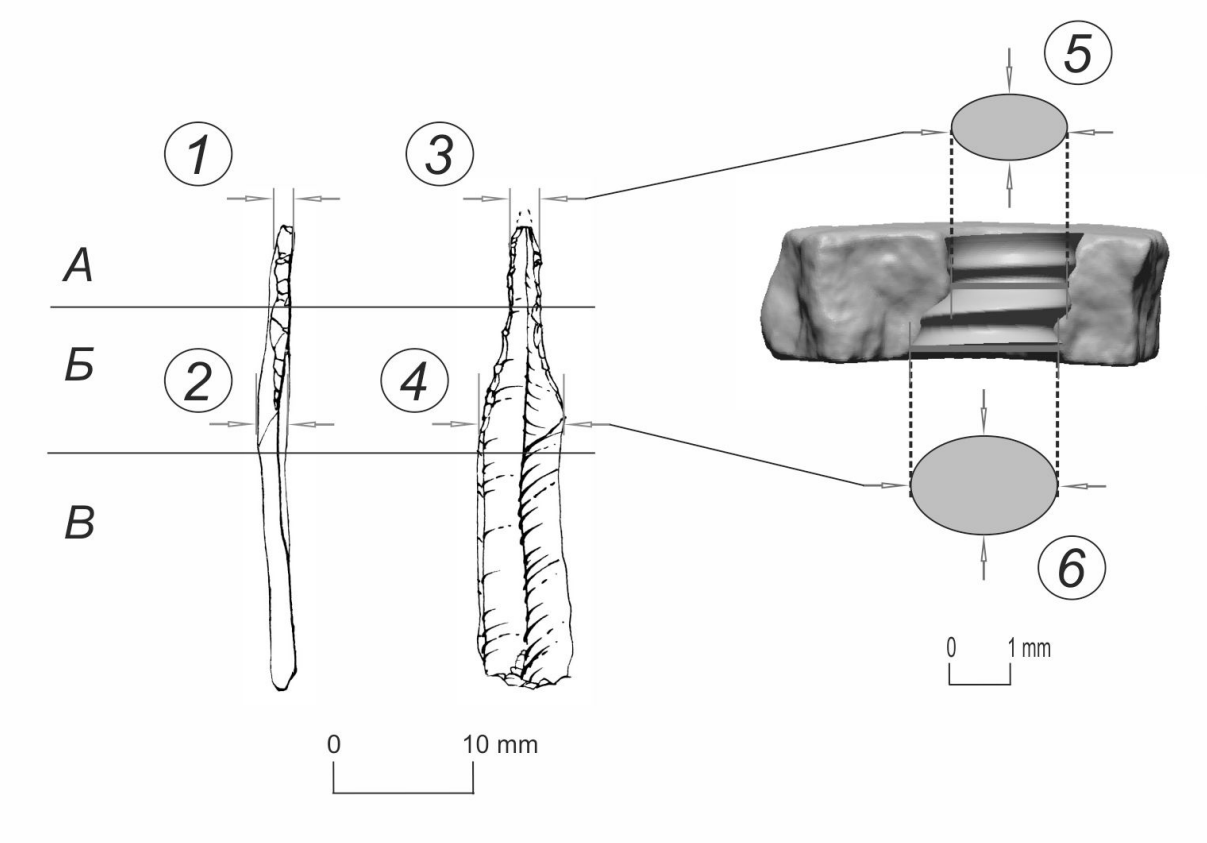

Рис. 1. Элементы микросверла (*А–В*) и участки снятия замеров (*1–6*): *А* – дистальная часть; *Б* – медиальная часть; *В* – проксимальная часть; *1* – ширина окончания дистальной части; *2* – толщина окончания дистальной части; *3* – ширина основания медиальной части; *4* – толщина основания медиальной части; *5* – два измерения внутренней части отверстия; *6* – два измерения внешней части отверстия

для сверления. Сравнение результатов измерения ширины основания медиальной части микросверла с результатами двух измерений внешней части отверстия позволило заключить, что различий между ними нет. Была предложена реконструкция, согласно которой следы на внешних плоскостях скорлупы при ее сверлении оставляло основание медиальной части микросверла [Павленок, Кожевникова, Зоткина, в печати].

Комплексное исследование на основе ранее полученных данных по селенгинским украшениям [Зоткина, Павленок, Ташак, 2018], трасологического анализа каменных инструментов, применения методов 3D-моделирования, метрики и статистических методов обработки данных позволило доказать, что отдельная, типологически выраженная категория каменного инвентаря из комплексов стоянок Усть-Кяхта использовалась древним человеком для отдельного этапа в изготовлении украшений – сверления отверстий в бусинах из скорлупы яиц страуса.

Список источников

Зоткина Л. В., Павленок Г. Д., Ташак В. И. Технология производства бусин из скорлупы яиц страуса в финальном палеолите Западного Забайкалья // Stratum plus. № 1. 2018. С. 181–197.

Павленок Г. Д., Кожевникова Д. В., Зоткина Л. В. Инструментарий для изготовления украшений в селенгинской культуре Западного Забайкалья // Вестник археологии, антропологии и этнографии (в печати).

К. К. Павленок[1], Г. Д. Павленок[2], С. А. Когай[3], Р. Н. Курбанов[4]
[1,2,3] Институт археологии и этнографии СО РАН,
Новосибирск, Россия
[4] Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
Москва, Россия

КУЛЬТУРНАЯ МОЗАИКА СРЕДНЕГО ПАЛЕОЛИТА ВОСТОЧНОГО УЗБЕКИСТАНА

Аннотация. Присутствие носителей среднепалеолитических технологий обработки камня фиксируется на территории Восточного Узбекистана на протяжении стадий МИС 7 – МИС 3. Сочетание на одной территории и даже в одних культурных слоях технологически различных элементов, начиная с МИС 7 (191–243 тыс. л. н.), является важным аргументом в пользу признания за территорией Восточного Узбекистана статуса «зоны среднепалеолитического фронтира».

Ключевые слова: средний палеолит, морские изотопные стадии, каменная индустрия, фронтир

Исследования проведены в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0008 «Центральная Азия в древности: археологические культуры каменного века в условиях меняющейся природной среды».

Комплекс имеющихся археологических и естественно-научных данных указывает, что присутствие носителей среднепалеолитических технологий обработки камня в Восточном Узбекистане носило непрерывный характер на протяжении стадий МИС 7 – МИС 3 в хронологическом диапазоне 243–35 тыс. л. н., с резким снижением активности деятельности (численности населения?) во время МИС 6 (123–191 тыс. л. н.).

Археологическое наполнение стадии МИС 7 (191–243 тыс. л. н.) формируют материалы слоев 23 и 24 многослойной палеолитической стоянки Кульбулак [Появление леваллуа-пластинчатой…, 2023; Small Blade and Bladelet…, 2024]. Каменным индустриям этого периода свойственно сочетание пластинчатого (плоскостные и торцовые нуклеусы) и непластинчатого (levalluois reccurent centripetal, ортогональное и дисковидное раскалыва-

© Павленок К. К., Павленок Г. Д., Когай С. А., Курбанов Р. Н., 2025

ние) компонентов. Индустрия конца МИС 7 (слой 23) обогащена технологически прогрессивными элементами, традиционно соотносимыми с эпохой верхнего палеолита (мелкопластинчатое производство, орудия верхнепалеолитических типов). Фиксируются двусторонне обработанные орудия.

Геологические отложения, сформированные во время стадии МИС 6 (123–191 тыс. л. н.), на палеолитических стоянках региона практически не содержат артефактов. Однако обнаружение дисковидного нуклеуса в лессовых отложениях слоя 27 разреза Оркутсай, перекрывающем почву МИС 7 [Возобновление археологических исследований…, 2024], указывают на то, что полной депопуляции региона в этот период времени не происходило.

Хронологически границе МИС 5 и МИС 6 соответствует коллекция слоя 17.1 стоянки Кульбулак [Региональные истоки…, 2018]. Индустрия слоя демонстрирует использование приемов параллельного (в объемном варианте) и торцового скалывания. Пластины с ретушью и ретушированный остроконечник формируют орудийный набор.

На следующем хронологическом этапе (МИС 5, 71–130 тыс. л. н.) фиксируется разнообразие представленных на территории Восточного Узбекистана каменных индустрий. Наиболее многочисленная коллекция, относящаяся к начальным этапам потепления (МИС 5 с-е 96–130 тыс. л. н.), была зафиксирована в слое 12.3 стоянки Кульбулак [Вариабельность палеолитического комплекса..., 2016]. В этой индустрии для изготовления заготовок использовались приемы леваллуазского (levalluois reccurent centripital), параллельного (исключительно в плоскостном варианте), встречного, конвергентного и дисковидного скалывания. Орудийный набор включает разнообразные скребла, атипичные боковые и концевые скребки, долотовидные орудия, тронкированно-фасетированные изделия. Материалы стоянки Каттасай-2 этого периода свидетельствуют о присутствии элементов селенгурской индустрии [Открытие индустрии..., 2022; New evidence for mountain..., 2022]. В завершающую фазу потепления (МИС 5а, 71–82 тыс. л. н.) широкое распространение получают комплексы обирахматской культурной традиции [Кривошапкин, 2012], для которых характерно ярко выраженное ориентирование на производство удлиненных заготовок в рамках плоскостного, объемного и торцового расщепления; развитое мелко- и микропластинчатого расщепление.

Палеолитические комплексы МИС 4 (57–71 тыс. л. н. – стоянки Оби-Рахмат, Кульбулак (сл. 12.1), Каттасай 2, Эрташ Сай 2) характеризуются использованием приемов параллельного (в плоскостном и объемном вариантах), леваллуазского (острийного конвергентного, реккурентного центростремительного и специфического асимметричного), торцового (включая нуклеусы-резцы), кареноидного (для пластинок) и бессистемного скалывания. Орудия представлены разнообразными скреблами, тронкированно-фасетированными изделиями, атипичными скребками, зубчатыми и выемчатыми орудиями, резцами [Вариабельность индустрий..., 2017; Is there Initial Upper Palaeolithic…, 2022, New data…, 2024].

На этой технологической основе, а также посредством проникновения новых культурных элементов из-за пределов региона (преимущественно с территории Леванта и Загроса) в эпоху МИС 3 формируются комплексы кульбулакской верхнепалеолитической культуры [Кульбулакская мелкопластинчатая..., 2013], для которых свойственно доминирование мелко- и микропластинчатого компонентов как в первичном расщеплении, так и в орудийном наборе. Однако бытование среднепалеолитических традиций в регионе продолжается в отдельных экологических нишах вплоть до 38–35 тыс. л. н. (стоянка Каттасай) [Middle Paleolithic..., 2021]. Несерийная модель производства сколов-заготовок, частое использование поперечной ориентации нуклеуса (свидетельствует об изначальном отсутствии заинтересованности в получении максимально удлиненных заготовок), нецелевая роль присутствующих в индустрии пла-

стин (чаще это технические снятия типа débordant), а также исключительно среднепалеолитический орудийный набор резко выделяют комплекс Каттасая на фоне типичных для региона верхнепалеолитических мелкопластинчатых индустрий этого времени.

Таким образом, нами был зафиксирован симбиотический характер каменных индустрий – сочетание на одной территории и даже в одних культурных слоях технологически различных элементов, начиная с МИС 7 (191–243 тыс. л. н.). Это является важным аргументом в пользу признания за территорией Восточного Узбекистана статуса «зоны среднепалеолитического фронтира», в которой вызревали самобытные каменные индустрии за счет соприкосновения и взаимодействия человеческих коллективов с изначально различным набором навыков и технологических традиций обработки камня.

Список источников

Вариабельность индустрий среднего палеолита Памиро-Тянь-Шаня: по материалам памятника Кульбулак (слой 12.1) / К. К. Павленок, Г. Д. Павленок, С. В. Шнайдер, С. А. Когай, М. Хужаназаров, С. Ю. Лазарев // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 49. С. 5–10.

Вариабельность палеолитического комплекса стоянки Кульбулак: индустрия слоя 12.3 / А. П. Деревянко, К. К. Павленок, Г. Д. Павленок, С. В. Шнайдер, С. А. Когай, С. Ю. Лазарев, М. Хужиназаров // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2016. Т. 22. С. 50–54.

Возобновление археологических исследований разреза Оркутсай (Восточный Узбекистан) / К. К. Павленок, А. Г. Мухаммадиев, Ф. Ш. Шамукарамова, П. М. Сосин, Р. Н. Курбанов, Х. Г. Ойназаров, О. Т. Эргашев, О. О. Элмуратов, А. А. Абдуганиев, С. А. Когай, А. С. Деревнина // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2024. Т. 30. С. 229–235.

Кривошапкин А. И. Оби-рахматский вариант перехода от среднего к верхнему палеолиту: автореф. дис. … д-ра ист. наук. Новосибирск, 2012. 38 с.

Кульбулакская мелкопластинчатая традиция в верхнем палеолите Центральной Азии / К. А. Колобова, Д. Флас, А. П. Деревянко, К. К. Павленок, У. И. Исламов, А. И. Кривошапкин // Археология, этнография и антропология Евразии. 2013. № 2. С. 2–25.

Открытие индустрии с сельунгурскими чертами на Западном Тянь-Шане: стоянка Куксарай-2 (раскоп 1) / К. К. Павленок, С. А. Когай, П. М. Сосин, А. С. Деревнина, Н. А. Таратунина, Н. М. Петржик, И. А. Юдин, Г. А. Мухтаров, С. С. Турсунов, В. М. Харевич, П. В. Чистяков // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2022. Т. 28. С. 229–237.

Появление леваллуа-пластинчатой индустрии в западных предгорьях Тянь-Шаня: материалы слоя 24 стоянки Кульбулак / Г. Д. Павленок, С. А. Когай, Р. Н. Курбанов, Г. А. Мухтаров, К. К. Павленок // Археология, этнография и антропология Евразии. 2023. Т. 51, № 2. С. 14–26.

Региональные истоки обирахматской традиции камнеобработки: новые материалы стоянки Кульбулак / К. К. Павленок, Г. Д. Павленок, С. А. Когай, М. Хужаназаров // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2018. Т. 24. С. 3–22.

Is there Initial Upper Palaeolithic in Western Tian Shan? Example of an open-air site Katta Sai 2 (Uzbekistan) / M. Kot, G. Pavlenok, M. T. Krajcarz, M. Szymanek, S. Fedorowicz, P. Moska, M. Khudjanazarov, K. Szymczak, M. Leloch, S. Kogai, S. Talamo, H. Fewlass, K. Pavlenok // Journal of Anthropological Archaeology. 2022. Vol. 65. P. 101391.

Middle Paleolithic technological diversity during MIS 3 in the Western Tian Shan piedmonts: Example of the Katta Sai 1 open-air loess site / K. K. Pavlenok, M. Kot, G. Pavlenok, M. T. Krajcarz, M. Khudjanazarov, M. Leloch, K. Szymczak // Archaeological Research in Asia. 2021. Vol. 25. P. 100262.

New data for asymmetric core reduction in western Tian Shan piedmonts: the Ertash Sai 2 open-air site / M. Kot, S. Kogai, G. Pavlenok, N. Gryczewska, G. Brancaleoni, M. T. Krajcarz, P. Moska, M. Leloch, M. Khudjanazarov, K. Szymczak, G. Muhtarov, K. Pavlenok // Lithic Technology. 2024. № 1. P. 1–22.

New evidence for mountain Palaeolithic human occupation in the western Tian Shan piedmonts, eastern Uzbekistan / K. Pavlenok, M. Kot, P. Moska, M. Leloch, G. Muhtarov, S. Kogai, M. Khudjanazarov, A. Holmatov, K. Szymczak // Antiquity Project Gallery. 2022. Vol. 96 (389). P. 1292–1300.

Small Blade and Bladelet Production in Central Asia at the Turn of MIS 7 and 6: Cores from Kulbulak Layer 23 / G. D. Pavlenok, S. A. Kogai, G. A. Mukhtarov, K. K. Pavlenok // Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia. 2024. Т. 52, № 3. P. 30–39.

В. В. Питулько
Институт истории материальной культуры РАН,
Санкт-Петербург, Россия
Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург, Россия

СУДЬБА НАСЛЕДИЯ: МАССОВЫЕ КОНЦЕНТРАЦИИ КОСТНЫХ ОСТАТКОВ МАМОНТОВ КАК АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ОБЪЕКТ

Аннотация. Археологические контексты арктической Восточной Сибири часто связаны со скоплениями остатков мамонтов. Подобные отложения являются специфическим культурным слоем. Масштабная добыча из их бивней представляет собой крупнейшую техногенную угрозу сохранности уникальных объектов культурного наследия. Они должны быть признаны объектом государственной охраны наравне с иными памятниками археологии.

Ключевые слова: Сибирская Арктика, культурное наследие, памятники археологии, сохранение объектов культурного наследия

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 24-68-00031 «Первые в Арктике: комплексный анализ среды обитания древнего человека и его культуры в контексте палеогеографических изменений плейстоцена и голоцена арктической Восточной Сибири».

Арктическая Восточная Сибирь (далее – АВС) в археологическом смысле представляет собой особенную территорию. Археологический материал доголоценового возраста впервые был открыт здесь на рубеже 1970-х гг. [Верещагин, 1977]. В результате системных исследований количество подобных находок существенно выросло; на настоящий момент известно около 25 объектов и отдельных свидетельств, характеризующих присутствие человека в АВС на протяжении ~50 000 лет [Питулько, 2023].

Общей чертой памятников всех этапов расселения человека в АВС являются свидетельства эксплуатации местных популяций мамонтов [Питулько 2023; Pitulko, Pavlova, Basilyan, 2016]. Результатом этой деятельности является антропогенная природа концентраций их костных остатков. Многие стоянки связаны с подобными образованиями. Некоторые объекты, например, Янское массовое скопление костных остатков мамонтов, достоверно является частью пространственной структуры Янского комплекса стоянок [Pitulko, Pavlova, Nikolskiy, 2015].

Исследования памятников археологии АВС доставили важнейшие данные о материальной культуре древнего населения региона, его социальном поведении, специфических технологиях, включая технологии производства изделий из бивня мамонта и кости, а также свидетельства охоты. Благодаря многолетнемёрзлым условиям, эти контексты обладают редкой полнотой и сохранностью предметов из недолговечных материалов.

Неудачная попытка интерпретации Берелёхского «костища» [Верещагин, 1977] в качестве природного «кладбища мамонтов» приобрела некоторую популярность [Забытое полезное…, 2016] и закрепилась в общественном сознании в качестве обоснования «невинности» деятельности по разграблению подобных объектов ради коммерческой добычи бивней мамонтов. Особый размах эти действия приняли после 2003 г. Техническое оснащение их участников и объёмы добычи в АВС неуклонно возрастают, достигая 40–50 т/год, преимущественно на территории Республики Саха (Якутии). Одновременно с добычей бивней сформировался чёрный рынок палеонтологических остатков. Кроме того, любые костные остатки плейстоценовой фауны, зубы мамонтов, рог шерстистого носорога являются предметом скупки в качестве сырья для традиционной китайской фармацевтики.

Эти обстоятельства являются колоссальной проблемой для изучения и, в осо-

© Питулько В. В., 2025

бенности, сохранения палеолитических памятников АВС. Критическим фактором является их соседство с массовыми скоплениями костных остатков мамонтов, в том числе их бивней, т. е. целевым объектом хищнической добычи. Закономерный её результат – полное уничтожение подобных объектов вместе со всей информацией о древнем прошлом населения этих территорий.

Формальным обоснованием для неё служит тезис об исторически существующей форме промысла по сбору бивня. Однако разрешённым видом его добычи является «сбор с поверхности», который не имеет ничего общего с полупромышленной разработкой концентраций костных остатков мамонтов из многолетнемёрзлых отложений.

Естественным врагом мерзлоты являются термоэрозионные процессы, прежде всего вода как основной их агент. Это фундаментальный фактор, влияющий на судьбу мёрзлых контекстов. Так, воздействие на них боковой эрозии реки может быть невероятным по скорости и объёму [Питулько, 2024]. Однако существенно больший вред этим отложениям и заключенным в них объектам способен причинить человек.

Условия, в которых были обнаружены и исследованы памятники АВС, говорят о том, что на новейшем этапе наиболее весомыми для объектов культурного наследия региона являются техногенные риски, связанные с возрастающей год от года добычей остатков плейстоценовой фауны. На настоящий момент техническая оснащённость позволяет «промысловикам» промывать в отложениях широкие туннели километровой протяженности.

Помимо причинения общего экологического вреда хрупкой природе Арктики, осуществляется мощное воздействие на участки ограниченной площади, к которым приурочены скопления таких остатков. Эти объекты имеют антропогенную природу, т. е. являются объектами культурного наследия.

Техногенное воздействие на них резко усилилось в последние 20 лет. На севере Яно-Индигирской низменности за это время уничтожены: Берелёхское «кладбище» мамонтов (2004), Аччагый-Аллаиховское костище (2006), костище Селлях (2013), Илин-Сыалахское «кладбище» мамонтов (2011–2013), местонахождение Озеро Никита (2011–2013), местонахождение Урез-22 (2010–2011). Стоянка Бунге-Толля/1885 разрушена вместе с местонахождением Юниген в 2012–2022 гг. Янское «кладбище» мамонтов – часть пространственной структуры Янского комплекса стоянок – находится под техногенным прессом с 2008 г. по настоящее время. Смыты миллионы куб. метров отложений, в том числе содержавших бесценный культурный материал.

На Абыйской низменности (среднее течение р. Индигирки, окрестности пос. Белая Гора) масштабному техногенному воздействию на протяжении километров подверглись отложения на р. Огороха и Тирехтях, содержавшие большое количество костных остатков плейстоценовой фауны. Судя по обрывочным опубликованным материалам, по крайней мере, некоторые из вскрытых бивнеискателями концентраций могли иметь рукотворную природу. Безусловно антропогенное происхождение имеют скопления мамонтовой фауны, размытые «промысловиками» на р. Колыме (например, в окрестности пос. Зырянка, на р. Ирелях-Сиене) [Питулько, 2023].

Это лишь те объекты, о которых стало известно. О существовании многих других мы ничего не знаем и не узнаем. Весьма вероятный общий итог – полная потеря важнейшей информации о прошлом, которую вместе с остатками фауны плейстоцена и артефактами хранят многолетнемёрзлые отложения АВС, как это произошло на Аляске и Юконе.

Так, на Аляске отсутствуют древние археологические объекты, в том числе и в тех районах, где их присутствие возможно. Безусловно, на этой территории действовали фундаментальные природные факторы, влияющие на сохранность материала. Однако главная причина его отсутствия в регионе состоит в том, что он является областью колоссального прошлого экологического ущерба. Здесь в эпоху

«золотой лихорадки» отложения, вмещавшие соответствующие материалы, оказались уничтожены усилиями сотен тысяч рудокопов и золотоискателей [Péwé, 1975; Russel, McAbby, 2003]. Нужен ли России этот опыт?

На данный момент главной проблемой сохранения объектов культурного наследия народов Российской Федерации в АВС является неотложная необходимость сокращения существующих техногенных рисков, возникающих вследствие незаконной хищнической добычи мамонтовой кости.

Серьёзное беспокойство вызывает стремление отдельных представителей научного сообщества реализовать планы по признанию бивней мамонтов полезным ископаемым [Забытое полезное…, 2016]. Для любого исследователя, занятого изучением естественной истории четвертичного периода и человека, подобная мысль должна быть сама по себе отвратительна.

Бивни мамонтов, безусловно, имеют коммерческую стоимость, однако эти палеонтологические остатки, наравне с прочими, представляют собой уникальный невосстановимый природный архив, содержащий данные об эволюции этих животных, природы и климата. Взаимосвязь массовых находок бивней и прочих костных остатков мамонтов со следами человеческой деятельности (стоянками) очевидна, и столь же очевидно, что в ходе их добычи будут уничтожены уникальные свидетельства расселения человека в Арктике.

Скопления костных остатков мамонтов («кладбища мамонтов») являются особым археологическим объектом, имеющим антропогенное происхождение, а их отложения представляют собой специфический культурный слой [Питулько, 2024]. На этом основании они должны быть признаны объектом государственной охраны наравне с иными памятниками археологии.

Отсюда понятно, что необходимым шагом является совершенствование культурного, природного, недропользовательского законодательства, которое регулирует правоотношения в этой сфере, включая оборот палеонтологических остатков (в том числе бивней мамонтов), правовой статус которых в настоящее время до конца не определён.

Возможной формой развития законодательства может стать «закон о древностях», который объединял бы частные случаи, являющиеся предметом регулирования закона об историческом и культурном наследии народов Российской Федерации, Земельного кодекса, Кодекса о недрах.

Список источников

Верещагин Н. К. Берелёхское «кладбище» мамонтов // Труды Зоологического института. 1977. Т. 72. С. 5–50.

Забытое полезное ископаемое российской Арктики – мамонтовая кость / А. Н. Смирнов, Н. Д. Кириллин, Ю. В. Иванова, М. А. Журилова // Арктика: экология и экономика. 2016. № 1 С. 66–75.

Питулько В. В. Палеоклиматические рубежи позднего неоплейстоцена – раннего голоцена и расселение человека в Восточно-Сибирской Арктике // Археология, этнография и антропология Евразии. 2023. № 51 (3). С. 116–123.

Питулько В. В. Многолетнемёрзлые породы как археологическая среда. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2024. 127 с.

Russel H. H., McAbby J.C. Klondike Gold Rush. Rochester, WA: Gorham Publishers, 2003. 538 p.

Péwé T. L. Quaternary geology of Alaska. Washington, D.C.: U. S. Government Printing Office. 1975. 145 p.

Pitulko V. V., Pavlova E. Y, Basilyan A. E. Mass accumulations of mammoth (mammoth ‘graveyards’) with indications of past human activity in the northern Yana-Indighirka lowland, Arctic Siberia // Quaternary International. 2016. Vol. 406. P. 202–217.

Pitulko V. V., Pavlova E. Y., Nikolskiy P. A. Mammoth Ivory Technologies in the Upper Palaeolithic Arctic Siberia: a Case Study based on the materials from Yana RHS site // World Archaeology. 2015. Vol. 47. P. 333–389.

А. В. Постнов[1], Е. Г. Вергунов[2]
[1] Институт археологии и этнографии СО РАН,
Новосибирск, Россия
[2] Новосибирский национальный исследовательский государственный университет,
Новосибирск, Россия

ПЛАНИГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КУЛЬТУРНЫХ СЛОЕВ НА СТОЯНКЕ УСТЬ-КАРАКОЛ-1 В ГОРНОМ АЛТАЕ

Аннотация. Использование модуля статистической обработки пространственных данных археологического объекта даст новые возможности интерпретации археологических данных. Новый метод обработки направлен на решение вопросов однородности накопления остатков, определения особенностей тафономии, выделяя области, вовлеченные в деформации литологических подразделений.

Ключевые слова: Горный Алтай, пространственный анализ, планиграфия, палеолит

Работа выполнена по проекту НИР 2025–2027 гг. FWZG-2025-0012 «Закономерности распространения и источниковедческие аспекты сохранения объектов археологического наследия в условиях техногенных изменений ландшафтов Евразии».

Пространственный анализ занимает одно из центральных мест среди методов исследования в современной археологии. Этот подход предоставляет возможность выявлять закономерности в распределении артефактов, а также устанавливать связи между различными компонентами ландшафта, вовлеченного в антропогенную деятельность. В рамках изучения памятников каменного века использование таких методов становится особенно важным, так как оно помогает воссоздать картину жизни древних людей. Пространственный анализ в археологии каменного века позволяет реконструировать структуру древних поселений, выявлять зоны хозяйственной деятельности и изучать взаимодействие человека с окружающей средой. Для палеолитических памятников, где культурный слой часто сохраняется в виде «плоскостной проекции», применение статистических методов становится ключевым инструментом интерпретации данных [Марченко, 2017]. Целью работы выступает анализ пространственного распределения артефактов некоторых слоев стоянки Усть-Каракол-1 с применением статистических методов.

Одним из базовых инструментов пространственного анализа является картографирование. Данный процесс подразумевает создание детальных планов раскопов с последующим нанесением на них всех обнаруженных артефактов. Анализируя взаимное расположение этих находок, исследователи могут выделить зоны наибольшего скопления предметов, которые могли бы указывать на места проживания, производственные площадки или участки проведения ритуалов.

Первые шаги пространственного анализа на основе картографирования в России связаны с работами начала XX в., когда Н. Ф. Кащенко в 1896 г. для фиксации снятия находок использовал квадратную сетку на Томской стоянке в раскопе 4×8 м [Кащенко, 1896]. В. А. Городцов в 1914–1916 гг. при раскопках стоянки Гонцы применял горизонтальную расчистку для изучения планировки также на координатной основе. В 1930-х гг. переход к раскопкам широкими площадями (П. П. Ефименко, С. Н. Замятнин) позволил выделять жилищные структуры и зоны активности [Марченко, 2017]. Благодаря картированию удалось установить, что значительная часть орудий труда была сконцентрирована вокруг очагов.

С 1980-х гг. развитие получили междисциплинарные подходы, включая методы естественных наук, трасологию и аналитику редукционных цепочек расщепления камня. Так, в Забайкалье анализ жилищ Студеновского комплекса показал, как расположение очагов и артефактов отражает функциональное зонирование

© Постнов А. В., Вергунов Е. Г., 2025

[Разгильдеева, 2018]. Еще одной важной составляющей пространственного анализа является статистическая обработка собранных данных. Она включает в себя расчеты плотности распределения артефактов, построение графиков и диаграмм, а также выполнение корреляционных анализов для установления связей между разными видами находок. Такие подходы дают возможность делать выводы о функциональной нагрузке конкретных зон исследуемого памятника и их значимости в жизни древнего общества. Современные статистические и технические методы планиграфического анализа для объектов каменного века включают: очаги и кострища как маркеры жилых зон; скопления артефактов как индикаторы производственной деятельности, каменные конструкции как остатки жилищ или хозяйственных сооружений [Разгильдеева, 2018; Белоусова, Рыбин, 2013]. Среди часто используемых методов: круговое моделирование – выявление зон концентрации находок; статистическая кластеризация – разделение артефактов на группы по плотности распределения; визуализация в ГИС-программах; выделение особых зон деятельности с помощью ремонтажа и трасологии.

Следует отметить, что авторы существующих на сегодняшний день публикаций планиграфических аспектов расположения артефактов не обеспечивают метрологическое единство метрических данных (самих измерений, результатов их обработки или анализа). Исключения составляют те работы, где количественные показатели находятся в избытке, как, например, на Студеновском археологическом комплекс (Забайкалье), где пространственный анализ 16 жилищных структур показал высокие достоверные результаты по зонированию пространства.

Использование модуля статистической обработки пространственных данных археологического объекта даст новые возможности интерпретации археологических данных. Местоположение артефактов в раскопе, помимо своих прямых функций по обеспечению междисциплинарной взаимосвязи между данными в комплексных исследованиях и ГИС-системах, при определенном подходе может представлять новый и эффективный информационныйресурс. Для него требуется то самое «метрологическое единство», которое обеспечивает требуемый для археологов уровень качества результатов: достоверность, точность, условия применимости и т. д. Есть условие, что необходимо использовать информационные компоненты самих значений координат артефактов до того, как будем рассматривать их другие классификационные признаки, а общие положения применимы и к использованию качественных параметров артефактов, если соблюдается метрологическое единство данных.

Первым шагом будет освобождение от особенностей системы координат памятника и приведение значений координат к некоторому сравнимому виду (освобождение от единиц размерности) в связи с тем, что информационная насыщенность одного метра по осям X, Y, Z разная. Действительно, мы имеем как бы разные масштабы информационных единиц по нашим осям: по глубине в пределах одного слоя артефакты распределены в пределах сантиметров (дециметров), а в плане – метры и десятки метров.

Далее, вместо метров выбираются критерии, которые выражают степень «особенности» или «обычности» данного значения для условий некоторой группы находок (т. е. операции на уровне таких компонент, как уровень и структура). Это достигается после перехода к координатам в «информационно-вероятностном» пространстве, значения которых выражены через статистические критерии. Такое пространство может иметь любую размерность n, быть привычным для нас прямолинейным (евклидовым, где расстояния считаются по формулам геометрии) или криволинейным.

В этом информационном пространстве теперь будем определять взаимные расстояния между находками, а на основании взаимных расстояний уже можно говорить о группировании артефактов в статистически достоверные группы. Наше пространство является изотропным, т. е. свойства объектов в нем не зависят от направления, они однородны по всем n осям координат. Удобным вариантом может быть евклидово

пространство метрических параметров артефактов – в этом случае группировка находок осуществляется с помощью *n*-мерного «шара», который мы «катаем» по раскопу, представленному в нашем «информационно-вероятностном» пространстве.

Радиус такого шара можно выбирать на основе пороговых значений тех статистических критериев, которые мы используем в качестве единицы измерения по всем координатным осям. Этот радиус можно выбирать «особенным» для изучения наиболее интересных групп либо использовать «стандартный» для всей совокупности находок.

Данный подход отличается от методов кластеризации тем, что мы не пытаемся получить ячейки-кластеры, вопросы группировки которых остаются открытыми, а нам нужны статистически достоверные группы в изотропном пространстве, имеющие свои центры и радиусы рассеяния.

В наших примерах использовано прямолинейное пространство, по осям координат откладываются значения *Z*-распределения, а радиус шара постоянный и получен на основе минимаксной процедуры для всей совокупности находок.

Таким образом, мы имеем предподготовленную для планиграфической реконструкции информацию о пространственном расположением находок с определенными индексами достоверности и с отсеиванием и вычленением той части артефактов, которая была перемещена или сдвинута со своего первоначального положения либо перемешана с артефактами другой культурной компоненты.

Список источников

Белоусова Н. Е., Рыбин Е. П. Новая схема культурно-стратиграфического членения ранневерхнепалеолитических отложений стоянки Кара-Бом (на основе пространственного анализа и данных ремонтажа) // Вестник НГУ. Серия История, филология. 2013. Т. 12. Вып. 7: Археология и этнография. С. 64–76.

Кащенко Н.Ф. К вопросу об одновременном существовании человека и мамонта // Тр. X археологического съезда в Риге. Рига, 1896. Т. 1.

Марченко Д. В. Становление и развитие планиграфических исследований в области археологии верхнего палеолита в России // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2017. Т. 16, № 7: Археология и этнография. С. 26–38.

Разгильдеева И. И. Планиграфический анализ жилищно-хозяйственных комплексов верхний палеолита Забайкалья. Чита: ЗабГУ, 2018. 208 с.

И. И. Разгильдеева
Забайкальский государственный университет,
Чита, Россия
Забайкальский научный центр Института истории, археологии и этнографии народов
Дальнего Востока ДВО РАН,
Чита, Россия

ИССЛЕДОВАНИЯ ПЛАНИГРАФИИ КОМПЛЕКСОВ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ СТОЯНОК АФОНТОВОЙ ГОРЫ Г. КРАСНОЯРСКА: ПОДХОДЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. Изучение памятников Афонтовой горы г. Красноярска, приуроченных к геоморфологической ситуации склонов, показало нахождение палеолитических материалов *in situ* при сохранении планиграфических и культурных контекстов. Установлены закономерности организации структур и зон обитания, способы жизнеобеспечения древних коллективов в хронологическом интервале МИС 2.

Ключевые слова: Красноярск, Афонтова гора, палеолитические стоянки, планиграфический анализ

С начала 2010-х гг. в г. Красноярске проводятся охранно-спасательные исследования памятников Афонтовой горы. Раскопки большими площадями стоянок Афонтова Гора II (более 10 тыс. м^2), Крутая (5,5 тыс. м^2), Афонтова Гора IV

© Разгильдеева И. И., 2025

(14,5 тыс. м^2) дополнили знания о геоморфологии района и привели к открытию новых стратифицированных комплексов эпохи палеолита возрастом 16–12 тыс. некал. л. н. Коллекции археологических материалов, а также естественно-научные данные, полученные с применением метода трехмерной фиксации, обеспечили возможность изучения планиграфических объектов и структур в контексте культурного слоя. Анализ пространственных связей позволил соотнести культурные уровни с разных участков вскрытия, доказать нахождение археологических материалов *in situ* в ситуации склонов, выявить закономерности организации зон деятельности и структур обитания, проследить развитие приемов обработки камня и кости, реконструировать типы деятельности древних коллективов. Палеофаунистические материалы, наряду с видовым разнообразием объектов добычи, показали сезонную приуроченность стоянок.

Структурными элементами пространства культурного слоя выступали видоизмененные участки поверхности со следами функционирования термических объектов, однотипные и смешанного состава скопления остатков, фиксирующие поверхности обитания. Комбинации «точечных» локаций дебитажа, орудий и колотых костей отмечают зоны индивидуальной или специализированной производственной деятельности. Площадки обитания, выявленные в общей стратиграфической позиции, отражают последовательность эпизодов освоения склонов Афонтовой горы в коротком хронологическом интервале.

На стоянке Афонтова Гора II планиграфически информативные культурные горизонты (к. г.) выявлены в отложениях II надпойменной террасы р. Енисей и облегающего аллювий субаэрального покрова на западном (28 раскопов), восточном (4) и северном (6) участках исследования [Позднепалеолитическая стоянка…, 2021]. В пространстве к. г. 2.1 западного участка изучены пять площадок обитания, имеющих в составе локальные скопления. В двух случаях круговое размещение остатков в приочажных зонах обозначило вероятность открытия следов существования сооружений типа «жилище». Пространство периферии зон деятельности и транзитного посещения отмечали шлейфы из единичных находок. Для всех стояночных комплексов к. г. 2.1 установлен сезон обитания конец лета – осень. По археологическим данным два лагеря функционировали относительно длительный период. Локальный комплекс к. г. 4 показал картину планиграфии, аналогичную схеме Л. Бинфорда, – размещение культурных остатков в зоне приочажной хозяйственной активности у костра открытого типа. Состав коллекции и четкая зонированность пространства свидетельствуют о кратком эпизоде бытования стоянки при участии 3–6 человек [Там же, с. 78–80, рис. 57]

На восточном участке Афонтовой Горы II в к. г. 3 и 4 зафиксированы криогенные и тектонические деформации, которые привели к формированию по трещинам вторичных скоплений остатков и полигональному вертикальному смещению участка слоя. Планиграфия к. г. 3 являет пример палимпсеста – совмещение на одной поверхности следов деятельности разных коллективов. Структура площадки (125 м^2) включает два углистых пятна (общая площадь – 25 м^2) с зонами кострищ, комплексами артефактов и остатков фауны, в т. ч. обломками рогов благородного и северного оленей со следами обработки. Традиционный для енисейских стоянок набор орудий (скребки, скребла, острия, долотовидные и бифациальные формы, сколы с ретушью) дополняли обломки пазовых роговых наконечников, целая и фрагменты (4) костяных игл, заготовка изделия из рога, часть диска и обломок двусторонне зашлифованного диска с отверстием в центре из бивня мамонта [Там же, с. 88–91]. Основным объектом охоты выступал северный олень с присутствием в составе добычи других видов: горного козла, благородного оленя, бизона, плейстоценовой лошади, зайца, а также птиц – гусей и белой куропатки. Морфология орудий, их группировка по 3–5 предметов при сочетании совокуп-

ностей утилитарного микродебитажа и колотой кости, в т. ч. со следами порезов, характеризуют операции по разделке добытых туш животных: расчленение костей и срезание мяса, первичная обработка шкур, утилизация пищевых ресурсов. В планиграфии к. г. 3 зафиксировано размещение трёх точкóв и зон эвакуации отходов, а также локального нахождения костей разных видов животных Установлен эпизод деятельности, когда объектом добычи становилась мелкая дичь. Наличие в остатках всех совокупностей элементов скелета костей животных предполагает близкое расположение лагерей от мест охоты. Определена их сезонная приуроченность ко второй половине лета – первой половине осени.

Планиграфический анализ обосновал правомерность выделения на западном участке Афонтовой Горы II к. г. 4, представленного углистым пятном (2×1,1 м), рассеянными артефактами и многочисленными остатками плейстоценовой фауны, в числе которых на первом/втором месте мамонт и северный олень. При наличии костей лошади, быка, сайги и архара особенностью к. г. 4 стало присутствие костей зайцев (*Lepus* cf. *Timidus*), в т. ч. наиболее полных комплектов костей лап. Состав материалов к. г. 4 в целом характерен для комплексов охотничьих стоянок, однако детальные интерпретации затруднены ввиду малой площади вскрытия.

Планиграфия культурных горизонтов северного участка Афонтовой Горы II, приуроченных к формам рельефа, видоизмененным неоднократными оползневыми событиями, показала нахождение остатков внутри оползневых текстур в стратиграфической последовательности [Позднепалеолитическая стоянка…, 2021, с. 38–41]. Массив точек фиксации находок пяти «подгорных» раскопов зафиксировал в плане контур мульдообразного понижения (В – З) в рельефе склона, вдоль которого размещались площадки обитания. Анализ показал, что отнесенные на этапе полевых работ к к. г. 5–6, 7–8 материалы образуют единые планиграфические структуры в границах как отдельных, так и смежных раскопов. Тахеометрические данные доказывают приуроченность локаций к пологим поверхностям рельефа. Согласованное размещение площадок в пространстве склона исключает палимпсест. По заключению геоморфологов, возникшие в результате оползневых событий деформации обусловили изменение уклона палеорельефа и размера площадок, удобных для обустройства промысловых лагерей. Результаты планиграфического анализа свидетельствуют о смене стратегии древнего населения в выборе мест стоянок при их смещении с площадок северного участка ниже по склону на уровень восточного участка Афонтовой Горы II.

На стоянке Крутая палеолитические материалы (к. с. 3) залегали в отложениях заполнения эрозионной формы рельефа на участке 200 м^2. Они распределялись по СЗ борту палеоложбины с концентрацией артефактов в зоне тальвега. Особенности позиционирования слоя обозначили проблему переотложения остатков, принадлежащих к разным эпизодам обитания [Артемьев, Разгильдеева, Прилепская, 2019]. Ремонтаж артефактов выявил два направления миграции: 1) в нижнем уровне слоя локального характера С – Ю на расстояние до 1 м с сохранением планиграфического контекста; 2) с верхней части борта со значительным смещением СЗ – ЮВ на 8–20 м и более. Анализ материалов установил последовательность эпизодов освоения. Для более ранней стоянки определен сезон обитания в конце весны – начале лета при организации лагеря на межсклоновом участке ложбины. Поздняя стоянка располагалась гипсометрически на площадке северного борта и была приурочена к осенне-зимнему периоду. В обоих случаях археологические материалы указывают на промысловую деятельность обитателей.

Анализ планиграфии скоплений к. г. 2 Афонтовой Горы IV, приуроченных к общей геморфологической ситуации юго-западного склона, установил структурное единство поверхности. В масштабе памятника впервые на площади 14,5 тыс. м^2 исследованы стояночные комплексы, имеющие в составе хронологически син-

хронные площадки, разнесенные в пространстве территории. Здесь выделены зоны жилого назначения и внешней хозяйственной активности [Позднепалеолитический…, 2022].

Подводя итог, отметим, что исследования Афонтовой горы первой четверти XXI в. определили новые подходы и перспективы в изучении памятников палеолита Енисейской Сибири, в т. ч. актуализировали вопрос о взаимодействии носителей традиций афонтовской и кокоревской культуры, осваивающих данные территории в близких хронологических интервалах.

Список источников

Артемьев Е. В., Разгильдеева И. И., Прилепская Н. Е. Стоянка Крутая – новый объект в археологическом комплексе Афонтовой горы: предварительные результаты исследований 2017 года // Преодоление времени и пространства: статьи по актуальным проблемам охранно-спасательных работ на памятниках археологии Средней Сибири. Иркутск: Изд-во Ин-та географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, 2019. С. 34–55.

Позднепалеолитическая стоянка Афонтова Гора II: итоги мультидисциплинарных исследований 2014 года / Е. В. Акимова, А. В. Анойкин, С. К. Васильев, Л. Л. Галухин, Н. И. Дроздов, А. А. Дудко, И. Д. Зольников, А. М. Клементьев, Д. Н. Лысенко, И. И. Разгильдеева, В. С. Славинский, И. В. Стасюк, Е. А. Томилова, В. М. Харевич, А. А. Цыбанков. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2021. 260 с.

Позднепалеолитический жилищно-хозяйственный комплекс стоянки Афонтова Гора IV (Овражная): результаты исследований 2020–2021 гг. / И. И. Разгильдеева, Е. В. Акимова, А. В., Барков, А. М. Клементьев, В. М. Новосельцева // Археология, этнография и антропология Евразии. 2022. Т. 50, № 4. С. 27–38.

А. Г. Рыбалко
Институт археологии и этнографии СО РАН,
Новосибирск, Россия

КАМЕННЫЕ ИНДУСТРИИ РАННЕГО ЭТАПА СРЕДНЕГО ПАЛЕОЛИТА ЮГО-ВОСТОЧНОГО ДАГЕСТАНА

Аннотация. Территория Дагестана до недавнего времени оставалась одной из наименее изученных в археологическом плане областей Кавказа. В последнее десятилетие в результате проведенных исследований здесь изучено около двадцати разновременных палеолитических объектов. Целью данной работы является обобщение и анализ всех накопленных материалов о раннем этапе среднего палеолита Юго-Восточного Дагестана.

Ключевые слова: Дагестан, средний палеолит, каменные артефакты, леваллуа

Исследования выполнены при поддержке гранта Российского научного фонда № 24-18-00941, https://rscf.ru/project/24-18-00941.

Местонахождение Дарвагчай-Залив-1, локализовано на крутом юго-западном склоне древнекаспийской террасы. Раскопки на памятнике проводились с 2010 по 2019 г. Всего было открыто и изучено четыре культурно-хронологических комплекса, материалы которых охватывают период от позднего этапа раннего до финала среднего палеолита [Проблемы палеолита Дагестана, 2012, с. 68–246]. Один из них (комплекс 2), расположенный в верхней части склона террасы, представлен каменными изделиями раннего этапа среднего палеолита. Археологические материалы залегали в слое палеопочвы. Текстура горизонта пятнистая из-за многочисленных кротовин и карбонатных стяжений. В нижней трети слоя отмечены небольшие скопления, а также многочисленные разрозненные угольки. К основанию слоя приурочено и большинство каменных изделий. Здесь же зафиксировано несколько скоплений артефактов с небольшим вертикальным раз-

© Рыбалко А. Г., 2025

бросом, среди которых встречаются аппли-цирующиеся между собой фрагменты сколов. Помимо этого, в нижней трети палеопочвы обнаружено два кострища без следов какого-либо оформления. В обоих кострищах обнаружены сильно обожженные каменные артефакты, что позволяет говорить об антропогенном факторе их происхождения.

Археологическая коллекция состоит из нуклевидных форм, пластин и пластинчатых отщепов, отщепов, технических сколов, обломков. Большая часть нуклеусов представляет леваллуазскую систему расщепления. Основные различия этой группы определяются размерами и степенью утилизации. Изделия имеют округлые или подпрямоугольные очертания, оформленные центростремительными сколами рабочие плоскости и слабовыпуклые площадки. Орудийный набор включает леваллуазские сколы с ретушью, скребла, ножи и атипичное острие [Рыбалко, 2019, с. 225–230].

Для выяснения палеоклиматической обстановки в период накопления вскрытых отложений на палинологический анализ были взяты пробы из разреза. Проведенный анализ показал крайне низкое содержание органического вещества, что, вероятно, объясняется постседиментационными условиями и воздействием агрессивной химической среды вмещающих отложений. Отмеченные в препаратах миоспоры, в основном, имеют плохую сохранность. Больше всего растительных остатков содержит слой палеопочвы. Определимые миоспоры относятся к следующим таксонам: Pinaceae, *Tsuga* sp., *Yuglans* sp., *Betulacea/Myrica* sp, Poacea, Asteraceae, Sphagnum sp. Часть миоспор определена на основе искусственной систематики: Tricolpollenites sp., Triletes sp. В ходе исследований в образцах из палеопочвы отмечены в большом количестве частицы угля, а также фрагменты обугленных растительных тканей и фитолиты, принадлежащие древесным и луговым растениям. Ряд других косвенных признаков (большое количество кротовин, угольков и примазок древесного угля) позволяют утверждать, что эта территория не была засушливой, а скорее всего, относилась к лесостепи, найденные фитолиты и миоспоры позволяют предположить произрастание деревьев и луговых трав в период накопления слоя палеопочвы.

В 2014–2015 гг. для образцов (76 шт.) с местонахождения Дарвагчай-Залив-1 в Палеомагнитном центре ИНГГ СО РАН были выполнены петромагнитные и палеомагнитные исследования. В результате проведенных работ в слое палеопочвы была установлена отрицательная остаточная намагниченность (эпизод Блейк 120–110 тыс. л. н.).

Установление точных хронологических рамок палеолитических объектов является одной из самых сложных задач. В данной ситуации, в условиях полного отсутствия фаунистического материала, практически единственной альтернативой являлся метод OSL – оптически стимулируемое люминесцентное датирование. В 2022 г. у разреза стоянки Дарвагчай-Залив-1 была отобрана серия образцов. Пробоподготовка для OSL-датирования выполнена в лаборатории МГУ, а сам анализ – в г. Орхус (Дания). Полученная в 2023 г. хронология по 6 образцам позволила впервые определить возраст всех основных стратиграфических подразделений разреза. Из перекрывающего лессовидного суглинка получены две даты: 65,9±4,2 и 97,0±7,3 тыс. л. н. Погребённая почва (культуросодержащий горизонт) охарактеризована датировками в 110,9±8,3 и 121,9±11,7 тыс. л. н. Образцы из нижележащего слоя дали возраст 200,1 и 197,4 тыс. л. н.

Местонахождение Дарвагчай-Залив-4 открыто в 2010 г. Стоянка расположена в 500 м от памятника Дарвагчай-Залив-1 на склоне террасы. В результате раскопок, проведенных в 2011 и 2014–2016 гг., была получена многочисленная коллекция каменных изделий ашельского возраста. В 2017–2022 гг., в верхней части рыхлых отложений был обнаружен новый археологический материал, артефакты залегали в стратиграфических и планиграфических условиях, аналогичных вышеописанной стоянке. В обнаруженной коллекции представлены все основные

категории каменных изделий. Нуклеусы демонстрирует леваллуазскую технику расщепления на разных стадиях утилизации. Орудийный набор состоит из леваллуазских сколов, острия, скребел, ножей, выемчатых орудий и отщепов с ретушью. В 2019 г. с разреза стоянки Дарвагчай-Залив-4 была отобрана серия образцов для OSL-датирования в результате для горизонта палеопочвы получена дата 111,9±14,8 тыс. л. н.

Таким образом, артефакты данных комплексов связаны исключительно со слоем палеопочвы. Анализ планиграфии и микростратиграфии показывает, что большая часть каменных изделий залегают *in situ*. В то же время отмечается, что незначительная часть находок рассеяна по всей мощности культуросодержащих горизонтов. Все каменные изделия, независимо от сырья, имеют одинаковую (очень хорошую) степень сохранности поверхности. В представленных коллекциях отражены все значимые категории каменных изделий, характерные для среднепалеолитических комплексов.

Индустрия относится к типу моносырьевых. Основное количество каменных артефактов изготовлено из окремненного известняка, реже использовался кремень. Окремненный известняк представляет собой пластичную и твердую породу (5–6 по шкале Мооса), хорошо поддающуюся расщеплению. Кремень – сырьё в основном мелкоразмерное с большим количеством внутренних дефектов (определение канд. геол.-минерал. наук Н. А. Кулик). Эти и другие породы в виде галек и обломков хорошо представлены в естественных обнажениях в центральной части склона и у основания террасы.

Первичное расщепление основано на леваллуазской технологии, которая представлена преимущественно в ее классическом виде (черепаховидными нуклеусами для отщепов). Для большинства ядрищ характерна высокая степень утилизации, а целевыми заготовками были отщепы крупных и средних размеров. Пластины представлены единичными экземплярами. Неретушированные леваллуазские острия первого и второго снятия отсутствуют полностью. Среди определимых ударных площадок преобладают гладкие и естественные. Большинство сколов не имеет на дорсалах желвачной корки, что, по всей видимости, свидетельствует об оформлении пренуклеусов за пределами территорий стоянок. Вероятно, эти операции изначально производились в местах скопления сырья. Орудийный набор немногочисленный, однако в нем представлены единичные хорошо оформленные изделия, такие как леваллуазские сколы, скребла, ножи.

Все вышеперечисленные факты позволяют отнести памятники к типу кратковременных стоянок-мастерских. Здесь производилось скалывание серий заготовок для последующего изготовления орудийных форм. При этом большая часть этих заготовок, а также все тщательно оформленные целые изделия, со стоянок уносились. Этим, прежде всего, объясняется наличие большого количества сильно сработанных нуклеусов, отбойников и ретушеров; малочисленность и типологическое однообразие орудийного набора. Подробный анализ полученных археологических материалов и возраст вмещающих отложений позволяет утверждать, что они соответствуют раннему этапу среднего палеолита.

Результаты междисциплинарных исследований, проведенных на изучаемом памятнике, позволяют с большой долей вероятности установить палеоклиматические условия и возрастные рамки обитания древнего человека в данном регионе. Общая информация, полученная методами естественных наук и OSL-датированием, позволяет сделать заключение, что культуросодержащий горизонт и обнаруженные в нем археологические материалы накапливались в условиях теплого и влажного климата. Данные условия были характерны для последнего рисс-вюрмского (эемского или микулинского для Восточно-Европейской равнины) потепления в хронологическом интервале 120–110 тыс. л. н. (MIS 5e). Палеоклиматические условия Западного Прикаспия

в изучаемый период были благоприятными для растительного и животного мира, а также для расселения здесь человеческих палеопопуляций.

Список источников

Проблемы палеолита Дагестана / А. П. Деревянко, Х. А. Амирханов, В. Н. Зенин, А. А. Анойкин, А. Г. Рыбалко. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. 292 с.

Рыбалко А. Г. Ранний этап среднего палеолита Северо-Восточного Кавказа (по материалам стоянки Дарвагчай-залив-1) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2021. Т. XXVII. С. 225–230.

Е. П. Рыбин, А. М. Хаценович
Институт археологии и этнографии СО РАН,
Новосибирск, Россия

КУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ НА РУБЕЖЕ НАЧАЛЬНОГО И РАННЕГО ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА СЕВЕРА ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ХРОНОЛОГИЯ И ДИНАМИКА

Аннотация. Рассматриваются процессы, происходившие на рубеже начального верхнего палеолита и раннего верхнего палеолита на территории современной Монголии и сопредельных регионов. Между этими эпохами прослеживается преемственность, выражающаяся в общих принципах отбора сырья, а также идентифицируемая на основе аналогичной ориентации на пластинчатое производство, идентичной техники скола и схожих характеристик орудийного набора. Основные различия связаны с технологиями редукции нуклеусов и морфологией конечных продуктов. Данный вариант культурных изменений соответствует модели постепенной трансформации традиции пластинчатого производства на протяжении 39–35 тыс. л. н.

Ключевые слова: Север Центральной Азии, начальный верхний палеолит, ранний верхний палеолит, культурные процессы

Исследования проводились при поддержке проекта РНФ № 24-18-01099 «Критические трансформации в развитии культуры верхнего палеолита на территории Северной и Центральной Азии».

Начиная, по меньшей мере, с 43 тыс. л. н. на пространстве от Западной Европы до Северного Китая происходит массовое появление ранневерхепалеолитических индустрий (далее – РВП), сформированных в технологическом и типологическом отношении. Эти индустрии не представляют единый технокомплекс и, в отличие от начального верхнего палеолита (далее – НВП), довольно вариабельны [Деревянко, 2001; Кульбулакская мелкопластинчатая..., 2013]. На большей части территории своего распространения они обладают рядом общих черт – ориентацией на производство средних и мелких пластин, получаемых в рамках однонаправленного расщепления; присутствием и важной ролью специализированных (карениодных, торцовых, подпризматических) нуклеусов, служивших для производства пластинок, и изготовлением орудий из пластинок и мелких пластин. Территория Северной Монголии, где в долинах притоков среднего течения Селенги известны многослойные палеолитические стоянки долин Толбора и Харганын-Гола, расположенные в зоне одного из важнейших миграционных путей верхнего палеолита Центральной Азии – Селенгинского коридора, имеют важное значение для реконструкции моделей формирования верхнего палеолита на основе последовательных циклов заселения этого региона на протяжении 20 тыс. лет. Финальный этап НВП – формирование РВП – наиболее ярко представлен и надежно датирован на материалах стоянок Толбор-21 и Толбор-4.

© Рыбин Е. П., Хаценович А. М., 2025

Рассматриваемая территория находится в регионе, в орографическом отношении принадлежащем Орхон-Селенгинской среднегорной области, входящей в состав Хангай-Хэнтэйской горной страны и занимающей ее центральную часть между крупными хребтами Хангая и Хэнтэя. В Орхон-Селенгинском среднегорье развита густая речная сеть бассейна Селенги. Продольные оси хребтов и долин имеют северо-восточное направление и соответствуют зонам тектонических нарушений вдоль субширотного отрезка Селенги. Этот регион расположен между Сибирской бореальной физико-географической провинцией и аридными горными хребтами и возвышенностями Внутренней Азии. Все эти памятники приурочены к поясу распространения высококачественного сырья – силицитов, относящихся к тулбурской формации Пермского времени. Основные стратифицированные стоянки финального среднего и начального верхнего палеолита в Монголии расположены в долинах двух рек – Харганын-Гол и Толбор на протяжении 8–12 км от их слияния с Селенгой. Эти небольшие реки протекают в пределах широких, глубоких и асимметричных долин с крутыми бортами [The Upper Paleolithic of Mongolia.., 2012].

Комплексы начального верхнего палеолита, наиболее заметно представленные в комплексах стоянки Толбор-4, находятся в культурных горизонтах 6–5, датирующихся в пределах 45–42 тыс. кал. л. н. Наиболее ранние свидетельства начала трансформации технологии начального верхнего палеолита наблюдаются на материалах стоянки Толбор-21. В отложениях этого памятника известны археологические горизонты, представляющие ранние этапы развития верхнего палеолита Монголии: гор. 5 – ранняя стадия НВП (около 45 тыс. л. н.), гор. 4 – финальный НВП (42 – 40 тыс. л. н.), гор. 3 – наиболее ранний РВП (39–35 тыс. л.).

Между комплексами финального НВП и раннего РВП прослеживается определенная преемственность, выражающаяся в ряде показателей:

1) принципы отбора сырья – прослеживается использование одинаковых типов сырья в тех же самых пропорциях;

2) ориентация на пластинчатое производство – в обоих комплексах устойчивой категорией сколов являются мелкие пластины и пластинки;

3) техника скола – как морфологические показатели подправки площадок, так и степень выпуклости бугорка, и наличие или отсутствие выявленной точки удара вентральной приплощадочной части, метрические характеристики площадок показывают наличие одних и тех же методов подготовки площадки и используемого отбойника;

4) структура орудийного набора комплексов в гор. 4 и 3 идентична, специализированные орудия представлены одинаковыми категориями изделий, в обоих комплексах присутствуют орудия-маркеры начального верхнего палеолита.

Вместе с тем отмечаются и существенные различия, связанные, в основном, с технологиями редукции нуклеусов и морфологии конечных продуктов. В гор. 3 следует отметить сильную истощенность большинства нуклеусов и доминирование однонаправленной системы расщепления, что, вероятно, взаимосвязано, так как однонаправленная редукция осуществлялась чаще всего на заключительных этапах расщепления нуклеусов. Как показывает анализ рабочих поверхностей сколов и нуклеусов, вторая площадка, если она оформлялась, имела только вспомогательный характер, и сколы редко имели протяженность более одной трети протяженности фронта нуклеуса. В отличие от гор. 4, в верхнем гор. 3 присутствуют специализированные нуклеусы для пластинок, которые были оставлены на стадии плоскостного расщепления. Морфология сколов является одним из самых заметных проявлений в различиях, фиксируемых в ассамбляжах гор. 3 и 4. Прежде всего, в гор. 3 резко уменьшаются метрические показатели пластин; об изменениях в технике скола косвенно свидетельствуют относительно меньшие размеры площадок в этом горизонте. Доля мелкопластинчатого компонента в инду-

стрии гор. 3 в два раза меньше, чем в гор. 4, что в сочетании с наличием специализированных нуклеусов для пластинок может свидетельствовать о расширении значения и стандартизации приемов мелкопластинчатого производства. Наличие серии пластинок с притупленным краем, а также ретушированных пластинок в гор. 3 говорит о том, что эти заготовки становятся целевым продуктом расщепления.

Основную тенденцию изменений в комплексах литологического слоя 3 можно сформулировать следующим образом: происходит переход к другой технологии производства пластин при сохранении культурной специфики, отражающейся в сохранении как структуры орудийного набора, так и наличии общих специфических типов. Данный вариант культурных изменений, отмечаемый и на других памятниках Толборского палеолитического района, соответствует модели постепенной трансформации традиции НВП. При этом происходит дальнейшая утрата специфических форм орудий, представленных в наиболее поздних комплексах пластинчатого РВП единичными типами. Около 35 тыс. л. н. в Северной Монголии (Толбор-4, гор. 4, Толбор-21, гор. 2) а также в Забайкалье и Прибайкалье появляются индустрии отщепового РВП, характеризующиеся ориентацией на производство непластинчатых заготовок при сохранении важной роли мелкопластинчатого компонента каменного производства; специфические типы НВП в этих ассамбляжах неизвестны. Возможно, эти заметные изменения могут быть связаны с появлением новых групп населения или резкими изменениями условий окружающей среды, ассоциированные с началом последнего ледникового максимума.

Список источников

Деревянко А. П. Переход от среднего к верхнему палеолиту на Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. 2001. № 3. С. 70–103.

Кульбулакская мелкопластинчатая традиция в верхнем палеолите Центральной Азии / К. А. Колобова, Д. Флас, А. П. Деревянко, К. К. Павленок, У. И. Исламов, А. И. Кривошапкин // Археология, этнография и антропология Евразии. 2013. № 2. С. 2–26.

The Upper Paleolithic of Mongolia: Recent finds and new perspectives S. A. Gladyshev, J. W. Olsen, A. V. Tabarev, A. J. Jull // Quaternary International. 2012. Vol. 281. P. 36–46.

Ю. В. Селезнёв[1], Е. И. Куренкова[2], Д. В. Баранов[3], А. А. Вашков[4], Р. Н. Курбанов[5], А. Н. Вашанов[6], Я. Д. Иванов[7], А. К. Очередной[8]
[1] Независимый исследователь, Иваново, Республика Беларусь
[2,3,5] Институт географии РАН, Москва, Россия
[4] Геологический институт Кольского научного центра РАН, Апатиты, Россия
[5] Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия
[6] Институт истории НАН Беларуси, Минск, Республика Беларусь
[7,8] Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия

МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ РАННЕГО ПАЛЕОЛИТА ОГОВО I НА ЮГО-ЗАПАДЕ БЕЛАРУСИ (РЕЗУЛЬТАТЫ ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ: СТРАТИГРАФИЯ, ХРОНОЛОГИЯ И КАМЕННЫЙ ИНВЕНТАРЬ)

Аннотация. Раннепалеолитическое местонахождение Огово I приурочено к ритмичной толще флювиогляциальных песков и песчано-гравийно-галечного материала. Артефакты залегают под покровом морены днепровской стадии припятского оледенения и соотносятся с интервалом не моложе, чем МИС 12. Новейшие данные люминесцентного датирования указывают на оценочный возраст этой толщи не позднее 400–500 тыс. лет назад.

Ключевые слова: ранний палеолит, Беларусь, Полесье, Загородье, средний плейстоцен, днепровское оледенение, березинское (окское) оледенение, ОСЛ-датирование

Исследование проведено при поддержке Общественного движения популяризации науки «Проекты Станислава Дробышевского», Института истории НАН Беларуси и в рамках темы ГЗ ИГ РАН FMWS-2024-0005.

Большинство палеолитических памятников на территории Беларуси относят к финальному палеолиту, а наиболее ранние надежно датированные памятники – к периоду верхнего палеолита [Калечиц, 1984; Калечиц, 2023]. Поиски памятников, возраст которых мог бы соответствовать более ранним эпохам плейстоцена, были малорезультативны. В течение XX – нач. XXI в. зафиксированы лишь отдельные пункты со случайно выявленными артефактами, лишенными четкого стратиграфического контекста (Обидовичи, Светиловичи, Подлужье, Михневичи, Логишин, Гомель, Леонтьево, Кошевники) [Калечиц 1984; Вашанаў, 2024]. В результате сформировалось мнение, что средний и тем более нижний палеолит в Беларуси могут присутствовать лишь гипотетически, а их обнаружение в стратифицированном состоянии исключено [Калечиц, 2003].

В 2012 г. в песчаном карьере у д. Огово (в 1 км к северу от нее) Ивановского р-на Брестской области была обнаружена серия изделий раннепалеолитического облика, залегающих в четких стратифицированных условиях [A new Palaeolithic site…, 2018]. В карьере вскрыто строение субширотно ориентированной гряды с пологими склонами, которая находится в южной части равнины Загородье в междуречье бассейнов Пины и Ясельды [Матвеев, 1990]. Многолетними сборами была сформирована коллекция, насчитывающая около 7000 изделий. Её основу составляют около 600 выразительных изделий, которые позволяют считать оговский песчаный карьер местонахождением раннего палеолита Огово I.

© Селезнёв Ю. В., Куренкова Е. И., Баранов Д. В., Вашков А. А., Курбанов Р. Н., Вашанов А. Н., Иванов Я. Д., Очередной А. К., 2025

Средняя мощность четвертичных отложений в пределах Загородья составляет 40–50 м, местами достигая 100 м [Геология Беларуси, 2001]. В структуре четвертичной толщи установлены преимущественно отложения березинского и припятского горизонтов [Деруго, Илькевич, 1982; Комаровский, Хилькевич, 2015], при незначительном участии отложений наревского, беловежского, александрийского горизонтов, а также комплекса аллювиальных, болотных и эоловых осадков последней ледниковой эпохи и голоцена [Деруго, Илькевич, 1982; Стратиграфические схемы…, 2010]. Находки в карьере приурочены к трем прослоям, которые залегают на глубине 6–12 м от поверхности, ниже слоя основной морены, которая в данном районе надежно сопоставляется с днепровской стадией припятского оледенения [Karabanov, Matveev, 2011; Комаровский, Хилькевич, 2015].

Коллекция состоит из изделий разной сохранности (разная степень повреждения краев, забитости ребер, окатанности, люстража, наличия прикипевшего суглинка, много поломанных сколов), размеров и морфологического облика. Сохранность изделий с характеристиками вмещающих отложений указывает на то, что материалы в большинстве случаев смещены или переотложены в древности. Абсолютное большинство находок составляют различные сколы, среди которых много первичных. Выделяется серия крупных отщепов и сколов пластинчатых форм с различными видами огранки дорсальных поверхностей. Огранка демонстрирует, в основном, параллельный способ скалывания, иногда присутствуют ортогональный и конвергентный. Среди ударных площадок много разбитых, а сохранившиеся имеют прямой профиль. Большинство из них естественные и гладкие, однако выделены десятки крупно- и мелкофасетированных экземпляров. Нуклеусы и нуклевидные изделия немногочисленны. Изделия со вторичной обработкой представлены скреблами с крутой или полукрутой разнофасеточной многорядной чешуйчатой ретушью. Также выявлены изделия с разными стадиями двусторонней обработки. Типологический облик материала свидетельствует о его раннем возрасте и сопоставим с характеристиками дебитажа и орудийных форм ашельских комплексов. Не исключено, что часть изделий может относиться к различным эпохам раннего палеолита. Предварительное знакомство с составом коллекций, а также различными участками местонахождения указывает на то, что материалы могут относиться к разным комплексам первичной обработки камня или к разным вариантам мастерских – местонахождение приурочено к выходам кремня, происходящим из разрушенных крупных отторженцев верхнего мела. Степень сохранности этих комплексов должна стать предметом специального изучения. Фаунистические остатки не обнаружены.

В 2019–2023 гг. в северной части карьера были подготовлены два разреза, из которых отобраны серии образцов на литолого-геохимические анализы, а также пять образцов на OSL. Измерения ИК-стимулированной люминесценции по калиевым полевым шпатам для этих же образцов показали полное насыщение сигнала (дозы более 1 000 Грей). Полученные данные позволяют говорить о времени формирования культуросодержащих горизонтов не позднее 400–500 тыс. л. н., что может соответствовать периоду деградации березинского (МИС 12) ледникового покрова. На более древний возраст культуросодержащих отложений указывает и наличие в юго-западной части разреза деформированных днепровским ледниковым покровом озерных осадков, которые могли быть сформированы в период одного из безледниковых периодов среднего плейстоцена и залегают над флювиогляциальной толщей, вмещающей горизонты с зонами концентраций находок. Так как стратиграфически ниже флювиогляциальных отложений залегают ледниковые отложения березинского возраста, то переотложение более древних (беловежских) отложений зандровым потоком периода деградации березинского оледенения представляется маловероятным. Поэтому нижний предел возможного времени формирования памятника сужа-

ется до периода деградации березинского ледникового покрова. Причиной прихода древнего человека на данную территорию в это время могло быть легко доступное кремневое сырье, которое включалось в зандровые осадки путем размыва редких участков с отсутствием березинской морены и (или) из гляциодислокаций с отторженцами пород мела в березинской морене на севере Загородья. Стратиграфические условия местонахождения, технологический и морфолого-типологический облик коллекции, особенности осадконакопления, обеспечившие сохранность материала, могут быть сходны с местонахождениями нижнего и раннего среднего палеолита Саксонии: Цвохау, Макклееберг, Шладебах, которые приурочены к аналогичным широтам [Eissmann, 2002; Grahmann 1955; Lauer, Weiss 2018].

Список источников

Вашанаў А. М. Ранні і сярэдні палеаліт Беларусі: знаходкі і адкрыцці // Беларускі гістарычны часопіс. 2024, № 9 (302). С. 22–29.

Геология Беларуси. НАН Беларуси, Ин-т геол. наук / под ред. А. С. Махнача, Р. Г. Горецкого, А. В. Матвеева. Минск, 2001. 815 с.

Деруго Г. В., Илькевич Г. И. Государственная геологическая карта СССР (карта четвертичных отложений). Белорусская серия. Лист N-35-XXXII (Дрогичин), масштаб 1:200000. ВСЕГЕИ, 1982.

Калечиц Е. Г. Первоначальное заселение территории Беларуссии. Минск: Наука и техника, 1984. 159 с.

Калечиц Е. Г. Юровичская верхнепалеолитическая стоянка: реальность и мифы. Минск: Беларуская навука, 2023. 215 с.

Калечиц Е. Г. Человек и среда обитания. Восточная Беларусь. Минск: Экоперспектива, 2003. 223 с.

Комаровский М. Е., Хилькевич Е. В. Движение льдов припятского и поозерского оледенений на западе Беларуси // Літасфера. № 1(42). 2015. С. 71−80.

Стратиграфические схемы докембрийских и фанерозойских отложений Беларуси / С. А. Кручек, А. В. Матвеев, Т. В. Якубовская и др. Минск: БелНИГРИ, 2010. 282 с.

Матвеев А. В. История формирования рельефа Белоруссии. Мінск: Навука і тэхніка, 1990.

Eissmann L. Quaternary geology of eastern Germany (Saxony, Saxon-Anhalt, South Brandenburg, Thuringia), type area of the Elsterian and Saalian Stages in Europe // Quaternary Science Reviews. 2002. 21. P. 1 275 – 1 346.

Grahmann R. The Lower Palaeolithic site of Markkleeberg and other comparable localities near Leipzig // Transactions of the American Philosophical Society, New Series. 1955. 45/6, P. 509–687.

Lauer T., Weiss M. Timing of the Saalian- and Elsterian glacial cycles and the implications for Middle – Pleistocene hominin presence in central Europe // Scientific Reports. 2018. 8. P. 5111.

Karabanov A. K., Matveyev A. V. The Pleistocene glaciations in Belarus. In Quaternary glaciations – extent and chronology. Elsevier: Amsterdam, Nederland, 2011. P. 29–36.

A new Palaeolithic site in SW Belarus /Y. Sieliazniou, A. Motuzka, E. Tsykunou, V. Asheishyk, A. Kolasau, A. Vashanau, K. Stepanova, A. Ocherednoy, 1. Ahova // Abstract book International conference Crossing the Borders. Interregional and Cross-Cultural Interactions in the Context of Lithic Studies (15th SKAM Lithic Workshop) 17–19 October 2018, Minsk. P. 12–14.

М. В. Селецкий, А. В. Постнов
Институт археологии и этнографии СО РАН,
Новосибирск, Россия

ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ КАМЕННЫЕ УДАРНО-АБРАЗИВНЫЕ ОРУДИЯ ПЕЩЕРНЫХ ПАМЯТНИКОВ ГОРНОГО АЛТАЯ

Аннотация. В рамках предлагаемого исследования обсуждаются основные результаты экспериментально-трасологического анализа каменных ударно-абразивных орудий пещерных комплексов палеолита Горного Алтая с применением 3D-технологий. В результате проведенных исследований нам удалось определить и типологически разграничить в коллекции отбойники и ретушеры, а также определить их функциональную специфику.

Ключевые слова: Горный Алтай, средний и верхний палеолит, отбойники, ретушеры, экспериментально-трасологический анализ, 3D-моделирование

Исследование выполнено в рамках проекта НИР № FWZG-2025-0007 «Применение цифровых технологий при анализе археологических источников и реконструкции истории древних сообществ».

Каменные ударно-абразивные орудия – это инструменты для обработки органического и минерального сырья посредством ударного и абразивного воздействия, а конкретно: отбойники, ретушеры, абразивы, терочники, песты, наковальни и т. д. [Степанова, 2015]. Установление функций этих артефактов позволяет характеризовать типы трудовой деятельности древних обитателей стоянки, а также модели поведения человека в непосредственной близости от территории археологического памятника (выходы сырья и т. д.). В то время как значительная часть каменных орудий, заготовок, пренуклеусов участвовала в транспортировке между «лагерями» различной функциональной принадлежности.

В рамках настоящего исследования изучены каменные ударно-абразивные орудия ключевых памятников палеолита Горного Алтая (Чагырская, Страшная, Окладникова и Усть-Канская пещеры) путем реализации экспериментально-трасологического метода с применением статистики и трехмерного моделирования.

Экспериментально-трасологический анализ заключается в исследовании макро- и микроследов на поверхности археологических артефактов для выявления способов их производства и использования. В рамках исследования проведено экспериментальное моделирование обработки минерального и органического сырья для создания эталонной базы каменных ударно-абразивных орудий.

Все ударно-абразивные орудия были подвергнуты трехмерному моделированию с помощью сканера структурированного подсвета RangeVision Pro 5m. 3D-моделирование было использовано для фиксации макроследов утилизации на представленных орудиях и определения их морфометрических характеристик (объем, форма, рельеф и т. д.).

В ходе исследования будут измерены размеры изучаемых артефактов: объем, длина, ширина и толщина. Эти метрические характеристики будут проанализированы с помощью методов статистики для проведения корреляций как внутри определенной категории, так и между ними.

По результатам исследования выявлено, что каменные ударно-абразивные инструменты пещерных комплексов палеолита Горного Алтая представляют собой в большинстве случаев орудия обработки каменного сырья посредством нанесения прямого удара (отбойники и ретушеры), реже – отбойники для расщепления кости и абразивы.

Наблюдаются схожие тенденции относительно большей размерности орудий, которыми осуществлялась функция расщепления камня, нежели ретуширования минерального сырья [Селецкий, Федорченко, Белоусова, 2020; Селецкий, Федорченко, Постнов, 2023]. Предпочтения

© Селецкий М. В., Постнов А. В., 2025

в отборе заготовок ретушеров, ранее отмеченные на территории изучаемых памятников, относительно близки между собой – приоритет отдавался отдельностям крупнозернистого сырья, зачастую, песчаникам. Данные по петрографии отбойников различаются: для реализации функции расщепления камня обитатели Усть-Канской пещеры использовали гальки порфировых эффузивов и туфов (например, [Кулик, Постнов, 2001]). Однако на остальных средне- и верхнепалеолитических памятниках изучаемого региона в большинстве случаев предпочтение отдавалось сырью из песчаников, алевролито-песчаников и гранитов.

В целом древние обитатели Алтая на различных этапах эпохи палеолита имели схожие поведенческие тенденции в отборе минерального сырья для ударно-абразивных орудий; выбор отдельностей сырья мало зависел от его типа и определялся, скорее, его петрофизическими свойствами.

Список источников

Кулик Н. А., Постнов А. В. Петрография индустрии Усть-Канской пещеры // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2001. Т. VII. С. 146–151.

Селецкий М. В., Федорченко А. Ю., Белоусова Н. Е. Опыт функционального исследования ударно-абразивных орудий палеолитических комплексов Горного Алтая // Актуальная археология 5. Материалы международной научной конференции молодых ученых. СПб.: Изд-во «Невская Типография», 2020. С. 161–164.

Селецкий М. В., Федорченко А. Ю., Постнов А. В. Каменные ударно-абразивные орудия 5 слоя Усть-Канской пещеры (Горный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2023. Т. XXIX. С. 322–327.

Степанова К. Н. Классификации ударно-абразивных орудий верхнего палеолита // Записки ИИМК. 2015. № 11. С. 7–21.

А. А. Синицын, Г. В. Синицына, А. А. Бессуднов
Институт истории материальной культуры РАН,
Санкт-Петербург, Россия

АДАПТИВНЫЕ И АДАПТИРУЮЩИЕ ФАКТОРЫ ОСВОЕНИЯ ТЕРРИТОРИИ И РЕСУРСОВ В ПАЛЕОЛИТЕ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Аннотация. В докладе рассматриваются проблемы геоморфологии палеолитических стоянок и освоения человеком пищевых и сырьевых ресурсов.

Ключевые слова: Восточная Европа, палеолит, палеогеография, геоморфология палеолитических стоянок

Исследование выполнено в рамках ФНИ ГАН «Север Евразии в каменном веке: проблемы расселения человека, культурной адаптации и технологического развития» (FMZF-2025-0007).

Актуальность проблемы освоения ландшафта палеолитическим человеком определяется двумя основными моментами: а) характером связи, возможно зависимости, материальной культуры от внешних условий, пищевых и сырьевых ресурсов; б) увеличивающимся в последнее десятилетие количеством данных о «аккультурации пространства» палеолитическим человеком – модификации отдельных компонентов среды обитания, ранее связываемых с поздними эпохами, с производящим хозяйством.

Основой рассмотрения проблемы на макроуровне является кустовой характер распределения населения, что с полным основанием считается специфическим показателем рода *Homo*, отличающим его от животного мира. Если в исторической и протоисторической ар-

© Синицын А. А., Синицына Г. В., Бессуднов А. А., 2025

хеологии, в условиях постоянных военных конфликтов, это выражено в нескольких вариантах «моделей городов» с использованием природных укреплений ландшафта, то в доистории естественные укрепления не играли принципиальной роли для выбора места поселения, а признаки фортификации неизвестны. Традиционно, для верхнего палеолита Восточной Европы выделяется несколько концентрированных групп стоянок: Костенковско-Борщевский на среднем Дону, Чулатово-Пушкаревский на верхнем Днепре, Днестр-Прутский, Волынский, Приазовский. При наличии специфики каждой из них, общей чертой признается их связь с контактными зонами «возвышенности – равнины», как наиболее богатыми животными ресурсами за счет особенностей «мозаичных ландшафтов» [Stepanchuk et al., 2009]. Важно, что внутри «кластеров» представлены разновременные и разнокультурные стоянки, что свидетельствует об универсальности критериев выбора места поселений верхнепалеолитическим населением. Пример Костенковской группы показывает их единство у населения стрелецкой, ориньякской, граветтской и иных культурных традиций, на протяжении 20 тыс. лет и, что самое важное, в условиях постоянно меняющегося природного окружения.

Отдельную, но связанную с локализацией стоянок проблему составляет связь культурных образований равнинного верхнего палеолита с ландшафтно-климатической зональностью. В целом ареалы археологических культур палеолита не имеют выраженной связи с широтной зональностью, за исключением Костенковско-Авдеевской, в распределении памятников которой такая связь прослеживается. Более четко она проявляется в финальном палеолите, где происходит реальное разделение круга культур с черешковыми наконечниками Северной Европы, от Британии и Нидерландов на западе до верхнего Поволжья на востоке, и культур с трапециями в более южных областях. Связь археологических культур с широтной зональностью усиливается в мезолите, а в неолите становится очевидной в виде разделения циркумполярных культурных образований, круга культур лесного и степного неолита.

На мегауровне для верхнего палеолита выделяются две модели геоморфологической локализации стоянок [Sinitsyn, Stepanova, 2012; Синицын, 2017]: 1) на терасовых мысах, преимущественно внутри глубоких логов. Ее преимуществом считается защищенность от ветра, близость воды, наличие крутых склонов, удобных для загонной охоты на стадных животных.... Наиболее ярким примером являются стоянки Костенковской группы; 2) возвышенная, связанная с естественными повышениями рельефа, занимающими доминирующее положение в ландшафте. Ее преимуществом является максимальная широта обзора, считающаяся удобной для выслеживания движения групп стадных животных – объектов охоты. Наиболее выразительно представлена Пушкаревской и Каменнобалковской группами.

Положительные моменты одной автоматически являются недостатками другой. Расположение стоянок внутри глубоких логов затрудняет обзор окрестностей, а расположение на возвышенных участках делает поселения открытыми «всем ветрам» и требует дополнительных усилий для обеспечения населения водой – главным ресурсом жизнеобеспечения.

Положение стоянок не связано с охотничьей ориентацией. В Костенках одинаковую геоморфологическую привязку имеют и стоянки охотников на мамонта, и стоянки охотников на лошадь. Она одинакова и для памятников разной функциональной нагрузки: в одних и тех же геоморфологических условиях существовали долговременные сложно структурированные поселения круглогодичного обитания и кратковременные сезонные стоянки.

Исключение составляют места забоя стадных животных и их локализация относительно стационарных стоянок, но их наличие как таковых само по себе является исключением. В Амвросиевке и Луговском они располагаются в непосредственной близости друг от друга; в Дивногорье – на значительном расстоянии и раз-

ных геоморфологических условиях [Бессуднов, Бессуднов, 2012].

Состояние проблемы освоения территории палеолитическим человеком на микроуровне традиционно связывается: 1) с локальными особенностями микрорельефа конкретного памятника; 2) набором компонентов каждодневной жизнедеятельности, доступных на разумном для практического использования расстоянии: сырья для изготовления орудий, топлива и растительных ресурсов.

Увеличение количества стоянок в необычных условиях микрорельефа (полигональные трещины, овражные лощины …), не вписывающихся в предложенные модели [Синицына, Лаврушин, Спиридонова, 2012; Multi-scale palaeolandscape.., 2024], с одинаковой степенью вероятности может рассматриваться и как аргумент в пользу выделения других моделей, и как обычное в таких случаях исключение.

Новое направление проблемы связано с получением и резким ростом информации об искусственных модификациях зоны обитания, обусловленный развитием аналитической базы исследования. Проблема структурных объектов поселений, ранее ограниченная констатацией наличия жилых и бытовых конструкций, дополняется информацией о более широком, чем это было ранее, участии признаков «аккультурации пространства». В первую очередь это связано с получением данных о значительно более широком распространении «пиротехнологий» [Landscape modification..., 2021; Tracking Hunter-Gatherer…, 2022; Murphree, Aldeias, 2022; Magnetic properties as indicators…, 2023], и о переработке органических материалов растительного и животного происхождения (жиры, смола, деготь), что предполагает доступность и добычу исходных материалов в обозримых пределах.

Из большого количества факторов, причастных проблеме выбора мест поселения палеолитическим человеком, ни один не может быть признан однозначно определяющим, но именно их разнообразие явилось основой освоения человеком всех экологических зон.

Список источников

Бессуднов А. А., Бессуднов А. Н. Особенности разнофункциональных позднепалеолитических памятников в Дивногорье // Дивногорский сборник: труды музея-заповедника «Дивногорье». Вып. 3. Воронеж, 2012. С. 73–77.

Синицын А. А. Динамика освоения палеолитическим человеком территории Восточной Европы на фоне климатических колебаний последнего оледенения // Фундаментальные проблемы квартера: итоги изучения и основные направления дальнейших исследований. М. 2017. С. 390–392.

Синицына Г. В., Лаврушин Ю. А., Спиридонова Е. А. Геоархеологические объекты финального палеолита: Баранова гора, Подол III/I, Вышегора I на великом водоразделе Волги и Днепра // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. Вып. 1. Иркутск, 2012. С. 192–204.

Landscape modification by Last Interglacial Neanderthals / W. Roebroeks, K. MacDonald, F. Scherjon, C. Bakels, L. Kindler, A. Nikulina, E. Pop, S. Gaudzinski-Windheuser // Science Advances. 7, eabj5567. 2021.

Multi-scale palaeolandscape reconstruction at the Upper Paleolithic Byki sites, central East European Plain / S. S. Bricheva, N. B. Akhmetgaleeva, A. V. Panin, L. V. Shasherina, M. A. Tarasova, V. G. Bezdudniy, V. M. Matasov, A.L. Zakharov, A. S. Dobriansky, E. I. Kurenkova // L'Anthropologie, 2024, 103241.

Magnetic properties as indicators of pedogenic and pyrogenic processes at the Upper Paleolithic site of Kostenki 14 / A. Kurgaeva, S. Sedov, S. Moreno-Roso, Cruz H. Barceinas, B. Ortega Guerrero, E. Solleiro-Rebolledo, A. Sinitsyn // Geoarchaeology. Vol. 38, Iss. 8. 2023. P. 1–25.

Murphree W. C., Aldeias V. The evolution of pyrotechnology in the Upper Palaeolithic of Europe // Archaeological and Anthropological Sciences. Vol. 14(10). – 2022. 10.1007/s12520-022-01660-w

Tracking Hunter-Gatherer Impact on Vegetation in Last Interglacial and Holocene Europe: Proxies and Challenges / A. Nikulina, K. MacDonald, F. Scherjon, E. A. Pearce, M. Davoli, J‑Ch. Svenning, E. Vella, M‑J. Gaillard, A. Zapolska, F. Arthur, A. Martinez, K. Hatlestad, F. Mazier, M. A. Serge, K‑J. Lindholm, R. Fyfe, H. Renssen, D. M. Roche, S. Kluiving, W. Roebroeks // Journal of Archaeological Method and Theory. T. 29. 2022. P. 989 – 1 033.

Sinitsyn A. A., Stepanova K. N. Models of the landscape using in the Upper Palaeolithuc // Geomorphic processes and geoarchaeology: from Landscape Archaeology to Archaeotourism (International conference, 20–24. VIII. 2012. Смоленск). М., Смоленск, 2012. С. 258–261.

Ukrainian Upper Palaeolithic between 40/10.000 BP: current insight into environmental-climatic change and cultural development. / V. N. Stepanchuk, I. V. Sapozhnikov, M. I. Gladkikh, S. N. Ryzhov // Le concept de territoires dans le Paléolithique supérieur européen. BAR International Series 1938, Oxford, 2009. P. 63–74.

Г. В. Синицына
Институт истории материальной культуры РАН,
Санкт-Петербург, Россия

ФИНАЛЬНЫЙ ПАЛЕОЛИТ ВАЛДАЙСКОЙ ВОЗВЫШЕННОСТИ В КОНТЕКСТЕ ПАЛЕОЛИТА ЛЕСНОЙ ЗОНЫ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Аннотация. В течение трех тысячелетнего периода финального палеолита (12 400 – 10 200 тыс. л. н.) на территории Восточной Европы сосуществовали культуры автохтонного и миграционного происхождения, развитие которых было продолжено в голоцене. В докладе рассматривается проблема культурной эволюции в рамках существующей периодизационной шкалы рубежа плейстоцена – голоцена.
Ключевые слова: Валдайская возвышенность, финальный палеолит

Исследование проведено в рамках государственного задания «Север Евразии в каменном веке: проблемы расселения человека, культурной адаптации и технологического развития» (FMZF-2025-0007).

Наиболее ранние автохтонные индустрии финального палеолита Валдайской возвышенности (рессетинская, иеневская) в основе имеют эпиграветтскую традицию.

Рессетинская культура основана на высококачественном сырье, узких пластинках, полученных в технике отжима. Культура была выделена А. Н. Сорокиным в 1989 г. по эпонимной стоянке Рессета 3, расположенной в Калужской области. По мнению А. Н. Сорокина прототипом рессетинской культуры являются верхнепалеолитические стоянки типа Гагарино [Сорокин, 1989; 2022] (24,5–26,5 тыс. Cal BP), одним из культуроопределяющих типов которых являются наконечники с боковой выемкой. Радиоуглеродные даты (AMS) по смоле из пазов наконечников стоянки Минино 2 ниж. сл. позволили удревнить время появления рессетинской культуры до 15,8 тыс. Cal BP. При этом среди материалов поздней поры верхнего палеолита в интервале 24–15 тыс. л. н. наконечники стрел с боковой выемкой отсутствуют и выстроить единую линию развития между этапами сложно, хотя типологическое сходство инвентаря очевидно. Только на поселении Бугорок в Поднепровье имеются два фрагмента, напоминающие черешковую часть наконечников на пластинках. По мнению А. А. Бессуднова [Бессуднов, 2013, с. 134], на трех этапах развития материальной культуры памятников поздней поры верхнего палеолита Подонья происходит смена ориентации охоты на промысловые виды животных: от мамонта к дикой лошади (14–13 тыс. л. н.). Как следствие этого происходит разделение человеческих коллективов и отток населения на север вслед за холодолюбивыми животными. Характеристика рессетинской культуры дополняется наличием на стоянке Ланино I/IV (сев. б. оз. Волго) кольцевой кладки из частично обожженных плит известняка, площадью 16 кв. м – предположительно жилой конструкции, характерная площадь для жилищ эпиграветта. Важным свидетельством генезиса рессетинской культуры является галька с гравировкой из рессетинского комплекса стоянки Ланино I/8. На гальке зеленокаменной породы выгравировано изображение пропорционального женского тела анфас, намеренно без головы и стоп. Комплекс аналитических методов показал – на гальку наносили специально приготовленные «краски» с использованием органического связующего вещества. В погребениях могильника Минино 2 рессетинской культуры присутствуют следы «совершения ритуальных действий, которые производились с костяками, возможно расчлененными». Не исключено, что гравировка из Ланино I/8 отражает сохранение традиций восточного граветта, где гравированный рисунок, согласно одной из точек зрения, связывается с «... неким символическим актом, изменяющим порядок вещей, жертвоприношение, позволяющее вернуться к первородному состоянию» [Дюпюи, 2014].

© Синицына Г. В., 2025

Иеневская культура представлена многочисленными стоянками в бассейне Днепра и Волго-Окского междуречья. Культуроопределяющим типом гренско-песочноровско-иеневской общности являются наконечники стрел на пластинках или отщепах с боковой выемкой. Ареал её распространения охватывает также бассейн Вислы, где формы наконечников стрел на отщепах называют деснянскими и считают их присутствие свидетельством влияния восточных культур [Sulgostowska, 2005]. Типология наконечников стрел с боковой выемкой дана В. С. Обуховским. На Валдайской возвышенности памятники рессетинской культуры распространены и в бассейне Верхнего Днепра, и в бассейне Верхней Волги. Их хронология определяется связью с аллередской почвой и данными палеомагнитного анализа, установившими наличие экскурса гётенбург в разрезе ст. Вышегора 1. Дискуссионными остаются вопросы генезиса гренской культуры. Л. Л. Зализняк и В. П. Ксензов связывали ее происхождение с культурой бромме. Основанием для этого было совместное нахождение на ряде стоянок инвентаря обеих культурных традиций. Работами последних десятилетий выявлены памятники, где присутствуют только гренские материалы (Умрышинка III, Вышегора III, слой 4А) и стоянки, где представлен инвентарь только технокомплекса бромме (Подол III/1). Картография стоянок с гренскими наконечниками стрел охватывает территорию от Волго-Окского междуречья на востоке до бассейна Вислы на западе, где они рассматриваются как свидетельство контакта синхронных культур: гренской и свидерской. Инвентарь гренской культуры свидетельствует о высокой степени адаптации ее носителей к местным условиям: традиция использования сырья любого качества способствовала мобильности населения. Важно отметить, что заготовкой для вооружения гренской культуры могла служить как пластина, снятая с помощью посредника, так и отщеп. Технология расщепления гренской культуры – пластинчато-отщеповая. Состав инвентаря определяется широким использованием ретушных резцов, проколок мезинского типа, наличием единичных трапециевидных вкладышей. В. Ф. Копытин рассматривал их как граветтские элементы, на основании которых связывал её происхождение с мезинской индустрией [Копытин, 2000].

Подольская культура технокомплекса бромме выделена Г. В. Синицыной по материалам стоянок Верхней Волги: Подол III/1, Подол III/2, Баранова гора, Тёплый ручей 2, Троицкое 3, Усть-Тудовка 1 [Синицына, 2013]. Большинство из них датированы независимыми методами: сравнительно-типологическим, палеомагнитным, спорово-пыльцевым и геохимическим. Датировка стоянок показала их более молодой возраст, чем у стоянки бромме-лингби Северной Европы в пределах дриаса III. Картография локальных вариантов технокомплекса бромме указывает на прерывистый характер их распространения.

Свидерская культура признавалась самым распространенным явлением в XX в. Современная источниковедческая база значительно обогатилась за счет работ литовских археологов и определения возраста по AMS-датам стоянки Пабартониай 1, расположенной в центре Литвы [Berg-Hansen, Damllien, Zagorska, 2020]. Было предложено рассматривать свидерскую культуру на трех этапах развития, однако главный вопрос – когда закончилась свидерская эпоха – остался открытым даже после создания новой культурной единицы, датируемой концом пребореала. Исчезновение свидерской АК связывали с появлением мезолитических культур. Западная граница свидерской культуры определена по р. Одер, где она контактировала с синхронной ей аренсбургской, а восточная граница, по мнению С. К. Козловского, проходила по бассейнам рек Днепр, Неман и Западная Двина. На территории Верхней Волги свидерский инвентарь появляется в раннемезолитическое время и свидетельствует о наличии прямых контактов (продвижение/взаимодействии) между древними популяциями. Пути распространения свидерского инвентаря, скорее всего, проходили вдоль бассейна Западной Двины

на что указывает картография местонахождений. Насколько значительным было влияние свидерской культуры на востоке – вопрос открытый, но серия стоянок: Авсюхово, Бабурова гора, Иванцов Бор, Марьино 4, Залозье 4, Сосна I, Кудь 2, Баранова гора (инвентарь на меловом кремне из пребореальных отложений) свидетельствуют о заселении территории Валдайской возвышенности в раннемезолитическое время носителями свидерских традиций.

Проблема установления истоков первоначального освоения территории северо-запада Русской равнины остается дискуссионной в течение длительного времени. Принципиальной проблемой является определение хронологии археологических материалов, учитывая, что период перехода от плейстоцена к голоцену связан с радиоуглеродным плато, при этом разрушенные эрозионными процессами культурные слои данного периода обусловили проблему применения методов естественно-научных дисциплин, что, в свою очередь, не дает достоверных оснований для построения периодизационной шкалы культур переходного периода от палеолита к мезолиту.

Список источников

Бессуднов А. А. Палеолитические памятники конца плейстоцена в бассейне Верхнего и Среднего Дона // Проблемы заселения северо-запада Восточной Европы в верхнем и финальном палеолите (культурно-исторические процессы). СПб.: ИИМК РАН, 2013. С. 127–151.

Дюпюи Д. Скульптурные изображения из известняка восточнограветтийской стоянки Костенки I: тематика и функциональное назначение. Свод археологических источников Кунсткамеры. Вып.4. История археологического собрания МАЭ. Верхний палеолит. СПб.: МАЭ РАН, 2014. С. 118–288.

Копытин В. Ф. У истоков гренской культуры. Боровка. Могилев, 2000. 142 с.

Синицына Г. В. О миграциях и автохтонном развитии культур финального палеолита на северо-западе Русской равнины // Проблемы заселения северо-запада Восточной Европы в верхнем и финальном палеолите (культурно-исторические процессы). СПб.: ИИМК РАН, 2013. С. 152–181.

Сорокин А. Н. Рессетинская культура // Мезолит Волго-Окского междуречья. Мезолит СССР. М.: Наука, 1989. С. 84–86.

Сорокин А. Н. Стоянка Суконцево 8: геоархеологический объект. М.: Аквариус, 2022. 384 с.

Berg-Hansen I. M., Damllien H., Zagorska I. The Last Swiderians in Lithuanian / Girininkas A., Rimkus T. UISPP Commission “The Final Palaeolithic of Northern Eurasia” 2018 //Archaeologia Baltica. T.26. Klaipeda, 2020. P. 32–48. DOI: 10.15181/AB.V26I0. 2019.

Sulgostowska Z. Kontakty społeczności późnopaleolitycznych i mezolitycznych między Odrą, Dźwiną i Górnum Dniestrem. Stydium dystryucji wytworów ze skał krzemionkowych. Warszawa: Objętość, 2005. 344 p.

С. Б. Слободин
Северо-Восточный комплексный НИИ имени Н. А. Шило ДВО РАН,
Магадан, Россия

ИССЛЕДОВАНИЕ СТОЯНКИ ХЕТА – РЕАЛИЗАЦИЯ ПЛАНОВ КОЛЫМСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ А. П. ОКЛАДНИКОВА 1946 ГОДА

Аннотация. В 1946 г. А. П. Окладников провел экспедицию на Колыму с целью обнаружения связующего звена между палеолитическими находками Тейяра де Шардена в Монголии и стоянки Кампус на Аляске. В результате он открыл там ряд неолитических памятников. Но пересекая Колымское нагорье, проследовал мимо открытой уже позже, в 1991 г., стоянки Хета с аналогичными монгольским и аляскинским материалами, содержащей ответы на все интересовавшие тогда А. П. Окладникова вопросы.

Ключевые слова: А. П. Окладников, палеолит, Колыма, Берингия

Уже через год, после опубликования убедительных данных о связи, на основе сходства имеющихся в них клиновидных нуклеусов, материалов из пустыни Гоби

© Слободин С. Б., 2025

в Монголии Тейяра де Шардена и со стоянки Кампус на Аляске [Nelson, 1935], они были представлены в «Советской археологии» [Зиберт, 1937]. А. П. Окладников [1941] поддержал гипотезу Н. Нельсона, отметив, что следует «искать корни американского палеолита на территории Сибири». Стремясь получить данные о распространении древних культур на Северо-Востоке Азии, он организует с этой целью экспедицию на Колыму [Окладников, 1947а, б].

Прибыв в Магадан, он проводит обследования древнекорякских памятников в окрестностях города, а затем на машине отправляется по Колымской трассе (500 км) до пос. Среднекан, откуда был начат сплав по р. Колыме до ее устья [Окладников, 1947а, б]. Несмотря на открытие в ходе этой экспедиции по Колыме нескольких неолитических памятников, он, подводя её итоги, с чувством определенного неудовлетворения результатами экспедиции, отметил, что «верховья этой реки с их относительно мягким климатом, со своеобразной и гораздо более богатой, чем в соседней Якутии, природой оказались почти целиком лишенными следов древней человеческой культуры» [Окладников, 1947б, с. 178], и уточнил, что они «никогда не были густо заселены человеком и не служили главным путем его расселения» [Окладников, 1947а].

Районы Верхней Колымы в каменном веке действительно не были «густо заселены человеком», однако, проезжая по Колымскому нагорью, А. П. Окладников пересек несколько выявленных уже позже археологических микрорайонов с многочисленными памятниками неолита и мезолита, а на 224 км от Магадана, у слияния рек Правая и Левая Хета, проследовал буквально в 10 м от мысовидного уступа террасы, высотой около 10 м, на котором располагалась палеолитическая стоянка Хета с теми же материалами, что и из пустыни Гоби и со стоянки Кампус на Аляске. Дорога здесь проходит по долине реки прямо вдоль террасы, не подрезая её. В 1954 г. А. П. Окладников [1959, с. 39] нашел подобные изделия уже «на верхнем Амуре, выше Благовещенска». И только через 16 лет после Колымской экспедиции подобный комплекс орудий, заполнявший культурный пробел между Амуром и Аляской, был открыт на Камчатке [Диков, 1979].

На момент появления А. П. Окладникова у стоянки Хета, она была еще не повреждена проложенным по ней, в начале 1970-х гг., подземным кабелем связи. Археологическая интуиция привела его точно к тому, что он искал, но обстоятельства (нехватка времени) не позволили провести по пути следования полноценный археологический поиск. Стоянка была открыта уже в 1991 г. [Слободин 1999], сейчас её исследования продолжены[6].

Стратиграфия стоянки по краю террасы была серьезно нарушена прокладкой кабеля, но весь грунт, содержащий культурные материалы, остался на месте и был доступен для раскопок. Часть подъемного материала выявлена в обнажении террасы, у самого ее края. Полученный материал (исключительно каменный) позволил выделить несколько культурных комплексов – палеолитический, мезолитический и неолитический. Для нижнего, палеолитического, были зафиксированы небольшие участки сохранившегося культурного слоя, что позволило установить уровень его залегания, характер отложений (рыжая супесь) и наличие на находках из него глинистой примазки, как литологического маркера. Реконструкция стратиграфии стоянки демонстрирует ее неглубокое залегание – в пределах первых десятков сантиметров рыхлых (супеси и суглинки) отложений, лежащих на скальной основе. Еще одним маркером для стоянки (и для всей Верхней Колымы) является вышележащая прослойка пепла (тефры) возрастом 7 650 ± 50 лет. В глубине террасы, при увеличении мощности рыхлых

[6] Зеленская А. Ю. Научный отчет о результатах проведения археологической разведки (с осуществлением локальных земляных работ) на территории выявленных объектов археологического наследия «Стоянка Хета» в Хасынском городском округе, Магаданской области в 2022 г. (Открытый лист № 1845-2022 от 26.07.2022 г.). Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2023.

отложений, в них фиксируется сильная криотурбация.

Каменный инвентарь нижнего культурного слоя составляет несколько тысяч находок, включая отщепы, микропластинки, нуклеусы, пластины, технические сколы, ножи-бифасы, наконечники стрел, скребки, резцы, подвески (рис. 1, *1–14*). Использовалось плитчатое сырье – окремнелые породы, выходы которых имеются поблизости стоянки, и в небольшом количестве халцедон.

Нуклеусы клиновидного типа выполнены техникой юбетсу, сделаны на бифасах, имеют киль, отжимные площадки у них оформлялись и подправлялись снятием лыжевидных сколов (рис. 1, *3*, *4*), несколько из которых, аппликирующихся между собой, найдены здесь же (рис. 1, *2*). Им по сырью и своим размерам соответ-

Рис. 1. Палеолитический комплекс стоянки Хета (*1–14*), стратиграфический разрез стоянки с лыжевидным сколом в слое (*15*)

ствуют микропластинки. Пластины скалывали с подпризматических нуклеусов, из них изготавливали скребки концевого типа, с частичным ретушированием и латералей (рис. 1, *8*, *9*).

Бифасы-ножи тонкие, удлиненно-овальной формы (рис. 1, *1*). Наконечники стрел и дротиков листовидной формы обработаны уплощающей бифасиальной ретушью (рис. 1, *5*, *7*). Резцы, угловые и трансверсальные, сделаны на пластинах и отщепах. Трансверсальные резцы классического верхоленского типа ретушированы по латералям и имеют выемку около резцовой кромки (рис. 1, *6*, *10–12*, *13*). Проколка сделана на пластинке с острием на дистальном конце. Украшения изготовлены из агальматолита и представляют собой небольшие отшлифованные бусинки с биконическим отверстием и одну крупную, подтреугольной формы, подвеску (рис. 1, *14*).

Исследования 2022 г. позволили выявить в глубине террасы новые, неповрежденные антропогенной деятельностью участки стоянки, с залегающими *in situ* материалами (рис. 1, *15*), аналогичными палеолитическому комплексу, исследованному у ее разрушенного края[7]. Находки (наконечники, резцы, лыжевидный скол, фрагменты бифасов, шлифованные заготовки из агальматолита) выявлены в рыжей супеси, на глубине до 0,6 м, покрыты глинистыми примазками.

Технико-типологические характеристики материалов стоянки Хета связывают её с селемджинской, дюктайской, ушковской и устиновской позднепалеолитическими культурами и позволяют датировать нижний комплекс стоянки Хета поздним этапом верхнего палеолита (18–16 – 12 тыс. лет).

Список источников

Диков Н. Н. Древние культуры Северо-Восточной Азии. М.: Наука, 1979. 352 с.

Зиберт Э. В. Археологические находки на Аляске // СА. 1937. № 2. С. 228–229.

Окладников А. П. Выступления в обзоре прений по докладам на этнографическом совещании по этногенезу народов Севера // КСИИМК. 1941. Вып. 9. С. 129–132.

Окладников А. П. Древние культуры Северо-Восточной Азии по данным археологических исследований в 1946 г. в Колымском крае // Вестник древней истории. № 1 1947а. С. 176–182.

Окладников А. П. Колымская экспедиция // КСИИМК. Т. 21. 1947б. С. 76.

Окладников А. П. Далекое прошлое Приморья. Владивосток, 1959. 292 с.

Слободин С. Б. Археология Колымы и Континентального Приохотья в позднем плейстоцене и раннем голоцене. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 1999. 234 с.

Nelson N. C. Early migration of man to America // Natural History. 1935. Vol. 35 (4). P. 356.

[7] Зеленская А. Ю. Научный отчет о результатах проведения археологической разведки (с осуществлением локальных земляных работ) на территории выявленных объектов археологического наследия «Стоянка Хета» в Хасынском городском округе, Магаданской области в 2022 г. (Открытый лист № 1 845-2022 от 26.07.2022 г.). Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2023.

В. С. Смолкина, Я. Д. Иванов
Институт истории материальной культуры РАН,
Санкт-Петербург, Россия

СОСТАВНЫЕ ОРУДИЯ СРЕДНЕГО И ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА И ВОЗМОЖНОСТИ ИХ ИДЕНТИФИКАЦИИ ТРАСОЛОГИЧЕСКИМ МЕТОДОМ

Аннотация. В рамках исследования обсуждаются проблемные вопросы идентификации составных орудий, а также возможности и ограничения, которые открывает трасологический анализ в сфере их исследования. Основным результатом стало создание экспериментальной базы, на основе которой были подтверждены существующие и выработаны собственные представления об особенностях формирования микро- и макроизноса на орудиях, использовавшихся в рукояти.

Ключевые слова: составные орудия, технологии монтажа, экспериментально-трасологический анализ

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 23-78-10205 «Технологические новации среднего и верхнего палеолита как критерии для уточнения периодизации и индустриальной вариабельности».

Исследование составных орудий палеолита является одной из важнейших сфер изучения эволюции технологий в каменном веке. Установление времени появления составных орудий, приемов монтажа, сфер применения (домашнехозяйственная или охотничья) и периодизационных различий этих показателей дает возможность более качественно оценить вариабельность синхронных индустрий и проследить изменения в материальной культуре сквозь эпохи. Т. е. присутствие составных орудий и характер их изготовления и использования составных орудий – показатели, которые можно учитывать при сопоставлении археологических культур [Keeley, 1982; Вишняцкий, 2008].

Прямые свидетельства использования составных орудий (непосредственно рукояти и вкладышевые основы) доступны для изучения только на памятниках поздней поры верхнего палеолита (Афонтова Гора II и IV, Мальта, Мезин и др.). Большую роль играет относительно слабая сохранность органических материалов, из которых изготавливались составные орудия. Современные исследования, включающие в себя экспериментально-трасологический анализ, исследование остатков клеящих веществ вместе с учетом морфологии приемов подготовки аккомодационных зон, позволяют преодолеть проблему слабой представленности органических частей составных орудий в коллекциях и надежно идентифицировать технологии монтажа уже в индустриях среднего палеолита [Functional characterization…, 2022; Pawlik, Thissen, 2011; Rots, 2015a].

Помимо идентификации составных орудий методом трасологического анализа, присутствие хорошо развитых следов крепления дает возможность определить материал, из которого была изготовлена рукоять. Структура микроизноса в таком случае будет схожа со следами обработки такого же материала.

Многие детали и особенности технологии монтажа в каждом конкретном случае определить невозможно: способ закрепления (в отверстие, паз и т. д.), использование дополнительных связующих веществ (веревок из растений и сухожилий и др.). Так, судя по проведенным экспериментам, ни в одном из вариантов закрепления мы не получаем следов от привязок, если под них в процессе работы не попадает абразивный материал (грунт или охра).

Из 28 экспериментов по работе составными орудиями следы от рукояти фиксировались в 20 случаях. Несомненно, в археологических коллекциях следы от рукояти также могут отсутствовать, даже если фактически орудие было составным. В таком случае трасологический анализ дает возможность определить рабочий

© Смолкина В. С., Иванов Я. Д., 2025

край орудия и, исходя из этого, предположить, какой стороной оно было закреплено в рукояти. Четкая локализация следов использования характерна, как правило, именно для составных орудий [Rots, 2015b, p. 83–104]. Например, следы использования на микропластинках со стоянки Костенки 17/II распространяются исключительно по одному краю, не заходя на концы, что дает возможность предположить их крепление в рукоять-основу [Смолкина, 2024].

Пожалуй, основным ограничением экспериментально-трасологического анализа в изучении составных орудий является неудовлетворительная сохранность микроизноса из-за постдепозиционных повреждений каменных артефактов. Помимо общей окатанности и залощенности материалов, на их поверхности появляются пятна заполировки типа G и выкрошенности, которые могут быть спутаны со следами от рукояти [Rots, 2002]. Информативность такого износа от рукояти и критерии его выделения на настоящем этапе остаются дискуссионными, поскольку не подтверждаются сериями экспериментов [Иванов, Смолкина, Степанова, 2025, (в печати)]. Спорной, по нашему мнению, является также возможность определения захвата в руке орудий методом экспериментально-трасологического анализа.

Не вызывает сомнения, что, несмотря на все ограничения, трасологический анализ позволяет намного шире раскрыть вопросы, связанные с появлением и развитием составных орудий в палеолите. Он дает возможность судить о наличии технологий монтажа в индустрии, определить материал рукояти, предположить участок орудия, который в ней находился. Все ограничения этого метода связаны со значительной древностью палеолитических индустрий, а дискуссионные вопросы рождают благоприятную почву для дальнейшей работы с экспериментальными эталонами и археологическими коллекциями.

Список источников

Вишняцкий Л. Б. Культурная динамика в середине позднего плейстоцена и причины верхнепалеолитической революции. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2008. 251 с.

Иванов Я. Д., Смолкина В. С., Степанова К. Н. Критерии определения палеолитических составных орудий: археологические и экспериментальные данные // Stratum plus: Archaeology and Cultural Anthropology. № 1. 2025 (в печати).

Смолкина В. С. Производство и использование микропластинчатого инвентаря в индустрии II слоя стоянки Костенки 17 // Материалы международной научной конференции молодых ученых. СПб.: ИИМК РАН. 2024. С. 99–102.

Functional characterization of Mousterian tools from the Caucasus using comprehensive use-wear and residue analysis / E. V. Doronicheva, L. V. Golovanova, J. V. Kostina, S. A. Legkov, G. N. Poplevko, E. I. Revina, O. Y. Rusakova, V. B. Doronichev // Scientific Reports. 2022. № 12. P. 1–18.

Keeley L. H. Hafting and Retooling: Effects on the Archaeological Record // American Antiquity. Vol. 47. № 4. 1982. P. 798–809.

Pawlik A. F., Thissen J. P. Hafted armatures and multi-component tool design at the Micoquian site of Inden-Altdorf, Germany // Journal of Archaeological Science. Vol. 38. 2011. P. 1699–1708.

Rots V. Bright Spots and the Question of Hafting. // Anthropologica et Praehistorica. № 113. 2002. P. 61–71.

Rots V. Hafting and Site Function in the European Middle Paleolithic / Settlement Dynamics of the Middle Paleolithic and Middle Stone Age. Tubingen: Kerns Verlag, 2015a. Vol. 4. C. 383–411.

Rots V. Keys to Identification of Prehension and Hafting Traces // Use-Wear and Residue Analysis in Archaeology. Barcelona: Springer+Business Media. 2015b. P. 83–104.

Э. В. Сокол[1], А. В. Некипелова[2], М. Б. Козликин[3], М. В. Шуньков[4], Ю. В. Дублянский[5]
[1,2] Институт геологии и минералогии СО РАН,
Новосибирск, Россия
[2,3,4] Институт археологии и этнографии СО РАН,
Новосибирск, Россия
[5] Институт геологии, Университет Леопольда Франценса,
Инсбрук, Австрия

ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЙ ЧЕЛОВЕК И ОГОНЬ: ИДЕНТИФИКАЦИЯ РАССЕЯННЫХ ПРОДУКТОВ КОСТРОВОГО СЖИГАНИЯ ДРЕВЕСИНЫ В ОСАДОЧНОЙ ЛЕТОПИСИ

Аннотация. Суммированы данные об индикаторных минералого-геохимических характеристиках, присущих продуктам кострового сжигания древесины. Изложен алгоритм распознавания их реликтов в древних пещерных осадках.

Ключевые слова: огонь, микроуголь, зола, фитолиты, осадочная летопись, палеолит, Денисова пещера

Исследование выполнено при поддержке РНФ № 24-78-10006.

Освоение огня – важнейшее событие в истории человечества. Время и место этого поведенческого прорыва остаются дискуссионными. Бесспорные свидетельства регулярного использования огня фиксируются со второй половины среднего плейстоцена. Археологическая традиция часто квалифицирует костер как геометрическое пространство, намеренно отделенное от соседних участков поверхности, например, каменной кладкой. Однако костер – это, прежде всего, стационарный фокус высоких температур, где осуществляется окисление (пламенное горение или тление) органических материалов. В отсутствие морфологических свидетельств костровищ в разрезах археологических памятников маркерами использования огня становятся компоненты осадка, модифицированные под воздействием высоких температур: обожженные кости, фитолиты, зольный материал, магнитные частицы, древесный уголь. Этот комплекс маркеров кострового сжигания древесины обнаружен в разрезе осадков Денисовой пещеры на Алтае – ключевого объекта для изучения древнейших культурных традиций в Северной и Центральной Азии [Деревянко, Шуньков, Козликин, 2020].

Древесный уголь – наиболее очевидный продукт сжигания древесины. В древних осадках обычно сохраняется только микроуголь. Как правило, это дезинтегрированный продукт кострового сжигания древесины. Однако микроуголь может быть занесен в пещеру извне, в ходе естественных пожаров. Тогда в его составе доминирует наиболее тонкая фракция: фрагменты листьев, хвои, тонких веток и травянистых растений, которые самостоятельно как топливо не используются. Индикаторы такого материала – кремниевые фитолиты, обугленные споры папоротников, пыльца трав, материал лишайников. Если же микроуголь представлен псевдоморфозами по фрагментам древесины, его источником, вероятнее всего, являются разрушенные кострища. При распознавании естественных и антропогенных фокусов высоких температур широко используются фитолиты, состав и морфология которых в листьях, хвое, древесине и коре специфичны.

В осадках центрального зала Денисовой пещеры псевдоморфозы по углефицированной древесине (микроуголь) регулярно встречаются, начиная с уровня слоя 22.1 (287 ± 41 тыс. л. н.). Пилотные определения тяжелых углеводородов методом газовой хромато-масс-спектрометрии (ГХ/МС) по алгоритму [Изучение органического..., 2022] выполнены на материале зольной линзы (слой 8, южная галерея) и осадков с распыленным микроуглем (слои 22.1 и 21.2 в центральном зале,

© Сокол Э. В., Некипелова А. В., Козликин М. Б., Шуньков М. В., Дублянский Ю. В., 2025

слой 13 в южной галерее). Были обнаружены биомаркеры сожженных высших растений (индекс OEP от 1.280 до 2.351). На использование древесины в качестве топлива указывает преобладание алканов C_{27} и C_{29} над C_{31} и C_{33} (соответствующий индекс 0,55–0,76).

Определена также удельная магнитная восприимчивость (УМВ) этих же проб. Величина УМВ для древнейших стерильных осадков – слоя 22.3, 366 ± 43 тыс. л. н., составила $\leq 0{,}09 \cdot 10^{-6}$ кг$^{-1}$. Для материала слоя 22.1 она выше вдвое ($0{,}19–0{,}22 \cdot 10^{-6}$ кг$^{-1}$), а для слоя 13 – выше в 5–7 раз ($0{,}47–0{,}70 \cdot 10^{-6}$ кг$^{-1}$). Максимальная величина УМВ характеризует зольную линзу в слое 8 ($13{,}4 \cdot 10^{-6}$ кг$^{-1}$), где присутствуют визуально различимые стяжения магнитных частиц (оксидов железа). Они образуются как продукты высокотемпературного преобразования рассеянных соединений железа.

Большинство минеральных продуктов сжигания древесины относится к категории эфемерных и чрезвычайно уязвимы в открытой среде. Свойства первичного зольного материала неблагоприятны для его сохранности: высокая пористость и сжимаемость >90 %, микродисперсность (частицы ≤ 10 мкм) и высокая реакционная способность. Для предельного уплотнения золы достаточно давления, создаваемого шаговой нагрузкой. Зола легко раздувается ветром, втаптывается в грунт, разносится на ногах, претерпевает смыв, а входящие в ее состав растворимые соли быстро вымываются. Поэтому идентификация реликтов костров в разрезах открытых стоянок затруднена, а подчас и невозможна [Karkanas, 2021]. Однако в разрезах пещерных памятников шансы на их сохранение возрастают [Shahack-Gross, Ayalon, 2013]. В рамках создания алгоритма распознавания распыленного кострового материала особо важны характеристики свежей золы, тренды их изменения во времени и компоненты, способные сохраняться на протяжении сотен тысяч лет.

Древесная зола в основном состоит из термически измененных биоминералов. Деревья ландшафтов умеренного климата обладают низкой зольностью (% от сухой массы): тополь – 1,6; вяз – 1,2; береза, липа, ольха, осина, черемуха, пихта – 0,45–0,6; дуб, ель, сосна – 0,3–0,35; лиственница – 0,2. Зольность коры и листьев/игл выше из-за обилия в них фитолитов. Состав золы каждого вида растений специфичен и наследует исходный биогеохимический профиль, преимущественно определяемый фитолитами. Если в костре сжигается смешанный материал, то свежая зола, как правило, будет кальциевой, заметно обогащенной калием и в меньшей мере фосфором [An overview of the organic…, 2012; Karkanas, 2021].

Уже при низкотемпературном сжигании древесины (T до 500ºC) за счет исходного биогенного ресурса микроэлементов в золе возникают минеральные фазы – хлориды, карбонаты, сульфаты, фосфаты Ca, K, Mg, Na. Большинство из них гидратируется и растворяется в первые месяцы «старения» золы. Первыми вымываются соединения K и Na, тогда как фосфор, связанный в апатите, частично сохраняется при pH растворов выше 6. Высокой устойчивостью обладают фитолиты состава SiO_2. Их скопления в осадках археологических памятников часто используют для оконтуривания очажных и жилых зон. Однако в применении к сибирскому палеолиту эффективность этого подхода ограничена, поскольку фитолиты этого типа наиболее характерны для злаков, тростника, осок и рогозы.

Для многих деревьев и кустарников главный тип фитолитов – оксалаты Ca ($CaC_2O_4 \cdot H_2O$ и $CaC_2O_4 \cdot 2H_2O$). Будучи термически нестойкими соединениями, они при сжигании древесины претерпевают серию фазовых превращений. На материале экспериментальных костров и осадков из пещер Амуд и Кесем [Shahack-Gross, Ayalon, 2013] реконструированы тренды изменения изотопного состава углерода ($\delta^{13}C$) и кислорода ($\delta^{18}O$) $CaCO_3$ в свежей древесной золе и древних пещерных осадках. При температуре сжигания древесины ≤ 500 ºC зольный кальцит ($CaCO_3$) наследует легкий изотопный состав углерода и кислорода биогенных оксалатов ($\delta^{18}O$ от –26 ‰ до –22 ‰ и $\delta^{13}C$

от –28 ‰ до –20 ‰). При T = 900 ºC оксалаты Ca разлагаются с образованием CaO, который во влажной среде карбонатизируется, поглощая атмосферный CO_2: $CaO + CO_2 \rightarrow CaCO_3$. Изотопный состав ($\delta^{18}O$ от –21,5 ‰ до –14 ‰ и $\delta^{13}C$ от –20 ‰ до –13 ‰) такого кальцита резко отличен от характеристик $CaCO_3$ известняков и спелеотем.

В осадках слоя 22.1 – древнейшего из обитаемых слоев Денисовой пещеры – нами были обнаружены многочисленные реликты кострового материала. Микроуголь, представляющий собой псевдоморфозы по тканям древесины, сопровождается микритовым кальцитом – продуктом преобразования оксалатных фитолитов. Морфология этого кальцита уникальна, характерны футлярные индивиды, полые или заполненные глинистым материалом.

Кальцит из различных групп материалов Денисовой пещеры обладает специфичными изотопными метками: известняк ($\delta^{18}O$ от –8,5 ‰ до –7,3 ‰ и $\delta^{13}C$ от +0,8 до +3,3 ‰); спелеотемы ($\delta^{18}O$ от –9,9 ‰ до –6,9 ‰ и $\delta^{13}C$ от –4,9 до +0,9 ‰); микритовый зольный кальцит из древесного угля (голоценовая часть разреза центрального зала, слои 2–5 и 8) ($\delta^{18}O$ от –16,1 ‰ до –12,0 ‰ и $\delta^{13}C$ от –23,1 до –15,1 ‰). При переходе от молодых осадков (слой 2, I тыс. до н. э.) к более древним (слой 8, начало голоцена) зафиксировано закономерное утяжеление изотопного состава углерода $CaCO_3$, вызванное диагенетическими преобразованиями зольного материала. Современный (2024 г.) зольный кальцит, возникший за счет оксалатных фитолитов при костровом сжигания ивы, березы, ольхи, сосны и ели, обладает изотопным составом, типичным для древесных растений C_3 зоны умеренного климата ($\delta^{18}O$ от –21,4 ‰ до –15,9 ‰ и $\delta^{13}C$ от –27,9 до –25,4 ‰).

Таким образом, в осадках Денисовой пещеры, начиная с уровня слоя 22.1 центрального зала, выявлена серия маркеров кострового сжигания древесины: тяжелые алканы с преобладанием C_{27} и C_{29}; микроуголь; зольный кальцит со специфической морфологией и изотопией C и O, а также повышенная УМВ осадков. Рассеянные продукты сжигания древесины указывают на регулярное использование человеком огня в пределах пещеры даже в отсутствии выраженных кострищ.

Список источников

Деревянко А. П., Шуньков М. В., Козликин М. Б. Кто такие денисовцы? // Археология, этнография и антропология Евразии. 2020. № 3. С. 3–32.

Изучение органического и элементного состава остатков кострищ археологического памятника Сурунгур с оценкой используемого вида топлива / М. В. Шашков, А. А. Жданов, И. Е. Дедов, Т. Чаргынов, С. В. Шнайдер // Журнал СФУ. Химия. 2022. № 3. С. 365–376.

An overview of the organic and inorganic phase composition of biomass / S. V. Vassilev, D. Baxter, L. K. Andersen, C. G. Vassileva, T. J. Morgan // Fuel. 2012. Vol. 94. P. 1–33.

Karkanas P. All about wood ash: Long term fire experiments reveal unknown aspects of the formation and preservation of ash with critical implications on the emergence and use of fire in the past // JAS. 2021. Vol. 135. Art. 105476.

Shahack-Gross R., Ayalon A. Stable carbon and oxygen isotopic compositions of wood ash: an experimental study with archaeological implications // JAS. 2013. Vol. 40. P. 570–578.

К. Н. Степанова[1], А. Ю. Данильченко[2], К. Е. Князев[3]
[1] Институт истории материальной культуры РАН,
Санкт-Петербург, Россия
[1,3] Санкт-Петербургский государственный университет, Институт истории,
Санкт-Петербург, Россия
[2] Каменский музей декоративно-прикладного искусства и народного творчества,
Каменск-Шахтинский, Россия

ВОЗОБНОВЛЕНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ НА ПАМЯТНИКЕ СРЕДНЕГО И ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА БИРЮЧЬЯ БАЛКА 2 (СЕВЕРСКИЙ ДОНЕЦ)

Аннотация. Возобновление исследований Бирючьей Балки 2 (Северский Донец) позволяет выделить торцовое расщепление в качестве самостоятельной технологической традиции в среднем палеолите на юге Русской равнины в MIS 5c, поставить вопрос о неоднородности раннего верхнего палеолита в микрорегионе и усомниться в его преемственности с нижележащими горизонтами.

Ключевые слова: Нижний Дон, средний палеолит, верхний палеолит

Исследование проведено в рамках выполнения ФНИ ГАН «Север Евразии в каменном веке: проблемы расселения человека, культурной адаптации и технологического развития» (FMZF-2025-0007).

Многослойный памятник каменного века Бирючья Балка 2 (далее – ББ2) находится в 1,5 км к югу от х. Кременского Константиновского р-на Ростовской области, на левом борту балки Бирючьей, входящей в овражно-балочную сеть левого берега Северского Донца, в 30 км от его слияния с Доном. В отложениях выявлены семь горизонтов среднего палеолита и четыре горизонта верхнего палеолита с треугольными двусторонне обработанными наконечниками, связываемыми со стрелецкой культурой. В голоценовых отложениях залегает неолитический слой. Вблизи памятника распространены выходы песчанистых и глинистых сланцев, мелового кремня, кварцита и известняков-ракушечников.

К моменту открытия в 1987 г. разведками А. Е. Матюхина (ЛОИА) ББ2 левобережье Северского Донца уже было известно как район концентрации разновременного подъемного материала на выходах каменного сырья [Матюхин, 2001а; 2001б]. Систематическое изучение ББ2 продолжалось с 1988 по 2005 г. За это время культурные горизонты были изучены на площади около 200 м², а разведочные работы показали, что памятник занимает более 7 000 м². А. Е. Матюхин интерпретировал ББ2 как серию разновременных мастерских на выходах сырья, что отразилось в многочисленности находок [Матюхин, 2012]. Наличие в одной колонке среднего палеолита с пластинчатыми сколами и верхнего палеолита с «архаичными» формами каменных орудий позволило А. Е. Матюхину сделать вывод о том, что на юге Русской равнины переход от среднего к верхнему палеолиту проходил эволюционно, без вмешательства ориньякских или иных типично верхнепалеолитических популяций [Там же, с. 224]. Ряд вопросов, включая хронологию комплекса, детальные характеристики индустриальной вариабельности и перехода от среднего к верхнему палеолиту остались непроработанными. Коллекции археологических материалов А. Е. Матюхина[8] и сам многослойный комплекс сохраняют потенциал для исследований.

Обращение к материалам памятника, в изучении которого был перерыв, требует ревизии накопленных данных. Для возвращения в научный оборот материалов ББ2 требуется оценка состояния изученности и выделение перспективных направле-

© Степанова К. Н., Данильченко А. Ю., Князев К. Е., 2025

[8] Хранятся преимущественно в ИИМК РАН, единичные орудия и нуклеусы – в Ростовском краеведческом музее, Азовском историко-палеонтологическом и археологическом музее-заповеднике.

ний будущего анализа по опубликованным данным и полевой документации с параллельной работой с коллекциями.

На настоящем этапе возобновление масштабных полевых работ не входит в число приоритетных задач, решено ограничиться наблюдениями и небольшими зачистками для определения состояния стенок раскопов А. Е. Матюхина, подготовки топографического плана памятника и пробоотбора для получения данных по условиям осадконакопления и хронометрической информации в кооперации с сотрудниками ИГ РАН. Два кратких полевых сезона 2018–2019 гг. показали, что раскопы А. Е. Матюхина читаются на местности, а новые участки могут быть привязаны к вскрытым ранее, следовательно, может быть обеспечена и увязка ранее полученных материалов и аналитики с новыми данными [Степанова, Очередной, 2023].

Работу с уже накопленными коллекциями ББ2 можно разделить на два больших блока: первый – работа с архивными и опубликованными данными для оценки информативности разных культурных слоев как археологических источников; второй блок – это работа непосредственно с коллекциями артефактов.

Среднепалеолитические материалы ББ2, полученные в ходе работ А. Е. Матюхина с 1989 по 2005 г., систематически пересматриваются с 2018 г. Проводится детальный анализ дебитажа, нуклеусов, орудийного набора из слоёв 4`, 4, 5, 5б, 5в, 6. Коллекция слоя 6, материалы которой сохранили полевые шифры, представляет интерес с точки зрения планиграфических наблюдений. Применение метода ремонтажа (более 100 аппликаций) позволяет сделать новые выводы относительно технико-типологических особенностей расщепления камня на стоянке-мастерской. Ранние слои демонстрируют сходство с белокузьминовской группой, характеризующейся пластинчатыми заготовками [Данильченко, 2024а], а слои 4 и 3в содержат изделия, характерные для микокской общности (асимметричные двусторонние ножи). Анализ орудий нижних слоёв позволил выделить серию изделий с вторичной обработкой, ядрищ, пластин-заготовок «верхнепалеолитического» облика [Данильченко, 2024б]. В частности, материалы слоя 6 позволяют выделить торцовое расщепление в качестве самостоятельного метода на юге Русской равнины. Этот метод не выходит за пределы технических возможностей среднего палеолита. Торцовое расщепление встречено в двух контекстах. Первый из них связан с подправкой боковых участков типичных среднепалеолитических нуклеусов с уплощенным или слабовыпуклым рабочим фронтом с целью поднятия выпуклости фронта. Второй связан с нуклеусами, по своей конструкции напоминающими нуклеусы позднепалеолитических типов, и именно этот второй вариант следует признать самостоятельным методом первичного расщепления среднего палеолита. Учитывая результаты хроностратиграфических работ [К вопросу о хроностратиграфии…, 2025], стоит иметь в виду значительное удревнение возраста пачки среднепалеолитических слоёв (в пределах MIS 5c).

Многочисленные коллекции верхнепалеолитических слоев с находками треугольных острий (часть из которых – наконечники стрелецкого типа) пока что не имеют надежной хронологии из-за недостатка радиоуглеродных и OSL-дат. Краеугольным камнем становится не столько наличие надежных дат, сколько вопрос гомогенности датируемых комплексов и их сохранности с точки зрения стратиграфического положения, в первую очередь это касается слоя 3. Коллекция числом свыше 200 тыс. артефактов неоднородна и содержит категории орудий разной культурной и эпохальной атрибуции (средний палеолит: асимметричные клиновидные ножи, заготовки крупных бифасов; верхний палеолит: резцы-нуклеусы, стрелецкие наконечники). Приходится признать, что материалы этого слоя непригодны для культурно-хронологических выводов о характере начала верхнего палеолита на юге Русской равнины, однако сохраняется возможность работы с отдельными категориями, например, со стрелецкими наконеч-

никами. Для них показано применение верхнепалеолитических приемов оформления зоны расщепления [Иванов, Степанова, Очередной, 2023], т. е. предварительно не подтверждается вывод А. Е. Матюхина об автохтонном генезисе верхнего палеолита на юге Восточной Европы.

В отношении слоя 3а методом ремонтажа и выделением сырьевых единиц подтверждена хорошая сохранность скоплений, отмеченная А. Е. Матюхиным, что позволяет использовать материалы слоя для культурной атрибуции по крайней мере одного из компонентов, слагающих облик верхнего палеолита в нижнем течении Дона. При этом скопления слоя 3а не были полностью раскопаны и сохраняется потенциал для их полевого изучения. Облик слоя определяется ориентацией на получение пластинчатых заготовок разных размеров (микропластинок, пластинок и пластин длиной до 8 см), отсутствием бифасиально оформленных форм орудий и сколов с бифасов, а также наличием двух микропластинок дюфур на фоне отсутствия других типичных для ориньяка форм.

Слой 2 демонстрирует значимые различия в технологиях первичного расщепления и представленности форм орудий на Южном и Восточном участках памятника, при этом стрелецкие наконечники происходят только с Южного участка, а индустрия Восточного участка ориентирована на получение пластинчатых сколов с применением верхнепалеолитической техники скалывания и демонстрирует гибкость приемов первичного расщепления, приспособленного к особенностям местного сырья.

Ориентация на получение пластинчатых заготовок в комплексах, происходящих из слоев 3а и 2 Восточного участка, а также единичные пока находки микропластинок дюфур позволяют поставить вопрос о неоднородности раннего (?) верхнего палеолита в нижнем течении Дона.

Список источников

Данильченко А. Ю. Метод торцового расщепления нуклеусов в индустрии слоя 6 стоянки среднего палеолита Бирючья Балка 2 // Ученые записки Петрозаводского гос. ун-та. 2024а. Т. 46. № 4. С. 17–24.

Данильченко А. Ю. Изделия верхнепалеолитического облика в слоях среднего палеолита 4`, 4, 5, 5б, 5в, стоянки Бирючья Балка 2 в низовьях реки Северский Донец // II Минченковские чтения. Каменск-Шахтинский: КМДПИНТ, 2024б. С. 11–12.

Иванов Я. Д., Степанова К. Н., Очередной А. К. Двусторонне обработанные изделия Бетовской стоянки и комплекса 3 культурного слоя стоянки Бирючья Балка 2: сравнительный анализ технологии изготовления // Ранний верхний палеолит Европы и сопредельных территорий: взгляд из Сунгиря. Владимир, 2023. С. 27–28.

К вопросу о хроностратиграфии среднепалеолитических индустрий многослойного палеолитического комплекса Бирючья Балка 2 на Нижнем Дону / А. К. Очередной, Е. А. Константинов, А. Ю. Данильченко, Ф. Г. Курбанова, Н. В. Сычев, А. Л. Захаров, Е. А. Мазнева // Stratum plus. 2025. № 1 (в печати).

Матюхин А. Е. Бирючья Балка 2: Многослойный палеолитический памятник в бассейне Нижнего Дона. СПб.: Нестор-История, 2012. 244 с.

Матюхин А. Е. Описание и интерпретация орудий из палеолитических мастерских // Археологические вести. 2001а. № 8. С. 29–48.

Матюхин А. Е. Позднепалеолитическая мастерская Бирючья Балка 1 // Донская археология. 2001б. № 1–2. С. 26–36.

Степанова К. Н., Очередной А. К. Возобновление исследований Бирючьей балки 2: проблемы и перспективы // Рогачевские чтения: музей, археология, история: Труды музея-заповедника «Костенки». Воронеж: Пресс-Бургер, 2023. С. 74–82.

К. Н. Степанова[1], М. Н. Желтова[2]
[1,2] Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия
[1] Санкт-Петербургский государственный университет, Институт истории, Санкт-Петербург, Россия

КРИТЕРИИ ВЫДЕЛЕНИЯ КРЕСАЛЬНЫХ КРЕМНЕЙ В ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ ИНДУСТРИЯХ

Аннотация. Выявление кресальных кремней, использованных для высекания огня в палеолите, возможно с применением экспериментально-трасологического метода. При выполнении ряда условий он позволяет отличить их от кремневых отбойников и ретушеров. Приводятся характеристики специфической заполировки от контакта кремня с пиритом и ограничения, связанные с возможностью ее идентификации.

Ключевые слова: пиротехнологии, экспериментально-трасологический метод, верхний палеолит, кресальные кремни, отбойники

Исследование выполнено за счет гранта РНФ № 23–78–10205 «Технологические новации среднего и верхнего палеолита как критерии для уточнения периодизации и индустриальной вариабельности», https://rscf.ru/project/23-78-10205.

«Одомашнивание» огня, т. е. его активное добывание и контролируемое использование на территории стоянок, традиционно считается одним из самых важных изобретений человечества в доисторическую эпоху, стоящим в одном ряду с орудийной деятельностью. При этом приходится признать, что серийных свидетельств активного добывания огня крайне мало. С одной стороны, это объясняется тем, что получение огня трением практически не имеет шансов найти отражения в археологических источниках. С другой стороны, высекание искр с участием кремневых орудий, кресальных кремней, пока что почти не исследовано, хотя к тому имеются уверенные основания.

История вопроса. Европейская наука о древнейшем прошлом с конца XIX и до середины XX в. умозрительно и преимущественно с опорой на данные этнографии выделяла последовательные этапы на пути освоения человеком огня: период использования естественного огня, его поддержания и переноса – вплоть до позднего ашеля; добывание огня трением – с позднего ашеля – мустьерской эпохи; добывание огня высеканием – с рубежа среднего и верхнего палеолита [Борисковский, 1940]. В советской археологии середины XX в. акценты смещаются на поиск более надежных, материалистических, оснований для выявления этапов в эволюции пиротехнологий. Б. Ф. Поршнев приходит к мнению, что высекание могло быть древнейшим способом получения огня и оно не требует пары пирит-кремень, а возможно также при использовании двух кремней или кварцитов [Поршнев, 1955]. И хотя автор опирался не только на этнографию, но также на данные естественных наук и собственные эксперименты, в его работе не приводятся детали, позволяющие повторить исследование и верифицировать выводы.

В работе Ж. Коллина-Жирара [Collina-Girard, 1998] систематизированы сведения о способах добывания огня в древности и о находках кусков пирита/марказита на стоянках верхнего палеолита. С момента выхода этой публикации происходит смещение акцента на свидетельства, полученные непосредственно по археологическим источникам. Следом были изучены кресальные кремни финального палеолита северо-запада Европы, ранее считавшиеся ретушерами [Stapert, Johanson, 1999]. Накопление данных продолжается, сведения поступают преимущественно из Западной Европы [Sorensen Claud, Soressi, 2018; Sorensen, 2022], развивается

© Степанова К. М., Желтова М. Н., 2025

методика выявления следов контакта кремня с полисульфидами железа. Например, детальное и подкрепленное серией разных экспериментов исследование бифасов показывает, что практика высекания огня была распространена в позднем среднем палеолите по крайней мере на западе Европы [Sorensen, Claud, Soressi, 2018]. Е. Ю. Гирей на проксимальном конце крупной ориньякской пластины с перехватом из III слоя Костенок 1 по макропризнакам забитости выделена зона, предположительно использованная как кресало (в качестве альтернативной предлагается версия о пикетажной обработке камня) [Гиря, 2019].

Методика исследования. Для материалов палеолита стоит задача выделения устойчивых отличий кресальных кремней от ударных орудий для обработки камня (кремневые отбойники и ретушеры могут иметь схожий макроизнос) и от артефактов с повреждениями от слоя (микроследы). Опираясь на уже разработанные в процитированных работах характеристики, можно выделить в памятниках среднего и верхнего палеолита Восточной Европы кремневые орудия, при помощи которых могли высекать искры с использованием пирита/марказита и постараться разграничить забитость от пирита /марказита и от использования в качестве инструмента расщепления (отбойник, ретушер).

Начальный этап исследования связан с пересмотром выборки отбойников среднего (СП) и верхнего палеолита (ВП). На настоящий момент в выборке каменных отбойников учтено 40 предметов из коллекций шести стоянок СП, 127 находок с 26 стоянок ВП. Если из выборки выделить артефакты с нетипичными для отбойника следами и их локализацией, то чаще всего это будут кремневые предметы, многие из них – остаточные нуклеусы или типологические невыраженные изделия со средним весом 120–130 г, в диапазоне от 50 до 150 г. Получившие в описях наименование отбойников находки демонстрировали ряд отличий от «нормального» развития износа отбойников, которое должно иметь вид выкрашивания по межконусным трещинам широкой зоны. На серии этих более легких предметов было отмечено сминание и забитость узкой лентой по кромкам. Была выдвинута гипотеза о том, что этот износ – результат использования кремневых предметов для высекания искр в паре с пиритом. Для проверки гипотезы в 2022–2024 гг. были проведены эксперименты с пиритом, а также – в качестве контрольных – расщепление кремня кремневым отбойником.

Результаты. Полученные следы были зафиксированы на макро- и микроуровне. На макроуровне начальный этап использования кремня характеризуется наиболее крупными фасетками, часто, но не обязательно, нерегулярной формы. На следующей стадии деформации, когда ретушь становится занозистой, ступенчатой, многоярусной, возникают разрывы и выломы, иногда наблюдаются конусы Герца и кольцевые трещины. По мере использования кремня, фасетки становятся все мельче, превращаясь в сплошную полосу забитости с притертыми пологими вершинами. В итоге кромка становится широкой и прямой в профиле, постепенно сглаживаясь. Сглаживание и скругление кромки приводит к соскальзыванию кресала (в нашем случае, это полисульфид железа или иной минерал). В итоге кремень перестает быть пригодным для высекания искр [Желтова, Гиря, Федорова, 2021] и если в этот момент он был отброшен и не переиспользовался, то появляется вероятность сохранения специфических микрозаполировок. На микроуровне при ударных проскальзывающих движениях кремнем по пириту или марказиту отмечается яркая уплощающая зеркальная заполировка, локальные скопления плотно расположенных параллельных линейных следов. Если такая заполировка хорошо развита, то она весьма специфична и уверенно отличима от других.

Апробация результатов. Результаты первых экспериментов внушают осторожный оптимизм в отношении возможности идентификации в палеолитических коллекциях кремневых орудий, при помощи которых могли высекать искры с исполь-

зованием пирита/марказита. На настоящем этапе не удалось выявить следов от взаимодействия кремня с пиритом/марказитом в коллекциях среднепалеолитических памятников Восточной Европы (просмотрены ограниченные выборки орудий из Хотылево I, Носово I и Рожка I, разные горизонты), работа продолжается. В материалах верхнего палеолита Восточной Европы наиболее ранние комплексы, в которых определены кресальные кремни, – это ориньякский III слой Костенок 1 [Гиря, 2019] и слой II раннего граветта Костенок 8 [Степанова, 2025]. Свидетельства буквально единичны, однако позволяют говорить о том, что практика высекания искр бытовала в регионе по меньшей мере с раннего верхнего палеолита. В хронологической группе средней поры верхнего палеолита по макропризнакам забитости выделены потенциальные кресальные кремни (Зарайск А, Костенки 1, слой I, Костенки 4, Костенки 21, слой III), однако, поскольку микрозаполировки не фиксируются, оснований для однозначной атрибуции недостаточно. В комплексах поздней поры также выделены потенциальные кресальные кремни (Юдиново, Елисеевичи 1, Тимоновка, Самотоевка 1), среди которых характерная заполировка отмечена пока что только на трех предметах из Самотоевки 1, но и в этом случае не вся критика снята, поскольку требуется специальная работа по определению характера постдепозиционных следов на артефактах. Во всех перечисленных коллекциях орудия, хотя бы гипотетически связанные с добыванием огня, имеют вид именно ударных инструментов и не связаны с выскабливанием искр, как это отмечено в финальном палеолите Северной Европы [Stapert, Johansen, 1999].

Список источников

Борисковский П. И. Освоение огня // КСИИМК. 1940. Вып. 6. С. 47–51.

Гиря Е. Ю. Доказательная интерпретация следов в контексте формы изделия (на примере ориньякской пластины «с талией» из третьего культурного слоя Костёнок 1) // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 11. Липецк: ЛГПУ. 2019. С. 112–140.

Желтова М. Н., Гиря Е. Ю., Фёдорова Д. Н. Морфологические особенности ручных бытовых кресальных кремней // Археологические вести. 2021. Вып. 33. С. 183–192.

Поршнев Б. Ф. О древнейшем способе добывания огня // Советская этнография. 1955. № 1. С. 7–28.

Степанова К. Н. Домашняя работа: виды активности, реконструируемые по ударно-абразивным инструментам коллекции II слоя Костенок 8 // Костенки 8 (Тельманская стоянка), СПб.: ИИМК РАН, 2025. С. 234–248. (Труды Костенковской экспедиции. Вып. 2)

Collina-Girard J. Le feu avant les allumettes, Experementation et mythes techniques. Paris: Ed. de la Maison des sciences de l'homme, 1998. 151 p. (Collection Archéologie expérimentale et Ethnographie des techniques. Vol. XIV.)

Sorensen A. Filling the Gap: Microwear evidence for Aurignacian fire production at Abri Pataud (Dordogne, France) // Tracing Social Dynamics. Book of abstracts of AWRANA Congress (24-27 April, Barcelona). S. l.: 2022. P. 42.

Sorensen A., Claud E., Soressi M. Neandertal fire-making technology inferred from microwear analysis // Scientific Reports. 2018. Vol. 8 (1). P. 1–16.

Stapert D., Johansen L. Making fire in the Stone Age: flint and pyrite // Geologie en Mijnbow. 1999. Vol. 78. P. 147–164.

В. И. Ташак
Институт археологии и этнографии СО РАН,
Новосибирск, Россия
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН,
Улан-Удэ, Россия

ИНДУСТРИЯ СЛОЯ 7Г БАРУН-АЛАНА-1 КАК ВАРИАНТ РАЗВИТИЯ НАЧАЛЬНОГО ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА ЗАПАДНОГО ЗАБАЙКАЛЬЯ

Аннотация. Палеолитические материалы слоя 7г Барун-Алана-1 (Б-А-1), расположенного на востоке Западного Забайкалья, относятся к началу верхнего палеолита, что близко возрасту толбагинской культуры Забайкалья. В отличие от толбагинской культуры в слое 7г Б-А-1 выражены: леваллуазское расщепление, торцовые нуклеусы и пр., что указывает на различия в индустриях слоя 7г Б-А-1 и памятников толбагинской культуры.

Ключевые слова: начальный верхний палеолит, ранний верхний палеолит, каменная индустрия, Западное Забайкалье, Монголия

Работа выполнена при поддержке проекта РНФ № 24-18-01099 «Критические трансформации в развитии культуры верхнего палеолита на территории Северной и Центральной Азии».

В Западном Забайкалье изучена серия археологических памятников, по материалам которых дана характеристика раннему этапу верхнего палеолита. Общие черты материалов этих памятников позволили отнести их к единому кругу археологических местонахождений, объединяемых в рамках толбагинской археологической культуры раннего верхнего палеолита, выделенной по материалам Толбаги в Забайкальском крае и Варвариной горы в Бурятии [Константинов, 1994]. В ходе исследований было установлено, что в каменных индустриях таких местонахождений, как Толбага, Варварина гора, Подзвонкая Восточный комплекс, Подзвонкая Юго-Восточный комплекс, Каменка и др., присутствуют элементы, типичные для верхнего палеолита, а также элементы среднепалеолитические. К первым относятся: в первичном расщеплении производство пластин с использованием подпризматических и редко призматических нуклеусов; орудия типичные для верхнего палеолита – концевые скребки, резцы, долотовидные изделия. Второй комплекс включает в себя: плоскостное расщепление, направленное на получение как отщепов, так и широких пластинчатых сколов; скрёбла на отщепах. Такое сочетание различных элементов стало основой для выделения переходного периода от среднего к верхнему палеолиту, что стало общим трендом в сибирском палеолитоведении в 1990-е и в начале 2000-х гг. В дальнейшем этот же набор признаков становится основой для выделения «начального верхнего палеолита» [Kuhn, Zwyns, 2014; Rybin, 2014].

В 2004 г. было начато систематическое исследование многослойного памятника Барун-Алан-1 на востоке Западного Забайкалья. Основную массу археологических материалов здесь составляют палеолитические артефакты, представляющие две различные индустрии. Начиная с подошвы литологического слоя 6 и до подошвы толщи слоя 7, подразделяющегося на три основных уровня – 7а, 7б и 7в, залегают археологические материалы культуры хэнгэрэктэ-сухотино, датируемой в широком диапазоне от 30 до 12 тыс. л. н. [Ташак, 2023]. Материалы из слоя 7г, который является самостоятельным литологическим слоем, во многом отличны от материалов культуры хэнгэрэктэ-сухотино. Индустрия слоя 7г Барун-Алан-1 хронологически близка памятникам толбагинской культуры [Ташак, Антонова, 2024], но имеет отличия от индустрий этих памятников.

© Ташак В. И., 2025

Коротко характеризуя индустрию памятников толбагинской археологической культуры, следует отметить ряд общих признаков, среди которых основным является производство крупных, массивных в сечении пластин, длина которых вариативна для разных местонахождений, но массивность общий признак. Значительная часть этих пластин имеет узкое остроконечное окончание, что является элементом не случайным, а обусловленным первичным расщеплением. При оформлении значительной части орудий применялось сплошное ретуширование края или краёв пластин и отщепов. Высока доля формообразующей ретуши. Небольшая часть мелких пластинок использовалась для изготовления орудий или использования в качестве орудий. Микропластинки единичны и были получены случайно в процессе первичного расщепления или при изготовлении орудий. Торцовые нуклеусы различных размеров в толбагинской культуре встречаются редко.

Несмотря на обилие сколов, снятых с плоскостных нуклеусов в различных памятниках толбагинской археологической культуры, крайне редко встречаются артефакты, которые можно было бы охарактеризовать как классические леваллуазские – нуклеусы с центростремительным оформлением фронта скалывания, отщепы, полученные с таких нуклеусов, нуклеусы для скалывания леваллуазских остроконечников и сами леваллуазские остроконечники.

Характеризуя индустрию слоя 7г Барун-Алана-1 (7г Б-А-1), следует отметить, что в её основе также превалирует производство пластинчатых сколов. Для получения таких сколов использовались, в первую очередь, торцовые нуклеусы различных размеров и форм – 52 экз. из 368 нуклеусов и нуклевидных форм различного типа. Далее по количественной представленности следуют подпризматические и призматические нуклеусы (49 экз.), а также леваллуазские (47 экз.). Подпризматические и призматические нуклеусы типичны для индустрий толбагинской культуры, а торцовые и леваллуазские нуклеусы формируют резко выраженный контраст с ними. Торцовые, подпризматические и призматические нуклеусы служили основой для получения пластин, пластинок, а также пластинчатых отщепов и микропластинок. В отличие от толбагинской культуры, в слое 7г Б-А-1 отмечено использование пластинок и микропластинок в качестве орудий. Непосредственно пластины в количественном и процентном (3,9 %) отношениях уступают другим типам сколов, что обусловлено функционалом древней стоянки, связанной со слоем 7г – это, в первую очередь, стоянка-мастерская, где преобладают отходы первичного расщепления. При учёте только потенциальных заготовок для орудий доля пластин возрастает (27,1 %). Орудия в слое 7г БА-1 оформлены: на отщепах – 52,28 %; на пластинах выполнено 32,89 %. Такие орудия как скрёбла, ножи, скребки изготавливались на отщепах. У большинства пластин при обработке применялась фрагментарная ретушь, затрагивающая небольшие участки краев. Скрёбла и ножи на пластинах с регулярной ретушью, распространяющейся более чем на половину края, единичны.

Таким образом, в начале верхнего палеолита на территории Западного Забайкалья выявлены, на настоящий момент, две культурные традиции, индустрии которых ориентировались на производство пластин и их использование в качестве орудий. Толбагинская культура представлена большим количеством местонахождений на территории Забайкалья. Другое направление в развитии пластинчатой индустрии в Западном Забайкалье демонстрируют только материалы слоя 7г многослойного памятника Барун-Алан-1. Внешнее сходство процесса производства пластинчатых заготовок в слое 7г Б-А-1 и в толбагинской культуре, обусловленное, вероятно, возможностью общего происхождения, дополняется различиями в оформлении орудий, а также рядом особенностей в первичном расщеплении. Индустрия слоя 7г Барун-Алана-1, в большей степени, находит ближайшие аналогии в индустриях начально-верхнепалеоли-

тических комплексов долины р. Толбор в Северной Монголии, нежели с материалами толбагинской культуры. Следует заметить, что леваллуазская составляющая индустрии 7г Б-А-1, имеет много общих черт с леваллузскими элементами монгольских местонахождений Центральной Монголии. Также эта леваллуазская составляющая индустрии 7г Б-А-1 находит общие черты с некоторыми материалами на юге Западного Забайкалья. Это наблюдение заполняет часть территориальной лакуны между индустрией 7г Б-А-1 и индустриями Монголии, откуда предположительно леваллуазская индустрия проникала вглубь Западного Забайкалья.

Список источников

Константинов М. В. Каменный век восточного региона Байкальской Азии. Улан-Удэ, Чита: БНЦ СО РАН; ЧГПИ, 1994.

Ташак В. И. Верхнепалеолитическая археологическая культура хэнгэрэктэ-сухотино в Забайкалье // Археология, этнография и антропология Евразии. 2023. Т. 51. № 3. С. 109–115.

Ташак В. И., Антонова Ю. Е. Каменная индустрия слоя 7г Барун-Алана-1: проблема вариабельности начального верхнего палеолита Западного Забайкалья // Stratum plus. Археология и культурная антропология. 2024. № 1. С. 231–255.

Kuhn S. L., Zwyns N. Rethinking the initial Upper Paleolithic // Quaternary International. № 347. 2014. P. 29–38.

Rybin E. P. Tools, beads, and migration: Specific cultural traits in the Initial Upper Paleolithic of Southern Siberia and Central Asia // Quaternary International. № 347. 2014. P. 39–52.

А. В. Тетенькин
Иркутский национальный исследовательский университет,
Иркутск, Россия

ПОЗДНИЙ ВЕРХНИЙ ПАЛЕОЛИТ БАЙКАЛО-ПАТОМСКОГО НАГОРЬЯ: СТОЯНКА КОВРИЖКА IV

Аннотация. Изучение 6–2Б культурных горизонтов стоянки Коврижка IV позволило составить характеристику культуры населения Нижнего Витима в начале позднего верхнего палеолита в аспектах строительства жилищ, каменного производства, использования охры, искусства. Заявлены технико-типологические корреляции со студеновской культурой Забайкалья и дюктайской культурой Якутии.

Ключевые слова: поздний верхний палеолит, Байкало-Патомское нагорье, Нижний Витим, микропластинчатое расщепление, палеолитические жилища, охра, палеолитическое искусство

Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 24-28-00028, https://rscf.ru/project/24-28-00028/.

В археологии Байкало-Патомского нагорья и Нижнего Витима в последнее десятилетие точкой роста стала стоянка Коврижка IV. Раскопки ее позволили составить новую характеристику раннему (коврижкинскому) этапу позднего верхнего палеолита (далее – ПВП) района, времени окончания Последнего ледникового максимума МИС-2. Стоянка Коврижка IV выделена в ансамбле археологических местонахождений Коврижка I–VI, расположена на правом берегу р. Витим в 15 км ниже по течению от г. Бодайбо, на 11-метровой цокольной террасе. В субаэральной пачке покровных отложений открыты культурные горизонты 1 и 2, принадлежащие к раннему неолиту – мезолиту, 7–9 тыс. л. н., и финальному палеолиту, 13,6–13,3 тыс. л. н., соответственно. В нижележащей пачке отложений пойменной фации аллювия выявлены 2/1, 2А, 2Б, 2В, 2Г, 2Д, 3/1, 3/2, 3А, 3Б, 4, 5, 6 и 7 культурные горизонты. Судя по датировкам из 2Б и 6 к. г., они форми-

© Тетенькин А. В., 2025

ровались в интервале 19–18 тыс. л. н. в течение 400–600 лет. Это самые древние в бассейне р. Витим четко стратифицированные археологические комплексы. Наиболее изучены 6, 3Б, 3/2, 2Г и 2Б культурные горизонты (к. г.). В первых четырех открыты остатки жилищ, в последнем приочажное скопление культурных остатков [Тетенькин, 2017а; 2022; Фигуры из бивня мамонта…, 2020].

Наиболее полным является ассамбляж 3Б к. г., в составе которого более 55 тыс. ед. находок, включая каменные чешуйки. Во 2Г к. г. коллекция самая малочисленная, всего около 1,4 тыс. находок, и наименее типологически представительная. Аргументами для того, чтобы выстраивать совокупную характеристику выявленных эпизодов обитания как принадлежащих к одной культуре, выступает ряд общих черт в культуре каменного производства, строительства жилищ, использования охры.

В строении четырех выявленных жилищ применялись обкладка стен по окружности по части или полному периметру диаметром до 5 м, сооружение очагов. В двух случаях 2Б, 2Г к. г. выявлена подготовка площадки обработкой охрой. Ряд наблюдений характеризует последний этап или покидание стоянки и жилища. В 2Б к. г. на кострище были положены кусок гематита и расщепленная трубчатая кость, и они не сгорели. К очажным камням приложены скребок и галечный нуклеус. В 3Б к. г. также зафиксированы шесть случаев оставления орудий, приложенными под очажные камни. Один нож найден на слое, накрытый плитой.

В 6 к. г. были найдены две поделки из пластин из бивня мамонта толщиной до 5 мм [Фигуры из бивня мамонта…, 2018]. Одну из них можно охарактеризовать как антропоморфную, с подогнутыми вправо в коленях ногами, заканчивающуюся стерженьком. Дуга на головке и уголок на туловище выступают главными аргументами в пользу трактовки поделки как антропоморфной статуэтки. На головке (затылке) фигуры было пятно охры. Вторая фигура гравированных элементов не имела, контур условно антропоморфный. Однако ее отличает скопление кусочков гематита-охры, охватывающее условную головку. Кроме этого, к предметам искусства относится обломок заготовки подвески из графитита из 4 к. г.

Источником охры был природный минерал – гематит (aFe2O3), в нескольких случаях еще и гетит (a-FeOOH), а способом получения – дробление и истирание породы с высоким содержанием гематита до 94 % [Фигуры из бивня мамонта..., 2018].

В каменном расщеплении большую роль занимает технический контекст производства микропластин. Последние служили в роли вкладышей составного охотничьего оружия. Доминирующей формой нуклеуса для отжима микропластин были клиновидные нуклеусы высоких или средних пропорций соотношения высоты к длине, изготовленные из бифасов, отщепов, расслоенных галек, с ударной площадкой, оформленной и подживляемой снятиями с латералей и торца [Тетенькин, 2017б]. В витимском археологическом дискурсе техника подготовки микронуклеуса обозначена как коврижкинская. Она получила продолжение в финале плейстоцена – раннем голоцене (Коврижка III – Коврижка II). Наряду с ней, в меньшинстве, присутствует юбецоидная техника изготовления микронуклеуса из бифаса продольным редуцированием – снятием реберчатого и лыжевидного сколов, широко представленная в финале плейстоцена в материалах стоянки Большой Якорь I [Инешин, Тетенькин, 2010].

Наряду с производством микропластин в виде деятельности по расщеплению камня следует назвать фасиальную отделку бифасов и унифасов, подправку лезвий, в ограниченном количестве (судя по единичным находкам) расщепление галечных нуклеусов для получения отщепов и грубопризматических пластин длиной 3,5–5 см. Специфической яркой чертой является традиция производства макропластин длиной до 12 см. Все макропластины были принесены на стоянку в готовом виде. Кроме этого, найденный обломок

заготовки подвески из графитита из 4 к. г. демонстрирует приемы шлифовки, сверления и гравировки мягкого материала.

В орудийном наборе доминируют отщепы, сколы и пластины с амортизационной ретушью и следами, трасологически определяемыми как следы работы ножом, скребком, скобелем или резчиком. Среди морфо-типологически выраженных орудий – бифасы с рабочими следами; крупные скребла из сколов и макропластин, одно- и двухлезвийные, с подтеской узких концов по вентральному фасу; скребки; долотовидные орудия типа *pièce esquillée*. Резцы не имеют устойчивой формы. В коллекции есть срединный, трансверсальный резцы и отщепы с резцовыми сколами на углу. Помимо массовых примеров использования подручных отщепов отмечены случаи работы бифасом как орудием прежде оформления в микронуклеус, использования нуклеуса в роли резчика, попытки сделать микронуклеус из пластины-ножа.

В целом комплекс каменного производства на Коврижке IV демонстрирует аккумулятивный характер сохранения традиций, восходящих к раннему верхнему палеолиту (макропластины), среднему верхнему палеолиту (грубопризматические мезопластины) Сибири. Микропластинчатое производство получило дальнейшее развитие в культуре населения финального позднего (верхнего) палеолита.

На Нижнем Витиме Коврижке IV предшествует стоянка Мамакан VI, около 25–22 тыс. л. н. [Тетенькин, 2014]. Его ассамбляж представляет собой иную, более архаичную культуру. Микронуклеусы здесь технически более примитивны. Это низкие горизонтально вытянутые формы с коротким, менее 1,5 см в высоту, фронтом на торце реберчатой основы. В сравнении с ними производство микропластин на Коврижке IV является гораздо более технологичным и представляет собой следующую стадию или поколение в развитии техники производства микропластин и иной культурный признак. В сумме предполагается отсутствие культурной преемственности от Мамакана VI к Коврижке IV.

Коврижка IV имеет сходства с опорными памятниками студеновской культуры Студеное 1, 2, Усть-Менза 1–3 в жилищах и во всех основных позициях каменной культуры, за исключением бифасов и унифасов с бифасиальной подтеской краев [Константинов, 1994]. Дюктайская культура связывается с Коврижкой IV как раз таким ключевым признаком, как бифасы [Мочанов, 1977]. В сумме результатов, характеризующих в нескольких эпизодах обитания охотничий промысел, каменное производство, строительство жилищ и обогрев, использование красящих веществ, искусства Коврижка IV представила культуру древних охотников-собирателей как локальный адаптивный комплекс, вносящий вклад в общие представления о культуре раннего ПВП Северо-Восточной Азии.

Список источников

Инешин Е. М., Тетенькин А. В. Человек и природная среда севера Байкальской Сибири в позднем плейстоцене. Местонахождение Большой Якорь I. Новосибирск: Наука, 2010. 270 с.

Константинов М. В. Каменный век восточного региона Байкальской Азии. Улан-Удэ; Чита: БНЦ СО РАН, ЧГПИ, 1994. 180 с.

Мочанов Ю. А. Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. Новосибирск: Наука, 1977. 264 с.

Тетенькин А. В. Геоархеологическое местонахождение эпохи позднего палеолита Мамакан VI на Витиме // Известия Лаборатории древних технологий. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2014. № 4 (12). С. 9–26.

Тетенькин А. В. Поздний палеолит Витима в материалах многослойного местонахождения Коврижка-IV (Байкало-Патомское нагорье, Восточная Сибирь) // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле – Белокурихе. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2017а. Т. I. С. 101–105.

Тетенькин А. В. Средний верхний палеолит – мезолит Северного Прибайкалья: автореф дис. … д-ра ист. наук. Барнаул, 2022. 41 с.

Тетенькин А. В. Технологический контекст производства и расщепления микропластинчатых нуклеусов по материалам культурных горизонтов 2Б и 6 стоянки Коврижка IV (Витим, Байкало-Патомское нагорье) // Известия ИГУ. Серия «Геоархеология. Этнология. Антропология». 2017б. Т. 21. С. 107–135.

Фигуры из бивня мамонта и знаково-символический контекст палеолитического жилища на стоянке Коврижка IV в низовье Витима / А. В. Тетенькин, О. В. Жмур, Е. И. Демонтерова, Е. В. Канева, Н. В. Сальная // Археология, этнография и антропология Евразии. 2018. Т. 46. № 4. С. 3–12.

А. Ю. Федорченко, Н. Е. Белоусова
Институт археологии и этнографии СО РАН,
Новосибирск, Россия

СИМВОЛИЗМ И ЭСТЕТИКА ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ УКРАШЕНИЙ СТОЯНКИ УШКИ I

Аннотация. На примере материалов памятника Ушки I рассмотрены вопросы выявления эстетических предпочтений и культурных норм, определявших выбор материала, цвета и формы палеолитических украшений. Было установлено, что их морфология отражает универсальные и архетипичные формы, а также специфические варианты, связанные с воспроизведением природных объектов, изделий из бивня мамонта и антропоморфных изображений.

Ключевые слова: верхний палеолит, Камчатка, украшения, символическое поведение, эстетические представления

Исследование выполнено при поддержке проекта РНФ № 24-28-01294 «Погребальные практики и символическая деятельность верхнепалеолитического населения Северо-Восточной Азии».

Многослойная стоянка Ушки I на Камчатке выступает одним из ключевых археологических объектов крайнего Северо-Востока Азии, содержащих значительный массив данных о традициях производства и использования древнейших украшений [Федорченко, 2015]. Здесь представлены относительно полные технологические контексты изготовления разнообразных предметов личной орнаментации, все они принадлежат уникальным по своей сохранности поселенческим, производственным и погребальным комплексам [Диков, 1993]. Настоящее исследование посвящено выявлению эстетических предпочтений и культурных норм в создании и ношении украшений палеолитическими обитателями стоянки Ушки I. Изучение таких сторон артефактов зачастую затруднено; вопросы границ познаваемого и надежности используемых аналитических инструментов остаются предметом научных дискуссий.

Очевидно, что выбор заготовок и материала для украшений определялся не только их доступностью и технологическими характеристиками, но и субъективными факторами – индивидуальными и коллективными предпочтениями, традициями и мировоззренческими установками. Вероятно, при подборе сырья учитывалась его эстетическая привлекательность как в естественном, так и обработанном виде для конкретного носителя или социальной группы [Синицын, 2016]. Важную роль играла способность материала сочетаться, дополнять или контрастировать с обликом одежды, а также соответствовать требованиям моды, социальному статусу, этническим канонам и эпохальным особенностям. В совокупности с визуальными и тактильными свойствами материала, форма украшений и их композиция отражали замысел, эстетические и стилистические предпочтения владельцев, подчеркивая их статус и значение в социокультурной среде.

Исследование основано на анализе коллекции украшений верхнепалеолитического комплекса культурного слоя (далее – к. с.) VII (n = 313) стоянки. В изученной выборке представлены плоские бусины (n = 296, 94,56 %), подвески (n = 15, 4,8 %) и бляшки (n = *2*, 0,64 %), выполненные из различных пород поделочного камня – хлоритолита, пирофил-

© Федорченко А. Ю., Белоусова Н. Е., 2025

лита, талькита и янтаря. Технология их производства включала несколько этапов: расщепление сырья для получения исходных основ, производство заготовок и преформ посредством абразивной обработки и пиления, сверление, окончательное формирование контура шлифовкой. Пространственный анализ показал, что изготовление отдельных категорий украшений происходило непосредственно в жилищах поселения, функциональный анализ указывает на их использование для создания композиций в качестве нательных украшений и элементов декора одежды [Новые данные…, 2024].

Анализ внешнего облика украшений предполагал изучение формы, профиля, контура и пропорций изделий, присутствие симметрии, выделенных деталей, эффекта стилизации и орнамента. Особое внимание уделялось эстетическим свойствам поделочного материала: гладкости поверхности, выразительности цвета, наличию прожилок и вкраплений, а также изменению внешнего вида под воздействием воды и красящих веществ. Выявленные особенности сырья, морфологии и орнаментации украшений, не обусловленные утилитарностью и технологической необходимостью, интерпретировались в качестве проявлений эстетических предпочтений или знаковых норм в формообразовании.

Основную группу украшений к. с. VII составляют бусины стандартизированных размеров. В погребении этого слоя преобладают плоские симметричные изделия в виде дисков и закругленных квадратов с центральным отверстием, наряду с овальными, асимметричными прямоугольными и треугольными предметами. Аналогичные предпочтения прослеживаются в находках из построек и межжилищного пространства этого поселения. Пространственный анализ украшений из захоронения свидетельствует о различных приёмах их сочетания. Бусины, размещенные на теле погребенного в виде лент и стопок, представлены почти исключительно предметами округлой формы и схожих размеров. Ярким примером создания геометрических композиций может служить ромбовидное скопление из однотипных круглых бусин, выявленное на борту могильной ямы [Диков, 1967]. В то же время, среди крупных скоплений в могиле отмечались композиции с ритмичным чередованием элементов разной формы и размеров, в которых крупные подвески играли роль композиционного центра.

Подвески коллекции демонстрируют значительное разнообразие морфологии. В погребении и жилищах к. с. VII преобладают плоские шлифованные изделия с закругленными гранями – удлиненные подпрямоугольные или шестиугольные изделия, симметричные и асимметричные. Их морфология, вероятно, имитирует плоские речные гальки – объекты с выраженно гладкой и приятной на ощупь поверхностью. Подобные и более сложные имитации широко распространены в контексте европейских и сибирских памятников верхнего палеолита [Житенев, 2017]. Схожий подход к эстетике формы, но отличный в реализации, демонстрируют примеры подвесок из мелких окатанных отдельностей подтреугольной и овальной формы. Две подвески имеют необычную форму, которая не может быть объяснена функциональной или технологической необходимостью. Использование орнамента и специфических техник обработки, наличие объема и подчеркнутых деталей, позволяет интерпретировать их как стилизованные антропоморфные изображения. Среди украшений из погребения к. с. VII выделяется плоская бляшка прямоугольной формы с четырьмя отверстиями и приостренными, выровненными гранями, аналогичная по морфологии бивневым украшениям Мальты. Возможно, данная бляшка является имитацией изделия из бивня, воплощенного в поделочном камне. Украшения этого слоя характеризуются простейшим орнаментом – параллельными насечками на гранях.

Индивидуальные и групповые представления о привлекательности материалов для украшений наиболее ярко отражены в изделиях из погребения к. с. VII. Почти все подвески и бляшки из захоронения выполнены из поделочного камня

различных оттенков темно-зеленого цвета. При этом бусины демонстрируют более широкий цветовой спектр: зеленовато-серые, болотные, темно-бирюзовые хлоритолиты, темно-графитовые талькиты, полупрозрачные и молочно-белые пирофиллиты с черными вкраплениями. Единичные подвески и бусины изготовлены из янтаря буро-красного цвета. Красная палитра в костюме погребенного усиливалась преднамеренным прокрашиванием охрой одежды и украшений, что особенно заметно на бусинах из светлого материала. Анализ цветовой гаммы украшений выявил несколько цветовых комбинаций, максимально контрастных по своему сочетанию – белого и черного, зеленого и красного. Сочетание выразительных зеленых оттенков с ярко-красным цветом, переданное изделиями из янтаря, бусинами и кожаной одеждой погребенного, окрашенными охрой, создавало яркий и контрастный образ, служивший своеобразной сигнальной системой и легко считываемый другими людьми с большого расстояния. Отмеченные предпочтения в цветовой гамме, в целом, характерны и для находок из жилищных конструкций. Большинство бусин здесь имеют зеленоватый оттенок, реже темно-серый, бежевый или белый, тогда как подвески выполнены из материала светлых тонов, что контрастирует с зеленым сырьем подвесок из погребения.

Проведенный анализ позволил впервые приблизиться к пониманию культурных норм формообразования древнейших верхнепалеолитических украшений стоянки Ушки I. Исследование контекста, морфологии, цвета, фактуры и текстуры материала предметов личного орнамента выявило специфические особенности их внешнего облика, не обусловленные технологией производства или способом ношения, но отражающие эстетические предпочтения их создателей. Установлено, что украшения из погребения к. с. VII отличаются контрастными цветовыми сочетаниями – зеленым и красным, черным и белым, тогда как в жилищах поселения преобладают изделия светлых оттенков. Морфология изученных украшений сочетает универсальные и архетипичные формы, такие как округлые бусины или подвески из галек, с более специфическими, воспроизводящими природные объекты, изделия из бивня мамонта и стилизованные антропоморфные изображения.

Список источников

Диков Н. Н. Открытие палеолита на Камчатке и проблема первоначального заселения Америки // История и культура народов Севера Дальнего Востока. Вып. 17. М.: Наука, 1967. С. 16–31.

Диков Н. Н. Палеолит Камчатки и Чукотки в связи с проблемой первоначального заселения Америки. Магадан: СВКНИИ, 1993. 68 с.

Житенев В. С. Имитации в украшениях верхнего палеолита Русской равнины // КСИА. 2017. Вып. 246. С. 117–129.

Новые данные о древнейших погребальных традициях верхнего палеолита Камчатки / А. Ю. Федорченко, А. С. Девятиярова, Н. Е. Белоусова, Э. В. Сокол // VI Северный археологический конгресс. Екатеринбург: ИИиА УрО РАН, 2024. С. 58–60.

Синицын А. А. Ранний верхний палеолит Восточной Европы: украшения и вопросы эстетики // Верхний палеолит: образы, символы, знаки. СПб.: Экстрапринт, 2016. С. 320–337.

Федорченко А. Ю. Каменные украшения VII культурного слоя Ушковских стоянок (Центральная Камчатка): технологический анализ // Вестник Северо-Восточного научного центра ДВО РАН. 2015. № 1. С. 100–114.

Е. А. Филатов
Институт геологии и минералогии имени В. И. Соболева СО РАН,
Новосибирск, Россия

ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ РАННЕГО ЭТАПА ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА МАСТЕРСКОЙ ТИТОВСКАЯ СОПКА (ВОСТОЧНОЕ ЗАБАЙКАЛЬЕ)

Аннотация. Приведен краткий обзор палеолитических материалов культурных слоев 3 и 4 мастерской Титовская Сопка, расположенной на территории Восточного Забайкалья. Эти палеолитические комплексы мастерской, отнесенные к раннему этапу верхнего палеолита, датируются финалом MIS-3 (30–27 тыс. кал. л. н.). В первичном расщеплении преобладает система объемного параллельного однонаправленного скалывания для производства пластин.

Ключевые слова: мастерская Титовская сопка, палеолит Забайкалья, ранний верхний палеолит, каменное сырье

Работа выполнена по теме НИР ИГМ СО РАН 122041400252–1 при поддержке Минобрнауки РФ.

Палеолитическая мастерская Титовская Сопка (также известная как мастерская им. А. П. Окладникова) расположена на территории горного массива Титовская Сопка (Восточное Забайкалье). Памятник был открыт в 1950 г. А. П. Окладниковым [Береговая, 1984]. Исследовался первооткрывателем, а также в 1950–1970-е гг. В. Е. Ларичевым, С. Н. Астаховым, И. И. Кирилловым. За время работ был накоплен большой массив археологического материала, который в научной литературе упоминался в тезисной форме [Ларичев, 1961[9]; Астахов, 2018; Береговая, 1984]. Новый этап исследования, начавшийся в 2020 г., позволил получить топографическую привязку раскопов разных лет, произвести корреляцию культуросодержащих отложений, получить радиоуглеродные датировки, а также выполнить технико-типологический анализ каменной индустрии культурных слоев 3 и 4, отнесенных к РВП Забайкалья [Филатов, Филатова, 2020; Филатов, Трухина, Власенко, 2024].

Палеолитические комплексы раннего верхнего палеолита (далее – РВП) мастерской связаны с субаэральными отложениями, палеопедогенного, делювиального и эолового генезиса. Датировка палеофаунистического материала культурного слоя 4, а также характер осадконакопления и датировки вышележащих и подстилающих культурные слои 3 и 4 отложений, позволяют датировать их финалом MIS-3 (30–27 тыс. кал. л. н.). Проведенные работы по уточнению локализации археологических комплексов мастерской и анализ архивных источников свидетельствуют о приуроченности палеолитических материалов вышеобозначенных слоев к зонам хозяйственной деятельности, в границах которых осуществлялись трудовые операции, связанные с выбором, подготовкой и утилизацией каменного сырья (рис. 1, *1*). Наиболее показательные участки хозяйственной деятельности представлены искусственными конструкциями диаметром от 73 до 133 см, состоящими из отдельностей каменного сырья, в том числе с признаками искусственного воздействия (рис. 1, *1*). К ним приурочены отходы производства, продукты расщепления и орудия, а также единичные фрагменты костей и рога плейстоценовой фауны (рис. 1, *3–6*). Петрографические исследования коллекции мастерской и каменного сырья подстилающих культурный слой 4 отложений, позволили сделать вывод об использовании для расщепления пирокластических горных пород (туфов) (рис. 1, *2*).

В первичном расщеплении преобладает система параллельного однонаправленного скалывания с торцовых и подпризматических нуклеусов, предназначенных

© Филатов Е. А., 2025

[9] Ларичев В. Е. Отчет о раскопках на Титовской сопке в 1961 г. // НОА ИА РАН, 1961. № 2238. 27 с.

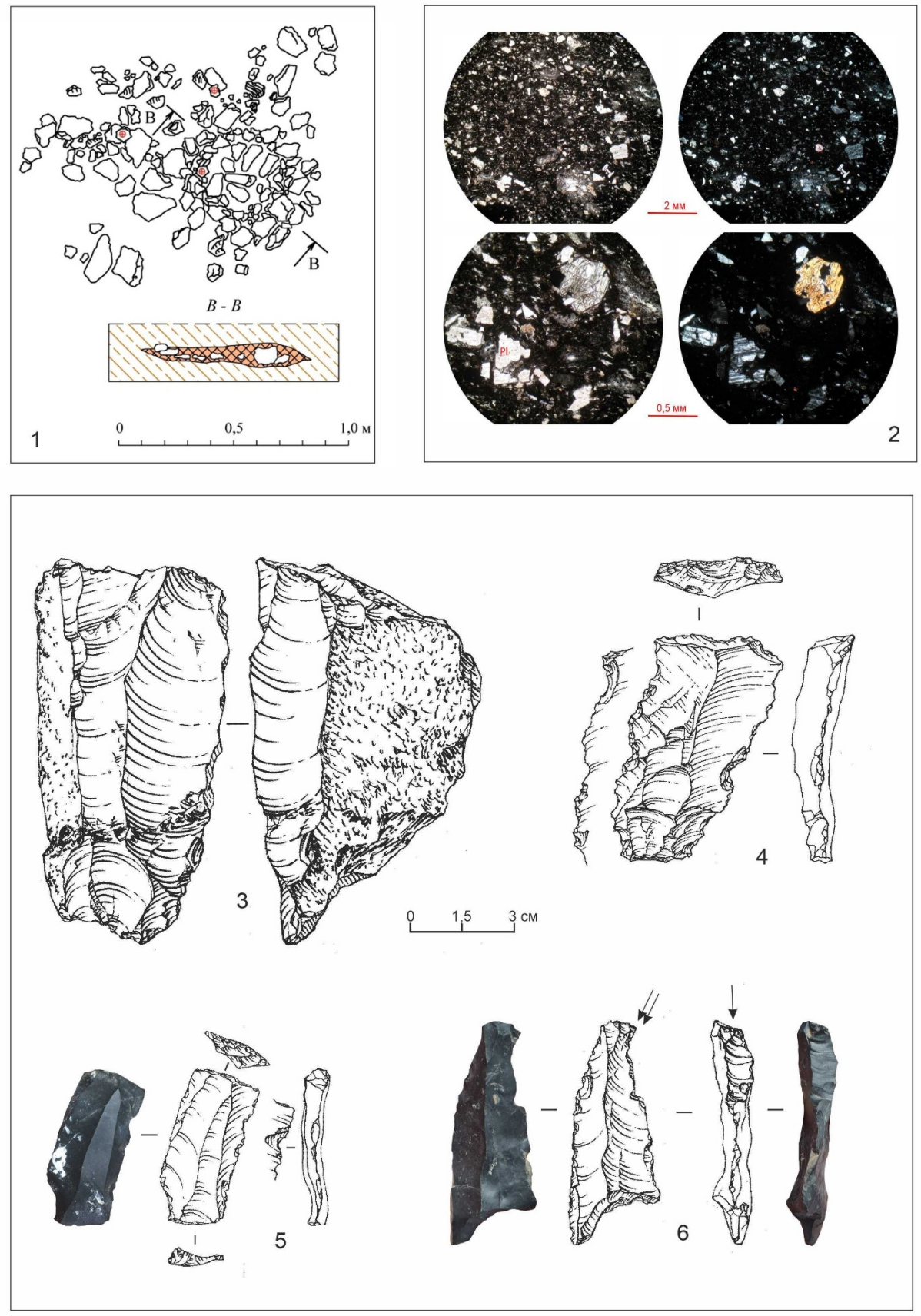

Рис. 1. Мастерская Титовская Сопка, культурный слой 4: *1* – производственный участок 2 (по: Ларичев, 1961, с доработками в графическом редакторе AutoCAD); *2* – петрографические определения каменного сырья мастерской: туф средне-мелкообломочный витро-кристаллокластический среднего состава с ожелезненным пирокластическим цементом (определение Р. А. Шелепаева); *3* – торцовый нуклеус; *4–5* – концевые скребки; *6* – резец

для производства пластин (62,3 %). При этом торцовые нуклеусы доминируют (61,7 %), они же являются наиболее показательными для памятника. Для этой системы скалывания характерны технические сколы оформления нуклеусов объемного однонаправленного скалывания, в том числе естественно-реберчатые пластины (краевые пластины), часто использующиеся в качестве основного элемента начального этапа расщепления торцовых нуклеусов (78,4 %). Остальные системы параллельного скалывания представлены совокупно – 6,3 %. Доля мелкопластинчатых нуклеусов составляет – 7,6 %, что, учитывая наличие в индустрии сколов мелкопластинчатого компонента (4,9 %), демонстрирует процесс получения небольших (шириною 8–11 мм) пластинок.

Сравнивая индустрию РВП мастерской Титовская Сопка с синхронными комплексами региона, в том числе с Мастеровым Ключом (слой 4), Мельничным-2 (слои 2, 3) и Усть-Мензой-6 (Груздевой) (слой 4), датируемыми C^{14} и OSL методами в диапазоне ~ 34–26 тыс. кал. л. н. [Константинов, 1994; Мещерин, Мороз, 2001; Мещерин, 2009; Викулова, 2023], отмечаются ряд схожих черт в технике первичного расщепления и орудийном наборе. Первичное расщепление каменного сырья этих комплексов демонстрирует вариабельность с одной стороны и неизменную тенденцию к получению пластин средних и мелких размеров, а также пластинок в однонаправленной объёмной, реже плоскостной системах скалывания.

Общие черты и близкие хронологические рамки бытования комплексов позволяют использовать модель систематизации массива археологических данных, предложенную Д. Кларком [Clarke, 1968], и объединить вышеперечисленные комплексы в «пластинчатую группу индустрий» раннего этапа верхнего палеолита Забайкалья, которая, вероятно, продолжает традицию преимущественного использования пластин в качестве заготовок для орудий, сформированную в НВП, но при этом система скалывания, состав и характер оформления изделий отличают её как от предшествующих, так и от более поздних индустрий среднего этапа верхнего палеолита [Константинов, 1994].

Список источников

Астахов С. Н. Шурфы-шахты для добычи каменного сырья в палеолите на Титовской сопке // Записки ИИМК. 2018. № 19. С. 13–19.

Береговая Н. А. Палеолитические местонахождения СССР (1958–1970 гг.). Л.: Наука, 1984. 171 с.

Викулова Н. О. Комплексы средней поры верхнего палеолита бассейна реки Чикой (Западное Забайкалье) // Первобытная археология. Журнал междисциплинарных исследований. 2023. № 1. С. 68–84.

Константинов М. В. Каменный век восточного региона Байкальской Азии. Улан-Удэ; Чита: БНЦ СО РАН, ЧГПИ, 1994. 265 с.

Мещерин М. Н. Палеолитическое поселение Мастеров Ключ // Древнее Забайкалье: культура и природа. Чита: Изд-во Забайкал. гос. гум. пед. ун-та, 2009. С. 79–99.

Мещерин М. Н., Мороз П. В. Средняя пора верхнего палеолита на Хилке и Чикое // Забайкалье в геополитике России. Чита, Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2003. С. 14–16.

Филатов Е. А., Филатова М. О. Топографические исследования мастерской имени А. П. Окладникова в Восточном Забайкалье // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2020. Т. 26. С. 258–262.

Филатов Е. А., Трухина Ю. А., Власенко Д. Е. К вопросу о планиграфии культурных комплексов РВП мастерской Титовская сопка (Восточное Забайкалье) // Журнал СФУ. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Т. 17, № 9. С. 1628–1637.

Clarke D. L. Analytical archaeology. L: Methuen, 1968. 684 p.

В. М. Харевич, А. В. Харевич, Е. Н. Бочарова, А. А. Анойкин
Институт археологии и этнографии СО РАН,
Новосибирск, Россия

РАННИЙ ВЕРХНИЙ ПАЛЕОЛИТ БАССЕЙНА ЕНИСЕЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ СТОЯНКИ САБАНИХА 3)

Аннотация. Стоянка Сабаниха 3 представляет собой уникальный в контексте раннего верхнего палеолита Енисея комплекс с инситным культурным слоем возрастом 30,000–31,000 тыс. л. Комплекс Сабанихи 3 соответствует раннему верхнему палеолиту региона и обладает рядом архаичных черт, сближающих его и РВП Енисея в целом с индустриями финала начального верхнего палеолита Южной Сибири, в частности со стоянкой Макарово-4 в Прибайкалье.

Ключевые слова: Северная Азия, Средний Енисей, ранний верхний палеолит, Сабаниха 3, каменная индустрия, украшения из камня

Исследование выполнено при поддержке проекта РНФ № 24-28-00216 «Древнее население Среднего Енисея в период раннего верхнего палеолита: палеотехнологии и особенности организации жилого пространства».

Территория Средней Сибири и бассейн Енисея играет важную роль в изучении процессов освоения человеком Северной Евразии [Beyond 55° north latitude..., 2023; Васильев, 2023]. Появление на этой территории первых людей современного типа связывается с распространением на север культуры начальных этапов верхнего палеолита [Rybin 2014; Beyond 55° north latitude..., 2023], хорошо известной по материалам Южной Сибири и восточной части Центральной Азии. Более широкое распространение верхнепалеолитическая культура в бассейне Енисея получает в раннем верхнем палеолите (далее – РВП) [Палеолит Дербинского залива, 2018].

Важной проблемой изучения РВП Енисея является то, что большинство перечисленных памятников содержат переотложенные или нестратифицированные материалы, что значительно снижает их исследовательский потенциал [Палеолит Дербинского залива, 2018; Новые данные…, 2015]. На данный момент известно только два объекта с культурным слоем, обнаруженным *in situ*, – стоянки Сабаниха и Сабаниха 3.

Стоянка Сабаниха расположена на левом берегу Красноярского водохранилища (Республика Хакасия). На основе датировок культуросодержащего слоя и типологического облика находок исследователь стоянки Н. Ф. Лисицын отнес данный комплекс к начальным этапам верхнего палеолита. В 2020 г. сотрудниками ИАЭТ СО РАН в непосредственной близости от стоянки Сабаниха был выявлен новый памятник Сабаниха 3, стационарные исследования которого ведутся с 2022 г. [Специфика раннего верхнего..., 2024].

Стоянка Сабаниха 3 расположена на высоком берегу р. Енисей. Культурный слой зафиксирован на глубине 5,5 м от дневной поверхности в слое светло-серого алевропеска [Особенности геолого-геоморфологического …, 2022]. Характер залегания каменных и костяных находок позволяет утверждать, что материалы культурного слоя не переотложены и не перемещены. Возраст культурного слоя, определённый по AMS, составляет 30-31 тыс. кал. л. н. [New data…, 2024].

Общая площадь стоянки, вскрытая раскопами 2022–2023 гг., составляет порядка 45 кв. м. Анализ пространственного распространения различных категорий каменных артефактов позволяет установить, что культурный слой стоянки представляет собой палимпсест многократных кратковременных эпизодов посещения носителями одной культурной традиции, имевших место на протяжении относительно короткого хронологического промежутка, 1–2 тыс. лет.

© Харевич В. М., Харевич А. В., Бочарова Е. Н., Анойкин А. А., 2025

На сегодняшний день коллекция каменного инвентаря стоянки насчитывает более 10 тыс. артефактов, большую часть из которых составляют отходы производства – чешуйки и мелкие отщепы [Специфика раннего верхнего..., 2024]. Первичное расщепление направлено на получение пластин в рамках однонаправленного объемного раскалывания. Данному методу соответствует большая часть нуклеусов комплекса. Также это подтверждается анализом индустрии сколов, среди которых преобладают пластины в качестве заготовок орудий. Ведущей категорией орудийного набора выступают концевые скребки, выполненные на пластинах и отщепах, зачастую ретушированных по одному или обоим продольным краям. Заметную долю составляют остроконечники на ретушированных пластинах, проколки на пластинах, долотовидные орудия, интенсивно ретушированные пластины и галечные орудия, представленные чопперами и стругами. Особенностью комплекса Сабаниха 3 является наличие развитой костяной индустрии. Найдены костяные ретушеры, фрагменты стерженьков, выполненных из рога, а также многочисленные фрагменты расколотого рога и множество колотых трубчатых костей. Наиболее яркой чертой исследуемого комплекса выступает наличие украшений из камня.

В фаунистическом комплексе преобладают остатки копытных: кулана, лошади и сибирского горного козла, видимо, представлявшие собой основные объекты охоты.

По характеру каменного инвентаря и хронологии материалы стоянки Сабаниха 3 соответствуют РВП традиции Енисея, а именно так называемому дербинскому, пластинчатому варианту [Палеолит Дербинского залива, 2018]. Анализ наиболее гомогенных комплексов (Усть-Малтат II, Дербина IV, Покровка II, Малая Сыя, Сабаниха) показал, что комплексы РВП Енисея характеризуются высоким уровнем однородности. Это проявляется как в технологии первичного расщепления, так и в орудийном наборе. Исключение составляет верхний культурный горизонт Куртака 4, ориентированный на производство отщепов. Для остальных комплексов характерно получение средних пластин в рамках однонаправленного объемного раскалывания, преобладание в орудийном наборе концевых скребков и остроконечников на ретушированных пластинах, интенсивно ретушированных пластин и наличие ряда специфических типов, таких как скребки-остроконечники, проколки и выемчатые орудия на пластинах. Мелкопластинчатое производство в данных комплексах очень ограниченно.

В широком контексте Южной Сибири и Центральной Азии стоянка Сабаниха 3 и другие комплексы ранних этапов верхнего палеолита Енисея по хронологии соответствуют РВП Центральной Азии и Южной Сибири – 39–29 тыс л. [Хаценович, 2014], а именно раннему и позднему его этапам. Однако, несмотря на сходство общего облика индустрий, выделяется ряд различий в технологии расщепления, как с НВП, так и РВП комплексами [Специфика раннего верхнего…, 2024].

Наиболее близким по морфологии нуклеусов, метрическим параметрам сколов-заготовок и общему облику орудийного набора выглядит индустрия Макарово-4 в верхнем течении р. Лены, которая выделяется среди синхронных комплексов НВП [Рыбин, Хаценович, 2020]. Исследователи предполагают, что особый облик индустрии Макарово-4 обусловлен размерами и формой местного галечного сырья, и данная индустрия рассматривается как редуцированная форма поздних НВП индустрий Забайкалья и Монголии, которые продолжали свое расселение на север в раннекаргинский период [Рыбин, Хаценович, 2020].

Список источников

Васильев С. А. Верхний палеолит Енисея: новые открытия, старые споры // Археология, этнография и антропология Евразии. 2023. Т. 51. № 1. С. 33–41.

Лисицын Н. Ф. Поздний палеолит Чулымо-Енисейского междуречья. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2000. 232 с.

Новые данные о радиоуглеродном возрасте местонахождения Малая Сыя / Л. В. Лбова, В. С. Панов, В. Н. Зенин, А. В. Барков // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2015. Т. 21. С. 103–106.

Особенности геолого-геоморфологического строения четвертичных отложений в береговых обрывах левобережья Красноярского водохранилища в окрестностях стоянок Сабаниха-3 и Сидориха / И. Д. Зольников, В. М. Харевич, П. С. Левицкая, А. А. Анойкин // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2022. Т. 28. С. 110–115.

Палеолит Дербинского залива / Е. В. Акимова, И. В. Стасюк, В. М. Харевич, С. А. Лаухин, А. Н. Мотузко, А. Ф. Санько. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2018. 180 с.

Рыбин Е. П., Хаценович А. М. Макаровская загадка: самый ранний верхний палеолит Евразии или прибайкальский вариант технокомплекса начального верхнего палеолита периода MIS-3? // Stratum Plus. 2020. № 1. С. 279–303.

Специфика раннего верхнего палеолита Енисея: стоянка Сабаниха 3 / А. В. Харевич, В. М. Харевич, И. Д. Зольников, А. М. Клементьев, Л. В. Зоткина, А. А. Анойкин, Е. В. Акимова // Сибирские исторические исследования. 2024. № 3. С. 146–173.

Хаценович А. М. Периодизация раннего верхнего палеолита Северной Монголии по материалам памятников Толборской группы // Вестник НГУ. 2014. Т. 13. Вып. 5. С. 80–90.

Beyond 55° north latitude: expanding the northern boundary of Initial Upper Paleolithic dispersal / E. P. Rybin, M. N. Mescherin, A. M. Klementiev, A. M. Khatsenovich // Archaeological Research in Asia. 2023. V. 36. P. 100481.

New data on the early upper Paleolithic of Central Siberia from the Sabanikha 3 site / V. Kharevich, A. Kharevich, E. Bocharova, A. Klementiev, I. Zolnikov, A. Anoikin // Archaeological Research in Asia. 2024. V. 38. P. 100516 DOI: 10.1016/j.ara.2024.100516.

Rybin E. P. Tools, beads, and migrations: Specific cultural traits in the Initial Upper Paleolithic of Southern Siberia and Central Asia // Quaternary International. 2014. № 347. P. 39–52.

В. А. Чаукина
Институт археологии РАН,
Москва, Россия

КУЛЬТУРООПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ЧЕРТЫ КОСТЯНЫХ ИНДУСТРИЙ ПАМЯТНИКОВ ВОСТОЧНОГО ГРАВЕТТА РУССКОЙ РАВНИНЫ

Аннотация. В статье рассмотрены особенности костяных индустрий восточного граветта Русской равнины, такие как стратегии выбора сырья, способы его расщепления, технико-типологические и стилистические характеристики разных категорий орудий, орнаментация, искусство. Специфика отдельных памятников позволяет говорить о различных культурных традициях, существовавших в рамках восточнограветтийской общности.

Ключевые слова: восточный граветт, костяная индустрия, бивневая индустрия, технико-типологический анализ

Статья подготовлена в рамках темы № НИОКТР 122011200271-7 (ИА РАН).

Изделия из твердых органических материалов являются важными источниками для понимания культурных особенностей верхнепалеолитического населения Русской равнины. Костяная индустрия включает в себя инвентарь на разных стадиях производства – готовые изделия, заготовки, а также всё, что осталось от их изготовления и использования, в том числе фрагменты костей, бивней и рога со следами обработки [Четырехъязычный…, 2007, с. 21–22].

Наиболее изученные памятники восточного граветта Русской равнины с широко представленными коллекциями костяного инвентаря – это Костёнки 1/1, Авдеево, Зарайск, Хотылёво 2 и Гагарино. Женские бивневые статуэтки являются отличительной особенностью костяных индустрий восточного граветта, тем

© Чаукина В. А., 2025

не менее подоснова для сопоставления гораздо шире и глубже.

Если принадлежность Костёнок 1/1, Авдеево и Зарайска к костенковско-авдеевской культуре не вызывала сомнений у исследователей, то вопрос культурной атрибуции Гагарино и Хотылёво 2 неоднократно обсуждался в литературе [Замятнин, 1935; Ефименко, 1958; Заверняев, 1974; Тарасов, 1979; Гвоздовер, 1985а; Амирханов, 1998; Хлопачев, 2006; Гаврилов, 2008]. Подробное изучение костяных индустрий Гагарино и Хотылёво 2 дает возможность расширить дискуссию о вариабельности восточного граветта. В дополнение к выводам, сделанным на основе изучения каменных индустрий, в этом ключе важно учитывать, на какие культуроопределяющие признаки в костяной индустрии можно опираться для определения места памятника в рамках восточнограветтийской общности.

В стратегии выбора сырья для стоянок восточного граветта характерен минимальный процент роговых предметов по сравнению с костяными и бивневыми. На памятниках костёнковско-авдеевской культуры предпочтение отдавалось кости, бивень использовался реже. В коллекциях Гагарино и Хотылёво 2 количество бивневых изделий незначительно превышает костяные. Для всех памятников восточного граветта Русской равнины отмечено использование бивня трещиноватого качества [Хлопачев, 2006; Громадова, 2012].

Основные приемы расщепления и обработки кости и бивня соотносимы для всех стоянок восточного граветта Русской равнины, однако на материалах некоторых памятников прослеживается предпочтение в выборе одних приемов по сравнению с другими или использование редких способов расщепления. При использовании костей в качестве заготовок выбирались преимущественно плоские, реже трубчатые кости. Для Костёнок 1/1 и Авдеево характерно превалирование костей мамонта в качестве заготовок, на Гагарино и Хотылёво 2 велик процент использования костей других животных [Громадова, 2012, с. 250]. В бивневой индустрии Гагарино зафиксировано использование техники поперечного скалывания с бивня, нехарактерной для костёнковско-авдеевской культуры. Для Хотылёво 2 специфическим является прием поперечного разламывания бивня [Хлопачев, 2006, с. 95]. В бивневой индустрии общей чертой памятников можно назвать выбор в качестве базовых заготовок плоских продуктов расщепления, для Хотылёво 2 прослеживается частое использование стержневидных заготовок [Хлопачев, 2006, с. 120].

На материалах Гагарино и Хотылёво 2 выявлена примечательная особенность, заключающаяся в изготовлении предметов одинаковых форм, но из разных материалов – кости и бивня. Таковыми находками являются пара шильев и лопаточек из Хотылёво 2, а также шилья, лощила и наконечники из Гагарино.

Костяной инвентарь хозяйственно-бытового назначения на всех упомянутых стоянках является достаточно многочисленным и разнообразным по спектру категорий. Везде встречены такие изделия, как иглы, шилья, острия, лощила, ретушеры. Инвентарь Хотылёво 2 в этом плане наиболее полно соотносим с костёнковско-авдеевским – в нем также представлены лопаточки, наковаленки, копалки из ребер мамонта, мотыгообразные орудия, которые отсутствуют в коллекции Гагарино.

Акцент в данном контексте предлагается сместить на наличие или отсутствие фигурного оформления проксимального конца орудий как части технологической цепочки. Острия с фигурными навершиями, в том числе с навершиями в виде шляпок, а также лопаточки, были обнаружены в Костёнках 1/1, Авдеево и Хотылёво 2. Стоит обратить внимание, что лопаточки с Хотылёво 2 относятся к другому типу. На Гагарино отсутствуют данные категории изделий, но эту особенность нельзя связать с обедненностью орудийного набора, поскольку коллекция орудий хозяйственно-бытового спектра весьма представительна для стоянки, а уровень владения технологическими навыками достаточно высок, о чем свидетельствуют, к примеру, миниатюрная игла с ушком или серия женских статуэток. Можно предполагать, что гагаринские орудия

преднамеренно не были выполнены в художественной манере. Среди изделий с оформленным проксимальным концом на Гагарино отмечен только один бивневый стержень с овальным навершием.

Орнаментация изделий является ещё одной важной культуроопределяющей чертой. Для костенковско-авдеевской культуры характерен геометрический, зональный, прямолинейный орнамент, к элементам которого относятся черточки, косой крестик, угол, иногда более сложные фигуры – зигзаг и елочка [Гвоздовер, 1985, с. 9]. Для Хотылёво 2 также характерны геометрические элементы в орнаментации предметов, однако традиция нанесения орнамента на наконечники и наличие комбинированных орнаментальных мотивов не находят аналогии в костёнковско-авдеевской культуре, но имеют связь с позднепалеолитическими деснинскими памятниками [Гаврилов, 2008, с. 116]. Для орудий Гагаринской стоянки не характерно наличие орнаментации, исключение составляет костяной игольник с вырезанными треугольниками и парными поперечными насечками.

Создание произведений искусства является единой традицией всего пространства восточного граветта, которая выражается в производстве украшений, предметов-имитаций, статуэток. Изучению бивневых женских статуэток посвящено большое количество литературы [напр., Гвоздовер, 1985а; Столяр, 1985; Абрамова, 1966; Хлопачев, 2006]. Как правило, каждая статуэтка относится к одному из двух канонов построения изображения – костёнковскому или гагаринско-хотылёвскому. В этом отношении примечательно Гагарино, поскольку здесь в рамках одного жилища были встречены бивневые статуэтки двух типов. Также в материалах стоянки была найдена уникальная двойная бивневая статуэтка, фигуры которой примыкают головами друг к другу. В производстве украшений на стоянках восточного граветта прослежено большее единообразие, которое проявляется в принципе выбора морфологических классов зубов, технологии изготовления украшений.

Помимо технико-типологических и стилистических особенностей предметов не менее важен контекст их обнаружения. На стоянках костенковско-авдеевской культуры и Гагарино многие изделия из твердых органических материалов были обнаружены в ямах-хранилищах, хотя форма и конструкция гагаринского жилища не являются типичными для верхнепалеолитических жилищ Русской равнины. Хотылёво 2 представляет собой совершенно другой тип поселения, основу которого составляют группы взаимосвязанных объектов [Гаврилов, 2008, с. 17–23].

Таким образом, говоря о культуроопределяющих чертах в костяной индустрии памятников восточного граветта Русской равнины, необходимо учитывать стратегии выбора сырья, способы его расщепления и технологии обработки, производственную цепочку, спектр категорий орудий и их стилистические особенности, орнаментацию, искусство. Причем можно предполагать, что традиции создания предметов искусства являются более общими для всех памятников, а технико-типологические и стилистические характеристики предметов других категорий претерпевают значительную изменчивость. Если для стоянок костёнковско-авдеевской культуры прослеживается большее единообразие, то специфика костяных индустрий Гагарино и Хотылёво 2 представляется четко выраженной. Это находит подтверждение в специфике их каменных индустрий и структуры поселений, что, в совокупности, является аргументом в пользу наличия вариабельности памятников в рамках восточного граветта Русской равнины.

Список источников

Абрамова З. А. Изображение человека в палеолитическом искусстве Евразии. М.; Л.: Наука, 1966. 224 с.

Амирханов Х. А. Восточный граветт или граветтоидные индустрии Центральной и Восточной Европы? // Восточный граветт. М.: Научный мир, 1998. С. 15–34.

Гаврилов К. Н. Верхнепалеолитическая стоянка Хотылево 2. М.: Таус, 2008. 243 с.

Гвоздовер М. Д. Орнамент на поделках костенковской культуры // СА. 1985. № 1. С. 9–22.

Гвоздовер М. Д. Типология женских статуэток костенковской палеолитической культуры // Вопросы антропологии. 1985а. Вып. 75. С. 27–66.

Громадова Б. Использование сырья из кости, бивня и рога на стоянках костенковско-авдеевской культуры (восточный граветт): дис. … канд. ист. наук. М., 2012. 343 с.

Ефименко П. П. Костенки I. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1958. 485 с.

Заверняев Ф. М. Новая верхнепалеолитическая стоянка на реке Десне // СА. 1974. № 4. С. 142–161.

Замятнин С. Н. Раскопки у с. Гагарино (Верховья Дона, ЦЧО) // Изв. ГАИМК. Вып. 118. Палеолит СССР. М.–Л., 1935. С. 26–77.

Столяр А. Д. Происхождение изобразительного искусства. М.: Искусство, 1985. 298 с.

Хлопачев Г. А. Бивневые индустрии верхнего палеолита Восточной Европы. СПб.: Наука, 2006. 262 с.

Четырехъязычный (русско-англо-франко-немецкий) словарь-справочник по археологии палеолита / С. А. Васильев, Г. Бозински, Б. А. Бредли, Л. Б. Вишнфцкий, Е. Ю. Гиря, Ю. Н. Грибченко, М. Н. Желтова, А. Н. Тихонов. СПб.: Петербургское востоковедение, 2007. 261 с.

А. А. Чуб
Донецкий государственный университет,
Донецк, Россия

КОСТЯНЫЕ ИЗДЕЛИЯ ПАЛЕОЛИТА С ДОЛОТОВИДНЫМ ИЗНОСОМ

Аннотация. В данной работе проводится анализ коллекций костяных изделий со следами долотовидного износа из местонахождений среднего палеолита. Трактовка долотовидного износа на трубчатых костях животных в комплексах среднего палеолита в качестве следов выколачивания костного мозга относится к категории доказательной интерпретации археологического источника.

Ключевые слова: изделия с долотовидным износом, средний палеолит, костяные индустрии

Исследование выполнено в рамках проекта № 124012400356-4 «Актуальные проблемы древней и средневековой истории и археологии Донбасса».

Костяные изделия широко представлены в археологических памятниках первобытного времени наряду с каменными орудиями. Фактически кость и камень являются основными материалами для орудий труда в каменном веке и дополнительным материалом в энеолите и бронзовом веке. Костяные изделия в целом хорошо сохраняются до наших дней. Вместе с тем кость является материалом очень специфическим, имеющим свои технологии обработки и такие же специфические условия сохранности в древних культурных слоях [Сорокин, 2014]. Помимо кости, древним человеком использовались также такие схожие по технологиям обработки материалы, как бивень мамонта и рог северного оленя. К примеру, в одном из погребений на верхнепалеолитической стоянке Сунгирь были обнаружены копья из бивня мамонта, изготовление которых требовало весьма сложных технологий [Хлопачев, Гиря, 2010]. Практически для всех индустрий среднего и позднего палеолита характерно широкое применение роговых отбойников в процессе расщепления камня, причем такие отбойники использовались как при расщеплении нуклеусов, так и при изготовлении орудий. Широко известны костяные орудия среднего палеолита, типология которых в известной степени повторяет типологию каменных орудий, т. е. кость рассматривалась как вспомогательный материал, и при использовании костей (в основном трубчатых) масштабировались технологии обработки камня.

Кость использовалась древним человеком не только как материал для изготовления орудий труда. Обработка кости была связана также с утилизацией туш

© Чуб А. А., 2025

животных в пищевых целях. Наиболее массовой является операция по дроблению трубчатых костей с целью получения костного мозга. Одной из причин столь массового употребления костного мозга в пищу, помимо высокой энергетической ценности, было то, что костный мозг заключен в своеобразную герметичную камеру, в которую не попадает воздух, следовательно – он дольше сохранится. Употребление в пищу костного мозга в среднем палеолите доказывают материалы из таких памятников, как грот Кийк-Коба [Бонч-Осмоловский, 1940], навес Староселье [Формозов, 1958], а также стоянка Рожок I в Северо-Восточном Приазовье [Костяные изделия…, 2023]. Раскалывание кости имело свою специфику: мелкие кости (кости песца, суслика) раскалывались мощным ударом в центр кости, а кости более крупных животных – вдоль, образуя своеобразные костяные пластинки. Таким же образом раскалывались кости средних по размеру и крупных животных [Семенов, 1968]. В дальнейшем пластинки и осколки крупных трубчатых костей могли использоваться в качестве ретушёров и других орудий труда. Изучение ретушёров среднего палеолита началось более ста лет назад на основании обширной коллекции костей со следами обработки, происходящей из пещерной стоянки Ля Микок.

При выколачивании костного мозга из предварительно расколотых трубчатых костей на торцах образуется специфический износ в виде точечных или линейных участков со следами забитости и мелкими сколами на внешнюю и внутреннюю сторону кости. По аналогии с долотовидными орудиями на каменных отщепах такие следы логично называть долотовидным износом. В археологической литературе подобные «долотовидные изделия» среднего палеолита нередко считаются орудиями особого типа [Степанчук, Цвелых, 2018; Голованова, 2017]. Серии подобных предметов были получены нами в ходе экспериментов по выколачиванию костного мозга из трубчатых костей средних и крупных по размеру животных.

Этот прием использования зооресурсов в пищевых целях широко использовался не только в среднем палеолите за счет своей простоты и эффективности. В эпоху бронзы раскалывание кости с целью получения костного мозга также было распространено. В Северо-Восточном Приазовье исследован целый ряд поселений позднего бронзового века, локального варианта срубной культуры. На всех памятниках собрана иногда небольшая, иногда – довольно обширная коллекция костяных изделий и орудий. Аналогичные палеолитическим находкам фрагменты были представлены в местонахождениях Халаджи Бахчи, Оло Хаз в Северо-Восточном Приазовье [Усачук, Бахшиев, 2020], а также на поселении Каменогорье I в низовьях Северского Донца [Чуб, 2024]. Изделия имеют характерные следы долотовидного износа на торцовых обломках костей. Это были трубчатые кости крупных копытных. Раскалывание костей было одним из этапов разделки и последующей утилизации туш животных. После разделки туши крупные кости раскалывались на несколько частей, а затем из получившихся фрагментов сильным ударом об каменную наковальню выколачивался костный мозг. К примеру, в местонахождении Каменогорье I было обнаружено 13 фрагментов трубчатых костей с долотовидным износом. Как правило, износ фиксируется в виде ряда сопряженных мелких и средних фасеток сколов компакты диафиза. Несколько костей были расколоты на две части, так что образовались две полые трубки со следами выколачивания костного мозга на концах. Кости в процессе этой процедуры могли раскалываться на несколько частей, о чем свидетельствует наличие нескольких мелких костяных пластинок со следами износа.

Выделив в коллекциях изделия с долотовидным износом, можно сделать вывод о том, что раскалывание костей с целью получения костного мозга являлось неотъемлемой частью процесса утилизации туш животных в различные эпохи. Техника извлечения костного мозга путем выколачивания расколотых трубчатых костей отражает глубокую степень перера-

ботки зооресурсов местным населением. Стоит отметить, что подобный тип износа фиксируется в коллекциях от среднего палеолита до бронзового века. Указанный тип износа следует дифференцировать от следов использования фрагментов трубчатых костей в качестве клиновидных орудий, но доказательство этого тезиса требует дополнительной аргументации и экспериментов.

Список источников

Бонч-Осмоловский Г. А. Грот Киик-Коба // Палеолит Крыма. Вып. 1. М.; Л., 1940. 227 с.

Голованова Л. В. Костяные изделия в среднем и верхнем палеолите Кавказа // КСИА. 2017. № 246. С. 169–184.

Костяные изделия со стоянки среднего палеолита Рожок I (культурный горизонт VI) в Северо-Восточном Приазовье / А. В. Колесник, Е. Ю. Гиря, А. Ю. Данильченко, В. В. Титов, О. Г. Олих, А. К. Очередной // Stratum plus. №. 1. 2023. С. 101–128.

Семёнов С. А. Развитие техники в каменном веке. Л.: Наука, 1968. 376 с.

Сорокин А. Н. К вопросу о специфике костяных и роговых орудий в качестве археологических источников // Известия ИГУ. Серия «Геоархеология. Этнология. Антропология». Т. 7. 2014. С. 37–53.

Степанчук В. Н., Цвелых А. Н. Глава VIII. Каменная и костяная индустрии слоев III и IIIа. Индивидуальные находки // Поздние неандертальцы Крыма. Заскальная VI (Колосовская) слои III и IIIа. Киев: Слово, 2018. С. 157–165.

Усачук А. Н., Бахшиев И. И. Коллекция костяных изделий поселения Оло Хаз // Archaeoastronomy and Ancient Technologies. 2020. 8 (2). С. 55–123.

Формозов А. А. Пещерная стоянка Староселье и ее место в палеолите // МИА. № 71. М., 1958. 124 с.

Хлопачев Г. А., Гиря Е. Ю. Секреты древних косторезов Восточной Европы и Сибири: приёмы обработки бивня мамонта и рога северного оленя в каменном веке. СПб.: Наука, 2010. 144 с.

Чуб А. А. Изделия с долотовидным износом поселения бронзового века «Каменогорье I» в низовьях Северского // Донецкие чтения 2024: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности. Том 7: Исторические и политические науки. Донецк: ДонГУ, 2024. 458 с.

А. А. Чубур
ООО «Брянская археологическая служба»,
Брянск, Россия

ВЕРХНИЙ КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ СТОЯНКИ БЫКИ 1 НА РЕКЕ СЕЙМ

Аннотация. Обосновывается выделение верхнего культурного слоя верхнепалеолитической стоянки Быки 1 (Курская область РФ). Дана характеристика инвентаря. Скорректированы взгляды на реконструкцию жилища основного (нижнего) культурного слоя.

Ключевые слова: верхний палеолит; бассейн Десны; Сейм; быковская культура; стратиграфия

Палеолитический микрорегион Быки занимает площадь около 0,25 км^2 на древней дюне в пределах второй надпойменной террасы левого берега р. Сейм. Он открыт в 1975 г. и стал планомерно изучаться с 1995 г. Исследование Н. Б. Ахметгалеевой многослойной стоянки Быки 7 и изучение микрорегиона геоморфологами [Палеогеоморфология, 2021; Хронология, 2024; Multi-scale, 2024] позволило по-новому взглянуть и на стратиграфию и инвентарь ранее исследованной автором стоянки Быки 1 [Чубур, 2001]. В первую очередь, это касается многослойности памятника, а также понимания стратиграфии и, исходя из него, нюансов реконструкции жилого объекта.

Верхние горизонты стратиграфической колонки на месте полуземлянки Быков 1 были срезаны в 1975 г. земляными строительными работами, в раскопе на этом участке наблюдался следующий разрез (сверху вниз):

© Чубур А. А., 2025

1. Суглинок палево-бурый карбонатный, малопористый, книзу опесчаненный сероватый, с двумя песчаными прослойками мощностью по 2–3 см, проседающими к центру углубления. Мощность 0,3 м.

2. Супесь бурая слабо оглеенная, с примазками марганца и окислов железа, сформировалась в условиях переувлажнения в понижении рельефа над заброшенной полуземлянкой. Содержит костный тлен, кости, долго экспонировавшиеся патинированные кремни, часть которых залегает в вертикальном и наклонном положении. В данный момент интерпретируется автором как верхний культурный слой стоянки. Мощность до 0,3 м.

3. Слой бурого пластичного суглинка, местами распадающийся на линзы. Содержит крупные кости, связанные с вышележащим культурным слоем. Мощность до 0,3 м.

4. Супесь светло-бурая с сероватым и желтоватым оттенком, насыщенная культурными остатками – нижний культурный слой-палимпсест, сформировавшийся в результате наложения нескольких уровней обитания, которые за исключением участков с золистыми прослойками в нижней половине толщи и у материка невозможно разделить визуально. Мощность до 0,6 м.

5. Песок эоловый желтовато-белый с глинистыми вкраплениями, подстилает нижний культурный слой.

Разрез, полученный к западу от углубленного сооружения в пределах вала отстойника очистных сооружений, дал похожий профиль. Под слоем насыпного грунта, смещенного бульдозерами снизу, прослежена такая стратиграфическая колонка:

1. Дерновый слой (горизонт А) современной почвы. Мощность до 0,4 м.

2. Суглинок легкий палево-бурый, карбонатный, малопористый, в верхней части с журавчиками и дутиками, книзу серовато-палевый опесчаненный. В основании прослежены две прослойки среднезернистого светло-серого и желтовато-серого песка мощностью до 3 см каждая. Суммарная мощность до 1 м. Непосредственно под нижней прослойкой горизонтом залегает культурный слой 3.

3. Суглинок бурый с многочисленными карбонатными конкрециями и лжемицелием (следы эмбрионального почвообразования), включения минеральной краски, костного угля, костей и расщепленного кремня – культурный слой. Кремни, лежащие *in situ* на древней дневной поверхности, на нижней поверхности покрыты карбонатной пленкой. Мощность 0,04 м.

4. Суглинок тяжелый, бурый, вязкий, с карбонатными конкрециями и примазками марганца, разбит мелкими полигональными мерзлотными трещинами шириной до 4 см, читающимися под участками окрашенного золой или минеральной краской культурного слоя. Над ожелезненным нижним контактом опесчанен. Мощность до 0,1 м.

5. Слоистые эоловые пески и супеси (чередование среднезернистого светло-серого песка и бурой супеси). В верхней части оглеены и насыщены пылеватыми карбонатами. Вверху толщина прослоек 3–4 см, ниже мощность прослоек песка возрастает до 7 см, а прослоек супеси снижается до 1 см. Прослежено 0,5 м.

Тяжелый вязкий бурый суглинок (слой 3 разреза над полуземлянкой и слой 4 разреза вала), который ранее автор ошибочно принимал в первом разрезе за следы рухнувшего грунтового перекрытия полуземлянки [Чубур, 2001, 2009], является стратиграфическим маркером, разделяющим как эоловые пески и перекрывающие их делювиальные суглинки, так и нижний и верхний культурные слои стоянки Быки 1. Таким образом, прослеженный в разрезе вала культурный слой соотносится с верхним культурным слоем над полуземлянкой. На большей части поселения материалы слоев смешаны строительными работами и распашкой. Поэтому верхний культурный слой охарактеризован только по находкам над полуземлянкой и в пределах вала.

Кремневый инвентарь верхнего слоя Быков 1 включает 578 изделий (исключая мелкие чешуйки): 200 отщепов, 178 пластин и их фрагментов, 15 нуклеусов и их крупных обломков, 10 технологических

сколов (ребристые пластины, снятия карниза), 49 резцовых отщепов, 125 морфологически выраженных орудия и выемчатое изделие, трактуемое автором как близкая к мадленским стилизованная женская фигурка [Чубур, 2017]. Среди орудий наиболее многочисленны микролиты (40), из них 37 (включая две заготовки) – типичные «быковские» вытянутые асимметричные с косо тронкированным основанием треугольники, 2 трапеции и сегмент. Скребки (38): концевые симметричные с дугообразным (21) лезвием, концевые асимметричные с дугообразным (10, включая 2 с шипом) и прямым (1) лезвием, и концевые стрельчатые (2), а также двойные (3) и округлый (1). Среди резцов (32) наблюдается характерное для быковской культуры преобладание двугранных (16), есть боковые на сломе (5) и ретушные (10), включая 3 трансверсальных и 2 типа Lacan. Еще один комбинированный (двугранный + боковой ретушный). Два других комбинированных орудия – концевые скребки в сочетании с двугранным и боковым резцами. Проколок 9, из них 2 с оформленным крутой притупляющей ретушью длинным массивным жальцем (langbohrer), 2 клювовидных (zinken), 2 срединных и 2 угловых с коротким жальцем и 1 с двумя жальцами на поперечном крае заготовки (chaleux). Выемчатых орудий на пластинах 3, зубчатое орудие на массивной пластине – 1. По сравнению с нижним слоем Быков 1 в верхнем слое выше микролитизация инвентаря, появляются выемчатые орудия, при этом исчезают изделия с подтеской.

С верхним культурным слоем связаны изделия из мергеля: миниатюрная фигурка животного и подвеска-калачик, находящая аналогии на стоянке Авдеево-Новое [Gvozdover, 1995] и в слое 1а Быков 7 [Ахметгалеева, 2015]. Костяных поделок мало (лощило из ребра лошади и типичные для быковской культуры две костяные проколки с плечиками), что может быть связано с плохой сохранностью кости.

Фауна представлена северным оленем, лошадью, мамонтом и песцом. Часть крупных костей мамонта (череп в центре западины, половину тазовой и плечевую над черепом бизона из нижнего слоя, а также бедренную и лучевую) следует относить не к конструкции свода жилища, как ранее полагал автор [Чубур, 2001, 2009], а к основанию верхнего культурного слоя.

Верхний культурный слой Быков 1 связан не с эоловыми отложениями, как большая часть стоянок микрорегиона с геометрическими микролитами, а с основанием перекрывающей их толщи покровных суглинков и, таким образом, является в пределах микрорегиона одним из группы наиболее молодых слоев, имеющей мадленские черты [Чубур, 2016] быковской культуры – наряду с культурными слоями 1а и 1в Быков 7 [Ахметгалеева, 2019].

Список источников

Ахметгалеева Н. Б. Каменный век Посеймья: верхнепалеолитическая стоянка Быки-7. Курск: Мечта, 2015. 254 с.

Ахметгалеева Н. Б. 2019. Стоянки позднего палеолита Быки в центре Русской равнины: культурная составляющая // Camera Praehistorica. 2019. № 1 (2). С. 18–35.

Палеогеоморфология памятников позднего палеолита Курского Посеймья по данным георадиолокации / С. С. Бричева, Н. Б. Ахметгалеева, Е. И. Куренкова, А. Л. Захаров, Л. В. Шашерина, М. Н. Кандинов, С. П. Медведев, А. В. Панин // Пути эволюционной географии. М.: Институт географии РАН, 2021. С. 587–590.

Хронология верхнепалеолитических стоянок Быки (центр Восточно-Европейской равнины) по данным 14С и ОСЛ датирования / А. В. Панин, Н. Б. Ахметгалеева, Л. В. Шашерина, Н. Д. Бурова, Е. В. Воскресенская, Э. П. Зазовская, Р. Н. Курбанов, Е. И. Куренкова, С. С. Бричева // Stratum plus. 2024. № 1. С. 203–230.

Чубур А. А. Быки. Новый палеолитический микрорегион и его место в верхнем палеолите центра Русской равнины. Брянск: Брянск – Сегодня, 2001. 136 с.

Чубур А. А. Микростратиграфия верхнепалеолитической стоянки Быки // Русский сборник. Брянск: БрГУ, 2008. Вып. 4. С. 9–22.

Чубур А. А. К вопросу о реконструкции палеолитического жилища в Быках // Праці центру пам‘яткознавства. 2009. № 16. С. 79–90.

Чубур А. А. Позднеледниковье в Верхнем Поднепровье: интеграция археологических и палеогеографических данных // Русский сборник. Брянск: БрГУ, 2016. Вып. 8–1. С. 151–164.

Чубур А. А. Антропоморфная кремневая скульптура палеолита // V (XXI) Всероссийский археологический съезд: сб. науч. тр. Барнаул: АлтГУ, 2017. С. 1140–1141.

Gvozdover M. Art of the Mammoth Hunters: The Finds from Avdeevo. Oxbow Books, Oxford, 1995. 186 p.

Multi-scale palaeolandscape reconstruction at the Upper Paleolithic Byki sites, central East European Plain / S. S. Bricheva, N. B. Akhmetgaleeva, A. V. Panin, L. V. Shasherina, M. A. Tarasova, V. G. Bezdudniy, V. M. Matasov, A. L. Zakharov, A. S. Dobriansky, E. I. Kurenkova // L'Anthropologie. 2024. Vol. 128. Issue 2. 103241.

А. В. Шмидт[1], О. В. Кардаш[2]
[1] Музей Природы и Человека,
Ханты-Мансийск, Россия
[2] Сургутский государственный университет,
Сургут, Россия

ШЛИФОВАННЫЕ ИЗДЕЛИЯ С ПОСЕЛЕНИЯ ЭПОХИ РАННЕГО ГОЛОЦЕНА БАЛИНСКОЕ 73

Аннотация. Из-за нехватки качественного поделочного камня на поселении Балинское 73 альтернативой пластинчатому расщеплению становится шлифовка и техника контрудара. Шлифованные изделия представлены внушительной серией, состоящей из нескольких категорий каменного инвентаря, отличающегося большим типологическим разнообразием. Для их изготовления была организована специализированная производственная площадка.

Ключевые слова: мезолит, шлифованные каменные орудия

Анализируя каменную индустрию мезолитических комплексов Западной Сибири, исследователи неоднократно обращали внимание на малочисленность шлифованных орудий [Старков, 1980; Кунгуров, 1993; Академическая…, 2024]. Большие серии этих изделий встречаются крайне редко, что сразу выделяет такие памятники на фоне других объектов, например, позднемезолитический комплекс Леуши IX (бассейн р. Конда) [Академическая…, 2024, с. 245].

Наиболее внушительная коллекция шлифованных изделий происходит с памятника Балинское 73. Объект находится в правобережье Оби, в 25 км к ССВ от с. Селиярово. Есть мнение, подкрепленное серией радиоуглеродных дат, что памятник следует датировать сер. VIII – сер. VII тыс. до н. э. [Пономарёва, 2018, с. 149]. За два полевых сезона (2015–2016 гг.) в нашем распоряжении оказалось 9 908 каменных артефактов. Из них 438 так или иначе отражают технику шлифовки: абразивы (47 целых, 220 обломков); рубящие орудия (57 целых, 28 обломков); прочие (некоторые плохо диагностируемые) шлифованные предметы (15 экз.), а также сколы со шлифованных изделий (71 экз.).

В качестве абразивов служили пригодные по структуре породы камня, которые использовали без какой-либо предварительной подготовки. Зона утилизации располагалась преимущественно на широких сторонах инструментов. Точило могло иметь от одной до трех абразивных граней. Так как инструментам изначально не стремились придать какую-либо форму, абразивы Балинского 73 не создают устойчивых типологических рядов. Условно их можно разделить по количеству рабочих поверхностей. В данной категории выделяются две абразивные стационарные плиты, что говорит о наличии на поселении специализированной производственной площадки, направленной, прежде всего, на изготовление рубящих орудий.

© Шмидт А. В., Кардаш О. В., 2025

Во главу классификации топоров/тесел исследователи, в основном, закладывают один из двух типообразующих признаков: очертания в плане [Воробьев, 1979; Плешаков, Зайберт, 1985], поперечное сечение [Неолит юга…, 1991; Петров, 1992, с. 75]. Пропорции изделий, угол заточки лезвия, размеры, симметрия продольного сечения, толщина обушка, форма лезвия, характер заготовки, технология обработки рассматриваются исследователями в качестве вариантов.

Для коллекции рубящих орудий с Балинского 73, из-за «изобретательности» древних мастеров, пришлось использовать дополнительный критерий – количество лезвий. На памятнике обнаружено: 45 однолезвийных топоров (рис. 1, *2, 5–8*); 9 изделий с двумя лезвиями (рис. 1, *1*); у одного – три лезвия (рис. 1, *3*); еще два с четырьмя лезвиями (рис. 1, *4*). В целом длина инструментов от 22 до 144 мм, вес – от 4 до 451 г.

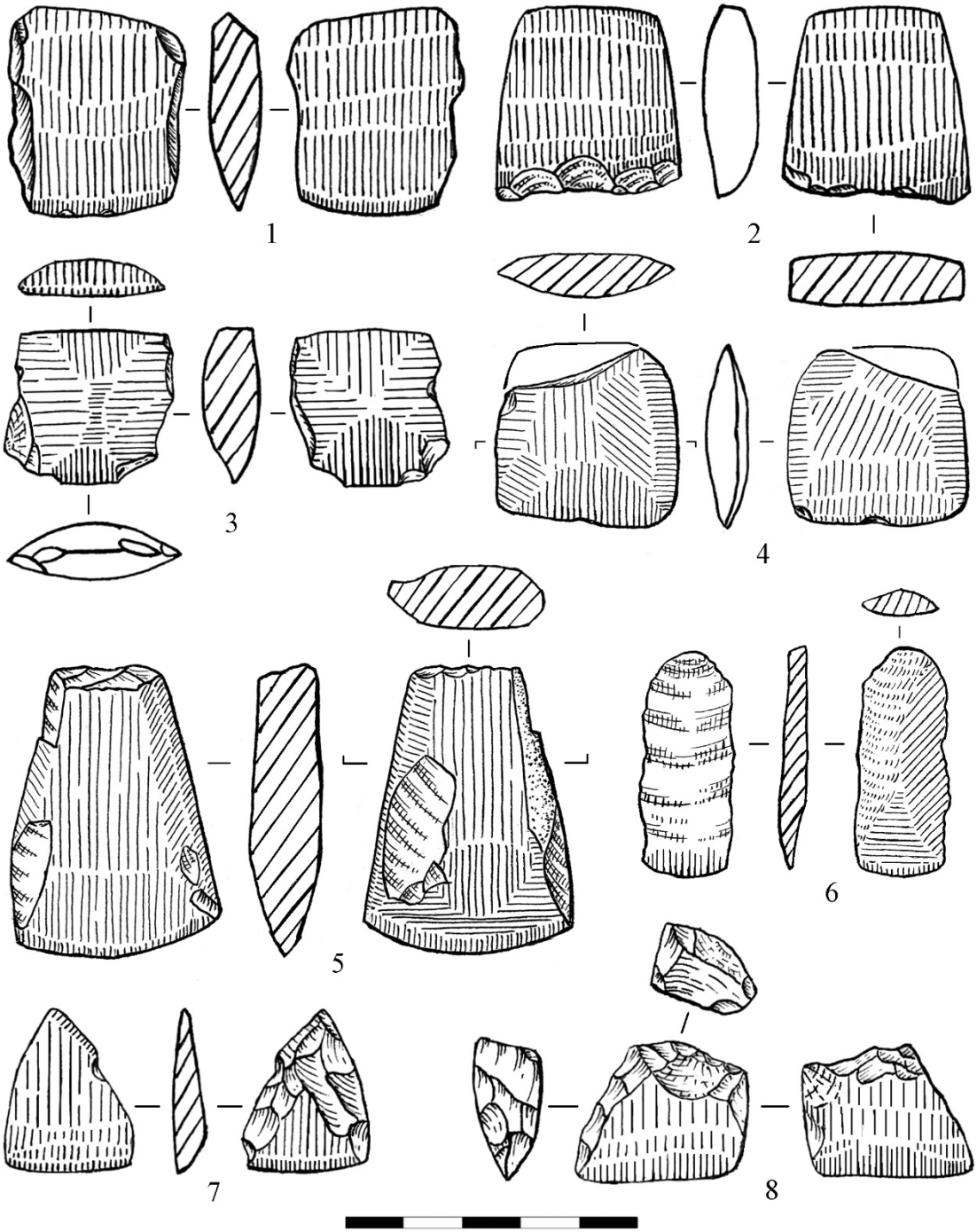

Рис. 1. Шлифованные орудия с мезолитического поселения Балинское 73

Не вдаваясь в «скучную статистику», скажем, что «наиболее популярное» рубящее орудие – почти полностью обработано граненой шлифовкой, имеет одно лезвие, трапециевидное очертание, прямоугольное поперечное сечение и асимметричное продольное сечение. Рабочая кромка прямая (чуть реже дугообразная), длина примерно 5 см, а вес меньше 30 г. Пропорции длины и ширины ≈ 1:1–1:1,5 (рис. 1, *2*).

У двулезвийных рубящих орудий заостренные грани всегда располагаются на противолежащих сторонах (рис. 1, *1*). На данный момент можно только предполагать причины появления изделий с двумя и более лезвиями. Возможно, это связано с экономией трудозатрат на изготовление инструмента. Вероятно, сломанное/испорченное лезвие не становилось поводом утилизации орудия. Его разворачивали другой гранью и продолжали использовать. Это подтвердил предварительный трасологический анализ двулезвийного топора. Кроме этого, у изделия с тремя лезвиями все три несут следы сработанности (рис. 1, *3*).

Орудия с тремя и четырьмя лезвиями обладают схожей морфологией (рис. 1, *3, 4*). Это миниатюрные, полностью зашлифованные изделия, имеют трапециевидное или прямоугольное очертание, линзовидное поперечное сечение и асимметричное продольное сечение. Рабочие кромки прямые или дугообразные. Длина инструментов 27–31 мм, а вес 8–15 г, пропорции ≈ 1:1.

Среди изделий данной категории можно выделить орудия с продольным желобком. Они представлены двумя целыми экземплярами на двулезвийных изделиях и четырьмя обломками рабочих граней. В отличие от подобных инструментов с памятника Леуши IX, где желобок оформляли путем шлифовки, на балинских изделиях сам желобок выполнен за счет крупных сколов и ретуши.

Обломки рубящих орудий нередко обретали «вторую жизнь». Известны долото и скребло, выполненные из обушковой части. Два обломка рабочей грани были преобразованы в миниатюрные топорики. В первом случае просто зашлифовали острые/выпирающие грани в месте слома. Во втором – у отломившегося угла лезвия тщательно отретушировали места слома и продолжили использовать по назначению (рис. 1, *8*).

В целом шлифованные орудия поселения Балинское 73 можно рассматривать как продукт, направленный на преодоление дефицита качественного каменного сырья. Шлифовка и техника контрудара становятся альтернативой пластинчатому расщеплению, которое представлено в коллекции всего 8 пластинами и 54 пластинчатыми отщепами. Открыв для себя шлифовку как способ изготовления каменных орудий труда, древний человек начинает экспериментировать, вырабатывая оптимальные формы. В пользу этого свидетельствует типологическое разнообразие рубящих орудий, которое количественно смещается в сторону однолезвийных топоров. Помимо этой, самой многочисленной категории шлифованных изделий, появляются ножи и мотыги, представленные пока в материалах памятника единичными экземплярами.

Список источников

Академическая история Югры. Том 1 / отв. ред. Н. М. Чаиркина, Г. П. Визгалов. Ханты-Мансийск: Изд-во «Новости Югры», 2024. 768 с.

Воробьев В. М. Некоторые вопросы изучения мезолитических рубящих орудий // СА. 1979. № 3. С. 35–47.

Кунгуров А. Л. Палеолит и мезолит Алтая. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1993. 89 с.

Неолит юга Дальнего Востока: Древнее поселение в пещере Чертовы Ворота / отв. ред. Ж. В. Андреева. М.: Наука, 1991. 223 с.

Петров А. И. Эпоха позднего неолита и ранней бронзы в Среднем Прииртышье. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2024. 348 с.

Плешаков А. А., Зайберт В. Ф. Рубящие орудия поселения Ботай // Энеолит и бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск: Изд-во Башкирского ун-та, 1985. С. 48–59.

Пономарёва Т. М. Поселение Балинское 73: данные радиоуглеродного датирования и археологический контекст // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 16. Томск; Ханты-Мансийск, 2018. С. 142–153.

Старков В. Ф. Мезолит и неолит лесного Зауралья. М.: Наука, 1980. 219 с.

М. В. Шуньков
Институт археологии и этнографии СО РАН,
Новосибирск, Россия

ДРЕВНЕЙШАЯ АРХЕОЛОГИЯ АЛТАЯ: ПО МАТЕРИАЛАМ ДЕНИСОВОЙ ПЕЩЕРЫ

Аннотация. Представлены результаты междисциплинарных исследований нижней толщи плейстоценовых отложений Денисовой пещеры. Приводятся данные по геохронологии и палеонтологии отложений, вмещающих древнейшие антропологические и археологические материалы. Эти данные свидетельствуют, что первыми обитателями пещеры были денисовцы, которые являлись носителями культурных традиций ранней стадии среднего палеолита.

Ключевые слова: Алтай, Денисова пещера, средний плейстоцен, ранняя стадия среднего палеолита, денисовцы

Исследование выполнено при поддержке РНФ, проект № 24-18-00069, https://rscf.ru/project/24-18-00069.

Наиболее полная картина развития древнейших этапов археологии Алтая, как и всей территории Северной Азии, представлена материалами из нижних культуросодержащих слоев Денисовой пещеры, расположенной в долине верхнего течения р. Ануй. Самые древние антропологические и палеолитические находки обнаружены в стратиграфических подразделениях 22–20 в центральном зале и в толще слоев 15–14 в восточной галерее пещеры. Для кровли слоя 22 установлен ОСЛ-возраст 287 ± 41 тыс. л. н., а толща слоев 21 и 20 накапливалась в период 250 ± 44 – 170 ± 19 тыс. л. н. Осадки слоев 15 и 14 в восточной галерее датированы в интервале 203 ± 14 – 187 ± 14 тыс. л. н. [Timing of archaic..., 2019]. Для нижней (слой 22) и верхней (слои 20, 15 и 14) частей этих отложений характерно широкое распространение в окрестностях пещеры смешанных сосново-березовых лесов с участием широколиственных видов в стабильных природных условиях с небольшими колебаниями температуры и влажности в пределах климата межледниковья, а их средняя часть (слой 21) характеризуется условиями относительно холодного и умеренно влажного климата [Новые данные в палинологии…, 2017]. В целом литолого-стратиграфические колонки нижней плейстоценовой толщи в центральном зале и восточной галерее отражают развитие природных условий на протяжении двух теплых и относительно холодной климатических эпох второй половины среднего плейстоцена, отвечающих изотопно-кислородным стадиям 9–7.

Антропологические остатки из нижней части плейстоценовых отложений в центральном зале пещеры представлены левым нижним молочным вторым моляром (dm_2), обнаруженным в пределах слоя 22.1, который по результатам палеогенетического анализа был отнесен к представителю популяции денисовцев [A fourth Denisovan individual, 2017].

С помощью дактилоскопии коллагена среди морфологически неопределимых костных фрагментов из слоя 15 в восточной галерее идентифицированы три образца, принадлежащих роду *Homo* – Денисова 19, 20 и 21, из которых затем была секвенирована мтДНК денисовцев [The earliest Denisovans..., 2022]. При этом

© Шуньков М. В., 2025

митохондриальные последовательности образцов Денисова 19 и 21 идентичны, что свидетельствует об их принадлежности одному человеку или родственникам по материнской линии. Образец Денисова 20 отличается от них четырьмя заменами мтДНК. Филогенетический анализ показал, что останки Денисова 19, 20 и 21 приблизительно того же возраста или немного древнее, чем зуб Денисова 2. Кроме того, в образцах отложений из слоев 21 и 20 в центральном зале и слоев 15 и 14 в восточной галерее пещеры обнаружены фрагменты мтДНК денисовцев [Pleistocene sediment DNA..., 2021]. Таким образом, антропологические и палеогенетические материалы из нижней части отложений пещеры свидетельствуют, что её первыми обитателями были денисовцы.

Появление на юге Сибири около 300 тыс. л. н. популяции денисовцев является, скорее всего, следствием миграции части гейдельбергцев из Леванта в восточном направлении около 450–350 тыс. л. н. [Деревянко, 2022]. В это время, согласно данным палеогенетических исследований, на предковой основе поздних *Homo heidelbergensis* произошло разделение и формирование популяций денисовцев и неандертальцев [Mitochondrial Genome…, 2014]. Расселяясь в Передней, Южной и Центральной Азии, поздние гейдельбергцы адаптировались к местным природно-климатическим условиям и вступали в контакты с потомками азиатских эректусов. В результате этих процессов сформировался новый таксон – денисовцы [The complete genome sequence..., 2014].

Представители этой миграционной волны, впервые выявленные на Алтае, в Денисовой пещере, принесли с собой способы производства каменных орудий на сколах преднамеренной формы, снятых с хорошо отпрепарированных нуклеусов, в том числе приемы параллельного и леваллуазского расщепления. Истоки технико-типологических традиций ранних денисовцев прослеживаются в ашело-ябрудийских индустриях Леванта [Деревянко, Шуньков, Козликин, 2020].

Каменная индустрия из нижних культуросодержащих слоев Денисовой пещеры демонстрирует приемы расщепления и формы каменных орудий, характерные для ранней стадии среднего палеолита. В целом эта индустрия включает радиальные и леваллуазские нуклеусы для скалывания отщепов и параллельные монофронтальные одноплощадочные ядрища, изготовленные из массивных сколов или небольших валунов. Среди изделий с вторичной обработкой доминируют крупные массивные отщепы с вентральным утончением, образованным широкими снятиями с дистального, одного или двух продольных краев. Другим характерным видом изделий являются базально тронкированные и тронкированно-фасетированные сколы. Серийно представлены скребла с продольным, диагональным, поперечным, конвергентным и угловатым расположением лезвий, в т. ч. близкие по морфологии к изделиям типа кина, а также шиповидные, зубчатые и выемчатые изделия. В составе орудий имеются ножи с естественным обушком, поперечные и угловые резцы, удлиненный леваллуазский остроконечник с фасетированной срединно-выпуклой площадкой и пластинчатые сколы с эпизодической ретушью.

Результаты археологического, археозоологического и микростратиграфического изучения показали, что время формирования нижней толщи отложений в центральном зале и в восточной галерее было наиболее активным периодом заселения пещеры человеком. Главными объектами охоты первых обитателей пещеры были два вида лошадей, благородный олень, косуля, бизон, дзерен и сибирский горный козел [Васильев, Шуньков, Козликин, 2017]. Основная часть древнейшего пещерного тафоценоза в слоях 15 и 14 в восточной галерее сформировалась в результате охотничьей деятельности человека. Большинство костей раздроблено, распространены костные фрагменты с порезами. В этих отложениях обнаружено наибольшее количество костных остатков со следами обжига, а также многочисленные микрочастицы древесного угля [Hominin and animal…, 2019].

Список источников

Васильев С. К., Шуньков М. В., Козликин М. Б. Остатки мегафауны из восточной галереи Денисовой пещеры и вопросы реконструкции природной среды Северо-Западного Алтая в плейстоцене // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2017. Т. XXIII. С. 60–64.

Деревянко А. П. Три глобальные миграции человека в Евразии. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2022. Т. VI. ч. I: Денисовский человек: происхождение, материальная и духовная культура. 900 с.

Деревянко А. П., Шуньков М. В., Козликин М. Б. Кто такие денисовцы? // Археология, этнография и антропология Евразии. 2020. Т. 48. № 3. С. 3–32.

Новые данные в палинологии уникального памятника палеолита Денисова пещера на северо-западе Алтая / Н. С. Болиховская, М. Б. Козликин, М. В. Шуньков, В. А. Ульянов, С. С. Фаустов // Бюллетень Московского общества испытателей природы. Отдел биологический. 2017. Т. 122. № 4. С. 46–60.

A fourth Denisovan individual / V. Slon, B. Viola, G. Renaud, M.-T. Gansauge, S. Benazzi, S. Sawyer, J.-J. Hublin, M. V. Shunkov, A. P. Derevianko, J. Kelso, K. Prüfer, M. Meyer, S. Pääbo // Science Advances. 2017. N 3: e1700186.

Mitochondrial Genome Sequence of a Hominin from Sima de los Huesos / M. Meyer, Q. Fu, A. Aximu-Petri, I. Glocke, B. Nickel, J.-L. Arsuaga, I. Martínez, A. Gracia, J. M. Bermudez de Castro, E. Carbonell, S. A Pääbo // Nature. 2014. Vol. 505. P. 403–406.

Hominin and animal activities in the microstratigraphic record from Denisova Cave (Altai Mountains, Russia) / M.V. Morley, P. Goldberg, V. A. Uliyanov, M. B. Kozlikin, M. V. Shunkov, A. P. Derevianko, Z. Jacobs, R.G. Roberts // Scientific Reports. 2019. Vol. 9. Article number: 13785. P. 1–12.

Pleistocene sediment DNA reveals hominin and faunal turnovers at Denisova Cave / E.I. Zavala, Z. Jacobs, B. Vernot, M.V. Shunkov, M.B. Kozlikin, A.P. Derevianko, E. Essel de C. , Fillipo, S. Nagel, J. Richter, F. Romagné, A. Schmidt, B. Li, K. O'Gorman, V. Slon, J. Kelso, S. Pääbo, R. G. Roberts, M. Meyer // Nature. 2021. Vol. 595. P. 399–403.

The complete genome sequence of a Neanderthal from the Altai mountains / K. Prüfer, F. Racimo, N. Patterson, F. Jay, S. Sankararaman, S. Sawyer, A. Heinze, G. Renaud, P. H. Sudmant, C. Filippo, Li de, Heng, S. Mallick, M. Dannemann, Fu Qiaomei, M. Kircher, M. Kuhlwilm, M. Lachmann, M. Meyer, M. Ongyerth, M. Siebauer, Ch. Theunert, A. Tandon, P. Moorjani, J. Pickrell, J.C. Mullikin, S. H. Vohr, R. E. Green, I. Hellmann, Ph. L. F. Johnson, H. Blanche, H. Cann, J.O. Kitzman, J. Shendure, E. E. Eichler, E. S. Lein, T. E. Bakken, L. V. Golovanova, V. B. Doronichev, M. V. Shunkov, A. P. Derevianko, B. Viola, M. Slatkin, D. Reich, J. Kelso, S. Pääbo // Nature. 2014. Vol. 505. Iss. 7481. P. 43–49.

The earliest Denisovans and their cultural adaptation / S. Brown, D. Massilani, M. B. Kozlikin, M. V. Shunkov, A. P. Derevianko, A. Stoessel, B. Jope-Street, M. Meyer, J. Kelso, S. Pääbo, T. Higham, K. Douka // Nature Ecology & Evolution. 2022. Vol. 6. pp. 28–35.

Timing of archaic hominin occupation of Denisova Cave in southern Siberia / Z. Jacobs, B. Li, M. V. Shunkov, M. B. Kozlikin, N. S. Bolikhovskaya, A. K. Agadjanian, V. A. Uliyanov, S. K. Vasiliev, K. O'Gorman, A. P. Derevianko, R. G. Roberts // Nature. 2019. Vol. 565. P. 594–599.

КУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В НЕОЛИТЕ И ЭНЕОЛИТЕ

О. В. Андреева
Самарский государственный социально-педагогический университет,
Самара, Россия

СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ В ТРАДИЦИИ ИЗГОТОВЛЕНИЯ ПОСУДЫ ВОЛОСОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ С ТЕРРИТОРИИ ВЕРХНЕГО И ЛЕСНОГО СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

Аннотация. Исследователями волосовской культуры, ввиду ее обширного распространения и морфологического отличия посуды, были выделены локальные варианты. Изучение технологии изготовления посуды показало, что эти варианты отличаются лишь небольшими деталями, которые обусловлены различными рецептами формовочной массы, хотя её основные компоненты остаются неизменными.

Ключевые слова: Волосовская культура, Верхнее Поволжье, Среднее лесное Поволжье, керамика

Исследование выполнено в рамках реализации гранта РНФ (проект № 23-78-10088) «Векторы и динамика культурно-исторических процессов в каменном веке Среднего Поволжья».

Волосовская культура выделена В. А. Городцовым в начале прошлого столетия по материалам одноименного поселения на р. Оке и отнесена к периоду неолита. Ученые считали, что территория распространения волосовских племен ограничивалась Волго-Окским междуречьем. За прошедший век представления о волосовской культуре претерпели серьезные изменения. Были исследованы стоянки с аналогичным набором каменного инвентаря и морфологически идентичной посудой за пределами обозначенной территории. Это позволило расширить географию распространения волосовского населения до Верхнего Поволжья, Среднего Поволжья и Волго-Камского междуречья. Благодаря появлению методов абсолютной хронологии на данном этапе развития археологической науки, волосовскую культуру относят к эпохе энеолита, и определяют время её существования в следующих временных рамках: 4 800 – 4 080 л. н. – верхневолжские материалы [Костылева, Уткин, 2009, с. 32]; 4 700 – 4 300 л. н. – средневолжские памятники [Кулькова, Шалапинин, 2018, табл. 1; Никитин, 2017, с. 180].

К интерпретации особенностей изготовления волосовской посуды впервые в середине XX в. обратилась И. К. Цветкова, обозначая, что волосовская культура разделяется на три хронологических этапа, для первого характерной примесью к глине является толченая раковина, для второго и третьего – растительная примесь [Цветкова, 1953, с. 32]. В. П. Третьяков писал, что при создании волосовской керамики использовали дробленую раковину и растительную труху в качестве отощителей [Третьяков, 1990, с. 99]. Д. А. Крайнов разделил волосовскую культуру на четыре этапа, для каждого из которых были выделены характерные примеси. Первый этап (протоволосовский) – примесь дресвы и дробленой раковины, второй этап – дробленая раковина, третий этап – дробленая раковина и органические примеси, четвертый этап – органические примеси [Крайнов, 1987, с. 16]. Первым исследователем, применившим методику историко-культурного подхода [Бобринский, 1978] к изучению посуды волосовской культуры, стал Ю. Б. Цетлин. Он выделяет глину как основной компонент, а в качестве примесей отмечены такие, как крупная дресва, птичий помёт и раковины пресноводных моллюсков [Цетлин, 1991, с. 94]. В волосовской посуде с территории Примокшанья в качестве примесей фиксируют пух/перо птицы и дробленую раковину [Петряшов, 1998, с. 69]. Позднее исследователи выделяют преимущественное использование илистой глины с добавлением органического раствора, шамота, пуха птицы и дробленой раковины [Энеолитическая керамика…, 2022, табл. 2].

© Андреева О. В., 2025

Н. Ю. Петрова по материалам Верхнего Поволжья отметила в качестве исходного сырья ил, для составления формовочной массы к которому добавляли раковины моллюсков (двустворок), пух и перья гусеобразных птиц (гуси, утки) [Петрова, 1991, с. 346–347].

В этой работе рассмотрены особенности технологии изготовления ранней волосовской керамики с территории Верхнего и Среднего лесного Поволжья. Был проанализирован 121 сосуд (образцы отобраны от условно разных сосудов, выделенных по венчикам и крупным орнаментированным стенкам) с территории Среднего Поволжья со стоянок: Удельно Шумецкое III и VI, Отарское XVIII, Майданская I–IV, Парат XII и 142 сосуда с территории Верхнего Поволжья со стоянок Сахтыш I, II, IIа, VII.

Для производства волосовской керамики отбирали два типа сырья: глину и илистую глину. При выборе сырья для работы гончары обращают внимание на пластичность и содержание песка. В зависимости от этого исходное сырьё условно делится на две группы: незапесоченое – содержит песок в основном менее 0,2 мм, иногда встречаются единичные включения до 0,5 мм в концентрации 1:9–1:10; среднезапесоченное/запесоченное – содержит песок в концентрации 1:6–1:8, с размером фракции 0,2–0,7 мм (табл. 1).

При изготовлении волосовской керамики двух обозначенных регионов в равной степени применяли илистую глину незапесоченую, в естественном увлажненном состоянии. 77 % изученных сосудов были изготовлены из данного исходного пластичного сырья. Применение глины в Среднем Поволжье минимально – 2 %, на стоянках Сахтышской группы глину использовали чаще, в 15 % изученных образцов.

Для придания исходному пластичному сырью определённых свойств в него добавляют искусственные примеси. Минеральные примеси, такие как шамот, повышают огнестойкость изделий, а органические, например, раствор, придают керамике прочность. В составе изученной посуды были обнаружены следующие искусственные добавки: шамот, органический раствор, дробленая раковина, пух птиц, дресва (табл. 2).

В волосовской керамике рассматриваемых стоянок мы наблюдаем многообразие рецептов. На территории Среднего Поволжья зафиксировано шесть рецептов формовочной массы, во всех присутствует органический раствор как персистентная примесь, существующая в гончарном

Таблица 1

Исходное пластичное сырье

Регион	Илистая глина			Глина			Итого
	незапесоченая		запесоченая	незапесоченая		запесоченая	
	увл. с/с	др. с/с	увл. с/с	увл. с/с	др. с/с	увл. с/с	
Среднее Поволжье	94 / 77 %	2 / 2 %	23 / 19 %	1 / 1 %	1 / 1 %	–	121 / 100 %
Верхнее Поволжье	110 / 77 %	–	11 / 8 %	14 / 10 %	–	7 / 5 %	142 / 100 %

Таблица 2

Формовочная масса

Регион	ОР	ДР	ОР+ПП	ОР+Ш	ОР+ДР	ОР+ДР+Ш	ОР+Ш+ПП	ОР+ПП+ДР	ОР+ДР+ПП+Ш	ОР+ПП+ДР+Д	Итого
Среднее Поволжье	13 / 11 %	–	68 / 56 %	3 / 2 %	–	1 / 1 %	24 / 20 %	12 / 10 %	–	–	121 / 100 %
Верхнее Поволжье	16 / 11 %	3 / 2 %	31 / 22 %	8 / 5,5 %	24 / 17 %	8 / 5,5 %	4 / 3 %	41 / 29 %	5 / 3,5 %	2 / 1,5 %	142 / 100 %

Примечание: ОР – органический раствор, ДР – дробленая раковина, ПП – пух птицы, Ш – шамот, Д – дресва

производстве предшествующего населения данной территории, также с преемственностью от носителей красномостовской культуры можно связать наличие шамота в составе теста [Андреева, Шалапинин, 2022, с. 133]. Новацией, связанной с волосовским населением, для керамического производства Среднего Поволжья, становится появление примеси пуха птиц и дробленой раковины, которые зафиксированы в 87 % изученных сосудов. Чаще всего данные примеси разделены и лишь в 10 % образцов являются одновременно добавленными в формовочную массу.

При анализе волосовской посуды Верхнего Поволжья выделены десять рецептов, однако все они образованы различными сочетаниями: органического раствора, пуха птицы, дробленой раковины, шамота. Превалирующей примесью является органический раствор, который представлен в 98 % рецептов. Пух птиц встречается в 59 %, а дробленая раковина в 58,5 % сосудов, данные примеси не фиксировались в формовочной массе, используемой для изготовления керамики предшествующих культур в регионе. Выделяется примесь дресвы, зафиксированной лишь в 1,5 % анализируемой посуды.

Обобщая данные по технологии изготовления волосовской керамики, можно отметить: 1) гончары отдавали предпочтение незапесоченой илистой глине в естественном увлажненном состоянии; 2) органический раствор применяли в абсолютном большинстве рецептов; 3) примесь шамота является архаичной, так как не имеет функциональных особенностей, ввиду того, что применяется в малой концентрации 1:7–1:9; 4) новаторские примеси дробленой раковины и пуха птиц присутствуют в большей части рассмотренных сосудов, что может свидетельствовать о сформированности традиции; 5) при определенных отличиях в изготовлении керамики локальных вариантов волосовской культуры, основные технологические приемы создания посуды в Верхнем и лесном Среднем Поволжье аналогичны.

Список источников

Андреева О. В., Шалапинин А. А. Сравнительный анализ красномостовской и ранней волосовской керамики Марийского Поволжья // КСИА. 2022. Вып. 268. С. 127–145.

Бобринский А. А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 274 с.

Костылева Е. Л., Уткин А. В. Радиоуглеродная хронология нео-энеолитических погребений на стоянке Сахтыш IIA // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. Вып. 4. История. С. 28–37.

Крайнов Д. А. Волосовская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР (Археология СССР). М.: Наука, 1987. 472 с.

Кулькова М. А., Шалапинин А. А. Новые данные по абсолютной хронологии памятников волосовской культуры лесной зоны Среднего Поволжья // Известия Самарского научного центра РАН. 2018. Т. 20. № 3 (2). С. 507–509.

Никитин В. В. На грани эпохи камня и металла. Средневолжский вариант волосовской культурно-исторической общности. Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2017. 765 с.

Петрова Н. Ю. Технология изготовления керамики волосовской культуры (по материалам поселения Великодворье I) // Тверской археологический сборник. Материалы 21-го – 22-го заседаний научно-методического семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности». Тверь: Изд-во «Триада», 2021. Вып. 12. С. 345–352.

Петряшов Д. В. Гончарство племен Примокшанья в эпоху энеолита // Материалы XXX Урало-Поволжской конференции молодых ученых. Самара, 1998. С. 68–70.

Третьяков В. П. Неолитические племена лесной зоны Восточной Европы. Л.: Наука, Ленингр. отдние, 1990. 194 с.

Цветкова И. К. Волосовские неолитические племена // Археологический сборник. Труды ГИМ. 1953. Вып. XXII. С. 19–52.

Цетлин Ю. Б. Периодизация неолита Верхнего Поволжья. Методические проблемы. М.: Изд-во АН СССР, 1991. 195 с.

Энеолитическая керамика стоянки Озименки II в Примокшанье / О. В. Андреева, А. А. Выборнов, А. И. Королев, А. А. Шалапинин, В. В. Ставицкий // Самарский научный вестник. 2022. Т. 11. № 1. С. 188–194.

И. М. Бердников, Н. Б. Соколова
Иркутский государственный университет,
Иркутск, Россия

ФЕНОМЕН МНОГОСЛОЙНЫХ МЕСТОНАХОЖДЕНИЙ ДОЛИНЫ РЕКИ БЕЛОЙ И ИХ ЗНАЧИМОСТЬ ДЛЯ НЕОЛИТОВЕДЕНИЯ БАЙКАЛО-ЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ

Аннотация. Дана оценка потенциалу долины р. Белой в исследованиях неолита Южного Приангарья и Байкало-Енисейской Сибири. Установлено, что в долине сложилась уникальная геоморфологическая ситуация, обеспечившая сохранность множества информативных многослойных местонахождений, которая обусловлена в первую очередь характером эндогенных процессов и фактически не имеет аналогов в регионе.

Ключевые слова: Байкало-Енисейская Сибирь, Южное Приангарье, р. Белая, неолит, многослойные местонахождения

Исследование выполнено по государственному заданию Минобрнауки России, проект № FZZE-2023-0007.

Долина р. Белой, крупного левого ангарского притока, образованного слиянием саянских рек Большая и Малая Белая, известна своими интереснейшими археологическими местонахождениями каменного века, многие из которых выступают опорными как для Южного Приангарья, так и для обширного региона Байкало-Енисейской Сибири. На участке протяженностью около 80 км от с. Бельск до устья реки на учет поставлено более 60 памятников, включая три могильника. Однако уникальность бельской долины заключается не только в значительной концентрации выявленных объектов, в числе которых знаменитые Мальта и Усть-Белая, но и в наличии большого числа многослойных местонахождений, раскопки которых позволили решить ряд актуальных проблем культурно-хронологического порядка. Бельские «многослойки» голоценового периода, связанные с отложениями средней и высокой поймы, являются классическим примером так называемых мультислойчатых местонахождений (до 15 культуросодержащих горизонтов), где разновременные археологические комплексы приурочены к погребенным палеопочвам.

Неординарность данной ситуации обусловлена геоморфологическими особенностями долины р. Белой, которая находится на участке меж двух крупных тектонических разломов – Аларь-Бельского и Ангарского. На низкой поверхности юго-западного крыла Аларь-Бельского разлома, где меандрируют реки Большая и Малая Белая, долины просторные с широкопойменным типом разветвленных извилистых русел, множеством заболоченных участков, стариц и озеровидных расширений, где отложения периодически обновляются, что не способствует формированию зрелых пойм. Долина р. Белой, которая, в свою очередь, также образовалась в результате тектонического разлома, но другого топологического порядка, сильно отличается от этой территории. Она характеризуется ортогональным рисунком русла с прямолинейными участками в сочетании с долинообразными впадинами, специфика отложений которых свидетельствует о существовании в прошлом проточных озер. Овражно-балочные системы приурочены к зонам мелкой трещиноватости, отмечается множество уступов-сбросов и других линеаментов [Воробьева, 2010, с. 48]. Выделяется четыре участка с разными морфодинамическими типами русла: от Бельска до Узкого Луга он преимущественно адаптированный, от Узкого Луга до Холмушино – преимущественно врезанный, от Холмушино до Тайтурки – широкопойменный, от Тайтурки до устья Белой – адаптированный [Опекунова, Атутова, 2019]. Коренные породы, часто обнажающиеся в уступах высокого берега, пред-

© Бердников И. М., Соколова Н. Б., 2025

ставлены главным образом разноуровневыми блоками отложений Ангарской свиты нижнего кембрия, в составе которых в основном доломиты и известняки с прослоями и линзами кремнистых сланцев. Последние широко использовались местным населением для изготовления орудий.

В строении бельских пойм выделяется три основных уровня – низкая (1–3 м), средняя (3–5 м) и высокая (5–8 м). В исследовании неолита наибольший интерес представляют средняя и высокая поймы, для отложений которых характерно наличие множества погребенных гумусовых горизонтов, т. е. эмбриональных (в нижней части) или слаборазвитых (в верхней части) почв, перемежающихся слоями водной взвеси, осаждавшейся в результате длительных периодов затопления. Практически все известные мультислойчатые местонахождения (а их более десятка), с полным голоценовым профилем отложений высокой поймы, в которые включены культурные остатки широкого хронологического диапазона (от мезолита до раннего железного века), локализованы на небольшом отрезке длиной около 25 км от п. Нижний Булай и Мишелевка до с. Холмушино. Особенности морфодинамики и флювиальных процессов, обусловленные характером эндогенных форм рельефа, обеспечили ритмичный характер осадконакопления на значительной части прибрежной зоны данного района.

В первой половине среднего голоцена климатическая ситуация в целом была близка современной, и неолитические охотники-собиратели довольно активно осваивали этот район, который условно можно назвать «Мишелевско-Холмушинским». Свидетельства пребывания людей здесь отмечаются повсеместно, а предсказуемость гидрологической ситуации позволяла им обустраивать не только временные охотничьи лагеря, но и крупные сезонные поселения со сложной структурой расположения мест обитания, следы которых фиксируются, прежде всего, при изучении ранненеолитических культуросодержащих горизонтов (с сетчатой и хайтинской керамикой). Они отмечены на всех объектах, которые были подвергнуты раскопкам на больших площадях. Широко известны местонахождения Усть-Хайта (вскрытая площадь боле 700 м^2) и Горелый Лес (около 1 000 м^2), где обнаружено множество очагов, сложенных из доломитовых плит и галек[10], а также другие комплексы (производственные, хозяйственно-бытовые) [Савельев, Уланов, 2018; 2019]. В 2024 г. в ходе реализации в ИГУ российско-китайского проекта на местонахождении Холмушино 3, где ранненеолитический горизонт был вскрыт на площади около 150 м^2, зафиксировано 67 комплексов, среди которых также в основном очаги. Подобные конструкции отмечены и на местонахождениях Мишелевка и Луговая 1 (между Усть-Хайтой и Горелым Лесом), которые были изучены на площади более 70 м^2. Исходя из имеющихся данных, можно предположить, что в начале среднего голоцена осваивались все пригодные для длительного проживания поверхности от Нижнего Булая до с. Холмушино, которые сегодня представляют собой высокие поймы. Такая плотность ранненеолитических поселений на небольшом участке указывает на невысокую степень мобильности местных охотников-собирателей и позволяет получить довольно детальную информацию об их жизнедеятельности.

Материалы среднего неолита также представлены на многослойных местонахождениях Мишелевско-Холмушинского района, но они связаны в основном с группой населения, владевшей традициями производства посольской керамики. Проявления других культур отмечаются эпизодически и представлены единичными находками керамики усть-бельского и аплинского типа. Правда, в силу более высокой мобильности населения данного этапа, следы крупных поселений, подобных ранненеолитическим, уже не фикси-

[10] На местонахождении Горелый Лес выделено более 140 конструкций, по Усть-Хайте точных данных нет, но количество подобных объектов также велико.

руются. Поздненеолитические комплексы, связанные с керамикой исаково-серовского этапа, которая хорошо представлена на местонахождениях Ангары, на территории района не так многочисленны, что обусловлено, видимо, особенностями системы расселения охотников-собирателей этого времени.

Ниже по течению р. Белой геоморфологическая ситуация сильно варьирует, русло становится более широким и извилистым, увеличивается ширина долины и пойм (в основном средних и низких) за счет озеровидных расширений. Единственная на настоящий момент мультислойчатая ситуация зафиксирована на территории местонахождения Усть-Белая. По материалам изучения участка средней поймы на этом объекте впервые для Приангарья определен корректный возраст средненеолитических комплексов с сосудами усть-бельского типа [Хронология неолитической…, 2020]. Установлено, что усть-бельская керамика фактически синхронна посольской, а носители этих гончарных традиций сосуществовали в рамках собственных ареалов на р. Белой: первые активно осваивали район устья, вторые – долину на наиболее комфортном для заселения участке – Мишелевско-Холмушинском.

Потенциал долины р. Белой в исследованиях неолита Южного Приангарья очевиден и все еще крайне высок, несмотря на интенсивные исследования, которые велись на протяжении последних 50 лет, так как большая часть выявленных мультислойчатых местонахождений серьезным раскопкам не подвергалась, а общая вскрытая площадь составила всего около 2 тыс. м^2. Наибольшие перспективы для решения проблем раннего и отчасти среднего этапов имеют объекты Мишелевско-Холмушинского района. Устье р. Белой представляет значительный интерес для получения более корректных данных по усть-бельским комплексам среднего неолита и, возможно (в перспективе), по более поздним. Учитывая, что ситуаций в подобном сочетании количества и информативности голоценовых мультислойчатых объектов на территории Байкало-Енисейской Сибири нет, можно констатировать, что продолжение исследований в долине р. Белой имеет исключительную значимость для решения актуальных проблем неолитоведения всего региона.

Список источников

Воробьева Г. А. Почва как летопись природных событий Прибайкалья: проблемы эволюции и классификации почв. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2010. 205 с.

Опекунова М. Ю., Атутова Ж. В. Типизация долинных комплексов реки Белой (Верхнее Приангарье) // Известия ИГУ. Серия Науки о Земле. 2019. Т. 30. С. 76–89.

Савельев Н. А., Уланов И. В. Керамика эпохи неолита мультислойчатого местонахождения Горелый Лес (Южное Приангарье) // Известия ИГУ. Серия Геоархеология. Этнология. Антропология. 2018. Т. 26. С. 46–85.

Савельев Н. А., Уланов И. В. Керамика раннего неолита мультислойчатого местонахождения Усть-Хайта (Южное Приангарье) // Известия ИГУ. Серия Геоархеология. Этнология. Антропология. 2019. Т. 29. С. 38–72.

Хронология неолитической керамики Байкало-Енисейской Сибири: основные идеи и новые данные / И. М. Бердников, О. И. Горюнова, А. Г. Новиков, Н. Е. Бердникова, И. В. Уланов, Н. Б. Соколова, М. Е. Абрашина, К. А. Крутикова, Е. О. Роговской, Д. Н. Лохов, С. А. Когай // Известия ИГУ. Серия Геоархеология. Этнология. Антропология. 2020. Т. 33. С. 23–53.

Д. А. Бычков
Институт археологии и этнографии СО РАН,
Новосибирск, Россия

ВАРИАТИВНОСТЬ ОРУДИЙНЫХ ФОРМ ИЗ ПАМЯТНИКОВ ЭПОХИ НЕОЛИТА И БРОНЗЫ НИЖНЕГО ПРИТОМЬЯ

Аннотация. Памятники каменного и бронзового веков на территории Нижнего Притомья изучаются более века. На основе изучения их предметных комплексов предложены разные схемы историко-культурного развития территории. На современном этапе систематизированы и обобщены сведения об изделиях из камня, статистический анализ которых позволил выделить их новые особенности в разные периоды.

Ключевые слова: Томь, неолит, бронза, каменные орудия

Работа выполнена в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН FWZG-2025-0012 «Закономерности распространения и источниковедческие аспекты сохранения объектов археологического наследия в условиях техногенных изменений ландшафтов Евразии».

Нижнее Притомье расположено на периферии лесостепной и южнотаежной ландшафтных зон Западной Сибири. Благодаря такому расположению изучаемой территории её историко-культурное развитие характеризуется процессами взаимодействия разных по ареалу обитания культурных образований. За более чем вековую историю изучения этих взаимодействий был накоплен значительный корпус материальных источников, на основе которых предложен ряд моделей, объясняющих культурогенез древних обществ [Васильев, 2004; Зенин, 2002]. На протяжении всей истории изучения имеющихся материальных источников, для анализа, с целью выделения культурно-хронологических маркеров, предпочтения отдавались керамической посуде, ввиду её массовости и репрезентативности. На современном же этапе изучения древностей Притомья стало возможным систематизировать, анализировать и обобщать значительные по объему массивы данных, характеризующих изделия из камня и продукты его расщепления. Благодаря современным подходам стало возможным выйти на новый уровень обобщения ранее известных материалов.

В настоящее время в Нижнем Притомье известно 48 памятников каменного и бронзового веков. За период с 2018 по 2024 г. в рамках работ по цифровизации предметов из фондов археологии были описаны коллекции с 11 поселений и 1 могильника, содержащие наиболее технологически полные каменные индустрии. Описание проводилось с использованием терминологического аппарата и по методике, предложенной в пособии по обработке коллекций [Методика обработки…, 2016]. Систематизировались технологически значимые признаки изделий из камня и продуктов его расщепления в рамках атрибутивного подхода, продолжительное время применяющегося для анализа каменных индустрий [Павленок, Белоусова, Рыбин, 2011]. К настоящему времени в сформированную базу данных вошли сведения по 5 720 предметам каменной индустрии.

Выборка имеет широкий хронологический охват от финала палеолита до позднего периода эпохи бронзы, атрибутирована на основе культурно-хронологических маркеров (подчеркнутым на схеме) или же эпохальных особенностей предметов (курсивом на схеме) и обеспечена радиоуглеродными датировками (жирным на схеме). Типологическая принадлежность каждого предмета определялась на основе морфометрических и технологических характеристик, изложенных в указанном пособии. В условиях отсутствия разработанной типологической схемы для каменного инвентаря неолита и бронзы Нижнего Притомья эти универсальные характеристики позволили проследить в коллекциях с указанных

© Бычков Д. А., 2025

памятников наличие наиболее общих типов предметов.

С целью определения вариативности орудийных форм в эпохе неолита и бронзы Нижнего Притомья был проведен статистический анализ встречаемости их типов в описанных коллекциях. Для этого применен метод сериации посредством программного продукта PAST 4.17, в котором была создана матрица наличия в отобранных комплексах тех или иных типов каменных изделий [Колобова, 2024]. Алгоритм анализа преобразует матрицу, располагая по строчкам наиболее значимые наблюдения таким образом, что образуется диагональная структура, позволяющая выявить определенные закономерности (рис. 1).

В результате проведенного анализа выявлены следующие вариации бытования орудийных форм, отраженные на схеме. Очевидной закономерностью является расширение номенклатуры изделий от наиболее древних к поздним периодам. Также можно выделить ряд типов изделий, присущих конкретному периоду, например, резцы, которые характерны только для позднего палеолита или выра-

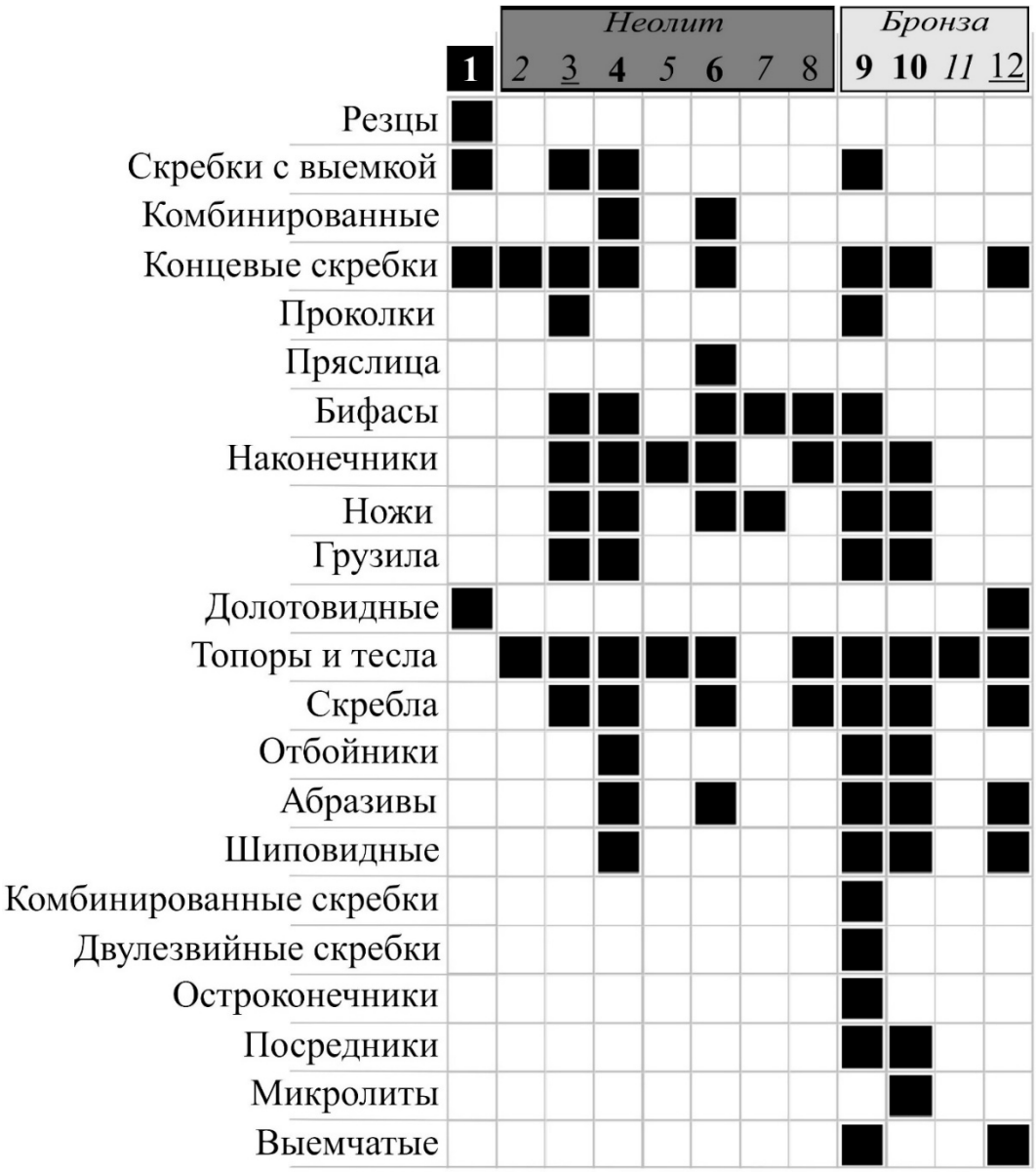

Рис. 1. Схема встречаемости типов орудий из камня (строки) в коллекциях с памятников (столбцы):
1 – Томская палеолитическая стоянка; *2* – поселение Мурашка VII; *3* – поселение Усть-Порос;
4 – объекты на острове Няша; *5* – Самуськинское селище; *6* – могильник у Старого Мусульманского кладбища; *7* – стоянка у Старого Мусульманского кладбища; *8* – поселение Казанка 1;
9 – поселение Потаповы Лужки III; *10* – поселение Самуська III; *11* – местонахождение Круглое озеро;
12 – Ярское селище

женная распространенность инструментов для расщепления, наблюдаемая в комплексах эпохи бронзы. Такие типы орудий, как скребки концевые, с выемкой или «скобели», бифасы, наконечники, топоры и тесла распространены на достаточно широком временном срезе, что указывает на перспективность разработки схем классификации этих орудийных форм для более узких временных отрезков – периодов или культур. Потому что в настоящее время отсутствуют какие-либо схемы развития типов каменных орудий, позволяющие их относительно датировать. С другой стороны, встречаемость выемчатых и долотовидных форм в финале палеолита и в позднюю бронзу ставит вопрос о недостаточной расчлененности комплексов последних или же схожих стратегиях ведениях хозяйства в разные периоды истории на одной территории.

Выявленная вариативность орудийных форм отражает разнообразие как культурных явлений на изучаемой территории, так и разные способы адаптации к её природно-географическим условиям в разные исторические периоды. Представленные результаты могут быть применены для относительной хронологии наблюдаемых типов изделий и уточнения представлений о хозяйстве древних обществ.

Список источников

Васильев Е. А. Культура древнейших обитателей низовий Томи // По реке времени: путеводитель к экспозиции. Северск: Изд-во «Ветер», 2004. С. 5–18.

Зенин В. Н. Основные этапы освоения Западно-Сибирской равнины палеолитическим человеком // Археология, этнография и антропология Евразии. 2002. № 4. С. 22–44.

Колобова К. А. Метод сериации для анализа данных из палеолитических комплексов // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2024. Т. XXX. С. 120–124.

Методика обработки коллекций / Т. И. Нохрина, Л. В. Лбова, Л. Н. Мыльникова, А. П. Бородовский, В. П. Мыльников, И. В. Сальникова, С. Г. Скобелев. Новосибирск: НГУ, 2016. 295 с.

Павленок К. К., Белоусова Н. Е., Рыбин Е. П. Атрибутивный подход к реконструкции «операционных цепочек» расщепления камня // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2011. Т. 10. Вып. 3: Археология и этнография. С. 35–46.

Т. А. Васильева
Карельский научный центр РАН,
Петрозаводск, Россия

КУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ НЕОЛИТА – ПЕРЕХОДНОГО ЭТАПА К ЭНЕОЛИТУ В ЛЕСНОЙ ЗОНЕ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ НА ТЕРРИТОРИИ КАРЕЛИИ)

Аннотация. Исследование связано с комплексным изучением керамики на памятниках позднего неолита – переходного этапа к раннему энеолиту на территории Карелии в начале IV тыс. до н. э. Основные положения исследования позволяют более чётко аргументировать существующее мнение, согласно которому в этот период на рассматриваемой территории бытует население, продолжающее керамические традиции ямочно-гребенчатой системы орнаментации, появившейся в среднем неолите.

Ключевые слова: начало IV тыс. до н. э., Карелия, ромбо-ямочная керамика

Исследование проведено в рамках государственного задания КарНЦ РАН «Культурное наследие и исторический опыт Карелии и сопредельных регионов: новые подходы и интерпретации».

В исследовании аргументируется местное происхождение ромбо-ямочной керамики. Результаты изучения морфологии, типологии и технологии керамики пере-

© Васильева Т. А., 2025

ходного от неолита к энеолиту периода позволяют связывать ромбо-ямочную посуду (на основе ряда общих признаков) с более ранними комплексами среднего неолита. Полученные данные свидетельствуют о сохранении культурной и хронологической преемственности в среде носителей традиций с ямочно-гребенчатой системой орнаментации глиняной посуды.

В работе использован обширный керамический материал поселений, который накапливался в течение многих десятилетий усилиями карельских археологов. Финал неолита и переход к энеолиту характеризуются керамикой с гребенчато-ямочной и ромбо-ямочной орнаментацией [Витенкова, 2002; 2016]. С вопросами развития этих культур связано несколько дискуссионных тем, в том числе их сосуществование, периодизация памятников, выделение характерных признаков в орнаментации глиняной посуды. Новые фактологические материалы и подходы к их изучению способствовали прояснению или уточнению отдельных научных аспектов, но вместе с тем, все еще остаются нерешенными многие вопросы. Они осложняются отсутствием достаточной серии стратифицированных памятников с условно чистыми комплексами изучаемой керамики и четких параметров выделения данных типов.

При изучении древней керамики в арсенале исследователя имеется значительная совокупность методов, позволяющая не только систематизировать многочисленный, хотя и чаще всего фрагментированный материал, но и подойти к рассмотрению актуальных научных вопросов, решение которых в той или иной степени подведет нас к более глубокому и осмысленному анализу комплекса археологических источников.

Основным и во многом определяющим методом остается анализ морфотипологических признаков древней керамики. Благодаря видимым особенностям мы можем отличать сосуды друг от друга и объединять их в определенные группы. Характеристика глиняной посуды производится по технологии изготовления (качество глиняного теста, наличие примесей – минеральные добавки, органические поры, качество обжига и пр.), формам сосудов, донышек и венчиков, их толщине, приёмам обработки и орнаментации поверхностей.

При систематизации керамики рубежа неолита – энеолита на территории Карелии выявлены типичные устойчивые признаки, связанные в первую очередь с формой сосудов. Для указанного периода характерны полуяйцевидные горшки с прямыми или слегка выпуклыми стенками и округлым либо округло-коническим дном, шаровидные и миски полусферической формы с округло-уплощенным дном. Изредка встречается глиняная посуда совсем небольших размеров, даже миниатюрная, которая могла использоваться, например, в качестве игрушек. В позднем неолите сосуды более толстостенные (0,8–1,4 см), тесто грубое, со значительной примесью минеральных добавок. Относительно качественное тесто характерно для сосудов меньших размеров.

Керамика с гребенчато-ямочной и ромбо-ямочной орнаментацией имеет общие морфотипологические признаки не только по формам сосудов и венчиков, но и в орнаментации. Для исследуемой нами керамики характерна стандартная техника декорирования, которая распространена на территории Карелии и сопредельных территориях, в том числе в Вологодском крае − восточной границы ареала. Выделенные локальные варианты позволяют обозначить зарождение и развитие этого орнамента на местной основе в кругу носителей керамики с ямочно-гребенчатой системой орнаментации. В результате настоящего исследования нашло подтверждение ранее предложенное выделение групп сосудов по орнаментации.

Относительно ранней внутри ромбо-ямочной является керамика, орнаментированная преимущественно круглыми ямками – кругло-ямочная. К этой категории относится и гребенчатая керамика, характерная для позднего этапа неолита.

Следующая фаза связана с распространением овально-ямочной и ромбической керамики. Причем преобладание гребенча-

тых узоров соотносится с определенным влиянием традиций предшествующей фазы.

Заключительная фаза характеризуется разреженным узором из ромбических ямок неправильной формы. Сосуды отличает грубая обработка поверхности, рыхлое тесто со значительным содержанием минеральной примеси.

Структура орнамента сводится к использованию оттисков различных штампов и ямочных вдавлений. Детальное исследование керамических материалов многокомплексных поселений на территории Карелии позволило выделить общие элементы и узоры в декорировании поверхностей. В структуре орнамента намечается два вида: первый простой с узором из сплошных ямок (без выделения зон) и горизонтально-зональный орнамент, когда ряды из ямок разделяются зонами из оттисков штампов или незаполненными полями; при втором сложном виде керамика украшена наряднее − геометрическими рисунками, составленными из тех же элементов. Орнамент первого вида количественно преобладает над вторым.

Практический опыт изучения орнаментации глиняной посуды выявляет общие тенденции, которые улавливаются уже при первичной работе с керамическим материалом. В данном случае визуально определяющаяся схожесть позволила обозначить характерные признаки, их своеобразие и очередность, произвести систематизацию и подойти к доказательной базе о принадлежности данной техники нанесения орнамента и сохранении его структуры в период бытования керамики с ямочно-гребенчатой системой орнаментации.

Разработка вариантов узоров на сосудах возможна лишь на многочисленном поселенческом материале, как на памятнике Вигайнаволок I, где на площади 2 748 кв. м обнаружено более 22 000 фрагментов керамики [Панкрушев, Журавлев, 1966]. Выделенные сосуды разделены на группы по особенностям орнаментации и морфотипологическим признакам, что позволило проследить общую тенденцию развития орнамента в течение длительного периода на локальном участке. На данный момент материалы этого памятника остаются наиболее полно изученными и эталонными для исследуемого периода.

Результаты петрографических исследований составов формовочных масс ямочно-гребенчатой, гребенчато-ямочной и ромбо-ямочной керамики, впервые выполненные для материалов с поселений на территории Карелии, позволили определить качественные характеристики основных компонентов глиняной массы, особенности ресурсной базы используемых добавок, обозначить адаптивные признаки приспособления населения к местным источникам сырья для изготовления глиняной посуды. В процессе работы выявлена общая тенденция сохранения технологической и культурной преемственности в изготовлении глиняной посуды, что может свидетельствовать об эволюционном характере развития керамического производства в едином по своему происхождению и этнокультурной принадлежности сообществе на разных этапах его существования.

Изучение керамических комплексов − неотъемлемая составляющая часть изучения археологических культур эпохи неолита − энеолита. Особое место в разработке методологической базы таких исследований занимают многокомплексные поселения, включающие материалы, которые соотносятся с последовательно сменяющими друг друга пластами древностей. Использование морфотипологического и технико-технологического подходов существенно расширяют наши представления о древнейшем периоде изготовления глиняной посуды и помогают подойти к пониманию сложных процессов развития культурных традиций на конкретных локальных территориях и памятниках.

Показателями культурной преемственности являются элементы орнамента, типы сосудов, технология изготовления; о хронологической преемственности свидетельствует их временная близость и отсутствие разрывов между этапами, что отражает постепенный характер развития керамического производства в первой половине IV тыс. до н. э. [Васильева, 2024].

Список источников

Васильева Т. А. Керамика рубежа неолита − энеолита на территории Карелии (первая половина IV тыс. до н. э.). Петрозаводск: Изд-во Карел. науч. центр, 2024. 239 с.

Витенкова И. Ф. Памятники позднего неолита на территории Карелии. Петрозаводск: Изд-во Карел. науч. центр, 2002. 183 с.

Витенкова И. Ф. Карелия в начале эпохи металла (памятники с ромбо-ямочной керамикой). Петрозаводск: Изд-во Карел. науч. центр, 2016. 208 с.

Панкрушев Г. А., Журавлев А. П. Стоянка Вигайнаволок I // Новые памятники истории древней Карелии. М.; Л.: Наука, 1966. С. 152–172.

А. В. Веретенников
ФИЦ угля и углехимии СО РАН,
Кемерово, Россия

КАМЕННАЯ ИНДУСТРИЯ ПОЗДНЕНЕОЛИТИЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ БАРАБИНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ И СРЕДНЕГО ПРИИРТЫШЬЯ

Аннотация. Материалы артынской культуры изучены по поселениям и погребальным комплексам. Каменная индустрия представлена продуктами первичного расщепления, сколами-заготовками (отщепами и пластинами) и орудиями. Пластинчатая индустрия наиболее разнообразна категориями и типами орудий. Вторичная обработка представлена различными приемами ретуширования, а также шлифованием и сверлением.

Ключевые слова: артынская культура, каменная индустрия, поздний неолит, Западная Сибирь

Работа выполнена в рамках государственного задания № FWEZ-2024-0021 «Социокультурогенез и трансграничное взаимодействие древних и средневековых обществ в контактных зонах Западной и Средней Сибири. 2024–2025 гг.».

Поздненеолитические материалы Барабинской лесостепи и Среднего Прииртышья отнесены к артынской культуре [Бобров, Марочкин, 2011; Молодин, Бобров, 2022]. Каменная индустрия культуры описана по поселениям [Юракова, 2017], в настоящий момент с культурой ассоциированы некоторые погребальные комплексы. Это позволяет дать первую обобщающую характеристику.

Источниками исследования послужили опубликованные материалы поселенческих памятников (Артынская стоянка [Косинская, 1982], Усть-Тара IV, XXXIII и XXVIII (ранний комплекс) [Иващенко, Толпеко, 2006], Автодром 2/1 [Бобров, Марочкин, Юракова, 2017; Юракова, 2017]) и погребальных (Автодром 1[11], Венгерово-2А [Молодин, Мыльникова, Нестерова, 2016], Протока [Полосьмак, Чикишева, Балуева, 1989] и Усть-Тартас [Поздненеолитический погребальный…, 2020]).

Общее количество каменных предметов на поселениях превышает 1,5 тыс. единиц. На поселениях Артынская стоянка, Усть-Тара IV, XXVIII, XXXIII и Автодром 2/1 найдены продукты первичного расщепления, пластины, скребки, перфораторы на пластинах, остроконечники, комбинированные орудия, наконечники стрел листовидной и иволистной форм, абразивы из песчаника, на концевых скребках и пластинах обнаружены выемки-скобели [Юракова, 2017, с. 17]. Уникальные находки включают булавы-

© Веретенников А. В., 2025

[11] Бобров В. В., Веретенников А. В. Предметы каменной индустрии из поздненеолитического кургана Автодром-1А Барабинская лесостепь [Электронный ресурс] // Краткие материалы XIX Международной Западносибирской археолого-этнографической конференции (2024 г., Томск, Россия). Режим доступа: http://zsaek.tsu.ru/sites/default/files/webform/Bobrov_Veretennikov_2024...

навершия, орнаментированный каменный «утюжок» и каменный пест с выщерблинами. Шлифованная часть технологий представлена миниатюрными сланцевыми топориками-теслами и ножами с вогнутым лезвием [Там же, с. 18].

Коллекция из 175 предметов представлена находками в погребениях и в элементах погребальных сооружений (насыпи, рвы). Находки в погребениях единичны, большинство из них имеют следы использования. Набор категорий по составу и функционалу различен, что отражает традицию сопровождать погребения предметами, связанными с деятельностью покойного. Топоры/топоры-тесла присутствуют во всех погребениях. Наконечники стрел встречаются во всех комплексах, кроме Автодрома-1А. В трех погребениях могильника Протока найдены каменные подвески.

По имеющимся данным, возможна характеристика первичного расщепления, приемов вторичной подработки, функционально-морфологических групп готовых изделий. В целом предметы каменной индустрии артынской культуры представляют единство ряда форм.

Продукты первичного расщепления представлены нуклеусами, нуклевидными обломками и пренуклеусами. Нуклеусы подпризматической формы, монофронтальные, с круговым или до 2/3 периметра фронтом скалывания. Высота обнаруженных нуклеусов не превышает 40 мм, особенно «низкие» нуклеусы в погребениях – до 10–13 мм. Нуклевидные обломки и пренуклеусы имеют различные формы и размеры.

Сколы и отходы первичного расщепления представлены пластинчатыми и отщеповыми сколами, осколками и чешуйками, сколами со шлифованных орудий. Отходы производства представлены осколками и чешуйками разнообразных форм мелких размеров. Отщеповые сколы преобладающе случайной формы. Вероятно, только часть из них являются заготовками.

Пластины без признаков вторичной обработки треугольных и чаще трапециевидных форм в сечении. Профиль пластин прямой либо слегка закрученный. Без ретуши встречаются как крупные пластины, так и мелкие.

Представительна категория сколов со шлифованных орудий в поселенческих комплексах – это демонстрирует большую роль шлифованных орудий в быту. Сколы разнообразны по размерам и форме.

Орудия на пластинах представлены пятью категориями: ретушированные пластины, концевые скребки, наконечники стрел, перфораторы, пластины с выемкой. Ретушированные пластины встречены во всех комплексах. Значительную часть этой категории составляют ножевидные пластины, обработанные по одному или двум латералям, чаще всего с дорсальной стороны. Вероятно, орудия использовались в качестве ножей.

Концевые скребки встречены на всех поселениях. Основная часть концевых скребков выполнена на широких пластинах (4–30 мм), лезвия обработаны с дорсальной стороны, встречается дополнительная обработка боковых граней.

Наконечники стрел листовидной формы с двумя основными категориями по базе (вогнутая и прямая), но присутствует большая вариативность по размеру. Предметы оформлены захватывающей или покрывающей ретушью с двух сторон.

Перфораторы выполнены на пластинах, обработаны двусторонней либо дорсальной ретушью, часть перфораторов дополнительно зашлифованы.

Пластины с выемкой встречены на двух поселениях, за основу взяты широкие пластины (14–30 мм), на боковых гранях которых формировались выемки.

Орудия на отщепах менее вариативны, чем на пластинах, и представлены в основном скребками и перфораторами. Скребки представлены округлой или полукруглой формой с крутым полукруглым рабочим лезвием.

Перфораторы, развертки и остроконечники, оформленные на отщепах различных форм и размеров, имеют остроконечный край, который был дополнительно ретуширован краевой ретушью.

Иные орудия и украшения. Только часть орудийных категорий представлена серией на большинстве памятников: вогнутый нож, топор-тесло, лощило и абразив. Ножи с вогнутым лезвием изготовлены на тонких пластинах серо-зеленого сланца. Вогнутое лезвие оформлено ретушью с обеих сторон с последующей шлифовкой. Топоры/тесла – миниатюрные предметы из мягких серо-зеленых сланцевых пород, трапециевидной формы, асимметричные в продольном сечении. Лощила/абразивы – различной формы и размеров, выполнены из мелкозернистого песчаника.

Комбинированные орудия. Встречены разные формы орудийных комбинаций: концевой скребок/скобель, скребок /скобель, скребок/перфоратор. Некоторые из них, по всей видимости, демонстрируют процесс модификации обломка одного орудия в другое.

Большая часть категорий представлена единичными предметами в нескольких памятниках (фрагмент кольца, перфорированные диски, булава) либо только в одном (орнаментир, «утюжок», шлифованная плитка, украшения).

Каменная индустрия артынской культуры представлена продуктами первичного расщепления, сколами-заготовками, разными орудиями. Основой орудийных форм выступали пластины (до 65 %) и отщепы. Пластинчатая индустрия наиболее разнообразна категориями и типами орудий.

Во вторичной обработке фиксируются различные приемы ретуширования, а также шлифование и сверление. Шлифованию поддавались как орудия из сланца и песчаника, так и из более крепких каменных пород. Ретушь разнообразна по форме, степени покрытия и характеру.

Высокая вариативность функционально-морфологических категорий орудийного набора затрудняет четкое типологическое оформление, в ряде случаев смещая акцент на индивидуальную характеристику «уникальных» изделий.

Полученные результаты требуют корреляции с каменной индустрией раннего неолита Барабы, а также с рядом неолитических культурных типов Западной Сибири, для получения выводов об изменчивости и вариативности каменной индустрии. Также важным вопросом для каменной индустрии артынской культуры является её сырьевая основа.

Список источников

Бобров В. В., Марочкин А. Г. Артынская культура // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. СПб.; Великий Новгород: Изд-во ИИМК РАН, 2011. Т. I. С. 106–108.

Бобров В. В., Марочкин А. Г., Юракова А. Ю. Поселение артынской культуры Автодром-2 – памятник позднего неолита в Барабинской лесостепи // Археология, этнография и антропология Евразии. 2017. Т. 45, № 1. С. 49–61.

Иващенко С. Н., Толпеко И. В. Культурно-хронологическая атрибуция ранних памятников Усть-Тарского археологического микрорайона // Исторический ежегодник. 2005. Омск: Ом. гос. ун-т, 2006. С. 83–91.

Косинская Л. Л. Поздненеолитическая стоянка Артын на среднем Иртыше // Археологические исследования Севера Евразии. Свердловск: Урал. гос. ун-т, 1982. С. 18–27.

Молодин В. И., Бобров В. В. Бараба и Среднее Прииртышье // История Сибири. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2022. Т. 1. С. 247–259.

Молодин В. И., Мыльникова Л. Н., Нестерова М. С. Погребальные комплексы эпохи неолита Венгерово-2А (юг Западно-Сибирской равнины): результаты мультидисциплинарных исследований // Археология, этнография и антропология Евразии. 2016. № 2(44). С. 30–46.

Поздненеолитический погребальный комплекс на памятнике Усть-Тартас-2 (Венгеровский район Новосибирской области) / В. И. Молодин, Л. Н. Мыльникова, Л. С. Кобелева, С. Хансен, Д. В. Селин, М. С. Нестерова, М. А. Кудинова, С. Райнхольд // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2020. Т. 26. С. 172–180.

Полосьмак Н. В., Чикишева Т. А., Балуева Т. С. Неолитические могильники Северной Барабы. Новосибирск: Наука, 1989. 104 с.

Юракова А. Ю. Неолит Барабинской лесостепи и южно-таежного Прииртышья: автореф. дис. … канд. ист. наук. Кемерово, 2017. 30 с.

А. А. Выборнов[1], М. А. Кулькова[2]
[1] Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара, Россия
[2] Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия

РАДИОУГЛЕРОДНАЯ ХРОНОЛОГИЯ И ПРОБЛЕМЫ НЕОЛИТИЗАЦИИ ОТ ДОНА ДО ЗАУРАЛЬЯ

Аннотация. Большой массив дат для памятников от Подонья до Зауралья позволяет установить хронологические рамки неолитических культур. В то же время появились новые вопросы к полученным данным, возникшие по различным причинам. Их учет способствует реконструкции процесса неолитизации в целом. Выявляются общие закономерности и своеобразные особенности, присущие культурам разных регионов.

Ключевые слова: Поволжье, Урал, неолит, хронология

Исследование выполнено при поддержке РНФ по гранту № 24-28-00103.

За последнее десятилетие значительно увеличилось количество радиоуглеродных дат для памятников неолита на обширной территории. Они получены разными методиками по углю, нагару, костям людей и животных, органике в керамике. Выявление резервуарных эффектов для нагара или удревнение от неудаленной из матрицы примеси раковин моллюсков дает возможность провести «выбраковку» дат, вызывающих полемику. Это позволило специалистам более обоснованно установить временные рамки как отдельных стоянок, так и откорректировать хроноинтервалы целого ряда культур. Вместе с позитивными тенденциями возникли определенные трудности, когда для одного и того же памятника разброс дат достигает тысячи лет, а один период неолита охватывает почти два тысячелетия. Исследователи уже приступили к выяснению и трактовке причин таких моментов [Шорин, Шорина, 2020, с. 33–34; Дубовцева, 2024, с. 59–62].

Но их значительно больше. Одним из примеров могут служить очень ранние значения, полученные на АМС по костям животных, для памятников неолита или раннего энеолита как лесостепного Поволжья, так и лесных территорий. Это послужило основанием для более скрупулезного анализа комплексов и выделения изначально недостаточно выразительные артефактов мезолита. Не меньшую роль играют даты по углю из нагара. Так, для стоянки Кыйлуд III, которая относилась к развитому неолиту, получена дата по углю около 8 000 BP, что явно соответствует более раннему периоду. Аналогичная ситуация и с материалами стоянки Кочуровское I [Андреев, Кулькова, Петрожицкий, 2024, с. 35]. Еще одним вариантом значительного разброса дат по углю из жилищ является еттовский тип. Если значение 5 840 BP вполне согласуется с другими данными о хронологии керамики гребенчатого типа, то даты 7 566 и 7 200 BP скорее фиксируют остатки мезолитической стоянки или пожаров на месте появившегося позднее неолитического жилища.

Не менее сложный вопрос о моменте перехода от мезолита к неолиту. Если ранее прослеживалась тенденция удревнения этого события, вплоть до таежных территорий, то в последнее время частично наметился обратный процесс. Учитывая, что около 7 200 BP палеоклиматологи фиксируют значительную аридизацию [Кулькова, 2024], начало неолитизации стали смещать на начало VI тыс. до н. э. В этой связи следует обратить внимание не только на даты прежних лет, но и новые данные. Так, для памятников Северного Кавказа по разным материалам получены даты около 7 200 – 7 100 BP [Амирханов, 2022, с. 718–724]. На Ракушечном Яру горизонт, над которым залегает слой раннего неолита по ОСЛ, дати-

© Выборнов А. А., Кулькова М. А., 2025

руется 7 100 ± 300 [Долбунова, Мазуркевич, Амон, 2022, с. 113] и есть даты на АМС по углю 7 010 и нагару с незначительным показателем C13N14 – 7 290 BP. Получены значения по костям и углю, включая АМС, порядка 7 200 – 7 100 BP как для материалов Северного Прикаспия, так и для ранних стоянок Приаралья, Приазовья и Нижнего Поволжья [Выборнов, Кулькова, 2021, с. 36; Выборнов, Кулькова, Дога, 2021, с. 18]. Даже в лесостепном Подонье как даты на АМС по костям животных, так и по нагару составляют 7 140 – 7 130 BP [Ранний неолит…, 2023, с. 42]. И если около 7 200 BP констатируется пик аридизации, то начало процесса неолитизации более приемлемо отнести не к рубежу третьей и последней четверти, а концу VII тыс. до н. э. В противном случае напрашивается вывод о том, что одним из триггеров перехода от мезолита к неолиту являются неблагоприятные климатические условия. Но это вступает в противоречие с многочисленными данными по материалам Балкан, где начало неолита фиксируется 7 300 лет BP. Полемизировать с этим можно было бы исходя из постулата, что в этом регионе ситуация была менее экстремальной. Но как в таком случае трактовать сходные значения для лесного Зауралья и Западной Сибири? Здесь для материалов (не учитывая даже даты по нагару порядка 7 325 BP) кошкинской культуры есть совпадающие значения по углю и керамике 7 150 – 7 010 BP, для козловской 7 278 – 7 106 BP и для северного Зауралья 7 120 BP по углю [Шорин, Шорина, с. 38–46]. Более того, для комплексов раннего неолита Нижнего Приишимья по углю из жилищ получены весьма глубокие значения [Еньшин, Скочина, 2023, с. 48–50]. Даже если взять за скобки «восьмитысячники», даты по костям человека и нагару, то остаются для жилища 1 стоянки Мергень 8 значения по углю и коре 7 359 и 7 231 BP. И в других жилищах и межжилищном пространстве по костям животных на АМС 7 300 – 7 080 BP. И если мергеньские комплексы расположены в лесостепи, то мулымьинский тип раннего неолита – в таежной зоне Югры [Клементьева, Погодин, 2023]. И здесь среди «угольных» есть даты 7 370 – 7 340 BP.

Таким образом, даже в северных регионах, где климатическая обстановка вряд ли была более благоприятной по сравнению с балканскими древностями, достаточно большое количество валидных дат около 7 300 BP. Если перевести в калиброванные значения, то интервал составит 6 300 – 6 000 BC. Этот хроноинтервал допустимо рассматривать как переходный период от мезолита к неолиту в нестабильных климатических условиях. На одних территориях (Северный Кавказ, Нижнее Подонье) особо активных передвижений в северном направлении не фиксируется. Соответственно, и не прослеживается большого влияния носителей культур данных регионов на соседей. Иная ситуация складывается с культурами Северного Прикаспия, степного и лесостепного Поволжья. В достаточно узком временном интервале происходят активные широтные передвижения, что и объясняет появление керамики относительно быстро. Неслучайно, кроме очень близких датировок (?), сходна древнейшая посуда елшанского типа как в лесостепном Поволжье, так и в Сурско-Мокшанском междуречье, вплоть до Верхнего Дона.

Значительно сложнее положение по восточную сторону Урала. Традиционное обращение к южным культурам наталкивается на препятствие, связанное со значительными морфологическими различиями наиболее ранней, судя по датам 7 200 – 7 000 BP, керамики дарьясайского типа с сосудами как козловской, так и кошкинской культур, которые одновременны среднеазиатским. Мергеньские и мулымьинские комплексы не только разнятся по типологии с южными, но и древнее их. Нельзя исключать, если столь ранние даты не подвержены какому-то еще неизвестному эффекту, не южный, а восточный тренд зарождения.

Что касается козловских и кошкинских комплексов, судя по датам для лесостепной полосы Зауралья, т. е. транзитной территории из Нижнего Поволжья, они по углю и органике в керамике фиксируют около 6 900 BP [Мосин, 2023, с. 40]. Но

для развитого этапа кельтеминарской культуры имеющиеся даты почти на тысячу лет моложе. В большей степени согласуются значения орловской и каиршакской культур, но, как и в случае с кельтеминарской, есть неувязки с их морфологией с зауральской посудой. Наиболее вероятный вариант трактовки данного вопроса может быть связан как с отсутствием дат для среднеазиатских стоянок, так и с возможным появлением керамической традиции раннего неолита Зауралья из нескольких источников.

Список источников

Амирханов Х. А. Хронология культурный отложений Чохского многослойного поселения // История, археология и этнография Кавказа. 2022. Т. 18. № 3. С. 715–728.

Андреев К. М., Кулькова М. А., Петрожицкий А. В. Новые радиоуглеродные даты неолитических памятников Среднего Поволжья и Камско-Вятского междуречья // Археология Евразийских степей. 2024. № 6. С. 29–42.

Выборнов А. А., Кулькова М. А., Дога Н. С. Природно-климатические кризисы как фактор культурной и хозяйственной изменчивости в неолите-энеолите Нижнего Поволжья // Уральский исторический вестник. 2021. № 3. С. 15–25.

Выборнов А. А., Кулькова М. А. Проблемы хронологии культур неолита Волго-Камья // Поволжская археология. 2021. № 3. С. 34–46.

Долбунова Е. В., Мазуркевич А. Н., Амон К. Новые данные по хронологии и стратиграфии памятника Ракушечный Яр // Известия Иркутского государственного университета. 2022. Т. 42. С. 106–122.

Дубовцева Е. Н. Радиоуглеродная хронология неолитических памятников таежной зоны Западной Сибири: новые данные – старые проблемы // Каменный век Волго-Камья и сопредельных территорий. Самара: Самар. гос. соц.-пед. ун-т, 2024. С. 59–64.

Еньшин Д. Н., Скочина С. Н. Хронология неолита Нижнего Приишимья (поданным Мергенского АМР) // Уральский исторический вестник. 2023. № 1. С. 46–54.

Клементьева Т. Ю., Погодин А. А. Мулымьинский культурный тип памятников раннего неолита р. Конды: типология, хронология, стратиграфия // Уральский исторический вестник. 2023. № 3. С. 105–121.

Кулькова М. А. Адаптация древнего человека к природным климатическим условиям голоцена и его роль в формировании интегральной геосистемы Восточной Европы. СПб.: Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена, 2024. 349 с.

Мосин В. С. Хронология памятников неолита и энеолита лесостепного Зауралья // Уральский исторический вестник. 2023. № 3. С. 38–45.

Ранний неолит Среднего Дона в свете современных исследований (по материалам стоянки Черкасская-5) / А. М. Скоробогатов, Е. В. Долбунова, Н. В. Рослякова, В. В. Гасилин // Поволжская археология. 2023. № 3. С. 38–45.

Шорин А. Ф., Шорина А. А. Миграции в неолите Зауралья в свете радиоуглеродной хронологии // Stratum plus. 2020. № 2. С. 31–56.

М. Ш. Галимова, Е. Н. Голубева, Е. П. Казаков
Институт археологии имени А. Х. Халикова АН РТ,
Казань, Россия

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КРЕМНЕВЫХ ВКЛАДЫШЕЙ ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ V МЕЛЛЯТАМАКСКОГО МОГИЛЬНИКА В ИКСКО-БЕЛЬСКОМ МЕЖДУРЕЧЬЕ

Аннотация. В статье представлены результаты трасологического исследования одной из самых многочисленных находок кремневых изделий V Меллятамакского могильника – вкладышей. Удалось установить их функциональное назначение – вкладыши составного оружия, вкладыши режущего орудия по твердому материалу, вкладыш режущего орудия по мягкому материалу, вкладыш строгального ножа, вкладыш режущего орудия по траве.

Ключевые слова: вкладыш, костяные пазовые орудия, энеолит, погребения

V Меллятамакский могильник, расположенный в Икско-Бельском междуречье, на востоке Республики Татарстан, был открыт в 1982 г. Е. П. Казаковым на разрушенной песчаной дюне, в долине р. Ик, близ с. Меллятамак. В результате раскопок в 1983–1984 гг. и последующих обследований могильника в 1980–1990 гг., Е. П. Казаковым были изучены 25 погребений, в том числе 20, отнесенных к эпохе камня [Казаков, 2011, с. 20–40].

При полевых работах было отмечено, что могильные ямы почти не просматривались, костяки лежали вытянуто на спине в сопровождении обломков костяных пазовых орудий, кремневых вкладышей и наконечников стрел, резцов байбака, в некоторых случаях зафиксированы рубящие орудия из зеленоватого сланца, бусины из раковин, а также следы культа огня. В разрушенной части могильника стратиграфически выше погребенных были собраны многочисленные кремневые наконечники стрел, вкладыши и обломки костяных орудий, которые, вероятно, были принесены на площадку некрополя после совершения погребений.

Каменное сырье находок из могильника представлено, в основном, орудиями из качественного кремня светло-серого, серого пестроцветного (полосчатого), реже коричневого и дымчатого серого кремня.

Полученные в ходе исследований V Меллятамакского могильника костяные вкладышевые орудия были подробно описаны Е. П. Казаковым в его работе 2011 г. [Там же, с. 38–40]. В настоящий момент они находятся на хранении в Музее археологии Республики Татарстан Института археологии им. А. Х. Халикова АН РТ. Однако функциональное назначение данных костяных орудий оставалось не до конца понятным. В связи с этим было решено произвести трасологическое исследование кремневых вкладышей. Всего было изучено 108 кремневых фрагментов пластин и целых экземпляров. По ширине вкладыши были разделены на три группы: узкие (ширина менее 1 см), средние (шириной от 1,0 до 1,5 см) и широкие (шириной свыше 1,6 см).

Узкие вкладыши представлены, в основном, медиальными фрагментами пластин (37 из 52 экз.), при этом на 6 экз. отсутствует преднамеренная ретушь, на остальных в разных количествах она присутствует либо с одной стороны с вентрала или дорсала, либо на двух боковых сторонах с вентрала или дорсала, либо с дорсала и вентрала по одной боковой стороне, либо с дорсала или вентрала на одной боковой стороне, а на другой двусторонняя. Есть узкие вкладыши, изготовленные из проксимальных или дистальных фрагментов пластин, а также целые пластины, но их количество значительно меньше (8, 4 и 3 экз. соответственно). На узких вкладышах, изготовленных на проксимальных фрагментах пластин, у 3 экз. ретушь отсутствует, на остальных – ретушь оформлена с дорсала или вентрала по двум боковыми сторонам

© Галимова М. Ш., Голубева Е. Н., Казаков Е. П., 2025

либо с вентрала по одной боковой стороне. На тех экземплярах, что были изготовлены из дистальных фрагментов пластин, краевая ретушь оформлена с вентрала по одной боковой стороне или по двум боковым сторонам. У узких вкладышей, изготовленных из целых пластин, ретушь оформлена либо по одной боковой стороне с дорсала и на второй боковой стороне с вентрала, либо с одной боковой стороны с дорсала или вентрала, а на другой стороне двусторонняя. При этом в основном данная группа вкладышей использовалась в качестве вкладышей составного оружия (47 экз.). Также присутствуют вкладыш режущего орудия по мягкому материалу (1 экз.) и вкладыши режущего орудия по траве (4 экз.).

Средние по ширине вкладыши также в основном представлены медиальными фрагментами пластин. Однако их численное преимущество не столь существенно – всего 25 из 43 экз. У средних вкладышей, изготовленных из медиальных фрагментов пластин, преднамеренная ретушь отсутствует у 16 изделий. На остальных 9 экз. она оформлена либо на дорсале по одной или двум боковым сторонам, либо на вентрале по одной или двум боковым сторонам, либо по одной боковой стороне на дорсале, а на второй боковой стороне двусторонняя. У средних по ширине вкладышей, изготовленных из проксимальных фрагментов пластин, преднамеренная ретушь отсутствует у 14 экз. У одного экземпляра присутствует краевая ретушь на вентрале по двум боковым сторонам, ещё у одного экземпляра краевая ретушь оформлена по одной боковой стороне на дорсале и на второй боковой стороне она двусторонняя. На двух средних вкладышах, изготовленных из дистальных фрагментов пластин, ретушь отсутствует. В функциональном назначении данной группы вкладышей также преимущественное количество использовалось в качестве вкладышей составного оружия (27 экз.). Также присутствуют вкладыши режущего орудия по твердому материалу (рог, кость) – 4 экз., вкладыши режущего орудия по мягкому материалу – 8 экз., вкладыши строгального ножа – 2 экз., вкладыш режущего орудия по траве – 2 экз.

Широкие вкладыши не столь многочисленны – их всего 13 экз. При этом 7 из них изготовлены из медиальных частей пластины, 3 экз. – из проксимальных, 2 экз. – из дистальных, а также одна целая пластина. Стоит отметить, что у 9 изделий отсутствует преднамеренная ретушь. Краевой ретушью на дорсале по двум боковым сторонам оформлен 1 экз. широкого вкладыша, изготовленный из проксимальной части пластины. У двух изделий, изготовленных из медиальных частей пластины, ретушь оформлена на дорсале по одной боковой стороне. У целой пластины краевая ретушь присутствует по боковой стороне и дистальному концу на вентрале. По функциям широкие вкладыши разделились на вкладыши составного оружия (7 экз.), вкладыш режущего орудия по твердому материалу (1 экз.), вкладыши режущего орудия по мягкому материалу (4 экз.), вкладыш строгального ножа (1 экз.).

Следует отметить, что костяные пазовые орудия V Меллятамакского могильника имеют прямую или изогнутую форму, они обнаружены, в основном, во фрагментированном виде. При этом глубина пазов варьируется от 0,3 до 0,6 см. В пазах отдельных орудий сохранились вкладыши – фрагменты узких пластин с ретушированными краями.

Вопрос о хронологическом соотношении V Меллятамакского могильника ещё до конца не решен, прежде всего, на наш взгляд, в связи с малым количеством исследованных памятников, относящихся к позднему неолиту – раннему энеолиту на территории Икско-Бельского междуречья в частности и Волго-Камья в целом. Предполагаемое отнесение его к эпохе раннего энеолита подтверждается наличием в погребениях шлифованных изделий (тесел) из зеленого сланца, а также по сырьевому признаку – присутствию многочисленных изделий из слоистого (полосчатого) серого кремня. Эти признаки считаются показателями энеолитического возраста памятников Волго-Камья [Галимова, 2012]. Ближайшей аналогией

к инвентарю изучаемого могильника является территориально близкое Русско-Шуганское погребение, изученное Е. П. Казаковым на разрушенной дюне в долине р. Ик [Казаков, 1978; 2011]. Трасологическое изучение каменного инвентаря погребения позволило авторам выявить пластины из слоистого кремня, в том числе ножи для срезания травы, а также макропластины, что косвенно свидетельствует о возможности отнесении этого памятника к энеолиту. Что касается культурной принадлежности V Меллятамакского могильника и Русско-Шуганского погребения, то Е. П. Казаковым была предложена гипотеза о меллятмакской группе памятников в междуречье Ика и Белой [Казаков, 2011], носители которой были близки населению, оставившему комплекс памятников на Ивановской дюне, исследованных Н. Л. Моргуновой в Южном Предуралье [Моргунова, 2011]. Также аналогии вкладышам и костяным (роговым) орудиям Меллятамакского могильника прослеживаются в инвентаре могильника у с. Съезжее на р. Самаре [Васильев, Матвеева, 1979].

Таким образом, в комплексе кремневых вкладышей V Меллятамакского могильника выделяются две функциональные группы: вкладыши составного пазового (костяного и рогового) оружия – 81 экз., и вкладыши в ножи по мягкому и твердому материалу – 27 экз.

В первой группе преобладают узкие и среднеширокие пластины с отсеченными концами либо целые, отличающиеся разными сочетаниями регулярной ретуши на своих краях. Эти вкладыши несут на своей поверхности следы закрепления в пазе, выраженные в специфической форме изношенности края, а также воздействия мягкого материала и в некоторых случаях – кости в форме слабо выраженной матовой либо точечной яркой заполировки, а также характерные линейные следы. В нескольких случаях на краях отмечен метательный износ.

Во вторую группу объединены вкладыши ножей по мягкому (дереву, мясу), по твердому материалу (кости и рогу), а также по траве. Они обладают характерными для данных материалов видами заполировки и линейных следов, следами закрепления в основе, а также отсутствием регулярной ретуши на краях.

Список источников

Васильев И. Б., Матвеева Г. И. Могильник у с. Съезжее на р. Самара // СА. 1979. № 4. С. 147–166.

Галимова М. Ш. Кремневые комплексы мезолита–энеолита северной части Икско-Бельского междуречья // Поволжская археология. 2012. № 2. С. 6–28.

Казаков Е. П. Неолитические погребения в восточных районах Татарии // СА. 1978. № 3. С. 6–18.

Казаков Е. П. Памятники эпохи камня в Закамье (Археологический очерк). Ч. 1. Казань: Изд-во Инст. истории АН РТ; ООО «Фолиантъ», 2011. 180 с.

Моргунова Н. Л. Энеолит Волжско-Уральского междуречья. Оренбург: Оренбур. гос. пед. ун-т, 2011. 220 с.

Д. В. Герасимов
Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург, Россия

НЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ЮЖНОГО ПОБЕРЕЖЬЯ ФИНСКОГО ЗАЛИВА В ГЕОАРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Аннотация. Данные, полученные в результате археологических исследований, имеют большое значение для решения вопросов геологии и палеогеографии. Археологическая типология является основанием для датирования вмещающих древние артефакты отложений. Анализ археологических комплексов эпох неолита – раннего металла южного побережья Финского залива позволяет пересмотреть существующую модель изменения береговых линий Балтики в позднем голоцене.

Ключевые слова: Балтика, Литориновая трансгрессия, археологическая типология, хронология

Изучение материальных следов деятельности человека для реконструкции социокультурных процессов в прошлом определяет содержание археологии как науки. В то же время результаты археологических исследований позволяют решать проблемы геологии и палеогеографии. Геоархеологические исследования можно понимать как изучение формирования культурного слоя в контексте природных процессов осадконакопления. Предмет таких исследований предполагает комплексный междисциплинарный подход. Культурно-хронологическая атрибуция археологических контекстов позволяет в числе прочего решать вопросы генезиса и возраста вмещающих, подстилающих и перекрывающих геологических отложений.

Датирование комплекса при помощи археологической типологии – это один из наиболее разработанных собственно археологических методов. Хорошо разработанная археологическая типология выявляет хронологические границы существования артефактов с определенными характеристиками.

Датирование времени формирования вмещающих артефакты отложений на основании археологической типологии аналогично использованию для этих целей биостратиграфических и геохимических методов. Определение возраста геологических отложений, в случае отсутствия возможностей прямого их датирования, основано на соотнесении характеристик этих отложений, полученных методами палинологии, диатомового анализа, геохимии и других, с периодом максимально локализованной палеогеографической хронологии. Эти периоды определяются на основании анализа характеристик опорных разрезов, датированных другими методами, прежде всего радиоуглеродным.

При использовании для датирования геологических отложений метод археологической типологии не уступает биостратиграфическим и геохимическим методам по достоверности и точности, а для определения возраста объектов моложе 2 000 лет значительно их превосходит. Особенно актуально использование археологической типологии для датирования древних береговых геологических образований. Генезис таких форм определяет сложность применения традиционно используемых в геологии и палеогеографии методов датирования.

Южное побережье Финского залива находится на периферии области компенсационного изостатического поднятия Фенноскандии, и высотные различия береговых форм разного возраста здесь выражены значительно слабее, чем на северном побережье. Анализ данных дистанционного зондирования позволил выявить серии палеокос разных генераций; изучение их с точки зрения морфо- и литодинамики дало основание для реконструкции последовательности формирования этих образований [Эволюция…, 2020]. В результате многолетних комплексных археолого-палеогеографических исследований в Нарвско-Лужском междуречье было выявлено более 50 археологических объектов каменного века [Памятники…, 2020]. Памятники с керамикой разных типов: нарвской (5 200 – 3 900 лет до н. э.), гребенчато-ямочной (4 000 – 2 000 лет до н. э.) и шну-

© Герасимов Д. В., 2025

ровой (2 800 – 2 000 лет до н. э.), приурочены к палеокосам разных генераций. Это позволило определить верхний предел времени формирования соответствующих реликтовых береговых форм.

Модель изменений береговых линий Балтики, разработанная на основании комплекса палеогеографических, геоморфологических и археологических данных, полученных по результатам исследований в Нарвско-Лужском междуречье [Stone Age…, 2013], свидетельствует о наличии лишь одного пика литориновой трансгрессии около 5 500 лет до н. э. Примечательно, что в более ранних моделях реконструируется два и более пика трансгрессии, хотя разрешающая способность используемых методов, как и объем используемых для разработки моделей данных, со временем растет.

На всех представленных за последнюю четверть века надежно обоснованных моделях изменений береговых линий Балтики хронологическим пределом уверенных реконструкций является возраст около 3 300 лет до н. э., когда уровень моря опустился в северо-западной части Карельского перешейка ниже современных отметок 10 м над уровнем моря, а в Нарвско-Лужском междуречье – ниже 5 м над уровнем моря. Это обусловлено недостаточной изученностью озёрно-болотных отложений, расположенных на низких абсолютных отметках, и сложностью уверенного выделения отложений стадии изоляции в условиях, когда водоем расположен близко к современному берегу моря.

Исключением является модель, разработанная на основании изучения отложений Охтинского мыса в Санкт-Петербурге [Geoarcheological…, 2014]. Открытие и исследование уникального комплекса археологических объектов на Охте [Гусенцова, Сорокин, Кулькова, 2024] ярко продемонстрировало значение археологических данных для реконструкции осцилляций древних стадий Балтийского моря. Выявление здесь частично перекрытых слоем водных отложений остатков поселения каменного века породило горячие дискуссии в академической среде, и в значительной степени изменило существовавшие на нач. XXI в. представления о поздних этапах геологической истории города и об осцилляциях Балтики в позднем голоцене. Результаты исследований убедительно показывают, что прибрежные участки поселения возрастом 3 900 – 3 600 лет до н. э. оказались затоплены на относительно короткий (в несколько столетий) промежуток времени.

Имеются и другие археологические свидетельства позднелиториновой трансгрессии Балтики [Герасимов, Крийска, Лисицын, 2010]. Исследованный в нач. XX в. культурный слой Лахтинской стоянки, датируемый на основании типологии около 2 500 лет до н. э., перекрыт слоем водных отложений мощностью до метра. В последние годы свидетельства затопления участков древних поселений с археологических материалами, датируемыми перв. пол. – сер. IV тыс. до н. э. (3 900 – 3 600 лет до н. э.) были получены при раскопках археологических памятников в Нарвско-Лужском междуречье.

Эти данные позволяют предположить, что в начале – первой половине IV тыс. до н. э. в восточной части региона Финского залива имело место понижение уровня Балтики, после чего наблюдалась ещё одна стадия подъёма воды. Учитывая, что Балтика является частью мирового океана, затруднительно представить природный механизм, вызвавший относительно кратковременное (около 1,5 тыс. л.) понижение уровня этой огромной инертной системы, и последовавшую затем ещё более кратковременную трансгрессию.

Более реалистичной представляется комбинация изостатических и эвстатических процессов. Судя по имеющимся наблюдениям, изостатический подъём Скандинавского кристаллического щита происходит не линейно, а дискретно, в виде серии тектонических сдвигов. Свидетельства неравномерного блокового поднятия Восточной Фенноскандии и прилегающих территорий, в том числе археологические, отмечались неоднократно начиная со второй половины XX в.

Регрессия, согласно палеогеографическим реконструкциям наступившая в восточной части Финского залива после 4 200 лет до н. э., могла быть следствием не понижения собственно уровня моря, а относительно резкого подъема участка земной поверхности. В результате относительно

быстрого подъема, значительные площади лишенной растительности песчаной поверхности, прежде расположенной ниже уреза воды вблизи берега, оказались на суше. Такая ситуация могла способствовать образованию дюн, которые хорошо представлены на южном побережье Финского залива. Хронология эпизодов активного образования дюн в регионе пока разработана недостаточно, но для Нарвско-Лужского междуречья относительно недавно были получены OSL-даты, указывающие на формирование дюн около 1 500 лет до н. э.

Предлагаемая модель изменений береговых линий Литоринового моря в восточной части Финского залива имеет на данный момент гипотетический характер, хотя не противоречит имеющейся совокупности данных, полученных при изучении как природных, так и археологических объектов. Дальнейшие исследования, в том числе радиоуглеродное датирование образцов из затапливавшихся археологических комплексов среднего – позднего неолита, помимо поселения Охта 1, позволят придать модели большую основательность.

Список источников

Герасимов Д. В., Крийска А., Лисицын С. Н. Археологические памятники времени литориновой стадии Балтийского моря в восточной части Финского Залива // Геология, геоэкология, эволюционная география. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2010. С. 161–164.

Гусенцова Т. М., Сорокин П. Е., Кулькова М. А. Памятник эпох неолита и раннего металла Охта 1 в Санкт-Петербурге. СПб.: Изд-во МАЭ РАН, 2024. 300 с.

Памятники каменного века российской части Нарвско-Лужского междуречья / отв. ред. Д. В. Герасимов. СПб.: Изд-во МАЭ РАН, 2019. 200 с.

Эволюция Кудрукюльской палеокосы (Нарвско-Лужское междуречье) в позднем голоцене по данным геоархеологических исследований / А. Ю. Сергеев, Д. В. Герасимов, Д. В. Рябчук, Л. М. Буданов, О. А. Ковалева // Известия Русского географического общества. 2020. Т. 152. № 2. С. 55–69.

Geoarcheological investigations on the development of the Neva River delta (Gulf of Finland) during the Holocene / M. A. Kulkova, T. M. Gusentsova, T. V. Sapelko, E. M. Nesterov, P. E. Sorokin, A. V. Ludikova, D. V. Ryabchuk, M. A. Markova // Journal of Marine Systems. 2014. Vol. 129. P. 19–34.

Rosentau A., Muru M., Kriiska A., Subetto D. A., Vassiljev J., Hang T., Gerasimov D., Nordqvist K., Ludikova A., Lõugas L., Raig H., Kihno K., Aunap R., Letyka N. Stone Age settlement and Holocene shore displacement in the Narva-Luga Klint Bay area, eastern Gulf of Finland // Boreas. 2013. Vol. 42 (4). P. 912−931.

Ф. Ф. Гилязов[1], А. А. Выборнов[2], Н. С. Дога[3], А. И. Юдин[4]
[1,2,3] Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара, Россия
[4] АНО «Научно-исследовательский центр по сохранению культурного наследия», Саратов, Россия

ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЯ СТОЯНКИ НЕОЛИТА – ЭНЕОЛИТА АЛГАЙ В 2022–2024 ГОДАХ

Аннотация. В работе представлены основные итоги исследования стоянки неолита – энеолита Алгай в степном Поволжье за 2022–2024 гг. Прослежено наличие трех культурных слоев. Проанализированы коллекции керамического и каменного инвентаря, даны определения остеологическому материалу. Определены хронологические рамки бытования памятника.

Ключевые слова: Степное Поволжье, неолит, энеолит, керамика, каменный инвентарь

Исследование выполнено при поддержке РНФ в рамках проекта «Трансформация культур позднего неолита-энеолита Нижнего Поволжья: междисциплинарный подход» (№ 24-28-00103).

Нижнее Поволжье представляет собой один из ключевых регионов для изучения неолитической и энеолитической эпох. Это обусловлено тем, что данная террито-

© Гилязов Ф. Ф., Выборнов А. А., Дога Н. С., Юдин А. И., 2025

рия играет важную роль в понимании таких вопросов, как возникновение древнейших центров керамического производства, а также производящего хозяйства.

С 2014 г. ведется исследование памятника Алгай, расположенного в 1,5 км к северу от с. Александров Гай Саратовской области, на правом берегу р. Большой Узень. Итоги исследований за 2014–2016 и 2017–2019 гг. были представлены коллективом авторов ранее [Юдин, Выборнов, Барацков, 2017; Итоги исследования…, 2020]. Целью данной публикации является освещение результатов полевых работ в 2022–2024 гг.

За период с 2022 по 2024 г. было вскрыто 72 кв. м площади стоянки. Мощность напластований достигала глубины от 230 до 300 см. Залегание культурных слоев неравномерное по всей площади раскопа. Стратиграфически выделяется три литологических слоя, которые включают горизонты неолитического и энеолитического времени, разделяющиеся относительно стерильными прослойками. Энеолитические находки, относятся к хвалынской и прикаспийской культурам, неолитические к орловской культуре [Гилязов, Василенко, Сурина, 2023, с. 120].

Керамическая коллекция памятника неолитического слоя составляет 218 фрагментов. Из них 55 венчиков (13 с наплывом), 7 придонных частей и 129 стенок. Все сосуды плоскодонные, прямостенные или слабопрофилированные. При нанесении орнамента преобладает накольчатая техника в отступающей манере, но представлены и прямые прочерки. Наколы овальной и ногтевидной формы. Выделяются следующие орнаментальные композиции: горизонтальные ряды отступающих наколов, сочетание горизонтальных и наклонных рядов, горизонтальный зигзаг, сочетание горизонтальных рядов и горизонтального зигзага, разреженные наколы, прочерченные линии. Некоторые венчики украшены орнаментом как с внешней, так и с внутренней стороны. Хвалынский слой представлен 13 фрагментами стенок без орнамента, двумя фрагментами, орнаментированными зубчатым штампом, и одним обломком орнаментированной придонной части. В прикаспийском слое найдено 16 фрагментов керамики. Вся керамика тонкостенная, имеет примесь раковины. Информативными являются фрагмент венчика, на внешней и внутренней стороне которого зубчатым штампом нанесены горизонтальные ряды наклонных отпечатков, и фрагмент стенки, орнаментированный зубчатым штампом.

В результате технико-технологического анализа керамики стоянки Алгай, проведенного И. Н. Васильевой из раскопов 2022–2024 гг., было выявлено использование трех видов сырья для их изготовления: илов, илистых глин и глин.

Каменная коллекция насчитывает 470 артефактов. Материалом для изготовления орудий труда служил кремень, реже – кварцит. Каменные изделия в хвалынском слое немногочисленны. Они представлены одним скребком на пластинчатом отщепе из белого кремня, двумя обломками симметричных остриёв, выполненных из кварцита и кремня, и ножом на крупном кварцитовом отщепе. Найден кварцитовый наконечник треугольной формы с выделенным овальным насадом и утюжок (выпрямитель древков стрел).

Наибольшее количество кварцитовых изделий встречается в прикаспийском культурном слое. В основном это отщепы, сколы и пластины. Из орудий преобладают скребки на массивных сколах, пластинах и пластинчатых отщепах. По форме лезвия они подразделяются на округлую, прямую и скошенную. Найдены обломки нескольких наконечников с бифасиальной ретушью, не покрывающей полностью спинку и брюшко, и узкий обломок срединной части ножевидной пластины с мелкой крутой ретушью по одной продольной грани (вкладыш). Коллекция каменного инвентаря неолитического культурного слоя наиболее выразительна. Благодаря стерильным прослойкам удалось проследить различия между материалами орловского и прикаспийского слоев. В нижнем слое кварцитовые изделия значительно уступают кремневым. Также отличается цвет самого кварцита: если для орловского слоя характерен светло-

коричневый, то в прикаспийском слое кварцит в основном светло-серый. Большую часть также составляют отходы первичного производства. Обнаруженные скребки изготавливались на обломках пластин, отщепах и пластинчатых отщепах. Доминирующий тип орудий – скребки концевого типа. По форме рабочего края выделяются: округлые, скошенные и прямые. Встречаются скребки, у которых дополнительная ретушь расположена по одной или двум продольным граням. Редко встречаются скребки стрельчатой и округлой формы, дублированные. По всей сумме вышеописанных показателей каменный инвентарь из данного слоя находит полные аналогии в комплексах Варфоломеевской стоянки [Юдин, 2004]. Геометрические микролиты представлены 5 трапециями со струганой спинкой. Симметричные острия на пластинах представлены 2 экз.

Остеологическая коллекция из раскопа 2022–2024 гг. на стоянке Алгай насчитывает 5439 фрагмента костей животных. Небольшое количество определимых костей животных в слоях хвалынской и прикаспийской культур не позволяет сделать достоверные выводы о структуре потребления мяса диких и домашних животных жителями поселения в рассматриваемые эпохи. В раскопе 2023 г. на поселении в слоях с материалами хвалынской и прикаспийской культур обнаружены кости домашней овцы (Ovis aries) (1 и 3 экземпляра соответственно). Одна кость происходит от домашней собаки. Остальные принадлежат крупным копытным: туру, дикой лошади и кулану. В орловском культурном слое собрано более 5 000 костей, они происходят от домашних и диких животных. К первым отнесены 6 костей собаки. Наиболее многочисленными в слое являются фрагменты костей крупных и средних копытных: тура, дикой лошади, кулана и сайги. Костные остатки копытных включают все элементы скелета, что свидетельствует о разделке туш добытых животных на территории поселения. Большая часть костей копытных происходит от взрослых особей. Реже встречаются костные остатки от молодых и полувзрослых животных. Среди костей сайги обнаружены кости эмбрионов и новорожденных особей, среди костей тура – кости новорожденных особей.

Что касается времени бытования стоянки, то для материалов 2022–2024 гг. радиоуглеродных дат не было получено, но по материалам из соседних раскопов, в которых также прослеживается наличие всех культурных слоев, получена внушительная серия дат. Это позволяет нам предположить, что ранний этап орловской культуры датируется периодом 6 270 – 6 000 лет ВС, развитой этап – 5 900 – 5 600 лет ВС, а поздний – 5 500 – 5 000 лет ВС. Прикаспийская культура, которая отражает переход от неолита к энеолиту, датируется периодом 4 900 – 4 600 лет ВС, а хвалынская культура – 4 600 – 4 400 лет ВС [The chronology…, 2022].

Список источников

Гилязов Ф. Ф., Василенко А. А., Сурина Е. О. Результаты изучения стоянки Алгай в Нижнем Поволжье в 2022 году // Самарский научный вестник. 2023. Т. 12. № 2. С. 119–126.

Итоги исследования стоянок Алгай и Орошаемое в Нижнем Поволжье (2017–2019 год) / А. В. Барацков, А. А. Выборнов, Ф. Ф. Гилязов, Н. С. Дога, П. А. Косинцев, М. А. Кулькова, А. С. Попов, Н. В. Рослякова, А. И. Юдин // Труды VI (XXII) всероссийского археологического съезда в Самаре: в 3 т. Самара: Самар. гос. соц.-пед. ун-т, 2020. Т. 1. С. 120–121.

Юдин А. И. Варфоломеевская стоянка и неолит степного Поволжья. Саратов: Сарат. ун-т, 2004. 200 с.

Юдин А. И., Выборнов А. А., Барацков А. В. Неолитическая стоянка Алгай в степном Волго-Уральском междуречье // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле – Белокурихе. Барнаул: Алт. гос. ун-т, 2017. С. 1199–1200.

The chronology of Neolithic-Eneolithic in the steppe zone of the Volga basin / A. A. Vybornov, F. F. Giljazov, N. S. Doga, M. A. Kulkova, B. Philippsen // Science Journal of VolSU. History. Area Studies. International Relations. 2022. Vol. 27. № 3. P. 6–15.

С. П. Городецкая[1], Е. В. Долбунова[2], К. Амон[3], А. Н. Мазуркевич[4]
[1,2,4] Государственный Эрмитаж,
Санкт-Петербург, Россия
[3] Лаборатория Тражектуар Национальной академии научных исследований,
Париж, Франция

ОРУДИЙНЫЕ НАБОРЫ КАМЕННОГО ИНВЕНТАРЯ НЕОЛИТИЧЕСКИХ СЛОЕВ ПАМЯТНИКА РАКУШЕЧНЫЙ ЯР (6 ТЫС. ДО Н. Э.)

Аннотация. В ходе новых исследований памятника Ракушечный Яр выявлена представительная коллекция каменной индустрии неолита. Основные ее особенности – наличие шлифовальных плит, сланцевых топоров и тесел, микролитоидной индустрии, доминирование перфораторов и скребков различных типов в кремневом инвентаре стоянки.

Ключевые слова: каменная индустрия, Ракушечный Яр, неолит

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 25-28-00937 «От охотников-собирателей неолита к скотоводам энеолитической эпохи в Нижнем Подонье: археологические, биомолекулярные и палеоэкологические исследования (на основе эталонного памятника Ракушечный Яр)».

В ходе новых исследований на памятнике Ракушечный Яр была выявлена представительная коллекция каменной индустрии неолита, которая может быть отнесена примерно к 5 700 / 5 600 – 5 400 до 5 200 л. до н. э. (см. детальное обсуждение хронологии в [Раковинные платформы…, 2021]). Каменная индустрия включает изделия и заготовки, выполненные из плит известняков и песчаников, кварцита, окаменевшего дерева, сланцев и кремня.

Макролитические каменные орудия демонстрируют ограниченный спектр категорий, в основном связанных с изготовлением каменных орудий. В качестве заготовок были выбраны различные типы плит известняков и песчаников. Большая часть представлена шлифовальными плитками с углубленной зоной в центре, образовавшейся в результате очень интенсивной абразивной обработки, на поверхности – полосы с люстражем шириной 3 см, локализованы рядом друг с другом. Эти следы свидетельствуют о шлифовке минеральных поверхностей, скорее всего топоров/тесел, большое количество которых найдено в коллекции. Отдельная категория представлена изделиями вытянутой формы со следами износа на одном из концов, со следами охры на некоторых из них. Было обнаружено несколько желобчатых изделий, одно из них выполнено из окаменевшего дерева с четырьмя бороздками с интенсивной заполировкой и следами охры. В коллекции представлено несколько отщепов из окаменевшего дерева и единичные отщепы из кварцита.

На памятнике найдена представительная коллекция сланцевых грузил, которые можно разделить на три группы: весом 100–200 г., 200–300 г. и 300–700 г. [Белановская, 1995]. Одна из ярких особенностей каменной индустрии – шлифованные сланцевые топоры и тесла подпрямоугольного и овального поперечного сечения. Их длина варьирует от миниатюрных экземпляров длиной около 2 см и шириной 1 см до крупных изделий (размер сохранившейся части около 8 см длиной), часто представлены лишь обушковые или лезвийные части. Аналогичные были найдены на памятниках данного региона [Цыбрий, 2008].

Сырьем для изготовления кремневых орудий служил неоднородный кремень серого, темного-серого, серо-коричневого оттенков. Реже использовался высококачественный полупрозрачный коричневый и серый кремень. Продукты расщепления представлены нуклеусами, технологическими сколами, первичными отщепами и разными типами сколов. Мелкий дебитаж практически полностью отсутствует. Среди нуклеусов преобладают однопло-

© Городецкая С. П., Долбунова Е. В., Амон К., Мазуркевич А. М., 2025

щадочные ядрища параллельного скалывания. Также в неолитических слоях представлены двухплощадочные нуклеусы встречного скалывания и целый ряд аморфных или сильно сработанных нуклеусов. Расщепление было ориентировано на получение пластинчатых заготовок. В коллекции представлено небольшое количество пластин, полученных отжимом. На большинстве нуклеусов фиксируются следы забитости поверхностей, что может указывать на использование их в качестве отбойников. Самую многочисленную группу орудий составляют изделия, типологически определяемые как перфораторы (≈ 28 %), которые изготовлены в основном на пластинах и пластинках, редко – на отщепах. Данная категория включает в себя несколько типов изделий: проколки, удлиненные проколки, развертки и сверла, двойные перфораторы. Кроме абразивной стертости краев, в пользу предположения, что типы, определенные как развертки и сверла, использовались в процессе сверления, свидетельствуют многочисленные поперечные оси орудия сколы, расположенные на вентральных поверхностях орудий. Возможная техника сверления – сверление с промежуточной стадией «перфорирования». Сначала путем пикетажа (пробивания) с помощью острия/удлиненной проколки получали небольшое отверстие, которое далее расширялось с помощью развертки/сверла. Возможно, для пикетажа использовались перфораторы, изготовленные на краевых сколах. У многих изделий этой группы, края, обработанные ретушью, несут следы довольно интенсивной утилизации – залощены или имеют характерную ретушь утилизации.

Второй по многочисленности тип орудий – скребки (≈ 25 %). Большинство скребков изготовлено на отщепах различной формы. Лезвия оформлялись как на дистальных концах, так и на краях изделий. В коллекции представлены также округлые скребки небольших размеров, у которых лезвие было оформлено по всему периметру орудия. Отдельная категория – орудия, изготовленные на массивных отщепах/сколах с нуклеусов. Иногда лезвия оформлены крупными сколами, на многих из них присутствуют сколы утилизации и противолежащие им участки забитости. Возможно, использовались как долотовидные орудия. Еще одна группа представлена комбинированными орудиями, пластинами и отщепами с ретушью.

Впервые на памятнике был выделен «микролитоидный компонент», что во многом связано с методикой раскопов. Он включает в себя «геометрические» микролиты (трапеции и прямоугольники) [Геометрические…, 2024] и различные орудия – микросверла и микроскребки. Микросверла/микроострия изготавливались на пластинках, ширина которых не превышала 12 мм, а длина 20 мм. Края обрабатывались крутой ретушью, иногда такой интенсивной, что судить об изначальной ширине заготовки невозможно. Судя по макроследам повреждений на краях и кончиках изделий, они использовались для сверления. Исходя из размера микросверел, можно предположить, что для работы они крепились к рукоятках. Микроскребки в основном изготавливались на мелких отщепах или пластинчатых сколках. В большинстве своем микроскребки – округлые, края обработаны по всему периметру.

Для памятника была предложена хозяйственная модель [Dolbunova et al., 2020], часть которой – эффективная добыча рыбы и последующая обработка в короткий временной промежуток, что обуславливает ограниченные узкоспециализированные орудийные наборы, отсутствие полного цикла изготовления и тщательной проработки изделий. Вероятно, орудийную нишу могли замещать также многочисленные изделия из раковин. Иной набор орудий характерен для культурных слоев с остатками жилищных глиняных вымосток [Долбунова, Мазуркевич, Амон, 2022]. Обилие разверток может свидетельствовать об обработке древесных материалов и мягких пород камня, наличие шлифованных топориков также может быть связано с обработкой древесины [Лозовский, 2014; Гиря, Лозовский, 2014]. Наличие специфических по-

вреждений на обушке подтверждает возможность использования их в качестве клиньев при расщеплении древесины. Эти предположения требуют дальнейшей верификации.

Новые раскопки и методика фиксации позволила сопоставить отдельные типы с хронологическими микрогоризонтами. Можно предположить ограниченный типологический и функциональный набор изделий, что является особенностью этого памятника и технологической стратегии данного сообщества охотников-собирателей. Исследования кремневой коллекции позволили выявить существенную смену типов кремневого сырья в конце раннего неолита, практически полное отсутствие изделий из кварцитового сырья на протяжении всего неолита-энеолита. Отмечено сохранение набора категорий орудий, встреченных в нижележащих слоях, с доминированием разверток, наличием скребков, скобелей, пластин с ретушью.

Список источников

Геометрические микролиты п. Ракушечный яр из слоев неолита/нео-энеолита / С. П. Городецкая, Е. В. Долбунова, А. В. Ларионова, А. Н. Мазуркевич, О. И. Успенская // История, археология и этнография Кавказа. 2024. Т. 20. № 4. С. 840–855.

Гиря Е. Ю., Лозовский В. М. Сравнительный морфологический анализ полноты технологических контекстов каменных индустрий // Каменный век: От Атлантики до Пацифики. Замятнинский сб. СПб.: Изд-во МАЭ РАН; ИИМК РАН, 2014. Вып. 3. С. 52–84.

Долбунова Е. В., Мазуркевич А. Н., Амон К. Новые данные по хронологии и стратиграфии памятника Ракушечный Яр // Известия ИГУ. Серия Геоархеология. Этнология. Антропология. 2022. Т. 42. С. 106–122.

Лозовский В. М. Технологический аспект кремневых индустрий рубежа мезолита-неолита Нижнего Дона и Верхней Волги // Археологические вести. 2014. Вып. 20. С. 69–79.

Раковинные платформы и жилые конструкции: планиграфия культурного слоя раннего неолита п. Ракушечный Яр / Е. В. Долбунова, А. Н. Мазуркевич, А. В. Ларионова, Й. Мэгро, В. М. Лозовский // Universum Humanitarium. 2021. № 2. С. 58–84.

Цыбрий В. В. Неолит Нижнего Дона и Северо-Восточного Приазовья. Ростов-на-Дону: СКНЦ ВШ Юж. фед. ун-та, 2008. 199 с.

Dolbunova E. V., Tsybryi V. V., Mazurkevich A. N., Tsybryi A. V., Szmańda J., Kittel P., Zabilska-Kunek M., Sablin M. V., Gorodetskaya S. P., Hamon C., Meadows J. Subsistence strategies and the origin of early Neolithic community in the lower Don River valley (Rakushechny Yar site, early/middle 6th millennium cal BC): first results // Quaternary international. № 541. 2020. P. 115–129.

Т. М. Гусенцова
АНО «НИИ культурного и природного наследия», Санкт-Петербург, Россия

РЫБОЛОВСТВО В НЕОЛИТЕ И ЭНЕОЛИТЕ ПРИНЕВЬЯ И ЮЖНОГО ПРИЛАДОЖЬЯ

Аннотация. В Приневской низменности и южном Приладожье материальные остатки рыболовства найдены на памятниках Охта 1, Подолье 1, 3. Это загородки-маты из лучин, колья и сваи для ловли рыбы в морском заливе или озерной лагуне; сетевые грузила, оплетенные берестой; грузила из сланца, корзины.

Ключевые слова: рыболовные деревянные конструкций, грузила

В Приневье свидетельства рыболовного промысла найдены на памятнике Охта 1, расположенном на Охтинском мысу в г. Санкт-Петербурге. В древности памятник находился на песчаной косе мелководного залива Литоринового моря. Культурный слой неолита-энеолита сложен алевритом с прослоями песка, перекрытого отложениями Позднего Средневековья [Гусенцова, Сорокин, Кулькова, 2024]. В «мокром» культурном слое сохранились многочисленные изделия

© Гусенцова Т. М., 2025

из органики. На исследованной площади (10 000 кв. м) выделено четыре крупные группы стационарных рыболовных конструкций, датированных 4 – нач. 3 тыс. до н. э. Наиболее выразительные крупные загородки-маты из лучин и прикрепленных к ним кольев сохранились на северо-западе мыса [Новые исследования…, 2010, с. 165–174]. В центральной и южной части мыса остатки заколов приурочены к цепочке западин, оставшихся от нешироких водоемов, направленных в сторону залива. Значительное количество свай и фрагменты загородок сохранилось на месте бывшего русла древней протоки, пересекающей мыс в широтном направлении. Несколько конструкций открыто у левого берега р. Б. Охта [Гусенцова, Сорокин, Кулькова, 2024]. Основу загородок составляют секции – маты, собранные из лучин, изготовленные, в основном, из сосны. Концы многих лучин заостренные. Размеры секций и их форма различаются. Длинные лучины (3,5–4,5 м) найдены в скоплениях, в одном случае свернутые в рулон или в развернутом виде, прикрепленные к заостренным колам. На таких секциях сохранились способы крепления лучин с двух сторон полосами луба, насчитывающими до 7 продольных рядов. Короткие секции имеют прямоугольную форму размерами: 1,05–2,2 × 1,8–2,3 м. Лучины в таких матах скреплялись узкими полосками из луба черной ивы, двумя-тремя рядами. В алеврите сохранились многочисленные ряды мелких ямочек от воткнутых в дно лучин. Прослежена протяженность линий поваленных секций 2,5; 4,5 и 6 м с интервалами 1; 1,5 и 2,5 м. Промежутки между ними заполняли жерди, длинные колья, бревна, служившие дополнительной подпоркой. Секции и отдельные лучины находились в окружении установленных в определенном порядке хорошо обтесанных свай, уходивших в алеврит на глубину до 0,7–1 м. Они изготовлены в основном из ели, реже сосны и ольхи. Сваи были необходимы для рыболовства в условиях морского побережья – в зонах прибойной волны. Радиоуглеродные датировки свай указывают на неоднократное обновление конструкций. Этнографические материалы, связанные с рыбным промыслом, указывают, что в загородках должны присутствовать длинные части, возвышающиеся над уровнем воды на высоту около 1 м, что препятствовало перепрыгиванию рыбы через заграждения. Судя по особенностям в размещении загородок, здесь также могли быть комбинированные рыболовные устройства. Для этого в заграждениях устанавливались плетеные ловушки типа вершей, где скапливалась рыба, пытавшаяся выйти из западни [Там же, рис. 53, 67, 72, 84].

С рыбным промыслом связана группа изделий из органики – короба или корзины, найденные преимущественно в западинах вместе с остатками загородок. Короба изготовлены из коры черной ивы с частичным использованием коры ели, реечек из сосны. Верх стянут прутьями, прошит корнями сосны, обернут полоской бересты. Короба имеют прямоугольную или трапециевидную форму с плоским дном и прямыми стенками высотой 7–13 см, 19 см или овальную и округлую форму с уплощенным или закругленным днищем высотой 18–20 см. Они, вероятно, могли использоваться для извлечения рыбы из переносных ловушек (вершей). К сожалению, костные остатки, в частности рыб, в слое памятника не сохранились.

Активные способы ловли рыбы представлены грузилами. Сетевые грузила – камешки весом от 12,4 до 44 г., искусно оплетенные полосками бересты, использовали для тянущихся «подкидных» сетей в мелководных прибрежных водах. Такие грузила, будучи бесшумными, не распугивали рыбу. Значительная группа грузил изготовлена на сланцевых стержнях, на концах которых проделаны узкие канавки для крепления. Грузила отличаются формой, размерам и весом [Там же, с. 89–91]. Преобладают грузила на объемных стержнях со слегка расширенным в центре туловом. Длина некоторых достигает 10–11 см.

В южном Приладожье свидетельства рыболовства найдены на стоянках Подолье 1 и 3, расположенных в бассейне р. Лавы [Гусенцова, Кулькова, 2016, с. 388–396].

Выявлены границы древнего водоема – озерной лагуны, погребенной под мощной толщей песка и суглинка [Ладожская трансгрессия…, 2019, с. 78–95]. Рыболовные конструкции находятся в основании культурного слоя – торфе.

На Подолье 1 стационарные рыболовные конструкции обнаружены на нескольких участках раскопа (около 200 кв. м) [Gusentsova, Kulkova, 2020]. Две группы приурочены к углубленному руслу бывшего водоема. Третья – на границе прибрежной зоны и торфяника. Рыболовные конструкции состоят из 4–6 кольев диаметром 4–5 см и длиной 90–140 см, вбитых в один-два ряда по диагонали или прямой. Колья располагались попарно на расстоянии 20–40 см. Расстояние между парами кольев составляет около 2 м. Они изготовлены, в основном, из ели, сосны и ольхи. Возле нескольких кольев воткнуты лучины, изготовленные из сосны. На юго-востоке торфяника обнаружен фрагмент секции из 20 лучин. Максимальная длина 150–167 см, ширина 2,5–3 см, толщина 0,7–1 см. Концы лучин прямые. Под лучинами найдены многочисленные кости окуня. Радиоуглеродные датировки конструкций – 3 350 – 3 135 cal BC [Гусенцова, Кулькова, 2016]. Конструкции Подолья 1 отличаются от Охта 1 отсутствием тщательно обтесанных кольев и свай, за исключением одной предварительно обожженной. Это могло быть обусловлено установками загородок в более спокойных водах озерной лагуны или соединенных с ней речных проток. Найдены сетевые грузила, оплетенные берестой, сходные по основным параметрам с Охта 1. На нескольких из них сохранилась обмотка тонкими «веревочками» для крепления к сети. Вместе с грузилами найдены нити из тонких волокон от сетки. Грузило из сланца листовидной формы с канавками на обоих концах также аналогично Охте 1.

Состав рыб разнообразен – 7 определенных видов. В количественном отношении преобладал судак (47,7 %), окуневые (12,7 %) и щука (9,1 %). По хорошо сохранившимся костям была реконструирована длина тела рыб и определен возраст. Кроме того, обитатели стоянки охотились на водное животное – ладожскую нерпу (15,1 %) [Неолитические культуры…, 2015].

На стоянке Подолье 3, раскопанной в восточной части древнего водоема (более 90 кв. м), рыболовные конструкции представлены обломками поваленных и вбитых кольев диаметром 2–3 см, 5–4 см и лучин. Сохранилось скопление лучин (17), вероятно, верши. Длина лучин 67–80 см, ширина 1,8–2,2 см, толщина 0,5–0,7 см. Лучины изготовлены из расщепленной сосны. Радиоуглеродные даты – 3 357 – 3 091 лет до н. э. – близкие Подолью 1.

Среди костей рыб преобладает речной окунь – 38,4 %, лещ – 24,3 %, плотва – 18,5 %; ладожская нерпа составляет 9,4 % от костей животных [Природная среда…, 2020].

Рыболовные устройства и инвентарь памятников Охта 1, Подолье 1, 3 имеют широкий круг аналогий среди материалов эпох неолита и энеолита Северо-Запада России, Восточной Балтики, Карелии. Они свидетельствуют о тесной включенности населения памятников во взаимодействие с носителями различных культур сопредельных территорий.

Список источников

Археозоологический анализ неолитической стоянки Подолье-1 в южном Приладожье / Д. Н. Галимова, И. В. Аськеев, О. В. Аськеев, Т. М. Гусенцова // Неолитические культуры Восточной Европы: хронология, палеоэкология, традиции. СПб.: Изд-во ИИМК РАН, 2015. С. 163–166.

Гусенцова Т. М., Кулькова М. А. Радиоуглеродное датирование стоянок Подолье 1, 3 (Южное Приладожье), Сосновая гора 1 (восточное побережье Финского залива) // Радиоуглеродная хронология эпохи неолита восточной Европы VII–III тыс. до н. э. Смоленск: Изд-во «Свиток», 2016. С. 388–396.

Гусенцова Т. М., Сорокин П. Е., Кулькова М. А. Памятник эпох неолита и раннего металла Охта 1 в Санкт-Петербурге. СПб.: Изд-во МАЭ РАН, 2024. 300 с.

Ладожская трансгрессия и ландшафты второй половины голоцена в Южном Приладожье (по данным изучения археологического памятника Подолье-1) / Т. В. Сапелко, Т. М. Гусенцова, М. А. Кулькова,

А. В. Лудикова, В. П. Денисенков, Н. Ю. Корнеенкова // Известия РАН. Серия географическая. 2019. Вып. 5. С. 78–95.

Новые исследования рыболовных заграждений на памятнике Охта-1: предварительные результаты / В. И. Базарова, А. А. Бобкова, С. А. Васильев, Л. С. Воротинская, А. Ю. Городилов, А. А. Екимова, О. М. Илюхина, А. А. Ластовский, А. И. Мурашкин, М. Ю. Никитин, Н. Ф. Соловьева, А. И. Суворов, В. С. Хребтикова, Т. А. Шаровская // Бюллетень ИИМК РАН [№] 1 (охранная археология). СПб.: ИПК «Коста», 2010. С. 165–174.

Природная среда и население эпох камня и раннего металла в Южном Приладожье / Т. М. Гусенцова, А. О. Аськеев, И. В. Аськеев, Д. Н. Шаймуратова, О. В. Аськеев // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре: в 3 т. Самара: Самар. гос. соц.-пед. ун-т, 2020. Т. III. С. 222–223.

Gusentsova T., Kulkova M. The subsistence strategy and paleoenvironment on the Stone Age site Podolye 1 in the southern Ladoga Lake region (Eastern Baltic) // Quaternary International. 2020. Vol. 541. P. 41–51.

Г. К. Данилов
Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург, Россия

ПРОБЛЕМЫ ДАТИРОВАНИЯ ДРЕВНИХ СЛОЖЕНИЙ ИЗ КАМНЯ, РОГА И КОСТИ В АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЕ ЕВРАЗИИ

Аннотация. Сложения из камня и рога в арктической зоне Евразии составляют огромный пласт памятников. В статье обсуждаются возможности применения ^{14}C метода и методики отбора образов для оценки возраста конструкции.

Ключевые слова: каменные выкладки, Чукотка, ^{14}C метод, датирование

Исследование выполнено в рамках проекта РНФ № 25-28-01122 «Культурное и сакральное пространство крайнего северо-востока Азии: каменные и костяные конструкции позднего голоцена Чукотки».

Под общим термином «сложения» в данной статье объединены две группы археологических памятников, широко распространённых в тундровой и лесотундровой полосе Евразии, представленные объемными и плоскими конструкциями, выполненными из разного или комбинированного материала – камня, кости, рога [Данилов, 2022, с. 68–69]. В основной массе это объекты вне поселенческого контекста различного назначения: ритуального, погребального, хозяйственно-бытового и др. В иных случаях конструкции находятся на периферии, или же являются непосредственными элементами (например, кольцевые выкладки жилищ, очаги) жилой зоны памятников [Арутюнов, Крупник, Членов, 1982, с. 12; Данилов, 2021, с. 134–135]. Зачастую разные типы сложений сгруппированы в комплексы, объединяя на одной территории разнофункциональные и разновременные объекты.

За более чем вековую историю археологического изучения Северо-Востока Азии накопился огромный корпус археологических источников, попадающих под выделенные критерии, относящихся к широкому временному и культурному диапазону. Изученность этих объектов слабая и в основном бессистемная, часто ограниченная только полевой документацией. Исключение составляют ряд памятников Восточной Чукотки [Арутюнов, Крупник, Членов, 1982, с. 141; Гусев, Репкина, 2011, с. 131]. Для ряда конструкций остается дискуссионной их культурно-хронологическая и функциональная атрибуция. Тем не менее важность источника и необходимость его изучения признается археологическим сообществом [Воробей, 2002, с. 45–48; Кардаш, Соколков, 2015, с. 81–83; Орехов, 2000, с. 63–69; Разгильдеева, 2018, с. 59–64; Шахнович, 2021, с. 105].

© Данилов Г. К., 2025

Основное количество исследованных объектов получили культурную и функциональную атрибуцию на основании этнографических параллелей, в меньшей степени – результатов незначительных по масштабам раскопок. Предполагаемая датировка сложений возможна в широких временных рамках. Лишь для немногих конструкций получены определения абсолютного возраста. Опубликованные ^{14}C датировки для сложений из камня и рога крайнего северо-востока Азии укладываются в диапазон II тыс. до н. э. – современность [Воробей, 1991, с. 123; Гусев, Репкина, 2011, с. 131; Диков, 1993, с. 124–125; Кирьяк, 1993, с. 68].

Основной проблемой для получения радиоуглеродных дат остается необходимость проведения раскопочных работ и плохая сохранность или отсутствие пригодного для аналитики органического материала. Использованные в конструкциях кости и рога млекопитающих значительно расширяют возможности для определения возраста.

Яркой особенностью ряда сложений являются конструкционные элементы из органических материалов, находящиеся выше современной поверхности. Суровые климатические условия способствуют их сохранности, но длительное экспонирование на дневной поверхности приводит к медленному разрушению сложений, часто к фрагментации конструктивных элементов. Последнее позволяет проводить пробоотбор без вмешательства в архитектуру памятника и раскопочных работ, а также дает возможность решать этические проблемы, возникающие на действующих сакральных объектах. В дополнение, современные аналитические комплексы по определению ^{14}C возраста методом жидкостной сцинтилляции допускают использование образцов материала весом менее 100 г. (при его должной сохранности) [Skripkin, Kovaliukh, 1998, p. 211–214], отчасти компенсируя дефицит AMS-датирования.

Имеется и внутрирегиональная специфика, требующая критического отношения к выбору датируемого материала и методике пробоотбора. Для объемных конструкций на всей рассматриваемой территории характерна повышенная биогенная нагрузка. Пространство, занимаемое сложением, имеет, вне зависимости от материала постройки, большое количество пустот и формирует защитную «тень», которую используют грызуны для обустройства норных городков. Высокие постройки используются хищными птицами для присады. Все это, в сочетании с более длительным задерживанием снега между элементами сложений, способствует не только накоплению асинхронного органического материала в культурном слое конструкции, но и её активному зарастанию как травянистой, так и кустарниковой растительностью. На плакорах, сложенных сильно льдистыми породами, под сооружениями происходит развитие термокарста. Для памятников культур морских зверобоев, привязанных к морскому побережью, актуален вопрос резервуарного эффекта, который в целом слабо изучен для морей российской Арктики [Питулько, Павлова, 2015, с. 38]. При датировании древесного угля, часто содержащегося под каменными кладками, велика вероятность получения омоложенных дат [Арсланов, 1987, с. 112–115].

Также не менее важно учитывать технологию постройки конструкции. Для некоторых категорий, например небольших по размеру каменных выкладок, под которыми находятся битая кость или рога северного оленя, можно предположить одномоментное создание, чего нельзя достоверно сказать о сложносоставных кладках. Для кучерогов (сложенных особым образом в кучу парных рогов оленя) достоверно описано многократное добавление новых пар рогов в конструкцию [Богораз, 1939, с. 192].

Описанные выше факторы и отсутствие возможности проведения раскопочных работ, которые требуют разрушения объекта, пусть и с его последующей реконструкцией, говорят в пользу пробоотбора из наземной части памятников. Это с большой долей вероятности позволит получить «справочный» возраст объекта, требующий тщательного критического

осмысления из-за возможного искажающего влияния многих факторов.

Автором была предпринята попытка такого «косвенного» датирования разных типов объектов на северо-западной Чукотке. Датированные объекты включают каменные силуэтные выкладки разных форм, содержащие под камнями битую кость или рога северного оленя, кучероги и рога, уложенные ветвями вверх в виде округлой розетки. Всего была получена 21 дата, 16 из которых укладываются в промежуток II тыс. до н. э. – XV в. н. э. Шесть датировок были выбракованы: в двух образцах не оказалось коллагена, четыре оставшиеся признаны современными или близкими к ним, из них три, скорее всего, соответствуют истинному возрасту объектов.

Полученные результаты позволили впервые обоснованно определить время бытования плоских кладок с рогами или костью оленя под силуэтом камней в интервале II тыс. до н. э. – XV в. н. э. Для кучерогов получены три датировки с весьма ранним возрастом – XIII в. н. э. Наиболее поздняя дата для «розетки» из уложенных ветвями вверх рогов укладывается в интервал XII–XVII вв. н. э. Представленная хронология позволяет предположить некую преемственность и трансформацию традиций создания сложений из камней и рогов при переходе охотников и собирателей северо-западной и центральной Чукотки к кочевому оленеводству.

Список источников

Арсланов Х. А. Радиоуглерод: геохимия и геохронология. Л.: ЛГУ, 1987. 300 с.

Арутюнов С. А., Крупник И. И., Членов М. А. «Китовая аллея». Древности островов пролива Сенявина. М.: Наука, 1982. 174 с.

Богораз В. Г. Чукчи. Том II. Религия. Л.: Изд-во Главсевморпути. 1939. 201 с.

Воробей И. Е. Ритуальный памятник в верховьях Омолона // Краеведческие Записки. Магадан: Магаданское кн. изд-во, 1991. Вып. 17. С. 117–124.

Воробей И. Е. Каменные выкладки (кластоформы) на крайнем северо-востоке Азии // История и культура Востока Азии. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2002. Т. 2. С. 45–48.

Гусев С. В., Репкина Т. Ю. Геоархеологические исследования историко-культурного комплекса «Сиклюк – Китовая Аллея» в Беринговом проливе // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. СПб., М., Великий Новгород: ИИМК РАН, 2011. Т. 1. С. 131–132.

Данилов Г. К. Морфология наземных жилищ Западной Чукотки: от мезолита к современности // Известия Самарского научного центра РАН. Исторические науки. 2021. Т. 3. № 4(12). С. 132–141.

Данилов Г. К. Морфология каменных и костяных сложений позднего голоцена Западной Чукотки // Археология Арктики: тезисы докладов II Международной конференции. Салехард: Наука, 2022. С. 68–69.

Диков Н. Н. Азия на стыке с Америкой в древности. СПб.: Наука, 1993. 304 с.

Кардаш О. В., Соколков А. В. Ритуальный комплекс Холято-1 на полуострове Ямал // Археология, этнография и антропология Евразии. 2015. Т. 43. №. 1. С. 81–91.

Кирьяк М. А. Археология Западной Чукотки. М.: Наука, 1993. 224 с.

Орехов А. А. Каменные и костяные конструкции Северо-Востока Азии // Культурное наследие народов Сибири и Севера: материалы четвертых Сибирских чтений. СПб.: Изд-во МАЭ РАН, 2000. С. 63–69.

Питулько В. В., Павлова Е. Ю. Опыт радиоуглеродного датирования культуросодержащих отложений Жоховской стоянки (Новосибирские о-ва, Сибирская Арктика) // Записки ИИМК. 2015. №. 12. С. 27–55.

Разгильдеева И. И. Планиграфический анализ жилищно-хозяйственных комплексов верхнего палеолита Забайкалья. Чита: Забайкал. гос. ун-т, 2018. 208 с.

Шахнович М. М. Валунные ямы Беломорья // Труды Кольского научного центра РАН. 2021. Т. 12. № 4 (21). С. 104–125.

Skripkin V. V., Kovaliukh N. N. Recent developments in the procedures used at the SSCER Laboratory for the routine preparation of lithium carbide // Radiocarbon. 1998. Vol. 40. №. 1. P. 211–214.

С. М. Дегерменджи
Донецкий республиканский краеведческий музей,
Донецк, Россия

ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ ПЛАНИГРАФИИ ДЮННОЙ СТОЯНКИ-МАСТЕРСКОЙ СТАРИЦА XVIII

Аннотация. Неолитическая стоянка-мастерская Старица XVIII расположена на территории Донецкой Народной Республики. В 1999–2021 гг. на стоянке выявлены хорошо сохранившиеся скопления расщеплённого кремня под стерильным песчаным горизонтом. Изучение скоплений, установление связей по ремонтажу в отдельных скоплениях и между скоплениями выявили некоторые общие особенности формирования скоплений и их место в планиграфии стоянки.

Ключевые слова: Северный Донец, Старица XVIII, неолит, скопления, ремонтаж, расщепление

В изучении «дюнных» стоянок, при отсутствии артефактов из органических материалов, редком окрашивании культурного слоя вследствие элювирования почвы, важен непереотложенный характер культурного слоя, хорошая сохранность кремневых скоплений – структурообразующих элементов «дюнных» стоянок [Леонова, 2000, с. 49].

Неолитическая стоянка-мастерская Старица XVIII расположена на левом берегу р. Северский Донец, в 2 км от г. Святогорск в Донецкой Народной Республике. Памятник исследовался в 1999–2021 гг. [Горелик, Дегерменджи, 2015, с. 234–236].

Равномерное распределение кремневых скоплений на площади стоянки имеет системный характер (рис. 1). На стоянке установлены связи «по ремонтажу» для 152 складней. Для представленных скоплений характерно визуально выраженное «ядро» с примыкающим разреженным «шлейфом». При визуально заметном разрастании части скоплений (VI, VII, VIII) сохранилась равноудаленность между их центрами. Стабильность пространственного распределения, при отсутствии признаков планиграфического «смазывания» скоплений, выраженность «ядер» и «шлейфов», свидетельствуют об однократном характере посещения стоянки. Сохранению планиграфической структуры способствовал эоловый песчаный горизонт в кровле супесчаных отложений, вмещающих скопления. Перекрывающий горизонт, соответствующий перерыву в почвообразовании, стерильный в археологическом отношении, обеспечил консервацию культурного слоя стоянки.

Преобладают связи по ремонтажу внутри скоплений. Ремонтаж зафиксировал взаимное наложение периферических шлейфов, увеличившихся в размерах (крупных) скоплений (VI, VII, VIII), с сокращением дистанции между ними, но без окончательного слияния.

Представление о начальной стадии формирования подобных «крупных» скоплений дают установленные по ремонтажу связи в зоне продуктов расщепления у скопления «I». Оказалось, что зона седиментации, определяемая как «рабочая точка», не всегда сводится к одному визуально выразительному скоплению. Обнаружилось возникновение нескольких (от двух до трёх), отличающихся по насыщенности и форме, зон седиментации сколов с одного ядрища. Очевидно, что на локализацию (с разбросом до 1,5 кв. м), форму и размер связанных зон седиментации оказывало влияние расположение или некоторое смещение рабочего места, положение заготовки и самого мастера в момент расщепления, форма, размер заготовки, их изменение в процессе редукции ядрища, способ снятия целевых и вспомогательных сколов. При этом не все зоны седиментации приобретали черты визуально выразительных скоплений. С возникновения подобных «инициальных» скоплений (I, II, IV, V, IX, XI) и связанных с ними невыразительных зон седиментации, очевидно, начиналось формирование выше отмеченных «крупных» скоплений.

© Дегерменджи С. М., 2025

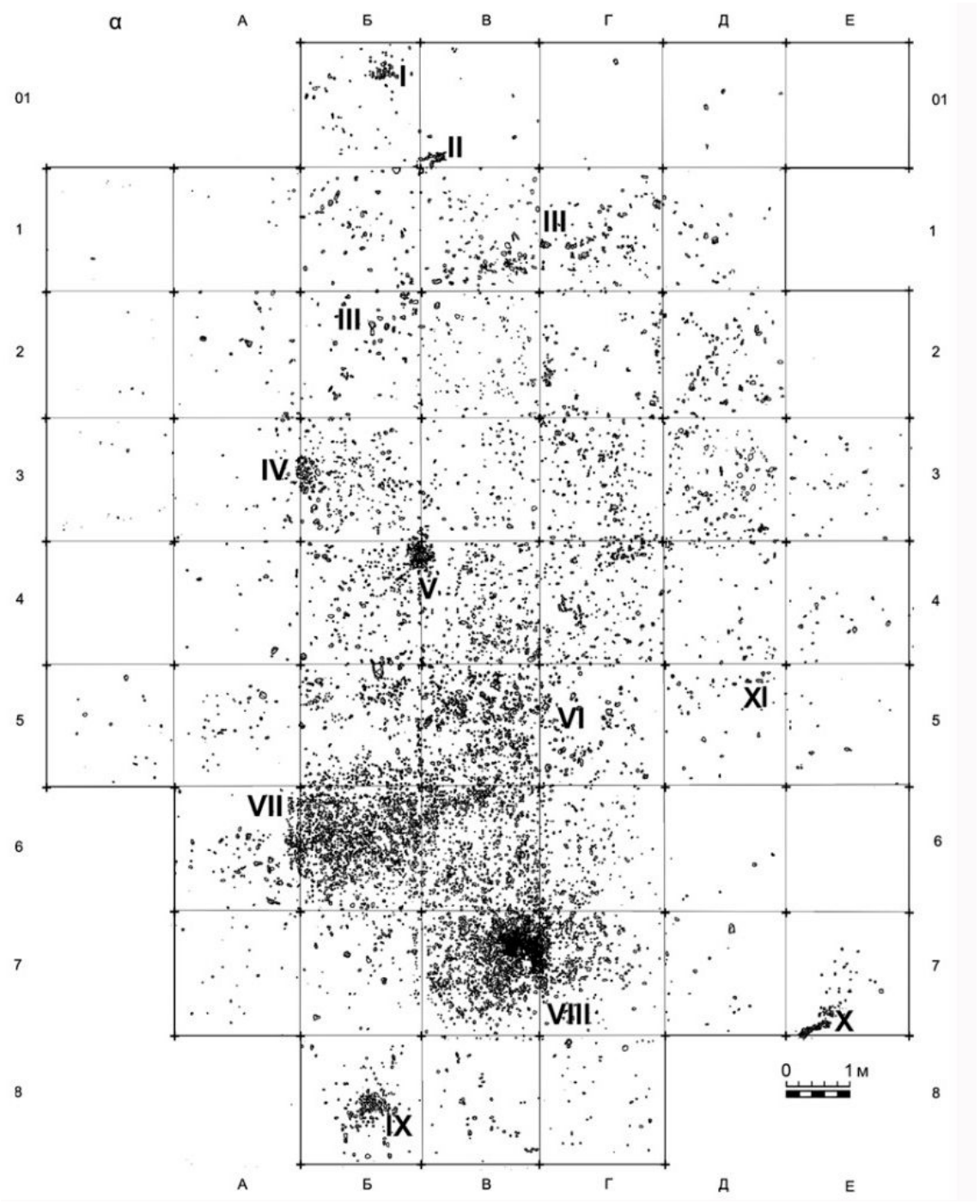

Рис. 1. Старица XVIII. Скопления находок на плане раскопа. Цифрами обозначены номера скоплений

Ремонтаж выявил случаи смены «рабочей точки» при расщеплении отдельных пренуклеусов на стадии формирования и подправки площадки (IV–VII), формирования пренуклеуса на стадии декортикации (V–VI). Один из пренуклеусов, связанных со скоплением V, отложился вне ядра скопления, другой вынесен на периферию стоянки.

Вытянутое дугообразное скопление III носит «контурный» характер и огибает археологически эфемерное препятствие. Выраженное сгущение кремневого дебитажа, с установленными связями по ремонтажу с внешней стороны дугообразной структуры и с контрастно разреженным внутренним её заполнением. К западу и югу разреженная зона фланкируется скоплениями IV, V, VI, XI без контрастного перехода. Очевидно внешнее экранирование при разлёте, перемещении продуктов расщепления кремня. Интерпретация подобного феномена приводилась разными исследователями и остаётся спорной [Серёгин, 1984, с. 13; Леонова, 2000, с. 50]. Вместе с тем связи скопления

III со скоплениями IV, V, VI, VI VII, VIII, IX пересекают (огибают – ?) разреженную зону без седиментации в ней, фиксируя продолжение расщепления в новых «рабочих точках».

Различия в специализации скоплений отсутствуют. Ядрища и сколы связаны с формированием, подправкой пренуклеусов: площадок, фронтальной и торцевой поверхностей скалывания. Признаки утилизации нуклеусов, пластинчатые сколы и их негативы единичны. Очевидно, они отбирались и уносились со стоянки. Другая массовая форма, присутствующая в периферическом шлейфе большинства скоплений, – топоры-транше, изготавливавшиеся из подходящих по форме отщепов. Крутой ретушью выделялись лишь выемки в обушковой части этих орудий для привязывания к рукояти. Не требующие больших трудозатрат по изготовлению, без подправки лезвия, транше могли быть побочным продуктом производства и служить лишь для кратковременного использования.

Кремневый инвентарь в скоплениях носит ярко выраженный производственный характер. Скребки, единичные трапеции, острия – не имеют установленных связей со скоплениями. Очевидна кратковременность, однократность функционирования стоянки. Хорошая сохранность культурного слоя позволила уточнить некоторые закономерности формирования кремневых скоплений.

Список источников

Горелик А. Ф., Дегерменджи С. М. По запутанному следу: к возникновению одной неолитической стоянки-мастерской в Подонцовье // Доисторическая эпоха: интерпретация культур. Stratum plus. 2015. № 2. С. 233–274.

Сорокин А. Н. Метаморфозы источника по мезолиту Восточной Европы // Тверской археологический сборник: материалы II Тверской археологической конференции и 5-го заседания научного семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности». Тверь: Тверской государственный объединенный музей, 2000. Вып. 4. Т. 1. С. 37−48.

Серёгин В. Я. Применение метода «связей» при археологических исследованиях // СА. 1984. № 1. С. 11−25.

Леонова Б. В. Некоторые результаты планиграфического анализа волго-окских мезолитических стоянок на песке // Тверской археологический сборник: материалы II Тверской археологической конференции и 5-го заседания научного семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности». Тверь: Тверской государственный объединенный музей, 2000. Вып. 4. Т. 1. С. 49−51.

Н. С. Дога, А. А. Выборнов, Ф. Ф. Гилязов
Самарский государственный социально-педагогический университет,
Самара, Россия

ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЯ СТОЯНКИ НЕОЛИТА ТАСКУДУК В СЕВЕРНОМ ПРИКАСПИИ В 2022–2024 ГОДАХ

Аннотация. В работе представлены основные итоги исследования новой стоянки позднего неолита Таскудук в Северном Прикаспии. Полученные коллекции керамического и каменного инвентаря значительно расширили источниковую базу позднего неолита региона, а также позволили уточнить их основные характеристики.

Ключевые слова: Северный Прикаспий, поздний неолит, тентексорский тип, керамика, каменный инвентарь

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 24-28-00103.

Изучение периода позднего неолита на территории Северного Прикаспия представляется важным и актуальным не только для понимания развития ранних

© Дога Н. С., Выборнов А. А., Гилязев Ф. Ф., 2025

неолитических культур региона, но и для освещения процесса перехода к эпохе энеолита. Именно в это время на интересуемой территории происходит смена традиций в орнаментации керамики, каменной индустрии и появляются первые признаки производящего хозяйства. Накопленная за последние годы источниковая база позволяет оценить роль местного поздненеолитического населения в этих процессах.

В 2021 г. в Харабалинском районе Астраханской области была обнаружена поздненеолитическая стоянка тентексорского типа Таскудук [Новый памятник…, 2023]. За период с 2022 по 2024 г. было вскрыто 92 кв. м площади стоянки. Культурный слой, мощностью до 40 см, распространялся линзами. В южной части раскопа 2024 г. было выделено 2 культурных слоя, разделенных относительно стерильным пластом светло-коричневого песка. Их глубина варьируется от 10 до 40 см.

Керамическая коллекция памятника составляет 400 фрагментов. По венчикам выделяется 80 сосудов. Найдены развалы двух крупных и один небольшой целый горшок. Вся посуда плоскодонная, прямостенная или немного профилированная. Она имеет округлый, прямой или чуть отогнутый венчик. Их срезы имеют насечки или вдавления. Также выделяется серия сосудов с широким наплывом на внутренней стороне венчика [Стоянка Таскудук…, 2024, с. 205]. Часть сосудов украшена с внутренней стороны или имеет заглаженную поверхность. Посуда орнаментирована наколами треугольной, прямоугольной и округлой формы, выполненными преимущественно в отступающей технике. Орнаментальные мотивы разнообразны и представлены различными сочетаниями вертикальных, горизонтальных, наклонных, волнистых и зигзагообразных линий отступающего накола. В ряде случаев эти мотивы образуют меандры. Фиксируется сложность и геометризм композиций.

Проведенный И. Н. Васильевой технико-технологический анализ керамики показал, что вся посуда изготовлена из илистого сырья, состоящего из жирного глиноподобного субстрата с естественными примесями [Васильева, Дога, Гилязов, 2023, с. 140].

Керамическая коллекция стоянки Таскудук сопоставима с посудой тентексорского типа, обнаруженной на памятниках Тентексор [Васильев, Выборнов, Козин, 1986], Приозерная [Гречкина, Выборнов, 2023] и Же-калган [Козин, 1989]. К отличиям можно отнести наличие на Таскудуке 22 сосудов с наплывом. На Тентексоре их всего 3, а на других памятниках они отсутствуют. Кроме того, на таскудукской посуде нет ямочных вдавлений под венчиком, столь характерных для керамики стоянки Тентексор. В то же время присутствуют сложные и оригинальные композиции, присущие посуде только Таскудука.

Каменный инвентарь представлен 265 предметами из кремня различных оттенков серого цвета. Также встречаются изделия из черного прозрачного сырья. Несмотря на то, что около 30 % коллекции составляют отходы производства, на сегодняшний день она является наиболее представительной. Процент пластин и орудий из них значительно уступает отщеповому комплексу. Самым массовым типом орудий являются скребки, выполненные преимущественно на отщепах и сколах (90 экз.). Представлены концевые, округлые, конце-боковые, стрельчатые, дублированные изделия, а также скребки с мордочкой. В отдельную группу можно выделить серию микроскребков размером не более 1,2 см. Их следует рассматривать как характерную составляющую каменной индустрии позднего неолита. Обнаруженные 17 перфораторов на пластинах и отщепах имеют симметричную форму, за исключением одного экземпляра со скошенным рабочим лезвием. Также представлены прямолезвийные и изогнутые ножи. В коллекции имеется 17 трапеций со струганной спинкой.

К индивидуальным находкам можно отнести 4 предмета со следами сверления и пришлифовки, костяное острие, бусину из раковины, фрагмент каменного орудия со следами сработанности, трапециевидное кремневое тесло с пришлифовкой, гальку с желобком.

Уникальной для неолита Северного Прикаспия является подвеска из плоской кости. Украшение, предположительно в форме лошади, в верхней части имеет отверстие со следами износа. По лицевой стороне прорезан сложный геометрический узор, обозначающий треугольником «глаз» и, возможно, линии «шерсти». Орнамент на поверхности изделия сближает его с костяными предметами стоянки Варфоломеевская [Юдин, 2004, с. 104].

Представительна и остеологическая коллекция памятника, включающая 8 262 кости животных. Несмотря на плохую сохранность более половины костей определены до вида. Н. В. Росляковой установлено, что большинство останков принадлежит туру, сайге и кулану. Также присутствуют кости дикой лошади, благородного оленя, корсака, лисицы, волка, птиц и моллюсков. Единична кость собаки.

Интересна находка в раскопе 2023 г. 3 костей домашней овцы [Стоянка Таскудук…, 2024, с. 211]. По имеющимся на сегодняшний день данным, в позднем неолите Северного Прикаспия домашние животные отсутствовали. Появляются они только с носителями прикаспийской культуры [Дога, 2024, с. 21–22]. Для данной территории известны случаи, когда кости домашних животных из культурного слоя имели более поздние даты [О хронологическом..., 2016, с. 9]. В этой связи при первичном анализе авторы не отнесли данные останки к основному комплексу. Однако непосредственное датирование кости овцы на АМС позволило получить дату – 6 128 ± 45 BP [Миграции…, 2024, с. 619]. Она соотносится с датами по прикаспийской культуре стоянки Курпеже-Молла. Здесь необходимо отметить, что в этом же раскопе найдены фрагменты от одного сосуда, украшенные отпечатками гребенчатого штампа, разделенные двумя линиями наколов [Новый памятник…, 2023, с. 28, рис. 3, 9]. Орнаментация гребенчатым штампом характерна для посуды прикаспийской культуры. Авторами уже было выдвинуто предположение о формировании прикаспийской культуры при взаимодействии пришлых племен с воротничковой керамикой и местным тентексорским населением. Это обосновывается наличием синкретичных накольчато-гребенчатых сосудов и схожих меандровых мотивов в оформлении керамики [Выборнов, Ставицкий, Кулькова, 2021; Дога, 2024, с. 19]. Наличие костей домашней овцы на стоянке тентексорского типа может служить дополнительным подтверждением этого вывода.

Кроме того, М. А. Кульковой было получено еще два радиоуглеродных значения по костям животных: 6 600 ± 200 лет BP (2σ 5 975 – 5 078 cal BC) и 6 560 ± 150 лет BP (2σ 5 750 – 5 213 cal BC). Учитывая большую поправку первой даты её нижний предел выходит за рамки бытования тентексорского типа. Поэтому более валидной представляется вторая дата [Стоянка Таскудук…, 2024, с. 212]. Это значение соответствует времени бытования тентексорских памятников – 6 540 – 6 699 лет BP. Однако и поправка ко второй дате достаточно значительна – 150 лет. Нижний ее предел оказывается моложе основного хроноинтервала поздненеолитических памятников региона. Здесь уместно напомнить о наличии на Таскудуке 27 % сосудов с наплывами. Такое соотношение характерно для позднего этапа орловской культуры [Юдин, 2004, с. 150]. Можно предположить, что Таскудук является более поздним памятником по отношению к стоянкам Тентексор, Приозерная и Жекалган. Следует учитывать и его локальную особенность – он расположен ближе к бассейну р. Волги.

Список источников

Васильев И. Б., Выборнов А. А., Козин Е. Е. Поздненеолитическая стоянка Тентексор в Северном Прикаспии // Древние культуры Северного Прикаспия. Куйбышев: Куйбышев. гос. пед. инст., 1986. С. 6–31.

Васильева И. Н., Дога Н. С., Гилязов Ф. Ф. Новые данные о неолитическом гончарстве Нижнего Поволжья // Известия Самарского научного центра РАН. Исторические науки. 2023. Т. 5. № 1. С. 137–150.

Выборнов А. А., Ставицкий В. В., Кулькова М. А. О происхождении прикаспийской культуры // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2021. Т. 26. № 2. С. 31–37.

Гречкина Т. Ю., Выборнов А. А. Новая неолитическая стоянка Приозерная в Нижнем Поволжье // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2023. Т. 28. № 4. С. 6–22.

Дога Н. С. Энеолитизация Нижнего Поволжья: автореф. дис. … канд. ист. наук. Самара, 2024. 26 с.

Козин Е. В. Новые материалы по неолиту Северного Прикаспия // Проблемы археологического изучения Доно-Волжской лесостепи. Воронеж: Воронеж. гос. пед. ин-т, 1989. С. 9–14.

Миграции в позднем неолите-энеолите Волго-Уралья: археология, хронология, климат / А. А. Выборнов, Ф. Ф. Гилязов, Н. С. Дога, М. А. Кулькова // Уфимский научный вестник. 2024. Т. 24. № 4. С. 616–627.

Новый памятник неолита в Северном Прикаспии / Н. С. Дога, А. А. Выборнов, Ф. Ф. Гилязов, А. В. Сомов, Т. Ю. Гречкина // Поволжская археология. 2023. № 3(45). С. 25–37.

О хронологическом аспекте происхождения производящего хозяйства в Нижнем Поволжье / А. А. Выборнов, Н. С. Дога, А. С. Попов, М. А. Кулькова, М. Ойнонен // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2016. Т. 21. № 3. С. 6–13.

Стоянка Таскудук в Северном Прикаспии (предварительные итоги исследования) / Н. С. Дога, А. А. Выборнов, М. А. Кулькова, И. Н. Васильева, Н. В. Рослякова, Т. Ю. Гречкина // Поволжская археология. 2024. № 3(49). С. 203–216.

Юдин А. И. Варфоломеевская стоянка и неолит степного Поволжья. Саратов: Саратов. гос. ун-т, 2004. 200 с.

Н. А. Дорофеева, И. В. Белова, Е. А. Сергушева
Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия

ПОЗДНИЙ НЕОЛИТ ПРИМОРЬЯ В СВЕТЕ ИССЛЕДОВАНИЙ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ

Аннотация. Показано современное представление о зайсановской культурной традиции позднего неолита, основанное на привлечении широкого круга источников, накопленных за почти 70-летнюю историю изучения.

Ключевые слова: Зайсановская культурная традиция, локально-хронологические варианты, материальная культура, хозяйство

В позднем неолите Приморья пока известна одна археологическая культура – зайсановская, выделенная Г. И. Андреевым в конце 1950-х гг. В XX в. происходило накопление материалов. В последние десятилетия отмечен значительный сдвиг в ее изучении: раскопано более 10 памятников, получен массив данных, в том числе с использованием естественно-научных методов. Анализ ранее накопленных и современных материалов позволил перейти на качественно новый уровень структурирования информации.

Широкий ареал (бóльшая часть края), длительность существования (5 700 – 3 800 кал. л. н.), различия в материальных комплексах вызвали дискуссию о правомерности использования термина «зайсановская культура». Полагаем, что термин «зайсановская культурная традиция» (далее – ЗКТ) более соответствует имеющимся знаниям. Происхождение ЗКТ связывают с миграциями населения с территорий Маньчжурии и Кореи, их адаптации к природным условиям края, порой в контакте с аборигенным населением [Вострецов, 2005; Крутых, 2012]. В результате сформировалась самобытная материальная культура, ярким маркером которой выступает характерный орнамент на сосудах, использование обсидиана. В рамках ЗКТ выделено четыре локально-хронологических варианта (далее – ЛХВ).

Раннезайсановский вариант (5 700 – 4 900 кал. л. н.) отмечен на западе Приморья (Кроуновка-1, Лузанова Сопка-2 и др.) и юго-западном морском побережье (Зайсановка-7, Бойсмана-2). Исследованы

© Дорофеева Н. А., Белова И. В., Сергушева Е. А., 2025

два жилища округлой формы с очагом в центре (Кроуновка-1) и раковинная куча (Зайсановка-7).

Керамика представлена высокими емкостями простых форм (с широким устьем, без/с намеченной горловиной, венчики простые/с валиками). Орнамент выполнен прочерчиванием, штампами (гребенчатые, веревочные, гладкие оттиски) или наколами. Основные мотивы: вертикальный или горизонтальный зигзаг, ряды оттисков штампа или прочерченных линий, треугольники, ромбы, сетка [Крутых, 2012]. Гребенчатый и накольчатый декор имеют истоки в гончарстве бойсманской культуры [Морева, Клюев, 2011].

Каменный инвентарь представлен ретушированными и шлифованными наконечниками стрел, скребками, шлифованными рубящими орудиями, грузилами, терочниками. Система жизнеобеспечения включала охоту на наземных животных (косуля, олень, дикий кабан, птицы), на побережье морское рыболовство (скумбрия, треска, пиленгас, камбала и др.), сбор моллюсков (устрица). Макро- и микроботанические остатки доказали выращивание проса (в одном случае периллы) и собирательство (10 видов растений) [Krounovka 1…, 2004; Zaisanovka 7…, 2005; Сергушева, 2008; Пантюхина, Вострецов, 2023].

Хасанский вариант (~4 700 – 4 400 кал. л. н.) распространен на морском побережье или вблизи него на юге края и островах. Раскопано жилище округлой формы (Зайсановка-1), нескольких наземных построек (Гвоздево-4) [Крутых, 2012; Вострецов, Кононенко, 2022]. Аналогичные комплексы известны в Китае (Синчен) и Северной Корее (Сопхохан). Керамика представлена сосудами без горловины (усеченно-конические и цилиндрические, бокаловидные, чаши); с намеченной горловиной (горшки). Венчики простые, редко с налепным валиком. Декор – вертикальный зигзаг, ряды одно-/разнонаправленных штрихов, геометрический и криволинейный орнамент, меандр. Посуда с криволинейным орнаментом выделена в отдельную категорию [Крутых, 2012].

Каменный инвентарь включает шлифованные и ретушированные наконечники стрел, шлифованные топоры и тесла, выпрямители древков стрел, куранты разных форм, песты, грузила. Ярким маркером ЛХВ является использование местного (р. Виноградная) и приносного (Шкотовское плато, вулкан Пектусан) обсидиана.

Локализация памятников указывает на использование широкого спектра наземных и морских ресурсов. Рыболовство подтверждает находка грузила [Вострецов, Кононенко, 2022]. Для Гвоздево-4 и Зайсановки-1 доказано просовое земледелие (обыкновенное и итальянское просо), собирательство растений (желуди, маньчжурский орех, лещина, бархат) [Сергушева, 2008; Проблемы интерпретации…, 2010].

Приханкайский вариант (4 400 – 3 900 кал. л. н.) демонстрирует адаптивный успех его носителей, проявляющийся в заселении бóльших территорий (южная половина края, восточная Маньчжурия), увеличении размеров поселений и жилищ, появлении специализированных построек [Крутых, 2012]. Раскопки проведены на ряде поселений, в том числе однослойных (Боголюбовка-1, Реттиховка, Анучино-29). Исследованы подпрямоугольные жилища с очагами в центре, хозяйственные постройки.

Сосуды представлены высокими горшками, горшковидными формами с перегибом в верхней трети, чашами, редко ковшами. У высоких горшков венчик усложнен валиком, орнамент на тулове – прочерченный вертикальный зигзаг или дуги. Приземистые горшки украшались меандром в разной технике (прочерчивание, отступание, оттиски веревочного штампа). В составе формовочных масс характерно использование талька.

Каменный инвентарь включает ретушированные наконечники стрел, тонкие шлифованные тесла и долота. Обязательно присутствие терочных плит, курантов разных форм.

Костные остатки не сохранились, охоту на наземных животных и птиц подтверждают наконечники дистанционных орудий. На Новоселище-4 обнаружена рыбья

чешуя. Для нескольких памятников получены макроботанические остатки – семена двух видов культурного проса и дикорастущих растений [Сергушева, 2008].

Юго-восточный вариант (4 400 – 4 200 кал. л. н.) распространен на юго-востоке. На поселениях (Сопка Большая, Водопадное-7, Под липами) раскопаны жилища подпрямоугольной формы. Морфология сосудов близка приханкайскому ЛХВ – высокие горшки с валиком под венчиком, приземистые горшки с простым венчиком и перегибом в верхней трети тулова. Основной мотив декора – ряды наклонных прочерченных штрихов («разорванный зигзаг»). Меандр отмечен только на приземистых горшках. Прием вертикального зонирования орнаментальных мотивов сближает этот ЛХВ с хасанским [Новые аспекты..., 2017].

Инвентарь аналогичен приханкайскому ЛХВ – ретушированные наконечники дистанционных орудий, шлифованные деревообрабатывающие орудия, терочные плиты, ладьевидные куранты, мотыги [Там же].

Охоту на животных и птиц подтверждают наконечники стрел и находка элемента пера кулика. Макро- и микроботанические остатки демонстрируют существование просового земледелия (обыкновенное и итальянское просо) и собирательства дикорастущих растений [Сергушева, 2020; Пантюхина, Белова, 2024].

Известны памятники с материальными комплексами, отличающимися от этих ЛХВ (Горный Хутор-11, Еленовка-3, Валентин-Перешеек, Рудная Пристань), т. е. не исключено выделение других ЛХВ.

Серия AMS-датировок скорректировала хронологию, детализированы материальные комплексы и расселение носителей разных ЛХВ, привлечены методы естественных наук для обоснованных реконструкций палеоэкономики, что привело к качественному сдвигу в реконструкции различных аспектов ЗКТ. Все население ЗКТ было оседлым, проживавшим в постоянных поселках, занималось охотой на животных и птиц, речным/морским рыболовством, собирательством растений и морских моллюсков. Обязательной частью хозяйства было просовое земледелие. Могильники ЗКТ все еще не найдены.

Длительность существования ЗКТ, широкое расселение ее носителей (включая островные территории) при сохранении узнаваемости ее материальной культуры, обусловлены успешной адаптационной стратегией, основанной на ведении комплексного хозяйства.

Список источников

Вострецов Ю. Е. Взаимодействие морских и земледельческих адаптаций в бассейне Японского моря // Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы, гипотезы. Владивосток: Дальнаука, 2005. С. 159–186.

Вострецов Ю. Е., Кононенко Н. А. Изделия из камня на поселении Зайсановка-1 по материалам раскопок 1998 и 2000 гг. // Мультидисциплинарные исследования в археологии. 2019. № 1. С. 115–130.

Крутых Е. Б. Зайсановская археологическая культура: проблемы интерпретации // Россия и АТР. 2012. № 1. С. 139–154.

Морева О. Л., Клюев Н. А. Взаимодействие археологических культур Приморья на рубеже среднего и позднего неолита // Труды III Всероссийского археологического съезда. СПб.; М.; Великий Новгород: ИИМК РАН, 2011. Т. 1. С 180–182.

Новые аспекты в изучении зайсановской культурной общности в Приморье (по итогам исследования памятника Водопадное-7) / Н. А. Дорофеева, И. В. Гридасова, Н. А. Клюев, И. Ю. Слепцов // Россия и АТР. 2017. № 3. С. 187–205.

Пантюхина И. Е., Белова И. В. Анализ микроостатков на орудиях неолитического комплекса поселения Водопадное-7: пример исследования // Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2024. Т. 43. С. 71–84.

Пантюхина И. Е., Вострецов Ю. Е. Кроуновка 1 – поселение первых земледельцев в Приморье: о чем нам рассказал древний крахмал // КСИА. 2023. Вып. 270. С. 384–400.

Проблемы интерпретации неолитического комплекса памятника Гвоздево-4 (Южное Приморье) / Е. Б. Крутых, О. Л. Морева, С. В. Батаршев, Н. А. Дорофеева, С. С. Малков, Е. А. Сергушева // Приоткрывая завесу тысячелетий. Владивосток: ООО «Рея», 2010. С. 176–190.

Сергушева Е. А. Земледелие в позднем неолите юго-восточного Приморья, Дальний Восток России // Известия Лаборатории древних технологий. 2020. Т. 16. № 3. С. 32–45.

Сергушева Е. А. К вопросу о появлении земледелия на территории Приморья в позднем неолите: археоботанические исследования // OPUS: междисциплинарные исследования в археологии. М.: Изд-во «Параллели», 2008. Вып. 6. С. 180–195.

Krounovka 1 Site in Primorye, Russia. Report of excavation in 2002 and 2003 // Study of Environmental Change of Early Holocene and the Prehistoric Subsistence System in Far East Asia. Kumamoto: Shimoda Print Co. Ltd., 2004. 58 p.

Zaisanovka 7 Site in Primorye, Russia. Preliminary Results of Excavation in 2004: Study of Environmental Change of Early Holocene and The Prehistoric Subsistence System in Far East Asia. Kumamoto: Shimoda Print Co. Ltd., 2005. 80 p.

Д. Н. Еньшин, С. Н. Скочина
Тюменский научный центр СО РАН,
Тюмень, Россия

РИТУАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ РАННЕНЕОЛИТИЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ НИЖНЕГО ПРИИШИМЬЯ (ЗАПАДНАЯ СИБИРЬ)

Аннотация. В докладе представлена характеристика ритуальных комплексов ранненеолитического населения Нижнего Приишимья (конец VII – рубеж VII–VI тыс. до н. э.). В качестве их маркеров рассмотрены факты помещения отдельных артефактов и групп орудий в определенных местах жилищ (приклады), сооружение человеческих погребений в постройках, ямы с останками животных и т. д. Сделан вывод о дифференциации уже с раннего неолита объектов обрядовой деятельности на поселенческие и святилищные, выделении «особых» построек, связанных с культовыми действиями.

Ключевые слова: Западная Сибирь, Нижнее Приишимье, ранний неолит, ритуальные комплексы, поселенческая обрядность, святилище

Исследования выполнены в рамках госзадания, проект № 121041600045-8 «Западная Сибирь в контексте Евразийских связей: человек, природа, социум».

Ранний неолит в Нижнем Приишимье (Западная Сибирь) представлен рядом поселений на северо-восточном побережье оз. Мергень в долине р. Ишим, время существования которых определяется VII–VI тыс. до н. э. [Еньшин, Скочина, 2023]. Поселенческие комплексы довольно полно охарактеризованы в плане домостроительства, гончарства, каменного и костяного инвентаря и т. д. [Еньшин 2014; Еньшин, Скочина, Илюшина, 2024]. Кроме того, на поселении Мергень 6 были зафиксированы свидетельства ритуальных действий – приклады, человеческие погребения в жилищах и т. д. [Еньшин, Скочина, Зах, 2012].

Однако исследования последних лет позволили существенно расширить представления о системе ритуальных комплексов ранненеолитического населения долины Ишима, в том числе за счет использования неразрушающих методов. Ключевое значение при этом занимают два археологических объекта – Мергень 5 и 6.

Оба расположены в высокой озерной пойме, в месте, где протока Мергенька вытекает из озера, соединяя его с рекой Ишим. Расстояние между ними – 200 м, причем разница гипсометрический отметок около 1 м в пользу Мергень 5. В культурно-хронологическом отношении оба комплекса демонстрируют единство: датирование (конец VII – рубеж VII–VI тыс. до н. э.), керамический комплекс, типология сооружений и т. д.

Мергень 6 представляет собой поселение (исследовано 13 построек трех типов) с планировкой, приближенной к кругу, где в центре располагались два сооружения с котлованами площадью около 100 кв. м, вокруг них – жилища меньших размеров около 50 кв. м, а вдоль берега протоки размещались небольшие хозяйственные постройки. В ходе иссле-

© Еньшин Д. Н., Скочина С. Н., 2025

дований был выявлен ряд маркеров, отнесенных к признакам бытования поселенческой обрядности у населения, оставившего поселок. В качестве таковых рассматривались отдельные артефакты (изделия из камня, кости и рога), помещенные в определенных местах в жилищах (у оснований столбов в столбовых ямах, воткнутые в материковый пол ниже уровня предполагаемых деревянных настилов, у входа и т. д.). Кроме того, к ним отнесены комплексы артефактов в ямах в полу жилищ (например, набор каменных, костяных и роговых орудий со следами преднамеренной порчи, обмазанный белой глиной, засыпанный охрой и мелкими птичьими костями в одном из центральных жилищ), ямы с частями животных (черепа лосей, челюсти и клыки волков, медведей, и т. д.). В одной из таких ям вместе с клыками волка была обнаружена человеческая челюсть.

К маркерам ритуальных действий на поселении Мергень 6 были также отнесены человеческие погребения (старик и младенец) в полу одного из центральных жилищ. Кроме того, с тех же позиций рассматривается помещение у очага одного из средних жилищ черепов человека и волка/собаки.

Данный комплекс, по нашему мнению, является частью широкого круга маркеров обрядов, связанных с сакрализацией жилого пространства. Примечательно, что большая часть из них сконцентрирована внутри центральных сооружений и в непосредственной близости к ним. Целью этих действий являлось стремление упорядочить окружающий хаос, сделать его безопасным, а, как известно, в традиционных обществах жилище являлось воплощением модели упорядоченного мироустройства, его центром. Выявленные объекты могут иллюстрировать ритуалы, сопровождавшие этапы появления, функционирования и оставления поселения: в виде строительных жертв/прикладов, прикладов промысловой направленности и т. д.

Представления о структуре комплекса Мергень 5 были получены в результате геомагнитного и электромагнитного исследования окрестностей поселения Мергень 6. Он расположен на возвышении у берега озера и представляет собой площадку, окруженную рвом (круг диаметром около 40 м, ширина рва около 1 м, глубина до 0,6 м), в центре которой находилось сооружение, идентичное (форма, размеры, внутреннее устройство) центральным постройкам поселения Мергень 6. Заполнение котлована характеризуется малочисленностью хозяйственных находок, что косвенно свидетельствует в пользу нежилого характера использования сооружения. В северо-восточном углу его располагалась яма (размеры 2×1,6 м, глубина 0,8 м), в центре которой был установлен столб (столбовая яма на дне). Вокруг столба фиксировались наслоения костей животных и целых рыб. При этом на самом нижнем горизонте залегали слои только рыбы, а выше кости лосей (челюсти, и фрагменты конечностей), а также череп волка (собаки?) и его конечности. Примечательно, что расположение костей в яме свидетельствует о не одномоментном, а постепенном ее заполнении с засыпкой одного слоя перед укладкой другого.

В северо-западном и юго-восточном углу на уровне пола котлована также фиксировались единичные кости животных (позвонок и фрагмент конечности). В юго-западном углу располагался выступ из котлована со ступенчатым характером пола. На ступенях обнаружено два скопления останков рыб, вероятно, завернутых в древности в бересту (берестяные короба?).

По всей площади сооружения на уровне пола фиксировались пятна прокаленного материкового суглинка, а придонный слой заполнения насыщен углистыми прослойками, что свидетельствует об уничтожении постройки в результате пожара.

За пределами центрального сооружения (как внутри ограниченной рвом площадки, так и за ее пределами) располагались многочисленные ямы (многие без находок), а также безынвентарные человеческие погребения (на данный момент зафиксировано 5), одно из которых датировано рубежом VII–VI тыс. до н. э.,

что соответствует времени существования данных ранненеолитических комплексов. Кроме того, ряд ям содержит пережженные кости животных и рыб, ломаные орудия из кости и рога, фрагменты керамики, спекшиеся кусочки глины, присыпанные охрой [Дрябина, 2002, с. 82].

Таким образом, имеющиеся на сегодняшний день данные позволяют отнести Мергень 5 к типу объектов святилищного характера. В целом же, исходя из вероятной синхронности существования комплексов Мергень 5 и 6, появляется возможность дифференцировать ритуальные комплексы ранненеолитического населения долины р. Ишим на поселенческие и вынесенные за их пределы, составляющие отдельные объекты – святилища. При этом центральное место в обоих занимают сооружения определенного типа.

Список источников

Дрябина Л. А. Святилища эпохи камня в Зауралье // Тюменский исторический сборник. Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2002. Вып. V. С. 82.

Еньшин Д. Н., Скочина С. Н., Зах В. А. К вопросу о поселенческой обрядности в неолите Нижнего Приишимья (по материалам поселения Мергень 6) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. № 4(19). С. 43–52.

Еньшин Д. Н. Неолитические жилища поселений озера Мергень // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. № 1(24). С. 14–23.

Еньшин Д. Н., Скочина С. Н. Хронология неолита Нижнего Приишимья (по данным Мергенского АМР) // Уральский исторический вестник. 2023. № 1(78). С. 46–54.

Еньшин Д. Н., Скочина С. Н., Илюшина В. В. Ранний неолит Нижнего Приишимья в контексте проблематики неолитизации горно-лесной и лесостепной зон Зауралья и Западной Сибири // Уральский исторический вестник. 2024. № 3(84). С. 21−33.

Е. А. Еремеева
Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, Новосибирск, Россия

НЕОЛИТ ЮЖНОЙ ЧАСТИ КОРЕЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА: ПЕРСПЕКТИВЫ СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Аннотация. В статье приводится ретроспективный взгляд на развитие археологической науки на территории Корейского полуострова. Поднимаются вопросы об актуальности отечественных знаний о периоде неолита на данной территории, специфике периодизации и культурных особенностях различных этапов неолита Корейского полуострова по данным археологии за последние 25 лет.

Ключевые слова: Корейский полуостров, неолит, история изучения, периодизация, «гребенчатая» керамика

Исследования южной части Корейского полуострова являются актуальным направлением в археологии. Полуостров расположен на перекрестке Северо-Восточной Азии между континентальными и островными путями расселения древних обществ, что делает его важной территорией для исследований. Ещё во вт. пол. XX в. А. П. Окладниковым было зафиксировано, что каменный век Корейского полуострова имеет общие черты с неолитом Приморья [Окладников, 1963, с. 166]. Поэтому изучение корейской археологии российскими учеными важно для понимания культур прежде всего Приморья, а также других районов Дальнего Востока.

Современной проблемой в изучении неолита Корейского полуострова является отсутствие комплексных межрегиональных сравнительных исследований этого временного периода. Из-за недостаточной изученности некоторых районов, языкового барьера и различий в методах иссле-

© Еремеева Е. А., 2025

дования, сложно провести сравнительный анализ археологических материалов позднего неолита на территории трёх стран: России, Китая и Корейского полуострова.

Фактором, осложняющим археологические исследования Корейского полуострова в целом, является закрытость Корейской Народно-Демократической Республики. Из более чем сотни неолитических памятников, известных в КНДР, только о 24 памятниках было сообщено после 1970-х гг. В ходе исследования автор в значительной степени опирается на отечественные и южнокорейские публикации. В данной статье будет приведен ретроспективный взгляд на развитие археологической науки на Корейском полуострове и современные гипотезы о природе корейского неолита. Определенную сложность представляет ограниченность источников, доступных ученым, не обладающим знанием корейского языка, поскольку большинство публикаций написаны только на данном языке, а некоторые на японском.

Важно заметить, что в 90-х гг. XX в., когда на территории полуострова активно шли новые стройки, проводилось большое количество разведочных археологических работ. В результате было обнаружено более 870 памятников эпохи неолита по всей территории Кореи, хотя не каждый район был исследован с одинаковой тщательностью [Habu, Lape, Olsen, 2017, p. 451]. Например, в провинции Кенги и Южный Кенсан, где расположены два крупнейших города, Сеул и Пусан соответственно, в ходе исследований была обнаружена почти половина от всех неолитических стоянок, исследованных на начало XXI в.

Материалы, полученные за время проведенных полевых сезонов, изучены недостаточно, а также мало освещены в отечественной археологии.

Вопрос о развитии неолита на Корейском полуострове на данный момент переосмысляется современными исследователями, поэтому необходимо понимать, какие имеются основные сведения и опорные даты по данному периоду и на какие вопросы сейчас пытаются ответить корейские и зарубежные археологи.

В европейском варианте периодизации неолит характеризуется как период становления производящего хозяйства. В период неолита орудия из камня шлифовались, сверлились, появились глиняная посуда, прядение, ткачество. Данные признаки распространяются и на неолит Корейского полуострова, хотя и с некоторыми особенностями. На острове Чеджу находится памятник Косанри, датируемый около 10 тыс. л. н. В этом месте были обнаружены следы микропластинчатой индустрии и керамики. Эти находки имеют сходство с памятниками первоначального дзёмона, такими как Фукуи и Камикуроива, а также с артефактами осиповской и громатухинской культур, которые были найдены в Приамурье. По возрасту они близки к памятнику Оджинри, расположенному севернее города Пусан. Однако массовое распространение культуры неолита, известного под названиями чульмун или «ранние поселения с керамикой», надежно датировано, начиная с периода, примерно, 7 тыс. л. н. [Ким, 2019, с. 58]. Термин чульмун связан с характерным узором, который наносился на многие керамические сосуды с помощью инструмента, напоминающего гребенку [Shin, Rhee, Aikens, 2012, p. 78]. Неолит делится на две большие зоны: с круглодонной керамикой и плоскодонной керамикой. Земледелие на Корейском полуострове развилось лишь 5–4 тыс. л. н. и не считается главным признаком корейского неолита [Im, 2005, p. 198].

В свое время археологическими изысканиями Корейского полуострова занимались исследователи из разных стран, включая японских, американских, советских и местных археологов. Начало изучению неолита на территории Корейского полуострова положили японские ученые после аннексии Кореи в 1910 г. Одним из самых известных японских археологов, занимавшихся изучением доисторической Кореи, является Тории Рюдзо. Он начал изучение раковинной кучи на о. Сидо. Далее, в 1920-х гг. несколько японских археологов – Фудзита Рёсаку, Аримицу Кёити, Ёкояма Сёдзабуро и другие – исследовали опорные неолитические памятни-

ки в районе Сеула и Пусана [Тихонов, Мангиль, 2011, с. 33]. Таким образом, было положено начало исследованиям на поселениях Амсадон и Тонсамдон. Примерно в этот же период впервые выдвинута теория о происхождении древнего населения Корейского полуострова. Фудзита Ресаку предположил, что представители корейского неолита относятся к общеевразийской культуре «гребенчатой керамики», известной по относящимся к IV–II тыс. до н. э. керамическим находкам из Сибири и Дальнего Востока [Fujita R., 1948, p. 512]. Позже эта теория подвергалась критике и переосмыслению в соответствии с новыми данными. В начале XX в. проводились первые исследования на территории Корейского полуострова, но фактически археологическая наука начала развиваться после освобождения от колониального господства Японии в 1945 г.

Нерешенным остается вопрос периодизации археологии Корейского полуострова. Один из самых распространенных вариантов был разработан профессором археологии Сеульского национального университета Ким Вон Йоном, который отталкивался от типологии керамики [Ким, 1989, с. 78]. Он выделяет в корейском неолите:

1. «Догребенчатый» период. Характеризуется гладкой керамикой и выпуклыми орнаментами, охватывает период с 7 по 6 тыс. л. н.

2. Ранний период. Для него характерно появление гребенчатой керамики, ограничен 6–5 тыс. л. н.

3. Средний период. На данном этапе начинает развиваться земледелие, сохраняется гребенчатая керамика, период длится с 5 по 4 тыс. л. н.

4. Поздний период. Заключающий этап неолита по Ким Вон Йону, ограниченный 4–3 тыс. л. н., когда была распространена гребенчатая и гладкая керамика с выпуклым дном, развивалось земледелие, постепенно заселялись внутренние районы полуострова. Применялись также и новые приемы орнаментации сосудов: амурская плетенка, спираль, меандр.

Исследования последних 25 лет позволяют подтвердить некоторые теории о специфике и периодизации неолита Корейского полуострова. Почти половина обнаруженных неолитических находок представляла собой переотложенный материал (в основном фрагментов керамических сосудов). Более 180 археологических памятников – раковинные кучи вдоль побережий. Большинство из них использовались только во время сезона ловли моллюсков, особенно на небольших островах с ограниченными источниками воды [Ahn, Kim, Hwang, 2015, p. 117]. Напротив, несколько исследованных стоянок среднего и позднего неолита (например, стоянка Санчон, провинция Южный Кёнсан, памятник Тонсамдон, провинция Пусан) демонстрируют большое разнообразие останков морской фауны [Crawford, Lee, 2003, p. 860]. Доступность различных ресурсов считается фактором, влияющим на оседлость.

Места захоронений или проведения ритуальных обрядов немногочисленны, но в некоторых из них все-таки можно проследить признаки зарождающейся социальной дифференциации. С выделением новых типов корейской неолитической керамики более точным представляется определение неолита Корейского полуострова как периода, начавшегося с появления керамики около 10 тыс. л. н. и завершившегося массовым производством гладкой, неорнаментированной керамики и переходом к обработке металла 3 тыс. л. н.

Корейский полуостров находится в непосредственной близости к Дальнему Востоку России, что сформировало тесные исторические и культурные связи между двумя территориями. Изучение археологических памятников корейского неолита помогает глубже понять эти связи, и провести сравнительные исследования на Дальнем Востоке. Освещение новых археологических открытий способствует укреплению культурного и научного взаимодействия между Россией и Южной Кореей.

Список источников

Ким В. Основы археологии Кореи (Хангук когохак кэсоль). Сеул: Ильджиса, 1989. 295 с. (на кор. яз.).

Ким Чж. Сравнительный анализ неолитических культур дальневосточного приморского культурного ареала 6 500 – 6 000 лет назад // Мультидисциплинарные исследования в археологии. 2019. Вып. 1. С. 57–78.

Окладников А. П. Древнее поселение на полуострове Песчаном у Владивостока: материалы к древней истории Дальнего Востока. Л.: Изд-во АН СССР, 1963. 355 с.

Тихонов В. М., Мангиль К. История Кореи. С древнейших времен до 1904 года. М.: Изд-во «Наталис», 2011. 166 с.

Ahn S.-M., Kim J., Hwang J. Sedentism, Settlements, and Radiocarbon Dates of Neolithic Korea // Asian Perspectives. 2015. V. 54. P. 113–143.

Crawford G. W., Lee G.-A. Agricultural origins in the Korean Peninsula // Antiquity. 2003. V. 72. P. 858–866.

Im H., Development of Korean Neolithic Culture: Commemoration 40 years for Korean Neolithic Culture. Seoul, 2005. 484 p.

Fujita R., 田亮策, Tsūkō fukin no kofun to Kōkuri bosei 通溝付近の古墳と高句麗の墓制 [Tombs in Tonggou and the Koguryŏ mortuary system] // Chōsen kōkogaku kenkyū 朝鮮考古學研究 [Studies of Korean Archaeology]. 1948. P. 497–540.

Habu J., Lape P. V., Olsen J. W. Handbook of East and Southeast Asian Archaeology. Springer, 2017. 792 p.

Kwak S., Obata H., Lee G.-A. Broad-spectrum foodways in southern coastal Korea in the Holocene: Isotopic and archaeobotanical signatures in Neolithic shell middens // The Journal of Island and Coastal Archaeology. 2020. V. 17. P. 1–29.

Shin S.-C., Rhee S.-N., Aikens C. Chulmun Neolithic Intensification, Complexity, and Emerging Agriculture in Korea // Asian Perspectives. 2012. V. 51. P. 68–109.

А. Ю. Зеленская
Северо-Восточный комплексный НИИ имени Н. А. Шило ДВО РАН,
Магадан, Россия

НЕОЛИТИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ МНОГОСЛОЙНОЙ СТОЯНКИ ХЕТА: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Аннотация. Стоянка Хета – единственный многослойный памятник Охотско-Колымского нагорья. Если изучению палеолитического комплекса стоянки было уделено достаточно внимания [Слободин, 1999], то материалы неолита пока ещё не получили полного освещения. Новые данные уточняют хронологию и критерии перехода к неолиту, дополняя картину культурогенеза Северо-Востока Азии.

Ключевые слова: стоянка Хета, неолит, бифас, полиэдрический резец

Стоянка Хета открыта в 1991 г. на территории Охотско-Колымского водораздела, на скалистом уступе третьей надпойменной террасы высотой 10–15 м. В 1970-х гг. участок стоянки был частично разрушен при прокладке телефонного кабеля, что осложнило стратиграфические наблюдения. Однако комплексный анализ материалов, полученных в 1990-е гг. и в ходе полевых работ 2022 г., позволил установить многослойный характер памятника.

На данный момент в стратиграфии стоянки Хета выделяются два основных горизонта. Нижний позднеплейстоценовый слой характеризуется наличием типично палеолитических орудий, таких как клиновидные нуклеусы, трансверсальные резцы и другие изделия с технологическими признаками позднего палеолита. На поверхности артефактов зафиксирована выраженная глинистая примазка, что позволило связать этот культурный горизонт со слоем рыжей супеси финального неоплейстоцена. Верхние слои (серая супесь, вулканический пепел) содержат преимущественно материал, связанный с мезолитом и неолитом. Их специфика заключается в сохранении пластинчатых технологий, характерных для мезолита, а также в появлении более сложных форм орудий с двусторонней ретушью, присущих уже неолиту.

© Зеленская А. Ю., 2025

Результаты работ 2022 г. показали, что подавляющая часть находок из верхних слоёв, ненарушенных или слабо нарушенных, имеет неолитический облик. Критериями для отнесения артефактов к неолиту стали: отсутствие глинистой примазки (характерной для палеолитического слоя), более широкий спектр орудий, связанных с комплексной деятельностью (такой как охота, первичная разделка туш, обработка кожи и дерева), а также характерный набор форм (бифасы, полиэдрические резцы, разнообразные пластины и скребки), демонстрирующий уже отработанные приёмы изготовления орудий на заготовках разных типов.

Среди наиболее репрезентативных неолитических находок на стоянке Хета выделяются бифасы, представленные 8 экз. Наиболее типичными являются листовидные бифасы с заострённым или слегка закруглённым остриём, часть из которых могла использоваться в качестве наконечников стрел или дротиков (рис. 1, *2, 4*), а более массивные экземпляры служили универсальными ножами (рис. 1, *10, 12*). Также встречаются овальные и подпрямоугольные бифасы, боковые лезвия которых тщательно обработаны мелкой чешуйчатой ретушью. Иногда на спинке таких изделий сохраняется грубая первичная оббивка, дополненная тонкой доводочной ретушью на одном или обоих краях. Отдельные каплевидные изделия с притуплённым краем могли использоваться как универсальные ножи или скребущие инструменты.

Ножевидные пластины и микропластинки, обнаруженные на стоянке Хета, представлены значительным массивом пластинчатых заготовок различной ширины (рис. 1, *5, 6, 9*), полученных с конических или призматических нуклеусов. В верхнем горизонте выделены три основные категории: пластины шириной свыше 1 см (около 70 экз.), имеющие ровную дорсальную поверхность с негативами продольных сколов и служившие заготовками для резцов, скребков и других орудий; ножевидные пластинки шириной от 5 до 10 мм (порядка 30 экземпляров), достигающие 30–60 мм в длину и часто обработанные мелкой краевой ретушью, что предполагает их использование для резания, скобления или в качестве заготовок для проколок и вкладышей; а также микропластинки шириной до 5 мм (не менее 10 экз.), иногда с мелкой краевой ретушью, что указывает на преемственность традиций микропластинчатой индустрии, характерной для более ранних периодов. Многие из этих заготовок демонстрируют вторичную обработку, включая краевую ретушь, резцовые сколы или подправку торцов, что подчёркивает их функциональное разнообразие. Таким образом, совокупность пластин, ножевидных пластинок и микропластинок формирует ключевой элемент пластинчатой индустрии неолитического облика, отражая длительную традицию изготовления тонких и узких заготовок для различных хозяйственных задач.

Полиэдрические резцы на стоянке Хета представлены тремя экземплярами, включая два целых изделия и один фрагмент лезвия, изготовленными из местных кремнистых пород серого и чёрного цвета. Особый интерес представляет один из резцов, переоформленный из сработанного призматического нуклеуса (рис. 1, *7*), что демонстрирует рациональный подход к использованию ценного кремневого сырья. Другой целый резец (рис. 1, *1*) имеет трёхгранную рукоятку с участком корковой поверхности, что также подчёркивает стремление мастеров максимально эффективно использовать естественные особенности заготовок. Такая тактика экономии сырья говорит о рациональном использовании доступных ресурсов, что могло быть особенно актуально в зимний период, когда доступ к качественному кремневому сырью был затруднён из-за снежного покрова и суровых погодных условий (сезонное зимнее поселение?).

Скребки на отщепах представлены двумя основными вариантами: концевыми (рис. 1, *8*), у которых ретушь располагается на дистальной части отщепа, формируя дугообразное или прямое лезвие, и боковыми, у которых рабочая кромка сформирована на одном из продольных краёв. В верхних слоях стоянки Хета выявлено

Рис. 1. Неолитический комплекс стоянки Хета: *1, 7* – резцы полиэдрические; *2, 4, 10, 12* – бифасы; *3* – проколка; *5, 6* – микропластинки; *8* – скребок концевой на отщепе; *9* – ребристая пластинка; *11* – нуклеус конический

14 скребков на отщепах, из которых 9 относятся к концевым, а 5 – к боковым.

Проколки выявлены в количестве трёх экземпляров (рис. 1, *3*). Все они оформлены на удлинённых отщепах или пластинках и отличаются вытянутой формой с чётко выделенным остриём (жальцем), а иногда сглаженными боковыми плечиками, переходящими в условную рукоять. На двух из них зафиксирована полировка на жальце (острие), свидетельствующая об интенсивном использовании инструмента в процессе прокалывания плотных материалов.

Нуклеусы (один целый экземпляр, три фрагмента и одна заготовка), относятся к коническому (рис. 1, *11*) и призматическому типам. Для них характерны пластинчатые снятия по фронту, часто заканчивающиеся заломами, что может свидетельствовать о неоднородности сырья или неточности приложения силы и угла удара. Также наблюдается высокая степень утилизации и сработанности, что указывает на стремление максимально эффективно использовать доступные заготовки.

Анализ собранных коллекций позволяет сопоставить неолитический инвентарь Хеты с материалами ряда памятников Верхней Колымы, включая стоянки Немичан, Мигай [Слободин, 2001], а также с памятниками Якутии и Чукотки [Диков, 1979; Кашин, 2013; Кирьяк, 2005]. Комплекс бифасов, резцов, вкладышей и скребков свидетельствует о преимущественно охотничьей специализации памятника, что согласуется с положением стоянки в верховьях р. Хета. Вероятнее всего, территория Хеты использовалась как сезонный лагерь для коллективов, ориентированных на ресурсы горно-таёжных ландшафтов, где предусматривалась охота на северного оленя.

Список источников

Диков Н. Н. Древние культуры Северо-Восточной Азии (Азия на стыке с Америкой в древности). М.: Наука, 1979. 352 с.

Кашин В. А. Неолит Средней Колымы: сб. тр. Новосибирск: Наука, 2013. 224 с.

Кирьяк М. А. Каменный век Чукотки. Магадан: Изд-во «Кордис», 2005. 254 с.

Слободин С. Б. Археология Колымы и Континентального Приохотья в позднем плейстоцене и раннем голоцене. Магадан: Изд-во СВКНИИ ДВО РАН, 1999. 246 с.

Слободин С. Б. Верхняя Колыма и континентальное Приохотье в эпоху неолита и раннего металла. Магадан: Изд-во СВКНИИ ДВО РАН, 2001. 202 с.

Ю. К. Квасница, А. А. Идимешев
Томский государственный университет,
Томск, Россия

НОВЫЕ ДАННЫЕ О НЕОЛИТЕ НИЖНЕГО ПРИТОМЬЯ ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ИССЛЕДОВАНИЯ МОГИЛЬНИКА СТАРОЕ МУСУЛЬМАНСКОЕ КЛАДБИЩЕ

Аннотация. Исследование материалов Старого Мусульманского Кладбища позволило уточнить абсолютный возраст комплексов с игрековским типом керамики, а также установить, что игрековские и новокусковские комплексы существовали как минимум во второй трети V тыс. до н. э синхронно, и могли подвергаться смешению. Была подтверждена некорректность использования дат, полученных по нагару с неолитической керамики в бассейне р. Томь.

Ключевые слова: Нижнее Притомье, могильник у Старого Мусульманского кладбища, неолит, игрековский тип керамики, абсолютная хронология, резервуарный эффект

История изучения неолита Нижнего Притомья насчитывает уже более 70 лет, однако до сих пор имеет немало белых пятен и дискуссионных проблем. Одной

© Квасница Ю. К., Идимешев А. А., 2025

из них является вопрос культурно-хронологической атрибуции поздненеолитических комплексов, характеризующихся наличием игрековского типа посуды, а также их соотношения с новокусковскими комплексами. Ввиду особенностей почвенно-климатической ситуации региона, в которой органические материалы в комплексах памятников неолита Нижнего Притомья, за редкими исключениями, отсутствуют, в распоряжении исследователей к настоящему времени имеется крайне малое число абсолютных дат. По этой причине актуальным становится обращение к уже известным памятникам, содержащим необходимый для получение радиоуглеродных дат материал. Одним из таких памятников является могильник Старое Мусульманское Кладбище (далее – СМК).

СМК был исследован экспедицией под руководства А. П. Дульзона в 1955–1956 гг. Несмотря на то, что могильник, по всей вероятности, был исследован не полностью, эти работы позволили выявить 87 погребений, 27 из которых относятся к эпохе неолита. Помимо сведений об особенностях погребального обряда, памятник этот ценен наличием сопроводительного инвентаря в каждой из могил, представленного сосудами и изделиями из камня, позволяющими провести культурную атрибуцию комплекса, а также наличием органического материала – древесного угля и обгоревшей берестяной подстилки, позволившего определить абсолютный возраст памятника без риска резервуарного эффекта.

Первые радиоуглеродные даты для памятника, материалом для которых стали остатки берестяных подстилок из погребений № 6 и № 8, были получены в 1980-х гг. и опубликованы Ю. Ф. Кирюшиным в 1988 г. Погребение № 6 дало возраст 5 575 ± 230 лет, погребение № 8 – 5 620 ± 100 [Кирюшин, 2004, с. 24]. Долгое время именно эти даты играли значительную роль для определения границ неолитической эпохи на территории Нижнего Притомья, однако новые исследования, в том числе получение новых абсолютных дат, потребовали уточнения датировки неолитических погребений СМК. Результатам уточнения места этого памятника в культурно-хронологической схеме неолита региона и посвящена настоящая работа.

СМК располагался в современной черте г. Томска на краю третьей надпойменной террасы на правобережье р. Томь. Грунтовые неолитические погребения СМК располагались в слое плотного коричневого суглинка на глубине от 0,6 до 1,35 м, притом большая их часть, как отмечалось автором раскопок, залегала на глубине 0,9 м [Дульзон, 1958, с. 297]. Сопроводительный инвентарь представлен керамическими сосудами и изделиями из камня; в погребении № 6 была найдена миниатюрная каменная скульптура медведя [Там же, с. 322–324]. В погребениях № 6, 8, 25, 29 располагались остатки ингумаций, в остальных случаях зафиксированы признаки кремации. Такая неоднородность погребального обряда объяснялась частью авторов возможной культурно-хронологической неоднородностью комплекса, которую позволило предположить наличие на памятнике двух различных типов керамики – игрековского и новокусковского [Марочкин, 2015, с. 81]. Однако анализ полевой документации позволяет сделать вывод о том, что значительная часть сосудов и их отдельных фрагментов была найдена вне могил, на одном и том же уровне относительно погребения и современной ему дневной поверхности, что А. П. Дульзоном было интерпретировано как часть погребальной обрядности. Стоит отметить, что схожая традиция отмечена и для еще одного могильника, расположенного в Нижнем Притомье – Самусьского [Там же]. Этот факт затрудняет анализ контекста предметного комплекса памятника и на данный момент не позволяет утверждать однозначно о культурно-хронологической неоднородности неолитических погребений.

Абсолютные даты для могил № 6 и № 8, полученные Ю. Ф. Кирюшиным, как отмечалось ранее, позволили датировать неолитический комплекс памятника пределом первой половины IV тыс. до н. э.

(в калиброванных значениях эти даты укладываются в диапазон от начала 50 в. до н. э. до середины 40 в. до н. э.) [Кирюшин, Кунгурова, 1996, с. 5]. В 2024 г. авторами, с целью уточнения абсолютной хронологии памятника, были отобраны 6 образцов, хранящихся в составе коллекции в Томском краеведческом музее, из могил № 8, 11, 16, 22. Стоит отметить, что образцы органики из могилы № 6 в настоящее время отсутствуют, поэтому обратиться к ним повторно не представлялось возможным.

Ранее авторами работы уже отмечалась проблема имеющихся к настоящему времени в нашем распоряжении абсолютных дат для памятников неолита Нижнего Притомья. Одна из них заключается в том, что в условиях отсутствия сохранившихся органических материалов, исследователи используют для получения радиоуглеродных дат нагар на керамике, что, как уже было доказано, несет риск удревнения абсолютного возраста памятников ввиду резервуарного эффекта [Квасница, Бычков, Идимешев, 2023, с. 53]. Действуя в логике этой методической проблемы, нами были выбраны погребения, содержащие, помимо древесных углей и фрагментов обгоревшей берестяной подстилки, также сосуды одного культурного (игрековского) типа с нагаром: для каждой из могил были отобраны оба этих типа образцов. Результаты исследования позволяют датировать могилы № 8 и № 22 в пределах второй четверти 47 – серединой 44 в. до н. э. Радиоуглеродные даты, полученные по нагару с керамических сосудов из погребений № 8, 11, 22, имеют значительную разницу и представлены диапазонами: 1) середина 46 – начало 44 в. до н. э.; 2) начало 53 – начало 50 в. до н. э.; 3) вторая четверть 55 – конец 54 в. до н. э.

Таким образом, был уточнен абсолютный возраст комплексов с игрековским типом керамики – вторая треть V тыс. до н. э. Полученные ранее радиоуглеродные даты для однослойного памятника Остров Няша I, в комплексе которого содержатся материалы как игрековского, так и новокусковского типов посуды, демонстрирует близкий хронологический диапазон существования двух этих памятников. Стоит еще раз отметить, что в материалах СМК также присутствует керамика новокусковского типа, однако, как было отмечено ранее, достоверно установить ее принадлежность к закрытому комплексу пока не представляется возможным. Несмотря на это, мы полагаем, что в настоящее время имеется достаточное количество оснований считать, что игрековские и новокусковские комплексы существовали как минимум в период второй трети V тыс. до н. э. синхронно и могли подвергаться смешению.

Кроме того, мы можем сделать вывод о наличии резервуарного эффекта для абсолютных дат, полученных по нагару с неолитической керамики, не только поселенческих памятников нижнего течения р. Томь, но и для неолитических сосудов одного типа из одного могильного комплекса. Полученные результаты также позволяют сделать вывод о том, что резервуарный эффект даже для одновременной посуды на локальном участке бассейна р. Томь весьма неоднороден. В настоящее время невозможно определить значение и рассчитать погрешность данного параметра для калибровки абсолютных дат, полученных с нагара на керамических сосудах, хотя положительный опыт решения этой проблемы продемонстрирован на материалах памятника эпохи неолита Двинско-Ловатского междуречья [Анализ стабильных…, 2014, с. 33–35].

Список источников

Анализ стабильных изотопов углерода и радиоуглеродное датирование артефактов памятника эпохи неолита Сертея-II (Двинско-Ловатское междуречье) / М. А. Кулькова, А. Н. Мазуркевич, Е. М. Нестеров, М. Ю. Синай // Археология озерных поселений IV–II тыс. до н. э.: хронология культур и природно-климатические ритмы. СПб.: Изд-во «Периферия», 2014. С. 33–35.

Дульзон А. П. Томский неолитический могильник // Ученые записки Томского государственного педагогического института. Томск: Томск. гос. пед. инст., 1958. Т. XVII. С. 297–324.

Квасница Ю. К., Бычков Д. А., Идимешев А. А. Роль памятника Остров Няша-I в построении культурно-хронологической схемы Нижнего Притомья // Теория и практика археологических исследований. 2023. Т. 35. № 4. С. 43–59.

Кирюшин Ю. Ф., Кунгурова Н. Ю. Следы использования на каменных орудиях из погребений могильника на Старом Мусульманском кладбище // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул: Алт. гос. ун-т., 1996. С. 5–10.

Кирюшин Ю. Ф. Энеолит и бронзовый век южно-таежной зоны Западной Сибири. Барнаул: Алт. гос. ун-т., 2004. 295 с.

Марочкин А. Г. Древнейшие погребальные кремации Томского Приобья (хронологическая и культурно-историческая интерпретация) // СибСкрипт. 2015. № 2–6(62). С. 80–86.

К. Ю. Кирюшин[1], С. В. Шнайдер[2], Л. А. Кутнякова[3], К. Н. Солодовников[4], Я. В. Фролов[5], А. В. Шмидт[6]

[1,2,4,5] Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

[2,3] Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия

[6] Музей Природы и Человека, Ханты-Мансийск, Россия

АБСОЛЮТНАЯ ХРОНОЛОГИЯ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ НАХОДОК ПЕРИОДА МЕЗОЛИТА – НЕОЛИТА С ТЕРРИТОРИИ БАРНАУЛЬСКОГО ПРИОБЬЯ

Аннотация. На территории Барнаульского Приобья обнаружены могильники и отдельные погребения раннего и среднего голоцена. В рамках настоящей работы проведены работы по их абсолютному датированию, в результате чего была определена их хронология. Полученные AMS-датировки выявили различия в возрасте костей и инвентаря, подтверждая наличие резервуарного эффекта.

Ключевые слова: Барнаульское Приобье, финальный мезолит, неолит

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РНФ, проект № 24-28-01030 «Погребальные комплексы неолита – энеолита Барнаульского Приобья в кругу синхронных памятников Южной Сибири и сопредельных территорий».

На территории Барнаульского Приобья обнаружены грунтовые могильники и одиночные захоронения (в том числе и размытые) периода раннего-среднего голоцена, для части которых до настоящего момента не было проведено абсолютного датирования.

Наибольшим могильником является Фирсово-XI, который располагается на Обском правобережье напротив г. Барнаула. В 1993 и 1996 гг. на памятнике обнаружено восемь погребений: пять одиночных могил, два парных и одно коллективное захоронение [Результаты радиоуглеродного…, 2021, с. 26].

Ещё несколько одиночных погребений были исследованы в процессе изучения крупных некрополей эпохи бронзы – Средневековья. Так, на памятнике Фирсово-XIV обнаружено погребение (№ 267) мужчины в скорченном положении на боку, здесь также был обнаружен погребальный инвентарь в виде каменных артефактов, костяных орудий (в том числе гарпун и острие (?)) [Кирюшин, Шамшин, Шмидт, 2013, с. 138–139]. На средневековом могильнике Усть-Алейка-5 в погребении № 2 зафиксировано вертикальное детское погребение с многочисленным инвентарем [Украшения из раковин…, 2022, с. 49–51]. Все погребения, кроме последнего, находятся на правобережье р. Обь.

Также в ходе археологических разведок в начале XXI в. обнаружены находки

© Кирюшин К. Ю., Шнайдер С. В., Кутнякова Л. А., Солодовников К. Н., Фролов Я. В., Шмидт А. В., 2025

из размытых погребений в пойме р. Обь, чуть ниже по течению от с. Бураново (Алтайский край), данное местонахождение получило название Бураново-Острова [Кирюшин, 2024, с. 124–125]. Для которых была получена серия абсолютных датировок, которая указывает на то, что там представлены кости как минимум двух индивидуумов периода мезолита – раннего неолита и среднего неолита.

Образцы палео-ДНК из части этих погребений послужили выделению специфического алтайского неолитического аутосомного генетического компонента (Altai_N), распространенного среди древнего населения центральных регионов севера Евразии [Middle Holocene Siberian…, 2023, p. 4233–4335; Postglacial genomes…, 2023]. В ходе палеогенетических и изотопных исследований получена серия AMS-дат, выполненная по костям человека из могильника Фирсово-XI [Middle Holocene Siberian…, 2023; Postglacial genomes…, 2023; Climatic or dietary…, 2016, table 1]. Дополнительно в Центре коллективного пользования «Ускорительная масс-спектрометрия НГУ–ННЦ» г. Новосибирск (AMS Golden Valley), получена представительная серия УМС-дат, выполненная по костям человека и костяным орудиям для образцов из погребения № 267 ГМ Фирсово-XI, Фирсово-XIV, погребения № 2 могильника Усть-Алейка-5. Все работы проводились согласно опубликованным протоколам [Comparative features..., 2024; 14C GIRI samples…, 2024, p. 1264–1266]. Всего для антропологических находок мезолита – неолита Алтая получено сейчас 26 дат, которые суммированы на рис. 1. В результате проведенных датировок установлено, что на Бураново-Острова обнаружены антропологические находки, которые относятся к периоду мезолита – раннего неолита и среднего неолита. Могила № 18 ГМ Фирсово-XI относится к мезолиту – раннему неолиту, остальные погребения с Фирсово-XI и Фирсово-XIV – к среднему неолиту, а Усть-Алейка-5 – к позднему неолиту.

Значительные различия (порядка 700 лет) обнаружились при датировании костей человека и изделий из кости в погребениях № 14, 17 и 42 ГМ Фирсово-XI, что подтверждает ранее высказанные предположения [Climatic or dietary..., 2016, p. 1720] о наличии резервуарного эффекта, связанного с рационом питания населения, оставившего этот могильник.

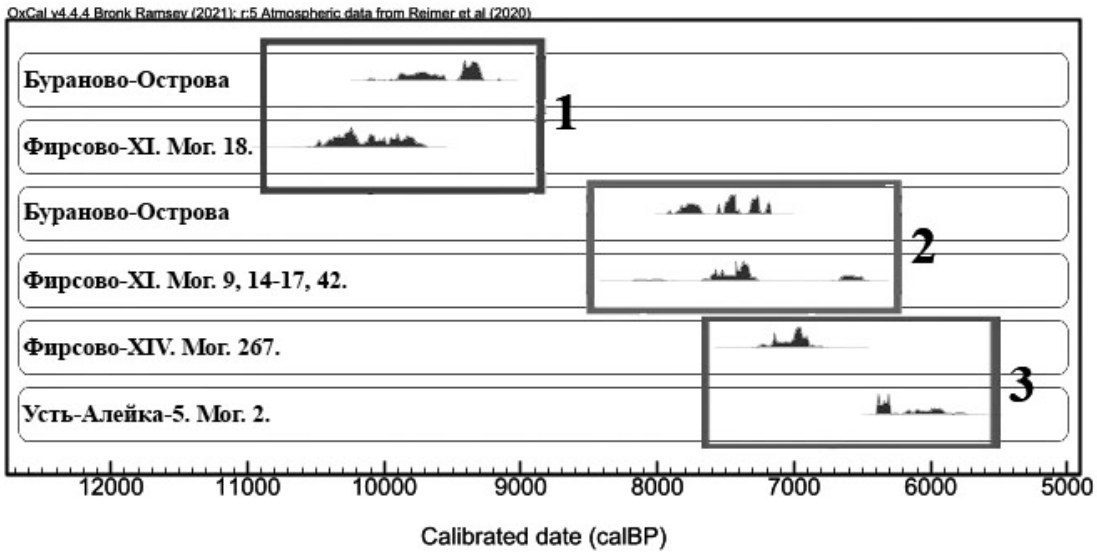

Рис. 1. Распределение калиброванных AMS-датировок антропологических находок с памятников Барнаульского Приобья: Бураново-Острова, Фирсово-XI (мог. № 18; мог. № 9, 14–17, 42), Фирсово-XIV (мог. № 267), Усть-Алейка-5 (мог. № 2). Прямоугольник *1* – мезолит – ранний неолит; прямоугольник *2* – средний неолит; прямоугольник *3* – поздний неолит. Радиоуглеродные даты откалиброваны с использованием калибровочной кривой INTCAL20 в программе OxCal 4.4

Значительные различия (порядка 700 лет) обнаружились при датировании костей человека и изделий из кости в погребениях № 14, 17 и 42 ГМ Фирсово-XI, что подтверждает ранее высказанные предположения [Climatic or dietary..., 2016, p. 1720] о наличии резервуарного эффекта, связанного с рационом питания населения, оставившего этот могильник.

Список источников

Украшения из раковин моллюсков рода *Unio* в неолитическом погребении могильника Усть-Алейка-5 (Барнаульское Приобье) / В. Б. Бородаев, К. Ю. Кирюшин, Д. В. Кузменкин, К. Н. Солодовников // Археология, этнография и антропология Евразии. 2022. № 1(50). С. 48–56.

Кирюшин К. Ю. Культурно-хронологическая атрибуция находок с местонахождения Бураново-Острова (Барнаульское Приобье) // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2024. Т. 11. № 3(43). С. 124–130.

Кирюшин Ю. Ф., Шамшин А. Б., Шмидт А. В. Древнейшее погребение могильника Фирсово-XIV // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии: сб. науч. ст. Барнаул: Алт. гос. ун-т., 2013. С. 137–140.

Результаты радиоуглеродного датирования ранних погребений Фирсовского археологического микрорайона (Барнаульское Приобье) / К. Ю. Кирюшин, Ю. Ф. Кирюшин, К. Н. Солодовников, Я. В. Фролов, А. В. Шмидт // Археология, этнография и антропология Евразии. 2021. Т. 49. № 3. С. 24–31.

Chen Zeng T., Vyazov L. A., Kim A., Flegontov P., Sirak K., Maier R., Lazaridis I., Akbar A., Frachetti M., Tishkin A. A., Ryabogina N. E., Agapov S. A., Agapov D. S., Alekseev A. N., Boeskorov G. G., Derevianko A. P., Dyakonov V. M., Enshin D. N., Fribus A. V., Frolov Ya. V. et al. Postglacial genomes from foragers across Northern Eurasia reveal prehistoric mobility associated with the spread of the Uralic and Yeniseian languages. Депонированная рукопись № 560332v1. 02.10.2023.

Motuzaite Matuzeviciute G., Kiryushin Y. F., Rakhimzhanova S. Z., Svyatko S., Tishkin A. A. Climatic or dietary change? Stable isotope analysis of Neolithic-Bronze Age populations from the Upper Ob and Tobol River basins // The Holocene. 2016. Vol. 26 (10). P. 1 711 – 1 721.

Parkhomchuk E. V., Petrozhitskiy A. V., Ignatov M. M., Kuleshov D. V., Lysikov A. I., Okunev A. G., Babina K. A., Parkhomchuk V. V. 14C GIRI samples in AMS Golden Valley: graphite preparation using AGE-3 and absorption-catalytic setup // Radiocarbon. 2024. Vol. 66. P. 1 259 – 1 269.

Petrozhitskiy A. V., Parkhomchuk E. V., Ignatov M. M., Kuleshov D. V., Kutnyakova L. A., Konstantinov E. S., Parkhomchuk V. V. Comparative features of BINP AMS and mMcadas facilities working at AMS Golden Valley, Russia // Radiocarbon. 2024. Pp. 1 270 – 1 279.

Wang Ke., Yu He., Radzevičiūtė R., Kiryushin Yu.F., Tishkin A.A., Frolov Ya.V., Stepanova N.F., Kiryushin K.Yu., Kungurov A.L., Shnaider S.V., Tur S.S., Tiunov M.P., Zubova A.V., Pevzner M.M., Karimov T., Buzhilova A., Slon V., Jeong Ch., Krause J., Posth C**.** Middle Holocene Siberian genomes reveal highly connected gene pools throughout North Asia // Current Biology. 2023. № 33. – P. 4 233 – 4 335.

Д. Е. Кичигин
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
Иркутск, Россия

МОГИЛЬНИК НЕОЛИТА И РАННЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА МЫС УЮГА (ПОБЕРЕЖЬЕ БАЙКАЛА)

Аннотация. Рассмотрены итоги раскопок на разновременном могильнике Мыс Уюга (западное побережье Байкала). На памятнике выявлено 21 погребение, из которых 12 датируются ранним неолитом, 1 – поздним неолитом и 8 – ранним бронзовым веком. Помимо погребений на памятнике зафиксирован мощный культурный слой, соотносимый, главным образом, с эпохой раннего неолита.

Ключевые слова: Приольхонье, могильник Мыс Уюга, погребение, неолит, ранний бронзовый век

Могильник Мыс Уюга расположен в 3,0 км к югу от д. Курма и локализуется на выположенной поверхности одноименного мыса, соединенного с материком галечной косой. Почвенный покров южной части мыса малой мощности, повсюду

© Кичигин Д. Е., 2025

проглядывают цепочки скальных пород, тянущиеся с запада на восток. В юго-восточной части мыса выделяется небольшая по протяженности седловина, ограниченная с юга и севера скальными грядами. Именно в этой седловине и была обнаружена большая часть погребений неолита и раннего бронзового века.

История исследования. Памятник раскапывался усилиями отрядов ИРНИТУ (Д. Е. Кичигин) в течение 5 полевых сезонов: 2013, 2016, 2017, 2019 и 2020 гг.

Первое погребение (№ 1 (2–1)), расположенное в восточной части седловины (практически у обрыва) и обнаруженное туристами, было раскопано в 2013 г. Значимость этого погребения заключалась в том, что впервые для территории Прибайкалья в его материалах был обнаружен развал горшка хайтинского типа – остродонный сосуд с оттисками шнура на внешней поверхности стенок и прочерченным орнаментом. Ранее такая керамика была отмечена только в материалах стоянок региона [Кичигин, 2014].

В 2016 г. в целях обнаружения подобных неолитических погребений к западу от раскопа № 1 (2013 г.) был заложен небольшой раскоп площадью 12 кв. м. В процессе раскопок было вскрыто парное погребение раннего бронзового века (№ 2 (2–2)), полностью опубликованное тремя годами позднее [Кичигин, Емельянова, Коростелев, 2019]. По результатам этого сезона стало очевидным, что незначительные по мощности рыхлые отложения южной части мыса содержат разновременные погребения, не отмеченные на поверхности земли какими-либо признаками (западина, каменная конструкция и др.).

В 2017 г. в южной части мыса, перспективной в целях обнаружения древних погребений, было заложено два раскопа, получивших наименования раскоп 2 и раскоп 3.

Первый из них – раскоп 2 – был заложен в юго-восточной части мыса, в границах естественной седловины, объединивший ранее вскрытые раскопы (№ 1 – 2013 г. и № 2 – 2016 г.). Площадь раскопа, включая ранее вскрытые площади, составила 129,5 кв. м. Второй из них – раскоп 3 – заложен в южной части мыса, на ровной площадке вблизи триангопункта. Площадь раскопа составила 25,5 кв. м. Оба раскопа исследовались в течение трех полевых сезонов: в 2017, 2019 и 2020 гг.

Таким образом, по истечении пяти полевых сезонов (2013, 2016, 2017, 2019 и 2020 гг.) общая вскрытая площадь на могильнике Мыс Уюга составила 155 кв. м. Было обнаружено 21 погребение (всего 24 скелета), из которых 12 датируются ранним неолитом, 1 – поздним неолитом и 8 – ранним бронзовым веком.

Ранненеолитическая группа погребений включает 12 индивидуальных захоронений с преобладающей ориентировкой погребенного головой на север (северный сектор), в некоторых случаях с небольшими отклонениями. В 10 погребениях трупоположение костяка определено как вытянутое на спине. В двух случаях – трупоположение на боку с согнутыми в коленях ногами. В могиле № 2–4 – на левом боку, в могиле № 2–13 – на правом боку. Глубина залегания останков (по черепу) – от 3 до 35 см от современной поверхности земли.

В обоих раскопах прослеживаются ряды погребений, вытянутые с запада на восток. Расстояние между могилами варьирует от 1,1 м до 3,0 м. Остатки надмогильного сооружения (каменной кладки) удалось зафиксировать только в 5 случаях в погребениях № 2–4, 2–5, 2–8, 2–10 и 2–14. Наиболее сохранившаяся конструкция у погребений № 2–4 и 2–5. Она овальной формы, размерами 3,30×2,35 м, ориентирована длинной осью по линии Ю – С, сложена из камней и плит в 1–2 слоя. В остальных случаях установить размеры надмогильной конструкции не представляется возможным. Наличие плит перекрытия погребенного отмечено в 7 из 12 случаев.

Контуры могильных ям прослеживаются только у захоронений № 2–5 и 2–10, у которых они выражены заполнением скальных ниш (лож). Подбой цоколя зафиксирован только в 3 погребениях. Во всех остальных случаях – погребенный

уложен непосредственно на скальную поверхность.

В 8 случаях из 12 обнаружен сопутствующий погребенным археологический материал. В его составе: сколы, призматические пластины, скребки из кремня, стерженьки сложносоставных рыболовных крючков байкальского типа из камня и кости, немодифицированные орудия на озерных гальках [Трасологический анализ…, 2020], обоймы вкладышевых двулезвийных орудий с вкладышами, массивное острие из рога, игольник из кости птицы, игла из кости, подвеска (медальон) из кости и керамика хайтинского типа.

Принадлежность последней к погребениям достоверно установлена только в двух случаях – в могилах № 2–1 и 2–4, 2–5 (под кладкой), в которых развалы горшков зафиксированы к востоку от тазовых и бедренных костей. В остальных случаях отдельные фрагменты керамики хайтинского типа фиксируются в разных частях погребений и могут иметь отношение к культурному слою.

Радиоуглеродные даты по ранненеолитическим погребениям соответствуют периоду 7 390 – 6 720 некалиброванных л. н.

Поздненеолитическое погребение (№ 2–17) обнаружено в срединной части раскопа 2 и представлено вторичным захоронением в виде кучи отдельных костей, включая череп, без сопроводительного инвентаря. Радиоуглеродная дата по погребению соответствует 5 075 некалиброванных л. н.

Раннебронзовая группа погребений включает 8 захоронений, из которых 5 – индивидуальные, 3 – парные одноярусные. Подавляющее большинство из них гораздо худшей степени сохранности в сравнении с ранненеолитической группой. В четырех погребениях ориентировка умерших головой на запад (западный сектор), в одном случае – головой на север, в трех случаях – не определима ввиду плохой сохранности самих захоронений. В пяти погребениях трупоположение определено как «вытянуто на спине», в остальных случаях установить трупоположение не представляется возможным. Глубина залегания останков (по черепу) – от 16 до 45 см от современной поверхности земли.

Какой-либо системности в расположении погребений на могильном поле не наблюдается. Установить наличие или отсутствие надмогильного сооружения (кладки) ни в одном случае, к сожалению, не удалось. Плиты перекрытия погребенного засвидетельствованы только в одном случае – в погребении № 2–2.

Контуры могильных ям удалось проследить только по погребениям № 2–15 и 3–1, у которых они выражены заполнением скальных ниш (лож). Подбой цоколя зафиксирован в 7 из 8 случаев. Только в одном детском погребении умерший уложен непосредственно на скальную поверхность.

В 7 случаях из 8 обнаружен сопутствующий погребенным археологический материал. В его составе: металлические цилиндры из меди, ножи на кварцитовых отщепах и плитке, кольца и диски из белого нефрита, гальки, гарпуны, острия и иглы из кости, обоймы вкладышевых орудий из кости, украшения из зубов марала и кабана, антропоморфная скульптура из кости и пастовые бусины. Наличие керамики в раннебронзовых погребениях могильника Мыс Уюга не установлено.

Радиоуглеродные даты по раннебронзовым погребениям соответствуют периоду 4 570 – 4 220 некалиброванных л. н.

Культурный слой. Помимо самих погребений, сопроводительного инвентаря и огромного количества камней, не составляющих каких-либо искусственных конструкций, в обоих раскопах отмечен мощный культурный слой со смешанным характером его культурных остатков. Количество находок на один раскопочный квадрат варьирует от 1 до 563. Общее количество находок в раскопе 2, не привязанных к погребениям, составляет более 9 000 единиц. Из них около 39 % – фрагменты керамических сосудов, подавляющее большинство из которых принадлежит сосудам хайтинского типа; около 14 % – изделия из камня и их фрагменты (отщепы, сколы, призматические пластины и др.) и около 47 % – изделия

из кости и их фрагменты, фаунистические остатки и отдельные человеческие кости.

Немного другая ситуация прослеживается в раскопе 3. Из более 250 единиц находок фрагменты керамики составляют около 45 %, изделия из камня и их фрагменты – около 38 % и изделия из кости и их фрагменты, фаунистические остатки – около 17 %.

Таким образом, по результатам пяти полевых сезонов на памятнике следует сделать несколько выводов. Во-первых, могильник Мыс Уюга включает три разновременные группы погребений. Вместе с мощным культурным слоем несет информацию о неолите и раннем бронзовом веке региона. Во-вторых, могильник является самым крупным по числу ранненеолитических погребений в Приольхонье. И, в-третьих, наличие в культурном слое могильника Мыс Уюга отдельных костей человека, не составляющих каких-либо погребений, свидетельствует о высокой степени разрушенности памятника – часть погребений до настоящего времени попросту не сохранилась.

Список источников

Кичигин Д. Е. Неолитическое погребение на мысе Уюга (оз. Байкал) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Кызыл: Тув. гос. ун-т, 2014. Ч. I. С. 93–97.

Кичигин Д. Е., Емельянова Ю. А., Коростелев А. М. Парное погребение раннего бронзового века могильника Мыс Уюга // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 2. С. 29–46.

Трасологический анализ сопроводительного инвентаря неолитического погребения № 8 могильника Мыс Уюга (западное побережье озера Байкал) / Г. Н. Поплевко, А. А. Уланов, Д. Е. Кичигин, Ю. А. Емельянова, А. В. Харинский // Археология Евразийских степей. 2020. № 3. С. 257–265.

С. В. Коваленко, Е. И. Крючко
Центр по сохранению историко-культурного наследия Амурской области, Благовещенск, Россия

НИЖНЕАМУРСКИЕ КУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ ПЕРИОДА НЕОЛИТА НА ТЕРРИТОРИИ ЗАПАДНОГО ПРИАМУРЬЯ

Аннотация. Рассмотрены памятники малышевской и кондонской нижнеамурских неолитических культур, расположенные на территории Западного Приамурья несколькими комплексами единичных миграций. Хронологический диапазон позволяет определить период заселения равнинной и таежной части региона носителями данных культур периодом среднего неолита, который на сегодняшний день в Западном Приамурье не выделен.

Ключевые слова: Западное Приамурье, нижний Амур, средний неолит, кондонская, малышевская культуры

В настоящее время неолитическая эпоха на территории Западного Приамурья представлена материалами трех культур: громатухинской, новопетровской и осиноозерской. Данная схема сложилась в 1960-е гг. в результате исследования эпонимных памятников [Кузьмин, Нестеров, 2010, с. 103]. Обнаруженные поселения у сел Новопокровки и Новопетровки, а также погребение на неолитическом поселении у Осинового озера, в инвентаре которых присутствовала керамика, украшенная орнаментом в виде «амурской плетенки» и вертикального-гребенчато-пунктирного зигзага, были отнесены А. П. Окладниковым к культуре условно названной нижнеамурской (кондонской) [Окладников, 1970, с. 188–189, 191; Окладников, Деревянко, 1973, с. 103]. Дальнейшие исследования на территории Западного Приамурья показали отсутствие сплошного пласта данной общности в регионе, поэтому нижнеамурская культура не была включена в схему неолитических культур данного региона. Несмотря на это, в современной исследовательской ситуации можно выделить ряд объектов, содержащих элементы нижне-

© Коваленко С. В., Крючко Е. И., 2025

амурских культурных традиций, выраженных на территории Западного Приамурья несколькими комплексами единичных миграций.

Поселение кондонской культуры было выявлено в 1961 г. в окрестностях с. Новопокровка. Каменный инвентарь был представлен топорами, скребками, ножами, теслами, грузилами, нефритовыми блеснами, зернотерками, пестами и курантами. Фрагменты керамики украшены «амурской плетенкой», образованной оттисками штампов в виде ромбов, вертикальными зигзагами, текстильными оттисками (рис. 1, *1*). Подобный материал также был обнаружен на поселении о. Урильский (рис. 1, *2*) [Окладников, Деревянко, 1973, с. 107–111].

Также к данной культуре было отнесено погребение, обнаруженное в 1962 г. при раскопках неолитического поселения Осиновое Озеро. В сопроводительном инвентаре наряду с каменным инвентарем обнаружены фрагменты керамики, орнаментированные вертикальным зигзагом, выполненным пунктирной линией [Там же, с. 110–111]. Идентичные фрагменты были выявлены при раскопках поселения в 1965 г. (рис. 1, *5*).

Между поселением Осиновое Озеро и с. Новопетровка на распаханной поверхности террасы левого берега р. Дунайки в период с 1962 по 1965 г. были обнаружены следы поселения людей, бытовой инвентарь которых содержал каменные орудия и фрагменты керамики, оформленные орнаментом в виде «амурской плетенки» (рис. 1, *6*) [Там же].

В результате исследований 1960-х гг. на дюнах у с. Сергеевка обнаружено неолитическое поселение, в коллекции которого присутствовали фрагменты керамики, украшенные ромбическим штампом (рис. 1, *7*) [Окладников, Деревянко, 1977, с. 270].

В 1965–1966 гг. были проведены исследования поселения в устье р. Громатухи, в результате которых выявлена керамика с минеральными примесями и разнообразной мелкоштамповой орнаментацией, в т. ч. со спиралевидными узорами и красным лощением стенок, впоследствии отнесенная к малышевской культуре (рис. 1, *10*) [Окладников, Деревянко, 1977, с. 94–98, 197, 216, 244; Шевкомуд, Яншина, 2012, с. 208].

По результатам раскопок 2006 г. на поселении Черниговка-на-Зее был обнаружен фрагмент керамики, орнаментированный гребенчато-пунктирным зигзагом, не характерным для неолитических культур Западного Приамурья, отнесенный к малышевской культуре (рис. 1, *9*) [Кузьмин, Нестеров, 2010, с. 108].

В рамках археологической разведки 2003 г. вблизи с. Журавлевка на поверхности песчаной релки зафиксировано поселение с элементами кондонской культуры, представленной каменными орудиями и фрагментами керамических сосудов с характерным орнаментом (рис. 1, *4*).

В 2012 и 2015 гг. на поселении в устье р. Гуран выявлены фрагменты керамики, украшенные красным лощением и орнаментом, который представлен спиралевидными узорами, выполненными отступающей лопаточкой и вертикальными оттисками. Данный орнаментальный мотив характерен для элементов декора керамики малышевской культуры (рис. 1, *8*).

Стоянка Сагибово-1, расположенная на песчаной распаханной возвышенности в 5 км севернее русла р. Амур, выявлена в 2019 г. На поверхности был собран археологический материал, а шурфовочные работы позволили выявить сохранившийся культурный слой, в котором обнаружены каменные орудия труда, изготовленные на отщепах и пластинах, а также керамика кондонского типа, украшенная треугольным и ромбическим штампом (рис. 1, *3*).

На сегодняшний день на территории Западного Приамурья выявлено 7 объектов с материалами кондонской культуры, расположенных на равнинных участках в пределах высокой поймы р. Амур, и 3 памятника с наличием артефактов малышевской культуры, ареал которых приурочен к таежной зоне региона.

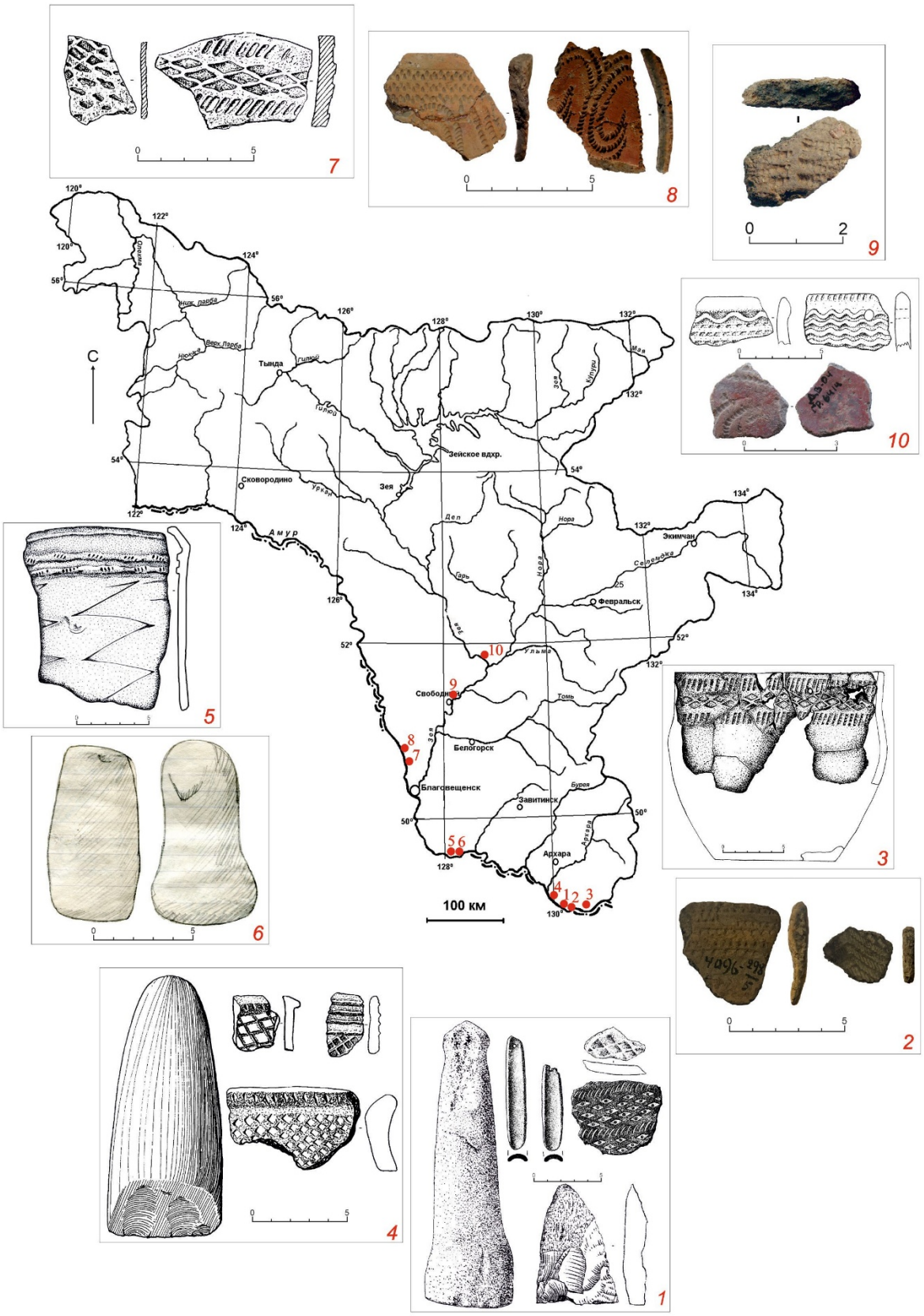

Рис. 1. Карта расположения памятников нижнеамурских неолитических культур на территории Западного Приамурья: *1* – поселение у с. Новопокровка; *2* – поселение на о. Урильском; *3* – стоянка Сагибово-1; *4* – поселение у с. Журавлевка; *5* – поселение Осиновое Озеро; *6* – поселение у с. Новопетровка; *7* – поселение на дюнах у с. Сергеевка; *8* – поселение в устье р. Гуран; *9* – поселение Черниговка-на-Зее; *10* – поселение в устье р. Громатухи

Хронологический диапазон кондонской (6600–5000 гг. до н. э.) и малышевской (4300–3000 гг. до н. э.) культур [Шевкомуд, Кузьмин, 2009, с. 11–12, 21–23, 31] позволяют сделать предварительный вывод о единичных случаях миграции данного населения на территорию Западного Приамурья в период среднего неолита, который на сегодняшний день в регионе не выделен [Кузьмин, Нестеров, 2010, с. 108]. Частичное заселение территории Западного Приамурья в данный период времени могло быть связано с экологическими факторами (наводнения, крупные лесные пожары), негативно сказывающимися на адаптации древнего человека к условиям окружающей среды.

Список источников

Деревянко А. П. Ранний железный век Приамурья. Новосибирск: Наука, 1973. 354 с.

Кузьмин Я. В., Нестеров С. П. Хронология неолитических культур Западного Приамурья // Традиционная культура востока Азии. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2010. Вып. 6. С. 103–110.

Окладников А. П. Неолит Сибири и Дальнего Востока // Каменный век на территории СССР. М.: Наука 1970. С. 172–193.

Окладников А. П., Деревянко А. П. Далёкое прошлое Приморья и Приамурья. Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1973. 440 с.

Окладников А. П., Деревянко А. П. Громатухинская культура. Новосибирск: Наука, 1977. 286 с.

Шевкомуд И. Я. Кузьмин Я. В. Хронология каменного века Нижнего Приамурья (Дальний Восток России) // Культурная хронология и другие проблемы в исследованиях древностей востока Азии. Хабаровск: Хабаровск. край. музей, 2009. С. 7–46.

Шевкомуд И. Я., Яншина О. В. Начало неолита в Приамурье: поселение Гончарка-1. СПб.: Изд-во МАЭ РАН, 2012. 270 с.

Е. М. Колпаков
Институт истории материальной культуры РАН,
Санкт-Петербург, Россия

НЕОЛИТ В АРХЕОЛОГИИ

Аннотация. В истории человечества существовал всеобщий «неолитический» этап развития, отличающийся комплексными изменениями в технологическом укладе, способах добывания пищи, домостроительстве, транспорте, социальной организации и пр., и не связанный напрямую с присваивающим или производящим типами хозяйства. Появление гончарного производства не является обязательным признаком этапа неолита или перехода к производящим формам хозяйства.

Ключевые слова: неолит, прогресс, Система трех веков, производящее хозяйство, присваивающее хозяйство, керамика

Неолит – понятие Системы трёх веков как всеобщей археологической периодизации, а также большинства локальных археологических периодизаций. В предыдущей работе мы рассматривали понятие «неолит» с точки зрения его места в периодизации [Колпаков, Киселёва, Ткач, 2023]. Теперь рассмотрим «неолит» в более широком контексте – как с периодизационной, так и с культурно-исторической сторон.

С самого начала введения понятия «неолит» Джоном Лёббоком в 1865 г. оно рассматривалось как комплексное явление, охватывающее все основные стороны жизни древних обществ [Lubbock, 1865]. В 1880 г. Уильям Докинз включил в неолитический комплекс керамику [Dawkins, 1880].

Но ещё до Докинза, в 1877 г. Льюис Морган включил гончарное производство в свою периодизацию истории как «наиболее действительный и убедительный признак» перехода к этапу варварства [Морган, 1935, с. 9–12]. Благодаря книгам Гордона Чайлда, в первой поло-

© Колпаков Е. М., 2025

вине XX в. утвердилось представление о революционном значении перехода к производящему хозяйству [Childe, 1936], которое стало восприниматься в археологии как главный признак неолита. Во второй половине XX в. и начале XXI в. это привело к своеобразным проблемам в Системе трёх веков и не только в ней. Обнаружились общества «с присваивающими формами хозяйства и неолитическим обликом материальной культуры» [Хлобыстин, 1998, с. 32]. Культуры с присваивающим хозяйством, но при этом обладающие многими «неолитическими» признаками, нужно было как-то и куда-то пристроить. Было немало различных идей, часто предлагавших разделить неолит на два параллельных потока или дополнить настоящий «производящий» неолит неким ненастоящим, существующим параллельно «присваивающим» (докерамический неолит, керамический мезолит, лесной неолит, субнеолит, восточный неолит, пережиточный неолит, паранеолит, агонеолит – агронеолит). В общем договориться, что стоит считать неолитом, не удавалось, хотя давно стало ясно, что «присваивающий неолит» – это не «пережиточный мезолит» и не «недоразвитый неолит».

Главный вопрос, однако, не в терминологических тонкостях и не в изысках различных периодизаций. Проблема не в том, что считать неолитом, а в том, имеет ли смысл выделять особый относительно всеобщий этап в развитии человечества – «нео…тический». Если возникновение производящего хозяйства признаётся стадиальным нововведением высочайшего уровня, то как оценивать состояние населения всей остальной ойкумены? Считать ли, что там продолжается обыкновенный каменный век или нет? Сейчас уже очевидно (опять со времён Джона Лёббока), что во многих обществах эволюция присваивающего хозяйства ведёт к тому же самому, что и возникновение производящего хозяйства: осёдлость, рост населения, долговременные поселения, укреплённые поселения, усложнение социальной структуры, имущественное и социальное неравенство, развитие техники и прочее (вслед за Фридрихом Энгельсом, многие считают, что на этом этапе возникает и частная собственность). Конечно, это происходит намного медленнее, но, в конечном итоге, всё равно приводит к производящему хозяйству даже в тундре («оленеводческая революция» XVII–XIX вв. у ненцев [Головнёв, 2004, с. 87–91]). Т. е. новокаменный век с присваивающим хозяйством качественно отличается от предшествующего каменного века не только типами орудий и отдельными технологиями, но и социально-экономическим устройством вместе с новым технологическим укладом в целом. Таким образом, неолит в археологическом смысле связан с глобальными изменениями в истории человечества как в обществах, перешедших к производящему хозяйству, так и в обществах, оставшихся развивать присваивающее хозяйство. Причём эти изменения сходны или одинаковы при обоих типах хозяйства. Судя по выступлениям участников Всемирного неолитического конгресса 2024 г. [World Neolithic…, 2024], такое понимание неолита уже вполне распространено среди археологов. На более высоком уровне подобные представления реанимируют старую идею закономерности Прогресса как неотъемлемого свойства человеческого общества.

С другой стороны, необходимо отделить археологическую периодизацию от социально-экономической (исторической), поскольку в целом они не совпадают, как показывают накопленные факты, и не обязаны совпадать [Вишняцкий, Колпаков, 1991]. Неолит – это этап (таксон) археологической периодизации (классификации); производящее хозяйство – это этап (таксон) социально-экономической периодизации (классификации). Несовпадение этапов двух классификаций, построенных по разным основаниям, как раз отражает неравномерность исторического процесса. При использовании двух классификаций были бы узаконены и стали нормальными такие понятия и термины, как «мезолитическое производящее хозяйство»

или «присваивающая экономика железного века».

Особым вопросом в неолитической проблематике стоит появление керамики как внешнего и доступного признака неолита. Ещё Льюис Морган обосновал использование этого второстепенного признака в качестве удобного маркёра перехода к этапу варварства. «Поскольку употребление гончарной посуды имеет меньшее значение, чем разведение домашних животных, применение железа или фонетического алфавита для установления начала следующих друг за другом этнических периодов, мы приведем основания для принятия этого признака. Изготовление гончарной посуды предполагает оседлую жизнь и значительное развитие простых производств» [Морган, 1935, с. 11]. Однако теперь уже окончательно ясно, что в одних местах керамическая посуда появляется ещё в верхнем палеолите [Кузьмин, 2013; Тестируемые времена…, 2017], а в других производящее хозяйство возникает задолго до появления керамики («докерамический неолит» и прочее). Поэтому керамику стоит изъять «обратно» из всеобщих признаков неолита. Целесообразно исключить признак появления гончарного производства из Системы трёх веков. Керамика является широко распространенным, но лишь локальным «внешним» признаком неолита.

Таким образом, можно описать старое новое понимание неолитической эпохи:

1. Наблюдается всемирный этап в развитии человечества, который определяется переходом к более продуктивным способам добывания пищи (земледелие, скотоводство, рыболовство, морской промысел и т. д.) и связанными с ними новыми технологиями производства орудий и типами орудий и снаряжения, относительной осёдлостью, ростом населения, увеличением размера поселков, домостроительством и, как следствие, усложнением организации отдельных обществ и человеческого общества в целом (обмен, торговля, война), а также и новыми идеологическими представлениями (храмы, сакральные комплексы, погребальный обряд).

2. Переход к этому этапу имеет археологические проявления: новые технологии фиксируются в новых признаках артефактов и новых типах орудий, появляются более сложные археологически уловимые конструкции жилищ, планировка поселков, укрепленные поселения, нежилые конструкции и производственные комплексы, места добычи полезных ископаемых, могильники. Это как раз неолит в собственно археологическом смысле, в археологической периодизации.

3. Ни один признак из археологического неолитического набора не является достаточным. Автор понятия «неолит», Джон Лёббок, изначально представил его как комплексное, характеризующееся набором разнообразных признаков, явление. Позднее эта «комплексность» всё более нарастала.

4. Такие представления о «неолите в широком смысле» приводят к значительному сближению археологической и социально-экономической периодизаций в «неолитическом» сегменте.

Список источников

Вишняцкий Л. Б., Колпаков Е. М. Периодизация в археологии // Проблемы хронологии и периодизации в археологии. Л.: Ленуприздат, 1991. С. 5–11.

Головнёв А. В. Кочевники тундры: ненцы и их фольклор. Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 2004. 344 с.

Колпаков Е. М., Киселёва А. М., Ткач Е. С. «Неолит» в Системе трёх веков // Stratum plus. Археология и культурная антропология. 2023. № 2. С. 183–192.

Кузьмин Я. В. Происхождение керамики в Евразии: современное состояние вопроса. Российский археологический ежегодник. 2013. № 3. С. 8–26.

Морган Л. Г. Древнее общество или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации. Л.: Изд-во Ин-та народов Севера ЦИК СССР, 1935. 350 с.

Тестируемые времена: оценка радиоуглеродной хронологии раннего керамического производства на Усть-Каренге / П. Н. Хоммел, Ж.-Л. Швеннингер, Е. М. Инешин, В. М. Ветров // Известия Лаборатории древних технологий. 2017. Т. 13. № 1. С. 31–46.

Хлобыстин Л. П. Древняя история Таймырского Заполярья и вопросы формирования культур севера Евразии. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин». 1998. 342 с.

Childe V. G. Man Makes Himself. London: Watts & Company. 1936.
Dawkins W. B. Early Man in Britain and His Place in the Tertiary Period. London: Macmillan and Company. 1880.
Lubbock J. Pre-Historic Times, as Illustrated by Ancient Remains and the Manners and Customs of Modern Savages. Williams & Norgate, London. 1865.
World Neolithic Congress. 2024. Abstracts. Şanliurfa, 2024.

А. И. Королев, И. Н. Васильева, А. А. Шалапинин, А. Г. Трофимов
Самарский государственный социально-педагогический университет,
Самара, Россия

ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ КЕРАМИКИ ВОЛОСОВСКОГО ОБЛИКА ГУНДОРОВСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ В ЛЕСОСТЕПНОМ ПОВОЛЖЬЕ И ВОПРОСЫ КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ

Аннотация. Гундоровское поселение изучено на р. Сок, левом притоке р. Волги. Памятник является ключевым для решения вопросов соотношения самарской и волосовской культур Средней Волги. Керамика обладает характеристиками, сближающими как с самарской, так и волосовской культурой. Для решения поставленных вопросов анализируются ^{14}C даты и данные технико-технологического анализа керамики по методике А. А. Бобринского.

Ключевые слова: энеолит, Гундоровское поселение, самарская культура, волосовская культура, керамика

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, № 24-28-01638 «Энеолит лесостепного Поволжья: традиции и инновации».

Гундоровское поселение, изученное в среднем течении р. Сок, левом притоке р. Волги, во второй половине 1980-х гг. сохраняет положение одного из наиболее значимых памятников энеолита лесостепного Поволжья для решения вопросов культурно-хронологического соотношения с материалами самарской и волосовской культуры средней Волги. Поселение многослойное и содержит материалы неолита (средневолжской культуры), энеолита (самарской, хвалынской культур, гундоровского типа (керамика с «внутренним ребром»), волосовского типа). Кроме этого, были получены комплексы эпохи бронзы вольско-лбищенского типа, срубной культуры, а также материалы раннего Средневековья. Особое место памятника среди изученных поселений энеолита региона определяется наличием пяти соединенных переходами жилищных котлованов, из которых четыре, меньшие по размерам, были связаны с волосовской культурой, а пятая постройка удлиненных пропорций – с самарской культурой [История Самарского..., 2000, Овчинникова, 1999, с. 97–98]. В основу работы положен наиболее представительный энеолитический комплекс, первоначально полностью отнесенный к волосовской культуре [Васильев, 1990, с. 63–64; Овчинникова, 1991]. Следует отметить, что для такой атрибуции были веские основания: соединенные переходом, углубленные в материк жилища находили наиболее полные аналогии в материалах волосовской культуры марийского левобережья Волги. Керамика волосовского облика по основным характеристикам (большие размеры сосудов, примесь дробленой раковины и пуха птиц, формы венчиков с утолщениями, округлые днища, господство гребенчатой орнаментации с присутствием ямчатых вдавлений, оттисков веревочного и рамчатого штампа), которая была обнаружена в жилищах, оказалась близка посуде поселений волосовской культуры Средней Волги [Овчинникова, 1991, с. 92]. Основные типы каменных орудий, изготовленных из крупных отщепов, каменные под-

© Королев А. И., Васильева И. Н., Шалапинин А. А., Трофимов А. Г., 2025

вески и кремневые фигурки находят соответствия в инвентаре волосовских поселений. Происхождение этого комплекса в лесостепи объяснялось смещением к югу волосовского населения [Овчинникова, 2000, с. 335]. Волосовская принадлежность основной группы керамики получила подтверждение и в результате последующих исследований, но были отмечены такие специфические черты, как сильно профилированные сосуды с прикрытым горлом, орнамент в виде «шагающей гребенки», происхождение которых требует уточнения [Шалапинин, 2010, с. 139].

Оставались сомнения относительно иного культурного определения, предложенного для комплекса жилища 5. Они основывались на переходе из пятого жилища в третье, каменном инвентаре и керамике, аналогичной, в основном, материалам других жилищ. Главным критерием связи с самарской культурой здесь выступали удлиненная форма и большие размеры котлована постройки, присутствие орнаментированной «шагающей гребенкой» воротничковой керамики [Овчинникова, 1999, с. 100–101]. Поселенческим памятником самарской культуры было определено поселение Лебяжинка III [Овчинникова, 1995, с. 191]. Поэтому для уточнения культурной принадлежности керамики из жилищ Гундоровского поселения она была сопоставлена с посудой поселения Лебяжинка III. Результаты анализа показали, что керамика этих памятников по совокупности основных признаков (примеси в формовочной массе, формы венчиков с воротничками и без них, днищ, элементам и мотивам орнамента) совпадает [Королев, 2018, с. 38–39]. Сложилась ситуация, когда керамический комплекс было возможно характеризовать с позиций как самарской, так и волосовской культуры. В связи с этим большое значение приобрело радиоуглеродное датирование материалов Лебяжинского III и Гундоровского поселений. Для сравнения нами были использованы даты, полученные по керамике, что позволяет анализировать данные одного порядка. Даты первого памятника, за исключением явно выпавшей ранней даты, вошли в диапазон 6 140 ± 50 – 5 860 ± 50 л. н. [Хронологическое соотношение..., 2010, с. 20]. Датировка второго показала более поздний период 5 862 ± 120 – 5 035 ± 100 л. н. [Королев, Кулькова, Шалапинин, 2013, с. 150–152]. При этом наиболее ранняя дата SPb-771 – 5 862 ± 120 BP была получена по образцу от сосуда, украшенного в вертикальной зональности полосами «шагающей гребенки» и рядами наклонных оттисков гребенчатого штампа, аналогичному керамике Лебяжинки III. Материалы волосовской культуры лесного Среднего Поволжья также были датированы по керамике. Радиоуглеродные даты показывают более поздние значения для ранних марийских волосовских памятников (5 130 ± 80 – 4 720 ± 80 л. н.) [Королев, Шалапинин, 2010, с. 257] и, соответственно, для материалов среднего и позд-него этапов (4 698 ± 110 – 4 317 ± 80 л. н.) [Кулькова, Шалапинин, 2018, с. 507–509].

В настоящее время данные типологии и радиоуглеродной хронологии указывают на более раннюю позицию керамики типа Лебяжинка III. Керамика Гундоровского поселения совпадает с ней по основным характеристикам, но имеет более разнообразные формы и орнаментацию сосудов, а также более поздние даты. Посуда волосовской культуры Средней Волги близка по ряду признаков керамике Лебяжинского III и в большей степени Гундоровского поселения и относится к еще более позднему времени.

Таким образом, морфологический анализ керамики Гундоровского поселения, подтвердил выводы о наличии в ней ряда признаков, сближающих с посудой средневолжской волосовской культуры с одной стороны и самарской культуры с другой. Однако для проверки гипотезы культурного единства основного керамического комплекса, необходимо завершение его технико-технологического анализа. Предварительные результаты показали присутствие в образцах дробленой раковины и пуха птиц в качестве примеси. Второй насущной задачей является датирование материалов Гундоровского поселения по образцам костяного инвентаря или фаунистических остатков, которые позволят верифицировать даты, полученные по керамике.

Список источников

Васильев И. Б. Поздний энеолит юга лесостепного Поволжья // Энеолит лесного Урала и Поволжья. Ижевск: Удмурт. ин-т. истор., яз. и лит-ры, 1990. С. 52–69.

История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Каменный век / Л. В. Кузнецова, А. А. Ластовский, А. Е. Мамонов, А. А. Выборнов, И. Б. Васильев, Н. В. Овчинникова, А. А. Хохлов. Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2000. 223 с.

Королев А. И. О культурно-хронологическом соотношении материалов поселения Лебяжинка III и комплекса «волосовского» типа Гундоровского поселения // XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г. И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И. Б. Васильева. Самара: Изд-во «Порто-принт», 2018. С. 38–39.

Королев А. И., Кулькова М. А., Шалапинин А. А. Новые данные об абсолютном возрасте энеолитических материалов Гундоровского поселения лесостепного Заволжья // Проблемы периодизации и хронологии в археологии эпохи раннего металла Восточной Европы. СПб.: Изд-во «Скифия-принт», 2013. С. 150–152.

Королев А. И., Шалапинин А. А. Радиоуглеродное датирование ранних материалов волосовской культуры Среднего Поволжья // Известия СНЦ РАН. 2010. Т. 12. № 2(34). С. 256–260.

Кулькова М. А., Шалапинин А. А. Новые данные по абсолютной хронологии памятников волосовской культуры лесной зоны Среднего Поволжья // Известия СНЦ РАН. 2018. Т. 20. № 3(2) (83). С. 507–509.

Овчинникова Н. В. Керамика волосовского типа с Гундоровского поселения // Поздний энеолит и культуры ранней бронзы лесной полосы Европейской части России. Йошкар-Ола: Изд-во МарНИИ, 1991. Вып. 19. С. 89–98.

Овчинникова Н. В. Лебяжинка III – поселение эпохи энеолита в лесостепном Заволжье // Древние культуры лесостепного Поволжья (К проблеме взаимодействия индоевропейских и финно-угорских культур). Самара: Самар. гос. пед. ун-т, 1995. С. 164–191.

Овчинникова Н. В. Жилища самарской культуры в лесостепном Поволжье // Вопросы археологии Поволжья. Самара: Самар. гос. пед. ун-т, 1999. Вып. 1. С. 97–105.

Овчинникова Н. В. Волосовские древности юга лесостепного Поволжья // Тверской археологический сборник. Тверь: Изд-во ТГОМ, 2000. Вып. 4. Т. 1. С. 326–336.

Хронологическое соотношение энеолитических культур Волго-Уральского региона в свете радиоуглеродного датирования / Н. Л. Моргунова, А. А. Выборнов, Н. Н. Ковалюх, В. В. Скрипкин // РА. 2010. № 4. С. 18–27.

Шалапинин А. А. О своеобразии волосовской керамики Гундоровского поселения // Культурная специфика Волго-Сурского региона в эпоху первобытности. Чебоксары: Чуваш. гос. ин-т гум. наук, 2010. С. 135–139.

А. С. Кравцова
Институт археологии и этнографии СО РАН,
Новосибирск, Россия

ОРНИТОМОРФНЫЕ КОСТЯНЫЕ НАШИВКИ-ПОДВЕСКИ ЭПОХИ НЕОЛИТА ИЗ МОГИЛЬНИКА КОРЧУГАН В БАРАБИНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ (ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ ТРАСОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)

Аннотация. В работе рассмотрены 9 костяных орнитоморфных нашивок-подвесок из неолитического могильника Корчуган, исследованного в 1995–1996 гг. экспедицией под руководством академика В. И. Молодина. Для выявления технологии производства предметов был проведен трасологический анализ, позволивший оценить их сохранность и определить основные приемы изготовления.

Ключевые слова: Барабинская лесостепь, могильник Корчуган, ожерелье, кость, трасология, следы производства

Работа выполнена при поддержке РНФ, № 23-18-00424 «Мультидисциплинарные исследования духовной культуры и первобытного искусства населения Западной Сибири и Центральной Азии в древности».

Автор выражает благодарность сотрудникам Музея истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока за помощь в подготовке данной работы.

В настоящей работе рассмотрен набор костяных нашивок-подвесок эпохи неолита, найденный в грунтовом могильнике Корчуган (Кыштовский район Новосибирской

© Кравцова А. С., 2025

области) и датированный VI тыс. до н. э. [Молодин, Чикишева, 1996; Молодин, Чикишева, Новиков, 1999] (рис. 1). Следует отметить, что особенностью Барабинской лесостепи, куда входит указанный район, является отсутствие выходов каменного сырья.

Девять орнитоморфных фигурок были найдены в погребении № 7 в районе шеи погребенной женщины 25–30 лет. Именно положение *in situ* позволило авторам раскопок предположить, что предметы представляют собой шейное ожерелье, а не нашивки на одежду [Молодин, Чикишева, Новиков, 1999, с. 76]. В настоящее время изделия хранятся в фондах Музея истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока ИАЭТ СО РАН, часть нашивок-подвесок находятся в постоянной экспозиции.

Подобный образ водоплавающих массово встречается в неолитических материалах таежной зоны Восточной Европы, в то время как для Западной Сибири эти фигурки достаточно единичны. Авторы раскопок сопоставляют нашивки-подвески с ожерельем из могильника Шумилиха на Ангаре, где были найдены похожие костяные подвески, передающие образы лосей и птиц [Молодин, Чикишева, 1996, с. 186].

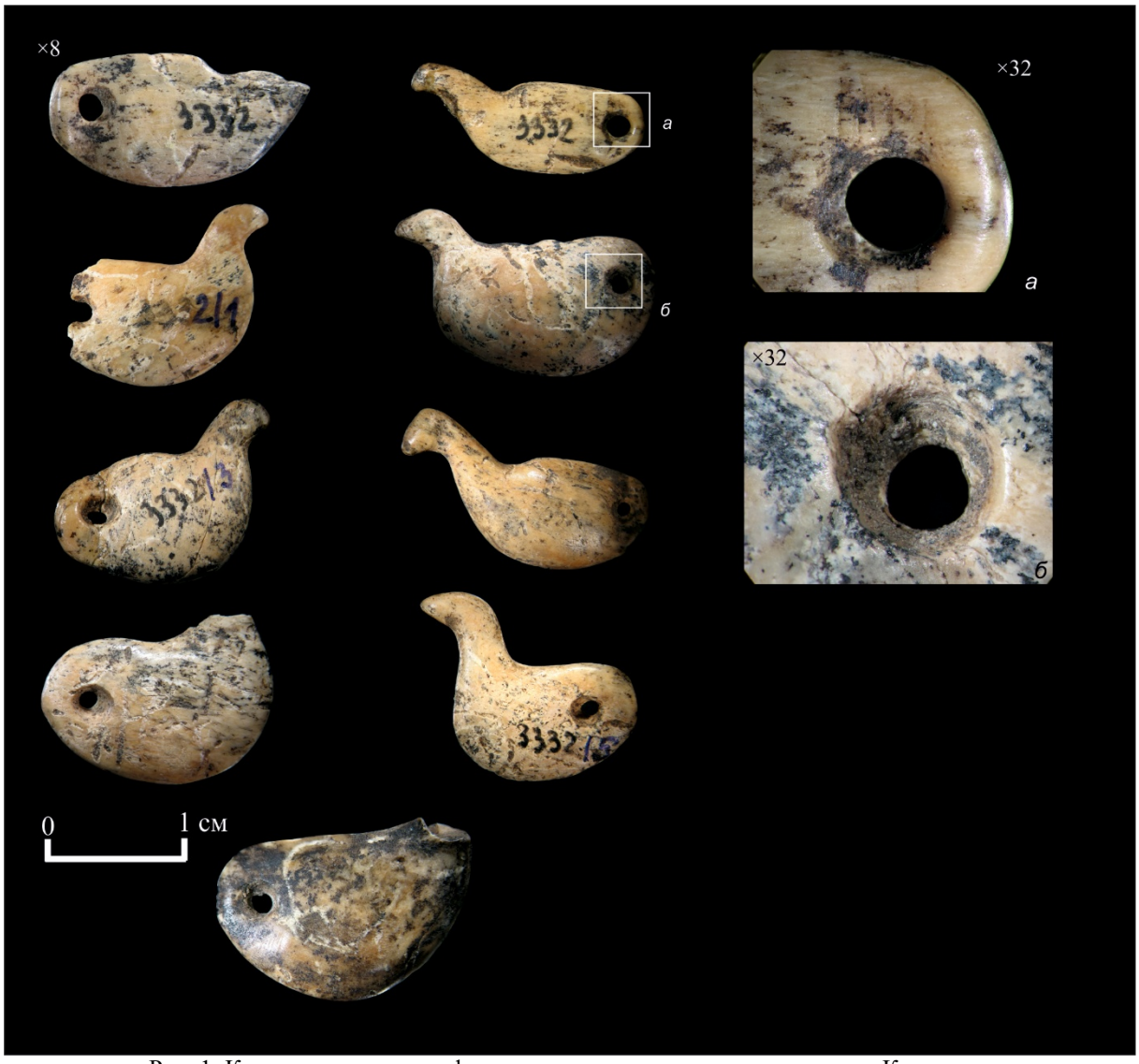

Рис. 1. Костяные орнитоморфные нашивки-подвески из могильника Корчуган:
а – линейные следы в «хвостовой» части фигурки; *б* – отверстие для крепления (×32)

На всех фигурках наблюдается наличие микротрещин разной степени, однако реставрационное покрытие пока обеспечивает достаточную сохранность.

Для изучения технологии изготовления предметов был применен трасологический анализ [Семенов, 1957; Скочина, 2017] и др. Основной инструмент для проведения исследования – микроскоп Stemi SV 6 с увеличением от ×8 до ×50. Для фиксации следов с помощью указанного микроскопа была применена камера Canon PC1089, фотофиксация выполнялась в технике стекинга (в среднем от 30 до 100 снимков), сведение изображений проводилось в программе Helicon Focus 7.5. Следует также отметить, что микроскопическое исследование предметов не только позволяет выявить следы изготовления и утилизации, но и помогает зафиксировать микротрещины, что дает возможность вовремя принять меры по реставрации и уберечь предметы от дальнейшего разрушения.

В первую очередь при исследовании была выполнена характеристика состояния сохранности как предметов в целом, так и следов на них. Выяснилось, что сохранность нашивок-подвесок в целом хорошая. У трех фигурок отсутствует голова, места сломов относительно свежие.

Предметы на финальной стадии изготовления были тщательно заполированы. Следует также учитывать, что они найдены более 20 лет назад и покрыты неизвестным раствором для укрепления, вследствие чего большая часть следов обработки в настоящее время сглажена, а блеск от реставрационного раствора затрудняет их фиксацию. Следовательно, мы можем говорить только об общих приемах изготовления предметов. Также отмечается воздействие постдепозиционных процессов, в частности корней растений.

Придание формы предметам было выполнено предположительно вырезанием, края были тщательно сглажены до придания им округлых контуров. Все фигурки разной величины и немного отличной друг от друга формы. Это позволяет говорить о том, что изготовление подобных предметов не было стандартизировано. Отверстия для крепления нашивок-подвесок были сделаны при помощи биконического сверления (материал инструмента не определен), о чем говорит не только сама форма отверстия, но и характерные концентрические линейные следы на его стенках (рис. 1, *б*).

На практически всех предметах из набора были найдены от 3 до 5 едва читаемых субпараллельных прямых линейных следов в «хвостовой» части птичек от отверстия для крепления до края фигурки (рис. 1, *а*). Подобные следы читаются только на одной (лицевой?) стороне каждой из нашивок-подвесок. Их назначение остается неясным, возможно проведение ряда экспериментов в будущем прояснит данную ситуацию.

Таким образом, вследствие нюансов изготовления фигурок и нанесения на них укрепляющего раствора, мы столкнулись с определенным ограничением трасологического анализа данных предметов. Однако некоторые выводы все же можно сделать.

Так, мы можем говорить об отсутствии строгой стандартизации в изготовлении указанных нашивок-подвесок. Отсутствие голов у трех фигурок не предполагает наличия обряда «умерщвления» фигурок у древнего населения, так как следы слома можно назвать относительно свежими.

Для дальнейшего изучения необходимо проведение ряда экспериментов – в частности, с целью определения инструмента, которым были просверлены отверстия для крепления, а также характера линейных следов в «хвостовой» части фигурок.

Список источников

Молодин В. И., Чикишева Т. А. Неолитический могильник Корчуган // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири: материалы IV Годовой итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. С. 185–190.

Молодин В. И., Чикишева Т. А., Новиков А. В. Неолитический могильник Корчуган на Средней Таре // Проблемы неолита – энеолита юга Западной Сибири. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1999. С. 66–98.

Семенов С. А. Первобытная техника (опыт изучения древнейших орудий и изделий по следам работы). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. 240 с. (МИА. № 54).

Скочина С. Н. Каменная и костяная индустрия в эпоху неолита лесостепного Приишимья: дис. … канд. ист. наук. Тюмень, 2017. 321 с.

Б. В. Лазин
Дальневосточный федеральный университет,
Владивосток, Россия

МАТЕРИАЛЫ РУДНИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ СРЕДНЕГО НЕОЛИТА НА МНОГОСЛОЙНОМ ПОСЕЛЕНИИ МИХАЙЛОВКА-2 В ЮЖНОМ ПРИМОРЬЕ

Аннотация. В работе приводится общая характеристика руднинского неолитического культурного компонента памятника Михайловка-2. Раскопано 8 жилищ, в материалах которых представлены два выделяемых в руднинской культуре типа керамики – руднинский и сергеевский.

Ключевые слова: руднинская культура, сергеевский тип, средний неолит, Приморский край, Михайловка-2

Цель данной работы – представить в обобщённом виде основные параметры поселка руднинской культуры, обнаруженного на многослойном памятнике «Михайловка. Поселение 2», более известном археологам как поселение Михайловка-2.

Памятник, открытый в 1984 г. Ю. В. Кривулей, находится в Михайловском районе Приморского края, в 3 км к югу от с. Михайловка, по правому борту долины р. Раковка, на мысовидном отроге сопки на высоте 40 м над уровнем поймы [Кривуля, 2014].

С 1980-х гг. на памятнике неоднократно проводились раскопки, нацеленные на исследование жилищ раннесредневековой культуры мохэ, представляющей основной культурный компонент памятника. В 2023 г. археологической экспедицией ООО «НПЦ Наследие-ДВ» проведены спасательные раскопки всего поселения. Был заложен раскоп площадью 9 030 м^2. В результате этих раскопок выяснилось, что на этом месте расположено не только крупное мохэское поселение, но и более раннее поселение эпохи среднего неолита [Предварительные результаты…, 2024]. Артефакты, относящиеся к эпохам неолита и верхнего палеолита (мезолита), единично встречались на поселении и ранее.

К этому этапу заселения памятника отнесены восемь жилищ (№ 21, 24, 26, 29, 34, 40, 43, 46). Котлованы шести жилищ имеют подпрямоугольные очертания, два – округлые. Размеры котлованов от 4,1×4,2 (17 м^2) до 7,5×8,3 (62 м^2), глубина 50–70 см. Жилища этого периода занимают относительно ровную площадку в самой верхней части мыса. Расположены без выраженной системы. Котлованы ориентированы по сторонам света. Кострища, обнаруженные в трех котлованах, располагались в центральной части, на материковом грунте, без дополнительных конструкций. На дне котлованов обнаружены ямы от столбов.

Археологический материал этого периода рассеян в основном на площадке, где расположены жилища, с наибольшей концентрацией в жилищах. Единичные, разрозненные, артефакты встречались по всей площади памятника.

Керамическая коллекция содержит скопления керамики и отдельные разрозненные фрагменты частей сосудов слабо профилированных форм с едва намеченной горловиной. Целых форм не обнаружено.

Орнаментация позволяет говорить о наличии на поселении двух типов керамики, выделенных ранее [Батаршев, 2009].

Керамика руднинского типа орнаментирована по кромке венчика косыми насечками, а под кромкой венчика – бордюром из ромбовидных или округлых от-

© Лазин Б. В., 2025

тисков штампа, расположенных в шахматном порядке. Наиболее характерный мотив – «амурская плетенка» из оттисков ромбовидного штампа.

Керамика сергеевского типа орнаментирована под кромкой венчика широкой полосой из параллельных налепных валиков, имитирующих витой шнур. Единично кромка венчика орнаментирована косыми насечками.

В коллекции каменных артефактов представлены следующие категории орудий: ретушированные и шлифованные каменные наконечники стрел, грузила на гальках, топоры, тёсла, долота, ножи, скребки, сверла и др. Важной особенностью комплекса каменных артефактов является сочетание двух техник расщепления камня: пластинчатой и бифасиальной. Рубящие орудия обработаны шлифовкой, наиболее характерным типом таких орудий выступают «горбатые» тёсла, встреченные в значительном количестве, в основном в виде обломков и сколов, что говорит об активной утилизации на поселении этого типа орудий.

Поселение Михайловка-2 с момента обнаружения и исследования первых мохэских жилищ стало опорным памятником для изучения этой культуры. Раскопки 2023 г. позволяют говорить о том, что после обработки и публикации материалов этого памятника, он станет опорным не только для мохэской культуры раннего средневековья, но и для руднинской культуры среднего неолита.

Особый интерес представляет наличие на поселении двух выделенных к настоящему времени типов керамики, характеризующих по всей видимости два этапа развития руднинской культуры. Руднинский тип – ранний этап (7,5–7 тыс. л. н.). Сергеевский тип – поздний этап (7–6 тыс. л. н.) [Батаршев, 2009].

Подобная ситуация встречена на памятниках руднинской культуры не впервые и, по всей видимости, свидетельствует о том, что жилища на поселении существовали не одновременно. Это, в свою очередь, говорит о том, что в течение достаточно протяженного времени руднинцы заселяли одни и те же места.

Список источников

Батаршев С. В. Руднинская археологическая культура в Приморье. Владивосток: Изд-во ООО «Рея», 2009. 200 с.

Кривуля Ю. В. Жилища раннесредневекового поселения Михайловка-2 // Азиатско-тихоокеанский регион: археология, этнография, история. Владивосток: Дальнаука, 2014. Вып. 3. С. 59–73.

Предварительные результаты раскопок поселения Михайловка-2 в 2023 г. / Б. В. Лазин, А. Н. Попов, Е. И. Дюков, М. К. Руденко, А. А. Лазина, Е. Н. Залётова, С. А. Зубков, Е. Ю. Никитин, О. И. Щипун, А. А. Снопкова, Д. А. Войтко, Е. А. Еремеева, Г. А. Елошкин // Тихоокеанская археология: Тихоокеанские исследования в российской и зарубежной археологии: история, современность, перспективы развития. Владивосток: Дальневост. фед. ун-т, 2024. С. 120–124.

А. А. Лазина
Дальневосточный федеральный университет,
Владивосток, Россия

КЕРАМИКА С ОРГАНИЧЕСКОЙ ПРИМЕСЬЮ (ПО МАТЕРИАЛАМ РУДНИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ СРЕДНЕГО НЕОЛИТА ПРИМОРЬЯ)

Аннотация. В работе приводятся результаты исследования керамики руднинской культуры эпохи неолита из археологического памятника «Михайловка-2. Поселение» (Приморский край). На основе проведенных исследований выделена новая рецептура формовочной массы на основе глины, с использованием в качестве отощителя дробленой раковины моллюска. Некоторые признаки свидетельствуют о возможном использовании в качестве формовочной массы илов или илистых глин с уже имеющимися в них органическими включениями.

Ключевые слова: древняя керамика, руднинская культура, средний неолит, Приморский край, органическая примесь

Руднинская археологическая культура – одна из трех известных на сегодняшний день культур среднего неолита Приморья, выделенная по результатам работ А. П. Окладникова [Окладников, Деревянко, 1973] и В. И. Дьякова [1992] при раскопках памятников в восточном Приморье. В 2023 г. отрядом ООО «НПЦ «Наследие-ДВ» проводились раскопки на археологическом памятнике «Михайловка-2. Поселение» [Предварительные результаты исследования…, 2024]. Памятник расположен в Приморском крае, на территории Михайловского района, в 3 км к югу от центра с. Михайловка и в 2,2 км к северо-западу от с. Васильевка. Памятник расположен на 40-метровом мысу на правом берегу р. Раковки, мыс круто обрывается к северу и востоку, полого понижается к югу. Площадь памятника – 9 030 м².

Объект археологического наследия «Михайловка-2. Поселение» был открыт в 1984 г. отрядом ДВГУ под руководством Ю. В. Кривули. В разное время на памятнике проводились раскопки отдельных жилищ [Кривуля, 2014]. В 2023 г. археологический памятник был раскопан полностью. В результате археологических исследований получена коллекция, позволяющая отнести памятник к мохэской культуре раннего Средневековья. Кроме того, были обнаружены материалы, отнесенные к неолиту и, предположительно, ко времени верхнего палеолита (мезолита).

К периоду среднего неолита отнесены 8 жилищ. Все они имеют подпрямоугольные очертания и размеры от 17 до 62 м^2. Жилища этого периода занимают относительно ровную площадку и расположены без выраженной системы. Ориентированы по сторонам света.

Археологический материал этого периода рассеян в основном на площадке, где расположены жилища, с наибольшей концентрацией в самих жилищах. Единичные артефакты встречались по всей площади памятника.

Коллекция артефактов руднинской культуры содержит скопления керамики и отдельные разрозненные фрагменты частей сосудов баночной формы с едва выраженной горловиной, покатыми плечиками и слегка расширяющимся туловом. Орнамент локализован в верхней части сосудов в виде бордюра. Наиболее характерный орнаментальный мотив – «амурская плетенка».

Основная часть керамики изготовлена из формовочной массы с минеральными включениями. В отдельную категорию были выделены фрагменты с признаками включений органического происхождения (около 5 % от всех находок керамики). Предварительный визуальный анализ поверхности и изломов позволил предположить включение раковин моллюсков в состав формовочной массы. С помощью сканирующего электронного микроскопа были получены снимки микроструктуры образцов с изображением микроорганиз-

© Лазина А. А., 2025

мов, которые можно отнести к представителям зелёных водорослей, обитающим в морских и пресных водах. Наличие водорослей в отдельных образцах позволяет предполагать, что в качестве исходного пластичного сырья могли использоваться илы или илистые глины, в которых уже присутствовала раковина. Для получения химического элементного состава керамики использовалась энергодисперсионная спектрометрия. В образцах, которые предварительно выделены в группу с органической примесью, присутствует P (фосфор), в образцах без органической примеси данный элемент не встречен. Это может свидетельствовать о том, что раковина добавлялась вместе с телом моллюска. С помощью рентгеновской компьютерной томографии удалось проследить структуру образцов, не повреждая артефакты. Полученные результаты свидетельствуют о том, что внутри группы керамики с органической примесью существует разница в концентрациях этой примеси. В образцах, которые обнаружены в жилище № 43 [Дюков, 2024], концентрация органической примеси достигает 30–35 % от общего объема формовочной массы, в то время как в других фрагментах её объем значительно меньше. Стоит отметить, что, наряду с органическими включениями, в формовочной массе присутствуют минеральные включения, которые, вероятно, носят естественный характер.

Основываясь на перечисленных выше данных, можно утверждать, что носителями руднинской археологической культуры использовалось несколько рецептур изготовления формовочной массы. Первый вариант, известный ранее [Батаршев, 2009], подразумевает использование глин с минеральными включениями. Второй вариант, выявленный в результате данного исследования, предполагает использование формовочных масс с примесью раковин моллюсков. В качестве исходного пластичного сырья в данном случае могла выступать глина, к которой добавлялась дробленая раковина, а также илы или илистые глины с уже имеющимися включениями раковины.

Список источников

Батаршев С. В. Руднинская археологическая культура в Приморье. Владивосток: Изд-во ООО «Рея», 2009. 200 с.

Дьяков В. И. Многослойное поселение Рудная Пристань и периодизация неолитических культур Приморья. Владивосток: Дальнаука, 1992. 140 с.

Дюков Е. И. Предварительные результаты исследования жилища руднинской культуры на ОАН «Поселение Михайловка-2» // Тихоокеанская археология: Тихоокеанские исследования в российской и зарубежной археологии: история, современность, перспективы развития. Владивосток: Дальневост. фед. ун-т, 2024. С. 75–78.

Кривуля Ю. В. Жилища раннесредневекового поселения Михайловка-2 // Азиатско-тихоокеанский регион: Археология, этнография, история. Владивосток: Дальнаука, 2014. № 3. С. 59–73.

Окладников А. П., Деревянко А. П. Далёкое прошлое Приморья и Приамурья. Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1973. 440 с.

Предварительные результаты раскопок поселения Михайловка-2 в 2023 г. / Б. В. Лазин, А. Н. Попов, Е. И. Дюков, М. К. Руденко, А. А. Лазина, Е. Н. Залётова, С. А. Зубков, Е. Ю. Никитин, О. И. Щипун, А. А. Снопкова, Д. А. Войтко, Е. А. Еремеева, Г. А. Елошкин // Тихоокеанская археология: Тихоокеанские исследования в российской и зарубежной археологии: история, современность, перспективы развития. Владивосток: Дальневост. фед. ун-т, 2024. С. 120–124.

Н. В. Манько
Донецкий государственный университет,
Донецк, Россия

КРАМАТОРСКИЙ ГОРНО-КРЕМНЕОБРАБАТЫВАЮЩИЙ ЦЕНТР НЕО-ЭНЕОЛИТИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ ДОНБАССЕ

Аннотация. В работе представлена общая характеристика Краматорского горно-кремнеобрабатывающего комплекса нео-энеолитического времени – крупного центра древнего горного дела на территории Северо-Западного Донбасса. Рассматривается сырьевая база комплекса, а также пространственное распределение и производственная специфика кремнеобрабатывающих мастерских, ориентированных на изготовление различных типов орудий труда.

Ключевые слова: Донбасс, неолит, энеолит, кремнеобрабатывающая мастерская, горно-кремнеобрабатывающий центр

Исследование выполнено в рамках проекта № 124012400356-4 «Актуальные проблемы древней и средневековой истории и археологии Донбасса».

В эпоху позднего каменного века Донбасс формируется как один из крупнейших восточноевропейских центров по добыче и переработке минеральных ресурсов [Kolesnik, 1997]. Этому способствовало наличие большого числа месторождений кремня верхнемелового генезиса в виде кремнесодержащих меловых напластований и скальных обнажений на склонах речных террас и балок. В местах с наибольшей концентрацией кремневого сырья туронского и коньякского ярусов верхнего мела возникали крупные обособленные скопления памятников. Районы кремнедобычи сопровождаются многочисленными производственными площадками – специализированными кремнеобрабатывающими мастерскими, в культурном слое которых содержатся тысячи артефактов в виде различных продуктов расщепления кремня, заготовок и законченных нуклеусов и орудий труда. Наибольшее количество подобных комплексов сегодня зафиксировано в пределах Северо-Западного и Южного Донбасса, что позволяет сделать вывод о существовании в регионе отдельного Донецкого центра кремнедобычи и кремнеобработки [Колесник, 2019].

Данный центр имел сложную структуру, в которую входили как весьма крупные (основные), так и относительно мелкие (периферийные) центры горного дела и первичной кремнеобработки [Манько, 2024]. В настоящее время каждый из этих горно-кремнеобрабатывающих и кремнеобрабатывающих комплексов Донбасса последовательно характеризуется на основании статистических данных. Монографически опубликован Красненский горно-кремнеобрабатывающий центр [Колесник, Дегерменджи, Манько, 2023], предварительно также был заявлен Белогорский кремнеобрабатывающий центр [Колесник, Дегерменджи, Манько, 2024]. Горно-кремнеобрабатывающие и кремнеобрабатывающие комплексы отличаются наличием памятников древнего горного дела.

Одним из крупнейших в Северо-Западном Донбассе является Краматорский горно-кремнеобрабатывающий комплекс, памятники которого локализованы на значительном пространстве между городами Краматорск и Славянск на стыке границ городского округа Краматорска и Славянского муниципального округа ДНР. Сырьевой базой комплекса является кремень из верхнемеловых отложений туронского (K2t – до 93,6±0,8 млн лет) и коньякского (K2k – до 89,3±1 млн лет) ярусов Широковской свиты (K2šr), массово встречающийся в коренном и переотложенном состоянии. Туронский кремень обладает хорошими пластинчатыми свойствами и дает малое количество отходов

© Манько Н. В., 2025

при расщеплении, имеет перекристаллизованную кварцево-опаловую структуру, полупрозрачный в сколе, по цвету варьируется различными оттенками – от серого до черного с белой известковой коркой; в свою очередь, коньякский кремень со схожей структурой имеет буровато-коричневую окраску и сравнительно более низкое качество. Местное кремневое сырье залегает в меловых отложениях в виде конкреций размерами до 30–50 см округлой/овальной, вытянутой либо неправильной формы, имеет малое количество органических включений [Бушинский, 1954, с. 78] и относится к отдельной «краматорской» сырьевой группе [Манько, 2019].

Композиционно Краматорский горно-кремнеобрабатывающий комплекс состоит из нескольких крупных скоплений производственных памятников, рассеянных на меловых кремнесодержащих обнажениях в месте слияния Казенного и Сухого Торцов. На этом участке местности на дневную поверхность выходит меловой скальный массив с крутыми склонами по долинам рек, высотой до 30 м. Наиболее возвышенным является участок в мысовидной части массива, центром которых является меловая гора Карачун (абсолютная высота 167,6 м). Восточный фас массива, обращенный к Казенному Торцу, имеет протяженность до 3 км в пределах северной части г. Краматорска, южный фас массива обращен к Сухому Торцу в южной части г. Славянска (п. Андреевка), протяженность этой полосы обнажений около 2 км, породы частично вскрыты карьером по добыче мела. Центром данного комплекса выступает меловая гора Карачун, вокруг которой на многие километры протягиваются кремнесодержащие меловые напластования, принадлежащие различным крыльям юго-восточной оконечности Краматорско-Часовярской синклинали.

Первые кремнеобрабатывающие мастерские в данном районе были открыты старшим преподавателем Донецкого государственного университета Д. С. Цвейбель у г. Краматорска (мастерские балка 1 и балка 2) в середине 1960-х гг. [Цвейбель, 1968]. Они были ориентированы как на первичный процесс обработки камня (изготовление нуклеусов различных типов), так и на изготовление отдельных категорий орудий, в частности бифасов. Д. С. Цвейбель предполагала, что добыча кремня велась на крутом меловом обнажении со стороны реки.

На северо-западном склоне горы Карачун, с нижней части склона, локализуется небольшой карьер по добыче кремня, врезанный в скальный массив (окраина п. Андреевка). Карьер относится к типу «разносов» – с одной скальной стенкой и опоясывающим отвалом рыхлой породы по склону. Вокруг карьера на скальном меловом склоне встречаются многочисленные расщепленные кремни неолитического облика (заготовки нуклеусов и орудий, технологические сколы, чешуйки), слабо окатанные, с односторонней патиной. Подобные изделия найдены на соседней задернованной площадке склона.

Еще одна мастерская неолитического времени отмечена Д. С. Цвейбель в 1966 г. в срезе современной почвы на склоне мелового карьера у п. Шидловка на участке противоположного берега р. Сухой Торец напротив горы Карачун. В 1992 г. на поверхности местной террасы А. В. Колесником и С. М. Дегерменджи были обнаружены разрозненные расщепленные кремни неолитического облика. Ниже по течению р. Сухой Торец у п. Черкасское в 1999 г. ими также было выявлено крупное скопление мастерских, часть из которых обладала неолитическим слоем. Наибольший интерес представляет пункт 1 (комплекс С-1), представляющий собой кратковременную кварцитовую мастерскую со следами очага.

В целом по своей структуре Краматорский горно-кремнеобрабатывающий комплекс состоит из небольшого карьера по добыче кремня на склоне горы Карачун, мастерских на ее склоне, на поверхности мелового массива в г. Краматорске, а также мастерских у п. Черкасское и Шидловка. Размеры данного центра составляют приблизительно 8–9 км от наиболее удаленных участков. Подавляющее количество материалов относится

к различным культурам нео-энеолитического времени. Отметим, что на сегодняшний день большая часть материалов данного комплекса, за исключением находок из Краматорской мастерской (балка 1) [Колесник, Коваль, Дегерменджи, 1993] и неолитическая мастерских у с. Черкасское [Колесник, Весельский, 2005], практически не опубликована. Предварительная информация о большинстве мастерских фигурирует лишь в отдельных сводных работах [Колесник, Манько, Дегерменджи, 2022].

Список источников

Бушинский Г. И. Литология меловых отложений Днепровско-Донецкой впадины. М.: Изд-во АН СССР, 1954. 308 с.

Колесник А. В., Коваль Ю. Г., Дегерменджи С. М. Краматорская неолитическая мастерская // Археологический альманах. Донецк: Изд-во «Лебедь», 1993. № 2. С. 13–22.

Колесник А. В., Весельский А. П. Черкасское – комплексный памятник археологии в бассейне Северского Донца // Археологический альманах. Донецк: Донецк. обл. краевед. муз., 2005. № 17. 166 с.

Колесник А. В. Первые горняки Донбасса // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2019. Т. 64. Вып. 2. С. 599–620.

Колесник А. В., Манько Н. В., Дегерменджи С. М. Неолитические кремнеобрабатывающие мастерские Донбасса // Археология Волго-Донского междуречья: культурогенез от камня до раннего средневековья. Ростов-на-Дону; Таганрог: Юж. фед. ун-т, 2022. С. 16–27.

Колесник А. В., Дегерменджи С. М., Манько Н. В. Краснянский горно-кремнеобрабатывающий комплекс неолита-энеолита в Северо-Западном Донбассе. Донецк, М.: Изд-во «Перо», 2023. 197 с.

Колесник А. В., Дегерменджи С. М., Манько Н. В. Белогорский кремнеобрабатывающий комплекс каменного века в Северо-Западном Донбассе (предварительная информация) // Каменный век Волго-Камья и сопредельных территорий. Самара: Самар. гос. соц.-пед. ун-т, ИИМК РАН, 2024. С. 79–84.

Манько Н. В. Кремневое сырье в каменном веке и энеолите Донбасса // Геоархеология и археологическая минералогия-2019. Научное издание. Миасс; Екатеринбург: ООО «ФортДиалог-Исеть», 2019. С. 63–67.

Манько Н. В. Структура Донецкого центра кремнедобычи и кремнеобработки в нео-энеолитическую эпоху // Донецкие чтения 2024: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности. Донецк: Донец. гос. ун-т, 2024. Т. 7. С. 309–312.

Цвейбель Д. С. Древние кремнеобрабатывающие мастерские на окраине г. Краматорска // Материалы научной конференции кафедр исторических наук Донецкого университета. Харьков, Донецк, 1968. С. 177–186.

Kolesnik A. Donbass (South-East Ukraine) – an important East European center of flint-working // Man and flint. Proceeding of the VIIth International Flint Symposium. Warszawa – Ostrowiec Swietokrzyski. Warszawa, 1997. Pp. 209–216.

Г. И. Марковский[1], С. В. Шнайдер[2], Д. А. Гурулёв[3],
С. Алишер кызы[4], А. Абдыканова[5], Т. Чаргынов[6], Н. В. Глушко[7]
[1,2,3,7] Институт археологии и этнографии СО РАН,
Новосибирск, Россия
[4] Ошский государственный университет,
Ош, Кыргызстан
[3] АНО «Археологическое исследование Сибири»,
Красноярск, Россия
[5] Американский университет Центральной Азии,
Бишкек, Кыргызстан
[6] Кыргызский национальный университет имени Ж. Баласагына,
Бишкек, Кыргызстан

ИЗУЧЕНИЕ ПЕРВИЧНОГО РАСЩЕПЛЕНИЯ В НЕОЛИТЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ ПРИ ПОМОЩИ МЕТОДОВ ТРЁХМЕРНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ И МАТЕМАТИЧЕСКОЙ СТАТИСТИКИ

Аннотация. Сообщение посвящено определению способов первичного расщепления с помощью методов 3D-моделирования и элементов описательной статистики. Основой послужили коллекции с памятников юга Ферганской долины (Обишир-5, Ходжа-Гор), а также результаты экспериментов по реконструкции отжимного расщепления.

Ключевые слова: отжим, ударная техника, Центральная Азия, 3D, моделирование, статистика

Исследование проведено при поддержке проекта РНФ № 24-78-10127 «Неолитизация в горной части Центральной Азии (от Копетдага до высокогорий Памира)».

Начиная с 2015 г. в горной части Центральной Азии на памятниках каменного века активно ведет работы комплексная международная археологическая экспедиция, благодаря деятельности которой памятник Обишир-5 (южный Кыргызстан) на данный момент является опорным объектом для изучения ранне- и среднеголоценовых археологических культур региона [Результаты экспедиционных…, 2019; Evidence for early…, 2021]. В каменных индустриях стоянки прослеживается направленность на получение небольших пластинчатых снятий (менее 12 мм шириной) в качестве целевых заготовок. Пластинки скалывались с объемных призматических, торцовых и конусовидных ядрищ с применением отжима или ударной техники расщепления. Для нуклевидных форм, репрезентативных технических сколов и орудий созданы точные трехмерные копии, работа с которыми позволяет исследователям выполнять широкий спектр измерений в любой момент времени. Для определения техник скола учитывались следующие критерии: угол между ударной площадкой и фронтом расщепления, способы подправки дуги скалывания, регулярность и ориентация негативов на фронте расщепления, форма и ориентация их продольных краев. Среднее значение угла между ударной площадкой и фронтом скалывания, а также объём предметов определялись с использованием масштабируемых 3D-моделей высокого разрешения, поскольку применение классического инструментария сильно снижало точность вычислений [Изучение техник скола…, 2024]. Для получения значений требуемого угла уже известные способы расчетов [Valletta, Dag, Grosman, 2021] пришлось адаптировать под конкретный археологический материал, сохранив универсальность методики, с возможностью включения в источниковую базу коллекций других стоянок [Изучение техник скола…, 2024]. Из общего числа нуклеусов, предназначенных для получения пластинчатых сколов (63 экз.), достаточную сохранность имел 41 экз. В результате все ядрища из выборки получили атрибуцию в рамках одной из техник скола (рис. 1).

© Марковский Г. И., Шнайдер С. В., Гурулёв Д. А., Алишер С., Абдыканова А., Чаргынов Т., Глушко Н. В., 2025

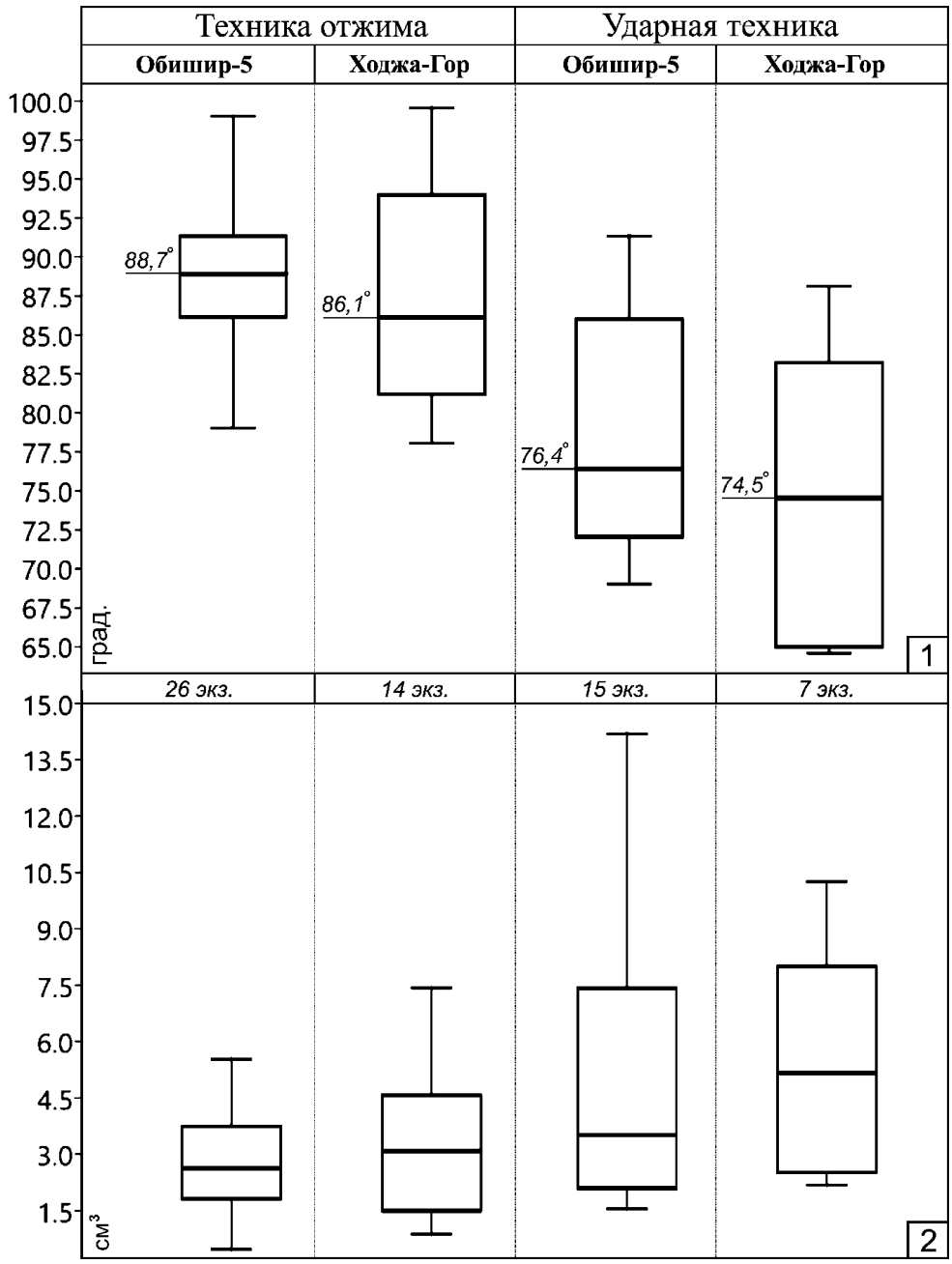

Рис. 1. Блочные диаграммы распределения показателей (boxplot): *1* – угла скалывания; *2* – объема нуклеусов

Далее были привлечены материалы разведочных работ на стоянке Ходжа-Гор, южный Кыргызстан [Результаты исследований…, 2018]. Полученная коллекция также имеет выраженную мелкопластинчатую направленность и сопоставима с индустрией стоянки Обишир-5. В категории нуклеусов многочисленны целые морфологически близкие экземпляры (21 экз.), что дало возможность для применения той же схемы анализа (рис. 1).

Полученные медианные значения углов скалывания в выборках подтверждают общепринятые представления об упомянутых техниках расщепления (при отжиме угол близок к 90°, для ударной техники острее 80°) [Pelegrin, Tixier, 2004]. Однако крайние значения углов скалывания сильно отличаются от медианных (рис. 1, *1*), что говорит о необходимости применения полученных значений в комплексе с другими критериями для достоверного определения техник скола. Распределения показателей объема ярко демонстрируют стандартизацию в группе «отжимных» нуклеусов (рис. 1, *2*), вероятно, связанную с приемами фиксации, определившими итоговый размер ядрищ. «Ударная» группа, напротив, характеризуется бóльшим межквартильным размахом и бóльшей ва-

риабельностью значений объема во всех выборках, что четко согласуется с меньшей стабильностью получения заготовок в рамках ударной техники. Однако при достаточном навыке получалось утилизовать ядрища до размеров, сопоставимых с «отжимными», что иллюстрируется близкими медианными значениями объемов в коллекции стоянки Обишир-5 (рис. 1, *2*).

Проведенные эксперименты по реконструкции отжимного расщепления на базе локального сырья подтвердили результаты сделанных наблюдений, с той лишь поправкой, что на ранних стадиях утилизации ядрищ среднее значение угла скалывания может быть меньше и приобретает максимальные значения уже на финальном этапе расщепления.

Список источников

Изучение техник скола с применением методов трехмерного моделирования (по материалам стоянки Обишир-5, Кыргызстан) / Г. И. Марковский, С. Алишер кызы., Н. В. Глушко, А. Абдыканова, С. В. Шнайдер // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2024. Т. XXX. С. 159–164.

Результаты исследований стоянки Ходжа-Гор в полевом сезоне 2018 г. / С. В. Шнайдер, Т. Т. Чаргынов, С. Алишер кызы, Р. Н. Курбанов, М. Крайцарж, А. И. Кривошапкин // Теория и практика археологических исследований. 2018. Т. 24. № 4. С. 128–138.

Результаты экспедиционных исследований памятника Обишир-5 в 2018–2019 годах / С. В. Шнайдер, С. Алишер кызы, Д. В. Селин, В. Рендю, А. Абдыканова, Г. Бранкалеоне, М. Крайцарж, А. И. Кривошапкин // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2019. Т. XXV. С. 286–292.

Evidence for early dispersal of domestic sheep into Central Asia / W. T. T. Taylor, M. Pruvost, C. Posth, W. Rendu, M. T. Krajcarz, A. Abdykanova, G. Brancaleoni, R. Spengler, T. Hermes, S. Schiavinato, G. Hodgins, R. Stahl, J. Min, S. Alisher kyzy, S. Fedorowicz, L. Orlando, K. Douka, A. Krivoshapkin, C. Jeong, C. Warinner, S. Shnaider // Nature Human Behaviour. 2021. Vol. 5. P. 1169–1179.

Pelegrin J., Tixier J-P. Les techniques de taille de la pierre prehistorique // Dossiers 'Archeologie, № 290. Paris: Fevrier, 2004. P. 29.

Valletta F., Dag I., Grosman L. Identifying Local Learning Communities During the Terminal Palaeolithic in the Southern Levant: Multi-scale 3-D Analysis of Flint Cores // Journal of Computer Applications in Archaeology. 2021. Vol. 4(1). P. 145–168.

А. Г. Марочкин
ФИЦ угля и углехимии СО РАН,
Кемерово, Россия

О ФОРМЕ И СТРУКТУРЕ НЕОЛИТИЧЕСКИХ СОЦИУМОВ КУЗНЕЦКОЙ КОТЛОВИНЫ

Аннотация. Источники свидетельствуют о заселении Кузнецкой котловины в неолите мобильными группами охотников и собирателей. Вероятная форма социума – небольшие родственные коллективы, резидентные на определенной территории, но имеющие социокультурные связи. Степень социальной стратификации низкая, основана на взаимосвязи половозрастной принадлежности и производственно-хозяйственных функций членов коллектива.

Ключевые слова: охотники и собиратели, неолит, Кузнецкая котловина, Западная Сибирь

Исследование выполнено в рамках исполнения государственного задания ФИЦ УУХ СО РАН № FWEZ-2024-0021 «Социокультурогенез и трансграничное взаимодействие древних и средневековых обществ в контактных зонах Западной и Средней Сибири».

Источники по неолиту Кузнецкой котловины представлены могильниками и стоянками, приуроченными к бассейнам обских притоков второго порядка – р. Иня и Томь. География известных стоянок и могильников показывает их территори-

© Марочкин А. Г., 2025

альное единство в среднем и нижнем течении р. Ини; в бассейне р. Томи Кузнецкий могильник территориально отдален на 200–300 км к югу от известных поселений.

Могильники (Лебеди 2, Лебеди 3, Васьковский, Трекино, Кузнецкий, Сапогово) образованы немногочисленными (не более 5–6) ингумациями в грунтовых ямах, с размещением тела вытянуто на спине. Погребальный инвентарь преимущественно сформирован костяными и каменными предметами прижизненного орудийного набора. Декор костюма индивидуален в каждом случае и фиксируется по планиграфии костяных нашивок (обзор см.: [Марочкин, 2014]).

Поселенческие памятники представлены небольшими стоянками (Иня 3, Иня 11, Конево 4, Дегтяревская, Новороманово 2, Долгая-1, Писаная 4, Сухово 1, Длинное озеро и Бычье горло) без обустройства стационарных жилищ. В структуре ряда стоянок, помимо следов хозяйственно-бытовых действий, фиксируются рабочие площадки по изготовлению и ремонту предметов из камня (мастерские неполного цикла).

Хронологический диапазон периода VI – пер. пол. IV тыс. до н. э. Поселенческие материалы можно интерпретировать в аспекте периодизации по критериям типологической динамики каменной индустрии (постепенное возрастание роли отщепов) и морфологии керамической посуды. Погребальные комплексы все относятся к поздненеолитическому периоду.

Культурная принадлежность дискутируется (верхнеобская культура/кузнецко-алтайская культура), но типологически зафиксирована культурная близость, прежде всего, с прилегающими районами Верхнего Приобья. Есть основания предполагать, что этнокультурное развитие неолитического населения котловины обособленно от Томского Приобья, Горной Шории (анализ см.: [Бобров, 2024]), по мере постепенного распада единого социокультурного пространства под воздействием инокультурных импульсов из Среднего Приобья и лесных районов Западной Сибири.

По имеющимся данным, ландшафты Кузнецкой котловины в рассматриваемое время (атлантик – начало суббореала) варьировались в пределах двух крайних состояний лесостепи, но без полного остепнения и без появления сплошных лесных массивов [Зах, 2003, с. 107]. Важным преимуществом в условиях межгорной котловины была доступность сырья для каменной индустрии. Достаточность гидрологических ресурсов достигалась в силу разветвленной речной сети. Средне- и слабопересеченный рельеф внутренних районов обеспечивал легкую проходимость почти на всей территории. Получение пищевых ресурсов шло за счет животного и растительного мира лесостепи, менее продуктивного по сравнению с лесной зоной Западной Сибири. Возможно, в промысловую деятельность вовлекались таежные территории окаймляющих котловину горных массивов. Значимым лимитирующим фактором, снижающим доступность пищевых ресурсов, являлось отсутствие озерных систем, с характерными для них изобилием рыбы и водоплавающей птицы. Промысловая ценность рыбных запасов в р. Томи и Ине в пределах котловины гораздо ниже, чем в сопредельных районах Томского и Новосибирского Приобья.

Следовательно, географическая специфика Кузнецкой котловины, как эксплуатируемой территории древних антропогеоценозов (значение термина по: [Алексеев, 1993, с. 21–29]), создавала условия для охотничьего уклада неолитических хозяйственных коллективов с преимущественной добычей (групповой и индивидуальной) крупных животных и боровой дичи (находки изделий из костей и зубов лося, марала, медведя, волка), со вспомогательным характером рыболовства (находки костяных острог и челноков для плетения сетей) и собирательства (археологических свидетельств нет).

Для реализации такой хозяйственной стратегии предпочтительны небольшие по численности коллективы, высокомобильные в пределах большой по площади промысловой территории. Это необходимое условие для рационального использо-

вания исчерпаемых ресурсов, для достижения баланса между выживанием группы и сохранением среды обитания. Малое число захоронений на отдельных могильниках и стояночный характер поселений подтверждают именно такой сценарий.

В качестве гипотезы – на неолитические коллективы рассматриваемого региона, можно проецировать некоторые общераспространенные и объективно обусловленные типологические черты, выявленные этнографией в большинстве современных нам сообществ мобильных охотников-собирателей [Артемова, 2004, с. 21–23]: небольшой и изменчивый состав резидентных групп, организованных по принципу родства (преимущественно кровного, иногда символического); следование нормам генерализированной реципрокации; стремление к контролю определенной территории; наличие социоцентрических структур, обеспечивающих все связи внутри группы и взаимодействие с другими группами. Вполне вероятно, что в единую социоцентрическую структуру (социокультурное пространство по терминологии В. С. Мосина) входило некое множество малых хозяйственных коллективов, осваивающих разные участки котловины, что не противоречит типологической близости археологических комплексов. По крайне мере, это бы объясняло механизм достижения минимально достаточного эффективного размера популяции, необходимого для длительного физического воспроизводства.

Очень важен вывод этнографов о том, что «низкий технологический уровень экономических систем неспециализированного присваивающего хозяйства не исключал условий для развития специфических форм социального неравенства» [Артемова, 2004, с. 22]. Это вывод определяет безосновательность выделения «первобытного эгалитаризма» в качестве социологической универсалии [Там же]. Исследования сообществ охотников-собирателей неолита и раннего бронзового века Предбайкалья показали более высокую степень социальной дифференциации в раннем неолите, нежели в последующие периоды, причем прослеживается некоторая зависимость между ростом этого показателя и снижением хозяйственно-поселенческой мобильности коллектива [Вебер, 2023].

Применительно к неолитическим социумам Кузнецкой котловины археологические признаки выраженной социальной стратификации не прослеживаются. Количество инвентаря в могилах незначительно варьируется, но безынвентарные захоронения отсутствуют. Возможно, имела место определенная иерархия по возрастному принципу – это одно из объяснений полного отсутствия собственно детских погребений в структуре могильников и некоторого «аскетизма» сопроводительного набора в захоронениях подростков. Разделение по половому признаку, влиявшее на функционально-трудовую специализацию членов коллектива, отразилось в условной дифференциации наборов сопроводительного инвентаря на «мужские» (крупные клинки-бифасы, топоры-тесла, шлифованные ножи с вогнутым лезвием для деревообработки, костяные остроги) и «женские» (небольшие ножи, игольники и иглы, костяные челноки для плетения сетей).

Область, где монополия на социально значимое знание или род занятий могла привести к социальной обособленности индивида или «замкнутых корпораций» (по терминологии О. Ю. Артемовой) – это «профессиональное» отправление ритуальных действий. Но пока в котловине не обнаружены неолитические захоронения, отвечающие критерию «шаманских могил» – экстраординарности (см. исследования А. Ф. Шорина и Ю. Б. Серикова на Урале), столь четко зафиксированному в отдельных поздненеолитических комплексах Горного Алтая [Кирюшин, Кунгуров, Степанова, 1995] и Северного Приангарья [Марченко, Гришин, Гаркуша, 2024]. В качестве гипотезы предположим, что если такие индивиды/корпорации существовали, то они могли иметь самую высокую степень обособленности от «родной» малой группы, и в то же время обеспечивать определенные формы социальных связей внутри отдельных коллективов и между ними.

Список источников

Алексеев В. П. Очерки экологии человека. М.: Наука, 1993. 189 с.

Артемова О. Ю. Охотники и собиратели: кросс-культурное исследование социальных систем (по австралийским, африканским и южноазиатским материалам): дис. … д-ра ист. наук. М., 2004. 456 с.

Бобров В. В. Стратифицированные неолитические памятники Кузнецко-Салаирской горной области // Каменный век Волго-Камья и сопредельных территорий. Самара: Изд-во ИИМК РАН, СГСПУ, 2024. С. 35–40.

Вебер А. В. Неолит и ранний бронзовый век Предбайкалья: основные факторы и процессы в развитии культур охотников-собирателей // Известия ИГУ. Серия Геоархеология. Этнология. Антропология. 2023. Т. 43. С. 128–187.

Зах В. А. Эпоха неолита и раннего металла лесостепного Присалаирья и Приобья. Тюмень: Ин-т пробл. освоен. Севера, 2003. 165 с.

Кирюшин Ю. Ф., Кунгуров А. Л., Степанова Н. Ф. Археология Нижнетыткескенской пещеры 1. Барнаул: Алт. гос. ун-т, 1995. 150 с.

Марочкин А. Г. Погребальная практика населения Верхнего Приобья в периоды неолита и энеолита (история изучения, структурный анализ и типология, проблемы культурно-хронологической интерпретации): дис. … канд. ист. наук. Кемерово, 2014. 205 с.

Марченко Ж. В., Гришин А. Е., Гаркуша Ю. Н. Древнейшие шаманские атрибуты из Северного Приангарья // Stratum Plus. Археология и культурная антропология. 2024. № 2. С. 175–191.

Д. А. Мархаева
Иркутский государственный университет,
Иркутск, Россия
Иркутский областной краеведческий музей имени Н. Н. Муравьева-Амурского,
Иркутск, Россия

КЕРАМИКА ПОСОЛЬСКОГО ТИПА ЮГО-ЗАПАДНОГО ПОБЕРЕЖЬЯ ОЗЕРА БАЙКАЛ (ПО МАТЕРИАЛАМ Б. Э. ПЕТРИ ИЗ ФОНДОВ ИОКМ)

Аннотация. В работе представлен морфологический анализ керамики посольского типа, найденной на юго-западе оз. Байкал из сборов Б. Э. Петри, хранящейся в фондах ИОКМ. Отмечены сосуды с классическими схемами орнамента, а также с упрощенной формой. Используются зубчатые, треугольные, округлые и прямоугольные штампы. Подобные сосуды сопоставимы с другими керамическими комплексами Байкало-Енисейской Сибири.

Ключевые слова: неолит, Байкал, керамика посольского типа

Исследование проведено при финансовой поддержке гранта Иркутского государственного университета для молодых ученых № 091-24-322.

На сегодняшний день район юго-запада Байкала остается малоизученным. Пристальный интерес исследователей вызывают стоянки по Приольхонью и Восточному побережью. Проблемы изучения юго-западного побережья кроются в непростой геоморфологической обстановке территории, сохранности объектов и антропологической нагрузке. История исследования этой области начинается с создания в 1916 г. при Академии наук Байкальской комиссии для всестороннего изучения оз. Байкал, в т. ч. и археолого-этнографического, которым заведовал Б. Э. Петри (однако первые находки были отмечены ещё в 1905 г. А. М. Станиловским) [Петри, 1921, с. 1; Коршунов, 2009, с. 70]. Им открыт ряд памятников, где был собран подъемный материала и заложены шурфы. Среди этих объектов числятся стоянка Песчаная, «У дерева» (ныне Академическая), бухта «Колокольная», бухта «Бабушка» и др. В 1919 г., при поддержке Среднесибирского отделения института исследования Сибири, Петри проводит «правильные» стационарные археологические раскопки, материалы

© Мархаева Д. А., 2025

которых хранятся в фондах Иркутского областного краеведческого музея им Н. Н. Муравьёва-Амурского (ИОКМ) под коллекциями № 361, 362, 363, 364, 365 (суммарно 2044 ед.) [Петри, 1921, с. 1]. Последующие работы в 1926 г., Б. Э. Петри на юго-западном побережье не были столь масштабными, а материал с проводимых раскопок в бухте Большие Коты были потеряны. Завершением байкальской истории в судьбе Петри послужили исследования стоянки Рогатка в 1934 и 1936 гг. [Коршунов, 2009, с. 70]. Материалы 1936 г. (1711 ед.) также хранятся в фондах ИОКМ под номером 202.

Самым массовым материалом среди всех стоянок является керамика. Из шести коллекций всего насчитывается 2 946 ед., среди них фрагменты от разных периодов неолита, бронзового и железного веков. Керамика, будучи самым распространенным материалом с начала эпохи голоцена, является наиболее информативным элементом, поскольку она открывает для исследователя сведения о культурных и хозяйственных особенностях населения. Среди керамики выделяются фрагменты, так называемой посольской керамики. В период среднего неолита Байкало-Енисейской Сибири она является одной из самых ярчайших гончарных традиций. Исследователями ведется активная работа по изучению этой традиции: выделяются характерные и особые, территориальные признаки. Проанализированы материалы Северного и Южного Приангарья, Верхней Лены, Приольхонья и Восточного побережья оз. Байкал. Юго-западное побережье имеет опорный многослойный памятник Падь Долгая II, где также встречается посольская керамика. Исследователями активно ведется анализ этих материалов, в то время как другие памятники остаются без внимания. Таким образом, целью исследования является введение в научный оборот керамики посольского типа юго-западного побережья озера Байкал, собранные Б. Э. Петри и хранящиеся в фондах ИОКМ, а также проведение морфологического анализа с выявлением особых и специфических признаков. Основное внимание уделяется анализу морфологии и орнаментации сосудов, поскольку по объективным причинам доступность материалов к полномерному исследованию ограничен. В основу исследования положены коллекции № 202, 362, 363, 364, 365.

Керамике посольского типа присущи такие признаки, как утолщение венчика под треугольным налепом (реже встречается с прямоугольным), расположением орнамента в верхней части сосуда, а также устойчивая композиция и техника нанесения орнамента.

Всего среди всех коллекций насчитывается минимум 21 сосуд посольского типа. На стоянке Рогатка зафиксировано 8 сосудов, из них 7 с внешним утолщением венчика и один – без характерного налепа. На стоянке бухта «Колокольная» – 3 сосуда с внешним и один с внутренним утолщением венчика. На остальных объектах на венчиках сосудов отмечен налеп с внешней поверхности (Песчаная – 4 экз., бухта «Колокольная – 4 экз., бухта «Бабушка» – 4 экз., бухта «Сенная» – 1 экз.). Сосуды сложной закрытой формы. Утолщение треугольное, реже – прямоугольное. Внешняя поверхность сосудов гладкая, либо с оттисками тонкого шнура.

Вся керамика орнаментирована с расположением элементов вдоль венчика, по утолщению, верхней части тулова и, реже, по срезу и внутренней поверхности венчика. На шести сосудах (№ 14, 15, 16, 17, 18, 19) фиксируется классическая схема орнаментации посольской керамики: по внешней поверхности венчика нанесены прочерченные или пунктирные насечки; над налепом проходит ряд отпечатков овального или треугольного штампа, поверх которого нанесены мелкие отверстия. По поверхностям налепа расположены ряды оттисков пунктирного или зубчатого штампа; по тулову – горизонтальные линии, выполненные штамповыми вдавлениями или отступанием, с овальным, треугольным, зубчатым или прямоугольным концом. При сохранении основных характеристик керамики посольского типа, у двух сосудов наблюдаются более простые орнаментальные схемы. Это проявляется в отсутствии пояска мелких отверстий. Подобные элементы встречаются также на стоянке Падь Долгая II [Некоторые результаты…, 2022, с. 108].

Преобладают сосуды с ещё более упрощённой орнаментацией: без характерного пояска отверстий, декорирование с использованием только одного инструмента в единой технике нанесения либо с украшением только по венчику и утолщению.

На основе морфологического анализа керамики посольского типа с юго-западного побережья Байкала следует отметить, что в комплексах выделяются сосуды с внешним утолщением венчика; в единичном случае – с внутренним и без утолщения. В орнаментации керамики использовались зубчатый, треугольный, прямоугольный и округлые штампы. Отмечены фрагменты керамики посольского типа с упрощёнными схемами орнамента: без характерных отверстий вдоль венчика и использование одного вида штампа по всему сосуду. На данный момент посольская керамика с упрощённым орнаментом фиксируется и на других стоянках оз. Байкал и Западного Забайкалья. Во многом описанная выше керамика совпадает с комплексом керамики посольского типа поселения Падь Долгая II и с другими опорными пунктами по побережью озера Байкал [Там же].

Список источников

Коршунов Е. О. Исследования Б. Э. Петри на Южном Байкале // Вузовская научная археология и этнология Северной Азии. Иркутская школа 1918–1937 гг.: материалы всероссийского семинара, посвященного 125-летию Бернгарда Эдуардовича Петри. Иркутск: Изд-во «Амтера», 2009. С. 69–78.

Некоторые результаты технико-морфологического анализа керамики среднего неолита юго-западного побережья Байкала (по материалам стоянки Падь Долгая II) / Н. А. Савельев, А. Г. Новиков, Н. Б. Соколова, Д. А. Мархаева, О. И. Горюнова // Известия ИГУ. Серия Геоархеология. Этнология. Антропология. 2022. Т. 41. С. 104–112.

Петри Б. Э. Неолитическая колония в бухте «Песчаная» на Байкале // Сборник трудов профессоров и преподавателей Иркутского университета. Иркутск, 1921. Отд. 1. Вып. 2. 14 с.

В. И. Молодин[1], В. В. Бобров[2]
[1] Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия
[2] ФИЦ угля и углехимии СО РАН, Кемерово, Россия
[2] Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕРИОДИЗАЦИИ И КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ НАСЕЛЕНИЯ ЭПОХИ НЕОЛИТА БАРАБИНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ ЗАПАДНОГО ПРИИРТЫШЬЯ

Аннотация. По результатам исследований неолита в лесостепи Западной Сибири дана региональная сравнительная характеристика современного состояния изученности этого периода. Среди регионов выделяется северо-западная Бараба, на территории которой выполнена разработка новой периодизации развития неолитических культур. Предлагается ее корреляция с идентичными схемами культурогенеза неолита Тоболо-Ишимья, Среднего Прииртышья и Зауралья.

Ключевые слова: неолит, периодизация, Барабинская лесостепь, Западная Сибирь

Исследование выполнено в рамках НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2025-0001 «Сибирь и сопредельные территории: изучение и реконструкции историко-культурного прошлого»; НИР ФИЦ УУХ СО РАН № FWEZ-2024-0021 «Социокультурогенез и трансграничное взаимодействие древних и средневековых обществ в контактных зонах Западной и Средней Сибири. 2024–2025 гг.».

Результаты исследований эпохи неолита в лесостепи Западной Сибири в течение последних 50 лет существенно изменили представление об этом историко-

© Молодин В. И., Бобров В. В., 2025

хронологическом периоде. Во-первых, можно констатировать известную пространственную равномерность исследования неолитических памятников при сохранении их видового различия. Во-вторых, по-прежнему остается хронологическая неравномерность в изучении неолита. В частности, к настоящему времени нет достоверных источников раннего неолита в Среднем Прииртышье и Верхнем Приобье. В-третьих, заметна активность научных исследований неолитической проблематики в Зауралье, включая северные районы.

Важнейшим результатом многолетних исследований явилось концептуально новое представление о культурогенезе эпохи неолита в некоторых регионах лесостепной ландшафтной зоны, сформировавшееся за последние два десятилетия. Именно это обстоятельство актуализирует проблему корреляции неолитических комплексов и археологических культур в аспекте критического анализа их соотношения со схемами предшествующего историографического этапа.

Одним из таких регионов является Барабинская лесостепь, в частности ее северо-западные районы. Именно исследования неолита на этой территории внесли существенные коррективы в утвердившиеся знания об этом периоде дописьменной истории.

Источниковую базу составили материалы шести поселений и стоянок, в том числе более 50 жилых сооружений, а также разных по назначению хозяйственных объектов и одного святилища (Автодром-1 и -2, Старый Московский тракт-5, Старый Тартас-6, Тартас-1, Усть-Тартас-1); семи могильников (Сопка-2, Протока, Корчуган, Автодром-1, Венгерово-2А, Усть-Тартас-2, Тартас-1). Преобладающая часть памятников сосредоточена на территории Венгеровского археологического микрорайона. В процессе исследования археологических комплексов хронологически были выделены ранние и поздние. Ранний комплекс, характеризующийся плоскодонной керамикой, впервые обнаруженной и хронологически атрибутированной В. В. Бобровым и А. Г. Марочкиным [2011, с. 14–19; 2012, с. 63–73], что впоследствии послужило основанием для обоснования барабинской ранненеолитической культуры [Молодин, Кобелева, Мыльникова, 2017; Молодин, 2022]. По данным радиоуглеродного датирования ее возникновение относится к кон. VIII – нач. VII тыс. до н. э. Археологическое содержание культуры раскрыто В. И. Молодиным [2024].

Поздний неолит характеризуют комплексы артынской культуры [Бобров, 2008; Юракова, 2017], ареал которой охватывает не только северо-запад Барабинской лесостепи, но и лесостепь Среднего Прииртышья, возможно более северную часть бассейна, а также южнотаежные районы Васюганья.

Современная периодизация развития неолита Барабы, основанная на фундаментальной, качественно новой источниковой базе, принципиально отличается от схемы культурогенеза 1970-х гг. [Молодин, 1975]. Она построена не только на масштабных разноплановых источниках, но и глубокой проработке с использованием мультидисциплинарного подхода – например, качественного анализа керамики [Myl'nikova, 2021] и масштабного абсолютного датирования погребальных, поселенческих и культовых комплексов (см. напр.: [Радиоуглеродное…, 2019; Ранненеолитическое…, 2023]).

Современное состояние изученности неолита Среднего Прииртышья практически не изменилось со времен 1970-х гг. Из трех хронологических этапов, выделенных В. Ф. Генингом с коллегами [Периодизация..., 1970] (кокуйский, екатерининский и третий без названия – не обеспеченный пока достаточными источниками) более детальные представления сформулированы А. И. Петровым [1986] только о екатерининском этапе/культуре. Он датировал эту культуру эпохой позднего неолита – ранней бронзы. За полвека последующих полевых исследований в среднеиртышском регионе не выявлено памятников кокуйского или иного типа, относящегося к раннему неолиту. Выделенный уральскими специалистами на этой территории артынский

тип керамики приобрел статус археологической культуры после исследования неолитических поселений в Барабе [Бобров, 2008], которая существовала в VI/V – нач. IV тыс. до н. э. Находки на памятниках раннего этапа екатерининской культуры скребков типа «круммейсель» в сопровождении с гребенчато-ямочной керамикой, характерных для позднего неолита Финоскандии (IV–III тыс. до н. э.), соответствуют хронологии переходного периода к палеометаллу. Артынская культура предшествовала екатерининской, основной период существования которой совпадает с началом новой эпохи. А. Н. Панфилов и В. А. Зах относят эту культуру к энеолиту [Панфилов, 1991]. Немногочисленные находки материалов екатерининской культуры в Барабинской лесостепи (Козловка-1 и -2, Преображенка-6) вероятно отражают контакт древнего населения.

Из зауральской лесостепи ближайшим к Барабе районом является Тоболо-Ишимское междуречье, представленное лесостепным и южнотаежным ландшафтами. Тенденция развития неолита на этой территории, как и более западных районов Зауралья, идентична процессам, происходившим в Барабинской лесостепи. Она находит отражение в периодизации развития культур эпохи неолита, предложенной В. А. Захом [2009] и сохраняющей актуальность до настоящего времени. Раннеолитические комплексы Приишимья (боборыкинская культура) и Барабы имеют сходство в наличии плоскодонной керамической посуды. Развитый неолит в нижнем Притоболье характеризуют комплексы полуденской культуры, а в Пришимье – кокуйской культуры. Две линии развития сохранялись на стадии позднего неолита. В Притоболье – это сосновоостровская культура, в Приишимье – поздние памятники кокуйской культуры и группа памятников с гребенчатой керамикой. Периодизационная модель, выявленная в нижнем Притоболье, близка тенденции развития неолитических культур в лесостепных и южнотаежных районах, прилегающих к западным склонам Уральского хребта [Ковалева, 1989; Ковалева, Зырянова, 2001].

В периодизации В. А. Заха дополнительной аргументации требует выделение кокуйской культуры, объединяющей керамику с протащенно-отступающенакольчатой техникой орнаментации (идентичной артынской) и с гребенчато-ямочной.

В целом корреляция моделей культурогенеза неолита лесостепи центральной части Западной Сибири с её западными регионами демонстрирует общую тенденцию развития и сходные историко-культурные процессы.

Список источников

Бобров В. В. К проблеме культурной принадлежности поздненеолитического комплекса поселения Автодром-2 // Окно в неведомый мир. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. С. 110–113.

Бобров В. В., Марочкин А. Г. Хроностратиграфия неолитических комплексов поселения Автодром-2 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2011. Т. XVII. С. 14–19.

Бобров В. В., Марочкин А. Г. Неолит Барабы // Материалы научной сессии Института экологии человека СО РАН. Кемерово: ИЭЧ СО РАН, 2012. С. 63–73.

Зах В. А. Хроностратиграфия неолита и ранней бронзы лесного Тоболо-Ишимья. Новосибирск: Наука, 2009. 320 с.

Ковалева В. Т. Неолит Среднего Зауралья. Свердловск: Урал. гос. ун-т, 1989. 80 с.

Ковалева В. Т., Зырянова С. Ю. Неолитические культуры Среднего Зауралья: генезис, соотношение, взаимодействие // Проблемы изучения неолита Западной Сибири. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2001. С. 46–56.

Молодин В. И. Эпоха неолита и бронзы лесостепной полосы Обь-Иртышского междуречья: автореф. дис. … канд. ист. наук. Новосибирск, 1975. 25 с.

Молодин В. И. Барабинская ранненеолитическая культура // История Сибири. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2022. Т. 1. С. 247–258.

Молодин В. И. Ранний неолит Барабинской лесостепи: проблемы и особенности культуры // Археология Евразийских степей. 2024. № 4. С. 60–68.

Молодин В. И., Кобелева Л. С., Мыльникова Л. Н. Ранненеолитическая стоянка Усть-Тартас-1 и её культурно-хронологическая интерпретация // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2017. Т. XXIII. С. 172–177.

Панфилов А. Н. К вопросу о периодизации неолита лесостепного Прииртышья // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул: Алт. гос. ун-т, 1991. С. 33–36.

Периодизация поселений неолита и бронзового века Среднего Прииртышья / В. Ф. Генинг, Т. М. Гусенцова, О. М. Кондратьев, В. И. Стефанов, В. С. Трофименко // Пробелы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск: Томск. гос. ун-т, 1970. С. 12–51.

Петров А. И. Эпоха позднего неолита и ранней бронзы в Среднем Прииртышье: автореф. дис. … канд. ист. наук. Кемерово, 1986. 18 с.

Радиоуглеродное датирование комплекса эпохи раннего неолита памятника Тартас-1 (Среднее Приомье) с использование установки «Ускоритель масс-спектрометр ИЯФ СО РАН» / В. И. Молодин, Д. А. Ненахов, Л. Н. Мыльникова, С. Райнхольд, Е. В. Пархомчук, П. Н. Калинкин, В. В. Пархомчук, С. Д. Растигеев // Археология, этнография и антропология Евразии. 2019. Т. 47. № 1. С. 15–22.

Ранненеолитическое святилище урочища Таи / В. И. Молодин, Л. Н. Мыльникова, М. С. Нестерова, Л. С. Кобелева, Д. В. Селин, Л. В. Зоткина, Е. В. Пархомчук, У. Рендю. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2023. 187 с.

Юракова А. Ю. Неолит Барабинской лесостепи и южно-таежного Прииртышья: автореф. дис. … канд. ист. наук. Кемерово, 2017. 30 с.

Myl'nikova L. N. Technologie der neolithischen Keramikherstellung in Baraba (Westsibirien) // Eurasia Antiqua. Bonn, 2017 (2021). Band 23. P. 89–106.

М. В. Панюхин[1], А. А. Чикичева[2], М. Н. Непогодина[3], Д. Б. Мартюшова[4]
[1,2,3,4] АНО Центр историко-культурных исследований «Археология Приангарья», Братск, Россия
[1,3,4] Братский государственный университет, Братск, Россия
[2] Иркутский областной краеведческий музей имени Н. Н. Муравьева-Амурского, Иркутск, Россия

НЕОЛИТИЧЕСКИЕ СТОЯНКИ НА РЕКЕ ИЯ, СРЕДНЕЕ ПРИАНГАРЬЕ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ РАЗВЕДОК 2023–2024 ГОДОВ)

Аннотация. В статье представлены результаты археологических разведочных работ, проведенных в 2023–2024 гг. на р. Ия в Тулунском районе Иркутской области. В ходе работ были обследованы 46 объектов в долинах р. Ия и ее притоков: Кирей, Икей, Шараманут, Курзанка, выявлено 7 новых археологических стоянок. Особое внимание уделено особенностям распространения неолитических комплексов.

Ключевые слова: р. Ия, стоянки, неолит, пойма

Долина р. Ия (левый приток р. Ангара в среднем течении) является важным археологическим регионом на контакте Северо-Восточного Присаянья и Среднего Приангарья, где сосредоточено значительное количество памятников различных эпох. За почти 100-летнюю историю исследований в верхнем и среднем течении р. Ия и на ее притоках в Тулунском районе Иркутской области было открыто 93 объекта археологического наследия от верхнего палеолита до Средневековья.

В 2023–2024 гг. экспедицией Центра историко-культурных исследований «Археология Приангарья» (г. Братск) совместно с НПО «Экспертиза» (г. Иркутск), под руководством Пержакова С. Н., Новосельцевой В. М. и Панюхина М. В. проводились археологические разведки для определения и уточнения границ и предметов охраны ранее известных объектов и выявления новых памятников на территории Тулунского района Иркутской области.

Всего было обследовано 46 ранее выявленных объектов, из которых на 19 подтверждены неолитические культурные слои:

© Панюхин М. В., Чикичева А. А., Непогодина М. Н., Мартюшова Д. Б., 2025

– в долине р. Ия: Лучина, Пороги 1–6, Малый Кокучей 2, Октябрьск 4, Угуй, Сухая речка 1–3, Усть-Кирей 1 и 2;

– в долине р. Икей: Икей, Икейский карьер;

– в долине р. Кирей: Шарахун, Усть-Углейка 1.

Все объекты расположены на высоких коренных берегах с относительными отметками от 10 до 20 м. Большинство стоянок многослойные, содержат культурные слои неолита, бронзового и железного веков. В целом подтверждены результаты исследований и датировки иркутского исследователя С. А. Дзюбаса в 1980–2010 гг. [Дзюбас, 2008, с. 10].

В ходе разведочных работ, направленных на выявление новых археологических объектов, обследовались приустьевые участки притоков в среднем течении р. Ия, уровни поймы и прирусловых валов высокой 5–6 м поймы и террасовидные площадки на высоких коренных берегах. Ранее пойменные уровни на р. Ия исследованиям не подвергались ввиду стереотипа об их современном генезисе и систематическом затоплении и разрушении в ходе сезонных и катастрофических паводков.

Долина реки на участке разведки извилистая, размещена между коренными берегами с чередованием скалистых берегов и террасированных бортов. Нижний уровень долины занят пойменными образованиями в подошве коренных берегов, приустьевых участков рек и в виде островов, которые делятся на низкие, сезонно затапливаемые высотой до 2 м, и высокие, до 6 м затапливаемые в периоды катастрофических паводков. Следы прошедшего в 2019 г. паводка в виде остатков домов, строительного и бытового мусора фиксировались на высоте от 6 до 8 м.

Были выявлены 7 новых археологических объектов, содержащих неолитический культурный слой.

Маршрут 1. Правый и левый берег р. Ия на участке от урочища Пороги до о. Эхтейский. Первую разведку на этом участке провел в 1962 г. иркутский исследователь В. В. Свинин, который выявил серию стоянок на высоких коренных (10–20 м) уровнях р. Ия [Свинин, 1965, с. 38].

Стоянка Усть-Курган 1 расположена на левом приустьевом мысу руч. Курган на 5-6-метровом уровне высокой поймы р. Ия.

Культурный слой 1 (железный век) зафиксирован в слое погребенной темно-серой гумусированной супеси на глубине 1 м. Находки представлены: венчиком с орнаментом в виде зубчатого штампа, налепного валика, прочерчиваниями, развалом керамического сосуда с орнаментом в виде налепного валика.

Культурный слой 2 (поздний неолит – ранняя бронза) зафиксирован в слое светло-коричневой супеси на глубине 1,6 м. Находки представлены фрагментами керамики с отпечатками рубчатой лопатки.

Стоянка Усть-Курган 2 расположена на правом приустьевом мысу руч. Курган, на 5-6-метровом уровне высокой поймы р. Ия. Культурный слой 1 (поздний неолит) найден в слое погребенной почвы на глубине 100 см: фрагменты костей животного, фрагменты керамики с отпечатками рубчатой лопатки, с зубчатым штампом.

Стоянка Усть-Курган 3 расположена на поверхности гребневидного мыса, образованного долиной р. Ия и руч. Курган на высоте 20–25 м. Культурный слой (неолит) зафиксирован в слое коричневой супеси на глубине 20 см, находка представлена одноплощадочным монофронтальным подпризматическим нуклеусом для снятия пластинок.

Стоянка Эхтейский мыс 1 расположена на левом приустьевом мысу левого безымянного притока р. Ия на высоте 20 м.

Культурный слой 1 (железный век, частично переотложен) зафиксирован в поддерновом слое светло-серой супеси на глубине 12 см: фрагменты керамики с отпечатками сетки-плетенки; фрагменты венчика с ямочными вдавлениями и гребенчатым штампом; с обмазочными валиками; с рубчатой лопаткой; без орнамента, продукты первичной обработки камня; фрагменты кости; отщеп с ретушью.

Культурные слой 2 (поздний неолит) зафиксирован в слое светло-коричневой супеси на глубине 30 см. Находки представлены керамикой с отпечатками сетки-плетенки (фрагменты сосуда распространялись от 1-го до 3-го культурного слоя),

с рубчатой лопаткой и без орнамента; продуктами первичной обработки камня, отщепом с ретушью.

Культурный слой 3 (средний неолит) зафиксирован в слое светло-коричневой супеси на глубине 50 см. В слое зафиксированы: фрагменты сетчатой керамики, нуклеус одноплощадочный монофронтальный подпризматический, 2 концевых скребка, отщепы, осколки.

Стоянка Эхтейская пойма 1 расположена на правом приустьевом мысу безымянного притока р. Ия на 5–6-метровом уровне высокой поймы.

Культурный слой 1 (ранний железный век) зафиксирован в слое погребенной почвы на глубине 120 см: ушко керамического сосуда (2 сквозных отверстия, пальцевые защипы), первичный отщеп.

Культурный слой 2 (неолит) зафиксирован в слое погребенной почвы на глубине 140 см: фрагменты керамики с отпечатками сетки-плетенки, рубчатой лопатки, отщеп из камня.

Маршрут 2. Левый берег р. Ия, от р. Сухая до урочища Бурхунский Луг. В конце 1990-х гг. в непосредственной близости экспедицией С. А. Дзюбаса на высоких коренных берегах р. Ия были открыты и исследованы стоянки Октябрьская 1-6, Сухая речка 1-3, а также Октябрьские петроглифы [Дзюбас, 2008, с. 68].

Стоянка Марьин вал 1 расположена на 3 русловых валах высотой 5–6 м, разделенных старицами р. Ия, ограничена руслом р. Ия и подошвой 50 м коренного берега.

Культурный слой 1 (железный век) зафиксирован в слое погребенной почвы на глубине 55–60 и 100 см (темно-серая гумусированная супесь):

Находки представлены развалами 3 керамических сосудов сложной закрытой формы с обмазочными валиками, пальцевыми вдавлениями.

Культурный слой 2 (поздний неолит – ранняя бронза) зафиксирован в слое погребенной почвы на глубине 90–105 см (темно-серая гумусированная супесь): фрагменты керамики с отпечатками рубчатой лопатки; отщеп с ретушью, 2 позвонками крупного животного.

Стоянка Марьина гора 1 зафиксирована на небольшой террасовидной поверхности с относительными высотами 30 м между вершиной и подошвой левого приустьевого мыса лога, пересекающего высокий 50-метровый коренной берег р. Ия. Культурный слой эпохи неолита найден в слое светло-коричневой супеси на глубине 40 см: отщепы, чешуйки, сколы, пластина, фрагмент пластины, обломки, фрагмент нуклеуса, а также два отщепа с ретушью, фрагмент керамики с сеткой-плетенкой.

По результатам исследований 2023–2024 гг. получены новые данные о топографическом, геоморфологическом и стратиграфическом распространении неолитических комплексов в долине р. Ия. Расположение неолитических стоянок приурочено как к высоким надпойменным террасам с отметками 10–20 м, так и к сезонно затапливаемым пойменным уровням с отметками 5–6 м. Глубина залегания на высоких коренных берегах варьируется от 15 до 50 см от дневной поверхности (супеси и суглинки субаэрального генезиса), на пойменных уровнях – от 0,9 м до 1,6 м от дневной поверхности и приурочена к пачке переслаивающихся супесей аллювиального происхождения.

Стоит отметить, что на пойменных уровнях в основном фиксируются фрагменты керамических сосудов (с отпечатками сетки-плетенки, рубчатой лопатки, зубчатого штампа), находки предметов каменного инвентаря единичны, в то время как на более высоких террасах основная масса находок – продукты первичной обработки камня, скопления продуктов дебитажа, орудия и их заготовки со значительно меньшей долей керамики. Зафиксировано, что на пойменных уровнях неолитический культурный слой не подвергался значительному переотложению в результате многочисленных периодических паводков. Аллювиальные наносы перекрывали культурный слой за короткий период времени, в т. ч. способствуя консервации костных и органических остатков.

В Приангарье аналогичное расположение неолитических комплексов на пойменных уровнях зафиксировано на ряде памятников в долинах рек саянского стока: Белая,

Ока, Уда, Бирюса и др., а также на р. Илим, имеющий схожий режим стока.

Таким образом, долина р. Ия и ее притоков является территорией с высокой концентрацией археологических памятников эпохи неолита. Несмотря на периодические паводки, пойменные террасы обладают высокой перспективностью в плане обнаружения инситных культурных слоев разных периодов неолита.

Список источников

Дзюбас С. А. Материалы к своду объектов культурного наследия Иркутской области. Тулунский район: указатель объектов археологического наследия Иркутской области. Иркутск: Оттиск, 2008. 108 с.

Свинин В. В. Археологическая разведка по р. Ие летом 1962 г. // Краткие сообщения и доклады о научно-исследовательской работе за 1962 год. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. из-во, 1965. С. 37–41.

Н. Ю. Петрова[1], А. А. Бабенко[2], Х. Текин[3], Х. Дараби[4], П. В. Гурьева[5], Е. Ю. Терещенко[6], Ю. Мияке[7], А. Т. Оксе[8], С. Алибаиги[9], И. Йлдыз[10], А. С. Суворина[11], Д. А. Светлаков[12]

[1,2] Институт археологии РАН,
Москва, Россия
[3] Университет Хаджиттепе,
Анкара, Турция
[4,9] Университет Рази,
Керманшах, Иран
[5,6] НИЦ «Курчатовский институт»,
Москва, Россия
[7] Университет Тсукубы,
Тсукубы, Япония
[8] Университет Коджаэли,
Измит, Турция
[10] Университет Диджле,
Диярбакир, Турция
[11,12] Государственный академический университет гуманитарных наук,
Москва, Россия

КОМПЛЕКСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ОРГАНИЧЕСКОЙ ПРИМЕСИ В НЕОЛИТИЧЕСКОЙ КЕРАМИКЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПЛОДОРОДНОГО ПОЛУМЕСЯЦА)

Аннотация. Исследование, направленное на решение проблемы идентификации органической растительной примеси в формовочной массе керамических изделий, проводилось по материалам памятников восточной части Плодородного Полумесяца конца XI – VI тыс. до н. э. Были использованы технико-технологический, сферулитный, палинологический анализы и рентгеновская томография, которые подтвердили, что основная растительная примесь в неолитической керамике исследуемого региона связана с навозом.

Ключевые слова: неолит, Плодородный Полумесяц, примесь навоза в керамике, технологический анализ, рентгеновская томография, сферулитный анализ, палинологический анализ

Работа выполнена при поддержке гранта РНФ № 24-28-01072 «Органические примеси в неолитической керамике Плодородного Полумесяца и Южного Кавказа». Рентгенотомографические исследования выполнены в рамках реализации государственного задания НИЦ «Курчатовский институт».

Исследования производились по материалам памятников восточной части Плодородного Полумесяца конца XI – VI тыс. до н. э. Для решения вопроса об идентификации органической растительной примеси в формовочной массе были использованы следующие методы анализа: технико-технологический, сферулитный, палинологический анализы [Бабенко, Петрова, 2021; Петрова, 2019; Petrova, 2024], а также рентгеновская томография. Изучались керамические материалы поселе-

© Петрова Н. Ю., Бабенко А. А., Текин Х., Дараби Х., Гурьева П. В., Терещенко Е. Ю., Мияке Ю., Оксе А. Т., Алибаиги С., Йлдыз И., Суворина А. С., Светлаков Д. А., 2025

ний Загроса (Гандж Даре, Али Кош, Махтадж и Ка Саре, Гуран (Иран)), Верхней Месопотамии (Ярым-тепе I, Ярым-тепе II, Сотто, Кюльтепе (Ирак), Хазна II (Сирия)) и юго-восточных предгорий Тавра (Салат Джами Яни, Хакеми Усе, Домузтепе (Турция)).

Технологический анализ проводился по методике А. А. Бобринского [Бобринский, 1999] с использованием бинокулярной микроскопии с увеличением 10–40[12]. Изучено около 1 500 фрагментов керамики от разных сосудов, происходящих со всех поселений.

Рентгеновская томография (РТ)[13] использовалась в дополнение к технологическому анализу. С помощью РТ было проанализировано 7 фрагментов керамики от разных сосудов поселений Ярым-тепе I, Али Кош и Гуран. Примесь навоза в керамике при проведении технологического анализа и РТ определяется по наличию следующих растительных остатков или отпечатков в порах по [Бобринский, 1999] с дополнениями: очень мелкие – шириной 0,1–0,2 мм и длиной до 1 мм (чаще меньше) с закругленными концами; мелкие – шириной 0,2–1 мм, длиной несколько миллиметров и более с заостренными, сглаженными, закругленными концами; более крупные растительные остатки – расщепленные, с неровными краями, связанные с остатками непереваренной растительности; а также ряду других признаков.

Сферулитный анализ. Навозные сферулиты являются самыми надежными индикаторами присутствия навоза животных. Сферулиты представляют собой сферические тела радиально кристаллизованного карбоната кальция (5–15 мкм), образующиеся в кишечнике животных. Экспериментальные данные [Canti, Nicosia, 2018] показывают деформацию, потемнение и разрушение сферулитов под воздействием температур выше 500 ºС. Они хорошо видны при 400-кратном увеличении при микроскопии в кросс-поляризованном свете[12]. Сферулитный анализ был проведен для 56 образцов керамики со всех изученных поселений от разных изделий, относящихся к грубым горшкам и сосудам для хранения.

Палинологический анализ. Для исследования выбрано 10 фрагментов керамики, происходящих с поселения Ярым-тепе I. Поиск пыльцевых зерен осуществлялся при увеличении ×200, а определение – при ×400, подсчитывалось не менее 100 пыльцевых зёрен для каждого образца[15]. За 100 % принята сумма пыльцы древесных и травянистых таксонов. Выделение пыльцы проводилось по сепарационному методу В. П. Гричука [Пыльцевой анализ, 1950, с. 33–35]. Выбор материала для анализа был обусловлен ограничениями, связанными с применением спорово-пыльцевого анализа – все фрагменты имеют толщину не менее 10–20 мм, тонкие прокаленные поверхностные слои и среднюю часть темно-серого или черного цвета. Последние признаки могут свидетельствовать о непродолжительном обжиге в окислительной среде при температурном воздействие до 800 ºС. Пыльцевые зерна были обнаружены во всех десяти образцах. Высокие концентрации пыльцевых зерен и большая доля пыльцы насекомоопыляемых таксонов в спорово-пыльцевых спектрах в образцах чаще всего свидетельствует о присутствии экскрементов травоядных животных. На наличие навоза также могут указывать и спектры с высокой долей ветроопыляемых злаков [Бабенко, 2022; Реконструкция..., 2007; Результаты..., 2022; Carrion, 2002], так как злаки являются основными кормовыми растениями для травоядных копытных [Шенников, 1941, с. 71–72]. По спорово-пыльцевым спектрам изученных фрагментов керамики можно выделить четыре образца, в которых доля пыльцы злаков и представителей насеко-

[12] Optica SLX-2 (Университет Хаджиттепе, г. Анкара), Carl Zeiss Stemi 508 (ЦКП ИА РАН, г. Москва) и Streotype Motic NTBA-3 (Университет Рази, г. Керманшах).
[13] Выполнялась в НИЦ «Курчатовский институт» (г. Москва) на промышленном рентгеновском томографе X5000 (NSI).
[14] ADF U300 (ИА РАН, г. Москва), Leica DMLP (Университете Хаджиттепе, г. Анкара).
[15] ADF U300, ИА РАН.

моопыляемых таксонов (*Asteroideae, Centaurea, Cichorioideae, Boraginaceae, Brassicaceae, Polygonaceae, Scorphulariaceae*) составляет более 50 % – вероятнее всего они отражают состав добавляемого в формовочную массу навоза.

Результаты и обсуждение. Проведенные анализы подтвердили предположение, что основная растительная примесь в неолитической керамике предгорий Тавра, Верхней Месопотамии, гор Загроса и его предгорий по крайней мере с конца IX и до рубежа VI–V тыс. до н. э. связана с навозом. Наибольшее количество и наилучшую сохранность навозных сферулитов в некоторых образцах неолитической керамики можно объяснить большой концентрацией навоза в формовочной массе и/или более низкими температурами обжига и/или более коротким воздействием высоких температур. Спорово-пыльцевые спектры четырех образцов с большой долей пыльцы насекомоопыляемых растений и злаков также свидетельствуют о введении навоза в формовочную массу. Высокую долю пыльцы ветроопыляемых растений в остальных спектрах, вероятно, можно объяснить использованием весеннего лежалого навоза.

По данным технологического анализа и рентгеновской томографии в можно предполагать, что в керамике VII тыс. до н. э. представлен навоз именно мелкого рогатого скота, хорошо отличимый по наличию очень мелких отпечатков растительных остатков. По изученным материалам VI тыс. до н. э., особенно его второй половины, очень вероятно добавление в формовочную массу навоза коровы, содержащего более крупные растительные остатки, часто хуже идентифицируемые. С начала VI тыс. до н. э. навоз все меньше добавляется в формовочную массу керамики, предназначенную для использования в качестве столовой посуды, но продолжает использоваться в качестве примеси при изготовлении грубых горшков и сосудов для хранения (часто в смеси с крупной растительностью). Можно предположить, что традиция добавления навоза одомашненных травоядных животных как масштабное явление распространяется с территории Загроса и его предгорий на север в Верхнюю Месопотамию и предгорья Тавра.

Список источников

Бабенко А. А., Петрова Н. Ю. Комплексное изучение примеси навоза в керамике (по материалам неолитического поселения Ярым-тепе I, Северная Месопотамия) // Вестник «История керамики». М.: Изд-во ИА РАН, 2021. Вып. 3. С. 211–225.

Бабенко А. Н. Органогенная прослойка кургана 5 (Чимишлийский район, Республика Молдова): состав и происхождение // КСИА. 2022. Вып. 269. С. 320–334.

Бобринский А. А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара: Самар. гос. пед. ун-т, 1999. С. 5–109.

Петрова Н. Ю. Развитие технологии изготовления неолитической керамики в Восточной Джезире и горах Загроса (Северный Ирак и западный Иран) // КСИА. 2019. Вып. 256. С. 329–343.

Пыльцевой анализ / ред. И. М. Покровская. М.: изд. и 1-я тип. Госгеолиздата, 1950. 572 с.

Результаты археопаразитологического и палинологического исследования культурных слоев античного поселения Артезиан (Восточный Крым) / С. М. Слепченко, Н. И. Винокуров, А. Н. Бабенко, А. В. Хрусталев, С. Н. Иванов // Нижневолжский археологический вестник. 2022. Вып. 21(2). С. 184–207.

Реконструкция растительного покрова центральной части пустыни Негев (Израиль) в голоцене по данным пыльцевого анализа зоогенного отложения Ацмаут / А. Н. Бабенко, Н. К. Киселева, И. Плахт, С. Розен, А. Б. Савинецкий, Б. Ф. Хасанов // Экология. 2007. Вып. 6. С. 417–426.

Шенников А. П. Луговедение. Л.: Ленингр. гос. ун-т, 1941. 512 с.

Carrion J. S. A taphonomic study of modern pollen assemblages from dung and surface sediments in arid environments of Spain // Review of Palaeobotany and Palynology. 2002. Vol. 120. P. 217–232.

Canti M. G., Nicosia C. Formation, morphology and interpretation of darkened faecal spherulites // Journal of Archaeological Science. 2018. Vol. 89. P. 32–45.

Petrova N. The Dung among others temper in Zagros and Mesopotamia Neolithic pottery // The Epipalaeolithic and Neolithic in the Eastern Fertile Crescent. Revisiting the Hilly Flanks. London and New York: Routledge, 2024. P. 279–308.

А. Н. Попов
Дальневосточный федеральный университет,
Владивосток, Россия

РЕКОНСТРУКЦИЯ РОДСТВЕННЫХ И БРАЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ НАСЕЛЕНИЯ ПРИМОРЬЯ В ЭПОХУ СРЕДНЕГО НЕОЛИТА (ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ И ПАЛЕОГЕНЕТИЧЕСКИМ ИССЛЕДОВАНИЯМ МОГИЛЬНИКА БОЙСМАНА-2)

Аннотация. В последние годы получены новые палеогенетические данные по антропологическим остаткам неолитического могильника Бойсмана-2 в Приморье. В совокупности с археологическими наблюдениями эти данные позволяют сделать выводы о характере кровно-родственных и семейных отношений в коллективах охотников-собирателей побережья Приморья в среднем неолите.

Ключевые слова: неолит, могильники, генетические исследования

В раковинной куче памятника Бойсмана-2 обнаружены два могильника (1 и 2), расположенные на расстоянии 12–18 м друг от друга. В каждом ритуальном месте погребения расположены по окружности с одним центральным захоронением. Оба могильника отнесены к бойсманской археологической культуре среднего неолита (6,3–4,7 тыс. л. н. (некалибр.), 5 220 – 3 640 cal BCE). Изначально было высказано предположение о том, что могильники представляют разные, но родственные группы древних бойсманцев [Попов, Чикишева, Шпакова, 1997; Попов, 2008].

В 2015–2021 гг. коллективом палеогенетиков и археологов под руководством Дэвида Райха (David Reich) проведены исследования и опубликованы геномные данные по 191 древнему индивиду из Восточной Азии, в том числе из могильника Бойсмана-2 [Genomic insights…, 2021]. Получены интересные результаты для рассмотрения родственных связей внутри могильников Бойсмана-2.

В одном из погребений второго могильника найдены останки семи человек, которые были уложены в три ряда – первый состоял из возрастных (matures) мужчины и женщины, второй – юная женщина (juvenis), а в третьем – двое молодых мужчин, женщина того же возраста (adultus) и одна взрослая женшина (matures). По результатам ДНК-анализа установлено, что в данной могиле погребены родственники, имевшие разные родственные и семейные отношения и, вероятно, различавшиеся по социальному положению. Главное место занимали 40-летние мужчина и женщина, лежавшие на спине лицами друг к другу и имевшие богатый сопроводительный инвентарь. У мужчины возле передней части шеи была обнаружена тонкая (0,1 см) ромбовидная в плане (длина 12 см, ширина 7 см) костяная пластина, орнаментированная резьбой, имитирующей сеть, под пластиной – 3 костяных заточенных острия, в районе верхней половины костяка – 3 бусины из кости, камня, янтаря (?). У женщины возле передней части шеи – похожая костяная орнаментированная пластина, а также дугообразная подвеска из рога с отверстиями на противоположных краях (длина13 см), у правого плеча – явно единый комплекс шейного украшения. Кроме того, ее инвентарь дополняли 11 бусин из камня, кости и янтаря (?) на верхней части костяка, под шейными позвонками – шлифованный кинжал из серого сланца (длина 26 см) с биконическим отверстием в средней части навершия рукояти; обработанный тонкой отжимной ретушью нож из полупрозрачного халцедона; роговое острие. В результате анализа их ДНК выяснилось, что они были родными братом и сестрой, т. е. являлись кровными родственниками и, судя по сопроводительному инвентарю, имели довольно высокий социальный статус. Самое яркое подтверждение этому – уникальные для бойсманского вещевого комплекса орнаментиро-

© Попов А. Н., 2025

ванные нагрудные пластины, больше не встреченные нигде более – ни в могилах, ни, хотя бы фрагментарно, в слоях бытования в раковинной куче. К востоку и северу от них были погребены родственники мужчины – его жена и их общие дети. Супруга и трое детей составляли плотную группу к востоку. Интересно, что краевое положения в этой группе занимали женщины – жена лежала на правом боку спиной к югу, а ее дочь на левом боку спиной на север. Дети достаточно взрослые (20–25 лет). В середине на спине лежали скелеты сыновей/братьев. У супруги были 10 браслетов из раковин на левой руке, а возле черепа – рог и своеобразные изделия с винтовой нарезкой из рога, два каменных концевых скребка, таз располагался на точильной плитке. У дочери – два односторонних гарпуна под затылочной частью черепа и крупный роговой отросток под тазом. Сыновья/братья не имели инвентаря, за исключением длинного изогнутого острия из кабаньего клыка среди ребер в средней части грудной клетки одного из них (мог быть инструментом убийства – возможно ритуального). Самая младшая дочь (14–15 лет) была захоронена к западу от взрослых членов семьи на левом боку (спиной на север) лицом на юг – в сторону семейного коллектива. Ее тазовые кости располагались на крупном точильном камне, здесь же лежали две округлых гальки – одна из белого, другая из черного кварцита и бусина из янтаря (?); под ее черепом и плечами – костяное острие, односторонний гарпун; на левом плече – фрагмент браслета из раковины.

Интересной деталью являются различия в преднамеренной деформации черепов погребенных с использованием нескольких видов деформирующих воздействий, которые для второго могильника зафиксированы в основном у женщин. И если у родной сестры «главы» семейства отмечен теменно-затылочный вид, то у супруги и ее детей – лобно-затылочный [Чикишева, 2003, с. 211, табл. 2].

К сожалению, других родственных связей внутри второго могильника не было выявлено. В то же время, в первом могильнике по результатам генетических исследований также были обнаружены погребенные родственники. Таковыми оказалась женщина возрастом 40–45 лет из парного погребения № 1 и мужчина 25–30 лет из одиночного погребения № 5. Учитывая возрастную разницу и определения генетиков, что они были родственниками первого уровня, можно сделать вывод о том, что перед нами с большей долей вероятности мать и сын. Иных родственников в первом могильнике не зафиксировано. Не имеется сведений о наличии родственников между могильниками. Но при этом обращает на себя внимание различие в черепных деформациях при сравнении двух могильников: в первом могильнике были встречены кольцевая и лобно-затылочная виды, а во втором – лобно-затылочная и теменно-затылочная виды, демонстрирующая во втором могильнике, кроме того, различия представителей по кровному принципу.

По результатам проведенных генетических анализов и археологических наблюдений можно сделать некоторые выводы:

1. Генетические исследования показали, что могильники Бойсмана-2 являются кладбищами двух разных групп (общин) кровных родственников и их брачных партнеров и детей, представляющих носителей бойсманской археологической культуры среднего неолита.

2. Базовой ячейкой бойсманской общины была малая семья, состоящая из брачных партнеров и их детей.

3. Скорее всего, родство велось по мужской линии, о чем свидетельствует расположение супруга и его сопроводительный инвентарь, прежде всего нагрудная костяная пластина, бусы. В то время как супруга погребена несколько отдельно вместе с детьми, как бы обозначая хотя и родственную, но «пришлую» связь с супругом.

4. По коллективному погребению прослеживается более высокий социальный статус кровных родственников внутри бойсманской общины – рядом с супругом погребена его родная сестра, но не его жена и дети. Она имела такое же нагруд-

ное украшение, как и ее брат – костяную пластину с идентичным узором и бусины, которые практически отсутствуют у жены и детей главы семьи.

5. Различия в видах черепной деформации у женщин разной кровной принадлежности в коллективном погребении, возможно, характеризуют особенности «местных» (теменно-затылочная деформация кровной сестры мужчины) и «пришлых» (лобно-затылочная деформация у супруги и детей).

6. В бойсманской общине существовало выраженное возрастное разделение. Так, младшая дочь (14–15 лет) была захоронена несколько отдельно от групп взрослых. Большое количество браслетов (от 2 до 10) обнаружено только у женщин от 40 лет и старше, в то время как у более младших – только единичные фрагменты одного браслета.

Список источников

Попов А. Н., Чикишева Т. А, Шпакова Е. Г. Неолит южного Приморья (бойсманская археологическая культура). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1997. 96 с.

Попов А. Н. Погребальные комплексы на многослойном памятнике Бойсмана-2 в Южном Приморье // Археология, этнография и антропология Евразии. 2008. № 2 (34). С. 68–76.

Чикишева Т. А. Результаты исследования новых палеоантропологических материалов из могильника на поселении Бойсмана-2 (раскопки 1998–2000 гг.) // Проблемы археологии и палеоэкологии Северной, Восточной и Центральной Азии. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2003. С. 209–213.

Genomic insights into the formation of human populations in East Asia / Wang Chuan-Chao, Yeh Hui-Yuan, Popov Alexander N. [et al.]. // Nature. Vol. 591. 2021. Pp. 413–419.

А. Н. Попов, Д. А. Войтко
Дальневосточный федеральный университет,
Владивосток, Россия

КОЛЛЕКЦИЯ НАКОНЕЧНИКОВ МЕТАТЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ ЭПОХИ СРЕДНЕГО НЕОЛИТА НА МНОГОСЛОЙНОМ ПАМЯТНИКЕ МИХАЙЛОВКА-2

Аннотация. В данной работе представлены результаты изучения коллекции каменных наконечников метательного оружия (наконечники стрел и дротиков) с многослойного памятника Михайловка-2. На основании морфологических признаков выделены основные типы наконечников, выявлены особенности производства, проведена предварительная культурно-хронологическая атрибуция.

Ключевые слова: ОАН Михайловка-2, неолит, руднинская культура, каменные наконечники

При написании работы использованы материалы археологических коллекций из фондов УНМ ДВФУ ШИГН. Выражаем благодарность руководителям раскопок Б. В. Лазину и Е. И. Дюкову за возможность использовать материалы отчетов.

Поселение Михайловка-2 располагается в Михайловском районе Приморского края, в 3 км к югу от с. Михайловка. Памятник расположен по правому борту долины р. Раковки на мысовидном выступе невысокой сопки, возвышающейся над долиной. Памятник открыт в 1984 г. Ю. В. Кривулей. На памятнике проводились раскопки в 1985, 1990 и 2001 гг. Суммарная площадь заложенных раскопов составила около 420 кв. м. В 2023 г. на памятнике проводились спасательные раскопки археологическим отрядом ДВФУ и ООО «НПЦ Наследие-ДВ». Был заложен раскоп площадью около 9 030 кв. м, покрывающий всю территорию памятника, исследовано 38 жилищ, более 100 ям различного назначения в межжилищном пространстве, коллекция артефактов составляет более 25 тыс. единиц [Предвари-

© Попов А. Н., Войтко Д. А., 2025

тельные результаты раскопок…, 2024, с. 120].

На основании полученных результатов на поселении было выделено 4 этапа заселения: верхний палеолит (мезолит), средний неолит – руднинская археологическая культура (7,5–5 тыс. л. н.), поздний неолит – зайсановская археологическая культура (5,2–3,2 тыс. л. н.), раннее Средневековье – мохэская культура (4–9 вв. н. э.) [Там же, с. 121–122]. Из 38 исследованных жилищ 30 соотнесены с мохэской культурой, 8 – с руднинской археологической культурой.

Целью данного исследования является культурно-хронологическая атрибуция коллекции каменных наконечников метательного оружия памятника Михайловка-2.

Среди коллекции каменного инвентаря, полученного на памятнике, 47 артефактов были интерпретированы как наконечники метательного оружия и их заготовки. В это количество входят наконечники стрел (42 экз.) и дротиков (6 экз.). Критерием разделения на наконечники стрел и дротиков являются размерные показатели. Длина наконечников стрел находится в пределах 17–40 мм, ширина 19–38 мм. Длина единственного цельного наконечника дротика 82 мм, ширина 22 мм.

В основе классификации лежат следующие положения. Для обозначения конструктивных элементов наконечников использовалась терминология, предложенная Г. И. Медведевым [Медведев, 1981, с. 22–26]. По способу насада изученные наконечники относятся к бесчерешковым. Все наконечники были поделены на 2 группы по характеру обработки: шлифованные и ретушированные. Внутри групп выделяются категории по принципу получения исходной заготовки: отщепы и пластинчатые отщепы, а также пластины. Внутри категории выделяется тип, который обусловлен общей формой наконечника, внутри типа могут быть варианты на основании характерных признаков, таких как форма сечения и базы, размеры изделия. Заготовки и обломки учтены в общем количестве наконечников того или иного типа в связи с тем, что обладают сохранностью различных конструктивных элементов, в большинстве случаев это позволяет их условно отнести определенному типу.

Шлифованные наконечники стрел изготовлены на сланцевых пластинах светло-серого, серого и темно-серого оттенков. Среди шлифованных наконечников стрел можно выделить следующие типы.

Тип 1. Треугольно-вытянутой формы (6 экз.). Характеризуются уплощенным сечением, прямой базой (ширина 13–15 мм, длина 29–30 мм).

Тип 2. Иволистной формы (9 экз.). Характеризуются линзовидным сечением в части, приближенной к жалу, и шестигранным в части, приближенной к насаду, прямой базой (ширина 8–10 мм, длина 19–35 мм).

Ретушированные наконечники стрел, выполненные на отщепах и пластинчатых отщепах, изготовлены из обсидиана, кремнистого сланца светло-серого, серого и темно-серого оттенков, а также кремнистого туфа светло-серого и светло-коричневого оттенка. Для наконечников стрел данной категории характерны следующие приемы обработки изделий: двусторонняя ретушь, с одной стороны краевая, с другой сплошная; двустороння краевая ретушь, двусторонняя сплошная ретушь. Разница в приемах обработки обусловлена формой изначальной заготовки и используемым сырьем. Выделяются следующие типы.

Тип 1. Вариант 1. Треугольно-вытянутой формы (11 экз.). Характеризуются линзовидным сечением, вогнутой базой (ширина 9–14 мм, длина 18–24 мм).

Тип 1. Вариант 2. Треугольно-вытянутой формы большего размера (2 экз.). Характеризуются линзовидным сечением. Установить форму базы не представляется возможным в связи с тем, что один экземпляр, вероятно, является практически законченной заготовкой, а у второго экземпляра обломан край насада (ширина 17 мм, длина 35–38 мм).

Тип 2. Иволистной формы (12 экз.). Характеризуются выпукло-линзовидным сечением и вогнутой базой (ширина 10–11 мм, длина 18–24 мм).

Наконечники стрел, выполненные на пластинах, изготовлены из кремнистого туфа светло-коричневого оттенка. Наконечники данной категории обработаны двусторонней краевой ретушью. Выделяются следующие типы.

Тип 1. Иволистной формы (1 экз.). По сравнению с аналогичным типом наконечников, выполненных на отщепах, характеризуются более уплощенным сечением. У рассмотренного экземпляра насад обломан (ширина 12 мм, длина 38 мм).

Тип 2. Иволистно-вытянутой формы (1 экз.). Характеризуется линзовидным сечением и вогнутой базой. От иволистных наконечников отличается пропорциями. Является значительно более узким и продольно вытянутым (ширина 6 мм, длина 40 мм).

Среди наконечников дротиков присутствует лишь одно полностью законченное изделие, изготовленное из кремнистого сланца, обработанное двусторонней краевой ретушью.

Тип 1. Лавролистной формы (1 экз.). Характеризуется линзовидным сечением и прямой базой (ширина 22 мм, длина 82 мм).

Остальные наконечники дротиков (5 экз.) представлены обломками и заготовками, не обладающими явными типологическими признаками, в связи с чем их затруднительно отнести к определенному типу.

Рассмотренные наконечники метательного оружия по своим типам укладываются в рамки типолиста наконечников руднинской археологической культуры. Рассмотренные материалы имеют аналогии на других руднинских памятниках: Чертовы Ворота [Андреева, Жущиховская, Кононенко, 1991, с. 59, 63, 73], Сергеевка-1 [Батаршев, Попов, 2008, с. 7], Рудная Пристань [Батаршев, 2009, с. 166]. На памятнике Михайловка-2 бóльшая часть наконечников (35 экз.) залегает в жилищах, соотнесенных с руднинской археологической культурой [Дюков, 2024, с. 77–78; Предварительные результаты раскопок…, 2024, с. 121–122]. Еще часть изделий (5 экз.), типологически руднинских и залегающих в жилищах эпохи мохэ, вероятно была переотложена ещё в древности. Некоторые наконечники обнаружены на дневной поверхности (1 экз.), а также в межжилищном пространстве (6 экз.). Их археологический контекст установить затруднительно в связи с многослойностью поселения. Однако они тяготеют к средней и верхней части поселения, где сконцентрированы руднинские жилища.

На основании имеющихся данных, рассмотренные наконечники метательного оружия можно соотнести с руднинской археологической культурой среднего неолита (7,5–5 тыс. л. н.). Особенности изготовления наконечников продиктованы характером имеющегося сырья и формой изначальных заготовок. Представляется перспективным, на основании комплексного изучения керамической посуды и каменного инструментария, уточнение хронологической принадлежности руднинских материалов памятника Михайловка-2 – к руднинскому или сергеевскому этапу культуры.

Список источников

Андреева Ж. В., Жущиховская И. С., Кононенко Н. А. Неолит юга Дальнего Востока: Древнее поселение в пещере Чертовы Ворота. М.: Наука, 1991. 223 с.

Батаршев С. В. Руднинская археологическая культура в Приморье: монография. Владивосток: Изд-во «Рея», 2009. 199 с.

Батаршев С. В., Попов А. Н. Памятник Сергеевка-1 на Приханкайской равнине и проблемы культурной типологии среднего неолита Приморья // Археология, этнография и антропология Евразии. 2008. № 3(35). С. 2–13.

Дюков Е. И. Предварительные результаты исследования жилища руднинской культуры на ОАН «Поселение Михайловка-2» // Тихоокеанская археология: тихоокеанские исследования в российской и зарубежной археологии: история, современность, перспективы развития. Владивосток: Дальневост. фед. ун-т, 2024. С. 75–78.

Медведев Г. И. К проблеме морфологического анализа каменного инвентаря палеолитических и мезолитических ансамблей Восточной Сибири // Описание и анализ археологических источников. Иркутск: Иркут. гос. ун-т, 1981. С. 16–33.

Предварительные результаты раскопок поселения Михайловка-2 в 2023 г. / Б. В. Лазин, А. Н. Попов, Е. И. Дюков, М. К. Руденко, А. А. Лазина, Е. Н. Залётова, С. А. Зубков, Е. Ю. Никитин, О. И. Щипун, А. А. Снопкова, Д. А. Войтко, Е. А. Еремеева, Г. А. Елошкин // Тихоокеанская археология: тихоокеанские исследования в российской и зарубежной археологии: история, современность, перспективы развития. Владивосток: Дальневост. фед. ун-т, 2024. С. 120–124.

Н. В. Рослякова[1], О. П. Бачура[2], Д. Н. Шаймуратова[3], И. В. Аськеев[4], А. И. Королев[5]
[1,5] Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара, Россия
[2] Институт экологии растений и животных УрО РАН, Екатеринбург, Россия
[3,4] Институт проблем экологии и недропользования АН РТ, Казань, Россия

ДОМАШНИЕ И ДИКИЕ ЖИВОТНЫЕ В ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИИ ЖИТЕЛЕЙ ПОСЕЛЕНИЯ ЭПОХИ ЭНЕОЛИТА ЛЕБЯЖИНКА VI В ЛЕСОСТЕПНОМ ПОВОЛЖЬЕ

Аннотация. Комплексное изучение остеологических материалов энеолитического поселения Лебяжинка VI направлено на изучение хозяйственной деятельности его жителей, характеристику белковой составляющей его питания, установление сезонов заселения памятника людьми. Определен видовой состав добываемых животных, птиц и рыб, высказано предположение о содержании домашнего скота на поселении.

Ключевые слова: кости животных, энеолит, охота, рыболовство, домашние животные

Исследование выполнено за счет гранта РНФ № 24–28–00782 «Система жизнеобеспечения населения лесостепного и степного Волго-Уралья в эпоху энеолита – Средневековья (по археозоологическим данным)», https://rscf.ru/project/24-28-00782.

Энеолитическое поселение Лебяжинка VI расположено в лесостепном Заволжье, на левом берегу р. Сок (левый приток р. Волги), в его среднем течении. Этот памятник имеет важное значение для изучения системы жизнеобеспечения энеолитических племен в Волго-Уралье на ранних этапах перехода от присваивающего хозяйства к производящему. В его культурном слое хорошо сохранились кости животных и их отложение удалось связать с одной из групп населения, проживавших здесь. В результате многолетних исследований на территории поселения изучены остатки крупного жилища (жилище № 1) – углубленный в материк котлован (длиной около 28 м и шириной около 8 м) и незначительная часть примыкающего к нему околожилищного пространства. В статье приводятся результаты исследования остеологической коллекции этой части памятника.

Керамический материал поселения Лебяжинка VI включает 5 разных групп энеолитической керамики: гундоровского типа («керамика с внутренним ребром»), лебяжинского и чекалинского типов, хвалынской и самарской культур [Результаты…, 2017, с. 204]. В заполнении котлована жилища располагалась преимущественно керамика гундоровского типа, включая развалы сосудов, а также каменный инвентарь, костяной инвентарь и фаунистические остатки. С материалами этого типа также связаны небольшие сооружения № 2 и 3, расположенные около юго-восточного края котлована жилища № 1. Население, изготавливающее эту керамику, проживало на поселении в последней трети IV тыс. до н. э. [Королев, Кулькова, Шалапинин, 2022, с. 180]. Вероятно, именно с его жизнедеятельностью связаны костные остатки съеденных животных, найденные в заполнении жилища.

© Рослякова Н. В., Бачура О. П., Шаймуратова Д. Н., Аськеев И. В., Королев А. И., 2025

Остеологическая коллекция поселения Лебяжинка VI включает свыше 7 тыс. единиц костей. Подавляющая их часть является кухонными остатками. Коллекция включает кости млекопитающих (66,5 %), птиц (6,8 %), рыб (17,7 %), рептилий (черепах) (8,1 %) и раковины моллюсков (0,9 %). Большая часть костей млекопитающих (70,0 %) принадлежит диким видам: лошади *Equus ferus*, лосю *Alces alces*, сибирской косуле *Capreolus pygargus*, сайге *Saiga tatarica*, кабану *Sus scrofa*, медведю *Ursus arctos*, волку *Canis lupus*, лисице *Vulpes vulpes*, зайцу *Lepus* sp., кунице *Martes* sp., барсуку *Meles* sp., речному бобру *Castor fiber*, речной выдре *Lutra lutra*, хорю *Mustela* sp., обыкновенному сурку *Marmota bobak.* Среди них преобладают остатки «пушных» и «мясо-пушных» животных, которые в совокупности составляют 84,9 % добычи. Среди костей диких животных наиболее многочисленными являются кости бобра (21,9 %), куницы (21,4 %), медведя (17,6 %). Немного меньше костей принадлежит лосю (13,7 %). По всей видимости, добыча пушнины была приоритетным направлением охоты у жителей поселения. Домашним животным принадлежат кости крупного рогатого скота *Bos taurus* (КРС) и мелкого рогатого скота (овцы *Ovis aries* и козы *Capra hircus*) (МРС), а также собаки *Canis familiaris*. Доля костей домашних животных в коллекции – около 30,0 %. Среди остатков домашних копытных преобладают кости МРС (75,5 %).

Соотношение числа костей домашних и диких животных в культурном слое, содержащем керамический материал разных культурных типов, и в заполнении котлована жилища № 1 и сооружений практически одинаково. В обеих выборках преобладают остатки «мясо-пушных» и «пушных» животных. При этом в перемешанном слое доля костей животных «мясной» и «мясо-пушной» групп немного выше, чем в жилище.

Среди костей птиц определены остатки 14 видов: серощекая поганка *Podiceps grisegena*, большая поганка, или чомга *Podiceps cristatus*, лебедь-кликун *Cygnus cygnus*, широконоска *Spatula clypeata*, кряква *Anas platyrhynchos*, свиязь *Mareca penelope,* чирок-трескунок *Spatula querquedula,* широконоска *Spatula clypeata,* тетерев *Lyrurus tetrix*, глухарь *Tetrao urogallus*, серый журавль *Grus grus* и лысуха *Fulica atra*, длиннохвостая неясыть *Strix uralensis* и сойка *Garrulus glandarius.* Больше половины всех костей птиц принадлежит тетереву (66,7 %).

По костным остаткам рыб идентифицировано 13 видов: русский осетр *Acipenser gueldenstaedtii*, стерлядь *Acipenser ruthenus*, севрюга *Acipenser stellatus*, белуга *Huso huso*, сазан *Cyprinus carpio*, лещ *Abramis brama*, жерех *Aspius aspius*, язь *Leuciscus idus*, обыкновенная плотва *Rutilus rutilus*, европейский обыкновенный сом *Silurus glanis*, обыкновенная щука *Esox lucius*, речной окунь *Perca fluviatilis*, обыкновенный судак *Sander lucioperca*. Доминирующим добываемым видом рыб являлась щука. Доля её костей составила 37,8 %. Вторым по значению в рыбном промысле был сом (14,2 %).

Результаты определения сезона гибели животных показали, что забой (гибель) домашних и добыча диких животных происходили в холодный (вторая половина осени/ранняя весна) и теплый (весна-начало осени) сезоны года. Соответственно поселение было обитаемым круглый год. Практически все дикие животные были добыты в холодное время года, когда охота на пушного зверя предпочтительна. Остатки МРС происходят от особей, забитых в теплый сезон. Выполненные определения сезонности вылова рыб показали, что рыболовством жители Лебяжинка VI занимались с конца весны по начало осени. К этому же времени года была приурочена охота на птиц, большая часть которых являются перелетными.

Проведенные комплексные исследования остеологических материалов поселения Лебяжинка VI подтвердили предположение о том, что оно функционировало круглогодично. Основой жизнеобеспечения его жителей являлись высокоразвитые охота и рыболовство. В теплый сезон года его жители занимались охотой на птиц, рыбной ловлей и добычей черепах. В холодное время года велась охота на млекопитающих. На первых этапах существования поселения «мясное» направление в охоте

было более развито, чем на последующих. У жителей памятника, изготавливающих керамику гундоровского типа, в приоритете была добыча «пушных» и «мясо-пушных» животных. Вероятно, это связано с увеличением доли мяса домашних копытных в их рационе.

Доля костей домашних копытных в остеологической коллекции сравнительно небольшая. В перемешанном слое они могли быть оставлены населением хвалынской культуры. Остеологический материал из заполнения котлована жилища и сооружений, по всей видимости, связан с последним этапом заселения памятника и комплексом с керамикой гундоровского типа. Признаков длительного содержания домашних животных на поселении пока не обнаружено. На изученной раскопками площади поселения не выявлены зоны, которые могли бы быть соотнесены с местами содержания животных. В орудийном комплексе отсутствуют орудия для заготовки зимних кормов. Возможно, скот содержался на поселении, в основном, в тёплое время года, что предполагает его регулярное поступление извне. Не исключено, что домашних животных жители Лебяжинки VI получали от скотоводческих племен в результате обменных операций или других форм экономического взаимодействия. Ориентированное на скотоводство хозяйство выявлено у носителей репинского этапа ямной культуры [Моргунова, 2018], чья хронология близка анализируемым материалам [Новые…, 2011]. Выдвинутое предположение требует дальнейших исследований, в т. ч. с привлечением естественно-научных методов.

Список источников

Королев А. И., Кулькова М. А., Шалапинин А. А. Новые данные об абсолютном возрасте энеолитических комплексов лесостепного Поволжья // Самарский научный вестник. 2022. Т. 11. № 2. С. 179–182.

Моргунова Н. Л. Становление и развитие скотоводства в Волго-Уральском регионе // Тверской археологический сборник. Тверь: Изд-во «Триада», 2018. Вып. 11. С. 10–17.

Новые радиоуглеродные даты памятников энеолита, раннего и среднего этапов бронзового века Поволжья и Приуралья / Н. Л. Моргунова, Г. И. Зайцева, Н. Н. Ковалюх, В. В. Скрипкин // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург: Оренбург. гос. пед. ун-т, 2011. Вып. 9. С. 53–68.

Результаты радиоуглеродного датирования энеолитических материалов поселения Лебяжинка VI / А. И. Королев, М. А. Кулькова, А. А. Шалапинин, Л. А. Нестерова // Известия Самарского научного центра РАН. 2017. Т. 19. № 3. С. 203–206.

М. К. Руденко
Дальневосточный федеральный университет,
Владивосток, Россия

ОТЩЕПОВАЯ ЛИНИЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ КАМЕННЫХ ОРУДИЙ В НЕОЛИТЕ ПРИМОРЬЯ: ЭТАПЫ, ОСОБЕННОСТИ И ПЕРЕХОДНЫЕ ПРИЗНАКИ

Аннотация. В статье представлена краткая схема развития отщеповой линии изготовления каменных орудий в неолите Приморья. Выделены четыре хронологических этапа, демонстрирующие динамику развития данной традиции. Для каждого из этапов определены характерные технико-типологические признаки процесса камнеобработки, а также указаны критерии переходов – особенности технико-типологический изменений.

Ключевые слова: Приморье, неолит, каменные орудия, технология изготовления

В историографии проблемы развития неолитических традиций изготовления каменных орудий на территории Приморья аргументированно представлено наличие двух линий камнеобработки – пластинчатой и отщеповой, складывание

© Руденко М. К., 2025

и обособление которых происходит ещё в финале (10,5–9,5 тыс. л. н.) развития позднепалеолитической каменной индустрии [Охотники-собиратели …, 2003, с. 139; Дорофеева, Морева, Батаршев, 2011, с. 139–140]. Главенствующим критерием выделения этих линий выступает характеристика первичного расщепления сырья и его цель: 1) для пластинчатой – получение пластин правильных форм с призматических и конических нуклеусов; 2) для отщеповой – снятие отщепов или пластинчатых отщепов с угловатых уплощенных или аморфных ядрищ. Вторичная обработка, в случае с пластинчатой линией, характеризуется превалированием краевого ретуширования над сплошным. Для отщеповой характерно применение как краевого, так и сплошного ретуширования. Однако бифасиальная техника получает большее применение. В рамках данной работы мы рассматриваем особенности развития отщеповой линии камнеобработки.

В настоящее время комплексы артефактов, характерные для рассматриваемой технологической линии, известны в материалах руднинской (7,5–6 тыс. л. н.) и бойсманской (6,5–4,7 тыс. л. н.) культур среднего неолита, а также зайсановской культуре (5,3–3,2 тыс. л. н.) позднего неолита. Надежно стратифицированных и датированных археологических комплексов раннего неолита на территории края не выявлено.

Представленные ниже результаты основаны на анализе широкого круга опубликованных источников по материалам опорных поселений руднинской культуры: Рудная Пристань [Дьяков, 1992, с. 43–67], пещера Чертовы Ворота [Неолит…, 1991, с. 35–80], Сергеевка-1 [Батаршев, 2009, с. 42–53]; бойсманской культуры: Бойсмана-1 [Первые рыболовы…, 1998, с. 197–238], Бойсмана-2 [Попов, Чикишева, Шпакова, 1997, с. 22–29], Гладкая-4 [Попов, Батаршев, 2001, с. 94–114]; зайсановской культуры: Зайсановка-1 [Андреев, 1957, с. 122–128], Кроуновка-1 [Krounovka 1 Site…, 2004, pp. 39–46], Валентин-Перешеек [Валентин-Перешеек…, с. 44–102], Ретиховка-Геологическая [Комплекс финального…, 2008, с. 118–125] и др. Также исследование базируется на результатах собственного анализа археологических коллекций неолитических поселений Рудная Пристань, Бойсмана-2, Сергеевка-1, Боярин-6, Русский-Аякс-1, хранящиеся в фондах Музея археологии и этнографии Учебно-научного музея ДВФУ (г. Владивосток).

В процессе анализа указанных источников нами фиксировались характерные сырьевые, технологические и типологические признаки каменного инвентаря каждого поселения, выделялись культурные и стадиальные признаки, отмечались особенности их изменений, которые были соотнесены с опубликованными абсолютными и относительными датировками.

В ходе проведенного анализа были выделены четыре хронологических этапа, демонстрирующие эволюцию отщеповой линии камнеобработки.

I этап (7,5–6 тыс. л. н.) выделен на материалах поселений руднинской культуры. Первичная обработка каменного сырья на данном этапе преимущественно ориентирована на ударное расщепление нуклеусов параллельного и продольно-поперечного принципа снятий, реже бессистемного. Основная цель расщепления – получение орудийных заготовок в виде пластинчатых отщепов и отщепов, реже пластин.

Для вторичной обработки характерно преобладание приемов краевого ретуширования над сплошными, но с постепенным распространением последних. Также отмечено сохранение техники резцового скола.

Типовой набор ретушированных орудий разнообразен: концевые скребки, ножи с оформленными приостряющей ретушью рабочими участками, наконечники стрел геометрических и листовидных форм, черешковые и бесчерешковые наконечники дротиков, бифасы, сверла, проколки. Характерным признаком является стремление к стандартизации форм орудий.

II этап (6,5–4,7 тыс. л. н.) выделен на материалах поселений бойсманской культуры. На этом этапе происходят вы-

раженные изменения в отщеповой линии камнеобработки. Наиболее явно продемонстрирована ориентация первичной обработки на получение сколов-заготовок в виде отщепов и пластинчатых отщепов, крайне редко пластин. Сама технология расщепления упрощается. Параллельный и продольно-поперечный принцип расщепления уступают ведущую позицию бессистемному. Подготовка нуклеусов сводится к минимуму – оформление ударной скошенной площадки. Чаще всего в качестве ударных площадок выступали уплощенные естественные поверхности или места предыдущих снятий.

Во вторичной обработке сплошная двусторонняя обработка занимает ведущее место, при сохранении краевого ретуширования. Также сохраняется резцовая техника, но ее применение носит эпизодический характер – оформление насада на наконечниках метательных орудий. Наблюдается расширение сырьевой базы, выраженное в обилии сырья среднего и низкого качества для расщепления.

III этап (5,3–3,8 тыс. л. н.) выделен на материалах ранних поселений зайсановской культуры (Валентин-Перешеек, Боярин-6, Русский-Аякс-1 и других). На этом этапе в стадии первичной обработки сырья наблюдается явная ориентация на получение отщепов, реже пластинчатых отщепов. Нуклеусы правильных геометрических форм крайне редки. Ведущей технологией расщепления является бессистемное снятие с ядрищ аморфного типа, предварительно не подготавливаемых.

Для вторичной обработки характерным элементом остается преобладание сплошного бифасиального ретуширования над краевым. Единичным проявлением является применение архаичного элемента – техника резцового скола, представленного в материалах поселения Валентин-Перешеек.

В типовом наборе инвентаря наблюдается отсутствие массово стандартизированных серий орудий конкретных форм. Правильные очертания ретушированных изделий перестают иметь свое значение, что явно наблюдается по наконечникам метательных орудий – массовость асимметричных артефактов. Происходят изменения в метрических характеристиках орудий – их микролитизация, что явно связано с размерами исходной заготовки.

IV этап (3,8–3,3 тыс. л. н.) выделен на материалах памятников финального этапа зайсановской культуры (Реттиховка-Геологическая, Синий Гай А, Б и других). В это время ретушированные орудия постепенно утрачивают свои ведущие позиции – в коллекциях преобладают шлифованные орудия. В первичной обработке сохраняется ориентация на бессистемное расщепление нуклеусов и получение сколов-заготовок в виде отщепов.

Во вторичной обработке происходит смещение от сплошной бифасиальной ретуши в сторону краевой. Часто в качестве орудий используются просто отщепы без дополнительного оформления рабочих участков.

Результаты исследования показывают, что на эпоху неолита Приморья приходятся все основные стадии развития отщеповой линии камнеобработки. Если на первом этапе явно прослеживается наличие архаичных признаков – расщепление нуклеусов параллельного и продольно-поперечного принципа снятий, крупные бифасы, значительная роль краевой ретуши, иллюстрирующие процесс трансформации от позднепалеолитической традиции к неолитической, то далее мы наблюдаем их «отмирание». Уже на втором и третьем этапах происходит упрощение технологии расщепления в сторону преобладания бессистемного расщепления и бифасиальной обработки. На финальном этапе отщеповая линия максимально упрощается и уступает ведущие позиции в технологическом наборе древнего населения технике шлифования.

Список источников

Андреев Г. И. Поселение Зайсановка-1 в Приморье // СА. 1957. № 2. С. 121–145.

Батаршев С. В. Руднинская археологическая культура в Приморье. Владивосток: ООО «Рея», 2009. 200 с.

Валентин-перешеек – поселок древних рудокопов / отв. ред. Н. Н. Диков. М.: Наука, 1987. 248 с.

Дорофеева Н. А., Морева О. Л., Батаршев С. В. Проблемы происхождения пластинчатых комплексов в неолите Приморья // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. СПб.; М., Великий Новгород: Изд-во ИИМК РАН, 2011. С. 139–140.

Дьяков В. И. Многослойное поселение Рудная Пристань и периодизация неолитических культур Приморья. Владивосток: Дальнаука, 1992. 140 с.

Комплекс финального неолита поселения Реттиховка-Геологическая (по результатам исследований 2004 г.) / Е. Б. Крутых, С. А. Коломиец, О. Л. Морева, Н. А. Дорофеева // Столетие великого АПЭ. Владивосток: Дальневост. фед. ун-т, 2008. С. 115–129.

Неолит юга Дальнего Востока / отв. ред. Ж. В. Андреева. М.: Наука, 1991. 224 с.

Охотники-собиратели бассейна Японского моря на рубеже плейстоцен-голоцен / Н. А. Кононенко, Х. Кадзивара, А. В. Гарковик, А. М. Короткий, А. В. Кононенко, Ю. Екояма, Е. Такахара. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2003. 176 с.

Первые рыболовы в заливе Петра Великого. Природа и древний человек в бухте Бойсмана / Отв. ред. Ю. Е. Вострецов. Владивосток: ДВО РАН, 1998. 390 с.

Попов А. Н., Батаршев С. В. Результаты исследования неолитического памятника Гладкая-4 на юге Приморского края // Произведения искусства и другие древности из памятников Тихоокеанского региона – от Китая до Гондураса. Владивосток: Дальневост. фед. ун-т, 2001. Вып. 12. С. 94–114.

Попов А. Н., Чикишева Т. А., Шпаков Е. Г. Бойсманская археологическая культура Южного Приморья. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1997. 96 с.

Krounovka 1 Site in Primorye, Russia: Report of Excavations in 2002 and 2003: Study on the Environmental Change of Early Holocene and the Prehistoric Subsistence System in Far East Asia / Ed. by M. Komoto and H. Obata. Kumamoto: Shimoda Print Co. Ltd, 2004. 58 p.

Д. В. Селин[1], Л. Н. Мыльникова[2], С. В. Коваленко[3]
[1, 2] Институт археологии и этнографии СО РАН,
Новосибирск, Россия
[3] ГАО «Центр по сохранению историко-культурного наследия Амурской области»,
Благовещенск, Россия

ГОНЧАРСТВО ОСИНООЗЕРСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЭПОХИ НЕОЛИТА В ПРИАМУРЬЕ: ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ

Аннотация. Керамика – важный источник для реконструкции историко-культурных процессов эпохи неолита Приамурья. Гончары осиноозерской культуры использовали слабозапесоченные глины с различным минеральным составом. Определено восемь рецептов формовочной массы. Сопоставление формы, орнамента и особенностей технологии посуды показало, что между ними нет прямой корреляции. Это свидетельствует о том, что гончары имели общие представления об облике посуды, но сохраняли свои отдельные гончарные навыки.

Ключевые слова: Приамурье, неолит, осиноозерская культура, керамика, технико-технологический анализ

Для эпохи неолита в Западном Приамурье выделены три культуры – громатухинская, новопетровская и осиноозерская [Кузьмин, Нестеров, 2010]. Историю исследования осиноозерской культуры Западного Приамурья можно разделить на два ключевых периода. Первый приходится на 1960–1970-е гг., когда под руководством А. П. Окладникова проводились раскопки на территории западной части Приамурья. В результате этих исследований была выделена новая культура, названная осиноозерской в честь эпонимического памятника – поселения на берегу озера Осиновое в Амурской области.

Второй этап исследований начался в середине 1990-х гг., после перерыва в тридцать лет. Этот период характеризуется совместными полевыми и аналитическими работами сотрудников ИАЭТ СО РАН и археологов из г. Благовещенска. В последние два десятилетия было про-

© Селин Д. В., Мыльникова Л. Н., Коваленко С. В., 2025

должено изучение поселений на Осиновом Озере, что значительно расширило источниковые материалы для анализа осиноозерской культуры [Коваленко, 2017].

Несмотря на то, что сама культура была выделена уже более полувека назад, она остается наименее изученной среди неолитических культур Западного Приамурья [Алкин, 2011]. Сегодня дискуссионными являются вопросы хронологии культурного образования, его происхождения, перехода от присваивающего к производящему хозяйству, связей с населением других культур Приамурья и сопредельных территорий.

Важен и тот факт, что керамические коллекции разных эпох региона также изучены неравномерно. Исследование посуды с хронологически разных памятников Дальнего Востока с использованием методов естественных наук началось во второй половине XX в. (см. напр.: [Гребенщиков, Деревянко, 2001; Дьякова, 1984; Жущиховская, 2004; Медведев, Филатова, 2015; 2016; Мыльникова, 1989; 1999, и др.]. Однако технология гончарного производства эпохи неолита на этой территории остается практически не изученной.

Керамика играет ключевую роль в реконструкции историко-культурных процессов на территории Приамурья. Как отмечают А. П. Окладников и А. П. Деревянко, посуда поселения Осиновое Озеро по форме и орнаментации схожа с изделиями с Новопетровского поселения (новопетровская культура). Эти сходства, а также конструкция жилищ позволили ученым предположить генетическую связь между этими двумя культурами [Окладников, Деревянко, 1973]. В. Е. Ларичев обратил внимание на смешанный характер осиноозерской культуры, предполагая, что она сформировалась под влиянием контактов носителей амурского неолита с поздненеолитическим населением Забайкалья и Якутии [Ларичев, 1970, с. 77].

Помочь в решении ряда дискуссионных вопросов может технико-технологический анализ керамики [Бобринский, 1978; 1999] с применением комплекса методов естественных наук – петрографии, рентгенофлуоресцентного и термического анализов [Физико-химическое…, 2006].

Особый интерес для исследования представляет коллекция керамики с эпонимного памятника – поселения Осиновое Озеро. А. П. Окладников и А. П. Деревянко по особенностям размеров и формы сосудов выделили три типа. Первый включает сосуды значительных размеров с диаметром венчика до 25–30 см и высотой до 30–35 см. Все они имеют плоское дно, ведрообразную форму, слабо профилированные стенки и, как правило, прямой венчик, который иногда отогнут наружу. Второй тип представляет собой сосуды меньших размеров: высотой до 20 см и диаметром венчика до 15 см. У этих сосудов более выражена горловина, венчик имеет форму буквы «Г». Орнамент состоит из маленьких рассеченных валиков. Третий тип включает небольшие сосуды в виде чаш, обычно с прямым венчиком (диаметр 5–10 см). Стенки этих сосудов тонкие и гладкие. Иногда по венчику располагаются один-два налепных валика [Окладников, Деревянко, 1973].

В продолжение изучения данного комплекса выполнен технико-технологический анализ осиноозерской посуды с применением методов естественных наук [Селин, Мыльникова, Коваленко; в печати]. Установлено, что гончары использовали слабозапесоченные глины с иллит-мусковитовым и кварц-полевошпатовым составом, в исходном сырье части сосудов обнаружены темноцветные минералы: амфиболы, пироксены, биотиты. Глиняные выходы, вероятно, располагались рядом с водоемами или в поймах. Зафиксировано восемь рецептов формовочной массы: 1) глина + песок (32 %); 2) глина + дресва (29%); 3) глина + дресва + шамот (4 %); 4) глина + песок + дресва (4 %); 5) глина + песок + органический раствор (12 %); 6) глина + дресва + органический раствор (15 %); 7) глина + песок + шамот (4 %); 8) глина + песок + дресва + органический раствор (4 %). На примере одного реконструируемого изделия выявлена донно-емкостная

программа с применением лоскутного налепа.

Полученные данные указывают на то, что гончары поселения использовали различные технологические навыки, которые могли сосуществовать среди населения одного поселка. Кроме того, было выполнено сопоставление разных форм, орнаментов и особенностей технологии. Оно показало, что между ними нет прямой корреляции. Это свидетельствует о том, что носители гончарных традиций осиноозерской культуры имели общие представления о форме и орнаменте посуды, но при этом сохраняли свои уникальные технологические навыки.

К настоящему моменту актуальным представляется исследование керамики громатухинской, новопетровской и осиноозерской культур по единой методике. Это позволит охарактеризовать содержательную сторону гончарных традиций в эпоху неолита на территории Приамурья и выйти на реконструкцию историко-культурных процессов, проходивших в регионе в древности.

Список источников

Алкин С. В. Современное состояние изучения осиноозёрской неолитической культуры Среднего Приамурья // Актуальные проблемы археологии Сибири и Дальнего Востока. Уссурийск: Уссур. гос. пед. ин-т, 2011. С. 188–198.

Бобринский А. А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.

Бобринский А. А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара: Самар. гос. пед. ун-т, 1999. С. 5–109.

Гребенщиков А. В., Деревянко Е. И. Гончарство древних племен Приамурья (нач. эпохи раннего железа). Новосибирк: ИАЭТ СО РАН, 2001. 120 с.

Дьякова О. В. Раннесредневековая керамика Дальнего Востока СССР как исторический источник IV–X вв. М.: Наука, 1984. 205 с.

Жущиховская И. С. Очерки истории древнего гончарства Дальнего Востока России. Владивосток: ДВО РАН, 2004. 312 с.

Коваленко С. В. История исследования и историография позднего неолита Западного Приамурья в 1980–2010-х гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2017. Т. 24. № 2. С. 26–32.

Кузьмин Я. В., Нестеров С. П. Хронология неолитических культур Западного Приамурья // Традиционная культура востока Азии: Благовещенск: Амур. гос. ун-т, 2010. Вып. 6. С. 103–110.

Ларичев В. Е. Сорок лет среди Сибирских древностей: материалы к биографии акад. А. П. Окладникова. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1970. 239 с.

Медведев В. Е., Филатова И. В. Результаты петрографического анализа керамики раннего комплекса малышевской неолитической культуры (Нижнее Приамурье) // Известия ИГУ. Серия «Геоархеология. Этнология. Антропология». 2015. Т. 13. С. 26–38.

Медведев В. Е., Филатова И. В. Новые результаты термогравиметрического анализа нижнеамурской неолитической керамики (по материалам малышевской и кондонской культур) // Известия ИГУ. Серия «Геоархеология. Этнология. Антропология». 2016. Т. 17. С. 38–54.

Мыльникова Л. Н. Гончарство неолитических племен нижнего Амура (по материалам поселения Кондон-Почта). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1999. 159 с.

Мыльникова Л. Н. О технологических традициях керамики Кондона (к периодизации нижнеамурской неолитической культуры) // Проблемы изучения памятников каменного века и палеометалла Дальнего Востока и Сибири. Владивосток: ДВО АН СССР, 1989. С. 20–24.

Окладников А. П., Деревянко А. П. Далёкое прошлое Приморья и Приамурья. Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1973. 440 с.

Селин Д. В., Мыльникова Л. Н., Коваленко С. В. Керамика осиноозерской культуры с памятника Осиновое Озеро: результаты мультидисциплинарного исследования // Археология, этнография и антропология Евразии (в печати).

Физико-химическое исследование керамики (на примере изделий переходного времени от бронзового к железному веку) / В. А. Дребущак, Л. Н. Мыльникова, Т. Н. Дребущак, В. В. Болдырев, В. И. Молодин, Е. И. Деревянко, В. П. Мыльников, А. В. Нартова // Интеграционные процессы. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2006. Вып. 6. 98 с.

Е. А. Сергушева
Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия

ЗЕМЛЕДЕЛИЕ В ПОЗДНЕМ НЕОЛИТЕ ЮГА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ: ИТОГИ АРХЕОБОТАНИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Аннотация. Археоботанические материалы зайсановской культурной традиции позднего неолита Приморья демонстрируют обязательное существование у носителей всех ее локальных вариантов мелкомасштабного земледелия, основанного на выращивании проса (обыкновенное и итальянское), и косвенно подтверждают устойчивость стратегий жизнеобеспечения зайсановских сообществ охотников-земледельцев-собирателей.

Ключевые слова: археоботаника, земледелие, *Panicum miliaceum*, *Setaria italica*

Поздний неолит Приморья (юг Российского Дальнего Востока) представлен памятниками зайсановской культуры или культурной традиции (далее – ЗКТ), выделенной еще в середине XX в. Произошедшая в начале нового столетия активизация исследований ее археологических объектов привела к появлению значительного объема материала. Использование современных методических подходов при этих раскопках и анализе полученного материала не только расширило источниковую базу ЗКТ, но предоставило данные, в том числе совершенно новые, скорректировавшие прежние представления о происхождении, периоде существования, материальной культуре, динамике расселения и системам жизнеобеспечения ее носителей [Клюев, Яншина, 2002; Коломиец, Батаршев, Крутых, 2002; Вострецов, 2005; Коломиец, Крутых, 2011; Крутых, 2012; Медведев, 2015; Новые аспекты..., 2017] и др.

ЗКТ датируется в интервале 5 700 – 3 800 кал. л. н. Ее появление вызвано миграциями носителей новой для Приморья культурной традиции из районов Восточной Маньчжурии и связываются с изменением климата [Вострецов, 2005]. В соответствии с археологическим материалом, местонахождением и периодами существования отдельных групп памятников выделено несколько локально-хронологических вариантов ЗКТ – ранний, хасанский, приханкайский, юго-восточный. Вне сомнения, по мере накопления материала будут выделены другие культурные группы. Например, уже сейчас можно говорить о существовании в центральной и северной части Приморья, в зоне контактов с носителями вознесеновской культуры позднего неолита из соседнего Приамурья, синкретичных комплексов, время существования которых пока не установлено.

С привлечением археоботанических источников – семян растений, полученных в последние десятилетия, было доказано существование у носителей ЗКТ земледелия, основанного на выращивании двух видов культурного проса: проса обыкновенного (*Panicum miliaceum*) и проса итальянского (*Setaria italica*) [Клюев, Сергушева, Верховская, 2002; Новые данные..., 2003; Сергушева, 2008]. Зайсановцы были первым населением Приморья, занимавшимся земледелием. Систематические археоботанические изыскания показали обязательное присутствие просового земледелия у носителей всех выделенных на настоящее время вариантов ЗКТ. Эти данные позволили реконструировать динамику использования растительных ресурсов, в том числе продуктов просового земледелия и собирательства пищевых дикорастущих растений [Сергушева, 2013]. В последние годы массив археоботанических данных стал пополняться и расширяться за счет изучения остатков древнего крахмала с памятников ЗКТ [Пантюхина, Вострецов, 2022; 2023] и др. Привлечение разных археоботанических источников (семена растений и крахмал) для реконструкции использова-

© Сергушева Е. А., 2025

ния растений носителями ЗКТ демонстрирует хорошую сходимость получаемых результатов, их взаимную дополняемость.

Серия AMS-дат, полученных по семенам культурных и дикорастущих растений, увеличила базу радиоуглеродных датировок объектов ЗКТ, что позволило скорректировать абсолютную хронологию ее вариантов. Сопряженные археоботанические и радиоуглеродные данные были вписаны в общую картину динамики земледелия в Восточной Азии, согласно которой распространение выращивания проса в неолите в этом регионе имело прерывистый характер [Leipe et al., 2019; Sergusheva et al., 2021].

К настоящему времени археоботанические данные получены с 11 памятников ЗКТ, принадлежащих четырем локально-хронологическим вариантам и зайсановско-вознесеновскому комплексу, находящихся в различных районах Приморья и отличавшихся экологическими условиями. Остатки культурного проса зафиксированы в культуросодержащих отложениях всех этих памятников. Это убедительно свидетельствует о том, что земледелие практиковалось всем зайсановским населением, т. е. было распространено на всей территории его расселения – в южном, западном, центральном, юго-восточном Приморье, в северном направлении вплоть до зоны контакта с носителями вознесеновской поздненеолитической традиций Нижнего Приамурья. Зайсановцы выращивали просо как в континентальных районах, так и в прибрежной зоне (хасанский локальный вариант). Можно говорить, что вне зависимости от района проживания этого населения просовое земледелие являлось обязательным компонентом их стратегий жизнеобеспечения. Имеющиеся археоботанические коллекции демонстрируют, как правило, низкую частоту встречаемости остатков культурного проса, их малочисленность и невысокую насыщенность ими отложений. Семена культурного проса и остатки просового крахмала численно уступают находкам остатков пищевых дикорастущих растений [Сергушева, 2008; Пантюхина, Вострецов, 2023]. Эти наблюдения позволяют предполагать мелкомасштабный характер зайсановского земледелия. Таким образом, на протяжении всего периода существования ЗКТ выращивание проса сохранялось в многокомпонентных стратегиях жизнеобеспечения этого населения как один из элементов экономики, не превращаясь в основу хозяйства, но и не исчезая при смене эколого-климатических условий, например, при расселении в прибрежные районы или ухудшении климата. Предположительно использовалась подсечно-огневая технология земледелия, обусловленная высокой облесенностью территории.

Наши данные показывают использование зайсановцами значительного числа дикорастущих растений: орехи (маньчжурский, лещина), плоды, ягоды (желуди, боярышник, черемуха, виноград, малина, бархат и др.), богатые крахмалом подземные запасающие органы (лилия даурская) [Сергушева, 2008; Пантюхина, Вострецов, 2022, 2023].

В целом археоботанические данные демонстрируют устойчивое существование в позднем неолите Приморья сообществ охотников-собирателей, обязательно практикующих мелкомасштабное просовое земледелие. Вероятно, богатые пищевые ресурсы региона и продукты мелкомасштабного земледелия дополняли друг друга, повышая стабильность и устойчивость систем жизнеобеспечения населения в условиях Приморья. Присутствие земледелия на поселениях ЗКТ, локализованных в различных экологических условиях, демонстрирует его значимость для населения.

Список источников

Вострецов Ю. Е. Взаимодействие морских и земледельческих адаптаций в бассейне Японского моря // Российский Дальний в древности и средневековье: открытия, проблемы, гипотезы. Владивосток: Дальнаука, 2005. С. 159–186.

Клюев Н. А., Сергушева Е. А., Верховская Н. Б. Земледелие в финальном неолите Приморья (по материалам поселения Новоселище-4) // Традиционная культура Востока Азии. Благовещенск: Амур. гос. ун-т, 2002. Вып. 4. С. 102–126.

Клюев Н. А., Яншина О. В. Финальный неолит Приморья: новый взгляд на старую проблему // Россия и АТР. 2002. № 3. С. 67–78.

Коломиец С. А., Батаршев С. В., Крутых Е. Б. Поселение Реттиховка-Геологическая (хронология, культурная принадлежность) // Археология и культурная антропология Дальнего Востока. Владивосток: Изд-во ДВО РАН, 2002. С. 90–102.

Коломиец С. А., Крутых Е. Б. Хозяйственно-бытовые сооружения в финальном неолите юга Дальнего Востока России // Россия и АТР. 2011. № 1. С. 95–106.

Крутых Е. Б. Зайсановская археологическая культура: проблемы интерпретации // Россия и АТР. 2012. № 1. С. 139–154.

Медведев В. Е. Неолитическое поселение на Сопке Большой // Первобытная археология Дальнего Востока России и смежных территорий Восточной Азии: современное состояние и перспективы развития. Владивосток: Изд-во ДВО РАН, 2015. С. 84–102.

Новые аспекты в изучении зайсановской культурной общности в Приморье (по итогам исследования памятника Водопадное-7) / Н. А. Дорофеева, И. В. Гридасова, Н. А. Клюев, И. Ю. Слепцов // Россия и АТР. 2017. № 3. С. 187–205.

Новые данные о раннем земледелии в Приморье / Ю. Е. Вострецов, Е. А. Сергушева, М. Комото, К. Миямото, Х. Обата // Проблемы археологии и палеоэкологии Северной, Восточной и Центральной Азии. Владивосток; Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2003. 373–378.

Пантюхина И. Е., Вострецов Ю. Е. Растения в диете первых земледельцев в Приморье: опыт применения метода анализа древнего крахмала // КСИА. 2022. Вып. 266. С. 280–296.

Пантюхина И. Е., Вострецов Ю. Е. Кроуновка 1 – поселение первых земледельцев в Приморье: о чем нам рассказал древний крахмал // КСИА. 2023. Вып. 270. С. 384–400.

Сергушева Е. А. К вопросу о появлении земледелия на территории Приморья в позднем неолите: археоботанические исследования // OPUS: междисциплинарные исследования в археологии. М.: Изд-во «Параллели», 2008. Вып. 6. С. 180–195.

Сергушева Е. А. Динамика земледелия в позднем неолите Приморья по данным археоботаники // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. № 4 (23). С. 155−162.

Leipe C., Long T., Sergusheva E. A., Wagner M., Tarasov P. E. Discontinuous spread of millet agriculture in eastern Asia and prehistoric population // Science Advances. 2019. 5(9). P. 1–9.

Sergusheva E., Leipe C., Klyuev N. A., Batarshev S. V., Garkovik A. V., Dorofeeva N. A., Kolomiets S. A., Krutykh E. B., Malkov S. S., Moreva O. L., Sleptsov I. Y., Hosner D., Wagner M., Tarasov P. E. Evidence of millet and millet agriculture in the Far East Region of Russia derived from archaeobotanical data and radiocarbon dating // Quaternary International. 2021. Vol. 263. P. 50–67.

А. М. Скоробогатов, А. А. Малютина
Институт истории материальной культуры РАН,
Санкт-Петербург, Россия

КОСТЯНАЯ ИНДУСТРИЯ НЕОЛИТА – ЭНЕОЛИТА СРЕДНЕГО ПОДОНЬЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЧЕРКАССКИХ СТОЯНОК)

Аннотация. В рамках работы осуществлен трасологический анализ 66 костяных предметов с двух бытовых памятников VI–IV тыс. до н. э. (предметы вооружения и орудия бытового назначения) Среднего Дона. Установлены приемы обработки твёрдых органических материалов и функциональное назначение изделий из кости, рога и зубов. Для энеолита отмечено применение как каменных, так и металлических инструментов обработки.

Ключевые слова: кость, рог, зубы, неолит, энеолит, технология, функция

Работа выполнена в рамках реализации гранта РНФ, проект № 25-28-01292 «Становление и развитие производящего хозяйства на Среднем Дону в эпоху энеолита».

Артефакты из кости являются не часто встречаемой категорией находок на бытовых памятниках неолита – энеолита Среднего Подонья, что обусловлено, прежде всего, характером самих древних поселений, расположенных на возвышенных над поймой участках останцов террас с супесчаными грунтами (т. н. дюнные

© Скоробогатов А. М., Малютина А. А., 2025

стоянки). Органические изделия хорошей сохранности встречаются лишь на участках стоянок с мощными (около 2 м) балластными аллювиальными отложениями, в непосредственной близости от водоемов, как правило, залегая ниже современного уровня воды. Эти памятники локализуются в приустьевой части рек Тихая Сосна (Копанище 1, Дармодехинская 1–2) и Битюг (Черкасские стоянки). Первый этап изучения этих памятников пришелся на 1970-е – начало 1980-х гг., а полученный материал, включая находки из кости и рога, был введен в научный оборот [Синюк, 1978; 1986]. Однако «многослойность» памятников (в современной терминологии – многокомпонентность) и отсутствие надежных стратиграфических данных с этих стоянок не позволяли вычленить культурно-хронологические особенности интересующих нас находок. Не внесла особой ясности и работа, проведенная одним из авторов [Скоробогатов, 2015]. Имеющийся к началу 2010-х гг. костяной и роговой инвентарь рассматривался также в широких рамках неолита – энеолита, за исключением редких категорий украшений, имеющих аналогии в погребальных комплексах. Отдельные артефакты с этих стоянок подвергались технико-морфологическому и экспериментально-трасологическому анализам [Килейников, Чекменев, 1993; Килейников, Крамской, Дущенко, 2009], однако их хронология рассматривалась в еще более широком диапазоне – от неолита до эпохи бронзы.

Не так давно нами был обнаружен и исследован ряд памятников в приустьевой части р. Битюг (Донское левобережье, Павловский р-н Воронежской обл.). В нашем распоряжении появились материалы раннего неолита со стоянки Черкасская-5 [Скоробогатов, 2018; Ранний неолит..., 2023] и данные из стратифицированных культурных слоев неолита – энеолита стоянки Черкасская-3 [Скоробогатов, 2020; Скоробогатов, Сурков, 2020]. Анализу костяной индустрии с этих памятников и будет уделено основное внимание в настоящей работе.

Удовлетворительная сохранность поверхности изделий из твердых органических материалов позволила применить к их характеристике методику экспериментально-трасологического анализа [Семёнов, 1957; Коробкова, Щелинский, 1996; Малютина, 2023]. Работа проводится в Экспериментально-трасологической лаборатории ИИМК РАН с использованием следующего оборудования: стереомикроскоп Альтами СМ0745 (косонаправленное освещение; увеличение до 45 крат); металлографический микроскоп Olympus (встроенное освещение; ув. до 500 крат); установка для макросъёмки с возможностью микрофокусировки в сочетании с камерой Canon EOS 450D, объективами Canon Macro EF-S 60 mm 1:2.8 USM, при косо направленном внешнем освещении светодиодными и люминесцентными осветителями; программное обеспечение Canon EOS Utility, Helicon Focus. Для верификации зафиксированных технологических и функциональных следов используется база экспериментальных эталонов орудий из твёрдых органических материалов ЭТЛ ИИМК РАН.

Черкасская-5. Здесь нами просмотрено 11 предметов со следами обработки. Все изделия изготовлены из костей млекопитающих. Типологически выделяется серия (3 экз.) предметов вооружения – наконечников копий или стрел (один целый и два во фрагментах). К орудиям труда можно отнести два изделия: одно тонкое остриё и одну, скорее всего, стамеску. Большая часть коллекции – 5 экз. – это фрагменты костей со следами обработки, которые, в силу небольших размеров, сложно соотнести с той или иной известной категорией артефактов. Один небольшой костяной предмет имеет геометрический орнамент, прорезанный тонким лезвием каменного резчика. Данный фрагмент, судя по всему, является частью украшения. Кроме уже отмеченной техники гравировки, для изготовления костяных изделий использовалось резцовое резание (выбирание пазов), строгание и скобление, объемное резание и шлифовка.

Черкасская-3. Коллекция этого памятника более внушительная – 55 экз. Основ-

ная часть материала изготовлена из костей млекопитающих – 35 пр., из рога – 8 пр. Кроме того, имеется один фрагмент черепной коробки со следами рубки по пеньку отходящего рогового отростка. Из костей птиц – 6 пр., из кости рыбы – 1 пр., из зуба – 1 пр., из карапакса черепахи – 1 пр. и из нижней челюсти бобра – 1 пр. Типологически все материалы разные. В связи с тем, что функциональный анализ пока не завершён, мы не будем приводить эту схему. Лишь отметим, что, в отличие от Черкасской-5, используемые техники для обработки кости, рога и зубов существенно отличаются. Здесь мы можем говорить и о рубке с использованием каменных рубящих инструментов, и о цилиндрическом сверлении, и об использовании как каменных, так и металлических инструментов чистовой обработки, что подтверждается сложным, многокомпонентным характером памятника.

Список источников

Килейников В. В., Крамской В. А., Дущенко С. Н. Орудия труда и изделия из окрестностей Черкасской стоянки // Археологические памятники Восточной Европы. Воронеж: Воронеж. гос. пед. ун-т, 2009. Вып. 13. С. 71–82.

Килейников В. В., Чекменев Ю. А. Костяные орудия рыболовства с донских памятников времени неолита – бронзы // Археология Доно-Волжского бассейна. Воронеж: Воронеж. гос. пед. ин-т, 1993. С. 11–19.

Коробкова Г. Ф., Щелинский В. Е. Методика микро-макроанализа древних орудий труда. СПб.: ИИМК РАН, 1996. Ч. 1. 80 с.

Малютина А. А. Производство и функции изделий из твердых органических материалов в неолите Днепро-Двинского междуречья: автореф. дис. … канд. ист. наук. СПб., 2023. 28 с.

Ранний неолит Среднего Дона в свете современных исследований (по материалам стоянки Черкасская-5) / А. М. Скоробогатов, Е. В. Долбунова, Н. В. Рослякова, В. В. Гасилин // Поволжская археология. № 3 (45). 2023. С. 38–45.

Семёнов С. А. Первобытная техника // Материалы и исследования по археологии СССР. № 54. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1957. 240 с.

Синюк А. Т. Неолитические памятники Среднего Дона // Археологические памятники на территории СССР и их изучение в высшей педагогической школе (по материалам Восточно-Европейской лесостепи). Воронеж: Воронеж. гос. пед. ин-т, 1978. С. 63–99.

Синюк А. Т. Население бассейна Дона в эпоху неолита. Воронеж: Воронеж. ун-т, 1986. 179 с.

Скоробогатов А. М. Изделия из кости с памятников неолита-энеолита Среднего Подонья // Тверской археологический сборник. Тверь: Изд-во «Триада», 2015. Вып. 10. Т. I. С. 291–303.

Скоробогатов А. М. Стоянка Черкасская-5 и ее место в раннем неолите Среднего Дона // Самарский научный вестник. 2018. Том 7. № 3(24). С. 176–189.

Скоробогатов А. М. Среднестоговская культура в Донской лесостепи. Данные стратиграфии и абсолютной хронологии // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре: в 3 т. Том I. Самара: Самар. гос. соц.-пед. ун-т, 2020. С. 205–207.

Скоробогатов А. М., Сурков А. В. Финал каменного века в лесостепном Подонье: пережиточный неолит или нео-энеолит // Известия Самарского научного центра РАН. Исторические науки. Т. 2. № 1. 2020. С. 85–93.

Е. А. Соловьева
Институт археологии и этнографии СО РАН,
Новосибирск, Россия

МЕГАЛИТИЧЕСКИЕ СООРУЖЕНИЯ ДРЕВНЕЙ ЯПОНИИ

Аннотация. Дзёмонская традиция монументальных сооружений фиксируется уже на раннем этапе периода дзёмон, расцвет приходится на поздний и финальный этапы. Мегалитические сооружения представлены рядами камней, каменными выкладками и каменными кругами. Характерными особенностями конструкций можно считать тщательную планировку, следы деревянных столбов, погребения, «солнечные часы» и пр.

Ключевые слова: мегалитические сооружения, период дзёмон, Японские острова, каменные круги

Исследование выполнено при поддержке программы НИР FWZG-2025-0002 «Общее и особенное в траекториях развития древних культур Востока и Юго-Востока Евразии от эпохи камня до средневековья».

На территории Японских островов выделяются три традиции мегалитических сооружений, каждая из которых соответствует историческому периоду. Первая относится к периоду дзёмон (11 000 л. до н. э. – III в. до н. э.) и демонстрирует развитую ритуальную практику, вторая связана с проникновением культуры яёй (X в. до н. э. – III в. н. э.) на территорию архипелага и имеет сходства с мегалитами Корейского полуострова, третья принадлежит периоду кофун (III–VII вв. н. э.) и характеризуется распространением курганных сооружений. Традиция периода дзёмон подтверждает комплексный характер и сложность ритуальной практики в обществах охотников-собирателей-рыболовов, не связанных с производящим хозяйством. Люди периода дзёмон активно использовали различные материалы (камень, грунт, дерево, раковины) для создания монументальных сооружений, но именно каменные сооружения сохранились лучше других и представляют наибольший интерес для археологов.

Монументальные сооружения эпохи дзёмон можно классифицировать по различным признакам: по хронологии, территории распространения (Кюсю, Хонсю, Хоккайдо), типу (круги, выкладки, скопления, насыпи и т. д.), размерам, связи с погребениями, связям с поселенческими комплексами. Самыми ранними вариантами монументальных конструкций являются ряды камней на памятниках начального этапа периода дзёмон Сэтаура (префектура Кумамото, юг Кюсю) и Яманоками (префектура Нагано, район Тюбу). Здесь найден многочисленный каменный инвентарь, представленный в основном шлифованными наконечниками с вогнутым основанием. Помимо скоплений камней, комплексы включают полуземлянки, очажные конструкции и земляные ямы [Дайкухара, 2013]. К раннему этапу периода дзёмон относится памятник Акю (префектура Нагано), площадь которого составляет 55 тыс. м². По мнению японских археологов, наиболее ранними его частями являются именно каменные круги из крупных и мелких камней (более 100 тыс.), выложенных в два ряда. Диаметр внешнего круга – 120 м, внутреннего – 90 м. Под скоплениями камней найдено более 700 ям, предположительно погребений. В радиусе 50–100 м от могильника были зафиксированы следы жилищ, относящихся к началу – середине раннего этапа периода дзёмон [Акю: исэки…, 1978, с. 26–30].

Сооружение каменных кругов, одного из наиболее известных типов монументальных конструкций, началось в середине периода дзёмон и продолжалось до конца периода. В настоящее время известно более 100 подобных комплексов, расположенных преимущественно на северо-востоке Японии. Есть также отдельные свидетельства о нахождении каменных кругов в Центральной Японии (районы Канто и Тюбу).

© Соловьева Е. А., 2025

Отдельную категорию сооружений представляют конструкции, находящиеся внутри крупных поселений, например, таких как Госёно в префектуре Иватэ на о. Хонсю. Памятник датирован 4 500 – 4 000 л. н. и относится к середине – второй половине среднего этапа периода дзёмон. В его центральной части локализовано находятся семь скоплений камней разной формы и размеров. Они расположены по кругу диаметром 30–40 м. Скопления имеют овальную форму в плане, размеры от 1,0 до 2,5 м, вокруг них зафиксированы овальные грунтовые ямы, предположительно могильные. По периметру комплекса найдено около 650 ямок от столбов. В настоящее время эта часть памятника реконструирована в виде открытых опорных конструкций с навесом на шести столбах [Такада, 2005, с. 32–46; Иванова, 2012].

Среди памятников с каменными кругами и выкладками особое место занимает комплекс Ооюу (префектура Акита), относящийся к позднему этапу периода дзёмон. Комплекс состоит из двух отдельных каменных колец: Мандза и Нонакадо. Кольца состоят из двух концентрических кругов. Мандза насчитывает более 105 камней, диаметр внешнего круга – 52 м, внутреннего – 16 м. Нонакадо включает более 55 камней, диаметр внешнего круга – 44 м, внутреннего – 14 м. В северо-западной части обоих сооружений имеются небольшие комплексы, получившие название «солнечные часы»: вокруг вертикального каменного столба радиально расположены продолговатые крупные камни, а вся конструкция заключена в кольцо из камней. По мнению С. Кавагути, в основу комплекса Ооюу легло представление дзёмонцев о движении небесных тел [Kawaguchi, 1956]. Если провести прямую между «солнечными часами» Мандза и Нонакадо, то она совпадет с линией захода солнца во время летнего солнцестояния. Вокруг каменного круга Мандза реконструировано восемь свайных сооружений, раскопано несколько погребений, а в западной части комплекса Ооюу зафиксирован сложный объект, состоящий из более 50 деревянных столбов, расположенных по кругу [Дзё:мон-но суто:н са:куру, 2012, с. 22–31; Kobayashi, 2004, p. 180–181].

Более сложным по структуре является памятник Комакино (префектура Аомори), датируемый поздним этапом периода дзёмон [Эндо, Кодама, 2005]. Мегалитическая конструкция состоит из трех кругов. Центральный сложен из крупных блоков общей массой до 500 кг и нескольких десятков мелких. Внутренний и внешний круги выложены в два яруса в особом порядке по схеме «один крупный перпендикулярно и от трех до шести параллельных», которая получила название «стиль комакино». Подобная схема в упрощенном виде «1 + 2» использована и при создании небольших кругов. Предполагается, что погребения во внутреннем кольце (в керамических сосудах) могли принадлежать представителям племенной элиты (вождям, шаманам) [Kodama, 2003, p. 258; Иванова, Попов, Табарев, 2013].

В конце периода дзёмон в строительстве монументальных сооружений наблюдается заметный спад. Среди наиболее ярких комплексов этого времени можно выделить памятники Оомори Кацуяма (префектура Аомори) и Татэиси (префектура Иватэ). Первый представляет собой каменный круг диаметром 48,5 м, сопровождаемый 77 небольшими скоплениями камней. Второй комплекс состоит из разрозненных каменных выкладок. В целом на данном этапе получили распространение погребальные комплексы с различными маркерами (вертикальные камни), каменными ящиками, небольшими насыпями из камней [Ямада, 2007].

Дзёмонская традиция монументальных сооружений является визитной карточкой целой эпохи в древней истории Японского архипелага. Эти яркие памятники отражают сложную ритуальную практику охотников-собирателей-рыболовов, развивавшуюся на протяжении более 10 тыс. лет. Вместе с тем данный феномен является одним из элементов мегалитических традиций, существовавших в древних культурах континентальной, прибрежной и островной частей Восточной и Юго-Восточной Азии.

Список источников

Акю: исэки хаккуцу тё:са гай-хо: Сё:ва 51–52 нэндо, Нагано-кэн Сува-гун Хара-мура (Краткий отчет о раскопках 1976–1977 гг. памятника Акю, село Хара, уезд Сува, префектура Нагано). Мацумото: Нагано-кэн тю:о:до: исэки тё:сакай тё:са-дан, 1978. 47 с. (на яп. яз.).

Дайкухара Ю. Памятники эпохи дзёмон // Дзё:мон-но тикара – Сидзэн-тоно кё:сэйо ити ман-нэн цудзукэта дзё:мон косумородзи:-но эйти (Сила дзёмон: Космологическая мудрость эпохи дзёмон и гармония с природой, продолжающаяся в течение 10 тыс. лет). Токио: Хэнбонся, 2013. С. 41–43 (на яп. яз.).

Дзё:мон-но суто:н са:куру / Хатинохэ-си майдзо бункадзай сэнта, Корэкава дзё:мон-кан (Каменные круги эпохи дзёмон / Археологический центр г. Хатинохе, Музей культуры Корэкава, дзёмон). Хатинохэ: Корэкава дзё:мон-кан, 2012. 85 с. (на яп. яз.).

Иванова Д. А. Погребально-обрядовая практика культуры дзёмон в северо-восточной и центральной частях Японского архипелага // Древности Азии и Америки. Тихоокеанская археология. Владивосток: Дальневост. фед. ун-т, 2012. Вып. 22. С. 114–137.

Иванова Д. А., Попов А. Н., Табарев А. В. Вторичные погребения в глиняных сосудах в культуре дзёмон на территории Северной Японии // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2013. Т. 12. Вып. 5. С. 146–156.

Такада К. Дзё:мон-но иэто мура-но фу:кэй: Госёно исэки (Представление о доме и деревне эпохи дзёмон: Памятник Госёно). Токио: Синсэнся, 2005. 93 с. (на яп. яз.).

Эндо М., Кодама Д. Памятник Комакино, префектура Аомори // Дзё:мон рандо сукэ-пу (Пейзажи эпохи дзёмон). Токио: UM Promotion, 2005. С. 55–70 (на яп. яз.).

Ямада Я. Погребальная практика эпохи дзёмон // Дзё:мон дзидай-но ко:когаку. Сито томурай – со:сэй (Археология эпохи дзёмон: Смерть и похороны: Погребальная практика). Токио: До:сэйся, 2007. № 9. С. 3–17 (на яп. яз.).

Kawaguchi Sh. The Arrangement of the Oyu Stone Circles // Kyodo Bunka. 1956. Vol. 11, iss. 1. P. 1–4.

Kobayashi T. Jomon Refl ections. Oxford: Oxbow Books, 2004. 240 p.

Kodama D. Komakino Stone Circle and Its Significance for the Study of Jomon Social Structure // Senri Ethnological Studies. 2003. Vol. 63. P. 235–261.

А. В. Сомов
Самарский государственный социально-педагогический университет,
Самара, Россия

ПОСУДА «СИНКРЕТИЧНОГО» ТИПА В РАМКАХ СРЕДНЕВОЛЖСКОЙ НЕОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Аннотация. В работе представлена посуда лесостепного Заволжья, которая относится к средневолжской неолитической культуре. Особое внимание уделяется керамике, орнаментированной одновременно различными техниками. На основе археологических данных с памятников выявлено, что синкретическая керамика отражает взаимодействие различных орнаментальных традиций.

Ключевые слова: неолит, лесостепное Поволжье, средневолжская культура, «синкретическая» керамика

Исследование выполнено за счет гранта РНФ № 23-78-10088 «Векторы и динамика культурно-исторических процессов в каменном веке Среднего Поволжья».

В эпоху развитого и позднего неолита на территории лесостепной зоны Среднего Поволжья формируется средневолжская культура, которая характеризуется значительным разнообразием керамических традиций [Васильев, Выборнов, 1988; Выборнов, 2000]. Керамика этой культуры представлена различными типологическими группами, отличающимися способами орнаментации: наколами [Андреев, Кудашов, Сомов, 2023], оттисками гребенчатого и зубчатого штампа [Андреев, Сомов, 2022], а также ногтевидными насечками [Сомов, 2022]. Географический ареал распространения данной посуды охватывает как правобережье Волги (Сурско-Мокшанское междуречье и Свияжский регион), так и лесостепное Заволжье (бассейны рек Самара, Сок, Большой Черемшан). Цель настоящего исследования

© Сомов А. В., 2025

заключается в анализе керамики синкретического типа, под которой понимаются сосуды, украшенные одновременно несколькими элементами орнамента. Такой подход позволяет глубже понять процессы культурного взаимодействия и преемственности в рамках средневолжской неолитической культуры.

Типологические группы керамики средневолжской культуры имеют различные истоки формирования. Появление накольчатой посуды связано с влиянием южных культурных групп, тогда как гребенчатая керамика отражает как местные лесостепные традиции (зубчатая посуда), так и влияние населения, пришедшего с территории Прикамья. Радиоуглеродный анализ позволил установить хронологические рамки бытования этих типов керамики [Радиоуглеродные данные…, 2016]. Так в первой-второй четверти VI тыс. до н. э. широкое распространение получает посуда, украшенная накольчатой орнаментацией и ногтевидными насечками. К концу VI тыс. до н. э. вторая традиция постепенно сменяется керамикой с зубчатым штампом. При этом украшение сосудов длинным штампом, получившее распространение в конце VI тыс. до н. э., продолжает существовать вплоть до конца V тыс. до н. э., что свидетельствует о длительном сохранении отдельных элементов орнаментации.

На основании анализа орнаментальных характеристик и хронологических рамок керамики возникает вопрос о правомерности объединения различных типологических групп в рамках одной археологической культуры. Так, например, на территории Прикамья исследователи разделяют накольчатую и гребенчатую посуду на волго-камскую и камскую культуры [Лычагина, 2020]. Однако, в случае с лесостепным Поволжьем, представленная посуда образует единый комплекс, что подтверждается схожестью морфологических и технологических особенностей.

Характерными чертами керамики средневолжской культуры являются: наличие ямочно-жемчужного пояска под срезом венчика и преобладание плоскодонных форм. Технико-технологический анализ также выявил преемственность в технологии изготовления между рассматриваемыми комплексами [Васильева, 2018]. При обработке внутренней поверхности накольчатых и гребенчатых сосудов фиксируется использование горизонтальных расчесов. Важным элементом является орнаментация среза венчика, которая включает наколы, насечки и оттиски штампов. Эти элементы встречаются как в накольчатых [Андреев, Кудашов, Сомов, 2023, табл. 2], так и в гребенчатых [Андреев, Сомов, 2022, табл. 2] комплексах, что подчеркивает их культурное единство.

Основным свидетельством не только сосуществования, но и использования различных орнаментальных традиций одним неолитическим населением является керамика «синкретического» типа. Такая посуда обнаружена преимущественно на памятниках бассейна р. Сок: Лужки II, Калмыковка I, Лебяжинка I и IV, Чекалино IV, Ильинка, Большая Раковка II и Красный Яр VII. В южной части лесостепной зоны (стоянки Ивановская и Виловатовская) она встречается реже.

В рамках всего керамического комплекса средневолжской культуры синкретическая группа представлена сравнительно небольшим количеством сосудов – 67 экземпляров из 1 800. Венчики преимущественно прямые или прикрытые, с округлым, плоским или приостренным срезом, на котором часто фиксируются оттиски штампов, насечек или наколов. Толщина стенок варьируется от 0,4 до 1,1 см, а поверхности, как правило, тщательно заглажены. Около половины сосудов этой группы украшены одновременно накольчатым и гребенчатым орнаментом, причем в большинстве случаев преобладает одна из техник, хотя встречаются и примеры паритета данных традиций. Реже наблюдается комбинация этих техник с ногтевидными насечками. Также выделяется небольшая группа посуды с оттисками прямого гладкого штампа, который иногда наносился совместно с наколами.

Кроме того, выделяется прочерченно-накольчатая керамика, характерная

для елшанской ранненеолитической культуры лесостепного Поволжья [Андреев, Выборнов, 2017]. В единичных случаях отмечается сочетание прочерченного орнамента с оттисками трехзубого штампа, что позволяет предположить длительное сохранение прочерченной традиции вплоть до распространения гребенчатой керамики средневолжской культуры. Это открывает новые перспективы для изучения культурной атрибуции прочерченной посуды и ее роли в формировании средневолжской неолитической культуры.

Проведенное исследование керамики «синкретического» типа, в рамках средневолжской неолитической культуры лесостепного Поволжья, позволило выявить сложные процессы культурного взаимодействия в регионе в конце VI – пер. пол. V тыс. до н. э. При этом представленная посуда является важным маркером сосуществования накольчатой и гребенчатой посуды, а также сосудов с ногтевидными насечками. Однако объяснить представленное многообразие украшения сосудов одним населением на данный момент крайне затруднительно. Наличие «гибридных» сосудов свидетельствует о взаимодействии между группами населения, пришедшими из разных регионов, и отражает многокомпонентный характер средневолжской культуры. Таким образом, изучение «синкретической» посуды открывает новые перспективы для реконструкции культурных процессов в неолите Среднего Поволжья и требует дальнейшего углубленного анализа археологических материалов.

Список источников

Андреев К. М., Выборнов А. А. Ранний неолит лесостепного Поволжья (елшанская культура). Самара: Изд-во ООО «Порто-Принт», 2017. 272 с.

Андреев К. М., Кудашов А. С., Сомов А. В. Комплексы неолитической керамики, орнаментированной наколами, Среднего Поволжья, Камско-Вятского и Сурско-Мокшанского междуречий // Вопросы археологии Поволжья. Самара: Самар. гос. соц. пед. ун-т, 2023. Вып. 10. С. 85–99.

Андреев К. М., Сомов А. В. Гребенчатая традиция орнаментации керамики средневолжской неолитической культуры лесостепного Поволжья (общая характеристика) // Самарский научный вестник. 2022. № 1. Т. 11. С. 156–164.

Васильев И. Б., Выборнов А. А. Неолит Поволжья. Куйбышев: Куйбыш. гос. пед. ин-т, 1988. 112 с.

Васильева И. Н. Гончарные традиции населения средневолжской культуры (к вопросу о многокомпонентном составе) // XXI Уральское археологическое совещание. Самара: Самар. гос. соц. пед. ун-т, ООО «Порто-Принт», 2018. С. 17–19.

Выборнов А. А. Средневолжская культура // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Каменный век. Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2000. С. 177–215.

Выборнов А. А., Андреев К. М., Кулькова М. А., Нестеров Е. М. Радиоуглеродные данные к хронологии неолита лесостепного Поволжья // Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII–III тысячелетия до н. э. Смоленск: Изд-во «Свиток», 2016. С. 74–96.

Лычагина Е. Л. Неолит Верхнего и Среднего Прикамья. Пермь: Перм. гос. гум.-пед. ун-т, 2020. 364 с.

Сомов А. В. Неолитическая посуда с ногтевидными насечками лесостепного Поволжья // Известия СНЦ РАН. 2022. № 4. Т. 4. С. 120–146.

В. В. Ставицкий[1], В. В. Морозов[2], А. В. Лыганов[3], А. М. Юдина[4], А. Л. Смирнов[5]
[1] Пензенский государственный университет,
Пенза, Россия
[2,3] ООО «Археология Восточно-Европейской равнины»,
Москва, Россия
[4,5] Институт археологии РАН,
Москва, Россия

НОВОБИКСЕНТЕЕВСКИЙ ЭНЕОЛИТИЧЕСКИЙ МОГИЛЬНИК В НИЖНЕМ ПРИКАМЬЕ: ПРОБЛЕМА КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКОЙ АТРИБУЦИИ

Аннотация. Материалы могильника датируются на основе аналогий по костяным двояковыпуклым подвескам, имитирующим зубы благородного оленя. Наиболее близкие территориальные аналоги им имеются в Хвалынских могильниках, погребения которых датируются 4 460 – 4 234 calBC, чему соответствует хронология бытования зауральских подвесок. Возможно, могильник оставлен носителями керамики русско-азибейского типа.

Ключевые слова: Нижнее Прикамье, хронология, русско-азибейский тип, поздний неолит, энеолит

Работа выполнена в рамках НИОКТР 122011200264-9 «Междисциплинарный подход в изучении становления и развития древних и средневековых антропогенных экосистем».

Памятник расположен на песчаном останце правого берега р. Буга, в 1,1 км к СВ от заброшенной деревни Новое Биксентеево в Мензелинском районе Республики Татарстан. В 2023–2024 гг. на могильнике вскрыто 290 м² и выявлено 9 погребений, предварительно отнесенных к эпохе энеолита. Шесть погребений образуют компактную группу в СВ, прибрежной части раскопа, состоящую из трех рядов неглубоких могильных ям, часть которых посыпана охрой. Погребения совершены в вытянутом положении на спине и ориентированы головой на СЗ. Три захоронения не содержали погребального инвентаря, в остальных зафиксированы многочисленные находки подвесок из серпентинита и костей животных, бусы из раковин, единичными находками представлены кремневые орудия, пластины из клыков кабана, в яме одного из погребений собраны фрагменты керамики от развала сосуда.

Хронология. Наиболее информативными хроноиндикаторами являются двояковыпуклые костяные подвески, форма которых, по-видимому, имитирует зубы (клыки) благородного оленя. Причем форма оленьих зубов передана не особенно точно. Однако стремление древних мастеров придать подвескам столь неестественную и неудобную для изготовления форму, никак не связанную с исходными очертаниями заготовки, нельзя ничем объяснить, кроме копирования известных им ранее образцов. Клыки марала относятся к разряду престижных предметов в ряде археологических культур неолита – Средневековья, поэтому их имитация достаточно распространенное явление. Однако Нижнее Прикамье никогда не входило в ареал обитания марала, следовательно, местные мастера могли изготавливать их только по импортируемым изделиям. Возможно, данным обстоятельством объясняется неточная передача исходной формы.

По территории Украины и Европейской России актуальная база находок подвесок из зубов благородного оленя собрана А. М. Скоробогатовым, который отмечает их использование с эпохи раннего энеолита в погребальной практике ряда памятников степных и лесостепных культур [Скоробогатов, 2023]. Подобные подвески особенно широко представлены в захоронениях Мариупольского могильника [Макаренко, 1933]. Памятники мариупольского типа, согласно последним радиоуглеродным датам, относятся к интер-

© Ставицкий В. В., Морозов В. В., Лыганов А. В., Юдина А. М., Смирнов А. Л., 2025

валу: 5 206 – 4 844 calBC [Kiosak, 2024]. Среди более близких к Прикамью аналогий заслуживают внимания подвески из 1-го и 2-го Хвалынских могильников, погребения которых по костям копытных животных датируются периодом 4 460 – 4 234 calBC (2σ) [Шишлина, 2023, с. 125, табл. 1].

Ряд достаточно близких аналогий двояковыпуклым подвескам имеется также в материалах ряда памятников Зауралья и Западной Сибири. Это даты по подвескам из погребений Бурмантовский грот и пещера Жилище Сокола: 4 260 – 3 970 calBC и 4 360 – 4 060 calBC [Чаиркина, Кузьмин, 2018]. Могильник Чепкуль 21 с подобными подвесками датирован по углю из погребений временем 4 322 – 3 814 calBC [Мосин, 2023].

Таким образом, нижние значения зауральских датировок в целом соответствуют хронологии Хвалынских могильников, являющихся наиболее близкими территориальными памятниками к Новобиксентеевскому некрополю.

Культурная атрибуция. Для решения данного вопроса особенно важными являются материалы погребения 6, которое к тому же сохранилось лучше других (рис. 1). Костяк индивида 1 лежал на спине с вытянутыми вдоль туловища руками. Между его ног был расчищен детский костяк возрастом 1–2 года (индивид 2). Определение пола первого индивида затруднено из-за особенностей морфологии людей этого времени, в частности слабых различий между мужскими и женскими черепами, что характерно и для других относительно синхронных материалов [Хохлов, 2011]. На данный момент пол определен как мужской, но необходимо привлечение биохимических и генетических методик. Биологический возраст соответствует интервалу 35–45 лет. При этом наблюдается сильная стертость зубов горизонтальной формы. Под вопросом прямой прикус, особенности питания, использование зубов в хозяйственной деятельности. Эта особенность отмечена для всех индивидов могильника. В погребении собраны многочисленные двояковыпуклые подвески, костяные пронизки и бисер, которые располагались как на костях нижних конечностей, так и сбоку от них, а также под ними. Всего в области нижних конечностей индивидов выявлено несколько сотен украшений из кости, серпентина и глоточных зубов карпа, бусы из раковины. В погребении также отмечены: два кремневых ножа, один из которых выполнен на крупной пластине с кварцитовой желвачной коркой. На черепе индивида 2 был отмечен фрагмент украшения из клыка кабана. В плотном охристом песке зафиксированы фрагменты керамики с венчиком от воротничкового сосуда, украшенные мелкозубчатым коротким штампом и насечками (рис. 1, *1*). Подобная керамика характерна для позднеолитической посуды камской культуры русско-азибейского типа, испытавшей на себе воздействие южных энеолитических культур [Морозов, 2024]. Данное влияние проявилось не только в керамике, но и в распространение орудий на крупных ножевидных пластинах, использовании кварцитового инвентаря. Кремневый нож на подобной пластине с кварцитовой коркой найден в погребении 6. Для подтверждения соотношения материалов могильника с русско-азибейским типом необходимо получение дополнительных материалов. Помогут прояснить ситуацию и радиоуглеродные даты.

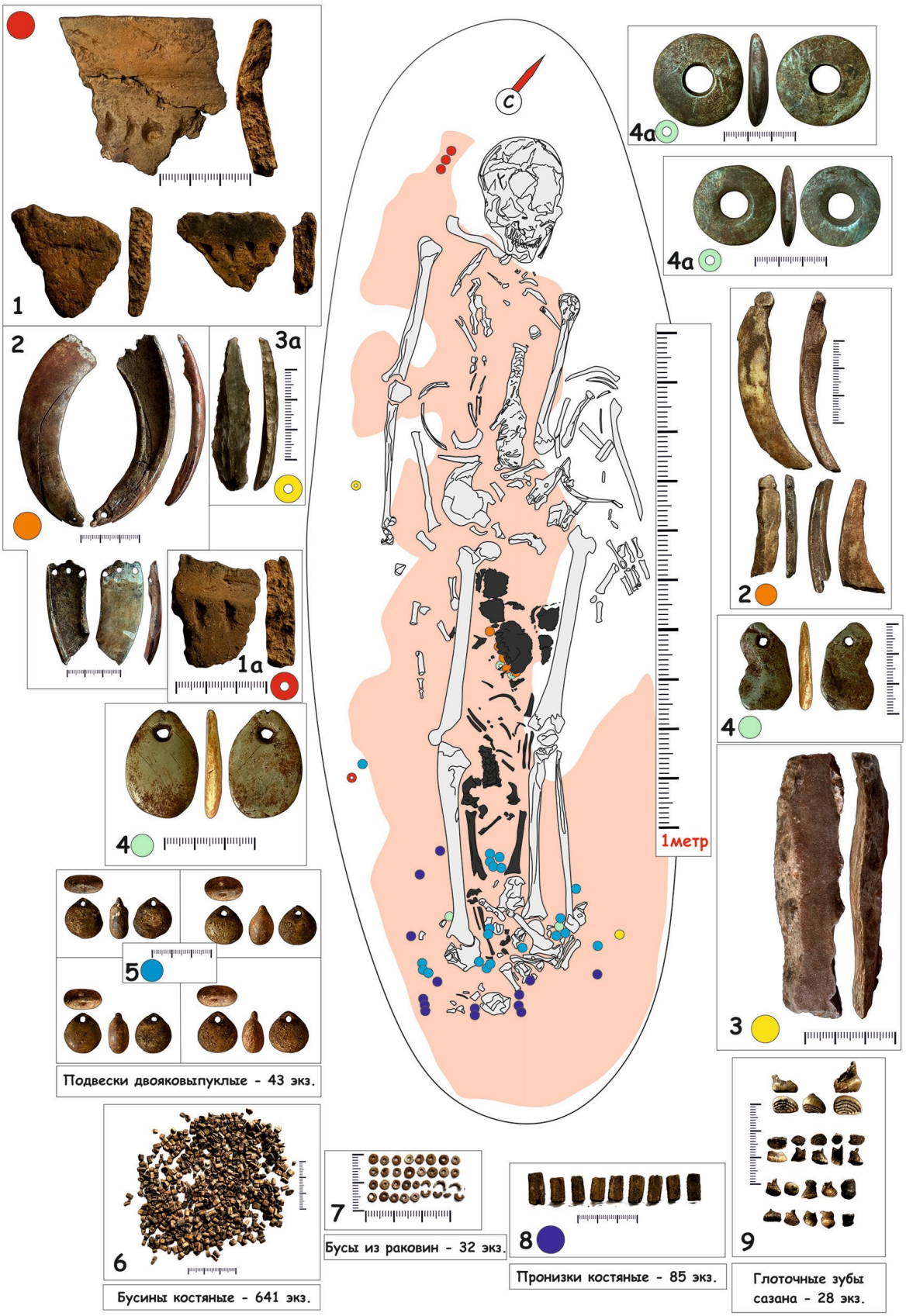

Рис. 1. Новобиксентеевский могильник. Раскоп 1/2024. Погребение 6: *1–1а* – керамика; *2* – украшения из клыков кабана; *3–3а* – кремневые ножи на пластинах; *4–4а* – подвески из серпентинита; *5* – подвески «двояковыпуклые» из кости (?); *6* – бусины из фаланг и метаподий зайца; *7* – бусы из раковин (?); *8* – пронизки из кости млекопитающего; *9* – украшения из глоточных зубов сазана

Список источников

Морозов В. В. Камская неолитическая культура: поселения нижнекамского локального варианта // Самарский научный вестник. 2024. Т. 13. № 3. С. 93–113.

Мосин В. С. Хронология энеолитических памятников Зауралья // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22. № 3. С. 61–71.

Скоробогатов А. М. Зубы оленя как особый вид украшений в погребальных комплексах неолита-энеолита восточноевропейской степи-лесостепи // Археология Евразийских степей. 2023. № 4. С. 221–232.

Хохлов А. А. К вопросу о происхождении энеолитического населения Прикамья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2011. № 1(14). С. 116–125.

Чаиркина Н. М., Кузьмин Я. В. Новые радиоуглеродные даты эпохи мезолита – раннего железного века Зауралья // Уральский исторический вестник. 2018. № 2 (59). С. 124–134.

Шишлина Н. И. Хвалынский I энеолитический могильник: новые радиоуглеродные даты // Вопросы археологии Поволжья. Самара: Самар. гос. соц.-пед. ун-т, 2023. Вып. 10. С. 123–129.

Макаренко Микола. Маріюпільський могильник. Київ: Всеукраінська Академія Наук, 1933. 152 с.

Kiosak Dmytro. Modelling the Rhythm of Neolithisation Between the Carpathians and the Dnieper River. Venice: Edizioni Ca' Foscari, 2024. 270 p.

В. В. Терехина, Н. Н. Скакун
Институт истории материальной культуры РАН,
Санкт-Петербург, Россия

К ПРОБЛЕМЕ ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ И ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ КЛАССИФИКАЦИИ КРЕМНЕВЫХ ИЗДЕЛИЙ КУЛЬТУРЫ ТРИПОЛЬЕ-КУКУТЕНЬ

Аннотация. Кремневый комплекс культуры Триполье-Кукутень остается наименее изученным. На методологическом уровне до сих пор не решена проблема типологической и функциональной классификации изделий из кремня. На примере среднетрипольского поселения Бодаки и поселений из Бугo-Прутского междуречья в докладе предлагается решение этой проблемы.

Ключевые слова: энеолит, Триполье-Кукутень, волынский кремень, типологическая классификация, функциональная классификация, связи

Исследование выполнено по госзаданию «Север Евразии в каменном веке: проблемы расселения человека, культурной адаптации и технологического развития (FMZF-2025-0007)».

В процессе изучения публикаций, которые были посвящены в той или иной степени кремневому орудийному комплексу Триполья-Кукутень, мы пришли к выводу, что до сих пор не создана типологическая классификация, лишенная логических противоречий. Неоправданно, по нашему мнению, активно вводить в типологические разработки функциональные принципы и термины. Такие типы орудий, как серп, ретушер, отжимник, отбойник (в случае отсутствия предварительной обработки гальки), выделены на основе макропризнаков утилизации, а не морфологии. Встречаются в литературе и такие определения, как серп без следов использования [Беленко, 2010, с. 15] или типологически выраженные формы вкладыша серпа [Энговатова, 1993, с. 71–72, 184]. Яркая заполировка может появиться не только от срезания злаковых, но и от интенсивной и длительной работы по срезанию травы или осоки. А серп может быть в начальной стадии использования, когда еще не сформировалась широкая полоса зеркальной заполировки. Поэтому данный вид орудия требует микроскопического анализа. Если говорить о соотношении формы и функции, то серпы могут быть как на пластинах целых в случае однолезвийного серпа, или их частей (дистальный, проксимальный конец, медиальная часть) в случае составного серпа. Не редки случаи, когда

© Терехина В. В., Скакун Н. Н., 2025

в качестве серпа использовался типологически выраженный концевой скребок. Такие случаи зафиксированы также в культуре Гумельница-Коджадермен-Караново VI на Балканах [Скакун, 2006]. Лезвия серпов могли быть ретушированными и без ретуши. Также нами были зафиксированы на поселении Бодаки вкладыши серпов с краевой уплощающей ретушью на дистальном и проксимальном концах для подгонки вкладышей друг к другу. С морфологической точки зрения все вышеописанные орудия – это пластины с ретушью.

Благодаря смешению морфологических и функциональных типов в кремневых орудийных комплексах Триполье-Кукутень были также выделены пилки, резчики, развертки, мотыги, стамески, струги, вкладыши молотильной доски, долотовидные орудия, сверла для ручной лучковой дрели и, как говорилось выше, ретушеры.

Термин ретушер был впервые использован в 1950 г. Т. С. Пассек в статье «Трипольские поселения на Днестре» [Пассек, 1950] без его описания. Первое подробное описание ретушера было дано в 1951 г. Е. К. Черныш: «Некоторые из них (ретушеров – *Прим. авт.*) изготовлены из массивных пластин, отретушированных со всех сторон. Края пластин сильно обкрошены вследствие частых нажимов» [Черныш, 1951, с. 86, 89, рис. 22. 1]. Но многочисленные исследования и эксперименты, проведенные В. Е. Щелинским, Г. Ф. Коробкой, Н. Н. Скакун и др. [Щелинский, 1983; Korobkowa, 1999], показали, что для ретуширования кремневых изделий использовалась ударная площадка пластины или отщепа, а не их лезвия. Для рабочих поверхностей ретушеров на ударных площадках пластин/отщепов характерна на макроуровне сильная скругленность кромки, а на микроуровне – сеть или группы микроямок, точек, в т. ч. разрозненные от давления орудия на обрабатываемый предмет. Они отличаются некоторой параллельной направленностью. С ними связаны линейные следы, ориентированные в разные стороны.

Нами были выделены ретушеры-отжимники на изученных нами поселениях Бодаки, Раковец, Незвиско III и Поливанов Яр I_1.

Для верификации полученных заключений в рамках экспериментально-трасологической экспедиции ИИМК РАН в г. Болгар (Республика Татарстан) были проведены эксперименты по использованию кремневых ретушеров-отжимников из волынского (для поселения Бодаки) и днестровского кремня (Раковец и Поливанов Яр I_1). В результате экспериментов нами были получены орудия с вышеописанными следами, которые соответствовали следам на археологических орудиях.

Также отметим, что при описании кремневого материала некоторые исследователи использовали термины из более ранних эпох без должного внимания к обоснованию выделения того или иного типа. Поэтому в описаниях кремневых коллекций встречаются такие термины, как авиважи, анкош, бифасиальные острия, ножи, скребок a épaulement. Часто исследователи обычные пластины с ретушью называют клинками (или ножевидными пластинами, которые подразумевают и пластины без ретуши) [Коваленко, Бодян, 2006; Радомский, 2018].

Мы в своих исследованиях придерживаемся типологической классификации, которую в своем диссертационном исследовании применила Н. Н. Скакун для кремневых комплексов памятников культуры Коджадермен-Гумельница-Караново VI [Скакун, 2006]. Это, в первую очередь, связано с тем, что в предложенной типологии нет логических ошибок. А использование одинаковых оснований для построения типологической классификации орудийных комплексов позволит корректно сравнивать достижения кремнеобрабатывающего производства различных культур энеолитического времени.

Сопоставление групп и типов кремневых изделий из волынского кремня среднетрипольского поселения Бодаки с синхронными поселениями Триполья-Кукутень в Пруто-Бугском междуречье позволило очертить круг поселений, кото-

рые являлись потребителями кремневой продукции поселения-мастерской Бодаки [Терехина, Скакун, 2022] (рис. 1). Этот факт подтвердил тезис о его специализации на кремнеобработке. Привлечение материалов из волынского кремня многослойного поселения Поливанов-Яр дает возможность выдвинуть гипотезу о том, что производственные связи строились между выходцами из одного центра.

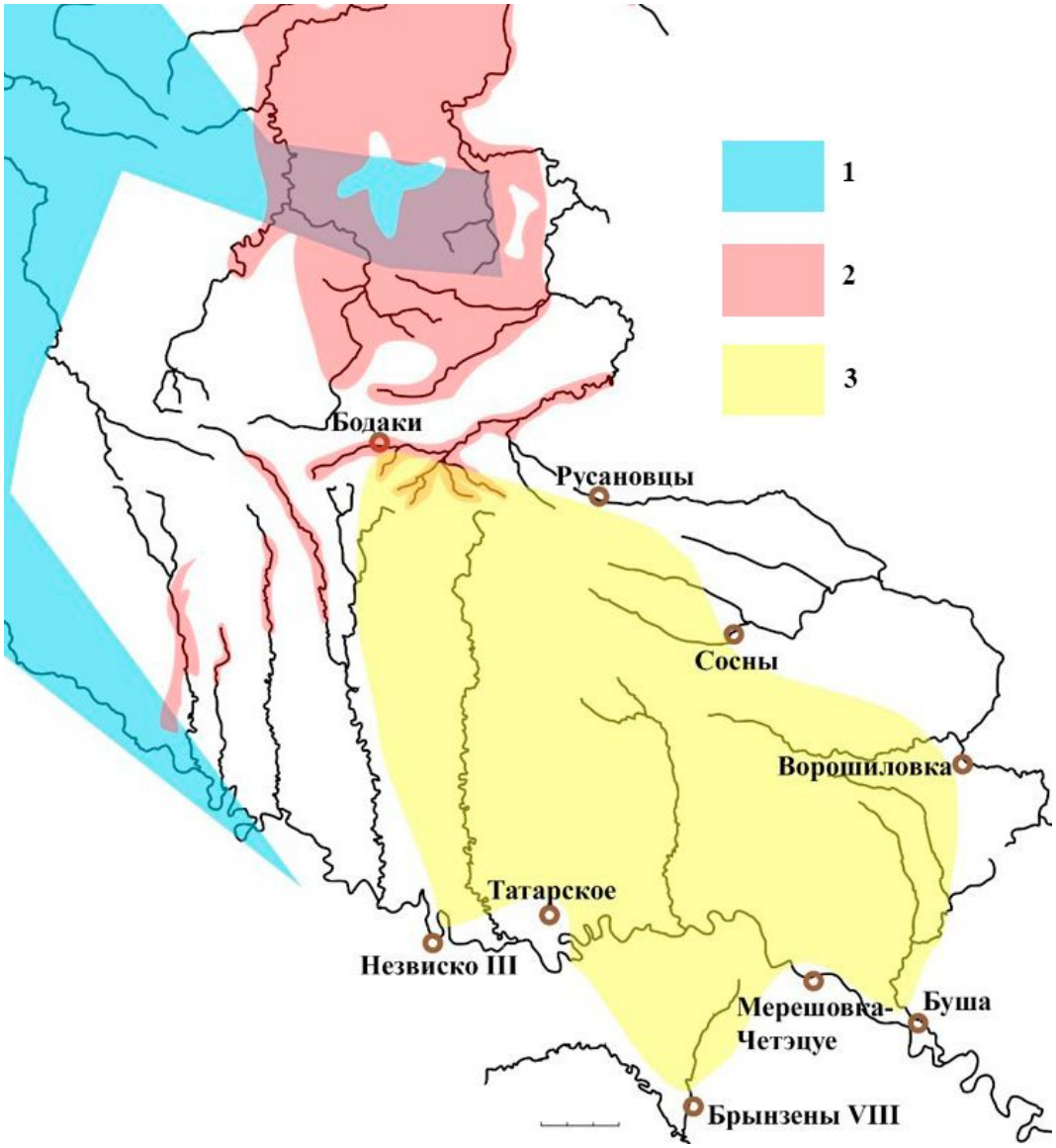

Рис. 1. Карта памятников Кукутень-Триполье конца периода BII, в инвентаре которых были найдены орудия из волынского кремня (*1* – ареал распространения люблинско-волынской и малицкой культуры; *2* – выходы на поверхность волынского кремня; *3* – ареал циркуляции изделий из волынского кремня)

Список источников

Беленко М. М. Крем'яний матеріал з поселення Небелівка // Археологія і давня історія України. К.: ІА НАН України, 2010. Вип. 3. С. 15–17.

Коваленко С., Бодян С. Кремневый инвентарь раннетрипольского поселения Александровка I // Revista Arheologică, Serie Nouă. 2006. Vol. II. Nr. 1–2. С. 198–212.

Пассек Т. С. Трипольские поселения на Днестре // КСИИМК. 1950. Вып. XXXII. С. 40–56.

Радомський І. С. Крем'яна індустрія трипільського населення етапу BI Середнього Подністров'я (за матеріалами поселення Ожеве-Острів): дис. ... канд. іст. наук. К., 2018. 362 с.

Скакун Н. Н. Орудия труда и хозяйство древнеземледельческих племен Юго-Восточной Европы в эпоху энеолита (по материалам культуры Варна) // Труды ИИМК РАН. СПб.: Нестор-История, 2006. Т. XXI. 224 с.

Терехина В. В., Скакун Н. Н. Производственные связи трипольского поселения-мастерской Бодаки (по материалам памятников культуры Кукутени-Триполье Буго-Прутского междуречья // Поволжская археология. 2022. № 3 (41). С. 35–53.

Черныш Е. К. Трипольские орудия труда с поселения у с. Владимировка // КСИИМК. 1951. Вып. XL. С. 85–95.

Щелинский В. Е. К изучению техники, технологии изготовления и функций орудий мустьерской эпохи // Технология производства в эпоху палеолита. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1983. С. 72–133.

Энговатова А. В. Кремневая индустрия Трипольской культуры: по материалам памятников Днестро-Днепровского междуречья: дис. ... канд. ист. наук. М., 1993. 201 с.

Korobkowa G. F. Narzędzia w pradziejach: podstawy badania funkcji metodą traseologiczną. Toruń, Uniwersytet Mikołaja Kopernika, 1999. 168 s.

И. В. Толпеко
Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского,
Омск, Россия

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЖЕЛЕЗНЯКА КАК АДАПТАЦИОННАЯ СТРАТЕГИЯ НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕГО ПРИИРТЫШЬЯ В ЭПОХУ НЕОЛИТА – РАННЕГО МЕТАЛЛА

Аннотация. В период неолита – раннего металла в условиях дефицита камня население Среднего Прииртышья освоило обработку железняка. В значительном количестве он присутствует по берегам Иртыша и его притоков. Высокий уровень обработки камня позволил мастерам изготавливать из этого сырья разнообразные изделия с применением краевого и двустороннего ретуширования, шлифования и сверления.

Ключевые слова: железняк, неолит, ранний металл, Среднее Прииртышье

В древности при освоении новых территорий населению часто приходилось сталкиваться с различными препятствиями. В ходе их преодоления применялись не только старые, отточенные навыки и умения, но и приобретались новые знания. Присутствие людей на территории Среднего Прииртышья по археологическим данным фиксируется с финала верхнего палеолита (стоянка Черноозерье II). Вероятно, уже в то время фактором, затрудняющим жизнь человека в этих местах, стало отсутствие каменного сырья. Небольшое количество мелкой гальки (преимущественно кварцевой) по берегам рек не могло служить таким источником. Сырье, заготовки и готовые изделия из камня приходилось приносить за сотни километров. Менялось население, но эта проблема остро стояла для него в Среднем Прииртышье всю эпоху камня – раннего металла. Расцвет различных техник обработки камня приходится на неолит. В это время недостаток сырья заставил обитателей рассматриваемой территории обратить внимание на бурый железняк как потенциальное сырье, а высокий уровень камнеобработки – начать изготовление из него различных изделий.

Бурый железняк, болотная железная руда, лимонит – различные названия минерала, который в значительном количестве присутствует по берегам среднего течения Иртыша и его притоков в виде конкреций разных форм и размеров. Часто они имеют значительную окатанность, сглаживающую поверхность, которая нередко заполирована до блеска.

В палеолите и мезолите использование это сырья на рассматриваемой территории не зафиксировано, что, однако, нельзя считать установленным фактом в связи со слабой изученностью территории для этих периодов. Относительно большими площадями исследован только один памятник финала верхнего палеолита – Черноозерье II и две мезолитические стоянки: Черноозерье VI и Гвоздевка I. В Среднем Прииртышье нет и раскопанных памятников раннего и среднего неолита, что не дает возможности судить о технике обработки камня и использо-

© Толпеко И. В., 2025

вавшемся сырье на этих этапах. Поздний неолит представлен на рассматриваемой территории хорошо изученной в последние два десятилетия артынской культурой. Коллекции каменного инвентаря с памятников Усть-Тарского археологического микрорайона позволяют всесторонне рассмотреть и высоко оценить уровень камнеобработки этого населения. Его мастера владели различными техниками обработки камня: пластинчатой, отщеповой, шлифования и сверления. В составе инвентаря представлен и железняк: небольшие конкреции, обломки и изделия [Иващенко, Толпеко, 2002, с. 143–144]. Однако они присутствуют в коллекциях памятников единично. В целом же население артынской культуры в Среднем Прииртышье использовало качественное сырье, а количество изделий из камня говорит о его стабильных поставках. Тем не менее на железняк внимание обращали, демонстрируя хорошее знание свойств этого минерала и высокий уровень обработки камня.

Традиция использования железняка была продолжена на следующем этапе – в период освоения в эпоху раннего металла территории Среднего Прииртышья населением екатерининской культуры [Иващенко, Толпеко, 2012, с. 77, 79; Петров, 2014, с. 79–80; Татауров, Толпеко, 2020, с. 138]. Ее носители владели развитыми навыками обработки камня, о чем свидетельствуют отдельные типологически выраженные изделия. Однако, судя по малочисленности каменного инвентаря и использованию кварцитовых песчаников, они не имели стабильных поставок качественного сырья. Екатерининцы уже были знакомы с металлом, но он ещё не играл большой роли в их хозяйственной деятельности. Традиция использования железняка могла перейти к ним от населения артынской культуры или возникнуть самостоятельно на фоне дефицита сырья и знания различных техник обработки камня. Немаловажен и тот факт, что екатерининцы были рыболовами и селились по берегам рек, местами изобилующими конкрециями железняка. Из него они изготавливали наконечники стрел, рыболовные стерженьки, навершия [Иващенко, Толпеко, 2012, с. 78, рис. 3–6; Петров, 2014, с. 315, рис. 79, *1*, *3*, с. 319, рис. 83, *1–5*].

Обратимся к самому железняку – его характеристикам и возможностям как сырья для каменной индустрии. Твердость минерала, природного водного окисла железа – 4–5,5 [Геологический словарь, 1973, с. 392]. Текстура, как правило, плотная, тонкослоистая. Хорошей защитой от разрушения под воздействием природных факторов служит окатанная поверхность, однако довольно высокая твердость образцов нивелируется хрупкостью материала. Конкреции образуются осаждением железа и сопутствующих ему минералов из воды. В результате они приобретают концентрическо-зональное строение, по которому в дальнейшем преимущественно и происходит раскалывание/расслаивание. По этой причине железняк нельзя обрабатывать в пластинчатой технике. Однако он принимает поверхностное ретуширование, а также шлифуется и сверлится. Именно эти приемы и использовались при обработке железняка древним населением Среднего Прииртышья.

Таким образом к преимуществам железняка можно отнести то, что он достаточно твердый, широко встречается на рассматриваемой территории, легко доступен, поддается обработке с применением перечисленных выше техник. Недостатки: хрупкий, слоистый, под воздействием внешних факторов быстро разрушается (крошится, расслаивается, разваливается на куски).

Изделия из железняка на всех этапах его использования древним населением Среднего Прииртышья не составляют типологически выраженных серий, а также в большинстве случаев не входят в таковые, представленные изделиями из более качественного сырья. Вариабельность их внешнего вида, вероятнее всего, зависела от первоначально выбранной для обработки заготовки. По берегам рек Среднего Прииртышья можно встретить конкреции железняка самых разных форм и размеров. Это давало возможность выбирать

такие экземпляры, для превращения в орудия которых зачастую необходимо было минимальное поверхностное воздействие, что, в свою очередь, отвечало требованиям, предъявляемым к обработке столь специфического материала.

Использование железняка стало одной из адаптационных стратегий населения, хозяйственная деятельность которого базировалась на изготовлении изделий из камня. В условиях отсутствия каменного сырья, пригодного для обработки, и зависимости от поставок его из отдаленных источников, люди обратили внимание на местный ресурс – конкреции бурого железняка по берегам рек. Их знания и навыки позволили делать различные изделия из, по сути, непригодного для использования в этом качестве материала. Технологию обработки железняка следует считать не только показателем высокого уровня обработки камня у населения Среднего Прииртышья на определенных этапах развития, но и сформированным в процессе адаптации к особенностям территории обитания культурным маркером.

Список источников

Геологический словарь. Т. 1. М.: Изд-во «Недра», 1973. 487 с.

Иващенко С. Н., Толпеко И. В. Использование железняка древним населением Омского Прииртышья (по материалам памятника Усть-Тара-XXVIII) // Культурология и история древних и современных обществ Сибири и Дальнего Востока. Омск: Омск. гос. пед. ун-т, 2002. С. 143–144.

Иващенко С. Н., Толпеко И. В. Неолитический комплекс поселения Чеплярово-29 (предварительное сообщение) // VIII исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Омск: Амфора, 2012. С. 73–79.

Петров А. И. Эпоха позднего неолита и ранней бронзы в Среднем Прииртышье. Омск: Омск. гос. ун-т, 2014. 348 с.

Татауров С. Ф., Толпеко И. В. Ранние комплексы урочища «Первый и второй остров» у деревни Танатово // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2020. Т. 7. № 4 (28). С. 131–139.

М. А. Холкина[1], Д. В. Герасимов[2], Р. И. Муравьев[3], С. Д. Такташева[4]
[1,3] Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия
[2] Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург, Россия
[4] Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого,
Великий Новгород, Россия

ОТ ТОЧКИ К ЛАНДШАФТУ: ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ДИНАМИКА ОСВОЕНИЯ НАРВСКО-ЛУЖСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ В НЕОЛИТЕ – РАННЕМ ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ (ОПЫТ СПЛОШНОЙ РАЗВЕДКИ НА ГАЛИКСКОЙ ПАЛЕОКОСЕ)

Аннотация. Сплошное обследование лесопосадочных траншей на участке Галикской палеокосы площадью около 100 га позволило выявить 115 пунктов находок подъемного материала. В результате анализа материала были выделены зоны скоплений находок, связанных с нарвской культурой, гребенчато-ямочной, шнуровой и сетчатой керамикой, и отдельные единичные находки, маркирующие зоны обитания для разных периодов.

Ключевые слова: археологические разведки, неолит, Ленинградская область, ГИС, зона обитания

Урочище Галик расположено в Ленинградской области на берегу р. Луги, на песчаной косе, вытянутой на 3 км вдоль берега реки и примыкающей в южной части к Куровицкому плато. Террасы имеют три уровня: 8, 10 и 14 м над ур. м. Работы на Галикской палеокосе в 2019 г. являлись продолжением многолетней

© Холкина М. А., Герасимов Д. В., Муравьев Р. И., Такташева С. Д., 2025

программы обследования Нарвско-Лужского междуречья, в ходе которого мультидисциплинарным коллективом ученых из разных стран за последние три десятилетия зафиксировано 86 объектов археологии, в т. ч. 64 – на российской стороне. С использованием метода сопряженного анализа и ГИС-технологий для микрорегиона разработана модель культурной динамики эпохи каменного века в контексте природных трансформаций раннего голоцена [Памятники каменного века…, 2020].

Пожары начала 2000-х гг. уничтожили большую часть леса, вследствие чего участок Галикской палеокосы площадью более 100 га подвергся распашке бороздами лесопосадки. Возникла уникальная возможность провести сплошной скрининг потенциально благоприятного для обитания в каменном веке пространства.

Обследование проводилось группами по 2−4 человека, которые шли по соседним параллельным бороздам с записью трека маршрута в программе оффлайн-навигации OsmAnd. Пункты находок подъемного материала фиксировались в GPS-навигаторе как отдельные местонахождения со сплошной нумерацией при условии, что расстояние между двумя соседними местонахождениями не менее 15−20 м. Разведочные шурфы для уточнения полученных данных были заложены в зонах концентрации находок и вне их по всей площади урочища (130 шурфов). На камеральном этапе исследования проводилось ранжированное картографирование выявленных объектов (стоянок и местонахождений) с учетом категории находок (камень, керамика и др.), их объема и соотношения, типологической и хронологической атрибуции.

По итогам проведенных разведочных работ общая протяженность пути всех участников разведок составила около 300 км. Всего на указанной территории было выявлено 115 пунктов находок подъемного материала, из которых 49 группировались в четыре крупных концентрации, а остальные являются единичными находками. Шурфовка показала, что культурный слой в местах обнаружения единичных находок не выражен, их можно интерпретировать как участки, которые скорее эпизодически посещались, нежели были сколь-либо продолжительное время заселены. К находкам на таких местонахождениях относятся отдельные каменные артефакты, скопления из нескольких отщепов (как имеющие следы использования, так и отходы и пробы сырья), единичные фрагменты керамики и кальцинированные кости, а также янтарная подвеска подтрапециевидной формы со следами окатанности.

При этом единичные находки каменных изделий в целом могут быть зафиксированы дальше от стационарных поселений, чем керамика, которая в основном тяготеет к ним. Отдельные каменные артефакты были найдены на определенном отдалении от основной обжитой зоны на уровне значительно более низком, чем прочие находки (бифасиальный наконечник стрелы из светло-серого карбонового кремня, найденный на северном склоне первой террасы), или, напротив, более высоком (обушной фрагмент сверленого боевого топора, а также плоское прямолезвийное долото из онежского метатуфа найдены на удалении на второй террасе).

Выявленные четыре концентрации находок можно обозначить как зоны сколь-нибудь продолжительного обитания (стоянки Галик 7−10). Они характеризуются разнообразием категорий подъемного материала, обязательным присутствием развалов сосудов. Для нарвской культуры (ранний неолит, ок. 5 200 – 3 900 до н. э.) здесь характерен более дисперсный характер распространения находок: развалы сосудов и скопления каменных изделий отстоят друг от друга на десятки метров, вытягиваясь длинной полосой вдоль подножия террасы на высоте 9−11 м над ур. м. Материалы нарвской культуры – биполярно расщепленный кварц, кварцевые скребки, в т. ч. макроскребок (скребло) на плоской гальке, кварцитовые отбойники, фрагменты нарвской керамики, в т. ч. венчик с конической сверлиной у слома (след починки), кальцинирован-

ные кости – концентрируются в полосе параллельно береговому валу регрессивной фазы Литоринового моря, окаймляющего площадку литориновой террасы с юга. При этом они не выстраиваются узкой полосой вдоль древней береговой линии: разброс точек в направлении, перпендикулярном краю террасы, составляет до 200−300 м.

Наибольшая концентрация материала приурочена к краю второй террасы у самого основания косы, где она примыкает с юга к Куровицкому плато. Можно предположить, что здесь находилась зона поселения, тогда как основное протяжение косы было зоной обитания: частью более крупной лагунной системы, посещаемой с целью охоты и ловли рыбы, сбора ресурсов и – ситуативно – кварцевого галечного сырья. Вероятно, в период после максимума Литориновой трансгрессии коса представляла собой довольно открытый участок суши с множеством удобных для стоянок и хозяйственной активности мест.

Материалы более поздних периодов (культура гребенчато-ямочной керамики (4 000 – 2 000 л. до н. э.) и шнуровой керамики (2 800 – 2 000 л. до н. э.)) распространены на ограниченной площади и образуют четко очерченные концентрации (памятники Галик 8−9), которые приурочены к южному краю первой террасы и вытянуты цепочкой вдоль берегового уступа, выработанного р. Лугой, на высоте 6−8 м над ур. м.

Памятники второго этапа заселения палеокосы приурочены к изгибу эрозионного берегового уступа, который образует здесь своеобразную неширокую «бухту», и вытянуты вдоль него. Можно предполагать, что с изменением природных обстановок пригодных для обитания мест становится меньше и на этих участках активно накапливается культурный слой. Среди находок из камня продолжает доминировать биполярно расщепленный кварц. Также представлены кремневые орудия (фрагмент скребка, сверло, отщепы, в т. ч. с ретушью), сколы со шлифованных сланцевых орудий, фрагменты абразивов из светлого мелкозернистого песчаника. Отдельные находки, относящиеся ко времени бытования гребенчато-ямочной керамики, есть и выше, на площадке второй террасы, и также, вероятно, маркируют зону хозяйственной активности этого населения.

Третий период активности связан с культурой сетчатой керамики (кон. II – нач. I тыс. до н. э.) с обильной примесью крупной несортированной дресвы. На западном склоне второй террасы и у его подножия зафиксированы два сильно фрагментированных развала крупных слабопрофилированных баночных сосудов, покрытых расчесами и орнаментированных рядом ямок под венчиком: 91 фрагмент и более 1 000 ед. крошки (Галик 12−13). Сосуды аналогичны найденным южнее на поселении Галик 11 [Городилов, Раззак, 2021, 173−174].

Методика сплошного обследования урочища Галик с GPS-фиксацией каждой находки подъемного материала позволила выявить как стоянки с выраженным и насыщенным находками культурным слоем, так и множественные следы присутствия человеческих коллективов, их промысловой и хозяйственной активности. Особенно интересным представляется выявленное различие в системе освоения территории палеокосы между населением раннего неолита (нарвская культура) и среднего неолита – эпохи раннего металла (культура гребенчато-ямочной и шнуровой керамики). Сам факт различия в системе расселения между этими двумя культурами известен и не ставился под сомнение, но исследования на Галикской палеокосе служат его наглядным подтверждением и позволяют рассмотреть ситуацию более детально, «в максимальном приближении».

Список источников

Городилов А. Ю., Раззак М. А. Результаты раскопок поселения Галик 11 в 2020 г. // Археологические вести. 2021. № 31. С. 163−178.

Памятники каменного века российской части Нарвско-Лужского междуречья. СПб.: МАЭ РАН. 2019. 199 с.

Н. А. Цветкова
Историко-культурный музейный комплекс в Разливе,
Санкт-Петербург, Россия

НАЧАЛЬНЫЙ И РАННИЙ НЕОЛИТ ВЕРХНЕВОЛЖСКОГО РЕГИОНА: ВОПРОСЫ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ

Аннотация. Ранний неолит Верхневолжского региона традиционно ассоциируется с верхневолжской культурой, в развитии которой выделяются 3 этапа. Однако существует альтернативная точка зрения, согласно которой древности верхневолжской АК неоднородны. I этап ее развития некоторыми исследователями соотносится с древностями волго-окской культуры, маркером которой является посуда с разреженной тычково-накольчатой орнаментацией (автохтонное мезолитическое население Верхней Волги, освоившее навыки изготовления керамической посуды).

Ключевые слова: Верхняя Волга, начальный неолит, ранний неолит, волго-окская культура, верхневолжская культура

Начальный этап неолита (7 100 / 7 000 – 6 600 – 6 400 Uncal BP) Верхней Волги (далее – ВВ) ассоциируется с бытованием на этой территории носителей традиций изготовления керамики с разреженной тычково-накольчатой орнаментацией. Это самая ранняя керамика в регионе, находки которой маркируют переход от мезолита к неолиту.

Артефакты этого времени ассоциируются с волго-окской культурой (далее – ВОК), выделенной Ю. Б. Цетлиным и предшествующей верхневолжской археологической культурой (далее – ВВК) [Цетлин, 1996]. Впервые предположение об её существовании было высказано им в 1980 г. на основании результатов исследований керамики поселения Ивановское VII [Цетлин, 1980]. Тогда стало понятно, что древности I этапа ВВК радикально отличаются от материалов II и III этапов её развития (6 600 – 5 900 Uncal BP).

В результате проведенных исследований Ю. Б. Цетлин обосновал правомерность выделения ВОК как самостоятельной историко-культурной единицы. Им были обозначены ареал культуры, очерчены временные границы её существования и приведена детальная характеристика керамической посуды.

Основанием для её выделения послужило изучение технологии изготовления ранненеолитической посуды.

Верхневолжские гончары (ВВК) использовали тесто сложносоставных рецептов в вариантах «глина + шамот + органика» и «глина + шамот + органика + дресва», а гончары ВОК при лепке сосудов добавляли в глину только органику.

На сосудах ВОК имеются накольчатая орнаментация при сохранении значительных неорнаментированных участков. Наблюдается тенденция к сокращению неорнаментированных участков на сосудах. Для второго периода развития ВОК при значительной доле (83 %) неорнаментированной посуды характерно присутствие фрагментов сосудов с накольчатым орнаментом. Третий период ВОК характеризуется использованием трех типов орнамента: 1) с накольчатым орнаментом, 2) с гладким, 3) с ямчатой орнаментацией. Наиболее распространенными являются первые два. На заключительном этапе существования ВОК посуда также остается слабо оранментирована накольчатым

© Цветкова Н. А., 2025

и гладким орнаментом [Цетлин, 1996; 2008]. Найдены неорнаментированные донца для посуды этого времени. Сосуды непрофилированные/слабопрофилированные. Форма днищ: приостренная, округлая или плоская.

Возникновение сложных технологических традиций (многокомпонентные примеси в формовочных массах) на начальных этапах становления гончарства обусловлено культурным смешением носителей простых традиций (однокомпонентные примеси в формовочных массах) [Бобринский, 1978]. Появление примеси дресвы в поздней верхневолжской посуде объясняется последующими контактами верхневолжского населения с носителями традиций изготовления керамики с ямочно-гребенчатым орнаментом. В ранней верхневолжской посуде, декорированной тычками/наколами, либо неорнаментированной, в качестве примеси использовалась органика. Данное обстоятельство было принято за основу для обособления волго-окской культуры [Цетлин, 2008].

До сих пор большинством исследователей не принимается версия о том, что древности I этапа развития ВВК должны быть расценены как самостоятельная историко-культурная единица.

Ареалы ВОК и ВВК определяются как Волго-Окское междуречье (бассейн Волги от её истоков в д. Волговерховье Тверской обл. до устья р. Оки).

Базовые памятники ВОК: Сахтыш I, Сахтыш II, Сахтыш VIII, Ивановское V, Ивановское VII, Жабки III. На их материалах построена периодизация культуры [Цетлин, 2008]. Другие стоянки ВОК в Ивановской, Московской, Ярославской обл.: Сейма I, Бобринка II, Стрелка I, Малая Ламна I, Косячево I, Косячево II, Завьяловка, Сомино II, Ивановское III, Волосово, Коренец I, Тереньково III [Цетлин, 1996]. Также керамика с разреженной тычково-накольчатой орнаментацией без примеси гребенчатой найдена на стоянках Беливо II и Жабки III (Московская обл.). Остальные стоянки раннего неолита в регионе – многослойные поселения, где присутствуют фрагменты сосудов всех типов керамики начального и раннего неолита.

Время существования ВОК укладывается в хронологические рамки от посл. четв. VI тыс. до н. э. до сер. V тыс. до н. э. Анализ орнаментации сосудов позволил выделить четыре периода развития культуры: 1) 7 240 – 7 145 радиоуглеродных л. н.; 2) 7 145 – 6 818 л. н.; 3) 6 818 – 6 560 л. н.; 4) 6 560 – 6 480 л. н. [Цетлин, 2008].

Каменный инвентарь раннего неолита ВВ детально охарактеризован Д. А. Крайновым и М. Г. Жилиным [Крайнов, Хотинский,1977; Жилин, 1994].

Каменный инвентарь ВОК (I этап ВВК согласно Д. А. Крайнову) подробно изучен и опубликован автором относительно недавно по материалам стоянок, в культурных слоях которых присутствует керамика только с разреженной тычково-накольчатой орнаментацией. Это памятники «на песке»: Алексеевское I, Давыдковская, Котчище I, Нилова Пустынь, Шадрино IV и торфяниковые поселения – Замостье 2/4а, Окаёмово 18/III, Сахтыш IIа/IIг, Становое 4/II (Ивановская, Московская, Тверская обл.).

Сырье, характерное для индустрии начального и раннего неолита ВВ, – кремень различного цвета и качества из отложений каменноугольного возраста. Минимальный процент изделий изготовлен из приносного высококачественного мелового сырья.

Индустрии ВОК и ВВК представлены нуклеусами, нуклевидными кусками, орудиями для производства орудий (абразивы, отбойники, пилы, ретушеры), наконечниками стрел, копий/дротиков), проколками, рубящими орудиями, скребками, резцами, вкладышами, пластинами и отщепами с регулярной/нерегулярной ретушью, комбинированными орудиями, орудиями, заготовками и дебитажем.

Для орудий начального неолита (7 110 / 7 000 – 6 660 – 6 400 Uncal BP) основной заготовкой служила пластина. На стоянках этого времени прослеживается серийное производство орудий из пластин (наконечники стрел, резцы, сребки, проколки, тогда как для индустрии ВВК основной заготовкой является отщеп).

На современном этапе исследований ВОК рассматривается как «доверхневолжское» население на территории центра Русской Равнины, изготавливавшее первую в регионе посуду, которое было довольно быстро ассимилировано пришлым, вероятно, из лесной зоны населением ВВК [Цетлин, 2008].

Скорее всего, ВОК сложилась на основе автохтонного мезолитического (бутовская АК) населения. Какое-то время она сосуществовала и, вероятно, взаимодействовала с пришлой верхневолжской культурой, а затем в ней «растворилась» [Цетлин 2007; 2008].

Традиция изготовления ранней посуды, соотносимая с ВОК, не имела длительного продолжения и была прервана притоком населения, обладавшего навыками изготовления посуды с гребенчатой орнаментацией из сложно-рецептурного теста. Хронологический эпизод, характеризующийся появлением и распространением керамики с разреженной тычково-накольчатой орнаментацией, и не сопровождавшийся существенными изменениями в облике каменного и костяного инвентаря, можно рассматривать как переходное время между мезолитом и неолитом (неолитизация).

Переход к неолиту, отмеченный изменением хозяйственного уклада, формированием местного очага производства керамики и распространением техники изготовления тонких бифасов, произошел позднее и был связан со сменой населения на Верхней Волге 6 500 – 6 400 л. н.

Оценивая состояние исследованности ВОК, стоит отметить, что на современном этапе изучения первоочередными задачами являются: 1) выяснение облика её костяной индустрии; 2) дополнение характеристики каменного инвентаря; 3) уточнение ареала ВОК; 4) изучение подробностей её генезиса и финала существования; 5) выявление контактов с носителями традиций изготовления гребенчатой керамики раннего неолита (ВВК); 6) выявление контактов с населением сопредельных ВВ территорий, etc. То же касается и ВВК, несмотря на то, что она изучена гораздо больше, нежели ВОК.

Список источников

Бобринский А. А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.

Жилин М. Г. Некоторые вопросы перехода от мезолита к неолиту на Верхней Волге // Проблемы изучения эпохи первобытности и раннего средневековья лесной зоны Восточной Европы. Иваново: ГУ КПК Минтопэнерго, 1994. Вып. 1. С. 19–31.

Крайнов Д. А., Хотинский Н. А. Верхневолжская ранненеолитическая культура // СА. 1977. № 3. С. 42–66.

Цетлин Ю. Б. Некоторые особенности технологии гончарного производства в бассейне Верхней Волги в эпоху неолита // РА. 1980. № 4. С. 9–15.

Цетлин Ю. Б. Периодизация истории населения Верхнего Поволжья в эпоху раннего неолита (по данным изучения керамики) // Тверской археологический сборник. Тверь: Изд-во Твер. гос. объед. муз., 1996. С. 155–163.

Цетлин Ю. Б. О происхождении верхневолжской культуры // Влияние природной среды на развитие древних сообществ. IV Халиковские чтения. Йошкар-Ола: Изд-во Марийск. Полиграфкомб., 2007. С. 197–208.

Цетлин Ю. Б. Периодизация волго-окской ранненеолитической культуры // Человек, адаптация, культура. Тула: Изд-во «ЗАО Гриф и К», 2008. С. 314–326.

Н. В. Цыденова
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН,
Улан-Удэ, Россия

О СХОДСТВАХ В НЕОЛИТЕ БАЙКАЛЬСКОГО РЕГИОНА, МОНГОЛИИ И СЕВЕРНОГО КИТАЯ

Аннотация. В статье обсуждаются вопросы сходства культур в неолите Байкальского региона, Монголии и Северного Китая. Новые материалы с этих территорий актуализировали данную тему. Так, были найдены местонахождения со шнуровой керамикой в Монголии и на севере Китая. Обнаружена керамика, близкая «посольскому» типу, распространенному вокруг оз. Байкал. Открыты и изучены погребальные комплексы, схожие с погребениями неолита Забайкалья. Выявлены местонахождения, содержащие сетчатую керамику, в северных районах Китая.

Ключевые слова: Байкальский регион, неолит, древние связи, Монголия, Северный Китай

Исследование выполнено в рамках государственного задания, проект № 121031000241-1 «Историческое пространство монгольского мира: археологические культуры, общества и государства».

Идеи о культурных связях неолитического населения Байкальского региона, Монголии и Северного Китая на основе сходных черт высказывали в свое время В. Е. Ларичев, А. П. Окладников [Ларичев, 1959; Окладников, 1955; Окладников, Дорж, 1977]. На сегодня, в связи с накоплением новых данных по неолиту Байкальского региона, Монголии и Северного Китая, можно выделить следующие основные актуальные и перспективные направления в изучении древних связей между населениями этих регионов:

1. Начало неолита в Забайкалье и Северном Китае имеет позднеплейстоценовый возраст. В этих регионах оно связано с комплексами, каменные индустрии которых имеют бифасиальную основу, близкую типу юбецу в расщеплении торцовых клиновидных нуклеусов [Деревянко, Медведев, 1993; Деревянко, Волков, Ли, 1998; Yue et al., 2020; Цыденова, 2021].

2. Другим объединяющим эти регионы вопросом является вопрос о шнуровой керамике раннего неолита. Наиболее близкие аналоги шнуровой керамике хайтинского типа, распространенной в Предбайкалье и Западном Забайкалье [Савельев, 1989; Горюнова, Новиков, 2015; Многослойный геоархеологический..., 2023; Цыденова, Тумэн, Эрдэнэ, 2012], прослеживаются в комплексах Восточной Монголии и Северо-Восточного Китая. Так, нами зафиксирована шнуровая керамика, близкая хайтинской на поселении Тогоотын гол-V [Цыденова, Тумэн, Эрдэнэ; Цыденова, 2012; Новый голоценовый..., 2015]. Исследователи отмечают присутствие остатков подобных ранненеолитических сосудов вблизи г. Хайлар [Hag site: Report…, 2010; Onuki, 2014]. Последние обнаруживают сходство с сосудами со стоянки Чиндант [Окладников, Кириллов, 1980].

3. Присутствие посольской керамической традиции на обширных территориях от Красноярско-Канской лесостепи до Витима отмечали многие исследователи [Савельев, 1989; Макаров, 2005; Ветров, 2011]. Для данной керамики был предложен, вместо термина «тип», термин «пласт» [Савельев, 1986; Ветров, 2011]. Подобная керамика представлена в Забайкалье на эпонимном поселении Посольск, на стоянке Харга, а также в погребениях на оз. Ножий [Окладников, Кириллов, 1980]. На территории Монголии впервые встречена нами на стоянке Барга Элс, а позже у с. Баян-Овоо [Цыденова, Тумэн, Эрдэнэ, 2015].

4. Еще менее разработанной проблемой является факт распространения сетчатой неолитической керамики. Так, факт её наличия на юге Монголии описан А. П. Окладниковым и Д. Доржем [Окладников, Дорж, 1977]. Также присутствовали отдельные фрагменты в сборах экспедиции А. Эндрюса, в которой при-

© Цыденова Н. В., 2025

нимал участие археолог Н. Нельсон. Керамика из этой коллекции была продатирована примерно 6 тыс. л. н. [Janz et al., 2015]. На востоке Монголии на стоянке Тогоотын гол-V сетчатая керамика была зафиксирована в слое 2 и датирована 5 тыс. л. н. [Цыденова, Тумэн, Эрдэнэ, 2015], т. е. временем серовской культуры Прибайкалья. Подобная традиция сетчатой керамики отмечена на севере Китая [Onuki, 2003]. Кроме того, сетчатая керамика культуры Хамин, распространенной на северо-востоке Китая, плоскодонная, в отличие от сетчатых сосудов Байкальского региона [Onuki, 2003; Многослойный геоархеологический..., 2023; Савельев, 1989]. Подобные же байкальским сосудам обнаружены во Внутренней Монголии на стоянке Юнмин [Ху Сяонун и др., 2021], но следует отметить, что контекст культуры иной.

5. Отдельным вопросом является тема погребальных памятников, которые также обнаруживают аналогии по обрядовым практикам, вещевым комплексам и антропологическим типам погребенных [Дорж, 1971; Волков, 1975; Умард Монголоос..., 2016; Tumen, 2010].

Таким образом, нами дано краткое состояние степени изученности и основных проблем по данной теме. Исследования сходств в неолите Байкальского региона и сопредельных территорий представляются актуальными и весьма перспективными, особенно в свете новых данных. Для объяснения вариативности шнуровой керамики в этих регионах, вероятно, больше подходит термин «пласт», чем термин «тип». В случае с сетчатой керамикой пока еще не совсем понятно, куда относить сетчатую керамику юга Монголии. Имеет ли она связь с серовской культурой или с сетчатой традицией, например, типа Юнмин.

Список источников

Ветров В. М. Археология Витимского плоскогорья: усть-юмурченская культура (5–4,6 – 3,5 тыс. л. н.) // Материалы международной научной конференции «Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири». Иркутск: Иркут. гос. тех. ун-т. 2011. Вып. 2. С. 34–41.

Волков В. В. Погребение в Норовлийн уула (Монголия) // Археология Северной и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1975. С. 76–79.

Горюнова О. И., Новиков А. Г. Неолитическая керамика из поселений Приольхонья (озеро Байкал): вопросы периодизации и датировки // Материалы международной научной конференции «Древние культуры Северного Китая, Монголии и Байкальской Сибири» («Ancient cultures of Northern China, Mongolia and Baikalian Siberia»). Пекин: Изд-во 科学kēxué, 2015. Т. I. С. 42–48.

Деревянко А. П., Волков П. В., Ли Хонджон. Селемджинская позднепалеолитическая культура. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. 336 с.

Деревянко А. П., Медведев В. Е. Исследование поселения Гася (предварительные результаты, 1980). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1993. 109 с.

Дорж Д. Неолит Восточной Монголии. Улан-Батор: Изд-во Монг. акад. наук, 1971. 171 с.

Ларичев В. Е. Неолит Дунбэя и его связи с культурами каменного века Северо-Восточной Азии // Археологический сборник. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1959. Вып. 1. С. 33–62.

Макаров Н. П. Хронология и периодизация эпохи неолита и бронзы Красноярской лесостепи // Известия лаборатории древних технологий. Иркутск: Иркут. гос. тех. ун-т, 2005. Вып. 1(3). С. 149–171.

Многослойный геоархеологический объект Саган-Заба II на Байкале: археология и палеоэкология / А. Г. Новиков, Г. А. Воровьева, О. И. Горюнова, А. В. Вебер. Иркутск: Иркут. гос. ун-т, 2023. 278 с.

Новый голоценовый объект Тогоотын гол V на Востоке Монголии / Н. В. Цыденова, Д. Тумэн, М. Эрдэнэ, Х. Пьецонка, Ф. И. Хензыхенова, С. Лоренц, В. Цех, Д. Б. Андреева, В. Б. Базарова, О. Д. Намазалова // Материалы межд. науч. конф. «Древние культуры Северного Китая, Монголии и Байкальской Сибири» («Ancient cultures of Northern China, Mongolia and Baikalian Siberia»). Пекин: Изд-во «科学出版社» (kēxué chūbǎn shè). 2015. Т. I. С. 88–105.

Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Ч. III // Материалы и исследования по археологии СССР. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1955.

Окладников А. П., Дорж Д. Памятники каменного века на юге МНР (по работам 1971–1972 гг.) // Археологийн судлал. Улаанбаатар, 1977. С. 3–13.

Окладников А. П., Кириллов И. И. Юго-Восточное Забайкалье в эпоху камня и ранней бронзы. Новосибирск: Наука, 1980. 176 с.

Савельев Н. А. Неолит юга Средней Сибири (история основных идей и современное состояние проблемы): автореф. дис. … канд. ист. наук. Новосибирск, 1989. 26 с.

Умард Монголоос шинээр илэрсэн шинэ чулуун зэвсгийн уеийн оршуулгын судалгаа / Т. Идэрхангай, Э. Мижиддорж, С. Оргилбаяр, Б. Галбадрах, Д. Эрдэнэбаатар, Б. Унэрбаяр // Материалы VII международной научной конференции «Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая». Красноярск: Сиб. фед. ун-т, 2016. Т. I. С. 126–144 (на монг. яз.).

Цыденова Н. В. Керамика со шнуровыми отпечатками в Байкальском регионе и сопредельных территориях // Материалы Всеросс. науч. конф. «Феномен геоархеологической многослойности Байкальской Сибири. 100 лет Байкальской научной археологии». Иркутск: Иркут. гос. ун-т, 2012. С. 239–246.

Цыденова Н. В. Неолит-бронзовый век Западного Забайкалья (по материалам стоянок Красная Горка, Ярцы Байкальские, Муханские Озера I): автореф. дис. … канд. ист. наук. Новосибирск, 2021. 26 с.

Цыденова Н. В., Тумэн Д., Эрдэнэ М. Древнее поселение Барга элс в Восточной Монголии // Материалы международной научной конференции «Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири». Улан-Батор: Монгол. гос. ун-т, 2012. Т. I. С. 121–133.

Hag site: Report of the archaeological excavations in 2003–2008 (with an English Abstract). Beijing: Cultural Relics Press, 2010. 429 p. (на кит. яз.).

Janz L., Fearthers J. K., Burr G. S. Dating surface assemblages using pottery and eggshell: assessing radiocarbon and luminescence techniques in Northeast Asia// Journal of Archaeological Science. 2015. Pp. 119–129 (на англ. яз.).

Tumen D. Paleoanthropology of archaeological populations from Inner Asia // Материалы международной научной конференции «Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири». Улан-Удэ: Бурят. гос. ун-т, 2010. С. 316–325 (на англ. яз.).

Yue J.-P., Yang Sh.-X., Hou Y.-M., Potter B. A., Li Y.-Q., Chang Y. Late Pleistocene lithic technology and human adaptation in Northeast China: A case study from Taoshan site// Quaternary International. 2020. Vol. 535. Pp. 48–57 (на англ. яз.).

大貫静未. 米内山ｺﾚｸｼｮﾝの土器// 内蒙古細石器文化の研究. – 東京: 東京大学, 2002. Pp. 86–93 (Onuki S. Potsherds collected by late Tuneo Yonaiyama in Hulun Buir// Studies of Microliths in Inner Mongolia. Tokyo, 2003. Pp. 86–93) (на япон. яз. с англ. аннотацией).

大貫静未.ハク文化について–牧民出現以前の内陸アジアの一様相– // ユーラシアの考古学. – 東京, 2014. Pp. 17–32 (на япон. яз.).

胡晓农, 包青川, 李恩瑞, 陈文虎. 内蒙古化德县裕民遗址发掘简报//考古. – 2021年第I期 (на кит. яз.).

Е. А. Черленок[1], С. М. Осташинский[2]
[1] Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия
[2] Государственный Эрмитаж,
Санкт-Петербург, Россия

СТРОИТЕЛЬНЫЕ ГОРИЗОНТЫ ЭНЕОЛИТИЧЕСКОГО СЛОЯ НАВЕСА МЕШОКО

Аннотация. Публикуются результаты анализа стратиграфии нижней части энеолитического слоя навеса Мешоко. Выделяется три этапа в развитии памятника, которые, на наш взгляд, отражают динамику освоения человеком пещерного пространства как места для долговременного проживания.

Ключевые слова: энеолит, Северо-Западный Кавказ, навес Мешоко, стратиграфия

Навес Мешоко расположен в окрестностях п. Каменномостский Майкопского района республики Адыгея. Впервые памятник изучался в 1963 г. экспедицией под руководством А. Д. Столяра [Столяр, Формозов, 2009, с. 107–108]. Начиная с 2011 г. он исследуется Закубанской археологической экспедицией Государственного Эрмитажа при участии Санкт-Петербургского государственного университета. Памятник многослойный. Пятый сверху слой относится к позднему этапу энеолитической мешоковской культуры и датируется в пределах 3 800 – 3 600 л. до н. э.

Пятый слой состоит из двух частей (слой 5а и 5б). Характерной особенностью нижней части пятого слоя является обилие остатков строительной деятельности.

© Черленок Е. А., Осташинский С. М., 2025

Предварительно их можно разделить на западины, глиняные площадки, ямы и полы. Эти непортативные объекты образуют как минимум одну крытую постройку в центральной части раскопа и разнообразные по своей сложности открытые жилые зоны [Черленок, Осташинский, 2023, рис. 2].

Несмотря на то, что мощность нижней части пятого слоя составляет в среднем около 10–15 см, обнаруженные объекты нельзя считать синхронными друг другу. Об этом свидетельствуют многочисленные примеры стратиграфической смены одних объектов другими. Так, очаговое место в центральной части раскопа показывает следующую последовательность: 1) устройство первичного очага в яме; 2) последующее формирование очага в виде вогнутой обожженной глиняной площадки; 3) ликвидация очага и устройство на его месте ровной глиняной площадки; 4) повторное создание очага в яме. Аналогичные сложные последовательности характерны и для других участков слоя 5б. Поэтому возникает вопрос: можно ли на основании их анализа прийти к общим заключениям?

Задача нашей работы – показать, что данные локальных стратиграфических колонок могут быть сведены в единую схему. Основанием для синхронизации будут служить стратиграфические реперы. Под стратиграфическими реперами мы понимаем объекты, которые были прослежены на большой площади. Они, таким образом, являются элементами различных стратиграфических последовательностей. Проведенный анализ позволяет, на наш взгляд, наметить три основных этапа формирования слоя 5б.

Первый этап связан с западной частью раскопа. Здесь прямо на поверхности нижележащих отложений шестого слоя было создано несколько овальных обожженных глиняных площадок, ориентированных перпендикулярно козырьку навеса. На этом же этапе в западной части начинает отлагаться энеолитический культурный слой.

Маркером, отделяющим первый строительный горизонт от второго, является устройство в центральной части раскопа обширной подквадратной западины с длиной каждой из сторон приблизительно 4,7 м. В западной части она прорезала тонкие отложения накопившегося культурного слоя 5, а в восточной части была впущена непосредственно с поверхности нижележащих отложений слоя 6.

Наиболее яркие свидетельства строительной деятельности второго этапа получены при изучении этой подквадратной центральной западины. Ее устройство, по нашему мнению, являлось первым шагом сооружения на этом месте постоянного жилища. В законченной форме, оно представляло собой открытую с юго-восточной стороны столбовую конструкцию, внутри которой находились две овальные глиняные площадки, очаговое место и яма, промазанная глиной. Интересно отметить, что, в отличие от раннего этапа, площадки второй фазы, как и само жилище, были ориентированы параллельно козырьку навеса.

Второй строительный горизонт отделяется от третьего уровня углистой прослойкой. Она обнаружена в восточной части раскопа и частично перекрывает центральную западину с находящимися в ней объектами.

На третьем этапе следов строительной деятельности в зоне центральной западины не зафиксировано. Очаговое место и другие объекты в ее пределах постепенно покрылись культурным слоем и, вероятно, перестали использоваться по назначению. Строительная активность смещается в юго-восточную часть раскопа. Здесь еще в предшествующее время была устроена обширная западина аморфной формы, однако никаких других сооружений создано не было. На третьем этапе сюда переносится очаговое место, а также устраивается обожженная площадка, ориентированная перпендикулярно козырьку навеса.

Переход от ранней фазы слоя 5 (5б) к его поздней фазе (5а) маркируется отложениями щебня, зафиксированными на большей части раскопа. На этом этапе активная строительная деятельность в навесе практически прекращается.

Предложенная схема носит предварительный характер. К сожалению, пространственное распространение стратиграфических реперов пока не позволяет четко вписать в нее ряд объектов. Так, если следовать заявленной исследовательской процедуре, то юго-восточную аморфную западину можно отнести как к первому, так и ко второму строительному этапу. Многочисленные площадки (кроме зафиксированных на поверхности слоя 6) и полы в восточной части раскопа могли быть созданы либо на втором, либо на третьем этапе. Анализ этих ситуаций – дело будущего.

В заключение необходимо отметить, что история формирования отложений слоя 5б, на наш взгляд, демонстрирует динамику освоения человеком пещерного пространства как места для долговременного проживания. В целом эту динамику можно описать как движение от первых открытых площадок к постоянному жилищу и затем обратно к открытым жилым зонам. На следующей фазе, связанной с отложениями слоя 5а, происходит смена парадигмы. В это время навес, вероятно, использовался для кратковременных остановок или как базовый лагерь в теплое время года.

Список источников

Столяр А. Д., Формозов А. А. Отчеты Северокавказской археологической экспедиции 1958–1965 гг. // Мешоко – древнейшая крепость Предкавказья. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2009. С. 12–194.

Черленок Е. А., Осташинский С. М. Горизонт постоянного обитания энеолитического слоя навеса Мешоко // Археологические вести. 2023. № 38. С. 101–106.

А. Н. Чеха
Институт археологии и этнографии СО РАН,
Новосибирск, Россия

ВОПРОСЫ ХРОНОЛОГИИ И ПЕРИОДИЗАЦИИ ПАМЯТНИКОВ НЕОЛИТА – ПАЛЕОМЕТАЛЛА В СЕВЕРНОМ ПРИАНГАРЬЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ СТОЯНОК В УСТЬЕ РЕКИ КУТАРЕЙ)

Аннотация. В результате исследования археологических материалов в устье реки Кутарей удалось (с долей условности) выделить более ранний (средний) этап неолита (гор. 2 сл. 3 памятника Устье Реки Кутарей) и более поздний (гор. 1 сл. 3, сл. 2 стоянки Устье Реки Кутарей, Гора Кутарей). В данной работе обобщаются результаты полученных ранее материалов в контексте современных данных, описывается круг основных аналогий.

Ключевые слова: Северное Приангарье, неолит, палеометалл, каменная индустрия, компрессионный характер отложений, керамические комплексы, спасательные археологические работы

Работа выполнена по государственному заданию № FWZG-2025-0010 «Каменный век Северной Азии: культурный и экологический контекст».

Памятники в устье р. Кутарей находятся в Северном Приангарье (стоянка Устье Реки Кутарей располагается на левом берегу р. Ангары в 15 км ниже по течению от бывшего с. Кежма, на правом берегу в устье р. Кутарей; археологический памятник Гора Кутарей расположен в Кежемском районе Красноярского края, на левом берегу р. Ангары, в 617 км от её устья, у подножия горы Кутарей, в 1,2 км ниже устья р. Кутарей, в 15 км ниже по течению от бывшего с. Кежма; археологический памятник Сенькин (Синий) Камень расположен в Кежемском районе Красноярского края, на левом берегу р. Ангары, в 621 км от ее устья, в 1,9 км выше устья р. Кутарей, в 12 км ниже по течению от с. Кежма).

© Чеха А. Н., 2025

Изучение региона сопряжено с рядом неблагоприятных факторов, в том числе отсутствие закрытых комплексов, отложения на краю прибрежных террас, где располагается большинство местонахождений, слабо стратифицированы (компрессионный характер отложений – макрослоистость). Ввиду этого, вопросы культурно-хронологической интерпретации и построения культурно-хронологической шкалы региона остаются наиболее актуальными [Средненеолитические..., 2023; Горюнова, Новиков, 2018; Weber, *Katzenberg, Schurr*, 2010; Chronology of middle..., 2016].

К настоящему моменту накоплен и проанализирован весомый массив материала. Иркутской школой предложена схема развития культур Байкальско-Енисейской Сибири, основанная на современных датировках керамики и погребальных комплексов [Бердников, Соколова, 2024]. Однако вопросы развития каменных индустрий в неолите и эпохе раннего металла региона остаются не столь детально изученными.

Проведен детальный технико-типологический анализ каменных индустрий и декоративно-морфологический анализ керамического материала слоев 2 и 3 стоянки Устье Реки Кутарей. Было выявлено, что для слоя 3 стоянки Устье Реки Кутарей, на уровне обоих его горизонтов, преобладает керамика, относящаяся к неолиту (усть-бельская, сетчатая, посольского типа). В результате планиграфического сопоставления выявленных культурно-хронологических групп керамики и каменных индустрий, на памятнике удалось выявить условно «чистые» неолитические комплексы и «смешанный» комплекс (с примесью более поздней керамики). Для более целостного понимания ситуации по Усть-Кутарейскому участку была сделана выборка орудий и пластинчатых сколов, а также нуклеусов со стоянок Гора Кутарей и Сенькин (Синий) Камень для сравнения с полученными данными.

На памятнике Устье Реки Кутарей выявлена концентрация микропластинчатого производства.

Среди орудий, соотносящихся с комплексом 1, многофасеточный резец-дриль. Как правило, в ситуации преобладания микропластинчатой технологии, орудия такого типа связывают с мезолитической традицией. Как, например, в материалах культурного горизонта 2 многослойной стоянки Усть-Кова-I, где представлена серия типологически близких орудий [Многослойная..., 2014, с. 82, 96], подобные изделия известны и на памятниках Якутии, Континентального Приохотья (стоянки Хуреджа IV–VII, Нил-Устье) [Слободин, 2014]. Индустрию комплекса отличает наличие листовидных/овальных бифасов, в большинстве своем представленными заготовками и фрагментами, а также шлифованных форм.

Среди орудий, соотносящихся со смешанным керамическим комплексом, выявлены остроконечник с вентральной ретушью, бифасиально обработанная проколка на пластинке, 3 экз. овальных с прямым насадом наконечников, микроскребок на отщепе размером 16,3 мм, оформленный крутой чешуйчатой ретушью, цапфенный топор из плитки сланцевой породы. Морфологически наиболее близкие изделия найдены на местонахождении Усть-Едарма II (в материалах III и IV уровней отложения культуры) [Липнина, Лохов, Медведев, 2013, с. 88, 94]. В целом комплекс отличается отсутствием орудий на пластинах, тесел, ретушированных отщепов, двойных концевых скребков.

В слое 2 стоянки Устье Реки Кутарей преобладает керамика, относящаяся к раннежелезному веку и Средневековью (тонкожгутиковая, посуда шилкинского типа 2 400 – 2 100 л. н.), керамика цэпаньской культуры (2 800 – 2 200 л. н.). Неолитический компонент присутствует в небольшом количестве, что можно связать с техногенными нарушениями, особенностями формирования культурного слоя и перепадом высот. Наиболее интересные аналогии прослеживаются с выделенным на Верхней Колыме раннеголоценовым комплексом с черешковыми пластинчатыми наконечниками, широко распространенными на Северо-Востоке

Азии. Подобные изделия присутствуют прямо или косвенно в материалах Чукотки (стоянки Верхнетытыльская IV и Нижнетытыльская IV, Тытыль, п. 2), Якутии (Уолбинский могильник, Юбилейный), Камчатки (Ушки I, –II, III–IV слой; Авача-1, –9) и рассматривается исследователями в качестве специфической уолбинской традиции пластинчатых наконечников, сформировавшейся в первой половине голоцена, примерно 8 800 – 6 000 л. н. [Слободин, 2014].

Важно отметить, что на стоянке Устье Реки Кутарей не зафиксировано характерной для региона керамики с «жемчужником», распространенной также на территории Канско-Рыбинской котловины, время существования которой оценивается в 4–2,8 тыс. л. н., а уже на стоянке Гора Кутарей данный тип посуды встречается.

На памятнике Гора Кутарей уже фиксируется концентрация производства тесел, топоров и скребков веерного типа. Количество пластинчатых сколов незначительно, не зафиксировано конусовидных и карандашевидных ядрищ. Среди орудий весомую группу составляют наконечники (6 экз.). Также следует отметить шлифованный по всей поверхности нож с обушком, выполненный из нефрита длиной 65 мм. По петрографическим данным ближайшие выходы нефрита могут быть в Бурятии и на юге Иркутской области.

Горизонт 2 слоя 3 стоянки Устье Реки Кутарей содержит только неолитическую керамику. По последним данным, комплексы с керамикой посольского типа ряд авторов относит к среднему неолиту и датирует 5,5–5 тыс. л. н. [Комплексы…, 2013] по материалам Саган-Заба II; керамику с оттисками плетеной сетки и хайтинского типа – 6 900 – 4 100 л. н.. Отсюда, с большой долей условности, можно сделать предположение, что эти материалы относятся к более раннему этапу неолита (среднему), а горизонт 1 содержит материалы более поздней развитой стадии неолита. Статистический анализ пластинчатых сколов и бифасиальных изделий также частично свидетельствует в пользу данной гипотезы.

Важную для хронологического определения материалов стоянки Устье Реки Кутарей информацию дало датирование погребения (хотя и безынвентарного), обнаруженного под слоем 3. Получена радиоуглеродная дата 6 619 ± 87 (NSKA-1 863).

Таким образом, памятники Кутарейского участка демонстрируют продолжение мезолитических традиций Усть-Ковы I, а ближайшие аналогии каменные индустрии находят в материалах Като-Ёдарминского расширения (наконечники), Кежемского района (Усть-Кова I, Утес Медвежий, Толокнянка 2), а также Якутии и Континентального Приохотья, Китая.

Полученные данные также вносят существенный вклад в разработку проблем культурной принадлежности и генезиса средненеолитических погребальных комплексов Байкало-Енисейской Сибири.

Список источников

Бердников И. М., Соколова Н. Б. Динамика неолитических культур Байкало-Енисейской Сибири в контексте каменного века Северной Азии и сопредельных территорий // Уральский исторический вестник. 2024. № 3(84). С. 6–20.

Горюнова О. И., Новиков А. Г. Радиоуглеродное датирование керамических комплексов с поселений эпохи неолита побережья Байкала // Вестник ТГУ. История. 2018. № 51. С. 98–107.

Комплексы с керамикой посольского типа в неолите Прибайкалья: по материалам V верхнего слоя геоархеологического объекта Саган-Заба II / В. А. Долганов, О. И. Горюнова, А. Г. Новиков, А. В. Вебер // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2013. Т. 12. Вып. 7. С. 125–132.

Липнина Е. А., Лохов Д. А., Медведев Г. И. О каменных топорах «с ушками» – цапфенных топорах Северной Азии // Известия ИГУ. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2013. № 1(2). С. 71–101.

Многослойная стоянка Усть-Кова I в Северном Приангарье: итоги исследования 2008–2011 гг. / Е. А. Томилова, И. В. Стасюк, Е. В. Акимова, Е. Н. Кукса, Ю. М. Михлаева, О. А. Горельченкова, В. М. Харевич, И. А. Орешников // Известия ИГУ. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2014. Т. 8. С. 82–99.

Слободин С. Б. Уолбинская традиция пластинчатых наконечников (Северо-Восток России) // Известия СВНЦ ДВО РАН. 2014. № 2. С. 110–119.

Средненеолитические погребения Байкало-енисейской Сибири: проблемы культурной принадлежности и генезиса / И. М. Бердников, Н. П. Макаров, Т. М. Савенкова, Н. Е. Бердникова, Н. Б. Соколова, А. М. Ким, Д. Райх // Археология, этнография и антропология Евразии. 2023. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. Т. 51. С. 42–51.

Weber A. W., Schulting R. J., Ramsey C. B., Bazaliiskii V. I, Goriunova O. I., Berdnikova N. E. Chronology of middle Holocene hunter-gatherers in the Cis-Baikal region of Siberia: Corrections based on examination of the freshwater reservoir effect // Quaternary International. 2016. Vol. 419. p. 74–98.

Weber A. W., Katzenberg M. A., Schurr Th. G, 2010. Prehistoric Hunter-Gatherers of the Baikal Region, Siberia. Bioarchaeological Studies of Past Life Ways. Philadeiphia: University of Pensylvania, Museum of Archaeology and Anthropology. 319 p.

С. В. Шнайдер[1], П. Хей Чун Хо[2], А. В. Яковлев[3], А. К. Каспаров[4], А. С. Молодцева[5], Д. Ким[6], Т. Гермес[7], Ч. Чон[8], Г. И. Марковский[9], С. Алишер кызы[10], А. Абдыканова[11], Т. Чаргынов[12], К. Уориннер[13]

[1,3,4,9,13] Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия
[2] Гарвардский университет, Кембридж, США
[3,5] Институт молекулярной и клеточной биологии СО РАН, Новосибирск, Россия
[4] Институт истории материальной культуры, Санкт-Петербург, Россия
[6,8] Сеульский национальный университет, Сеул, Южная Корея
[7] Университет Арканзаса, Файетвилль, США
[10] Ошский государственный университет, Ош, Кыргызстан
[11] Американский университет Центральной Азии, Бишкек, Кыргызстан
[12] Кыргызский национальный университет имени Ж. Баласагына, Бишкек, Кыргызстан
[13] Институт эволюционной антропологии Макса Планка, Лейпциг, Германия

НЕОЛИТИЗАЦИЯ В ГОРНОЙ ЧАСТИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Аннотация. Наиболее ранние свидетельства производящего хозяйства на территории Центральной Азии зафиксированы на стоянках Джейтун (Копетдаг) и Обишир-5 (Памиро-Алай). В рамках настоящего исследования проведено сравнение между материалами стоянок Джейтун, Обишир-5 и Сурунгур, на основе чего была определена модель становления неолитического образа жизни в горах Копетдага и Памиро-Алая.

Ключевые слова: Центральная Азия, производящее хозяйство, неолитизация, Обишир-5, Джейтун

Исследование проведено при поддержке проекта РНФ № 24-78-10127 «Неолитизация в горной части Центральной Азии (от Копетдага до высокогорий Памира)».

Возникновение производящих типов экономик, основанное на скотоводстве и земледелии, изменило практически все аспекты человеческой жизни: от способов ведения хозяйства, механизмов освоения ландшафтов, материальной культуры и механизмов взаимодействия между человеческими популяциями [Langlie et al., 2014]. Наиболее полные исследования по неолитизации проведены для территорий Плодородного месяца и Восточной Азии [Barton et al., 2009; Fuller et al., 2012; Zeder, 2011]. На территории Центральной Азии прослеживается влияние этих двух

© Шнайдер С. В., Хей Чун Хо П., Яковлев А. В., Каспаров А. К., Молодцева А. С., Ким Д., Гермес Т., Чон Ч., Марковский Г. И., Алишер кызы С., Абдыканова А., Чаргынов Т., Уориннер К., 2025

центров, но превалирующая часть исследований сделана для относительно поздних периодов истории (бронзовый век) [Frachetti et al., 2017; Hermes et al., 2022; Spengler et al., 2014; Wilkin et al., 2020]. Что же касается самых ранних периодов становления производящего хозяйства, то в регионе на настоящий момент известно два центра – это предгорья Копетдага (джейтуская культура) [Harris, 2010; Каспаров, 2006; Массон, 1971] и южная Фергана (Обишир-5) [Shnaider et al., 2017; Taylor et al., 2021].

Памятник Джейтун располагается на территории южного Туркменистана и представляет собой самое восточное распространение иранского неолита, начиная с 8,5 тыс. л. н. [Harris, 2010]. Здесь были определены зерна одомашненной пшеницы (полба и однозернянка), а также лущеный ячмень, кроме того, в раннем хронологическом контексте обнаружены останки домашних овец и коз [Каспаров, 2006; Массон, 1971]. Хотя феномен Джейтуна информативен и показателен, на самом деле это изолированный культурный кластер, влияние которого на формирование производящего хозяйства в других районах Центральной Азии остается неясным.

В последнее десятилетие нашим исследовательским коллективом активно проводится изучение раннеголоценовых объектов на территории Центральной Азии. На настоящий момент наиболее хорошо изученным объектом в данном регионе является памятник Обишир-5 (Ферганская долина, южный Кыргызстан). Ранее памятник изучался в 1960–1970 гг. под руководством У. И. Исламова, материалы в данных раскопок были положены в основу выделения обиширской культуры [Исламов, 1980]. Исследования здесь были возобновлены в 2015 г., на настоящий момент изучаемая площадь составляет 22 кв. м, и выделено 5 литологических слоев. В контексте изучения экономических систем, использовавшихся древним человеком в период раннего голоцена, наибольший интерес представляют богатые палеофаунистические материалы слоев 2 и 3, которые датируются в пределах 8,5–6 тыс. л. н. При изучении данных материалов была применена серия биоархеологических анализов, таких как ZooMS (Zooarchaeology by Mass Spectrometry), cementum analysis (анализ внутреннего рисунка твердого вещества зубов) и анализ древней ДНК животных. В комплексе данные методы показали, что в палеофаунистической коллекции большая часть костей относится к таксонам *Ovis* и *Capra*, единичные кости принадлежат *Canis*, *Cervidae*, *Lagomorph* и *Rodentia*. Проведенный анализ цемента зубов указывает на то, что овцы и козы были убиты в возрасте от 1 до 2 лет поздней осенью – ранней зимой. Полученные результаты полностью согласуются с данными, полученными для ранних производящих сообществ Ближнего Востока [Zeder and Hesse, 2000]. Для части образцов проведен анализ древней ДНК, важно отметить, что для них получены радиоуглеродные датировки, которые укладываются в диапазон от 4,2 до 8 тыс. л. н. Результаты анализа показали, что данные образцы относятся к домашней овце (*Ovis aries*) и домашней козе (*Capra hircus*). Полученные результаты биоархеологических исследований показывают, что животноводство появилось и распространилось в Ферганской долине в период среднего голоцена, на три тысячелетия раньше, чем считалось ранее [Taylor et al., 2021]. Также нашим исследовательским коллективом проводилось комплексное изучение стоянки Сурунгур, где обнаружены косвенные свидетельства раннего производящего хозяйства [Shnaider et al., 2021]. На основе газ-хроматографического анализа установлено использование навоза животных в качестве топлива на памятнике. Исследовательским коллективом был проведен комплексный анализ материалов с памятников Джейтун, Обишир-5 и Сурунгур, что включает анализ археологического материала, анализ палеофаунистической коллекции, включая использование методов биоархеологического анализа. На основе чего предложена модель формирования неолита в горной части Центральной Азии и прослежено то, как джейтунский неолит повлиял на формирование неолита в горной части Центральной Азии.

Список источников

Исламов У. И. Обиширская культура. Ташкент: Изд-во «ФАН», 1980. 245 с.

Каспаров А. К. Скотоводство и охота эпохи неолита – палеометалла в Южном Туркменистане. СПб.: Европейский дом, 2006. 320 с.

Массон В. М. Поселение Джейтун (проблема становления производящей экономики). Л.: Наука, 1971. 368 с.

Barton, L., Newsome, S. D., Chen, F.-H., Wang, H., Guilderson, T. P., Bettinger, R. L. Agricultural origins and the isotopic identity of domestication in northern China // Proc. Natl. Acad. Sci. 2009. Vol. 106. P. 5 523 – 5 528.

Frachetti, M. D., Smith, C. E., Traub, C. M., Williams, T. Nomadic ecology shaped the highland geography of Asia's Silk Roads // Nature. 2017. Vol. 543. P. 193–198.

Fuller, D. Q., Willcox, G., Allaby, R. G. Early agricultural pathways: moving outside the 'core area' hypothesis in Southwest Asia // J. Exp. Bot. 2012. Vol. 63. P. 617–633.

Harris D. R. Origins of Agriculture in Western Central Asia. Philadelphia: University of Pennsylvania Museum of Archaeology and Anthropology, 2010. 412 c.

Hermes, T. R., Schmid, C., Tabaldiev, K., Motuzaite Matuzeviciute, G. Carbon and oxygen stable isotopic evidence for diverse sheep and goat husbandry strategies amid a Final Bronze Age farming milieu in the Kyrgyz Tian Shan // Int. J. Osteoarchaeol. 2022. Vol. 32. P. 792–803.

Langlie, B. S., Mueller, N. G., Spengler, R. N., Fritz, G. J. Agricultural origins from the ground up: Archaeological approaches to plant domestication // Am. J. Bot. 2014. Vol. 101. P. 1601–1617.

Shnaider, S. V., Krajcarz, M. T., Viola, T. B., Abdykanova, A., Kolobova, K. A., Fedorchenko, A. Y., Alisher-Kyzy, S., Krivoshapkin, A. I. New investigations of the Epipalaeolithic in western Central Asia: Obishir-5 // Antiquity. 2017. Vol. 91.

Shnaider, S. V., Zhylich, S., Fedorchenko, A., Rendu, W., Parkhomchuk, E., Alisher-Kyzy, S., Olenchenko, V., Tsibizov, L., Serdyuk, N., Zelenkov, N., Chargynov, T., Krivoshapkin, A. Surungur — New Early Holocene Archaeological Site in Fergana Valley // Strat. Plus Archaeol. Cult. Anthropol. 2021. P. 319–337.

Spengler, R., Frachetti, M., Doumani, P., Rouse, L., Cerasetti, B., Bullion, E., Mar'yashev, A. Early agriculture and crop transmission among Bronze Age mobile pastoralists of Central Eurasia // Proc. R. Soc. B Biol. Sci. 2014. Vol. 281. P. 20133382.

Taylor, W. T. T., Pruvost, M., Posth, C., Rendu, W., Krajcarz, M. T., Abdykanova, A., Brancaleoni, G., Spengler, R., Hermes, T., Schiavinato, S., Hodgins, G., Stahl, R., Min, J., Alisher kyzy, S., Fedorowicz, S., Orlando, L., Douka, K., Krivoshapkin, A., Jeong, C., Warinner, C., Shnaider, S. Evidence for early dispersal of domestic sheep into Central Asia // Nat. Hum. Behav. 2021. Vol. 5. P. 1169–1179.

Wilkin, S., Ventresca Miller, A., Taylor, W. T. T., Miller, B. K., Hagan, R. W., Bleasdale, M., Scott, A., Gankhuyg, S., Ramsøe, A., Uliziibayar, S., Trachsel, C., Nanni, P., Grossmann, J., Orlando, L., Horton, M., Stockhammer, P. W., Myagmar, E., Boivin, N., Warinner, C., Hendy, J. Dairy pastoralism sustained eastern Eurasian steppe populations for 5,000 years // Nat. Ecol. Evol. 2020. Vol. 4. P. 346–355.

Zeder, M. A. The Origins of Agriculture in the Near East // Curr. Anthropol. 2011. Vol. 52. P. S221–S235.

Zeder, M. A., Hesse, B. The Initial Domestication of Goats (Capra hircus) in the Zagros Mountains 10,000 Years Ago // Science. 2000. Vol. 287. P. 2 254 – 2 257.

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ БРОНЗОВОГО ВЕКА

М. Г. Александренкова[1], М. В. Ивашов[2]
[1] Государственный исторический музей, Москва, Россия
[2] ООО «Экспертиза Черноземья», Липецк, Россия

НИКОЛЬСКИЙ ГРУНТОВЫЙ МОГИЛЬНИК ЭПОХИ БРОНЗЫ НА ВЕРХНЕМ ДОНУ: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ

Аннотация. Представлены результаты изучения Никольского грунтового могильника эпохи бронзы в Верхнем Подонье. Памятник выделяется по ряду параметров: возрастной состав погребенных, инвентарь. Его материалы значительно дополняют наши представления об эпохе средней и поздней бронзы данного региона.

Ключевые слова: Верхнее Подонье, бескурганный могильник, эпоха бронзы, катакомбная культура, абашевская культура, срубная культура

Никольский грунтовый могильник, расположенный на левом берегу р. Дон в ее верховьях, был обнаружен в 1949 г. жителями д. Никольское (ныне Задонский р-н Липецкой обл.) при разработке глиняного карьера. В 1950 г. доцентом Воронежского государственного университета А. Н. Москаленко вдоль карьера был заложен раскоп, несколько траншей и шурфов общей площадью около 40 кв. м. Этими работами было выявлено несколько сосудов абашевской и срубной культур[16], а также отдельные фрагменты костей человека. На основании полученных материалов А. Н. Москаленко сделала вывод о существовании на данном месте могильника с жертвенным местом [Москаленко, 1952, с. 105]. П. Д. Либеров, однако, интерпретировал этот памятник только как поселение [Либеров, 1964, с. 114], а А. Д. Пряхин – как могильник абашевской и катакомбной культур, а также как поселение абашевской культуры [Пряхин, 1971, с. 35, 110].

Исследования памятника были продолжены в 2005 г. М. В. Ивашовым и Г. Л. Земцовым, в 2006 и 2010 г. М. В. Ивашовым [Ивашов, 2007; Ивашов, 2011]. В 2024 г. М. Г. Александренковой были проведены работы по уточнению границ памятника и заложены раскопы для его доследования, каких-либо комплексов времени функционирования могильника обнаружено не было [Александренкова, Ивашов, Гак, 2025]. Общая исследованная площадь составляет более 400 кв. м. Исходя из планиграфии комплексов, можно заключить, что могильник исследован полностью на той территории, которая не была уничтожена карьером.

Памятник расположен на территории высокой поймы (затапливалась как минимум до 1970-х гг.), сложенной чередованием локальных продолговатых возвышений (пойменных грив?) и понижений (рис. 1, *1*). Могильник расположен на одном из таких возвышений, высота его над современным урезом воды в реке – 9–10 м. Территория подвергалась распашке в прошлом[16], потом долгое время находилась в запустении, с 2016 г. продолжает использоваться под с/х культуры.

Материалы могильника относятся к разным культурам среднего и позднего периодов эпохи бронзы. В 1949 г. местными жителями были переданы сосуды катакомбной и абашевской культур. В 1950 г. А. Н. Москаленко было выявлено ещё несколько сосудов абашевской и срубной культур. В 2005, 2006 и 2010 гг. было открыто по одному сосуду среднедонской катакомбной и воронежской культур, 5 погребений и не менее девяти археологически целых сосудов доноволжской абашевской культуры; 2 погребения и 7 сосудов донской лесостепной срубной культуры. Ни в одном случае не прослежено погребальных конструкций. Все погребения принадлежали детям (до года, 7–8, 11–12 лет). Можно предпо-

© Александренкова М. Г., Ивашов М. В., 2025

[16] Научно-отраслевой архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. Д. 527. Л. 2.

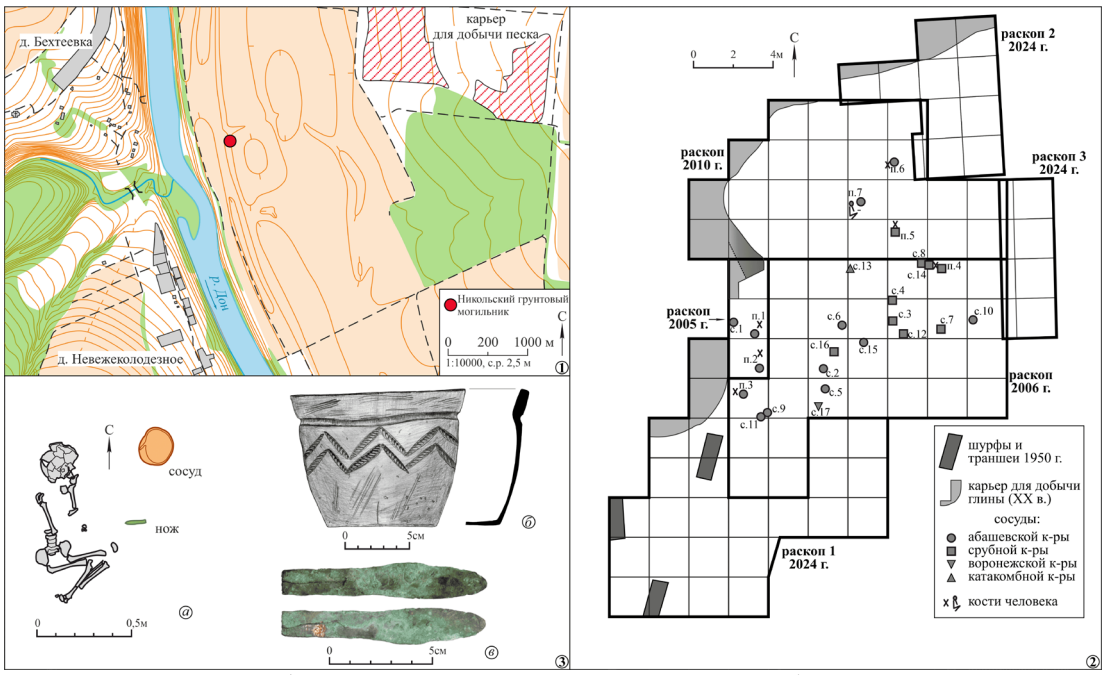

Рис. 1. Никольский грунтовый могильник эпохи бронзы:
1 – расположение на местности; *2* – план; *3* – погребение 7 (*а* – схема, *б* – сосуд, *в* – нож)

лагать, что значительная часть целых сосудов без костных останков также являлась инвентарем погребений. Микроэлементный анализ грунта из заполнения трех сосудов из работ 2010 г., проведенный методом РФА, позволяет предполагать, что в данных горшках, вероятнее всего, находился молочный продукт, либо вода, а злаки или мясо отсутствовали.

В одном из погребений абашевской культуры также был обнаружен бронзовый нож (рис. 1, *3*), что является исключительной находкой: на бескурганных могильниках эпохи бронзы Верхнего Подонья и сопредельных территорий изделия из металла единичны. Аналогии этой форме ножа встречаются в памятниках уральской абашевской культуры [Гак, 2022, с. 59].

Работы А. Н. Москаленко и наши исследования показывают, что все комплексы залегали неглубоко от современной дневной поверхности, в черноземе и в слое темно-серого суглинка. По глубине залегания комплексы не дифференцируются, однако планиграфически могильник распадается на две основные зоны: абашевскую и срубную (рис. 1, *2*). Не исключено, что п. 6 и 7 вместе с комплексами, исследованными на северо-восточной окраине карьера в 1950 г., составляли отдельную группу абашевских погребений. Помимо этого, на основании сведений, полученных А. Н. Москаленко от местных жителей, можно предполагать, что могильник распространялся далее к северу от исследованных площадей[17].

На данный момент на территории Верхнего Подонья известно 14 бескурганных могильников и одиночных погребений эпохи бронзы. Исследованный памятник уникален, прежде всего, тем, что исследован широкой площадью; его материалы значительно дополняют базу абашевских погребений данного региона. Также он выделяется исключительно детским составом погребенных: для срубных могильников схожие случаи известны, однако и на них дети могут преобладать, но не быть единственными погребенными. Более того, даже среди курганных комплексов абашевской культуры для территории Верхнего и Среднего Подонья известно очень незначительное количество детских погребений. Размещение на небольшом участке нескольких бескурганных погребений разного времени позволяет ставить вопрос об общих принципах топографического расположения грунтовых могильников в эпоху бронзы.

[17] Научно-отраслевой архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. Д. 527. Л. 2.

Список источников

Александренкова М. Г., Ивашов М. В., Гак Е. И. Исследования на Никольском грунтовом могильнике в 2024 г. // Археологические исследования в Центральном Черноземье 2024. 2025 (в печати).

Гак Е. И. Преемственность и новации в металлокомплексах конца средней – начала поздней бронзы юга Восточной Европы // Нижневолжский археологический вестник. 2022. Т. 21. №2. С. 54–81.

Ивашов М. В. Исследования Никольского грунтового могильника эпохи бронзы (предварительная публикация) // Верхнедонской археологический сборник. Липецк-СПб.: ЛГПУ, 2007. С. 127–141.

Ивашов М. В. Комплексные исследования Никольского грунтового могильника эпохи бронзы в 2010 г. // Новые материалы и методы археологического исследования. М.: ИА РАН, 2011. С. 25–26.

Либеров П. Д. Племена Среднего Дона в эпоху бронзы. М.: Наука, 1964. 207 с.

Москаленко А. Н. Памятники эпохи бронзы на Верхнем и Среднем Дону // КСИИМК. 1952. Вып. XLII. С. 99–107.

Пряхин А. Д. Абашевская культура в Подонье. Воронеж: ВГУ, 1971. 214 с.

Н. В. Басова, А. В. Постнов
Институт археологии и этнографии СО РАН,
Новосибирск, Россия

ОДИНОЧНЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ ЭПОХИ БРОНЗЫ НА ОБЪЕКТЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ «АБАЛАКОВО. СТОЯНКА ГАЛКИНА-2» В КРАСНОЯРСКОМ КРАЕ

Аннотация. В результате спасательных археологических работ на стоянке Галкина-2 в Енисейском районе Красноярского края было зафиксировано два погребения эпохи бронзы. Сопроводительный инвентарь представлен украшениями, предметами производственной деятельности. Специфические бронзовые находки из погребений заслуживают отдельного внимания, так как соотносятся с сейминско-турбинским феноменом.

Ключевые слова: Красноярский край, река Енисей, сейминско-турбинская металлургия, бронзовый век

Публикация подготовлена в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2025-0012 «Закономерности распространения и источниковедческие аспекты сохранения объектов археологического наследия в условиях техногенных изменений ландшафтов Евразии».

Стоянка Галкина-2 была расположена в Красноярском крае, Енисейском районе, в 2,3 км северо-восточнее села Абалаково, на левом берегу р. Енисей, в 2,3 км юго-западнее д. Смородинка. Объект находился на ровной площадке, имеющей небольшой уклон в северо-западном направлении.

На стоянке стратиграфически и содержательно выделяются два культурных уровня, связанных с широкими хронологическими отрезками: ранний железный век – средневековье и неолит – эпоха бронзы. Первый уровень сильно поврежден распашкой, с ним связаны обнаруженные каменные артефакты, фрагменты керамических сосудов, металлические предметы, фаунистические находки, относящиеся к поселенческому комплексу. Ко второму уровню следует отнести два одиночных погребения, совершенных по обряду ингумации.

Описание погребений. К эпохе бронзового века относится два погребения, обнаруженные на бровке террасы, на левом берегу бывшей протоки р. Енисей. Погребения выполнены в могильных ямах, которые ориентированы в широтном направлении (по течению реки).

Погребение № 1 располагалось в северо-восточной части раскопа 320–770 и в северо-западной части раскопа 330–770. До начала археологических работ никаких видимых следов наличия погребения не наблюдалось. На глубине 0,55 м от современной дневной поверхности было за-

© Басова Н. В., Постнов А. В., 2025

фиксировано могильное пятно, которое в плане представляло собой овал размером 2,4×1,0 м, вытянутый по линии запад – восток. Заполнение могильной ямы состояло из мешанных алевропесков серо-желтого цвета. На дне могильной ямы, в центральной её части, сохранились неопределимые фрагменты костей очень плохой сохранности.

В северной части погребения зафиксированы остатки колчана, сохранившаяся часть которого представлена фрагментами деревянной и костяной обкладки. Там же найдены 6 каменных наконечников стрел (3 целых и 3 фрагментированных), все они треугольной формы, ромбовидные в сечении, размеры целых предметов варьируют от 57×12×2 мм до 39×10×2 мм. Здесь же располагались предметы из бронзы: нож, кельт и фрагменты рыболовного крючка, круглого в сечении. Нож составной коленчатый, листовидной формы, черешок отсутствует. Срединное ребро клинка не обозначено, режущая кромка гладкая, оформлена с двух сторон. Клинок крепился к деревянной рукоятке в торец ручки таким образом, что ось клинка являлась продолжением оси рукояти. Размеры ножа: 127×35×2 мм. Кельт отлит из бронзы. Орудие с закрытой втулкой, овальной в сечении. Втулка органично вписана в полотно и не выделяется. Лицевая сторона полотна трапециевидной формы с зауженным верхом, также овальная в сечении. Под втулкой со стороны широких граней фиксируется по паре ребер жесткости. Профиль полотна имеет симметричную (клиновидную) форму. Лезвие выгнуто. Обе стороны кельта украшены орнаментальным пояском, состоящим из двух параллельных горизонтальных линий. Высота кельта 90 мм, глубина втулки 60 мм, широкая грань в устье 40 мм, узкая 29 мм, центральная часть полотна составляет 40 мм, лезвие – 55 мм.

В центральной части могильной ямы найден каменный инвентарь: проксимально-медиальный фрагмент микропластины, отщеп трапециевидной формы, обработанный по периметру двусторонней чешуйчатой ретушью и бифасиально обработанное изделие подквадратной формы. К югу от данных предметов располагался еще один бронзовый составной нож такого же типа, как описанный ранее. Размеры ножа составляют 175×35×3 мм.

В западной части могильной ямы были расположены два скопления каменных предметов и третий бронзовый коленчатый нож размерами 141×35×2 мм. В скоплениях найдены: 2 скребка трапециевидной формы, с прямыми лезвиями, обработанные по периметру чешуйчатой ретушью; острийный и базальный фрагменты наконечников; сработанный микронуклеус, переоформленный в проверт-ку; 58 отщепов с различными вариантами ретушной обработки либо без нее, часть из которых, по всей видимости, представляет собой заготовки наконечников либо вкладышей; 12 слабоокатанных отдельностей кремня; удлиненная галька, видимо, представляющая собой ретушер; 2 абразива из песчаника; фрагмент шлифованного изделия; фрагменты зубов бобра.

В юго-восточной части могильной ямы зафиксировано полукольцо из светло-окрашенного нефрита размерами 95×15×10 мм.

Погребение № 2 располагалось в юго-восточной части раскопа 340–770. Надмогильного сооружения над погребением не было. На глубине 0,6 м от современной дневной поверхности было зафиксировано могильное пятно, которое в плане представляло овал размером 1,3×0,65 м, вытянутый по линии запад – восток. Заполнение могильной ямы состояло из мешанных алевропесков серо-желтого цвета, мощностью до 0,15 м.

На дне могильной ямы, в её западной части, находились два фрагмента нижней челюсти человека. В восточной части могильной ямы были уложены пять шлифованных колец из светлоокрашенного нефрита. Размеры колец варьируются от 23×21×2 до 28×28×4 мм.

«Погребение с коровой». В четырех метрах к северо-западу от погребения № 2 было обнаружено современное захоронение коровы. К западу от головы погребён-

ной коровы, на уступе, были зафиксированы: каменный наконечник стрелы и бронзовый нож такого же типа, как зафиксированный в погребении № 1. Размеры ножа составили 85×28×3 мм. Каменный наконечник листовидной формы с прямой базой, фасы оформлены удлиненной захватывающей ретушью. Изделие выполнено из кремня. Размеры наконечника – 55×25×5 мм. У шеи погребённого животного, под челюстью находился каменный топор, сверху на ребрах каменные наконечник стрелы и вкладыш. Вкладыш выполнен из роговика, имеет форму удлиненной трапеции, с небольшим расширением у основания. Оба фаса изделия зашлифованы, периметр обработан двусторонней чешуйчатой ретушью. Размеры – 28×14×2 мм. Наконечник выполнен из кремня, имеет форму удлинённого треугольника и ромбовидное сечение, фасы обработаны удлиненной захватывающей ретушью. Размеры наконечника – 49×14×3 мм. Топор выполнен из роговика. Имеет трапециевидную в плане форму, с расширением в сторону лезвия. Лезвие в сечение слегка асимметричное, оба фаса тщательно зашлифованы. Обушок имеет подпрямоугольную в плане и сечении форму, обработан разноразмерной чешуйчатой ретушью. Размеры топора составили 92×39×14 мм.

Представляется, что труп коровы был захоронен в культурный слой или погребение эпохи бронзы под покровом ночи, когда люди, захоранивавшие животное, не видели артефактов. Поскольку найденный рядом с животным бронзовый нож однотипен экземплярам из погребений, рассматриваемым в статье, было решено также опубликовать здесь комплекс находок, зафиксированный в «погребении с коровой».

Анализ материалов. Представленные в статье погребения № 1, 2 относятся к бронзовому веку. Они датированы по особенностям погребальной практики, наличию изделий из бронзы и их типологическим формам, украшениям из нефрита.

Самой массовой категорией инвентаря, обнаруженной в погребениях, являются предметы из камня. Большинство из орудий выполнено на отщепах и пластинчатых сколах. Среди них представлены скребки, наконечники стрел, их фрагменты и заготовки, вкладыши на пластинах с чешуйчатой ретушью, топор в форме трапеции, провертка, ретушер, абразивы.

Фрагменты деревянной и костяной обкладки, найденные вместе с компактно залегающими наконечниками стрел в погребении № 1, с большей долей вероятности принадлежали колчану. К сожалению, по оставшимся фрагментам реконструировать форму и размеры колчана невозможно.

Набор изделий из бронзы, обнаруженный в погребениях, представлен фрагментом рыболовного крючка, листовидными плоскими ножами простейших бесчеренковых форм, присущих для памятников раннеглазковской культуры [История Сибири…2022, с. 493]. Весьма интересна находка кельта, орнаментированного горизонтальными линиями-валиками и боковыми гранями. Согласно классификации Е. Н. Черных, данный тип кельта относится к разряду К-6 [Черных, Кузьминых, 1989, с. 44, рис. 7]. Этот кельт следует отождествлять с сейминско-турбинскими бронзами.

Среди украшений в погребениях зафиксированы полукольцо и кольца из светло-окрашенного нефрита. Такие украшения являлись стандартными для погребений бронзового века Прибайкалья [Горюнова, Новиков, Лбова, 2010, с. 182].

Заключение. Таким образом, обнаруженные на стоянке Галкина-2 погребения бронзового века по характеру погребальной практики и набору инвентаря обнаруживают аналогии с синхронными памятниками Нижнего Енисея, Северного Приангарья, Прибайкалья [История Сибири…2022, с. 491–499]. Находка бронзового кельта сейминско-турбинского облика выступает как один из немногих вариантов таких кельтов в Восточной Сибири и свидетельствует о наличии интенсивных связей населения, проживавшего в лесной и лесостепной полосе Евразии в эпоху бронзы.

Список источников

Горюнова О. И., Новиков А. Г., Лбова Л. В. Раскопки могильника бронзового века Хадарта IV на побережье озера Байкал // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2010. Т. XVI. С. 181–185.

История Сибири. Каменный и бронзовый век / С. В. Алкин, А. Н. Алексеев, И. В. Асеев, В. И. Базалийский, В. В. Бобров, А. П. Бородовский, Д. Л. Бродянский, А. А. Василевский, О. И. Горюнова, А. П. Деревянко, В. С. Зыкин, В. С. Зыкина, К. Ю. Кирюшин, Ю. Ф. Кирюшин, П. М. Кожин, Л. В. Лбова, С. В. Маркин, В. Е. Медведев, В. И. Молодин, Л. Н. Мыльникова, С. П. Нестеров, М. С. Нестерова, О. И. Новикова, А. А. Орехов, А. С. Пилипенко, Н. А. Савельев, А. В. Табарев, Т. А. Чикишева. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2022. Т. 1. 660 с.

Черных Е. Н., Кузьминых С. В. Древняя металлургия Северной Азии. М.: Наука, 1989. 320 с.

В. В. Бобров
ФИЦ угля и углехимии СО РАН,
Кемерово, Россия
Кемеровский государственный университет,
Кемерово, Россия

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО АНДРОНОВЕДЕНИЯ

Аннотация. Столетняя история изучения андроновских древностей открывает перспективы историографического исследования научного наследия, составляет этап, позволяющий наметить направления и главные проблемы дальнейшего познания андроновской культурной общности. Новый этап познания сохраняет базовую проблематику андроноведения (тип, культура, общность, ареал), но предполагает качественно иной уровень интерпретации, соответствующий теории, методологии и методике современной археологической науки.

Ключевые слова: тип, культура, андроновская культурная общность, периодизация, Сибирь, Евразия

Работа выполнена в рамках государственного задания № FWEZ-2024-0021 «Социокультурогенез и трансграничное взаимодействие древних и средневековых обществ в контактных зонах Западной и Средней Сибири. 2024–2025 гг.».

В 2024 г. исполнилось 100 лет с выхода небольшой работы Этнографического отдела Русского музея, в которой С. А. Теплоухов выделил андроновскую культуру [Теплоухов, 1924]. Невозможно переоценить вклад поколений отечественных археологов в исследование андроновских памятников и формирование знания об этом уникальном явлении древней истории. К началу XXI в. сформированы представления о хронологии андроновской культуры на основе естественнонаучных методов, дана обобщающая антропологическая характеристика населения в совокупности с результатами палеогенетических исследований, представлены реконструкции этнолингвистической принадлежности андроновских популяций, значительным достижением явилось гипотетическое восстановление их духовной культуры. Четверть нового века также не прошла бесследно в изучении андроновских древностей. Используя эту фундаментальную платформу, целесообразно было бы обратиться к наиболее значимым проблемам андроноведения.

Проблема культурной принадлежности. История исследования этой ключевой проблемы андроноведения показывает сложный путь научного поиска подходов и решений. Истоки его лежат в первой половине XX в., но дискуссионный характер он впервые приобрел к середине века. Историографически сложилось так, что в изучении андроновских древностей с 1948 г. стала преобладать вертикальная периодизация К. В. Сальникова, основанная на южноуральских памятниках, в отличие от пространственных вариантов культуры М. П. Грязнова. Но через 30 лет

© Бобров В. В., 2025

его идея вновь приобрела жизнь в виде существования двух синхронных культур: алакульской и федоровской. Тогда же постановлением конференции они были объединены в рамках общности – андроновской. В процессе исследований к андроновским древностям были отнесены памятники Средней Азии с обоснованием их особенностей и выделением этапов с собственным названием (идентичных конкретной культуре андроновской общности, а не её варианту). В этом просматривается следование авторитетным концепциям с компонентом самостоятельности. Но главная причина кроется в устойчивости традиции вертикальной периодизации с последовательной сменой этапов/культур. Это прослеживается в схемах развития андроновских этнокультурных образований многих регионов. Не случайно, Е. Е. Кузьмина, считая алакульскую и федоровскую культуры синхронными, а синкретичные памятники результатом взаимодействия и ассимиляции, указывала, что главной проблемой андроноведения являются таксономические понятия «археологическая культура» и «андроновская культурная общность» [Кузьмина, 1994]. На мой взгляд, проблема культурной принадлежности памятников андроновского времени на южных и юго-восточных окраинах (Памир, Семиречье, Ферганская долина) остается в лучшем случае недостаточно решенной (таутаринский и семиреченский типы). Дополним это обстоятельство открытием памятников, близких андроновским, на территории западной Монголии и Китая [Молодин, Комиссаров, 2000; Молодин, Комиссаров, Ван Пэн, 2013]. Миграцию позднеандроновских групп населения в районы Китая допускала Е. Е. Кузьмина. Небезынтересно то, что исследователи в памятниках Синьцзяна (Сацзы, Сянбаньди и др.) видят вариант андроновской культурной общности или особой андроноидной культуры [Молодин, Комиссаров, 2000, с. 349]. Напомним о существовании на западе андроновского ареала сольилецкого типа (южное Приуралье).

С позиции накопленных знаний к концу первой четверти XXI в., современной теории и методологии археологической науки целесообразно было бы провести исследования программного характера в рамках таксономической структуры: вариант – тип – культура. Предварительно в теоретическом аспекте следует определить понятие «тип» для общности культур. Вариант, тип для объединения из нескольких культур может быть приемлем на стадии накопления источников. Для памятников центральноазиатской части андроновского ареала можно прогнозировать выделение самостоятельных археологических культур, которые пополнят андроновскую общность.

Проблема «андроновской культурной общности». Декларирование общности 45 лет назад являлось компромиссом базовых идей: о выделении андроновской культуры и о выделении этапов, которые приобрели статус самостоятельных культур. Историографически сложились две концепции: общность составляют синхронно существующие культуры и общность – хронологически последовательные культуры. К числу приверженцев последней идеи принадлежал Г. Б. Зданович, организатор конференции 1980 г. по андроновской проблематике, который в общность включил петровскую культуру, предшествовавшую алакульской [Зданович, 1988]. Эта концепция, назовём её «диахронная», имеет многих последователей. Такой подход открывал перспективу наполнения общности культурами как до-, так и постандроновского времени. В итоге можно получить модель развития археологических культур, представленную С. А. Григорьевым, который считает андроновскую общность мифом [Григорьев, 2024]. Не отрицая существования общности, А. В. Матвеев выстроил идентичную по конструкции схему с несколько иным содержанием андроноидных культур, которую он обозначил понятием «семья» – по принципу лингвистической классификации [Матвеев, 2000]. Проблема остаётся злободневной и требует теоретического обоснования «андроновской общности» как первого неординарного историко-культурного образования в Евразии.

Проблема ареала. Е. Е. Кузьмина значительную часть научной деятельности посвятила андроновской проблематике, в результате которой обосновала границы культуры/общности от Урала до Енисея и Синьзяна, от таёжной зоны Западной Сибири до Памира и Тянь-Шаня, до оазисов Средней Азии и правобережья Амударьи [Кузьмина, 1985; 1994]. Это положение является общепринятым и не вызывает сомнения. Некоторое исключение составляет точка зрения автора [Бобров, 2014]. Если следовать ядру общности, состоящему из федоровских и алакульских комплексов, то её ареал следовало бы ограничить на юге казахстанскими степями. В районах Средней Азии, на западной территории Китая формировались этнокультурные образования под влиянием или участием групп андроновцев. Возможно, процесс был близок тому историко-культурному сценарию, который привёл к возникновению андроноидных культур на северной периферии ареала – в лесостепной и южнотаёжной зоне Западной Сибири.

В связи с проблемой ареала андроновской общности любопытно его сравнение со скифо-сарматским миром [Grigoriev, 2021, p. 3]. Но если взять за основу не квадратные километры, а историко-археоло-гическое содержание, тогда андроновский мир (термин требует обсуждения и уточнения) будет географически шире. Не исключено, что это предтеча скифо-сибирскому явлению в дописьменной истории Евразии.

Особое место в современной проблематике андроновской культурной общности занимает *историческая интерпретация.* Археологически фиксируются глобальные последствия андроновских пастушеских скотоводов, «пронзившие» века и даже тысячелетия. На юге они были сметены стремительными кочевниками; на севере – их следы проявляются в духовной культуре народов Западной Сибири. Неслучайно этногенетическая тематика получила новый импульс с развитием палеогенетики. В настоящее время проблемный характер имеют реконструкции социальной организации общества, общественных отношений, духовной культуры, включая рациональные знания. Остаётся в списке актуальных проблем исследование древних производств.

На современном этапе немаловажное значение приобретает исследование истории изучения андроноведения: объяснение избранных исследователями подходов и полученных результатов, анализ личностных особенностей ученых, объективного и субъективного в их научном творчестве.

Список источников

Бобров В. В. Особенности погребального обряда в восточных районах ареала культуры // Арии степей Евразии: эпоха бронзы и раннего железа в степях Евразии и на сопредельных территориях. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2014. С. 268–278.

Григорьев С. А. Происхождение и миграции индоариев. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2024. 452 с.

Зданович Г. Б. Бронзовый век урало-казахстанских степей (основы периодизации). Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1988. 184 с.

Кузьмина Е. Е. Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности // Инфор. бюл. междунар. ассоц. по изучению культур Центральной Азии UNESCO. М., 1985. Вып. 9. С. 24–45.

Кузьмина Е. Е. Откуда пришли индоарии? Материальная культура и происхождение индоариев. М.: Изд-во «Калина», 1994. 464 с.

Матвеев А. В. Лесостепное Зауралье во II – начале I тыс. до н. э.: автореф. дис. …д-ра ист. наук. Новосибирск, 2000. 50 с.

Молодин В. И., Комиссаров С. А. Андроноидный могильник на территории Восточного Туркестана (Синьцзяна) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2000. Т. 6. С. 342–349.

Молодин В. И., Комиссаров С. А., Ван Пэн Могильники эпохи бронзы Сянбаньди на Восточном Памире (Синьцзян, Китай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2013. Т. 19. С. 270–275.

Теплоухов С. А. Отчет выставки этнографического отдела за 1923 г. // Описание работы экспедиции в Минусинский край. Петроград: Изд-во «Русский музей», 1924. С. 8–12.

Grigoriev S. Andronovo Problem: Studies of cultural genesis in the Eurasian bronze age // Open Archaeology. 2021. Vol. 7. P. 3–36.

Е. А. Богайчук[1], А. А. Идимешев[2], Ю. Н. Есин[3]
[1] Институт археологии и этнографии СО РАН,
Новосибирск, Россия
[2] Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия
[3] Археологический центр Лейбница,
Майнц, Германия

ФИГУРАТИВНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ НА КЕРАМИКЕ САМУСЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ С ПОСЕЛЕНИЯ ПОТАПОВЫ ЛУЖКИ III (ТОМСКОЕ ПРИОБЬЕ)

Аннотация. В ходе исследования керамики самусьской культуры с поселения Потаповы Лужки III выделены четыре типа фигуративных изображений. Все они обнаруживают значительное сходство с материалами поселения Самусь IV и позволяют предположить близкий возраст этих памятников.

Ключевые слова: Томское Приобье, эпоха бронзы, самусьская культура, фигуративные изображения

Работа Е. А. Богайчук выполнена по проекту «Закономерности распространения и источниковедческие аспекты сохранения объектов археологического наследия в условиях техногенных изменений ландшафтов Евразии» № FWZG-2025-0012.

Поселение Потаповы Лужки III расположено в нижнем течении р. Томь, на южной окраине современного г. Томска. В 2020–2021 гг. было исследовано 47,6 кв. м его площади. Керамический комплекс самусьской археологической культуры Западной Сибири конца III – начала II тыс. до н. э. является наиболее многочисленным на памятнике [Идимешев, Богайчук, Степанова, 2023]. Он представлен фрагментами не менее 88 сосудов (при подсчете по венчикам), разделяющимся на две группы: 1) сосуды, орнаментированные шаганием с протаскиванием, прокатыванием и отступанием, в основном образующим прямые и волнистые горизонтальные линии, которые покрывают всю поверхность от венчика до дна (25 % от числа самусьских сосудов); 2) сосуды, орнаментированные прочерченными линиями, оттисками фигурного штампа; их декор имеет более сложную композицию, а также порой включает фигуративные изображения с антропоморфными и зооморфными признаками (54,5 %). Часть сосудов из-за фрагментарности трудно отнести к той или иной группе (20,5 %). Обе группы ранее выделены и на ряде других поселений самусьской культуры: Самусь IV, Еловское, Крохалевка-1, Школьный [Матющенко, 1973; Молодин, Глушков, 1989, с. 77–98; Бобров, 2005; Есин, 2009]. На других памятниках, за исключением Самусь IV, керамика второй группы малочисленна. Исследователи связывают ее с суперстратным, южным компонентом самусьской культуры. Цель исследования – классификация фигуративных изображений на керамике с Потаповых Лужков III и их сопоставление с материалами других памятников самусьской культуры.

Основой для изучения фигуративных изображений самусьской культуры являются наиболее представительные материалы поселения Самусь IV. Исследователи неоднократно обращались к проблеме их классификации, что позволило выработать современное представление об этой изобразительной традиции [Матющенко, 1973, с. 95–100; Глушков, 1987; Савин, 2001; Есин, 2009]. Поэтому классификация и сравнительный анализ любых новых материалов, прежде всего, предполагает их сопоставление с керамикой этого памятника.

Всего в коллекции, полученной к настоящему времени на поселении Потаповы Лужки III, выявлены 13 фрагментов тулова от нескольких керамических сосудов с фигуративными изображения-

© Богайчук Е. А., Идимешев А. А., Есин Ю. Н., 2025

ми, которые можно разделить на несколько типов:

1. Изображение головы с тремя длинными вертикальными линиями сверху и несколькими короткими линиями или ямками по бокам, расположенное на вершине столбообразной фигуры, иногда помещенной внутрь вертикального полуовала. Изображения нанесены прочерченными линиями, глаза и рот показаны в виде округлых вдавлений, нос передан с помощью налепа (рис. 1, *1–4, 11a*). Этот тип фигур пока представлен только на Самусь IV [Есин, 2009, рис. 29].

2. Изображение головы с верхним контуром в виде двух острых углов, расположенное на вершине узкой вертикальной фигуры в форме столба. Контур фигур нанесен в прочерченной или в отступающе-накольчатой технике, глаза и рот переданы вдавлениями, нос выражен рельефно, в одном случае с помощью налепа изображена вся голова (рис. 1, *5–7*). Помимо Самусь IV, данный тип изображений

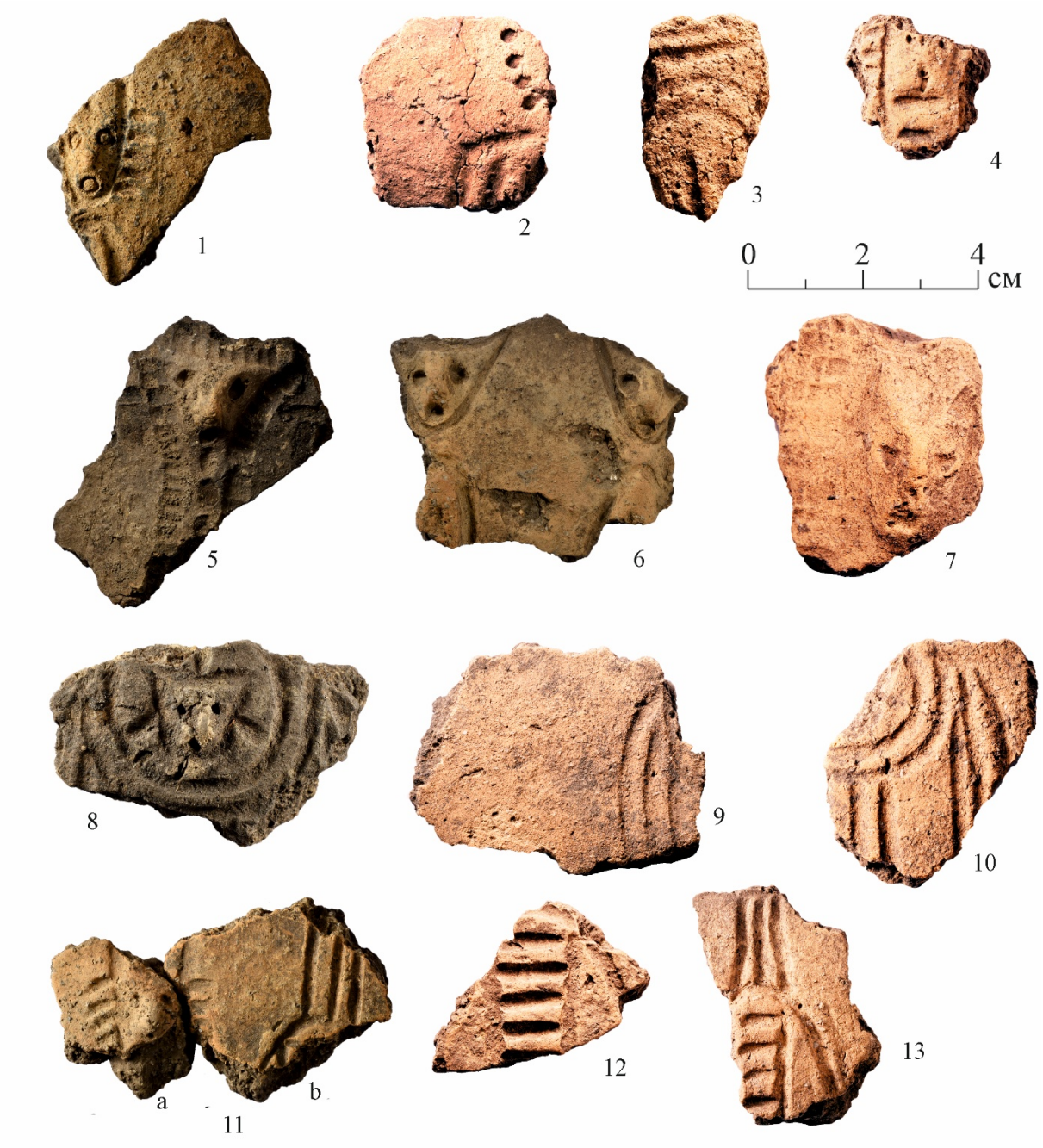

Рис. 1. Фрагменты керамики с фигуративными изображениями:
1–4, *11a* – 1 тип; *5–7* – 2 тип; *8–10* – 3 тип; *11b–13* – 4 тип

известен на керамике Еловского поселения [Есин, 2009, рис. 30].

3. Изображение головы предыдущей формы, показанное внутри круга, размещенного на вершине столбообразной фигуры, с дополнительными элементами по бокам круга. Основные элементы фигуры выполнены прочерчиванием, глаза и рот лика показаны с помощью вдавлений, нос выражен рельефно (рис. 1, *8–10*). За исключением Самусь IV [Есин, 2009, рис. 31], на других памятниках этот тип фигур пока не встречен.

4. Фигура человека анфас с опущенными вниз руками, поперечными линиями на корпусе и тремя вертикальными линиями на месте головы. Изображения выполнены в прочерченной технике (рис. *11b–13*). Помимо Самусь IV, сосуд с подобными изображениями известен на поселении Школьный, однако антропоморфные фигуры последнего отличаются схематизмом и геометризацией [Есин, 2009, рис. 33, 38].

Таким образом, все найденные фигуративные изображения с Потаповых Лужков III соответствуют ранее выделенным типам, представленным серийно на поселении Самусь IV, и демонстрируют очень высокую степень сходства с ними. При этом одно из изображений второго типа (рис. 1, *7*) имеет некоторые отличия. Его особенностью является исполнение всей головы налепом из глины, тогда как обычно с помощью данного приема моделировался только нос. Новый вариант подкрепляет гипотезу о том, что выступающие углы верхней части контура головы этого типа фигур изображают уши зверя.

В нескольких случаях материалы позволяют в общих чертах реконструировать композицию на тулове сосуда, составленную из фигур двух разных типов. Эта композиция аналогична тем, что известны на Самусь IV.

В целом высокое относительное число сосудов второй группы и выявленное в ходе сравнительного анализа близкое стилистическое сходство фигуративных изображений нового памятника с материалами Самусь IV может указывать на их близкий возраст и на появление поселения Потаповы Лужки III на раннем этапе существования самусьской культуры.

Список источников

Бобров В. В. Литейные формы самусьской культуры из поселения Школьный (Кузнецкая котловина) // Западная и Южная Сибирь в древности. Барнаул: Алт. гос. ун-т, 2005. С. 53–58.

Глушков И. Г. Иконографические особенности некоторых самусьских изображений человека // Первобытное искусство: антропоморфные изображения. Новосибирск: Наука, 1987. С. 89–95.

Есин Ю. Н. Древнее искусство Сибири: Самусьская культура. Томск: Том. гос. ун-т, 2009. 526 с.

Идимешев А. А., Богайчук Е. А., Степанова Н. Ф. Предварительные результаты технико-технологического анализа керамики с поселения Потаповы Лужки-III (Томское Приобье) // Теория и практика археологических исследований. 2023. Т. 35. № 1. С. 46–58.

Матющенко В. И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья. Ч. 2: Самусьская культура // Из истории Сибири. Томск: Том. гос. ун-т, 1973. Вып. 10. 208 с.

Молодин В. И., Глушков И. Г. Самусьская культура в Верхнем Приобье. Новосибирск: Наука, 1989. 168 с.

Савин А. Н. Классификация антропоморфных изображений искусства самусьской культуры // Историко-культурное наследие Северной Азии. Барнаул: Алт. гос. ун-т, 2001. С. 127–131.

С. Б. Бурков
Институт истории и археологии РСО-Алания,
Владикавказ, Россия

К ВОПРОСУ О ПОЯВЛЕНИИ ОБРЯДА ВЫТЯНУТОГО НА СПИНЕ ПОЛОЖЕНИЯ ПОГРЕБЕННОГО В ФИНАЛЕ ЭПОХИ РАННЕЙ БРОНЗЫ НА ТЕРРИТОРИИ ВОСТОЧНОГО ПРЕДКАВКАЗЬЯ

Аннотация. В докладе анализируются различные подходы к решению вопроса о появлении на территории Восточного Предкавказья обряда вытянутого на спине положения погребенного применительно к древностям региона финальной стадии эпохи ранней бронзы. Для решения задачи привлекаются как опубликованные ранее, так и авторские материалы. Делается вывод о появлении данного обряда вне зависимости от присутствия в крае погребений раннего этапа северокавказской культуры (культурной традиции).

Ключевые слова: Восточное Предкавказье, погребение, обряд, северокавказская культура, эпоха бронзы

Традиционно обряд вытянутого на спине положения погребенного связывается с наступлением эпохи развитой бронзы и появлением на Кавказе племен северокавказской археологической культуры (культурной традиции). Это событие чаще обосновывают миграционными процессами (А. Н. Гей, А. А. Клещенко, Б. М. Хашегульгов, Н. А. Николаева, В. А. Сафронов), хотя для территории центральных районов Северного Кавказа существует и идея т. н. автохтонного происхождения (В. А. Трифонов). Она не подразумевает её формирования в недрах позднемайкопских племен (В. И. Марковин), предположительно имеющей с последней некие коренные, «генетические» связи (А. А. Формозов, А. Л. Нечитайло). Существует и версия формирования культуры на Северном Кавказе в результате смешения закавказских мигрантов с неназванным автохтонным северокавказским населением и носителями позднеямной культуры (М. Б. Рысин). Одновременно для изучаемого исторического периода выделяются носители «культуры вытянутых погребений», составляющей отдельный культурный комплекс (горизонт, пласт), который рассматривается как культурная традиция, сформированная некоторой группой родственных племен предыдущих эпох, например, т. н. мариупольской общности (Д. Я. Телегин, А. Н. Гей), «постмариупольской (квитянской) культуры» (А. А. Клещенко), погребения которой составляют заметную часть принципиально иной, многокомпонентной в своей основе, северокавказской культуры. По С. Н. Кореневскому закат майкопской культуры сопровождался миграцией населения куро-аракской культуры и распространением в Предкавказье идеи вытянутого на спине обряда захоронения, появившегося в конце раннего бронзового века в центральных районах, на Кавминводах [Кореневский,1988, с. 14]. К подкурганным захоронениям «с нетипичными чертами майкопской погребальной практики и с инвентарем майкопского типа» (С. Н. Кореневский) финальной стадии эпохи ранней бронзы могут быть отнесены: основные захоронения – курган № 4 на участке Зиссерманов, погребение в кургане у Ульского аула, курган № 4 у г. Армавир, погребение № 14 кургана № 1 группы-I у ст. Нежинской, погребение № 14 кургана № 13 могильника «Ассиновские курганы» [Кореневский, 2004, с. 20–21]. В это же время обряд вытянутого на спине положения погребенного вне позднемайкопских культурных традиций зафиксирован в Восточном Предкавказье и в ряде других памятников. К ним относятся погребения с серо-глиняной керамикой у с. Бамут (погребение № 3 кургана № 2, раскопки 1958 г. – 2 костяка; погребение № 2 кургана № 10, раскопки 1961 г. – 1 костяк; погребение № 1 грунтового могильника на Минаретном поле, раскопки 1966 г. – 1 костяк),

© Бурков С. Б., 2025

в которых присутствовали сосуды на ножках. Прочие погребения с положением костяка на спине, относящиеся к финалу раннего бронзового века: основное погребение № 6 кургана № 5, безынвентарные, основное погребение № 4 кургана № 14 и погребение № 16 кургана № 3 с. Бамут, 2 костяка из грунтового могильника у с. Луговое (погребения № 22 и 23), погребение № 1 из грунтового могильника у с. Саади-Котар (раскопки 1980 г.), погребение № 7 кургана № 1 могильника «Ассиновские курганы», погребение № 16 кургана № 5 (раскопки 1990 г.) В погребениях № 15 и 16 кургана № 6 у с. Бамут (раскопки 1965 г.) вытянутые на спине костяки были без черепов, удаленных при совершении погребения № 4, содержащего 4 сероглиняных сосуда, 1 из которых на 4 ножках, бронзовый вислообушной топор типа «начеркезеви» и бронзовый клинок «сачхерского» типа. Это подтверждает их более раннюю хронологическую позицию. В РСО-Алания к этой группе относится погребение № 4 кургана № 3 у с. Сунжа, содержащее, как и погребение № 1 кургана № 1 могильника «Самашкинские курганы» (раскопки 1991 г.), кувшин куро-аракского типа с ручкой. Погребение № 1 кургана № 9 могильника у с. Дзуарикау – единственное раннее «северокавказское», но более позднее, чем «группа с триподами». Погребение литейщика у ст. Скачки демонстрирует присутствие обряда вытянутого на спине положения погребенного в этнокультурной среде уже следующего исторического этапа – начала среднего бронзового века формирующегося мира северокавказской общности, в которой ещё явственно проступают черты уходящей эпохи [Нечитайло, Рунич, 2008, с. 344].

В это же время обряд вытянутого на спине положения погребенного существовал и на южных склонах Большого Кавказа: Хачинчайские курганы № 1 и 3, Ханкендинские курганы № 103, 119. Памятники относятся к раннему этапу куро-аракской культуры [Гуммель, 1948, с. 15, рис. 6, с. 21; Джафаров, 2019, с. 141, 142]. В ряде случаев в коллективных погребениях зафиксированы стратиграфически одновременные захоронения в различных позах: скорчено на спине, сидя, вытянуто на спине – стопы под тазом, скорчено на боку, вытянуто на спине. Расположение костяков вытянуто на спине относительно прочих погребенных, а также присутствие рядом с ними престижных предметов воинско-сакральной атрибуции стало основанием для заключения об их отношении к социально-престижной прослойке общества (старейшины рода) конца III тыс. до н. э. [Кушнарева, Чубинишвили, 1970, с. 83–85]. Всего для изучаемой нами территории для этого времени нами учтено 11 костяков и погребений для территории Чечни и 2 – для РСО-Алания. Из них к погребениям с майкопским инвентарем отнесено 1 захоронение, и ещё в 1 случае (погребение № 42 кургана № 1 группы I могильника «Бамутский поворот») оно предполагается [Бурков, 2022, с. 264, рис. 3, с. 265]. Прочие 4 погребения с костяками, размещенными вытянуто на спине, с майкопским «наследием», выявлены за пределами Восточного Предкавказья. В погребениях: № 7 кургана № 1 и № 16 кургана № 5, № 14 кургана № 13 могильника «Ассиновские курганы» были захоронены подростки. Возможно, что на раннем этапе новый элемент погребального обряда применялся к определенной возрастной или социальной группе. Позднее это становится более распространенной традицией. На начальном этапе ориентировки – северо-запад, север, на следующем наиболее популярна восточная. Для территории РСО-Алания вытянутые на спине погребения раннего этапа единичны и также связаны с инвентарем с позднего куро-аракского и сачхерского погребального набора. На начальном этапе этот обряд появляется в группе с серо-глиняной керамикой, которая таким образом «выделяет» себя из прочего состава племенных групп предгорных равнин среднего течения рек Ассы и Терека. Эта позиция могла быть связана с возрастной позицией или социальным ранжированием. Не исключается и «подчеркивание» близости к поздним куро-аракским, шире – южно-кавказским «корням» погребальной обрядности. Взаимное перемещение населения через перевалы Большого Кавказа (Р. М. Мунчаев, А. Н. Гей, В. Л. Ростунов, М. Б. Рысин,

Т. И.-О. Ахундов, Г. Д. Атаев, Н. А. Мусеибли, А. М. Агаларзаде, Г. К. Ахундова) в финале раннего бронзового века становятся более интенсивными. Это могло приводить к формированию на его южных склонах новых этнокультурных образований (т. н. культура подкурганных склепов, Т. И.-О. Ахундов).

Погребальные церемониалы населения Восточного Предкавказья в изучаемое время формировались в поликультурной среде. В этих условиях появление в них схожих деталей в качестве «надкультурной» практики более вероятно, чем поиски их прототипов среди групп различных мигрантов. Идея о том, что миграционные процессы из Южного Кавказа сыграли роль определенной культурной трансформации начала эпохи средней бронзы для племен Северного Кавказа [Рысин, 2008, с. 221], может быть распространена и на события финального этап раннего бронзового века.

Список источников

Бурков С. Б. Основные погребения МНО т. н. «галюгаевского» типа из Чечни и РСО-Алания: общее и особенное // Археология, этнография и языки Кавказа: сб. науч. ст. СПб.: Изд-во «Реноме», 2022. Вып. 3. С. 259–268.

Гуммель Я. И. Некоторые памятники раннебронзовой эпохи Азербайджана // Краткие сообщения института истории материальной культуры. Вып. XX. 1948. С. 15–28.

Джафаров Г. Ф. Погребальные памятники Карабаха эпохи ранней бронзы: история исследования // Горы Кавказа и Месопотамская степь на заре бронзового века: сб. науч. ст. М.: Изд-во ИА РАН, 2019. С. 240–246.

Кореневский С. Н. Археологические признаки социальной дифференциации в погребальном обряде эпохи энеолита, ранней бронзы Центрального Предкавказья // Погребальный обряд древнего и средневекового населения Северного Кавказа: сб. науч. ст. Орджоникидзе: Изд-во СОГУ, 1988. С. 6–15.

Кореневский С. Н. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья: Майкопско-новосвободненская общность, проблемы внутренней типологии. М.: Наука, 2004. 241 с.

Кушнарева К. Х., Чубинишвили Т. Н. Древние культуры Южного Кавказа (V–III тыс. до н.э.). Л.: Наука, 1970. 191 с.

Нечитайло А. Л. Рунич А. П. Погребение литейщика у станции Скачки близ Пятигорска // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VIII. Крупновские чтения, 1971–2006. М.: Изд-во «Памятники исторической мысли»; Ставрополь: Наследие, 2008. С. 344.

Рысин М. Б. Успенский этап кавказской металлообработки среднего бронзового века // Археологические вести. 2008. № 15. С.193–230.

А. В. Варенов, А. Л. Нестеркина
Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, Новосибирск, Россия

БРОНЗОВЫЕ КОЛЕСА СО СПИЦАМИ И СТАТУЯ «ГАРУДЫ» ИЗ ЖЕРТВЕННЫХ ЯМ САНЬСИНДУЯ

Аннотация. В культуре Саньсиндуй эпохи бронзы из провинции Сычуань (КНР) встречены бронзовые колеса и антропоморфная статуя с птичьими когтями на ногах, найденные в жертвенной яме JK2. Бронзовые колеса могут быть связаны со статуей человека с птичьими когтями на ногах. Обе находки могут быть интерпретированы при помощи древнеиндийского мифа о Гаруде.

Ключевые слова: Китай, Саньсиндуй, бронзовые колеса со спицами, мифология

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01554, https://rscf.ru/project/24-28-01554.

Саньсиндуй – культура эпохи бронзы, распространенная на равнине Чуаньси, в окрестностях г. Чэнду, административного центра провинции Сычуань в КНР.

© Варенов А. В., Нестеркина А. Л., 2025

Практически все бронзовые изделия Саньсиндуя, известные до 2020 г., происходили из двух жертвенных ям JK1 и JK2, обнаруженных на территории эпонимного городища в 1986 г. Из числа находок в жертвенных ямах наибольшее внимание всегда привлекали бронзовые антропоморфные скульптуры. Одна из них, а именно статуя человека с птичьими когтями на ногах, рассмотрена в данной статье.

Статуя человека с птичьими когтями на ногах – обр. К2(3):327. У статуи отсутствует верхняя половина туловища. Её ноги, заканчивающиеся птичьими когтями, прилиты к птичьим головам змееподобных существ (рис. 1, *1*). Нижняя часть тела плотно завернута в узкую короткую юбку (возможно, нижнюю часть халата), по центру которой спереди проходит вертикальный шов (рис. 1, *2*). Юбка украшена орнаментом, составленным из ромбических меандров, бахромой (?) или широкой нижней каймой – узором вертикальных линий (рис. 1, *3*). Узор на юбке и телах змееподобных существ густо окрашен алой киноварью. Голени двух крепких ног покрыты негативным орнаментом, заполненным черным пигментом. Острые птичьи когти обеих ног вцепились в птичьи головы двух змееподобных существ [Саньсиндуй цзисы кэн, 1999, с. 169].

Тождество использованных при отливке антропоморфной статуи технологических приемов с методами создания некоторых типов больших бронзовых масок и «деревьев духов» позволяет синхронизировать создание статуи из Саньсиндуя со II стадией эволюции бронзовых масок и бронзовых деревьев [Варенов, Гирченко, 2013, с. 27–29; 2015, с. 18–20]. К этому же времени относятся и III–IV стадии эволюции бронзовых сосудов Саньсиндуя [Варенов, Гирченко, 2014, с. 33–35].

Ранее мы наметили возможный путь реконструкции мировоззрения древних на археологическом материале через соотнесение сложной композиции с законченным мифологическим текстом, а также с мифологическими аналогиями из других культур [Варенов, Гирченко, 2009, с. 245–247]. Китайскую мифологию привлечь к интерпретации оказалось невозможно, ввиду почти полного отсутствия свидетельств современных письменных источников о районе Сычуани II тыс. до н. э.

Зато статуя человека с птичьими когтями на ногах находит параллели в мифологии древней Индии. Там царя всех птиц, божественного орла Гаруду, *вахану* (ездовое животное) бога Вишну, представляли с человеческим телом, но с птичьим клювом вместо носа на лице, с крыльями и когтистыми лапами, которыми заканчиваются ноги [Гринцер, 1991, с. 266]. По версии, изложенной в «Махабхарате» (кн. I), Винаta, мать Гаруды, вместе с ним обманом попала в рабство к своей сестре Кадру, матери тысячи змеев-нагов, и её потомству [Темкин, Эрман, 1982, с. 66–67, 250]. Птичьи, с клювами головы змееподобных существ в когтях у саньсиндуйского изваяния могут отражать тот факт, что, на самом деле, Гаруда и змеи-наги – единокровные братья. У них общий отец, мудрец Кашьяпа, а матери – родные сестры.

В качестве условия освобождения из рабства Гаруды и его матери змеи выдвинули похищение для них у богов напитка бессмертия – *амриты*. Гаруда проник на небеса, уменьшившись, проскочил между спицами большого колеса с острыми, как ножи, краями, которое, беспрерывно вращаясь, преграждало доступ к *амрите*, и, снова увеличившись, растерзал своими когтями двух страшных драконов (или змей), стерегущих сосуд с *амритой* [Там же, с. 70]. Драконы в Саньсиндуе изображались с лапами, зубастыми пастями, а иногда и с рогами [Варенов, Гирченко, 2017, с. 286–287]. Есть в Саньсиндуе и вполне натуралистичные изображения змей [Там же, с. 285].

В пользу версии о похищении *амриты* может говорить присутствие среди находок в яме JK2 нескольких (судя по обломкам однородных деталей – ступиц, до 6 экз.) больших бронзовых колес с пятью спицами каждое, два из которых, диаметром 84 и 85 см, сохранились относительно хорошо (рис. 1, *4, 6*). Они представляют собой тонкие бронзовые обкладки, крепив-

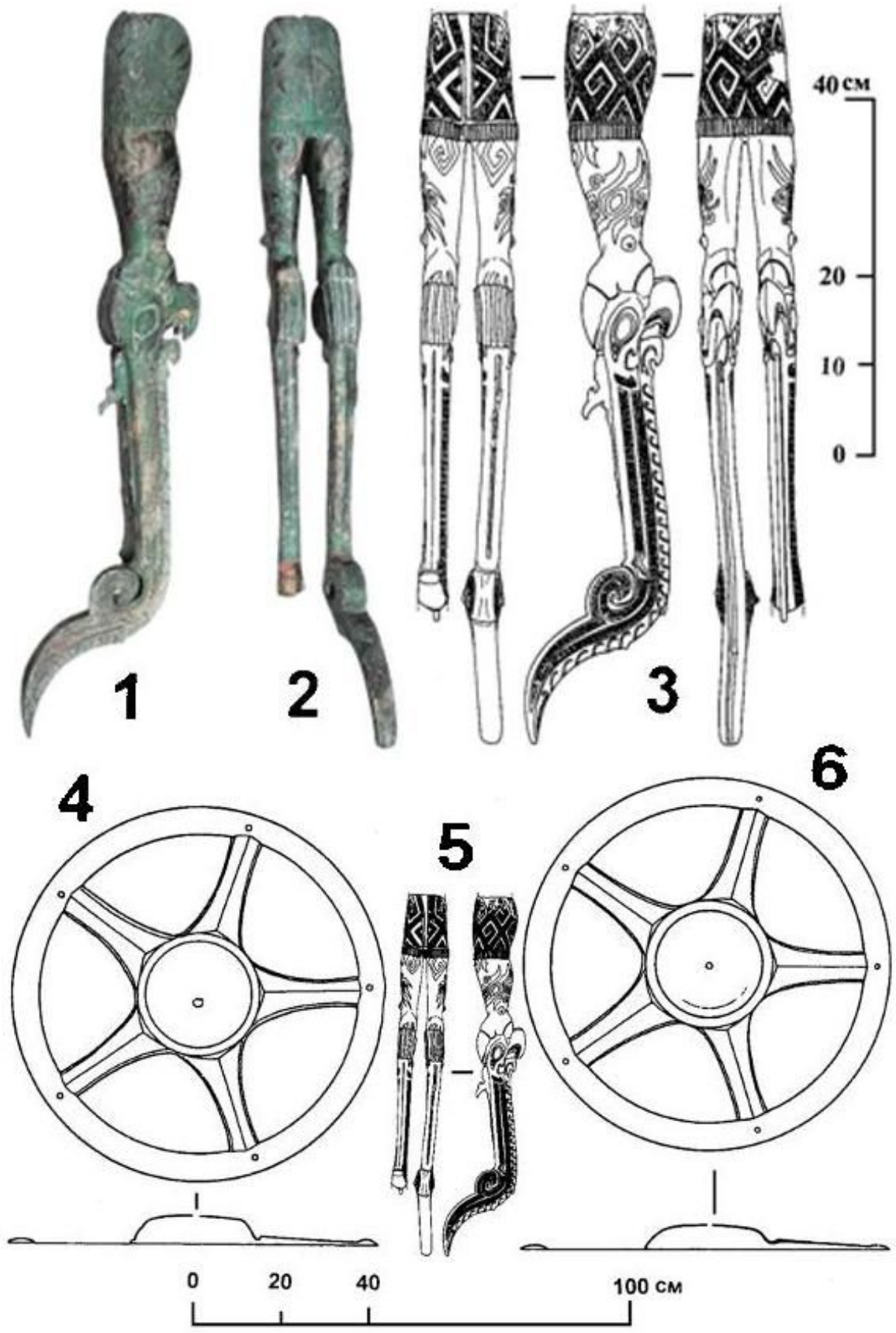

Рис. 1. Бронзовые колеса и статуя с птичьими когтями на ногах: *1–3, 5* – статуя с птичьими когтями на ногах; *4* – большое колесо Обр. К2(3):1; *6* – большое колесо Обр. К2(2):67. По: [1–2 – Чжао Дяньцзэн, 2022, с. 83, рис. 4; 3–6 – Саньсиндуй цзисы кэн, 1999, с. 171, 239, рис. 87, 134]

шиеся к какой-то (видимо, деревянной) основе через небольшие отверстия, лежащие в ободьях напротив спиц и в центре ступицы. Эти колеса не просто сопоставимы по абсолютным размерам со статуей с птичьими когтями на ногах. Статуя может спокойно, с запасом пройти в промежуток между спицами любого из колес (рис. 1, *5*).

Список источников

Варенов А. В., Гирченко Е. А. Культовые бронзы Саньсиндуя и пути их семантической интерпретации // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2009. Т. XV. С. 246–251.

Варенов А. В., Гирченко Е. А. Бронзовые маски, маскоиды и личины из жертвенных ям Саньсиндуя // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2013. Т. 12. Вып. 4: Востоковедение. С. 19–30.

Варенов А. В., Гирченко Е. А. Бронзовые сосуды из жертвенных ям Саньсиндуя // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2014. Т. 13. Вып. 4: Востоковедение. С. 26–39.

Варенов А. В., Гирченко Е. А. Бронзовые деревья из жертвенных ям Саньсиндуя // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2015. Т. 14. Вып. 4: Востоковедение. С. 13–23.

Варенов А. В., Гирченко Е. А. Бронзовые змеи и драконы из второй жертвенной ямы Саньсиндуя // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2017. Т. XXIII. С. 284–288.

Гринцер П. А. Гаруда // Мифы народов мира. М.: Советская энциклопедия, 1991. Т. 1. С. 266.

Саньсиндуй цзисы кэн [三星堆祭祀坑]. Жертвенные ямы Саньсиндуя. Пекин: Вэньу чубаньшэ, 1999. 628 с. (на кит. яз.).

Темкин Э. Н., Эрман В. Г. Мифы древней Индии. М.: ГРВЛ, 1982. 272 с.

Чжао Дяньцзэн. Саньсиндуй цзисы ходун дэ цзибэнь цзягоу: шэнь тань, шэнь мяо, цзисыкэн [赵殿增。三星堆祭祀活动的基本架构:神坛、神庙、祭祀坑]. Основные опоры ритуальной жизни Саньсиндуя: священные алтари, храм духов, жертвенные ямы // Сычуань вэньу. 2022. № 5. С. 80–94. (на кит. яз.).

А. В. Варенов, М. А. Функ

Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, Новосибирск, Россия

«СВЯЩЕННЫЙ АЛТАРЬ» КАК «МОДЕЛЬ МИРА» В РИТУАЛЬНЫХ БРОНЗАХ САНЬСИНДУЯ

Аннотация. Анализируемый «священный алтарь» («алтарь духов») культуры Саньсиндуй мог являться моделью системы мироздания с трех/пятичастным делением по вертикали и четырехчастным по горизонтали. Бронзовый «небесный чертог» на его вершине позволяет реконструировать внешний вид саньсиндуйских храмов: квадратные (или прямоугольные) строения под четырехскатной кровлей, с крупными антропоморфными скульптурами.

Ключевые слова: Китай, культура Саньсиндуй, «священный алтарь», интерпретация

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01554, https://rscf.ru/project/24-28-01554.

Саньсиндуй – своеобразная культура эпохи бронзы, распространенная на равнине Чуаньси, в окрестностях г. Чэнду, административного центра пров. Сычуань в КНР. Яркую самобытность ей придает наличие крупной бронзовой скульптуры, в том числе большого (высотой свыше 260 см) изваяния стоящего на пьедестале человека, моделей деревьев, антропоморфных голов, масок и маскоидов, найденных в 1986 г. в двух жертвенных ямах JK1 и JK2 на эпонимном памятнике [Варенов, Гирченко, 2008]. Приоритетное внимание китайские и зарубежные исследователи (включая и автора данной статьи) уделяли бронзовым «деревьям духов» и антропоморфным изваяниям – своеобразной «визитной карточке» куль-

© Варенов А. В., Функ М. А., 2025

туры Саньсиндуй [Варенов, Гирченко, 2012; 2013; 2015]. Между тем малые формы культовых бронз оставались как бы «в тени», хотя именно они могли многое дать для реконструкции некоторых сторон духовной жизни древних обитателей Саньсиндуя. Наиболее информативны в этом плане не отдельно взятые фигуры, а их композиции, которые китайские археологи называют «священными алтарями» («алтарями духов») [Саньсиндуй цзисы кэн, 1999, с. 227–235].

«Священный алтарь» (Обр. K2(3):296), найденный в жертвенной яме JK2, сильно поврежден огнем, но основные принципы его конструкции все равно угадываются. Он состоит из четырех частей: подставки с изображением животного, подставки со стоящими людьми, подставки в форме гор и венчает все шкатулка в виде строения (рис. 1). Самая нижняя часть состоит из полого внутри существа, с большой головой, широко открытым плоским ртом, прямыми ушами, единственным рогом, длинным хвостом и крыльями. На них и опирается круглое основание следующего яруса с четырьмя стоящими фигурами, одетыми в двубортные халаты с короткими рукавами, перевязанные двойным поясом. Головы фигур увенчаны шапками с V-образным вырезом, из середины которого поднимаются плоские антропоморфные личины в причудливых головных уборах. Следующий уровень представлен фигурами в виде четырех гор. На вершины «гор» опирается квадратная шкатулка в виде строения, так называемого «небесного чертога». Вдоль каждой из его стен расположены в ряд пять коленопреклоненных антропоморфных фигур, по углам крыши – хищные птицы, а на фронтонах – изображения человека-птицы. Сохранившаяся высота – 53,3 см.

Что касается интерпретационных возможностей рассмотренных культовых бронз из Саньсиндуя, то нам уже приходилось писать, что так называемый «священный алтарь» (или «алтарь духов») может являться моделью системы мироздания с трех/пятичастным делением по вертикали и четырехчастным по горизонтали, где нижний мир представлен в двух слоях хтоническим зооморфным существом-проглотом, возможно, олицетворяющим первобытный хаос, и попирающими его четырьмя духами-хранителями, скорее всего, соотносимыми с четырьмя сторонами света (аналог локапал в индуизме) [Варенов, Гирченко, 2009, с. 249–251]. Средний мир, мир людей – уровень покоящихся на головах «хранителей» четырех гор, наверняка «мировых». Верхний мир в рассматриваемой модели, так же как и нижний, двухслоен: опирающийся на вершины гор «небесный чертог» с коленопреклоненными антропоморфными фигурами, возможно, изображающими «духов предков» живых саньсиндуйцев (аналог скандинавской Вальхаллы), и витающие над «чертогом» орнитоморфные небесные духи или божества.

О почитании духов предков много говорят синхронные Саньсиндую шанские надписи на гадательных костях из Аньяна. Мы уже высказывали мнение, что бронзовые маски и головы из жертвенных ям Саньсиндуя как раз и изображали духов предков, являясь частью интерьера древних храмов, а именно бронзовыми деталями деревянных антропоморфных скульптур [Варенов, Гирченко, 2012, с. 18–19; 2013, с. 28–29]. Известно, что храмы, как правило, создаются как более или менее точное земное отражение (модель) небесного мира, как его себе представляют их создатели. Значит, справедлива будет и обратная зависимость. Бронзовый «небесный чертог» на вершине «священного алтаря» позволяет реконструировать возможный внешний вид саньсиндуйских храмов: квадратные (или прямоугольные) строения под четырехскатной кровлей, с крупными антропоморфными скульптурами.

Осенью 2020 г. раскопки в Саньсиндуе после тридцатичетырехлетнего перерыва были возобновлены. В результате в дополнение к двум ранее известным, было выявлено шесть новых «жертвенных ям», расположенных неподалеку от двух первых. «Священные алтари», встреченные в этих ямах, пока еще полностью не изданы и ждут своих исследователей [Чжао Дяньцзэн, 2022].

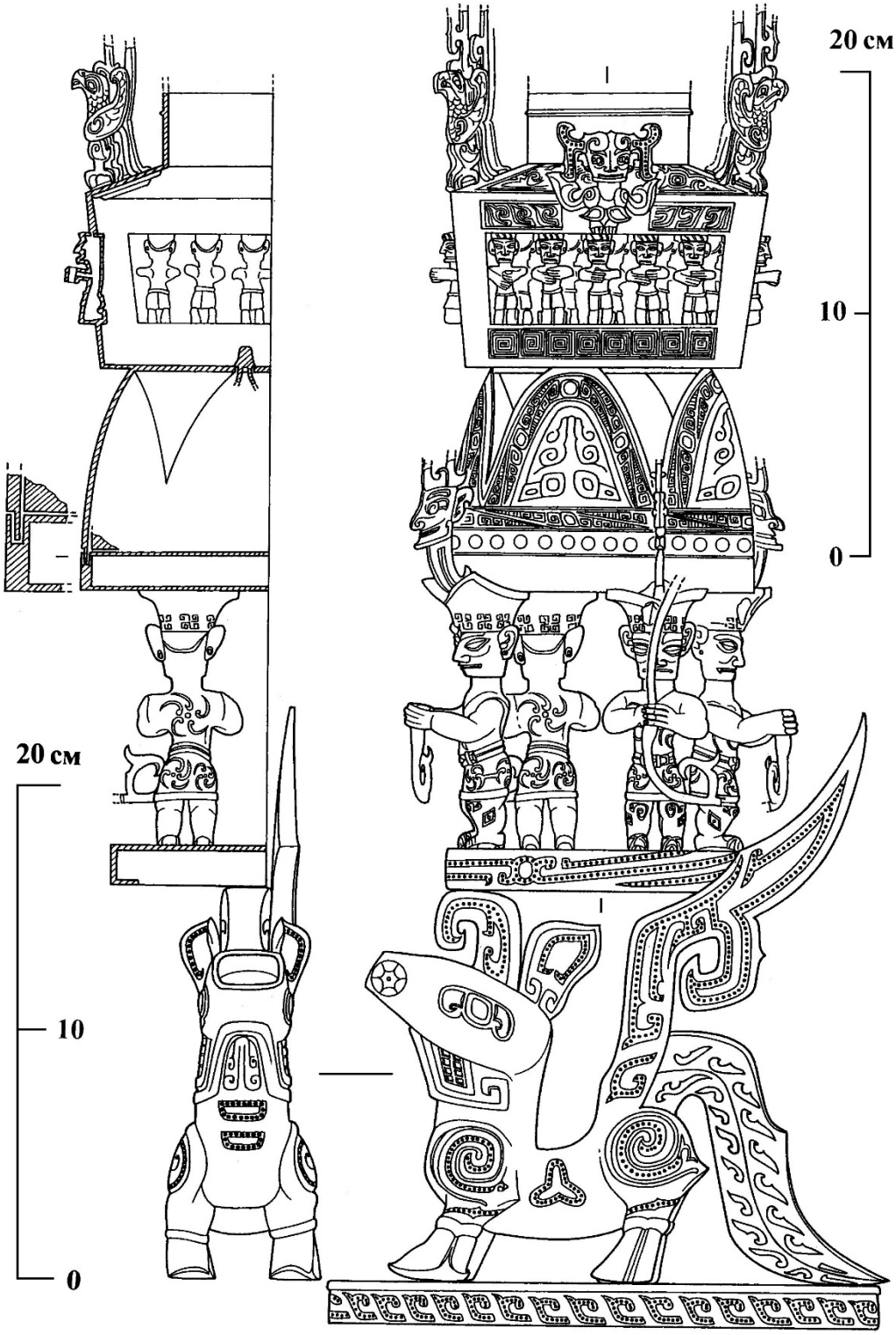

Рис. 1. Бронзовый «священный алтарь» из второй жертвенной ямы Саньсиндуя
(по: [Саньсиндуй цзисы кэн, 1999, с. 233, рис. 129])

Список источников

Варенов А. В., Гирченко Е. А. Саньсиндуй – новая культура эпохи бронзы из Южного Китая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2008. Т.XIV. С. 151–156.

Варенов А. В., Гирченко Е. А. Культовые бронзы Саньсиндуя и пути их семантической интерпретации // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2009. Т. XV. С. 246–251.

Варенов А. В., Гирченко Е. А. Бронзовые головы из жертвенных ям Саньсиндуя и реконструкция деталей интерьера древних храмов // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2012. Т. 11. Вып. 4. С. 10–19.

Варенов А. В., Гирченко Е. А. Бронзовые маски, маскоиды и личины из жертвенных ям Саньсиндуя // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2013. Т. 12. Вып. 4. С. 19–30.

Варенов А. В., Гирченко Е. А. Бронзовые деревья из жертвенных ям Саньсиндуя // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2015. Т. 14. Вып. 4. С. 13–23.

Саньсиндуй цзисы кэн [三星堆祭祀坑]. Жертвенные ямы Саньсиндуя. Пекин: Вэньу, 1999. 628 с. (на кит. яз.).

Чжао Дяньцзэн. Саньсиндуй цзисы ходун дэ цзибэнь цзягоу: шэнь тань, шэнь мяо, цзисыкэн [赵殿增。三星堆祭祀活动的基本架构:神坛、神庙、祭祀坑]. Основные опоры ритуальной жизни Саньсиндуя: священные алтари, храм духов, жертвенные ямы // Сычуань вэньу. 2022. № 5. С. 80–94. (на кит. яз.).

Е. В. Волкова
Институт археологии РАН,
Москва, Россия

НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ОТНОСИТЕЛЬНУЮ ХРОНОЛОГИЮ ФАТЬЯНОВСКИХ МОГИЛЬНИКОВ

Аннотация. Автор анализирует новые даты по ^{14}C фатьяновских могильников, построенную на их основе периодизацию и предлагает свою относительную хронологию памятников, основанную: 1) на планиграфии могильников; 2) виде кладбищ; 3) наличии статусных погребений разного пола; 4) линии счета родства; 5) гончарных традициях.

Ключевые слова: фатьяновская культура, относительная хронология могильников, погребальный обряд, гончарные традиции

Фатьяновские племена пришли на территорию Верхнего Поволжья и расселились по всему региону в III тыс. до н. э. Они оставили после себя в основном могильники.

В последние годы появились новые многочисленные даты по ^{14}C для 18 фатьяновских могильников и некоторые результаты изучения ДНК костяков. Это вновь вызвало оживленный интерес к истории фатьяновской культуры.

Цель доклада – рассмотреть, как эти даты согласуются с традиционной периодизацией фатьяновских могильников, разработанной на основании всего комплекса данных Д. А. Крайновым и О. С. Гадзяцкой [Крайнов, Гадзяцкая, 1987], и более поздней периодизацией автора [Волкова, 2015]. Первые два исследователя, располагая только двумя абсолютными датами для Тургиновского и Волосово-Даниловского могильников, выделили 4 этапа в развитии фатьяновской культуры:

I – Ивановогорский – XX–XIX вв. до н. э. (Ивановогорский, Давыдковский, Икшанский, более поздние Тургиновский и Лихачевский могильники);

II – Никульцинский – XVIII–XVII вв. до н. э. (Никульцинский, Голузиновский, Наумовский, Олочинский, Ковровский, Милославский, Халдеевский, Ильинско-Хованский, более поздние Таскаихский, Овинищенский, Заборьевский, Тимофеевский, Воронковский могильники);

III – Волосово-Даниловский – XVII–XVI вв. до н. э. (Волосово-Даниловский, Фатьяновский, Великосельский, Горкинский, Горицкий, Мытищинский, Болшневский 2, Чуркинский, Истринский, Верейский, Буланинский и др. могильники);

IV – Буньковский – XV в. до н. э. (Буньковский, Николо-Перевоз, Скомороховский, Быстринский) [Крайнов, Гадзяцкая 1987, с. 39–40].

Что же дали новые даты по ^{14}C для понимания истории этой культуры?

Во-первых, они позволили перенести фатьяновскую культуру в целом из II в III тыс. до н. э. Во-вторых, опираясь на новые даты могильников, ряд исследо-

© Волкова Е. В., 2025

вателей внесли коррективы в их старую относительную хронологию.

Рассмотрим эти уточнения более подробно.

Для могильников I этапа получены две даты: Ia – для Ивановогорского могильника – 2864–2496 [Nordqvist, Heyd, 2020] и Iв – для Тургиновского могильника – 2350–2030 (58,8 %) [Кренке. 2019][18].

Для могильников II этапа получено 18 дат: IIa – для Никульцинского могильника – семь дат, которые в целом дают интервал 2881–2298, для Голузиновского – одна дата – 2575–2349, для Наумовского – две даты – интервал 2836–2469, для Милославского – две даты – интервал 2624–2047, для Халдевского одна дата – интервал 2823–2473. IIв – для Тимофеевского могильника две даты – интервал 2832–2470, для Воронковского три даты – интервал 2878–2466 [Nordqvist, Heyd, 2020].

Для могильников III этапа получены 12 дат: для Волосово-Даниловского восемь дат дают диапазон 2570–1983 и для Болшневского 2 – четыре даты составляют интервал 2829–2211 [Nordqvist, Heyd, 2020; Черных, Кузьминых, Орловская, 2011; Древняя ДНК..., 2023].

Для могильников IV этапа имеется только одна дата для могильника Николо-Перевоз – интервал 2562–2299 [Nordqvist, Heyd, 2020].

Итак, что мы видим? Во-первых, очень большой разброс дат почти по каждому памятнику, не говоря уже о периодах. Во-вторых, многие даты противоречат результатам, полученным исследователями при изучении всего археологического материала могильников. Особенно это касается самых ранних и самых поздних памятников. В-третьих, весь комплекс радиоуглеродных дат неоспоримо указывает лишь то, что фатьяновское население жило на данной территории в течение III тыс. до н. э. Таким образом, эти данные пока не могут служить основой для построения относительной хронологии могильников фатьяновской культуры.

Занимаясь более 40 лет изучением фатьяновской культуры, я сосредоточила свое внимание на анализе гончарных традиций этого населения и его погребального обряда [Волкова, 2015; 2016].

Сначала при изучении 67 фатьяновских могильников, мною было выделено шесть видов кладбищ: смешанные, мужские, детские, родовые классические, родовые мужские и родовые женские.

Смешанные представляют собой кладбища, где похоронены мужчины, женщины и дети, в них нет парных погребений, могилы находятся на достаточном расстоянии друг от друга. Таких кладбищ выявлено 12 (17,9 %), и они расположены во всех локальных группах, кроме ярославской.

Мужские кладбища содержат только захоронения мужчин. Их известно 28 (41,8 %). Они есть во всех локальных группах, и отнюдь не всегда это маленькие кладбища.

Детские кладбища с захоронениями только детей. Сюда относится только Горкинский могильник (1,5 %) ивановской локальной группы.

Родовые классические кладбища представляют собой место, где захоронены мужчины, женщины и дети. Их могилы располагаются компактно и часто перекрывают друг друга. Имеются парные погребения. Всего выделено 12 могильников (17,9 %), распространенных во всех локальных группах.

Родовые мужские кладбища содержат погребения мужчин, но там же могут быть и дети. Могилы расположены близко друг к другу, есть общие перекрытия могильных ям. Таких кладбищ всего 3 (4,5 %), по одному в каждой локальной группе, кроме ивановской.

Родовые женские кладбища представляют собой погребения женщин и детей. Это только Милославский могильник (1,5 %) из ивановской локальной группы, где имеется парное погребение женщины с ребенком.

[18] Все даты калиброванные, BC, почти все с достоверностью 95,4 %.

В общей сложности к родовым кладбищам относятся 16 (23,9 %) могильников, что прямо свидетельствует о существовании родовой общины у данного населения.

При обобщении широкого комплекса данных о 1) планиграфии могильников, 2) виде кладбищ, 3) статусных погребениях лиц разного пола, 4) линий счета родства и 5) гончарных традициях мною выделено 6 хронологических групп фатьяновских могильников.

Первая хронологическая группа включает небольшие (до 5 погребений) смешанные или мужские кладбища, где погребения находятся на значительном расстоянии друг от друга, отсутствуют парные погребения, нет погребений индивидов особого статуса. К ней относятся могильники: Ивановогорский, Давыдковский, Детчинский, Протасовский, III Новинковский, Лихачевский, Ошурковский, Карашский, Кривцовский, Ильинско-Хованский, Горицкий, Змеевский, Дьяковский, Ковровский.

Вторая группа состоит из смешанных или мужских кладбищ, где могут быть индивиды особого статуса и парные погребения. К ней относятся Ханевский, Истринский, I Новинковский, Тургиновский, Голузиновский, Халдеевский, Тимофеевский, Таскаихский и Борковский.

В третью группу входят родовые могильники, по которым зафиксирован счет родства по женской линии или есть погребения только женщин особого социального статуса. Это Сущевский, Кузьминский, II Новинковский, Никульцинский, Милославский и Мытищинский.

Четвертая группа представляет собой родовые могильники, где есть погребения и мужчин, и женщин особого социального статуса. Это IV Новинковский, Воронковский, Вауловский и Волосово-Даниловский.

Пятая группа состоит из родовых или мужских кладбищ с погребениями только мужчин особого социального статуса или счетом родства по мужской линии. Сюда относятся Тростинский, Буньковский, Олочинский, Болшневский 2.

Шестая группа включает наиболее поздние могильники с керамикой с ошпандинскими чертами. Кроме Никола-Перевоз, остальные могильники этой группы представляют собой кладбища с захоронениями одного-двух мужчин, которые расположены по границам или даже за пределами локальных групп. К этой группе принадлежат так же Овинищинский, Рыболовский, Григорковский, Фоминский, Юрьевецкий, Заборьевский, Федотовский, Скомороховский, Кузнечиха 3, Кошкинский, Ветошкинский, Быстринский, Чуркинский могильники.

Особый интерес при изучении относительной хронологии фатьяновских могильников представил вопрос о могильниках с одиночными погребениями. Выяснилось, что они распространены по всей территории культуры, относятся к разному времени и оставлены первопроходцами – небольшими группами в основном мужчин, которые постепенно осваивали новые районы Верхнего Поволжья, расширяя территорию фатьяновской культуры.

В целом предложенная здесь новая относительная хронология фатьяновских могильников во многом совпадает с периодизацией Д. А. Крайнова и О. С. Гадзяцкой. И она так же во многом не согласуется с новыми абсолютными датами.

Список источников

Волкова Е. В. Опыт разработки новой относительной хронологии фатьяновских могильников // КСИА. 2015. Вып. 240. С. 155–162.

Волкова Е. В. Социальная структура населения московской локальной группы фатьяновской культуры и относительная хронология могильников // КСИА. 2016. Вып. 245. Ч.1. С. 132–142.

Крайнов Д. А., Гадзяцкая О. С. Фатьяновская культура. Ярославское Поволжье // Свод археологических источников. М.: Наука, 1987. В1-22. 145 с.

Кренке Н. А. Радиоуглеродная хронология фатьяновской культуры // РА. 2019. № 2. С. 110–116.

Черных Е. Н., Кузьминых С. В., Орловская Л. Б. Металлоносные культуры лесной зоны вне системы Циркумпонтийской провинции: проблема радиоуглеродной хронологии IV–III тыс. до н. э. // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. М.: ИА РАН, 2011. Вып. 2. С. 24–62.

Древняя ДНК носителей фатьяновской и абашевской культур (к вопросу о миграциях населения эпохи бронзы в лесной полосе на русской равнине) / А. В. Энговатова, И. Э. Альборова, Х. Х. Мустафин, В. Ю. Луньков, Ю. В. Лунькова, А. А. Канапин, А. А. Самсонова, М. Б. Медникова // Stratum plus. Страсти по детям. 2023. № 2. С. 207–228.

Nordqvist K., Heyd V. The Forgotten Child of the Wider Corded Ware Family: Russian Fatyanovo Culture in Context // Proceedings of the Prehistoric Society. 2020. vol. 86. pp. 65–93.

С. А. Григорьев
Институт истории и археологии УрО РАН,
Челябинск, Россия

АБСОЛЮТНАЯ ХРОНОЛОГИЯ НАЧАЛА ПОЗДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА ВОЛГО-УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА

Аннотация. Радиоуглеродный интервал синташтинской культуры составляет 2040–1740 гг. до н. э. Были осуществлены связи с регионами, где есть опора на дендрохронологию, историческую хронологию и извержения вулканов. Одиннадцать независимых источников (гляциохронология, дендрохронологии, исторические хронологии и байесовская статистика AMS-дат) показали, что интервалом существования культуры является 1740–1600 гг. до н. э.

Ключевые слова: Евразия, бронзовый век, дендрохронология, историческая хронология, извержения, миграции

В настоящее время ведущим методом при построении хронологии является радиоуглеродный. Прежние даты, основанные на LSC-методе, давали очень широкие доверительные интервалы и несколько более древние значения по сравнению с современными AMS-датами. Вторым недостатком являются широкие доверительные интервалы, не позволяющие оценивать хронологическую позицию близких по времени культур. С внедрением ускорительных технологий эти интервалы стали у́же, а с использованием статистических методов к большим сериям дат этот процесс продолжился, и появилась надежда, что по мере совершенствования метода и накопления дат проблема разрыва с исторической хронологией будет преодолена. Безусловно и то, что ситуация во многом зависит от характера калибровочной кривой для того или иного хронологического отрезка, и для некоторых периодов надежды на получение адекватного результата при использовании радиоуглеродного метода, по-видимому, нет. В качестве примера мы используем хронологию синташтинской культуры, которая имеет самый богатый для Северной Евразии банк современных дат, укладывающихся в интервал 2040–1740 гг. до н. э. [Епимахов, 2020, с. 55–56]. Однако опора на историческую хронологию позволяет датировать культуру интервалом 1740–1600 гг. до н. э. В качестве проверки данного интервала мы рассмотрим некоторые иные культуры этого периода, опираясь на общепринятое их хронологическое соотношение, и попробуем связать их с хронологией регионов, где есть возможность опереться на дендрохронологию и историческую хронологию.

Связь с районами Ближнего Востока или Европы, где подобные данные имеются, можно установить лишь с помощью типологического метода. Но отдельные типы могут иметь разную продолжительность существования в разных ареалах, поэтому в качестве конкретной точки предлагается использовать ситуации, когда распространение новых типов осуществлялось в результате миграции. Миграция всегда была вынужденным процессом, вызванным, во многих случаях, климатическим кризисом. Для хронологических исследований наиболее важны лишь те климатические изменения, которые были резкими, мощными и имели глобальный характер, что

© Григорьев С. А., 2025

вызывало миграции и культурные трансформации в разных регионах Евразии одновременно. К таким событиям относятся мощные вулканические извержения плинианского типа, когда их продукты достигали стратосферы и оставались в ней в течение 2–4 лет, провоцируя эффект «вулканической зимы» и делая неизбежными миграции во многих регионах одновременно. Следы этих извержений фиксируются в отложениях льдов Гренландии и Антарктиды и в древесных кольцах, но для многих периодов их синхронизация вызывает затруднения. Проблема эта решена для последних 2 500 лет, а также для интересующего нас периода XVII–XVI вв. до н. э. [см. Григорьев, 2024].

В этот период произошло три самых крупных извержения в голоцене: неизвестного вулкана в 1654 г. до н. э., вулкана Аниакчак II на Аляске в 1628 г. до н. э. и Санторина в 1560 г. до н. э. [Geochemical …, 2022], что позволяет сопоставить эти события с культурными трансформациями в Евразии. В качестве основных трансформаций мы можем использовать приводимые далее в хронологическом порядке: 1) формирование синташтинской культуры; 2) проникновение носителей сейминско-турбинской (далее – СТ) традиции в Центральную Европу; 3) синташтинские и карпатские импульсы в Восточную Европу и формирование доно-волжской абашевской культуры (ДВАК) и потаповского типа; 4) появление СТ бронз в Китае; 5) формирование раннесрубной покровской культуры; 6) формирование классических стадий срубной и алакульской культур.

Происхождение синташтинской культуры связано с миграцией из Северной Сирии, что позволяет опереться на Среднюю Хронологию Месопотамии, поскольку большая часть синташтинских типов имеет параллели на Ближнем Востоке и на Кавказе. Эти параллели позволяют отнести культуру к XVIII в. до н. э., поэтому стимулом для этой миграции было предложено проникновение касситов в бассейн Хабура в 1742/1740 г. до н. э. [Григорьев, 2015, с. 143–145]. Это подкрепляется тем, что с середины XVIII в. до н. э. в этом регионе появляются колесницы с 8–9 спицами, а первые упоминания о колесничих марьянни обнаружены в документе, написанном незадолго до 1761 г. до н. э.

СТ бронзы, которые, по общему мнению, синхронны Синташте, хотя существовали дольше, являются возможностью для синхронизации с европейской и китайской хронологиями [Grigoriev, 2023]. В Центральной Европе они появляются при переходе к фазе A2b, а в Китае со слоя III Эрлитоу. По Альпийской дендрохронологии фаза A2b датируется 1650–1600 гг. до н. э., тем самым ее начало следует непосредственно за извержением вулкана в 1654 г. до н. э.

Карпатские импульсы, сформировавшие ДВАК, сопровождались также импульсами в Северную Италию, где возникла культура Террамар (в диапазоне между 1640 и 1610 гг. до н. э. по альпийской дендрохронологии), и в Грецию, что привело к появлению Шахтных гробниц круга А периода ПЭ I (с 1630/1610 г. до н. э. по египетской хронологии). В то же время импульсы из Центральной Европы приводят к формированию Уэссекса II в Англии (между 1640 и 1611 гг. до н. э. по альпийской дендрохронологии). В Центральной Европе в это время происходит переход к фазе A2c. По времени это совпадает с извержением Аниакчака II в 1628 г. до н. э. Кризис длился два года, так как это вызвало отсутствие наблюдений за Венерой в Вавилоне в 1628 и 1627 гг. до н. э. Несколько позже СТ бронзы проникают в Китай (слой Эрлитоу III датируется от 1610 до 1555 г. до н. э.). С этого времени мы можем датировать финальную часть синташтинской культуры.

Около 1600 г. до н. э. (дата приблизительна) формируется ранняя срубная культура и прекращает существование синташтинская. Появление орнаментов с микенскими параллелями в Восточной Европе позволяет синхронизировать этот период с ПЭ Ia. Слои с синхронной керамикой ПМ Ia на острове Фера лежат непосредственно под отложениями пепла Санторина. С этим извержением, которое следует относить к 1560 г. до н. э., связано много трансформаций в разных частях Евразии, датируемых независимыми источниками: 1) начало Шанской династии (китайская историческая хронология); 2) переход между фазами

А и В в разных регионах Центральной Европы (байесовская статистика AMS-дат и дендрохронология); 3) коллапс культуры Эль Аргар в Иберии (байесовская статистика AMS-дат); 4) переход к стадии СБВ 2 в Северной Италии (байесовская статистика AMS-дат) и ряд других. В Волго-Уралье этому соответствует начало классических стадий срубной и алакульской культур [Grigoriev, 2023, 2024].

В данном исследовании были использованы данные из 11 независимых друг от друга источников: гляциохронология Гренландии и Антарктиды, дендрохронология юго-запада США, Альпийского региона, Северной Европы, Анатолии и Ямала, исторические хронологии Египта, Месопотамии и Китая, байесовское моделирование серий AMS-дат. Они хорошо согласуются друг с другом и позволяют построить непротиворечивую хронологическую систему. Можно допустить, что часть этих дат требует некоторой корректировки, но принципиально то, что все они в любом случае находятся за пределами интервала, предлагаемого радиоуглеродным анализом. Последний, тем самым, можно рассматривать как разновидность относительной хронологии, а для построения абсолютной надо обращаться к исторической хронологии и типологическим штудиям.

Список источников

Григорьев С. А. Древние индоевропейцы. Челябинск: Цицеро, 2015. 496 с.

Григорьев С. А. Солнечная и вулканическая активность, как триггеры миграций, и построение абсолютной хронологии бронзового века Евразии // Уфимский археологический вестник. 2024. № 4 (в печати).

Епимахов А. В. Радиоуглеродные аргументы абашевского происхождения синташтинских традиций бронзового века // Уральский исторический вестник. 2020. № 4(69). С. 51–60.

Grigoriev S. A. Chronology of the Seima-Turbino bronzes, early Shang Dynasty and Santorini eruption // Prähistorische Zeitschrift. 2023. Vol. 98. № 2. pp. 569–588.

Grigoriev S. A. Absolute chronology of the transitions to the Northern Eurasian Late Bronze Age and European Middle Bronze Age // Kazakhstan Archeology. 2024. № 1 (23). Pp. 79–95.

Geochemical ice-core constraints on the timing and climatic impact of Aniakchak II (1628 BCE) and Thera (Minoan) volcanic eruptions / Ch. Pearson, M. Sigl, A. Burke, S. Davies, A. Kurbatov, M. Severi, J. Cole-Dai, H. Innes, P. G. Albert, M. Helmick // *PNAS Nexus.* 2022. № 1(2). Pp. 1–12.

С. П. Грушин
Алтайский государственный университет,
Барнаул, Россия

ОСОБЕННОСТИ НАДМОГИЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ КУРГАНОВ АФАНАСЬЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ ДОЛИНЫ ЧАРЫША (СЕВЕРНЫЙ АЛТАЙ)

Аннотация. Для афанасьевских могильников долины Чарыша (Северный Алтай) выделяются несколько типов надмогильных конструкций, которые коррелируют с памятниками, расположенными в долинах притоков Чарыша. Это может свидетельствовать о наличии этнографических локальных культурных вариаций в погребальной практике отдельных родов или групп близких семей, которым принадлежали родовые пастбища, локализованные в долинах.

Ключевые слова: погребальные конструкции, афанасьевская культура

Исследование выполнено при поддержке проекта № 748715Ф.99.1.ББ97АА00002 «Тюрко-монгольский мир “Большого Алтая”: единство и многообразие в истории и современности».

В настоящее время на территории Северного Алтая известно большое количество памятников афанасьевской культуры, представленных в основном курганными

© Грушин С. П., 2025

могильниками, наибольшее их количество исследовано в долине Чарыша и его притоков. Их количество указывает на то, что данная территория была плотно заселена афанасьевским населением в конце IV – начале III тыс. до н. э.

Анализ материалов афанасьевских курганов региона позволил выделить несколько типов надмогильных конструкций, которые достаточно четко коррелируют с конкретными памятниками и, соответственно, с долинами рек – притоками Чарыша, где они расположены. Исследованные комплексы привязаны к долинам небольших рек (Теплая, Сентелек, Малая Татарка) – левых притоков Чарыша. Насыщенность археологическими объектами различна и определяется шириной и протяженностью долин. В этом отношении выделяется долина р. Сентелек с многочисленными широкими террасами не только в нижнем, но и в среднем течении. На этих участках сосредоточено большое количество разновременных погребальных сооружений древности и Средневековья. Долины рек Теплая и Малая Татарка менее выработаны, поэтому пригодных площадок для сооружения погребальных комплексов не так много, известные комплексы тяготеют к террасам в приустьевой зоне.

Анализ раскопанных афанасьевских курганов позволяет выявить особенности конструкций надмогильных сооружений, характерных для памятников каждой из долин р. Чарыш. Памятник Усть-Теплая расположен в Чарышском районе Алтайского края, между селами Березовка и Сентелек, на левом берегу р. Чарыш, в месте впадения р. Теплая в р. Чарыш, на трехметровой надпойменной террасе с севера ограниченной горами, с юга поймой р. Теплая. С юга на север уклон террасы увеличивается. Могильник Усть-Теплая был зафиксирован в 1996 г. П. И. Шульгой, исследовался им в 1999–2000-х гг. В этот период на памятнике было раскопано, кроме объектов РЖВ и Средневековья, 4 кургана (ограда 7, 16, 20, 21) афанасьевской культуры [Шульга, 2010]. В 2020–2023 гг. Чарышской археологической экспедицией Алтайского и Кемеровского государственных университетов были продолжены раскопки на комплексе Усть-Теплая. В результате раскопаны еще три афанасьевских кургана [Грушин, Шульга, Фрибус, 2022].

Особенностью погребальных афанасьевских конструкций памятника Усть-Теплая являются следующие параметры. Круглая ограда-стенка диаметром 3–6 м, выполненная из каменных четырехугольных блоков плитняка, уложенных друг на друга в 3–8 слоев, в центре неглубокая могильная яма овальной или подчетырехугольной формы, глубиной 0,3–0,5 м, перекрытая накатом из массивных каменных плит (курган 27), часто плиты укладывались поперек могильной ямы (курган № 25). Вероятно, в качестве строительного материала, кроме камня и грунта, использовалось дерево, остатки которого зафиксированы в некоторых конструкциях.

Иные строительные традиции в погребальной практике афанасьевского населения нашли отражение в могильниках долины р. Сентелек. В долине этой реки отрыто и исследовано несколько афанасьевских некрополей. Это курганные могильники Покровка-4 (ограда 1, 2), Покровский Лог-4 (объект 2, кольца 8, 9), Покровский Лог 5 (кольцевая ограда), в общей сложности шесть афанасьевских курганов. Еще четыре кургана на могильнике Покровка-4 (кольца 3, 3а, 3в, 4) были отнесены к т. н. покровскому типу эпохи бронзы [Шульга, Демин, 2021, с. 81]. На могильниках в долине Сентелека все объекты представляли собой разновидности колец-оград диаметром до 7 м, с шириной стенки 2,5–3 м, сложенной из уплощённого галечника, иногда, дополнялись кромлехом. Отметим, что схожий тип надмогильных конструкций был зафиксирован на могильнике Щучий Лог 1, расположенном в устье руч. Щучий при впадении р. Чарыш (правый берег) [Шульга, 2010].

Река Малая Татарка впадает в Чарыш в 12 км выше по течению от Сентелека. В устье реки П. И. Шульгой были зафиксировано два одиночных кургана, которые получили обозначения Малая Татарка 1 и 2. На памятнике Малая Татарка 2 авто-

ром в 2022–2024 гг. исследованы четыре афанасьевских кургана (№ 1–4) [Землюков, Грушин, 2024, с. 110]. Исследованные объекты демонстрируют особенности надмогильных сооружений, обладающие определенными комбинированными чертами. Можно выделить два типа надмогильных конструкций. Первый тип представлен курганами № 1 и 2. Он представляет собой устройство погребальной камеры из массивных, до 1,5 м длиной, каменных плит, которые вкапывались вертикально в материк на 0,5 м, образуя овальную погребальную конструкцию, внутри которой выкапывалась могильная яму углублённая в материк на 0,2–0,3 м. После совершения погребения, все пространство внутри камеры перекрывалось массивными плитами в 4–5 слоев. Вокруг камеры сооружалась крепида также из массивных каменных плит, уложенных в 3–4 слоя друг на друга. Пространство между стенкой-крепидой и вертикально вкопанными плитами центральной погребальной камеры заполнялось плоской калиброванной галькой длиной 20–25 см.

Второй тип погребальных конструкций демонстрируют курганы № 3 и 4. Он представлен надмогильными круглыми насыпями диаметром 4–6 м, сооружёнными из валунов средних размеров, по периметру насыпь была облицована крупными плитам, если они и вкапывались, то не глубоко, так как никаких следов в материке не зафиксировано. Под насыпью в центре сооружалась неглубокая могильная яма до 0,5 м в материке, после погребения, она перекрывалась каменными плитами. Подобные конструктивные особенности не встречены на других афанасьевских памятниках не только долины Чарыша, но и в Центральном Алтае.

Распространенным элементом для афанасьевской погребальной традиции Центрального Алтая является наличие кромлехов – оград из вертикально поставленных плит. Такой тип устройства надмогильных конструкций был в целом не характерен для афанасьевцев Северного Алтая [Шульга, 2021, с. 80]. Исключение составляет курганный могильник Красный Яр, расположенный на правом берегу Чарыша, напротив устья Сентелека. Раскопки на данном памятнике не велись, но визуальное обследование показало наличие подобных кромлехов. Материалы могильника Малая Татарка 2 также свидетельствуют о знакомстве афанасьевцев Северного Алтая с подобной строительной погребальной практикой.

Анализ погребальных конструкций афанасьевских курганов в долине р. Чарыш и ее притоков показал вариативность, их можно рассмотреть в рамках нескольких типов надмогильных конструкций.

1. Кольцо-стенка из галечника с шириной стенки до 3 м (могильники в долине Сентелека, руч. Щучий).

2. Круглая ограда-стенка из массивных каменных блоков плитняка, уложенных друг на друга в 3–6 слоев (Усть-Теплая).

3. Круглая ограда-стенка из массивных каменных блоков плитняка, уложенных друг на друга в 3–4 слоя с центральной погребальной камерой из вертикально вкопанных каменных плит. Пространство между плитами крепиды и стенками камеры заполнено плоской калиброванной галькой (долина р. Малая Татарка).

4. Округлая каменная насыпь из валунов, облицованная каменными плитами (долина р. Малая Татарка).

5. Кромлех из вертикально поставленных плит (?) (могильник Красный Яр-2).

Вопрос, чем объясняется такое разнообразие погребальных конструкций, в настоящее время остается открытым. Можно предположить, что оно объясняется наличием этнографических локальных культурных вариаций в афанасьевских традициях погребальной практики у представителей отдельных родов или групп близких семей, которым принадлежали определенные родовые пастбища, локализованные в долинах Чарыша. Другой вариант объяснения – хронологический. Зафиксированные типы надмогильных конструкций – результат эволюции погребальной практики. Если следовать такому объяснению, то можно выстроить определённую динамику изменений погребальных конструкций афанасьевской культуры. Если принять точку зрения, что па-

мятники так называемого покровского типа датируются бронзовым веком, то погребальные конструкции характерные для этих курганов – кольца-стенки из галечника, можно считать поздним признаком. Однако вопрос о хронологическом соотношении фиксируемых типов конструкций зависит от наличия радиоуглеродных дат, которые в настоящее время отсутствуют для памятников Северного Алтая.

Таким образом, историко-культурная интерпретация зафиксированных типов курганных конструкций афанасьевской культуры Северного Алтая зависит от будущих исследований. На данный момент корреляция типов конструкций с памятниками конкретных долин притоков Чарыша делает первую гипотезу, на наш взгляд, более обоснованной.

Список источников

Грушин С. П., Шульга П. И., Фрибус А. В. Некоторые итоги и перспективы исследования памятника Усть-Теплая в Северном Алтае // Изучение древней истории Северной и Центральной Азии: от истоков к современности. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2022. С. 173–175.

Землюков С. В., Грушин С. П. Основные научные результаты реализации проекта Научно-образовательного центра алтаистики и тюркологии «Большой Алтай» // Археология, этнография и антропология Евразии. 2024. Т. 52, № 3. С. 110–117.

Шульга П. И. Захоронения эпохи энеолита-бронзы из могильников Щучий Лог-I и Усть-Теплая // Афанасьевский сборник. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2010. С.189–199.

Шульга П. И., Демин М. А. Курганы Сентелека. Новосибирск: СО РАН, ИАЭТ СО РАН, 2021. 188 с.

Н. А. Дубова[1], А. В. Фрибус[2], О. В. Сычева[3], И. Д. Елшин[4], Г. Э. Вересоцкая[5]
[1] Институт этнологии и антропологии имени Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва, Россия
[2,3,4] Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия
[5] Государственный НИИ реставрации, Москва, Россия

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПАМЯТНИКА БРОНЗОВОГО ВЕКА ГОНУР-ДЕПЕ (ТУРКМЕНИСТАН)

Аннотация. Характеризуется комплекс исследований, проведенных в Гонурском оазисе в 2023–2024 гг., включая археологические раскопки на юго-западе Гонур-депе (Раскоп 12), на сателлитном поселении Гонур 20, сделанные там яркие находки, разведочные работы по выявлению близлежащих памятников, результаты реставрации уникальных предметов.

Ключевые слова: БМАК, система поселений, конструкция погребальных сооружений, печати, амулеты, полихромная роспись, мозаика

Исследование проведено в рамках госзадания ИЭА РАН по теме № 5 «Ультрасоциальность человека: биосоциальные и кросскультурные аспекты» (Н. А. Дубова) и в рамках программы ФНИ ГАН «Особенности смены археологических культур у скотоводов Евразии и земледельцев Кавказа и Центральной Азии в неолите – раннем Средневековье» (FMZF-2025-0008) (А. В. Фрибус, О. В. Сычева). Исследования в Туркменистане проводятся в соответствии с Соглашением между Министерством культуры Туркменистана и ИЭА РАН.

Исследования яркого памятника Бактрийско-Маргианской археологической культуры (БМАК или Цивилизации Окса) Гонур-депе, расположенного на юго-востоке Туркменистана и датируемого эпохой бронзы (2500–1500 до н. э.), были начаты В. И. Сарианиди в 1974 г. В настоящее время они продолжаются

© Дубова Н. А., Фрибус А. В., Сычева О. В., Елшин И. Д., Вересоцкая Г. Э., 2025

усилиями Российско-Туркменской Маргианской археологической экспедиции. В 2023–2024 гг. основными задачами работ были: продолжение археологических раскопок на северном могильнике Раскопа 12 (юго-запад Гонур-депе) и на сателлитном поселении Гонур-20 (Раскоп 2) в 2,5 км к югу от центральной части Гонур-депе; проведение разведочных работ по выявлению наиболее близко расположенных к Гонур-депе небольших поселений; уточнение и топографическая привязка электронного плана Гонурского оазиса и другие исследования, а также продолжение реставрации и консервации мозаичных коллекций, в том числе уникальной живописной композиции, найденной на Гонур-20 в 2019 г. Впервые на Гонур-депе была проведена фотограмметрия изученных погребений.

К востоку, юго-востоку и северу от центрального дворцово-храмового комплекса Гонура на расстоянии от 1 до 6 км открыто пять небольших поселений: Гонур 2, 4, 26, 27 и 28. В некоторых из них (Гонур 26) в поверхностном слое встречена скотоводческая керамика (лепная с орнаментом), тогда как в основных слоях находились как редкие, так и массовые фрагменты станковой керамики. Предполагается дальнейшее изучение выявленных поселений, а также поиски новых.

Топографический план Гонур-депе и Гонурского оазиса в целом долгие годы составлялся лишь на бумаге. В начале 2000-х гг. эти схемы были переведены в электронный формат. Только весной 2013 г., благодаря усилиям М. Бочкаревой (ИИМК РАН) и архитекторов из Узбекистана В. И. Артемьева и А. М. Урмановой, была создана первая версия плана, в той или иной степени привязанная к географическим координатам. Ряд вопросов из-за больших размеров памятника (общая площадь центральной части около 50 га) и отсутствия необходимого оборудования решить тогда не удалось. Но осенью 2024 г. с помощью комплекта GPS-приемников GNSS South S82V были привязаны на местности и взаимосвязаны как все выявленные к настоящему времени соседние поселения, так и все раскопы памятника. Исследования в этом направлении будут продолжены, так же как и формирование общей базы помещений и погребений Гонура и находок, сделанных на памятнике, связанные воедино. Это позволит не по расчетам, а по факту оценить плотность населения Гонурского оазиса, степень удаленности населенных пунктов друг от друга и от центрального дворцово-храмового комплекса и прояснить функции разных комплексов и поселений.

По результатам магнитометрии, проведенной в 2015 г. силами немецкой фирмы «GGH. Solutions in Geosciences» [Winkelman, 2014; Winkelmann-Witkowsky, 2015], на юго-западе Гонур-депе было выявлено значительное число магнитных аномалий, совокупность которых можно было интерпретировать как могильник, тянущийся на север и северо-запад от раскопанных ранее помещений Раскопа 12. Территория раскопа получила название «северный могильник».

Здесь исследовано 418 объектов: 55 % из них составили погребения человека, 1,25 % могилы животных, 25 % грунтовые ямы, содержащие только наборы керамических изделий, 16,25 % совершенно пустые ямы и 2,5 % ямы, заполненные грунтом, смешанным с золой, фрагментами керамики и костями животных. Ряд ям можно отнести к поминальникам, так как кости животных (как МРС, так и КРС) вместе с фрагментами керамики лежат в них в определенном порядке. Эти данные помогают оценить топографию могильников Гонура и в какой-то степени понять церемонии, которые сопровождали погребения или следовали после них. Наибольший интерес из индивидуальных находок на этом могильнике представляет группа больших (диаметр 10 см) глиняных шаров, уложенных на уступе в погр. 4626. В каждый из шаров воткнуты мелкие фрагменты керамики острием вверх. В одном из шаров вместо керамики в тесто шара утоплены фрагменты двух небольших костей. Подобные глиняные предметы и ранее многократно были найдены на памятнике, но все они имели диаметр не более 3–5 см.

Особый объект найден в северо-западной части данного могильника: возвышение неправильной формы, занимающее площадь 5,50×4,50 м, состоящее из очень твердого плотного материала светло-серого цвета типа печного шлака, но имеющее вид растекшейся густой жидкости. По результатам рентгенофазового анализа, было установлено, что в состав данного материала входит гипс. Специальный анализ этого и сопровождающих объектов проведен в сообщении А. М. Юминова и соавторов, представленного на этом же конгрессе.

Значительно более обширные работы проведены на сателлитном к Северному Гонуру поселении Гонур-20. За 2023 и 2024 гг. на этом памятнике с целью выяснения и уточнения его границ было вскрыто более 2 120 кв. м площади, расположенной к западу и югу от ранее изученной территории Раскопа 2. Там было исследовано 35 погребений, 2 печи и 27 объектов (в основном грунтовых ям). Погребения имели разную конструкцию: 14 устроены в цистах и столько же в грунтовых ямах, 2 в подбойных могилах, а 5 в хумах.

Цисты на Гонуре 20 от таковых на других территориях отличает неаккуратное устройство сооружений: стены имеют неаккуратную кладку, часто используются не целые, а фрагментированные кирпичи, сами стены также неровные, образуют непрямые углы, обмазка на внутренних поверхностях отсутствует. Практически все цисты, где это было возможно установить, были перекрыты двумя кирпичами, поставленными под углом друг к другу. Кроме того, у большинства из них, северная стенка не была выложена кирпичом, а оставалась грунтовой.

Впервые в Гонурском оазисе встречено намогильное сооружение (погр. 86), которое представляло собой подпрямоугольную выкладку из сырцового кирпича 2×1–1,2 м, ориентированную длинной осью по линии ЮЗ – СВ. В центральной части выкладки зафиксирован заклад из сырцовых кирпичей. В ЮЗ части оформлена своеобразная «оградка», торцевые стороны которой образованы двумя кирпичами, а длинные стороны сложены из фрагментов хумов, установленных вертикально, и фрагментов обожженных кирпичей. Аналогичная конструкция, чуть большая по размеру, была сооружена с СВ стороны. С восточной стороны к сооружению примыкала яма, в которой с ЮЗ стороны, в верхней части заполнения обнаружены поставленные компактно 10 керамических сосудов и бронзовое шило.

Сделано несколько значимых индивидуальных находок, в том числе набор для игры из 12 каменных фигурок-фишек пирамидальной формы, 8 шариков, 3 предметов в виде семечек, 3 камушков-серпентинита, ракушки и имитации раковины каури. Набор лежал около ног погребенного мужчины в уже упоминавшемся погр. 86. Подобные отдельные пирамидальные фишки происходят и из других объектов. Также за 2023–2024 гг. найдено более 15 печатей, а в погр. 130 на Гонуре 20 культовый керамический сосуд, декорированный объемными фигурками по венчику, на дне и стенках.

Интересная композиция представлена на двухстороннем каменном амулете из серого талькохлорита: на одной стороне изображен крылатый грифон с разинутой пастью, крылья которого переходят на боковые поверхности (что отмечено для подобных изображений впервые), а на второй – бык, хвост и язык которого представляют собой змей с открытыми пастями. Круглая бронзовая перегородчатая печать изображает двух птичьих грифонов (или крупных петухов), которые стоят, расправив крылья и соприкасаясь клювами, ногами и грудью друг с другом. За спиной левого грифона изображен полумесяц, за спиной второго – три точки, скорее всего показывающие звезды. Найдена крупная бронзовая печать в виде креста с петелькой на обороте.

Проведенные реставрационные работы восстановили фрагментированный деревянный цилиндрический предмет, покрытый известково-песчаным раствором, поверх которого нанесена полихромная роспись (диаметр сосуда 12,5 см). Композиция напоминает схематичное изображение антропоморфного персонажа, держа-

щего в одной руке змею. Вторая рука опирается на талию. Раскрытые в процессе реставрации участки предмета покрыты рисунком в виде округлых форм и полос, а также изображением, по всей видимости, солнца, выполненными на белом слое грунта черной и оранжево-красной краской.

Список источников

Winkelmann S. Gonur Depe, Turkmenistan. Bericht über die 1. russisch-schweizerische Kampagne 2014 // Schweizerisch Liechtensteinische Stiftung für archäologische Forschungen im Ausland. Jahresbericht 2014. Zurich, 2014. Pp. 135–166.

Winkelmann-Witkowsky S. Bericht über die Ausgrabungen der Berner Archäologen 2015 in Gonur Depe, Turkmenistan // Schweizerisch Liechtensteinische Stiftung für archäologische Forschungen im Ausland. Jahresbericht 2015. Zurich, 2015. Pp. 179–210.

И. А. Дураков
Институт археологии и этнографии СО РАН,
Новосибирск, Россия

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ МЕТАЛЛООБРАБАТЫВАЮЩЕГО ПРОИЗВОДСТВА У НАСЕЛЕНИЯ ОБЬ-ИРТЫШСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ В ЭПОХУ БРОНЗЫ

Аннотация. В развитии металлообрабатывающего производства на территории Обь-Иртышской лесостепи выделено три этапа – ранний, средний и поздний. Ранний период характеризуется становлением литейного производства сейминско-турбинского типа. Средний этап – распространением срубно-андроновских производственных традиций. Поздний – сильным влиянием литейного дела берликской и красноозерской культур.

Ключевые слова: Западная Сибирь, Обь-Иртышская лесостепь, эпоха бронзы, бронзолитейное производство

Исследование выполнено при поддержке проекта № FWZG-2025-0001 «Сибирь и сопредельные территории: изучение и реконструкции историко-культурного прошлого».

В конце IV – начале III тыс. до н. э. население Западной Сибири вступает в новый период экономического развития – эпоху бронзы. Появление металла навсегда изменило жизнь и историю населения этого региона. Наиболее ранние медно-бронзовые изделия проникают в лесостепные районы Обь-Иртышского междуречья в качестве импорта. Впервые они появляются у носителей усть-тартасской культуры (IV – начало III тыс. до н. э.). Серия их немногочисленна и ограничивается шестью мелкими коваными украшениями (бусами-пронизками и нашивками) из могильников Сопка-2/3А, Тартас-1, Усть-Тартас-2.

Первый (ранний) этап освоения металла начинается не ранее начала III тыс. до н. э. и характеризуется появлением самостоятельного литейного производства у носителей одиновской и кротовской культур. Доказательством этого служат бесспорные следы бронзолитейной деятельности на одиновских поселениях Старый Тартас-5 и Марково-2. На территории некрополя Тартас-1 открыт целый бронзолитейный комплекс из четырех хозяйственных строений.

В материалах кротовской культуры следы специализированного литейного производства прослежены на поселениях Карьер Таи-1, Преображенка-3, Венгерово-2, Абрамово-10, Усть-Тартас-2 [Дураков, Мыльникова, 2021, с. 81–146]. Производственные участки, как правило, занимают околоочажную зону жилищ. В то

© Дураков И. А., 2025

же время прослеживается тенденция выноса производства за пределы жилой территории либо в межжилищное пространство на открытые участки, либо в специально построенные хозяйственные сооружения.

Формируется местная технологическая база, включающая теплотехнические сооружения и совершенный литейный инвентарь (тигли, льячки, сопла). Следует отметить преобладание в металлообработке этого периода литейных приемов над ковкой. Применяются каменные и керамические разъёмные и монолитные литейные формы. Керамические формы изготавливаются по специальным моделям на модельной плите. Для получения внутренних полостей в отливках использовались отъемные стержни-сердечники.

Всё вышеперечисленное литейное оборудование позволило мастерам одиновской и кротовской культур отливать изделия сложной формы с глухими тонкостенными втулками, такие как кельты и копья сейминско-турбинского типа [Молодин, 2013, с. 312–313, рис. 3; Адаптация…, 2018]. В дальнейшем одиновско-кротовская технологическая база позволяет транслировать сейминско-турбинскую производственную традицию далее на запад, на территорию андреевской и ташковской культур, и на север, к носителям самусьской культуры.

Следует отметить, что в сопроводительном инвентаре некоторых одиновских погребений появляются предметы литейного оборудования. Такие могилы отмечены в могильниках Тартас-1, Усть-Тартас-2 и Преображенка-6 [Дураков, Мыльникова, 2021, с. 59–70]. Погребения литейщиков кротовской культуры фиксируются в могильнике Сопка-2/4Б, В [Молодин, 1983]. Причём литейное оборудование встречается в погребениях всех половозрастных групп, включая женщин и маленьких детей. Видимо, организация металлообрабатывающего производства носителями этих культур в безрудных районах Западной Сибири усилила торгово-обменные отношения и привела к специализации бронзолитейной деятельности и сосредоточению её в руках отдельных семейно-клановых организаций.

Второй этап освоения металла характеризуется значительным изменением вектора развития Обь-Иртышской металлообработки в связи с усиливающийся в начале II тыс. до н. э. экспансией андроновских (федоровских) племен. Имеющиеся в настоящее время материалы позволяют выделить два этапа андроновского проникновения. Первый привел к появлению у местного позднекротовского (черноозерского) населения изделий срубно-андроновского типа при сохранении местных приемов производства [Молодин, 2014]. На втором этапе в Обь-Иртышскую лесостепь проникают непосредственно сами носители андроновской (федоровской) культуры. В результате изменяется структура металлообрабатывающего производства, выразившаяся в увеличении доли кузнечных операций и уменьшения литейных. Вместе с пришельцами появляется характерная для культур срубно-андроновского круга организация литейной площадки, сочетающей плавильный горн и колодец [Дураков, Кобелева, 2022, с. 497–499, рис. 1, 2]. Используются незначительно заглубленные в землю или наземные горны с каменными выкладками и округлые тигли со сливом и вертикальной ручкой.

Одновременно следует отметить, что все формовочные операции сохранили черты местного производства, разработанного ещё одиновскими и кротовскими литейщиками. Выработанное в результате этого синтеза производство составило основу литейного дела ирменской культуры периода поздней бронзы. На этой основе наблюдается значительный подъём производства, выразившийся в увеличении объёмов ввозимого металла, унификации литейных инструментов и принципов их изготовления.

Резкое изменение ряда производственных приемов происходит только на последнем этапе развития цветной металлообработки Обь-Иртышской лесостепи, в конце периода поздней бронзы, и связано с проникновением в западные районы Барабинской лесостепи носителей Урало-

Казахстанских производственных традиций [Дураков, Кобелева, 2019]. Появление мигрантов привело к одновременному сосуществованию на территории Обь-Иртышской лесостепи двух технологий – местной аборигенной и инокультурной, привнесённой извне.

Первая характеризуется изготовлением форм на модельной плите, с последующей тщательной обработкой их поверхности, использованием наземных простых открытых или усложненных стенками и сводом плавильных горнов, преобладанием круглодонных тиглей. Для второй характерно изготовление форм без модельной плиты и, как следствие, неровной поверхностью разъема, креплением створок при помощи глиняной обмазки с последующим обжигом, использование заглублённых восьмеркообразных плавильных печей и плоскодонных тиглей цилиндрической или конусообразной формы. Производство в это время специализируется и достигает ремесленного уровня. Признаком этого является появление крупных обменно-производственных центров типа городища Чича-1.

Таким образом, изучение бронзолитейного производства у населения Обь-Иртышской лесостепи позволяет выделить три этапа его развития: ранний (начало III – начало II тыс. до н. э.), средний (II – начало I тыс. до н. э.) и поздний (VIII–VII вв. до н. э.). На протяжении всей эпохи прослеживается единая линия развития бронзолитейной технологии, не нарушающаяся со сменой культур. Например, приемы формовки на модельной плите, появившись в эпоху раннего металла, доживают до начала железного века.

Можно выделить два основных механизма изменения производственных традиций, определяющих специфику каждого периода:

Эволюционный, предполагающий постепенное техническое совершенствование технологий, инструментария, оборудования и организации производства. Он на протяжении бронзового века доминировал дважды в одиновско-кротовский период и в ирменский. Оба эти периода отличаются тем, что при анализе производственного инвентаря и литейной продукции легко строятся эволюционные ряды.

Трансформационный, вызывающий резкие изменения, вызванные, как правило, миграциями либо сильным внешнем культурно-экономическим давлением. Степень изменения литейного производства здесь прямо пропорциональна степени и характеру (миграция, торговая экспансия и т. д.) внешнего воздействия.

Список источников

Дураков И. А., Кобелева Л. С. Бронзолитейное производство как источник изучения миграционных процессов эпохи бронзы Западной Сибири // Мобильность и миграция: концепции, методы, результаты. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2019. С. 68–78.

Дураков И. А., Кобелева Л. С. Бронзолитейное производство андроновской (федоровской) культуры на территории Обь-Иртышской лесостепи // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2022. Т. XXVI. С. 496–502.

Дураков И. А., Мыльникова Л. Н. На заре металлургии: Бронзолитейное производство населения Обь-Иртышской лесостепи в эпохи ранней бронзы. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. 2021. 203 с.

Молодин В. И. Погребение литейщика из могильника Сопка-2 // Древние горняки и металлурги Сибири. Барнаул: АлтГУ, 1983. С. 96–109.

Молодин В. И. Сейминско-турбинские бронзы в «закрытых» комплексах одиновской культуры (Барабинская лесостепь) // Фундаментальные проблемы археологии, антропологии и этнографии. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2013. С. 309–324.

Молодин В. И. К вопросу о позднекротовской (черноозерской) культуре (Прииртышская лесостепь) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2014. Т. 57. № 1. С. 49–54.

Адаптация сейминско-турбинской традиции в культурах эпохи бронзы юга Западно-Сибирской равнины / В. И. Молодин, И. А. Дураков, Л. Н. Мыльникова, М. С. Нестерова // Археология, этнография и антропология Евразии. 2018. Т. 46. № 3. С. 49–58.

В. М. Дьяконов
Институт археологии и этнографии СО РАН,
Новосибирск, Россия

РАСПРОСТРАНЕНИЕ МЕТАЛЛУРГИИ МЕДИ И БРОНЗЫ НА КРАЙНЕМ СЕВЕРО-ВОСТОКЕ АЗИИ (I ТЫС. ДО Н. Э. – I ТЫС. Н. Э.)

Аннотация. На рубеже II–I тыс. до н. э. на Крайний Северо-Восток Азии начинают проникать носители развитых культур бронзы из Центральной Якутии, которые уже с конца III тыс. до н. э. были знакомы с металлом, при этом племена потомков ымыяхтахцев в Заполярье в I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. тоже освоили бронзолитейное дело. Крайние точки со следами производства бронзы и плавки меди зафиксированы в нижнем течении р. Индигирки и на Восточной Чукотке.

Ключевые слова: Крайний Северо-Восток Азии, сугуннахская культура, бронзолитейное дело, медь

Исследование выполнено в рамках госзадания ИАЭТ СО РАН.

Освоение бронзолитейной металлургии в III–II тыс. до н. э. в Северо-Восточной Азии имело историческое значение для дальнейшего культурного развития древних племен Якутии и Крайнего Северо-Востока Азии, роста производств и расширения экономических связей. Считается, что первоначально единичные «импортные» бронзовые изделия поступали на территорию Якутии из металлургических центров Северо-Восточной Азии еще в позднем неолите, в ымыяхтахское время. Судя по находкам Диринг-Юряхского могильника в Центральной Якутии, уже в конце III тыс. до н. э. к ымыяхтахцам попадали единичные изделия из цветного металла – меди и бронзы [Федосеева, 1988, с. 93]. Во II тыс. до н. э. на Вилюе, Средней Лене, Олекме и Алдане распространились памятники улахан-сегеленняхской культуры (3 900 – 3 300 кал. л. н.), для которой характерна керамика, украшенная «жемчужинами», штампами и вдавлениями [Дьяконов, 2012]. В материалах этой культуры присутствуют признаки собственного металлургического производства [Алексеев, 1996, с. 71]. В заполярные районы Северо-Восточной Азии ареал этой культуры не распространялся.

Развитая культура бронзы в Якутии до широты Северного Полярного круга ассоциируется с усть-мильской культурой (3 400 – 2 000 кал. л. н.), отдельные стоянки которой фиксируются также в субарктических и арктических регионах Таймыра, нижней Лены, верхней Яны, нижней Индигирки и нижней Колымы. Однако, большого распространения в Заполярье, судя по редким находкам или отсутствию оригинальной валиковой керамики, эта культура не получила [История Якутии, 2020].

На Крайнем Северо-Востоке Азии продолжают жить потомки ымыяхтахцев – представители сугуннахской культуры (3 000 – 1 000 кал. л. н.), освоившие металлургию бронзы [Дьяконов, Такасэ, 2017; История Якутии, с. 478]. Так, в нижнем течении реки Индигирки был выявлен целый кластер стоянок сугуннахской культуры, датируемой I тыс. до н. э. – I тыс. н. э.: Белая Гора, Денискa-Юрюйэтэ, Сугуннах, Юрюнг Таас II, III. Особенностью этой культуры, явно отличающей ее от ымыяхтахской позднеолитической, являются следы бронзолитейного производства.

На стоянке Сугуннах обнаружены десятки образцов металлических сплесков, а также готовые изделия и их фрагменты. Предметы представлены проколкой и пластиной непонятного назначения. Кроме того, обнаружено три обломка режущих изделий и развалившегося по трещинам блюдцеобразного изделия [Эверстов, 2017, с. 151]. Рентгеноспектральный микроанализ металлических изделий

© Дьяконов В. М., 2025

из Сугуннаха показал, что они изготовлены из оловянистой бронзы [Эверстов, 1999б, с. 55]. Помимо металла, на стоянке в раскопе были найдены обломки льячек или сосудиков, из которых расплавленный металл наливали в литейную форму. На некоторых сохранились натеки плавленой бронзы. Для стоянки Сугуннах нами получено четыре радиоуглеродных даты, показывающих калиброванные интервалы 810–670 гг. до н. э. и 80–240 гг. н. э. [Дьяконов, Такасэ, 2019].

На стоянке Дениска-Юрюйэтэ при раскопках были найдены обломки льячиков и остатки бронзы в виде фигурных сплеск-слитков и яйцевидных капель, обломок литейного изделия из меди и фрагмент литейной формы [Эверстов, 1999б, с. 55]. Рентгеноспектральный микроанализ металла со стоянки Дениска-Юрюйэтэ показал, что здесь применялась чистая медь. Для стоянки получено три радиоуглеродных даты, ложащихся в калиброванные интервалы 980–820 и 750–400 гг. до н. э., 80–510 гг. н. э. [Эверстов, 1999а, с. 53; Дьяконов, Такасэ, 2019].

При разведочной шурфовке стоянки Юрюнг-Таас III, открытой автором, среди многочисленных изделий сугуннахской культуры был найден обломок льячка, что свидетельствует о наличии бронзолитейного производства. Для этой стоянки имеется три радиоуглеродных даты, указывающих на календарные интервалы 900–770 гг. до н. э., 420–540 гг. н. э. и 1440–1620 гг. н. э., что в принципе подтверждает предположение С. И. Эверстова [1999а, с. 53] о самоизоляции индигирских ымыяхтахцев, которых он считает предками юкагиров, вплоть до прихода русских землепроходцев в XVII в.

На нижней Лене среди погребального инвентаря Бугачанского погребения содержались игла и четыре медные или бронзовые пластинки. В Иччиляхском погребении, тоже расположенном в низовьях Лены, была обнаружена медная пластина [Окладников, 1946]. А. Д. Степанов считает, что эти погребения относятся к раннему железному веку, основываясь на сходстве остального погребального инвентаря и ряде других признаков [Степанов, Кузьмин, Джалл, 2014]. Ю. А. Мочанов и С. А. Федосеева считали, что Бугачанское и Иччиляхское погребения с медными и бронзовыми изделиями, а также стоянка Сиктях I, на которой были найдены слиток бронзы и обломки двух льячек, относятся к ымыяхтахской культуре [Мочанов, Федосеева, 2017]. В связи с выделением сугуннахской культуры к ней вполне возможна привязка Бугачанского и Иччиляхского погребений. Этого же мнения придерживается С. И. Эверстов, отметивший сходство прямолинейного геометрического орнамента на костяных изделиях стоянок Сугуннах и Дениска-Юрюйэтэ и погребений Бугачан и Иччилях [Эверстов, 2017].

В бассейне Колымы находки бронзы пока единичны. На стоянке Большой Эльгахчан I в верховьях р. Омолон (приток Колымы) М. А. Кирьяк был обнаружен «типичный ымыяхтахский комплекс», обозначенный как комплект «сумки охотника», состоящий из 256 каменных предметов, среди которых находились два бронзовых изделия – нож и резец [Кирьяк, 1993, с. 54]. Ю. А. Мочанов и С. А. Федосеева считают, что эльгахчанский комплекс датируется первой половиной II тыс. до н. э. [2013, с. 373], но вполне вероятно, что он мог принадлежать сугуннахцам – потомкам ымыяхтахцев, которые, как показывают находки на Индигирке, владели развитым металлургическим производством, хотя и каменные орудия типично ымыяхтахского облика у них были широко распространены. Если же находки действительно относятся к первой половине II тыс. до н. э., то можно предположить, что металл в «сумке» был неместного производства и попал сюда путем обменов из более южных регионов.

От сугуннахцев технологии производства бронзы могли попасть и на Чукотку, о чем свидетельствует единственная пока находка литейной формы для изготовления шильца или резца с ручья Перевального – притока реки Амгуэма, относимая к северочукотской культуре конца II–I тыс. до н. э., выделенной в свое время Н. Н. Диковым [Питулько, Брыкин, 1990, с. 106, 111, рис. 3.1]. Кроме северочукот-

ской культуры на Чукотке, он также выделял усть-бельскую культуру. В разных погребениях Усть-Бельского могильника было найдено два бронзовых резца и четырехгранное шильце [Диков, 1979, с. 142, 144, 148, рис. 55. 1, 3]. Основываясь на сходстве инвентаря, С. А. Федосеева в дальнейшем включала обе культуры в ымыяхтахский ареал [1980, с. 168], а В. В. Питулько писал [2003, с. 132], что «разница между двумя названными гипотетическими культурами крайне несущественна, а вместе они образуют восточночукотский вариант ымыяхтахской культурной традиции». Радиоуглеродные даты памятников северочукотской и усть-бельской культур позволили отнести их к концу II – началу I тыс. до н. э. [Диков, 1977, с. 121, 124, 137, 239; Питулько, 2003, с. 139, 147].

Таким образом, крайние точки со следами производства бронзы и плавки меди в I тыс. до н. э. и I тыс. н. э. зафиксированы в нижнем течении р. Индигирки и, возможно, на Восточной Чукотке. Накопленные за последние годы материалы и новые данные позволяют хотя бы в общих чертах определить пути и время транзита бронзы и меди, а также технологий металлургического производства на Крайнем Северо-Востоке Азии в течении II тыс. до н. э. – I тыс. н. э.

Список источников

Алексеев А. Н. Древняя Якутия: неолит и эпоха бронзы. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1996. 144 с.

Диков Н. Н. Археологические памятники Камчатки, Чукотки и Верхней Колымы. Азия на стыке с Америкой. М.: Наука, 1977. 390 с.

Диков Н. Н. Древние культуры Северо-Восточной Азии (Азия на стыке с Америкой). М.: Наука, 1979. 352 с.

Дьяконов В. М. Керамика улахан-сегеленняхской культуры бронзового века Якутии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2012. № 4 (52). С. 106–115.

Дьяконов В. М., Такасэ К. К вопросу о хронологии ымыяхтахской и сугуннахской пережиточно-ымыяхтахской культур // Человек и Север: Антропология, археология, экология. Тюмень: ФИЦ ТюмНЦ СО РАН, 2018. Вып. 4. С. 72–77.

Дьяконов В. М., Такасэ К. Заполярные районы Якутии в постымыяхтахское время (I тыс. до н. э. – I тыс. н. э.) // V Северный археологический конгресс. Екатеринбург: «Альфа-Принт», 2019. С. 159–162.

История Якутии: в 3 томах / под общ. ред. А. Н. Алексеева. Новосибирск: Наука, 2020. Т. I. 536 с.

Кирьяк М. А. Археология Западной Чукотки в связи с юкагирской проблемой. М.: Наука, 1993. 224 с.

Мочанов Ю. А., Федосеева С. А. Очерки дописьменной истории Якутии. Конец эпохи камня и начало эпохи раннего металла. Якутск: ЦААПЧ АН РС(Я), 2017. Т. 3. 522 с.

Окладников А. П. Ленские древности. Якутск: Якут. гос. типогр., 1946. Вып. 2. 186 с.

Питулько В. В. Голоценовый каменный век Северо-Восточной Азии // Естественная история российской восточной Арктики в плейстоцене и голоцене. СПб.: Изд-во «ГЕОС», 2003. С. 99–151.

Питулько В. В., Брыкин А. А. Новые археологические памятники в бассейне Амгуэмы // Древние памятники Севера Дальнего Востока. Магадан: СВКНИИ ДВО АН СССР, 1990. С. 99–112.

Степанов А. Д., Кузьмин Я. В., Джалл Э. Дж. Т. Новые данные по хронологии раннего железного века Якутии // Известия ИГУ. Сер.: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2014. Т. 7. С. 106–112.

Федосеева С. А. Ымыяхтахская культура Северо-Восточной Азии. Новосибирск: Наука, 1980. 224 с.

Федосеева С. А. Диринг-Юряхский могильник (ограбление могил и проблема зарождения первобытного атеизма) // Археология Якутии. Якутск: Издательство ЯГУ, 1988. С. 79–98.

Эверстов С. И. Сугуннах – новая стоянка ымыяхтахской культуры на Индигирке // Археология Северо-Восточной Азии. Астроархеология. Палеометрология. Новосибирск: Наука, 1999а. С. 40–54.

Эверстов С. И. Изображения на бересте и этническая идентификация ымыяхтахских памятников Индигирки (в свете новых археологических открытий) // Археология Северо-Восточной Азии: Астроархеология. Палеометрология. Новосибирск: Наука, 1999б. С. 54–64.

Эверстов С. И. Сугуннахская археологическая культура на Индигирке (в связи с проблемой этногенеза юкагиров) // Общество. Культура. Образование. М.: ИД Академии Естествознания, 2017. Кн. 3. С. 133–159.

М. Т. Кашуба[1], М. А. Кулькова[2]
[1] Институт истории материальной культуры РАН,
Санкт-Петербург, Россия
[2] Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия

НОВОЕ В ИЗУЧЕНИИ ЭПОХИ БРОНЗЫ КРЫМА ПО ДАННЫМ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Аннотация. В бронзовом веке в Крыму многократно использовались загоны для скота, выпас скота производился на ближних и дальних пастбищах (на последних – конными пастухами), было налажено кожевенное дело, употреблялась растительная и животная пища. Кардинальные преобразования и изменения хозяйственного уклада произошли вследствие резких климатических колебаний рубежа II–I тыс. до н. э.

Ключевые слова: Древняя Европа, Крым, эпоха бронзы, междисциплинарные исследования, культурно-историческая интерпретация

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ, проект № 22-18-00065 https://rscf.ru/project/22-18-00065/ «Культурно-исторические процессы и палеосреда в позднем бронзовом — раннем железном веке Северо-Западного Причерноморья: междисциплинарный подход»), в РГПУ им. А. И. Герцена.

Масштабные полевые исследования последних десятилетий в Крыму и проведенные многочисленные естественно-научные анализы, многие из которых впервые были сделаны по крымским материалам, обогатили источниковую базу эпохи бронзы полуострова. Это существенно расширило представления о древностях III–II тыс. до н. э. в регионе, древней Европе и Циркомпонтийской зоне. В последние несколько лет научная группа проекта была сосредоточена на полевых и кабинетных исследованиях.

В ходе комплексных разведок на полуострове Тарханкут и в окрестностях Евпатории разработана и внедрена новая методика неразрушающего изучения крупных поселений с овальными/круглыми загонами (до 50 м) для скота, оставленных скотоводами бронзового века. На примере поселений Донузлав-10 и Тюмень-7 загоны для скота выявлены с применением неразрушающей методики геохимического картирования в полевых условиях [Палеосреда…, 2024, с. 67, сл., с. 175–187]. Важные данные получены на поселении памятнике Марьино-2 (включающее поселение (возможно, временного характера) и трехкамерный загон для скота), которое по радиоуглеродной дате (по коллагену костных остатков) датируется первой половиной III тыс. до н. э., или временем бытования позднеямной (кеми-обинской) культуры и появления раннекатакомбной культуры. При анализе отложений было рассмотрено распределение аномальных концентраций антропогенных компонентов во внутренней части загона для скота. Повышенные концентрации антропогенных компонентов отмечаются в восточной части загона (зона входа), более низкие значения характерны для западной зоны, которую можно интерпретировать как стойла. Анализ отложений на поселении подтвердил ранее полученные данные (зафиксированная стратиграфическая ситуация) для поселения финала среднего бронзового века Тарханкут-18, что загоны для скота с каменными основаниями стен сооружались на местах предшествующих поселений открытого типа [Междисциплинарные исследования…, 2020, рис. IV. 3, 28]. Речь идет о возможном многократном использовании загонов для скота в разные культурно-исторические периоды.

Новые данные получены по материалам старых раскопок поселения Бай-Кият I, функционирование которого пришлось на время существования позднесабатиновской – белозерской культур. Скотоводческая деятельность населения отмечена выпасом скота в непосредствен-

© Кашуба М. Т., Кулькова М. А., 2025

ной близости от поселения (возможно, в районе расположенных неподалеку каменных загонов для скота), так и в дальних степных областях, где выпас овец и коз осуществлялся конными пастухами [The First Data…, 2024]. Одним из культурных типов злаков, включенным в рацион жителей поселения, было просо, выгоревшие зерна которого обнаружены в глиняном тесте, а косвенными доказательствами его возможного культивирования служат находки орудий, связанных с обработкой земли. По данным стабильных изотопов ($\delta^{13}C$, $\delta^{15}N$, $\delta^{87}Sr/\delta^{86}Sr$) в костных тканях выявлено, что в состав рациона питания жителей Бай-Кията I входила пища растительного и животного происхождения: мясо, молоко, рыба и морепродукты [Там же]. Данные трасологического и микротомографического анализов сохранившихся костей мелкого рогатого скота дали весомые аргументы в пользу использования нижней челюсти овцы в качестве орудия для обработки кожи (тупика), что позволило сделать выводы о наличии кожевенного производства на поселении [Палеосреда…, 2024, с. 124–146].

Практическое использование овец в хозяйственной деятельности населения бронзового века можно охарактеризовать как экономичную и безотходную хозяйственную технологию. Проведенные исследования показывают, что у культур позднего бронзового века Крымского полуострова, как и Карпатского бассейна и северо-причерноморских степей, преобладало мясное направление, в том числе в овцеводстве [Там же, с. 139].

Нашими исследованиями выявлено, что для бронзового века Крыма известно более 500 металлических изделий, включая 22 клада, из которых 6 впервые нами были введены в научный оборот [Металлические…, 2024]. Сравнение данных (атрибуция, установление типологии, датировок и круга аналогий; анализ состава сплавов), полученных для 87 медных и бронзовых изделий из фондов музея-заповедника «Неаполь Скифский» (4 клада, 3 условных «клада», 47 единичных случайных находок) с изделиями, сплавами и рудами других металлургических провинций эпохи бронзы позволило установить, что пик депонирования в Крыму пришелся на XVI–XIV вв. до н. э. Это вызвано частичным совпадением проникновения на полуостров сообществ двух культур: позднесрубной (с волго-уральским сырьем) и раннесабатиновской (с карпато-дунайским сырьем). Проведенный анализ позволил сделать выводы по обмену, трансферу идей и технологий в степной зоне Крыма в контексте глобальной Евразийской степной зоны, Северного Кавказа и Карпато-Дунайского бассейна. В раннем и среднем бронзовом веке крымское население позднеямной кеми-обинской и раннекатакомбной культур использовало изделия из руды Кавказского региона. В позднекатакомбной культуре (в конце среднего бронзового века) стали появляться бронзовые изделия из медных руд Волго-Уралья и оловянных руд Казахстана. Сообщества срубной культуры позднего бронзового века полуострова имели связи с металлургами Волго-Уралья и Казахстана, а вместе с населением сабатиновской культуры здесь появляется и карпато-дунайский металл. Одновременно в локальных (северопричерноморских) металлургических центрах развивается переплавка металла, для которой в финале эпохи бронзы население белозерской культуры использовало любой разнообразный лом [Там же].

Реконструкция ландшафтно-климатических изменений в Северо-Западном Крыму в голоцене была проведена на основе комплексного анализа озерных отложений (Сасык-Сиваш, Донузлав, Ойбурское, Аджибайчикское) различными методами исследования (методом геохимической индикации, гранулометрическим анализом, спорово-пыльцевым анализом), а также с помощью оценки процессов седиментогенеза отложений культурных слоев на исследованных памятниках (Донузлав-10, Тюмень-7, Бай-Кият I, Марьино-2, Ярылгачское, Гусевка). Прослежены климатические события, непосредственно коррелирующие с периодами заселения памятников и переходными периодами, которые отражаются

в смене археологических культур в позднем бронзовом – раннем железном веке. Выявлена связь ритмов культурно-исторических процессов в Северном Причерноморье и климатических изменений [Палеосреда…, 2024, 75, сл., 192–196].

На основании полученных данных впервые для степной зоны Северного Причерноморья было обосновано, что резкое кратковременное изменение климата около 3,2 тыс. кал. л. н. (XII–X вв. до н. э.) носило глобальный характер и явилось катализатором изменения хозяйственного уклада скотоводов позднего бронзового века степной зоны Северного Причерноморья и появления новых мобильных групп населения, в том числе «киммерийцев». Это, в свою очередь, было одним из факторов перехода от бронзового к железному веку.

Список источников

Металлические изделия эпохи бронзы – раннего железного века из фондов музея-заповедника «Неаполь Скифский». Находки случайного депонирования (2015, 2018–2023 гг.) / Ю. П. Зайцев, М. Т. Кашуба, М. А. Кулькова, А. М. Кульков, В. А. Тихомиров, И. И. Шкрибляк. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2024. 248 с.

Междисциплинарные исследования поселений эпохи бронзы Северо-Западного Крыма: коллективная монография / Т. Н. Смекалова, М. Т. Кашуба, С. А. Мульд, Ф. Н. Лисецкий, А. В. Борисов, М. Ю. Соломонова, Н. Н. Каширская, Б. У. Бэван, М. А. Кулькова, А. К. Очередной. СПб.: Алетейя, 2020. 204 с.

Палеосреда и культурно-исторические процессы в Северо-Западном Причерноморье в эпоху бронзы – раннем железном веке: первые результаты исследований [коллективная монография]. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2024. 336 с.

The First Data of Strontium Isotopic Composition of Osteological Material from the Late Bronze to Early Iron Age Settlements of Crimea Region / M. A. Kulkova, M. T. Kashuba, Yu. V. Kozhukhovskaya, V. V. Tikhomirov, A. M. Kulkov // Minerals. 2024. Vol. 14(4). Article 410. P. 1–15.

Д. А. Кириченко
Институт археологии и антропологии НАН Азербайджана,
Баку, Азербайджан

О МОДЕЛЯХ КОЛЕС КУРО-АРАКССКОЙ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ОБЩНОСТИ ИЗ ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ Г. БАРДА (АЗЕРБАЙДЖАНСКАЯ РЕСПУБЛИКА)

Аннотация. В публикации рассмотрены образцы глиптики эпохи ранней бронзы – модели колес, относящиеся к куро-араксской культурно-исторической общности. Всего в действующей музейной экспозиции выставлено три экземпляра различного размера, один из которых сохранился в фрагментарном виде. Изделия были изготовлены из глины, обожжены, бурого, светло-бурого со светло-розовым цвета, дисковидной формы, отмечены следы копоти, сколы и повреждения.

Ключевые слова: Азербайджан, Южный Кавказ, археология, музеи, эпоха ранней бронзы, куро-араксская культурно-историческая общность, глиптика, модели колес

Автор выражает благодарность и признательность директору историко-краеведческого музея г. Барда госпоже К. Рафибейли за возможность исследовать и опубликовать материалы, а также госпоже М. Алиевой за помощь в процессе работы с артефактами из экспозиции.

В августе 2024 г. автор данной работы ознакомился с коллекцией археологических и антропологических материалов эпохи бронзы – Средневековья из историко-краеведческого музея г. Барда (Азербайджанская Республика).

Наше внимание привлекли, предметы, относящиеся к куро-араксской культурно-исторической общности (далее – КИО).

© Кириченко Д. А., 2025

Среди исследованных нами образцов древней глиптики следует отметить: глиняные зооморфные фигурки, а также модели колес. Предметы были обнаружены случайно на территории Бардинского района и переданы в музей местными жителями.

В публикации будут рассмотрены модели колес (экземпляры № 1, 2, 3), представленные в постоянной действующей экспозиции музея.

Экземпляр № 1 (рис. 1, *1*). Модель колеса (Инв. 905). Изделие изготовлено из глины, дисковидной формы, светло-бурого со светло-розовым цвета, обожжено, посередине с обеих сторон имеются утолщения, по центру которых проходит небольшое сквозное овальное отверстие, диаметром 0,9 см. Диаметр изделия – 7,6 см, высота – 3,4 см. На предмете присутствуют следы копоти, а также сколы и небольшие повреждения.

Экземпляр № 2 (рис. 1, *2*). Модель колеса (без инвентарного номера). Изделие изготовлено из глины, дисковидной формы, светло-бурого со светло-розовым цвета, обожжено, посередине с обеих сторон имеются утолщения, по центру которых проходит небольшое сквозное овальное отверстие, диаметром 0,6 см. Диаметр изделия – 5,2 см, высота – 3,1 см. На предмете присутствуют сколы и небольшие повреждения.

Экземпляр № 3 (рис. 1, *3*). Модель колеса (без инвентарного номера). Изделие представлено во фрагментарном виде, сохранилась его центральная часть. Предмет изготовлен из глины, бурого цвета, обожжен, посередине с обеих сторон имеются утолщения, по центру которых проходит небольшое сквозное овальное отверстие, диаметром 0,6 см. Диаметр изделия (сохранившаяся часть) – 3,1 см, высота – 2,9 см. На предмете присутствуют следы копоти.

Модели колес по высоте практически идентичны, различия лишь в диаметре.

В Азербайджане самые ранние модели колес были обнаружены на археологических памятниках эпохи позднего неолита-халколита: Полутепе [Ахундов, 2011], Лейлатепе [Алиев, Нариманов, 2001], Пойлу II, Беюк Кесик [Мусеибли, 2024].

В эпоху ранней бронзы на археологических памятниках куро-араксской КИО подобные артефакты встречаются на поселениях Кюльтепе I [Абибуллаев, 1982], Баба-Дервиш [Исмаилов, 1978], Гаракопектепе [Исмаилзаде, 2008], Серкертепе [Мусаев, 2006], Махта I [Aşurov, Hüseynova, Əliyeva, 2020], Худутепе [Агаларзаде, Насирова, Гусейнова, 2023] и др.

По мнению д-ра ист. наук, проф. Г. С. Исмаилзаде, колеса принадлежали небольшим моделям глиняных повозок [Исмаилов, 1978, с. 58].

Археолог д-р ист. наук, проф. Н. А. Мусеибли отмечает, что формы колес раннего бронзового века отличаются от более ранних моделей культуры Лейлатепе тем, что они выполнены более реалистично – в их центральной части отчетливо выделены «ступицы». С этой точки зрения, они напоминают образец колеса из поселения Полутепе. Однако эти модели колес имеют сужение к ободу колес, что отмечалось для моделей культуры Лейлатепе [Мусеибли, 2024, с. 96].

Наш экземпляр № 1 (если следовать параметрам, предложенным Г. С. Исмаилзаде для таких же артефактов из поселения Баба-Дервиш) [Исмаилов, 1978, с. 58], можно отнести к большим по размеру изделиям. Экземпляр № 2, условно, можно отнести к средним по размеру изделиям.

Глиняные модели колес, помимо территории Азербайджана, встречаются на многих памятниках куро-араксской культурно-исторической общности Южного Кавказа, Дагестана, Восточной Анатолии, северо-западного Ирана, Леванта [Mauer, Greenberg, 2022, pp. 323–325].

Следует отметить, что в настоящее время, экземпляры из музея являются единственными, представляющими модель колеса куро-араксской КИО с территории Бардинского района Азербайджанской Республики.

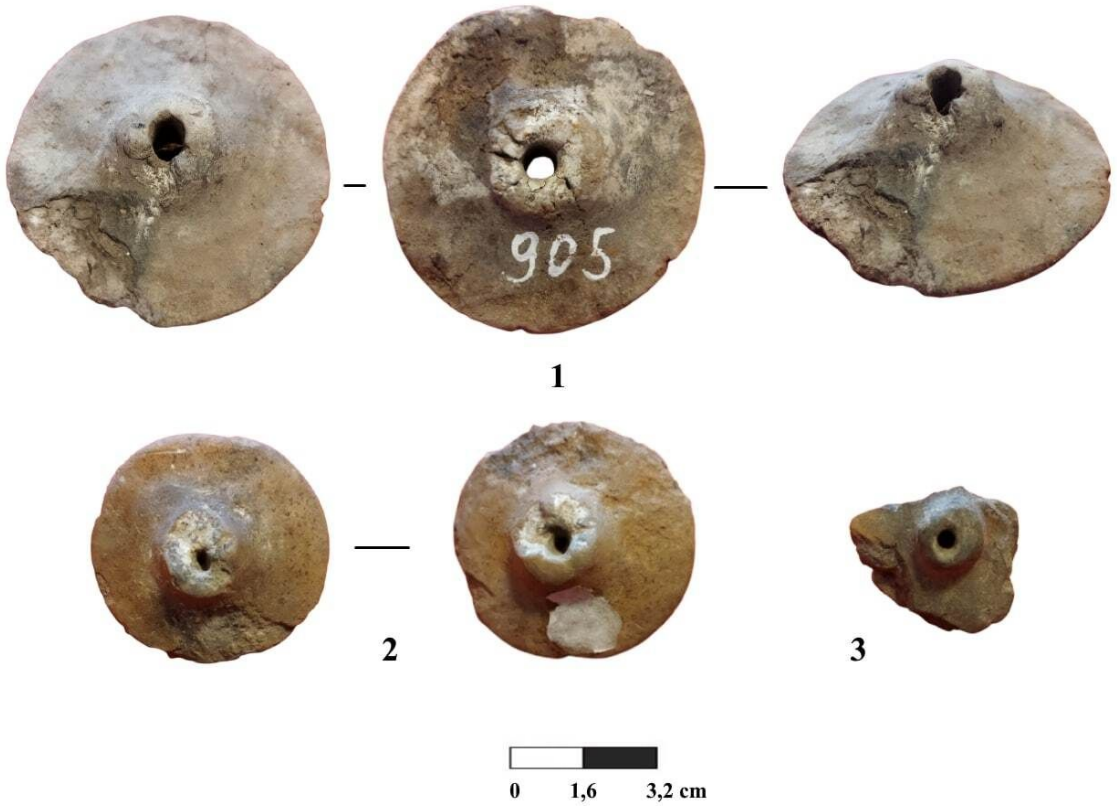

Рис. 1. Глиняные модели колес: *1* – экземпляр № 1; *2* – экземпляр № 2; *3* – экземпляр № 3 (фото автора)

Список источников

Абибуллаев О. А. Энеолит и бронза на территории Нахичеванской АССР. Баку: Элм, 1982. 315 с.

Агаларзаде А. М., Насирова Л. Ш., Гусейнова М. М. Археологические работы на многослойном поселении Худутепе в Муганской степи в 2021 г.: краткое сообщение // История, археология и этнография Кавказа. 2023. Т. 19. № 2. С. 545–562.

Алиев Н., Нариманов И. Культура Северного Азербайджана в эпоху позднего энеолита. Баку: Агридаг, 2001.144 с.

Ахундов Т. И. Памятники Муганской степи и предпосылки расселения ранних земледельцев на Южном Кавказе в эпоху неолита – энеолита // Stratum plus. 2011. 2. С. 219–236.

Исмаилов Г. С. Археологические исследования древнего поселения Баба-Дервиш. Баку: Элм, 1978. 104 с.

Исмаилзаде Г. С. Азербайджан в системе раннебронзовой культурной общности Кавказа. Баку: Nafta-Press, 2008. 304 с.

Мусаев Д. Серкертепе – поселение эпохи ранней бронзы. Баку: Nafta-Press, 2006. 173 с.

Мусеибли Н. А. Колесный транспорт в древнем Азербайджане // Достижения и перспективы археологии Северного Кавказа в XX первой четверти XXI века. М.: ИА РАН, 2024. С. 94–96.

Aşurov S., Hüseynova S., Əliyeva F. I Maxta ilk tunc dövrü abidəsi. I Kitab. Bakı: Apostrof-A, 2020. 147 s.

Maurer G., Greenberg R. Cattle drivers from the north? Animal economy of a diasporic Kura-Araxes community at Tel Bet Yerah // Levant. 2022. 54:3. Pp. 309–330.

А. Д. Климова
Институт археологии РАН,
Москва, Россия

КЕРАМИКА АЛАКУЛЬСКОГО МОГИЛЬНИКА ПОЗДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА

Аннотация. В работе анализируются гончарные традиции создания форм сосудов населения, оставившего Алакульский могильник. «Культурное ядро» этих традиций в большей степени представлено в материалах курганов 1, 8, 13, 14, 18, 20, 22, 38, которые компактно расположены в центральной части некрополя.

Ключевые слова: Южное Зауралье, алакульская культура, керамика, историко-культурный подход

Алакульский могильник позднего бронзового века расположен на северном берегу озера Алакуль в Щучанском муниципальном округе Курганской области. В разные годы XX в. исследования могильника проводили К. В. Сальников, Е. Е. Кузьмина и С. Н. Шилов. На памятнике исследованы 20 курганов. Количество погребений в одном кургане варьирует от четырёх до нескольких десятков (табл. 1). Практически во всех могилах обнаружена керамическая посуда. Чаще всего в погребении встречается один сосуд (58 %), реже два (23 %), в отдельных случаях зафиксировано три, четыре или шесть сосудов[19].

Широкая площадь изучения и значительный объём керамической коллекции позволяют рассмотреть гончарные традиции на фоне других археологических данных о населении, оставившем Алакульский могильник.

Основная задача данной работы – рассмотреть культурные традиции создания форм сосудов из Алакульского могильника в контексте планиграфии и стратиграфии этого памятника.

Анализ проводился с позиций историко-культурного подхода к изучению керамики, который был разработан А. А. Бобринским [1986]. Этот подход позволяет исследовать не только внешние очертания форм сосудов, но и особенности навыков труда гончара, овеществлённые в изделии.

Изучение естественных структур сосудов, т. е. количества и состава функциональных частей, выявило две наиболее многочисленные группы сосудов: 1) горшковидные формы «губа + шея + плечо-предплечье + тулово + основание тулова» (85 %); 2) баночные формы «губа + предплечье + тулово + основание тулова» (10 %). В рамках этих видов конструкций проводились измерения общей пропорциональности всего сосуда и двух параметров каждой функциональной части: угла наклона боковой линии костяка и пропорциональности [Цетлин, 2018, с. 124–169].

Дальнейшая процедура анализа состояла в сравнении гончарных традиций, представленных в разных курганах. Для этого вычислялся коэффициент сходства (КС) между курганами по каждому параметру форм сосудов. При сравнении учитывалось, что изучаемые параметры неравноценны по степени относительной устойчивости. Более устойчивыми являются общая пропорциональность всего сосуда, а также углы наклона плеча-предплечья и тулова; к менее устойчивым относятся угол наклона щеки-шеи, а также пропорциональность всех функциональных частей [Суханов, 2024]. Подробные результаты измерений форм сосудов и расчётов КС опубликованы ранее и не приводятся в этом тексте [Климова, 2024].

© Климова А. Д., 2025

[19]См.: Шилов С. Н. Отчет об археологических исследованиях Курганского государственного университета в 2001 году. // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р-1. № 22738. 196 л.; Шилов С. Н. Отчет об археологических исследованиях Курганского государственного университета в 2002 году. // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р-1. № 22751. 129 л.

Таблица 1

Количество погребений в курганах Алакульского могильника

Курган, №	Группа 1								Группа 2			Вне групп			
	1	8	13	14	18	20	22	38	55	61	67	25	18а	23	27
Кол-во погребений	17	9	41	14	26	25	13	10	7	4	10	6	6	9	7

Анализ более устойчивых параметров выявил высокое сходство (КС в интервале 78–91 %) между курганами 1–8–13–14–18–20–22–38, – их условно обозначим как группу 1. Курганы 55–61–67, вероятно, образуют группу 2. Курган 25 связан как с группой 1, так и с группой 2. Отсутствуют связи у курганов 18а и 27.

По менее устойчивым параметрам выделяется группа курганов 1–13–14–18–20–22 с довольно высоким сходством (КС равен 66–77 %). Связи с этой группой также прослеживаются у курганов 8, 27, 38 и 55.

Таким образом, курганы группы 1 демонстрируют более высокий уровень сходства гончарных традиций как по более устойчивым, так и по менее устойчивым параметрам форм сосудов.

Практически все сосуды четырехчастной конструкции «губа + предплечье + тулово + основание тулова» зафиксированы только в группе 1. В целом параметры этих форм соответствуют массовым для пятичастных конструкций.

Как соотносятся результаты изучения керамики с данными планиграфии и стратиграфии? Курганы группы 1 сконцентрированы на вершине возвышенности северного берега озера Алакуль (за исключением кургана 38). Курганы 23, 27 и 18а, показавшие наименьшее сходство с другими курганами, и курган 25 располагаются восточнее группы 1. Курганы группы 2 находятся на периферии могильника (рис. 1).

Курганы группы 1 содержат большее количество погребений – от 13 до 43 могил (за исключением курганов 8 и 38 (табл. 1)). В этой группе преобладает расположение могил по кругу относительно центральных. В кургане 1 также зафиксирован ровик, ограничивающий площадку с двумя центральными погребениями. В остальных курганах количество могил не превышает 10, а периферийные погребения чаще расположены лишь с одной стороны от центральных.

По наблюдениям С. Н. Шилова, постепенное сокращение количества погребений и нарушение кругового принципа сооружения могил характерны для более позднего этапа развития могильника [Маслюженко, Шилов, 2005, с. 43–44]. Кроме того, стратиграфические данные

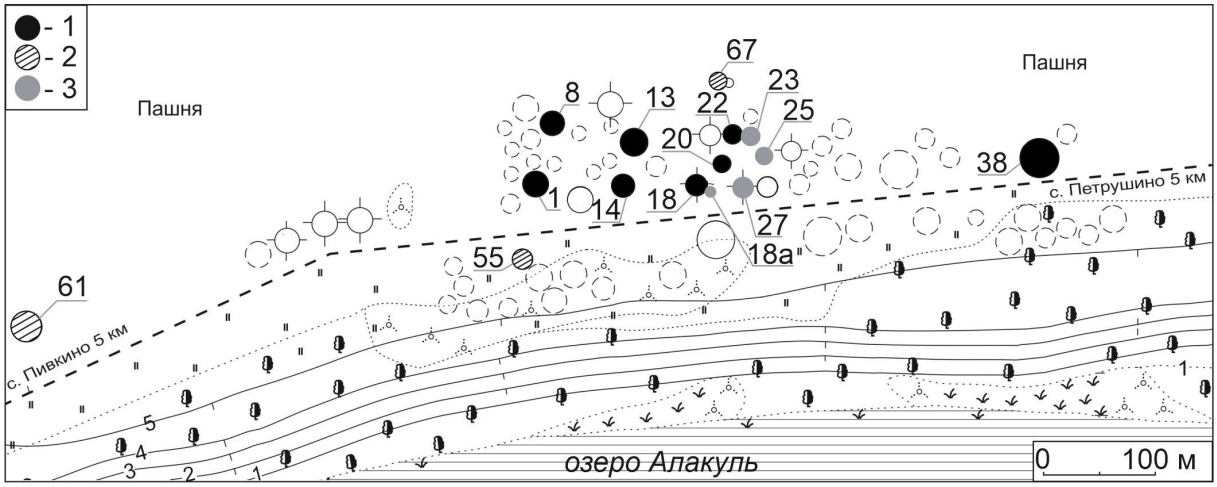

Рис. 1. План Алакульского могильника (составлен И. К. Новиковым) с разными группами курганов, выделенными по сходству форм сосудов: *1* – группа 1; *2* – группа 2; *3* – курганы с малым количеством связей

указывают на сооружение курганов 18а и 23 в более позднее время[20].

Таким образом, в исследовании выделено «культурное ядро» традиций создания форм сосудов у населения, оставившего Алакульский могильник. Оно представлено в материалах курганов группы 1. Эти курганы расположены компактно на северном берегу озера, а также отличаются от других по организации подкурганного пространства и количеству погребений. Мы можем предполагать, что курганы группы 1 относятся к более раннему периоду функционирования могильника.

Список источников

Бобринский А. А. О методике изучения форм глиняной посуды из археологических раскопок // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. Куйбышев: Куйбышевский ГУ, 1986. С. 137–157.

Климова А. Д. Сравнительный анализ форм сосудов из курганов Алакульского могильника // Актуальная археология 7. СПб.: ИИМК РАН, 2024. С. 141–144.

Маслюженко Д. Н., Шилов С. Н. Некоторые предварительные итоги исследования Алакульского могильника позднего бронзового века в 1999–2003 гг. // Зауралье в панораме веков. Курган: Изд-во Курганского ГУ, 2005. С. 40–48.

Суханов Е. В. Новые эксперименты по изучению устойчивости навыков создания форм глиняных сосудов // Вестник «История керамики». 2024. Вып. 6. С. 133–156.

Цетлин Ю. Б. Об общем подходе и методике системного изучения форм глиняных сосудов // Формы глиняных сосудов как объект изучения: Историко-культурный подход. М.: ИА РАН, 2018. С. 124–179.

А. И. Климушина
Институт истории материальной культуры РАН,
Санкт-Петербург, Россия

КЛАДЫ МЕТАЛЛИЧЕСКИХ ИЗДЕЛИЙ ПЕРЕХОДНОГО ЭТАПА ОТ СРЕДНЕЙ К ПОЗДНЕЙ БРОНЗЕ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА И АЗОВО-ПРИЧЕРНОМОРСКИХ СТЕПЕЙ: СОСТАВ КОМПЛЕКСОВ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Аннотация. В работе рассматривается группа кладов металлических изделий переходного времени от эпохи средней к поздней бронзе с территории Северо-Западного Кавказа и степной части юга Восточной Европы. Эти клады являются продукцией северокавказских металлообрабатывающих мастерских. На основании анализа их типологического состава дается хронологическое определение кладов и их культурно-историческая интерпретация.

Ключевые слова: клады металлических изделий, средний бронзовый век, поздний бронзовый век, Северный Кавказ

Исследование проведено в рамках выполнения ФНИ ГАН «Особенности смены археологических культур у скотоводов Евразии и земледельцев Кавказа и Центральной Азии в неолите – раннем Средневековье» (FMZF-2025-0008).

Непосредственным импульсом к написанию данной работы стала публикация нового клада предметов северокавказского происхождения эпохи бронзы с территории Молдавии. Речь идет о комплексе металлических изделий, найденном недалеко от с. Христичи в Сорокском районе республики Молдавия. Эта находка была сделана случайно, в 2022 г. передана в Национальный музей истории Молдовы,

© Климушина А. И., 2025

[20] См.: Шилов С. Н. Отчет об археологических исследованиях Курганского государственного университета в 2001 году. // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р-1. № 22738. 196 л.; Шилов С. Н. Отчет об археологических исследованиях Курганского государственного университета в 2002 году. // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р-1. № 22751. 129 л.

а в 2024 г. опубликована коллективом авторов [Sîrbu, Topal, Sava, 2024, pp. 171–194]. Важность данного памятника обусловлена тем, что на настоящий момент он является самым западным пунктом распространения кладов металлических изделий северокавказского происхождения конца эпохи средней бронзы – начала поздней. Авторы публикации клада в целом дают верную типологическую и хронологическую характеристику комплекса. Однако в их публикации не нашел отражения важный момент, открывающий перспективу в изучении данного клада и подобных ему находок. Дело в том, что клад из с. Христичи не является уникальной находкой северокавказских бронз, найденных за пределами региона своего происхождения. Он входит в целую группу кладов. Кроме Северо-Западного Кавказа, их находки также известны на Нижнем Дону, в Крыму, Нижнем Поднепровье, Северном Причерноморье и Восточном Прикарпатье. Эти клады были выделены в отдельную группу В. С. Бочкаревым, названную им ахметовской по эпонимному комплексу [Бочкарев, 1996, с. 96–97]. Сейчас ахметовская группа насчитывает уже 14 кладов: Ахметовский, Балашовский, Бериславский, Самарский, клад Краснодарского музея 1897 г., р. Акксаут, с. Маруха, «Таманский» (Батарейка), Балка Лисовицкого IV, Крыловский, Коблевский, Кишпекский, «Панагия», Христичи). Эта группа уникальна не только по широте территориального охвата, но и тем, что клады, входящие в нее, в основном представлены ломом и слитками. Этот интересный момент может являться ключом к пониманию данных памятников, к чему мы обратимся позднее. Но, прежде всего, дадим характеристику состава ахметовских кладов, а также определим их хронологическую позицию.

Начнем с хронологии. В схеме периодизации металлопроизводства эпохи бронзы Северо-Западного Кавказа клады ахметовской группы относятся к финалу эпохи средней бронзы. Они следуют за костромской группой кладов и предшествуют бекешевской группе прикуанского очага металлургии и металлообработки эпохи поздней бронзы (по А. А. Иессену). Если следовать периодизации степных культур Восточной Европы, то это время приходится на эпоху поздней бронзы, или IV период указанной эпохи по периодизации металлопроизводства поздней бронзы южной половины Восточной Европы (без территории Кавказа) [Бочкарев, 2017, с. 171–172]. Таким образом, эти памятники занимают двойственное положение в системах периодизаций культур эпохи бронзы Северного Кавказа, с одной стороны, и степных культур Восточной Европы и Урала, с другой. Судя по доступным сейчас данным, они датируются около середины II тыс. до н. э. Учитывая, северокавказское происхождение изделий ахметовских кладов, на данный момент исследования их лучше рассматривать в рамках переходного этапа от средней к поздней бронзе.

В типологическом отношении ахметовские клады четко отличаются как от костромских, так и от более поздних – бекешевских. В этой связи наиболее важными их маркерами являются проушные топоры и серпы. Топоры представлены тремя типами: урекским, самарским и бериславским. Их типы характерны только для ахметовской группы. Наиболее распространенными являются топоры урекского типа. Они есть в 7 кладах из 14 и в небольшой серии единичных находок (7 экз.). Всего они насчитывают около 20 экземпляров. Особый интерес вызывает то обстоятельство, что эти топоры имеют прямые аналогии в Западном Закавказье – клад Уреки. Есть также данные о южных связях топоров самарского типа (поселение Кюль-Тепе в Малой Азии). Что касается топоров бериславского типа, то они есть в трех кладах. По всей вероятности, они имеют местное северокавказское происхождение.

Гораздо более обширную серию составляют серпы. За одним исключением, они представлены местной северокавказской продукцией. Внутри ахметовской группы выделяется несколько разновидностей ранних позднекубанских типов серпов. Вместе со случайными находками

они сейчас известны в количестве более 100 экземпляров. Серпы делятся на несколько типов. Самой характерной разновидностью серпов ахметовской группы являются орудия с равномерно изогнутой спинкой, а также серпы т. н. батарейкинского типа [Дергачев, Бочкарев, 2002. с. 130–134]. Вместе с тем отметим, что в ахметовской группе уже появляются и «коленчатые серпы», которые в эпоху поздней бронзы стали одной из ведущих форм прикубанского очага.

Серпы и топоры составляют основу кладов ахметовской группы. Остальные категории изделий встречаются редко. Они есть в трех комплексах – «Таманском» (Батарейка), Ахметовском и кладе Христичи из Молдавии. В первом из них, кроме серпов, представлено 9 ножей (5 из них ввиду крупных размеров и формы, вероятно, относятся к категории кинжалов), один целый топор-тесло и два в обломках, а также обломок предмета неясного назначения, возможно, часть металлического сосуда. Ножи-кинжалы с перекрестьем, глубоким перехватом и остролистным клинком соответствуют каневскому типу по классификации И. Ж. Тутаевой [Тутаева, 2014. с. 24–27, табл. 1]. Они относятся к IV этапу по хронологии металлопроизводства эпохи поздней бронзы, разработанной В. С. Бочкаревым [Бочкарев, 2017. с. 171–172, рис. 9, 16]. Эти ножи-кинжалы представляют собой новую форму изделий, принадлежащую более северным степным культурам Волго-Уралья, а также Северного Приазовья и Поднепровья. На территории Предкавказских степей она появилась в позднесрубное время вместе с притоком нового населения, т. е. приблизительно в 16–15 вв. до н. э. К числу изделий северного (степного) происхождения также относится серп кобаковско-дербеденовского типа из этого же клада. Так же как и кинжалы, он датируется IV периодом. Тесло из Батарейки по морфологическим и метрическим параметрам принадлежит к костромским типам тесел. Его наличие в составе данного клада имеет значение, так как подчеркивает связь ахметовской группы с кладами предшествующего времени.

Особое внимание заслуживает обломок ручки клепаного котла из клада Христичи [Sîrbu, Topal, Sava, 2024, p. 187, fig. 4]. Судя по ее форме и технике изготовления, она принадлежит I группе котлов, которые также датируются IV периодом [Бочкарев, 2010, с. 188, 193]. Котлы этой группы хорошо известны на Северном Кавказе. В частности, один из них происходит из погребения в Верхнем Прикубанье (Суворовский могильник).

Кроме изделий в составе кладов ахметовской группы достаточно часто встречаются слитки и фрагменты металла. В основном они представлены небольшим количеством, однако в Бериславском кладе было найдено более 40 фрагментов слитков общим весом 24 кг [Добровольский, 1948, с. 153, табл. 1. 1–5].

Таков типологический состав ахметовских кладов. Теперь обратим внимание на физическое состояние изделий. Как мы ранее отметили, ахметовские комплексы интересны тем, что представлены старыми изношенными предметами, браком литья, ломом и слитками. Такие клады в литературе называют сырьевыми или кладами литейщиков. Но есть и другая точка зрения на такого рода памятники. По мнению некоторых европейских исследователей, клады лома могут носить ритуальный характер [Nebelsick, 2000, p. 160–175]. Согласно этому представлению металлические изделия намеренно ломались и портились. Тем самым они как бы умертвлялись и предназначались богам или каким-то другим сакральным существам. Формально к этой категории ритуальных кладов можно было бы отнести и ахметовские комплексы. Однако следует иметь в виду, что за пределами Северо-Западного Кавказа они являются импортной продукцией. В типологическом отношении они совершенно чужды северопричерноморскому и карпато-балканскому металлопроизводству и, вне всяких сомнений, являются продукцией северокавказских мастерских. В этом отношении показательно, что их единичные случайные находки в основном сосредоточены

на территории Северного Кавказа и практически отсутствуют в степной зоне. Это является косвенным показателем их местного использования.

Итак, у нас есть все основания утверждать, что ахметовские клады являются не ритуальными, а т. н. профанными (экономическими) кладами. Они были завезены с Северного Кавказа в степную зону как сырье для местного металлопроизводства.

Список источников

Бочкарев В. С. Новые данные о прикубанском очаге металлообработки эпохи бронзы // Между Азией и Европой (Кавказ в IV–I тыс. до н. э.): мат-лы конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. А. А.. Иессена. СПб., 1996. С. 96–97.

Бочкарев В. С. Культурогенез и древнее металлопроизводство Восточной Европы. СПб.: Инфо Ол, 2010. С. 185–208.

Бочкарев В. С. Этапы развития металлопроизводства эпохи поздней бронзы на юге Восточной Европы // Stratum Plus. 2017. № 2. С. 159–204.

Дергачев В. А., Бочкарев В. С. Металлические серпы поздней бронзы Восточной Европы. Кишинев: Высшая антропологическая школа, 2002. 348 с.

Добровольский А. В. Бериславскикй скарб бронзової доби // Археологія. 1948. Т. 2. С. 152–163.

Тутаева И. Ж. Металлическое клинковое оружие эпохи поздней бронзы Северного Причерноморья // IX Междунар. археолог. конф. студентов и аспирантов «Проблемы археологии Восточной Европы». Ростов-на-Дону: Изд-во Южного фед. ун-та, 2014. С. 23–30.

Nebelsick L. Rent asunder: ritual violence in Late Bronze Age hoards // Metals Make the World go Round. The Supply and Circulation of Metals in Bronze Age Europe. Oxford: Oxbow Book, 2000. Pp. 160–175.

Sîrbu M., Topal D., Sava E. «Bronzefunde aus Bessarabien»: Un depozit de bronzuri descoperit în apropierea localităţii Hristici, raionul Soroca // Epoca bronzului de-o parte şi de alta a carpaţilor: studii în onoarea lui Tudor Soroceanu la 80 de ani. The Bronze Age on both sides of the Carpathians: studies in honor of Tudor Soroceanu at 80 years. Cluj-Napoca: Mega, 2024. Pp. 171–194.

Л. С. Кобелева
Институт археологии и этнографии СО РАН,
Новосибирск, Россия

АНДРОНОВСКАЯ (ФЕДОРОВСКАЯ) КУЛЬТУРА В ОБЬ-ИРТЫШСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Аннотация. Рассматриваются проблемы и перспективы исследования андроновской (федоровской) культуры в Обь-Иртышской лесостепи на современном этапе. В регионе в этот период происходит полная смена населения в результате ассимиляции аборигенов мигрантами. Конкретные модели этого процесса до конца не ясны и требуют более конкретного исследования. Накопленный к настоящему времени материал позволяет это сделать.

Ключевые слова: Западная Сибирь, Обь-Иртышье, андроновская (федоровская) культура

РНФ № 23-18-00424 «Мультидисциплинарные исследования духовной культуры и первобытного искусства населения Западной Сибири и Центральной Азии в древности».

Проблема возникновения, формирования и распространения андроновской культуры с момента ее возникновения привлекает внимание большого количества исследователей. На разных этапах изучения к ней обращались М. П. Грязнов, О. А. Кривцова-Гракова, К. В. Сальников, Е. Е. Кузьмина, А. В. Матвеев, В. И. Матющенко, Г. А. Максименков, Т. Н. Троицкая, В. А. Зах, В. И. Молодин, В. В. Бобров и другие выдающиеся ученые.

© Кобелева Л. С., 2025

Благодаря широкомасштабным исследованиям последних двух десятилетий, в значительной степени увеличилась источниковая база. На территории Барабинской лесостепи практически полностью исследован получивший широкую известность в литературе могильник Тартас-1 [Тартас-1…, 2022]. На этом памятнике выявлено более 800 разнокультурных, разновременных захоронений, из них большая часть (около 550) оставлена носителями андроновской (федоровской) культуры. Часть из этих погребений совершена по обряду кремации, часть – по обряду ингумации. Имеются различия в организации погребального пространства. Некоторые захоронения располагаются рядами, другие окружены своеобразными земляными сооружениями, связанными с погребениями. Выявлена характерная неровность краев контура конструкций, чередование сегментовидных, часто округлых, рвов и ям или просто ям, локализующих ряд захоронений. Глубина сооружений различна. Чаще всего данные сооружения, квалифицированные как оградки, не содержали каких-либо находок. Лишь в виде исключения в них были обнаружены развалы сосудов, отдельные фрагменты керамики или остатки мясной пищи [Молодин, Дураков, Кобелева, 2018].

Также на территории Обь-Иртышья исследованы могильники Старый Тартас-4 и Погорелка-2, находящиеся в непосредственной близости от Тартаса-1, но имеющие существенные отличия. Рвы, окружающие захоронения, имеют подквадратную форму, в погребальном обряде преобладает кремация.

Выявленные на этой территории внутренние различия андроновской культуры позволили поставить вопрос о разновременных и разнонаправленных миграционных волнах [Молодин, 2011].

Таким образом, на сегодняшний день стоит вопрос о направлениях этих миграций, составе мигрировавших групп, а также связях между ними и аборигенным населением.

Проводится поиск и исследование поселенческих комплексов. На территории Обь-Иртышья их известно всего шесть (Куделька-2, Каргат-6, Шляпово, Демидов омут, Тартас-5, Старый Тартас-1). Все они раскопаны очень маленькими площадями или известны по сборам. Такое небольшое количество памятников и степень исследования объясняется, прежде всего, тем, что носители андроновской (федоровской) культуры населяли регион в периоды крайне сухого климата. Их поселения чаще всего расположены на достаточно низких пойменных террасах, впоследствии, с изменением климата в сторону увлажнения, эти слои оказывались погребенными русловыми осадками разливающихся рек, что было неоднократно зафиксировано уже в начале планомерного изучения археологии Обь-Иртышской лесостепи [Молодин, Зах, 1979]. Дальнейший поиск и исследование поселенческих комплексов является одной из первостепенных задач.

Кроме увеличения источниковой базы, изменилась методика исследования и исторические подходы. Широкое применение естественно-научных методов привело к серьезному пересмотру сложившихся ранее концепций. Происходит постепенное удревнение выделенных археологических культур, появляются новые уровни осмысления межкультурных, межэтнических связей.

Для андроновской (федоровской) культуры Обь-Иртышской лесостепи проводится работа по радиоуглеродному датированию памятников и созданию хроностратиграфической шкалы региона, для возможного выделения этапов и периодов миграций. В базу образцов включены как новые материалы (Тартас-1, Погорелка-2, Старый Тартас-4, Тартас-5), так и полученные ранее из могильников Вахрушево, Венгерово-1, Абрамово-5, Преображенка-3 и других.

Традиционным и высокоинформативным подходом изучения состава андроновского населения, является использование методов физической антропологии. Проводятся популяционные исследования с использованием палеоантропологических коллекций андроновской (федоровской) культуры из различных районов южной части Сибири [Чикишева, Поздня-

ков, 2003; Солодовников, 2005; Kozintsev, 2008; Tur, 2011; Зубова, 2012].

В последние годы все большее распространение приобретают популяционные исследования методами палеогенетики. В частности, с использованием образцов от представителей андоновского (федоровского) населения Сибири был выполнен ряд работ различной направленности [Human migrations…, 2012; Мультидисциплинарные…, 2013; Генофонд…, 2017; Первые результаты…, 2022].

Конечной целью этих исследований является реконструкция локальных популяционно-генетических процессов, сопровождавших андроновские миграционные волны в различных регионах их распространения, понимание сложности их структуры и системы популяционного взаимодействия мигрантов и аборигенных групп [Первые результаты…, 2022].

На сегодняшний день очевидно, что миграционные процессы, связанные с расселением андроновцев, оказали глобальное влияние на формирование этнической картины эпохи бронзы в Евразии. Эта культура является определяющей для формирования культур эпохи поздней бронзы региона в целом. В Обь-Иртышской лесостепи в этот период происходит полная смена населения в результате ассимиляции аборигенов мигрантами. Конкретные модели этого процесса до конца не ясны и требуют более конкретного исследования. Накопленный к настоящему времени материал позволяет это сделать.

Список источников

Генофонд мтДНК и Y-хромосомы андроновского (федоровского) и постандроновского населения Южной Сибири / А. А. Журавлев, А. С. Пилипенко, В. И. Молодин, Д. В. Папин, Д. В. Поздняков, Р. О. Трапезов // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле – Белокурихе: в 3 т. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2017. Т. III. С. 37–39.

Зубова А. В. Происхождение населения андроновской (федоровской) культуры Западной Сибири по одонтологическим данным // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. № 2 (17). С. 70–78.

Молодин В. И. Миграции носителей андроновской культурно-исторической общности в Барабинскую лесостепь // Древнее искусство в зеркале археологии: к 70-летию Д. Г. Савинова. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011. С. 58–69.

Молодин В. И., Дураков И. А., Кобелева Л. С. Планиграфия погребальных комплексов андроновской (фёдоровской) культуры на могильнике Тартас-1: к постановке проблемы // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2018. Т. XXIV. С. 290–292.

Молодин В. И., Зах В. А. Геоморфологическое расположение памятников эпохи неолита и бронзы в бассейнах рек Оби, Ини, Оми и их притоках // Особенности естественно-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1979. С. 51–53.

Мультидисциплинарные исследования населения Барабинской лесостепи V–I тыс. до н. э.: археологический, палеогенетический и антропологический аспекты // В. И. Молодин, А. С. Пилипенко, Т. А. Чикишева, А. Г. Ромащенко, А. А. Журавлев, Д. В. Поздняков, Р. О. Трапезов. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2013. 220 с.

Солодовников К. Н. Антропологические материалы из могильника андроновской культуры Фирсово XIV к проблеме формирования населения Верхнего Приобья в эпоху бронзы // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2005. №. 6. С. 127–147.

Тартас-1 – перекресток культур и эпох / В. И. Молодин, Г. Парцингер, Л. Н. Мыльникова, С. Хансен, И. А. Дураков, С. Райнхольд, Н. С. Ефремова, А. Наглер, Л. С. Кобелева, Д. А. Ненахов, Ю. Н. Ненахова, М. С. Нестерова, Д. В. Селин. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2022. Т. 1. 535 с.

Первые результаты палеогенетического исследования носителей андроновской (федоровской) культуры из могильников Чекановский лог-2, 10 / Р. О. Трапезов, А. С. Пилипенко, С. В. Черданцев, М. А. Томилин, И. В. Пилипенко, А. А. Журавлев, М. С. Пристяжнюк, М. А. Демин, И. А. Савко, Д. В. Папин // Народы и религии Евразии. 2022. Т. 27. № 2. С. 87–104.

Чикишева Т. А., Поздняков Д. В. Население западно-сибирского ареала андроновской культурной общности по антропологическим данным // Археология, этнография и антропология Евразии. 2003. № 3 (15). С. 132–148.

Kozintsev A. G. The “Mediterraneans” of Southern Siberia and Kazakhstan, IndoEuropean Migrations, and the Origin of the Scythians: A Multivariate Craniometric Analysis // Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia. 2008. № 4 (36). pp. 140–144.

Human migrations in the southern region of the West Siberian Plain during the Bronze Age: Archaeological, palaeogenetic and anthropological data / V. I. Molodin, A. S. Pilipenko, A. G. Romaschenko, A. A. Zhuravlev, R. O. Trapezov, T. A. Chikisheva, D. V. Pozdnyakov // Population Dynamics in Pre- and Early History: New Approaches Using Stable Isotopes and Genetics. Berlin, 2012. pp. 95–113.

А. А. Ковалев
Институт археологии РАН,
Москва, Россия

«ВЫДЕЛЕННАЯ РУКОЯТЬ» ИЛИ НЕВЫДЕЛЕННЫЙ ЧЕРЕШОК? ПЛАСТИНЧАТЫЕ ОДНОЛЕЗВИЙНЫЕ НОЖИ «КЛИНОВИДНОГО» СЕЧЕНИЯ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 2 ТЫС. ДО Н. Э. В СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ, МОНГОЛИИ И КИТАЕ

Аннотация. Пластинчатые однолезвийные ножи «клиновидного» сечения без выделенного черешка представляют особую традицию изготовления лезвийных орудий, выделившуюся на базе абашевских стереотипов отливки «серповидных ножей» и из ареала петровской культуры распространившуюся в 19–16 вв. до н. э. вплоть до Восточной и Средней Азии. Находки изделий этой конструкции в комплексах мунх-хайрханской культуры, Эрлитоу и культуры Цицзя, скорее всего, связаны с продвижением в центральный и северо-западный Китай через Монголию носителей западносибирских традиций металлообработки начала 2 тыс. до н. э.

Ключевые слова: абашевская культура, синташтинская культура, петровская культура, позднекротовская (черноозерская) культура, мунх-хайрханская культура, культура Цицзя, Эрлитоу, культура Сыба, бронзовые однолезвийные ножи, черешок

В своей монографии 1991 г. Н. А. Аванесова впервые выделила в отдельный тип (А1) «бесчеренковые пластинчатые ножи», происходящие с петровских поселений Южного Урала и Северного Казахстана; по приведенному описанию «почти все они имеют вид плоской пластинки, заточенный конец которой представляет лезвие, рукоять не отделена от режущей части [Аванесова, 1991, с. 26]. Исследователь утверждала, что эти ножи «представляют собой один из специфических индикаторов петровской индустрии… аналогий им в синхронных памятниках степной и лесостепной части Евразии нет» [Там же]. Приведенное определение уже тогда нуждалось в уточнении, поскольку примеры объединенных в тип А1 изделий [Аванесова, 1991, рис. 30. 2; рис. 31. 2] показывали, что для них характерно подтреугольное, а не прямоугольное сечение по всей длине, так что и «плоскими» они никак считаться не могут, и отсутствие выделенного черешка[21] прослеживается не только по абрису ножей, но и по гомогенности их поперечных сечений. Подобные изделия обнаружены и в синташтинских комплексах [Дегтярева, 2010, рис. 43. 3, 6] (рис. 1, *2, 3*).

Рассматривая петровские «пластинчатые ножи» в контексте более ранних и синхронных комплексов региона, нетрудно сделать вывод, что они являются не чем иным, как вариантом «серповидных орудий» («серповидных ножей», «ножевидных серпов», «жатвенных ножей», «серпов»), характерных для абашевских («баланбашских»), синташтинских и петровских памятников [Дергачев, Бочкарев, 2002, с. 31–41]. Для большинства их характерно треугольное («клиновидное») сечение по всей длине, а кривизна лезвия, особенно у абашевских изделий, может быть сведена к минимуму. Как показывает находка литейной формы на пос. Аркаим и форм для серпов «кундравинского типа», восходящих к синташтинско-петровским прототипам, при отливке эти орудия уже имели «клиновидное» сечение [Дергачев, Бочкарев, 2010, с. 41, 46–47; Байтлеу, Ержанова, Кальгаро, 2024].

Трудами А. Д. Дегтяревой, С. В. Кузьминых, Н. Б. Виноградова и других исследователей к настоящему времени в науч-

© Ковалев А. А., 2025

[21] «Черенком» называют как насад орудия, так и его рукоять. Здесь и далее для обозначения части орудия, предназначенной для закрепления в рукояти (для ножа совр. «хвостовик»), будет использован обычный для профессиональной русской археологической лексики термин «черешок» (англ. “tang”). См.: Брей, Трамп, 1990, с. 280; Четырехязычный…, 2007, с. 163.]

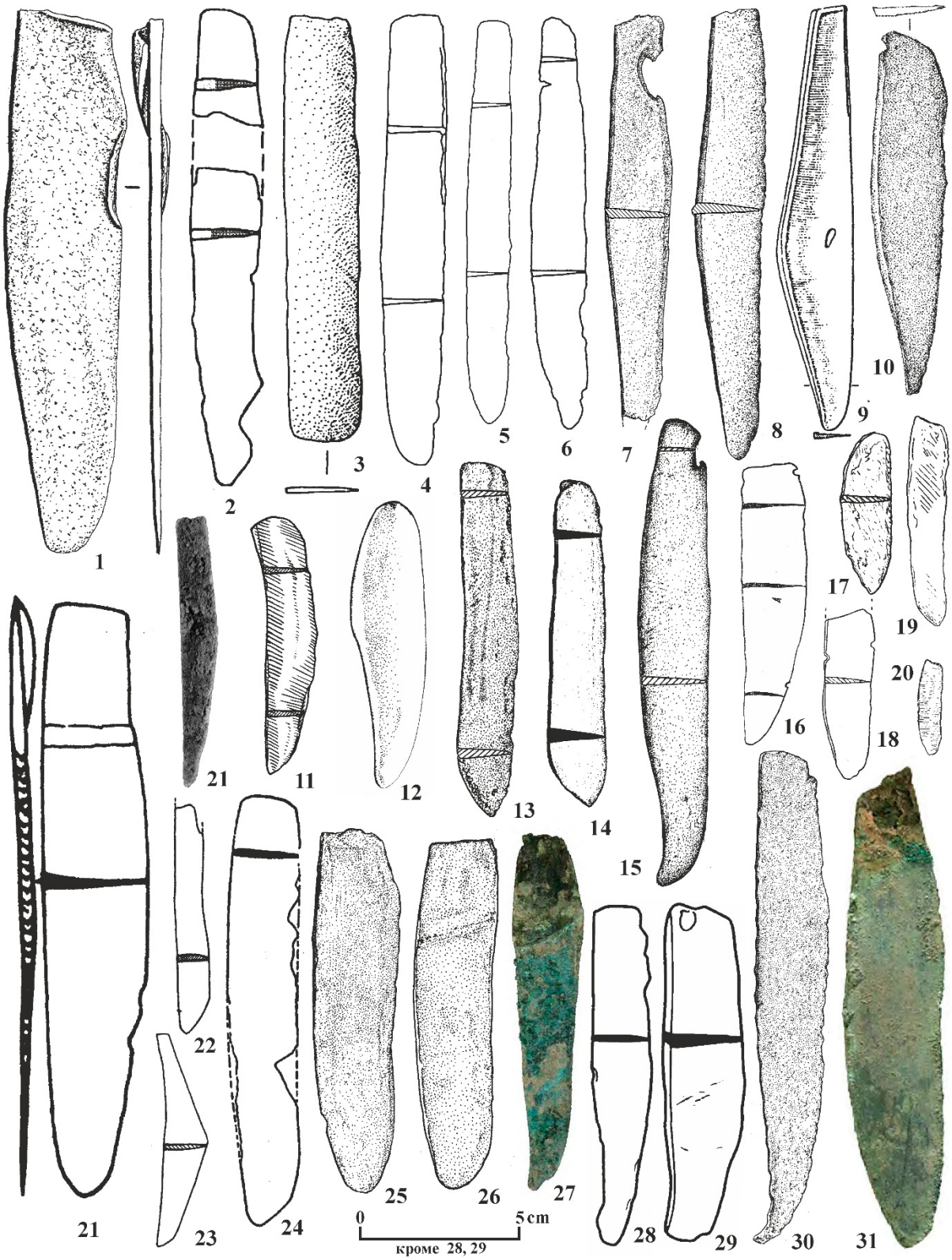

Рис. 1. Пластинчатые однолезвийные ножи «клиновидного» сечения первой половины 2 тыс. до н. э.: *1* – елунинская культура (пос. Костёнкова Избушка); *2, 3* – синташтинская культура (пос. Синташта, Большекараганский могильник, кург. 25, погр. 6); *4–6* – петровская культура (пос. Петровка 2); *7–10* – позднекротовская культура (Сопка 2/5, погр. 141, 55; Черноозерье I, мог. 146; Тартас-1, погр. 203); *11–15* – мунх-хайрханская культура (пос. Тоора-Даш, 7 слой; Хар уулын гозгор, кург. 1/113; Улаан говийн удзуур, кург. 1; Нижняя Мульга; *15* – Галбагийн удзуур, кург. 2) *16–20* – глазковская культура (Серово (1957), погр. 18; Хужир-Нугэ XIV, погр. 74В; Фофаново, у мог. 32; пос. у дер. Б. Разводная; Нохой, погр. 4); *21–23* – пос. Эрлитоу, 3–4 период; *24–27, 31* – культура Цицзя (Цзунчжай, мог. М57; Могоу погр. М295-С, М208, 446–D, М388); *28, 29* – культура Сыба (могильник Хошаогоу)

ный оборот введены новые экземпляры ножей петровской культуры с «клиновидным» сечением черешковой части: некоторые из них имеют такое же сечение по всей длине, некоторые – линзовидное сечение лезвийного отдела [Дегтярева, Рындина, 2020, с. 21, рис. 2. 1, 4, 5, 7; Орудийный…, 2023, с. 56–57, рис. 2. 12–14] (рис. 1, *4–6*). Однако в указанных публикациях ученые ошибочно относят эти орудия к группе «ножей с прямой выделенной рукоятью». В первую очередь, в этом определении неверным является использование термина «рукоять» вместо «черешка»: все обозначенные таким образом петровские ножи вставлялись на половину (а то и больше) длины в деревянную рукоять, о чем свидетельствуют, в частности, раскованные края полотна. Во-вторых, применительно к указанным петровским ножам из Северного Казахстана недопустимо говорить о «выделенной» черешковой части. Конечно, эта часть не затачивалась, лезвие ее не отковывалось, а, наоборот, расплющивалось для укрепления в рукояти, однако изначально никак не выделялась. Показательно, что аналогичные синташтинские изделия (рис. 1, *2–3*) А. Д. Дегтярева сочла отломанными лезвийными частями более крупных ножей с «выделенной рукоятью» [Дегтярева, 2010, с. 191]. В недавней статье А. Д. Дегтярева, на основании результатов металлографического анализа, выдвинула тезис о вычленении различных частей петровских ножей «в процессе ковки предварительно отлитых полосовых заготовок», т. е. совершенно плоских брусков [Дегтярева, 2023, с. 44]. Это утверждение более чем сомнительно. Во-первых, как уже говорилось, литейные формы для отливки аналогичных серповидных орудий предусматривали их изначальное клиновидное сечение. Во-вторых, зачем для отливки ножей выплавлять плоские бруски, а затем по всей длине или даже только в лезвийной части ковкой добиваться их равномерного клиновидного сечения? Возможно ли это вообще? Наконец, в чем цель таких трудозатрат, если в части насада все равно приходится расплющивать приостренный край?

Особое внимание к столь специфическим характеристикам некоторых ножей петровской культуры продиктовано отнюдь не требованиями формальной процедуры классификации. Эти признаки, как выясняется на материале широкого круга памятников первой половины 2 тыс. до н. э., имеют культурно-историческое значение и в совокупности с другими феноменами материальной культуры маркируют пути передачи производственных традиций Южного Урала и Северного Казахстана вплоть до Прибайкалья, китайской Центральной равнины и Памиро-Алая (см. ниже). Возможно, это связано с перемещением определенной части населения, что особенно вероятно для характера контактов кротовской и позднекротовской культур, мунх-хайрханской культуры Монголии и Тувы и таких китайских культур, как Эрлитоу и поздняя Цицзя, в результате которых в Китае, наряду с пластинчатыми ножами, появляются кинжалы «каракольского» типа и изделия, выполненные в сейминско-турбинских традициях [Ковалев, 2013].

То, что идея отливки бесчерешкового пластинчатого ножа «клиновидного» сечения по всей длине представляла собою единую, непрерывную традицию, а не случайные отклонения от нормы, доказывается ее распространением из одного центра в строго ограниченный отрезок времени, в течение 19–15 вв. до н. э. Пластинчатые ножи, представлявшие, как показано выше, один из вариантов «серповидных изделий» петровской и синташтинской культур, изготавливаемых по образцу абашевских артефактов последних веков 3 тыс. до н. э., обнаруживаются в контексте елунинской культуры, сейминско-турбинских древностей (Нижняя Мульга), в памятниках позднекротовской, мунх-хайрханской, окуневской (7 слой Тоора-Даш), культур Эрлитоу (3–4 периоды), Цицзя, нижнего слоя Сяцзядянь, Сыба, глазковской культуры, а также памятников средней бронзы Таджикистана (Кангурттут и др.) [Ковалев, 2013; 2017; 2023, с. 76–77; Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2014, с. 218–222] (рис. 1). Данные по Западной Сибири, Монголии

и Китаю показывают появление ножей рассматриваемой конструкции во всех этих регионах не позднее 18–17 вв. до н. э., причем с высокой вариабельностью формы полотна изделия[22].

Список источников

Аванесова Н. А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР. Ташкент: Фан, 1991. 200 с.

Агапов С. А., Дегтярева А. Д., Кузьминых С. В. Металлопроизводство восточной зоны общности культур валиковой керамики // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. № 3. С. 44–59.

Байтлеу Д. А., Ержанова А. Е., Кальгаро И. О литейной форме из поселения эпохи бронзы Тарангул в Актюбинском Приуралье // Oriental Studies. 2024. Т. 17. № 1. С. 123–140.

Брей У., Трамп Д. Археологический словарь. М.: Прогресс, 1990. 368 с.

Дегтярева А. Д. История металлопроизводства Южного Зауралья в эпоху бронзы. Новосибирск: Наука, 2010. 162 с.

Дегтярева А. Д. Технология изготовления серпов и ножей петровской культуры Южного Зауралья (по результатам металлографического анализа) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2023. № 4 (63). С. 39–52.

Дегтярева А. Д., Рындина Н. В. Ножи петровской культуры Южного Зауралья: Морфолого-типологическая характеристика // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2020. № 3 (50). С. 17–34.

Дергачев В. А., Бочкарев В. С. Металлические серпы поздней бронзы Восточной Европы. Кишинев: Высш. антропол. шк., 2002. 348 с.

Ковалев А. А. Новые данные о связях культур Западной Сибири, Монголии и Китая в первой половине II тыс. до н. э. // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Барнаул: Изд-во Алт. гос. университета, 2013. С. 140–146.

Ковалев А. А. Мунх-хайрханская культура периода развитой бронзы и ее связи с культурами неолита – бронзового века Восточной Сибири // Актуальные вопросы археологии и этнологии Центральной Азии: мат-лы II Междунар. науч. конф., посвящ. 80-летию д-ра ист. наук, проф. П. Б. Коновалова. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2017. С. 57–66.

Ковалев А. А. О хронологической позиции металлокомплекса культуры Сыба (Северо-Западный Китай) // Археология, этнография и антропология Евразии. Т. 51. № 1. 2023. С. 70–79.

Ковалев А. А., Эрдэнэбаатар Д. Открытие в центре Евразии новой культуры эпохи развитой бронзы (мунх-хайрханская культура) // Российский археологический ежегодник. № 4. СПб.: ООО «Университетский издательский консорциум», 2014. С. 194–225.

Могильников В. А. Работы на Верхнем Алее // Археологические открытия 1976 года. М.: Наука, 1977. С. 224.

Орудийный комплекс из цветного металла петровской культуры Северного Казахстана: морфолого-типологическая характеристика / С. В. Кузьминых, А. Д. Дегтярева, Л. Б. Орловская, Н. Б. Виноградов // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2023. № 4 (63). С. 53–67.

Четырехъязычный (русско-англо-франко-немецкий) словарь-справочник по археологии палеолита / С. А. Васильев, Г. Бозински, Б. А. Бредли, Л. Б. Вишняцкий, Е. Ю. Гиря, Ю. Н. Грибченко, М. Н. Желтова, А. Н. Тихонов. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2007. 264 с.

[22] Изделие клиновидного сечения, найденное при раскопках мешаного слоя пос. Гилёво-2, почти идентично с находкой с пос. Кангурттут, и относится, скорее всего, к андроновскому комплексу, представленному в этом же слое [Могильников, 1977]; оно никак не может быть «характерным для общности культур “валиковой керамики”» [Агапов, Дегтярева, Кузьминых, 2012, с. 49], поскольку таких орудий в её памятниках не встречено.

С. Ф. Кокшаров
Институт истории и археологии УрО РАН,
Екатеринбург, Россия

О ДАТИРОВКЕ ПОСЕЛЕНИЯ ГОРНЫЙ САМОТНЁЛ-1 (КУЛЬТУРА ВАРЫ-ХАДЫТА)

Аннотация. Поднята проблема датировки культуры вары-хадыта, открытой на рубеже XX–XXI вв. в сибирской Арктике. Одни археологи относят ее к энеолиту, другие к эпохе бронзы. Для решения проблемы предлагается опереться на относительные методы датирования, сверяя их с радиоуглеродными и дендрохронологическими данными, некритичное отношение к которым может привести к неоправданному удревнению взятых образцов.

Ключевые слова: культура вары-хадыта, металлообработка, дендрохронология, ^{14}C даты, ископаемая древесина

Исследование выполнено в рамках НИОКТР 124032100052-6 «Культурное пространство Урала: археологические и этнологические исследования».

На карте древностей эпохи раннего металла (ЭРМ) Западной Сибири памятники культуры вары-хадыта занимают самые высокие широты, располагаясь в зонах Арктики и Субарктики. Ключевыми объектами, изученными раскопками, являются пос. Вары-Хадыта II и Горный Самотнёл-1, изучавшиеся раскопками на рубеже XX–XXI вв. В культурном слое обоих выявлены остатки сооружений, органика (древесина, трава, уголь), кости животных и неповторимая по декору керамическая посуда. Для памятников получены ^{14}C определения, а для Горного Самотнёла, кроме того, две дендродаты по сибирской лиственнице.

Пос. Вары-Хадыта II расположено в 7 км к ЗСЗ от поселка Яр-Сале в Ямальском районе ЯНАО, на 5-метровом левом берегу р. Вары-Хадыта, соединяющейся через систему озер и многочисленные протоки с дельтой Оби. Оно было оставлено людьми, знавшими бронзу [Васильев, 2011, с. 212] и несложные способы литья. По составу металл близок образцам с памятников типа Волосово–Юртик–Гарино [Черных, 2007, рис. 3 и 1]. Из-за необычного декора керамическая посуда обособлена в отдельный тип [Васильев, 2000, с. 28], а памятники отнесены к самостоятельной культуре, определенной как вары-хадыта. Она датирована XVII–XV вв. до н. э. [Васильев, 2000, с. 29], занимает хронологическую позицию между йоркутинскими (первая четверть II тыс. до н. э.) и позднесартыньинскими комплексами Шеркалы XIII (XV–XIII вв. до н. э.). Калиброванные ^{14}C даты, полученные для слоев пос. Вары-Хадыта II в российских и зарубежных лабораториях, отодвигают нижнюю границу древностей ~ на 500–700 лет, актуализируя «противоречие между устоявшимися хронологическими схемами и новациями в области радиоуглеродного датирования» [Васильев, 2011, с. 214].

Поселение Горный Самотнёл-1 расположено между поселками Аксарка и Салемал, на границе Приуральского и Ямальского районов ЯНАО, в устье Малой Оби (правый берег) [Кудрич, 2010, с. 192–194; Археологическая карта, 2011, с. 41]. Комплекс Горного Самотнёла близок керамике Йоркутинского поселения и сартыньинским памятникам, но наиболее полное соответствие он имеет с материалами поселения Вары-Хадыта II [Кудрич, 2010, с. 193–194]. В монографии 2018 г. содержится детальное описание полученных материалов и находок [Тупахина, Тупахин, 2018], приведены радиоуглеродные и дендродаты. Как сообщают авторы, усредненный возраст памятника, уточненный дендрохронологическим методом, составляет 3060–2920 лет до н. э., что позволяет отнести его к энеолиту [Там же, с. 46].

© Кокшаров С. Ф., 2025

Исходя из приведенных датировок Горного Самотнёла-1, следует, что металл и следы его обработки фиксируются в сибирском секторе Арктики в энеолите, на рубеже IV–III тыс. до н. э. с появлением памятников культуры вары-хадыта, т. е. ранее, чем в таежных районах Западной Сибири. Напомню, что первые следы металлопроизводства на севере Западной Сибири отмечены на ранних полымьятских поселениях бассейна р. Конды [Кокшаров, 2012, с. 27–29]. В стратиграфическом отношении полымьятские древности досейминского периода бронзового века, перекрывающие слои с керамикой волвончинского типа (энеолит), датированы концом III – первой третью II тыс. до н. э. [Кокшаров, 2024, с. 449].

Радиоуглеродный анализ, дающий не даты, а, скорее, «интервалы возможностей» для синхронизации разновременных памятников и культур, не столь убедителен, как результаты дендрохрологии. Не удивительно, что дендрохронологические данные были сочтены достаточными для объявления архаичности Горного Самотнёла и всей культуры вары-хадыта. Однако они отодвигают нижнюю границу последней почти на тысячу лет, синхронизируя ямальские древности с энеолитическими памятниками р. Конды. Дендродаты вступают в противоречие с относительной хронологией памятников бронзового века севера Западной Сибири, построенной на стратиграфических наблюдениях и типологических построениях. По этой причине обозначившаяся ситуация нуждается в соответствующих комментариях.

Критически оценивая дендродаты Горного Самотнёла, следует помнить, что обитатели Нижней Оби могли использовать в хозяйстве не только росшие на тот момент деревья или сухостой, но и собранную в размытых берегах и болотах мореную древесину (ту же лиственницу) раннего возраста, которая хорошо консервируется благодаря низким температурам и мерзлоте. Известно, что по сей день мореная древесина и топляк собираются и используются народами Севера как строительный материал и топливо. Это может объяснить причины столь раннего возраста дендрообразцов и части ^{14}C данных с памятников культуры вары-хадыта в районе Обской губы.

В вопросе датировки оригинальной арктической культуры выглядит взвешенной позиция Е. А. Васильева, относящего ее к бронзовому веку, а не энеолиту. Это подтверждают вещи из металла и следы его литья с поселения Вары-Хадыта II, значительная близость орнаментальных мотивов на керамике вары-хадыта и сартыньинской культуры бронзового века Нижнего Приобья. Заметим также, что единичные сосуды типа вары-хадыта встречены в качестве примеси на полымьятских поселениях Северососьвинской возвышенности, что также указывает на синхронность арктических и таежных древностей [Кокшаров, 2015, с. 26, рис. 5. 45]. Для корректного решения поставленной проблемы, а также выяснения внутренней градации памятников вары-хадыта требуется привлечение новых материалов, изотопных данных и дендродат.

Список источников

Археологическая карта Ямало-Ненецкого автономного округа. Информ. справ. «Наследие». Екатеринбург: [б. и.], 2011. 128 с.

Васильев Е. А. Поселение Вары-Хадыта II и проблемы первобытной археологии Ямала // Научный вестник. Вып. 3. Археология и этнология. Материалы науч.-исслед. конф. по итогам полевых иссл. 1999 г. Салехард: Красный Север, 2000. С. 24–31.

Васильев Е. А. Культура вары-хадыта и проблемы культурогенеза Северо-Западной Сибири в раннем бронзовом веке // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. СПб.; М.; Вел. Новгород: ИИМК РАН, 2011. Т. I. С. 112–114.

Кокшаров С. Ф. Первый металл Конды // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. № 4 (19). С. 27–42.

Кокшаров С. Ф. Культура населения севера Западной Сибири в бронзовом веке: автореф. дис. … д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2015. 48 с.

Кокшаров С. Ф. Основные характеристики периодов бронзового века // Академическая история Югры: в 8 т. Том 1. Древняя Югра с начала заселения до конца I тысячелетия н. э. Ч. 5, гл. 3: Территория ХМАО–Югры в эпоху бронзы. Ханты-Мансийск: АО Изд. дом «Новости Югры», 2024. С. 449–475.

Кудрич О. С. Керамика поселения Горный Самотнёл как компонент формирования культуры населения низовьев Оби в эпоху энеолита – бронзы // Культура как система в историческом контексте: Опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний. Томск: Аграф-Пресс, 2010. С. 192–194.

Тупахина О. С., Тупахин Д. С. Поселение эпохи энеолита Горный Самотнёл-1: материалы и исследования. Омск: Тип-я «Золотой тираж» (ООО «Омскбланкиздат»), 2018. 149 с.

Черных Е. Н. Каргалы: феномен и парадоксы развития; Каргалы в системе металлургических провинций; Потаенная (сакральная) жизнь архаичных горняков и металлургов. М.: Языки славян. культуры, 2007. 200 с.

О. Н. Корочкова
Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

ГОРНО-ЛЕСНОЕ ЗАУРАЛЬЕ В ЭПОХУ БРОНЗЫ: ВРЕМЯ, ФЕНОМЕНЫ, РИТМЫ

Аннотация. В центре внимания – специфика внедрения критических технологий эпохи бронзы в культуру населения, обитавшего на территории, обладавшей исключительными меднорудными сырьевыми запасами, но не имевшей условий для производства пищи. Сложение здесь металлургических очагов – коптяковско-сейминского и черкаскульского – отражает основные ритмы и тенденции историко-культурного развития Зауралья, которое совпадает с бурными процессами расширения зоны металлоносных культур в Северной Евразии в эпоху поздней бронзы.

Ключевые слова: металлургический очаг, коптяковско-сейминский, черкаскульский, иткульский

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ 24-28-00470 «Короткий бронзовый век Урала».

Горно-лесное Зауралье на карте металлоносных культур Северной Евразии занимает периферийное положение. Это обстоятельство, казалось бы, обрекало эту территорию, лишенную условий для производства пищи, меридиональной речной инфраструктуры, на маргинальное положение в системе Западноазиатской / Евразийской металлургической провинции [Черных, 2013, с. 248]. Между тем археологические феномены региона свидетельствуют о сложении здесь уникальной модели формирования металлургических очагов, которые оказали существенное влияние на металлопроизводство бронзового века.

В дописьменной истории Урала бронзовый век является скоротечной эпохой, охватывающей ограниченный интервал в диапазоне от рубежа III–II тыс. до н. э. до начала I тыс. до н. э. Переход к новому образу жизни, который археологически обозначен феноменами бронзового века, происходил в экстремальных природных условиях суббореала на фоне критического сокращения промысловых угодий в горно-лесной части в связи с заторфовыванием местных озер, вместе с тем регион находился в непосредственной близости от Волго-Уральского очага культурогенеза [Бочкарев, 1991] и был вовлечен в магистральный коридор сейминско-турбинских миграций [Черных, Кузьминых, 1989, с. 31–32]. Эти обстоятельства оказали первостепенное воздействие на процессы внедрения и укоренения в регионе авангардных технологий металлопроизводства.

Первые спорадические появления металлических орудий относятся к III тыс. до н. э. и адресуют к металлопроизводству ямной культурно-исторической общности. Следующий трансфер металлических предметов, а также технологий, обозначен экспедиционными проникновениями носителей абашевской культуры. Об этом прямо свидетельствуют отдельные типичные предметы и металлургический комплекс памятника Серный Ключ – самого северного пункта на карте памятников

© Корочкова О. Н., 2025

абашевской культуры [Серный Ключ.., 2020].

В начале II тыс. до н. э. под влиянием двух магистральных импульсов – сейминско-турбинского и степного в Среднем Зауралье – формируется коптяковско-сейминский металлургический очаг. Его специфику составляет гармоничное слияние двух разных традиций. Металлургический цикл и горное дело были восприняты от скотоводов лесостепного Зауралья, практиковавших пастушескую модель металлопроизводства [Богданов, 2020; Ткачев, 2019], основанную на сезонных разработках отдаленных месторождений, в непосредственной близости от которых располагались специальные площадки для предварительной подготовки сырья. Литейные традиции, основанные на использовании оловянных сплавов на основе тонкостенного втульчатого литья, были усвоены от металлургов сейминско-турбинского круга. В среде местных металлургов они были переработаны, отражением чего являются предметы т. н. кижировского облика, происхождение которых стоит связывать именно с коптяковско-сейминским центром. Есть основания полагать, что в разработку местных месторождений и сферу потребления готовых изделий были вовлечены группы скотоводов лесостепного Зауралья, Притоболья и, возможно, населения Приуралья и Западной Сибири. В настоящее время эта версия проверяется в рамках применения изотопного метода. Использование в качестве исходного сырья минеральных смесей вторичных сульфидов указывает на высокий уровень знаний в области горного дела, металлургии, разработанные способы передачи информации в профессиональных кланах, а применение легирующих добавок сообщает о протяженных каналах поставок олова на Урал из потенциальных районов его добычи: Алтая, Северного и Центрального Казахстана, Средней Азии.

Высокая степень интегрированности региона в систему связей с культурами лесостепного и степного Зауралья, археологически представленных памятниками петровской, алакульской и федоровской культур, обусловили сохранение и дальнейшее развитие традиций копятяковско-сейминского металлургического очага на стадии формирования черкаскульской культуры. В это время, судя по локализации памятников, разрабатываются те же скарновые месторождения преимущественно Тагильской, Калатинской и Гумешевской групп месторождений. В артефактном собрании заметно явное преобладание тальковых литейных форм над металлическими предметами. В литейном деле теперь, наряду с сохранением прежних традиций, начинают превалировать приемы литья и типы орудий, характерные для степных производящих центров. Накопленные к настоящему времени материалы подтверждают гипотезу о существенном вкладе черкаскульской культуры в формирование металлокомплекса дербеденовской группы.

Смена технологических приоритетов сопровождалась переменами в символической деятельности. Ранние опыты внедрения и укоренения металлопроизводства бронзы передает святилище Шайтанское Озеро II [Корочкова, Стефанов, Спиридонов, 2020], для которого характерны ярко выраженные знаки взаимодействия различных культурных и технологических традиций. На этапе формирования черкаскульской культуры регистрируются разнообразные погребальные ритуалы (каменные ограды, «траншейные» погребения, погребение с дромосом и др.), новые культовые практики (святилище на VI Разрезе Горбуновского торфяника), которые также отражают интенсивные процессы взаимодействия различных групп населения, вовлеченных в сферы обмена продукции черкаскульского очага.

В дальнейшем традиции металлопроизводства эпохи бронзы стали основой для формирования иткульского горно-металлургического очага I тыс. до н. э., функционирование которого также опиралось на глубокую интегрированность в систему связей с населением степного и таежного Зауралья. Основу металлопроизводства составляло производство меди и изготовление орудий по стандартам, выработанным ранее в рамках коптяков-

ско-сейминского очага. Впоследствии, с повсеместным внедрением металлургии железа, сырьевые преимущества региона, определявшиеся наличием богатых меднорудных проявлений, утратили свое значение, и Среднее Зауралье, в силу ограниченности пищевых ресурсов, переживает периоды стагнации и упадка. На это прямо указывает резкое сокращение археологических памятников I тыс. н. э.

Феномены бронзового века горно-лесного Зауралья имеют ключевое значение для понимания разнообразия альтернативных моделей развития инновационных технологий в регионах, обладавших различными сырьевыми и пищевыми ресурсами.

Список источников

Богданов С. В. Технологические алгоритмы пастушеской модели металлопроизводства бронзового века степных регионов Северной Евразии // Уральский исторический вестник. 2020. № 4 (69). С. 6–14.

Серный Ключ – памятник абашевской экспедиции в горно-лесную зону Среднего Урала / В. А. Борзунов, В. И. Стефанов, Г. В. Бельтикова, С. В. Кузьминых // РА. 2020. № 1. С. 117–131.

Бочкарев В. С. Волго-уральский очаг культурогенеза эпохи поздней бронзы // Социогенез и культурогенез в историческом аспекте. Материалы методологического семинара. СПб.: ИИМК РАН СССР, 1991. С. 24–27.

Корочкова О. Н., Стефанов В. И., Спиридонов И. А. Святилище первых металлургов Среднего Урала. Екатеринбург: УрФУ, 2020. 214 с.

Ткачев В. В. Горно-металлургическое производство в структуре хозяйственно-культурных моделей западной периферии алакульской культуры // Уральский исторический вестник. 2019. № 1 (62). С. 38-47.

Черных Е. Н. Культуры номадов в мегаструктуре Евразийского мира. Том 1. М.: Языки славянской культуры, 2013. 368 с.

Черных Е. Н., Кузьминых С. В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М.: Наука, 1989. 320 с.

П. Ф. Кузнецов
Самарский государственный социально-педагогический университет,
Самара, Россия

ДОМЕСТИКАЦИЯ ЛОШАДИ В БРОНЗОВОМ ВЕКЕ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Аннотация. Доместикация отличается от приручения. Лошади бронзового века изолированы от диких форм. Кластер лошадей DOM-2 имеет омоложение репродуктивной активности и близкородственное смешение. Ареал первых домашних лошадей – лесостепная зона к западу от Урала. В предшествующие эпохи приручались отдельные особи в связи с отсутствием генетической предрасположенности. Все современные породы имеют кластер DOM-2.

Ключевые слова: поздний бронзовый век, доместикация, генетический профиль (кластер), антропогенная среда

Одомашнивание животных в древности было важнейшим шагом в истории человечества по созданию комфортной антропогенной среды. Необходимо отметить, что одомашнивание кардинальным образом отличается от приручения. Для одомашненных животных искусственная, созданная человеком среда обитания становится естественной. Высшая форма одомашнивания – полная изоляция от своей дикой формы. Особенно важно, что для вероятности одомашнивания необходима генетическая предрасположенность вида к адаптации в антропогенной среде. Такая способность в живой природе является, скорее, исключением, чем правилом. Известно порядка 4 500 теплокровных млекопитающих видов животных. Из них одомашнены или частично одомашнены всего 16 видов, что составляет исчезающе малые 0,36 %. Лошадь на сегодняшний день

© Кузнецов П. Ф., 2025

остается последним из доместицированных видов.

Палеогенетические исследования костных остатков лошадей уверенно показали одомашнивание в конце III тыс. до н. э. единственного генетического профиля (кластера), именуемого DOM-2. Ареал обитания диких лошадей, прямых предшественников домашних, располагался к северу от гор Кавказа и к западу от Уральских гор [The origins..., 2021, fig. 1]. В период VI – нач. III тыс. до н. э. был период сокращения популяций лошадей (эффект «бутылочного горлышка»), который прекратился после XXVII в. до н. э. [Widespread..., 2024, p. 819]. Вероятно, в это время на территории Восточноевропейской равнины и появилась популяция лошадей, генетически склонная к приручению. Отличие нового, уже домашнего генетического кластера DOM-2 от всех предшествующих популяций лошадей связано с появлением у них двух генетических мутаций: 1) изменение гена, кодирующего белок-протеин Gasdermin C; 2) мутация, затрагивающая один из генов «цинковых пальцев» – ZFPM1 [The origins..., 2021, p. 637, 638]. Первая мутация сделала для лошади естественным перемещение в галопирующем аллюре, а вторая способствует узнаванию и запоминанию [Кузнецов, Фоменко, 2022, с. 196–198]. Две мутации расширили возможность для доместикации и последующей селекции.

По палеогенетическим данным, после XXIII/XXII веков до н. э. фиксируется близкородственное смешение и стимулирование акселерации молодых особей [Widespread..., 2024, p. 823]. Это есть прямое свидетельство селективного отбора человека и изоляция домашних лошадей от диких подвидов. Каким образом была возможна такая изоляция? Дикие лошади – тарпаны – обитали в степной зоне Восточной Европы вплоть до XIX в. [Паллас, 1773, с. 316–318; Кёппен, 1895, с.170, 171; Эверсман, 1850, с. 215–220]. Ареалом их обитания вплоть до Нового времени оставалась степная и полупустынная зоны Восточной Европы и Западной Азии. В открытой степи реальной угрозой существования их поголовья был только человек. Напротив, в лесостепной зоне исторические свидетельства существования тарпана отсутствуют. Более того, на однослойном памятнике Лебяжинка III лесостепного Поволжья, датированном по углю 5 660 – 5 480 Cal. BC (95,4 %) в остеологическом определении 168 образцов костей, лошади отсутствуют [Овчинникова, 1995, с. 188, 189]. В 220 км к ЮВ от поселения Лебяжинка III находится Турганикское поселение, где в слое раннего бронзового века есть кости лошади кластера Turg, который наиболее близок кластеру DOM-2 [The origins..., 2021]. Установлено, что уже в начале голоценовой эпохи ареал дикой лошади был фрагментированным, а в ряде регионов она полностью вымерла [Голоценовое..., 2020, с. 557, 558]. Таким образом, очень высока вероятность, что именно лесостепная зона Восточноевропейской равнины имела мозаичные ареалы обитания диких лошадей. Мозаичность обитания и стала естественным изолятом для первых популяций собственно домашних лошадей. Ни о каком пастушеском коневодстве нет прямых свидетельств, а также доказательств. Да и конституция первых домашних лошадей не способствовала развитию верховой езды. Более того, установлено, что анатомические особенности всадников появляются в Восточной Европе не ранее финального этапа позднего бронзового века [Бужилова, 2010, с. 124][23].

Об основном ареале приручения лошади косвенно свидетельствуют и находки наиболее древних псалиев именно в лесостепном Доно-Волго-Уральском регионе [Bochkarev, Kuznetsov, 2023, fig. 3].

Были ли возможности для одомашнивания лошади в более раннюю эпоху энеолита, в VI–V тыс. до н. э., как это предполагалось исследователями в 70-е – 80-е гг. XX в.? Попытки приручения лошадей были всегда, что обусловлено

[23] Bukalov A. On the problems of very early horse riding. URL: https://www.academia.edu/s/ccf25a1cf9 (дата обращения 25.12.2025).

естественным стремлением человека, как носителя творческого начала, к комфортному изменению окружающей среды. В особенности это относится к людям ботайской культуры, чья экономика базировалась на эксплуатации ресурса ареалов обитания лошади. Но эта реализация была возможна только на уровне приручения отдельных особей, так как генетической предрасположенности к одомашниванию у ботайских лошадей не было. Об этом свидетельствует отсутствие близкородственного спаривания [Widespread..., 2024, p. 822]. Но высокая репродуктивная активность ботайских лошадей в молодом возрасте может косвенно свидетельствовать о попытке контроля над стадами и об избирательной охоте. Впрочем, повышенная репродуктивная активность молодых особей могла быть и остаточным эффектом «популяционной волны», которая усиливается вследствие благоприятной климатической обстановки [Четвериков, 1980, с. 80–83]. Об этом же свидетельствует локальность генетических кластеров лошадей ботайской культуры по отдельным памятникам: Ботай, Новоильинка, Красный Яр, Терсек [Widespread..., 2024, Supplem. Tables]. Эти кластеры заменили предполагаемый единый ботайский профиль лошадей DOM-1 (первое одомашнивание), который в новых генетических определениях не используется.

Список источников

Бужилова А. П. К вопросу о традициях верховой езды (анализ антропологических источников) // Кони, колесницы и колесничие степей Евразии. Екатеринбург, Самара, Донецк: Изд-во ООО «ЦИКР «Рифей», 2010. С. 127–132.

Кёппен Ф. П. К истории тарпана в России // Журнал министерства народного просвещения. Седьмое десятилетие. СПб.: Типография В.С. Балашева и К°. 1895. Часть CCCIII. 79 с.

Кузнецов П. Ф. Фоменко С. В. Генетические маркеры доместикации (особенности интерпретации лабораторных данных палеогенетических исследований) // Самарский научный вестник. 2022. Т. 11. № 1. С. 195–200.

Овчинникова Н. В. Лебяжинка III – поселение эпохи энеолита в лесостепном Заволжье // Древние культуры лесостепного Поволжья (К проблеме взаимодействия индоевропейских и финно-угорских культур). Самара: Изд-во СамГПУ, 1995. С. 164–190.

Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российской Империи. Часть первая. СПб.: Императорская Академия Наук, 1773. 717 с.

Четвериков С. С. Проблемы общей генетики и биологии. Новосибирск: Изд-во ИЦиГ СО РАН, 1983. 273 с.

Эверсман Э. Естественная история Оренбургского края. Млекопитающие. Казань: Казанский императорский ун-т, 1850. Ч. II. 296 с.

Bochkarev V. S., Kuznetsov P. F. Early Cheekpieces in Eurasia // Chariots in Antiquity. Essays in Honour of Joost Crouwel // BAR International Series, Oxford: BAR Publishing, 2023. № 3159. pp. 151–178.

The origins and spread of domestic horses from the Western Eurasian steppes / P. Librado, L. Orlando, P. A. Kosintsev, P. F. Kuznetsov, D. Anthony et al. // Nature. 2021. Vol. 598. pp. 634–640.

Widespread horse-based mobility arose around 2200 bce in Eurasia / P. Librado, L. Orlando, P. A. Kosintsev, P. F. Kuznetsov, D. Anthony et al. // Nature. 2024. Vol. 631. pp. 819–847.

И. П. Лазаретов
Институт истории материальной культуры РАН,
Санкт-Петербург, Россия

СТРАТИФИКАЦИЯ ОКУНЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ: ЭТАПЫ ИЛИ ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ ГОРИЗОНТЫ?

Аннотация. Существующая периодизация окуневской культуры с разделением на три этапа является ошибочной. Развитие культуры шло поступательно, без каких-либо неожиданных кратковременных изменений. На право именоваться этапом могут претендовать только памятники разливского типа – наиболее позднего и малочисленного варианта погребений культуры.

Ключевые слова: Южная Сибирь, эпоха ранней бронзы, окуневская культура

В качестве самостоятельного исторического явления окуневская культура выделена сравнительно поздно, только в 60-х гг. XX в., тогда как прочие археологические культуры Южной Сибири были выявлены и охарактеризованы еще 40 годами ранее [Теплоухов, 1927, 1929; Максименков, 1964, 1965]. Место окуневского феномена на относительной археологической шкале изначально не вызывало особых сомнений. Ее, тогда еще единичные комплексы, с самого начала изучения помещали на стыке афанасьевской и андроновской культур, в качестве финального этапа первой, либо начального этапа второй [Комарова, 1947; Липский, 1952, 1961; Кызласов, 1962]. Внутренняя же стратификация окуневской культуры неоднократно становилась предметом острейших дискуссий. Первые, не слишком убедительные попытки, были предприняты ещё в 70–80-е гг. XX в. [Хлобыстина, 1973; Комарова, 1981; Вадецкая, 1986, с. 36]. Ситуация изменилась после раскопок в долине реки Уйбат, где оказались исследованы совершенно разные по своей конструкции и содержанию окуневские курганы, получены первые достоверные стратиграфические наблюдения. Культуру удалось разделить на два последовательных этапа, уйбатский и черновский [Лазаретов, 1994, 1997]. В дальнейшем к ним добавился финальный этап – разливский [Савинов, 2005]. Трехчастная схема стратификации окуневской культуры признана и активно используется абсолютным большинством исследователей. Хронологические рамки существования этапов и самой культуры надежно подтверждены массивом радиоуглеродных дат [Поляков, 2022, с. 185–190, рис. 95].

Парадокс заключается в том, что сам принцип деления окуневской культуры на этапы уже сейчас становится тормозом для ее дальнейшего изучения в силу исходной методической и терминологической ошибки, заложенной при создании данной хронологической системы. Само разделение культуры на этапы предполагает некие качественные изменения, произошедшие в относительно короткие сроки и послужившие основой для следующего витка ее развития. Катализатором подобных трансформаций могли служить внешние воздействия, социальные и природные катаклизмы, религиозные реформы. Так, при стратификации памятников периода поздней бронзы Хакасско-Минусинских котловин они были разделены на четыре этапа [Лазаретов, Поляков, 2008]. Формирование каждого из них имело в своей основе внешний импульс – сложение культуры на основе миграции карасукского населения, приход носителей атипичной (валиковой) керамики, лугавского субстрата, баиновской традиции. Каждое такое событие сопровождалось притоком нового населения и коренной перестройкой исходной культуры, происходившей в кратчайшие сроки. Возникали ранее неизвестные конструкции, трансформировался погребальный обряд, появлялись принципиально новые категории и типы инвентаря. Затем следовали длительные периоды их последовательного, поступательного развития. Внутри этапов,

© Лазаретов И. П., 2025

благодаря постепенному накоплению частных изменений в различных сферах, удается выделить несколько хронологических горизонтов из относительно ранних и поздних групп памятников. Границы между ними всегда несколько размыты и достаточно условны. Каждому периоду соответствуют эталонные памятники, максимально концентрировано отражающие суть произошедших изменений.

В начальный период изучения окуневской культуры стояла задача максимально убедительно и наглядно провести стратификацию ее памятников. Цель достигалась за счет противопоставления наиболее ярких черт, присущих ранней группе уйбатских памятников, с одной стороны, и классических комплексов типа Черновая VIII, с другой. Качественные отличия тогда были выявлены практически во всех сферах, что позволило наметить и охарактеризовать этапы существования культуры. Границы между ними просматривались довольно отчетливо. В роли единственного на тот момент комплекса переходного облика выступал разрушенный могильник Лебяжье [Лазаретов, 1997, с. 36–37]. Сейчас, благодаря новым масштабным раскопкам, эта лакуна постепенно заполняется. Выявлен целый пласт самостоятельных комплексов (Итколь II к. 26, Красный Камень к. 1, 2, Лебяжье к. 1-4, Усть-Камышта к. 32) и отдельных захоронений переходного облика в составе других могильников. И вот тут мы сталкиваемся с очевидным «казусом» последующей интерпретации и демонстрации нового материала. Он начисто выпадает из «прокрустова ложа» существующей трехэтапной схемы стратификации культуры. Именно по этой причине в фундаментальной, прекрасно иллюстрированной работе по хронологии и культурогенезу памятников эпохи бронзы Минусинских котловин артефактам из переходных комплексов просто не нашлось места [Поляков, 2022]. А ведь речь идет о десятках погребений, большой серии сосудов, бытовых предметов и уникальных, высокохудожественных изделий. Самым простым решением было бы выделение ещё одного этапа культуры. Однако в нем не просматривается каких-либо особых признаков, характеризующих только эту группу памятников. Все её особенности, в той или иной степени уже известны нам по ранним либо поздним комплексам. Мы наблюдаем совершенно закономерный процесс последовательного перехода от первоначальных могильных конструкций к характерным для позднего периода стандартным каменным ящикам. Изменения в погребальном обряде, керамике и вещевом материале накапливаются постепенно и не демонстрируют нам никаких принципиально новых, неожиданных элементов. Где же здесь этапность? Гораздо логичней объединить данные памятники в рамках отдельного хронологического горизонта культуры, занимающего промежуточное положение между ранними и поздними комплексами культуры. Но при этом возникают возражения иного порядка. При таком подходе нарушается вся система ранжирования таксономических категорий периодизации: культура – этап – хронологический горизонт. Выходом из сложившейся ситуации может стать отказ от поэтапной стратификации окуневской культуры и переход на двухуровневую систему её деления из нескольких последовательных хронологических горизонтов, минуя этапы [Лазаретов, 2019].

Как это не покажется странным, но единственной группой памятников, которая сегодня может реально претендовать на звание этапа, являются комплексы разливского типа, самый малочисленный и наиболее поздний пласт комплексов окуневской культуры. Конструкции разливских курганов и могил, их планиграфия ничем не отличаются от предшествующих черновских комплексов. Большое количество безынвентарных захоронений, практически полное отсутствие в могилах бытовых предметов и керамической посуды также являются закономерным развитием тенденций погребального обряда, наметившихся еще в черновский период. Да и само развитие художественного стиля четко продолжает логику изменений, прослеживаемую на протяжении всей культуры. Вот только плиты с изображе-

ниями встречаются далеко не в каждой могиле и даже кургане. И при этом есть единственный признак, позволяющий безошибочно определять принадлежность конкретных захоронений именно к разливской группе – повальная посмертная трепанация черепов. Она охватывает все категории погребенных, от младенцев до людей старческого возраста. При этом ни в предшествующих черновских комплексах, ни в культуре в целом нам неизвестно ни одного подобного проявления. Обычай трепанации возникает внезапно и сразу получает массовое распространение. Какое событие в духовно-религиозной сфере должно было произойти, чтобы стремительный переход к новому варианту погребальной практики стал повсеместным? Причем это явление затрагивает не только Южную Сибирь, где оно проявляется в концентрированном виде, а охватывает всю степную зону. Посмертная трепанация черепов получает распространение в памятниках позднекатакомбного времени. Это явление заслуживает особого внимания и углубленного изучения.

Список источников

Вадецкая Э. Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л.: Наука, 1986. 179 с.

Комарова М. Н. Погребения Окунева улуса // СА. 1947. № 9. С. 47–60.

Комарова М. Н. Своеобразная группа энеолитических памятников на Енисее // Проблемы Западносибирской археологии. Эпоха камня и бронзы. Новосибирск: Наука, 1981. С. 76–91.

Кызласов Л. Р. Афанасьевские курганы на реках Уйбат и Бюрь // СА. 1962. № 2. С. 112–123.

Лазаретов И. П. Окуневские могильники долины реки Уйбат (к вопросу о второй волне индоевропейцев в Южной Сибири) // Изучение древних культур и цивилизаций. СПб., 1994. С. 20–24.

Лазаретов И. П. Окуневские могильники в долине реки Уйбат // Окуневский сборник. СПб.: Изд-во «Петро-РИФ», 1997. С. 19–64.

Лазаретов И. П. Хронология и периодизация окуневской культуры: современное состояние и перспективы // Теория и практика археологических исследований. 2019. № 4 (28). С. 15–50.

Лазаретов И. П., Поляков А. В. Хронология и периодизация комплексов эпохи поздней бронзы Южной Сибири // Этнокультурные процессы в Верхнем Приобье и сопредельных регионах в конце эпохи бронзы. Барнаул: Концепт, 2008. С. 33–55.

Липский А. Н. Афанасьевские погребения в Хакасии // КСИИМК. 1952. Вып. 47. С. 67–77.

Липский А. Н. Новые данные по афанасьевской культуре // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука СО, 1961. С. 269–278.

Максименков Г. А. Окуневская культура // Материалы по древней истории Сибири (Древняя Сибирь. Макет 1-го тома «Истории Сибири»). Улан-Удэ: Изд-во АН СССР, 1964. С. 143–248.

Максименков Г. А. Окуневская культура в Южной Сибири // Материалы и исследования по археологии СССР. 1965. № 130. С. 168–174.

Поляков А. В. Хронология и культурогенез памятников эпохи палеометалла Минусинских котловин. СПб.: ИИМК РАН, 2022. 364 с.

Савинов Д. Г. К проблеме выделения позднего этапа окуневской культуры // Теория и практика археологических исследований. 2005. Вып. 1. С. 28–34.

Теплоухов С. А. Древние погребения в Минусинском крае // Материалы по этнографии. 1927. Т. III. Вып. 2. С. 57–112.

Теплоухов С. А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края // Материалы по этнографии. 1929. Т. IV. Вып. 2. С. 41–62.

Хлобыстина М. Д. Происхождение и развитие культуры ранней бронзы в Южной Сибири // СА. 1973. № 1. С. 24–39.

В. Ю. Луньков, Ю. В. Лунькова
Институт археологии РАН,
Москва, Россия

ПОГРЕБЕНИЯ С ДВУМЯ НОЖАМИ СРУБНОЙ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ОБЩНОСТИ: ХАРАКТЕРИСТИКА КОМПЛЕКСОВ

Аннотация. Рассматриваются основные характеристики погребального обряда, полученные при статистическом анализе погребений, в состав инвентаря которых входит набор из двух металлических ножей. Результаты исследования позволяют прийти к выводу, что данные комплексы обнаружили значительную устойчивость погребального обряда, выразительность вещевого комплекса и неординарность социального статуса погребенных.

Ключевые слова: срубная культура, набор металлических ножей, погребальный обряд

Исследование выполнено в рамках работы над темой НИОКТР № 122011200270-0.

В погребениях срубной культурно-исторической общности (КИО) присутствие металлических ножей, а тем более наборов, привлекает внимание как один из показателей их неординарности. По данным разных исследований, захоронения с ножами составляют менее 3 % от всего массива срубных памятников [Крамарев, 2015, с. 339; Лунькова, 2002, с. 183]. Встречаемость двух ножей в одном погребении еще более редкое явление. На данный момент в выборку включены 17 комплексов[24] с достаточным количеством данных для проведения анализа (рис. 1).

Географически погребения с двумя ножами тяготеют к бассейну р. Волги за редким исключением могильников Николаевка [Полидович, 1993, с. 50–54] и Красные Липки [Луньков, Лунькова, Демиденко, 2024, с. 125–126]. Достаточно компактное расположение большинства памятников вдоль русла реки позволяет рассматривать их в рамках единой группы.

В курганах эти комплексы, как правило, находились в его центральной части. В более чем половине случаев они единственные захоронения в кургане и практически всегда основные (более 80 %). Большинство погребений имело сложное устройство погребальной камеры, включающее деревянное перекрытие, а в ряде случаев – дополненное срубом (Николаевка к. 1, погр. 14 и Энгельс II (Покровск), ЮВ группа, к. 7, погр. 3) [Памятники срубной …, 1993, табл. 14]. Могильные ямы в подавляющем большинстве имели прямоугольную форму и по размерам превышали «стандартные». В них находились от одного до четырех, в одном случае – восемь сосудов, представленных основными формами. Зависимости в размещении сосудов, в том числе и по типологическому признаку, по отношению к погребенному не отмечено. Керамика отсутствовала в трех захоронениях.

Довольно отчетливо по составу некерамического инвентаря выделяются две группы погребений: только с набором ножей (семь случаев) и с набором ножей и другими предметами (десять случаев).

Некерамический инвентарь достаточно разнообразен и представлен такими категориями, как наконечник копья, шило, игла, металлическая обкладка деревянного сосуда, топор, каменная булава, бусы, псалий, костяные и кремневые наконечники стрел, костяное кольцо и др.

Преобладают погребения, совершенные по обряду ингумации, но присутствует и обряд кремации (Владимировка 1, к. 1, погр.1) [Кузьмина, Михайлова, Субботин, 2003, с. 264], а также кенотаф (Ново-Яблоновка к. 1, погр. 1) [Африканов,

© Луньков В. Ю., Лунькова Ю. В., 2025

[24] В том числе привлечены памятники, относящиеся и к покровскому горизонту. При всей неоднозначности интерпретации в современной литературе, несомненно их активное участие в сложении срубной КИО.

2007, с. 44–45]. Там, где есть антропологические определения, в большинстве случаев погребены взрослые мужчины 25–55 лет. Положение костяка стандартное – скорчено на левом боку.

Кости животных встречены как в самом погребении, так и в качестве жертвенника около могильной ямы. В ряде захоронений ножи и ребра животных располагались вместе, составляя, скорее всего, единый комплекс. Часто фиксируются органические подстилки и минеральные остатки (охра, мел).

Среди общего массива комплексов с двумя ножами выделяется погр. 14 из к. 1 могильника Николаевка по следующим показателям: удаленность от основной территории, впускное, более позднее относительно остальных.

В наборах из двулезвийных ножей один из них более крупный с листовидным или подтреугольным лезвием, выраженными перехватом и перекрестьем, округлым, прямым или подромбическим окончанием черенка (общая длина – 15–21 см, ширина лезвия – 3–4 см). В большинстве случаев обнаруженные вместе с ними орудия – меньшего размера с широким лезвием с округлым окончанием, выделенными плечиками и/или плавно сужающимся черенком (общая длина – 8–11 см, ширина лезвия – 2–3 см). Ножи первой группы широко распространены в памятниках срубной культуры, второй –

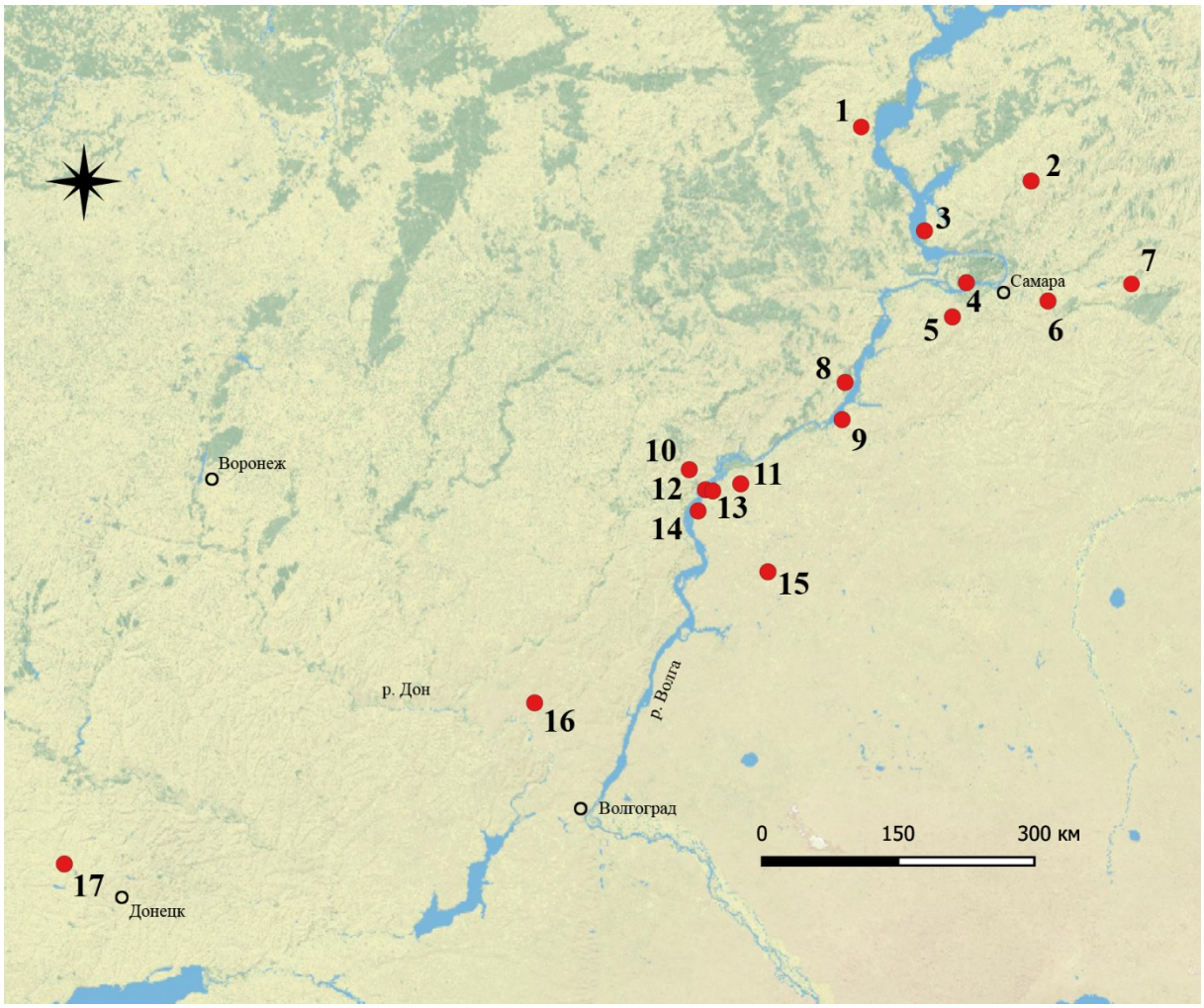

Рис. 1. Погребения с двумя ножами: *1* – Ишеевка, к. 1, п. 2; *2* – Владимировка 1, к. 1, п. 1; *3* – Ягодное, к. 5, п. 8; *4* – Осиновский II, к. 18, п. 1; *5* – Песочное, к. 1, п. 1; *6* – Утевка III, к. 3, п. 6; *7* – Неприк, к. 3, п. 1; *8* – Ново-Яблоновка, к. 1, п. 1; *9* – Натальино II, к. 10, п. 1; *10* – Сторожевка, к. 43, п. 1; *11* – Усатов (Экхейм), к. G5, п. 8; *12* – Осиновка, к. 6, п. 1; *13* – Покровск II, юв группа, к. 7, п. 3; *14* – Покровск III, общественный выгон, к. 9, п. 1; *15* – Терновка, к. 4, п. 17; *16* – Красные Липки, к. 3, п. 1; *17* – Николаевка, к. 1, п. 14

встречаются преимущественно в покровских-раннесрубных погребениях и, предположительно, являются «специализированными» орудиями. Большинство ножей залегало на дне в разных частях могилы. В трех комплексах (Ново-Яблоновка, к. 1, п. 1, Осиновский II, к. 18, п. 1, Сторожевка, к, 43, п. 1) [Колев, Мышкин, 1993, с. 144; Тихонов, 2013, с. 29–30] один из ножей зафиксирован в заполнении могильной ямы, вместе с остатками дерева, фрагментами керамики и, вероятно, изначально помещался на перекрытии.

Состав металла определен для 13 ножей из 8 погребений (в могильниках Красные Липки, Утевка III и Покровск II ЮВ группа проанализировано только по одному экземпляру). Пять предметов изготовлены из «чистой» меди (Cu*), по три из сплавов Cu+Sn и Cu+As, ещё два из тройного сплава Cu+Sn+As. Одинаковый состав металла обоих ножей в одном погребении определен в комплексах Неприк, к. 3, п. 1 (Cu*), Покровск III, общественный выгон, к. 9, п. 1 (Cu*) и Песочное, к. 1, п. 1 (Cu+Sn).

Ножи, представленные в данной выборке, имеют различные морфологические характеристики – от массивных (ножей-кинжалов) до небольших по размеру «специализированных», а их совместное нахождение возможно рассматривать в качестве особого показателя престижной группы погребений срубной культуры наряду с выделяемыми исследователями неординарными элементами погребального обряда и специфическим набором сопровождающего инвентаря. Эти выводы важны, в том числе и для интерпретации частично разрушенных погребений.

Таким образом, рассмотренные погребальные комплексы, содержащие набор из двух металлических ножей, обнаружили значительную устойчивость погребального обряда, выразительность вещевого комплекса и неординарность социального статуса погребенных. Это позволяет рассматривать привлеченные памятники в качестве важного источника информации не только для характеристики конкретного хронологического периода – покровского-раннесрубного этапа и, вероятно, начала развитого – срубной КИО, но и определенной социальной прослойки срубного населения.

Список источников

Африканов Ю. А. Раннесрубный кенотаф на р. Терешка // Проблемы археологии Нижнего Поволжья: II Международная Нижневолжская археол. конференция. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2007. С. 44– 46.

Колев Ю. И., Мышкин В. Н. Курган эпохи бронзы у с. Осиновка // Охрана и изучение памятников истории и культуры в Самарской области. Самара: [б.и.], 1999. Вып. 1. С. 142–152.

Крамарев А. И. Некерамический инвентарь в погребальных памятниках срубной культуры Южного Средневолжья // Вопросы археологии Поволжья. Самара: СамНЦ РАН, 2015. Вып. 5. С. 336–397.

Кузьмина О. В., Михайлова О. В., Субботин И. П. Раскопки Владимировского курганного могильника эпохи бронзы // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. Чебоксары: Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук, 2023. С. 259–270.

Лунькова Ю. В. Погребения с ножами срубной культуры лесостепной зоны Волго-Донского междуречья // Проблемы Археологии Евразии: к 80-летию Н. Я. Мерперта. М.: ИА РАН, 2002. С. 181–188.

Луньков В. Ю., Лунькова Ю. В., Демиденко С. В. Комплексы эпохи поздней бронзы могильника Красные Липки (левый берег р. Дон, Волгоградская область) // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов: [б.и.], 2024. Вып. 20. С. 125–197.

Памятники срубной культуры Волго-Уральское междуречье // Свод археологических источников. В 1–10. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1993. Т. 1. 200 с.

Полидович Ю. Б. Новые погребальные памятники эпохи бронзы с территории Донецкой области // Археологический альманах. Донецк: Лебедь, 1993. Вып. 2. С. 35–98.

Тихонов В. В. Курганный могильник Сторожёвка (исследования 2011 года) // Археологическое наследие Саратовского края. Саратов: Изд-во «Научная книга», 2013. Вып. 11. С. 24–83.

В. М. Лурье, А. В. Фрибус, И. П. Лазаретов, А. В. Поляков
Институт истории материальной культуры РАН,
Санкт-Петербург, Россия

РИТУАЛЬНОЕ (?) СООРУЖЕНИЕ АФАНАСЬЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА МОГИЛЬНИКЕ УСТЬ-КАМЫШТА-1

Аннотация. В работе рассматривается первое из исследованных на территории Хакасии ритуальное сооружение афанасьевской культуры. Аналогичные объекты до этого были известны только на Алтае. По конструктивным особенностям и характеру материала исследованный объект находит много общего с уникальным ритуальным сооружением могильника Кара-Коба, ограда 5.

Ключевые слова: эпоха палеометалла, Минусинские котловины, ритуальное сооружение

Исследование проведено в рамках выполнения программы ФНИ ГАН «Особенности смены археологических культур у скотоводов Евразии и земледельцев Кавказа и Центральной Азии в неолите – раннем Средневековье» (FMZF-2025-0008).

В 2021–2022 гг. Саянская археологическая экспедиция ИИМК РАН проводила раскопки разновременного могильника Усть-Камышта-1 в Аскизском районе Республики Хакасия. При зачистке ограды кургана 5N, относящегося к эпохе поздней бронзы, с западной стороны были зафиксированы вертикально установленные и упавшие плиты, не связанные с его конструкцией. Судя по стратиграфической ситуации, ограда перекрывала более ранний объект. После полного исследования кургана 5N его западная стенка была разобрана, под ней выявлено сооружение не вполне ясной формы из вертикально установленных плит, заглубленное в материковый грунт. Внутреннее пространство ограды заполнено горизонтально расположенными плитами, упавшими и перемещенными крупными стелообразными камнями, колотыми плитками песчаника и сланца. В северо-восточной и центральной частях сооружения на крупных горизонтально лежащих плитах зафиксировано скопление костей МРС, в том числе в сочленении. Между плитами были найдены каменный пест и отдельные фрагменты стенок и венчика одного сосуда, орнаментированного арочным орнаментом оттисками шнура или гребенчатого штампа. Форму сосуда реконструировать не удается; подобный орнамент является достаточно редким, но встречается и на других афанасьевских памятниках [напр. Вадецкая, Поляков, Степанова, 2014, рис. 99. 4, 106. 5, 114. 14, 146. 1]

Скопления костей животных (в том числе фрагменты черепов, челюсти и длинные кости) и фрагментов керамики обнаружены на разных уровнях заполнения и концентрировались главным образом в центральной и северной частях сооружения.

Вдоль стенок котлована была установлена ограда подпрямоугольной в плане формы, с закругленными углами, размерами 3,7×3,2 м, ориентированная длинной осью по линии С – Ю. Глубина котлована от материка – 0,6 м. В центре сооружения с восточной и западной стороны перпендикулярно стенкам конструкции зафиксированы вертикально стоящие плиты, разделяющие его на две части, северная из которых была шире южной (ширина – 3,5 м). С внутренней стороны северной стенки ограды установлены не менее 5 крупных стелообразных плит, две из которых сохранились *in situ*, две упали на плиты ограды, а одна была перемещена за границы кромлеха.

В центре сооружения находился очаг округлой в плане формы, сооруженный из 8 плиток песчаника, вкопанных под углом в материковый песок. Диаметр очага – 0,7 м, глубина 0,25 м, заполнение однородное, золисто-черное, с включениями мелких фрагментов угля и жженых костей животных. Аналогичные по конструкции очаги зафиксированы на различных посе-

© Лурье В. М., Фрибус А. В., Лазаретов И. П., Поляков А. В., 2025

лениях афанасьевской культуры в Горном Алтае и на Среднем Енисее [Лурье, 2021].

Таким образом, сооружение представляло собой котлован, заглубленный в материк, стенки которого обкладывались плитами, возвышавшимися над древней дневной поверхностью. На уровне дна сооружались дополнительные перегородки из вертикально установленных плит, в центре находился очаг. У северной стенки устанавливались в ряд крупные стелообразные песчаниковые плиты. Плиты, располагавшиеся в центре конструкции, скорее всего, были частью перекрытия, но некоторые из них, возможно, являлись остатками упавших и перемещенных элементов ограды.

Можно предположить, что какое-то время использовалась нижняя часть сооружения вместе с очагом, после чего оно было перекрыто горизонтально уложенными плитами, на которые положены туши баранов, пест и сосуд (целый или заранее разбитый).

Важно отметить, что исследованная конструкция располагалась не только на месте более позднего могильника, но и рядом с курганами афанасьевской культуры. Всего на Усть-Камыште-1 исследовано 8 курганов этого времени, два из них располагались в 16 м на запад от сооружения. Интересно, что в ближайшем к рассматриваемому сооружению кургане 43N обнаружен сосуд с очень похожим орнаментом, что может быть подтверждением связи этих двух объектов.

По предварительным данным радиоуглеродного анализа (окончательные результаты ещё не получены) сооружение синхронно другим памятникам афанасьевской культуры Минусинских котловин.

Подобные сооружения ранее не были известны на памятниках этого времени на Среднем Енисее, однако значительная серия аналогичных объектов исследована на Алтае. Здесь их насчитывается не менее десяти: Кара-Коба-1, огр. 5; Первый Межелик-1, огр. 13, 14; Сальдяр-1, огр. 1, 12, 16; Урмулык, 5; Бойтыгем-2, огр. 17; Кор-Кобы-1, к. 7 [Вадецкая, Поляков, Степанова, 2014, с. 321]. Все они не содержали следов захоронений и могильных ям и поэтому интерпретировались как ритуальные сооружения, а не кенотафы [Владимиров, Цыб, 1982, с. 61]. По конструкции такие объекты различаются: имеются типичные кромлехи из вертикально установленных плит, сооружения из крупных валунов и пристройки к оградам с захоронениями. Из находок в таких объектах чаще всего присутствует лишь керамика.

Наиболее близкой аналогией объекту, исследованному на Усть-Камыште-1, является Кара-Коба-1, ограда 5, которая выделяется среди других известных ритуальных сооружений афанасьевской культуры на Алтае по целому ряду особенностей. Ограда располагалась среди скопления небольших погребальных конструкций и по внешнему виду до раскопок не отличалась от них. Авторам раскопок удалось проследить довольно сложную стратиграфию, что позволило реконструировать сам объект и основные этапы его строительства. Первоначально выкапывался круглый котлован (глубина 0,8–1,05 м), заглубленный в материк, покатые стенки его обкладывались плитами и окружены кромлехом (диаметр 3,54 м). В центре сооружался очаг, обложенный по верху мелкими плитками, а в восточной части – треугольная конструкция из вертикально установленных плит. В очаге, около него и в «треугольнике» устанавливались керамические сосуды. После засыпки сооружения оно было перекрыто в два слоя сланцевыми плитами. Находки в ограде представлены 9 фрагментированными сосудами, костями животных и рыбы, фрагментами костяного и бронзового изделия [Владимиров, Цыб, 1982, с. 57–60, рис. 1–4]. Керамика из ограды 5 обладает целым рядом особенностей, кроме того, здесь обнаружен сосуд, по орнаментации близкий керамике елунинского типа, что позволило высказать предположение о поздней дате этого сооружения и могильника в целом [Степанова, 2013].

Как видно из приведенного описания, многие детали сооружений, исследованных на Усть-Камыште и Кара-Кобе, чрезвычайно близки. Наши наблюдения позволяют заключить, что камыштинская

ограда использовалась не одноактно. Об этом свидетельствует то, что кости животных и угли располагались на разных уровнях, в том числе поверх горизонтально расположенных сланцевых плит «перекрытия». Не оспаривая реконструкцию, предложенную авторами раскопок Кара-Кобы, хотелось бы высказать предположение, что массивные узкие и длинные (до 1,7 м) стелообразные плиты могли являться не элементами перекрытия, а, как и в нашем случае, были первоначально установлены внутри котлована с одной из сторон (на Кара-Кобе с юга, на Усть-Камыште – с севера).

На основании имеющихся данных судить о предназначении объекта сложно. Исходя из отсутствия погребения и выраженного поселенческого слоя (фрагменты только одного сосуда и кости не более трех особей), можно предположить, что оно имело какую-то ритуальную функцию, вероятно, связанную с расположенными неподалеку курганами.

Таким образом, можно признать, что традиция сооружения ритуальных объектов на могильниках характерна не только для алтайского варианта афанасьевской культуры, но и для минусинского. Возможно, подобные конструкции присутствовали на каждом могильнике этого времени, однако из-за невыраженности в рельефе и относительно большого расстояния от курганов они бывают обнаружены достаточно редко. Раскопки афанасьевских памятников широкими площадями, предпринятые в последнее время, позволяют предположить, что количество таких объектов будет увеличиваться.

Список источников

Вадецкая Э. Б., Поляков А. В., Степанова Н. Ф. Свод памятников афанасьевской культуры. Барнаул: АЗБУКА, 2014. 380 с.

Владимиров В. Н., Цыб С. В. Афанасьевское культовое место у с. Кара-Коба // Археология Северной Азии. Новосибирск: Наука, 1982. С. 55–62.

Лурье В. М. Очажные конструкции на поселениях афанасьевской культуры // Археологические памятники Южной Сибири и Центральной Азии: от появления первых скотоводов до эпохи сложения государственных образований. СПб.: ИИМК РАН, 2021. С. 44–47.

Степанова Н. Ф. Керамика из афанасьевского ритульного комплекса Кара-Коба-1, ограда 5 // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2013. С. 89–93.

Т. С. Малютина
Челябинский государственный университет,
Челябинск, Россия
Челябинский государственный историко-археологический музей-заповедник «Аркаим»,
Челябинск, Россия

К ВОПРОСУ О ПОГРЕБАЛЬНОЙ АРХИТЕКТУРЕ СИНТАШТИНСКОГО МОГИЛЬНИКА. ЮЖНЫЙ УРАЛ

Аннотация. Новые материалы исследований могильника Синташта на Южном Урале свидетельствуют о единых технологиях и традициях обустройства как взрослых, так и детских погребений, которые связаны с трехчастной организацией погребального пространства и обусловлены, по-видимому, устойчивой мифологемой синташтинского социума.

Ключевые слова: синташтинская культура, погребальный комплекс СинташтаVI, куполовидное сооружение

Археологический комплекс Синташта входит в систему памятников, характеризующих историко-культурное образование с эпонимным названием «синташтинская культура». Эта культура занимает пространство степной части Южного Зауралья в междуречье Урала и Тобола и относится к рубежу средней и поздней

© Малютина Т. С., 2025

бронзы (XXI–XVIII вв. до н. э). В целом комплекс развивался в течение длительного времени. В него входят материалы не только собственно синташтинской культуры, но и наиболее поздние срубно-андроновские древности эпохи бронзы.

Комплекс исследовался В. Ф. Генингом и Г. Б. Здановичем в 70–80 гг. прошлого столетия [Генинг, Зданович, Генинг, 1992]. В начале текущего столетия работы на памятнике были продолжены Г. Б. Здановичем и Т. С. Малютиной с участием Д. Г. Здановича. С начала 2020 г. к работам присоединились Ю. С. Макуров и А. О. Букачева. Исследования охватывали площадь Синташтинского могильника, включая Большой Синташтинский курган. На памятнике открыт целый ряд новых погребально-ритуальных площадок Синташта IV, Синташта V и Синташта VI. Произведены археологические и естественнонаучные работы на Большом Синташтинском кургане (далее – БСК). Новые материалы позволили уточнить особенности развития памятника в контексте с серией радиоуглеродных дат, а также дали возможность провести наблюдения относительно традиций погребальной архитектуры, которые развивались в процессе функционирования памятника [Зданович, Малютина, 2022].

Наиболее интересные материалы относительно погребальной архитектуры получены на площадке Синташта VI и БСК. На площадке Синташта VI (далее – CVI) исследовано 24 могильных ямы, ров и жертвенник. 23 могильные ямы содержали детские погребения и одна – взрослое женское захоронение. Среди погребального инвентаря были обнаружены керамические сосуды, бронзовые и пастовые украшения, скопления альчиков и костей МРС [Малютина, Букачева, Макуров, 2024]. Керамика погребений, демонстрировала ряд признаков времени полтавкинских и синташтинско-петровских древностей. Значительная часть сосудов соотносится с алакульско-срубными материалами.

Планиграфические, стратиграфические наблюдения, а также соотношение их с керамическими комплексами и деталями погребальной практики на памятнике позволяют говорить о трех последовательно сформировавшихся группах сооружений (I, II, III). Самая ранняя погребальная конструкция выделена в западной части раскопа, представлена надмогильным сооружением и погребальной камерой 19 с взрослым женским захоронением (I). Надмогильное сооружение погребальной камеры 19 с ЮВ стороны прорезается углублением могильной ямы 6. Яма 6, в свою очередь, с восточной и южной стороны прорезает искусственно созданную на тонком неравномерном слое погребенной почвы глиняную площадку диаметром около 7 м. Площадка содержала 9 могильных ям с детскими погребениями (II). За пределами глиняной площадки с запада, севера и юго-востока помещено еще несколько могильных ям с детскими погребениями (III).

Материальные основания для отнесения погребений 19 и 6 к самому раннему горизонту функционирования памятника следующие. Сопровождающие сосуды этих погребений известны в комплексах в сочетании с классическими синташтинкими сосудами. Они также не чужды формирующимся алакульско-срубным типам. Положение умершего(ей) на спине с разворотом на левый бок, рисунок расположения костей рук и ног в могильной яме 19 характерны, скорее, для эпохи средней бронзы, для памятников времени распада ямной общности. Даже в собственно синташтинских материалах подобные погребальные позы редки.

Погребальная площадка для детских захоронений, по-видимому, была оформлена чуть позже взрослого женского захоронения. Необходимость ее оформления была связана с нарушенным рельефом древней поверхности, в результате выборок древнего гумуса для формирования грунтового строительного материала для БСК. За пределами площадки погребенная почва отсутствовала полностью. Поверхностью для возведения погребальных конструкций являлся ожелезненный верхний слой материка. Площадка CVI расположена с северной стороны БСК, вдоль линии бровки второго рва [Генинг, Зданович, Генинг, 1992, с. 343, рис. 199].

Строительные работы на гигантском погребально-храмовом сооружении периодически возобновлялись и могли несколько предшествовать времени захоронений Синташта VI.

Погребальные конструкции комплекса CVI, сооруженные как для взрослого погребения, так и для детских захоронений, отличались устойчивой системой признаков. Наиболее яркое их проявление демонстрировала могильная яма 6 прямоугольной формы (1,0×0,85×0,75 м), ориентированная по линии С – Ю. Стены опускались в материковый грунт вертикально, сохранили на себе тонкую органическую прослойку и облицовку нижней части деревянными плахами в сочетании с уплотненной глинистой массой. На плахах и небольшом уступе восточной стены диагонально закреплено перекрытие 1 из небольших брусков дерева с глиняной обмазкой. Второе перекрытие из дерева и глиняных блоков устроено на уровне глиняной площадки и погребенной почвы на небольших ступенях. Контуры сооружения, по-прежнему, подчеркнуты органической прослойкой, которая выше перекрытия выделяла небольшое надмогильное сооружение, по-видимому, куполообразной формы диаметром 1,25 м и высотой не более 0,5 м, которое являлось третьей составляющей в конструкции погребального сооружения.

В яме 6 совершено детское погребение. Умерший располагался почти в центре погребальной камеры, на дне, на левом боку, скорчено, головой ориентирован на север. Перед ним с восточной стороны создана антропоморфная выкладка из альчиков овцы, соизмеримая с размерами погребенного ребенка. У восточной стенки, в районе ног поставлены два сосуда, за ними несколько костей МРС. Отмечено два скопления пастовых бус.

Остатки погребальных конструкций, аналогичных сооружению в могильной яме 6 площадки CVI, в различной степени сохранности обнаружены в 16 погребениях из 24. Для 10 погребений можно провести достаточно надежные реконструкции. Они системно свидетельствуют о том, что в основе обустройства погребального сооружения для каждого отдельного погребения лежит определенная последовательность действий, проявленная через устойчивые технологии и традиции, которые заключаются в следующем.

1. Выборка могильной ямы, выведение облицовки стен и перекрытия 1 из дерева и глины в нижней части ямы.

2. Создание перекрытия 2 из слоя дерева и глины на заплечиках на уровне древней поверхности.

3. Возведение над погребальной камерой куполовидного надмогильного сооружения.

Таким образом, погребальное сооружение конструктивно было определено вертикальными измерениями и представляло собой полую погребальную камеру, образованную за счет облицовки стен и создания перекрытий, образующих трехчастное пространство. При этом подземная нижняя часть камеры предназначалась для умершего и сопровождающего инвентаря, средняя часть, между перекрытиями 1 и 2, имела переходный характер и в детских погребениях артефактов не содержала. Верхняя куполовидная часть формировалась как наземная конструкция. Неизменное следование этой архитектурной модели погребального сооружения, по-видимому, было обусловлено некоей мифологемой синташтинского социума.

Наличие соответствующих традиций обустройства погребальных камер хорошо известны во всех исследованных ранее комплексах Синташтинского могильника, связанных именно с синташтинским временем и культурой. На Большом грунтовом могильнике (далее – СМ) они отличаются крупными размерами и монументальностью конструкций, включением обильных жертвоприношений, колесничного и металлургического комплексов находок. Купольные возвышения носят следы огненных ритуалов [Генинг, Зданович, Генинг, 1992, с. 111]. Своеобразные вариации подобных сооружений дают памятники Синташта I и Синташта II. Вокруг погребальных сооружений, с двумя перекрытиями, завершенных куполовидным образованием, мог подняться курган, окруженный стеной и рвом, как

это было на памятнике CI[25] [там же с. 275], или формировалась приподнятая площадка, как в случае с комплексом CII. На памятниках CI и CIII наблюдались усложненные варианты обустройства второго перекрытия, связанные с поднятием массивной платформы. Присутствуют парные погребальные камеры с общим надмогильным куполом.

В этом ключе можно рассматривать и толос БСК, который по своей архитектонике (глиняные стены, бревенчатый сруб и перекрытие у дна) сопоставим с крупными погребальными сооружениями СМ. Толос по каким-то причинам не опускался вглубь материка, а закреплялся специальной платформой и поднимался ввысь.

Комплекс CVI представляет собрание миниатюрных копий аналогичных крупным погребальным сооружениям Синташтинского могильника. Он сформировался на излете собственно синташтинской культуры и в постсинташтинское время, однако традиции синташтинской погребальной архитектуры продолжают устойчиво соблюдаться в процессе последующей смены культурных доминант.

Список источников

Генинг В. Ф., Зданович Г. Б., Генинг В. В. Синташта: археологические памятники арийских племён Урало-Казахстанских степей: в 2 ч. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1992. Ч. 1. 408 с.

Зданович Г. Б., Малютина Т. С. Материалы Большого Синташтинского кургана в свете исследований 2016–2020 гг. // XXII Уральское археологическое совещание. Курган: Изд-во Курган. гос. ун-та, 2022. С. 95–99.

Малютина Т. С., Букачева А. О., Макуров Ю. С. Погребальный комплекс Синташты VI. Исследования 2020–2023 гг. // VI Северный археологический конгресс. Сургут-Екатеринбург: ИИиА Уро РАН, 2024. С. 172–175.

Ж. В. Марченко[1], С. П. Грушин[2], А. Е. Гришин[3], Н. Д. Евменов[4], Д. А. Кулешов[5], И. А. Вальков[6]

[1,3] Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия

[2] Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

[4,5] Институт нефтегазовой геологии и геофизики СО РАН, Новосибирск, Россия

[6] ФИЦ угля и углехимии СО РАН, Кемерово, Россия

НОВЫЕ ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ БРОНЗЫ В ДОЛИНЕ АЛЕЯ: АРХЕОЛОГО-ГЕОФИЗИЧЕСКИЙ ПОИСК

Аннотация. В нижнем течении Алея (южная часть Приобского плато) впервые проведен комплексный археолого-геофизический поиск не выраженных в рельефе памятников эпохи бронзы. Выявлено три новых грунтовых могильника, связанных с андроновской культурой и периодом поздней бронзы. Методы геомагнитной разведки показали свою эффективность в данном регионе для поиска памятников без внешних признаков.

Ключевые слова: долина р. Алей, памятники без рельефных признаков, магнитометрия, древние скотоводы

Исследование выполнено при поддержке РНФ, 24-28-00745.

В эпоху бронзы Алтае-Саянская горная страна с прилегающими степными и лесостепными районами стала важнейшей областью культурогенеза в Северной и Цен-

© Марченко Ж. В., Грушин С. П., Гришин А. Е., Евменов Н. Д., Кулешов Д. А., Вальков И. А., 2025

[25] Сокращенные наименования приводятся согласно монографии [Генинг, Зданович, Генинг, 1992].

тральной Азии. Несмотря на ключевую роль ранних скотоводов-металлургов в истории формирования древних обществ того периода, во многом определивших последующий ход культурно-исторических процессов в Евразии, количество репрезентативных источников все еще невелико. Река Алей – крупный левый приток верховий Оби берет начало в отрогах Тигирецкого и Колыванского хребтов Алтая. Средняя и нижняя часть долины располагается на юге Приобского плато, в ложбине древнего стока. На этом участке долина широкая (4–5 км), русло сильно меандрирует. Пойма изобилует старицами и заболоченными понижениями, богата травяной растительностью. Эти особенности благоприятствуют ведению скотоводческого хозяйства. Характерными элементами рельефа долины являются останцы коренного берега (местное название – «елбан»). Примеров использования их для размещения некрополей бронзы и раннего железа в Верхнем Приобье достаточно много (Елбанка, Ближние Елбаны, Тузовские Бугры и др.). Алей соединяет Рудный Алтай и Верхнее Приобье, что делало долину удобным коридором для миграций и различных форм межкультурного взаимодействия. Археологические материалы показывают, что долина Алея была одним из наиболее интенсивно осваиваемых районов на протяжении от эпохи бронзы до Новейшего времени.

Археологические памятники эпохи бронзы на всем протяжении Алейской магистрали выявлены и изучены неравномерно. Наибольшая концентрация поселенческих и ритуальных объектов периодов средней и поздней бронзы выявлена в верхнем течении реки, поскольку этот район играл важную роль в жизнеобеспечении населения из-за близости к медно-рудным месторождениям (Советский Путь-1, Чекановский Лог-2, -3 и -10, Самарка, Сигнал-1 и др.) [Кунгурова, Ситников, 1999; Демин, Ситников, 2007, и др.]. В устье Алея выявлен комплекс могильников эпохи ранней бронзы (Староалейка-2, Усть-Алейка-Клуб, и др.) [Кирюшин, 1987; Тишкин, Кунгуров, Семибратов, 2005]. К району нижнего течения Алея относится поселение елунинской культуры эпохи ранней бронзы Берёзовая Лука – ключевое для реконструкции ранних этапов адаптации пришлого населения к условиям Алейской степи [Кирюшин, Грушин, Тишкин, 2011, и др.]. Однако объектов эпохи бронзы в среднем и нижнем течении Алея все еще выявлено и изучено недостаточно [Кирюшин, Тишкин, Позднякова, 2002] для реконструкции межкультурного взаимодействия, особенно в периоды ранней и поздней бронзы, что и определяет актуальность их поиска.

Для выявления объектов эпохи бронзы нами были выбраны перспективные участки береговых террас и елбанов без рельефных признаков археологических сооружений. В ходе работ 2023–2024 гг. были открыты новые памятники и начаты первые полевые комплексные археолого-геофизические исследования на трех могильниках эпохи средней и поздней бронзы. Ранее подобный подход успешно был использован для поиска культурного слоя и его границ на смежных территориях – на могильниках Верхнего Приобья и южной части Кулундинской степи [Елунинский археологический…, 2016; Комплексные археолого-геофизические…, 2007].

Грунтовый могильник Нечунаево-3 расположен в пойме, у левого берега Алея, на елбане в районе с. Нечунаево. Было проведено магнитометрическое исследование разных участков поверхности (3 600 кв. м) и выявлены аномалии, сопоставимые с археологическими объектами, но следы сильной распашки останца (борозды шириной 1,5 м и глубиной 0,2–0,3 м) негативно повлияли на информативность съемки в целом [Археолого-геофизические …, 2024]. В шурфе, заложенном над одной из магнитных аномалий, было изучено погребение андроновской культуры.

Грунтовый могильник Поперечная-1 расположен на краю коренной распахиваемой террасы правого берега Алея, в районе впадения р. Поперечная. Могильник проявился в виде разрушенного грунтовой дорогой погребения. Оно было совершено в неглубокой яме, не перерезающей мате-

рик. Нюансы погребальной практики (захороненный вытянут на левом боку), предметы (сосуд, бронзовый нож, части туши барана), а также радиоуглеродная дата достоверно указали на период поздней бронзы (15–13 вв. до н. э.). Захоронение уникально – черты погребальной практики и радиоуглеродная дата позволяет сопоставлять его с материалами раннего этапа карасукской культуры Минусинских котловин, а не с синхронными известными на Алее и в Верхнем Приобье позднебронзовыми памятниками (ирменской, корчажкинской и саргаринско-алексеевской культур, комплексами с валиковой керамикой). Дополнительные структуры, связанные с изученным погребением, а также продолжение могильника поздней бронзы пока не выявлены. Однако, если остальные захоронения на этом памятнике также не перерезают материк, то обнаружить их возможно только в ходе раскопок сплошной площадью.

На геомагнитной карте памятника (3 600 кв. м) зафиксированы аномалии, сопоставимые по форме и размерам с археологическими объектами. В результате шурфовки над двумя изолированными аномалиями в разных частях памятника было изучено два грунтовых сооружения: из них одно – округлая яма (1,7×1,1 м) – полностью, второе углубление (1,6×2 м) – частично. Судя по морфологии аномалии, размерам и глубине (0,75 м от поверхности) последнее сооружение может являться котлованом от жилой или бытовой постройки. Находка фрагмента керамики елунинской культуры в округлой яме может указывать на принадлежность части сооружений на памятнике ранним скотоводам.

Грунтовый могильник Хлопуново-4 распложен на возвышенном участке коренной левобережной террасы Алея, в районе с. Хлопуново. Терраса сильно разрушена современными оврагами и пашней. Объект выявлен по подъемному материалу, обнаруженному местными жителями (кости человека и керамический сосуд андроновского облика). Геомагнитная съемка, проведенная на трех участках, разделенных оврагами (3 820 кв. м), показала признаки насыщенного могильного поля (более 40 магнитных аномалий сопоставимых с археологическими объектами). В рамках разведочных мероприятий было изучено два захоронения андроновской культуры. Одно из них детское, разрушенное оврагом, было доисследовано. Второе погребение, содержащее два сосуда и кремированные останки, было изучено в ходе проверки геофизических данных.

Таким образом, начальный этап целенаправленного поиска археологических объектов, не выраженных в современном рельефе, в условиях Алейской степи с использованием магнитометрического метода выявил эффективность комплексного археолого-геофизического изучения. Такой подход позволяет не только оперативно выявлять и культурно идентифицировать отдельные археологические объекты, но и определять тактику закладки шурфов, оценивать протяженность и насыщенность культурного слоя и, таким образом, аргументировано определять предварительные границы новых памятников.

Список источников

Археолого-геофизические исследования на новом грунтовом могильнике Нечунаево-3 в Алейской степи / Ж. В. Марченко, С. П. Грушин, А. Е. Гришин, О. А. Позднякова, Н. Д. Евменов // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2024. Т. 30. С. 574–580.

Демин М. А., Ситников С. М. Материалы Гилёвской археологической экспедиции. Ч. 1. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. 274 с.

Елунинский археологический комплекс Телеутский Взвоз-I в Верхнем Приобье: опыт междисциплинарного изучения / С. П. Грушин, Ю. Ф. Кирюшин, А. А. Тишкин, В. В. Горбунов, А. А. Казаков, П. Г. Дядьков, О. А. Позднякова, К. Н. Солодовников, С. С. Тур, Т. М. Потемкина, А. В. Бондаренко, В. А. Борисов, П. А. Косинцев, Л. Л. Гайдученко, И. А. Вальков, Г. А. Миляев, Л. В. Сатаева, П. В. Волков, Е. А. Пономарева, К. И. Воронкин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2016. 270 с.

Кирюшин Ю. Ф. Новые могильники ранней бронзы на верхней Оби // Археологические исследования на Алтае. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1987. С. 100–125.

Кирюшин Ю. Ф., Грушин С. П., Тишкин А. А. Березовая Лука – поселение эпохи бронзы в Алейской степи. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2011. Т. 2. 171 с.

Кирюшин Ю. Ф., Тишкин А. А., Позднякова О. А. Малаховский грунтовый могильник эпохи бронзы в Алтайском крае // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2002. Т. 8. С. 342–344.

Комплексные археолого-геофизические исследования могильника Рублево VIII / Ю. Ф. Кирюшин, Д. В. Папин, А. С. Федорук, А. Б. Шамшин, П. Г. Дядьков, М. А. Чемякина, О. А. Позднякова // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2007. Т. 13. С. 268–272.

Кунгурова Н. Ю. Ситников С. М. Материальная культура древних жителей поселения Советский Путь-1 // Древности Алтая. Изв. лаб. археологии. Горно-Алтайск: Изд-во Горно-Алт. ун-та, 1999. Т. 4. С. 46–53.

Тишкин А. А., Кунгуров А. Л., Семибратов В. П. Аварийный памятник Усть-Алейка-Клуб в Калманском районе Алтайского края // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. 2005. Вып. XIV. С. 189–196.

В. И. Молодин[1], Л. Н. Мыльникова[2], М. С. Нестерова[3], Е. В. Пархомчук[4]
[1,2,3,4] Институт археологии и этнографии СО РАН,
Новосибирск, Россия
[4] Институт катализа имени Г. К. Борескова СО РАН,
Новосибирск, Россия

ПОСЕЛЕНИЕ КРОТОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ ВЕНГЕРОВО-2 (ЭПОХА БРОНЗЫ): РАДИОУГЛЕРОДНАЯ ХРОНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАБЛЮДЕНИЯ

Аннотация. Проблема определения длительности существования археологических памятников, в частности, поселений, является одной из сложнейших как в теоретическом, так и в практическом плане. Доклад будет посвящен проблеме соотнесения археологических наблюдений о сроках бытования поселка и радиоуглеродных данных на примере поселения кротовской культуры Венгерово-2.

Ключевые слова: поселение, эпоха бронзы, кротовская культура, радиоуглеродная хронология

Исследование выполнено по проекту НИР ИАЭТ СО РАН «Сибирь и сопредельные территории: изучение и реконструкции историко-культурного прошлого» (FWZG-2025-0001).

Памятник Венгерово-2, расположенный в Венгеровском районе Новосибирской области, на сегодняшний день является самым крупным исследованным поселением кротовской культуры. Здесь вскрыто более 2 000 кв. м площади, исследовано 10 жилищных комплексов и значительная часть межжилищного пространства [Молодин, Мыльникова, Нестерова, 2017].

Поселение состояло минимум из 17 построек. Конструкции трапециевидной в плане формы располагались двумя параллельными рядами, ориентированными по линии СЗ – ЮВ, вдоль края надпойменной террасы. С северо-западной стороны ряды замыкались самыми крупными котлованами, формируя вытянутую овальную структуру поселка. Сооружения площадью от 48 до 130 кв. м были ориентированы в зависимости от их расположения в этой структуре. Анализ планиграфии поселка свидетельствует о единовременном строительстве сооружений. Выходы из домов ориентированы внутрь поселка. За пределами котлованов построек, с внешней стороны, выявлен ряд столбовых ям на расстоянии от 2 до 4 м, интерпретированных авторами исследования как остатки забора, окружающего поселение [Особенности структуры..., 2016]. Учитывая полученные данные, предполагаемая площадь поселка составляет не менее 3 770 кв. м.

В археологической плоскости о сроке функционирования поселения могут говорить плотность залегания артефактов, следы перестроек, стратиграфические

© Молодин В. И., Мыльникова Л. Н., Нестерова М. С., Пархомчук Е. В., 2025

свидетельства оставления жилищ в виде стерильных линз. На поселении Венгерово-2 плотность залегания артефактов достаточно высока, особенно это касается фрагментов керамики. Также в некоторых случаях зафиксированы следы перенесения и реконструкции столбовых ям, как внутри жилища, так и в окружающем поселок заборе. Однако в стратиграфическом отношении следов периодического оставления жилища не наблюдается. Керамический комплекс поселения однороден как в технико-технологическом, так и в морфологическом и орнаментальном контекстах[26]. Все это позволяет гипотетически предполагать незначительный период существования поселения, но достаточный для накопления достаточно мощного культурного слоя и необходимости ремонта жилищ.

Для определения времени существования, внутренней хронологии и длительности обитания памятника Венгерово-2 была подготовлена серия образцов для радиоуглеродного датирования. Из 10 исследованных жилищ, при раскопках 7 из них были зафиксированы сгоревшие остатки конструкций в виде углистых линз и скоплений крупных угольков. В каждом котловане был отобран образец угля, стратиграфически и планиграфически надежно принадлежащий остаткам сгоревшей конструкции. Также были отобраны образцы костей животных из непотревоженных хозяйственных объектов в жилищах (производственные площадки, хозяйственные ямы).

Датирование проводилось на базе ЦКП «УМС НГУ-ННЦ» [14C GIRI Samples…, 2024]. К этим радиоуглеродным датам были добавлены полученные ранее бензольно-сцинтилляционным методом даты по углю и даты по костям животных, полученные в Центре Археометрии Гейдельбергского университета (Das Curt-Engelhorn-Zentrum Archäometrie in Mannheim). Калибровку радиоуглеродного возраста и моделирование хронологии производили с использованием пакета OxCal 4.4. [Bronk Ramsey, 2009, 2017]. На основании моделирования возможно предполагать использование территории Венгерово-2 для хозяйственной деятельности на протяжении периода 2300–1500 лет до н. э., происходившее неравномерно – с большей интенсивностью до транзитного периода 1800–1600 гг. до н. э. и с меньшей интенсивностью в конце существования поселения. Суммарная же радиоуглеродная хронология по полученным датам укладывается по второй сигме в промежуток около 2 000 – 1 800 cal BC, что больше соответствует археологическому контексту и однородности поселенческого комплекса. Смоделированный продолжительный хронологический диапазон требует дальнейшего анализа и увеличения выборки образцов.

Список источников

Особенности структуры поселения кротовской культуры Венгерово-2 (Барабинская лесостепь) / В. И. Молодин, Л. Н. Мыльникова, М. С. Нестерова, Н. С. Ефремова // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2016. Т. XXII. С. 339–342.

Молодин В. И., Мыльникова Л. Н., Нестерова М. С. Хозяйственно-производственные комплексы на поселениях кротовской культуры (Правобережное Прииртышье) // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле–Белокурихе: в 3 т. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2017. Т. I. С. 307–311.

Bronk Ramsey C. Bayesian Analysis of Radiocarbon Dates // Radiocarbon, 2009. Vol. 51(1). pp. 337–360.

Bronk Ramsey C. Methods for Summarizing Radiocarbon Datasets // Radiocarbon, 2017. Vol. 59(6). pp. 1 809 – 1 833.

14C GIRI Samples in AMS Golden Valley: Graphite Preparation Using AGE-3 and Absorption-Catalytic Setup / E. V. Parkhomchuk, A. V. Petrozhitskiy, M. M. Ignatov, D. V. Kuleshov, A. I. Lysikov, A. G. Okunev, K. A. Babina, V. V. Parkhomchuk // Radiocarbon, 2024. Vol. 66(5). pp. 1259–1269.

[26] Следует отметить лишь наличие в сооружении № 10 совместного залегания керамики кротовской и одиновской культур в одном комплексе.

В. И. Молодин, Ю. Н. Ненахова, Л. С. Кобелева
Институт археологии и этнографии СО РАН,
Новосибирск, Россия

МОБИЛЬНАЯ СКУЛЬПТУРА ОДИНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Аннотация. В III тыс. до н. э. носители традиций одиновской культуры занимали обширные пространства Западной Сибири, кроме Приомья и Прииртышья, включая Среднее Притоболье и Приишимье. На начальной стадии формирование субстрата происходило на местной основе, во взаимодействии с культурно-мировоззренческими категориями, несущими в себе неолитические традиции, на завершающей – с новыми общественными образованиями. Серия предметов из могильников одиновской культуры дополняет наше представление, прежде всего, о духовном мире ее носителей.

Ключевые слова: Западная Сибирь, Бараба, одиновская культура, III тыс. до н. э., скульптура

РНФ, № 23-18-00424 «Мультидисциплинарные исследования духовной культуры и первобытного искусства населения Западной Сибири и Центральной Азии в древности».

Барабинская лесостепь, богатая природными ресурсами в период ранней – развитой бронзы, стала местом обитания для носителей многих культур. Среди них своеобразной и яркой является одиновская культура, имеющая палеогенетическое, антропологическое и культурное своеобразие [Молодин, 2012].

Неординарна мировоззренческая составляющая данного культурного образования, проявившаяся, прежде всего, в ритуально-обрядовой погребальной практике, где особое место занимает размещение украшений и предметов, связанных с иррациональной деятельностью человека [Молодин, 2012; 2021; 2022; Продолжение раскопок…, 2020].

Предметный комплекс мобильной скульптуры значительно пополнился в результате работ последних лет на памятниках Барабинской лесостепи. Спектр образов, нашедших отклик в воззрениях одиневцев, достаточно широк.

В единичном экземпляре найдены на памятнике Преображенка-6 каменный жезл, оформленный в виде рептилии, а также неполная плоскостная фигурка лошади из рога, обнаруженная на могильнике Усть-Таратс-2 (рис. 1, *1, 10*).

Серия антропоморфной скульптуры найдена на памятнике Усть-Тартас-2. В одном случае это обломок глиняной ножки (рис. 1, *16*), а в двух других – объемные полные скульптуры человека. Фигурка из рога выполнена в неолитических традициях резьбы по кости с тщательной проработкой деталей, соблюдением пропорций, реалистично переданы европеоидные черты лица и головной убор мужчины. Выраженная поза говорит о том, что перед нами изображение колесничего (рис. 1, *11*). Скульптура из глины имеет черты стилизации в передаче лица и туловища, но проработанность деталей фигуры высокая. В данном случае семантическую нагрузку несет костяная маска с головы фигурки, напоминающая медвежью морду, дополняющая наше понимание этой фигурки как человека-духа-хранителя и уводящая к шаманским культам (рис. 1, *13, 14*).

Подобный костяной маске предмет, найденный в захоронении Сопки-2/4А, позволяет предположить наличие здесь когда-то антропоморфной фигурки, видимо, исполненной из органических материалов (дерево и пр.) [Молодин, 2012] (рис. 1, *15*).

Представительна и выразительна по своему исполнению серия из пяти предметов, передающих орнитоморфный образ. На могильнике Усть-Тартас-2 обнаружен гребень из рога, навершие которого украшено реалистично переданным образом боровой птицы, а также подвеска из камня в форме стилизованной фигурки уточки (рис. 1, *2, 12*). На памятниках Сопка-2/4А и Преображенка-6 – навершия жезлов (рис. 1, *3–5*). Изображения реалистично передают своеобразных по облику птиц – фламинго (?). Перед нами, несомненно, знаковые символы для носителей одинов-

© Молодин В. И., Ненахова Ю. Н., Кобелева Л. С., 2025

ской культуры, имеющие глубокий сакральный смысл. Отмечены и случаи размещения в погребениях изделий из костей птиц.

Появление жезлов с антропоморфными, зооморфными, орнитоморфными навершиями характерно для ряда культур ранней – развитой бронзы Западной Сибири и Центральной Азии и связано с зарождением в обществе института вождества [Молодин, 2021].

Явно культовым персонажем у носителей одиновской культуры считался могучий таежный зверь – медведь. Выше отмечены костяные маски для антропоморфных фигурок, стилизованные под морду медведя, сакральный смысл которых очевиден.

Проявлением данного культа являются такие предметы, которые возможно рассматривать как тотемные знаки для сообщества. Это поясные пряжки и подвески-обереги шейных украшений. Найдено четыре пряжки из капа, рассматриваемые как стилизованные парциальные изображения головы медведя (рис. 1, *6, 7, 17–19*). Высо-

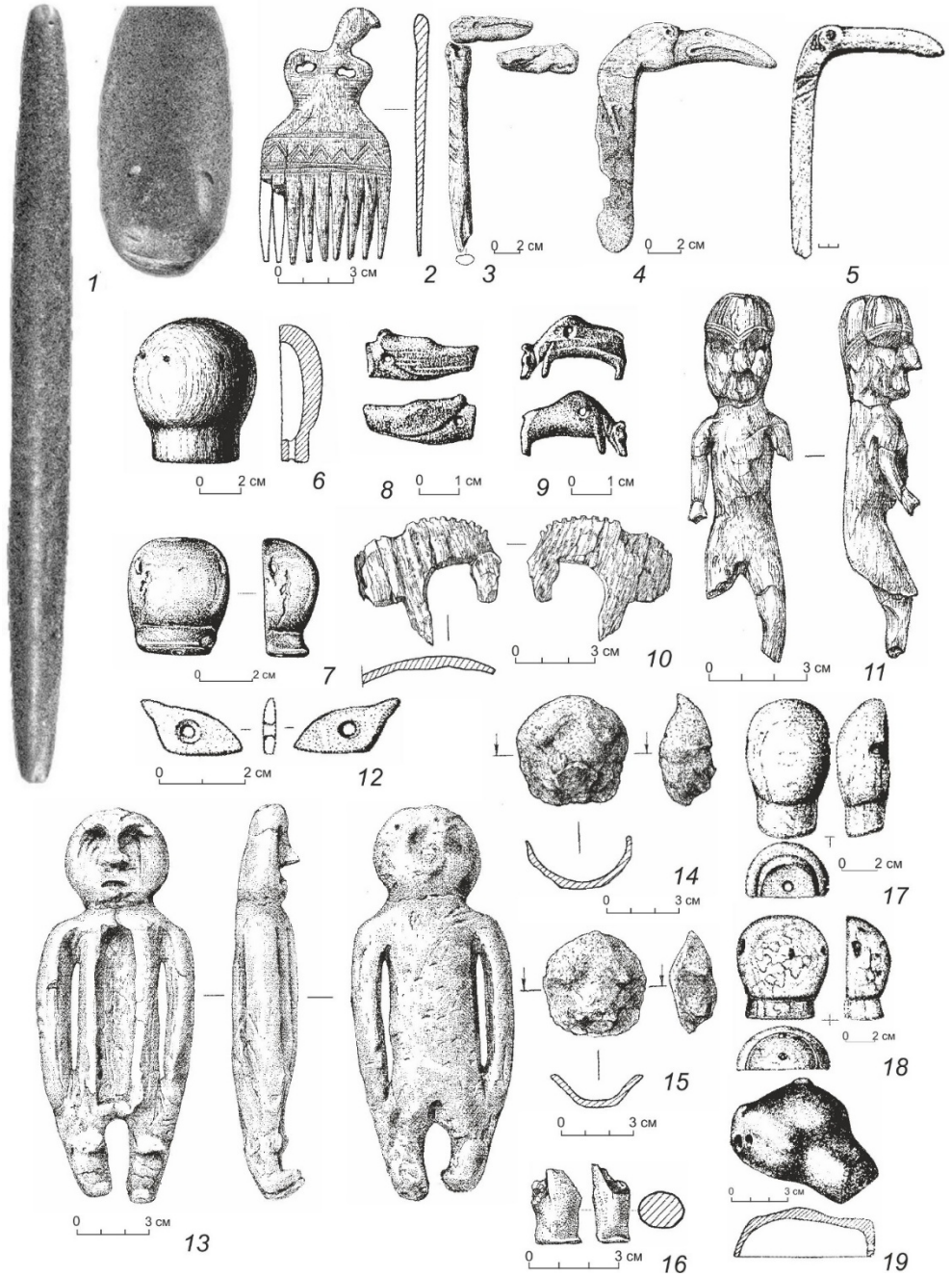

Рис. 1. Скульптура одиновской культуры: *1, 5* – Преображенка-6; 2, *10–14*, *16* – Усть-Тартас-2; *3, 4, 6, 8, 9, 15* – Сопка-2/4А; *7* – Абрамово-11; *17, 18* – Крохалевка-5; *19* – Усть-Куюм; *1, 8, 9, 12, 19* – камень*; 2, 4, 5, 10, 11* – рог; *3* – кость, конкреция; *6, 7, 17, 18* – кап; *13, 16* – глина; *14, 15* – кость

кая степень стандартизации предмета и бесспорное назначение в качестве статусной мужской поясной гарнитуры указывает на культурно-ритуальной контекст [Молодин, Октябрьская, Чемякина, 2000; Молодин, 2021].

Предельно реалистичны скульптуры из камня, найденные в составе женского шейного украшения на могильнике Сопка-2/4А. В одном случае, это парциальное изображение головы, в другом – полная фигура медведя (рис. 1, *8, 9*).

Древний мастер совершенен в обработке рога, камня, использует кап, глину и, очевидно, органические материалы. Он воплощает зооморфные и орнитоморфные образы, добиваясь в отдельных случаях максимального видового сходства. Включен в этот круг и антропоморфный образ: один – практически портретный, другой – культовый, безликий – шаман-медведь. Мобильная скульптура отражает мировоззрение носителей одиновской культуры. Перед нами эпохальное явление, вобравшее как предшествующий субстрат анималистических в своей основе верований, так и изменения в надстроечных явлениях общества, вследствие формирования скотоводческого и металлургического хозяйства.

Список источников

Молодин В. И. Памятник Сопка-2 на р. Оми: культурно-хронологический анализ погребальных комплексов одиновской культуры. Новосибирск, 2012. Т. 3. 220 с.

Молодин В. И. Пластическое искусство одиновской культуры // Археологические памятники Южной Сибири и Центральной Азии: от появления первых скотоводов до эпохи сложения государственных образований. СПб.: ИИМК РАН, 2021. С. 62–66.

Молодин В. И. Некоторые знаковые маркеры одиновской культуры // Археология евразийских степей. 2022. № 2. С. 53–63.

Продолжение раскопок грунтовых могильников эпохи бронзы в Барабинской лесостепи / В. И. Молодин, Л. Н. Мыльникова, Л. С. Кобелева, М. С. Нестерова, С. Хансен, Д. В. Селин, М. А. Кудинова, И. А. Дураков, Е. С. Швецова, Ю. Н. Ненахова, С. Райнхольд, Д. Н. Бобин // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2020. Т. XXVI. С. 501–509.

Молодин В. И., Октябрьская И. В., Чемякина М. А. Образ медведя в пластике западносибирских аборигенов эпохи неолита и бронзы // Народы Сибири: история и культура. Медведь в древних и современных культурах Сибири. Новосибирск, 2000. С. 23–36.

Н. Л. Моргунова, А. А. Файзуллин
Оренбургский государственный педагогический университет,
Оренбург, Россия

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ ПРИУРАЛЬСКОЙ ГРУППЫ ЯМНОЙ КУЛЬТУРЫ

Аннотация. Рассматриваются новые данные о погребальном обряде ямной культуры, полученные в результате комплексных археологических исследований Оренбургской археологической экспедиции. Применение междисциплинарных исследований позволяет получить качественно новую информацию об архитектуре курганных сооружений, строительных приемах, применяемых при возведении курганов, генетическом разнообразии индивидов, болезнях, системе питания и производстве металла.

Ключевые слова: археология, ранний бронзовый век, ямная культура, курган, социальная организация

Работа выполнена при поддержке грантового проекта Российского научного фонда (РНФ) № 23-68-10006 «Этнокультурные процессы в бронзовом и раннем железном веке».

С начала 2000 г. для изучения памятников раннего бронзового века Оренбургской археологической экспедицией начал применяться комплексный подход. Такой подход предполагает синтез археологической методики и методик естественных

© Моргунова Н. Л., Файзуллин А. А., 2025

наук, смежных с археологией (палеоантропология, почвоведение, радиоуглеродное датирование, генетика и др.), для получения исчерпывающих данных по изучаемому периоду. Со временем комплексный подход совершенствуется, появляются новые методы исследований, которые были применены в последние годы Оренбургской археологической экспедицией уже на новых памятниках ямной культуры. В течение 5 лет Оренбургской археологической экспедицией были изучены памятники ямной культуры Приуралья – большой курган 1 в КМ Болдырево 4 и курганы курганной группы 2 Каликино.

В рамках исследования почв в конструкциях курганов были получены новые данные об архитектуре монументальных курганов и технологии строительства небольших курганов. На основе мезо- и микроморфологического анализа изученных курганных конструкций можно констатировать, что представители ямной культуры владели знаниями о строительных технологиях и использовали их. Основным приемом возведения кургана является создание «пестроцвета» – замешанный грунт из гумусового или карбонатного горизонта с примесями антропогенного и карбонатного материала. На микроморфологическом уровне это выглядит как чередование светлых и темных микрозон тонкодисперсного материала. При строительстве небольших курганов люди использовали грубый замес и трамбовку, а для курганов побольше использовалась либо более сложная конструкция, либо более тщательный замес и трамбовка, а также более длительное воздействие воды. Курганные конструкции выше 1 м обязательно укрепляли материалом из карбонатного горизонта [Большой Болдыревский курган…, 2022, с. 687].

По данным указанных выше могильников удалось выявить два способа формирования рва в курганах ямной культуры – равномерная прокопка по кольцу и выемка грунта из ям или продольных канав вокруг курганной площадки. Первый связан, прежде всего, с крупными курганами, а второй – с небольшими насыпями [Файзуллин, 2024, с. 230].

Для определения абсолютной хронологии всех погребальных сооружений кургана 1 могильника Болдырево IV проведено радиоуглеродное датирование. Датирование проводилось в трех лабораториях РГПУ им. А. И. Герцена, Институте географии РАН и ЦКП «Геохронология кайнозоя» ИАЭТ СО РАН. В результате анализа 14 дат и совмещения их с данными археологии датировка кургана, включая все 4 конструкции, представляется в пределах калиброванного интервала 3300–2800 лет до н. э. Данный анализ подтвердил наше заключение, что курган сооружался на протяжении нескольких столетий на развитом этапе ямной культуры [Моргунова, Файзуллин, 2024, с. 69–86].

Интересны и новые данные палеоантропологии и генетики. Небольшие курганы были сооружены для трех детей до 6 лет. Генетическими методами определена их принадлежность к женскому полу. Погребение 4 – парное погребение двух девочек (останки одной из них представлены парциально, в виде верхней части свода черепа) и погребение 3 – одиночное захоронение девочки**.** По данным палеопатологической экспертизы, смерть этого ребенка произошла вследствие метастатического рака гематогенной природы, вероятнее всего лимфолейкоза, а девочка из погребения 4 (№ 1, парциальное захоронение) могла скончаться от цинги [О статусе…, 2023, с. 115–129].

Анализ соотношения изотопов стронция показал, что девочка из погребения 3, страдавшая от онкологического заболевания, родилась и, очевидно, провела свою короткую жизнь в геохимическом регионе, сходном с местом ее погребения. Дети из погребения 4 (№ 1 и 2) последние годы провели в аналогичных условиях. Но девочка № 2, судя по изотопному сигналу в эмали ее молочного зуба, прожила первые месяцы жизни на другой территории [О статусе…, 2023, с. 115–129].

Результаты технико-технологического анализа керамики показали, что два целых сосуда из погребения 3 и 4 по форме и орнаментации близки и типичны для памят-

ников развитого этапа ямной культуры Волго-Уралья. Отличие в технологии заключалось лишь в представлении об исходном пластичном сырье [Салугина, Моргунова, Файзуллин, 2023, с. 264]. Схожая архитектура, устройство погребения и данные смежных наук позволяют предположить, что погребенные принадлежали к одной родовой группе.

Новые данные о металлургическом производстве ямной культуры удалось получить в результате трасологического анализа каменных макроизделий с Турганикского поселения и погребений лидеров. Подавляющее число изделий в слое РБВ Турганикского поселения связано с металлургией и металлообработкой. При этом среди изделий этого класса представлены орудия для всех этапов металлургического производства – от получения металла из руды до завершения готового медного изделия. Анализ каменных макроизделий из погребений лидеров свидетельствуют о том, что в погребениях ямной культуры наблюдается не только символика плотницкого ремесла [Файзуллин, 2017, с. 390], но и металлургического производства. В КМ Утевка 2/1 и Болдырево I 1/1 камни использовались в древности как кузнечные молотки [Моргунова, Файзуллин, 2023, с. 31], а в КМ Красносамарское каменный предмет определен как пест для растирания руды. Кроме того, необходимо отметить наличие биметаллических предметов и метеоритного железа в погребениях лидеров. Сочетание полифункциональных символов в захоронениях лидеров-вождей указывает на сращивание власти экономической и власти лидера-вождя, как его родовое и персональное право на общинную территорию, ресурсы, контроль над ней и особую долю в распределении общественного продукта [Кореневский, 2011, с. 177]. Наряду с этим, еще одним свидетельством существования военно-производственного и сакрального символизма является погребение 1 в кургане 4 КГ Каликино. В нем обнаружен медный топор утевского типа из чистой меди местных руд Каргалинского горно-металлургического центра, а также круглая лепешка из охры и парциальное захоронение ребенка – жертвы [Моргунова, Файзуллин, Салугина, 2024, с. 106–118].

Таким образом, исследование курганов ямной культуры Приуралья, применяя синтез классических археологических методов и междисциплинарного подхода, позволяют получить качественно новые данные о погребальном обряде.

Список источников

Кореневский С. Н. Феномен власти в обществах древних земледельцев и скотоводов (теория этнологии и археология) // КСИА. 2011. Вып. 225. С. 175–189.

Моргунова Н. Л., Файзуллин А. А. Производственный символизм макролитических каменных орудий труда в погребальном ритуале ямной культуры Южного Приуралья и Среднего Поволжья // Нижневолжский археологический вестник. 2023. Т. 22. № 2. С. 25–37.

О статусе и избирательности детских погребений ямной археологической культуры Южного Урала (по материалам раскопок кургана 1 группы Болдырево-4) / Н. Л. Моргунова, А. А. Файзуллин, Х. Х. Мустафин, И. Э. Альборова, Д. В. Киселева, О. Ю. Чечеткина, М. Б. Медникова // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2023. № 3 (62). С. 115–129.

Моргунова Н. Л., Файзуллин А. А. Хронология элитного кургана ямной культуры могильника Болдырево IV в Оренбургской области по данным стратиграфии, погребального обряда и радиоуглеродного датирования // Поволжская археология. 2024. №1 (47). С. 69–86.

Моргунова Н. Л., Файзуллин А. А., Салугина Н. П. Новый комплекс с топором утевского типа ямной культуры в Оренбуржье // Археология Евразийских степей. 2024. № 6. С. 106–118.

Салугина Н. П., Моргунова Н. Л., Файзуллина А. А. Новые данные по гончарству ямной культуры южного Приуралья // Краткие сообщения Института археологии. 2023. Вып. 272. С. 261–275.

Большой Болдыревский курган раннего бронзового века в Южном Приуралье: курганные конструкции, палеопочвы, реконструкции палеоклимата / А. Э. Сверчкова, О. С. Хохлова, Н. Л. Моргунова, Т. Н. Мякшина // Почвоведение. 2022. № 6. С. 687–700.

Файзуллин А. А. Погребения вождей в ямной культуре Волго-Уралья // Известия Самарского научного центра РАН. 2017. Т. 19, № 3 (2). С. 389–397.

Файзуллин А. А. К вопросу о необходимости изучения рвов в курганах ямной культуры Приуралья // Следы явлений и процессов в археологических памятниках. Ставрополь: Печатный двор, 2024. С. 224–232.

О. Д. Мочалов
Самарский государственный социально-педагогический университет,
Самара, Россия

РОЛЬ ИЗУЧЕНИЯ КЕРАМИКИ В ВОПРОСАХ КУЛЬТУРОГЕНЕЗА ПОЗДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА СЕВЕРНОЙ ЧАСТИ ВОЛГО-УРАЛЬЯ

Аннотация. Керамика отражает особое направление культурогенеза в регионе. Большое влияние имели связи со Средней Азией и Кавказом. Важными маркерами эпохи являются кубковидные и остроребердные сосуды, аналоги которым известны в металле. Особенность керамических традиций связана с тем, что их носителями в основном были женщины, которые сохраняли самые разнообразные, в том числе и архаичные навыки изготовления.

Ключевые слова: поздняя бронза, культурогенез, инновации, керамика

В 1991 г. В. С. Бочкарев выдвинул концепцию Волго-Уральского очага культурогенеза эпохи поздней бронзы, неоднозначно воспринятую исследователями [Бочкарев, 1991, с. 24–27]. При разнообразии мнений, в настоящее время очевидно одно – формирование синташтинской, потаповской, покровской и срубной культур в целом происходило в этом регионе и подтверждается соотнесением данных абсолютной хронологии с эволюцией в технологиях, социальной структуре, экономике и военном деле [Кузнецов, 2014, с. 235–236]. Значительный интерес представляет изучение керамики, которое, с одной стороны, подтверждают концепцию культурогенеза, с другой стороны, ставит новые вопросы и корректирует важные детали, связанные с особенностями участия культур среднего бронзового века в сложении традиций последующей эпохи.

В чем же актуальность и проблематика культурогенеза в контексте изучения керамики? Дело в том, что результаты изучения глиняных сосудов, в основном погребальных, не всегда соответствуют реконструкциям, сделанным на основе изучения эволюции металлургии, транспорта, экономики, погребального обряда, и иногда не вполне соотносятся с данными абсолютной хронологии. Рассмотрим самые интересные вопросы вклада населения культур эпохи средней бронзы в формирование новых традиций, некоторые из которых освещались ранее [Мочалов, 2011, с. 16–42].

Синташтинская керамика отражает пересечение традиций степных-лесостепных культур пограничья Европы и Азии (от Дона до Тобола) и южного импульса Средней Азии и Кавказа. Это проявилось в появлении кубковидных форм, отличных от катакомбных и отсутствующих в лесной зоне, рельефных орнаментов в виде имитации ручек, сопоставимых, например, с триалетской культурой Кавказа, шишечек на тулове. Южные импульсы имели характер инфильтрации, подражания, но не импорта. Они являлись «катализатором» изменения комплекса, в целом формировавшегося в Волго-Уралье. Общей традицией предсинташтинского времени, объединяющей все культуры степи – лесостепи от Дона до Урала, являлось нанесение орнамента горизонтальной «елки». Это отражает специфику некой группы населения – единство в культурном разнообразии. Данная транскультурная группа, могла стать одной из основ потаповки и синташты.

Неорнаментированная керамика распространяется достаточно быстро и, видимо, отражает южный импульс, так как посуда без декора характерна для Средней Азии и некоторых культур Кавказа. Каждый памятник или локальная группа демонстрировала особенности своего происхождения. Общие черты выработались в результате процессов культурогенеза

© Мочалов О. Д., 2025

с последующей нивелировкой признаков до уровня новых стандартов.

Важное значение имеют находки бронзовых сосудов в памятниках Зауралья и Казахстана [Погребение..., 2016, Шевнина, Логвин, 2023, с.178–192]. Примечательно, что в погребении могильника Каратомар бронзовый сосуд находится в едином комплексе с неорнаментированными глиняными сосудами, что не свойственно синташтинской традиции богато орнаментированной керамики. Этот факт, как и само наличие бронзового сосуда с ручками, заставляет обратить (сфокусировать) внимание на южные территории [Кукушкин, 2018, с. 62–77]. Известны и бронзовые кубковидные сосуды, сопоставимые с глиняными аналогами. Именно ранние кубковидные сосуды являются ярким маркером культурогенеза [Мочалов, 2004, с. 123–135]. Происхождение бронзовых сосудов и истоки технологии изготовления пока остаются неясными, но по форме они синташтинские. Ранее были выявлены возможные имитации заклёпок сосудов майкопской культуры на ямной керамике в виде особых вдавлений и подражания ручкам закавказских сосудов на синташтинской керамике [Мочалов, 2008].

Потаповская культура. Полтавкинские традиции редко представлены в чистом виде, в основном переработаны. Наиболее сопоставимы с потаповскими материалы развитого полтавкинского этапа. Если полтавкинские традиции фиксируются в основном в более ранних комплексах, то абашевские распространены равномерно [Кузнецов, Мочалов, 2021, с. 347–367].

Полтавкинские традиции, не только средневолжские, но и нижневолжские, лежали в основе большинства ранних типов сосудов. В потаповских некрополях абашевские признаки фиксируются ярче, чем в некоторых синташтинских. Керамический комплекс, видимо, формировался одновременно с синташтинским на близкой основе. Различия в керамике синташтинских и потаповских памятников были обусловлены более сильным влиянием южных и финально-энеолитических культур Южного Урала на «синташту», стимулирующих её сложение, в то время как местные черты, в первую очередь полтавкинские и абашевские, в большей степени проявились в потаповской керамике.

В процессе сложения покровских древностей нельзя отрицать ни одного степного и лесостепного компонента Доно-Волго-Уралья. Ареал формирования основных типов керамики охватывает пограничье степи – лесостепи от Дона до Урала, особенно Поволжье. Влияние вольско-лбищенской культуры сомнительно. Также в эпоху финала средней бронзы не фиксируются керамические черты посткатакомбных памятников региона (по терминологии Р. А. Мимохода), так как, по моему мнению, она сама культурно неоднородна [Мимоход, 2024, с. 83–104].

На развитом этапе срубной культуры формы и декор посуды стандартизируются, значительно сокращается набор форм, упрощается орнамент. Производство становится более массовым и упрощенно стандартизированным. Происходит исчезновение определенных традиций и появление традиции новых канонов неорнаментированной керамики. Преемственность с эпохой ранней бронзы подтверждается и по некоторым важным параметрам технологии производства, [Васильева, Салугина, 2010, с. 135–155]. Это же касается сохранения у некоторых групп уровня протогончарного производства, использование глин и т. д.

Взаимодействие культур, усложнялось дальними связями, которые фиксируются в резких изменениях некоторых традиций, появлении черт, не свойственных для предшествующего времени. Вовлечение населения Волго-Уралья в систему дальних связей отражено в периодическом распространении его значимых черт на значительные расстояния.

Вариабельность типов и декора на поселениях не столь велика, как в могильниках, некоторые формы отсутствуют или представлены единично. Значительная часть поселенческих материалов более традиционная и не отражает всего выявленного спектра культурных связей. Связь абашевской и покровской культур на бытовых памятниках неоднозначна.

Имеются поселения как демонстрирующие преемственность, так и не показывающие её. Нельзя утверждать, что все население абашевской культуры приняло участие в сложении покровской. Речь идет о некоторых группах, что в основном отражают материалы селищ. Для культур Волго-Уралья одним из источников инноваций форм, вероятно, был регион севера Средней Азии, Предкавказья и Северного Кавказа, включая восточное Приазовье, а для орнамента – все соседние территории.

Керамика демонстрирует особое направление культурогенеза. Хорошо известно, что керамическое производство в основном осуществляли женщины. В связи с этим выводы данной публикации, в первую очередь, свидетельствуют о том, что производство керамики осуществлялось женщинами, которые сохраняли не только современные, но и архаичные традиции гончарства. Вектор культурных связей имел место во всех географических направлениях, но постепенно доминирует доминирует север – юг. Видимо в каждом конкретном случае, в конкретной общине, сила воздействия могла быть различной.

Список источников

Бочкарев В. С. Волго-уральский очаг культурогенеза эпохи поздней бронзы // Социогенез и культурогенез в историческом аспекте. СПб.: Изд-во ИИМК РАН, 1991. С. 24–27.

Васильева И. Н., Салугина Н. П. Некоторые итоги изучения древнего и средневекового гончарства в Самарском Поволжье // 40 лет Средневолжской археологической экспедиции. Краеведческие записки. Самара: Изд-во ОФОРТ, 2010. Вып. XV. С. 135–155.

Кузнецов П. Ф. Время культур позднего бронзового века Поволжья (анализ радиоуглеродных датировок) // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Казань: Отечество, 2014. Т. 1. С. 582–584.

Кузнецов П. Ф., Мочалов О. Д. Памятники потаповской культуры // Археология Волго-Уралья. Казань: Изд-во ИИА АН РТ, 2021. Т. II. С. 347–367.

Кукушкин И. А. Культурно-исторические истоки и наследие синташтинской культуры // Степная Евразия в эпоху бронзы: культуры, идеи, технологии: сб. науч. тр. к 80-летию Геннадия Борисовича Здановича. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2018. С. 62–77.

Мимоход Р. А. Волго-Уральская культурная группа посткатакомбного периода // Археология евразийских степей. 2024. № 6. С. 83–104.

Мочалов О. Д. Ранние кубковидные сосуды эпохи бронзы в Поволжье и на Урале // РА. 2004. № 2. С. 123–135.

Мочалов О. Д. Керамика погребальных памятников эпохи бронзы лесостепи Волго-Уральского междуречья. Самара: ПГСГА, 2008. С. 30–94.

Мочалов О. Д. Керамика эпохи бронзы севера степи лесостепи Волго-Уральского междуречья: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Казань, 2011. 51 с.

Погребение с металлическим сосудом в могильнике Нураталды-1 (эпоха бронзы) / И. А. Кукушкин, В. Г. Ломан, А. И. Кукушкин, Е. А. Дмитриев // Уральский исторический вестник. 2016. № 4 (53). С. 85–92.

Шевнина И. В., Логвин А. В. Могильник Каратомар (курган1) – новый синташтинский памятник Тургая // Археологические памятники Евразии от неолита до средневековья. М.: ООО «Мультипринт», 2023. 316 с.

А. Г. Новиков[1], О. И. Горюнова[2], М. С. Кишкурно[3], А. В. Вебер[4]
[1,2,4] Иркутский государственный университет,
Иркутск, Россия
[3] Институт археологии и этнографии СО РАН,
Новосибирск, Россия
[4] Университет Альберты,
Эдмонтон, Канада

ДЕМОГРАФИЯ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ БРОНЗОВОГО ВЕКА ПРИОЛЬХОНЬЯ: МОГИЛЬНИК ТУАХАНЭ IX

Аннотация. В статье приводятся данные по изучению и реконструкции социальной структуры общества, оставившего могильник Туаханэ IX (оз. Байкал). Выводы о половозрастной и социальной дифференциации в распределении инвентаря согласуются с результатами реконструкции общественных отношений, проведенной на крупных могильниках региона Хужир-Нугэ XIV и Курма XI. Установлено, что в мужской группе зрелого возраста выделяются богатые, стандартные и бедные погребения, а в женской – богатые отсутствуют.

Ключевые слова: Байкал, Приольхонье, бронзовый век, погребения, общественные отношения, половозрастная дифференциация, реконструкция

Одним из важных направлений в интерпретации погребальных комплексов является изучение и реконструкция социальной структуры общества, оставившего эти объекты. К решению этого вопроса можно подойти через реконструкцию половозрастных отношений. В этом плане материалы полностью раскопанного и исследованного некрополя Туаханэ IX, содержащие достаточно представительные комплексы, имеют несомненный интерес.

Могильник находится в 180 км к СВ от г. Иркутска и в 5,2 км к СВ от с. Шара-Тогот, на одноименном мысе северо-западного побережья залива Мухор Малого моря оз. Байкал (Ольхонский район Иркутской области). Раскопки проведены Российско-Канадской археологической экспедицией (совместный проект Иркутского государственного университета и Университета Альберты, г. Эдмонтон, Канада) в 2019–2022 гг. [Горюнова, Новиков, Вебер, 2022]. Всего вскрыто 31 погребение, из них к бронзовому веку относится 24 могилы. Большинство из них разрушены (в той или иной степени) в древности. Общее количество костяков в захоронениях составляют останки от 21 погребенного из 19 могил (могилы № 3, 7, 13, 27 и 29 полностью разрушены, поэтому в этой статье не учитываются). В связи с плохой сохранностью скелетных материалов выяснение пола и возраста часто затруднено. Половая принадлежность определялась (где это было возможно) по морфологии черепа и тазовых костей. При определении пола взрослых использованы категории: мужчина, возможно мужчина, возможно женщина и пол не определен. Поэтому характеристики могут быть определены с долей вероятности или вообще отсутствовать. Для 6 взрослых (№ 5, 10, 11, 18В, 19, 20–2) пол не был определен, а для 4 (№ 10, 11, 19, 20–2) – возраст указан как 20+.

В числе погребенных: взрослых (старше 20 лет) – 14 человек (6 – мужчин, 2 – женщины, 6 – пол не определен), людей юношеского возраста (16–20 лет) – 1 (№ 15 – вероятно, женщина), детских костяков – 6 (все – подростки, старше 9 лет). Практически все погребения на могильнике индивидуальные (17 погребений), исключение составляют два двойных одноплоскостных захоронения № 12 и 20. В первом случае – оба костяка отнесены к подросткам (один из них – вероятно, женский, приближен к юношескому возрасту – 15 лет). В погребении № 20 – оба взрослых (один – мужчина, пол второго – не определен).

© Новиков А. Г., Горюнова О. И., Кишкурно М. С., Вебер А. В., 2025

Наибольшее число взрослых захоронений (5 из 14) падает на зрелый (35–55 лет) возраст (35,7 %); к возмужалому (20–35 лет) – относится 2 индивида (14,3 %), а старческому (55–70 лет) – 3 (21,4 %). Среди них преобладающее значение имеют мужские захоронения (с акцентом на зрелый возраст). Определить возрастные категории у 4 погребенных (28,6 %) не удалось (они отмечены, как более 20 лет). Старческого возраста достигли 3 человека, в числе которых 2 мужчин и 1 женщина.

На костях погребенных почти нет признаков заболеваний и дефицита питания. Вероятно, питание было достаточно сбалансированным и разнообразным, а количество продуктов достаточным для представителей всех половозрастных групп. Население было относительно здоровым, зафиксированы лишь немногочисленные патологические состояния, этиология которых является нормой для предстарческого и старческого возрастов. Среди зафиксированных патологических состояний наиболее распространенным является остеохондроз позвонков с краевыми разрастаниями костной ткани различных отделов позвоночника, обнаруженный у 3 индивидов мужского пола из погребений № 9, 14 и 23. Видимо, большинство взрослых умерло в зрелом возрасте естественной смертью. В целом демографическая структура свидетельствует о положительной динамике численности популяции.

Планиграфический анализ размещения погребений на могильном поле показал, что они в ряде случаев располагались цепочками, выделенными на СВ участке могильника. Вероятно, эти ряды-цепочки представляли собой захоронения родственников. На этом участке отмечены более крупные надмогильные сооружения и наиболее богатые (по числу сопроводительного инвентаря) погребения. Проследить закономерность между размерами надмогильных сооружений и количеством сопроводительного инвентаря в погребениях не удалось (могилы с большим количеством инвентаря находились под крупными и под небольшими кладками). Практически все захоронения этой части могильника принадлежали взрослому населению. Исключение составляли три могилы (№ 15, 8 и 12), принадлежащие индивидам юношеского и приближенного к нему возраста (от 12 лет).

Важным социодиагностирующим признаком являются количество и качество сопроводительного инвентаря. Практически во всех погребениях разных половозрастных групп найдены украшения. По наличию и количеству инвентаря (украшения не учитываются) нами выделены: стандартные погребения (8) – содержащие от 10 до 23 орудий (№ 4, 11–12, 17, 18А, 18В, 19–20); богатые (4) – от 27 и более предметов (№ 5, 8–10) и бедные (8) – от 2 до 9 изделий (№ 1, 14–16, 23, 26–27, 29). Погребения с большим количеством изделий располагались преимущественно в СВ части могильного поля (8 из 12).

Корреляция взаимосвязи между возрастом, полом и погребальным инвентарем позволила выделить ряд закономерностей. Основной набор инвентаря среди определимых погребенных располагался в мужских захоронениях. Из богатых захоронений выделяется погребение № 9 (мужчина 50–55 лет), в котором обнаружено 100 предметов, включающих орудия охоты, рыбалки, деревообработки и других видов деятельности; в их числе изделия из металла (медь, бронза) и нефрита. Вероятно, этот погребенный занимал особое место в обществе. В числе богатых захоронений – 1 подросток 12 лет (№ 8) и 2 взрослых, пол которых не определен. В группе стандартных погребений: 2 мужчины зрелого и, вероятно, старческого возраста (№ 4, 18А); 2 женщины (№ 17 и 12–1 – пол?) возмужалого и близкого к юношескому возрасту; 4 индивида, пол которых не определен. В составе бедных захоронений: 2 мужчины зрелого и переходного к старческому возрасту (№ 14 и 23); 2 женщины (№ 15 и 16) юношеского и старческого возраста; 2 подростка 10 лет (№ 1 и 26) и 2 индивида, пол и возраст которых не определен.

Распределение инвентаря по половому признаку демонстрирует, что весь набор орудий (среди определимых погребенных) в основном располагался в группе мужских захоронений. Среди мужских одновозрастных погребений выделяются группы с не-

равноценным инвентарем, что является важным признаком расслоения общества.

Женских захоронений по антропологическим данным выделено четыре: № 12–1 (?), 15, 16 и 17. Все они содержали стандартный или бедный по количеству инвентарь. Набор изделий из погребений № 15–17 включает: бытовые предметы (скребки, нож, проколку, костяные острия, иглы и ложку) и украшения (диски и кольцо из светлого нефрита и мрамора; подвески из клыков благородного оленя). В погребении № 17 зафиксированы также фрагменты керамики. В захоронении юношеского возраста (№ 15) отмечено наименьшее число находок, а у женщины, приближенной к зрелому возрасту (№ 17), большее количество и разнообразие изделий.

По набору инвентаря от них отличается захоронение № 12–1 (подросток 15 лет), условно отнесенное к женским. В его составе, помимо ножей, скребков и подвесок из клыков благородного оленя, зафиксированы орудия охоты, рыболовства и деревообработки. Подобный набор характерен для мужских погребений, что позволяет нам атрибутировать его как мужское.

Среди взрослых захоронений, пол которых не определен (6 человек), выделяются богатые (№ 5, 10) и стандартные (№ 19, 20–2) погребения, содержащие устойчивую группу мужского набора инвентаря. Вероятно, к женским следует отнести погребения № 11 и 18В, содержащие набор изделий, ограниченный бытовыми предметами и украшениями.

Таким образом, в распределении сопроводительного инвентаря на могильнике отмечается половозрастная и социальная дифференциация. Среди мужской группы зрелого возраста по количеству и составу изделий выделяются более богатые, стандартные и бедные погребения, что свидетельствует о расслоении общества. В группе женских захоронений богатые погребения отсутствуют.

Выводы о социальной структуре общества в бронзовом веке Приольхонья, полученные на материалах некрополя Туаханэ IX, согласуются с результатами реконструкции общественных отношений, проведенной на основе комплексов крупных могильников региона Хужир-Нугэ XIV и Курма XI.

Список источников

Горюнова О. И., Новиков А. Г., Вебер А. В. Новые материалы по бронзовому веку Приольхонья (могильник Туаханэ IX) // Изучение древней истории Северной и Центральной Азии: от истоков к современности. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2022. С. 118–120.

Ф. Н. Петров
Челябинский государственный университет,
Челябинск, Россия
Челябинский государственный историко-археологический музей-заповедник «Аркаим»,
Челябинск, Россия

НОЖИ С МЕТАЛЛИЧЕСКИМИ РУКОЯТЯМИ У НАСЕЛЕНИЯ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ ЭПОХИ БРОНЗЫ

Аннотация. Ножи бронзового века Южного Зауралья с металлическими рукоятями можно разделить на орудия с коваными рукоятями и подовальным, отогнутым, линзовидным в сечении клинком; орудия с коваными рукоятями и прямым клиновидным в сечении клинком; орудия с литыми рукоятями. Ножи первого и второго типа датируются концом III тыс. до н. э. – первой половиной II тыс. до н. э., ножи третьего типа – второй половиной II тыс. до н. э.

Ключевые слова: нож, рукоять, типология, состав металла, поздний бронзовый век, Южный Урал

Ножи с металлическими рукоятями относятся к одной из наименее изученных категорий режущих и колюще-режущих орудий Южного Зауралья эпохи бронзы.

© Петров Ф. Н., 2025

К настоящему времени с территории данного региона учтено 470 режущих и колюще-режущих орудий, половину от этого числа (235) составляют черенковые ножи-кинжалы; также отмечено 111 серпов, 11 косарей, 17 кинжалов с литой рукоятью, 4 ножа-кинжала с кованой рукоятью, 7 черенковых ножей и др. 58 орудий (12 %) можно отнести к категории ножей с металлическими (выделенными) рукоятями.

На сегодня существуют два варианта типологии ножей бронзового века данного региона с металлическими рукоятями. Н. А. Аванесова относит большинство таких ножей к числу однолезвийных (II отдел в ее типологии) и распределяет их по семи подтипам типов А и В [Аванесова, 1991, с. 26–28]. К сожалению, некоторые из подтипов выделены по разным признакам, что нарушает принцип единства оснований классификации. При этом значительная часть учтенных нами ножей с металлическими рукоятями имеют не однолезвиный, а двулезвийный клинок, потому не вполне вписываются в данную типологию.

Более удачной представляется типология, предложенная А. Д. Дегтяревой и Н. В. Рындиной, в которой ножи с выделенной рукоятью были объединены в группу I и разделены на тип I-1 – двулезвийные ножи с прямой выделенной рукоятью и асимметричной конфигурацией клинка, и тип I-2 – однолезвийные ножи с прямой выделенной рукоятью и прямым либо слабовыпуклым клинком [Дегтярева, Рындина, 2020, с. 20–21]. Однако, на наш взгляд, и данная типология требует некоторого уточнения, поскольку как особенности морфологии, так и культурно-хронологическое распределение ножей с металлическими рукоятями определяются не столько количеством лезвий на клинке, сколько конструктивными особенностями изготовления рукояти и общей компоновкой клинка относительно рукояти.

Прежде всего, ножи с металлическими рукоятями можно разделить на орудия с коваными рукоятями (рис. 1, *1–21*) и орудия с литыми рукоятями (рис. 1, *22–28*). У первых рукоять оформлена зачастую довольно грубой ковкой из заготовки, у вторых форма рукояти полностью определена конфигурацией литейной формы. Это разделение соответствует двум культурно-хронологическим группам. Ножи с кованой рукоятью происходят из памятников абашевской, синташтинской, петровской, алакульской и срубной культур; относятся к первой и второй фазам позднего бронзового века (ПБВ-1 и ПБВ-2) и датируются концом III тыс. до н. э. – первой половиной II тыс. до н. э. Ножи с литыми рукоятями происходят, как правило, из памятников саргаринской и межовской культур; они относятся к третьей, а некоторые и к четвертой фазе позднего бронзового века (ПБВ-3 и ПБВ-4) и датируются второй половиной II тыс. до н. э.

В свою очередь, ножи с кованой рукоятью по особенностям морфологии можно разделить на орудия с подовальным отогнутым клинком (рис. 1, *1–11*) и орудия с прямым клинком (рис. 1, *12–21*). Для первой группы в основном характерны двулезвийные клинки линзовидного сечения, хотя встречаются и однолезвийные клинки. Вторая группа устойчиво характеризуется однолезвийными клинками клиновидного сечения. И в той, и в другой группе на клинках очень редко встречается колющее острие. Как правило, клинки имеют округлое окончание или подпрямоугольное со скругленными краями.

По общей длине изученные ножи с металлическими рукоятями распределяются на две группы: к первой относится 10 небольших ножей длиной от 6,7 см до 13,0 см, ко второй – 30 средних и крупных ножей длиной от 15,0 см до 32,5 см. Средняя длина ножа с кованой рукоятью – 17,7 см, немного меньше средней длины ножа с литой рукоятью – 18,3 см. Размеры основных частей ножей в отдельных случаях существенно отличаются, но в целом по группам демонстрируют картину, близкую к нормальному распределению. Длина кованых рукоятей в среднем составляет 8,2 см; длина литых рукоятей

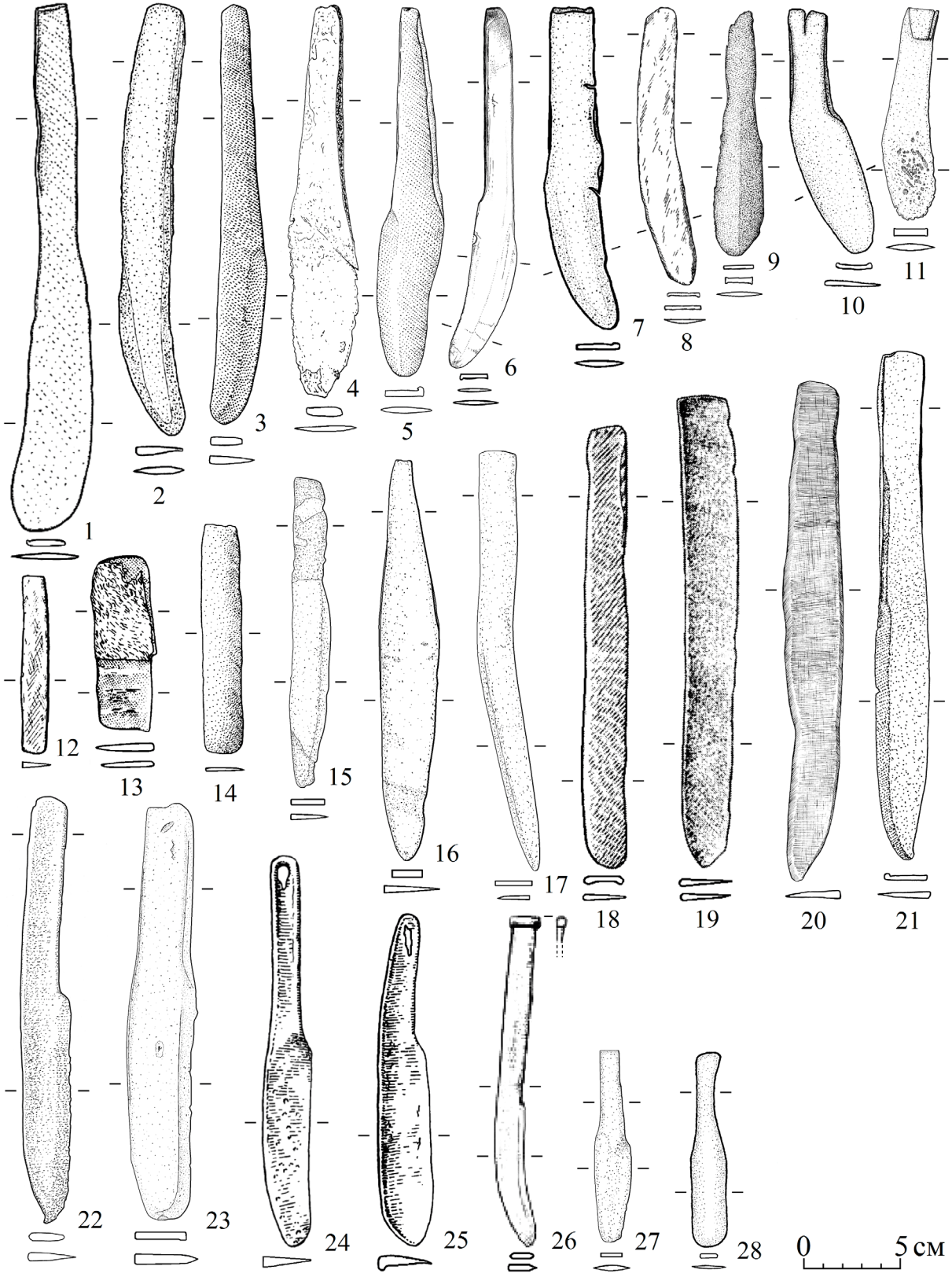

Рис. 1. Ножи с металлическими рукоятями позднего бронзового века Южного Зауралья: *1–11* – ножи с кованой рукоятью и подовальным отогнутым клинком; *12–21* – ножи с кованой рукоятью и прямым клинком; *22–28* – ножи с литой рукоятью. Поселения: Аландское (*17*), Алексеевское (*25*), Кизильское (*28*), Кинзерское (*19*), Куйсак (*5*), Кулевчи III (*2, 7, 18*), Малокизильское (*8*), Ново-Байрамгулово 1 (*20*), Ольховка 3 (*4*), Старокумлякское (*21*), Степное (*11*), Устье (*6, 10*), Чебаркуль III (*23, 27*), Шибаево 1 (*15*); могильники: Большекараганский (*14*), Каменный Амбар V (*1*), Кривое Озеро (*9*), Синташтинский (*3, 13*), Сосновка 1 (*12*); одиночные находки: в д. Мал. Касаргуль (*24*), у с. Клястинцое (*26*), у с. Ларино (*22*), в г. Пласте (*16*)

в среднем 7,7 см; средняя длина клинка у ножей с кованой рукоятью и подовальным отогнутым клинком – 8,4 см, у ножей с кованой рукоятью и прямым клинком – 9,8 см, у ножей с литой рукоятью – 10,6 см. Среднее соотношение длины клинка к длине рукояти составляет 1,2. Ширина клинка, как правило, больше у ножей с подовальным отогнутым клинком и составляет в среднем 3,0 см. Ножи с кованой рукоятью и прямым клинком имеют зачастую более узкий клинок, его ширина в среднем 2,2 см; близкое значение у ножей с литыми рукоятями – 2,3 см.

В отличие от черенковых ножей-кинжалов и кинжалов с коваными и литыми рукоятями, которые представляли собой, прежде всего, предметы вооружения, ножи с металлическими рукоятями, как правило, не имеющие колющего острия, были хозяйственными орудиями. Представляют интерес особенности их распределения по разным типам памятников. Из 58 ножей с металлическими рукоятями, зафиксированных для территории Южного Зауралья, 39 (67 %) были найдены на поселениях и только 11 (19 %) – в составе погребальных комплексов на могильниках (остальные приходятся на клады и одиночные находки). Близкое распределение мы видим среди других категорий хозяйственных орудий – серпов и косарей; из 122 находок 88 (72 %) были найдены на поселениях и только 9 (7 %) – на могильниках. В то же время из 256 ножей-кинжалов черенковых и с кованой рукоятью, а также кинжалов с литой рукоятью, 137 (53 %) были обнаружены в могильниках и только 83 (32 %) – на поселениях.

Состав металла установлен для 35 ножей с металлическими рукоятями. 7 из них (20 %) – ножи с коваными рукоятями абашевской и синташтинской культур – изготовлены из мышьяковой бронзы. Большинство орудий, 24 (69 %), изготовлены из меди; в их числе как ножи с коваными рукоятями петровской, алакульской и срубной культур, так и ножи с литыми рукоятями саргаринской и межовской культур.

Список источников

Аванесова Н. А. Культура пастушеских племён эпохи бронзы азиатской части СССР (по металлическим изделиям). Ташкент: Фан, 1991. 200 с.

Дегтярева А. Д., Рындина Н. В. Ножи петровской культуры Южного Зауралья: морфолого-типологическая характеристика // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2020. № 3 (50). С. 17–34.

И. А. Савко
Институт археологии и этнографии СО РАН,
Новосибирск, Россия
Алтайский государственный университет,
Барнаул, Россия
Алтайский государственный педагогический университет,
Барнаул, Россия

НЕСТАНДАРТНЫЕ ФОРМЫ СОСУДОВ АНДРОНОВСКОЙ (ФЕДОРОВСКОЙ) КУЛЬТУРЫ СТЕПНОГО И ЛЕСОСТЕПНОГО АЛТАЯ

Аннотация. В статье рассматриваются нестандартные формы керамических сосудов андроновской (федоровской) культуры степного и лесостепного Алтая. Анализ 754 сосудов из 26 могильников позволил выявить 31,7 % керамики, отличающейся от эталонных форм. Выявлены географические и хронологические особенности их распространения. Показаны возможные культурные влияния, связанные с появлением сосудов необычных форм.

Ключевые слова: степной и лесостепной Алтай, андроновская (федоровская) культура, формы сосудов, историко-культурный подход

Исследование выполнено в рамках проекта № FZMW-2023-0009.

Формы керамических сосудов являются важным источником информации для реконструкции исторического и культурного прошлого древних сообществ. Особенно актуально ее изучение для андроновской (федоровской) культуры Алтая, однородность которой способствовала формированию устойчивых традиций придания сосудам формы. Однако в археологических материалах встречается керамика, не соответствующая общепринятому стандарту, что делает их объектом особого внимания.

В исследовании рассматриваются нестандартные формы сосудов, обнаруженные в погребениях андроновской (федоровской) культуры степного и лесостепного Алтая. Проанализированные материалы составляют 754 целых сосуда из 26 изученных могильников.

Цель исследования – выявление и анализ культурных традиций создания немассовых форм сосудов из погребений, бытовавших у населения андроновской (федоровской) культуры Алтая, изучение распространения их в пространстве и изменений во времени. Анализ проводился по методике анализа форм историко-культурного подхода [Бобринский, 1999; Цетлин, 2018] на уровне общей пропорциональности (далее – ОПП) и состава естественной структуры форм.

Корреляция между пропорциями сосудов и их конструкцией позволила выделить 12 групп керамики. Основную массу наиболее распространённой местной керамики составляют три вида конструкций с пропорциями в диапазоне 33(34)–36 ступеней ОПП (группы № 1, 4, 8), суммарно включающие 515 сосудов (68,3 %). Остальная керамика, выходящая за рамки этих типичных параметров по пропорциям и конструкциям, отнесена к нестандартным формам сосудов (31,7 % – 239 шт.).

Выделяются сосуды трехчастной конструкции (13 шт. – 1,7 %) (рис. 1, *1–3*) вида со ступенями 29–32 ОПП (группа 2), которые есть только на памятниках Чекановский Лог-10, Фирсово-14 и Рублёво-8. Сосуды четырехчастной конструкции 29–32 (13 шт. – 1,7 %) (группа 5) (рис. 1, *8–10*) и 33 ступени ОПП (31 шт. – 4,1 %) (группа 6), зафиксированы также единично на Нижней Суетке, Ближнеелбанском микрорайоне и Каменском Приобье, и в меньшем количестве на других, что может указывать на их более широкую географию распространения. Чаще всего сосуды этих форм обнаружены в детских

© Савко И. А., 2025

погребениях, не были орнаментированы, внешняя поверхность обработана мягкими материалами или предметами с твёрдым рабочим краем. Более чем на половине сосудов этих групп орнамент отсутствовал.

Сосуды группы 10 (27 шт. – 3,6 %) (рис. 1, *15–17*) представляют собой пятичастные сосуды с щекой-шеей, относящиеся к наиболее приземистым формам ступеней 30, 32–33 ОПП, они есть в Предгорьях Алтая (2 шт. – 10,0 %), Подтурино (3 шт. – 7,9 %), Ближнеелбанском микрорайоне (3 шт. – 7,7 %). Группа отличается небольшим количеством лощёных сосудов. Орнамент часто наносили крупнозубчатыми или гладкими штампами, мотивы были проще, геометрические фигуры встречались реже, а зональность выражена слабее.

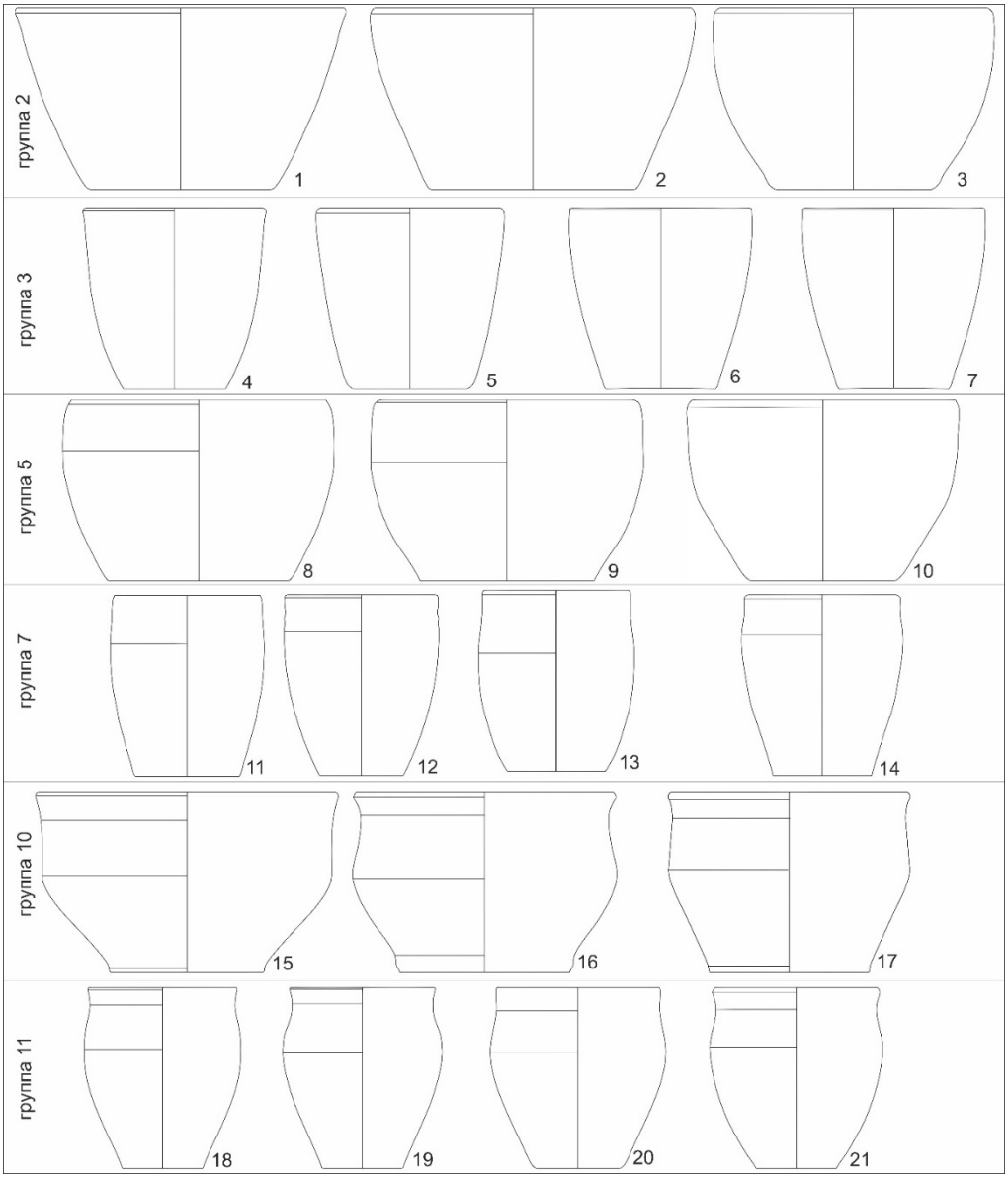

Рис. 1. Нестандартные формы сосудов андроновской (федоровской) культуры Алтая: *1* – Чекановсикй Лог-10, мог. 83, 2004; *2* – Рублево-8, кв. 21, сос. 3, 2009; *3* – Фирсово-14, мог. 190; *4* – БЕ -14, мог. 16; *5* – Фирсово-14, мог. 268; *6* – Манжиха-5, мог. 10; *7* – Чекановсикй Лог-10, кв. и-18, сос. 1; *8* – ЧЛ-10, мог. 67; *9* – Нижняя Суетка, мог. 17; *10* – Фирсово -14, мог. 49; *11* – Рублево-8, мог. 54, сос. 2; *12* – Чекановсикй Лог-10, мог. 34, сос. 4; *13* – Кытманово; *14* – Рублево-8, мог. 4, кв. 42, 44, сос. 1, 2000; *15* – Подтурино, мог. 52, сосос. 2; *16* – Змеевка, кург. 1, мог. 3; *17* – ЧЛ-10, мог. 53, 2013; *18* – Фирсово-14, мог. 270; *19* – Чекановсикй Лог 10, мог. 100, сос. 2; *20* – Кытманово, мог. 2; *21* – Нижняя Суетка, мог. 1, сос. 1[27]

[27] Список сокращений к рисунку: сос. 1 – номер сосуда в погребении; кв. 21 – номер квадрата; кург. 1 – номер кургана; мог. 1 – номер могилы

Это может свидетельствовать о неустойчивости навыков гончаров, создававших эти сосуды, и возможно, о смешанном характере традиций. Аналогичная ситуация наблюдается для группы № 9 (60 шт. – 8,0 %), которая отличается чуть более высокими пропорциями (34 ступень ОПП). Сосуды групп № 9 и № 10 соотносятся с классификацией Е. Е. Кузьминой как тип IIб и относятся к позднефедоровским [Кузьмина, 2008, с. 214, 244]. Поздний характер сосудов этих групп подтверждается анализом пропорций сосудов поздней бронзы в соседних регионах, где также преобладают более приземистые горшковидные сосуды [Селин, 2021, с. 637–639], с меньшим количеством орнаментальных мотивов, а также фигурами декора, характерными для поздней бронзы. Отдельные сосуды этих групп, с протаскиванием зубчатого штампа и двухзональными композициями, находят ближайшие аналогии в алакульских памятниках Притоболья и Зауралья [Кузьмина, 2008, с. 135–138].

Сосуды высоких пропорций (ступени 37(36)–38 ОПП) базовой конструкции (группа № 3) (рис. 1, *4–7*) чаще всего обнаружены в Причумышье (10 шт. – 1,3 %), как и сосуды четырехчастной конструкции тех же пропорций (группа № 7) (рис. 1, *11–14*). Керамика этой группы на памятниках Рублёво-8, Чекановский Лог-10 и Кытманово имеет характерную орнаментацию в виде протащенных пальцами широких каннелюр (желобков), которые традиционно связывают с раннеалакульской (петровской) культурой [Кузьмина, 2008, с. 98]. Высокие сосуды пяти-, шестичастной конструкций (группа № 11) (рис. 1, *18–21*) равномерно распределены по памятникам, где их процентный состав варьируется от 3,2 % до 6,6 % (кроме Подтурино и Предалтайской равнины). Особо выделяется ряд сосудов конструкций с плечом–плечом/предплечьем (35–37 ступени ОПП, 3 шт.) (группа 12), представленных только на Рублёво-8. Эти сосуды отличаются наличием выраженного уступа и традиционно связываются с алакульской культурой [Кузьмина, 2008, с. 117].

Таким образом, исследование нестандартных форм сосудов андроновской (федоровской) культуры Алтая выявило значительное разнообразие по общей пропорциональности и конструкциям, отличающимся от традиционных массовых форм посуды. Ряд сосудов пятичастных конструкций демонстрирует сходство с позднебронзовой керамикой, что позволяет предположить их появление на более позднем этапе существования культуры на Алтае. В то же время отдельные сосуды этих и других пропорций, а также сосуды с плечом-предплечьем, имеют многочисленные аналогии с памятниками алакульской культуры Притоболья и Южного Урала. Это свидетельствует о наличии контактов с западными регионами на разных этапах существования андроновского (федоровского) населения на Алтае. Географическое распределение нестандартных форм показывает локальную специфику культурных контактов и возможные связи с соседними регионами.

Список источников

Бобринский А. А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара: СамГПУ, 1999. С. 5–109.

Цетлин Ю. Б. Об общем подходе и методике системного изучения форм глиняных сосудов // Формы глиняных сосудов как объект изучения. Историко-культурный подход. М.: ИА РАН, 2018. С. 124–179.

Кузьмина Е. Е. Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности. Актобе: ПринтА, 2008. 358 с.

Селин Д. В. Морфологические характеристики керамики восточного варианта пахомовской культуры (по материалам памятников Обь-Иртышского междуречья) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2021. Т. 27. С. 633–641.

С. В. Сотникова
ООО «Центр археологических исследований»,
Надым, Россия

О МИГРАЦИИ АНДРОНОВСКОГО НАСЕЛЕНИЯ НА ЮГ: ПРОБЛЕМЫ ХРОНОЛОГИИ

Аннотация. Рассматривается гипотеза Е. Е. Кузьминой «арии – путь на юг». Показано, что на данный момент она не подтверждается современными калиброванными радиоуглеродными датами и археологическим материалом.

Ключевые слова: Средняя Азия, бронзовый век, андроновская культура, бишкентско-вахшская культура, хронология

Большое место в работах Е. Е. Кузьминой отводится проблемам андроновской культуры, ее заслуги в изучении этого вопроса несомненны. Значительное влияние на развитие отечественного андроноведения оказала ее гипотеза «арии – путь на юг». Отдельные аспекты этой гипотезы разрабатывались ею с начала 70-х гг. прошлого века, постоянно дополнялись и уточнялись. Наиболее полно эта концепция изложена в монографии 2008 г. В основу гипотезы были положены выводы лингвистов о продвижении нескольких последовательных волн индоарийских племен на территорию Индостана через Среднюю Азию. Одним из определяющих положений ее концепции является утверждение, что при этногенетических исследованиях решающее значение имеет погребальный обряд, который сохраняется даже при миграции населения на дальние расстояния. Значительную роль в этой миграции ариев на юг отводится андроновскому населению, которое участвует, по ее мнению, в двух миграционных потоках.

Один поток – миграция андроновцев в составе бишкентско-вахшской культуры Средней Азии. На основании некоторого сходства, причем достаточно поверхностного, погребального обряда Раннего Тулхарского могильника (Южный Таджикистан) с андроновским Е. Е. Кузьмина считает андроновцев создателями бишкенско-вахшской культуры, другим компонентом является местное земледельческое население. Соответственно, она выделяет три этапа развития этой культуры: I – андроновский, федоровский (могильники Тулхарский и Бабашов), II – раннебишкентский (Тулхарский могильник), III – позднебишкентский, или вахшский [Кузьмина, 2008, с. 90–93]. Часть бишкентского населения осела в Северной Бактрии, а какая-то группа двинулась далее на юг. На основании сходства материальной культуры и, прежде всего, погребального обряда могильников долины Свата (Северо-Западный Пакистан) с андроновским и бишкентским (Тулхарского могильника) Е. Е. Кузьмина полагает, что мигрировавшая на юг группа бишкентского населения стала одним из компонентов сложения культуры Свата и Гандхары, наряду с аборигенным субстратом, родственным хараппцам. Это смешанное население является предком дардов и нуристанцев, они представляли особую, отличную от ведийских ариев группу [Там же, с. 150–158].

Другой поток – миграция собственно андроновских групп, полукочевых скотоводов, которые пришли на территорию Индии через Среднюю Азию, Афганистан, Белуджистан. Только их Е. Е. Кузьмина считает ведийскими ариями [Там же, с. 157–160]. Сложность в археологическом обосновании собственно андроновской миграции на юг заключается в том, что на территории Индии нет ни андроновских могильников, ни андроновской керамики. Кроме того, в Индии, судя по антропологическим данным, абсолютное большинство населения оставалось неизменным с эпохи Хараппской цивилизации. Однако этим, по мнению Е. Е. Кузьминой, факт миграции андро-

© Сотникова С. В., 2025

новцев (ведийских ариев) не может быть опровергнут. Во-первых, отсутствие необходимых антропологических данных свидетельствует лишь о том, что пришедшие с севера арии были малочисленны, они проникали на территорию Индии небольшими группами, поэтому это событие не нашло отражения в антропологическом материале [Там же, с. 160, 162–166, 169, 170]. Во-вторых, только андроновцам и ведийским ариям, считает Е. Е. Кузьмина, присущи ритуалы, связанные со смертью на чужбине (кенотафы): «погребальный обряд ариев, реконструируемый по данным ведической традиции, соответствует только андроновскому, особенно на юге Средней Азии, где многочисленны кенотафы – вероятные могилы ушедших в Индию ариев» [Там же, с. 170]. Поэтому доказательство миграции в Индию андроновских групп надо искать не в Индии, а опять же на юге Средней Азии: «Следовательно, следы первых мигрировавших ариев надо искать не в Индии, а на их прародине, там, где есть кенотафы!» [Там же, с. 165]. «Главное, здесь крайне многочисленны кенотафы, иногда содержащие глиняную куклу, вероятно, с костями или прахом умершего внутри. Именно многочисленные кенотафы на юге Средней Азии и есть доказательство арийской миграции!» [Там же, с. 166].

Однако на юге Средней Азии нет андроновских могильников с кенотафами. Зато значительное количество кенотафов на указанной территории есть в могильниках вахшской культуры. Так, в могильнике Тигровая Балка они составляют 30 %, Ойкуль – 34,6 %, Вахш I – 38,5 %, Джаркуль и Маконимор – 14,5 % [Виноградова, 2004, с. 89–90]. Еще больше кенотафов в расположенной севернее сапаллинской земледельческой культуре. На некрополях Южного Узбекистана их около 40 %, а в могильнике Кангурттут в Юго-Западном Таджикистане кенотафы составляют более 90 % [Там же, с. 69]. К тому же в сапаллинских могилах находят глиняные статуэтки из необожженной глины, изображающие мужчину и женщину [Там же, с. 45–46, 50–51, 58]. Несмотря на наличие кенотафов в обеих этих культурах, речь в работе Е. Е. Кузьминой, вероятно, идет о вахшских могильниках. Следовательно, следами миграции андроновцев (ведийских ариев) в Индию являются вахшские могилы-кенотафы на юге Средней Азии.

Такое доказательство нельзя признать убедительным и логически выдержанным. Вахшское население, по ее концепции, не является ведийскими ариями, а значит для него не характерны ритуалы, связанные со смертью на чужбине. Даже если допустить, что одним из компонентов сложения бишкентско-вахшской культуры был андроновский, все равно возникает много вопросов. Почему андроновцы сооружали кенотафы на территории вахшских могильников и помещали в них не андроновские, а вахшские сосуды? Ещё сложнее представить ситуацию, что вахшское население сооружало кенотафы для андроновцев.

К тому же эта гипотеза была высказана Е. Е. Кузьминой в то время, когда бишкентско-вахшская культура рассматривалась как культура позднего бронзового века и датировалась в пределах второй половины II тыс. до н. э. Поэтому Е. Е. Кузьмина датирует события, связанные с миграцией андроновского населения на юг, начиная с XVI–XIV до н. э. и до XIII–XI вв. до н. э. [Кузьмина, 2008, с. 283, 336–337].

Большие изменения в понимание бишкентско-вахшской культуры внесло открытие ранних вахшских могил на кладбищах Фархор, Гелот и Дарнайчи в Южном Таджикистане и полученные в последнее время калиброванные радиоуглеродные даты. Датировка вахшского погребения 2 раскоп 2 в Дарнайчи соответствует 2333–2153 гг. до н. э. (1 сигма), 2456–2140 гг. до н. э. (2 сигмы). В Гелоте вахшская могила 13 раскоп 6 датируется 2197–2049 гг. до н. э. (1 сигма), 2203–2036 гг. до н. э. (2 сигмы) [Виноградова, Кутимов, 2018, с. 88]. Таким образом, формирование этой культуры происходит во второй половине III тыс. до н. э. М. Тофер, С. Бобомуллоев, Л. Т. Пьянкова приводят археологические обоснования того, что начало существования вахшской

культуры относится ко второй половине III тыс. до н. э., а завершение – к первой трети II тыс. до н. э. [Teufer, Bobomulloev, P'jankova, 2015, s. 111–113]. Следовательно, с точки зрения современной хронологии, бишкентско-вахшская культура (включая кенотафы) возникла во второй половине III тыс. до н. э. и не могла быть создана андроновцами, мигрировавшими на юг – в Среднюю Азию и далее.

Помимо хронологии, представляют интерес антропологические выводы. Е. Е. Кузьмина считает, что антропологические данные подтверждают ее гипотезу. Со ссылкой на Т. П. Кияткину она утверждает, что черепа Тулхарского могильника – это массивный протоевропеоидный тип степной полосы Евразии с высоким и широким лицом, иначе говоря, андроновцы [Кузьмина, 2008, с. 93]. Однако Т. П. Кияткина пишет следующее: «… большая ширина лица с равным правом позволяет нам отнести тулхарскую серию как к протоевропеоидному типу населения степной полосы Евразии, так и к южному протосредиземноморскому расовому типу. Но очевидно, что более важным признаком черепов из Тулхара является уже отмечавшаяся необычайно большая высота лица. В сочетании с европеоидным комплексом остальных признаков это дает нам совершенно определенную картину, которая встречается очень редко и в большинстве случаев в Передней Азии и в прилегающих к ней областях. Большая высота лица отмечается в погребениях эпохи бронзы в Сиалке (Иран)… В общем редкость этой особенности и сосредоточение в одной географической области делают ее важной вехой в наших попытках определить генетические связи тулхарской серии. Поэтому, несмотря на массивность строения черепов и на большую ширину их лица, мы склонны тулхарскую группу генетически связывать с группами населения Передней Азии и соседних областей» [Кияткина, 1968, с. 182]. Таким образом, антрополог считает более важным признаком черепов из Тулхарского могильника необычайно большую высоту лица и однозначно склоняется в пользу Передней Азии.

Можно сделать вывод, что гипотеза Е. Е. Кузьминой о миграциях андроновцев в Индостан на данный момент не подтверждается ни современными калиброванными радиоуглеродными датами, ни археологическим и антропологическим материалом.

Список источников

Виноградова Н. М. Юго-Западный Таджикистан в эпоху поздней бронзы. М.: Институт востоковедения РАН, 2004. 299 с.

Виноградова Н. М., Кутимов Ю. Г. Погребальные памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане (могильники Гелота и Дарнайчи). М.: Институт востоковедения РАН, 2018. 276 с.

Кияткина Т. П. Черепа эпохи бронзы с территории юго-западного Таджикистана // Материалы и исследования по археологии СССР. 1968. № 145. С. 168–182.

Кузьмина Е. Е. Арии – путь на юг. М.; СПб.: Летний сад, 2008. 558 с.

Teufer M., Bobomulloev S., P'jankova L. T. Das bronzezeitliche Gräberfeld von Džarkul und seine Einbindungin das Chronologiesystem des 3. Jahrtausenden v. Chr. in Südtadžikistan // Mitteilungen der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte. 2015. Band. 36. S. 101–140.

Н. Ф. Степанова[1], И. В. Мерц[2], К. Н. Солодовников[3]
[1] Институт археологии и этнографии СО РАН,
Новосибирск, Россия
[2] Алтайский государственный университет,
Барнаул, Россия
[3] Тюменский научный центр СО РАН,
Тюмень, Россия

АФАНАСЬЕВСКАЯ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ОБЩНОСТЬ ПО ДАННЫМ СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ И ПРОБЛЕМА ВЫДЕЛЕНИЯ ЛОКАЛЬНЫХ КУЛЬТУРНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

Аннотация. В последние десятилетия афанасьевские памятники или находки афанасьевского типа обнаружены в разных регионах Центральной Азии, расстояние между наиболее удаленными объектами составляет более 2000 км. Их огромный территориальный разброс ставит вопрос об афанасьевской культурно-исторической общности с перспективой выделения со временем еще нескольких локальных вариантов.
Ключевые слова: Центральная Азия, локальный вариант афанасьевской КИО, ранний бронзовый век

Афанасьевская культура выделена С. А. Теплоуховым по материалам могильников Среднего Енисея. Позднее такие памятники были открыты на Алтае и обосновано выделение двух локальных вариантов культуры (енисейский и алтайский) [Цыб, 1984; Степанова, 2010]. В последние десятилетия в разных регионах Центральной Азии обнаружены памятники и отдельные находки афанасьевского типа. Расстояние между наиболее удаленными из них с запада на восток и с севера на юг составляет более 2 400 и 1 600 км, что позволяет говорить об афанасьевской КИО, и поставить вопрос о выделении в её рамках новых локальных вариантов [Степанова, Мерц, 2021].

В настоящее время афанасьевские памятники известны в горах и предгорьях Алтая (рис. 1, *1*), в Минусинской котловине, в Туве, в предгорьях Хангая, вдоль Внутреннего Азиатского горного коридора – горные системы Саур, Тарбагатай, Кертау, Тянь-Шаня [Вадецкая, Поляков, Степанова 2014; Ковалев 2019; и др].

Изучение погребального обряда и инвентаря с афанасьевских некрополей Енисея и Горного Алтая позволило выделить признаки, которые могут быть критериями для определения культурной принадлежности вновь открытых памятников из других регионов. Установлено, что для афанасьевских могильников характерно несколько разновидностей надмогильных конструкций округлой или круглой формы из камней и плит, которые различаются тем, как установлены или уложены камни – вертикально или горизонтально (рис. 1, *6, 8*). Погребения совершались в грунтовых могильных ямах, перекрывались массивными плитами или деревянными накатами. Умерших укладывали на спине и реже на правом боку с согнутыми в коленях ногами, головой преимущественно в юго-западный и западный сектор, посыпали охрой. Преобладают остродонные сосуды, реже встречаются круглодонные и плоскодонные, курильницы и другие предметы (рис. 1, *2–4*) [Степанова, 2010].

Новый локальный вариант афанасьевской КИО раннего бронзового века выделяется по материалам Саура и Тарбагатая. На Сауре раскопаны могильники Айнабулак-Темирсу и Суншугоу с плоскими курганами из одного слоя камней или земляными курганами с каменной оградой. В грунтовой могильной яме умершие похоронены на спине с подогнутыми ногами, головой на запад, посыпаны охрой. На Тарбагатае исследованы могильники Сапа (рис. 1, *5, 7*), Талпын, Култайлак, водохранилище Абдра, Худжирт. Для них типичны курганы с плоской насыпью с крупными камнями по окружности, каменно-земляные курганы, ограды из вертикально поставленных плит, заполненные камнями. Перекрытия сооружались

© Степанова Н. Ф., Мерц И. В., Солодовников К. Н., 2025

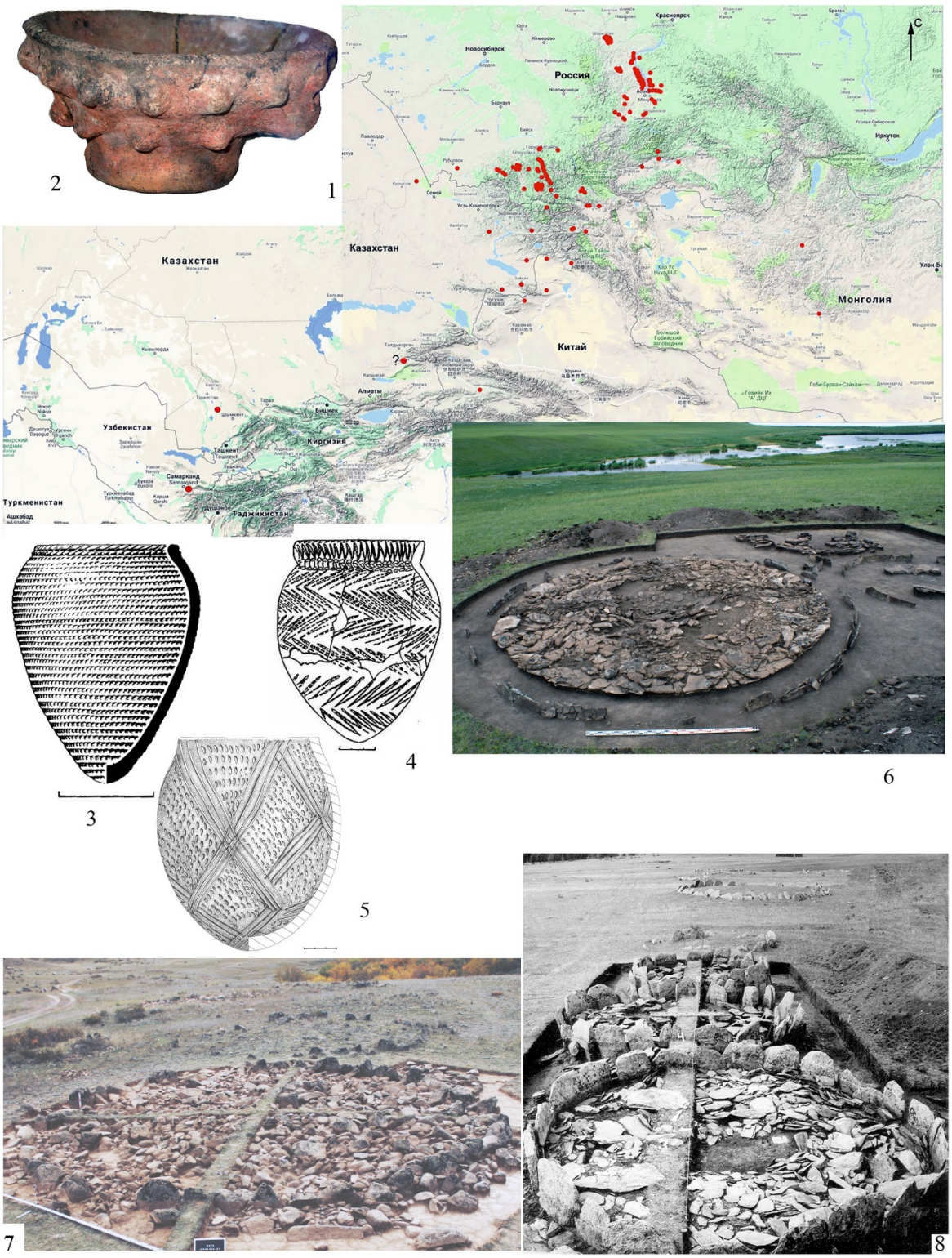

Рис. 1. Карта памятников афанасьевской КИО (*1*), курильница (*2*), надмогильные конструкции и сосуды с Енисея (*6, 3*), из Восточного Казахстана (*7, 5*) и Горного Алтая (*8, 4, 1*). Могильники Кор-Кобы-I (*2*), Карасук III (*3*), Нижний Тюмечин-1 (*4*), Сапа (*5, 7*), Итколь II (*6*), Первый Межелик-1 (*8*). [Афанасьевский сборник, 2010]

из каменных плит и, видимо, дерева. Умерших укладывали на спине с подогнутыми ногами, головой в западном, северо-восточном и восточном направлении, посыпали охрой. Из инвентаря присутствуют сосуды, металлические орудия и украшения. В регионе известна стоянка в гроте Тунтянь, где в слое афанасьевского времени (L5) были обнаружены ячмень, мягкая пшеница, что позволяет до-

пустить, что носители афанасьевской культуры были знакомы с этими злаками, которые могли поступать из земледельческих районов Центральной Азии [5,200-year-old cereal grains…, 2020].

На остальной территории Синьцзяна афанасьевские памятники известны возле Джунгарского прохода на склонах Кертау – Водохранилище Алтынэмель и на Восточном Тянь-Шане – Синьфу. Это каменно-земляной курган с грунтовой ямой, в которой погребенный уложен скорчено на боку, головой на СЗ с сосудом и каменными бусами. В могильнике Синьфу, в кургане с каменной оградой, было 3 грунтовые могилы, где в положении на спине с подогнутыми ногами головой на запад находилась умершие с керамической посудой, каменным и металлическим инвентарем [Ковалев, 2019]. Отметим, что некрополи в районах Внутреннего Азиатского горного коридора отличаются разнообразием инвентаря и сложным погребальным обрядом. Надмогильные конструкции и посуда имеют сходство с комплексами Горного Алтая, Синьцзяна, Западной Монголии.

Выделяется еще несколько групп памятников (в Центральной Монголии, Туве), которые с появлением новых материалов могут составить основу для выделения новых локальных вариантов. Среднеазиатская группа афанасьевских памятников представлена святилищем Жуков в Фергане, случайными находками керамики на Бугуньском водохранилище. Данные материалы проявляют близость с минусинскими комплексами.

При выявлении новых объектов и определении их культурной принадлежности необходимо учитывать отмеченные выше признаки погребального обряда афанасьевской культуры. Актуален тщательный анализ материалов, особенно полученных с объектов, удаленных на сотни километров от основных районов сосредоточения афанасьевских памятников. Более сложная ситуация с керамическими комплексами. С одной стороны, афанасьевская керамика достаточно специфична и узнаваема. С другой стороны, как показывают исследования в Восточном Казахстане и в Горном Алтае, встречаются оригинальные формы сосудов и орнамента, не имеющие аналогий среди афанасьевской керамики.

Список источников

Вадецкая Э. Б., Поляков А. В., Степанова Н. Ф. Свод памятников афанасьевской культуры. Барнаул: Изд-во «Азбука», 2014. 380 с.

Ковалев А. А. Распространение афанасьевской культуры на территории Синьцзяна: хронологические рамки и типологические особенности // Феномен культур раннего бронзового века Степной и Лесостепной Евразии: пути культурного взаимодействия в V–III тыс. до н. э. Оренбург: ОГПУ, 2019. С. 188–209.

Степанова Н. Ф. Афанасьевская культура Горного Алтая и Енисея: погребальный обряд и керамика (сходство и различия) // Афанасьевский сборник. Барнаул: Изд-во «Азбука», 2010. С. 177–187.

Степанова Н. Ф., Мерц И. В. Новое о локальных вариантах афанасьевской культурно-исторической общности // Культуры Азиатской части Евразии в древности и средневековье. Самарканд: СГУ, 2021. С. 332–337.

Цыб С. В. Афанасьевская культура Алтая: автореф. дис. … канд. ист. наук. Кемерово, 1984. 19 с.

5,200-year-old cereal grains from the eastern Altai Mountains redate the trans-Eurasian crop exchange / X. Zhou, J. Yu, R. N. Spengler, H. Shen, K. Zhao, J. Ge, Y. Bao, J. Liu, Q. Yang, G. Chen, P. W. Jia, X. Li // Nat. Plants. 2020. 6. pp. 78–87.

О. В. Сычева
Институт истории материальной культуры РАН,
Санкт-Петербург, Россия

КЕРАМИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ ГОНУР-ДЕПЕ В ЗЕРКАЛЕ ХРОНОЛОГИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ МОГИЛЬНИКА НА РАСКОПЕ 12)

Аннотация. В работе анализируются керамические комплексы локального могильника на Раскопе 12 Гонур-депе. Полученные результаты позволили выявить некоторые тенденции в развитии керамического производства. К началу II тыс. до н.э. наблюдается уменьшение разнообразия типов, при этом количество сосудов в погребениях увеличивается. На первое место выходят новые типы сосудов, а также изменяются формы некоторых из них.

Ключевые слова: БМАК, Цивилизация Окса, керамика, Центральная Азия

Исследование проведено в рамках выполнения программы ФНИ ГАН «Особенности смены археологических культур у скотоводов Евразии и земледельцев Кавказа и Центральной Азии в неолите – раннем Средневековье» (FMZF-2025-0008) Исследования в Туркменистане проводятся в рамках Соглашения между Министерством культуры Туркменистана и ИЭА РАН.

Гонур-депе – протогородской центр Бактрийско-Маргианского археологического комплекса (Цивилизация Окса), III–II тыс. до н. э., располагается в юго-восточном Туркменистане, в пустыне Каракумы. Памятник был открыт в 1972 г. В. И. Сарианиди и на протяжении многих лет исследовался под его руководством. В настоящее время исследования Гонур-депе осуществляются Российско-Туркменской Маргианской археологической экспедицией под руководством Н. А. Дубовой.

Керамика является одним из важнейших источников для решения вопросов хронологии и периодизации Гонур-депе. На памятнике были найдены десятки тысяч фрагментов и порядка 2000 целых форм сосудов [Sarianidi, 2007, p. 53], получено 165 радиоуглеродных дат, что позволяет выделить наиболее ранние комплексы, которые относятся к III тыс. до н. э.

Одним из них является локальный некрополь на Раскопе 12. По выборке из 9 радиоуглеродных дат наиболее вероятное время его функционирования ограничивается 2400–2000 гг. до н. э. Если эти датировки верны, существование этого могильника синхронизируется со временем формирования и расцвета центрального дворцово-храмового комплекса Гонуп-депе.

Некрополь располагается к юго-западу от центральной части памятника, и с запада граничит с Раскопом 16. Сам могильник вытянут по линии север – юг и делится на два микрокомплекса. Северный – насчитывает 50 погребений. К южному относятся 100 погребений, большинство из которых расположены внутри помещений [Могильник…, 2018, с. 32]. Большинство погребений устроено в подбоях и грунтовых ямах. Захоронения в цистах являются редкостью: всего их было обнаружено 12, из которых 9 располагались на территории южного микрокомплекса.

Цель данной работы заключается в том, чтобы на основе имеющихся датировок по ^{14}C выделить типы сосудов, которые складываются и существуют в III тыс. до н. э., а также попытаться проследить тенденции изменения керамических комплексов на рубеже III–II тыс. до н. э.

Для анализа керамического комплекса было отобрано 205 сосудов из 107 погребений Раскопа 12. Были взяты те сосуды, которые можно точно отнести к определенной группе по классификации Удеумурадова[28] [Udeumuradov, 2002, с. 134–141].

© Сычева О. В., 2025

[28] Необходимо отметить, что работы Б. Н. Удеумурадова посвящены археологическим комплексам эпохи развитой бронзы Южного Туркменистана (Алтын-депе, Келлели, Тахтабазар), а не исключительно Гонур-депе.

Все рассматриваемые сосуды изготовлены на гончарном круге.

Керамику из Раскопа 12 можно разделить на 21 группу: 1–11, 13, 16–24. К группе 1 относятся – конусовидные миски или чаши. К группе 2 – чаши с округлой полусферической емкостью. Разнообразные кубки на ножке принадлежат к группе 3. К группе 4 – вазы на ножке. Конические сосуды-чаши относятся к группе 5. К группе 6 – высокие (глубокие), конические, тулово которых переходит в полую ножку. Сосуды группы 7 – с прямыми стенками, слегка отогнутым венчиком и подкосом у основания. К группе 8 относятся большие хозяйственные сосуды типа хумчи. К группе 9 – горшки с так называемым реповидным туловом. Сосуды группы 10 имеют трубчатые носики или носик-слив. Высокие сосуды с низкой шеей и округлым туловом в верхней части относятся к группе 11. Сосуды группы 16 имеют тонкое горло и округлое тулово в нижней части. К группе 17 – сосуды с округлым туловом, двумя ручками по бокам и слегка отогнутым венчиком. Сосуды с округлым туловом, невысоким горлом и отогнутым венчиком принадлежит к группе 18. К группе 19 относятся подцилиндрические миниатюрные сосуды. Группа 20 состоит из небольших стакановидных сосудов с вогнутыми стенками тулова. Сосуды группы 21 представляют собой сосуды-стаканы с прямыми стенками и выемкой у основания. В состав группы 22 входят горшки кувшиновидной формы. Сосуды группы 23 – это горшки с округлым туловом и коротким широким горлом. Группа 24 состоит из горшковидных сосудов с округлым туловом и невысоким широким горлом.

Анализ керамики позволил выделить ведущие типы. В погребениях преобладают сосуды групп 24 (43 экз.), 21 (30 экз.), 23 (27 экз.), 1 (22 экз.), 3 (17 экз.), 4 (14 экз.) групп. Сравнительно небольшое количество принадлежит группам 5 (7 экз.), 8 (7 экз.), 9 (5 экз.), 20 (5 экз.). Очень редко встречаются сосуды групп 10 (3 экз.), 19 (3 экз.), 16 (2 экз.), 2 (1 экз.), 11 (1 экз.), 17(1 экз.), 18 (1 экз.), 22 (1 экз.).

Все указанные типы сосудов имеют аналогии в памятниках Алтын-депе и Намазга-депе и датируются по традиционной хронологии периодом Намазга V [Масимов, 1974, с. 41–52; Пьянкова, 1994, с. 138; Удеумурадов, 1993, с. 42–50].

Имея даты с других локальных некрополей, мы можем проследить тенденции изменений данных типов керамики. Для сравнения рассмотрим два локальных некрополя: первый из них, Раскоп 16, граничит с Раскопом 12 на западе, а второй находится на сателлитном поселении Гонур-20, расположенном в 2,6 км к югу от основного комплекса. Могильник на Гонуре-20 датируется рубежом III–II тыс. до н. э. (2200–1800 гг. до н. э.), локальный некрополь на Раскопе 16 является относительно поздним (2000–1500 гг. до н. э.) [Радиоуглеродная..., 2008, с. 178].

На Раскопе 12 практически не встречаются погребения с большим количеством керамики. Максимальное количество сосудов, зафиксированных в одной могиле, составляет 10 экземпляров. Погребений, где было бы больше 5 сосудов – всего 16. Совсем другая ситуация на могильниках Раскопа 16 и Гонур-20, где встречаются захоронения с керамическим набором из 20 и более сосудов. Несмотря на то, что количественно сосудов в погребении становится больше, разнообразие типов становится меньше. Так, в II тыс. до н. э. ведущими типами становятся конические сосуды групп 5 и 6, сосуды группы 21 встречаются крайне редко, а типы 7, 12, 18 и 20 на Гонуре-20 не фиксируются вовсе [Состав керамических…, 2024, с. 108].

Изменения касаются и морфологии отдельных типов. Так, сосуды группы 4 (вазы на ножке) в более поздних комплексах имеют сравнительно больший диаметр резервуара и более изящную ножку. Вазы на ребристых ножках не встречаются вовсе. Чайники в ранних комплексах Гонура фиксируются в единичных экземплярах и по форме тулова близки к сосудам группы 24. Со временем их количество увеличивается, а форма тулова становится более округлой. Формы остальных групп сосудов продолжают существовать

без значительных изменений и в более позднее время.

Полученные результаты позволяют проследить некоторые тенденции в развитии керамического производства Гонур-депе. Ранний керамический комплекс на Гонуре представлен 21 типом керамики. К II тыс. до н. э. происходят некоторые изменения: уменьшается разнообразие типов (на Раскопе-16 их становится 19, на Гонуре-20 – 16), при этом количество сосудов в погребении увеличивается. На первое место выходят совершенно другие типы сосудов, также меняется форма некоторых из них. Все это может указывать на растущую значимость керамических изделий в погребальных практиках и предпочтениях в керамике в целом. Кроме того, дальнейшая разработка классификации и типологии керамического комплекса Гонур-депе позволит более детально исследовать изменчивость в производстве керамики и ее место в погребальном обряде.

Список источников

Могильник на юго-западе Гонур-депе (раскоп 12). Сообщение 1 / Н. А. Дубова, Р. М. Сатаев, А. В. Фрибус, С. П. Грушин, В. В. Куфтерин // Труды Маргианской археологической экспедиции. Исследования Гонур-депе в 2014–2015 гг. М.: Старый сад, 2018. Том 7. С. 29–80.

Радиоуглеродная хронология памятника Гонур-депе / Г. И. Зайцева, Н. А. Дубова, А. А. Семенцов, П. Реймар, Дж. Мэллори, Х. Юнгнер // Труды Маргианской археологической экспедиции. М.: Старый сад, 2008. Т. 2. С. 166–179.

Масимов И. С. Комплекс керамики из раскопа А-1 поселения Намазга-депе // Материальная культура Туркменистана. Ашхабад: Изд-во «Ылым», 1974. Вып. 2. С. 39–55.

Пьянкова Л. Т. Керамика Маргианы и Бактрии эпохи бронзы // Информационный бюллетень Международной ассоциации по изучению культур Центральной Азии. 1994. Вып. 19. С. 135–155.

Состав керамических наборов из погребений Северного Гонура (раскоп 16) и сателлитного поселения Гонур-20 / О. В. Сычева, А. В. Фрибус, В. В. Куфтерин, Н. А. Дубова // Культуры и цивилизации Центральной Азии от неолита до средневековья. СПб.: ИИМК РАН, 2024. С. 107–110.

Удеумурадов Б. Н. Алтын-депе и Маргиана: связи, хронология, происхождение. Ашхабад: «Ылым», 1993. 148 с.

Sarianidi V. Necropolis of Gonur. Athens: Kapon Editions, 2007. 340 p.

Udeumuradov B. Ceramic material from Gonur-depe Necropolis // Margiana. Gonur-depe Necropolis. Venice: Il Punto, 2002. 210 p.

А. А. Тимощенко, А. В. Выборнов, Р. В. Давыдов
Институт археологии и этнографии СО РАН,
Новосибирск, Россия

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ МОГИЛЬНИКА ПЕРИОДА ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ СТАНЦИЯ КАМЫШТА-7 (ЛЕВОБЕРЕЖНАЯ ДОЛИНА РЕКИ АБАКАН)

Аннотация. На основе типологии сооружений и радиоуглеродной датировки установлена последовательность формирования могильника периода поздней бронзы Станция Камышта-7. Основной период функционирования могильника приходился на XIV–XIII вв. до н. э. В общем «карасукском» характере курганных конструкций и погребального инвентаря прослеживаются черты, присущие инокультурному населению.

Ключевые слова: Хакасско-Минусинская котловина, река Камышта, Станция Камышта, период поздней бронзы, карасукская культура, могильник, радиоуглеродная датировка

Исследования проведены в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2025-0012 «Закономерности распространения и источниковедческие аспекты сохранения объектов археологического наследия в условиях техногенных изменений ландшафтов Евразии».

© Тимощенко А. А., Выборнов А. В., Давыдов Р. В., 2025

Могильник Станция Камышта-7 расположен в Сагайской степи в центральной части Южно-Минусинской котловины. В 2023 г. большая часть могильника была исследована сплошным раскопом, в результате которого получены данные о 293 погребениях (165 курганов) [Могильник…, 2023] (рис. 1, *а*). В 2024 г. по костям погребенных были получены 53 радиоуглеродные даты, которые представляют абсолютный возраст могильника и уточняют последовательность его сооружения.

По предварительной оценке, большая часть погребений была связана с хронологическими горизонтами III лугавского этапа периода поздней бронзы (XI–IX вв. до н. э.). Однако радиоуглеродное датирование показывает, что абсолютное большинство курганов возникло в XIV–XIII вв. до н. э. В такой хронологической однородности могильника привлекают особое внимание наблюдаемые различия в конструкции оград, структуре погребений и предметном комплексе.

В результате кластерного анализа (UPGMA, евклидово расстояние) с проверкой результатов на основе попарного равнения групп (Mann – Whitney U) установлено, что в выборке из 53 дат выделяются 4 хронологические группы. Группа 1 включает наиболее поздние даты 1015±67 и 980±62 гг. до н. э. Группа 2 включает также поздние даты, от 1205±76 до 1114±68 гг. до н. э. Всего на две группы приходится 8 дат. Группа 3 выделяется как содержащая три наиболее ранние даты – от 1424±56 до 1409±58 гг. до н. э. Основная масса в 42 даты приходится на группу 4, от 1367±56 до 1243±75 гг. до н. э. В ней выделяются две подгруппы: 4А (12 поздних дат от 1301±66 до 1243±75 гг. до н. э.) и 4Б (30 ранних дат от 1367±56 до 1311±63 гг. до н. э.).

Курганы могильника разделены на 5 типов с вариантами. Типы 1–3 имеют прямоугольные ограды из вертикально установленных плит песчаника в один ряд. В могилах типов 1–3 – по одному погребенному на спине или вполоборота, головой на юго-запад; в западном углу керамический сосуд, у северо-восточной стенки заупокойная пища. Отличия заключаются в заполнении оград (тип 1, 3 – без заполнения; 2 – со сплошной или кольцевой выкладками) и оформлении могильных ям (тип 1, 2 – с каменными ящиками, перекрытыми плитами песчаника или выкладками из обломочного камня; тип 3 – грунтовые ямы с выкладками из обломочного камня). Тип 4 – ограды, сооруженные из обломочного камня в один ряд с каменными ящиками. Подгруппы: 4А – прямоугольные и круглые ограды без заполнения внутреннего пространства (37 шт.); 4Б – круглые со сплошным заполнением мелким обломочным камнем (15 шт.); 4В – выкладки из обломочного камня без ярко выраженных оград (25 шт.). Тип 5 – ограды из обломочного камня в один ряд, с выкладками внутри и без них, с могильными ямами, перекрытыми выкладками из обломочного камня или плитами песчаника. В ямах лежали погребенные, головами на юго-запад или северо-восток, вытянуто на спине или вполоборота на левом боку; один или два сосуда и заупокойная пища.

При типологии погребений не учитывался погребальный инвентарь. Корреляция между характеристиками могильного сооружения и предметным комплексом наблюдается, но требует проверки статистическими методами. Из очевидных тенденций можно отметить, что ряды округлых вдавлений и оттиски квадратного штампа на керамических сосудах встречаются, как правило, в погребениях типа 1. В таких же условиях найдены все три костяных гребня. Бронзовые пряжки колесничего (ПНН) обнаружены в грунтовой могиле типа 5 и в каменном ящике типа 4А.

Исходя из сопоставления типов курганов и датировок установлено, что наиболее ранним является тип 1 (наиболее распространен в конце XV–XIV вв. до н. э.). Тип 5 – наиболее поздний (чаще всего встречается даты XIII–XII вв. до н. э.) (рис. 1, *б*). Остальные типы не столь ярко выделяются в хронологическом аспекте и могут отражать переходные процессы в период наиболее активного функционирования могильника. К более раннему

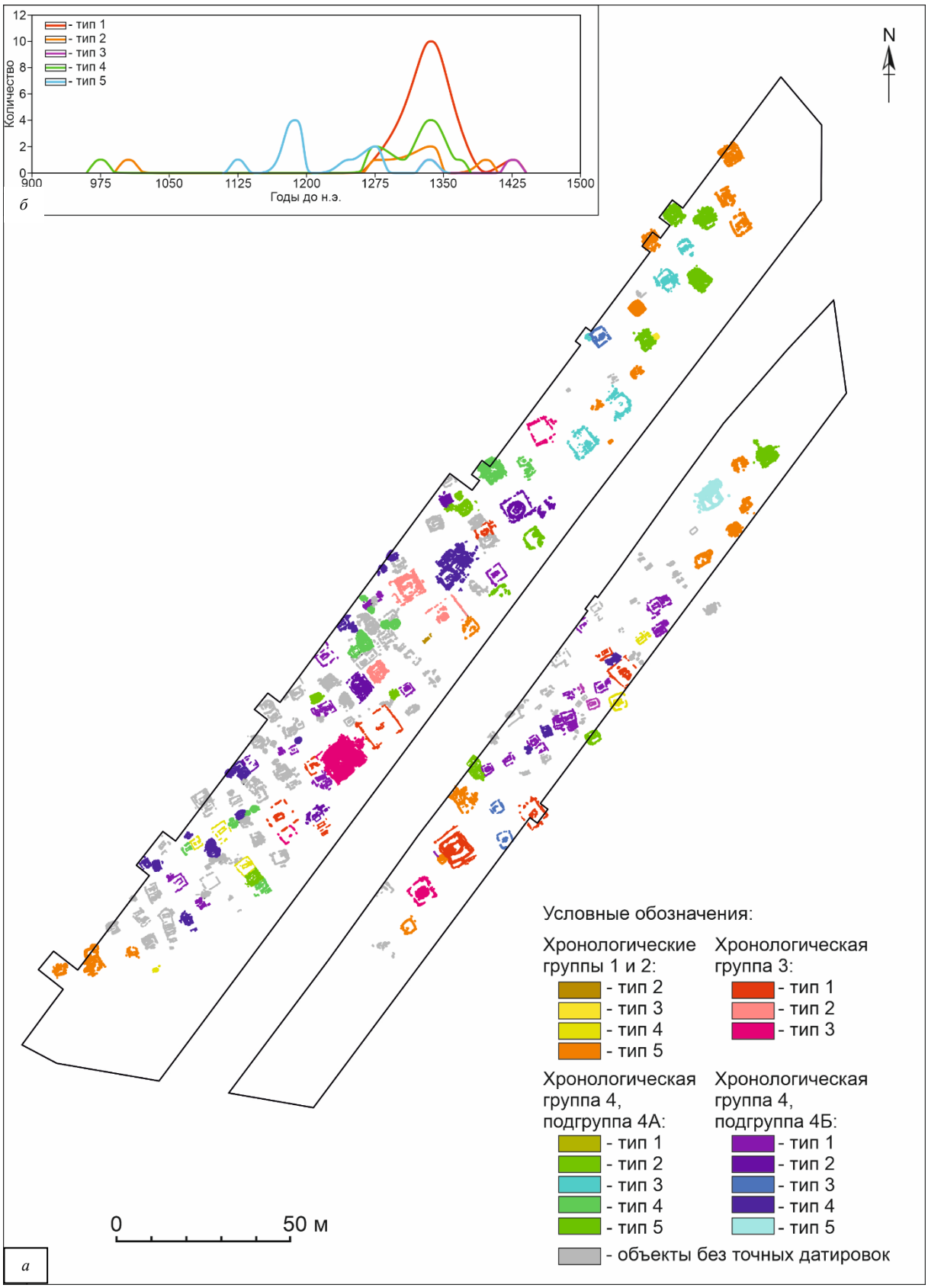

Рис. 1. Хронологические аспекты формирования могильника поздней бронзы Станция Камышта-7: *а* – планиграфическая ситуация на территории могильника с указанием хронологических групп и типов курганных конструкций; *б* – датировки типов курганных конструкций

времени относится использование для сооружения оград вертикально стоящих плит песчаника и формирование могил в каменных ящиках. Позднее используется обломочный камень, а могилы приобретают вид грунтовых ям. В пределах од-

ного кургана может быть сооружено несколько оград различных хронологических периодов. Так, в пределах кургана 120 фиксируются погребения, которые сооружались с 1410±58 по 1298±66 гг. до н. э.

Материалы могильника Станция Камышта-7 позволяют выдвинуть гипотезу о сосуществовании в XIII–XIV вв., период наиболее активного использования погребального пространства, носителей различных по происхождению культурных традиций. Условно выделяемые «степной карасукский» и «северный таёжный» компоненты в погребальном инвентаре, требуют дальнейшей проверки с учетом данных антропологических исследований и подробной типологии предметного комплекса. Важным остается решение проблемы датировки отдельных предметов. В частности, костяные гребни и ПНН, относимые к периоду после XI в. до н. э. [Поляков, 2022, с. 310], в могилах на Станции Камышта-7 обнаружены в погребениях, которые имеют радиоуглеродные датировки не моложе третьей четверти XII в. до н. э.

Объекты, отнесенные к хронологическим группам 3 и 4, располагаются в центральной части могильника. Единичные курганы находятся в юго-западной части. Могилы, чьи датировки укладываются в границы групп 1 и 2 (поздние), смещены к северо-восточной части могильника. Отдельные объекты присутствуют в центре, пристроенные к другим оградам.

Список источников

Поляков А. В. Хронология и культурогенез памятников эпохи палеометалла Минусинских котловин. СПб.: ИИМК РАН, 2022. 364 с.

Могильник периода поздней бронзы в Сагайской степи (Станция Камышта-7): обзор раскопок 2023 года / А. А. Тимощенко, А. В. Выборнов, Р. В. Давыдов, А. А. Морозов, А. К. Мамаева, В. А. Долганов // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2023. Т. 29. С. 1155–1161.

М. М. Тихомирова
Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник имени А. А. Горбенко, Азов, Россия

О РЕГИОНАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЯХ КУРИЛЬНИЦ КАТАКОМБНЫХ КУЛЬТУР ЭПОХИ СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ

Аннотация. Курильницы эпохи средней бронзы являют собой неординарные предметы, семантически восходящие к жаровням. Богато орнаментированные и различные по формам, в каждом регионе они имеют определенные особенности как с точки зрения формы и орнаментации, так и расположения и количества в одном погребении. Данные различия могут указывать на неодинаковое понимание смысла курильницы в погребальном обряде, маркирование статусных погребений.

Ключевые слова: эпоха средней бронзы, катакомбная культура, курильницы, степное Предкавказье, Волго-Донское междуречье, Средний Дон, Северный Кавказ

Эпоха средней бронзы представляет собой неординарное явление на обширной территории – от степей Предкавказья до Воронежской области. Ее характеризует не только обновление традиций, связанных с погребальным обрядом, например, на смену ямам приходят катакомбы, но и активное взаимодействие различного населения, что нашло отражение в погребальных памятниках. Одним из новшеств становится курильница – ритуальная чаша на ножках, реже – поддоне, которую использовали представители катакомбных культур.

Принято считать, что применение курильниц выглядело следующим образом:

© Тихомирова М. М., 2025

в ходе погребального ритуала сооружение окуривалось – очищалось с помощью огня и/или дыма. Подтверждением этого выступают многочисленные находки растительности (веточек, тлена) в чаше. Кроме того, в ней обнаруживают и угольки, что роднит курильницу как категорию погребального инвентаря с жаровнями, свойственными раннекатакомбному времени. Они, в отличие от курильниц, представляют собой фрагменты сосудов кухонного назначения – горшков. Как правило, это придонные части с дном или крупные части стенок. В них обнаруживаются угли, что говорит о культовом значении, огненной семантике. Таким образом, если курильницы, предположительно, создавались специально по случаю погребения, то жаровни изначально существовали как сосуды иного назначения, в определенной ситуации становившиеся культовыми.

На данный момент обнаружено более тысячи курильниц, происходящих с территории Предкавказья, прилегающей к р. Маныч, р. Дон, Волго-Донского междуречья. Все они разнообразны, мы выделим только несколько, на наш взгляд, ключевых особенностей. Их выбор обусловлен как степенью изученности (например, антропологических данных по некоторым регионам пока недостаточно, чтобы говорить о корреляции половозрастных характеристик и типа курильницы), так и яркостью признака.

Во-первых, форма и орнаментация. Она является одновременно и хронологическим, и культурным маркером. В регионах наблюдаются определенные типы курильниц, как по форме, так и способу нанесения украшений и непосредственно орнамента, его элементов и динамики.

Форма сосуда указывает на его функционал. Наиболее стандартизированы курильницы в Предкавказье, на Маныче, где большинство этих предметов для развитого периода эпохи средней бронзы более устоявшиеся и идентичные: чаши на четырехлепестковых ножках и с внутренним отделением. В регионах распространения идеи курильниц их форма была воспринята своеобразно. Например, внутреннее отделение чаши может быть только намечено валиком (Семимаячный-III 11/2[29]) или вместо ножек чашу ставили на поддон. Также курильницы различны по степени «стройности» – отношения диаметра венчика к высоте сосуда.

Орнаментация курильниц не менее показательна. Можно предположить, что она указывает на принадлежность погребенного к социальной группе, обусловленной родом или деятельностью. Орнаментация на керамике и других вещей, входящих в инвентарь, нередко схожа, если не повторяя точь-в-точь, то имея общие мотивы или способы исполнения на объектах из одного материала (керамика, металл) (Колдыри 23/6[30]). Кроме того, известен случай, когда в пределах одного курганного могильника встречены курильницы, идентичные по форме и орнаментации (Северный-II[31]).

На данный момент тема курильниц катакомбных культур эпохи средней бронзы наиболее полно раскрыта Н. В. Панасюк, изучившей более тысячи предметов и составившей на их основе актуальную классификацию. Ею выделено 7 региональных типов курильниц [Панасюк, 2015, с. 66–90].

К курильницам раннекатакомбного горизонта отнесено 7 типов: I–II, VII, IX–XII. В качестве характерного признака можно отметить отсутствие внутреннего отделения.

Выделены типы курильниц, характерные для восточноманычской катакомбной культуры (далее – ВМКК), среди которых есть как приведенные выше, за исключением типа IX, так и другие: III, V, VI, VIII.

---

[29] Лапшин А. С. Отчет об археологических исследованиях, проведенных отрядом Волго-Ахтубинской археологической экспедиции в Белокалитвинском районе Ростовской области в 2008 году. Волгоград, 2008 г. С. 38–39.

[30] Беспалый Е. И. Отчет о работах Приморского археологического отряда Азовского музея в 1983 г. Азов: АКМ, 1984. С. 94–100.

[31] Отчет о раскопках курганов в Сальском и Багаевском районах Ростовской области в 1973 году / А. А. Горбенко, Н. М. Фомичев, В. Е. Максименко, В. А. Кореняко. Азов: РГУ, АКМ, 1974. 90 с.

Последний тип можно назвать маркирующим для данной культуры.

Для западноманычской катакомбной культуры (далее – ЗМКК) характерно своеобразие этой категории погребального инвентаря. Кроме уже названных типов I–III, V–VI, X, встречен тип IV. Он встречается преимущественно в комплексах ЗМКК, что может указывать на то, что он её маркирует.

На территории распространения среднедонской катакомбной культуры (далее – СКК) не выделено специфических типов курильниц. Набор схож со встречаемыми в манычских культурах: типы I–IV, VI, IX, X. Существенные отличия следующие: большая высота типов II, IV, VI, а также композиция орнамента, представляющая собой горизонтальные оттиски рядов шнура или штампа. Курильницы ВМКК и ЗМКК украшены, как правило, четырехчастной, зональной композицией.

Для волго-донской катакомбной культуры характерны типы I–II и XI. Характерна орнаментация, схожая с использовавшейся представителями СКК.

На территории Северного Кавказа выделяются две группы памятников: верхнекубано-кумские (суворовская культура) и закубано-успенские. Для первой группы характерны типы I–III, VI, IX–XI. Для второй – типы I–II, VI, IX.

Для батуринской катакомбной культуры известны только отдельные экземпляры, в целом схожие с закубанскими находками.

Во-вторых, их расположение в погребальном сооружении. Как правило, курильницы обнаруживаются поблизости от костяка. Но также известны случаи, когда они фиксировались у входа в камеру или входили в состав набора на дне входной ямы. Кроме того, специальные ниши, куда помещались курильницы, устраивались в стенках и могильных камер. Внутри камеры курильница может находиться в ее углах около входа или же в противоположном от него углу. Прослеживается корреляция ориентировки костяка и местоположения ритуальной чаши – она обнаружена чаще в той стороне, куда направлен череп, а не ноги.

В кенотафах курильница чаще всего занимает центральное положение, вокруг нее располагался остальной инвентарь.

В-третьих, их количество в одном захоронении. Н. В. Панасюк указывает на то, что в комплексах ВМКК курильница являлась ординарным предметом, в то время как в ЗМКК она была маркером более высокого статуса для населения региона [Панасюк, 2015, с. 107; Одиночный курган…, 2012; Шинкарь, 2020]. Такая же ситуация характерна не только для ЗМКК. Нередко помещенные курильницы располагались в камере, как по сторонам от входа, так и около костяка (Каракашево 2/8[32]).

Отметим, известно несколько комплексов, где обнаружены и курильница, и жаровня: Красногоровка I 1/16[33] и Колдыри 17/3[34]. Жаровни являются частым предметом сопроводительного инвентаря в раннекатакомбных, манычских комплексах, как отмечалось выше, они, вероятно, выполняли ту же функцию, что и курильницы.

Н. В. Панасюк отмечается зависимость расположения курильницы от половозрастных характеристик погребенного. Например, по материалам ВМКК, в мужских погребениях ритуальные чаши обнаружены чаще в углу или у стенки за черепом, а также поблизости от стоп и коленей, в то время как в женских погребениях они фиксируются в области черепа или груди [Панасюк, 2015, с. 97–98].

Данные особенности показывают, какова была роль курильницы, как её воспринимали культуры, отдаленные от центра распространения интересующей нас категории инвентаря. Региональные особенности курильниц обусловлены

[32] Отчет о раскопках курганов в Сальском и Багаевском районах Ростовской области в 1973 году / А. А. Горбенко, Н. М. Фомичев, В. Е. Максименко, В. А. Кореняко. Азов: РГУ, АКМ, 1974. С. 8–11.

[33] Беспалый Е. И. Отчет о работах Приморского археологического отряда Азовского музея в 1984 году. Азов: АКМ, 1985 С. 77–78.

[34] Беспалый Е. И. Отчет о работах Приморского археологического отряда Азовского музея в 1983 г. Азов: АКМ, 1984. С. 65–68.

как местными традициями, так и своеобразным восприятием семантики. Показателем этого служит и в целом погребальный обряд: форма могильного сооружения (яма с заплечиками, катакомба, яма с подбоем), а также состав инвентаря. В отличие от жаровни, являвшейся частью уже готового сосуда, курильницы, скорее всего, изготавливались индивидуально – по случаю смерти.

Список источников

Панасюк Н. В. Курильницы катакомбных культур Предкавказья: дис... канд. ист. наук. М., 2015. 519 с.

Одиночный курган Перекопка V / И. В. Сергацков, А. Н. Дьяченко, В. М. Клепиков, М. В. Кривошеев // Курганы бронзового века в излучине Дона (опыт комплексных археологических и естественнонаучных исследований). Волгоград: Волгоградский фил. РАНХиГС, 2012. С. 36–75.

Шинкарь О. А. Погребение представителей элиты эпохи средней бронзы из Нижнего Поволжья // Stratum. Археология и культурная антропология. Узы невозврата. Праисторические миграции в потоке культуры. 2020. № 2. 135–153.

А. А. Ткачев, П. С. Ушаков
Тюменский государственный университет,
Тюмень, Россия

ТИПОЛОГИЯ И ХАРАКТЕРИСТИКА ВЕЩЕВОГО ИНВЕНТАРЯ ПАХОМОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПО МАТЕРИАЛАМ ПОСЕЛЕНИЯ НОВО-ШАДРИНО VII

Аннотация. Представлен анализ вещевого инвентаря пахомовской культуры, выявленного на поселении Ново-Шадрино VII. Изучено 259 артефактов из глины, камня, кости и других материалов. Выделены типологические группы, отражающие хозяйственную, ремесленную и социальную жизнь населения. Особое внимание уделено функциональному назначению и их роли в адаптации к лесостепной экосистеме позднего бронзового века.

Ключевые слова: пахомовская культура, археология, поселение, Ново-Шадрино VII, материальная культура, орудийный набор, лесостепь, бронзовый век

Поселение Ново-Шадрино VII представляет собой опорный памятник пахомовской культуры позднего бронзового века (XV–XIII вв. до н. э.), расположенный в лесостепной зоне Притоболья. Этот объект позволяет глубже понять особенности пахомовской культуры, которая сформировалась на стыке взаимодействия степных андроновских групп населения и лесных сообществ [Ткачев, 2017, с. 17].

Пахомовская культура демонстрирует уникальный синтез технологий и хозяйственных практик, отражающийся в богатом материальном наследии. Исследование поселения Ново-Шадрино VII имеет важное значение для понимания процессов адаптации населения лесостепной зоны к местным экологическим условиям и формирования комплексных социоэкономических систем. Археологические находки поселения Ново-Шадрино VII свидетельствуют о развитых технологиях обработки металлов, керамики и органических материалов, а также о сложных формах общественной организации и торговых связей в среде пахомовского населения. Экспериментально-трасологический анализ части находок из различных материалов с поселения Ново-Шадрино VII позволил соотнести их с отдельными отраслями (обработкой кож и шкур, кости, керамическим и металлообрабатывающим производствами) и технологическими приемами (лощение кожи и посуды, прокалывание шкур, абразивная обработка камня, кости, ковка металла и др.) [Ткачев, Костомарова, Ткачев, 2018].

© Ткачев А. А., Ушаков П. С., 2025

Палеозоологический анализ костных останков с памятников пахомовской культуры показал, что основу производящего хозяйства составляло скотоводство, ориентированное на разведение лошадей, крупного и мелкого рогатого скота [Корочкова, 2010, с. 14; Матвеев, Костомаров, 2011, с. 50].

В ходе археологических исследований в период с 2012 по 2023 г. на территории памятника было выявлено 259 артефактов, соотнесенных с пахомовским комплексом, которые отражают широкий спектр хозяйственной и социальной деятельности пахомовской общины.

Для анализа вещевого инвентаря пахомовской культуры применялись традиционные археологические методы, включающие планиграфию, стратиграфию, статистический и сравнительно-типологический анализ. Исследование памятника проводилось с учетом изменений природно-географической ситуации, включая зарастание жилищных западин и нарушение культурных слоев.

Анализ выявил преобладание глиняных (37,1 %) и каменных изделий (32 %), за которыми следуют костяные (19,3 %) и кремневые (10,4 %) предметы. Разнообразие материалов демонстрирует высокую адаптивность населения к местным условиям и использование доступных природных ресурсов в хозяйственной деятельности.

Глиняные изделия занимают существенное положение в вещевом инвентаре поселения. Среди них выделяются грузила для сетей (30,2 %), льячки (26 %), лощила (14,6 %), пряслица (6,3 %), теплокамни (4,2 %), керамические фишки (10,4 %) и серия не интерпретируемых изделий.

Льячки представляют собой небольшие керамические сосуды с выделенной ножкой и иногда носиком для слива, использовавшиеся одновременно и как тигли. Большинство льячек найдены в межжилищных пространствах, что указывает на их использование в коллективных металлургических процессах вне пределов жилых построек. Льячки имеют стандартизированные размеры: диаметр ножки 5,7–7,3 см и толщину стенок 1,3–1,9 см. Один экземпляр украшен орнаментом, что может свидетельствовать о его возможном ритуальном использовании.

Желобчатые глиняные грузила демонстрируют высокий уровень развития рыболовства. Их распределение по территории поселения указывает на коллективное использование рыболовных снастей.

Объединенная группа из лощил, фишек, теплокамней и не интерпретируемых изделий отражает широкий спектр утилитарных функций. Лощила служили для обработки керамических изделий, а фишки, вероятно, использовались в играх или как счетные маркеры. Теплокамни обеспечивали длительное сохранение тепла в холодные периоды года.

Каменные артефакты включают обломки орудий (36,1 %), песты (10,8 %), точильные камни (9,6 %) и гальки (8,4 %). Их функциональное назначение связано с обработкой различных материалов (металла, дерева, кости) и удовлетворением бытовых нужд. Гальки, обнаруженные в межжилищных зонах, использовались для лощения сосудов и обработки орудий труда. Следы износа на их поверхности свидетельствуют о длительном и интенсивном использовании. Некоторые экземпляры имеют следы вторичного применения, например, тальковое грузило, изготовленное из обломка неолитического утюжка. Среди галек выделяются редкие образцы из гранодиорита и предположительно из ирнимита (голубой яшмы), что может указывать на межрегиональные контакты.

Точильные камни и оселки могли применяться для заточки металлических инструментов, что подтверждает наличие развитой металлообработки. Песты, вероятно, использовались для измельчения зерна и трав. Каменный молот – для дробления и измельчения руды и шамота. Эти артефакты свидетельствуют о высоком уровне мастерства и сложности производственных операций.

Костяные артефакты представлены наконечниками стрел и копья (36 %), трепалами для обработки растительных волокон (24 %) и проколками (16 %). По два предмета каждого типа составляют следующие категории: игральные кости, мо-

тыжки, трубочки и ножи (по 4 %). Эти находки подчеркивают значимость охоты и ремесленного производства.

Наконечники стрел и копья использовались для охоты на крупную и мелкую дичь. Большинство наконечников найдено в жилых и хозяйственных зонах, что указывает на их бережное хранение внутри помещений. Трепала, изготовленные из нижних челюстей крупного рогатого скота, свидетельствуют о развитии текстильного производства.

Игральные кости (астрагалы), имеющие следы выравнивания, указывают на наличие игровых практик. Костяные трубочки, вероятно, использовались как игольники, что связано с высокой ценностью бронзовых изделий. Мотыжки, найденные в хозяйственных зонах, свидетельствуют о наличии земляных работ. Неопределенные предметы (8 %) требуют дальнейшего изучения для точного определения их назначения.

Кремневые заготовки и отщепы составляют 77,8 % от общего числа кремневых находок. Эта категория изделий включает пластины, нуклеусы, скребки и нож. Большинство заготовок и орудий найдено в жилых постройках, что свидетельствует о наличии мастерских площадок для производства орудий.

Единично встреченные артефакты включают бронзовое зеркало, подвеску из створки морской раковины и плитку из лимонита. Эти находки могут указывать на высокий социальный статус их владельцев и культурные связи с дальними регионами. Округлое бронзовое зеркало с петелькой для крепления, обнаруженное в раннепахомовском жилище 22, вероятно, использовалось в эстетических целях или как символ статуса его владельца. Подтреугольная подвеска из морской раковины указывает на распространение украшений.

Анализ инвентаря поселения Ново-Шадрино VII выявляет эффективную адаптацию пахомовской культуры к лесостепным условиям через триаду хозяйственных стратегий: производственную (металлообработка, ремесла), производящую (скотоводство, мотыжное земледелие) и присваивающую (рыболовство, охота, собирательство).

Стандартизация форм грузил и льячек подтверждает сформированность ремесленных сфер жизнедеятельности населения поселка. Пространственное распределение находок демонстрирует четкое зонирование: межжилищные участки – зоны коллективного взаимодействия, ремесла и обработки ресурсов, а жилые сектора – места бытовой и символической деятельности.

Полученные данные подтверждают значимость металлообработки, рыболовства и различных ремесел в жизни общины, а также свидетельствуют о ее культурных связях и устойчивых адаптационных стратегиях. Перспективы дальнейших исследований включают продолжение трасологического анализа и проведение петрографических определений изделий, а также детальный сравнительный анализ уникальных находок. Это позволит не только уточнить динамику развития пахомовской культуры, но и расширить понимание её роли в культурно-хозяйственных процессах позднего бронзового века. Дополнительные исследования помогут выявить особенности социальной организации и технологических достижений, что важно для реконструкции повседневной жизни древнего населения.

Список источников

Корочкова О. Н. Взаимодействие культур в эпоху поздней бронзы (андроноидные древности Тоболо-Иртышья). Екатеринбург: УралЮрИздат, 2010. 104 с.

Матвеев А. В., Костомаров В. М. Пахомовские древности Западной Сибири // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2011. № 1 (14). С. 46–56.

Ткачев А. А., Костомарова Ю. В., Ткачев Ал. Ал. Орудийный комплекс позднего бронзового века поселения Ново-Шадрино VII (экспериментально-трасологический анализ). Тюмень: ФИЦ ТюмНЦ СО РАН, 2018. Вып. 4. С. 246–250.

Ткачев Ал. Ал. Культурно-исторические процессы в эпоху поздней бронзы на территории лесостепного и южнотаежного Тоболо-Иртышья: автореф. дис. … канд. ист. наук. Барнаул, 2017. 26 с.

В. А. Трифонов
Институт истории материальной культуры РАН,
Санкт-Петербург, Россия

ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ НОВОСВОБОДНЕНСКОГО ВАРИАНТА МАЙКОПСКОЙ КУЛЬТУРЫ И ЕЕ РЕШЕНИЕ

Аннотация. Происхождение новосвободненского варианта рассматривается как результат локального взаимодействия на северо-западном Кавказе майкопской и ранней дольменной культур во второй половине IV – начале III тыс. до н. э.

Ключевые слова: Северо-Западный Кавказ, майкопская культура, новосвободненский локальный вариант, происхождение

Работа выполнена при поддержке гранта РНФ № 25-28-00585.

Привычное устойчивое словосочетание «Майкоп – Новосвободная», как синоним археологических памятников майкопской культуры, почти никогда не подразумевало общности происхождения эпонимных памятников. Этих взглядов, исходя из различий в характере погребальных сооружений и керамике, изначально придерживались основоположники выделения памятников этого круга – А. А. Спицын и А. М. Тальгрен. Трудно представить, когда и какие объяснения этих различий могли бы стать предметом серьезного обсуждения, если бы не исключительно правдоподобное и при этом ошибочное сравнение керамики из дольменов Царской (Новосвободной) с посудой фатьяновской культуры в центральной России и культуры шаровидных амфор в западной Европе [Спицын, 1903]. Роковая ошибка Спицына легла в основу концепции Тальгрена о связях кавказской и европейской традиций строительства мегалитических гробниц [Tallgren, 1911].

Эта гипотеза в различных вариантах приобрела особую популярность в контексте археологических поисков индоевропейской (индогерманской, арийской) прародины. В зависимости от взглядов на хронологию мегалитов Европы и Кавказа, дольмены Новосвободной рассматривались или как пример возрождения на Кавказе привычной для обитателей Скандинавии и Северной Германии мегалитической погребальной архитектуры [Kossinna, 1921], или, наоборот, как прототипы немецких гробниц с отверстием в портальной плите (Г. Чайлд, Дж. Форссандер, А. М. Тальгрен).

Вторая мировая война идеологически дискредитировала этнолингвистические идеи Коссинны, и в послевоенное время гипотетические связи между культурами южнорусских степей и западноевропейскими культурами воронковидных кубков, шаровидных амфор, шнуровой керамики рассматривались преимущественно в этнически нейтральном археологическом контексте (К. В. Штруве). Вероятно, на Западе М. Гимбутас была последней, кто в духе раннего Чайлда рассматривала дольмены Новосвободной в индогерманском сюжете своей курганной теории (М. Гимбутас). Позднее сторонники этой теории исключили памятники типа Новосвободной из предполагаемого круга индоевропейских культур Дж. Меллори, Д. Энтони), а тема массовых миграций между Кавказом и западной Европой уступила место анализу природы гипотетических дальних культурных контактов между ними, которые должны объяснить элементы сходства в дизайне мегалитических гробниц и сопутствующей им материальной культуре (Э. Шерратт, С. Хансен).

Неожиданным явлением 70-х гг. прошлого века стало возрождение в изолированной от Запада советской археологии идей Коссинны относительно связей североевропейских мегалитов и дольменов Новосвободной. Этому способствовал семинар Л. С. Клейна на кафедре археоло-

© Трифонов С. А., 2025

гии Ленинградского университета в 60–70-х гг. XX в., участники которого разделяли общее мнение о центральноевропейском происхождении кавказских мегалитов (Л. С. Клейн). Эти идеи получили развитие в работах В. А. Сафронова, Н. А. Николаевой и А. Д. Резепкина – участников семинара разных лет. Сафронов был приверженцем выходящей из употребления «короткой» хронологии и вместе с Николаевой разрабатывал линию аналогий кавказским дольменам и керамике, включая Новосвободную, намеченную еще Коссинной и Тальгреном, – среди памятников культуры шаровидных амфор [Николаева, Сафронов, 1974]. Резепкин придерживался более современной хронологии и выдвинул оригинальную гипотезу о происхождении новосвободненских памятников от культуры воронковидных кубков, предшествующей на севере Европы культуре шаровидных амфор.

Новосвободненские дольменообразные гробницы, на его взгляд, и более поздние «классические» кавказские дольмены не связаны между собой и восходят, соответственно, к разным западноевропейским мегалитическим традициям галерейных гробниц северной Европы и коридорных гробниц Иберийского полуострова [Резепкин, 1988]. Развитие гипотезы североевропейского происхождения памятников типа Новосвободной последовательно привело к их размежеванию с майкопской культурой и возвращению в научный оборот идеи индоевропейской (арийской) лингвистической атрибуции их создателей (Л. С. Клейн, А. Д. Резепкин).

Критики этой гипотезы отметили, что различия между новосвободненскими гробницами и дольменами чрезмерно преувеличены (В. И. Марковин), а элементы сходства с материальным комплексом культуры воронковидных кубков формальны и не системны (А. Хойслер, С. Н. Кореневский). С гипотезой не согласуется и периодизация новосвободненских древностей, согласно которой гробницы европейского облика появляются на Кавказе не на раннем этапе, что следовало бы ожидать, а в финальном [Резепкин, 2012]. В слоях единственного пока новосвободненского поселения не оказалось керамики, хотя бы отдаленно напоминающей репертуар посуды культуры воронковидных кубков.

Невероятность гипотезы о двух различных западноевропейских мегалитических источниках влияния на Кавказе особенно очевидна при изучении памятников в урочище Клады около Новосвободной. Здесь в пределах небольшой территории представлены новосвободненские гробницы, дольмены и связанные с ними поселения. Дополнительное исследование этих памятников позволяет внести существенные уточнения в представления о развитии «мегалитического» погребального обряда и традиции изготовления чернолощеной керамики – главных атрибутов памятников новосвободненского типа.

Результаты сравнительно-типологического анализа показывают, что гробницы новосвободненского типа (погребальные камеры с аванкамерами) и дольмены с приставным порталом представляют единую строительно-архитектурную линию развития. Для самого раннего типа этих сооружений характерны прямоугольные или трапециевидные в плане погребальные камеры с вкопанными плитами стен, входные отверстия круглой и квадратной формы, мощеные плитами или галькой полы, укладка плиты перекрытия аванкамеры или портала внахлест плиты перекрытия погребальной камеры. Лучшим примером единства этих строительных принципов служат конструкции и декор стен (окраска в красный цвет) погребальных сооружений могильника Клады: «гробниц» и «дольмена», раскопанных Веселовским и Резепкиным в курганах 2 (Царская), 28 и 11 (Серебряный). Типологическую преемственность «гробниц» и «дольмена» в соседних курганах прямо подтверждает близость их радиоуглеродных датировок в пределах последней четверти IV тыс. до н. э. Появление дольменов «классического» типа с приставным порталом уже в конце IV тыс. до н. э. подтверждает и радиоуглеродная дата дольмена, установленного на куль-

турном слое Новосвободненского поселения (к. 40, п. 2).

Лепная чернолощеная керамика с минеральными примесями (известняк, кварцевый песок, песок с примесью слюды) в составе погребений новосвободненского варианта рассматривается как проявление влияния дольменной керамической традиции. Примером такого влияния служит чернолощеная керамика с налепным «жемчужным» орнаментом, присутствующая в ранних, конца IV тыс. до н. э., слоях дольменного поселения Старчики, слоях расположенного рядом поселения Новосвободненское и в погребениях могильника Клады.

Если новосвободненские гробницы и дольмены действительно связаны между собой не только мегалитической, но и керамической традициями, то для объяснения этого явления гипотеза Резепкина не годится.

Вероятно, у дольменной и майкопской культур был общий источник погребальной мегалитической традиции, по разному адаптированной обществами различного социально-культурного типа. Эта традиция, скорее всего, возникла во второй половине IV тыс. до н. э. в Причерноморье, на южных склонах западного Кавказа и представлена самыми ранними мегалитическими гробницами Псыбе и Шепси (М. К. Тешев) [Shepsi, the oldest dolmen…, 2014]. Обе являются коллективными погребениями и конструктивно представляют погребальную камеру, соответственно, прямоугольной и трапециевидной формы с прямоугольным отверстием в фасадной плите и аванкамерой перед ней. Соответствующие Шепси и Псыбе слои поселений пока неизвестны или не выделены. Это должны быть самые ранние памятники дольменного круга типа Очамчира, Гумиста, стратиграфически следующие за энеолитическими слоями памятников типа Воронцовская пещера – Дарквети.

Формирование памятников новосвободненского типа можно рассматривать как результат прямого локального взаимодействия ранней дольменной культуры с поздней майкопской во второй половине IV – начале III тыс. до н. э. в пределах большей частью современной Адыгеи. В контексте майкопской погребальной традиции коллективные склепы дольменной культуры стали использоваться преимущественно как одиночные элитарные погребения, в которых преобладал майкопский по происхождению инвентарь. С учетом совокупности всех данных, памятники новосвободненского типа соответствуют характеристикам локального варианта майкопской культуры.

Список источников

Николаева Н. А., Сафронов В. А. Происхождение дольменов Северо-Западного Кавказа // Сообщения научно-методического совета по охране памятников культуры. М.: Знание, 1974. Вып. 7. С. 175–194.

Резепкин А. Д. Типология мегалитических гробниц Западного Кавказа // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1988. С. 156–163.

Резепкин А. Д. Новосвободненская культура (на основе материалов могильника Клады). СПб.: Нестор-История, 2012. 343 с.

Спицын А. А. Медный век в верхнем Поволжье // Записки Русского археологического общества. 1903. Т. V. Вып. 1. С. 77–93.

Kossinna G. Die Indogermanen, ein abriss // Mannus-Bibliothek, 26. Leipzig: Kabitzsch. 1921. T. 1. s. 1–79.

Tallgren A. M. Die Kupfer und Bronzezeit in Nord und Ostrussland: Thesis (doctoral). Helsinki, 1911. 229 p.

Shepsi, the oldest dolmen with the port-hole slab in the Western Caucasus / V. A. Trifonov, G. I. Zaitseva, J. van der Plicht, A. A. Kraineva, A. A. Sementsov, A. Kazarnitsky, N. D. Burova, S. A. Rishko // Radiocarbon. 2014. Vol. 56. Nr. 2. P. 743–752.

А. С. Федорук[1], Д. В. Папин[2], Н. Ф. Степанова[3]
[1,2,3] Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия
[1,2] Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ САРГАРИНСКО-АЛЕКСЕЕВСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В ЭПОХУ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ИЗУЧЕНИЯ КЕРАМИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ КУЛУНДИНСКОЙ СТЕПИ

Аннотация. На памятниках поздней бронзы юга Западной Сибири керамика – это основная категория находок. Изучение саргаринско-алексеевской посуды Кулунды показало сходство форм и орнамента с единокультурной посудой Казахстана. Анализ формовочных масс выявил смешение культурных традиций в использовании минеральных примесей и активное взаимодействие населения двух регионов.

Ключевые слова: эпоха поздней бронзы, саргаринско-алексеевская культура, керамика, Алтайский край, Кулундинская степь

Памятники саргаринско-алексеевской культуры эпохи поздней бронзы распространены в степной и лесостепной зоне юга Западной Сибири и Казахстана. Кулундинская степь, лежащая в Обь-Иртышском междуречье, является восточной окраиной этой зоны, и также насыщена саргаринско-алексеевскими комплексами. Большинство из них – поселения, основной категорией находок на которых является керамика. Роль последней в изучении древней истории сложно преувеличить, хотя до сих пор не используются все возможности, которые предоставляет этот источник информации. Как правило, изучаются формы и орнамент сосудов. Однако не менее важные результаты дает анализ технологии их изготовления, в т. ч. исходного сырья и состава формовочных масс, которые в первую очередь реагируют на изменения в жизни населения, в частности, на освоение новых территорий, взаимодействие [Бобринский, 1978; 1999].

До недавнего времени при анализе саргаринско-алексеевской посуды Кулунды исследователи обращали внимание в основном на формы и орнаментацию, что позволяло отмечать высокую степень сходства с единокультурными комплексами Казахстана (рис. 1, *1*). В последние годы авторами проводится целенаправленное комплексное изучение керамики памятников эпохи бронзы Алтайской Кулунды. Помимо форм и орнаментации посуды, исследуется технология ее изготовления (в рамках историко-культурного подхода по методике А. А. Бобринского). К настоящему времени изучены коллекции с поселений Рублево-VI, Жарково-3, Бурла-3, Калиновка-II (рис. 1. 2–13), в т. ч. 150 саргаринско-алексеевских сосудов [Результаты…, 2015; Керамический комплекс…, 2016; Лепная керамика…, 2021; Федорук, Иванов, Степанова, 2023]. Установлено, что на всех поселениях гончары предпочитали использовать среднеожелезненные глины. Слабоожелезненные глины были известны гончарам всех поселков, но практически не использовались. Исходное сырье различалось по степени запесоченности, что, вероятно, связано с особенностями местных источников сырья.

Особое значение имеет составление рецептов и использование минеральных примесей. Доля сосудов, изготовленных с добавлением только шамота, составляла на Калиновке-II – 79,5 %, Жарково-3 – 58 %, Рублево-VI – 27,5 %, на Бурле-3 таких рецептов не выявлено. С одной дресвой – на Жарково-3 – 8 %, Рублево-VI – 5 %, на Калиновке-II и Бурле-3 таких рецептов нет. Смешение культурных традиций в применении минеральных примесей (дресва + шамот) в наибольшем количес-

© Федорук А. С., Папин Д. В., Степанова Н. Ф., 2025

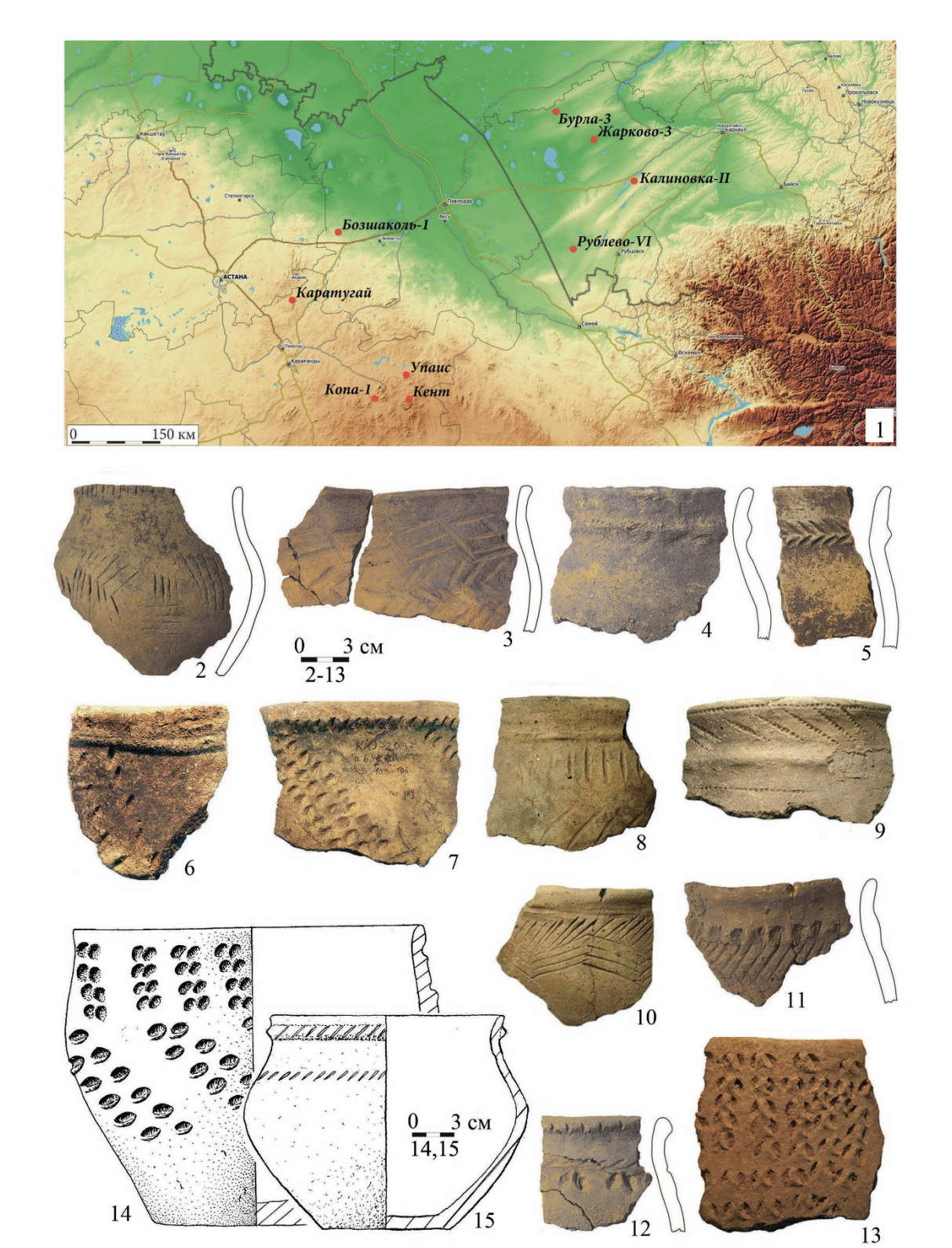

Рис. 1. Расположение памятников Кулунды и Казахстана и саргаринско-алексеевская керамика Алтая (*2–5, 11, 12* – поселение Калиновка-II; *6, 7* – поселение Бурла-3; *8–10* – поселение Жарково-3; *13–15* – поселение Рублево-VI)

тве отмечено на Рублево-VI – 67,5 %, в меньшей степени на Бурле-3 – 44 %, Жарково-3 – 33 %, Калиновке-II – 20,5 %. Ранее была выявлена зависимость в использовании минеральных примесей от специфики ландшафтных зон. Если имеются доступные выходы камня, то в формовочные массы добавлялся дробленый камень, а не шамот. Подобное явление характерно от неолита до средневековья для Алтая, Томского и Нарымско-

го Приобья, Монголии и др. [Степанова, 2015; и др.].

Кулундинская степь – равнина, лишенная выходов камня. Прилегающий с юго-запада Казахский мелкосопочник (Сары-Арка) также степной регион, но с небольшими низкогорными массивами. Для памятников Сары-Арки характерны рецепты с дресвой, но фиксируется и смешение культурных традиций в использовании минеральных примесей (дресва+шамот) [Ломан, 2019; 2023]. Фактически отмеченная традиция в использовании минеральных примесей в зависимости от наличия выходов камня, прослежена и здесь. С уверенностью можно констатировать, что саргаринско-алексеевские гончары Кулунды применяли шамот, а дресву – в соседних районах Казахстана. При этом отмечается взаимодействие населения регионов, что хорошо показывают материалы Рублево-VI, поселения, находящегося на юго-востоке Кулунды, – здесь отмечено наибольшее количество рецептов, отражающих смешение культурных традиций в использовании минеральных примесей.

Итогом изучения саргаринско-алексеевской керамики Кулунды стали новые данные по контактам древнего населения. Во многом фиксируемые различия связаны с особенностями ландшафтных зон, но одновременно они иллюстрируют и контакты населения. Полученные результаты отражают взаимодействие населения на уровне брачных отношений. Подобные же тенденции отмечены и для других памятников эпохи поздней бронзы Кулундинской степи.

Список источников

Бобринский А. А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.

Бобринский А. А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара: Изд-во Самарского пед. ун-та, 1999. С. 5–109.

Ломан В. Г. Керамика саргаринско-алексеевского могильника Каратугай // Теория и практика археологических исследований. 2019. Т. 27 (№ 3). С. 113–123.

Ломан В. Г. Технико-технологический анализ образцов керамики из поселения Бозшаколь 1 // Воякин Д. А., Усманова Э. Р. Горно-металлургический комплекс Бозшаколь 1. Алматы: МИЦАИ, 2023. 282 с. С. 155–157.

Результаты технико-технологического анализа керамического комплекса поселения эпохи поздней бронзы Рублево-VI / Д. В. Папин, В. Г. Ломан, Н. Ф. Степанова, А. С. Федорук // Теория и практика археологических исследований. 2015. № 2 (12). С. 115–143.

Лепная керамика периода поздней бронзы поселения Бурла-3 / Д. В. Папин, А. С. Федорук, В. Г. Ломан, Н. Ф. Степанова // Теория и практика археологических исследований. 2021. № 2 (33). С. 175–192.

Керамический комплекс эпохи поздней бронзы поселения Жарково-3 / Д. В. Папин, А. С. Федорук, В. Г. Ломан, Н. Ф. Степанова // Теория и практика археологических исследований. 2016. № 3 (15). С. 102–125.

Степанова Н. Ф. Культурные традиции в выборе исходного сырья и минеральных примесей при изготовлении керамики по материалам горных, предгорных, степных и лесостепных районов Алтая // Самарский научный вестник. 2015. № 4 (13). С. 90–95.

Федорук А. С., Иванов Г. Е., Степанова Н. Ф. Саргаринско-алексеевская керамика поздней бронзы поселения Калиновка-II (лесостепной Алтай) // Теория и практика археологических исследований. 2023. Т. 35. № 1. С. 160–181.

А. В. Фрибус[1], Н. А. Дубова[2], О. В. Сычева[3]
[1,3] Институт истории материальной культуры РАН,
Санкт-Петербург, Россия
[2] Институт этнологии и антропологии имени Н. Н. Миклухо-Маклая РАН,
Москва, Россия

НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО ХРОНОЛОГИИ КОМПЛЕКСОВ ПРОТОГОРОДСКОГО ЦЕНТРА ЭПОХИ БРОНЗЫ ГОНУР-ДЕПЕ В ТУРКМЕНИСТАНЕ

Аннотация. В работе анализируются 24 AMS-даты, полученные за последние годы в лабораториях Лиона, Новосибирска и Берна. Установлено, что довольно рано начал осваиваться участок могильника Раскопа 12 (2400–2000 гг. до н. э.). Время существования сателлитного поселения Гонур-20 ограничивается 2200–1800 гг. до н. э. Материалы разведок на памятниках Гонур-2 и Гонур-26 позволяют отнести их к концу III – началу II тыс. до н. э.

Ключевые слова: Бактрийско-Маргианский археологический комплекс, Цивилизация Окса, радиоуглеродное датирование, Центральная Азия, III –II тыс. до н. э.

Исследование проведено в рамках выполнения программы ФНИ ГАН «Особенности смены археологических культур у скотоводов Евразии и земледельцев Кавказа и Центральной Азии в неолите – раннем Средневековье» (FMZF-2025-0008) (А. В. Фрибус, О. В. Сычева) и в рамках Госзадания ИЭА РАН по теме № 5 «Ультрасоциальность человека: биосоциальные и кросскультурные аспекты» (Н. А. Дубова). Исследования в Туркменистане проводятся в рамках Соглашения между Министерством культуры Туркменистана и ИЭА РАН.

Гонур-депе – крупнейший из исследованных на сегодняшний день центров Бактрийско-Маргианского археологического комплекса – Цивилизации Окса, расположенный на юго-востоке современного Туркменистана. Исследования памятника, которые насчитывают уже более 50 лет, всегда носили выраженный междисциплинарный характер с привлечением широкого спектра методов естественных наук. Особое внимание уделялось проблемам абсолютной хронологии памятника, которая базируется на представительной серии радиоуглеродных дат. Всего серия составляет 165 дат, большая их часть опубликована и в той или иной степени ранее анализировалась [Сарианиди, 1990, с. 73; Радиоуглеродная хронология…, 2008; Новые радиоуглеродные даты…, 2020; Сатаев, Дубова, Сатаева, 2020; Hiebert, 1993; The formation of human…, 2019; Radiocarbon Dates…, 2021]. За последние пять лет корпус дат по Гонур-депе увеличился почти на треть за счет новых серий AMS-датировок (всего 48 дат из которых 24 рассматриваются в данной работе), полученных в высокорейтинговых лабораториях университетов Познани, Пенсильвании, Лиона, Новосибирска и Берна. Новые данные позволяют не только уточнить хронологию отдельных участков центрального комплекса, но и полу-чить представление о датировке сателлитных памятников Гонурского оазиса.

AMS-даты, полученные по материалам могильника на Раскопе 12 (погребение 4 626 – GV-4 590: 2 470 – 2 205 cal. BC; погребение 4 486 – GV-4 592: 2 268 – 1 975 cal. BC; объект 3 – GV-4 591: 2 466 – 2 155 cal. BC; яма между погребениями 4 599 и 4 601 – Lyon-18 100: 2 475 – 2 299 cal. BC)[35], подтверждают, что этот участок был освоен довольно рано и, возможно, синхронизируется с первым строительным горизонтом. Все даты укладываются во вторую половину III тыс. до н. э. (крайние значения 2 580 – 1 953 cal. BC). На основании анализа суммарной вероятности распределения дат (9 экз.), хронологические границы функционирования могильника определяются 2400–2000 гг. до н. э., при наиболее интенсивном его использовании в конце этого диапазона.

© Фрибус А. В., Дубова Н. А., Сычева О. В., 2025

[35] Все радиоуглеродные даты откалиброваны с помощью программы OxCal v.4.4.4 и приведены с уровнем достоверности 95,4 % (диапазон 2σ).

На Раскопе 18 удалось датировать нетипичные погребальные сооружения (крупный хум в цисте, ящик из сырцового кирпича в подбое) [Редкие типы…, 2023] (погребение 4557 – GV-4 589: 2 204 – 1 973 cal. BC; погребение 4551 – GV-4 593: 2 200 – 1 949 cal. BC). Обе даты компактно укладываются в конец III тыс. до н. э. и указывают, что появление таких конструкций не является хронологическим признаком.

Большая серия новых дат получена по сателлитному поселению Гонур-20, которое расположено в 2,5 км к югу от основного комплекса. Большая их часть (17 из 21) получена в разных лабораториях с применением AMS-метода. По данному комплексу был проведен анализ суммарной вероятности распределения радиоуглеродных дат.

При составлении выборки была исключена одна дата (Le-9 122 – 3 540 ± 120 BP), имеющая большой доверительный диапазон. Распределение 20 дат укладывается в хронологические рамки 2 269 – 1 550 cal. BC. В рамки 1600–1500 гг. до н. э. попадают три оставшиеся сцинтиляционные даты, которые имеют широкий хронологический диапазон (Le-9 475 – 1 888 – 1 505 cal. BC; Le-9 968 – 2 018 – 1 535 cal. BC и Le-9 966 – 2 131 – 1 697 cal. BC), а также одна из AMS-дат, полученных в лаборатории Лиона (Lyon-18 099 – 1 875 – 1 626 cal. BC). Таким образом, хронологические рамки существования памятника (2200–1500 гг. до н. э) получаются неоправданно широкими. Если исключить эти данные из выборки, диапазон сужается примерно до 400 лет (2200–1800 гг. до н. э.). При этом ярко проявляется тенденция распределения дат, полученных в разных лабораториях (Новосибирск и Берн), на две группы (2200–2000 и 2000–1800 гг. до н. э.). Новосибирские даты оказываются систематически древнее примерно на 200 лет. Эта тенденция требует дальнейшего анализа и проверки, учитывая тот факт, что образцы отбирались одновременно и происходят из объектов, компактно расположенных на одном и том же участке могильника. Не доверять полученным данным нет оснований, тем более что четыре определения по объекту 84, показывают очень близкие значения между собой, но с той же тенденцией (GV-4 596 – 2 269 – 1 971 cal. BC; GV-4 598 – 2 203 – 1 961 cal. BC и BE-22 871 – 2 035 – 1 888 cal. BC; BE-22 872 – 2 031 – 1 887 cal. BC). Эти предварительные наблюдения, безусловно, требуют дальнейшего осмысления и проверки. С учетом тех данных, которыми мы располагаем на сегодняшний момент, время существования могильника на Гонуре-20 можно ограничить рамками 2200–1800 гг. до н. э., при вероятно наиболее активном его использовании на рубеже III и II тыс. до н. э.

Пример Гонура-20 показывает, что массовое AMS-датирование, с учетом данных планиграфии и наличии определенной стратегии отбора образцов, позволяет получить узкие даты для отдельных микрокомплексов памятника и строить аргументированные схемы относительной хронологии.

Первые даты также были получены и по другим сателлитным памятникам Гонурского оазиса. По углю из скопления керамических сосудов (кенотаф?) в шурфе 1 Гонура-2, самого крупного холма, расположенного в непосредственной близости (1 км к востоку) от дворцово-храмового комплекса Северного Гонура, была получена дата BE-22 833 – 2 027 – 1 886 cal. BC. Самый отдаленный из открытых на сегодняшний день поселков-спутников, Гонур-26, расположен примерно в 6 км к северу от основного комплекса. Здесь на поверхности собрана коллекция лепной керамики степного облика, а в разведочном шурфе исследована керамическая печь, имевшая конструкцию, типичную для традиций БМАК. По углю из этой печи получена радиоуглеродная дата BE-22 834 – 2 286 – 2 042 cal. BC.

AMS-даты, полученные в последнее время по материалам сателлитных поселений Гонурского оазиса, показывают, что первоначальные представления об их позднем возрасте относительно основного комплекса, вероятно не вполне верны. Большинство таких поселков (или, по край-ней мере, какая-то их часть), по всей видимости, функционировало во время расцвета дворцово-храмового комплекса Северного Гонура в конце III – начале II тыс. до н. э.

Полученные новые данные не только позволяют уточнить данные по абсолютной

хронологии Гонур-депе, но и сформировать основные подходы к относительной хронологии памятника, включая последовательность освоения его отдельных участков и периферии. Дальнейшее накопление источников позволит не только значительно сузить хронологические диапазоны функционирования микрокомплексов протогородского центра Гонур-депе, но и в какой-то степени экстраполировать полученные результаты на другие территории распространения артефактов БМАК, как в Маргиане, так и в подгорной полосе Копетдага, на севере Иранского нагорья и в Бактрии.

Список источников

Новые радиоуглеродные даты по отдельным территориям Гонурского оазиса (Туркменистан, эпоха бронзы) / Н. А. Дубова, Г. И. Зайцева, Н. Д. Бурова, Р. М. Сатаев, А. В. Фрибус, С. П. Грушин // Радиоуглерод в археологии и палеоэкологии: прошлое, настоящее, будущее. СПб.: ИИМК РАН, РГПУ; Самара: СГСПУ, ООО «Порто-принт», 2020. С. 26–27.

Радиоуглеродная хронология памятника Гонур-депе / Г. И. Зайцева, Н. А. Дубова, А. А. Семенцов, П. Реймар, Дж. Мэллори, Х. Юнгнер // Труды Маргианской археологической экспедиции. М.: Старый сад, 2008. Т. 2. С. 166–179.

Сарианиди В. И. Древности страны Маргуш. Ашхабад: Ылым, 1990. 316 с.

Сатаев Р. М., Дубова Н. А., Сатаева Л. В. Значение новых радиоуглеродных дат для построения внутренней хронологии Гонур-депе (бронзовый век, Туркменистан) // Радиоуглерод в археологии и палеоэкологии: прошлое, настоящее, будущее. СПб.: ИИМК РАН, РГПУ; Самара: СГСПУ, ООО «Порто-принт», 2020. С. 81–82.

Редкие типы погребальных конструкций Гонур-депе: исключение из правил или развитие традиции? / А. В. Фрибус, Н. А. Дубова, К. Хью, В. В. Куфтерин, О. В. Сычева // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2023. Вып. III. С. 139–144.

Radiocarbon Dates Related to the BMAC / Oxus Civilization / M. Fontugne, G. I. Zajtseva, B. Lyonnet, N. A. Dubova, N. D. Burova // The World of the Oxus Civilization. London, New York: Routledge, 2021. pp. 863–911.

Hiebert F.T. Chronology of Margiana and Radiocarbon Dates // Information Bulletin of International Association for the Study of the Cultures of Central Asia. 1993. Issue 19. pp. 136–148.

The formation of human populations in South and Central Asia / Narasimhan V. M. et al. // Science. 2019. Vol. 365 (6457). eaat7487. pp. 1–15.

А. А. Чикичева[1], М. В. Панюхин[2], С. П. Дударек[3]
[1,2] АНО Центр историко-культурных исследований «Археология Приангарья», Братск, Россия
[3] Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

ТОПОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ МОГИЛЬНИКА В УСТЬЕ РЕКИ ШАМАНКИ (СРЕДНЕЕ ПРИАНГАРЬЕ)

Аннотация. Работа посвящена исследованию особенностей топографического размещения могильника в устье р. Шаманки в Среднем Приангарье. Рассматривается вопрос об использовании данной территории как единого погребального комплекса и выделении хронологических групп на основании планиграфического анализа внутри могильника.

Ключевые слова: Среднее Приангарье, могильник, погребение, неолит, бронзовый век, планиграфия, топография

Введение. Исследование планиграфических особенностей крупных некрополей Северного и Среднего Приангарья таких как Сосновый мыс, Сергушкин 1–3, Усть-Зелинда-2, о. Жилой, Карапчанка, Шаманка, а также расположение единичных захоронений может пролить свет на многие вопросы, связанные с социальными отношениями в древних обществах Приангарья, их мировоззрением, культурой.

© Чикичева А. А., Панюхин М. В., Дударек С. П., 2025

В рамках данной работы нами предпринимается попытка рассмотрения пространственных характеристик могильника Шаманка, таких как его топографические и планиграфические особенности.

Река Шаманка – правобережный приток р. Ангары в ее среднем течении, находящаяся на удалении 22 км от бьефа плотины Братской ГЭС. Она является одним из самых крупных ангарских притоков между Падунским и Дубынинским порогом. В административном отношении располагается в северо-восточной части Братского района Иркутской области, принадлежит к акватории Усть-Илимского водохранилища, после создания которого в устье р. Шаманки образовался залив, простирающийся на 1,5 км выше по течению реки, затопив пойменные участки.

За почти девяностолетнюю историю исследования [Панюхин, Дмитриев, 2021, с. 69–70], в устье Шаманки открыто и частично исследовано семь археологических объектов: могильник Матера, расположенный на правобережной устьевой части, и ансамбль Шаманка 1–6, расположенный на левобережной устьевой части. К настоящему моменту в устье р. Шаманки вскрыто и исследовано 23 погребения, относящиеся к периоду неолита – поздней бронзы. Могильник Матера насчитывает три погребения, а на территории ансамбля Шаманка 1–6 выявлено 20 захоронений.

Топография. Ансамбль памятников Шаманка 1–6 занимает территорию левого приустьевого участка Шаманского залива, простирается на 2,2 км с севера на юг и уходит вглубь береговой линии на 780 м. Береговая линия неровная, обрывистая, высота от «нормального подпорного уровня» водохранилища – от 4 м в северной части ансамбля, до 10–12 м в центральной и южной частях. Высота террасы относительно русла р. Ангары 16–22 м в северной части, 20–22 м – в центральной и южной. Таким образом, он находится на террасе над затопленной поймой, частично обнажающейся в весенний и осенний периоды низкой водности.

Следует учесть ландшафтные особенности размещения могильника. Во-первых, расположение на высоком террасовидном уступе и приуроченность к устью реки является фактором некоего выделения территории могильника в пространстве, к тому же с практической точки зрения эта территория не затапливается в период паводков. В непосредственной близости расположены выходы красного ордовикского песчаника, которыми сложены надмогильные конструкции погребений. Еще одним фактором, выделяющим данное место, является наличие горы Дементьев камень, на подошве склона которой располагается могильник Матера. Эта гора могла являться естественным пространственным ориентиром [Дмитриев, 2023, с. 237, рис. 1, 2]. На данный момент детальное обследование горы не проводилось, однако она остается перспективной для археологического изучения.

Планиграфия. Наибольшая концентрация погребений находится на объекте Шаманка-5 и насчитывает 19 захоронений. На данный момент все погребения выявлены в пределах полосы берегообрушения шириной 30–50 м, многие найдены в разрушенном состоянии, вследствие деятельности водохранилища [Дмитриев, 2023, рис. 1, 2]. Они располагаются линией, вытянутой с севера на юг на протяжении 160 м, у самой кромки террасы, на удалении в пределах нескольких десятков метров друг от друга. Погребения делятся на три хронологические группы:

– неолитические, ориентированные с северо-запада на юго-восток, с юго-востока на северо-запад, с запада на восток, с юга на север;

– раннебронзовые, ориентированные на север, вниз по течению р. Ангары, что характерно для глазковской погребальной традиции;

– позднего бронзового века / раннего железного века, ориентированные с юга на север.

Четкого разграничения и группировки по хронологической принадлежности не наблюдается, на всей протяженности неолитические погребения чередуются с раннебронзовыми. Однако выделяются два скопления (рис. 1).

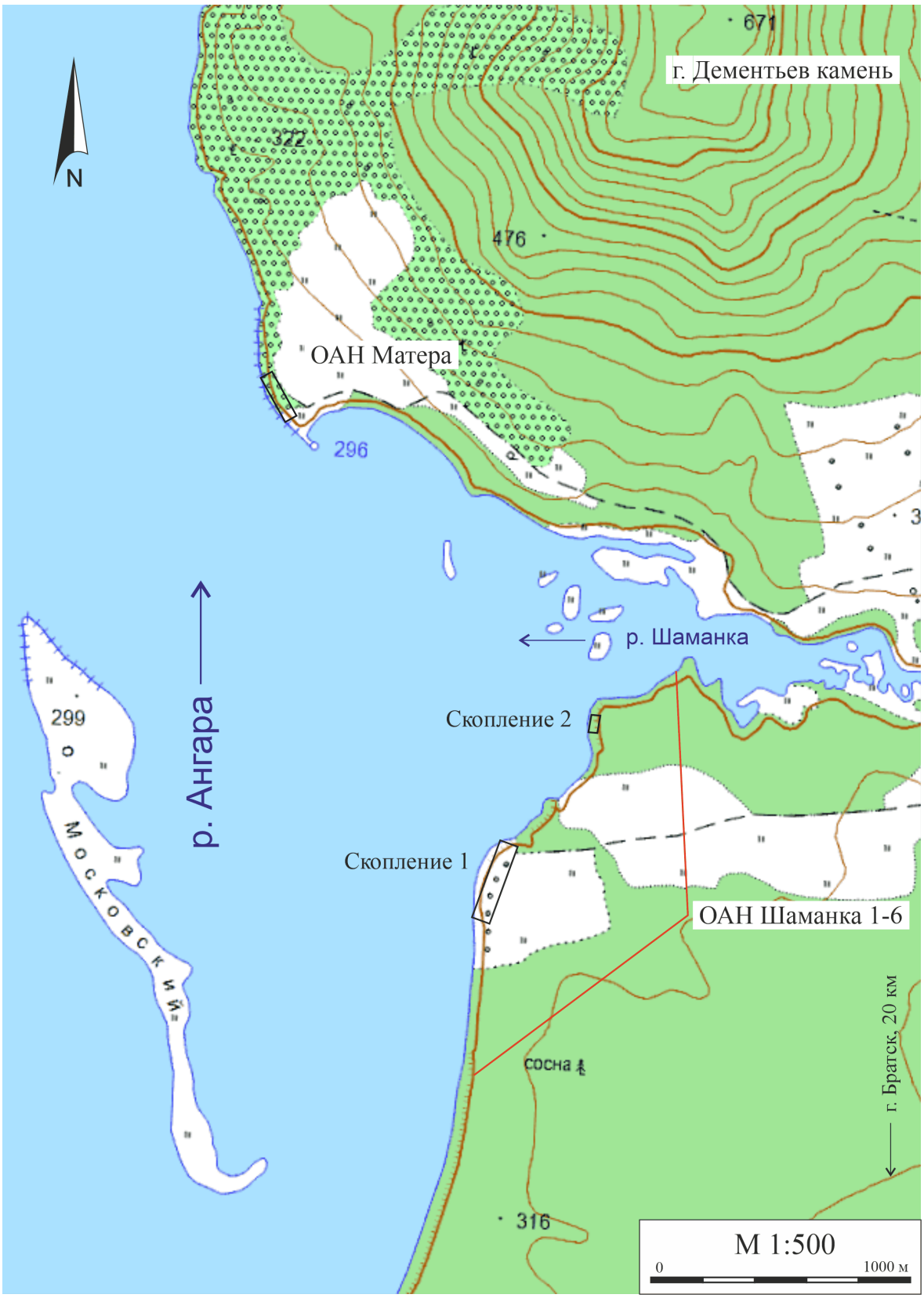

Рис. 1. Топографический план могильника в устье р. Шаманки

Первая группа раннебронзовых погребений в определенном районе: погребения № 1, 2 (1978 г.), находящиеся рядом друг с другом, в пределах одного раскопа 4×3 м, но с отличием в погребальном обряде и стратиграфическом положении. Другие три найдены вблизи: одно (№ 3 1991 г.) в бровке раскопа 1978 г., другое же (№ 7 1996 г.) чуть западнее, на краю береговой террасы, а также № 3 1996 г. От всей линейной концентрации погребений, находящихся на ОАН Шаманка-5,

отделяется погребение 1 (1971 г.), самое северное из всех, территориально относящееся к ОАН Шаманка-2. Но выделяется оно только своей удаленностью, погребальный инвентарь же указывает на его принадлежность к глазковской группе захоронений.

Выводы. Расположение могильников по Ангарской долине и ее притокам всегда закономерно и имеет часто практическое значение. Как правило, это объясняется морфологией ангарских берегов, с одной стороны высоких, с другой пологих. Еще одной закономерностью является расположение погребений в приустьевых участках малых и больших притоков Ангары.

Подводя итоги, можно точно назвать все захоронения на левом приустьевом мысу р. Шаманки единым могильником, использовавшимся в разное время. Подобную ситуацию мы можем наблюдать на многих исследованных могильниках: Братский камень, Шумилиха, Шаманка II, Улан-Хада и др. Однако, в силу недостаточной изученности, стоит вопрос о протяженности и границах могильника. Предполагается также распространение вглубь террасы и дальнейшее нахождение захоронений на всей двухкилометровой полосе берега, что предполагает проведение площадных раскопок с фиксацией всех возможных свидетельств ритуальной деятельности древнего населения Приангарья.

Список источников

Дмитриев П. А. Применение методик геоинформационного анализа для изучения культурного ландшафта в устье р. Шаманки (Среднее Приангарье) // 300-летие Российской академии наук – археология и этнография Сибири: традиции, школы и открытия: Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2023. С. 236–238.

Панюхин М. В., Дмитриев П. А. Новое погребение глазковской культуры с устья реки Шаманки (Среднее Приангарье) // Музеи в культурном пространстве молодых индустриальных городов. Братск: Братский городской объединенный музей истории освоения Ангары, 2021. С. 69–73.

Ши Ханьда
Центр исследований и сотрудничества в археологии Шёлкового пути
Северо-Западного университета,
Сиань, КНР

АНДРОНОВЦЫ НА ВОСТОЧНОМ ПАМИРЕ: К ВОПРОСУ ХРОНОЛОГИИ И ПРОИСХОЖДЕНИЯ МОГИЛЬНИКА СЯБАНЬДИ AII В СИНЬЦЗЯНЕ (КИТАЙ)

Аннотация. В статье анализируется погребальный памятник локального варианта восточнопамирской андроновской историко-культурной общности – могильник Сябаньди AII. Могильник датируется XVII–XV вв. до н. э., при этом генетические данные демонстрируют связь погребенного населения с популяциями западных степей. Анализ погребального обряда и сопроводительного инвентаря свидетельствует о вероятной тесной связи с кульсайской культурой.

Ключевые слова: могильник Сябаньди AII, Андроновская культурно-историческая общность, Памирское нагорье, бронзовый век, кульсайская культура, евразийская археология, миграции ариев

Характеристика могильника Сябаньди AII. Могильник Сябаньди расположен в деревне Сябаньди, поселок Банди, Ташкурганский таджикский автономный округ, Кашгарский район, Синьцзян, на восточной оконечности Памирского нагорья, на высоте более 3 000 м над уровнем моря. В 2003–2004 гг. Синьцзянский институт культурного наследия и археологии исследовал здесь в общей сложности 178 древних погребений. Среди них было 92 погребения брон-

© Ши Ханьда, 2025

зового века в могильнике AII и могильнике AI D (только одно разрушенное погребение, AIDM1).

Погребения Сябаньди AII имеют надземные сооружения разных размеров и форм, которые можно разделить на три категории по форме конструкции: оградка из камней, курганная насыпь и оградка в сочетании с каменной насыпью. Погребения с оградкой обычно представляют могильную яму, вокруг которой сооружен круг из камней. Камни в основном имеют квадратную форму, а длина сторон варьируется от 1 до 3 м. Круг из камней сооружался вокруг погребальной камеры, а затем камни укладывались поверх насыпи, диаметр которой варьировался от 1,5 до 3 м.

Погребальный ритуал преимущественно представлял собой трупоположение, таких погребений 74. Было также 17 погребений с трупосожжением и 2 биритуальных погребения. В восьми погребениях отмечен погребальный инвентарь в виде керамических сосудов или костей животных. В нескольких ямах на поверхности обнаружены следы досок и травяного покрытия. За исключением оградки M103, которая была катакомбой, все могильные ямы грунтовые с округлыми прямоугольными или овальными формами. По четыре ямы расчищены в кургане M5 и оградке M110 и по две ямы – в кургане M52 и оградке M90. Размеры грунтовых могильных ям зависят от возраста умершего: от 70–90 см длины для младенцев, до 110–140 см для взрослых. Большинство погребений – одиночные. Есть два типа совместных захоронений: мужчины вместе с женщиной (M31, M52) и взрослой женщины вместе с младенцем (M36). В 47 погребениях человек лежит на левом боку в скорченном положении, в 4 погребениях – на правом боку в скорченной позе, в 7 погребениях – лёжа на животе в скорченной позе, в 1 погребении – лежа на спине в скорченной позе (M45).

Погребальный инвентарь помещался возле головы умершего. Среди инвентаря преобладали керамические сосуды и декоративные предметы, без оружия и орудий. Среди предметов – керамические сосуды, деревянные и медные изделия, серебряные серьги, изделия из кожи и текстиль. Все сосуды лепные, имели серо-коричневый или красновато-коричневый цвет. Большинство сосудов не имели орнамента, но на нескольких был нанесен геометрический орнамент в виде точек и треугольников. Серьги, браслеты и другие украшения, в основном бронзовые, входили в состав инвентаря женских погребений. Найдена одна пара серебряных раструбовидных серег (AIIM 4:2). Останки некоторых погребенных хорошо сохранились, так же как и фрагменты одежды и кожаной обуви. Органика и предметы в погребениях с кремацией сохранились плохо, но, судя по некоторым следам, эти погребения могли содержать керамические сосуды среди погребального инвентаря. Погребенные носили бронзовые украшения, некоторые из которых деформировались под воздействием огня. В некоторых погребения с кремацией у входа в погребение помещена целая овца или кости ягненка.

Датировка могильника Сябаньди AII. Большинство современных китайских исследователей обращаются к хронологическим рамкам, установленным Е. Е. Кузьминой для изучения андроновской культуры, а именно: первый этап – синташтинско-петровский (XVIII/XVII – XIV вв. до н. э.); второй этап – период смешанных типов алаку и Федорово (XV–XIII вв. до н. э.); третий этап – поздний период срубно-андроновского культурного комплекса (XIII/XII–IX вв. до н. э.), причем он распространяется с запада на восток [Kuz′mina, 2007]. Представления Е. Е. Кузьминой на федоровскую хронологию и датах в пределах XV–XIII вв. до н. э. базировалось на ее понимании соотношения андроновских культур и прежней связи с исторической хронологией. Она утверждает, что роговые псалии и артефакты с микенскими декоративными стилями позволяют установить связь между памятниками новокумакского типа и микенскими шахтными гробницами. Хронологические рамки микенской цивилизации, в свою очередь, определяются её связями с Египтом и Ближним Востоком,

что позволяет датировать их XVII–XVI вв. до н. э. [Kuz′mina, 2007, pp. 457–466]. В то время все датировали культуры финального бронзового века с XIII–XII вв. до н. э., отсюда эти даты. Но они не основаны на прямой связи с исторической хронологией.

Четыре радиоуглеродных датировки, опубликованные в отчете о раскопках могильника Сябаньди AII, находятся в пределах XIX–XV вв. до н. э., что значительно раньше первоначально предполагаемых XIV–X вв. до н. э. Важно отметить, что все датированные образцы, используемые в отчетах о раскопках, являются деревянными, поэтому необходимо учитывать, что «эффект старой древесины» приводит к тому, что результаты оказываются старше, чем они есть на самом деле. Если сопоставить новые хронологические рамки андроновской культуры в евразийской степи, то окажется, что эти даты согласуются с хронологией федоровской культуры. А. В. Поляков датирует памятники андроновской (федоровской) культуры в среднем течении Енисея XVII–XV вв. до н. э., а миграция андроновцев с запада на восток, по его мнению, заканчивается в Минусинской котловине [Поляков, 2019, с. 163–173; 2020, с. 163–167; 2022, с. 215–225]. Это также означает, что верхний предел датировки могильника Сябаньди A II – XV в. до н. э. Чжан Синьюй датировал образцы человеческих костей из оградки M32, M46, M48, M90, кургана M61, и результаты показали, что эти памятники существовали примерно в XVII–XVI вв. до н. э. [Zhang, 2017, p. 55].

Происхождение населения, оставившего могильник Сябаньди AII. В настоящее время существуют две основные точки зрения на происхождение носителей культуры могильника Сябаньди AII. Первая гипотеза, опирающаяся на антропологические данные, предполагает возможную связь населения могильника Сябаньди AII с носителями ямной культурно-исторической общности. Из 31 индивида могильника удалось провести секвенирование мтДНК 16 образцов, выявив гаплотипы U4c1a, U1a1c, I1b, H5b, Ua1, H11b, HV, U2e3, H6a1a, U2e1, I4a, R1b, U2e2a4, T2a1b1, которые практически полностью имеют западноевразийское происхождение [Ancient mitochondrial …, 2021; Macaulay, Richards, 2006]. Данные мтДНК, указывают на происхождение населения могильника Сябаньди AII из западностепного региона (Western Steppe MLBA – генетический профиль, характерный для средне- и позднебронзового века евразийских степей) [Между Волгой и Уралом…, 2024].

Вторая гипотеза, которую мы считаем наиболее обоснованной, предполагает тесную связь могильника Сябаньди AII с кульсайским типом археологических памятников (также именуемым кульсайской культурой). Ареал кульсайской группы памятников охватывает южные районы Казахстана, преимущественно зону Заилийского Алатау Юго-Восточного Семиречья. К изученным памятникам относятся Тургень II, Талапты II, Узунбулак-I, Кызыбулак-I, II, IV [Марьяшев, Горячев, Потапов, 2017]. В целом обряд и керамика там очень близки тем, которые выявлены в могильнике Сябаньди AII.

Среди бронзовых изделий выделяются браслеты со спиралевидными окончаниями, кованые серьги раструбовидной формы, пластинчатые украшения, подвески, амулеты и бусы. Серьги с раструбом, бусы и браслеты также характерны для бронзового комплекса могильника Сябаньди AII. Керамический инвентарь представлен преимущественно сосудами горшковидного и банкообразного типа, причем отдельные экземпляры имеют перфорацию в верхней части – особенность, зафиксированная и в керамике Сябаньди AII.

Таким образом, мы полагаем, что население могильника Сябаньди AII происходило из Южного Казахстана и, вероятнее всего, являлось носителями кульсайской культуры (типа), что подтверждается как погребальным обрядом, так и инвентарным комплексом.

Заключение. Проведённые исследования позволяют датировать могильник Сябаньди AII первой половиной II тыс. до н. э. (XVII–XVI/XV вв. до н. э.). Население эпохи бронзы, оставившее данный памятник, вероятно, происходило из Южного

Казахстана и являлось носителями кульсайской культуры (типа), что соответствует представлениям об арийских миграционных процессах. При этом погребальный обряд, элементы инвентаря (серьги с раструбом) и антропологические характеристики демонстрируют связи с синхронными группами населения Северного Китая.

Список источников

Марьяшев А. Н., Горячев А. А., Потапов С. А. Древние поселения и могильники хребта Ешкиольмес // История и археология Семиречья. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2017. Вып. 5. С. 91–111.

Поляков А. В. Проблемы хронологии и культурогенеза памятников эпохи палеометалла Минусинских котловин: дис. … д-ра ист. наук. СПб., 2020. 559 с.

Поляков А. В. Радиоуглеродные даты памятников андроновской (фёдоровской) культуры на Среднем Енисее // Записки ИИМК. 2019. № 20. С. 163–173.

Поляков А. В. Хронология и культурогенез памятников эпохи палеометалла Минусинских котловин. СПб.: ИИМК РАН, 2022. 364 с.

Между Волгой и Уралом: о родственных связях абашевско-синташтинского населения эпохи бронзы в свете данных генетики / М. Б. Медникова, А. А. Канапин, А. А. Самсонова, Н. Л. Моргунова // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2024. №. 4 (67). С. 184–198.

Kuz′mina E. E. The origin of the Indo-Iranians. Leiden and Boston: Brill Academic Publishers, 2007. 766 p.

Zhang X. The Bioarchaeological Researches of Millet Soreadand Utilization in Western Xinjiang : Case Studies at the Xiabandi and Jilintai Cemeteries. A Dissertation Submittedto University of Chinese Academy of Sciences In partial fulfillment of the requirement, For the degree of Doctor of Science, Beijing, 2017. 133 p.

C. Ning, H. X. Zheng, F. Zhang, Wu S., Li C., Zhao Y., Xu Y., Wei D., Wu Y., Gao S., Jin L., Cui Y. / Ancient mitochondrial genomes reveal extensive genetic influence of the steppe pastoralists in western Xinjiang // Frontiers in Genetics. 2021. V. 12. 740167.

Macaulay V., Richards D. M. Human mitochondrial DNA and the evolution of Homo sapiens. Springer-Verlag Berlin Heidelberg, 2006. 271 p.

Н. Б. Щербаков, И. А. Шутелева
Башкирский государственный педагогический университет имени М. Акмуллы,
Уфа, Россия

МОДЕЛИРОВАНИЕ ДИНАМИКИ ЛОКАЛИЗАЦИИ И ОРГАНИЗАЦИИ ПОСЕЛЕНЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ ПОЗДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА НА ТЕРРИТОРИИ ЮЖНОГО ПРИУРАЛЬЯ

Аннотация. Локализация поселений срубной культуры в Южном Приуралье (среднее течение р. Дема и Уршак) определяется сложностью рельефа, гидрологических условий и закарстованностью территории. Исследованные 12 поселений расположены на первых надпойменных террасах палеоруселстароречий р. Уршак, ее притоков и палеоозер. Расположение жилищ на поселениях зависит от гидрологического и паводкового режима водных источников.

Ключевые слова: археология, Южное Приуралье, поздний бронзовый век, срубная культура, палеоландшафт

Археологические памятники позднего бронзового века развитого этапа срубной культуры являются одними из самых многочисленных и хорошо изученных на территории Южного Приуралья. Первоначально изучались погребальные памятники, а с 1970–1980-х гг. исследуются поселенческие объекты.

Территория бассейна реки Белой, её левых притоков междуречья р. Демы и Уршака, насыщена поселенческими объектами позднего бронзового века. В настоящее время на государственной охране стоят 50 селищ и поселений, соотносимых со срубной культурой. Зона Южного Приуралья в природно-географическом отношении была сложной

© Щербаков Н. Б., Шутелева И. А., 2025

для освоения в первой половине II тыс. до н. э., что было связано с гидрологическим режимом предгорий Южного Урала. Наличие значительного числа поселенческих объектов с сохранившимся ландшафтом связано с ведением современного сельского хозяйства в форме пастбищного скотоводства, и незначительной антропогенной нагрузкой. Там, где были проведены мелиоративные работы и распашка земель, изучение палеоландшафта затруднено из-за изменения рельефа.

Объектом исследования стала группа поселенческих памятников, расположенных в междуречье р. Уршак и Аургазы, по течению их притоков р. Белый Ключ, Турсугали, Чортма, Ялангис, Зерекла, Коранелга. Всего была изучена территория площадью 150 кв. км, на которой расположено 12 поселений и селищ (рис. 1, *1*). На восьми памятниках проведена шурфовка в пределах установленных 20 кв. м. На четырех памятниках были проведены археологические раскопки[36] [Морозов, 2001, с. 437–440; Рутто, 2003, с. 35–36; Хозяйственная…, 2010, с. 131–132; Междисциплинарный…, 2024, с. 400–419]. По берегам водных объектов были проведены шурфовки и заложено 26 шурфов. Обследованные поселенческие объекты относятся к срубной культуре, на каждом из них присутствовал срубно-алакульский компонент. Радиоуглеродное датирование соотносит эту группу памятников с периодом 1930–1750 гг. до н. э. до 1690–1520 гг. до н. э. (даты калиброваны).

Методика исследования палеоландшафта древнего населения является сложившийся и широко применяется в археологических исследованиях [Хисяметдинова, 2013, с. 109–121; Природное окружение…, 2016, с. 168–193; Чернов, Копытов, Лычагина, 2022, с. 47–52]. Исследования палеоландшафта междуречья р. Уршак и Аургазы включало в себя комплексный подход, археологические, почвенные исследования, изучение космоснимков (представленных различными компаниями) и картографического материла, что служило основой для создания ГИС-моделей ландшафта, окружающего поселенческие объекты.

Бугульминско-Белебеевская возвышенность, с которой связана территория исследования, состоит из карстующихся водорастворимых пород (известняки, мергели, гипсы и др.), на которых прослежен поверхностный и подземный карст. В междуречье среднего течения р. Демы и Уршака территория сильно закарстована. Для Бугульминско-Белебеевской возвышенности характерна неравномерность распределения водных ресурсов и засушливость [Абдрахманов, 2005, с. 300–308; Загитова, 2016, с. 203]. На территории фиксируются провальные воронки и их группы, частично затопленные и превращенные в небольшие озера [Зеркаль, Аверин, Самарин, 2016, с. 213–216]. Палеоруслa р. Дема и Уршак, особенности их строения и радиоуглеродная датировка, организация и динамика развития неоднократно становились объектами исследований [Украинцев, Захаров, 2024, с. 147–159]. Эти факторы приводили к неравномерной локализации поселенческих объектов. В ряде случаев они были локализованы кустами, расстояние между поселенческими объектами внутри групп составляют от 100–150 м до 2,3 км. На исследованной территории выделяются группы поселений вдоль русла р. Белый Ключ у д. Мурадым (рис. 1, *1А*) по старице р. Уршак у д. Усманово (рис. 1, *1Б*), и на р. Турсугали и ее старице у д. Турсугали (рис. 1, *1В*). Расположение поселенческих объектов позднего бронзового века сопряжено с палеоруслами-староречьями малых степных рек и их пойменных притоков. Эта характеристика соотносима с небольшими по площади поселениями (в пределах 10 тыс. кв. м), такими как Мурадым-7, Усмановское II, Турсагали-1 и 2, Александровка-2. Памятники этой группы располагаются на первой надпойменной террасе. Расположение поселений, зани-

[36] Окороков К. С. Технический отчет по теме: Объект «221072 − Техническое перевооружение промысловых трубопроводов Арланского нефтяного месторождения (2024 г.). М., 2024 // Архив Государственного бюджетного учреждения Научно-производственного центра по охране и использованию недвижимых объектов культурного наследия Республики Башкортостан.

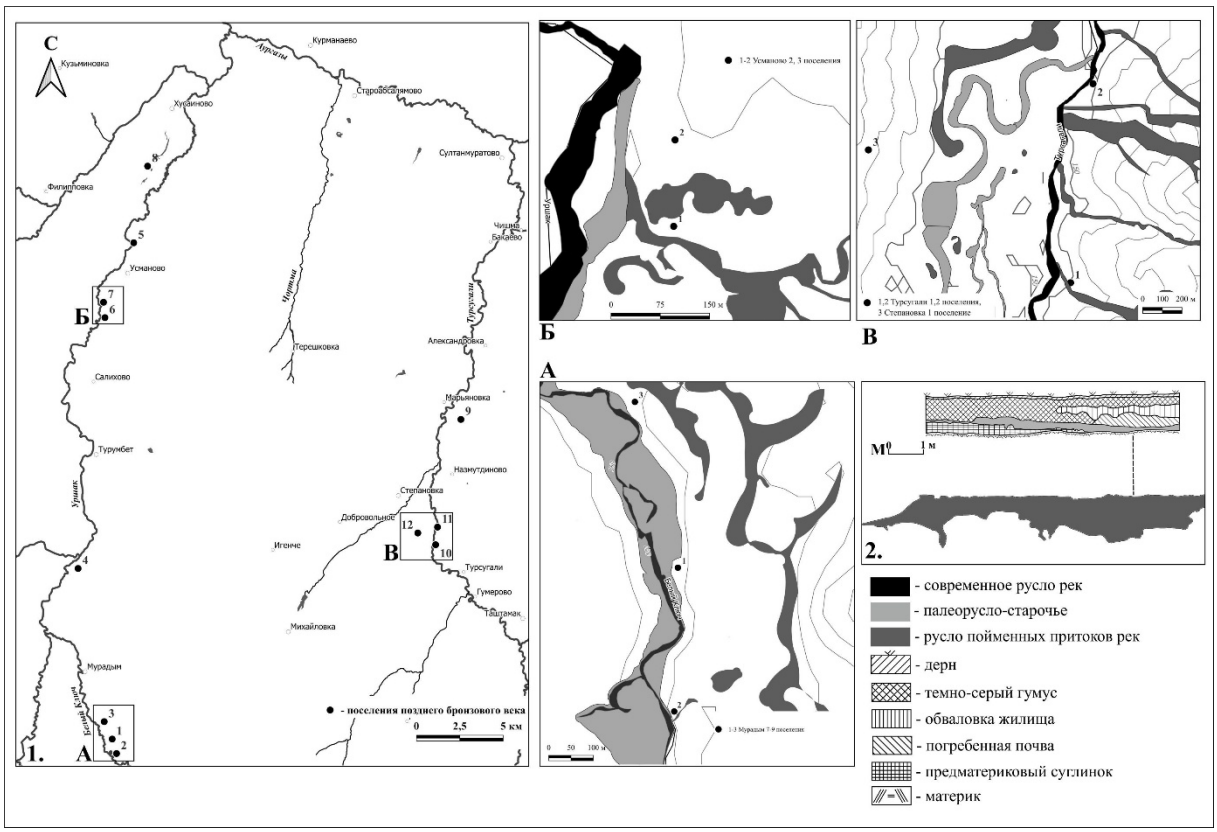

Рис. 1. Современное и палеогидрологическое окружение памятников эпохи позднего бронзового века среднего течения р. Демы и Уршака: 1. Поселения срубной культуры в междуречье рр. Уршак и Аургазы: *1* – Мурадым-7, поселение; *2* – Мурадым-8, поселение; *3* – Мурадым-9, поселение; *4* − Мурадымовское поселение (Мурадымово-4, поселение); *5* − Усмановское I, поселение (Усмановское поселение); *6* − Усмановское II, поселение; *7* – Усманово-3, поселение; *8* − Хусаиновское поселение; *9* − Александровка-2, поселение; *10* − Турсагали-1, поселение; *11* – Турсагали-2, поселение; *12* − Степановская стоянка. *1А*. Группа поселений на р. Белый Ключ у д. Мурадым; *1Б*. Группа поселений на р. Уршак у д. Усманово; *1В*. Группа поселений на р. Турсугали. 2. Мурадым-8, селище, жилище 2, над руслом двух палеопритоков р. Белый Ключ

мающих площадь свыше 20 тыс. кв. м, таких как Мурадым-8, Мурадымовское (Мурадымово-4), рельеф площадок которых не был значительно изменен современной хозяйственной деятельностью человека, сопровождается еще и близким расположением палеозер. Исследование Мурадымовского поселения (Мурадымово-4) с археологическими разрезами площадки памятника представили его примыкание к старой пойме, образованной палеоозером, которое заболачивалось [Negative…, 2016, p. 169–178]. На раскопанных поселенческих объектах жилища были ориентированы по линии северо-запад – юго-восток и север-юг, что было связано как с древней розой ветров, так и с гидрологическим и паводковым режимом. Уникальной явилась локализация жилища 2 поселения Мурадым-8 над руслом двух палеопритоков реки Белый Ключ (рис. 1, *2*). Под слоем погребенной почвы конструкции не были выявлены, но насыщенность орудийного инвентаря может свидетельствовать о производственном назначении жилища.

Список источников

Абдрахманов Р. Ф. Гидрогеоэкология Башкортостана. Уфа: Информреклама, 2005. 344 с.

Загитова Л. Р. Особенности формирования водных ресурсов Республики Башкортостан // Медицина труда и экология человека. 2016. № 2 (6). С. 38–43.

Зеркаль О. В., Аверин И. В., Самарин Е. Н. Опасные геологические процессы правобережья р. Аургазы и их влияние на объекты транспортной инфраструктуры // Геология, полезные ископаемые и проблемы геоэкологии Башкортостана, Урала и сопредельных территорий. Уфа: ДизайнПресс. 2016. С. 213–216.

Междисциплинарный подход к датированию археологических комплексов позднего бронзового века Южного Приуралья (по данным Казбуруновского микрорайона) / Н. Б. Щербаков, И. А. Шутелева, В. Ю. Луньков, Ю. В. Лунькова, Т. Ю. Шведчикова, А. А. Гольева // КСИА. 2024. Вып. 276. С. 400–419.

Морозов Ю. А. Усмановский комплекс памятников срубной культуры в Башкирском Приуралье // Бронзовый век Восточной Европе: характеристика культур, хронология и переодизация. Самара. 2001. С. 437–440.

Природное окружение и хозяйственная деятельность обитателей стоянки Пестречинская 2 на р. Мёша / М. Ш. Галимова, А. А. Хисяметдинова, И. В. Аськеев, Д. Н. Шаймуратова (Галимова), О. В. Аськеев // Поволжская Археология. 2016. № 3 (17). С. 168–193.

Рутто Н. Г. Срубно-алакульские связи на Южном Урале. Уфа: Гилем, 2003. 212 с.

Украинцев В. Ю., Захаров А. Л. Динамика врезания и аккумуляции в речных долинах бассейна Волги в поздневалдайскую эпоху // Гидросфера. Опасные процессы и явления. 2024. № 52. 147–159.

Хисяметдинова А. А. Палеоозёра в голоценовом долинном расширении реки Мёша в районе стоянки Пестречинская IV (эпоха раннего металла) в Предкамье // Учёные записки Казанского университета, Том 155. Кн. 4. Серия естественные науки. Казань, 2013. С. 109–121.

Хозяйственная и бытовая специфика поселения бронзового века Мурадымово (Башкирия) по данным почвенных исследований / Г. Т. Обыденнова, И. А. Шутелева, Н. Б. Щербаков, А. А. Гольева, О. С. Хохлова // XVIII Уральское археологическое совещание: культурные области, археологические культуры, хронология. Уфа, 2010. С. 131–132.

Чернов А. В., Копытов С. В., Лычагина Е. Л. Взаимодействие общества с природой на ранних стадиях развития цивилизации (особенности освоения речных долин неолитическим человеком) // Природа и общество: интеграционные процессы. Симферополь: ООО «Издательство Типография «Ариал», 2022. С. 47–52.

Negative effects of late bronze age human activity on modern soils and landscapes, a case-study on the muradymovo settlement, Urals, Russia / A. Golyeva, O. Khokhlova, N. Shcherbakov, I. Shuteleva // Interdisciplinaria Archaeologica: Natural Sciences in Archaeology. 2016. Vol. 7. № 2. P. 169−178.

А. И. Юдин, Д. Г. Баринов, И. В. Тупалов
АНО «Научно-исследовательский центр по сохранению культурного наследия», Саратов, Россия

НОВЫЕ МАЙКОПСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ПОСЕЛЕНИЯ ГОСТАГАЙ-ЗОЗУЛИНА-I НА КУБАНИ

Аннотация. Раскопки последних лет бытовых памятников эпохи ранней бронзы позволили на качественно ином уровне рассматривать уровень развития населения псекупского варианта майкопско-новосвободненской общности на Кубани, в т. ч. и на материалах поселения Гостагай-Зозулина I, которые характеризуют скотоводческо-земледельческий уклад жителей поселения и обнаруживают наибольшие соответствия с поселением Чекон в этом же регионе.

Ключевые слова: Кубань, псекупский вариант, майкопско-новосвободненская общность

В последнее десятилетие авторами исследовано несколько поселений эпохи ранней бронзы на Кубани – Чекон, Первомайское, Шептальское-Левобережное, значительно пополнивших источниковую базу по псекупскому варианту майкопско-новосвободненской общности (далее – МНО) [Юдин, Баринов, Кочетков, 2020, с. 363–365; Кореневский, Юдин, 2023; Юдин, Баринов, 2024, с. 59–62].

В этом ряду стоит и поселение Гостагай-Зозулина-I, которое расположено на территории г. Анапа Краснодарского края, к северу от х. Ниж. Гостагайка, поблизости от места впадения балки Зозулина в пойму р. Гостагайки.

В 2019 г. на памятнике заложены два раскопа общей площадью 17 098,7 кв. м. В ходе работ на раскопе 1 (11 097 кв. м) был выявлен культурный слой, хозяйственные объекты и, вероятно, жилище эпохи поздней бронзы. Обнаруженные находки имеют сходство с материалами памятников сабатиновско-белозерского

© Юдин А. И., Баринов Д. Г., Тупалов И. В., 2025

круга. Кроме того, были обнаружены остатки сильно поврежденного кургана с каменной крепидой и разрушенным центральным погребением.

Раскоп 2 (6 001,7 кв. м) располагался на краю высокой надпойменной террасы, на стрелке оврага и поймы р. Гостагайки. Культурный слой – серо-коричневый суглинок толщиной 40–80 см – насыщен различными находками и объектами эпохи ранней бронзы. Обнаружено 72 объекта, из них 52 можно отнести к категории хозяйственных ям. Все ямы округлой формы, они в разной степени заполнены золой, керамикой и костями животных. Иногда рядом с ними есть небольшие каменные выкладки. Помимо хозяйственных объектов, обнаружено три погребения: два средневековых, а одно, вероятно, синхронно майкопскому участку поселения.

Получено 11 763 находок массового материала и 67 индивидуальных. Основная часть относится к керамике – 7 835 фрагментов (66,6 % от общего количества). Найдена 3 771 кость животных (32 %), 15 изделий из камня и 89 крупных фрагментов печины и обмазки.

Керамика обычна для майкопских поселений и условно разделяется на 3 технологических класса [Кореневский, 2004, с. 22]. Керамика 1-го класса: круговая посуда хорошего обжига без искусственных минеральных примесей. Это фрагменты красноглиняных и серо-коричневых сосудов и мисок (рис. 1, *1–4, 7, 8*). К 2-му классу относится лепная керамика с минеральными и органическими примесями в тесте глины. Это фрагменты лепных горшков, кубков, корчаг, мисок, сковород (рис. 1, *5, 6, 10, 11, 13*). Сосуды 3-го класса внешне похожи на керамику 1-го класса, но отличаются худшим обжигом и наличием искусственных добавок в глиняном тесте (рис. 1, *9*).

Кроме посуды, керамические находки представлены коллекцией пряслиц, выполненных из стенок сосудов (рис. 1, *14–17*). Всего обнаружено 7 целых изделий и несколько фрагментов. Все они дисковидной формы с отверстием по центу и имеют диаметры от 4,0 до 10,5 см. Заготовки под керамические пряслица представлены тремя экземплярами (рис. 1, *16, 17*). Диаметр изделий от 3 до 7,5 см. Найден глиняный диск с выступающими с двух сторон втулками (рис. 1, *12*). Подобные диски встречаются на синхронных поселениях, но являются более редкой находкой, чем пряслица из стенок сосудов [Кореневский, Юдин, 2023, с. 48–49].

Керамические конусы представлены 29 фрагментами (рис. 1, *18*), они относятся к хорошо известному типу изделий с расширяющейся «грибовидной» головкой и полым корпусом [Кореневский, Юдин, 2023, с. 49].

Кроме керамических прясел есть круглые пряслица диаметром 4,2–4,8 см из обрезанных эпифизов крупных костей животных (рис. 1, *19–21*).

Изделия из кости представлены проколкой из кости МРС (рис. 1, *42*) и предметами ударного действия: молотами и клевцом из рога (рис. 1, *22–31*). Аналогичные предметы обнаружены и на поселении Чекон [Кореневский, Юдин, 2023, с. 54–57, рис. 137].

Коллекция каменных предметов самая многочисленная. Это кремневые вкладыши с двусторонней ретушью (рис. 1, *38–41*), отщепы кремня (рис. 1, *37*), грузило из крупнозернистого песчаника круглой формы диаметром 11,5 см и заготовка под грузило диаметром 8 см с намеченным для сверления отверстием (рис. 1, *32, 33*), четыре зернотерки из крупнозернистого песчаника овальной и подпрямоугольной форм с заглубленной рабочей поверхностью, терочник-курант (рис. 1, *34*), обломок каменного топора со сверленым отверстием под рукоять (рис. 1, *36*), фрагмент песта (рис. 1, *35*).

Находок из металла немного: два бронзовых шила длиной 6,7 и 8,0 см, изготовленные из брусков прямоугольного и округлого сечения с заостренными концами (рис. 1, *45, 46*), две бронзовые пластинки (рис. 1, *43, 44*) и медный сплеск.

Имеется три радиоуглеродные даты для находок поселения, полученных по костям животных:

4 550 ± 70 BP, 3 390 – 3 020 2σ BC (Ki–19 770) – из ямы с сероглиняной миской без искусственных примесей (рис. 1, *2*);

Рис. 1. Поселение Гостагай-Зозулина-I в Анапском районе Краснодарского края. Находки:
1–18 – керамика; *19–31, 42* – рог, кость; *32–36* – камень; *37–41* – кремень; *22* – бронза; *43–46* – бронза

4 120 ± 60 ВР, 2 880 – 2 560 2σ ВС (Ki–19 771) – из ямы с бронзовым сплеском;

4 770 ± 150 ВР (низкое содержание коллагена), 3 950 – 3 050 2σ ВС (Ki–19 772) – из ямы с костяными молотами (рис. 1, *23, 30, 31*).

Таким образом, поселение Гостагай-Зозулина-I существовало приблизительно в одно и то же время, что и поселение Чекон, расположенное в 12 км к северо-востоку, принадлежало носителям псекупского варианта МНО эпохи ранней бронзы и характеризует поздний этап развития общности.

Список источников

Кореневский С. Н. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья. Майкопско-новосвободненская общность. Проблемы внутренней типологии. М.: Наука, 2004. 243 с.

Кореневский С. Н., Юдин А. И. Чекон – поселение раннего бронзового века Западного Предкавказья (по раскопкам 2018 г.). М.: Саратов: ИА РАН, 2023. 222 с.

Юдин А. И., Баринов Д. Г., Кочетков Ю. А. Поселение майкопской культуры в с. Кеслерово на Кубани // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре: в 3 т. Самара: СГСПУ, 2020. Т. I. 376 с.

Юдин А. И. Баринов Д. Г. Новые майкопские материалы поселения Шептальское-Левобережное на Кубани // Связи и взаимоотношения культур Циркумпонтийского региона: энеолит и ранний бронзовый век. М.: ИА РАН, 2024. 64 с., ил.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВ – «Археологические вести»;
АГУ (АлтГУ) – Алтайский государственный университет;
АДСВ – «Античная древность и Средние века»;
АлтГТУ – Алтайский государственный технический университет;
АН МНР – Академия наук Монгольской Народной Республики;
АН РТ – Академия наук Республики Татарстан;
АН СССР – Академия наук СССР;
АО – «Археологические открытия»;
АСГЭ – «Археологический сборник Государственного Эрмитажа»;
АЦПО – Археологический центр Псковской области;
БГИАМЗ – Болгарский государственный историко-архитектурный музей-заповедник;
БГМУ – Белорусский государственный медицинский университет;
БГПУ – Благовещенский государственный педагогический университет;
БГУ – Бурятский государственный университет;
БелНИГРИ – Белорусский научно-исследовательский геологоразведочный институт;
БИКАМЗ – Бахчисарайский историко-культурный музей-заповедник;
БМАК – Бактрийско-Маргианский археологический комплекс;
БНЦ СО РАН – Бурятский научный центр СО РАН;
БрГУ – Брянский государственный университет;
БФУ – Балтийский федеральный университет;
ВАУ – «Вопросы археологии Урала»;
ВГПУ (ВГПИ) – Воронежский государственный педагогический университет (институт);
ВГУ – Воронежский государственный университет;
ВДИ – «Вестник древней истории»;
ВЛС – воздушное лазерное сканирование;
ВМУ – «Вестник Московского университета»;
ВолГУ – Волгоградский государственный университет;
ВСЕГЕИ – Всероссийский научно-исследовательский геологический институт;
ВСОИРГО – Восточно-Сибирский отдел Императорского русского географического общества;
ГАГУ – Горно-Алтайский государственный университет;
ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры;
ГАИО – Государственный архив Иркутской области;
ГАМЗ – Государственный археологический музей-заповедник;
ГАН – Государственная академия наук;
ГАНИИИЯЛ – Горно-Алтайский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы;
ГАНО – Государственный архив Новосибирской области;
ГАТО – Государственный архив Томской области;
ГИ НГУ – Гуманитарный институт НГУ;
ГИИ – Государственный институт искусствознания;
ГИМ – Государственный исторический музей;
ГМВ – Государственный музей Востока;
ГРВЛ – Главная редакция восточной литературы;
ГЭ – Государственный Эрмитаж;
ДВНЦ АН СССР – Дальневосточный научный центр АН СССР;
ДВО РАН – Дальневосточное отделение Российской академии наук;
ДВФУ – Дальневосточный федеральный университет;
ДонГУ – Донецкий государственный университет;
ДонНУ – Донецкий национальный университет;
ЕГПИ – Елецкий государственный педагогический институт;
ЕГУ – Елецкий государственный университет;

ЕМЗ – Енисейский историко-архитектурный музей-заповедник имени А. И. Кытманова;
ЕНУ – Евразийский национальный университет;
ЖМНП – «Журнал Министерства народного просвещения»;
ЗабГУ – Забайкальский государственный университет;
ЗООИД – «Записки Одесского общества истории и древностей»;
ЗРАО – «Записки Русского археологического общества»;
ИА АН РТ – Институт археологии Академии наук Республики Татарстан;
ИА НАНУ – Институт археологии НАН Украины;
ИА РАН – Институт археологии РАН;
ИАИ РАНИОН – Институт археологии и искусствознания РАНИОН;
ИАК РАН – Институт археологии Крыма РАН;
ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии СО РАН;
ИВ РАН – Институт востоковедения РАН;
ИГАИМК – «Известия Государственной академии истории материальной культуры»;
ИГ РАН – Институт географии РАН;
ИГУ – Иркутский государственный университет;
ИИАЭ ДВО РАН – Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН;
ИИиА УрО РАН – Институт истории и археологии УрО РАН;
ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры РАН;
ИИФФ СО АН СССР – Институт истории, филологии и философии СО АН СССР;
ИИЯЛ УНЦ РАН – Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН;
ИОГУНБ – Иркутская областная государственная универсальная научная библиотека;
ИПОС СО РАН – Институт проблем освоения Севера СО РАН;
ИрГТУ – Иркутский государственный технический университет;
ИрНИТУ – Иркутский национальный исследовательский технический университет;
ИТУАК – «Известия Таврической ученой архивной комиссии»;
ИЦиГ СО РАН – Институт цитологии и генетики СО РАН;
ИЭРиЖ – Институт экологии растений и животных;
ИЯЛИ – Институт языка, литературы и истории;
КАЭЭ ПГГПУ – Камская археолого-этнографическая экспедиция ПГГПУ;
КГМУ – Курский государственный медицинский университет;
КГПУ (КГПИ) – Красноярский государственный педагогический университет (институт);
КФУ – Казанский (Приволжский) федеральный университет;
КемГУ – Кемеровский государственный университет;
КИО – культурно-историческая общность;
КККМ – Красноярский краевой краеведческий музей;
КМДПиНТ – Каменский музей декоративно-прикладного искусства и народного творчества;
КНП – культура наконечников на пластинах;
КСГО – Кузнецко-Салаирская горная область;
КСИА – «Краткие сообщения Института археологии»;
КСИИМК – «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях ИИМК АН СССР»;
ЛГПУ – Липецкий государственный педагогический университет;
ЛГУ – Ленинградский государственный университет;
ЛНУ – Луганский государственный/национальный университет;
ЛОИА – Ленинградское отделение Института археологии;
ЛОИИМК – Ленинградское отделение Института истории материальной культуры;
МАИЭТ – «Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии»;
МАО – Московское археологическое общество;

МарНИИЯЛИ – Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории;

МАЭ РАН – Музей антропологии и этнографии РАН;

МАЭС ТГУ – Музей археологии и этнографии Сибири ТГУ;

МБК – московская белоглиняная керамика;

МВПХУ – Московское высшее художественно-промышленное училище;

МГУ – Московский государственный университет;

МИА – «Материалы и исследования по археологии СССР»;

МИАСК – «Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа»;

МИЦАИ – Международный институт центральноазиатских исследований;

МО ГАИМК-ИИМК – Московское отделение ГАИМК-ИИМК;

НА – научный архив;

НАН – Национальная академия наук;

НАНТ – Национальная академия наук Таджикистана;

НГУ – Новосибирский государственный университет;

НГУАДИ – Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств;

НМРА – Национальный музей Республики Алтай;

НА ГМЗ КП – Научный архив Государственного музея-заповедника «Куликово поле»;

НОА ИА РАН – Научно-отраслевой архив ИА РАН;

ОГИК музей – Омский государственный историко-краеведческий музей;

ОГПУ – Оренбургский государственный педагогический университет;

ОИКМ – Омский историко-краеведческий музей;

ОмГАУ – Омский государственный аграрный университет;

ОмГУ – Омский государственный университет;

ОПИ ГИМ – Отдел письменных источников ГИМ;

ПГГПУ – Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет;

ПГНИУ – Пермский государственный национальный исследовательский университет;

ПГПУ – Пермский государственный педагогический университет;

ПИФИ – Петербургский историко-филологический институт;

ПИФК – «Проблемы истории, филологии, культуры»;

РА – «Российская археология»;

РАИК – Русский археологический институт в Константинополе;

РАН – Российская академия наук;

РАНИОН – Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук;

РАНХиГС – Российская академия народного хозяйства и государственной службы;

РАО – Российское археологическое общество;

РГГУ – Российский государственный гуманитарный университет;

РГНФ – Российский гуманитарный научный фонд;

РГПУ – Российский государственный педагогический университет;

РГТЭУ – Российский государственный торгово-экономический университет;

РГУ – Ростовский государственный университет;

РГУЭ – Ростовский государственный экономический университет;

РНФ – Российский научный фонд;

РО – рукописный отдел;

РО НА ИИМК РАН – Рукописный отдел Научного архива ИИМК РАН;

СА – «Советская археология»;

САЭ ГЭ – Саяно-Алтайская археологическая экспедиция ГЭ;

САИ – «Свод археологических источников»;

САК – Староладожский археологический комплекс;

СамГПУ – Самарский государственный педагогический университет;

СамНЦ РАН – Самарский научный центр РАН;
СВКНИИ ДВО РАН – Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт ДВО РАН;
СВФУ – Северо-Восточный федеральный университет;
СГПУ (СГСПУ) – Самарский государственный социально-педагогический университет;
СГУ – Самаркандский государственный университет;
СЗИН – Северо-Западный институт наследия (Санкт-Петербург);
СО РАН – Сибирское отделение Российской академии наук;
СПбГМИСР – Санкт-Петербургский государственный музей-институт семьи Рерихов;
СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет;
СПбФ АРАН – Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук;
СФУ – Сибирский федеральный университет;
СЭ – «Советская этнография»;
ТАС – «Тверской археологический сборник»;
ТГИМ – «Труды ГИМ»;
ТГУ (ТомГУ) – Томский государственный университет;
ТГЭ – «Труды Государственного Эрмитажа»;
ТУАК – Тверская ученая архивная комиссия;
ТюмГУ – Тюменский государственный университет;
ТюмНЦ – Тюменский научный центр СО РАН;
УГПИ – Уссурийский государственный педагогический институт;
УдГУ – Удмуртский государственный университет;
УдИИЯЛ УрО РАН – Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН;
УдмФИЦ УрО РАН – Удмуртский федеральный исследовательский центр УрО РАН;
УОЛЕ – Уральское общество любителей естествознания;
УрО РАН – Уральское отделение Российской академии наук;
УрФУ – Уральский федеральный университет;
ФЕН НГУ – факультет естественных наук НГУ;
ФИЦ – Федеральный исследовательский центр;
ФИЦ УУХ – Федеральный исследовательский центр угля и углехимии;
ФНИ – фундаментальное научное исследование;
ФНЦ – Федеральный научный центр;
ХГУ – Хакасский государственный университет;
ХНУ – Харьковский национальный университет;
ХСб. – «Херсонесский сборник»;
ЦААПЧ АН РС(Я) – Центр арктической археологии и палеоэкологии человека АН Республики Саха (Якутия);
ЦГИА СПб – Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга;
ЧГПИ – Читинский государственный педагогический институт;
ЮНЦ РАН – Южный научный центр РАН;
ЮУ ФНЦ МиГ УрО РАН – Южно-Уральский федеральный научный центр минералогии и геоэкологии УрО РАН (г. Миасс);
ЮУрГГПУ – Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет;
ЮУрГУ – Южно-Уральский государственный университет;
ЯГУ – Якутский государственный университет.

Научное издание

ТРУДЫ VII (XXIII) ВСЕРОССИЙСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО СЪЕЗДА

В трех томах

Том I

Красноярск, 6–10 октября 2025 г.

Корректор *З. В. Малькова*
Компьютерная верстка *Е. А. Сафиной*
Иллюстрация на обложке *О. М. Громоздовой*

Подписано в печать 14.08.2025. Печать плоская. Формат 60×84/8
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 65,1. Тираж 1000 экз. Заказ № 24236

Библиотечно-издательский комплекс
Сибирского федерального университета
660041, Красноярск, пр. Свободный, 82а
Тел.: (391) 206-26-16; http://bik.sfu-kras.ru
E-mail: publishing_house@sfu-kras.ru

Для заметок